Древняя Русь
Город, замок, село

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

АРХЕОЛОГИЯ СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО • «НАУКА» • МОСКВА 1985

АРХЕОЛОГИЯ СССР

Древняя Русь
Город, замок, село

Ответственный редактор тома

Б. А. КОЛЧИН

ИЗДАТЕЛЬСТВО • «НАУКА» • МОСКВА 1985

Археология СССР
с древнейших времен до средневековья
в 20 томах

* ПАЛЕОЛИТ СССР
1984
МЕЗОЛИТ СССР
НЕОЛИТ ЮГА СССР. НЕОЛИТ СЕВЕРА СССР
* ЭНЕОЛИТ СССР
1982
ЭПОХА БРОНЗЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАВКАЗА
ЭПОХА БРОНЗЫ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ
ЭПОХА БРОНЗЫ ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ СССР
* ДРЕВНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВА КАВКАЗА И СРЕДНЕЙ АЗИИ
* АНТИЧНЫЕ ГОСУДАРСТВА СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
1984
СТЕПИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР В СКИФО-САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ
СТЕПНАЯ ПОЛОСА АЗИАТСКОЙ ЧАСТИ СССР В СКИФО-САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ
РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ СССР
СЛАВЯНЕ И ИХ СОСЕДИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.
* ВОСТОЧНЫЕ СЛАВЯНЕ В VI—XIII вв.
1982
ДРЕВНЯЯ РУСЬ. ГОРОД, ЗАМОК, СЕЛО
ДРЕВНЯЯ РУСЬ. ЗОДЧЕСТВО, КУЛЬТУРА, БЫТ
ФИННО-УГРЫ И БАЛТЫ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ
* СТЕПИ ЕВРАЗИИ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
1981
КРЫМ И КАВКАЗ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
СРЕДНЯЯ АЗИЯ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

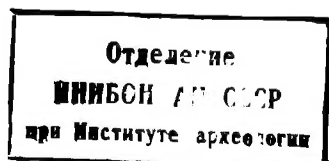
* Звездочкой отмечены вышедшие тома. Цифрой обозначен год выхода тома.

Книга является первым полутомом двухтомного издания, посвященного археологии Древней Руси IX—XIV вв. На массовом материале вещевых русских древностей, изученного методами многоаспектного анализа, реконструируются этапы поступательного развития основных отраслей древнерусского производства: земледелия, ремесла, добывающих промыслов, торговли. Широко рассматриваются типы древнерусских поселений — города, малые военно-административные центры, укрепленные феодальные замки, сельские поселения. Особый интерес представляет исследование городских дворов — усадеб, первичных социально-экономических ячеек древнерусских городских общин. В книге подведены итоги более чем столетнего изучения русских древностей, учтены и описаны около полутора тысяч древнерусских поселений, изучены десятки тысяч предметов жизни и труда древнерусских людей.

Авторы тома:
Г. В. БОРИСЕВИЧ
В. П. ДАРКЕВИЧ
А. Н. КИРПИЧНИКОВ
Н. А. КИРЬЯНОВА
Б. А. КОЛЧИН
А. В. КУЗА
А. Ф. МЕДВЕДЕВ
П. А. РАППОПОРТ
Б. А. РЫБАКОВ
А. В. ЧЕРНЕЦОВ
В. Л. ЯНИН

Рецензенты
В. П. ДАРКЕВИЧ
Л. В. АЛЕКСЕЕВ

Редактирование и подготовка тома к печати на завершающем этапе проведены
А. В. ЧЕРНЕЦОВЫМ



Д $\frac{0507000000—199}{042(02)—85}$ Подписное

Введение

Данный том «Археологии СССР» посвящен истории Древней Руси IX–XIV вв. Свыше тысячи лет назад на обширных пространствах Восточной Европы сложилось и окрепло молодое восточнославянское государство с центром в Киеве. Его появление на международной арене не осталось не замеченным современниками. Сведения о могущественном государстве Русь попали на страницы византийских и западноевропейских хроник, в труды арабских и персидских географов-путешественников. Сокровищницей знаний о далеком прошлом нашей родины являются русские летописи. Зародившись в Киеве на заре русской государственности, летописание затем велось во многих центрах Руси. Сохранившиеся до наших дней в десятках и сотнях разновременных списков летописи повествуют о многих событиях и делах минувшего.

Навеки запечатлелись воспоминания о «светло-светлой» и «украсно-украшенной» Русской земле, славной большими городами и бесчисленными весями, трудолюбивыми ратаями-земледельцами, искусными мастерами-ремесленниками, богатыми купцами, мужественными богатырями-воинами, знатными боярами, грозными князьями, в былинах и сагах, преданиях и песнях – устной истории народов.

Примером блестящих достижений древнерусской культуры являются памятники монументального и прикладного искусства. Вещественные свидетели прошлого, столетиями укрытые землей,– остатки древних укреплений и жилищ, хозяйственных построек и производственных комплексов, могильники, орудия труда и оружие, украшения и предметы повседневного быта – благодаря археологическим раскопкам не только дополнили красочную картину развития Руси, но совершенно по-новому осветили многие из ее сторон. Взаимосвязанная, комплексная разработка сложных проблем древнерусской истории входит в число важнейших задач советской исторической науки. В ее успешном решении принимают участие большие коллективы ученых – специалистов самого различного профиля. Одно из первых мест среди них принадлежит археологам.

Проблема образования и развития Древнерусского государства по праву считается одним из узловых вопросов истории Руси. Значительные успехи в ее многогранном освещении советской исторической наукой связаны прежде всего с последовательным применением принципов марксистско-ленинской методологии при изучении исторических процессов. Опираясь на фундаментальные положения марксизма о государстве и его классовой природе, советские ученые доказали, что образование Древнерусского государства завершает длительный период самостоятельного социально-экономического развития восточных славян. Оно появилось у них в результате распада первобытнообщинного строя и формирования классового общества как итог коренных сдвигов в развитии экономики и социальных отношений. Исследования социальной структуры Древнерусского государства убедительно показали его феодальный характер.

Принципиальным достижением отечественной науки стало выявление «Русской земли», раннегосударственного образования восточных славян в Среднем Поднепровье, превратившегося в территориальную основу и господствующее ядро единого Древнерусского государства с центром в Киеве. Этим был нанесен решительный удар по всем концепциям иноземного происхождения русского государства.

В решение ряда вопросов возникновения и последующего развития Древнерусского государства весомый вклад внесла археология. Особое внимание уделялось изучению предпосылок его формирования. На конкретном археологическом материале исследовалось вызревание новых социально-экономических отношений в недрах восточнославянского общества. Было доказано, что славянские племена, упоминаемые в летописи, по существу уже являлись объединениями племен – племенными союзами, превращавшимися в политические образования. Именно археологические изыскания позволили уточнить границы «Русской земли», на конкретных примерах показать высокий уровень развития Среднего Поднепровья, опережавшего остальные восточнославянские земли.

Не менее существенны достижения археологии в области изучения древнерусской экономики. В целой серии фундаментальных работ в деталях воссоздана картина ремесленного производства на Руси IX–XV вв. Стало очевидным, что древнерусское ремесло не уступало, а в некоторых случаях и превосходило ремесло передовых стран того времени. Далеко продвинулась археология и в исследовании торговых связей Руси, причем не только внешних, но и внутренних. Обобщен значительный археологический материал, раскрывающий пути развития различных отраслей сельского хозяйства.

Предметом постоянного внимания археологов являются древнерусские города и укрепленные поселения. Исследования охватили сотни пунктов.

Полученные в процессе раскопок данные проливают свет на различные стороны многообразной городской жизни Руси. Несколько хуже изучены сельские поселения. Но предпринятые в последние десятилетия работы отчасти ликвидируют возникший пробел.

Яркие страницы вписала археология в историю древнерусского искусства и культуры. Находки берестяных грамот, эпиграфических памятников постоянно пополняют фонд письменных источников.

Важной особенностью археологических материалов является стремительное увеличение их объема, прямо зависящее от быстрого роста масштаба работ. С одной стороны, указанное обстоятельство обусловливает необходимость периодически анализировать и суммировать вновь накопленные факты. С другой стороны, широкие круги исследователей не всегда имеют возможность целенаправленно использовать добытые археологией фактические данные без специальной обработки. Поэтому основные результаты археологических изысканий требуется превратить в источник, доступный для всех специалистов по истории древней Руси. Таковы основные задачи, вставшие перед коллективом авторов данного тома.

Цель работы: подвести определенные итоги археологического изучения Руси, воссоздать на материале археологических раскопок динамичную картину ее исторического развития. Естественно, в центре внимания авторов находились вопросы, поддающиеся исследованию археологическими методами. В первую очередь это история материальной культуры, слагающаяся из отдельных «историй» сотен категорий вещей и сооружений. Однако история материальной культуры в целом, а тем более истории конкретных предметов, сохраняя самостоятельную научную значимость, не являются конечным итогом предпринятого исследования.

На прочном фундаменте многоаспектного анализа вещевых древностей реконструируются этапы поступательного развития основных отраслей древнерусской экономики: земледелия, ремесла, добывающих промыслов, торговли. Комплексно изучаются военное дело и транспорт, быт, искусство и культура.

Специально рассматриваются типы древнерусских поселений: города, малые военно-административные центры, укрепленные феодальные усадьбы-замки, сельские поселения. Особый интерес представляет всестороннее исследование дворов — усадеб горожан — первичных социально-экономических ячеек древнерусских городских общин.

Хронологический диапазон тома: IX—XIV вв. Изложение охватывает почти полностью два периода истории феодальной Руси. Первый: середина IX — рубеж XI—XII вв., эпоха раннего феодализма, время образования и существования относительно единого Древнерусского государства. Второй: начало XII — XIV в., эпоха развитого феодализма, время феодальной раздробленности, когда Русь распалась на самостоятельные княжества и земли. Если первый период исследуется целиком, то второй — лишь частично. Основное изложение доведено до установления монгольского ига в середине XIII в. Материалы времени формирования единого русского централизованного государства изучаются в рамках конца XIII—XIV в. на примере отдельных земель и центров северо-запада и северо-востока Руси, не утративших национальной самостоятельности.

Происхождение и расселение восточных славян, сложение древнерусской народности, а также социально-экономические предпосылки возникновения древнерусского государства подробно не рассматриваются, так как им посвящен том «Археологии СССР» — «Восточные славяне в VI—XIII вв.». По этой же причине специально не исследуются погребальные древности восточных славян X—XIII вв. Вопросы средневековой истории угро-финнов, балтов и кочевников южнорусских степей разрабатываются по археологическим данным в других томах. В данной книге они затрагиваются лишь в связи с общими проблемами развития Древней Руси.

Археологии Древней Руси посвящены два тома. В настоящем, первом, томе освещаются вопросы градостроительства, гражданского и церковного зодчества, земледелие и ремесленное производство, а также вооружение древнерусского войска. В специальной главе рассмотрены монетное дело и международные связи Древней Руси. Второй том «Археологии Древней Руси» посвящен культуре и быту Древнерусского государства.

Археологические материалы составляют основную источниковедческую базу данной работы. Коллектив ее авторов стремился максимально шире использовать современные успехи советских археологов, исследовавших памятники Древней Руси.

В связи с кончиной ответственного редактора тома доктора исторических наук, лауреата Ленинской и Государственной премий профессора Б. А. Колчина и одного из основных авторов — А. В. Кузы, авторский текст был оставлен без изменений. То же касается окончательного редактирования карт.

В работе над томом, кроме основного авторского коллектива, приняли участие или предоставили материалы П. П. Толочко (древний Киев), Д. А. Дрбоглав (латинские сокращенные надписи на мечах), Н. А. Кирьянова (зерно и злаки), М. Г. Рабинович (древняя Москва), Н. А. Сапожников (древний Смоленск), Г. Г. Мезенцева (гончарные горны). В техническом редактировании тома принимала участие Л. И. Авилова. В окончательной подготовке к печати карт приняли участие А. К. Зайцев и С. С. Ширинский.

Глава первая
Археологическое изучение Древней Руси

Первые русские летописцы были и первыми историками Древней Руси. Они не только фиксировали и по-своему оценивали современные им события, но и стремились ответить на исторически важные вопросы: «Откуду есть пошла Русская земля?» и «Откуду Русская земля стала есть?» Именно им принадлежат первые концепции происхождения и развития Древнерусского государства, ставшие впоследствии предметом острых дискуссий.

С тех пор среди общих проблем истории Древнерусского государства вопросы его становления всегда занимали одно из центральных мест. В дореволюционной дворянско-буржуазной историографии им посвящена обширная литература. Опираясь прежде всего на сведения письменных источников, а точнее — на различные их толкования, исследователи в основном спорили о местном, славянском или иноземном норманнском вариантах происхождения русского государства. Так, начиная с XVIII в. в отечественной исторической науке на многие десятилетия определились два течения: норманистское и антинорманистское.

Представители и того, и другого равно не понимали существа классовой природы государства, а рассматривали его как определенный юридический институт. С этих позиций они пытались обосновать или опровергнуть тезис о создании Дневнерусского государства норманнами. Проблема в сущности сводилась к признанию или непризнанию возможностей восточных славян самостоятельно образовать свое национальное государство. На рубеже XIX–XX вв. норманистская теория заняла господствующие позиции в русской официальной науке.

Естественно, понятия феодализма как особой общественно-экономической формации, закономерно сменяющей первобытнообщинный или рабовладельческий строй, не было. Исследователи писали о феодализме применительно ко времени феодальной раздробленности (удельной Руси) или разбирали отдельные, конкретные феодально-юридические институты.

Вопросы социально-экономического развития Руси изучались в меньшей степени. Для ранних этапов русской истории предпринимались попытки выяснить соотношение земледелия, скотоводства и добывающих промыслов в хозяйстве восточных славян. Поскольку единственным источником здесь служили отрывочные данные письменных памятников, общая картина развития древнерусской экономики рисовалась в искаженном виде. Почти не исследовались древнерусские ремесла. Получившие широкую известность выдающиеся изделия русских кузнецов и ювелиров рассматривались сквозь призму различных иностранных влияний прежде всего как произведения прикладного искусства (Кондаков Н. П., 1896).

Международные торговые связи Древней Руси, а отчасти и развитие внутренней торговли, пользовались большим вниманием исследователей. Помимо сведений письменных источников, привлекались данные нумизматики, вещевые клады. Но узость источниковедческой базы, с одной стороны, и непонимание основных закономерностей развития производительных сил общества — с другой, способствовали значительному завышению реального значения торговли в древнерусской истории. Ярким примером тому служит известная концепция В. О. Ключевского о «городской Руси», вызванной к жизни кипучей деятельностью торговых городов, возникших на международных транзитных путях при самом активном участии «находников-варягов».

В целом русская дореволюционная историческая наука концентрировала усилия на изучении политической истории Древней Руси, истории отдельных институтов государственной и духовной власти, некоторых характерных особенностях общественного строя. Ее фактологическую основу составляли письменные источники: летописи, актовый материал, апокрифическая литература и т. п. Они разрабатывались в первую очередь. Данные вспомогательных исторических дисциплин, а тем более археологии, этнографии, лингвистики, привлекались для целей исторического исследования значительно реже. Древнерусская материальная культура и экономика оказались в числе наименее изученных проблем. Преобладание норманнской теории происхождения русского государства практически снимало вопрос о поисках его местных, восточнославянских корней.

Целенаправленное изучение археологических памятников Древней Руси начинается в XIX в., более интенсивно с его второй половины. Интерес к ним возрос с общим патриотическим подъемом после войны 1812 г. Но в археологических древностях видели не столько полноценный исторический источник, сколько раритеты далекого прошлого, немых свидетелей славянской старины. Одним из первых стал собирать сведения о древних городищах и курганах З. Доленго-Ходаковский (Адам Чарноцкий). В своих путешествиях по России З. Д. Ходаковский повсеместно записывал предания и песни, опрашивал крестьян об имеющихся поблизости памятниках, делал зарисовки и планы. Однако городища он счел не остатками поселений, а языческими святилищами славянских общин, чем положил начало длительному спору о назначении городищ (1819, 1838). Болезнь и смерть оборвали деятельность неутомимого путешественника. Большинство его материалов остались неопубликованными. Некоторые из них были использованы другими исследователями. М. П. По-

годин привлек данные З. Ходаковского в своих «Разысканиях» о городах и пределах русских княжеств с 1054 по 1240 г. (1848). Так археологические наблюдения, пока еще в качестве иллюстраций, стали попадать на страницы исторических сочинений.

Поскольку раскопки городищ не проводились, вопрос об их характере оставался открытым. Вслед за З. Доленго-Ходаковским видели в большинстве городищ языческие капища М. П. Погодин (1846), И. И. Срезневский (1946, 1850), с некоторыми оговорками Д. А. Корсаков (1872).

Постепенно накапливались сведения о вновь открытых памятниках. Были предприняты попытки составить первые археологические карты некоторых районов. Получила права гражданства и другая точка зрения на природу городищ. К. Калайдович (1823), В. Пассек (1839), И. Фундуклей (1848), А. С. Уваров (1872) писали о них как об остатках древних поселений.

Во второй половине XIX в. особенно после создания земских учреждений, активизировался интерес к памятникам старины на местах. Отдельные любители древностей и целые ученые архивные комиссии и статистические комитеты занялись описанием достопримечательностей своих уездов, губерний, епархий. Был собран громадный фактический материал. Но без раскопок, без целенаправленного археологического обследования вся эта масса данных о многочисленных могильниках, стоянках древнего человека, поселениях, просто овеянных преданиями и легендами местах оставались не систематизированной и малопригодной для глубоких исследований.

Итог дискуссии в литературе о назначении городищ подвела фундаментальная для своего времени работа Д. Я. Самоквасова «Древние города России» (1873). Известный историк права, знаменитый исследователь славяно-русских древностей, рассмотрев существовавшие точки зрения, привел убедительные доводы в пользу жилого и военно-оборонительного характера городищ. Многие из них Д. Я. Самоквасов лично обследовал. Уже самим заглавием книги он решительно ввел городища в круг важных памятников отечественной истории, в первую очередь истории городской жизни на Руси. Исходя из особенностей планировки оборонительных сооружений городищ, ученый попытался разделить их на две хронологические группы: до появления огнестрельного оружия и времени широкого применения артиллерии. В дальнейшем Д. Я. Самоквасов не раз возвращался к данной теме и постоянно использовал для исторических наблюдений данные о городищах в своих работах.

Вместе с тем всестороннее археологическое изучение древнерусских поселений вообще и городищ в частности мало интересовало исследователей. Их раскопки почти не проводились. В силу исторической значимости древней столицы Руси и благодаря случайно обнаруженным кладам некоторые работы были осуществлены в XIX в. в Киеве. Находки при разных обстоятельствах кладов из драгоценных предметов боярско-княжеского убора иногда привлекали внимание к тому или иному памятнику. Так случилось с городищем «Княжа гора» близ Канева, где крестьяне постоянно выкапывали замечательные вещи. Затем поселение исследовали Д. Я. Самоквасов и Н. Ф. Беляшевский. Параллельно с массовыми раскопками курганов на Владимирщине П. С. Савельев и А. С. Уваров копали городище на Александровой горе и Сарское городище под Ростовом. Несколько поселений были исследованы местными помещиками и археологами-любителями.

После находки в 1822 г. на старорязанском городище знаменитого клада золотых вещей («рязанских барм») памятник исследовал Д. Тихомиров (1836 г.). Ему удалось открыть руины Борисоглебского собора. В 80-х годах XIX в. эти работы были продолжены А. В. Селивановым, раскопавшим остатки еще одного (Спасского) собора (1888а и б).

Руины древних храмов, обнаруживавшиеся при строительных работах, постоянно привлекали внимание общественности, историков, археологов и архитекторов. Остатки Десятинной церкви в Киеве исследовали в первой половине XIX в. К. Лохвицкий и Н. Е. Ефимов. Другие киевские соборы (Федоровский, Дмитриевский, Софийский, Ирининский, на Вознесенском спуске) изучались раскопками А. И. Ставровского, А. С. Аненкова, И. В. Моргилевского, П. А. Лошкарева. Исследование памятников древнерусского зодчества в Чернигове и Витебске провел А. М. Павлинов. В Зарубинцах работал Н. Ф. Беляшевский, а в Остерском городце — М. К. Константинович. Остатки каменных построек на территории древнего Галича исследовали Л. Лаврецкий и И. Шараневич. Церкви Смоленска изучали М. П. Полесский-Щепило и С. П. Писарев. Памятники Старой Ладоги стали предметом изысканий Н. Е. Бранденбурга и В. В. Суслова.

Методический уровень большинства археологических работ был еще неудовлетворительным. Раскопки велись траншеями, без соответствующей документации. Предпочтение отдавалось индивидуальным находкам, массовый материал почти не обрабатывался, сооружения фиксировались плохо.

Впрочем, древнерусские города и городища никогда не были главным объектом развернувшихся под эгидой Археологической комиссии исследований. Изучение поселений казалось слишком трудоемким и малоэффективным. Вторая половина XIX — начало XX в. ознаменовались грандиозными по своим масштабам раскопками славянских курганов. В сравнительно короткий промежуток времени были раскопаны тысячи и тысячи могильных насыпей. Впервые удалось собрать значительный и разнообразный материал, характеризующий быт и погребальные обряды восточных славян и их соседей.

Некоторые ученые (Д. Я. Самоквасов, П. В. Голубовский) отчетливо сознавали необходимость систематических раскопок городищ. Но малая вероятность получения впечатляющих результатов (прежде всего обширных коллекций целых древних вещей) и большие затраты средств и труда при отсутствии эффективной методики исследования поселений тормозили эти работы. Собирая сведения о городищах и поселениях, вовлекая их в круг памятников отечественной истории, большинство исследователей отдавало предпочтение письменным источникам. Для определения культурно-хронологического облика поселения казалось достаточным изучить данные письменных источников, раскопать близле-

жащие курганы и собрать находки на поверхности самого памятника. Русские археологи XIX в. на современном им уровне развития науки не рассматривали и не могли рассматривать археологические материалы как полноправный исторический источник. Археология находилась еще в стадии становления, выработки собственных целей и методов исследования. В ней видели своеобразную вспомогательную историческую дисциплину, носившую ярко выраженный вещеведческий и описательный характер (Воронин Н. Н., 1948; Рыбаков Б. А., 1957). Отсюда приоритет раскопок могильников над изучением поселений.

Большую положительную роль в деле изучения древнерусских памятников сыграли регулярно созывавшиеся археологические съезды. В процессе подготовки к ним и во время их работы разрабатывались и осуществлялись специальные программы археологических исследований. Именно в трудах археологических съездов и предварительных комитетов по их устройству были изданы археологические карты ряда губерний, опубликованы материалы многих раскопок.

В конце XIX — начале XX в. ряд исследователей (В. Б. Антонович, А. М. Андрияшев, Л. В. Падалка, В. Г. Ляскоронский и др.) продолжили начатую Д. Я. Самоквасовым работу по систематизации древнерусских городищ. По особенностям планировки они научились достаточно уверенно отделять городища домонгольской эпохи от поселений более позднего времени. В этой связи нельзя не назвать обстоятельные исследования В. А. Городцова (1904) и А. А. Спицына (1906), окончательно исключившие из числа древних поселений майданы — остатки разрытых для производства селитры больших курганов. Однако создать более детальную и хронологически узкую классификацию памятников, руководствуясь лишь их внешними признаками, конечно, не удалось.

В одном вопросе дореволюционная археология Древней Руси почти вплотную сомкнулась с задачами ее исторического изучения. Целой плеядой известных русских историков была проведена большая работа по локализации на картах населенных пунктов, упомянутых в летописях и других письменных источниках XI—XIII вв. При этом они стремились к вполне определенной цели: реконструировать в пространстве древние государственные и межволостные границы, а также политические события. Накопление сведений о древнерусских городищах открывало новые возможности перед историко-географическими исследованиями, которые привлекли и археологов. Но они лишь в очевидных случаях соотносили существующие городища с летописными городами. Историки поступали в обратном порядке. Для них решающим было созвучие древних названий населенных пунктов, урочищ, озер и рек современным. Вместе с тем достигнутые результаты оказались весьма ощутимыми. В трудах М. П. Погодина, Н. П. Барсова, М. С. Грушевского, М. К. Любавского, С. М. Середонина многие летописные города нашли свое место на карте. Особо следует отметить работы Д. И. Иловайского, П. В. Голубовского, Д. И. Багалея, А. М. Андрияшева, М. В. Довнар-Запольского, П. А. Иванова, В. Г. Ляскоронского и др., посвященные истории отдельных земель-княжений. Авторы этих исследований стремились шире использовать имеющиеся археологические данные.

В начале XX в. наметился некоторый перелом в отношении раскопок древнерусских поселений. Большие работы осуществил в Среднем Поднепровье известный украинский археолог В. В. Хвойко. Наряду с исследованием памятников более ранних эпох он вел раскопки в Киеве, Белгородке (Белгород), Витичиве, Старых Безрадичах (Тумащ) Шарках (Торческ). Частично результаты этих работ были опубликованы автором в 1913 г. На археологических материалах В. В. Хвойко стремился показать преемственность культуры и быта населения Приднепровья с древнейших времен до появления Киевского государства. Одновременно на левобережье Днепра вслед за В. Г. Ляскоронским развернул интенсивную деятельность Н. Е. Макаренко.

Поселения с культурными отложениями древнерусского времени исследовала в Подмосковье и верхнем течении Оки Ю. Г. Гендуне. Памятники в среднем течении реки обследовал В. А. Городцов. Им были проведены обследования и составлены планы ряда городов и городищ. В Новгороде и на Рюриковом городище работали Н. К. Рерих и Н. Е. Макаренко. К сожалению, материалы этих раскопок остались неопубликованными. Ряд древнерусских поселений был изучен другими исследователями.

Предреволюционные годы отмечены еще одним важным с точки зрения методики раскопок событием. Впервые целенаправленно, широкой площадью копал в так называемом «Земляном городе» Старой Ладоги в 1909 г. Н. И. Репников. И хотя отчет о его работах вышел в свет значительно позже (1948), начало археологическому исследованию поселений большими площадями было положено.

Таким образом, к 1917 г. археология Древней Руси накопила значительный фактический материал, особенно из раскопок могильников. Обобщению и систематизации этих данных отдал много сил один из крупнейших русских археологов и историков А. А. Спицын. В числе первых ученый понял важное историческое значение археологических находок. Он постоянно стремился установить прочную взаимосвязь археологии и истории, превратить археологические памятники в полноправный исторический источник.

Сопоставляя находки из различных могильников, А. А. Спицын наметил ареалы расселения восточнославянских племен (1899). Они повторили, во многом уточнив, географию размещения тех же племен, известную из введения к «Повести временных лет». Результаты исследования носили принципиальный характер. На впечатляющем примере были раскрыты возможности археологии самостоятельно решать крупные исторические задачи.

А. А. Спицын опубликовал материалы раскопок ряда других исследователей, атрибутировал и датировал обширный круг восточноевропейских древностей I — начала II тысячелетия н. э. Продолжая поиски точек соприкосновения археологии и истории, ученый уже в 1922 г. выступил со статьей «Археология в темах начальной русской истории». На основе обзора фактов, добытых археологией,

А. А. Спицын попытался дать краткий очерк этнической истории Восточной Европы и наметить пути дальнейших исследований этого вопроса. Находки скандинавских вещей в некоторых славянских могильниках убедили А. А. Спицына в реальности пребывания на Руси варяжских дружин и он в общем разделял норманистскую точку зрения на происхождение древнерусского государства.

Если в изучении истории Древней Руси по данным письменных источников русская дворянско-буржуазная наука добилась определенных успехов, то археологическое исследование этой проблемы только началось. По сравнению с трудами крупнейших дореволюционных историков С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, В. И. Сергеевича, С. Ф. Платонова, А. А. Шахматова, Н. П. Павлова-Сильванского, М. Ф. Владимирского-Буданова, А. Е. Преснякова, создавших несколько общих концепций происхождения и развития древнерусского государства, его общественного строя и экономики, работы большинства археологов имели прикладной, иллюстративный характер. Пожалуй, лишь А. А. Спицын смог сблизить задачи археологических и традиционно-исторических исследований.

Дореволюционная археология Древней Руси в целом остановилась на стадии накопления фактического материала. Были исследованы многочисленные курганные могильники. Поселения оказались изученными значительно хуже. Более или менее удачно были локализованы десятки древних населенных пунктов, попавших на страницы письменных источников. Отсутствовала научно обоснованная типологическая классификация городищ. Тем более не было классификации социально-исторической. Для создания той и другой исследователям не хватало объективных данных и целостного понимания закономерностей общественного развития.

Результативность археологических исследований зависела также от несовершенной, еще только выверявшейся практикой методики полевых работ. Курганы копались, как правило, колодцами, а поселения — траншеями. Стратиграфия памятников описывалась сжато и графически фиксировалась редко. Разрезы почти никогда не публиковались. В лучшем случае профили отдельных раскопов сохранились в беглых зарисовках, в дневниках и отчетах некоторых исследователей. Постоянно отдавалось предпочтение эффектным находкам. Массовый, с исторической точки зрения наиболее важный, материал или совсем не обрабатывался, или характеризовался в общих чертах.

Таким образом, археологическое изучение Древней Руси до 1917 г. не превратилось и не могло превратиться в полноправную отрасль исторических знаний. Достижения отдельных исследователей на этом пути не меняли сложившегося положения дел. Предстояло не только пересмотреть и на практике разработать научную методику раскопок, но и совершенно по-новому определить задачи археологии. Вот проблемы, которые стояли перед молодой советской археологической наукой в первые десятилетия ее существования.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции ознаменовала начало качественно иного этапа развития исторической науки в целом. Ее фундаментом постепенно становился исторический материализм — марксистско-ленинская философии истории. Исследователи учились рассматривать исторический процесс как последовательную и закономерную смену одной общественно-экономической формации другой.

В отношении истории Киевской Руси прежде всего предстояло решить вопросы об основах ее экономики, общественном строе и становлении государства. Поскольку в научных учреждениях еще преобладали ученые старой буржуазной школы, новый подход к исследованиям далеко не сразу завоевал ведущее место. Даже такой известный историк-марксист, как М. Н. Покровский частично придерживался в своих взглядах на происхождение и характер Древнерусского государства домарксистских, норманистских позиций. По его мнению, ни государства, ни ярко выраженных общественных классов на Руси не было до XVI в., хотя он признавал существование феодализма в древнерусское время, выросшего из первобытнообщинного строя. Тем не менее страдающие ограниченностью и вульгаризацией построения М. Н. Покровского, изложенные в «Русской истории в самом сжатом очерке», были известным шагом вперед.

Характерно, что уже первые советские историки большое внимание уделяли исследованию древнерусской экономики. Н. А. Рожков полагал, что долгое время в хозяйстве восточных славян господствовали добывающие промыслы. а земледелие становится важным занятием не ранее конца XI — начала XII в. (1919). Сходные идеи высказывал в своих работах И. М. Кулишер (1922, 1925). Лишь П. И. Лященко уже для X--XII вв. ведущей отраслью сельского хозяйства, особенно в лесостепных районах, считал земледелие (1927).

Окончательное утверждение марксистского понимания сложных проблем истории Руси связано с трудами Б. Д. Грекова, С. В. Юшкова, В. В. Мавродина и других ученых. Немаловажную роль при этом сыграла археология. В 1919 г. декретом Советского правительства была образована Российская Академия истории материальной культуры (впоследствии ГАИМК и ИИМК), возглавившая археологические исследования в стране. Предметом пристального внимания археологов становятся орудия труда, находимые в раскопках. Их детальное изучение открывало путь к реконструкции экономики древних обществ и опосредственно — производственных отношений. Примером может служить статья А. В. Арциховского «Социологическое значение эволюции земледельческих орудий» (1927). Меняется отношение к раскопкам поселений. Именно исследование поселений признается важнейшим для социологических наблюдений (Киселев С. В., 1928). Стремление к широким социологическим обобщениям является самой яркой отличительной чертой начального этапа развития советской археологии от археологии предшествующего времени.

Впервые широко и целенаправленно наряду со сведениями письменных источников привлек археологические материалы в обстоятельной монографии «Железный век Восточной Европы» Ю. В. Готье (1930). В данной работе археологические источники с точки зрения исторической значимости получили

полное признание. Естественно, на выводах автора сказались и отрывочность археологической информации, и объективные трудности ее интерпретации. Однако заслуга Ю. В. Готье, включившего археологию в круг основных исторических дисциплин, несомненна. Ю. В. Готье удалось, опираясь во многом на исследования украинского археолога В. В. Хвойко, нарисовать общую картину развития народов Восточной Европы с глубокой древности до времени образования Древнерусского государства. Анализируя данные из раскопок славянских памятников, ученый пришел к выводу об их земледельческом характере. Ю. В. Готье выступил против преувеличения роли хазар в истории Руси, стремился выявить кочевнический элемент в археологических материалах. Вместе с тем варяжский вопрос он решал в пользу норманнов (1930, с. 248).

Образованию Древнерусского государства и его классовой сущности был посвящен ряд исследований Б. Д. Грекова. В организованной в начале 1930-х годов ГАИМК дискуссии по этим проблемам Б. Д. Греков в своем докладе предложил подлинно марксистскую трактовку спорных вопросов. Ученый настаивал на существовании в Древней Руси IX—XI вв. феодальных отношений и классовом характере Древнерусского государства. В вышедших затем работах Б. Д. Греков развил и уточнил свою точку зрения. Возникновение государства было следствием длительного и самостоятельного развития восточных славян. Прогресс экономики способствовал распаду первобытнообщинных отношений и формированию классового общества. Таким образом, Русь появилась не в результате привнесенного извне импульса государственности, а как закономерный финал сложного социально-экономического процесса, корни которого уходят в глубь местной славянской истории. После оживленного обсуждения, в том числе и в печати, концепция Б. Д. Грекова была принята большинством ученых и вошла в золотой фонд достижений советской исторической науки.

Участие археологии в разработке важнейшей проблемы древнерусской истории было двояким. Археологические материалы, характеризующие этногенез и экономику восточных славян, привлекались рядом исследователей, в первую очередь Б. Д. Грековым, для обоснования новой концепции. Важнейшим для реконструкции генезиса феодализма он считал вопрос о хозяйственном укладе восточных славян. Б. Д. Греков по достоинству оценил достижения археологов (А. В. Арциховского, П. Н. Третьякова и др.), на фактах показавших, что составной отраслью хозяйства восточнославянских племен было земледелие.

Одновременно археологи активно искали возможности непосредственно по данным раскопок судить о социальной структуре древних обществ. Таковы работы А. В. Арциховского «Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальской и Смоленской землях» (1934) и В. И. Равдоникаса «О возникновении феодализма в лесной полосе Восточной Европы» (1934а). Оба автора на конкретных археологических примерах подвергли критике утверждение норманистов о существовании скандинавских колоний на Руси. В отличие от предшествующих исследований, вопрос об этнической принадлежности погребальных памятников решался ими на основе анализа всего обряда погребений, а не отдельных вещей. Причем В. И. Равдоникас с новых позиций молодой советской археологии критически рассмотрел узловые положения выдвинутой Т. Арне теории колонизации Руси норманнами.

Симптоматично, что практически одновременно археологи и историки начали наступление против господствовавших взглядов об иноземном происхождении Древнерусского государства. Выработанная в середине 1930-х годов советской наукой марксистская концепция возникновения в среде восточных славян классового общества и связанного с ним государства не оставила места для сколько-нибудь определяющего влияния норманнов в истории Руси.

Первые два десятилетия Советской власти для отечественной археологии в целом, и для археологического изучения Древней Руси в частности, были временем становления археологии как органической части марксистско-ленинской исторической науки, временем формирования нового подхода к сущности археологических изысканий, выработки оптимальной полевой методики.

Исследование археологами древнерусских памятников постепенно приобретало целенаправленный характер. На левобережье Днепра продолжил раскопки и обследования славяно-русских поселений Н. Е. Макаренко. Возобновил изучение Сарского городища Д. Н. Эдинг. Раскопки Старорязанского городища предпринял в 1926 г. В. А. Городцов. В окрестностях Курска обследовал памятники Л. Н. Соловьев. Небольшие разведки и раскопки в Орловской области осуществили П. С. Ткачевский, К. Я. Виноградов и Н. П. Милонов. Тешилов на Оке и Курское городище на Ловати исследовал А. В. Арциховский. По инициативе ВУАК активно обследовались археологические древности Украины. Относительно большие по масштабам работы были проведены в зоне строительства канала Москва—Волга (О. Н. Бадер, Н. П. Милонов, Л. А. Евтюхова). В процессе этих раскопок не только накапливался новый фактический материал, но и решались методические задачи. Исследование поселений широкими площадями, наиболее полно позволяющее восстановить историю возникновения и развития памятника, завоевывало всеобщее признание.

С точки зрения планомерного и подобного изучения различных памятников в пределах обширного исторически сложившегося региона большое значение имела работа группы археологов во главе с А. Н. Лявданским на территории Смоленщины и Белоруссии. Помимо могильников, селищ и стоянок, было зафиксировано и учтено несколько сот городищ. Часть из них, включая древнерусские, впоследствии раскапывались.

Уже в 1926 г. А. Н. Лявданский опубликовал статью «Некоторые данные о городищах Смоленской губернии». Используя сведения о 347 городищах, автор разделил их по особенностям планировки на четыре типа и установил хронологию каждого из них. Затем исследователь вносил в свою классификацию уточнения, касающиеся датировок и этнической принадлежности памятников. А. Н. Лявданский не только типологически, по внешним признакам, но уже с учетом добытого материала относил те или

иные городища к определенным историческим эпохам. Он первым для данной территории доказал, что большинство городищ являлись древними поселениями, а не культовыми местами. Возникновение ранних укрепленных поселений с лепной керамикой А. Н. Лявданский справедливо датировал началом I тысячелетия до н. э.— временем, предшествующим образованию Руси.

Несмотря на отдельные недостатки, опыт сплошной систематизации большого числа памятников представляет не только историографический интерес, а классификация городищ А. Н. Лявданского и сегодня сохраняет практическое значение. Кроме того, благодаря инициативе ученого впервые были археологически обследованы некоторые из летописных городов Смоленской и Полоцкой земель. Работы, осуществленные А. Н. Лявданским, и методически и практически были самыми передовыми в это время.

Таким образом, к середине 1930-х годов завершился первый этап археологического исследования Древней Руси. Его не столько характеризуют массовые раскопки, сколько выработка методических основ как полевых, так и лабораторных изысканий. Они включали в себя раскопки курганов на снос, а поселений — широкими площадями с повышенным вниманием к стратиграфии памятников. Специальному анализу подлежал массовый материал. Орудия труда и производственные сооружения изучались особенно тщательно, что позволило осуществить первые опыты исторического обобщения добытых археологией фактов. При этом исследователи отдали дань увлечению широкими социологическими построениями, не подкрепленными всей совокупностью источников. Археологические источники получили признание как составная часть источниковедческой базы исторической науки. Принцип историзма, марксистско-ленинского понимания закономерностей исторического процесса легли в основу археологической деятельности. Поэтому в известном Постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 15 мая 1934 г. об историческом образовании, сыгравшем огромную роль в развитии отечественной историографии, археология рассматривалась в неразрывной связи с исторической наукой.

С середины 1930-х годов археологическое изучение древнерусских памятников поднялось на качественно новую ступень. Планомерно обследуются значительные территории. На северо-западе работами руководил В. И. Равдоникас. Поселения юга Новгородской земли изучала С. А. Тараканова. На Верхней Волге работали П. Н. Третьяков, Н. П. Милонов. Во Владимирской земле начал многолетние исследования Н. Н. Воронин. Берега Десны обследовал М. В. Воеводский. Памятники верхнего течения рек Оки и Угры изучали П. Н. Третьяков, М. М. Герасимов, М. В. Воеводский. Городища и курганы Рязанского края (реки Ока и Проня) стали предметом изысканий А. Н. Мансурова и Н. П. Милонова. Большое значение для будущих работ имела экспедиция под руководством П. Н. Третьякова в Среднем Поднепровье.

В предвоенные годы было положено начало одному из главных направлений современной славяно-русской археологии: углубленному изучению истории феодального города; его экономики, быта, культуры, путей возникновения и дальнейшего развития. Широким фронтом развернулись раскопки в Новгороде (А. В. Арциховский, М. К. Каргер, Б. А. Рыбаков, А. А. Строков, В. А. Богусевич, Б. Н. Мантейфель). Масштабные работы провел в Старой Ладоге В. И. Равдоникас, соединивший вновь исследованные площади со старыми раскопами Н. И. Репникова. Н. Н. Воронин изучал археолого-архитектурный комплекс в Боголюбове и начал раскопки во Владимире на Клязьме. Приступил к исследованию древнего Киева М. К. Каргер. Работы проходили в Вышгороде и на Райковецком городище. Б. А. Рыбаков копал Гочевское городище и Вщиж, а Н. П. Милонов — Тверь (Калинин), Коломну и Пронск.

Характерно, что именно археологи (В. И. Равдоникас, А. В. Арциховский, Н. Н. Воронин, Б. А. Рыбаков) первыми поставили вопрос о характере древнерусских городов в социально-экономическом плане.

Не менее активно археологи участвовали в решении коренных проблем древнерусской истории. Лакуну в изучении сельских поселений постарался заполнить Н. Н. Воронин (1925, 1935). В монографии «К истории сельского поселения феодальной Руси» он рассмотрел, правда, в основном на материале письменных источников, различные типы сельских поселений: погосты, слободы, села, деревни. Автор также исследовал вопрос о классообразовании в Древней Руси. Перу Н. Н. Воронина принадлежит и первый очерк истории Владимиро-Суздальской земли X—XIII вв., где процесс формирования классов иллюстрирован археологическими примерами. Сходные мотивы, но с упором на критику норманской теории прозвучали в статье А. В. Арциховского «Русская дружина по археологическим данным» (1939). В. И. Равдоникас, изучавший памятники средневековых карел, пришел к убеждению, что в их среде в IX—XI вв. нарастал процесс вызревания феодальных отношений (1934б).

Если прежде история древнерусских ремесел исследовалась историками (Н. А. Рожков, И. М. Кулишер, П. И. Лященко, В. Ю. Гессен), то стремительный рост археологических материалов открыл новые перспективы. За подготовку сводной работы о развитии этой важной отрасли экономики Древней Руси взялся Б. А. Рыбаков. В опубликованной уже в 1940 г. статье «Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв.» исследователь выявил наличие ремесленников-холопов, обслуживавших княжеский двор.

Хотя большинство материалов, добытых археологией в конце 30-х — начале 40-х годов, было издано уже после войны, основные результаты раскопок стали достоянием научной общественности раньше. Они широко отражены в подготовленном ИИМК первом советском издании «Истории СССР».

Значительное место нашли археологические данные в фундаментальной монографии Б. Д. Грекова «Киевская Русь» (1949). Рассматривая развитие сельского хозяйства у славян, автор сравнивал сведения письменных источников с археологическими находками. В результате исследователь констатировал преимущественно земледельческий характер производственной деятельности восточных славян.

В дальнейшем, отвечая оппонентам, Б. Д. Греков настаивал на своем заключении, опираясь именно на археологические факты.

Книга Б. Д. Грекова стала важным этапом в советской историографии Древней Руси. Вместе с работами С. В. Юшкова, В. В. Мавродина, С. В. Бахрушина, И. И. Смирнова и других исследователей она окончательно утвердила взгляды на Древнерусское государство как феодальное по своей сущности.

Великая Отечественная война прервала как раскопочные работы, так и издание уже подготовленных трудов. Но исследование и осмысление собранных фактов продолжалось. По мере продвижения фронта на запад возобновлялись раскопки, стали публиковаться и новые статьи, книги. В 1944 г. вышла в свет монография А. В. Арциховского «Древнерусские миниатюры как исторический источник». Реально обнаруженные археологами вещи помогли автору не только атрибутировать отдельные изображения, но и высказать предположение о существовании более древних прототипов некоторых серий миниатюр.

Первые послевоенные годы в развитии историографии Древней Руси были временем подведения итогов всему предшествующему изучению многоаспектной истории Древнерусского государства. Издаются коллективные обобщающие труды: «История культуры Древней Руси» (1948, 1951) и «Очерки истории СССР» (1958). Одна за другой выходят из печати монографии Б. Д. Грекова, М. Н. Тихомирова, С. В. Юшкова, Б. А. Рыбакова, В. В. Мавродина, А. Н. Насонова, Л. В. Черепнина, Б. А. Романова и других исследователей. Во многих из них широко использовались археологические материалы.

Дискуссионным стал вопрос о социальной сущности Древнерусского государства IX—X вв. Первоначально преобладало мнение о его дофеодальном характере, выдвинутое С. В. Юшковым, В. В. Мавродиным, Б. А. Романовым. В 1949—1951 гг. журнал «Вопросы истории» провел обсуждение, посвященное периодизации истории феодальной России. Тезис о дофеодальном облике Древнерусского государства в IX—X вв. не получил поддержки у основных участников дискуссии. Дофеодальным периодом истории восточных славян было признано время до середины IX в. С образованием единого государства с центром в Киеве начинается феодальная эпоха. Ее ранний этап относится к IX — началу XII (концу XI) в., а затем наступает стадия развитого феодализма. Эти принципиальные положения ныне разделяются большинством исследователей.

Методологическая дискуссия о периодизации истории феодальной России стимулировала дальнейшее изучение всех аспектов становления и развития Древнерусского государства. Особое внимание уделялось исследованию предпосылок его возникновения. Успешное решение этого вопроса связано прежде всего с достижениями археологии.

Комплексную разработку сложной проблемы осуществил Б. А. Рыбаков. Исследователь привлекал сведения отечественных и иностранных письменных источников, данные лингвистики, обширные археологические материалы, постоянно применял метод исторического картографирования. Уже в статье «Поляне и северяне», опубликованной в 1947 г., Б. А. Рыбаков констатировал, что в исторически известных пределах расселения восточных славян на протяжении длительного времени как географически устойчивый и единый выделяется район Среднего Приднепровья. К сходным выводам пришел и М. Н. Тихомиров в работе «Происхождение названий «Русь» и «Русская земля» (1947), помещенной в том же номере журнала «Советская этнография», что и статья Б. А. Рыбакова. По мнению ученых, термином «Русь», «Русская земля» первоначально обозначалась лишь территория племени полян и только потом так стали называть все Древнерусское государство.

Выдающаяся историческая роль «Русской земли» в процессе образования единого восточнославянского государства получила разностороннее освещение в целой серии последующих работ Б. А. Рыбакова («Ремесло Древней Руси» (1948), «К вопросу об образовании древнерусской народности» (1951), «Проблемы образования древнерусской народности» (1952), «Древние русы» (1953), «Начало русского государства» (1955). В поле зрения автора оказались данные летописей, топонимики, ономастики и этнонимики, сведения из сочинений арабских и персидских географов, фольклорные материалы. Археологические факты сцементировали отдельные звенья общей концепции, позволили проследить предысторию «Русской земли» и очертить ее географические границы.

Согласно концепции Б. А. Рыбакова, на первом этапе (VI—VII вв.) в Среднем Поднепровье сформировался русский племенной союз с центром в бассейне реки Рось. Его название произошло от имени главенствующего племени Русь. В VIII—IX вв. (второй этап) с вовлечением в союз соседних славянских племен образуется Приднепровское государство — «Русская земля», сведения о котором попали на страницы восточных источников. Третий этап завершается консолидацией восточнославянских племен в рамках единого государства и образованием древнерусской народности. Ядром древнерусской народности, сформировавшейся после исчезновения летописных племен, и был союз племен Руси VI—VII вв.

К аналогичному заключению пришел А. Н. Насонов в одной из самых значительных послевоенных работ, посвященных формированию территории Древней Руси (1951). Скрупулезно проанализировав сведения источников XI—XIII вв., исследователь установил приблизительные границы «Русской земли» и доказал, что она была территориальной основой, политическим ядром Древнерусского государства. Вплоть до конца XI в. «Русская земля» оставалась таковой и власть над ней определяла владение всей Русью. А. Н. Насонов полагал, что с середины I тысячелетия н. э. Среднее Приднепровье опережало в социально-экономическом развитии соседние земли, чем и объясняется его главенствующая политическая роль. В IX в. в связи с упадком Хазарского каганата здесь возникло раннегосударственное образование восточных славян — «Русская земля».

Так сомкнулись две линии исследования предыстории русского государства. Концепция Б. А. Рыбакова — А. Н. Насонова о «Русской земле» является

принципиальным достижением нашей науки. Именно она окончательно развенчала все теории иноземного происхождения Руси.

Особое внимание археологов было приковано к области Среднего Поднепровья. По обоим берегам реки и ее притокам развернулись разведочно-раскопочные работы (Н. В. Линка, В. И. Довженок, П. Н. Третьяков, Т. С. Пассек, Ф. Б. Копылов, М. Ю. Брайчевский, П. А. Раппопорт). Появились археологические карты окрестностей Киева, поречья Днепра, бассейнов рек Роси и Сулы. Существенные успехи были достигнуты Днепровской левобережной экспедицией под руководством И. И. Ляпушкина.

В течение длительного времени, исследуя памятники эпохи железного века в лесостепном левобережье Днепра, И. И. Ляпушкин хронологически расчленил и выделил разновременные поселения и могильники. Особенности топографии и планировки городищ в сочетании с материалами, собранными в процессе обследования, шурфовки или раскопок, позволили систематизировать их по времени возникновения. Исследователь составил отдельные карты памятников на каждую историко-археологическую эпоху. Раннеславянские городища VIII—X вв. (роменского типа) впервые получили подробную культурную и социально-экономическую характеристику. Общие результаты работ экспедиции были опубликованы И. И. Ляпушкиным в 1961 г. Но предварительные итоги увидели свет в ряде статей значительно раньше. Общий интерес вызвала монография И. И. Ляпушкина, посвященная исследованию Новотроицкого городища (1958 г.), раскопанного почти полностью. Яркая картина быта и гибели славянского поселения кануна образования Древнерусского государства, реконструированная на основе археологических данных, продемонстрировала возросшие возможности археологии. Одновременно получила наглядное подтверждение эффективность метода раскопок поселений широкими площадями.

В правобережной Украине был также открыт и частично исследован ряд раннеславянских памятников. Большие работы начались в Поднестровье и на Пруте. Исследованиями юго-западных окраин Руси руководил с 1950 г. Г. Б. Федоров (1960). Помимо изучения памятников более раннего времени, экспедиция раскопала значительную часть Екимауцкого славянского городища IX—X вв.

Итоги археологического и исторического изучения начального этапа становления Руси подвел Б. А. Рыбаков в разделе «Предпосылки образования Древнерусского государства» в коллективном труде «Очерки истории СССР» (1958 г.). Эпоха VI—IX вв. в истории восточных славян являлась, по мнению автора, последней стадией разложения у них первобытнообщинных отношений, временем классообразования и постепенного роста предпосылок феодализма. Раскопки поселений и могильников VIII—X вв. свидетельствуют об имущественном неравенстве членов верви, выделении дружинников. О том же говорит различие в типах поселений.

Развитие сельского хозяйства, переход от подсечного к пашенному земледелию разрушало большесемейную общину, делало экономически устойчивой малую семью. Появилась соседская, территориальная община, способная выдержать напор классовых, феодальных отношений. К IX в. формируется слой русского боярства, различными способами превращавший свободных общинников в феодально-зависимых людей.

Б. А. Рыбаков обратил внимание на факт расположения раннеславянских лесостепных городищ гнездами, до 10—12 поселений в каждом. В XI—XII вв. в центре гнезда возникает летописный город. Исследователь предположил, что такая группа городищ соответствует «малому» племени, территория которого становилась затем «тысячей», известной по письменным источникам. Несколько гнезд поселений образовывали «большое племя» — племенной союз или «племенное княжение», имевшее тенденцию к превращению в «землю-княжество», составную часть Древней Руси.

Так археологические исследования значительно продвинули вперед решение спорных проблем образования Древнерусского государства.

Со все возрастающей интенсивностью возобновились раскопки древнерусских городов. Работы велись в Пскове (С. А. Тараканова), в Старой Ладоге (В. И. Равдоникас, Г. П. Гроздилов, С. Н. Орлов), в Белоозере (Л. А. Голубева), в Минске (В. Р. Тарасенко, Э. М. Загорульский), в Смоленске (Д. А. Авдусин), в Москве (М. Г. Рабинович, А. Ф. Дубынин), в Костроме (М. Ф. Фехнер), в городах Владимирской земли (Н. Н. Воронин), в Старой Рязани (А. Л. Монгайт), в Звенигороде и Вщиже (Б. А. Рыбаков), в Киеве (М. К. Каргер), в Плеснеске (М. П. Кучера), в Городске (Р. И. Выезжев), в Галиче и его окрестностях (М. К. Каргер, В. И. Довженок), в Чернигове (Б. А. Рыбаков), в Переяславле (Б. А. Рыбаков, М. К. Каргер) и других пунктах.

Большое значение для исследования древнерусских поселений на Дону и в Тамани имели раскопки Саркела—Белой Вежи (М. И. Артамонов) и Тмутаракани (Б. А. Рыбаков). Эти работы уточнили время существования русских центров в Приазовье: вторая половина X — конец XI в.

Событием в истории археологического изучения Руси явились масштабные и планомерные раскопки Новгорода (А. В. Арциховский, Б. А. Колчин), ознаменовавшиеся в 1951 г. открытием берестяных грамот.

Из печати один за другим выходят сборники (МИА), посвященные достижениям «городской» археологии. Монографически были изданы материалы из раскопок Гродно (Н. Н. Воронин, 1954а), Старой Рязани (А. Л. Монгайт, 1955), Саркела—Белой Вежи (М. И. Артамонов, 1958). Райковецкого городища (Гончаров В. К., 1950). Несколько позднее обобщил результаты своих многолетних исследований в Киеве М. К. Каргер (1958, 1961). В ряде статей подводились итоги археологических работ в Вышгороде (В. И. Довженок, 1950, 1952а), Чернигове (Рыбаков Б. А., 1949), Старой Ладоге (Равдоникас В. И., 1949, 1950) Пскове (Тараканова С. А., 1950, 1956), Минске (Тарасенко В. Р., 1957). Периодически начали публиковаться материалы из новгородских раскопок.

Перечисленные и другие исследования во многом изменили существовавшие представления о древнерусских городах. Стало очевидным, что ведущей отраслью городской экономики было ремесло. Террито-

рия многих городов благоустраивалась: улицы мостились деревом, устраивались дренажные системы. Дворы-усадьбы горожан огораживались частоколами, внутри которых размещались жилые и хозяйственные постройки. Находки берестяных грамот в Новгороде наряду с многочисленными памятниками вещевой эпиграфики и надписями — граффити на стенах храмов свидетельствовали о высокой степени грамотности городского населения Руси.

Большое влияние на разработку проблем возникновения и развития древнерусских городов оказала фундаментальная работа М. Н. Тихомирова «Древнерусские города», впервые изданная в 1946 г. Автор подсчитал по данным письменных источников количество русских городов до середины XIII в., проследил их географическое размещение, собрал сведения о городской экономике, социальных категориях населения городов. Полемизируя с «торговой» теорией происхождения древнерусских городов В. О. Ключевского, М. Н. Тихомиров пришел к выводу, что причиной появления городов было развитие земледелия и ремесла в сфере экономической и феодализма в сфере социальной. Исследователь подметил закономерность размещения древнерусских городов в районах, наиболее густо заселенных. Именно здесь, по его мнению, сельское хозяйство наиболее остро ощущало потребность в высококачественных изделиях специализированного городского ремесла. Поэтому здесь в первую очередь и появились города. М. Н. Тихомиров непосредственно связывал процесс возникновения городов с углублением процесса общественного разделения труда. Во многом опираясь на результаты предшествующих археологических изысканий и наблюдений археологов, он подчеркнул преобладающее значение развития ремесла в деле становления городов. Подлинными городами, по убеждению автора, были только поселения с многочисленным ремесленно-торговым населением. Индикатором превращения какого-либо укрепленного пункта в настоящий город М. Н. Тихомиров называет разрастание у его стен ремесленного посада, массовое появление которых на Руси началось на рубеже X—XI вв.

Одним из важнейших достижений славяно-русской археологии стало комплексное изучение истории древнерусского ремесла. Прежде всего следует назвать монографическое исследование Б. А. Рыбакова (1948а). Широкое историческое полотно, рисующее различные русские ремесла, автор начинает с IV в. н. э. По археологическим данным он прослеживает постепенное выделение из домашнего производства обработки черного металла (VI—VIII вв.), художественного литья из бронзы и серебра (VI—VII вв.), гончарства (IX—X вв.) и др. Успешное развитие ремесленного производства способствовало образованию ремесленных по преимуществу поселков, которые при благоприятных условиях превращались в города.

Подробно и разносторонне Б. А. Рыбаков изучил древнерусское ремесло XI—XIII вв. На археологических материалах и по сведениям специальных письменных источников исследователь рассмотрел деревенское и вотчинное ремесленное производство. Особенно детально описано ремесло в древнерусских городах. Б. А. Рыбаков подсчитал приблизительное число ремесленных специальностей, указал основные виды продукции городских ремесленников, выяснил районы ее сбыта. Анализируя некоторые выдающиеся изделия русских мастеров, исследователь высказал мысль о существовании на Руси института ученичества и ремесленных объединений типа западноевропейских цехов.

На большом количестве примеров было доказано, что расцвет древнерусского ремесла начинается с середины XII в. и продолжается до самого нашествия Батыя. Причем, вопреки бытовавшему суждению о некотором экономическом упадке со второй половины XII в. старых приднепровских центров, оказалось, что ремесленное производство в них не только не сократилось, но продолжало служить эталоном для всей Руси. Эти выводы имели первостепенное значение для выработки новой исторической оценки эпохи феодальной раздробленности.

Капитальный труд Б. А. Рыбакова открыл целое направление в археологических исследованиях. Более детально изучаются отдельные отрасли ремесленного производства. В работе Б. А. Колчина (1953) специально рассматривалась история древнерусской металлургии и металлообработки. Автор умело сочетал традиционно-археологические методы исследования с методами естественных наук. Металлографический анализ изделий из черного металла, найденных в раскопках, представил в совершенно новом свете сложную технологию, которой владели русские кузнецы. Б. А. Колчин наметил круг предметов (орудия труда из высококачественной стали), поставлявшихся городскими ремесленниками сельской округе.

Интересна также сводка Г. Ф. Корзухиной (1954), собравшей данные о большинстве древнерусских кладов. На основе стилистического анализа автор датировала различные типы ювелирных изделий и высказала ряд общих соображений о развитии ремесла русских ювелиров. Появились статьи, посвященные ремеслу отдельных центров или особенностям техники изготовления конкретных находок.

Накопленный археологией фактический материал позволил иначе поставить вопрос о внешних торговых связях Руси и внутренней торговле. В уже упоминавшемся исследовании Б. А. Рыбакова указывался ряд товаров: ювелирные изделия, шиферные пряслица, замки, оружие, поступавшие на мировые рынки из Древнерусского государства, помимо рабов, меда и мехов. Этим был подорван утвердившийся еще в дореволюционной науке тезис о главном образом транзитном характере древнерусской торговли. В разделе «Торговля и торговые пути», помещенном в первом томе «Истории культуры Древней Руси», Б. А. Рыбаков развил и углубил сделанные наблюдения.

Из единого русла археологического изучения древнерусских городов в самостоятельное направление выделилось начатое еще в предвоенные годы археолого-архитектурное исследование памятников зодчества (Н. Н. Воронин, М. К. Каргер, Б. А. Рыбаков, А. Л. Монгайт). Истории военно-оборонительного строительства южной Руси были посвящены работы П. А. Раппопорта (1956). Впервые на широком историческом фоне автор рассмотрел особенности укреплений десятков городищ и городов, значитель-

ная часть которых была им лично обследована и изучена. Исследователь предложил свою типологическую классификацию этих памятников и обосновал хронологическую периодизацию изменений в устройстве и планировке оборонительных сооружений.

Таким образом, к середине 1950-х годов выкристаллизовались современные научные представления о древнерусском городе — центре развитого ремесла и торговли. Основная заслуга в их выработке принадлежит М. Н. Тихомирову и Б. А. Рыбакову. Ведущая роль ремесла в экономической жизни городов доказана статистически и на ярких примерах. Намечены закономерности развития городов, этапы роста городской территории. Собраны данные об органах городского самоуправления и профессиональных организациях купцов и ремесленников. Качественно новый шаг в изучении истории русских феодальных городов был сделан прежде всего благодаря успехам археологии.

Результаты исследований сельских поселений северо-восточной и северо-западной Руси представлены в первом томе коллективных «Очерков по истории русской деревни X—XIII вв.» (1956). Важным вкладом в науку явилась составленная А. В. Успенской и М. В. Фехнер карта-сводка поселений и могильников. На конкретных фактах авторы подтвердили правомерность заключения М. Н. Тихомирова о расположении древнерусских городов в гуще сельских поселений. Однако выработать ясные археологические критерии для расчленения совокупности известных древнерусских городищ на города и поселения других типов исследователям не удалось. Решающим для зачисления того или иного памятника в разряд городов признавался по сути дела факт его упоминания в письменных источниках.

Массовые раскопки древнерусских памятников предоставили в руки исследователей обильные материалы, характеризующие развитие сельского хозяйства. Появилась возможность разностороннего изучения этой важнейшей отрасли экономики Древней Руси. До сих пор приоритет здесь принадлежал историкам, хотя и активно привлекавшим археологические данные, но в основных выводах опиравшимся все же на сведения письменных источников. К концу 40-х годов положение изменилось. П. Н. Третьяков (1948) написал обобщающий очерк истории сельского хозяйства и добывающих промыслов для первого тома «Истории культуры Древней Руси». Автор сосредоточил внимание на вопросах эволюции почвообрабатывающих орудий и этапах перехода от подсечного к пашенному земледелию. Утверждались две линии развития пахотных орудий: от древнеславянского рала к плугу на юге и от бороны-суковатки к многозубой сохе на севере. Смена подсечно-огневой и переложных систем земледелия пашенной с тенденцией к установлению правильного трехполья признавалась важнейшим рубежом не только в истории сельского хозяйства, но и социально-экономического развития восточных славян в целом. Сельские промыслы исследованы менее подробно. Состоянию сельскохозяйственного производства у восточных славян накануне образования Древнерусского государства уделено много внимания и в монографии П. Н. Третьякова «Восточнославянские племена» (1953).

Обстоятельная глава о сельском хозяйстве (В. П. Левашова) есть и в «Очерках по истории русской деревни X—XIII вв.» (1956). Во взглядах на характер развития древнерусского земледелия и почвообрабатывающих орудий автор придерживалась точки зрения П. Н. Третьякова, стараясь подкрепить ее новыми фактами. В. П. Левашова продолжила начатые археологами еще в довоенные годы исследования орудий уборки урожая. Ею выявлены несколько типов серпов и очерчены ареалы их применения. В работе собраны также палеоботанические данные о составе культурных растений. Специально рассмотрены вопросы развития скотоводства и птицеводства.

Краткий очерк истории добывающих промыслов на Руси дан В. А. Мальм (1956). Автор изучила по археологическим и этнографическим данным промысловые орудия. По ее мнению, промыслы (охота, рыболовство, бортничество) были побочным занятием деревенского населения. Однако они играли заметную роль в древнерусской экономике. Продукты промыслов (меха, воск, мед) входили в число основных товаров русского экспорта.

Остеологические находки из раскопок систематически исследовались В. И. Цалкиным. Ему на большом фактическом материале удалось определить видовой состав древнерусского стада и проследить закономерности в его изменениях (1956). Были выявлены характерные особенности пород скота в различных районах Руси. Автор первым указал на большое значение охоты как дополнительного источника продуктов питания.

Событием в истории изучения древнерусского денежного обращения явилась книга В. Л. Янина «Денежно-весовые системы русского средневековья» (1956). Исследователь, базируясь на реальном весовом содержании серебра в монетах денежных кладов, уточнил выводы Р. Р. Фасмера о периодах обращения восточного серебра на Руси. В. Л. Янин доказал, что к середине X в. сложились две самостоятельные денежно-весовые системы (северная и южная). Убедительно объяснены причины наступления безмонетного периода в денежном обращении Руси (прекращение ввоза западноевропейского серебра, отсутствие собственных месторождений драгоценных металлов, феодальная раздробленность и др.). Работа В. Л. Янина подтвердила справедливость датирования сокрытия денежных кладов по младшей монете. Ранее не раз высказывалось мнение о необходимости добавлять к дате младшей монеты 50—100 лет.

Серией обобщающих трудов первой половины — середины 1950-х годов одновременно завершаются предыдущие этапы традиционно-исторического и археологического изучения истории Древней Руси. Оба направления оказались тесно взаимосвязанными между собой. Реальное свидетельство тому — коллективные многотомники «История культуры Древней Руси» и «Очерки истории СССР», написанные в плодотворном сотрудничестве ведущими историками и археологами страны. В итоге были с марксистско-ленинских позиций разработаны основные концепции происхождения и становления Древнерусского государства, этногенеза восточных славян, обще-

ственного строя Руси, ее экономического развития; установлена периодизация истории феодальной России. Будущие исследования получили разностороннее теоретическое и источниковедческое обеспечение.

Благодаря успешному и быстрому развитию археология по праву заняла место среди ведущих исторических дисциплин. Целые разделы истории Руси, в первую очередь вопросы экономики, этногенеза, повседневного быта, предпосылок формирования государства и классового общества, градообразования перешли большей частью в ведение археологов.

Особо следует отметить, что плодотворными трудами А. В. Арциховского, Н. Н. Воронина, М. К. Каргера, А. Л. Монгайта, В. И. Равдоникаса, Б. А. Рыбакова были заложены основы комплексного изучения истории и культуры древнерусских городов. Их исследования вошли в золотой фонд советской исторической науки и во многом предопределили дальнейшее успешное развитие славяно-русской археологии.

Суммируя результаты археологических изысканий в городских центрах Руси, Н. Н. Воронин подвел краткие итоги этих работ и наметил задачи будущих исследований (1954б).

Дискуссии начала 50-х годов, а затем решения XX съезда КПСС способствовали прогрессу всей исторической науки. Новый период в изучении древнерусской истории характеризуется дальнейшим качественным ростом исследований. Причем определилась тенденция к их постоянной дифференциации. Детально разрабатываются отдельные вопросы и темы. Среди общих проблем внимание привлекал процесс формирования древнерусской народности (Л. В. Черепнин, П. Н. Третьяков, В. В. Мавродин). Появилась возможность наметить достаточно согласованную периодизацию этого явления.

Вторая половина I тысячелетия н. э.— время вызревания предпосылок сложения древнерусской народности. IX — начало XII в.— поступательное развитие древнерусской народности. XII—XIII вв.— эпоха сложения внутри древнерусской народности условий для создания на ее основе великорусской, украинской и белорусской народностей. Образование Древнерусского государства ускорило и закрепило формирование древнерусской народности.

Возрос интерес к изучению особенностей государственного строя Древней Руси. В. Т. Пашуто исследовал различные институты власти и вассалитета-сюзеренитета (вече, снем, совет, подручничество, местничество, кормление и пр.), известные по письменным источникам, и обосновал их феодальную сущность (1966, 1972). Перу этого же автора принадлежат работы о системе политических взаимоотношений древнерусской народности с многими неславянскими народностями и племенами, входившими в состав русского государства (1968—1972). Впервые столь фундаментально были рассмотрены особенности многонационального характера государственной организации Руси.

Развитие органов государственной власти на протяжении XI—XIII вв. стало предметом изысканий Л. В. Черепнина (1972).

Обзор общеполитических событий, борьбы с половецкой опасностью, межкняжеских отношений на материалах различных источников сделан Б. А. Рыбаковым (1962, 1964а, 1970 в, 1972).

Значительное место в работах, посвященных древнерусской истории, заняла проблема сущности периода феодальной раздробленности. Уже в «Очерках истории СССР» (1953) были освещены социально-экономические причины феодальной раздробленности и сам процесс формирования отдельных земель-княжений. Утверждалась мысль о закономерности данного явления, его прогрессивности как следствия дальнейшего развития социально-экономических отношений.

Б. А. Рыбаков первым указал на роль земского боярства — сложившегося на местах класса крупных землевладельцев, катализировавших процесс дробления Руси (1962, 1964а). Именно бояре были главным образом заинтересованы в наличии сильной власти рядом со своими вотчинами.

Одновременно с центробежными силами со второй половины XII в. возникают противоположные, центростремительные тенденции. Их проводниками оказываются города, младшие княжеские слуги (дворяне), рассчитывающие в союзе с крепкой княжеской властью обуздать непомерные аппетиты крупных феодалов (бояр). Под таким углом зрения рассматривалась деятельность князей Андрея Боголюбского, Всеволода Большое Гнездо, Романа Мстиславича и Даниила Романовича (Воронин Н. Н., 1963; Рыбаков Б. А., 1962; 1964а).

В. Т. Пашуто установил, что Русская земля и в XII—XIII вв. продолжала оставаться основной государственной территорией Руси и владевший ею князь получал сюзеренитет (не только номинальный) над всем Древнерусским государством (1972). По мнению автора, Русь в эпоху феодальной раздробленности в известной степени оставалась единым государственным организмом, еще скрепленным господствовавшей древнерусской народностью, общей церковной организацией и традиционным главенством киевского стола среди прочих княжеских столиц.

Краткий и далеко не полный очерк советской историографии Руси за последние два десятилетия дает представление об основных направлениях в исследованиях. По ряду проблем продолжается оживленная дискуссия, другие получили иное, чем прежде, освещение. Дифференцированный подход к решению отдельных вопросов способствовал расширению круга источников по древнерусской истории. Определилось стремление использовать фактические данные в комплексе, привлекать наряду со сведениями письменных источников эпиграфические памятники, археологические материалы, данные лингвистики, этнографии, антропологии и вспомогательных исторических дисциплин.

Археологическое изучение Древней Руси развивалось сходными путями. Целенаправленно исследовалась экономика: земледелие, скотоводство, промыслы, ремесла, торговля. Самостоятельно разрабатывались вопросы славянского этногенеза. Значительно больше внимания уделялось исследованию сельских поселений. Широкое развитие получила археология древнерусских городов, ставшая одним из ведущих направлений в отечественной археологической науке. История культуры Руси — зодчества,

прикладного искусства, архитектурного декора, грамотности — прочно вошла в круг интересов археологов. Продолжалось изучение денежного обращения и международных торговых связей Древнерусского государства. Значительный шаг вперед сделан в исследовании памятников русской сфрагистики. Возрос интерес к вопросам взаимосвязи восточных славян с соседними племенами и народностями.

Характерной чертой современного этапа археологического изучения древнерусской истории является стремительное расширение масштаба работ. Раскопками охвачены свыше 100 летописных городов, не считая десятков «безымянных» городищ X—XIII вв. Исследованы сотни курганных могильников, селища, многие памятники зодчества. Работы ведутся практически на всей территории Древней Руси.

Накопление археологических материалов увеличивается быстрыми темпами. Последнее обстоятельство ставит перед исследователями ряд методических и технических вопросов. Среди них основной, пожалуй, является проблема достоверной интерпретации собранных фактов. Ее решению подчинены и совершенствование полевой методики, и применение новых методов лабораторной обработки материалов.

Задача превращения археологических находок в полноценный и многогранный исторический источник, открытия свободного доступа специалистам разного профиля к широкому использованию данных, добытых археологией, сохранят свою актуальность и в ближайшем будущем.

Массовость археологических работ, изучение поселений широкими площадями, исследования на новостройках, обусловленные сжатыми сроками, потребовали интенсифицировать сам процесс раскопок. В Новгородской экспедиции вскоре после войны, а затем и в других местах для удаления земли стали применяться транспортеры, скипы, подъемные механизмы. Для снятия верхнего балласта и засыпки раскопов используются бульдозеры и экскаваторы. Курганные насыпи срываются с помощью скреперов и бульдозеров.

Традиционная типологическая классификация находок дополняется в ряде случаев обработкой их методами математической статистики. В практику археологических исследований вошли химический, спектральный, петрографический, металлографический анализы материалов. С помощью физического моделирования воспроизводятся древние технологические процессы. Изучаются костные остатки животных, семена культурных и диких растений. Применяются и другие методы исследования как отдельных предметов, так и всей свиты культурных напластований памятников, например с помощью геологического бурения.

Особое значение для исторической интерпретации археологических данных имеет их точная датировка. В 60-е годы Б. А. Колчиным и сотрудниками лаборатории естественно-научных методов разработан дендрохронологический метод, позволяющий по годичным кольцам археологической древесины датировать деревянные сооружения и связанные с ними горизонты культурного слоя. Дендрохронологическая шкала для датирования составлена начиная с VII в. н. э. до современности. Таким образом, удалось уточнить и развить хронологию большого комплекса восточноевропейских и древнерусских средневековых древностей.

Сочетание собственной усовершенствованной методики с использованием методов других наук значительно повысило информативность археологических материалов. Следствием этого явились новые достижения в изучении истории Древней Руси, получившие отражение в целой серии опубликованных в последние годы работ.

Во второй половине 50-х — начале 60-х годов интенсивно накапливались данные о средневековых памятниках. Археологическую карту юго-запада Руси опубликовал А. А. Ратич (1957), Н. Н. Бондарь брошюру о древностях Каневского Приднепровья (1959).

К археологическим картам по жанру приближаются Своды археологических источников. Ю. В. Кухаренко издал подробный перечень средневековых памятников Припятского Полесья (1961). Исследователь дал топографическое описание каждого памятника, план, характеристику археологического материала, библиографию.

В недавнее время были опубликованы археологические карты целых регионов. Так, большинство из известных археологических памятников Украины изданы в форме краткого каталога (1966). К сожалению, этой работе присущ определенный недостаток: отсутствует карта памятников. Топографические привязки в тексте указывают лишь ближайший населенный пункт, район и область.

Специальный выпуск «Археологической карты Белоруссии» посвящен древностям железного века и средневековья (Штыхов Г. В., 1971). Эта сводка значительно полнее предыдущей, сопровождается картами по областям и относительно подробной библиографией.

Сведения о древнерусских памятниках есть в работах, по существу являющихся археологическими картами областей: Ивановской (Ерофеева Е. В., 1965), Московской (Розенфельдт Р. Л., Юшко А. А., 1973), Смоленской (Шмидт Е. А., 1976), Ленинградской (Лебедев Г. С., 1977).

В связи с подготовкой к изданию областных Сводов памятников истории и культуры в последние годы началось широкое археологическое обследование значительных территорий. В процессе этих работ выявляются новые и уточняются данные о многих ранее известных памятниках эпохи феодализма.

Результатам многолетних исследований археологических культур эпохи железного века в бассейне верхней Оки, в лесостепном Левобережье Днепра, в верховьях рек Западной Двины и Ловати, в Волго-Окском междуречье и в Гродненском Понеманье посвящены монографии Т. Н. Никольской (1959), И. И. Ляпушкина (1961), Я. В. Станкевич (1960), Е. И. Горюновой (1961) и Ф. Д. Гуревич (1962). В этих работах приведены археологические материалы из раскопок и обследований многих могильников и поселений, включая города древнерусского времени.

Широкое историческое полотно развития Рязанского края в течение почти 1500 лет постарался нарисовать А. Л. Монгайт (1961). Автор использовал разнообразные источники: археологические, письменные, нумизматические, этнографические.

В центре его внимания находились вопросы проникновения славян в среду мордовских и мещерских племен и образования в бассейне среднего течения Оки Рязанского княжества.

К работе А. Л. Монгайта близки монографии Л. В. Алексеева «Полоцкая земля» (1966) и «Смоленская земля в IX—XIII вв.» (1980). Они также построены на анализе совокупности археологических данных со сведениями письменных источников. Но проблемам политической истории княжеств в них уделено значительно больше места. Материалы из раскопок полоцких и смоленских поселений и могильников использованы для характеристики развития экономики и культуры. С помощью археологического картографирования («тотальная» карта курганных могильников) Л. В. Алексеев устанавливает приблизительные границы Полоцких и Смоленских волостей и степень заселенности края в целом.

К истории северо-востока Руси обратилась Л. А. Голубева. Итоги плодотворных и длительных работ автора получили завершение в книге «Весь и славяне на Белом озере» (1973). На археологических примерах в ней реконструирован процесс славянской колонизации земель веси, ход взаимной ассимиляции двух этносов и развитие одного из важнейших городских центров русского севера — Белоозера. Земле вятичей в IX—XIII вв. посвящена работа Т. Н. Никольской (1981).

Несмотря на то что каждая из перечисленных выше работ решает историко-археологические проблемы в масштабе одного географически и исторически определенного района, вместе они дают представление о сложном и длительном процессе становления и развития Древнерусского государства. Используя в качестве основного источника археологические материалы, их авторы обратились к широкому кругу вопросов этнической, социально-экономической и политической истории многих племен, в разной степени участвовавших в формировании Древней Руси.

Последовательную и убедительную концепцию, построенную на анализе всей совокупности различных источников становления и развития Древней Руси, изложил в новой обобщающей монографии «Киевская Русь и русские княжества» Б. А. Рыбаков (1982). В ней суммированы результаты предшествующих исследований автора по многим проблемам истории древнерусского государства.

Пристальное внимание исследователей в последние годы привлекли славянские памятники IX — начала X в. западных и северных областей Восточной Европы. Раскопки Гнездовских городища и селища, Городка на Ловати, Городца под Лугой, Рюрикова Городища под Новгородом, Изборска, Тимеревского селища, Сарского городища и других поселений проливают дополнительный свет на особенности переходного периода в истории северных восточнославянских племен. Теперь Староладожское городище не является практически единственным из исследованных поселений Русского Севера этого времени. Среди находок обращают внимание явственные следы производственной деятельности, прежде всего обработка металла. Найдены разнообразные привозные вещи и восточные монеты, указывающие на далекие культурно-торговые связи. Общий характер культуры и быта упомянутых поселений говорит об этнической неоднородности местного населения. Благодаря выгодному местоположению на пересечении международных торговых путей сюда устремлялись пришельцы из разных мест, в том числе из Скандинавии.

Из общей массы прочих поселений выделяются городища, возможно являвшиеся племенными центрами. В древнем Изборске постройки окружали большую площадь, по всей видимости, предназначенную для племенных сходок.

Накопленные на сегодняшний день археологией фактические данные открывают простор для детальной реконструкции процесса становления классовых отношений и образования государства у восточных славян в различных естественно-географических и исторических областях. Некоторые итоги изучения древнерусских памятников IX в. подведены в монографии В. А. Булкина, И. В. Дубова и Г. С. Лебедева (1978).

В исследованиях, посвященных истории древнерусской экономики, проблемы развития земледелия не утратили актуальности. Систематические раскопки в Новгороде, культурный слой которого консервирует органические вещества, доставили значительный материал, характеризующий эту важнейшую отрасль хозяйства. Новые данные были обобщены в работах А. В. Кирьянова (1952, 1959). Исследователь, обратив особое внимание на находки остатков сельскохозяйственных культур, постарался восстановить во всех аспектах состояние земледелия в Новгородских землях X—XV вв.

Во взглядах на эволюцию пахотных орудий А. В. Кирьянов придерживался гипотезы происхождения русской сохи от бороны-суковатки через многозубые рыхлящие сохи. Он одним из первых подчеркнул значение озимой ржи как наиболее отвечающей трудным условиям севера зерновой культуры. Распространение озимой ржи, устойчивой к заморозкам и заболеваниям, действительно сделало земледелие рентабельным в лесной зоне Руси. Более того, внедрение озимой ржи означало и появление правильных севооборотов, в том числе и трехполья. Господствовавшее в 30—40-х годах мнение, связывавшее и прогресс экономики, и формирование классовых отношений у восточных славян с их переходом от подсеки и перелога к пашенному земледелию, не получило подтверждения. В целом этот этап был пройден славянами значительно раньше, хотя и та и другая системы земледелия местами сохранялись очень долго.

Все предшествующие исследования по истории земледелия были обобщены в работе В. И. Довженка (1961 а). Автор собрал обширный, в первую очередь археологический материал, конкретными примерами иллюстрировал все изменения, наблюдавшиеся в этой отрасли хозяйства Руси вплоть до середины XIII в. Земледельческие традиции славян В. И. Довженок возводил к последним векам до нашей эры и еще более отдаленным временам. Во второй половине XII—начале XIII в., по его убеждению, на юге уже существовали орудия типа плуга, переворачивающие пласт земли. На севере к этому времени вошла в употребление двузубая соха, возможно, с полицей, наиболее приспособлен-

ная к тяжелым лесным почвам. Повсеместно распространяется трехпольный севооборот. Общий уровень развития древнерусского земледелия, по данным В. И. Довженка, был не только высоким, но и превосходил многие европейские страны.

Дальнейшее изучение сельского хозяйства Руси пошло по руслу углубленной разработки отдельных тем (Ю. А. Краснов, А. В. Чернецов, Н. А. Кирьянова, Т. Н. Коробушкина и др.). Была пересмотрена концепция происхождения основных почвообрабатывающих орудий. Исходным и для рала с полозом и для сохи теперь признается древнее, вероятно, цельнодеревянное рало. Борона-суковатка как имеющая совершенно иное функциональное назначение не могла послужить прототипом для пахотных орудий. Широкое применение многозубых сох, как и наличие плуга в домонгольской Руси, не подтвердилось новыми данными. Ножи-чересла, несколько асимметричные наральники (лемехи) и даже колесный передок не являются специфическими деталями плуга, а вполне характерны и для рала. Надо полагать, что к середине XIII в. лишь наметился переход от рала к плугу, но осуществился он уже в послемонгольское время.

Более сложной оказалась и картина существовавших систем земледелия. По имеющимся материалам (палеоботаническим) не наблюдается ни хронологическая, ни по отдельным областям четкая смена одной системы другой. Нельзя утверждать, что повсеместно к середине XIII в. господствовало трехполье. Одновременно и рядом с ним применялось двуполье и смешанные формы, а также перелог и подсека. По-разному велось земледелие на старопахотных, заброшенных или вновь расчищенных площадях. Климатические и почвенные условия, стихийные бедствия и войны в свою очередь оказывали существенное воздействие на сельское хозяйство. При общем постепенном увеличении доли ржи и овса в посевах отмечены значительные колебания в составе зерновых культур во времени и пространстве. Словом, древнерусское земледелие к середине XIII в. отнюдь еще не приобрело облика, свойственного ему в XVI—XVII вв. По-видимому, эта ситуация более соответствует действительности, чем прямолинейная схема всеобщих переходов от одной системы земледелия к другой, более прогрессивной.

Огородничество и садоводство исследовались в меньшей степени. Но вещественные свидетельства их распространенности в Древней Руси выявлены вполне четко.

Вопросы животноводства и охоты продолжал плодотворно изучать В. И. Цалкин (1962, 1970). Получены новые данные о роли рыболовства в древнерусской экономике. Благодаря анализу костных остатков ихтиофауны из многих поселений были выявлены те виды рыб, которые являлись преимущественным объектом лова (В. М. Лебедев, Е. А. Цепкин, Е. Г. Сычевская). Статистика остатков тех или иных видов в остеологическом материале позволила доказательно судить о способах лова, причем промысловый лов сетями по продуктивности стал преобладать ко второй половине XII в. над остальными приемами рыболовства.

Исследование рыболовных орудий и письменных источников (Куза А. В., 1967, 1970а, б) показало, что на рубеже XII—XIII вв. рыбная ловля на больших озерах и реках вблизи крупных центров выделяется в самостоятельную отрасль хозяйства. Возникают промысловые поселки ловцов рыбы и одновременно в городах появляются купцы-рыбники, скупавшие рыбу и перепродававшие ее на торгу.

Другие добывающие промыслы — бортничество, солеварение, смолокурение, выжигание угля, сбор ягод, грибов — еще не стали предметом специального изучения. Часть из них археологически не уловима. Но по таким важнейшим промысловым занятиям, как солеварение и бортничество, собран значительный материал. Солеварни обнаружены А. Ф. Медведевым при раскопках в Старой Руссе. В Новгороде найдены практически полные комплекты снаряжения бортника.

В последние два десятилетия интенсивно и разносторонне исследовалась история древнерусских ремесел. Б. А. Колчин продолжил комплексное изучение технологии производства кузнецов методом металлографического анализа (1959). На основе исследования нескольких сотен образцов была воссоздана подробная технология развития кузнечного ремесла в Новгороде. Упрощение и стандартизация технологии производства массовых предметов (ножи, замки) в середине XII в. свидетельствуют, по мнению автора, о переходе значительной части новгородских кузнецов к работе на рынок. Исследование особенностей обработки черного металла из других древнерусских центров Г. А. Вознесенской, Л. С. Хомутовой, В. Д. Гопаком и другими подтвердили основные выводы Б. А. Колчина.

Постоянным стал интерес археологов к истории ювелирного дела на Руси. Изучаются не только высокохудожественные шедевры, но и массовая продукция. Ювелирному ремеслу Новгорода посвящены работы М. В. Седовой (1959, 1981) и Н. В. Рындиной (1963). Определены основные технологические приемы и набор инструментов «кузнецов меди и серебру». Широкое распространение во второй половине XII в. каменных литейных формочек, в которых техникой литья навыплеск изготовлялись украшения, имитирующие боярско-княжеский убор, говорит о рыночном сбыте продукции (Г. Ф. Корзухина, Н. В. Рындина).

Изделия древнерусских ювелиров-эмальеров исследовала Т. И. Макарова (1975). По особенностям художественного исполнения и в результате анализа цветовой гаммы и состава эмалей ей удалось выявить основные центры производства подобных вещей на Руси. Аналогичная работа осуществлена Т. И. Макаровой и для серебряных украшений с чернью. Памятники прикладного искусства Московской Руси изучала Т. В. Николаева (1976). С точки зрения истории ремесла значительным представляется заключение автора о существовании целых школ и ювелирных мастерских, работавших на заказ и на рынок.

Благодаря систематизации и специальному исследованию остатков тканей из раскопок конкретизированы представления о состоянии ткацкого дела на Руси (Нахлик А., 1963). Выявлены ассортимент изготовлявшихся тканей, способы переплетения нитей, употреблявшиеся красители. Находки в Новгороде и других местах деталей ткацких станков, челноков, веретен, прялок, трепал, чесал дополнили

картину развития прядения и ткачества, подтвердили их высокий для своего времени уровень (Колчин Б. А., 1968).

Археология впервые позволила также подробно изучить состав изделий, технологию и специализацию кожевенного и сапожного ремесел (Изюмова С. А., 1959; Оятева В. М., 1972).

Во многом по материалам из Новгорода теперь хорошо известны продукция, инструментарий и технологические приемы деревообрабатывающего производства и таких специальностей, как столяры, плотники, бондари, токари, резчики по дереву и ряд других (Колчин Б. А., 1968).

Большим успехом увенчались работы в области истории древнерусского стеклоделия (Щапова Ю. Л., 1972). По данным спектрального анализа восстановлены рецепты стеклянных масс, выявлены специфически русские составы стекла, намечены этапы в развитии технологии его изготовления. Детально исследованы приемы и способы производства стеклянной посуды, браслетов, перстней, бус, смальты, эмалей, стеклянной поливы и оконных стекол. Удалось установить главные центры русского стеклоделия. Впервые изготовление стекла началось в Киеве в XI в. под влиянием работавших там греческих мастеров. Затем ремесленники-стеклоделы появились в Новгороде, Смоленске, Любече и в других больших и малых древнерусских городах. Расцвет стеклоделия на Руси наступает во второй половине XII — начале XIII в. в связи с массовым производством цветных стеклянных браслетов.

Древнерусскому гончарству посвящены работы Г. П. Смирновой, Р. Л. Розенфельдта, В. М. Малевской, А. А. Бобринского. Производство поливной керамики рассмотрено Т. И. Макаровой.

Строительное дело, в том числе камнесечное, камнерезное и изготовление плинфы, освещено в работах Н. Н. Воронина, П. А. Раппопорта, Г. К. Вагнера, А. А. Юшко. Малоизученную ранее отрасль древнерусской экономики — кораблестроение — исследовал Б. А. Колчин.

Таким образом, после выхода в свет фундаментальной обобщающей монографии Б. А. Рыбакова о древнерусском ремесле этот важнейший раздел истории хозяйственной деятельности прочно вошел в сферу основных интересов археологов. Широкий масштаб раскопок древнерусских памятников обеспечивает постоянное и многократное увеличение источниковедческой базы исследований. Применение методов естественных наук открыло путь к изучению технологических процессов. На повестке дня стоят вопросы социальной организации ремесла, подробного сравнения ремесла городского, деревенского и вотчинного. Значительного внимания заслуживает изучение продуктивности и товарности труда древнерусских ремесленников. В этом направлении уже сделаны важные шаги, принесшие обнадеживающие результаты (Б. А. Колчин, 1975).

Начатая в 40-е годы разработка вопросов торговли Древней Руси была успешно продолжена. В серии монографий В. П. Даркевич (1966, 1975, 1976) на примере импортных художественных изделий проследил направления и интенсивность торгово-культурных связей различных русских княжеств со странами Запада, Востока и Византией. Автор установил основных торговых партнеров Руси, ассортимент поставляемых товаров (предметы христианского культа; дорогая, художественно оформленная металлическая посуда; украшения; резные костяные изделия; ткани и пр.).

Аналогичные наблюдения были сделаны Ю. Л. Щаповой на основе анализа привозных стеклянных вещей. По клеймам на клинках мечей, а также по некоторым особенностям других видов снаряжения воина А. Н. Кирпичников определил источники импорта вооружения на Русь (1966а, б, 1971). Оказалось, что большинство привозных мечей и наконечников копий изготовлено в германских мастерских.

М. В. Фехнер подробно исследовала топографию находок стеклянных и каменных бус как местного, так и иностранного производства (1959). Она обратила внимание на широкое распространение ближневосточных бус (по данным могильников) на территории восточных славян, причем импортные бусы постоянно встречаются в рядовых сельских погребениях. Это обстоятельство дало повод сделать заключение об участии населения древнерусской деревни (в тех или иных формах) в торговле со странами Передней Азии, откуда в X—XII вв. поступало большинство бус.

Не менее обстоятельно изучены М. В. Фехнер (1982) остатки привозных тканей (в большинстве своем из погребений X—XIII вв.). Главными поставщиками различных видов шелка на Русь были страны Ближнего Востока и Средней Азии, Византия и Испания.

Отдельные сюжеты международных торговых связей Древнерусского государства освещены во многих специальных статьях, публикациях, монографиях. Археологические раскопки открыли ранее совершенно не известные категории привозных вещей: самшит, грецкие орехи, оливковое масло. Значительным был также ввоз вина и масла через Херсонес и другие византийские провинции, фиксируемый многочисленными находками амфорной тары в большинстве древнерусских городов.

Хуже поддаются исследованию предметы русского экспорта, что связано с трудностями их выявления среди археологических материалов зарубежных стран. Там известны находки шиферных пряслиц, поливных глиняных яиц-писанок, трубчатых замков, крестов-энколпионов, изделий из драгоценных металлов. Некоторые типы древнерусских украшений обнаружены в Северной Европе (Фехнер М. В., 1967). Специально рассмотрел находки, поступавшие из Руси на территорию Латвии и соседних прибалтийских земель, Э. С. Мугуревич (1965). Основной торговой артерией между древнерусскими княжествами и Прибалтикой была Западная Двина (Даугава) и ее притоки. Работа Э. С. Мугуревича продолжена З. М. Сергеевой.

Успешно начато изучение торговых связей конкретных земель и центров Руси. Ф. Д. Гуревич собрала сведения о находках ближневосточных изделий в городах западнорусских княжеств (1968). Обстоятельную работу о новгородской торговле (в первую очередь по археологическим данным) написала Е. А. Рыбина (1978). Детально разработанная хронология новгородского культурного слоя позволила

установить прямую зависимость поступления тех или иных товаров в Новгород от изменений политической обстановки.

Проблемы внутренней торговли Руси не привлекали столь широкого внимания, но определенные и значительные достижения есть и здесь. В той или иной степени они затрагивались во всех выше упомянутых работах. Ю. Л. Щапова на огромном фактическом материале исследовала распространение стеклянных изделий (прежде всего браслетов) из таких крупных центров, как Киев, Новгород, Смоленск в другие древнерусские города. Из киевских мастерских расходились по всей Руси некоторые типы крестов-энколпионов, золотые вещи с эмалью, церковная утварь, иконы и т. п.

Эти наблюдения дают представление о постепенном нарастании внутриэкономических связей и формировании местных рынков. Однако отсутствие источников затрудняет исследование торговли важнейшими товарами: хлебом и другими сельскохозяйственными продуктами. Летописи недвусмысленно утверждают, что именно зерно, мясо, овощи, рыба не только широко продавались в городах, но и цены на них определяли экономическую конъюнктуру городского торга. Доказательно же ответить на вопрос: кто сбывал излишки хлеба, пока не удалось. Данные об участии рядового сельского населения в торговых операциях (импортные и «городские» изделия в деревенских могильниках) носят односторонний характер. Взамен каких продуктов в деревню поступали эти вещи? Сами ли сельские жители привозили в ближние и дальние городские центры свои товары или же обмен целиком находился в руках купцов-перекупщиков? Какова степень участия в торговле сельскохозяйственными продуктами феодалов-землевладельцев? Словом, предстоит еще кропотливая и длительная работа над решением весьма существенной проблемы.

Во второй половине 50—70-х годов продолжалось интенсивное изучение денег и денежного обращения на Руси. В. М. Потин (1968) исследовал клады и отдельные находки западноевропейских монет на территории Древнерусского государства. Автор выступил решительным сторонником точки зрения на клады как памятники денежного обращения. В хронологическом аспекте им рассмотрены торговые связи русских земель с отдельными западноевропейскими странами. По мнению В. М. Потина, нехватка монеты на западе привела к почти полному прекращению ввоза на Русь серебра в начале XII в.

Сводку В. Л. Янина о находках восточных монет дополнил В. В. Кропоткин (1978). Исследователь также издал Свод византийских монет, найденных в Восточной Европе (1962). М. П. Сотникова собрала сведения о большинстве известных монет русского чекана конца X — начала XI в.

Нумизматическим находкам, прежде всего восточному и западноевропейскому серебру, посвятили свои исследования Н. Ф. Котляр (1973) и В. Н. Рябцевич (1966).

Интересные выводы о широком распространении с середины XI в. на территории Руси новгородских серебряных гривен-слитков по данным денежно-вещевых кладов и единичных находок сделал А. Ф. Медведев (1963). Содержание серебра в новгородских гривнах и технику литья исследовала М. П. Сотникова (1957, 1961). В. Л. Янин продолжил в ряде статей изучение особенностей денежных систем древнерусских княжеств в различные хронологические периоды.

В связи с публикацией переводов сочинения Абу-Хамида ал-Гарнати, посетившего Русь в середине XII в., вновь был поднят вопрос об использовании в это время денег-мехов, в том числе и вытершихся шкурок, скрепленных княжеской пломбой (А. Л. Монгайт, М. Б. Свердлов).

Денежное обращение в целом и основные древнерусские денежные единицы рассмотрел в неоднократно переиздававшейся монографии «Русская монетная система» И. Г. Спасский (1970).

После работы Н. П. Лихачева древнерусская сфрагистика лишь эпизодически привлекла внимание исследователей. С тех пор накопился обширный новый материал. Появилась возможность систематизировать вислые печати и привлечь их для изучения развития государственных институтов в Древней Руси. Эта работа была выполнена В. Л. Яниным, издавшим вслед за серией статей двухтомный Свод древнерусских булл X—XV вв. (1970, а). Для абсолютного большинства печатей удалось составить типологическую классификацию, выделить устойчивые типы светских и церковных булл, определить первоначальную принадлежность многих моливдовулов. Оказалось, что право скреплять документы печатью принадлежало на Руси лишь представителям верховной светской власти и высшим церковным иерархам. Исследования В. Л. Янина успешно продолжены его учениками.

Наряду со сплошным археологическим обследованием ряда территорий Древней Руси в прошедшие два десятилетия во все возрастающем масштабе велись интенсивные раскопки десятков и сотен укрепленных поселений X—XIV вв. Археологическими работами охвачено большинство столиц и крупных городов земель-княжений.

Не останавливаясь подробно на результатах этих изысканий, частично опубликованных и уже кратко охарактеризованных в печати (Воронин Н. Н., Раппопорт П. А., 1963; Куза А. В., 1978) следует подчеркнуть, что свыше 100 поселений данного времени (из почти 400), названных в письменных источниках городами, планомерно исследованы или исследуются археологами. Изучено также около 10% «безымянных» городищ с древнерусским слоем. Получен огромный фактический материал, освещающий повседневный быт, жилища, оборонительные сооружения, ремесло, торговлю, зодчество, культуру и топографию поселений этого типа.

Полностью оправдал себя метод раскопок поселений большими площадями. Б. А. Рыбаков вскрыл практически всю территорию детинца в Любече. Впервые по археологическим данным реконструирована целостная картина жизни феодального (княжеского) замка.

Внутренняя защищенная гавань для судов обнаружена в детинце Воиня. Усадьбы с жилыми и хозяйственными комплексами найдены на городище Слободка. Раскопки в Ярополче Залесском (Пировы Городища) позволили в деталях изучить этапы становления и гибели небольшого городка на Клязьме.

Исследования в Витачеве, Чучине, Новгороде Малом (Заречье), Святополче-Михайлове и на ряде других городищ рисуют суровый быт русских порубежных сторожевых крепостей. Значительный интерес представляют работы в Изборске, где прослежены непрерывные культурные отложения от VIII до XIII в. Усадьбы должностных лиц и солеварни раскопаны в Старой Руссе. Отдельные постройки и могильники первого периода существования города обнаружены в Москве.

Многочисленные материалы, свидетельствующие о разносторонних этнокультурных связях, получены при раскопках городищ русско-польского порубежья (Перемышля, Червена, Сутейска, Дрогичина, Берестья) и Черной Руси (Волковыска, Слонима, Новогрудка). В Новогрудке в пределах окольного города вскрыты усадьбы зажиточных горожан (Гуревич Ф. Д., 1981).

Представление о быте русских центров небольших Полоцких княжеств в бассейне Даугавы и взаимоотношениях пришлого славянского и коренного балтийского населения дают исследования в Кукейносе, Ерсике и Олене. Древнерусский слой XI в. зафиксирован на городище в Тарту (Юрьеве).

Трагическая гибель русских городов под ударами орд Батыя, сопровождавшаяся массовым уничтожением мирного населения, вновь зафиксирована раскопками Изяславля и Серенска. Братские могилы защитников города и жителей вскрыты в Старой Рязани.

Большим успехом ознаменовались раскопки на Киевском Подоле. Здесь обнаружены деревянные жилые и хозяйственные постройки, мощенные деревом улицы и переулки, целые усадьбы древних киевлян IX—XII вв. Эти работы в новом свете рисуют и внешний облик, и массовую застройку не только Киева, но и других южных городов.

Были завершены исследования на огромном (около 1 га) Неревском раскопе в Новгороде и продолжены работы в различных частях древнего города. Принципиальное значение раскопок в Новгороде не исчерпывается массовыми находками берестяных грамот — нового вида письменных источников. Впервые в практике отечественной археологии изучены целые кварталы средневекового города. Разработана абсолютная хронологическая шкала новгородского культурного слоя. Благодаря этому не только конкретные постройки и категории вещей получили абсолютные датировки, но выявлена динамика жизни отдельных кварталов и улиц. Именно в процессе раскопок Новгорода стало окончательно ясно, что в древнерусских городах существовала усадебная застройка. Усадьба горожанина являлась первичной хозяйственной и социальной ячейкой сложного городского организма. Данные наблюдения подтверждены теперь материалами из Киева, Рязани, Пскова, Старой Руссы, Смоленска, Ярополча Залесского, Полоцка, Минска, Друцка, Турова, Пинска и других городов.

Помимо крупных и относительно малых городских центров, исследовались сельские феодальные усадьбы-замчища. В. В. Седов полностью раскопал городища Церковище (Воищина) и Бородинское под Смоленском. К. А. Смирнов вел работы на городище Хлепень на Вазузе, Т. Н. Никольская — на Спасском городище. Несколько владельческих поселений в верховьях Волги исследовала А. В. Успенская. Провела раскопки Зборовского городища под Рогачевым Г. Ф. Соловьева. В. И. Довженок изучал известное поселение в Сахновке на Роси (Девичь-Гора). Несколько укрепленных усадеб на Левобережье Среднего Днепра раскопал М. П. Кучера. В. К. Гончаров вскрыл значительную площадь на городище Иван-Гора под Ртищевом. В результате этих и других работ археологическую характеристику получили сельские укрепленные феодальные усадьбы — центры феодальных вотчин.

Целенаправленно исследовались системы обороны Руси и отдельных княжеств. Большой вклад в изучение южнорусских пограничных городов-крепостей внесли работы Б. А. Рыбакова (1965а, 1965б, 1970б). Этим же вопросам посвятил ряд статей В. И. Довженок (1968, 1972). Начиная со второй половины X в. и вплоть до нашествия Батыя укрепление степного порубежья от вторжений кочевников являлось одной из важнейших государственных задач великих киевских, а затем и черниговских, и особенно переяславских князей. Со времен Владимира Святославича она решалась с помощью строительства укрепленных пунктов — «застав богатырских» вдоль водных рубежей и размещением там специальных гарнизонов.

Отдельные особенности укреплений южных и юго-западных древнерусских городищ рассматривались в статьях П. А. Раппопорта, М. П. Кучеры, А. А. Ратича, Б. А. Тимощука. Оборонительные сооружения городов и замков XIV—XVII вв. западных княжеств изучал М. А. Ткачев (1978).

Исследование северо-западных крепостей X—XVII вв. проведено экспедицией под руководством А. Н. Кирпичникова. Обследованы и раскопаны оборонительные конструкции Ладоги, Орешка, Порхова, Яма, Копорья, Корелы, Тиверского городка и др. Открытие в Ладоге каменной стены 1114 г., а под ней остатков другой, более древней, каменной кладки вместе с открытием каменных укреплений XI в. в Изборске (В. В. Седов) изменило представления об уровне древнерусского фортификационного искусства.

Завершая обзор археологических работ по истории древнерусского военного зодчества, особо следует отметить фундаментальный труд П. А. Раппопорта. В трех томах «Очерков», изданных исследователем, собран огромный фактический материал (1956, 1961, 1967а). На широком историческом фоне автор рассмотрел особенности оборонительных укреплений сотен городищ X—XV вв., значительная часть которых была им лично обследована и изучена. П. А. Раппопорт разработал подробную типологическую классификацию этих памятников для различных историко-географических областей Руси. Им убедительно обоснована хронологическая периодизация существенных изменений в устройстве оборонительных сооружений. Впервые датированы десятки городищ, уточнено время сооружения других. Опубликованы сотни планов, разрезов, реконструкций.

Появились реальные возможности для обоснованной исторической интерпретации изученных памятников, выделения из их среды подлинных городов, вполне отвечающих социально-экономическому смы-

слу этого термина. Опыты формально-типологической и социально-исторической классификации укрепленных поселений опубликовали П. А. Раппопорт (1967б, с. 194—200; 1967а) и В. И. Довженок (1975). П. А. Раппопорт первым применил группировку памятников по размерам укрепленной площади, определил наиболее распространенный для сложившихся городов тип планировки: сложный, состоящий из нескольких укрепленных частей и открытых селищ-посадов. В. И. Довженок большинство укрепленных поселений считает феодальными замками, часть — подлинными городами, а остальные — сторожевыми крепостями. Однако оба исследователя больше доверяют при определении социального лица памятника прямым указаниям письменных источников, чем археологическим данным.

В. В. Седов предложил набор археологических признаков феодальной усадьбы-замка (1960, с. 123, 124). В него автор включает: наличие укреплений; находки предметов вооружения, типичные для быта феодалов; находки обломков стеклянных браслетов; следы значительной имущественной дифференциации среди населения памятника. Отличительными чертами феодальной усадьбы от города служат незначительные размеры; хорошо прослеживаемая связь с сельским хозяйством; слабое, одностороннее развитие ремесла.

Для сторожевых городов (крепостей) пока еще не выработано общих критериев. П. А. Раппопорт полагает, что военными крепостями были городища с особым устройством вала, в насыпи которого с внутренней стороны размещались жилые и хозяйственные помещения. Эти поселения строились по заранее намеченному плану. Их укрепления одновременно служили жилищами для гарнизона. На таких городищах (Райковецкое, Изяславль и др.) часто, кроме земледельческих орудий, находят предметы вооружения воина-рыцаря. Выводы П. А. Раппопорта оспорили В. И. Довженок и М. П. Кучера. Широкое распространение памятников с аналогичными конструктивными особенностями валов по территории Руси, наличие в их числе городищ самой различной плановой структуры заставляет с осторожностью отнестись к заключениям П. А. Раппопорта. Поэтому наиболее надежным для выявления сторожевых крепостей признаком пока остается их местоположение вдоль границы на стратегических направлениях возможного удара противника.

Таким образом, в результате успешного археологического изучения древнерусских укреплений поселений сложилась благоприятная перспектива дальнейшего углубленного исследования различных сторон городской жизни Руси, стратегии обороны государственных границ, устройства и быта феодальных замков и становления феодального землевладения. Появление новых материалов стимулировало интерес к проблемам градообразования. Л. В. Алексеев на примере полоцких городов стремился показать, что города возникали там, где продукция ремесленников находила сбыт (1966, с. 132). Город, по его мнению, мог возникнуть и из замка, и около монастыря, и на месте племенного центра, если торгово-ремесленное население находило там защиту, а торгово-транзитный путь обеспечивал поступление сырья и сбыт товаров.

В. В. Мавродин и И. Я. Фроянов рассматривают появление первых русских городов как следствие распада родовых отношений (1970). Поэтому древнейшие города выросли из племенных центров. Лишь в XI в., утверждают авторы, сформировались условия для образования городов в связи с развитием ремесла и внутреннего обмена.

Оригинальную концепцию происхождения древнерусских городов выдвинули В. Л. Янин и М. Х. Алешковский (1971). Опираясь на наблюдения по вопросам образования Новгорода, они считают, что города вырастали не из княжеских замков или торгово-ремесленных поселков, а из вечевых (административных) центров сельских округ—погостов, где концентрировалась дань и находились ее сборщики. Сам Новгород, как думают исследователи, формировался постепенно. Сначала несколько мелких сельских поселений слились в три более крупных поселка, явившиеся территориальными ядрами будущих Славенского, Неревского и Людина концов. Затем три древнейших конца (возможно, центры соответствующих племен) объединились вокруг общих языческого капища, могильника и места вечевых собраний в единый городской организм.

Определенные итоги всестороннего изучения русских средневековых городов подведены в статье В. В. Карлова (1976). По поводу процесса градообразования автор отстаивает точку зрения М. Н. Тихомирова, связывавшего появление городов с ростом потребности сельского хозяйства в продукции специализированного ремесла. Вместе с тем значительное внимание В. В. Карлов уделяет второй составляющей градообразовательного процесса — прогрессу развития феодализма, оспаривая утверждение В. В. Мавродина и И. Я. Фроянова о зарождении городов вследствие распада родовых отношений. Исследователь подчеркивает множественность функций, выполнявшихся древнерусским городом в системе феодального государства, и указывает на необходимость их дальнейшего изучения.

На современном этапе развития археологии, помимо городов и укрепленных пунктов, исследовались рядовые сельские поселения. И хотя отставание в изучении этой исторически важной категории древнерусских памятников еще не ликвидировано, сделан значительный шаг вперед.

Особенно интенсивные изыскания велись на территории Северо-Западной и Северо-Восточной Руси. В течение ряда лет коллектив сотрудников Государственного Исторического музея плодотворно разрабатывал историю древнерусской деревни X—XIII вв. по археологическим данным. Результаты совместного труда опубликованы в трех выпусках «Очерков по истории русской деревни» (1956, 1959, 1967). Составлена карта сельских поселений и дана их характеристика, рассмотрены сельское хозяйство, деревенские промыслы, домашнее производство, ремесло и торговля, картографированы и систематизированы различные типы металлических украшений.

По мнению исследователей, основу сельской экономики севера Руси X—XIII вв. составляло пашенное земледелие, велика также была роль скотоводства. Четко прослеживается связь густоты размещения деревень с характером почв. Сельские поселения, как правило, располагались в X—XIII вв. на реч-

ных и озерных террасах, где имелись плодородные аллювиальные почвы и обширные заливные луга. Прибрежно-рядовая застройка преобладала над остальными типами планировки. Большинство деревень состояло не более чем из 3—6 дворов. Многодворные поселения являлись относительно редкими.

Из домашнего производства в самостоятельные отрасли ремесла выделились: добыча металлов, кузнечно-литейное дело и гончарство. При раскопках поселений и особенно могильников неоднократно обнаружены изделия городских ремесленников и импортные вещи, свидетельствующие об участии сельского населения во внутренней торговле. Полученная картина уточняет, а частично и опровергает взгляды на быт и характер древнерусской деревни, господствовавшие в науке еще в 40-х — начале 50-х годов.

Целенаправленные исследования сельских поселений центральных районов Смоленской земли провел В. В. Седов (1960). Сплошные археологические разведки автор сочетал с раскопками некоторых ключевых памятников. Особое внимание было обращено на топографию, планировку и хронологию выявленных поселений. В. В. Седов убедительно подразделил все обследованные поселения на три хронологических периода и восстановил динамичную картину развития смоленской деревни с VIII по XIV в. Данная работа является пока единственной по массовому археологическому изучению определенного микрорайона Руси. Поэтому ее выводы имеют первостепенное значение для истории древнерусских сельских поселений.

Хуже изучены сельские поселения юга Руси. Стационарные раскопки проводились в Днепровском Надпорожье (за пределами основной территории древнерусского государства) и на отдельных памятниках в лесостепной и лесной частях Украины (Комаровка, Лука Райковецкая, Рипнев и некоторые другие). Вместе с тем разведками последних лет обнаружено значительное число новых памятников, особенно в зонах новостроек. Установлено, что более плотно была заселена лесостепь, где селища располагаются вдоль берегов рек поблизости друг от друга. Таким образом, археологические данные свидетельствуют о значительной концентрации сельского населения в южнорусских землях.

Таким образом, история древнерусских поселений и крестьянства в целом с археологической точки зрения далека от своего завершения. Предстоит серьезная разработка данной проблемы собственно археологическими методами и с помощью смежных исторических и естественных наук. Первоочередным является обоснованное выделение по данным археологии историко-географических и социальных типов сельских поселений, всестороннее исследование основ их экономики и быта.

Прошедшие два десятилетия отмечены крупными успехами в изучении военного дела на Руси. О достижениях в исследовании закономерностей развития фортификационного строительства и создания систем обороны княжеств говорилось выше. Не менее значительны работы, посвященные истории оружия. А. Ф. Медведев издал сводку находок древнерусских наконечников стрел, деталей луков и колчанов (1966). Благодаря коллекциям советской археологической экспедиции из Каракорума удалось выявить группу характерных монгольских наконечников стрел, что имеет важное значение для точной фиксации на памятниках слоев времени Батыева нашествия.

Другие виды наступательного и оборонительного оружия, а также детали воинского снаряжения коня и всадника стали предметом изысканий А. Н. Кирпичникова. В нескольких выпусках «Свода археологических источников» представлены по категориям большинство из известных ныне находок русских мечей, сабель, кинжалов, копий, топоров, булав, кистеней, доспехов, шлемов, щитов, стремян, удил и т. д. (1966а, 1971, 1973а, б). Четкая типология и хронология различных видов вооружения позволила воссоздать подробную картину поступательного развития техники военного дела.

Конструктивные особенности славянских и древнерусских жилищ как устойчивые этнографические признаки всегда привлекали внимание археологов. Расширение географии раскопок, появление в массовом масштабе новых материалов сделали возможным разносторонне исследовать проблему домостроительства в Древней Руси. Большое значение имеют данные, полученные в результате многолетних работ Новгородской археологической экспедиции. Хорошо консервирующий органические вещества культурный слой Новгорода сохранил остатки десятков и сотен деревянных сооружений: домов, хозяйственных и производственных построек, мостовых настилов, частоколов, водоотводных труб, архитектурных деталей. Скрупулезно изучивший их П. И. Засурцев не только реконструировал отдельные сооружения, но и восстановил застройку городского двора-усадьбы в целом (1959, 1963, 1967).

Наблюдения о характерных приемах устройства жилищ, особенностях их внутренней планировки содержатся во многих работах. Появились опыты графической и объемной (макеты) реконструкции отдельных построек, изученных частей и целых поселений. Попытка наметить общую эволюцию жилищ северо-западной Руси IX—XIII вв. дана в монографии Ю. П. Спегальского (1972). Общую сводку большинства из известных находок жилищ на территории Руси составил П. А. Раппопорт (1975). Автор стремился по этапам и на разных территориях проследить процесс развития восточнославянских и древнерусских жилищ с VI по XIII в. Особое внимание было обращено на причинную взаимосвязь изменений в плановой схеме жилищ с изменением типа печей. И хотя история древнерусского жилища еще далеко не исчерпана, сведение воедино всего накопленного археологией материала по этой проблеме — качественно новый шаг в ее изучении.

Постепенно меняется отношение археологов к памятникам XIV—XVII вв. Помимо Новгорода и Москвы, культурные напластования этой эпохи исследуются или исследовались в Киеве, Пскове, Звенигороде Московском, Новогрудке, Витебске, Орешке, Мангазее, Александрове, Львове и др. Причем речь идет не о попутных наблюдениях, а о систематическом археологическом изучении истории городов XIV—XVI вв. Можно предположить, что в недалеком будущем традиционное отставание археологии в этой области будет ликвидировано.

Неуклонно возрастал в прошедшие два-три десятилетия удельный вес исследований археологов в области древнерусской культуры. Оформились во вполне самостоятельные направления работы по истории каменного зодчества, прикладного искусства и художественного ремесла; культурных связей Руси с зарубежными странами; взаимовлияния и синтеза культур племен и народностей, входивших в состав древнерусского государства; народной (бытовой) культуры; эпиграфики и грамотности. Не приходится сомневаться, что процесс «вторжения» археологии в сферы искусствоведческих дисциплин будет интенсифицироваться и впредь. Ведь раскопки постоянно открывают все новые и новые памятники древнерусской культуры. Более того, они попадают в руки археолога не изолированно, а в комплексе с синхронными им материалами, характеризующими конкретную историческую обстановку существования каждого памятника.

Общеизвестны достижения археологии в изучении древнерусского зодчества. Благодаря раскопкам в его историю вписаны блестящие страницы. Перу археологов принадлежат фундаментальные труды, посвященные развитию архитектуры древнего Киева (Каргер М. К., 1958; 1961). Северо-Восточной Руси XII–XV вв. (Воронин Н. Н., 1961, 1962) Смоленска (Каргер М. К., 1964; Воронин Н. Н., Раппопорт П. А., 1979). Самым широким образом использованы археологические данные Ю. С. Асеевым. Раскопки в Московском Кремле (Н. С. Шеляпина-Владимирская, В. В. Федоров) пролили свет на историю раннемосковской архитектуры. Вновь исследовались старорязанские храмы (А. Л. Монгайт, М. Б. Чернышов, П. А. Раппопорт, В. П. Даркевич). Продолжались планомерные раскопки каменных построек Киева (П. П. Толочко), Пскова (В. Д. Белецкий), Полоцка (М. К. Каргер, П. А. Раппопорт, В. А. Булкин). Новгорода (М. К. Каргер, Г. М. Штендер) и др. Собранные в изобилии материалы обобщены в специальном выпуске Свода Археологических источников Раппопортом П. А. (1982а).

Большой вклад в изучение древнерусского архитектурного декора, прежде всего белокаменной скульптуры, внесли работы Г. К. Вагнера (1964; 1966; 1969; 1975). Исследователю удалось восстановить архитектурные формы и великолепное убранство знаменитого Георгиевского собора в Юрьеве-Польском, храмов Владимира, Суздаля и др. Благодаря трудам Г. К. Вагнера искусство древнерусских скульпторов теперь предстает перед нами во всем своем великолепии.

Развернутый очерк развития русского прикладного искусства X–XIII вв. издан с хорошо подобранными иллюстрациями Б. А. Рыбаковым (1971). Прикладное искусство Московской Руси XIII–XVI вв. подробно исследовано Т. В. Николаевой (1976). Ее постоянным вниманием пользовались также памятники мелкой пластики XI–XVI вв. (1968).

Возможности археологии в деле углубленного изучения истории древнерусского искусства неоднократно подтверждались на практике. Настоящей сенсацией явилось открытие в Новгороде целой усадьбы церковного деятеля и иконописца XII в. Олисея Гречина. Впервые исследователи располагают столь разносторонним набором фактов, характеризующим быт, работу и общественное положение древнего живописца (Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л., 1981).

Глубокие корни языческого славянского мировоззрения рассмотрены Б. А. Рыбаковым (1981б).

Одной из важных и еще мало разработанных тем является многонациональный характер культуры древнерусского государства. Археологические находки приобретают здесь первостепенное значение. Они наглядно позволяют судить о степени синтеза, взаимовлиянии культур и обычаев различных племен и народностей, вошедших в состав Руси. Отдельные аспекты этой сложной проблемы нашли отражение в работах Н. Н. Воронина, Л. А. Голубевой, Э. С. Мугуревича, А. Л. Монгайта, С. А. Плетневой, Б. А. Рыбакова, Е. Н. Рябинина, В. В. Седова, З. М. Сергеевой, А. П. Смирнова и др. Но ее комплексное изучение представляется делом ближайшего будущего.

Народная культура повседневного быта русских людей X–XV вв. долго оставалась малодоступной для исследователей. Лишь массовые археологические раскопки, в особенности памятников с культурным слоем, сохраняющим органику, изменили существовавшее положение. Они открыли яркий, самобытный мир «обычных» вещей и предметов, окружавших человека далекого прошлого. Сегодня детали крестьянского и городского костюмов, интерьер жилищ, предметы туалета, домашнего обихода, игрушки и игры исследуются и публикуются археологами. Примером такого издания, действительно ставшим новым словом в науке, являются два выпуска Сводов археологических источников Б. А. Колчина, посвященных деревянным изделиям древнего Новгорода (1968, 1971).

Многолетние наблюдения археологов над памятниками древнерусской культуры способствовали теоретическому осмыслению ряда важных проблем. Г. К. Вагнер поставил и исследовал вопрос о происхождении жанров древнерусского искусства (1974). Б. А. Рыбаков обратился к анализу классовой природы культуры феодального общества (1970а). Вывод исследователя о наличии в недрах русского средневековья двух культур: «господствующей» культуры дворцов и усадеб, возглавленной в значительной мере церковью, и демократической культуры, наиболее прогрессивное крыло которой представлено городскими посадскими людьми» (с. 33), заслуживает самого серьезного внимания.

Ныне археологии принадлежит заметная роль в изучении развития грамотности и письменности на Руси. Благодаря археологическим изысканиям фонд письменных источников X–XV вв. пополнился сотнями и тысячами новых единиц. Речь в первую очередь идет о берестяных грамотах и памятниках вещевой палеографии – эпиграфики.

Коллекция новгородских берестяных грамот с начала 50-х годов превысила 600 штук. К ней присоединились грамоты из Смоленска, Пскова, Старой Руссы, Витебска, Мстиславля, Твери. Нет сомнения, что география находок «писем на бересте» будет расширяться и впредь. Выдающееся открытие по достоинству оценили ученые разных специальностей. Но только недавно в связи с накоплением новых

текстов его научное значение проявилось в полной мере. В семи томах академического издания новгородских берестяных грамот (НГБ 1953, 1954, 1958а, 1958б, 1963а, 1963б, 1978) заключена поистине бесценная информация о жизни древнего Новгорода и Руси в целом.

Работы сотрудников Новгородской экспедиции, прежде всего А. В. Арциховского и В. Л. Янина, исследовавших содержание грамот в неразрывной связи с историей тех новгородских усадеб, где они были найдены, свидетельствуют об их далеко не исчерпанных источниковедческих возможностях (Янин В. Л., 1975, 1977).

Являясь памятниками письменности, берестяные грамоты одновременно остаются памятниками археологическими. Они позволяют установить социальное положение владельцев усадеб, иерархию общественных взаимоотношений упомянутых в них людей, генеалогические связи, род занятий авторов и адресатов и т. д. Яркий пример результативности археологического подхода к исследованию грамот; открытие существования в Новгороде боярских патронимий, владевших внутри города значительными территориями из нескольких усадеб и объединявших большие массы проживавших здесь людей.

Не менее важно значение берестяных грамот в качестве памятников высокого уровня развития древнерусской культуры. Они дают яркое представление о путях развития грамотности на Руси; о той общественной среде, где она нашла наибольшее применение; о методах обучения письму. Среди текстов на бересте есть подлинные, хотя еще немногочисленные образцы художественной литературы и эпистолярного стиля. Несомненно, в отличие от пергамента береста была наиболее дешевым и распространенным материалом для письма. Но наряду с ней изредка употреблялись листки свинца или меди, широко использовались также дощечки-церы, одна из сторон которых заполнялась воском. Особенно удобны они были при обучении грамоте, так как легко позволяли стирать и исправлять написанное. Писали на бересте специальными инструментами — писалами, изготовлявшимися из кости, железа или бронзы. Учет и классификацию этих находок сделал А. Ф. Медведев (1960). Они обнаружены при раскопках многих памятников практически на всей территории Руси.

По характеру надписей к берестяным грамотам приближаются записи-граффити, процарапанные на стенах архитектурных сооружений. Они обратили внимание на себя еще в начале века. Однако их детальное изучение развернулось лишь в послевоенные годы (Б. А. Рыбаков, М. К. Каргер, Н. Н. Воронин, А. Л. Монгайт). Иногда граффити находят во время раскопок древних храмов, но целые серии этих замечательных памятников были открыты в процессе архитектурно-реставрационных работ. В монографиях С. А. Высоцкого (1966, 1976) и А. А. Медынцевой (1978) введены в научный оборот сотни надписей-граффити из Софийских соборов Киева и Новгорода. Содержание этих записей различно: от поминально-молитвенных до шуточно-бытовых. Есть среди них автографы исторических лиц, актовые документы, рабочие пометки и пр. Можно утверждать, что среди авторов граффити были представители всех слоев городского населения Руси.

За последние годы в число массовых источников по истории древнерусской письменности, безусловно, вошли памятники вещевой палеографии: на сосудах, камнях и кирпичах, платежных слитках, монетах, печатях, металлической посуде и церковной утвари, украшениях, крестиках и образках, орудиях труда, предметах повседневного быта и т. п. Размеры записей различны: от одной-двух букв до нескольких фраз. Выход в свет свода датированных русских надписей XI—XIV вв. Б. А. Рыбакова (1964в) поставил дело изучения многих древнерусских вещей с надписями на строго научную основу. Появилась возможность надежно датировать по форме начертания отдельных букв даже надписи, в тексте которых нет четких хронологических признаков. Работа Б. А. Рыбакова для памятников XV — начала XVI в. была продолжена Т. В. Николаевой (1971). Фактически оба упомянутых Свода служат не только справочниками-определителями, но и практическими пособиями при изучении русской эпиграфики. Благодаря названным и многим другим работам история одной из важнейших областей культуры Древней Руси — письменности — получила самое разностороннее освещение.

В сжатом очерке трудно перечислить все направления и темы археологических изысканий по истории Руси за прошедшую четверть века. Отмечены лишь главные из них. Дальнейшая дифференциация исследований продолжается. Вместе с тем налицо очевидные признаки завершения очередного этапа развития древнерусской археологии. Опубликованы обобщающие труды по археологии отдельных земель-княжений или историко-географических регионов. Среди них выделяются «Очерки по археологии Белоруссии» (1972) и «Археология Украины» (1975), посвященные результатам археологического изучения южных и западных земель Древнерусского государства. Коллективы авторов стремились с учетом новейших данных решить вопросы этнической истории восточно-славянских племен, становления у них классового общества и государства, исследовать прогресс экономики, образования городов, расцвета культуры. Не все из затронутых в этих книгах проблемы изложены одинаково полно и убедительно. Но общее представление о значительных достижениях археологии передано верно. Наконец, настоящее издание, первое в отечественной науке по широте охвата материала и кругу поднятых вопросов, подводит итоги развития всей археологии в советскую эпоху.

Не только создание обобщающих трудов дает нам право судить о наступлении качественно нового периода в археологическом изучении Древней Руси. Наряду с углублением дифференциации исследований четко обозначились противоположные тенденции к их интеграции и синтезу. По существу это — две стороны одного процесса. Но если до недавнего времени приоритет принадлежал первой, то сейчас ведущей становится вторая. Именно на пути комплексного использования данных и методов многих наук, включая естественные и вспомогательные исторические дисциплины, к исследователям приходит наибольший успех. Таковы работы А. В. Арциховского, Н. Н. Воронина, Б. А. Колчина, Б. А. Ры-

бакова, В. В. Седова, В. Л. Янина. Привлечение по каждой проблеме возможно большего числа источников, решение ее в тесном взаимодействии гуманитарных наук и естествознания, т. е. осуществление интеграции наук на практике, открывает перед археологией совершенно новые возможности познания исторической действительности. Примеры подобных исследований приведены выше. Только методами археологии, даже непрерывно совершенствующимися, воссоздать в деталях процесс исторического развития Руси, установить его закономерности нельзя. Поэтому на современном этапе древнерусская археология должна стать комплексной. Во-первых, исследуя собственно археологические источники, извлекать скрытую в них информацию методами многих наук. Во-вторых, при разработке сложных проблем отечественной истории не ограничиваться одним-двумя видами источников, а опираться на всю доступную их совокупность.

Таким образом, археологическое изучение Древней Руси прошло несколько этапов. Знаментально, что они совпадают с общей периодизацией историографии России. Это не случайность, а естественное следствие того факта, что советская археология является органической частью исторической науки.

От этапа к этапу значение археологических исследований среди работ, посвященных древнерусской истории, увеличивается. Сначала эпизодически привлекавшиеся в качестве иллюстраций к сообщениям летописи, материалы раскопок постепенно превратились в полноценный, информационно насыщенный исторический источник. Сегодня им принадлежит в ряду других свидетельств далекого прошлого Руси важное место. В решении вопросов этногенеза, развития экономики и хозяйства, истории культуры и быта они имеют первостепенное значение. Но археология теперь вторгается и в сферы ранее недоступных ей исследований. Всестороннее изучение памятников сфрагистики, эпиграфики, геральдики и денежного обращения дополнило и расширило наши знания об истории древнерусских институтов власти. Археологическое выявление из массы поселений феодальных усадеб-замчищ поднимает завесу над ранними стадиями формирования крупного феодального землевладения на Руси. Раскопки широкими площадями, обнаружившие различные типы городских дворов, в том числе своеобразные гнезда боярских родов-патронимий, вскрыли социальную структуру древнерусских городов.

Преимущество археологических материалов над остальными категориями источников заключено в непрерывном количественном росте. Выводы, построенные на их анализе, проверяются сериями новых находок. Все это представляет значительные, далеко еще не исчерпанные возможности археологии в изучении Древней Руси.

Глава вторая
Археологические источники и методика исследования

Основным источником археологического изучения Древней Руси являются культурные отложения, связанные с жизнедеятельностью людей той эпохи. Культурные отложения, или культурный слой, в отличие от геологических пластов образуются в процессе деятельности человека и несут в себе ее явственный отпечаток. Они — прямой результат пребывания человека в данном месте. Теоретически, чем длиннее этот срок, тем мощнее культурный слой. Он насыщен предметами, использовавшимися человеком, и остатками возведенных им сооружений. Культурный слой начинает откладываться (постепенно нарастать) с момента появления человека на данной территории и прекращает свой рост с его уходом. Как правило, культурный слой увеличивается в строгой последовательности: наиболее древние отложения оказываются внизу, а позднейшие — наверху. Таким образом, археологи рассматривают культурный слой как комплекс, все компоненты которого (предметы, сооружения, строительные остатки и пр.) находятся в объективной хронологической и функциональной взаимосвязи. Отсюда проистекает обоснованная оценка культурного слоя как специфического источника познания многих явлений прошлого, поддающихся изучению только методами археологии.

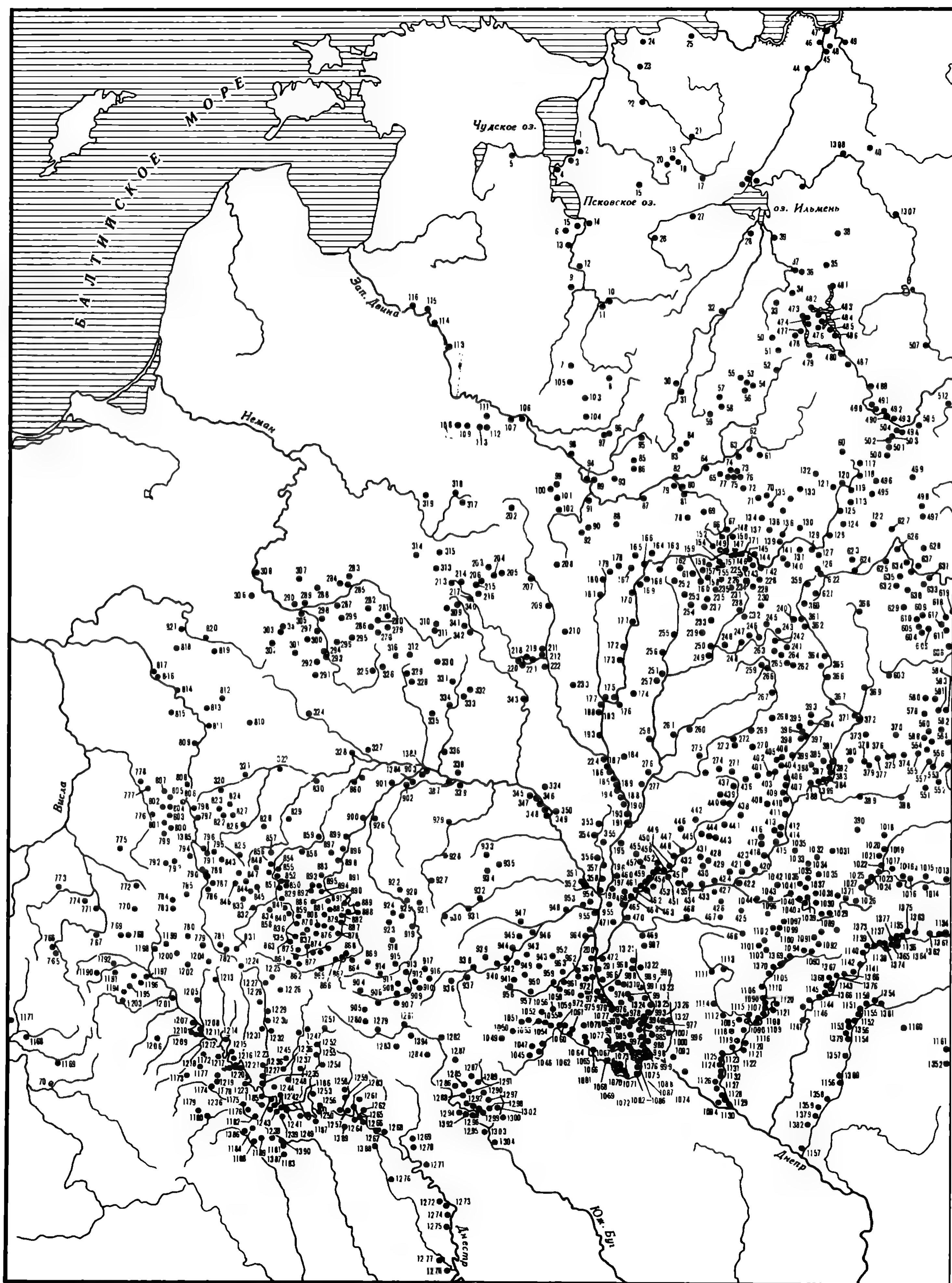
В советской археологической науке разработана методика исследования культурного слоя. Она базируется на строгой фиксации в процессе раскопок стратиграфии культурного слоя, т. е. взаиморасположения по вертикали его горизонтов и прослоек. Одновременно все предметы и сооружения с отметками глубины их залегания наносятся на горизонтальный план. Таким образом, графически восстанавливается картина жизни людей в данном месте. Все находки по времени их попадания в слой укладываются в относительную хронологическую шкалу. Иными словами, исследователь определяет, какие постройки возведены раньше, а какие — позже; какие вещи древнее, а какие — моложе. Лабораторными анализами (о чем будет сказано ниже) относительная хронологическая шкала переводится в абсолютную, т. е. получает точные даты по современному летоисчислению. Эти обстоятельства позволяют археологам изучать следы жизнедеятельности людей не в статике, а в динамике.

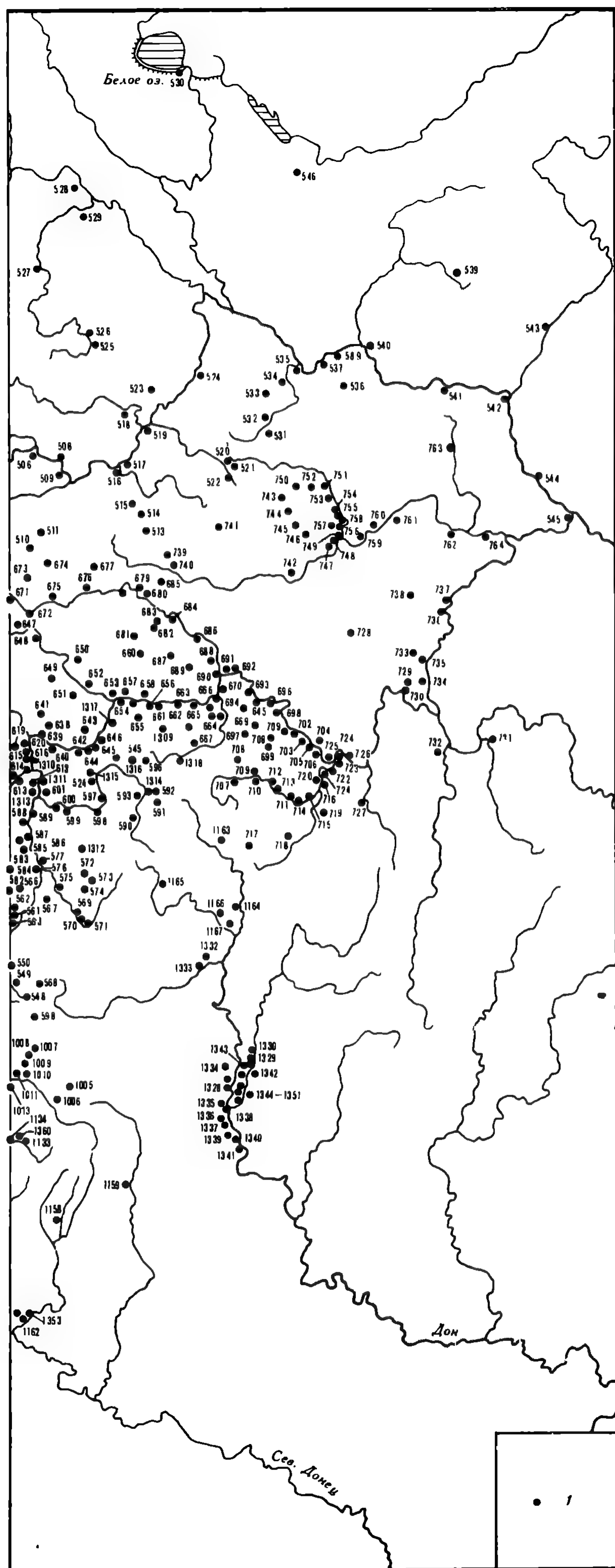
Объективное свойство культурного слоя объединять в хронологические и территориальные комплексы множество предметов и сооружений, а археологии выявлять системы взаимосвязей между ними превращает древние культурные напластования в первоклассный исторический источник. В свою очередь это объясняет необходимость систематического изучения культурных слоев и их действенной государственной охраны. Общественным признанием данного факта явился «Закон об охране и использовании памятников в истории и культуре СССР».

Естественно, что культурный слой не существует сам по себе. Он органически связан с различными категориями археологических памятников: древними поселениями, могильниками, культовыми и оборонительными сооружениями, ирригационными системами и т. п. Именно эти памятники служат объектами археологических исследований. Наиболее эффективным методом последних являются стационарные раскопки со вскрытием значительных площадей. Стационарные раскопки сочетаются с разведками и обследованиями, в ходе которых по внешним (морфологическим) признакам выявляются археологические памятники. В зависимости от целей разведки исследователи или ограничиваются топографической съемкой плана памятника и сбором подъемного материала на его поверхности, или производят ограниченное вскрытие (шурфовка, зачистка) культурного слоя. Используются также данные аэрофотосъемки, позволяющие обнаружить практически не заметные с поверхности земли памятники, уточнить их конфигурацию и площадь, а иногда — и планировку. На современном этапе некоторые памятники предварительно исследуются методами магнитной и электроразведки. Применение геофизических способов разведки в ряде случаев до начала раскопок выявляет наиболее перспективные участки культурного слоя, насыщенные остатками древних сооружений. Судить о границах распространения культурного слоя, его мощности и консистенции, а также об особенностях дневного рельефа позволяют данные геологического бурения.

В археологических работах участвуют антропологи, палеогеографы, палеоботаники, остеологи, ихтиологи и ученые многих других специальностей. Они исследуют методами своих наук особенности экологической среды, окружавшей человека прошлого, и его самого.

Для того чтобы точно нанести на план все обнаруженные в процессе исследования материалы, раскопы, как правило, ориентируются по странам света и жестко «привязываются» к плану памятника. Площадь раскопов разбивается на квадраты (1×1 м, 2×2 м, 5×5 м). Чередование слоев (стратиграфия) фиксируется по вертикальным бортам раскопа и специально оставленным стенкам (бровкам). Перед началом работ поверхность раскопов по углам квадратов нивелируется, т. е. определяются относительные высотные отметки современного рельефа. Раскопки ведутся по слоям, когда они визуально хорошо выделяются, или чаще — по горизонтальным пластам (штыкам) толщиной 0,1—0,2 м. Обычно отдельные горизонтальные планы составляются на каждый пласт. Раскопы вглубь доводятся до «мате-


БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
Чудское оз.
Псковское оз.
оз. Ильмень
Зап. Двина
Неман
Висла
Днепр
Днестр
Юж. Буг



рика» — древней дневной поверхности, на которой впервые на данном памятнике обосновались люди. Все найденные при раскопках предметы вносятся в полевую опись, в которой дается их первичное описание. Материал, оставленный на месте, описывается в дневниках, по мере необходимости зарисовывается и фотографируется. Фотографируются также этапы работ, остатки сооружений и их детали, борта раскопов и бровки. На этом завершается первый этап археологических исследований: раскопки и сбор материала.

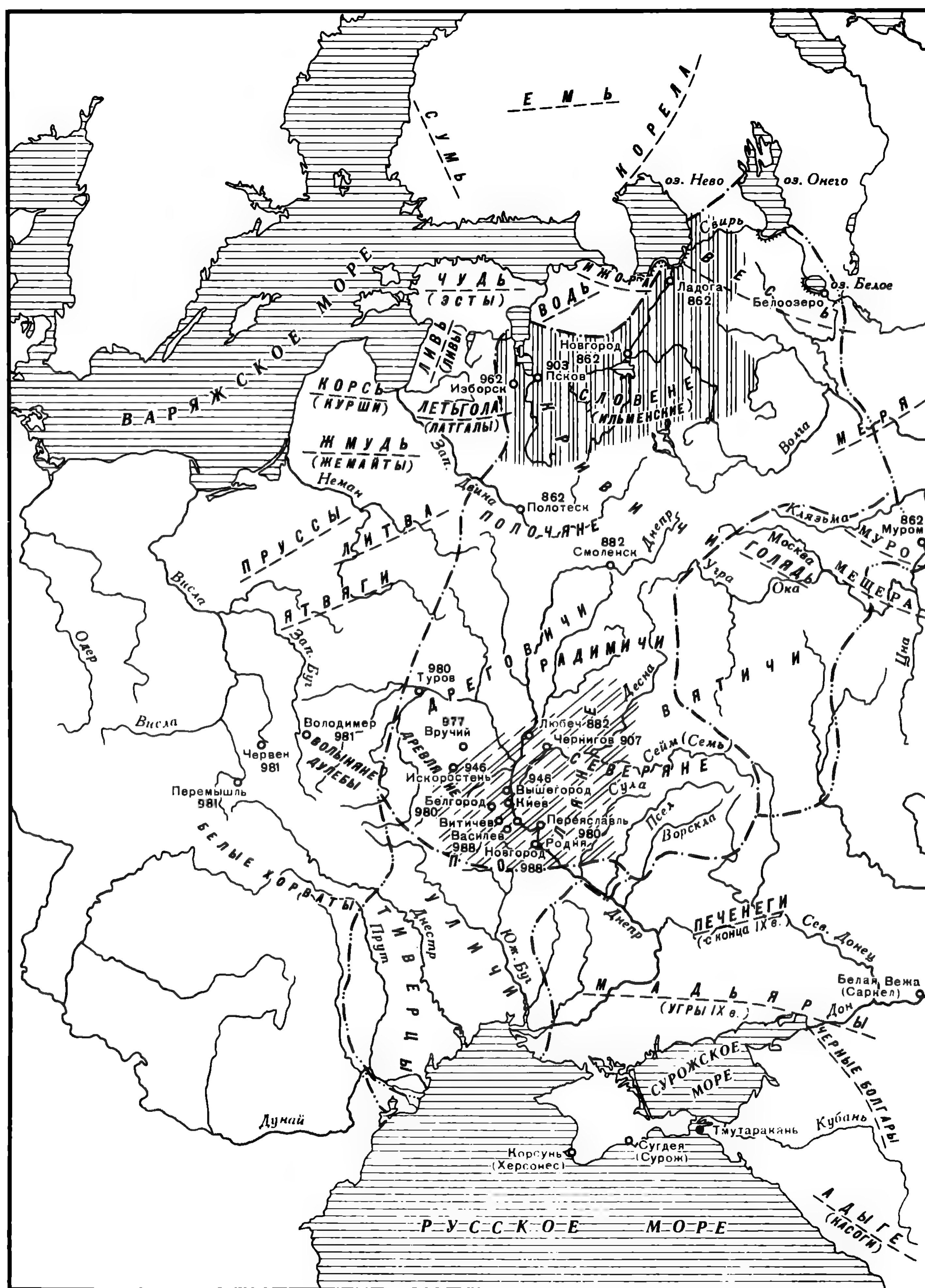
Второй этап исследования состоит в анализе собранного материала, в максимальном извлечении содержащейся в нем информации. Это — важнейший период исследования, в процессе которого «мертвые» археологические источники превращаются путем целенаправленной обработки в источники исторические. Во-первых, систематизируются и анализируются графическая документация, фотоснимки, дневниковые записи с целью подразделить культурный слой памятника на одновременно существовавшие хронологические горизонты и выявить взаимосвязанные комплексы сооружений и предметов. Во-вторых, после реставрации классифицируется добытый раскопками вещевой материал. В соответствии с данными стратиграфии он раскладывается на категории (оружие, орудия труда, украшения, керамика и пр.), отделы (мечи, топоры, браслеты, горшки) и типы (мечи с прямым перекрестьем и шаровидным навершием, вислообушные топоры, металлические пластинчатые браслеты, биконические горшки). При этом требуется, чтобы были достаточно выражены общность предметов внутри каждой группы и различия между ними. Затем для уточнения назначения вещей и их хронологии привлекаются аналогии из ранее известных, хорошо датированных комплексов. Относительная хронологическая шкала изучаемого памятника переводится в абсолютную.

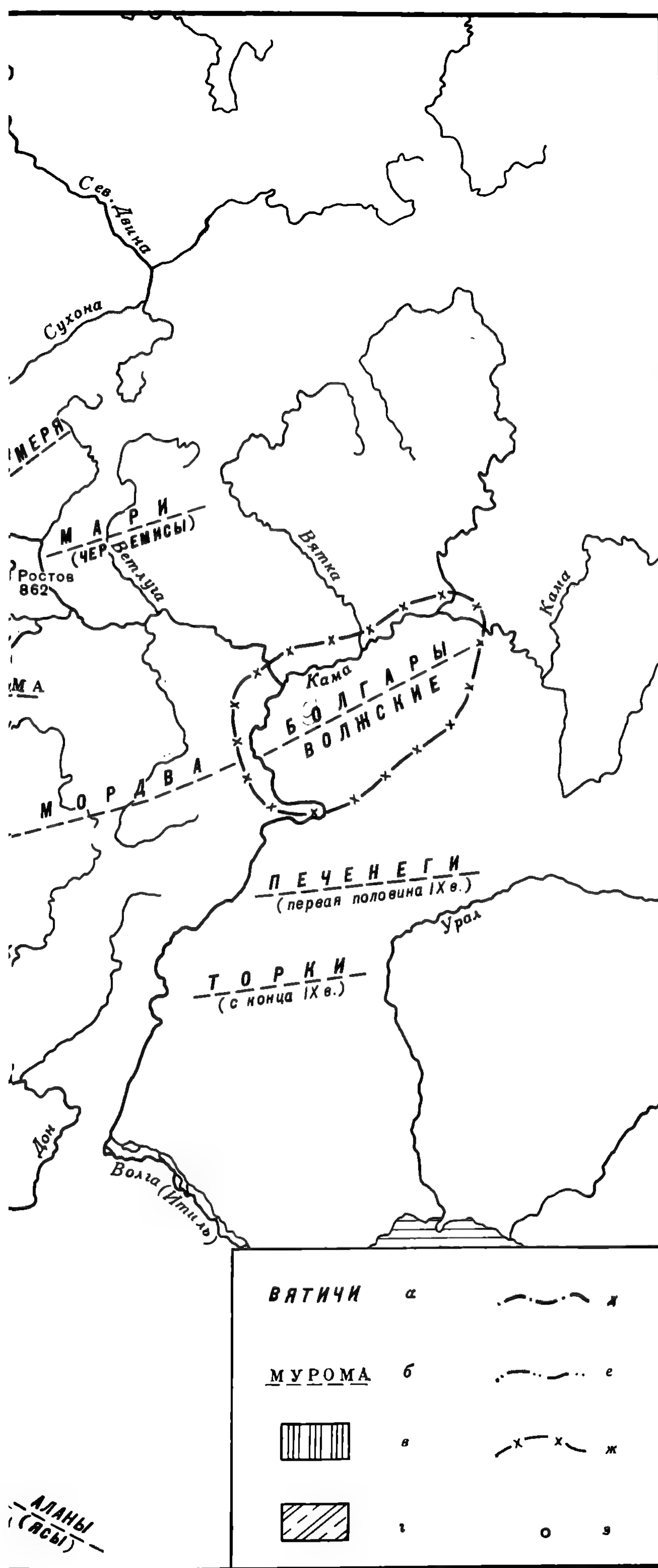
Ныне, на современном этапе исследований, все большее применение завоевывают статистико-комбинационные методы обработки материала, основанные на формализации описания археологического источника. Они дают возможность на языке математики обосновать систему доказательств различия и сходства групп предметов и целых археологических комплексов и проверить ее.

Для установления абсолютной хронологии археологических сооружений и находок широко применяются методы исследования естественных наук — радиоуглеродный и дендрохронологический. Наиболее разработанным и успешно внедренным в археологию древней Руси является дендрохронологический метод. Его значение в древнерусской археологии трудно переоценить. Дендрохронология принесла в археологию невиданную ранее возможность абсолютного датирования с точностью до года.

Благодаря дендрохронологии археологи получили

Таблица 1. Сводная карта древнерусских укрепленных поселений. X—XIII вв. Включены отдельные малоизученные памятники, условно относимые к числу древнерусских. Номера на карте соответствуют имеющемуся в тексте списку древнерусских укрепленных поселений X—XIII вв.


ЕМЬ
СУМЬ
КОРЕЛА
оз. Нево
оз. Онего
Свирь
ВАРЯЖСКОЕ МОРЕ
ЧУДЬ (ЭСТЫ)
ИЖОРА
ВОДЬ
Ладога 862
ВЕСЬ
оз. Белое
Белоозеро
ЛИВЬ (ЛИВЫ)
КОРСЬ (КУРШИ)
ЛЕТЬГОЛА (ЛАТГАЛЫ)
Новгород 862
903 Псков
962 Изборск
СЛОВЕНЕ ИЛЬМЕНСКИЕ
КРИВИЧИ
ЖМУДЬ (ЖЕМАЙТЫ)
Зап. Двина
Неман
Волга
МЕРЯ
862 Полотеск
ПОЛОЧАНЕ
ПРУССЫ
ЛИТВА
882 Смоленск
Днепр
Клязьма
862 Муром
МУРОМА
Москва
ГОЛЯДЬ
Угра
Ока
МЕЩЕРА
Висла
ЯТВЯГИ
Одер
Зап. Буг
КРИВИЧИ
РАДИМИЧИ
ВЯТИЧИ
Цна
980 Туров
ДРЕГОВИЧИ
Десна
Висла
Володимер 981
977 Вручий
Любеч 882
Чернигов 907
Червен 981
ВОЛЫНЯНЕ ДУЛЕБЫ
ДРЕВЛЯНЕ
946 Искоростень
946 Вышегород
СЕВЕРЯНЕ
Сейм (Семь)
Перемышль 981
Белгород 980
Киев
Сула
ПОЛЯНЕ
Витичев
Переяславль 980
Псел
Василев 988
Новгород
Родня
988
Ворскла
БЕЛЫЕ ХОРВАТЫ
ТИВЕРЦЫ
Днестр
Прут
УЛИЧИ
Юж. Буг
Днепр
ПЕЧЕНЕГИ (с конца IX в.)
Сев. Донец
Белая Вежа (Саркел)
МАДЬЯРЫ (УГРЫ IX в.)
Дон
ЧЕРНЫЕ БОЛГАРЫ
СУРОЖСКОЕ МОРЕ
Тмутаракань
Кубань
Дунай
Корсунь (Херсонес)
Сугдея (Сурож)
АДЫГЕ (КАСОГИ)
РУССКОЕ МОРЕ



возможность при соответствующей разработке хронологических систем памятника датировать сооружения из дерева с точностью до календарной годичной даты, а прослойки культурного слоя и все археологические находки, найденные здесь,— в пределах десятилетия. Это очень высокая точность. Дендрохронология, как мы знаем, определяет дату рубки конкретного образца дерева, а не возраст археологического памятника (Колчин Б. А., 1963). Интерпретация даты рубки дерева, вскрытого на раскопе, т. е. определение временной связи с жизнью изучаемого археологического объекта, является самостоятельным методом, имеющим свою специфику.

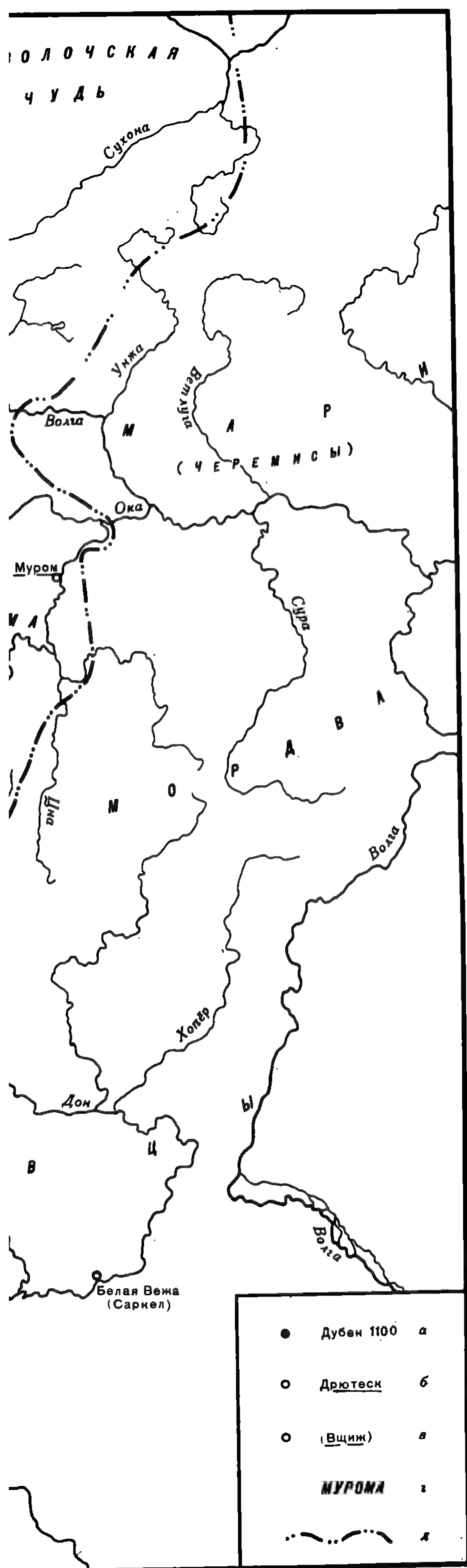
Дендрохронологическое датирование успешно применяется в археологических исследованиях таких городов, как Новгород, Псков, Смоленск, Полоцк, Мстиславль, Белоозеро, Киев, Торопец, Старая Ладога, Минск, Старая Русса и ряд других. Огромный научный эффект дендрохронологический метод дает при условии массовых исследований на широких площадях, таких, как, например, в Новгороде. Идеальным вариантом для абсолютного датирования и хронологического членения слоя являются раскопы, на территории которых проходят древние улицы с многочисленными ярусами деревянных настилов мостовых. Например, в Новгороде вскрыто девять древних улиц, насчитывающих каждая до 30 и более горизонтов деревянных мостовых. Время постройки всех мостовых определено с точностью до одного года. Например, первая мостовая Великой улицы на Софийской стороне была построена в 953 г., а первая мостовая Михайловой улицы на Торговой стороне была сооружена в 974 г. (Колчин Б. А., Черных Н. Б., 1978).

Раскрытие физических, химических, биологических и иных характеристик археологических объектов возможно только в содружестве с естественными науками. С помощью металлографии, спектрального анализа, химического анализа, рентгенографии, микроскопического анализа органики, радиоактивационного анализа, физического моделирования исследуются особенности древней технологии и производства. Разрабатывается специальная методика, отвечающая задачам исторического исследования. При изучении найденных произведений искусства используются современные методы искусствознания, а эпиграфических памятников — палеографии и лингвистики. Монеты, печати, гербы и эмблемы, меры длины, объема и веса исследуются с помощью вспомогательных исторических дисциплин — нумизматики, сфрагистики, геральдики и метрологии. При анализе археологического материала используются и методы других наук, позволяющие избежать значительных потерь информации, от степени объективности и полноты которой зависит реконструкция за-

Таблица 2. Формирование государственной территории и древнейшие города Киевской Руси

а — восточнославянские племена; *б* — неславянские племена; *в* — территория Славии (Внешней Руси); *г* — территория Русской земли (Внутренней Руси); *д* — границы Древнерусского государства в конце IX в.; *е* — границы Древнерусского государства в 70-х годах X в.; *ж* — границы Волжской Болгарии к 980 г.; *з* — древнейшие русские города

БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
ЧУДЬ (ЭСТЫ)
ВОДЬ
ИЖОРА
ВЕСЬ
Ладога
Белое оз.
Волхов
Чудское оз.
Юрьев -Тарту 1030
ЛИВЬ (ЛИВЫ)
Псковское оз.
Новгород
оз. Ильмень
Изборск
Псков
Руса 1070
КОРСЬ (НУРШИ)
ЗЕМИГОЛА
ЛЕТЬГОЛА (ЛАТГАЛЫ)
Зап. Двина
Великая
Ловать
ЖМУДЬ (ЖЕМАЙТЫ)
Ярославль 1071
МЕРЯ
Торопец 1074
Новый Торг 1025
Луки
Жижец
Неман
Браслав 1065
Всвят 1021
Суздаль
Полотеск
ПРУССЫ
ЛИТВА
Витебск 1021
МУРОМА
Вилия
Лукамль ок 1078
Смоленск
МЕЩЕРА
Визна
(Городно)
Изяславль
Догожеск 1078
Друтеск 1078
Рша 1067
Копыс 1059
ГОЛЯДЬ
Рязань 1096
ЯТВЯГИ
Менеск 1067
(Новогородок)
(Волковыск)
Десна
Пронеск
Сож
Березина
(Вщиж)
Берестий 1019
Пинеск 1097
Дон
Припять
Стародуб ок.1079
Туров
Сутейск 1069
Турийск 1097
Черторыеск 1100
Любеч
1024 Листвен
Новгород-Сев. 1079
Волынь 1018
Володимерь
1097
Шеполь
Вручий
Сновеск 1068
Куреск
Червен
Всеволож
Луческ 1085
Искоростень
Оргощ
Чернигов
Белз 1030
Перемиль 1097
Дубен 1100
Дорогобуж 1072
Городец-Востръский 1098
Сейм
Воронеж
Перемышль
(Вишня)
Божеск 1097
Вышегород
Тумощ
Белая Вежа 1085
Эдвижден 1097
Киев
Городец 1026
Переволока 1092
Звенигород 1086
Плесненск
Белгород
Васильев
Санов
Витичев
Прилук 1085
Треполь
Устье 1096
Песочен
Галич
Теребовль 1097
Неятин 1071
Гургев 1072
Красн 1085
Заруб 1096
(Чучин)
Ворскла
Растовец
Торческий 1085
Родня
Горошин
Римов 1095
Воинъ 1055
Орель
Днепр
Сев. Донец
ПОЛОВЦЫ (с 1055 г.)
Прут
Серет
Днестр
Юж. Буг
ПЕЧЕНЕГИ (с конца IX в. до 1036 г.)
Днепр
Дон
Олешье 1084
Корчев
Сугдея (Сурож)
Тмутаракань
Кубань
Дунай
ЧЕРНОЕ МОРЕ
Корсунь (Херсонес)



кономерностей исторического развития человеческого общества. Именно на пути интеграции археологии с различными науками ее выводы приобретают объективный, строго обоснованный характер.

Третий и самый ответственный этап археологического исследования — историческая интерпретация собранных и проанализированных материалов и фактов. Собственно, это — цель, главная задача всей предшествующей работы. Элементы интерпретации присутствовали на предыдущих этапах. Но только теперь археолог обращается целиком к системе своих источников как к источникам историческим. Именно на интерпретационном уровне археология проявляет себя в полном объеме как наука историческая. Основываясь на полученных фактах, исследователь стремится восстановить историю общества, оставившего данный памятник или группу памятников. Решаются вопросы их этнической принадлежности, уровня развития сельского хозяйства и ремесленного производства, социальной структуры и организации и т. д. Здесь наиболее ярко проявляются преимущества советской археологии, вооруженной марксистско-ленинской методологией познания истории. Приступая к исторической интерпретации, археологи широко привлекают сведения письменных источников, данные этнографии, социологии, топонимики и лингвистики, результаты исследования археологического материала специалистами других дисциплин.

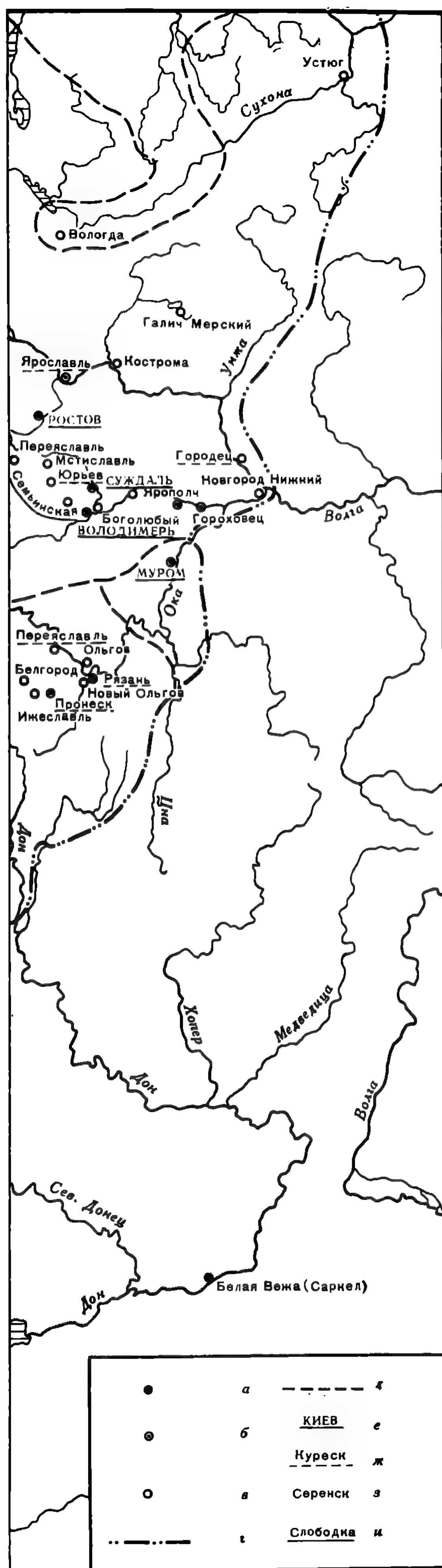
Убедительность исторического осмысления исследованных памятников прямо зависит от репрезентативности использованных источников. Синтез источников, опора в решении исторических проблем на возможно большую их совокупность определяет сегодня успех исследования. Такова структура большинства фундаментальных археологических работ, посвященных изучению одного памятника, группы памятников, целой археологической культуры или обширного историко-географического региона.

Все вышесказанное в полной мере относится к археологическому исследованию древнерусских памятников X—XIV вв. Они подразделяются на несколько категорий разного уровня. Памятники высшего уровня: поселения, могильники, культовые сооружения (святилища, монастыри), самостоятельные оборонительные линии («Змиевы валы», засечные черты) являются комплексными, объединяющими значительную совокупность памятников других категорий. Следующий уровень — памятники типа жилищ и хозяйственных построек (домостроительство); каменные здания (монументальное зодчество); оборонительные сооружения поселений (оборонное зодчество); мостовые, дренажные системы, колодцы, мосты (благоустройство); пахотные орудия, орудия уборки и переработки урожая, остатки растений (земледелие) и т. д. включают в себя несколько категорий других памятников, имеющих непосредственное отношение к определенной отрасли человеческой деятельности. Наконец, древнерусские археоло-

Таблица 3. Древнерусские летописные города XI в.

а — древнерусские города, упомянутые в летописи; *б* — древнерусские города, изученные раскопками; *в* — древнерусские города, упомянутые в источниках XII—XIII вв., на которых есть культурный слой XI в.; *г* — неславянские племена; *д* — границы Руси

Ладожское оз.
Онежское оз.
Белое оз.
Ладога
Белоозеро
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
Чудское оз.
Волхов
НОВГОРОД
Псковское оз.
Избореск
Псков
Руса
Ловать
Великая
Зап. Двина
Кокнесе
Ерсике
Новый Торг
Ксхятин
Торопец
Тверь
Волга
Луки
Жижец
Ржев
Микулин
Зубцов
Дмитров
Волок Ламский
Неман
Браслов
ПОЛОТЕСК
Вержавск
Москва
Можаеск
Витебск
Вязьма
Перемышль
Коломна
СМОЛЕНЕСК
Рша
Дорогобуж
Логожеск
Борисов
Городен
Изяславль
Менеск
Друтеск
Копысь
Ельна
Спас-Городок
Волковыеск
Новгородок
Мстиславль
Серенеск
Вослоним
Клеческ
Ростиславль
Козельск
Дорогичин
Рогачев
Кречют
Случеск
Березина
Вщиж
Дебрянеск
Берестий
Корачев
Пинеск
Днепр
Гомий
Стародуб
Припять
Давид-Городок
Воротынцево
Слободка
Горынь
Туров
Трубецк
Висла
Холм
Брягин
Новгород-Северский
Сутеска
Волынь
Чарторыеск
Любеч
Сновеск
ВОЛОДИМЕР
Вручий
Оргощ
ЧЕРНИГОВ
Глухов
Куреск
Червен
Луческ
Пересопница
Моровиеск
Десна
Путивль
Рылеск
Ярославль
Белз
Сейм
Перемиль
Дорогобуж
Всеволож
Львов
Муравица
Вырь
Перемышль
Бужеск
Городец Востръский
Глебль
Вьяхань
Шумеск
Изяславль
Белгород
Вышегород
Звенигород
Плесненск
КИЕВ
Ромен
Попаш
Василев
Звенигород
Дорогобыч
Деревич
Треполь
Тумащ
Губин
ПЕРЕЯСЛАВЛЬ
Кубин
Витичев
Заруб
ГАЛИЧ
Тереболь
Межибожие
Гюргев
Чучин
Канев
Донец
Торческий
Родня
Днестр
Корсунь
Ворскла
Василев
Воинь
Ленковцы
Днепр
Прут
Юж. Буг
Днестр
Днепр
АЗОВСКОЕ МОРЕ
Дунай
Тмутаракань
ЧЕРНОЕ МОРЕ



гические памятники третьего уровня — десятки категорий вещей (орудия труда, оружие, украшения и пр.), насчитывающие более 600 конкретных видов.

Все древнерусские поселения делятся на две большие группы: укрепленные и неукрепленные. Отличительным признаком первых является наличие искусственных оборонительных сооружений. Вторые таковых не имеют. Культурный слой древнерусских поселений известен двух типов. На ряде памятников культурные отложения подстилают водонепроницаемые слои, исключающие естественный дренаж осадков. В таком случае они оказываются насыщенными водой (Новгород, Смоленск, Полоцк, Киевский Подол и др.), препятствующей жизнедеятельности гнилостных бактерий. Культурный слой с повышенной влажностью прекрасно консервирует органику, в том числе дерево, кожу и пр. Сохранность органических веществ в свою очередь влияла на быстрое увеличение мощности культурного слоя. Такие слои имеют четко выраженную стратиграфию, так как их влажность не позволяла сооружать глубокие фундаменты, погреба, подпольные ямы и колодцы. Отсутствие многочисленных перекопов обеспечивает стратиграфическую чистоту древних комплексов. Памятники с культурными отложениями этого типа содержат исключительную по своему значению информацию: от множества не сохраняющихся в других условиях предметов и сооружений до возможности благодаря массовому дендрохронологическому анализу установить систему взаимосвязей между ними в узких хронологических пределах. Их стационарное исследование приносит важные научные результаты, ранее вообще для археологии не достижимые.

Культурный слой других памятников не имеет избыточной влаги. Дерево здесь сохраняется плохо: иногда в виде трухи и тлена, а чаще исчезает без остатка. Для данных памятников характерны значительные нарушения культурного слоя. Он постоянно перекапывался различными погребениями, хозяйственными ямами, котлованами жилищ. Поэтому стратиграфически чистые комплексы выделяются с трудом. Особенно сложно проследить одновременные сооружения на обширных площадях. Методика раскопок подобных поселений предъявляет повышенные требования к стратиграфическим исследованиям. Они обеспечиваются частой сеткой разрезов-профилей, способных перекрыть все сколько-нибудь крупные сооружения, попавшие на территорию раскопа. Однако и эти памятники таят в себе исторически важную информацию, тем более что количественно их в несколько раз больше, чем поселений с культурным слоем первого типа.

В советской археологии выработана общая полевая методика раскопок поселений. Исследования ве-

Таблица 4. Древнерусские города X—XIII вв.

а — города X — начала XI в.; *б* — города XI — начала XII в.; *в* — города середины XII—XIII в.; *г* — граница Руси; *д* — границы древнерусских княжеств; *е* — столицы древнерусских земель-княжений; *ж* — столицы формировавшихся удельных княжений; *з* — прочие города; *и* — городища

дутся широкими площадями, позволяющими изучить большие участки и даже целые кварталы древних поселений. Наиболее эффективный способ — сплошные раскопки всего памятника. К сожалению, по различным причинам (громадная территория, современная застройка, ограниченные возможности) подобные случаи чрезвычайно редки. Как правило, хорошо исследованными считаются поселения, раскопанные наполовину или на треть. Но даже археологически изученные 1,5—2% площади таких средневековых гигантов, как Новгород и Киев, в корне изменили представления о процессе становления и путях развития древнерусских городов. Раскопки широкими площадями сочетаются с целенаправленным разведочным обследованием остальной территории памятника и его окрестностей. В результате удается более или менее полно восстановить картину жизни конкретного поселения.

Именно раскопки поселений открыли современникам повседневный мир, окружавший средневекового человека. Таким образом, успехи археологического изучения древнерусских поселений как исключительного по насыщенности информацией исторического источника определяют сегодня не только общий прогресс археологии Древней Руси, но и обеспечивают фундаментальные исследования ее истории.

Указанное обстоятельство диктует необходимость в известных пределах установить степень археологической изученности данного источника. От этого прямо зависит обоснованность и практическая значимость большинства выводов, изложенных ниже. По состоянию на 1980 г., по данным археологических раскопок и разведок впервые собраны сведения почти с полутора тысяч (1397) укрепленных поселений IX—XIII вв. (табл. 1), находившихся на территории, некогда принадлежавшей Древнерусскому государству этого времени. В их число входят 414 надежно локализованных летописных городов и других населенных пунктов, упомянутых в письменных источниках XI—XV вв., но возникших, судя по археологическим материалам, не позже середины XIII в. Естественно, итоговая цифра укрепленных поселений по мере дальнейших изыскательских работ может несколько увеличиваться. Часть из них за истекшие века была уничтожена силами природы и хозяйственной деятельностью людей. Однако трудно ожидать, столь существенных ее колебаний в подсчетах, чтобы они отразились на конечном результате. Во-первых, укрепленные поселения хорошо заметны на местности и сравнительно легко обнаруживаются специалистами. Во-вторых, благодаря своим размерам и наличию искусственных укреплений они довольно успешно противостоят всяким разрушениям. Поэтому есть основания полагать, что собраны сведения о большинстве существовавших древнерусских укрепленных поселениях IX—XIII вв. Но исследованы они далеко не равнозначно. Объем и качество извлекаемой из материалов их раскопок и обследований информации различны. Сравнить и оценить ее можно, предварительно разделив все памятники на группы по степени их археологической изученности.

В первую группу вошли поселения, стационарно исследованные широкой площадью. Во вторую — памятники, изученные разведочными раскопами и шурфами. В третью — обследованные без целенаправленного вскрытия культурного слоя. В четвертую группу включены поселения, культурно-хронологический облик которых определен условно.

В итоге древнерусские укрепленные поселения IX—XIII вв. распределились по степени археологической изученности следующим образом: первую группу составили 236 (16,9%) городищ; вторую — 626 (44,9%); третью и четвертую соответственно — 458 (32,8%) и 75 (5,4%) городищ. Высокий процент (61,8) памятников двух первых групп определяет значительные информационные возможности основного источника, пригодного для дальнейшего многоаспектного анализа.

Этот вывод справедлив как для территории Руси в целом, так и для ее частей. Картографирование памятников и аналогичные подсчеты по отдельным историко-географическим регионам не обнаруживают сколько-нибудь обширных лакун (за исключением географически объяснимых: Полесье, Мещера, районы сплошных лесов и т. п.). Нигде процент поселений первой и второй групп не падает много ниже 50% от числа выявленных городищ. Следовательно, исследователи уже сегодня располагают достаточно качественным и представительным материалом по этой важнейшей категории археологических источников.

Рассмотреть с аналогичных позиций степень изученности рядовых (открытых) сельских поселений Руси пока не представляется возможным. Эти памятники выявлены далеко не полностью, что в первую очередь связано с трудностью их обнаружения. До сих пор они привлекали внимание исследователей лишь эпизодически. Хорошо изучены сельские поселения отдельных регионов (Ярославское Поволжье, центральные районы Смоленщины, Подмосковье). Общую картину истории древнерусской деревни приходится восстанавливать по фрагментам. Если взять за основу детально обследованные районы, то выясняется, что на 5—10 укрепленных поселений (включая города) приходится 150—300, а иногда до 500 открытых сельских поселков. Таким образом, условно в Древней Руси X—XIII вв. существовало около 50—75 тыс. деревень. Важное историческое значение этой категории археологических памятников не вызывает сомнений. Именно в них проживало абсолютное большинство населения, тех самых крестьян-землепашцев, трудом которых был заложен экономический фундамент древнерусского государства.

Могильники IX—XIII вв. являются не менее существенным источником исторической информации. Во-первых, исследования погребальных древностей (особенностей обряда и инвентаря погребений) пролили свет на сложные проблемы этногенеза славян и соседних народов. Во-вторых, они опосредованно открывают социальную структуру общества, их оставившего. В-третьих, во всей совокупности похоронной обрядности преломлялись идеологические воззрения прошедших эпох, не прослеживаемые на других археологических материалах. Древнерусские могильники IX—XIII вв. известны двух типов: курганные и бескурганные. Все они подробно охарактеризованы в томе Археологии СССР «Восточные славяне в VI—XIII вв.» (Седов В. В., 1982).

Глава третья
Древнерусские поселения

Среди всех категорий археологических памятников наиболее концентрированную и важную историческую информацию содержат в себе остатки поселений. Стремительное расширение географии раскопок и многократное увеличение масштаба работ ставят на повестку дня вопрос о всестороннем изучении характерных черт и особенностей, свойственных различным типам древнерусских поселений. Расширение этой проблемы сопряжено с определенными трудностями. Параллельно существуют как бы две типологии поселений: археологическая и историческая. Первая опирается на набор формальных признаков: местоположение поселения, наличие или отсутствие укреплений, их планировка, размеры поселения, характер культурных отложений, застройка и т. п. Вторая использует сведения письменных источников. Из летописей и актового материала известно о существовании на Руси стольных городов и городов — волостных центров, городов—пригородов, погостов и слобод, сел и весей. Встречаются и другие наименования населенных пунктов: городок, городец, городище, сельцо, селище и др. К сожалению, далеко не всегда ясно, какой социальный смысл древнерусские летописцы вкладывали в то или иное понятие.

Однако совокупность древнерусских населенных пунктов в целом укладывается в сложную иерархическую систему, своеобразную пирамиду, в основании которой находилась масса рядовых сельских поселений, а вершину венчали крупные стольные города — центры самостоятельных земель — княжений Руси. Ступени между ними занимали, надо полагать, поселения переходных типов, связанные друг с другом отношениями административно-хозяйственного соподчинения. В эту пеструю мозаику вклинивались территориально все расширявшиеся раннефеодальные вотчины и, наоборот, неуклонно сокращавшиеся островки еще не охваченных процессом окняжения и феодализации свободных сельских общин.

В свою очередь археологическими наблюдениями на всей территории Древней Руси зафиксированы и микроскопические неукрепленные селения в одиндва двора, и обширные, иногда в несколько десятков гектаров поселки. Среди укрепленных поселений известны городища площадью менее 0,1 га и такие огромные центры, как Киев и Новгород, оборонительные системы которых защищали площадь свыше 100 га. Таким образом, множественности наименований населенных пунктов, в значительной степени отражающей их социально-экономическую градацию, соответствует не менее сложная структура археологически выявленных поселений. Исследователи решают сегодня задачу соотнесения конкретных археологических памятников с теми или иными исторически сложившимися типами поселений. По внешним признакам они разделяются на две большие группы: укрепленные (городища) и неукрепленные (селища) поселения. Вторые численно значительно превосходят первые, но изучены они много хуже.

Укрепленные поселения

Археологическая классификация. В настоящее время исследователи располагают сведениями о 1395 памятниках этого времени. Среди них укрепленные поселения, как известные по письменным источникам (414), так и поселения, ставшие достоянием науки благодаря археологическим изысканиям. Для первичной классификации, основанной на формально-типологических признаках, по совокупности имеющихся материалов (планы, характеристика культурного слоя, вещевые находки) пригодны 1128 поселений. Археологическая типология древнерусских укрепленных поселений подробно разработана П. А. Раппопортом (1956, 1961, 1967б). Классифицирующими элементами в ней служат плановая схема оборонительных сооружений в ее взаимосвязи с защитными свойствами рельефа местности. По этим признакам все памятники распадаются на два основных типа: простые и сложные. К первому относятся поселения, имеющие одну укрепленную площадку, а ко второму — несколько. Варианты и подварианты выделяются по степени использования при возведении укреплений местных топографических условий, по расположению, форме и количеству оборонительных линий. В результате сложилась разветвленная классификация. Однако построенная прежде всего по признакам, существенным для изучения развития оборонного зодчества и его особенностей, она в силу своей дробности затрудняет социально-историческую интерпретацию памятников. Поэтому целесообразно обобщить типологическую схему П. А. Раппопорта, распределив все памятники по четырем типам.

Тип первый (табл. 5 и 6). Поселения с планировкой оборонительных сооружений, полностью повторяющей особенности рельефа местности. Это поселения на мысах, останцах, холмах, островах. Они имеют укрепления по всему периметру занимаемой площади или только с наиболее угрожаемых сторон.

Тип второй (табл. 7). Поселения с планировкой оборонительных сооружений, лишь частично использующей защитные свойства рельефа местности. К ним относятся поселения на естественно укрепленных площадках, оборонительным линиям которых искусственно придана правильная геометрическая форма: круг, полукруг, прямоугольник со

скругленными углами и т. д. В плановой структуре укреплений городищ этого типа чувствуется стремление совместить природные условия обороны с достижениями инженерной мысли.

Тип третий (табл. 8 и 9). Поселения с оборонительными сооружениями правильной геометрической формы, вне зависимости от особенностей рельефа местности. Сюда входят поселения, расположенные преимущественно на ровной поверхности, будь то высокое плато или низменный берег, оборонительным линиям которых сознательно придана в плане форма круга, полукруга, овала, трапеции, четырехугольника. Их общая особенность — отсутствие природных рубежей обороны. Отдельные городища этого типа опираются одной стороной на крутой берег реки или балки. Иногда ров переходит в овраг. Но в целом у данных городищ роль естественных преград малозначительна в сравнении с искусственными.

Тип четвертый (табл. 10, 11 и 12). Поселения со сложным планом оборонительных сооружений, построенных как с учетом защитных свойств рельефа местности, так и без него. Эти поселения имеют несколько укрепленных площадок. Они могут занимать весь мыс или часть его; вершину холма и территории, расположенные на других уровнях от нее; размещаются на мысе и соседних участках берегового плато; на холме и окружающей его местности; на нескольких соседних мысах со своими укреплениями, но объединенными сверх того общим валом (рвом); целиком на высоком берегу или целиком на низменной поверхности и т. п.

Из учтенных в классификации 1128 памятников доля поселений первого типа (651) составляет 57,7%. На три других типа приходится соответственно 12,85% (145), 16,6 (187) и 12,85% (145). Статистика и картографирование (табл. 13, 14) свидетельствуют о достаточно пропорциональном распределении укрепленных поселений всех типов по отдельным областям Руси. Резких колебаний в процентном соотношении различных типов памятников не наблюдается, за исключением районов с малым числом городищ, где разница в один-два поселения выражается в десятках процентов. Таким образом, при сооружении укреплений на Руси широкое применение нашло максимальное использование защитных свойств рельефа местности. Это простое, но вполне эффективное решение задачи обороны с наименьшими затратами трудовых и материальных ресурсов было самым распространенным. Другие типы городищ встречаются значительно реже и нигде не преобладают над первыми.

Неукрепленные селища (посады) отмечены около 464 (41%) укрепленных памятников всех типов из 1128. Безусловно, их было значительно больше, но исследователи не всегда фиксируют наличие культурного слоя за валами и рвами изученных поселений.

Несмотря на неполноту собранных данных, результаты подсчетов оказались чрезвычайно выразительными. У трети из известных древнерусских укрепленных поселений, помимо крепости, достоверно существовали еще обширные (до 50 га) открытые посады. Только этот факт заставляет по-новому взглянуть на их плановую и социально-экономическую структуру. Однако открытые поселения не составляют характерной особенности какого-либо одного типа памятников или географического региона. Они известны у городищ всех типов на всей территории Руси.

Если общую территорию изучаемых поселений (крепость, неукрепленное селище-посад) удается установить лишь в некоторых случаях, то внутренняя площадь укреплений известна у 862 (76,4%). Этот показатель имеет определенное значение, так как площадь памятника косвенно может свидетельствовать о численности его населения.

Сплошная систематизация памятников по размерам защищенной территории учитывает имеющийся в археологической практике опыт. Таким способом П. А. Раппопорт (1967б, с. 186—191) пытался вычленить из общей массы поселений подлинные города. 135 смоленских городищ распределил по размерам укрепленной площади на семь групп В. В. Седов, также стремившийся найти объективный критерий выявления социально различных поселений (1978, с. 143—149). Оба исследователя отметили огромную амплитуду колебаний в площади памятников как летописных, так и не упомянутых в письменных источниках: от менее 0,1 га до более 40 га. Данный факт лишний раз свидетельствует о социальной неоднородности древнерусских укрепленных поселений.

Группировка поселений по размерам защищенной площади решает две задачи. Во-первых, статистически проверяется наличие или отсутствие закономерностей в установленном соотношении различных типов памятников. Во-вторых, проверяется существование зависимости между археологическим типом поселения и размерами его внутренней площади. С этой целью все 862 памятника были распределены по восьми группам. Укрепленные поселения площадью: 1) до 0,3 га; 2) от 0,3 до 0,5 га; 3) от 0,5 до 1 га; 4) от 1 до 2,5 га; 5) от 2,5 до 5 га; 6) от 5 до 10 га; 7) от 10 до 20 га; 8) свыше 20 га.

В результате сравнительного анализа сложилась очень интересная картина (табл. 15, 16). В первую группу вошли 402 (46,6%) памятника, во вторую — 110 (12,8%), в третью — 113 (13,1%), в четвертую — 110 (12,8%), в пятую — 65 (7,5%), в шестую 29 (3,4%); в седьмую — 17 (2%) и в восьмую — 16 (1,8%). Почти половина (46,6%) укрепленных поселений имеет защищенную площадь менее 0,3 га. Они известны на всей территории Руси, но областями их наивысшей концентрации являются земли в верховьях Днепра и Десны, Западной Двины, Волги и Оки.

Памятники трех последующих групп количественно почти равны между собой. Всего их 333 (38,7%). Как и поселения первой группы, они распространены повсеместно, но чаще встречаются в Среднем Поднепровье и на юго-западе Руси.

В оставшихся четырех группах число поселений неуклонно падает с 65 до 16. Вместе они насчитывают 127 (14,7%) памятников. А на долю поселений с укрепленной территорией более 10 га приходится только 3,8% (33). В каждом древнерусском княжестве таких крупных поселений существовало два-три. Лишь в районе Киева их было вдвое больше.

Общая тенденция к быстрому сокращению количества поселений по мере возрастания их защищенной укреплениями территории прослеживается достаточно четко. Площадь трех четвертей (72,5%) из них не превышала 1 га.

Корреляция типов памятников с размерами их укрепленной площади показала, что ни один тип не ограничен строго размерами укрепленной площади. Лишь поселения с защищенной территорией более 10 га практически все относятся к IV типу (сложная планировка). Однако ряд фактов обращает на себя внимание. Памятники первого и второго типов полностью преобладают в первых трех группах (81—57%) и уступают другим типам, начиная с пятой группы (18—6%). Напротив, поселения IV типа именно в пятой группе впервые получают преобладающее положение (58%). Удельный вес поселений третьего типа наиболее велик в третьей группе (34%), а в остальных без седьмой и восьмой их доли колеблется от 25 до 17%.

Таким образом, простейшие приемы сооружения укреплений характерны для небольших поселений. Если учесть, что многие из них основывались на месте более древних городищ эпохи железного века, это наблюдение получает дополнительное подтверждение. Сложная система обороны свойственна в первую очередь крупным поселениям.

Наконец, соотношение типов городищ в группах с близкими размерами укрепленной площади дает возможность свести памятники в три новых объединения. Среди всех поселений площадью до 1 га больше половины являются городищами первого и второго типов. Четвертый тип крайне малочислен и нигде не превышает 10%. Эти показатели и тенденции к постепенному снижению доли простейших городищ и росту удельного веса поселений со сложной системой укреплений сближает между собой памятники трех первых групп. По-видимому, их сходство объясняется причинами внутреннего (социального?) порядка. Незначительные размеры данных поселений практически снимают вопрос об их городском характере.

Памятники последних четырех групп (площадь более 2,5 га) объединяет неизменное преобладание поселений четвертого типа (от 58 до 100%) и быстрое исчезновение поселений других типов. Поскольку среди них находятся Киев, Чернигов, Галич, Суздаль и другие крупнейшие центры Руси, можно предположить, что большинство памятников этих групп были городами.

Поселения четвертой группы (площадь от 1 до 2,5 га) занимают промежуточное положение. Процент памятников первого и второго типов здесь еще высок (46%), но второе место уже принадлежит четвертому типу (29%). Они представляют собой как бы переходный тип от поселений с малой укрепленной площадью к более значительным центрам.

Таким образом, формально-типологическая классификация древнерусских укрепленных поселений по морфологическим признакам с учетом размеров защищенной территории позволила объединить памятники в три новых группы. Первую составили 625 (площадь до 1 га) поселений, вторую — 110 (площадь от 1 до 2,5 га) и третью — 127 (площадь свыше 2,5 га). Является ли предложенное членение случайным или за ним скрываются объективные факторы социального порядка — нельзя установить без анализа результатов археологического изучения древнерусских укрепленных поселений.

Хронология древнерусских укрепленных поселений. Прежде всего необходимо выяснить узкую хронологию исследуемых памятников. Это позволит восстановить динамику их развития, время появления отдельных типов укрепленных поселений, количественное соотношение различных типов и групп поселений в определенные хронологические периоды и т. д. Для хронологических выкладок с точки зрения качества исходного материала пригодны только укрепленные поселения, археологически изученные или обследованные. Ошибки в датировке вторых ввиду фрагментарности имеющихся данных более вероятны. В нашем распоряжении имеется 862 таких памятника, или 61,8% от общего числа 1395 учтенных древнерусских укрепленных поселений середины IX—XIII в.

Помимо трудностей с датировкой конкретных памятников, возникает препятствие с распределением хронологической информации по шкале веков. Дело в том, что массовый археологический материал, характерными особенностями которого и датируется большинство поселений, не укладывается строго в повековую шкалу. Поэтому нельзя в ряде случаев установить время возникновения поселения с точностью до четверти или полувека. Приходится использовать иное хронологическое членение. Основанием для него служат современные возможности датировать определенные категории археологических находок.

При ограниченных масштабах раскопок без применения специальных методов датировки по формам и соотношению лепной и гончарной посуды, а также сопутствующему инвентарю (бусы-лимонки, желтый бисер, глазчатые бусы, кубические замки и ключи к ним, определенные типы топоров, наконечников копий и стрел, фибул и т. п.) в принципе достаточно надежно фиксируются слои конца IX — начала XI в. Горизонт середины XII в. маркирует массовое появление стеклянных браслетов, некоторых типов бытового инвентаря; исчезновение ножей, изготовленных в технике сварочного пакета и т. д. Словом выявить поселения, возникшие в IX — начале XI в. или в середине XII—XIII в. археология позволяет вполне определенно.

Сложнее вопрос о памятниках последних двух третей XI — начала XII в. Здесь индикатором служит скорее отсутствие перечисленных выше категорий находок. Отделив поселения двух хорошо датируемых периодов, оставшиеся можно поместить в третий период с вероятной промежуточной датой.

Таким образом, в археологической практике и сейчас древнерусские поселения по времени их возникновения подразделяются на три хронологических периода: 1) конец IX — первая треть XI в.; 2) последние две трети XI — первая половина XII в.; 3) середина XII—XIII в. Эта хронологическая шкала вполне удовлетворяет задачам изучения и количественной, и качественной сторон развития укрепленных поселений. Она хорошо согласуется с общепризнанной периодизацией истории феодальной Руси.

Таблица 1. Хронология типов укрепленных поселений в зависимости от размеров их защищенной площади

Тип поселения	Укрепленная площадь	Время возникновения			Итого
		IX — начало XI в.	XI — начало XII в	середина XII — середина XIII в.	
I	до 1 га	85(25,5) *	106(31,8)	142(42,7)	333(100)
	1–2,5 га	9(20)	12(26,7)	24(53,3)	45(100)
	свыше 2,5	1(7,2)	3(21,4)	10(71,4)	14(100)
II	до 1 га	19(14)	23(17)	93(69)	135(100)
	1–2,5 га	1(16,7)	4(66,6)	1(16,7)	6(100)
	свыше 2,5	1(33,3)	–	2(66,7)	3(100)
III	до 1 га	12(8,9)	34(25,2)	89(65,9	135(100)
	1–2,5 га	1(3,6)	9(32,1)	18(64,3)	28(100)
	свыше 2,5	–	5(22,7)	17(77,3)	22(100)
IV	до 1 га	7(28)	9(36)	9(36)	25(100)
	1–2,5 га	6(18,8)	10(31,2)	16(50)	32(100)
	свыше 2,5	39(46,4)	29(34,5)	16(19,1)	84(100)
Итого		181(21)	244(28,3)	437(50,7)	862(100)

* В скобках — число поселений в %.

Памятники первого периода (табл. 17) целиком относятся к эпохе раннего феодализма и становления государства. Поселения второго приходятся на ее конец и переходный этап к эпохе развитого феодализма, т. е. несут в себе информацию о времени, когда количественные изменения переходят в качественные. Памятники третьего хронологического периода принадлежат началу эпохи развитого феодализма.

Представлялось желательным расчленить первый хронологический период на два: IX – середина X в. и середина X – начало XI в. Однако из общего числа укрепленных поселений (862), материалы которых анализируются с точки зрения хронологии, только для 21 памятника твердо установлено время возникновения в середине X – первой трети XI в. Для ряда поселений исследователи приводят более широкую дату: IX–X вв. или X в. Уточнить ее по имеющимся сведениям не представляется возможным. Поэтому количество поселений, существовавших в IX — первой трети XI в., определено суммарно – 181. В XI – первой половине XII в. появилось уже 244 новых укрепленных поселения (табл. 18), а в середине XII–XIII в.— 437. Полученные цифры демонстрируют быстрый количественный рост исследуемой территории памятников к середине XIII в. Если же учесть, что на 104 поселениях жизнь прекратилась к началу XII в., причем на большинстве из них это случилось на рубеже X–XI вв., динамика происшедших изменений станет еще более наглядной. Из 181 поселения первого хронологического периода в XII в. функционировали 77 (42%). Вместе с вновь построенными в течение XI – начале XII в. их стало 321. А всего к середине XIII в. насчитывается 758 существовавших древнерусских укрепленных поселений (табл. 19).

Конечно, настоящие подсчеты не являются абсолютными. Они будут изменяться, прежде всего за счет уточнения культурно-хронологического облика памятников двух последних категорий археологической изученности. Но полученные в результате анализа материалов 61,8% всех известных автору древнерусских укрепленных поселений IX–XIII вв. итоговые данные, без сомнения, верно отражают общие закономерности их возникновения и развития. Рассмотреть этот процесс в деталях и выявить внутри каждого хронологического периода группы сходных поселений позволяет табл. 1.

В таблице дифференцированно отражены не только увеличение числа памятников, но и изменения в соотношении типов поселений. Доля памятников I типа постепенно снижается с 52,4% (95) до 49,6% (121) к началу XII в. и до 40,3% (176) к середине XIII в. Удельный вес поселений II и II типов увеличивается с 18,9% (34) до 30,7% (75) и до 50.4% (220) в XIII в. Памятникам сложной планировки (IV тип) принадлежит соответственно 28,7% (52), 19,7% (48) и 9,4% (41). Последние показатели не совсем точны. Среди поселений данного типа находятся крупнейшие центры Древней Руси. Основанные в IX–X вв., в последующие столетия они интенсивно расширяли свою территорию, что не нашло выражения в таблице. Вместе с тем очевидно: развитие укрепленных поселений путем приращения новых защищенных площадей не являлось процессом всеобщим.

Обратимся теперь к изменениям, происходившим в группировке памятников по размерам защищенной площади. Из таблицы следует, что в первую очередь из века в век увеличивалось число поселений с минимальной укрепленной территорией (до 1 га). В IX – первой трети XI в. их зафиксировано 123 (68%), в XI – первой половине XII в. вновь построено 172 (70,5%), в середине XII—XIII в.— 333 (76,2%). Поселения площадью в 1–2,5 га не обнаруживают сколько-нибудь резких колебаний. Количественно изменяясь с 17 (9,4%) в ранний период до 35 (14,3%) в XI – первой половине XII в. и до 59 (13,5%) в XIII в., они в процентном отношении остаются на близком уровне. Число наибольших по площади памятников (свыше 2,5 га) в абсолютных цифрах увеличивается незначительно (41–37–45), а в процентах ко всем укрепленным поселениям их удельный вес постепенно снижается с 22,6 до 15,2 и до 10,3 г.

Результаты изложенных выше наблюдений нельзя признать случайными. За ними стоят вполне определенные социальные процессы. Именно распространением какой-то социальной категории укрепленных поселений можно объяснить стремительное увеличение числа малых городищ. Причем в первой половине XI–XII в. очагом этого «взрыва» оказывается Среднее Поднепровье, а в середине XII–XIII в. он захватывает юго-западные земли, бассейн Оки, верховья Днепра и Западной Двины, Понеманье. Показательным также выглядит равномерное увеличение числа крупнейших поселений. На восьми из них жизнь прервалась к началу XII в., но к оставшимся 33 сначала прибавилось 37 поселений, а к середине XIII в. еще 45. Думается, и здесь налицо закономерная кристаллизация особого социального типа укрепленных поселений. Наконец, городища с укрепленной площадью от 1 га до 2,5 га как памятники промежуточного типа постоянно занимают среднее положение между двумя крайними группами. В X–XI вв. запустели по разным причинам 10 из них,

но к началу XII в. были основаны вновь 35 поселений (стало 42), к которым в XII—XIII вв. присоединились еще 59. Таким образом, на протяжении почти четырех столетий наблюдается неуклонное увеличение числа древнерусских укрепленных поселений всех типов. Из учтенных здесь 758 памятников, надежно датированных серединой XIII в., укрепленную площадь до 1 га имели 542 (71,5%) поселения, от 1 га до 2,5 га — 101 (13,3%) и свыше 2,5 га — 115 (15,2%).

Оказалось, что ни один археологический тип древнерусских укрепленных поселений не характерен только для какого-нибудь определенного хронологического периода. Все они, как следует из работ П. А. Раппопорта, М. П. Кучеры, А. А. Ратича, Б. А. Тимощука, Г. В. Штыхова, существовали уже в X в. и в последующие столетия. Даже поселения IV типа (сложная планировка) появились по крайней мере в середине X в., например, городища Белогорское и Титчиха на Дону, Гочево и Горналь на Псле, Северное Витачевское на Днепре, городища у сёл Салницы и Коржовка на Южном Буге, у сел. Непоротово и Хребтиев на Днестре. Различия в распространении тех или иных типов укрепленных поселений и их вариантов имеют скорее географический характер. Так, в X в. городища III типа правильной округлой формы, построенные вне связи с защитными свойствами окружающего их рельефа местности, типичны для юго-западных областей Руси. Но в XI в. они становятся вполне обычными в Среднем Поднепровье, а на рубеже XI—XII вв. появляются и на северо-востоке и северо-западе, часто утратив правильные геометрические очертания. Лишь поселения полукруглые в плане (вариант III типа), концы валов которых опираются на обрывистый берег реки или оврага, известны не ранее середины XI в.

Систематизируя древнерусские укрепленные поселения по размерам защищенной территории, также не удается установить четкую зависимость между типом памятника и его площадью. Более того, ни археологический тип памятника, ни его размеры никак не коррелируются с упоминаниями поселений в письменных источниках. В летописях, актовых материалах и иных памятниках древнерусской письменности городами названы около 400 поселений (Куза А. В., 1975). Большинство из них надежно отождествляется с конкретными городищами. Однако среди «летописных» городов легко обнаруживаются и гигантские центры сложной планировки (IV тип) типа Киева, Чернигова, Суздаля, Галича; и крупные, но имеющие только одну линию укреплений (II и III типы) такие поселения, как Минск, Переяславль Залесский, Пересопница, Юрьев Польской, Дмитров, и вовсе небольшие — Логожеск, Домагощ, Изборск, Жижец, Бежецк (все типы).

Наглядным примером отсутствия видимой связи между типом и размером памятника и именованием его городом в письменных источниках служат укрепленные поселения Смоленской земли. В комплексе документов Смоленской епископии есть специальная грамота «А се по городие», датируемая началом XIII в. (Алексеев Л. В., 1980, с. 24—25), в которой регламентированы поступления в пользу епископа со всех периферийных смоленских городов. Таковыми в грамоте названы Мстиславль, Крупль, Вержавск, Копыс, Пацынь, Лучин, Ростиславль, Елна, Изяславль, Торопец, Жижец и Дорогобуж. Большинство из них известно археологам. По данным В. В. Седова и Л. В. Алексеева, Вержавск, Жижец и Копыс (?) являются городищами I типа, а их укрепленная площадь не превышает 0,5 га; Мстиславль, Ростиславль, Елна, Дорогобуж — городища II типа с укрепленной площадью от 0,59 га до 1,65 га; Торопец — городище III типа с укрепленной площадью 0,66 га; Пацынь (городище Осовик) по В. В. Седову — городище IV типа с укрепленной площадью около 8000 кв. м (Седов В. В., 1978, с. 143—149; Алексеев Л. В., 1980, с. 155—186). Таким образом, в числе смоленских укрепленных поселений, плативших епископу «погородие», оказались городища разных типов с защищенной территорией от 0,3 до 1,6 га. Однако вместе они составляют лишь 7,4% всех (135) древнерусских городищ Смоленщины, среди которых есть поселения с укрепленной площадью от 0,1 до 2 га (Седов В. В., 1978, с. 144, 145). Причем «погородие» епископу не платили не только мелкие укрепленные центры волостей (Витрин, Каспля, Жичицы, Лодейницы), но и такие крупные населенные пункты, как Пропошеск (Прупой) и Кричев (Кречют), перечисленные еще в Уставной грамоте Смоленской епископии. Следовательно, опираясь лишь на внешние морфологические признаки даже при наличии упоминаний в письменных источниках, определить социальный облик памятника трудно.

Итак, итоги проведенных выше наблюдений свидетельствуют, что формально-типологическую классификацию древнерусских городищ нельзя механически совместить с реально существовавшими социально-историческими видами поселений. Те или иные плановые схемы оборонительных линий, особенности их расположения на местности являлись общими для всех хронологических периодов и всех областей Руси. Сходными приемами укреплялись и поселки площадью в сотни или несколько тысяч квадратных километров и гигантские селения, раскинувшиеся на десятках гектаров. Некоторые частные отличия, преобладание какого-либо типа—варианта укрепленных поселений говорят лишь о местных традициях оборонного зодчества (Раппопорт П. А., 1967б, с. 194—203).

Очевидно, что для обоснованного суждения о социальном облике конкретного поселения нужны дополнительные данные. Ими являются материалы стационарных археологических раскопок. Однако, прежде чем обратиться к ним, необходимо более детально разобраться в вопросе о социальном членении древнерусских поселений вообще, и укрепленных в частности. При этом следует учитывать, что социальная типология поселений, построенная на базе современных научных представлений, не обязательно соответствует исторически сложившимся административно-хозяйственным типам средневековых поселений.

Типы укрепленных поселений по данным письменных источников. Процесс феодализации Руси, постепенно изживавший и видоизменявший старые родо-племенные порядки, порождал на местах сложное переплетение общественных отношений и дина-

мичную, пеструю мозаику не однородных по социальной структуре поселений, переходивших в своем развитии из одной категории в другую (Пашуто В. Т., 1966, с. 98). Письменные источники, как правило, не акцентируют внимание на этих различиях. Городами назывались все укрепленные поселения и даже временные, полевые укрепления. Конечно, летописцы и их современники хорошо знали разницу в общественно-политическом и экономическом статусе Киева, Чернигова, Новгорода, Галича, Суздаля, Смоленска и десятков мелких городков, разбросанных по всей Руси, хотя и не всегда фиксировали ее в специальных терминах.

Впервые четкое противопоставление старших городов (столиц земель-княжений) младшим обнаруживается в известиях второй половины XII в. Зависимое положение вторых определяется термином «пригород» и вытекает из их обязанности «по правде» подчиняться решению веча столичных городов. Таким образом, в указанное время получает правовое оформление возникшее ранее подразделение древнерусских городских центров на старшие города и пригороды. Судя по уже упоминавшимся грамотам Смоленской епископии, считались пригородами и несли особые «городские» повинности далеко не все укрепленные поселения, даже не все центры судебно-податных округов-волостей.

Летописи знают и частновладельческие «города»: укрепленные селища, принадлежавшие на основе вотчинного права духовным и светским феодалам. Таковы Гороховец на Клязьме — город Владимирской епископии; город Чурная (Чурнаев) с острогом и двором в Поросье; Деревич, Губин, Кобуд, Кудин, Божский, Дядьков — города «Болховских князей». Сохранились сведения о владельческих селах с укрепленными дворами-усадьбами («Игорево сельцо» под Новгородом-Северским). Наконец, из летописных рассказов о княжеских усобицах и борьбе с половецкими набегами на Русь можно заключить, что по рубежам княжеств на стратегически опасных направлениях строились сторожевые города-крепости, населенные военными гарнизонами. Примером здесь служат цепочки укрепленных пунктов (Ромен, Синец, Кснятин, Лубен, Снипород, Желни, Воинь, Товаров, Дверен, Корсунь, Богуслав, Юрьев) по берегам рек Сулы и Роси.

Следовательно, летописи и актовые материалы XII—XIII вв. хотя и именуют городами почти все укрепленные поселения, но иногда выделяют среди них «старшие города» — столицы самостоятельных земель-княжений, «младшие города» — пригороды, сторожевые города крепости, частновладельческие города, укрепленные центры рядовых волостей и погостов, феодальные усадьбы-замки. Налицо иерархия поселений разных социальных категорий, объединенных системой феодальных отношений административно-хозяйственного подчинения. В каждом княжестве имелся один крупнейший центр — столица, окруженный менее значительными центрами-пригородами, в округу которых входили еще более мелкие волостные центры. Рядом с ними существовали частновладельческие города и усадьбы-замки — центры феодальных вотчин. Порубежные сторожевые крепости дополняют общую картину, но, помимо военных обязанностей, им, по-видимому, принадлежали и определенные административно-хозяйственные функции.

Однако 70% древнерусских укрепленных поселений вообще не упомянуты в письменных источниках, а о многих других, попавших на страницы летописей, не известно ничего, кроме названия. Поэтому лишь детальный анализ археологических данных из раскопок самых различных памятников (как летописных, так и «безымянных») с последующим сравнением полученных результатов может выяснить объективные критерии — признаки, характерные для близких по социальному облику поселений.

На пути подобного исследования стоят определенные трудности. Вопрос заключается в принципах отбора исторически значимых, существенных признаков из массы общих случайных и второстепенных материалов. Необходимо, хотя бы в предварительном порядке, установить: какие из археологических характеристик отражают социально-экономические особенности изучаемых поселений? Сделать это нельзя, не раскрыв содержания таких понятий, как город, волостной центр, феодальная усадьба-замок. Особенно важно уточнить представления о древнерусском городе — социально наиболее сложном типе поселений.

Содержание понятия «древнерусский город». В современной исторической науке русский средневековый город рассматривается как торгово-ремесленное поселение с оформившейся или формирующейся городской (посадской) общиной (Водарский Я. Е., 1974; Карлов В. В., 1980). Однако на практике понятие «древнерусский город X—XIII вв.» и «центр развитого ремесла и торговли» превратились почти в синонимы, так как обнаружить сколько-нибудь явственные следы существования особых городских общин не позволяет состояние источников. По материалам раскопок и сведениям летописей утвердилось представление о типичной для древнерусских городов социально-топографической структуре: княжеско-дружинный детинец и примыкающий к нему торгово-ремесленный посад (окольный город). Сложная планировка поселения (детинец плюс укрепленный посад) рассматривается как его важный «городской» признак.

Поискам следов ремесленной деятельности для подтверждения городского характера исследуемых памятников уделяется много внимания. Но опыт длительных раскопок в различных местах показывает, что вероятность обнаружить на исследованных площадях внушительное число производственных комплексов невелика. Даже в Новгороде, где вскрыта площадь более 2 га, а культурный слой (мощность свыше 6 м) обладает исключительными консервирующими свойствами, зафиксировано около 125 мастерских X—XV вв. (Янин В. Л., Колчин Б. А., 1978, с. 27). В Киеве за все годы работ их найдено около 30 (Толочко П. П., 1976, с. 151). И это в крупнейших городах Руси, где существование собственного высокоразвитого ремесла не вызывает никаких сомнений. Для большинства ныне изученных памятников, претендующих на роль городских центров, количество исследованных мастерских не превышает трех—пяти на несколько столетий. Поэтому аргументированно ответить на вопрос: сколько и какие виды ремесла типичны для города и отличают

его от феодальной усадьбы, военной крепости или погоста, трудно. Значит, служить основным, а тем более единственным критерием городского характера поселения археологически уловимые следы ремесленной деятельности не могут.

Определенная узость подхода к древнерусскому городу только как к центру развитого ремесла и торговли вполне очевидна. Сосредоточив внимание именно на экономической, торгово-ремесленной функции городов, Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров, Л. В. Черепнин, А. М. Сахаров, П. Г. Рындзюнский и другие исследователи не отрицали у них наличия иных весьма существенных функций: военно-политических, административно-хозяйственных, культурно-идеологических. Комплексный подход к городам Руси эпохи раннего феодализма и перехода к развитому феодальному строю как к особому многофункциональному социально-экономическому явлению представляется весьма перспективным.

Исследователи давно отметили, что понятия «город» и «волость» в летописях тесно связаны между собой: власть над каким-либо городом одновременно означала и власть над его округой. «Городовые волости» являлись основными структурными единицами государственной территории Руси. Центральное место городов в управлении окрестными землями рельефно обрисовано источниками: здесь творился суд, сюда поступали подати, тут издавались законы и постановления, здесь имелись военные силы, обеспечивавшие нормальную жизнедеятельность административного аппарата и задачи обороны. Непременным условием выполнения городом указанных функций являлась концентрация в нем представителей формирующегося класса феодалов, олицетворявших государственную власть. По справедливому заключению Б. А. Рыбакова, древнерусский город «был как бы коллективным замком крупнейших земельных магнатов данной округи во главе с самим князем» (Рыбаков Б. А., 1964а, с. 155). В этом, по мысли исследователя, скрыта первопричина господства города над сельской округой. В этом определенное отличие русских раннефеодальных городов от городов западноевропейских и сходство с городами среднеазиатскими. Дерево-земляные укрепления славянских городов, как и глинобитные среднеазиатские касры, в противоположность каменным европейским замкам не являлись надежным средством защиты и заставляли феодалов-землевладельцев для совместной обороны объединяться в городе. За его валами и стенами укрывались феодальные собственники земли, владения которых располагались порой на значительном удалении от города.

Классовое господство феодалов, осуществлявшееся через политико-административные органы власти, дополнялось господством идеологическим, обеспеченным наличием в городах власти духовной — церквей и монастырей. С распространением христианства на Руси города стали его очагами и организационными ячейками. В них размещались центры епархий и приходов. Недаром летопись утверждает, что вслед за крещением киевлян Владимир «нача ставити по градом церкви и попы» (НПЛ, с. 157). Церковь — существенный элемент феодального строя и ее присутствие в городе обязательно.

Торговые функции феодального города известны. Археологи судят о них преимущественно по находкам монет, денежных кладов, редких привозных вещей или таким хорошо изученным категориям предметов, как стеклянные браслеты и шиферные пряслица. Городские торги археологически практически не исследованы. Об оживлении, царившем на них, о вздорожании цен на хлеб и другие продукты, о взрывах классового недовольства, перекидывавшегося из торговых рядов на жилые кварталы города, мы знаем из сообщений летописи.

Экономические функции города не ограничивались торговлей. Сосредоточение различных ремесел — еще более характерная его особенность, экономически противопоставляющая город окрестным сельским поселениям. Выше говорилось о трудностях выявления производственных комплексов в процессе археологических работ. Однако это не снимает задачу целенаправленного поиска остатков развитых и разнообразных ремесел — обязательного элемента подлинно городской экономики при исследовании предполагаемых городов.

Велик вклад городов в развитие самобытной культуры Древней Руси. Города были центрами грамотности и «книжной премудрости», здесь составлялись летописи и звучали вдохновенные строки великолепных литературных произведений; расцветало творчество зодчих и художников-живописцев; руками талантливых мастеров создавались шедевры прикладного искусства. Вещественные доказательства творческого богатства и разнообразия духовной жизни древнерусских городов хранит их культурный слой.

Конечно, перечисленными чертами экономики и быта не исчерпывается характеристика столь многогранного явления, каким был русский феодальный город. Однако, обратив на них внимание, можно наметить исходные позиции для разработки шкалы археологических признаков города. Обобщая опыт многолетних работ, Б. А. Рыбаков пишет: «Типичным следует считать сочетание в городе следующих элементов: крепости, дворов феодалов, ремесленного посада, торговли, административного управления, церквей» (Рыбаков Б. А., 1964а). Подчеркнув внешние и внутренние особенности древнерусского города, исследователь раскрывает его социально-экономическую сущность через совокупность выполнявшихся городом в системе феодального государства функций. Город — центр ремесла и торговли, но одновременно — это и административно-хозяйственный центр большой сельской округи (волости), ее военно-политический центр, очаг культурного развития и идеологического господства. В отличие от деревни город — многофункциональное поселение, отвечавшее различным потребностям феодального общества (Карлов В. В., 1980, с. 72).

Таким образом, содержание понятия «древнерусский город» значительно шире, чем торгово-ремесленное поселение с формирующейся посадской общиной. Предложенные Б. А. Рыбаковым элементы—признаки города привлекают своей конкретностью и «археологичностью». В совокупности они составляют шкалу археологических индикаторов социального ранга исследуемых поселений.

При археологической классификации населенных пунктов необходимо учитывать именно совокупность

указанных признаков. Отсутствие отдельных элементов снижает надежность выводов. Однако на практике выявить все из них по ряду причин (ограниченные площади раскопов, плохая сохранность культурного слоя и т. п.) удается не всегда. В таком случае приходится привлекать некоторые дополнительные данные. О присутствии феодалов на поселении могут свидетельствовать находки разнообразного оружия, дорогостоящих предметов боярско-княжеского парадного убора, высокохудожественных образцов прикладного искусства, металлической и стеклянной посуды, ценных импортных вещей. Вислые свинцовые печати и пломбы предполагают наличие здесь органов суда и управления. Берестяные грамоты, прочие эпиграфические памятники, орудия письма доказывают высокий уровень грамотности населения и одновременно активную административно-хозяйственную деятельность, немыслимую без письменности. Мостовые настилы улиц, дренажные системы — показатели благоустройства, в первую очередь городской территории. К сожалению, конкретные черты специфически городского быта Древней Руси выявлены далеко не полностью. Например, находки стеклянных браслетов, характерных для всех укрепленных поселений XII—XIII вв. Вот почему, вероятно, исследователь этнографии русского города М. Г. Рабинович протестует против выделения из числа «городов в древнерусском смысле слова» — «городов в научном смысле слова» (1978, с. 16). В этнографическом аспекте этого, действительно, сделать нельзя.

Проверить эффективность тех или иных признаков города позволяют материалы исследований Киева, Чернигова, Переяславля, Галича, Смоленска, Полоцка, Новгорода, Суздаля и Рязани. Письменные источники XII—XIII вв. рисуют многогранный социально-экономический облик этих крупнейших центров Руси. Им присущи все «городские» атрибуты, включая вечевое устройство и некоторые другие свидетельства корпоративной организации горожан. Археологическое изучение большинства столиц древнерусских земель-княжений ведется систематически и давно. Хотя вскрытые раскопками площади колеблются от почти 2 гектаров в Киеве и Новгороде до полутора — нескольких тысяч кв. м в других городах, все они входят в число археологически наиболее исследованных памятников. Благодаря этому имеются хорошие возможности анализировать данные раскопок сквозь призму сведений письменных источников.

Все перечисленные центры были обнесены к XIII в. мощными и сложными системами укреплений, причем везде защищенная площадь превышала 40 га (Раппопорт П. А., 1967а, с. 189). Каждый из указанных городов одновременно был и княжеской резиденцией. Территория княжеских дворов археологически частично изучена в Киеве, Чернигове, Галиче. В процессе раскопок везде обнаружены дворы феодалов (площадью около 1000—2000 кв. м). В Новгороде, Киеве, Рязани, Смоленске зафиксированы и дворы непривилегированных горожан (площадью до 600 кв. м).

В указанных городах было от трех (Рязань) до нескольких десятков (Киев, Смоленск, Новгород) каменных церквей. Большинство из них открыто археологами. Раскопками повсеместно обнаружены производственные комплексы: по обработке черного металла, ювелирные, стеклоделательные, кожевенные, сапожные, резчиков по камню, столярные, бондарные, костерезные, гончарные и пр. Характерно, что везде ремесленная деятельность представлена не одним-двумя направлениями, а множеством часто узкоспециализированных профессий. Оживленные торговые связи со странами Востока, Западной Европы и Византией засвидетельствованы многочисленными находками разнообразных импортов. Найдены также монеты и денежные слитки, детали различных весов. О развитии внутренней торговли говорят находки изделий киевских, смоленских, новгородских, рязанских мастеров далеко от их городов и даже за пределами Руси. Словом, для выбранных в качестве эталона древнерусского города памятников характерен весь набор «городских» археологических признаков. Сравнивая с ними другие древнерусские укрепленные пункты, представляется возможным и среди последних выделить как поселения городского типа, как и поселения иных социальных категорий. Для этого необходимо рассмотренные выше археологические особенности стольных городов систематизировать по нескольким основным рубрикам и подрубрикам.

I. Экономика: 1) ремесло (производственные комплексы, орудия труда, полуфабрикаты); 2) торговля (привозные вещи, детали весов, монеты и денежные слитки); 3) промыслы.

II. Административное управление (печати и пломбы).

III. Военное дело: 1) оружие; 2) доспехи; 3) снаряжение коня и всадника.

IV. Монументальное зодчество: 1) каменные храмы; 2) каменные дворцовые и оборонительные сооружения.

V. Письменность: 1) памятники эпиграфики; 2) орудия письма; 3) книжные застежки и накладки.

VI. Быт феодалов: 1) украшения из драгоценных металлов; 2) металлическая и стеклянная посуда, прочая дорогая утварь.

VII. Внутренняя топография: 1) усадебно-дворовая застройка; 2) дифференциация жилых построек по местоположению, размерам и устройству (см. табл. 2—5 в тексте).

Предложенный перечень, конечно, не исчерпывает всех возможностей археологии в интересующем нас аспекте исследований, но сгруппированные в нем показатели принадлежат к числу наиболее распространенных и легко устанавливаемых. Первые пять рубрик охватывают сферы; экономическую, административно-военную и культурно-идеологическую. Шестая и седьмая помогают зафиксировать наличие или отсутствие имущественной и социальной дифференциации среди жителей изучаемых поселений. Некоторые рубрики преднамеренно сужены, чтобы важные признаки не растворились в массе вторичных. Содержание других определяется возможностями традиционной археологии.

Социальная типология древнерусских укрепленных поселений по археологическим данным. Реконструкция социального облика памятника предъявляет повышенные требования к качественному состоя-

нию источника. Поэтому к анализу привлечены материалы поселений I категории археологической изученности (стационарные раскопки). При составлении корреляционных таблиц учитывалась установленная выше группировка памятников по размерам защищенной площади. Первоначально целесообразно сосредоточить внимание на поселениях середины XII—XIII в. (см. табл. 2). Во-первых, этим временем датируется наибольшее число (195) археологически изученных укрепленных поселений. Во-вторых, многие социальные явления в середине XII в. (начало эпохи развитого феодализма) приобретают более четкие формы, что повышает вероятность их отражения в материалах раскопок. В-третьих, события данного времени полнее и лучше освещены в письменных источниках. Затем ретроспективным методом можно попытаться распространить полученную классификацию на поселения раннего времени и таким образом проверить ее справедливость.

Вводя условные обозначения «много—мало» вместо конкретных цифр, приходится учитывать неравномерность археологической изученности памятников и их размеры. Например, три мастерских, найденных на городище площадью менее 0,5 га, соответствуют понятию «много», а то же количество ремесленных комплексов с территории более значительного поселения оцениваются как «мало». Таким образом, если суммировать данные о тех или иных находках в цифрах по большим группам памятников, получится искаженная картина.

Прежде всего обращает на себя внимание первая строка таблицы. Для поселений с укрепленной площадью свыше 2,5 га характерен практически весь набор «городских» показателей. Важно, что развитие ремесленного производства зафиксировано здесь не только значительным количеством находок, но и их разнообразием. Типичным является сочетание нескольких видов ремесел: кузнечного, медно-литейного и ювелирного, костерезного, гончарного, кожевенно-сапожного, стеклоделательного и пр. Промысловая деятельность населения этих поселений, наоборот, выражена слабее. Занятия сельским хозяйством имели подсобный характер. Об интенсивности торговли говорят многочисленные находки привозных вещей, денежных слитков, гирь и деталей весов.

Таким образом, с экономической точки зрения данные памятники выделяются многообразием направлений и внутренней специализацией ремесла, наличием обширных международных и внутренних торговых связей, подсобным характером сельского хозяйства.

Существенно, что именно на этих поселениях найдено абсолютное большинство древнерусских свинцовых печатей и пломб (38 пунктов из 70). На 37 из них обнаружены остатки каменных храмов. В 32 случаях раскопками подтверждена усадебно-дворовая застройка поселений данного типа. Наблюдается как внутриусадебная, так и междворовая имущественная дифференциация их обитателей.

Для выводов о социально-экономическом облике исследуемой группы поселений определяющим является присутствие в их числе крупнейших центров Руси: Киева, Чернигова, Переяславля, Галича, Полоцка, Смоленска, Новгорода, Суздаля, Рязани.

Таблица 2. Сводная археологическая характеристика укрепленных поселений середины XII–XIII в.

Размер укрепленной площади	Количество памятников	Археологическая характеристика															
		I			II	III			IV		V			VI		VII	
		1	2	3	1	1	2	3	1	2	1	2	3	1	2	1	2
Более 2,5 га	70	×	×	/	×	×	×	×	×	/	×	×	×	×	×	×	×
1–2,5 га	32	/	/	/	/	×	/	×	/		/	/	/	/	/	/	/
До 1 га	93	/	/	×		×	/	×			/	/		×	×	×	

× — много, / — мало

О том, что столицы древнерусских земель-княжеств XII—XIII вв. были подлинными городами, говорилось выше. Но особенности, характерные для перечисленных центров-гигантов, оказываются свойственными и меньшим поселениям. И там обнаружены дворы знати и непривилегированных жителей, каменные храмы, печати и пломбы, эпиграфические памятники, разнообразное вооружение, дорогие украшения, богатая утварь и иные вещественные следы имущественной дифференциации. Словом, археологические характеристики вторых по всем показателям соответствуют первым, отличаясь лишь количеством материала, а не его качеством. Это детальное сходство позволяет всю данную группу укрепленных поселений считать городами.

Два обстоятельства кажутся особенно показательными. Абсолютное большинство каменных храмов обнаружено именно на поселениях с укрепленной площадью более 2,5 га, именно здесь прослеживается дворово-усадебная застройка. Таким образом, проведенное независимо от изложенных выше наблюдений подразделение поселений по размерам укрепленной площади носит не случайный характер, а отражает закономерности социального порядка. Всякое древнерусское поселение XII—XIII вв. с укрепленной территорией около 2,5 га и более может рассматриваться как город, если этому не противоречат другие данные: отсутствие развитого ремесла, церквей, дворов-усадеб, административного управления.

Лишь четыре памятника, укрепленная площадь которых меньше 2,5 га: Мстиславль (1,45 га) и Ростиславль (1,3 га) в Смоленской земле, Волковыск (около 1,5 га) в Понеманье, Василев на Днестре (около 1,3 га) обладают большинством прочих «городских» признаков. Указанные исключения требуют известной осторожности в выводах, основанных на недостаточном количестве фактов. По системе планировки оборонительных сооружений большинство городов принадлежит к четвертому типу, но есть среди них памятники второго и третьего типов (II).

Обратимся теперь к другой группе поселений (защищенная площадь от 1 до 2,5 га), занимающих вторую строку таблицы. Здесь учтены данные по 32 памятникам. В сравнении с городищами первой группы они не имеют столь четких характеристик. Большинство показателей выражены слабо. Лишь рубрика вооружения представлена достаточно полно. Усадебная планировка отмечена только на указанных выше Мстиславле и Ростиславле. Складывается предварительное впечатление об определенной

незавершенности процесса социального развития этих поселений.

Наряду с материалами археологических раскопок установить характер интересующих нас поселений помогают сведения письменных источников. В них упомянуты 26 (Иван, Логойск, Борисов, Перемиль, Данилов, Колодяжин и др.) из 32 пунктов. Относительно большая площадь поселений свидетельствует, что население их могло насчитывать 300—1000 человек. По данным археологии трудно выделить какое-либо ведущее направление в хозяйственной деятельности жителей этих городов. Ремесленное производство представлено железоплавильным, кузнечным, ювелирным (меднолитейным), гончарным, костерезным и деревообрабатывающим. Доказательств обособления двух последних от прочих домашних промыслов нет. Узкая специализация ремесла также не прослеживается. Определенное значение имели торговые связи. Среди сельскохозяйственных занятий преобладало скотоводство. Почвообрабатывающие орудия в значительном количестве найдены только при раскопках Колодяжина и Райковецкого городища. Впрочем, и там серпов и кос обнаружено в несколько раз больше. Лишь предметы вооружения, включая обломки мечей и сабель, булавы, шпоры, стремена встречаются постоянно. Дифференциация жилых построек по размерам и сопутствующему инвентарю практически отсутствует.

Военная ориентация этой группы поселений вырисовывается довольно отчетливо. Но многие из них (Логойск, Борисов, Гомель, Кричев, Перемиль и пр.) судя по сообщениям летописей были центрами волостей и удельных княжеств. Следовательно, оказались соединенными вместе сторожевые крепости и административные центры. Противоречия здесь нет. Обе функции (военная и управления) присущи и тем, и другим. Разница в их соотношении. У ряда поселений (Изборск, Городок на Шелони, Браслав, Райковецкое городище), расположенных вдоль границ княжеств на угрожаемых направлениях, преобладала первая, у других — вторая.

Наконец, о третьей, самой многочисленной (93) группе памятников, укрепленная площадь которых не превышает 1 га. Ее археологические характеристики, как видно из таблицы, имеют некоторые особенности. Во-первых, сельское хозяйство, прежде всего земледелие, является основой экономики этих поселений. Ремесло развито слабо и целиком подчинено удовлетворению узкоместных потребностей. Во-вторых, среди находок встречены дорогие вещи (в том числе целые клады), входившие в парадный боярско-княжеский убор. На ряде поселений (Бородино, Воищина, Зборово, Вищин, Ковшары, Хлепень, Спасское, Молодия и др.) из массы построек размерами и составом находок выделяется господский дом. Исследователи убедительно интерпретировали подобные городища как феодальные усадьбы-замки.

Однако в этой же группе оказались поселения несколько иного облика. При общем сходстве с предыдущими раскопками на них не зафиксированы следы резкой имущественной и социальной дифференциации. Понять характер данных памятников помогают сведения письменных источников. В летописях и иных документах названы Восвяч, Лукомль, Рша, Копыс, Рогачев, Прупой, Чечерск, Турейск и др. Все они являлись административными центрами отдельных волостей.

Вновь мы сталкиваемся со случаем как бы произвольного объединения разнородных на первый взгляд поселений. В действительности это не так. Основные функции первых и вторых схожи. Они были административно-хозяйственными центрами территориальных округ: феодальных вотчин или волостей и погостов, из которых складывались территории княжеств. Различать их между собой, опираясь только на результаты ограниченных по масштабу археологических исследований, трудно.

Итак, среди трех групп укрепленных поселений середины XII—XIII в. имеются города, сторожевые крепости, административно-военные центры волостей и погостов, феодальные усадьбы-замки. Абсолютное большинство городов составляет первую группу, а феодальные усадьбы — третью. Из числа городов по всем показателям выделяются столицы княжеств — «старшие» города. Остальные являлись «младшими» или пригородами. Несколько вероятных феодальных замков (Зверовичи-Красн, Осовик (?), Радомль, Молодия на Днестре и др.) по системе планировки относятся к четвертому типу. Площадь их детинцев редко превышает 1—2 тыс. кв. м. Здесь располагался господский двор. В окольном городе жила челядь и прочий зависимый люд, обслуживавший феодалов.

Не менее интересно соотношение летописных и нелетописных памятников. Из 195 поселений, включенных в табл. 2, 126 (61,5%) поименованы в письменных источниках XII—XV вв., причем в первой группе их 67 (95,7%) из 70, во второй — 26 (81,25%) из 32, в третьей — 33 (35,5%) из 93. Отсюда следует, что почти все крупные центры Руси этого времени хоть однажды попали на страницы летописей или иных памятников письменности. Значительно меньше внимания современников привлекали мелкие городки — укрепленные центры феодальных вотчин или волостей и погостов.

Изучив особенности древнерусских укрепленных поселений середины XII—XIII в. и определив (с известной долей вероятности) их социальный облик, можно, пользуясь методом исторической ретроспекции, исследовать характер подобных памятников XI — начала XII в. Данные их сводной археологической характеристики помещены в табл. 3.

При сравнении табл. 2 с табл. 3 бросается в глаза значительное увеличение количества памятников (со 120 до 195). Эти цифры отражают уже установленный выше закономерный рост числа укрепленных поселений во второй половине XII—XIII в. Существенно, что данный процесс осуществлялся за счет городищ первой (с 44 до 70) и третьей (с 45 до 93) групп. Количество поселений второй группы осталось практически прежним (31—32).

С точки зрения взаимовстречаемости археологических признаков — показателей социального облика памятника характеристика поселений первой группы (укрепленная площадь свыше 2,5 га) XI — начала XII в. почти ничем не отличается от характеристики подобных поселений середины XII—XIII в. Лишь каменные храмы XI — начала XII в. известны на 11 поселениях и усадебная застройка достоверно зафиксирована только в 16 случаях. Но массовое ка-

Таблица 3. Сводная археологическая характеристика городищ XI – начала XII в.

Размер укрепленной площади	Количество памятников	Археологическая характеристика															
		I			II	III			IV		V			VI		VII	
		1	2	3	1	1	2	3	1	2	1	2	3	1	2	1	2
Более 2,5 га	44	×	×	/	×	×	×	×		/	/	×	/	×	×	/	×
1–2,5 га	31	/	/	/	/	×	/	×				/	/	/	/		/
До 1 га	45	/	/	/		×	/	×					/	/	/		/

менное строительство началось на Руси с середины XII в., а остатки деревянных церквей обнаружить значительно сложнее. Следы заборов, частоколов, разделявших дворы-усадьбы горожан, долгое время вообще не привлекали внимания археологов, исследовавших в первую очередь остатки жилых, производственных и хозяйственных построек. Учитывая минимальную по имеющимся данным площадь древнерусских городских дворов (200—600 кв. м), можно полагать, что раскопы меньших размеров часто захватывают пограничные участки. Таким образом, археологические материалы позволяют достаточно надежно интерпретировать данные поселения первой группы как подлинные города.

Сложнее обстоит вопрос с памятниками двух остальных групп. Их характеристики идентичны и в принципе совпадают с характеристикой поселений второй группы середины XII—XIII в. Прежде всего здесь не удается убедительно выделить феодальные усадьбы замки. Конечно, они уже существовали, но прямых археологических доказательств этому пока нет. Княжеский феодальный двор-замок конца XI—XII в. исследован Б. А. Рыбаковым в Любече. Однако он одновременно являлся детинцем большого города. Сельские аналоги Любечу есть среди памятников второй половины XII—XIII в., но не XI в.

Не менее трудно определить специфические черты, присущие только военным крепостям этого времени. Безусловно, в период сильного натиска половцев (конец XI — начало XII в.) южные рубежи древнерусского государства интенсивно укреплялись. Об этом недвусмысленно свидетельствует появление многих новых укрепленных поселений в Посулье, Поросье, Киевском Поднепровье. Но от прочих городищ их отличает лишь время возникновения и местоположение в лесостепном пограничье или на направлениях вероятного прорыва кочевников к Киеву.

Примером такого укрепления может служить южное городище в Витичеве на правом берегу Днепра, раскопанное экспедицией Б. А. Рыбакова. По мнению Б. А. Рыбакова, здесь находился Новгород-Святополч, впоследствии именовавшийся Михайловом. Крепость построена по приказу киевского князя Святополка-Михаила в 1095 г. Мысовая площадка (0,75 га) окружена по периметру мощным валом, а по склону — сухим рвом. Культурный слой слабо насыщен находками. Открытое селище отсутствует. Крепость контролировала древний Витачевский брод через Днепр.

Приходится констатировать, что, руководствуясь только данными раскопок, детально классифицировать поселения второй и третьей групп XI — начала XII в. нельзя. Но сопоставление памятников XI — начала XII в. и середины XII—XIII в. обнаруживает ряд существенных моментов. Оказывается, что 15 укрепленных поселений (Плиснеск, Торопец, Вщиж, Пронск, Новогрудок, Гродно, Кукейнос, Ерсике, Друцк, Путивль и др.) переместились в середине XII в. из второй группы в первую. Значительно увеличивается их укрепленная площадь, появляются дворы-усадьбы и производственные комплексы, строятся церкви. Они превращаются в подлинные города, в большинстве своем в столицы удельных княжеств. Из этого наблюдения следует, что увеличение числа городов на Руси в XII—XIII вв. шло за счет развития старых волостных центров, обрастающих посадами, становившихся средоточием экономической, политической и культурной жизни своих округ. В тот же период были основаны сразу как крупные городские поселения Мстиславль, Ростиславль, Дебрянск, Трубчевск, Дмитров, Серенск, Переяславль Рязанский и др. Здесь наглядно сказались две стороны одного процесса: дальнейшего распространения вширь и вглубь феодализации русских земель, выразившейся в становлении самостоятельных княжеств, укреплении их внутриэкономических и политических связей.

Из 120 укрепленных поселений, включенных в табл. 3, 81(67,5%) упомянуто в письменных источниках. По первой группе это соотношение равно 41 (93,2%) из 44 по второй 24 (77,4%) из 31 и по третьей — 16 (35,5%) из 45. Настоящая картина в целом повторяет ситуацию для памятников более позднего времени. Большинство крупнейших пунктов летописцы не обошли вниманием. Правда, следует учитывать, что исследователя интересуют прежде всего летописные поселения.

В итоге сравнительного анализа различных данных по археологически изученным памятникам XI—начала XII в. можно утверждать, что социальная иерархия древнерусских укрепленных поселений, рельефно обозначившаяся во второй половине XII—XIII в., сложилась в своих основных звеньях в предшествующий хронологический период.

Теперь предстоит рассмотреть под тем же углом зрения материалы поселений конца IX — начала XI в. (см. табл. 4).

Таблица 4. Сводная археологическая характеристика укрепленных поселений конца IX – начала XI в.

Размер укрепленной площади	Количество памятников	Археологическая характеристика															
		I			II	III			IV		V			VI		VII	
		1	2	3	1	1	2	3	1	2	1	2	3	1	2	1	2
Более 2,5 га	30	×	×	/		×	/	×	/					/	/	/	/
1–2,5 га	16	/	/	/		×	/	/						/	/		/
До 1 га	37	/	/	×		/	/	/						/			

В данной таблице по сравнению с предшествующими (2 и 3) большинство показателей не получили четкого выражения. Это обстоятельство накладывает отпечаток на обоснованность выводов.

Тем не менее крупнейшие поселения по разнообразию находок, развитию экономики, наличию явственных признаков имущественной дифференциации

отличаются от остальных памятников. Однако рассматривать их в совокупности все же нельзя. Дело в том, что далеко не везде культурные отложения IX—X вв. хорошо сохранились и исследованы достаточно полно. Лишь Киев и Новгород, а возможно, также Полоцк, Перемышль, Ладога, по данным археологических раскопок, имеют вполне «городской» характер уже во второй половине X — начале XI в. Здесь обнаружено не один-два, а почти исчерпывающий набор признаков, свойственных всем городам более позднего времени. Существенной особенностью этих памятников является то, что они развивались на основе предшествующих славянских поселений. Надо полагать, к ним присоединятся в процессе дальнейшего изучения Чернигов, Переяславль, Вышгород, Любеч, Муром, Ростов, Псков, Витебск.

Не совсем ясен характер юго-западных центров Руси: Сутейска, Белза, Волыни. Они стоят на месте поселений IX—X вв., но их сохранившиеся укрепления относятся к началу XI в., причем оборонительные линии детинцев и окольных городов возведены одновременно. Эта деталь сближает указанные памятники с крепостями, построенными по приказу Владимира Святославича на южных рубежах Русской земли. Как показали раскопки (Б. А. Рыбаков, П. А. Раппопорт, Н. В. Линка, В. И. Довженок), валы детинцев и окольных городов в Белгороде, Василеве (Васильков), Новгороде Малом (Заречье), Переяславле и Воине (Воинская Гребля) насыпались одновременно по единому плану. Вторая линия укреплений защищала обширную, слабо заселенную территорию — «твердь», предназначенную для укрытия воинских резервов и окрестного населения. Такая схема организации обороны сторожевой крепости сложилась уже в середине X в. (Витичев). Ее гарнизон нес воинскую службу, а продуктами питания, по-видимому, снабжался централизованно. Эти характерные особенности позволяют выделить укрепленные поселения преимущественно военного назначения из числа памятников второй половины X — начала XI в.

Сооружение аналогичных укреплений в Сутейске, Белзе и Волыни приходится на период, по времени следующий за походом Владимира (981 г.) на Червенские земли. По всей вероятности, эти пункты также были укреплены для защиты юго-западных границ Руси. Таким образом, схожие принципы строительства порубежных крепостей применяются на всей территории Руси в указанное время. Организующая и направляющая роль государственной власти угадывается здесь достаточно отчетливо.

В числе крупнейших поселений IX—X вв. оказались и городища типа Титчихи на Дону, Горнальского на Псле, Червоной Дибравы на Днестре, Ревного на Пруте. Все они вовсе были заброшены к началу XI в. или продолжали существовать как открытые селения. Но в период расцвета каждый поселок состоял как минимум из двух укрепленных частей общей площадью в 5—10 га. Как свидетельствуют раскопки, жители городищ занимались ремеслом (добыча железа; обработка черных и цветных металлов, кости; гончарство), торговлей (привозные вещи, монеты, денежные клады), земледелием и скотоводством, промыслами. Найдены оружие и предметы снаряжения коня и всадника. Отмечены случаи имущественной и профессиональной дифференциации обитателей поселков. Показательно, что городища этого типа окружены полутора—двумя десятками одновременных, в большинстве своем неукрепленных поселений. Совокупность имеющихся данных позволяет признать эти памятники центрами малых племен, входивших в один из крупных восточнославянских племенных союзов. Они погибли под ударами врага или под напором новых феодально-классовых отношений.

Близки по характеру находок и особенностям местоположения к только что охарактеризованным поселениям некоторые поселения третьей группы (укрепленная площадь до 1 га): Алчедар, Екимауцы, Лукашевка, Рудь, Хотомель, Бабка и др.

Во второй группе (укрепленная площадь 1—2,5 га) оказались поселения, возникшие в конце X в. (Руса?, Друцк, Логойск, Изяславль Полоцкий, Новогрудок, Судовая Вишня, Галич) и выросшие на месте еще более древних поселков (Луцк, Плисненск). Общими для тех и других, помимо размеров, является присутствие военного элемента, следы ремесленного производства и торговых связей, слабое развитие сельского хозяйства. Большинство из них превратились впоследствии в настоящие города, столицы княжеств. Эти поселения конца X — начала XI в. выполняли роль новых военно-административных центров в процессе организации Киевом постоянного управления различными территориями Древнерусского государства.

Последняя группа городищ IX — начала XI в. (укрепленная площадь до 1 га), за исключением предыдущих, ничем не отличается от рядовых сельских поселений этого времени, кроме наличия примитивных укреплений. По существу они являются укрепленными селами, примерами крестьянской самообороны от внешней опасности. В условиях упрочения феодализма и государственности им уже не было места.

Из 83 памятников, данные о которых сведены в табл. 4, по письменным источникам известно 43 (51,8%), в том числе по первой группе — 23 (76,7%) из 30, по второй — 13 (81,2%) из 16 и по третьей — 7 (19%) из 37. Нельзя не отметить, что 24 поселения указанного времени прекратили существование к началу XI в. Всего из археологически изученных древнерусских укрепленных поселений не дожили до середины XII в. 37 (15,3%) из 242 памятников. Гибель большинства из них на рубеже X—XI вв. объясняется не только ударами кочевников, но и становлением единого государства Руси. Опорные пункты местного сепаратизма и сопротивления уничтожались центральной властью.

В целом интерпретировать по археологическим данным социальное лицо поселений IX — начала XI в. значительно труднее, чем двух следующих хронологических периодов. Меньше ярких фактов, нет близких аналогий, лаконичны сведения письменных источников. В результате сравнительного анализа археологических материалов социально-историческая типология древнерусских укрепленных поселений конца IX — середины XIII в. представляется в следующем виде:

для периода IX — начала XI в.— укрепленные поселения сельских общин, племенные центры, дружинные лагеря-станы, первые административно-военные центры волостей, ранние города, сторожевые крепости (со второй половины X в.);

для периода XI — начала XII в.— феодальные усадьбы-замки, административно-военные центры волостей и погостов, сторожевые крепости, города;

для периода середины XII — середины XIII в.— феодальные усадьбы-замки, административно-военные центры волостей и погостов, сторожевые крепости, старшие и младшие (пригороды) города.

Между отдельными категориями укрепленных поселений существуют переходные типы. Не прослеживаются в чистом виде культовые центры и торгово-ремесленные поселки.

Древнерусские города

Определение города. Существующие ныне в отечественной историографии определения русского феодального города построены на объединении производственного и правового принципов. Они дополняются перечислением его важнейших функций. Уточнены место городов в государственной структуре Руси и их роль в системе формирующихся классовых отношений. Поэтому отказ некоторых исследователей от научного определения понятия феодального города, стремление в этом вопросе стать на точку зрения летописцев XI—XIII вв. затушевывает проблему (Рабинович М. Г., 1978, с. 16—17). Однако и еще более дробная детализация функций и признаков средневекового города на разных этапах его развития ведут к отрицанию существования городов как общеисторического и принципиально однородного явления. Единые методологически важные особенности городов в таком случае растворяются среди второстепенных, локальных и хронологических признаков. Складывается положение, когда удается сформулировать лишь частное, для конкретной эпохи и конкретного региона определение города. Но в таком случае неизбежен вопрос: насколько правомерно вообще пользоваться термином «город», если различные исследователи понимают его по-разному?

Выше были рассмотрены важнейшие функции и характерные особенности древнерусских городов. Хотя они и изменялись во времени, их появление закономерно и свойственно всем обществам на известном этапе развития. Поэтому определение средневекового города с позиций исторического материализма должно выражать его основную, единую для всех городов социальную функцию.

К. Маркс и Ф. Энгельс считали города закономерным порождением процесса общественного разделения труда в условиях появления частной собственности и антагонистических классов (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 28—39, 49—58; т. 21, с. 160—163, 170—171). Это возможно лишь при наличии в обществе достаточного количества прибавочного продукта. Города же с момента своего зарождения в эпоху Древнего мира выступают в роли его аккумуляторов.

На эти обстоятельства обратили недавно внимание О. Г. Большаков и В. А. Якобсон. Исследователи считают, что с помощью понятия прибавочного продукта — фундаментальной категории политической экономии марксизма, можно определить город как «населенный пункт, в котором концентрируется и перераспределяется прибавочный продукт» (Большаков О. Г., Якобсон В. А., 1983). По их мнению, «это определение в наиболее общей форме выражает сущность самых характерных социально-экономических функций города: концентрацию налогов и земельной ренты и перераспределение этих средств путем раздачи жалованья, монументального строительства и внешней торговли». Приняв данное определение города, удается примирить спор о приоритете экономических и политических начал в градообразовании, связанных теперь диалектическим взаимодействием.

Предложенное О. Г. Большаковым и В. А. Якобсоном общее определение города отражает социально-экономическую сущность и древнерусских городов. Действительно, подавляющая масса прибавочного продукта производилась в феодальной Руси сельским хозяйством и изымалась оттуда в первую очередь на нужды господствующего класса. Изъятый из деревни прибавочный продукт в виде даней и земельной ренты поступал прямо или через промежуточные инстанции в города — места постоянного пребывания большинства представителей господствующего класса, практически на протяжении всей «восходящей стадии феодализма». Здесь он реализовывался различными способами, в том числе и переработкой его ремесленниками.

Если с такой точки зрения взглянуть на развитие древнерусских городов, можно заметить, что и увеличение размеров, и количественный рост городов находятся в определенной зависимости от объема отчуждаемого из сельского хозяйства прибавочного продукта. Чем больше и гуще населена территория, подчиненная городу, тем больше и населеннее сам город. Столицы русских земель-княжений служат здесь ярким примером. М. Н. Тихомиров совершенно верно подметил, что города на Руси строились в первую очередь в развитых сельскохозяйственных районах. Но исследователь объяснил этот факт потребностью земледелия в изделиях специализированного городского ремесла (Тихомиров М. Н., 1956, с. 52—64). Иначе подошел к данному вопросу А. Н. Насонов, считавший естественной причиной возникновения городов в густонаселенных земледельческих областях наличие там многочисленного платежеспособного населения, являвшегося надежным источником обогащения всевозможными поборами (Насонов А. Н., 1951, с. 22—24). Другими словами, А. Н. Насонов рассматривал города Древней Руси прежде всего как административно-хозяйственные центры.

Признавая удачным общее определение О. Г. Большаковым и В. А. Якобсоном понятия «город», кажется необходимым несколько конкретизировать его для древнерусских условий. Ведь пунктами концентрации прибавочного продукта были и феодальные усадьбы-замки, и погосты, и военные крепости.

По мысли К. Маркса и Ф. Энгельса, «город уже представляет собой факт концентрации населения, орудий производства, капитала, наслаждений, потребностей, между тем как в деревне наблюдается

диаметрально противоположный факт — изолированность и разобщенность. Противоположность между городом и деревней может существовать только в рамках частной собственности» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 3, с. 50). Значит в условиях частной собственности город не только аккумулирует в себе прибавочный продукт, но средства и способы его реализации, и население, численно достаточное, чтобы выполнять эту задачу. Именно степень концентрации перечисленных моментов, что следует из рассмотренных выше таблиц (2—4), отличает феодальный город от других типов поселений.

Таким образом, древнерусским городом можно считать постоянный населенный пункт, в котором с обширной сельской округи—волости концентрировалась, перерабатывалась и перераспределялась большая часть произведенного там прибавочного продукта. Внесенные в определение города О. Г. Большаковым и В. А. Якобсоном дополнения подчеркивают несколько существенных обстоятельств.

Во-первых, Б. А. Рыбаков убедительно показал, что в IX — середине X в. большая часть даней и контрибуций (прибавочный продукт) свозилась в расположенные на пути следования «полюдья» временные поселки-станы (Рыбаков Б. А., 1979). Такие поселки в этот ранний период истории Руси выполняли роль сборного пункта (склада) продуктов дани для своевременной передачи их киевским князьям. Определение «постоянный» отличает города от подобных пунктов с временным или периодически увеличивающимся населением.

Во-вторых, определение «обширный» указывает на связь города с большой волостью (областью), а не только с ближайшей сельскохозяйственной округой. Этим фиксируется отличие города от феодальной усадьбы-замка, погоста или рядового волостного центра, организовавших вокруг себя меньшие территории.

В-третьих, глагол «перерабатывалась» подчеркивает важнейшую экономическую функцию города — ремесленное производство.

В-четвертых, слова «большая часть» свидетельствуют о высокой степени концентрации в городе прибавочного продукта, средств и возможностей его переработки и перераспределения. В этом также заключена разница между городом и прочими административно-хозяйственными и военными центрами. Например, новгородские погосты XII в. па северо-востоке (Заволочье) являлись центрами громадных территорий, но слабо освоенных и редко заселенных. Судя по грамоте Святослава Ольговича (1137 г.) дань с них была невелика (Щапов Я. Н., 1976, с. 147—148). Военные крепости X—XI вв. снабжались централизованным путем, и поступавшие сюда продукты ограничивались нуждами гарнизона (Рыбаков Б. А., 1965а).

Сформулированное выше определение древнерусского феодального города отражает все его основные социально-экономические функции и позволяет, используя количественные и качественные критерии, обоснованно выделять города из массы прочих укрепленных поселений конца IX—XIII в.

Происхождение и развитие городов. Систематизируя археологически изученные укрепленные поселения по шкале социально-экономических признаков, удалось выделить памятники, археологические характеристики которых свидетельствуют об их городском облике. Абсолютное большинство этих поселений имели защищенную валами и рвами площадь около 2,5 га и более. К укрепленным частям примыкали открытые селища-посады. Установленные в процессе исследования наименьшие размеры укрепленной площади, свойственные городским центрам, вероятно, отражают минимальную степень концентрации населения, необходимого для выполнения городом всех его функций. Населенные пункты меньших размеров, за единичными исключениями, оказались поселками других социальных типов: укрепленными центрами рядовых волостей и погостов, военно-сторожевыми крепостями, феодальными усадьбами-замками. Но и сами города, как следует из рассмотренных выше материалов, при определенном сходстве своих археологических характеристик представляли в действительности довольно пеструю картину. Одновременно с крупнейшими и всесторонне развитыми стольными центрами типа Киева и Новгорода существовали небольшие удельные или волостные городки вроде Вщижа, Серенска или Ярополча Залесского.

Таблица 5. Сводная археологическая характеристика древнерусских городов X – середины XIII в.*

Время	Количество памятников	Археологическая характеристика															
		I			II	III			IV		V			VI		VII	
		1	2	3	1	1	2	3	1	2	1	2	3	1	2	1	2
Середина XII – середина XIII в.	74	×	×	/	×	×	×	×		×	×	×	×	×	×	×	×
XI – первая половина XII в.	44	×	×	/	×	×	×	×		/	/	×	/	×	×	/	×
X – начало XI в.	30	×	×	/		×	/	×		/				/	/	/	/

* В таблицу включены только археологически изученные поселения с укрепленной площадью свыше 2,5 га.

Чтобы более детально изучить закономерности градообразовательного процесса на Руси, ниже сгруппированы в сводную корреляционную табл. 5 археологические характеристики предполагаемых городов X — середины XIII в.

В таблице сразу обращают на себя внимание несколько фактов. Во-первых, от периода к периоду неуклонно возрастает число поселений городского типа. Во-вторых, только у памятников середины XII—XIII в. «городские» признаки выражены достаточно отчетливо. Чем древнее поселение, тем более «размытой» становится его археологическая характеристика. В-третьих, самыми устойчивыми оказались показатели экономического развития, военной ориентации и имущественной дифференциации. Все вместе это свидетельствует о закономерном усилении со временем градообразовательных тенденций и постепенной кристаллизации социально-экономического уклада древнерусских городов.

Рассмотрим подробно нижнюю строку таблицы. В ней помещены 30 поселений X — начала XI в., обладавшие рядом «городских» признаков. Вот их перечень, в котором они расположены по админист-

ративно-территориальному принципу (по принадлежности к будущим землям-княжениям). В списке после названия памятника в скобках указываются дата его первого упоминания в письменных источниках, размеры укрепленной площади в данное время.

Киевская земля: Киев (до IX в., 11 га) *, Вышгород (946 г., около 7 га), Белгород (991 г., 52 га), Витичев (949 г., около 10 га).

Переяславская земля: Переяславль (907 г., около 80 га), Гочевское городище (около 10 га), Большое Горнальское городище (около 5 га).

Черниговская земля: Чернигов (907 г., около 8 га), Любеч (907 г., 4,5 га), Новгород Северский (1078—1079 гг., 3 га).

Галицко-Волынская земля: Перемышль (981 г., 3 га), Червень (981 г., 4 га), Волынь (1018 г., 0,5 га+?), городище Листвин (11 га), городище Ступница (14 га), городище Ревное I (4,5 га), городище Ревное II (около 10 га), городище Грозницы (около 6 га).

Полоцкая земля: Полоцк (862 г., 10 га), Витебск (1021 г., 4 га).

Новгородская земля: Новгород (859 г., 7 га), Псков (903 г., 2,5 га), Ладога (862 г., 1 га+?).

Ростово-Суздальская земля: Суздаль (1024 г., ?), Белоозеро (862 г., ?).

Рязанская земля: Рязань (1096 г., 4,5 га). Белогорское городище (4 га), городище Титчиха (7,5 га).

Из перечисленных 30 памятников 14 упоминаются в письменных источниках в связи с событиями IX—X вв., а шесть — XI в. Десять поселений летописям не известны. Достаточно уверенно можно говорить о городском характере в то время лишь Киева и Новгорода. Здесь первые укрепления были окружены кварталами с усадебной застройкой, улицами и переулками. В конце X в. в Киеве возводится знаменитая Десятинная церковь, а в Новгороде 12-главый дубовый Софийский собор. Им предшествовали языческие капища. Находки денежных кладов, отдельных монет и привозных вещей свидетельствуют о дальних торговых связях. Обнаружены бесспорные следы ювелирного, кузнечного, гончарного, костерезного и других ремесел. Уже в материалах второй половины X — начала XI в. наблюдается имущественная дифференциация жителей этих городов.

К Киеву и Новгороду близок Полоцк рубежа X—XI вв. Именно тогда отстраивается на новом месте детинец с уличпо-усадебной планировкой, где в середине XI в. закладывается Софийский собор. Этим же временем можно датировать расширение укрепленной площади древнего Витебска. Во второй половине X в. появляется каменная крепость в Ладоге. В конце X — начале XI в. складывается усадебно-уличная застройка древнейшего поселения в Белоозере.

К сожалению, нет достаточных данных, чтобы судить о характере планировки и внутренних особенностях раннего Чернигова. Лишь сведения письменных источников в сочетании с материалами из раскопок огромного курганного некрополя и факт строительства тут в первой половине XI в. Спасского собора указывают на кристаллизацию городских форм поселения.

О ранних этапах жизни Суздаля и Рязани имеются отрывочные свидетельства. Суздальский детинец укреплен в XI в. Находки X в. встречены при раскопках, особенно в его северо-западной части, где, видимо, находилось древнейшее поселение. Что касается Рязани, то датировка А. Л. Монгайтом концом X в. начала жизни на Северном городище нуждается в подтверждении.

Археологические раскопки в Вышгороде, Перемышле, Червене и Волыни обнаружили разнообразные материалы X в. Но лишь размеры поселений, следы торгово-ремесленной деятельности и имущественной дифференциации косвенно говорят о социально-экономическом облике этих памятников.

Прочие укрепленные поселения, известные по материалам археологических раскопок, еще не достигли городского уровня развития, а некоторые из них так никогда и не стали городами.

Таким образом, вторая половина X в. была временем активного градообразования на Руси. Особенно интенсивно этот процесс протекал в Среднем Поднепровье, на юго-западе и северо-западе страны. Складывается типичная плановая структура древнерусского города: крепость и обширная неукрепленная часть. Территория, защищенная укреплениями и отделенная ими от остального поселения, становится его общественно-политическим и культурным центром.

Симптоматично, что среди первых городов присутствуют почти все памятники, попавшие на страницы письменных источников в связи с событиями конца IX—X в. Не менее существенно, что все они к этому времени уже были или в недалеком будущем стали важнейшими социально-политическими и экономическими центрами Руси. На рубеже X—XI в., судя по рассказам летописи, горожане активно действуют как самостоятельная, социально организованная военно-политическая и общественная сила. С их участием в Киеве решаются вопросы выбора веры, они — званые гости на пирах князя Владимира. Жители Белгорода на вече обсуждают возможность дальнейшего сопротивления печенегам. Новгородцы санкционируют, финансируют и своим ополчением поддерживают борьбу Ярослава со Святополком. Следовательно, на Руси складывались особые городские общины, пользовавшиеся не только известным самоуправлением, но и правом голоса в решении общегосударственных дел.

В источниках по раннему периоду истории Руси есть важные свидетельства об уже тогда разнообразных функциях, выполняемых городами. Во-первых, города всегда выступают в роли центров управления обширными областями. В них сидят князья или княжеские наместники, олицетворяющие государственную власть. Вообще организация власти неразрывно связывается с основанием новых городов. Изгнав варягов, словене, кривичи, меря и чудь «начаще владете сами собе и городы ставити» (НПЛ, с. 106). Захватив Киев и объединяя вокруг него восточнославянские земли, Олег и Игорь ставят города и

* В скобках указаны даты первого упоминания города и размеры его укрепленной площади, если они приводятся впервые или изменились в XI — начале XII в.

уставляют дани (НПЛ, с. 107; ПСРЛ, т. 1, стб. 23—24).

Во-вторых, города — военный оплот государства. В них сосредоточены вооруженные силы, они формируют ополчения земель. Защита Руси от печенегов требует массового строительства городов (НПЛ, с. 159; ПСРЛ, т. 1, стб. 121).

В-третьих, города — идеологические и культурные центры. Утверждая христианство, Владимир строит в городах церкви, ставит попов и организует школы для детей «нарочитой чади» (НПЛ, с. 157, 159; ПСРЛ, т. 1, стб. 118).

Наконец, в городах концентрируется феодализирующаяся знать. Вновь построенные крепости по приказу Владимира населяют «нарочитыми мужами» изо всех городов словен, кривичей, чуди и вятичей (НПЛ, с. 159; ПСРЛ, т. 1, стб. 121).

Данные археологических исследований позволяют судить об экономической жизни первых городов. Именно здесь процесс обособления ремесла от сельского хозяйства шел наиболее быстрыми темпами. Особенно показательно становление специализированного гончарного производства. И на юге (Киев) и на севере (Новгород) в середине X в. гончарная керамика многократно преобладает над лепной. Обратная картина вплоть до конца X в. наблюдается на упомянутых выше крупных поселениях, еще не достигших городского уровня развития. Крепнущие торговые связи городов документированы находками денежных кладов и различных привозных вещей (оружие, украшения, утварь).

Обратимся теперь к списку вероятных городов XI — первой половины XII в.

Киевская земля: Киев (80 га), Вышгород, Белгород, Торческ (1093 г., ?), Тумащ (1150 г., 4 га), Чучин (1110 г., 5 га), Заруб (1096 г., около 4 га), Юрьев (1072 г., около 2,5 га).

Переяславская земля: Переяславль, Остерский Городец (1098 г., 5,5 га), Воинь (1055 г., 4,6 га).

Черниговская земля: Чернигов (около 55 га), Любеч, Новгород Северский (около 25 га). Путивль (1146 г., 2,5 га).

Турово-Пинская земля: Туров (980 г., 2,5 га), Пинск (1097 г., 6 га).

Галицко-Волынская земля: Галич (1138 г., 18 га), Перемышль (8 га), Теребовль (1097 г., 2,8 га), Звенигород (1087 г., 3 га), Дорогобуж (1084 г., 3 га), Пересопница (1149 г., 4 га), Сутейск (1069 г., 3 га), Белз (1030 г., 7 га), Червень, Волынь, городище Листвин, городище Ступница, Новогрудок (1235 г., 2,5 га), Гродно (1127 г., 4 га).

Полоцкая земля: Полоцк (28 га), Витебск (11 га), Минск (1067 г., 3 га), Друцк (1078 г., 2,5 га).

Смоленская земля: Смоленск (862 г., 5 га+?).

Новгородская земля: Новгород, Псков (3 га+?), Ладога (1 га+?), Руса (конец XI в., ?).

Ростово-Суздальская земля: Суздаль (14 га), Белоозеро (?), Ярополч (конец XIV в., 2,8 га).

Рязанская земля: Рязань (4,5 га).

По сравнению с аналогичным перечнем поселений городского типа конца IX — начала XI в. данный список увеличился на 14 пунктов, а фактически больше чем на 20. Ведь многие из рассмотренных выше укрепленных поселений к началу XI в. или прекратили свое существование, так и не достигнув городского уровня развития, или были отнесены к городам условно, за неимением достаточно полных археологических данных. Таким образом, среди исследованных памятников число городов к середине XII в. увеличивается почти в четыре раза.

Одновременно с появлением новых городских центров происходит стремительный рост «старых» городов. Особенно показательно развитие Киева. Укрепленная площадь столицы Руси уже в середине XI в. увеличивается в восемь раз. На территории города и в его ближайшей округе отстраиваются полтора десятка каменных храмов и дворцов. Летописец повествует о многочисленных княжеских и боярских дворах, расположенных внутри оборонительных укреплений. Археологами на Киевском Подоле исследованы усадьбы этого времени, принадлежавшие непривилегированным горожанам. Разнообразны свидетельства расцвета киевских ремесел и активных международных связей.

Расширением укрепленной территории в четыре раза (один окольный город) и монументальным каменным строительством (Спасский и Борисоглебский соборы) отмечена история второго по значению центра русской земли — Чернигова в XI — начале XII в. Застраивается жилыми кварталами на протяжении XI в. огромная крепость Владимира Святославича в Переяславле. Здесь же князья и епископ возводят несколько каменных храмов и гражданских построек.

Надо отметить, что трудоемкое и дорогостоящее сооружение монументальных зданий, а также строительство новых, значительной протяженности деревоземляных укреплений непосредственно связано с изменениями в социально-политическом статусе каждого конкретного центра. В Киеве — столице единого Древнерусского государства в изучаемый период было построено различных каменных зданий столько же или даже больше, чем во всех городах остальной Руси. Колоссальные по своим масштабам укрепления «города Ярослава» вплоть до нашествия орд Батыя являлись самыми мощными из древнерусских оборонительных сооружений.

Чернигов и Переяславль, став во второй половине XI в. столицами самостоятельных земель-княжений, вступают в пору быстрого расширения и развития. Ту же тенденцию демонстрируют Новгород и Полоцк, а несколько позже — Смоленск и Суздаль. Следовательно, расцвет древнерусских городов, включая их экономику, прямо зависел от их места в социально-политической системе государства. Недаром опережающими темпами в эту эпоху развивались те центры, которым удалось первыми добиться независимости от Киева.

Данные наблюдения находят подтверждение в истории Новгорода-Северского, Перемышля, Теребовля, Звенигорода, Гродно и Друцка. Появление у них окольных городов совпадает по времени с их превращением в столицы удельных княжеств.

С ростом самостоятельности отдельных земель-княжений, со стабилизацией государственных территорий синхронен процесс превращения в города старых и новых волостных центров. В Киевской земле в первую очередь городской строй кристаллизуется в Белгороде и Вышгороде, приобретающих статус важнейших пригородов столицы Руси. По пути го-

родского развития успешно двигались основанные в середине XI в. Тумащ на Стугне, Чучин и Заруб на Днепре, Торческ и Юрьев в Поросье. Конечно, перечисленными пунктами не исчерпывается список городских центров Киевщины. Вероятно, к концу XI в. достигли городского уровня развития Василев, Треполь и Канев. Однако для окончательного суждения об этом у нас еще мало археологических данных.

На левобережье Днепра, в Переяславском княжестве, городами стали: Воинь, основанный в конце X в. как крепость и заново перестроенный в середине XI в.; Остерский Городец, построенный Мономахом в 1098 г. в устье р. Остра как переяславский форпост в борьбе с Черниговом.

В Черниговской земле, помимо Новгорода Северского, успешно развивался Любеч, детинец которого во второй половине XI в. превратился в феодальный княжеский замок. Становится городом Путивль — центр Черниговского Посеймья.

На юго-западе Руси в первой половине XII в., кроме упомянутых выше удельных столиц, черты городского быта характерны для укрепленных поселений в Галиче, Дорогобуже, Пересопнице, Сутейске, Белзе. Остатками каких-то неизвестных по летописи городов являются, видимо, городища в Листвине и в Ступнице на Волыни. Городскими центрами Понеманья становятся в начале XII в. Гродно и Новогрудок, причем первый — одновременно с выделением его в удел.

В Полоцкой земле к середине XII в., помимо столицы княжества, городами стали удельные центры Минск и Друцк, а также Витебск. В Минске на рубеже XI—XII вв. начали строить каменный храм, а в Друцке — окольный город.

Вполне городской облик приобретают в XI в. Псков и Ладога — важнейшие пригороды Новгорода, административно-военные центры больших округов — волостей в составе Новгородской земли. Около соляных источников развивается в город Руса.

В XI в. укрепляется городской строй в старых центрах Северо-Востока: Белоозере и Суздале, а в Среднем Поочье — в Рязани, бывшей уже к началу XII в. вторым по значению населенным пунктом Муромского княжества.

Хотя сегодня археологически изучены далеко не все поселения городского типа XI — середины XII в., имеющиеся данные позволяют наметить основные пути развития городов в этот период. Больше трети (16) из включенных в таблицу пяти памятников основаны в XI в. (Торческ, Юрьев, Тумащ, Чучин, Остерский Городец, Пинск, Теребовль, Звенигород, Дорогобуж, Пересопница, Белз, Гродно, Минск, Друцк, Руса, Ярополч Залесский) в виде крупных укрепленных центров. Семь из них сразу или спустя некоторое время стали столицами удельных княжеств, а Юрьев — центром епископии.

Это обстоятельство свидетельствует о том, что все они были волостными центрами. Из подобных же центров, судя по летописи, но основанных на поселениях более раннего времени, развились города Вышгород, Заруб, Любеч, Новгород Северский, Путивль, Туров, Галич, Червень, Новогрудок, Витебск, Суздаль, Белоозеро и Рязань. Ядро других городов (Белгорода, Юрьева, Торческа, Тумаща, Чучина, Воиня, Остерского Городца, Сутейска и Белза) составили военные крепости, основанные в конце X—XI в. Однако их превращение в подлинные города, как об этом говорят примеры Белгорода, Юрьева, Торческа, Остерского Городца, Белза, связано с приобретением этими населенными пунктами, помимо чисто военных, экономических, административно-хозяйственных, культурных и иных функций.

Следует отметить, что Пересопница, Минск и Ярополч-Залесский имели только одну, но обширную укрепленную часть. Наоборот, в Чучине, Остерском Городце, Сутейске и Белзе в XI в. укреплениями сразу обносятся две части: детинец и окольный город. Таким образом, сложная плановая структура древнерусских городов отнюдь не всегда являлась итогом их постепенного развития, а часто и результатом целенаправленного замысла строителей. Любопытен и другой факт: новыми укреплениями обводились не только густо заселенные территории. Так было в Киеве при строительстве «городов» Владимира и Ярослава, когда валами защищали лишь местами заселенную Гору, оставляя неукрепленным достаточно плотно застроенный Подол. Сходная картина наблюдается в Новгороде Северском при строительстве окольного города в начале XII в. и в Суздале, когда при Владимире Мономахе возводились укрепления детинца.

Указанные наблюдения рисуют процесс градообразования на Руси более сложным, чем он иногда представляется. Ни ремесленные поселки, в чистом виде до сих пор не обнаруженные археологами, ни торговые рядки, не известные письменным источникам ранее XV в., ни рядовые сельские поселения ни в одном достоверном случае не оказались подосновой возникновения какого-либо древнерусского города X—XI вв. Всегда в роли будущего городского ядра выступает укрепленное поселение, организующее вокруг себя относительно значительные территории.

На раннем этапе это общинно-племенные, а точнее, межплеменные центры. Со второй половины X в. и особенно в XI в. к ним присоединяются центры волостей, основывавшиеся князьями по всей территории русского государства. Тогда же городские черты приобретают некоторые из военных порубежных крепостей.

Все перечисленные типы населенных пунктов могли и были исходными точками генезиса городов в конце IX—XI в. Однако впечатление множественности путей становления города при этом лишь кажущееся. Само появление указанных поселений (за исключением племенных центров) вызвано к жизни развитием феодализма на Руси, возникновением государственности. Они были, по мнению Б. А. Рыбакова, «узлами прочности», при помощи которых держались в подчинении князьям огромные территории (Рыбаков Б. А., 1979, № 2, с. 48). Наличие в этих населенных пунктах княжеских дружинников, тиунов и иных лиц, наделенных административно-хозяйственными и военными функциями, еще не открывало каждому конкретному поселению городской путь развития. Лишь оседание здесь достаточно значительной части прибавочного продукта (в виде даней и отработочной ренты) обеспечивало такую возможность. Вот почему городами на Руси в

первую очередь становились столицы земель-княжений и центры удельных княжеств. Этим они отличались и от становищ, и от погостов, и от рядовых волостных центров, служивших прежде всего местами временного хранения продуктов дани для последующей передачи их в столичные центры. Аналогичную роль играли и центры образовавшихся феодальных вотчин, откуда большая часть земельной ренты поступала в городские княжеские и боярские дворы. Таким образом, два условия служили главными предпосылками превращения какого-либо населенного пункта в город: концентрация в нем массы прибавочного продукта и средств его реализации. Первое условие выполняли феодалы, второе — ремесленно-торговое население.

Проверим теперь изложенные выше наблюдения, анализируя список археологически изученных городов середины XII—XIII в.

Киевская земля: Киев (около 300 га), Вышгород (15 га), Белгород (97,5 га), Торческ (около 90 га), Тумащ (8 га), Чучин, Заруб, Юрьев, Родня (980 г., 4 га), Городск (1257 г., ?).

Переяславская земля: Переяславль, Остерский Городец (30 га), Воинь.

Черниговская земля: Чернигов (около 160 га), Любеч, Новгород Северский, Путивль (около 25 га), Трубчевск (1185 г., 4 га), Вщиж (1142 г., 3,8 га), Брянск (1146 г., 5 га), Серенск (1147 г., 3 га), городище Слободка (2,5 га).

Турово-Пинская земля: Туров, Пинск.

Галицко-Волынская земля: Галич (45 га), Звенигород (около 25 га), Плесненск (1188 г., 4 га), Теребовль, Василев (1230 г., 1,3 га), городище Ленковцы (около 20 га), Перемышль, Изяславль (1241 г., 3,6 га), Дорогобуж, Пересопница, Луцк (1085 г., 7 га), Белз, Червень, Волынь, Сутейск, Дорогочин (1142 г., 3 га), Новогрудок, Слоним (1252 г., 3 га), Волковыск (1252 г., 1,5 га), Гродно.

Полоцкая земля: Полоцк (58 га), Витебск, Ерсике (1203 г., 3,5 га), Кукейнос (1205 г., 4 га), Минск, Друцк, Клеческ (1128 г., 4,6 га).

Смоленская земля: Смоленск (около 100 га), Торопец (середина XI в., 0,6 га + ?), Мстиславль (1156 г., 1,5 га), Ростиславль (конец XII в., 1,6 га).

Новгородская земля: Новгород, Руса (?), Псков (3.5 га + ?), Ладога (16 га).

Ростово-Суздальская земля: Суздаль (49 га), Владимир (1154 г., около 145 га), Переяславль Залесский (1152 г., около 40 га), Дмитров (1154 г., 6 га), Ярославль (1071 г., 3 га), Белоозеро, Семьинское городище (3 га), Ярополч, Городец (1172 г., 60 га).

Рязанская земля: Рязань (53 га), Пронск (1185 г., 7 га), Переяславль Рязанский (1300 г., 30 га), Изяславль (1237 г., 4 га), Коломна (1177 г., ?).

В список внесены дополнительно четыре памятника (Василев, Волковыск, Мстиславль и Ростиславль), укрепленная площадь которых меньше 2.5 га, но налицо остальные признаки городского характера поселений. 71 из названных выше 74 городов упомянуты в письменных источниках. По сравнению с аналогичным перечнем предполагаемых городов XI — начала XII в. наблюдается значительное увеличение числа городских центров с 44 до 74, т. е. на 68%. Из них 15 построены в середине XII—XIII в. на незаселенных ранее местах. В этот период интенсивно расширяют свою укрепленную площадь столицы древнерусских земель-княжений. В Киеве защищенная валами территория увеличилась почти втрое, в Чернигове — втрое, в Галиче — в 2,5 раза, в Полоцке — вдвое, в Смоленске — более чем в 10 раз, в Новгороде впервые появился обширный окольный город, в Суздале с постройкой окольного города укрепленная площадь увеличилась втрое, а в Рязани — почти в 10 раз. Как показали исследования в Суздале и Рязани, новыми укреплениями обводились отнюдь не густозаселенные, а свободные от застройки территории.

Весьма показателен быстрый рост Рязани, Владимира на Клязьме, Смоленска и Галича, именно в середине — второй половине XII в. превратившихся в столицы больших княжений. Легко заметить, что с утратой столичных функций темпы развития городов замедляются. Так случилось в Суздале и Звенигороде, когда столицы княжеств переместились во Владимир и Галич. Несколько замедлилось территориальное расширение Переяславля, от земель которого отошли в состав Черниговского княжества Курское Посеймье, а в состав Суздальского княжества — волость Остерского Городца.

Бурное развитие столичных центров фиксируется не только возведением новых оборонительных укреплений, но и массовым каменным строительством. В середине XII — середине XIII в. от трех — пяти до нескольких десятков каменных храмов появляется в Киеве, Чернигове, Галиче, Полоцке, Смоленске, Новгороде, Владимире и Рязани.

Почти одновременно приобретают вполне городской характер и статус удельных центров Трубчевск, Брянск, Вщиж, Луцк, Ерсике, Кукейнос, Торопец, Переяславль Залесский, Москва, Ярославль, Городец на Волге, Пронск. Вдвое увеличивается укрепленная площадь в Белгороде, Вышгороде, где во второй половине XII в. появились княжеские столы. Существенно, что в это время в крупных удельных (Белгород, Новгород Северский, Путивль, Трубчевск, Вщиж, Гродно, Псков, Переяславль Залесский, Ярославль) и волостных (Заруб, Канев, Волковыск, Новогрудок, Ростиславль, Мстиславль, Руса, Ладога) центрах строятся каменные церкви.

Таким образом, установленная выше (для городов XI — начала XII в.) связь превращения того или иного населенного пункта в город или ускорения развития какого-либо центра с изменениями в их социально-политическом положении в системе древнерусского государства прослеживается достаточно четко. Поэтому столицы древнерусских земель-княжений в своем развитии и росте решительно опережали прочие центры, а столицы удельных княжеств соответственно обгоняли другие населенные пункты своих волостей. Характерно, что многие из основанных в середине XII в. удельных и волостных центров (Переяславль Залесский, Городец на Волге, Серенск, Трубчевск, Мстиславль, Ростиславль и др.) достигают городского уровня развития в очень короткое время. Построенные князьями, эти укрепленные поселения целенаправленно заселяются (в том числе и выходцами из других земель) и сразу наделяются определенными правами (фиксированными отчислениями феодальной ренты). Продукты дани, оседавшие (концентрировавшиеся) в

городе, и были экономическим базисом развития городского ремесла и торговли. Купцы и ремесленники активно участвовали в их перераспределении и переработке.

В середине XII — середине XIII в. изменилась география градообразовательного процесса на Руси. Его очагами стали Черниговское Подесенье, бассейн р. Оки, Поволжье, Северо-Восток, Смоленские земли, нижнее Подвинье, западные и юго-западные территории. Перед нами не те области Руси, которые в указанное время подвергались интенсивной феодализации и окняжению. Начало эпохи феодальной раздробленности совпадает со значительным увеличением числа древнерусских городов. Это наблюдение вполне подтверждает выводы Б. А. Рыбакова о закономерности и прогрессивности данного этапа в развитии русского феодального государства (1962).

Бояре в первую очередь были заинтересованы в развитии городов как центров управления окрестными землями, местах, где они могли реализовать свои доходы и удовлетворить свои потребности. Города были их коллективными замками, за стенами которых они объединялись для совместной защиты. Бояре одновременно являлись и феодалами-землевладельцами и представителями государственной власти, посадниками, тысяцкими, судьями, мечниками, данщиками, вирниками и т. п. За эту службу они получали определенный «корм» и наряду с князьями участвовали в дележе государственных доходов. Стремление местных феодалов добиться непосредственного участия в государственном управлении и было одной из движущих центробежных сил феодальной раздробленности. Поэтому первоначально они концентрируются в столичных центрах, лишь временно выезжая оттуда во все концы княжеств для исполнения административных функций. Однако в скором времени их связи с конкретными территориями крепнут. Во-первых, множатся собственно боярские вотчины. Во-вторых, с упорядочением «строя земельного» во вновь образовавшихся княжествах многие «службы» приобретают традиционный, длительный характер. Часть феодалов, «государственные» интересы которых тесно сплетаются с личными, надолго оседают на местах. При благоприятных условиях они стремятся превратить временные держания в постоянные. Так поступают, например, галицкие бояре и «болховские князья». Среди принадлежавших им укрепленных поселений по крайней мере Плесненск и Губин достигли городского уровня развития. Сейчас еще трудно установить, выросли ли эти города из феодальных замков или же их владельцы превратили в родовые гнезда княжеские волостные центры.

Однако суть дела от этого не меняется: к началу XIII в. вотчины отдельных феодалов не княжеского происхождения оказались столь обширными, что могли обеспечить развитие подлинных городов. Другие феодалы вместе с удельными князьями укрепляются в удельных центрах, добиваясь иногда значительной самостоятельности (например: Новгород Северский в Черниговском княжестве, Минск и Друцк в Полоцком, Торопец в Смоленском, Пронск в Рязанском и т. д.).

Таким образом, во второй половине XII — начале XIII в. на Руси при активном участии земского боярства основываются новые и успешно развиваются старые города. В княжествах складывается иерархическая система городских центров, состоящая из старших городов-столиц и младших городов-пригородов. Одновременно кристаллизуется тип древнерусского городского поселения. Как правило, любой город включал в себя одну или несколько укрепленных частей и прилегающие к ним неукрепленные посады. Вокруг располагались городские угодья: сенокосы, выпасы, рыбные ловли, участки леса. Помимо феодалов и зависимых от них людей, в городе скапливалось торгово-ремесленное население, духовенство, церковный причт и пр. Минимальная укрепленная площадь большинства городов была около 2,5 га. Поскольку в минуту опасности городские укрепления, надо полагать, вмещали всех горожан, данная цифра опосредствованно отражает начальную степень концентрации населения, количественно достаточного для выполнения поселением функций города.

Итак, становлению и развитию древнерусских городов во многом способствовали князья и бояре. Но завершить этот процесс без купцов и ремесленников они не могли. Две градообразующие силы одинаково нуждались друг в друге. Именно феодалы были первыми потребителями продукции ремесленников и товаров купцов. Поэтому одновременно с феодалами или вскоре вслед за ними в зарождающихся городах появляются купцы и ремесленники. Закономерно, что до середины XII в. большинство древнерусских ремесленников работало на заказ, часто используя сырье заказчиков: князей, бояр, дружинников, духовенства. Лишь постепенно и сначала в крупнейших центрах они переходят от работы на заказ к работе на рынок. Древнерусское городское ремесло приобретает мелкотоварный характер. Усиливается специализация и дифференциация ремесленного производства, расширяется и стандартизируется ассортимент продукции ремесленников. Наблюдается археологически уловимое движение изделий городских ремесленников в деревню. Только тогда ремесленное население города обретает определенную экономическую независимость и устойчивость. Эти сдвиги приходятся на середину XII в., еще одной гранью отделяя период раннего феодализма на Руси от его развитой стадии. Расцвет старых городов и появление множества новых — тому убедительное свидетельство.

Суммируя наблюдения над развитием древнерусских городов до середины XIII в., в их истории можно выявить три периода.

Первый период — протогородской, длился до начала — середины X в. Это время сложения предпосылок образования подлинных городов на Руси (табл. 2). Его начало восходит к концу эпохи родоплеменного строя, когда выделяются родовая аристократия и военные вожди, появляются племенные и межплеменные центры, где в виде общественных взносов и военной добычи скапливается прибавочный продукт. На их основе возникают протогородские поселения, в экономике которых заметное место принадлежит специализированному ремеслу и торговле, а среди населения присутствует военно-феодальный элемент. Заканчивается этот период в обстановке интенсивного развития феодализма и го-

сударственности появлением первых раннегородских центров, по своей социально-экономической сущности и многофункциональности приближавшихся к развитым городам.

Второй период — раннегородской, продолжался в течение двух столетий — с середины X по середину XII в. (табл. 3). В течение указанного времени города кристаллизуются в особый и сложный социально-экономический тип поселений, противоположный деревне. В структуре Древнерусского раннефеодального государства они занимают место военно-политических, административно-хозяйственных, экономических и культурно-идеологических центров больших округ.

Третий период — развитых городов, начинается в середине XII в. Это время подлинного расцвета городов на Руси. С повсеместным распространением феодальных отношений вглубь и вширь происходит стремительный территориальный и численный рост городов. Ремесленное производство определяет развитие их экономики. Древнерусские города обретают характер и облик, свойственные городам развитого феодализма. Все в большей мере они выполняют роль внутриэкономических рынков своих округ. В княжествах складывается иерархическая система из старших городов—столиц и младших городов—пригородов. Проверить изложенные выводы позволяет табл. 6 (табл. 4). В ней перечислены города середины XII—XIII в., выделенные по археологическим данным (стационарные исследования памятников). На основе стратиграфии этих памятников в таблице фиксируется время начала жизни на их территории и время превращения поселения в город. Дополнительно указаны даты первого упоминания в письменных источниках, время основания княжеского стола. Отмечено также наличие культурных отложений второй половины XIII—XVII в. Момент становления города определяется по совокупности рассмотренных ранее признаков.

Из таблицы видно, что 18 городов возникли на поселениях IX — середины X в. (и более раннего времени), 15 — на поселениях второй половины X — начала XI в., 24 — на поселениях XI — середины XII в. и 17 городов основаны во второй половине XII — начале XIII в.* Однако из первой группы к середине X в. только Киев и Новгород имеют археологически достаточно ясный городской облик. Белгород, Чернигов, Любеч (?), Новгород-Северский, Перемышль, Червень, Волынь (?), Полоцк, Витебск, Псков, Ладога приобретают его в конце X — начале XI в. Три поселения (Заруб, Путивль, Луцк) вырастают в города в XI — начале XII в. и два (Вщиж и Плеснеск) — в середине — второй половине XII в.

Во второй группе к началу XI в. городами становятся Вышгород, Переяславль (до сих пор культурные отложения древнее конца X в. здесь не обнаружены), Суздаль, Белоозеро (?), Рязань; к середине XII в.— Воинь, Туров, Галич, Белз, Сутейск, Новогрудок, Смоленск и к началу XIII в.— Родня, Волковыск, Торопец.

В третьей группе одновременно или почти одновременно с основанием городами стали Торческ, Тумащ, Чучин, Юрьев, Остерский Городец, Пинск, Теребовль, Дорогобуж, Пересопница, Гродно, Минск, Друцк, Руса и Ярополч-Залесский, а остальные девять достигли городского уровня развития во второй половине XII — начале XIII в. Оставшиеся 17 поселений четвертой группы отстраивались князьями сразу как города, со всеми присущими им характерными чертами и особенностями.

Все отмеченные ранее закономерности развития древнерусских городов наглядно подтверждаются материалами таблицы. Территориально и хронологически города возникают по мере упрочения государственности, феодализации и окняжения древнерусских земель, углубления феодальной раздробленности. Существенно, что до объединения Руси под властью киевских князей нигде не обнаруживается раннегородских (за исключением, вероятно, Киева) образований. В эпоху «племенных княжений» существовали только протогородские центры, имевшие определенные тенденции к превращению в города, впоследствии далеко не всегда реализованные.

В этой связи особый интерес представляет исследование Б. А. Рыбаковым института «полюдья» киевских князей, активно функционировавшего до середины X в. Полюдье распадалось на два этапа: зимний — круговой объезд дружиной русов подвластных племен с целью сбора дани и летний — сбыт продуктов дани на византийских или каспийско-багдадских рынках. Процессы отмирания полюдья и становления древнерусских городов удивительно синхронны. Нельзя не прийти к выводу, что расцвет полюдья падает на время отсутствия на Руси подлинных городов. Князья, окружавшие их дружинники и феодализирующаяся родоплеменная знать вынуждены были предпринимать дальние и опасные путешествия, чтобы удовлетворить свои потребности в оружии, предметах роскоши и прочих «заморских» товарах, обменяв на них на международных рынках продукты славянской дани. Появление во второй половине X — начале XI в. собственных раннегородских центров с искусными ремесленниками и предприимчивыми купцами делало ненужными летние походы сквозь враждебные степи и моря. Теперь феодалы могли значительную массу прибавочного продукта (феодальной ренты) реализовать внутри страны. К городам через связанную с ними систему погостов и волостных центров переходит и функция сбора дани и транспортировки ее установленной «уроками» части сначала в Киев, а затем и в столицы образовавшихся земель-княжений. Государственная власть же поддерживала нормальное функционирование городов и обеспечивала безопасность торговых путей, связывавших Русь с внешним миром. Полюдье в конце X—XI в. теряет свое значение и сохраняется в некоторых княжествах в качестве архаического, пережиточного института, сочетавшегося с более совершенными и изощренными способами сбора дани.

Из внесенных в перечень 74 городов середины XII—XIII в. 45 (61%) были столицами самостоятельных и удельных княжеств, причем для 28 время превращения в город и утверждения княжеского стола фактически совпадает. Другим именно появление княжеских столов дало мощный импульс разви-

* Хронология установлена по археологическим данным и в дальнейшем может уточняться в процессе исследований.

Таблица 6. Развитие древнерусских городов в IX–XIII вв.

Города	Дата упоминания в летописи	Культурные отложения					Основание княжеского стола	Становление города
		IX — с. X	с. X — н. XI	XI — с. XII	с. XII — с. XIII	с. XIII — с. XVII		
Киев	до IX	+	+	+	+	+	до IX	к. IX – н. X
Вышгород	946	?	+	+	+		н. XII	II п. X
Белгород	991	+	+	+	+		II п. XII	к X – н. XI
Торческ	1085			+	+		II п. XII	II п. XII
Тумащ	1150		?	+	+			с. XII
Чучин	1110			+	+			с. XII
Заруб	1096	+	+	+	+			к. XI
Юрьев	1072			+	+	+		II п. XI
Родня	980	?	+	+	+			II п. XII
Городск	1257			+	+	+		II п. XII
Переяславль Остерский	907	?	+	+	+	+	с. XI–XII	к. X – XI
Городец	1098			+	+	+	II п. XII	с. XII
Воинь	907	+	+	+	+	+		к. XI – н. XII
Чернигов	907	+	+	+	+	+	I п. XI	II п. X
Любеч	882	+	+	+	+	+		к. X – н. XI
Новгород-Северский	1078–1079	+	+	+	+	+	к. XI	н. XI
Путивль	1146	+	+	+	+	+	с. XII	I п. XII
Трубчевск	1185				+	+	II п. XII	II п. XII
Вщиж	1142	+	+	+	+	+	II п. XII	II п. XII
Брянск	1147				+	+	с. XIII	I п. XIII
Серенск	1207				+	+		II п. XII
Городище Слободка					+	+		II п. XII
Туров	980		+	+	+	+	н. XI	II п. XI
Пинск	1097			+	+	+	с. XII	I п. XII
Галич	1138	?	+	+	+	+	с. XII	с. XI – н. XII
Звенигород	1086			+	+		II п. XI	к. XI
Плеснеск	1188	+	+	+	+			II п. XII
Теребовль	1097			+	+		II п. XI	к. XI
Василев	1229				+			н. XIII
Городище Ленковцы	–				+			н. XIII
Перемышль	981	+	+	+	+	+	II п. XI	н. XI
Изяславль	1241				+			II п. XII
Дорогобуж	1072			+	+		II п. XI	II п. XI
Пересопница	1149			+	+	+	с. XII	с. XII
Луцк	1085	+	+	+	+	+	к. XI	I п. XII
Белз	1030		+	+	+	+	к. XII	II п. XI
Червень	981	+	+	+	+			I п. XI
Волынь	1018	+	+	+	+			I п. XI?
Сутейск	1069		+	+	+			II п. XI
Дорогочин	1142			+	+	+		II п. XII
Новогрудок	1235		+	+	+	+	н. XIII	с. XII
Слоним	1252			+	+	+		II п. XII
Волковыск	1252		+	+	+	+	II п. XIII	II п. XII
Гродно	1128			+	+	+	н. XI	I п. XII
Полоцк	862	+	+	+	+	+	II п. X	к. X – н. XI
Витебск	1021	+	+	+	+	+	с. XII	I п. XI
Ерсике	1203			+	+	+	к. XII	II п. XII
Кукейнос	1205			+	+	+	к. XII	II п. XII
Минск	1067			+	+	+	к. XI	I п. XII
Друцк	1078			+	+	+	I п. XII	с. XII
Клеческ	1128			+	+	+	с. XII	II п. XII
Смоленск	882		?	+	+	+	с. XI	с. XI
Торопец	ок 1025		+	+	+	+	II п. XII	II п. XII
Мстиславль	1135				+	+		II п. XII

Таблица 6 (окончание)

Города	Дата упоминания в летописи	Культурные отложения					Основание княжеского стола	Становление города
		IX — с. X	с. X — н. XI	XI — с. XII	с. XII — с. XIII	с. XIII— XVII		
Ростиславль	к. XII				+	+		II п. XII
Новгород	859	+	+	+	+	+	к. IX	н. X
Руса	к. XI		?	+	+	+		II п. XI
Псков	903	+	+	+	+	+	I п. XII	н. XI?
Ладога	862	+	+	+	+	+		н. XI?
Суздаль	1024		+	+	+	+	I п. XII	I п. XI
Владимир	1154			+	+	+	II п. XII	II п. XII
Переяславль-Залесский	1152				+	+	II п. XII	II п. XII
Дмитров	1154				+	+		II п. XII
Москва	1147			+	+	+	н. XIII	к. XII
Ярославль	1071		?	+	+	+	I п. XIII	к. XII
Белоозеро	862		+	+	+	+		I п. XI?
Семьинское Городище					+	+		к. XII
Ярополч	к. XIV			+	+	?		I п. XII
Городец	1172				+	+	I п. XIII	к. XII
Рязань	1096		?	+	+		с. XII	I. п. XI
Пронск	1131			+	+	+	II п. XII	II п. XII
Переяславль-Рязанский	1300			?	+	+		II п. XII
Изяславль	1237				+	?		II п. XII
Коломна	1177			?	+	+	II п. XII	II п. XII

* В таблице п означает половину, с — середину, к — конец, н — начало века.

тия. Иерархическая система городов отражает иерархию подчиненных им округ—волостей.

Ряд поселений, особенно в XI—XII вв., сразу основываются в качестве волостных центров. Импульс развитию других дали порубежные военные крепости. Белгород, Переяславль, Воинь, а несколько позже Белз и Сутейск после строительства на их территории мощных крепостей быстро становятся крупными городскими центрами, обретая, кроме военных, социально-экономические функции. Наконец, что характерно в первую очередь для эпохи развитых городов, многие поселения целенаправленно отстроены князьями со всеми свойственными подлинными городам признаками.

Таким образом, можно наметить несколько основных вариантов образования древнерусских городов: 1) из племенных или межплеменных центров в процессе консолидации нескольких изначальных поселков вокруг укрепленного ядра; 2) из укрепленного стана, погоста или центра волости; 3) из порубежной крепости; 4) единовременное строительство города.

Первые города возникают в густонаселенных местах. В них концентрируется военно-родовая, превращающаяся в феодальную, знать окрестных территорий. Следом за феодалами или вместе с ними в развивающихся городах появляются купцы и ремесленники. Рост и значение древнерусских городов прямо зависели от размеров и заселенности их округи—волости. Общим и главным для всех вариантов градообразования на Руси было то, что городами становились прежде всего те населенные пункты, где в виде общественных взносов, даней, судебных пошлин, военных контрибуций сосредоточивался, перераспределялся и перерабатывался прибавочный продукт.

Предложенная выше сумма признаков, на основе которых древнерусские города выделяются из массы прочих поселений, не отражает в полном объеме сущности столь сложного явления, каким был реальный город эпохи феодализма. В зависимости от конкретных исторических условий менялись его отдельные признаки и в целом каждый конкретный город обладал более ярким и своеобразным обликом. Общественные явления в отличие от наших представлений о них в действительности не имеют четких границ и порой почти незаметно переходит из одного в другое. Поэтому определенная условность и схематизация неизбежны при их исследовании.

Есть еще один способ проверить справедливость изложенных выводов. В середине XIII в. на Русь обрушились орды Батыя, предавая грабежам и огню многолюдные города и села, уничтожая или угоняя в плен тысячи людей. В городах, принявших на себя страшный удар вражеских полчищ, в культурных отложениях 30—40-х годов XIII в. обнаружены слои сплошных пожарищ и братские могилы сотен погибших. Из 74 рассмотренных выше археологически изученных городов середины XII—XIII в. большинство (49) были разорены Батыем и все без исключения испытали тяжелые последствия ханского ига. 14 городов вовсе не поднялись из пепла и еще 15 так и не смогли восстановить своего значения, постепенно превратившись в поселения сельского типа (табл. 20, 21). Особенно тяжелой была участь городов Среднего Поднепровья — экономически наиболее

развитой области Древней Руси. Здесь погибло шесть и пришло затем в упадок и запустение еще пять городов. Но не выдержали последствий вражеского нашествия в первую очередь экономически самые слабые, малонаселенные города — центры небольших волостей. Из столиц древнерусских земель-княжений лишь Рязань в конце концов уступила свое место Переяславлю.

Таким образом, большинство развитых городов с трудом, но преодолели и трагедию единовременного погрома и тяготы длительного иноземного господства. Это обстоятельство указывает на два момента. Во-первых, к середине XIII в. городской строй Древней Руси приобретает развитые и устойчивые социально-экономические формы. Во-вторых, поселения, обладавшие суммой вышеперечисленных археологических признаков, действительно являлись городами, так как большинство из них продолжали существовать и развиваться в XIV—XV в., когда сотни менее значительных укрепленных поселений погибли безвозвратно.

Теперь у нас есть основания установить хотя бы приблизительно общее количество городов на Руси в различные эпохи. На территории Древнерусского государства учтено 1395 укрепленных поселений X—XIII в. Культурно-хронологический облик достоверно определен у 862 пунктов. Из них городами в социологическом смысле слова, по данным археологических исследований, были 74 (8,5%) населенных пункта. В целом на Руси в конце X — начале XI в. насчитывалось 20—25 поселений городского типа, в XI — первой половине XII в. их было около 70, а к середине XIII в. существовало уже около 150 феодальных городов.

Внутренняя планировка и застройка городов, их социальная топография. Внутренняя планировка древнерусских городов во многом зависела от характера местности, на которой они располагались. К сожалению, археология не располагает сейчас исчерпывающими материалами по этому вопросу. Опираясь на данные раскопок Новгорода, Пскова, Старой Руссы и некоторых других городов, можно полагать, что планы русских городов XVII—XVIII в. (до перепланировки екатерининского времени) в известной мере отражают их историческую топографию. Однако мнение о безусловном господстве радиально-кольцевой застройки городов в эпоху Древней Руси не кажется достаточно обоснованным. Подобный тип планировки большинства городов сложился только в XV—XVII вв., когда новые укрепления охватили несколькими концентрическими окружностями старые центры.

Крупнейшие города Руси X—XIII вв. имели наиболее развитую и сложную планировку. Она складывалась в процессе роста городской территории и органически объединяла несколько укрепленных частей с открытыми посадами, иногда расположенными на другом высотном уровне (у реки). Хорошим примером здесь служит застройка Киева (табл. 22). Древнейшее ядро города располагалось на крутом, изрезанном оврагами берегу Днепра. Его основу составляли мощные укрепления городов Владимира и Ярослава. Почти в центре последнего размещалась площадь с огромным Софийским собором и митрополичьим двором — местом вечевых собраний киевлян. Сюда вела улица, пересекавшая город Ярослава с юго-запада от Золотых ворот на северо-восток до Софийских ворот детинца (приблизительно по направлению современной Владимирской улицы). Эта сквозная магистраль продолжалась и в городе Владимира, выводя к резиденции киевских князей — Ярославолю Двору, Десятинной церкви и «Бабину торжку». Далее по «Боричеву узвозу» она спускалась на Подол. Здесь, уклоняясь к западу, улица, судя по «Слову о полку Игореве», шла к церкви Богородицы Пирогощей и киевскому торгу. Пересекая Подол параллельно Киевским горам, она выходила на дорогу к Кирилловскому монастырю и Вышгороду.

Еще одна магистраль пересекала Верхний город перпендикулярно первой от Жидовских ворот (из Копырева конца) к Лядским воротам. Она также вливалась в Софийскую площадь. Другие менее значительные улицы и переулки Киева, пересекая основные магистрали, делили город на кварталы. Кольцевые улицы шли только вдоль линий укреплений и имели прежде всего военно-оборонное значение.

Таким образом, основу уличной планировки Киева образовывали сквозные магистрали, шедшие вдоль берега Днепра или перпендикулярно к нему. Они связывали воедино три главных общественно-политических и экономических центра города: резиденцию митрополита и вечевую площадь с княжеским двором и далее с торгом и гаванью. Этим обеспечивалось наиболее удобное движение жителей любых районов Киева и его окрестностей к важнейшим узлам городской жизни. В плановой схеме Киева чувствуется определенный замысел его строителей. Трудно считать случайным расположение на одной оси Софийского собора, княжеского двора и торга или вечевой площади на пересечении двух главных магистралей Верхнего города. Видимо, эти обстоятельства заранее учитывались при планировке городских кварталов.

Сходные принципы лежат в основе размещения улиц в Новгороде, Смоленске и Владимире на Клязьме (табл. 23, 24 и 25). Лучше всего изучена древняя планировка Новгорода. Особенностью города было его расположение на двух берегах широкого и полноводного Волхова. Естественным центром Софийской стороны являлся детинец с епископским двором и Софийским собором, а Торговой — княжеский (Ярославль) двор с вечевой площадью и торгом. Между собой они соединялись Великим мостом через Волхов. Городская застройка распространялась как вдоль берегов реки, так и в стороны от них. Плановая схема строилась на сочетании продольных и поперечных улиц, причем в Новгороде точное положение многих из них на местности зафиксировано археологическими раскопками и наблюдениями. В Неревском конце параллельно Волхову шла Великая улица до Федоровских ворот детинца. В Людином конце ей, вероятно, соответствовала Большая, или Пробойная улица. Такие же улицы подходили к торгу из Славенского и Плотницкого концов. Другие улицы пересекали город перпендикулярно Волхову. И в Новгороде, как и в Киеве, наблюдается логически стройная система улиц, связанных воедино сквозными магистралями. И здесь уличная плани-

ровка учитывает естественный рост городской территории, когда сооббщение периферийных районов с центром обеспечивается продлением основных улиц и добавлением новых, перпендикулярных Волхову проездов.

Аналогичная картина прослеживается в Смоленске и Владимире. Центральные, сквозные улицы прокладывались там параллельно Днепру и Клязьме. Во Владимире направление такой улицы хорошо документируется Золотыми и Серебряными воротами. В этом же духе развивалась первоначальная планировка Пскова, где Великая улица, шедшая параллельно реке Великой, практически соединяла в одно целое все части города.

Все приведенные выше примеры свидетельствуют, что для древнейших и крупнейших городов Руси X—XIV вв. была характерна линейно-поперечная, а не радиально-кольцевая сетка улиц. Этому способствовало несколько факторов. Во-первых, роль организующего начала плановой структуры играла река, вдоль берегов которой развивалась городская застройка. Во-вторых, в этих городах уже на раннем этапе их истории сложилось несколько общественно-политических и административно-хозяйственных центров. В-третьих, каждый район (конец?) города, если судить по истории Новгорода, имел еще свой локальный вечевой центр. Взаимосвязь всех социально-экономических очагов города в условиях линейно-поперечной планировки улиц осуществлялась значительно лучше, чем при наличии радиально-кольцевой сетки.

Иной была планировка улиц в малых древнерусских городах. Связующим звеном здесь служила улица, идущая по внутреннему периметру оборонительных сооружений. Поскольку в этих городах, как правило, имелись лишь одни ворота, от них отходили одна-две улицы, пересекавшие город по диаметру. Таким способом все дворы в городе получали свободный выход на улицу. Иногда устраивались дополнительные переулки, ответвлявшиеся в стороны от основных улиц. Подобную планировку имели Минск, Торопец, Ярополч Залесский и городище Слободка.

Хуже известна система улиц малых городов, расположенных на мысах при слиянии двух рек. Но именно среди них оказались будущие крупные центры позднего средневековья с радиально-кольцевой планировкой. Естественной точкой роста таких городов был детинец—кремль, зажатый в треугольнике между двумя водными преградами. В детинце или сразу под его стенами, практически на одной довольно ограниченной площади, размещались и княжеский двор, и кафедральный собор, и торг. Кремль становится единственным средоточием важнейших функций города. Рост же городской территории на первых порах был возможен лишь в противоположном от стрелки мыса направлении. И новые укрепления полукружиями своих валов отрезали от него новые участки. Связь же с центром осуществлялась по лучам — улицам, веером расходившимся из кремля. Старые стены ветшали и разбирались. На их месте образовывались свободные от застройки проезды. Так складывалась радиально-кольцевая планировка городов, подобных Москве и Пскову.

В число первых важных археологических признаков города входит дворово-усадебная застройка. Из сообщений летописи известно о существовании дворов в Киеве, Чернигове, Галиче, Переяславле, Новгороде. Смоленске, Полоцке, Ростове, Суздале, Владимире, Ярославле, Твери и многих других городах. Упоминаются как дворы княжеские, боярские и епископские, так и дворы непривилегированных горожан. Актовые материалы свидетельствуют, что дворы в древнерусских городах наследовались по завещанию или по родству, продавались и покупались. Об этом же говорит берестяная грамота 424 начала XII в. из Новгорода (Арциховский А. В., Янин В. Л., 1978, с. 32—33). Ее автор предлагает отцу и матери продать двор в Новгороде и ехать к нему в Смоленск или Киев. Сведения письменных источников не оставляют сомнений в частнособственническом характере дворовых владений в городе. В больших городах насчитывались тысячи дворов. Например, в 1211 г. в Новгороде во время пожара сгорело 4300 дворов и 15 церквей (НПЛ, с. 52, 250).

Таким образом, бóльшую часть территории города, как правило, занимали дворы, находившиеся в полной собственности горожан. Следовательно, усадьба-двор с ее жилыми и хозяйственными постройками, отделенная частоколами и заборами от внешнего мира, являлась социально-экономической ячейкой, из совокупности которых складывался город.

Археологические исследования, как отмечалось выше, в 32 случаях обнаружили эти городские дворы. Полностью или почти полностью они изучены в Киеве, Новгороде, Пскове, Русе, Смоленске, Минске, Суздале, Москве, Ярополче Залесском, городище Слободка, Рязани и некоторых других городах. Получен сравнительный материал, позволяющий достаточно полно охарактеризовать городские усадьбы разных типов. Главным признаком наличия усадебной застройки служат следы оград, отделявших двор от улицы и соседних дворов. Там, где культурный слой хорошо консервирует органику, ограды прослеживаются в виде остатков сплошных частоколов из кольев, горбылей и досок, в виде цепочек столбов или плетней. Если дерево не сохранилось, то от усадебных оград остаются узкие канавки, куда устанавливались ряды бревен, или ямы от столбов и кольев.

Самой характерной особенностью этих оград является их удивительное постоянство. Раз установленные границы усадеб не менялись веками. В Новгороде на огромном Неревском раскопе сложившиеся в середине X в. границы дворов-усадеб практически без существенных изменений просуществовали до второй половины XV в. Эта картина повторяется во всех других раскопах на территории древнего Новгорода. Еще более наглядными оказались результаты раскопок в Киевском Подоле. Здесь в ряде мест первые усадьбы возникли в конце IX — начале X в. Но их границы оставались неизменными в течение несколько столетий. Даже после наводнений Днепра, когда дворы перекрывались мощными наносами песка и ила, заборы и частоколы возобновлялись на прежних местах. Стабильность во времени древнерусских городских землевладений подтверждается не только данными по Киеву и Новгороду, но и материалами исследований в других городах. Сегодня этот факт надежно установлен археологией.

Изложенные наблюдения ведут к нескольким существенным выводам. Во-первых, постоянство городских усадебных границ безусловно свидетельствует о частнособственнической сути земельных владений в городе. Если бы городские усадьбы имели временный, например только хозяйственный характер, различные перепланировки и передвижки оград были бы неизбежны. Во-вторых, горожане оказываются корпорацией землевладельцев, которым в совокупности принадлежит территория города. В этом кроется социальная основа городского строя Руси. В-третьих, устойчивость однажды выделенных дворовых участков указывает на их непосредственную связь с организацией внутригородской жизни. В противном случае они должны были бы дробиться при наследовании несколькими детьми или при продаже по частям. Но ничего подобного нет. И древнерусские юридические памятники предусматривают наследование двора одним из сыновей, а не всеми детьми. Надо полагать, владение дворовым участком в городе накладывало на его хозяина определенные повинности: финансовые (уроки, дани), отработочные (строительство укреплений, мощение улиц) и военные. Одновременно двоворовладелец приобретал и права: прежде всего право участия в городском самоуправлении. И если повинности еще можно было бы исчислить по жребиям в зависимости от размеров части двоворовладения, то разделить таким образом право участия в городском самоуправлении нельзя. Фиксированной совокупностью прав и обязанностей двоворовладельца перед городской общиной и центральной властью объясняется постоянство границ городских усадеб в Древней Руси. Следовательно, размежевание основной территории русских городов на «дворовые тяглые места» — не нововведение XV—XVI вв., а порядок, узаконенный еще в предшествующую эпоху.

Так археология на современном этапе приподнимает завесу не только над историей материальной культуры древнерусских городов, но и над истоками и особенностями их социальной организации.

Наиболее полно исследованы городские усадьбы в Новгороде. Интересно, что здесь обнаружено два типа дворов. Первый — обширные, площадью 1200—2000 кв. м усадьбы, не всегда правильных очертаний (табл. 26). Одной или двумя сторонами они обращены к улицам и огорожены сплошными бревенчатыми частоколами. На территории таких усадеб располагалось до полутора десятков жилых и хозяйственных построек. Среди них своими размерами, конструктивными особенностями, как правило, выделяется дом владельца усадьбы. Обычно постройки размещаются по периметру ограды, но иногда занимают и середину двора. Но всегда остается и свободное от застройки пространство. Бывает, что часть двора выстилалась деревом или от ворот к домам вели специальные вымостки. Сохраняя на протяжении длительного периода неизменными свои основные границы, эти усадьбы временами делились внутренними перегородками на несколько участков.

Второй тип — дворы прямоугольных очертаний площадью около 450 кв. м, всего с двумя-тремя постройками (табл. 27). От усадеб первого типа их отличают не только меньшие (в 3—4 раза) размеры, но и регулярный, стандартный характер. Почти одинаковой длины и ширины, расположенные бок о бок друг с другом, они производят впечатление единовременно отмеренных и выделенных кем-то во владение участков земли. Такими они и остаются в течение всей своей истории.

Примером усадеб первого типа являются усадьбы Неревского раскопа на Софийской стороне Новгорода, а второго — усадьбы Ильинского раскопа на Торговой стороне. Так, усадьба «Б», расположенная на перекрестке Великой и Холопьей улиц, осваивается застройкой во второй половине X в., приобретающей в начале XI столетия устойчивый характер (Засурцев П. И., 1959, с. 262—298). В плане ее территория близка к треугольнику, роль сторон которого играют мостовые улиц и частокол, проходивший с запада на восток и отделявший эту усадьбу от соседней усадьбы «Е». Площадь усадьбы «Б» близка 1200 кв. м. Уже в XI в. из прочих построек выделялся дом владельца усадьбы, соединенный сенями с другой постройкой и деревянной башней-повалушей.

Среди разнообразных находок, обнаруженных здесь при раскопках, выделяется деревянный цилиндр с надписью «Емца гривны три» и княжеским знаком. В. Л. Янин убедительно определил назначение таких цилиндров как своеобразных запоров-пломб, которыми одновременно закрывались и опечатывались мешки (мехи) с пушниной, собираемой в счет дани с населения новгородских земель (Янин В. Л., 1982, с. 138).

Емец — важное должностное лицо, ведавшее в княжеской администрации, судя по «Древнейшей Правде», сбором дани. Ему и принадлежала во второй половине XI в. усадьба «Б». В мешке, опечатанном деревянным цилиндром, хранилась пушнина на сумму в три гривны, причитавшаяся емцу за его службу.

Феодальный, боярский характер усадьбы «Б», вполне уже обозначившийся в XI в., раскрывается во всем своем многообразии в последующие века. Помимо хозяйских хором, здесь обнаружены остатки домов челяди, ремесленные мастерские, амбары и клети, бани. Особый интерес представляют берестяные грамоты, найденные на территории усадьбы в слоях XII—XV вв. Они рисуют хозяев усадьбы крупными землевладельцами, единовременно занимавшими важные посты в новгородской администрации. Среди берестяных писем — и распоряжения слугам о продаже и покупке различного имущества, и приказы взыскать долги и недоимки, и обращения в суд, и отчеты о сельскохозяйственных работах в подвластных владельцам усадьбы селах, и записка от подвойского о сборе в пользу Филиппа «почестья» рыбой и т. п. Таким образом, в течение пяти веков усадьба «Б» принадлежала людям, неизменно стоявшим на высших ступенях иерархии новгородского общества. У них в подчинении находились многочисленные слуги, они распоряжались крупными денежными суммами, владели селами, были связаны с судом и сбором налогов и даней. Симптоматично, что на усадьбе вместе с ее владельцами жили зависимые от них люди, в том числе и ремесленники.

К новгородским дворам иного социального облика принадлежат усадьбы «А», «Б» и «Е» Ильинского

раскопа (Колчин Б. А., Черных Н. Б., 1978, с. 57—116). Две первые (площадь соответственно 415 и 465 кв. м) выходили на Ильину улицу, а третья (450 кв. м) — в безымянный переулок. Почти равновеликие дворы усадеб начиная со времени своего возникновения в середине XI в. имели очень устойчивую планировку. Один жилой дом и два—три хозяйственных строения (амбар, хлев, баня) размещались в глубине двора. Жилой дом, как правило, занимал правый, дальний от входа угол, а прочие постройки — левую половину двора, ближе к красной линии. Состав находок на этих усадьбах значительно беднее, чем во дворах первого типа. На усадьбах «Б» и «Е» во второй половине XIII в. функционировали ювелирные мастерские. Почти без всяких изменений в характере застройки и в социальном статусе своих владельцев эти усадьбы дожили до первой половины XIV в. Но в это время территория трех усадеб, выходивших на Ильину улицу, объединяется в один большой двор, боярская принадлежность которого засвидетельствована данными берестяных грамот.

Исследователи Новгорода убедительно квалифицируют хозяев усадеб первого типа как крупных феодалов-землевладельцев, новгородских бояр, а усадеб второго типа — как свободных, но непривилегированных горожан. Различным типам дворовладений в Новгороде соответствуют не только социально-классовое членение их владельцев, но и две административно-территориальные системы их организации (Янин В. Л., 1977, 1981). Первые объединялись в концы во главе с посадником (посадниками), а вторые — в сотни во главе с сотскими и тысяцким (тысяцкими).

Боярские дворы обнаружены в Новгороде на участках с древнейшими культурными напластованиями. Удается проследить этапы их возникновения. Обретая стабильные границы, эти усадьбы в конце X — начале XI в. определяют направление городских улиц. Имеющиеся сейчас данные позволяют думать, что боярское землевладение в Новгороде было исконным и своими корнями уходит в протогородской период его истории (Янин В. Л., Колчин Б. А., 1978, с. 38). Оказалось также, что боярские семьи владели не одной, а несколькими усадьбами. Из нескольких таких родовых гнезд складывался «конец» со своим кончанским вечем и администрацией.

Сотенные дворы появляются позже на участках, не занятых боярскими гнездами. Стандартные размеры, единообразная застройка этих дворов не оставляют сомнений в их вторичном происхождении. Они нарезаются и заселяются, видимо, по инициативе княжеской власти. Ведь до конца XII в. новгородские сотни находились в непосредственном подчинении князю.

Многолетние исследования в Новгороде позволили средствами археологии начать изучение самого механизма становления такого сложного социально-экономического явления, каким был средневековый город. Города, аналогичные Новгороду, возникали в точках взаимодействия нескольких процессов. Они явились результатом слияния владений ряда боярских родов вокруг единого общественно-политического центра в период кристаллизации публичной (княжеской) власти, привлекавшей в нарождающийся город свободное, но не связанное с какой-либо определенной общиной население. Дворы этого свободного населения не аристократического происхождения как соединительная ткань заполняли пространство между боярскими родовыми гнездами и цементировали территорию города в единое целое. Единственно возможными на раннем этапе древнерусской истории местами взаимодействия перечисленных сил были межплеменные и племенные центры.

Развитие двух типов дворово-усадебной застройки в процессе формирования городской территории, характерное для Новгорода, находит аналогии в материалах раскопок других городов. В Киеве пока не удалось целиком исследовать какую-либо боярскую усадьбу. Они изучены лишь частично. Но летопись содержит несколько красочных свидетельств о дворах киевских бояр, надо думать, ничем не уступавших новгородским боярским усадьбам. Дворы непривилегированных киевлян в последние десять лет хорошо изучены на Подоле. На бывшей рыночной площади прослежено шесть усадеб (Толочко П. П., 1980, с. 85). Сохранились остатки срубных жилищ и хозяйственных построек, дворовых вымосток и заборов из широких досок или частоколов. Все усадьбы выходили к ручью. Жилые дома стояли в глубине двора вдоль одной стороны забора, а хлевы, амбары, производственные строения — вдоль другой. Дворы в плане прямоугольные поразительно схожи с дворами сотенного населения Новгорода. Они лишь несколько меньше по площади: около 300 кв. м. Но в других частях Подола обнаружены усадьбы площадью около 600—800 кв. м.

Боярские усадьбы, ничем существенным не отличающиеся от новгородских, исследуются в Суздале и Рязани. Определенным своеобразием обладает дворовая застройка малых городов, основанных в конце XI — середине XII в. В Ярополче Залесском вскрыто шесть усадеб (две полностью и четыре частично) (Седова М. В., 1978, с. 49). Площадь усадьбы «Г» — 1000 кв. м, а усадьбы «В» — 700 кв. м. Размеры других усадеб полностью не восстанавливаются. Застройка подчинялась естественному рельефу и в плане дворы не имели четких очертаний. На каждом дворе обнаружено несколько жилых построек, ремесленные мастерские и хозяйственные строения. Судя по находкам исследованные усадьбы принадлежали представителям княжеской администрации и феодалам-землевладельцам. Аналогичные дворы несколько меньших размеров обнаружены в детинце городища Слободка (Никольская Т. Н., 1981, с. 160—164).

Для решения вопроса о численности населения древнерусских городов мы пока располагаем недостаточными данными. Прежде всего неизвестна общая площадь поселений. Если размеры укрепленного ядра города устанавливаются сравнительно просто, то заселенные территории, примыкавшие к городским укреплениям, можно определить лишь с помощью целенаправленного археологического изучения. Кроме того, они окружали город не сплошной лентой, а пятнами, что серьезно затрудняет подсчеты.

Все же некоторые соображения о населенности древнерусских городов, основываясь на факте их

дворовой застройки, следует привести. Усадьбы рядовых горожан в Новгороде имели размеры 400—460 кв. м, а в Киеве — 300—800 кв. м. И в том, и в другом случае их среднюю площадь можно приравнять к 400 кв. м. На таком дворе проживала одна семья. Независимые демографические исследования согласно утверждают, что средняя численность семьи — шесть человек — была одинаковой в средние века и в Европе, и на Руси, и в странах Востока. Правда, боярские усадьбы в крупных древнерусских городах по площади превосходили дворы рядовых горожан в 2,5—4 раза. Но здесь и проживало приблизительно во столько же раз больше людей. Таким образом, с известной долей вероятности можно вычислить количество населения в пределах городских укреплений (территория сплошной усадебной застройки). При этом надо учитывать, что не менее 15% площади города занимали улицы, торг, общественно-культовые постройки и т. п. Тогда плотность достигала 120—150 человек на 1 га, что в два-три раза ниже, чем в средневековых городах Европы и Востока. Однако данные цифры вполне соответствуют дворово-усадебному характеру застройки древнерусских городов.

Следовательно, в Верхнем городе Киева (площадь 80 га) проживало 10—12 тыс. человек. Для территории Подола, Копырева конца, гор Замковой, Щековицы и Лысой (общая площадь около 250 га) плотность населения на 1 га была, вероятно, меньше и не превышала 100—120 человек. Здесь к середине XIII в. жило около 25—30 тыс. человек. Наконец, окраинные районы города могли насчитывать 2—3 тыс. человек (площадь 30—35 га). Суммарная численность населения Киева перед нашествием орд Батыя оказывается равной 37—45 тыс. человек. Последняя цифра близка к полученной иным способом П. П. Толочко — 50 тыс. человек.

Население Новгорода этого времени вряд ли превышало 30—35 тыс. человек. В других столицах древнерусских земель-княжений жило от 20 до 30 тыс. человек. В малых городах густота застройки укрепленной части, как видно из примеров Ярополча Залесского и городища Слободки, была выше. Соответственно плотность населения на 1 га составляла около 200 человек. Отсюда минимальная численность населения, обеспечивавшего выполнение городом его функций, должна была достигать 1000—1500 человек. Конечно, приведенные цифры носят достаточно условный характер. Они будут уточняться в процессе расширения археологических исследований. Однако уже сегодня в руках исследователей есть материал для сравнений и социально-экономических выводов.

Осталось сказать несколько слов о социальной топографии древнерусских городов. Археологические раскопки широкими площадями поколебали еще недавно господствовавшее мнение о четком социальном членении городов Руси X—XIII вв. на дружинно-аристократический детинец и торгово-ремесленный посад (окольный город). В предшествующих разделах неоднократно отмечалось разнообразие плановых схем многих городов. Известны города с одной, двумя или несколькими укрепленными частями. В одних случаях к укрепленному ядру примыкали открытые посады, в других — застройка даже не заполнила всей территории внутри линии укреплений. Иногда валами обводились слабо заселенные или вовсе необжитые пространства, когда рядом располагались старые жилые районы. Можно привести пример, когда детинец был равновелик или чуть меньше окольного города-посада (Вышгород, Туров). Подобная пестрота городских плановых схем не свидетельствует о существовании в древнерусских городах преднамеренно четкой социальной топографии. Археологические материалы далеко не всегда позволяют обнаружить сознательно обособленные, социально-противоположные городские кварталы.

В Верхнем городе Киева (Гора), по археологическим данным, помимо представителей боярско-княжеских верхов общества, жили купцы и ремесленники (Толочко П. П., 1980, с. 85). Там же, по сведениям письменных источников, размещался еврейский квартал, который трудно считать аристократическим районом города. Вместе с тем дворы феодальной знати обнаруживаются и на Подоле — торгово-ремесленном посаде Киева (Толочко П. П., 1970, с. 136). Находки кладов с дорогими украшениями и материалы раскопок в окольных городах Чернигова, Переяславля, Галича, Изяславля, Пскова подтверждают, что и здесь имелись боярские дворы, причем в Галиче многие из них вообще находились за линией городских укреплений. В Рязани усадьбы бояр располагались бок о бок с усадьбами ремесленников на территории огромного Южного городища. Аристократические дома с оштукатуренными и расписанными фресками стенами исследованы в окольном городе Новогрудка. Усыпальницей какого-то знатного рода служила каменная церковь на неукрепленном (?) посаде Василева. В Минске, Переяславле Залесском и других городах, отстроенных в конце XI—XII в. и состоявших только из одной укрепленной части, аристократические районы не имели никаких внешних признаков. Наконец, многолетние раскопки в Новгороде с удивительной последовательностью фиксируют наличие аристократических боярских гнезд во всех пяти концах города. Таким образом, детинцы не были единственным и непременным местом жительства и сосредоточения феодальной знати древнерусских городов.

Неоднозначна и общественно-политическая роль кремлей-детинцев. В ряде случаев они целиком или частично были заняты княжескими и епископскими резиденциями вместе (Чернигов, Переяславль, Белгород, Галич, Полоцк, Владимир). В других — там находился только княжеский (Киев) или только епископский (Смоленск, Новгород) дворы. В малых городах детинец мог служить крепостью для гарнизона-засады (Воинь, Изяславль, Новогрудок). Таким образом, древнерусские детинцы являлись не только местом жительства феодальной аристократии, но и общегородской цитаделью, где часто размещались официальные резиденции светских и духовных властей.

Не случайно письменные источники не знают примеров, когда бы князь и бояре укрывались за стенами детинцев от возмущенного народа. Во время городских волнений разгрому подвергались дворы отдельных бояр и князей. Последние стремились

для своего спасения не укрыться в детинце, а вовсе бежать из города. Следовательно, социальные границы проходили в первую очередь по частоколам и заборам боярских и княжеских родовых гнезд, расположенных во многих случаях чересполосно с кварталами, заселенными рядовыми горожанами. Это обстоятельство способствовало распространению влияния бояр на городские низы, мешало их консолидации и облегчало феодалам территориальное расширение своих владений в городе.

Важнейшие города Руси

Киевская земля. Киев впервые упомянут в недатированной части Повести временных лет как центр полян, построенный тремя легендарными братьями: Кием, Щеком и Хоривом (ПСРЛ, т. I, стб. 9). Город вырос на крутом правом берегу Днепра ниже устья Десны (табл. 22). Он состоял из нескольких частей: Верхнего города (города Владимира, Ярослава и Изяслава общей площадью около 80 га), расположенного под ним у самой реки Подола (180 га), Копырева конца (40 га), гор Замковой, Щековицы и Лысой (30 га) и примыкавших к городскому ядру окраинных районов (30—35 га). Таким образом, площадь Киева в начале XIII в. приближалась к 400 га. На Подоле при впадении р. Почайны в Днепр размещалась гавань, а неподалеку шумел знаменитый киевский торг. Со всех сторон город окружали монастыри, княжеские и боярские села с усадьбами и дворцами. В Верхнем городе еще до недавнего времени сохранялись остатки некогда огромного языческого курганного некрополя, подступавшего к валам первых киевских укреплений.

В истории Руси Киеву по праву принадлежит выдающееся место. Во второй половине IX в. он превратился в столицу огромного Древнерусского государства. С вступлением Руси в эпоху развитого феодализма и ее распадом на полтора десятка самостоятельных княжеств Киев до нашествия орд Батыя оставался центром экономически высокоразвитой Киевской земли и крупнейшим древнерусским городом.

Расположенный в зоне древних земледельческих традиций на пограничье леса и лесостепи, у пересечения международных водных и сухопутных магистралей, Киев в течение нескольких столетий цементировал вокруг себя восточнославянские земли. С ним связаны многие героические страницы древнерусской истории. В пору своего расцвета обширный и хорошо укрепленный город, живописно раскинувшийся на Днепровских кручах, привлекал внимание множеством великолепных дворцов и храмов. В город вело несколько ворот, главными среди которых были Золотые — выдающееся военно-оборонительное и архитектурное сооружение древнерусских зодчих. Широко славились изделия киевских ремесленников: кузнецов, оружейников, ювелиров, стеклоделов, гончаров. Они расходились по всей Руси и за ее пределами. Купцы из Киева предпринимали далекие торговые путешествия в Европу, Византию, Волжскую Болгарию, Среднюю Азию и Закаспийские страны. Велик вклад Киева в развитие древнерусской культуры. Здесь зародилась письменность, формировались основы национальной архитектурной традиции, создавались выдающиеся произведения монументального и прикладного искусства, был составлен в начале XII в. общерусский летописный свод — знаменитая Повесть временных лет.

Первые археологические исследования в Киеве осуществлены в конце XVIII — начале XIX в. Внимание историков-краеведов (Е. Болховитинова, К. Лохвицкого и др.) привлекли остатки Золотых ворот, Ирининского монастыря, других каменных построек. К середине — второй половине XIX в. проводятся раскопки в усадьбах Десятинной и Трехсвятительской церквей, в Михайловском монастыре; изучаются курганы, организуется наблюдение за строительными работами в городе. Особо успешными были археологические раскопки в Киеве, предпринятые в начале XX в. В. В. Хвойкой, Д. В. Милеевым и С. П. Вельминым. После Великой Октябрьской социалистической революции археологические работы в городе продолжили С. С. Галиченко, В. Г. Ляскоронский, Т. М. Молчановский. Исследования ведутся не только в центре древнего Киева, но и на его окраинах.

Значительные достижения в археологическом изучении Киева связаны с М. К. Каргером, в течение ряда лет руководившим объединенной Киевской экспедицией ИИМК АН СССР и ИА АН УССР. Ныне широкомасштабные археологические раскопки и постоянное наблюдение за строительством в черте города осуществляет Киевская экспедиция ИА АН УССР под руководством П. П. Толочко. Всего в Киеве вскрыто около 2 гектаров территории древнего города. Эти работы последних лет ознаменовались рядом важных открытий, в первую очередь жилых кварталов X—XII в. (табл. 28) на Подоле. Материалы экспедиции публикуются в периодической печати и специальных сборниках. Вопросам исторической топографии Киева, экономическому и социально-политическому развитию города и Киевской земли посвятил три монографии П. П. Толочко (1970, 1976, 1980).

Благодаря систематическим археологическим исследованиям удалось реконструировать основные этапы многовековой истории Киева. Уже на рубеже нашей эры и в первой половине I тысячелетия н. э. район Киева был густо заселен. Раскопками последних лет на Старокиевской горе и на берегу р. Почайны выявлены поселения с жилищами и керамическим комплексом пражско-житомирского типа начала второй половины I тысячелетия н. э., славянская принадлежность которых признается всеми исследователями, причем поселение на Старокиевской горе размещалось в пределах древнейшего городища, участки рва и вала которого были исследованы еще Д. В. Милеевым, Ф. Н. Молчановским и М. К. Каргером. Этим поселениям по времени соответствуют находки на горе Киселевке и Подоле монет византийских императоров Анастасия I и Юстиниана I.

Материалы археологических раскопок подтвердили гипотезу Б. А. Рыбакова (Рыбаков Б. А., 1963а, с. 22—28; 1980). Сопоставив сведения византийских авторов, армянских и сирийских сказаний, данные

памятников эпиграфики с киевским преданием, исследователь пришел к выводу, что наиболее вероятным временем событий, изложенных Нестором, была эпоха императора Юстиниана I (527—565 гг.) «Повествование о Кие,— считает ученый,— передавало, по существу, рассказ о сложении племенного союза и установлении общеплеменной княжеской династии» (с. 37). Таким образом, в середине I тысячелетия н. э. в зоне контактов различных археологических культур образовался племенной центр, постепенно объединивший вокруг себя значительные территории Среднего Поднепровья.

Киев вырастал из агломерации поселений. Культурные отложения и отдельные находки VII—IX вв. обнаружены не только на Старокиевской горе и ее склонах, но и на горах Киселевке, Детинке, Щековице и на Подоле. Однако жилая застройка оказалась хаотичной. Между поселениями оставались пустые пространства, занятые пашнями, угодьями и могильниками. Но древнейшее городище (около 2 га), возведенное в северо-западной части Старокиевской горы, укрепляя свои общественно-политические (княжеский двор и языческое капище) функции, стягивало вокруг себя прочие поселения. Уже к середине X в. застройка перешагнула валы городища («двор теремной вне града», остатки срубного жилища под Десятинной церковью). О высокой социальной неоднородности киевского населения IX—X вв. свидетельствуют богатые погребения некрополя.

С конца IX в. дворово-усадебная застройка и уличная планировка появляются на Подоле (табл. 28). В слоях X в. обнаружены специализированные ремесленные мастерские. Киев приобретает черты вполне сформировавшегося раннегородского центра.

Во второй половине X — начале XI столетия город быстро развивается. Положение столицы обширного государства, куда отовсюду стекались продукты дани и военная добыча, обеспечивало расцвет киевских ремесел и торговли, предоставляло в руки великих князей материальные ресурсы и рабочую силу для монументального и оборонного строительства. В течение 50 лет дважды (при Владимире и Ярославе) многократно увеличивается укрепленная территория Киева, возводятся колоссальные Десятинная церковь и Софийский собор, отстраиваются другие храмы, княжеские и боярские дворы. В XI в. кристаллизуется топографическая структура города, становится устойчивой его планировка. Судя по находкам киевские ремесленники освоили разнообразные и сложные профессии: ювелирное дело (перегородчатая эмаль, скань, зернь, чеканка и тиснение), стеклоделие, строительную технику, живопись (иконопись, фресковая роспись), различные отрасли кузнечного ремесла. Купцы торговали с большинством передовых стран своего времени. Наглядным показателем развития города служат почти два десятка каменных храмов, возведенных в Киеве к началу XII в. Практически столько же монументальных построек было в это время вместе во всех остальных городах Руси.

Археологические раскопки убедительно опровергли мнение о культурном и экономическом упадке Киева во второй половине XII — начале XIII в. Утрата городом политического первенства не остановила его поступательного развития. Продолжает расти городская территория, строятся новые оборонительные линии (на Подоле и в Копыревом конце). Именно в это время изделия киевских ремесленников широко расходятся по Руси. Киев оставался центром Среднего Поднепровья — одного из самых населенных и экономически укрепленных княжеств. Лишь жестокий разгром города войсками Батыя в 1240 г., разорение его окрестностей нанесли Киеву страшный удар, от которого он не скоро сумел оправиться.

Белгород. О его постройке по приказу Владимира Святославича летопись сообщает под 991 г. (ПСРЛ, т. I, стб. 122). Остатки древнего города, состоявшего из трех укрепленных частей, сохранились на правом берегу р. Ирпень в с. Белгородка Киевской обл. Детинец (площадь 12,5 га) прямоугольных очертаний на западе ограничивался берегом реки и со всех сторон был окружен валами. С востока к нему примыкал окольный город (площадь 40 га), повторяющий в плане очертания детинца. С севера к ним подходила третья укрепленная часть (площадь 45 га). Таким образом, общая укрепленная территории Белгорода достигала почти 100 га.

С конца X по середину XIII в. Белгороду принадлежала важная роль в истории Руси. Построенный одновременно с основными укреплениями Стугненской оборонительной линии, город был главным звеном и военным штабом обороны Киева от набегов печенегов. Его обширные укрепления вмещали не только постоянный гарнизон, но и значительные воинские резервы и окрестное население. С распространением христианства Белгород стал резиденцией викарного епископа, замещавшего на время отсутствия киевского митрополита. По предположению Б. А. Рыбакова, в конце X — начале XI в. Белгород был стольным городом Святослава Владимировича, княжившего в Древлянской земле. К концу XI в. город превратился во второй по значению центр Киевского княжества. Здесь был свой тысяцкий, принимавший участие в составлении судебника Владимира Мономаха. Белгородцы вместе с киевлянами решают судьбу Киевского княжения. В конце XII в. Белгород становится столицей Рюрика Ростиславича — одного из князей—соправителей Русской земли. Во время Батыева нашествия город был разорен и постепенно утратил свое значение.

Огромное древнее городище привлекло исследователей еще в конце XIX в. Первые раскопки здесь были осуществлены в 1909—1910 гг. В. Хвойко и Б. Стелецким. Затем работы были продолжены уже после Великой Отечественной войны (Б. И. Блифельд, П. А. Раппопорт, Б. А. Рыбаков, Г. Г. Мезенцева). В результате исследований удалось реконструировать систему оборонительных укреплений. Насыпанные в конце X в. валы города, помимо внутренних срубных конструкций, имели мощную кладку из сырцового кирпича. Как показали раскопки, детинец и 1-й окольный город были сооружены при Владимире Святославиче. Однако им предшествовало более древнее славянское городище (площадь 8,5 га), располагавшееся на мысу, образованном оврагом и берегом реки. Укрепления 2-го окольного города построены позже, вероятно, во второй половине XII в.

В детинце обнаружены фундаменты двух каменных храмов: большого (12 апостолов) и малого. Их полы украшены майоликовыми плитками. Малый храм был сооружен над белокаменным саркофагом известного белгородского епископа Максима и его кельей. На предполагаемой территории княжеского двора найдены котлованы хозяйственных построек (поварни?) с остатками нескольких печей. В различных местах Белгорода вскрыты нижние части жилых построек, гончарные мастерские, кузница. За валами стольного города исследованы дружинные погребения X — начала XI в. Собран богатейший инвентарь (в том числе несколько свинцовых вислых печатей), характеризующий быт древнерусских горожан X—XIII вв.

Вышгород. Впервые упомянут в летописи под 946 г. как город княгини Ольги, в который поступала треть древлянской дани (ПСРЛ, т. I, стб. 60). Древнее городище находится на территории современного поселка городского типа Вышгород в 15—16 км выше Киева, на правом обрывистом берегу Днепра (табл. 9, 3). Поселение состоит из детинца (площадь около 7,5 га), окольного города (площадь около 6 га) и неукрепленных селищ-посадов. До сегодняшнего дня сохранились остатки мощных земляных валов и рвов, окружавших центральную часть поселения.

Наряду с Киевом Вышгород был одним из главных древнерусских центров Среднего Поднепровья. Как важный пункт в системе киевского полюдья его упоминает Константин Багрянородный. С X в. в городе располагалась, по-видимому, одна из резиденций великих князей. Здесь рано образовался слой собственного боярства, поддерживавший в начале XI в. Святополка Владимировича. Особую роль стал играть Вышгород в связи с канонизацией в XI в. первых русских национальных святых Бориса и Глеба, похороненных в городе. Над их усыпальницей был возведен храм, перестраивавшийся и украшавшийся несколькими поколениями русских князей. Начиная со второй половины XI в. в городе почти постоянно сидели удельные князья — подручники великого князя киевского. Вышгород в известной мере был северными воротами Киева. Он контролировал водный путь по Днепру, Ирпеню и Десне. Борьба за столицу Руси не раз начиналась с осады и штурма Вышгорода. Как и другие центры Среднего Поднепровья, город пострадал во время Батыева нашествия.

Стационарные археологические исследования, проводившиеся в Вышгороде в 30-е годы и в 1947 и 1972 гг. (Б. А. Рыбаков, В. И. Довженок, М. К. Каргер), возобновлены сейчас Киевской археологической экспедицией Института археологии АН УССР. Раскопками обнаружены остатки десятков наземных и углубленных в землю жилищ, производственные (железоделательные, кузнечные, ювелирные, костерезные, гончарные) комплексы; многочисленные вещевые находки X—XIII вв. Среди них выделяется серия русских и византийских свинцовых печатей, пряслице с надписью, поливная посуда и изделия из стекла. Церковь Бориса и Глеба в Вышгороде была одним из крупнейших трехнефных храмов Руси. К сожалению, до сих пор в городе не найдено непотревоженных отложений X в.

Тумащь — один из городов, прикрывавших Киев с юга, упомянут в летописи под 1150 и 1170 гг. (ПСРЛ, т. II, стб. 400, 418, 539). Остатки городского детинца, треугольного в плане (площадь 2,3 га) занимают высокий мыс левого берега р. Стугны на западной окраине с. Старые Безрадичи Киевской обл. Укрепление по периметру окружено валом и рвом с напольной стороны. Въезд на городище прослеживается с юго-запада. Отсюда к детинцу примыкал обширный окольный город (площадь около 8 га), валы которого ныне полностью распаханы. Но в начале века В. В. Хвойко отметил наличие укреплений (две линии валов и ров) в 400 м к югу от детинца.

Тумащь был одним из важных опорных пунктов на пути вражеских войск к Киеву. Вместе с Треполем и Василевом он обеспечивал в XI—XIII вв. оборону столицы Руси от набегов половцев.

Городище Тумаща неоднократно обследовалось археологами. Оборонительные укрепления исследовал П. А. Раппопорт. По длинной оси вала впритык друг к другу стояли забитые землей срубы. В 1963—1964 г. стационарные раскопки памятника провел Б. А. Рыбаков. В детинце были обнаружены отложения зарубинецкой культуры и древнерусского (XI—XIII вв.) времени. Найдены следы углубленных в землю жилищ, обломки стеклянных браслетов, шиферные пряслица, орудия труда, наконечники стрел, монетная гривна киевского типа, различные украшения. Ранее на поселении была подобрана печать греко-русского типа с погрудным изображением св. Романа. Во второй половине XIII в. город прекратил свое существование.

Чучин назван в летописи под 1110 г. в связи с нападением половцев. Город занимал отдельную возвышенность правого берега Днепра у современного с. Щучинка Киевской обл. Поселение состояло из детинца (площадь 1,2 га), окольного города (площадь 3,7 га) и расположенного у подножия возвышенности, на берегу небольшой речки селища-посада. Чучин входил в число укрепленных населенных пунктов, охранявших Правобережье Днепра от половецких вторжений. Город погиб в годы разорения Руси Батыем.

Памятник изучен В. И. Довженком. В валу детинца прослежены два ряда деревянных клетей, внутренний из которых был жилым. Одна из крепостных башен, по предположению исследователей, была сигнальной. Обнаружены остатки углубленных в землю жилищ (более ранних) и наземных столбовых построек (более поздних). Собрана большая коллекция древнерусских предметов XI—XIII вв.: наральники, серпы, косы, ручные жернова, топоры, скобели, ножи, стеклянные браслеты, металлические украшения, пряслица, разнообразная посуда. Выделяется серия предметов вооружения и конского снаряжения — боевой топор, кистени, наконечники стрел и копий, стремена и удила. Таким образом, население Чучина занималось земледелием, ремеслом, военным делом. Судя по массовым находкам поселение было основано во второй половине XI в.

Изяславль упомянут в летописи под 1241 г. как один из городов, разоренных войсками Батыя во время их похода на запад (ПСРЛ, т. II, стб. 186).

Городище расположено на мысу, образованном течением р. Гуска, у восточной окраины с. Городище Хмельницкой обл. Поселение состоит из небольшого детинца (площадь 0,63 га) и окольного города (площадь около 3 га). С напольной (западной) стороны и со стороны понижающейся стрелки мыса (юго-восток) оно защищено тройной линией валов и рвов. Детинец занимает юго-восточный угол городища и по всему периметру окружен валом. В системе укреплений прослеживаются два въезда: юго-западный (основной) и южный. Ворот между детинцем и окольным городом не заметно. В плане городище имеет неправильную, слегка округлую форму, использующую защитные свойства рельефа местности. Плановая схема укреплений Изяславля во многом соответствует характеру укреплений поселений Болховской земли.

Город, находившийся в междуречье Случа и Горыни, на Киевско-Волынском пограничье, был, по-видимому, основан князем Изяславом Мстиславичем в середине XII в. Он входил, вероятно, в состав Волынского княжества и был одним из важных опорных пунктов на его восточных рубежах.

В археологической литературе городище известно с конца прошлого века. Поселение почти полностью исследовано М. К. Каргером в 1957—1964 гг. Вскрыта вся площадь памятника (3,6 га) в пределах первого внутреннего вала, объединявшего детинец и окольный город. Изучены конструкции оборонительных сооружений и собрана обширная коллекция древнерусских предметов XII—XIII вв. На основании результатов раскопок и анализа пути движения войск Батыя М. К. Каргер отождествил исследованный памятник с летописным Изяславлем. По его мнению, после разорения древнего города его имя перешло к вновь отстроенному во второй половине XIII в. на берегу р. Горыни современному городу Изяславлю.

Хотя материалы раскопок опубликованы лишь частично, они имеют важное значение для понимания социально-политической сущности поселений, подобных Изяславлю. Во внутреннем валу окольного города и внешнем валу детинца обнаружены остатки деревянных клетей, служивших жилыми и хозяйственными помещениями. В них найдены разнообразные бытовые вещи, запасы зерна. От построек на площадке городища были зафиксированы лишь развалы печей. Следовательно, дома были наземной конструкции. Среди находок много сельскохозяйственных орудий: лемехов, чересел, серпов, кос, оковок лопат. Они встречались иногда вместе по нескольку экземпляров. Не удалось обнаружить ни одного четко выраженного производственного комплекса. Однако инструментарий ремесленников (литейные формы, тигли, матрицы для тиснения колтов, зубила, молотки, долота, напильники, пробойники), отходы производства (шлаки) и железные крицы найдены неоднократно. Собраны десятки тысяч обломков стеклянных браслетов, много серебряных височных колец волынского типа, крестов-энколпионов и крестиков-корсунчиков, резных каменных иконок. Широко представлены все виды вооружения: мечи, сабли, булавы, копья, топоры, кистени, наконечники стрел, шлемы, кинжал, кольчуга, а также стремена, шпоры (в том числе со звездчатым колесиком). Найдены западноевропейские бронзовая чаша и серебряный реликварий. При раскопках обнаружено 17 кладов, из которых восемь (все в пределах окольного города) содержали различные металлические вещи парадного боярско-княжеского убора. В одном из кладов сохранились две свинцовые вислые печати. Существенно, что ни разу оружие профессиональных воинов не встречено вместе с хозяйственным инвентарем. Абсолютное большинство находок сделано в слое пожарища, хорошо датируемого серединой XIII в. Картину гибели небольшого городка довершают груды человеческих костей, разбросанные по всей его площади. По подсчетам Д. Г. Рохлина, в крепости погибло более 1,5 тыс. человек.

Исследователи по-разному определяют социальный тип памятника. В нем видят феодальный замок, город-крепость или специальное военное поселение, построенное по единому плану с учетом военных и хозяйственных нужд гарнизона, состоявшего из особой прослойки профессиональных воинов-землевладельцев.

Переяславская земля. Переяславль (совр. г. Переяслав-Хмельницкий Киевской обл.) впервые упомянут в договоре Олега с греками под 907 г. (ПСРЛ, т. I, стб. 31). По мнению Б. А. Рыбакова, город еще раньше фигурирует в сочинениях арабо-персидских географов IX—X вв. как один из трех центров Руси. Древнее городище расположено на мысу правого берега р. Трубежа при впадении в нее р. Альты (летописное Льто). Переяславль состоял из двух укрепленных частей детинца (площадь около 10 га), занимавшего стрелку мыса, и окольного города (площадь около 80 га), примыкавшего к детинцу с севера (табл. 14, *2*). Сохранились остатки валов и рвов, окружавших по периметру детинец и окольный город. За укреплениями окольного города находился некогда обширный курганный некрополь.

Ранние этапы истории Переяславля трудно поддаются реконструкции. Вполне вероятно, что будущему городу принадлежала важная роль в становлении и развитии Приднепровской Руси. Во всяком случае уже в начале X в. он был одним из главных получателей византийской контрибуции. В 80-е годы этого столетия в Переяславле строится мощная крепость. По преданию, внесенному в летопись, она была заложена на месте поединка юноши-кожемяки с печенежским богатырем. В системе укрепления Левобережья Днепра от кочевнических вторжений Переяславль выполнял роль, аналогичную Белгороду. Он был военным и организационным центром обороны, местом сосредоточения войск.

После смерти Ярослава Мудрого в разделе Русской земли между его тремя старшими сыновьями первым переяславским князем становится Всеволод Ярославич. Здесь потом долго княжили его потомки. В Переяславле организуется самостоятельная епископия, а по другим сведениям — даже митрополия. Князья и епископы отстраивают в городе несколько каменных храмов и дворцов, каменные ворота с надвратной церковью, «банное строение» и другие здания. Центральным переяславским храмом был пятинефный Михайловский собор, построенный во второй половине XI в.

До середины XIII в. Переяславское княжество и сам Переяславль оставались главным оплотом Руси против кочевников. Сначала печенеги, потом половцы не раз оказывались под его стенами. Соседство с «полем», постоянная угроза военного нападения наложили отпечаток на быт города, заставляя постоянно совершенствовать его укрепления. Как о суровом и беспокойном времени вспоминал о первых годах своего княжения в Переяславле Владимир Мономах.

Вместе с тем город постепенно превратился в один из крупнейших и важнейших центров Южной Руси. Здесь велось самостоятельное летописание, сохранившее нам вторую редакцию Повести временных лет. В детинце Переяславля располагались княжеский и епископский дворы. С окольным городом связь осуществлялась через княжеские ворота, а епископские ворота выводили к р. Трубежу. По-видимому, как и в других крупных древнерусских городах, основу уличной планировки образовывали сквозная магистраль, пересекавшая с юго-востока на северо-запад детинец и окольный город. В последнем известны «Кузнечные ворота». При епископе (митрополите) Ефреме, помимо храмов, закладывается каменный город от епископских ворот с надвратной Федоровской церковью. Переяславль окружали монастыри, боярские и княжеские села. При впадении Трубежа в Днепр находилась укрепленная городская гавань — летописное Устье. Письменные источники сохранили имена нескольких крупных переяславльских бояр, в том числе — тысяцкого Станислава, участвовавшего в кодификации судебника Владимира Мономаха.

За обладание Переяславским княжеством постоянно боролись потомки Мономаха и черниговские Ольговичи. К началу XIII в. там окончательно закрепились суздальские Юрьевичи. В 1239 г. город был взят «копьем» войсками Менгу-хана и разорен дотла. Лишь к середине XVII в. он вновь приобрел важное политическое значение.

Первые археологические исследования в Переяславле проведены в середине — второй половине XIX в. Были частично изучены фундаменты Михайловского собора и небольшой каплицы на месте нынешней Успенской церкви. Тогда же начались раскопки Д. Я. Самоквасовым курганного некрополя, продолженные Н. Ю. Брандербургом.

Широкие археологические работы развернулись в городе после Великой Отечественной войны (В. А. Рыбаков, М. К. Каргер, П. А. Раппопорт). С конца 50-х годов в Переяславле вела исследования комплексная экспедиция Института археологии АН УССР, Академии строительства и архитектуры УССР и Переяславль-Хмельницкого государственного исторического музея (Ю. С. Асеев, М. И. Сикорский, Р. А. Юра). В детинце и окольном городе удалось изучить остатки девяти каменных построек, включая фундаменты епископского дворца. Исследованы особенности конструкций оборонительных сооружений, остатки углубленных в землю жилищ, стеклоделательная мастерская.

Материалы археологических раскопок во многом дополнили и уточнили сведения письменных источников об этапах развития Переяславля. Древнейшие из сохранившихся укреплений города относятся к концу X в. Валы детинца и окольного города сооружены одновременно в технике, характерной для времени Владимира Святославича: сочинение деревянных конструкций с сырцовой кладкой. Найти остатки более ранних сооружений и культурных отложений до сих пор не удалось. При раскопках могильника также были встречены только погребения XI—XIII в. В детинце большой интерес представляют остатки каменных ворот, стены и башни конца XI в.— одной из первых каменных крепостей на Руси. Примером древнерусской каменной постройки гражданского назначения являются фундаменты прямоугольного епископского дворца. Палата была украшена мозаичными композициями, шиферными плитками, мраморными колоннами. О проживании в окольном городе феодальной знати свидетельствуют обнаруженные там остатки церкви — усыпальницы с шиферными саркофагами и клады с дорогими вещами. Дальнейшее археологическое изучение Переяславля безусловно откроет новые страницы его многовековой истории.

Воинь — пограничный город Переяславского княжества, впервые упомянут в летописи под 1055 г., когда около него Всеволод Ярославич победил торков. Древнее городище Воиня находилось в пойме правого берега р. Сулы, у впадения ее в Днепр, близ бывшего села Воинская Гребля Полтавской обл. Теперь оно залито водами Кременчугского моря. Детинец (площадь 4,6 га) был укреплен подковообразным валом (длина 40 м), упиравшимся концами в берег реки. С внешней стороны вала проходил ров (ширина около 20 м, глубина 3 м). За валом располагался окольный город (площадь 23 га), укрепленный естественными преградами (старицы, болота). К западу от него находился грунтовой могильник.

Во всех последующих известиях летописи Воинь выступает как важный порубежный укрепленный пункт, к югу от которого простирались половецкие земли. Около Воиня неоднократно сталкивались русские и половецкие войска.

Впервые локализовал Воинь на месте городища у с. Воинская Гребля в конце XIX в. В. Г. Ляскоронский. Затем городище осматривали и описали Л. Падалка, Н. Е. Макаренко, Ф. Б. Копылов, И. И. Ляпушкин. В 1956—1959 гг. памятник исследован экспедицией Института археологии АН УССР (В. И. Довженок, В. К. Гончаров, Р. А. Юра). Вскрыто около 8000 кв. м.

Основу сохранившегося вала составляли два ряда деревянных клетей, забитых грунтом. Третий (внутренний) ряд клетей был жилым. Здесь обнаружены остатки глинобитных печей и различные бытовые вещи. Укрепления воиньского детинца защищали гавань, образованную протокой (старицей) Сулы. Здесь останавливались в безопасности караваны судов, следовавшие вверх и вниз по Днепру. В детинце и окольном городе исследованы также наземные и углубленные в землю жилища. Въезд в детинец находился с запада.

Судя по конструктивным особенностям и вещевым находкам изученные укрепления были сооружены в конце XI — начале XII в. Но под ними обнаружены остатки более древних оборонительных линий конца X в. Они состоят из двух валов и рва между ними.

В валах применялась сырцовая кладка, столь характерная для строительства времени Владимира Святославича. У этой крепости имелся также окольный город. Его ров, а вероятно, и вал, впоследствии спланированные, были зафиксированы в 100 м от укреплений детинца.

Таким образом, первая крепость в Воине была построена при Владимире Святославиче на месте небольшого (временного?) поселения роменской культуры. По своей плановой структуре она вполне соответствует порубежным укреплениям той эпохи: детинец предназначался для военного гарнизона, а не заселенный постоянно окольный город — для укрытия окрестных жителей и воинских резервов. К середине XII в. Воинь превращается в большой город с детинцем, гаванью и обширным окольным городом. По-видимому, клети в валу детинца имели прежде всего хозяйственное значение. В них хранились запасы хлеба и других продуктов. В мирное время население Воиня жило в обычных домах в детинце и окольном городе. Клети в валу занимались во время осады. Поэтому в жилищах на посаде найдено мало предметов, тогда как в сгоревших клетях собрана обширная вещевая коллекция. При раскопках обнаружены остатки мастерской кузнеца-оружейника, ткацкого станка. Многочисленны находки оружия (меч, перекрестья сабель, наконечники стрел, и копий, боевые топоры, булавы, кистени, фрагменты кольчуг и панцырей), орудий труда ремесленников (кузнецов, ювелиров, костерезов), сельского хозяйства. Среди находок — вислая свинцовая печать, византийские монеты, обломки привозных амфор, стеклянная посуда.

Город неоднократно горел. Он был разорен половцами в 1185 г. и окончательно погиб под ударами войск Менгу-хана в 1239 г.

Черниговская земля. Чернигов — один из крупнейших и самых значительных древнерусских городов Среднего Поднепровья. В летописи он впервые назван под 907 г. в числе городов — получателей византийской дани (ПСРЛ, т. I, стб. 31). Город занимал правый, высокий берег р. Десны и состоял из нескольких укрепленных частей (табл. 29, 1). Детинец (площадь около 16 га) располагался на возвышенном мысу при впадении р. Стрижень в Десну. К детинцу с севера и запада примыкал окольный город (около 40 га), с юго-запада — Третьяк (площадь около 20 га). Вся эта территория охватывалась обширным полукольцом Предградья (площадь около 80 га), укрепления которого, судя по планам XVIII в., переходили на левый берег Стрижня. Под детинцем и к югу от него находился на пониженной и иногда затопляемой части Деснинской поймы Черниговский подол. Общая укрепленная площадь Чернигова превышала 150 га. Древнейшее ядро города окружали курганные могильники.

История Чернигова насыщена важными политическими событиями. Уже в начале XI в. город стал столицей Мстислава Владимировича Тмутараканского, поделившего со своим братом Ярославом Мудрым Русь по Днепру. Мстислав строит здесь один из первых каменных храмов — величественный Спасский Собор. Черниговское княжество обособляется от Киева до второй половины XI в. После Любечского съезда (1097 г.) в городе окончательно утверждаются потомки Святослава Ярославича. До середины XIII в. Черниговская земля входила в число важнейших и обширнейших древнерусских княжеств. Владения черниговских князей простирались от бассейна верхнего течения р. Оки на северо-востоке до Курска и Северского Донца на юге и Клецка и Слуцка — на западе. Князья из династии черниговских Ольговичей и Давыдовичей не раз занимали великокняжеский киевский стол. Иногда они воевали, но чаще выступали совместно с половцами в междоусобной борьбе, чем заслужили печальную славу в памяти современников. Чернигов был центром епархии, епископы которой подчиняли себе длительное время и муромо-рязанские земли. Город неоднократно подвергался военным нападениям, выдержал несколько жестоких осад, но во время Батыева нашествия был основательно разрушен. Уже во второй половине XI в. в Чернигове, судя по данным летописи, помимо детинца, существовал и окольный город. Время сооружения Предградья устанавливается предположительно: первая половина — середина XII в., когда Чернигов вступил в пору своего расцвета.

О глубокой древности Чернигова свидетельствуют не только величественные курганные раскопки языческого некрополя, но и особый цикл черниговских былин. К сожалению, от собственного черниговского летописания сохранились лишь незначительные отрывки, что затрудняет изучение многовековой истории города.

Археологические исследования в Чернигове начались давно, но до конца 40-х годов XX в. они велись от случая к случаю, без особой целенаправленности. Внимание раскопщиков привлекали остатки монументальных построек. Лишь массовые раскопки черниговских курганов, осуществленные в 70—80-х годах XIX в. Д. Я. Самоквасовым, а затем в 1908 г. участниками XIV Археологического съезда, дали много ценных материалов по ранней истории города. После Великой Отечественной войны положение изменилось. В черниговском детинце широкими площадями провел раскопки Б. А. Рыбаков. В течение нескольких лет здесь работала экспедиция Института археологии АН УССР (В. А. Богусевич, Д. И. Блифельд). Архитектурные памятники города исследовали Н. В. Холостенко и П. Д. Барановский. Сейчас раскопки в Чернигове и наблюдения за строительными работами осуществляют Исторический музей и Историко-архитектурный заповедник (В. П. Коваленко, А. А. Карнобед).

Накопленные материалы во многом уточнили и прояснили картину возникновения и развития города. Культурные слои IX—X вв. обнаружены в детинце, в Третьяке, около Елецкого монастыря. Раннеславянская (роменская) керамика найдена на городище и селище в урочище Еловщина (окраина современного города, левый берег р. Стрижня). Таким образом, к началу X в. на территории Чернигова существовало несколько поселений. О том же говорят соответствующие им курганные группы. Пока трудно установить место древнейшего поселения славян в Чернигове. В первой половине X в. центром, стягивающим вокруг себя остальные поселки, становится городище в устье р. Стрижня. Ранний Чернигов, как и Киев, представлял собой агломера-

цию поселений, еще разделенных необжитыми территориями, занятых некрополями и сельскохозяйственными угодьями. Но в нем имелся свой общественно-политический центр и главное языческое капище, находившееся в пойме Десны на песчаной возвышенности, недалеко от Ильинской церкви XI в., сохранившее в местной топографии название «Святая роща».

В Чернигове обосновалась местная княжеская династия, представители которой были похоронены в огромных курганах «Княжны Чорны» и «Черной Могиле». Князей окружали могущественные бояре, величественные погребальные насыпи которых являются центрами отдельных курганных групп. Возможно, некоторые из этих бояр вышли из местной родо-племенной знати, подчинившей себе окрестные поселки.

Ранний детинец, по предположению Б. А. Рыбакова, занимал юго-западную, более возвышенную часть его будущей территории. И действительно, последующие раскопки обнаружили в 50—70 м восточнее Спасского собора засыпанный позже ров. Княжеский двор в XI в. находился неподалеку от Спасского собора, на месте построенного в начале XII в. Борисоглебского храма. Под его полами и рядом с ним были вскрыты фундаменты двух дворцовых палат. С расширением площади детинца до берегов Стрижня княжеский двор в начале XII в. переместился на северо-восток. Его местоположение фиксируется остатками Михайловской и Благовещенской церквей, исследованных Б. А. Рыбаковым.

Епископский двор располагался к западу от кафедрального Спасского собора. От него сохранились фундаменты обширной двухкамерной каменной постройки, некогда украшенной фресковой росписью и поливными плитками. В детинце обнаружены также усадьбы феодальной знати и жилища непривилегированного, возможно, зависимого населения.

Раннегородской период истории Чернигова завершается во второй половине XI в., когда окончательно складывается плановая структура города с детинцем и первым окольным городом (вероятно, включая Третьяк), появляются первые пригородные монастыри. О системе уличной планировки города судить трудно. Можно лишь предположить, что ее основу образовывала сквозная магистраль, на юге выводившая на дорогу к Киеву, а на северо-востоке — к Сновску (Седневу) и Новгороду-Северскому. Ее пересекала улица, через Любецкие ворота вливавшаяся в путь на Любеч и Гомий (Гомель).

Расцвет Чернигова в XII в. отмечен возведением новых укреплений (острога) вокруг Предградья и массовым каменным строительством. Помимо сооружения епископских палат и нескольких храмов, в детинце строятся Успенская церковь в Елецком монастыре и Пятницкая церковь на торгу у стен первого окольного города.

В процессе раскопок в разных частях Чернигова (детинец, Третьяк, окольный город, Предградье) обнаружено несколько десятков жилых и хозяйственных построек XI—XIII вв. Наряду с рядовыми, частично заглубленными в землю жилищами найдены и богатые наземные жилые комплексы, интерьер которых украшали разноцветные поливные плитки (детинец, Третьяк). Следы ремесленного производства зафиксированы в детинце (кузнечный горн), на Подоле (печи для обжига кирпича), в Предградье около Пятницкой церкви (железоделательное, ювелирное, гончарное). На территории Чернигова найдено несколько кладов с высокохудожественными дорогами вещами. Судя по тому что часть кладов происходит с территории Предградья, здесь также располагались боярские дворы. Следовательно, социальная топография Чернигова и других древнерусских городов была одинаковой. Боярские усадьбы вперемежку с дворами торгово-ремесленного населения размещались во всех частях города, средоточием административно-политической жизни которого был детинец.

Новгород Северский — второй по значению город Черниговского княжества (ныне — районный центр Черниговской обл.), впервые назван в «Летописи путей» Владимира Мономаха, который зимой 1078/79 г. разбил в окрестностях Новгорода половецкий отряд (ПСРЛ, т. I, стб. 248). Город расположен на высоком, обрывистом правом берегу р. Десны при впадении в нее ручья. Детинец (площадь в древности около 3 га) занимал отдельный холм-останец (теперь частично обвалившийся в реку). Его с юга и востока полукольцом охватывал окольный город (площадь около 30 га). В 4 км ниже по течению Десны, на высоком береговом выступе находился древний Спасо-Преображенский монастырь. В окольном городе-остроге, существовавшем уже в середине XII в., имелись двое ворот: Курские и Черниговские. Острожные ворота вели из окольного города в детинец.

Княжеский стол в Новгороде Северском образовался в конце XI в., когда после Любечского съезда город с волостью получил Олег Святославич. Его потомки владели Новгородом Северским почти без перерыва до середины XIII в. Новгороду Северскому принадлежали обширные земли от Подесенья, Лесной земли и Вятичей на севере до города Донца на юге и от Сновска и Стародуба на западе до Курска с Посеймьем на востоке. Своего расцвета Новгород достиг во второй половине — конце XII в. при Олеге и Игоре. Эти князья вели вполне самостоятельную политику, примером которой является знаменитый поход Игоря на половцев в 1185 г. На территории княжества образовались удельные владения с центрами в Трубчевске, Путивле и Рыльске. Город окружали боярские и княжеские села, в том числе Мелтеково и Игорево сельцо.

Первые археологические раскопки в Новгороде Северском были проведены еще в начале XIX в., однако их материалы не сохранились. В дальнейшем древности города не раз осматривались и описывались археологами (Д. Я. Самоквасов, С. С. Гатцук, М. В. Воеводский, О. Н. Мельниковская). Небольшие разведочные раскопки на территории детинца и окольного города осуществил в конце 50-х — начале 60-х годов сотрудник Черниговского исторического музея И. И. Едомаха. С 1979 г. в городе ведет постоянные исследования объединенная экспедиция Институтов археологии АН СССР и АН УССР (А. В. Куза, А. П. Моця). Благодаря полученным данным во многом прояснилась ранняя история Новгорода Северского.

В IX—X вв. изрезанный оврагами правый берег реки в районе будущего города был занят несколькими славянскими поселениями. Лепная керамика роменского типа найдена в детинце, на возвышенности за ручьем, в урочище «Городок» и южнее детинца во дворе ветеринарного училища и около Никольской церкви. В детинце исследовано три жилища этого времени. Их нижние части углублены на 0,8—0,5 м в материк. Котлованы имеют размеры 4—4,5×4—5 м. Глинобитные печи помещались в углах. Вдоль стен и в углах прослежены ямки от столбов. Рядом с жилищами находились хозяйственные сооружения — колоколовидные ямы для хранения продуктов. В заполнении жилищ, на полу и в печах собрана лепная керамика, костяные проколки, астрагалы, железные ножи, глазчатая бусина и пр. В конце X в. поселок в детинце укрепляется валом, по крайней мере с южной и юго-западной сторон. Основу вала составляли деревянные срубные конструкции. В его насыпи обнаружены обломки только роменской и раннегончарной посуды, что и датирует время сооружения первых укреплений в Новгороде Северском, тем более что строительная прослойка вала перекрыла одно из упомянутых выше жилищ. В начале XI в. рядом с валом строится новое, слегка углубленное жилище срубной конструкции с печью-каменкой, находившейся посередине. Керамика из этой постройки — вся гончарная, типичная для XI в.

Таким образом, сооружение первых укреплений в Новгороде Северском совпадает по месту (р. Десна) и времени со строительством порубежных крепостей Владимиром Святославичем. По-видимому, Новгород входил в число городов, основанных в его княжение.

Новый этап в жизни города приходится на конец XI — начало XII в., когда перестраиваются оборонительные линии детинца и возводится острог вокруг окольного города. Следы этого строительства хорошо зафиксированы в раскопках. Северо-западную часть детинца занимает княжеский двор. Здесь исследованы остатки большого (7,5×7,5 м) погреба-медуши, в котором хранились амфоры с напитками и маслом. Где-то поблизости строится каменная церковь. Плинфа от нее со следами цемянки постоянно встречается при раскопках. Надо полагать, что это был храм Михаила, ставший впоследствии усыпальницей князя Олега Святославича. Жилища XI—XII вв. найдены как в детинце, так и на посаде (в окольном городе). В XII в. постройки становятся целиком наземными с деревянными или глинобитными полами. Среди находок обращают на себя внимание вислая свинцовая печать архаического типа князя Святослава Ярославича, обломки киевской и византийской стеклянной посуды, поливное крымское блюдо, шпоры, наконечники стрел и копий, литейные формочки, боевой топор и т. п.

В конце XII в. на территории будущего монастыря строится каменная Спасская церковь, украшенная по фасадам пучковыми пилястрами с майоликовым полом и фресковой росписью. Здесь, возможно, помещалась загородная княжеская резиденция, так как у фундаментов здания отмечен культурный слой с бытовыми находками XII в.

Археологические наблюдения вполне соответствуют сведениям письменных источников по истории Новгорода Северского. Город основывается в конце X в. в гуще славянских поселений на северо-восточной окраине Русской земли. Появление в Новгороде княжеского стола отмечено строительством новых укреплений, в том числе и вокруг окольного города. В XII в. город — центр обширного княжества успешно развивается, в нем возводятся каменные храмы, в его окрестностях появляются владельческие села со всякой «готовизной», медным и железным «тяжким товаром», запасом хлеба, табунами лошадей, челядью и пр. В 1239 г. Новгород был разрушен войсками Батыя. Слой гибели Новгорода хорошо прослеживается в детинце. Здесь даже образовалась прослойка погребенного дерна. Лишь в конце XIII — начале XIV в. жители вновь вернулись на пепелище.

Вщиж (ныне село Брянской обл.) — удельный город Черниговского княжества, впервые появляется на страницах летописи под 1142 г. (ПСРЛ, т. II, стб. 312). Древнее поселение занимает треугольный мыс высокого левого берега р. Десны при впадении в нее ручья (табл. 9, *2*). Городище состоит из детинца (площадь 1,2 га), окольного города (площадь 2,6 га) и обширного селища-посада. Сохранились остатки вала и рва, укреплявшего Вщиж с напольной стороны, а также следы рва, отделявшего детинец от окольного города.

О Вщиже мы узнаем из летописи в связи с усобицей черниговских князей со своим старшим братом — Всеволодом Ольговичем Киевским. Привлекая на свою сторону двоюродных братьев Давыдовичей, Всеволод уступил им из состава Черниговской волости Вщиж и Ормину. Земли, «тянувшие» к Вщижу, именовались Подесеньем. Здесь известны еще два небольших городка: Воробейка и Росусь. В 1156 г. во Вщиже образовался удельный княжеский стол, который занял Святослав Владимирович, сын Владимира Давыдовича. В 1161 г. Вщиж выдержал пятинедельную осаду черниговских, киевских, смоленских и полоцких князей. После смерти бездетного Святослава Владимировича в 1166 г. вщижским князем стал один из сыновей Святослава Всеволодовича.

Вщижское городище привлекло к себе внимание во второй половине XIX — начале XX в. (Н. П. Горожанский, С. С. Деев, И. Е. Евсеев, М. М. Фомин, А. Н. Шульгин). Однако значительные раскопки памятника были проведены Б. А. Рыбаковым в 1940, 1948—1949 гг. Обнаружено, что первые древнерусские укрепления были возведены на месте более древнего (IX—X вв.) славянского поселения. В X в. городище занимало лишь самую стрелку мыса и, возможно, играло роль временного стана на пути киевского полюдья. В середине XII в. в связи с превращением Вщижа в удельный город расширяется территория детинца, обводится валами и рвами окольный город, где строится каменный храм. Как показали раскопки, при перестройке оборонительных сооружений на стрелке мыса была поставлена деревянная шестиугольная башня. Другая деревянная башня-донжон возводится в центре детинца. Найдены остатки дворца, а также жилищ рядовых и знатных горожан. Собран разнообразный вещевой материал: детали убранства храма, западноевропейский бронзовый водолей, пряжка с золотым оленем, личина от шлема, кабаний клык с древнерусской над-

писью, орудия труда, украшения. В окрестностях городища найден древнерусский гончарный горн с посудой. Мощной «пожарной» прослойкой отмечена гибель поселения во время Батыева нашествия.

Серенск (ныне дер. Калужской обл.) принадлежал к числу городов, расположенных в Черниговской волости «Вятичи». О первом упоминании Серенска в летописи нет единого мнения. В Ипатьевском списке сказано, что, возвращаясь в 1147 г. из Москвы, Святослав Ольгович пошел сначала к Любынску, а затем к Неринску (ПСРЛ, т. II, стб. 340). Но в Воскресенской летописи вместо Неринска назван Серенск (ПСРЛ, т. VII, стб. 38). Предпочтительным кажется чтение более древнего Ипатьевского списка, поскольку Серенск находится вдали от р. Оки. Обе же летописи согласно утверждают, что Святослав, подойдя к городу, «перешед Окоу и ста». Бесспорным тогда остаются упоминание Серенска в Летописце Переяславля Суздальского под 1207 г. и в Новгородской Первой летописи под 1232 г. (НПЛ, с. 71, 280).

Древнее городище занимает высокий мыс правого берега р. Серены при впадении в нее безымянного ручья. С севера поселение защищала река, а с запада и востока — глубокие овраги. К подтреугольному в плане детинцу (площадь 0,2 га) примыкает трапециевидный, обнесенный с трех сторон валом, а с напольной — еще и рвом, окольный город (площадь около 2,8 га). На береговом плато за окольным городом располагалось неукрепленное селище-посад.

В конце прошлого века памятник был частично исследован Н. И. Булычевым. В последние годы раскопки Серенска ведет Т. Н. Никольская (вскрыто в детинце более 1000 кв. м). Культурный слой подразделяется на три горизонта: IV—VII вв. (мощинская культура), XII—XIII вв. (древнерусское время) и XIV—XVI вв. Средний горизонт насыщен углями, золой, обгоревшими плахами, мелкими камнями и множеством вещей. Судя по типологии находок он относится ко времени Батыева нашествия. Здесь вскрыты плохо улавливаемые остатки срубных наземных жилищ с печами-каменками, хозяйственные постройки, а также погребения и беспорядочные скопления человеческих костей — следы гибели города в страшном пожаре 1238 г.

Особый интерес представляет собранная в Серенске коллекция, характеризующая высокое развитие ремесла в этом маленьком городке, затерявшемся в вятичских землях. Найдены инструменты для обработки железа и дерева. Целая серия каменных литейных форм (более 50) для изготовления полых украшений (колтов, бус, височных колец) и пластинчатых и створчатых браслетов, перстней, подвесок, крестиков вместе с медными матрицами свидетельствуют о незаурядном мастерстве серенских ювелиров, мало в чем уступавших «кузнецам меди и серебру» из столичных центров. Была открыта также мастерская стеклодела, производившего браслеты. Среди находок — предметы вооружения, сельскохозяйственные орудия, бытовые вещи, два золотых перстня, каменные литейные формочки с древнерусскими надписями.

Серенск основывается, по-видимому, в середине XII в. на необжитом месте. Он сразу строится как городской центр, о развитии которого пекутся черниговские князья. Город контролировал сухопутную дорогу из Подесенья и более южных областей на северо-восток. Надо полагать, Серенск являлся домениальным владением Михаила Всеволодовича Черниговского, иначе трудно объяснить походы суздальских князей (в случаях конфликта с Михаилом) на этот город.

Галицкая земля. Галич — центр юго-западной Руси, столица Галицкого, а затем Галицко-Волынского княжества; впервые упомянут в летописи под 1138 г. (ПСРЛ, т. I, стб. 305; галичане в войске князя Ярополка). Древнее городище Галича сохранилось в с. Крылос Ивано-Франковской обл. (табл. 29, *4*). Оно занимает холмистый мыс, образованный р. Луквой и ее притоком Мозолевый Поток, недалеко от впадения первой в Днестр. Хорошо прослеживаются детинец (площадь около 20 га) и примыкающий к нему с юго-запада подпрямоугольный окольный город (площадь около 25 га). Детинец с напольной (южной) стороны укреплен двумя линиями валов (высота до 9 м) со рвами между ними. Окольный город в свою очередь отделяла от берегового плато укрепленная полоса (ширина 92 м) из трех параллельных валов (высота до 3,5 м) и рвов. В линиях укреплений сохранились проходы, где находились ворота. У подножия мыса по обоим берегам р. Луквы размещался в урочище Подгородье неукрепленный посад (площадь около 200 га). На территории Галича сохранились руины нескольких каменных церквей.

Сведения о Галиче начинают регулярно появляться на страницах летописей с середины XII в., когда Владимир Володаревич перенес сюда в 1141 г. из Звенигорода свою столицу после смерти Ивана Васильевича. Территория Галицкого княжества охватывала бассейн верхнего и частично среднего течения Днестра, верховья р. Сана. Ее юго-западные границы проходили по Карпатским горам, а северо-восточные — по водоразделу левых притоков Днестра и правых притоков Припяти. Южные рубежи княжества не имели устойчивой границы. Иногда власть галицких князей распространялась до низовьев Днестра и устья Дуная. Среди древнейших центров земли были Перемышль, Звенигород и Теребовль, где сидели в конце XI в. сыновья князя-изгоя Ростислава Владимировича: Рюрик, Володарь и Василько. Близость Галича к Венгрии и Польше обусловила его тесные связи с этими европейскими государствами, а также с Византией и миром южнорусских степей. Венгерский король и польские князья не раз вмешивались в галицкие события. Расцвет Галицкого княжества связан с деятельностью сына Владимира, Ярослава Осмомысла (1153—1187). Этим князем, железными полками заступившим путь венгерскому королю, рядившим суды до Дуная, отворявшим ворота Киеву, восхищался автор «Слова о полку Игореве».

В богатой и плодородной Галицкой земле быстро сформировался слой могущественного боярства, постоянно боровшегося против укрепления самодержавной власти князей. Летопись сохранила имена многих галицких бояр (Владимир, Доброслав, Судислав и др.), имевших свои дружины, неприступные

замки и по своему желанию приглашавших или изгонявших князей.

На рубеже XII—XIII вв. Галицкое и Волынское княжества объединились под властью Романа Мстиславича. Галич стал столицей одного из крупнейших древнерусских княжеств, хорошо известных даже в Германии, Франции и Риме. После почти 30-летних усобиц в городе окончательно утвердился сын Романа Даниил. При нем, несмотря на тяжелые последствия ордынского ига, Галицко-Волынское княжество продолжало оставаться в числе самых развитых и политически сильных русских земель. В Галиче составляется летопись Даниила.

Исследования галицких древностей начались еще в 80-е годы XIX в. Помимо сохранившейся в с. Шевченково церкви св. Пантелеймона, на территории Галича были раскопаны в разное время руины еще нескольких каменных построек. Однако исследователи продолжали спорить о местоположении древнего города. Лишь раскопки в 1936—1941 гг. (Я. Пастернак) фундаментов галицкого кафедрального Успенского собора в с. Крылос положили конец дискуссии. В советское время археологическое изучение Галича вели М. К. Каргер, В. К. Гончаров, В. И. Довженок, В. В. Аулих. Благодаря этим исследованиям удалось восполнить обширные пробелы в летописной истории города.

Древнейшее укрепленное поселение (конца X—XI в.) находилось в урочище Золотой Ток на северной оконечности Крымской горы — мыса. Его размеры невелики (150×200 м). Городище защищал земляной вал, усиленный с напольной стороны каменной кладкой. Но жилая застройка X в. (частично углубленные в землю жилища) обнаружена и далеко за валами. О постепенном выделении Галича из массы окрестных поселений свидетельствуют клады арабских дирхемов (IX—X вв.) и серебряных украшений.

В связи с превращением Галича в столицу большого княжества в середине XII в. значительно расширяются его укрепления (1-я линия валов). По гребню вала шла деревянная стена из дубовых бревен. Укрепления Золотого Тока были заброшены, но здесь отстраивается княжеский деревянный дворец. Конструктивные особенности этой большой наземной постройки до конца не выяснены. От нее найдено множество декоративных керамических плиток со штампованными изображениями различных животных, людей, птиц и растений; резные декоративные камни. Отсюда же происходит золотой колт с перегородчатой эмалью, серебряные трехбусинные височные кольца, браслеты, свинцовые вислые печати. На Золотом Току исследованы и другие (столбовые и срубные) жилые постройки с глинобитными печами и зерновые ямы. К юго-западу от Золотого Тока располагался Успенский собор — центр Галицкой епархии, образованной в конце 50-х годов XII в. Огромный (37,5×32,5 м) пятинефный собор по площади уступал лишь Софии Киевской. Стены храма были сложены из тесаных известковых блоков и украшены резьбой. Пол выстилали майоликовые плитки. Изнутри собор украшала фресковая роспись. В притворе обнаружен каменный саркофаг, в котором был похоронен пожилой мужчина, возможно, строитель собора — Ярослав Осмомысл.

Время сооружения укреплений окольного города достоверно не установлено. Вероятно, они возведены во второй половине XII в. В окольном городе были найдены остатки сыродутной печи для выплавки железа. Интересные результаты дали раскопки в урочище Подгородье (неукрепленный посад). Здесь исследованы фундаменты двух каменных церквей, а также жилища и ремесленные мастерские: ювелирная, медеплавильная, кузнечная, гончарная. Один из изученных домов имел два этажа. В Юрьевском урочище, расположенном через балку от Золотого Тока, выявлены остатки наземного дома, окна которого украшали цветные витражи. Основное ядро Галича окружали феодальные дворы галицких бояр. Многие из них имели собственные деревоземляные укрепления и родовые церкви. Всего на сегодняшний день на территории древнего Галича и в его окрестностях зафиксировано около 30 каменных построек древнерусского времени (исследовано девять).

Археологические материалы прекрасно документируют этапы территориального роста и расцвета Галича, совпадающие со временем его возвышения в социальной иерархии древнерусских городских центров.

Перемышль (ныне г. Пшемысль в ПНР) — древнейший центр юго-западных земель Руси, впервые упомянут в летописи под 981 г. (ПСРЛ, т. I, стб. 81). Следы древнего городища сохранились на высоком мысу (Замковая Гора) правого берега р. Сана при впадении в него р. Вяры. Городище состоит из двух укрепленных частей: детинца и окольного города общей площадью около 8 га. К укрепленной части поселения примыкали обширные селища-посады.

Расположенный на русско-польском пограничье Перемышль на рубеже X—XI вв. прочно входит в состав Древнерусского государства. Его князем во второй половине XI в. становится Рюрик Ростиславич, а затем его брат Володарь. С утверждением столицы в Галиче Перемышль сохраняет важное значение социально-экономического центра особой Перемышльской земли (волости) и иногда передается галицкими князьями во временное держание другим князьям. В летописях упомянуты села вокруг города и княжеский двор с множеством всякого товара, находившийся под городом. В Перемышле был свой тысяцкий.

Раскопками польских археологов (50—60-е годы XX в.) установлено, что детинец Перемышля был обнесен в X в. валом, основу которого составляла срубная конструкция. Окольный город, вероятно, был укреплен во второй половине XI в. Во время раскопок обнаружены остатки углубленных в землю (X—XI вв.) и наземных (XII—XIII вв.) жилищ. Исследованы руины трех каменных храмов и княжеского дворца (XI—XIII вв.). Среди вещевых находок обломки стеклянных браслетов, височные кольца киевского типа, кресты-энколпионы, шиферные пряслица, вислые свинцовые печати князя Давида Игоревича. На противоположном берегу р. Сана раскопаны восемь гончарных и два железоплавильных горна.

Звенигород (современное с. Звенигород Львовской обл.) назван в летописи под 1086 г. в связи с убийством в его окрестностях князя Ярополка Изяславича (ПСРЛ, т. I, стб. 206). Остатки сильно

разрушенного древнего городища занимают возвышение среди болотистой низины, где три протоки сливаются в р. Белку. Детинец, четырехугольный в плане (площадь 3 га, по другим данным 8 га), находится на невысоком мысу в юго-западной части поселения. От окружавших его некогда по периметру валов и рвов сохранились лишь небольшие отрезки. С востока и севера к детинцу примыкал окольный город (площадь около 13 га). Кругом, в урочищах Завалье, Загородище, Стяги, Замосточье и др. располагались открытые селища-посады.

В конце XI – начале XII в. Звенигород был стольным городом Володаря Ростиславича. Позже Звенигород иногда получали младшие галицкие князья. Город занимал стратегически важное положение на пути в Киев и на Волынь. Случайные находки древнерусского времени на территории древнего Звенигорода привлекли к нему внимание любителей-археологов и историков в конце XIX – начале XX в. Стационарные археологические исследования осуществлены здесь в 1953–1973 гг. (И. К. Свешников, Г. М. Власова, В. С. Шеломенцев-Терский, А. А. Ратич). Вскрыто более 6000 кв. м.

В детинце были обнаружены фундаменты небольшого (12,5×10,5) трехнефного храма с пристроенной к нему усыпальницей. Северо-восточнее храма исследованы Г-образные в плане фундаменты дворцового помещения. При изучении остатков вала детинца были открыты следы внутривальных деревянных конструкций. Судя по находкам первые поселения на территории Звенигорода возникли в X в. Укрепления строятся, надо полагать, в середине – второй половине XI в. В Звенигороде раскопано 43 углубленных в землю (X–XI вв.) и 46 наземных (XII–XIII вв.) жилища, а также много погребений древнерусского времени (в том числе в каменных ящиках и саркофагах). О развитии ремесла свидетельствуют мастерские костерезов, сапожника, орудия труда ювелиров, плотников, кузнецов. Из предметов вооружения найдены меч, наконечники стрел и копий, боевые топоры, стремена, шпоры. С территории княжеского двора происходит золоченый крест-энколпион, инкрустированный белой и синей эмалью. В коллекции вещей семь древнерусских свинцовых печатей и византийская монета XI в. Развитие Звенигорода было прервано нашествием Батыя в 1241 г.

Теребовль (современное с. Зеленче Тернопольской обл.) назван впервые в летописи под 1087 г. как столица Василька Ростиславича (ПСРЛ, т. I, стб. 257). Древнее городище (площадью более 2 га) расположено на мысу при слиянии р. Гнезны с р. Серетом. Детинец города был укреплен дугообразным валом (высота 3 м) и рвом, ныне почти полностью уничтоженными. С северо-запада к детинцу примыкал окольный город, вытянувшийся вдоль берега реки и также защищенный валом и рвом. Вокруг находились неукрепленные селища-посады.

После Василька Ростиславича в Теребовле княжил его сын Иван, умерший бездетным в 1141 г. Тогда вся Галицинская земля объединилась под властью Владимира Володаревича, а Теребовль утратил статус стольного центра. Однако город оставался центром волости и еще в начале XIII в. передавался в кормление младшим галицинским князьям.

Археологические исследования на территории Теребовля (И. К. Свешников, Г. М. Власова) показали, что город возник не раньше второй половины XI в. Большинство материалов из раскопок (серебряные и бронзовые украшения, каменные литейные формочки, стеклянные браслеты, бытовые вещи) относятся к XII – середине XIII в. После нашествия Батыя Теребовль пришел в упадок.

Волынская земля. Владимир Волынский впервые упомянут в летописи под 988 г. как стольный город Всеволода – одного из сыновей Владимира Святославича. Древнее поселение располагалось на небольшом возвышении среди заболоченной низины правого берега р. Луга при впадении в нее р. Смочь (табл. 29,*3*). Хорошо сохранились лишь укрепления детинца (площадь 1,5 га) подпрямоугольного в плане (городище волынского типа). Окружающие его по периметру валы достигают высоты 6–8 м. Главный въезд прослеживается с северной стороны, а с южной заметен небольшой проход к реке. Детинец омывается протоками речки Смочи. Линия укреплений окольного города восстанавливается с трудом. Ее удалось реконструировать П. А. Раппопорту, сопоставляя планы города XVIII в. с остатками валов и рвов на местности. Земляные укрепления охватывали детинец широким полукольцом, а с северной наиболее низменной стороны они шли в два ряда. Площадь окольного города превышала 60 га.

В истории Руси Владимиру принадлежит заметное место. Судя по названию и первому летописному упоминанию город был основан Владимиром Святославичем в конце X – начале XI в. Как опорный пункт Киевского государства на западе Руси он занимал старый племенной центр дулебов-волынян – Волынь. В XI в. киевские князья распоряжаются Владимиром и Волынью, сажая туда младших представителей княжеской династии. По завещанию Ярослава Мудрого город достался его младшему сыну Игорю. В конце XI – начале XII в. князья на владимирском столе постоянно меняются. Здесь княжили Олег Святославич, Ярополк Изяславич, Давыд Игоревич, Мстислав Святополчич, Ярослав Святополчич, Андрей Владимирович, Изяслав Мстиславич. Только в середине XII в. Владимир и Волынское княжество окончательно закрепляются за потомством Владимира Мономаха. Они стали вотчиной Изяслава Мстиславича, опираясь на которую он боролся за великокняжеский киевский стол. Политику отца продолжал Мстислав Изяславич. В 1199 г. Волынь и Галич объединились под властью внука Изяслава – Романа Волынского. Вскоре Роман Мстиславич овладел Киевом и стал самодержавцем всея Руси. При Данииле Романовиче Владимир сохранял значение второго центра Галицко-Волынской земли. В 1262 г. его мощные укрепления русские князья не могли быстро сровнять с землей по приказу ханского полководца Бурундая из-за их «величества».

Владимир, как и многие западнорусские города, пережил тяжелые годы нашествия Батыя и ордын-

ского ига, сохранив известную самостоятельность. Впоследствии он оказался в составе польско-литовского государства.

Город был центром обширной епископии. Из сообщений летописи известно о существовании во Владимире Гридшиных и Киевских ворот, дворов знати, собственных тысяцких. Источники упоминают владимирские церкви. Успенский кафедральный собор, Дмитрия и Михаила в Михайловском монастыре.

Древности Владимира привлекли внимание исследователей еще в XIX в. Однако до сих пор город остается в археологическом отношении почти не изученным. Из архитектурных памятников Владимира до наших дней сохранился Успенский собор, построенный в 1170 г. князем Мстиславом Изяславичем к юго-западу от детинца. Это большой шестистолпный храм, подражающий киевским образцам. Напоминают план Кирилловской церкви в Киеве остатки другой каменной постройки на противоположной окраине Владимира. Рядом с ней во второй половине XIII в. была построена круглая (Михайловская) ротонда с тремя апсидными нишами в толще стен. Время возникновения укреплений окольного города во Владимире пока не установлено. Вероятно, они были отстроены в середине XII в. при Изяславе Мстиславиче или его сыне Мстиславе.

Сутейск (с. Сонсядка, ПНР) — один из самых западных древнерусских городов, близ которого в 1069 г. Владимир Мономах заключал мир с поляками (ПСРЛ, т. I, стб. 247). Остатки древнего городища занимают мыс при слиянии рек Пора и Вепша (Вепря). Укрепленная часть поселения состоит из трех площадок (общая площадь около 3 га). Детинец (37×30 м) подпрямоугольный в плане, по периметру обнесен валом (высота 6 м), а с юго-восточной стороны и рвом (табл. 7, *3*). Следы проездных ворот сохранились с восточной и западной сторон. С севера к детинцу примыкает 1-й окольный город, укрепленный с востока валом, а с запада ограниченный крутыми склонами мыса. С севера его защищает болотистая пойма р. Пора. Ворота прослеживаются с юго-востока. К детинцу и 1-му окольному городу с юга и востока примыкает 2-й окольный город, в свою очередь защищенный линией валов и рвов.

Сутейск входил в число Червенских городов, из-за которых спорили Русь и Польша в конце X — первой половине XI в. Как форпост Руси на ее западных рубежах он первым служил объектом для нападения (ПСРЛ, т. II, стб. 246).

Раскопками польских исследователей установлено, что укрепления детинца и 1-го окольного города были возведены одновременно в первой половине XI в. на месте более древнего поселения IX—X вв. Укрепления 2-го окольного города построены позже, на рубеже XI—XII вв. Основу конструкции валов составляли ряды деревянных срубов. На городище обнаружены остатки углубленных в землю жилищ, хозяйственные ямы, древний колодец. Кроме обломков гончарной посуды, найдены различные орудия труда, оружие, украшения, свинцовые вислые печати князя Давыда Игоревича. На территории поселения открыт грунтовый могильник XI—XIII вв. Исследователи датируют памятник IX—XIII вв., хотя он упомянут в Списке русских городов дальних и ближних конца XIV в.

Белз (современный г. Белз Львовской обл.) принадлежал к числу Червенских городов и был отвоеван Ярославом Мудрым в 1030 г. (ПСРЛ, т. I, стб. 149). Остатки древнего города расположены на низком левом берегу р. Солокии между ее основным и старым руслами в урочище Замочек. Укрепленная часть поселения состоит из двух частей: детинца и окольного города. Валы и рвы местами сильно разрушены. Детинец (площадь около 4 га) прямоугольных очертаний (220×190 м) был обнесен по периметру валом. Примыкавший к нему с юго-востока окольный город (площадь около 3 га) укреплен валом с трех сторон, кроме обращенной к детинцу. Город окружен неукрепленными селищами-посадами, занимавшими соседние возвышенности среди болотистой низины.

В конце XII в. Белз с волостью выделяется из состава Червенских земель. В городе появляются удельные князья, а в источниках — раздельные упоминания о Червенской и Белзской землях. Белз приобретает важное значение в Волынском княжестве, которое сохраняет до середины XIV в.

Древности Белза известны в специальной литературе с конца XIX в. В 30-е годы памятник осматривался Л. Чачковским, составившим его описание. В 1963 г. город обследовал П. А. Раппопорт. Сейчас систематические раскопки в Белзе проводит экспедиция под руководством В. М. Петегирича.

В детинце мощность культурного слоя превышает 2,5 м, а в окольном городе — 1,5 м. Обнаружены остатки наземных домов с глинобитными полами, хозяйственные ямы, развал гончарного горна. Среди находок — гончарная древнерусская посуда, орудия труда, ножи, боевой топор, наконечники стрел, шпоры, обломки стеклянных браслетов, шиферные пряслица, изделия из кости, свинцовая актовая печать. Абсолютное большинство находок датируется XI—XIV вв., преобладают материалы XII—XIII вв.

Городен (современный г. Гродно Гродненской обл.) — центр древнерусского Понеманья (Черная Русь). В летописи под 1128 г. упомянут Всеволод Городенский, сын Давыда Игоревича, зять Владимира Мономаха. Следы древнего городища сохранились на высоком треугольном мысу при впадении р. Городничанки в р. Неман (Старый Замок). Детинец (площадь около 0,8 га) был по периметру укреплен валом. К востоку от него за глубоким оврагом расположен Новый Замок — окольный город. Ныне его укрепления не прослеживаются. Однако на старинных планах окольный город от остальной территории отделяет ров. Таким образом, общая укрепленная площадь древнего Гродно приближалась к 4 га. В центре детинца стояла каменная церковь (нижняя) XII в. На противоположном берегу р. Городничанки в местности Коложе сохранились остатки другого каменного храма XII в.— Борисоглебского. Здесь, по-видимому, была посадская территория Гродно.

О местоположении Городска в XIX в. велась оживленная дискуссия. Некоторые исследователи полагали, что летописное Гродно находилось не на Немане, а в 50 км юго-восточнее Пинска в одноименном местечке. Другие считали, что в летописи

упомянуты два Гродно: неманское и припятское. Споры разрешились благодаря археологическим раскопкам и обследованиям. Оказалось, что припятское Гродно вовсе не имеет культурного слоя. Гродно же неманское, наоборот, дало обширные древнерусские материалы XI–XIII вв.

В 30-е годы XX в. систематические раскопки в Гродно вели польские археологи. Эти работы были продолжены в 1949 г. Н. Н. Ворониным. Было установлено, что жизнь на детинце началась во второй половине — конце XI в. Город, надо полагать, был основан Давыдом Игоревичем или его отцом. Первые укрепления сгорели в сильном пожаре. По мнению Н. Н. Воронина, на первом этапе своей истории Гродно являлся важным замком-крепостью на западных рубежах Руси. С образованием здесь в начале XII в. княжеского стола укрепления возобновляются, частично в камне. Вероятно, тогда же укрепляется окольный город. Детинец застраивается наземными деревянными домами, дворами, мощенными деревом улицами. Среди находок обильно представлены предметы вооружения, орудия труда ремесленников, бытовые вещи. Обращают на себя внимание высокохудожественные привозные изделия. Материальная культура Гродно аналогична культуре других городов Древней Руси XII–XIII в. Во второй половине XIII в. Гродно попадает под власть литовских князей.

Новгородок, Новогородок Литовский (современный г. Новогрудок Гродненской обл.) появляется на страницах летописи сравнительно поздно. Под 1235 г. упоминается князь Изяслав Новгородский (ПСРЛ, т. II, стб. 776). В 1252 г. в Новогрудке был коронован Миндовг — великий князь Литовский. Городище древнего Новогрудка сохранилось на северной окраине современного города (табл. 8, *1*). Детинец занимает треугольный в плане мыс (110×80 м) и укреплен по периметру валом. С напольной (западной) стороны, помимо высокого вала, проходит глубокий дугообразный ров. Здесь же в древности находился въезд. Окольный город неправильной треугольной формы в плане (225×130 м) примыкает к детинцу с запада. Далее на соседней возвышенности располагался открытый посад. Общая укрепленная площадь Новогрудка превышает 2,5 га.

Многолетние археологические исследования в городе ведет Ф. Д. Гуревич. Оборонительные укрепления изучены П. А. Раппопортом и М. А. Ткачевым. Судя по данным раскопок поселение в Новогрудке основано в X в. Одновременно был укреплен детинец. Валы окольного города насыпаны позже, в середине — второй половине XII в. При раскопках здесь обнаружены остатки обширных наземных жилищ со стеклянными окнами, фресковой росписью стен. В жилищах и вокруг них собран разнообразный вещевой материал: оружие, орудия труда, резные костяные изделия, обломки амфор, осколки многочисленных привозных стеклянных сосудов. Таким образом, эти дома принадлежали городской знати, заселившей в XII в. окольный город. В тех же домах работали ремесленники-ювелиры. В раскопках на детинце, наоборот, вскрыты какие-то хозяйственные постройки и рядовые жилища. Возможно, исследована часть княжеского двора с различными службами и жилищами челяди. На территории открытого посада М. К. Каргер обнаружил под ныне существующей церковью фундаменты каменного Борисоглебского храма второй половины XII в.

В свете археологических раскопок история Новогрудка приобрела определенную ясность. В конце X в. с распространением власти киевских князей в Понеманье здесь основывается военно-административный центр. Среди его жителей были также выходцы из южнорусских земель. В середине — второй половине XII в. Новогрудок приобретает черты вполне сформировавшегося городского поселения. В середине XII в. за обладание Новогрудком ведут борьбу Галицко-Волынское княжество и Литва. В связи с возросшей военной опасностью жизнь в окольном городе в конце этого столетия прекратилась. Но в детинце она продолжалась вплоть до XVI в.

Туровская земля. Туров — один из важнейших городов Руси. По преданию, в Турове был первым князем Туры (ПСРЛ, т. I, стб. 76). В конце X — начале XI в. в Турове сидел Святополк Владимирович. Древнее городище занимает мыс, образованный реками Яздой, Струменью и Домухой (табл. 8, *2*). Округло-треугольный детинец (площадь около 1 га) был защищен по периметру валом, а с напольной (юго-восточной) стороны и рвом. С юго-востока к детинцу примыкает подтреугольный в плане (площадь около 1,5 га) окольный город, также укрепленный валом и рвом.

В истории Киевской Руси Турову принадлежало видное место. Как центр особой волости он постоянно упоминается в источниках. После Святополка в городе княжили в середине XI в. Изяслав Ярославич, затем его сын Святополк. Здесь была образована своя епископия, один из епископов которой Кирилл Туровский в XII в. стал крупным церковным идеологом и писателем. Киевские князья стремились удержать Туров в своих руках, посылая княжить туда сыновей или других ближайших родственников. Но к концу XII в. связи Турова с Киевом ослабевают. Туровское княжество попадает в орбиту интересов Волынской земли. В середине XIII в. туровские и пинские князья вместе с волынскими воюют против Литвы.

Впервые обследование туровского городища провел в конце XIX в. В. З. Завитневич. В 20-е годы С. С. Шутов, А. Д. Коваленя, А. Н. Лявданский и С. А. Дубинский осуществили в городе разведочные раскопки. Широкими площадями Туров исследован 1961–1968 гг. М. Д. Полубояриновой и П. Ф. Лысенко. На территории окольного города М. К. Каргером и П. А. Раппопортом изучены фундаменты каменного шестистолпного храма XII в.

В общей сложности в туровском детинце вскрыто более 750 кв. м при мощности культурного слоя, достигающей 4 м. Древнейшие напластования здесь относятся к концу X — началу XI в. В том же XI столетии, видимо, сооружены и укрепления города. Во время раскопок обнаружено более 30 наземных срубных построек; следы деревянных частоколов, разграничивавших дворовые участки. Судя по находкам некоторые дома принадлежали феодальной знати. Собрана коллекция предметов вооружения (наконечники стрел и копий, шпоры), орудий труда ювелиров (льячки, тигельки, пинцеты, ка-

менная литейная форма) и кузнецов (сопла, зубила, крицы и шлаки). Большой интерес представляют образцы мелкой пластики, обломки привозных стеклянных и гончарных сосудов, орнаментированные изделия из кости. При раскопках церкви расчищены три шиферных саркофага. После нашествия Батыя жизнь в Турове не прекратилась.

Полоцкая земля. Полоцк — столица древнерусского Полоцкого княжества. О племенном княжении полочан говорится в недатированной части Повести временных лет. Имя города впервые появляется на страницах летописи под 862 г. (ПСРЛ, т. I, стб. 20). Следы древнего городища сохранились на правом берегу р. Западной Двины при впадении в нее р. Полоты (табл. 24, *3*). Детинец, названный позже Верхним Замком, неправильной треугольной формы в плане (общая площадь около 10 га) был по периметру окружен валом. В его южной части возвышается огромный Софийский собор, построенный в середине XI в. С северо-востока к детинцу примыкал окольный город (Нижний Замок), расположенный в излучине р. Полоты. Его площадь достигала 16 га. Территорию по берегу р. Западной Двины восточнее детинца и южнее окольного города занимал Великий посад. В XI—XIII вв. отчасти было заселено и Заполотье. Город окружали курганные могильники и монастыри, основанные в древнерусское время.

Полоцкое княжество рано выделилось из состава Киевской Руси. Этому способствовало утверждение в городе собственной княжеской династии — потомков Изяслава Владимировича. Уже сын его Брячислав ведет в первой половине XI в. успешную борьбу с Ярославом Мудрым. В 1044 г. полоцкий стол занимает Всеслав Брячиславич, князь-чародей, воспетый былинами и «Словом о полку Игореве», оказавшийся по воле восставших в 1068 г. киевлян великим князем киевским. Почти все свое долгое княжение (57 лет) в Полоцке Всеслав воевал («немилостив на кровопролитие») под Новгородом и у Смоленска, пытаясь расширить свои владения. Как вызов Киеву он отстраивает Полоцкую Софию. При нем, вероятно, укрепляется окольный город. Границы Полоцкой земли установились уже в XI в. Они включали бассейн среднего течения Западной Двины, Правобережье верхнего Днепра, бассейн Березины и верховья Немана. Во второй половине XII в. с образованием княжеств в Ерсике и Кукейносе полоцкая территория продвинулась на нижнюю Двину. После смерти Всеслава Брячиславича (1101 г.) Полоцкое княжество распадается на несколько уделов, где княжат его сыновья. XII в. заполнен борьбой полоцких князей между собой, а также с Киевом, Смоленском и Новгородом. В феодальные войны втягиваются черниговские Ольговичи и волынские князья. В начале XIII в. Полоцк противостоит крестоносной агрессии. В это же время наступление на полоцкие рубежи предпринимает Литва. К 50-м годам XIII в. Полоцкая земля окончательно переходит под власть литовских князей.

К сожалению, летописи редко и кратко повествуют о жизни самого Полоцка. Под 1159 г. упоминается загородный княжеский двор «на Белице», находившийся на левом берегу Западной Двины в 2 км от детинца. В городе были улицы и «хоромы». Судя по сравнительно поздним (XVI—XVII вв.) документам уличная планировка Полоцка вполне аналогична планировке других древнерусских городов. Главная улица города — Великая шла параллельно реке (с востока на запад), пересекая посад и детинец. Под прямым углом к ней от берега Двины отходила пробойная улица.

Севернее города, на левом берегу р. Полоты располагался Спасо-Евфросиньевский женский монастырь, основанный в XII в. полоцкой княжной Евфросиньей. Здесь же, по данным некоторых источников, находилась усыпальница и загородная резиденция полоцких епископов.

В городе действовало вече, приглашавшее и изгонявшее князей, решавшее вопросы войны и мира. В XII — первой половине XIII в. Полоцк вместе со Смоленском заключает торговые договоры с о. Готланд и Ригой, регулирующие вопросы торговли по Двине. Словом, даже по далеко не полным сведениям письменных источников, Полоцк XI—XIII вв. рисуется крупным, экономически и социально развитым городским центром.

Систематическое археологическое изучение Полоцка началось лишь в советское время (А. Н. Лявданский). Первоначально значительно большее внимание привлекали архитектурные памятники города (А. М. Павлинов, П. П. Покрышкин, Н. И. Брунов). После Великой Отечественной войны раскопки в Полоцке вели М. К. Каргер, К. М. Поликарпович, А. Г. Митрофанов, Г. В. Штыхов. В детинце вскрыта площадь, превышающая 1300 кв. м. Ограниченные исследования осуществлены на территориях древнейшего городища, окольного города и посадов. Продолжено изучение древней полоцкой архитектуры (П. А. Раппопорт).

По археологическим данным, первоначальное поселение в Полоцке возникло в IX в. на правом берегу р. Полоты, несколько выше ее впадения в Двину. Городище (площадь около 1 га) занимало холм-останец, где прежде (вторая половина I тысячелетия до н. э.) находилось поселение днепро-двинской культуры. От славянского поселка сохранились остатки вала и нескольких сгоревших деревянных построек. Древнейшие славянские напластования этого памятника датируются по лепной керамике и наконечникам стрел X в. К городищу примыкало небольшое (0,25 га) селище.

Во второй половине X — начале XI в. поселение распространяется на левый берег р. Полоты. В ее устье сооружается новый укрепленный центр-детинец (Верхний Замок). На отдельных участках здесь культурный слой превышает 5 м. Зафиксировано 14 строительных горизонтов. Изучены нижние деревянные венцы жилых и хозяйственных построек, настилы мостовой, частоколы. Обнаружены следы кожевенного, сапожного и ювелирного ремесла. В основании культурного слоя найдены материалы второй половины — конца X в. Наиболее мощные напластования, насыщенные вещевыми находками, относятся к XII—XIII вв. В полоцком детинце П. А. Раппопорт исследовал фундаменты каменной гражданской постройки с деревянной пристройкой (XII в.), возможно, являвшихся княжескими палатами. Кроме Софийского собора, в Полоцке и его окрестностях известно еще не менее девяти каменных церквей X—XIII вв. Среди вещевых

находок в Полоцке представлены: металлообрабатывающий (ювелирный молоток, кузнечные клещи, зубила, пробойники) и деревообделочный (топоры, тесла, сверла, долота, резцы, скобели) инструменты; оружие и предметы снаряжения всадника (меч, наконечники копий и стрел, булава, обрывок кольчуги, шпоры, стремена); сельскохозяйственные орудия (сошники, серпы, косы); а также бытовые вещи, изделия из кости, стеклянная посуда, свинцовые вислые печати, монеты, денежные гривны, писала, шахматные фигурки, произведения прикладного искусства.

Л. В. Алексеев реконструирует окольный город Полоцка на месте Нижнего Замка. По мнению П. А. Раппопорта, он занимал значительно большую (48 га) площадь на правом берегу Двины до впадающей в нее безымянной речки, являвшейся некогда рвом, соединявшим Двину и Полоту. Последние укрепления вряд ли возникли раньше конца XII — первой половины XIII в. Отсутствие раннего культурного слоя в центральной части окольного города свидетельствует, что она заселялась с конца XIII в.

Полоцк, таким образом, несмотря на постепенную утрату ведущего политического значения в княжестве со второй половины XII в., продолжал оставаться крупнейшим городским центром Полоцкой земли.

Минск — один из важнейших городов Полоцкого княжества, впервые упомянут в летописи под 1067 г., когда рядом с ним на р. Немиге произошла знаменитая битва Ярославичей с Всеволодом Полоцким (ПСРЛ, т. I, стб. 166). Остатки древнего городища (Замчище), теперь почти не сохранившиеся, занимали низкую возвышенность на правом берегу р. Свислочи, ниже впадения в нее р. Немиги (табл. 5,*2*). Его укрепления (площадь около 3 га) имели неправильно-овальную в плане форму. На старых планах Минска в Замчище вели три въезда: два с севера и один — с юго-востока.

В начале XII в. Минск стал стольным городом Глеба Всеславича, а в южной части Полоцкой земли образовалось Минское княжество. Глеб упорно боролся с киевскими князьями. В конце концов он был заточен Мономахом в Киеве, где и скончался в 1119 г. Глеб Всеславич прославился также как строитель трапезной в Печерском монастыре, пожертвовавший ему 600 гривен серебра и 50 гривен золота. После заточения Глеба Минское княжество вошло в состав Киевской волости. В 40—60-е годы XII в. Минском владели сыновья Глеба: Ростислав и Володарь. В XIII в. вместе с другими полоцкими городами Минск перешел под власть Великого княжества Литовского. Можно полагать, что уже в начале XII в. Минск был мощной крепостью, так как для его осады требовалось сосредоточить значительные силы.

Стационарные археологические исследования в Минске начались в 1945 г. и продолжаются с перерывами более 30 лет (В. Р. Тарасенко, Э. М. Загорульский, Г. В. Штыхов). Вскрыто свыше 1800 кв. м при мощности культурного слоя, достигающей 6 м. Слой хорошо консервирует дерево и другие органические остатки. Оборонительный вал подсыпался не менее двух раз. Его основу составлял бревенчатый накат. Вскрыты деревянные настилы улиц (ширина до 4 м) и нижние части 130 жилых и хозяйственных построек. Исследовано три усадьбы (площадь от 220 до 250 кв. м), огороженных частоколом. Иногда поставленные впритык друг к другу постройки образовывали внутренний двор. В состав усадьбы входили 1—2 жилых дома и 4—5 хозяйственных помещения. От южных ворот на северо-восток пересекала Замчище древнейшая улица, от которой к востоку отходил переулок. Другая улица шла на северо-запад.

В северо-восточной части древнего Минска под жилой застройкой обнаружены фундаменты каменной четырехстолпной церкви (начало XII в.), оставшейся недостроенной.

Большинство материалов из раскопок Минска датируется XII—XV вв. В коллекции предметов из раскопок имеются: кузнечные клещи, ювелирный пинцет, каменные литейные формочки, сверла, топоры, тесла, сапожные колодки, многочисленные бытовые предметы, украшения, изделия из кожи и кости. Оружие представлено наконечниками стрел и копий, панцирными пластинами, обрывками кольчуги, стременами, шпорами. Найдены также сошники, серпы, косы-горбуши. Среди находок выделяются золотой змееголовый браслет сложного плетения, костяной кистень с княжеским знаком, резные каменные иконки.

Собранные данные свидетельствуют, что жизнь на исследованном участке началась не ранее конца XI в. Поэтому возникает вопрос о местоположении Минска 60-х годов XI столетия. Ответить на него однозначно пока не удается. Возможно, первоначальное поселение находилось на р. Менке (Строчицкое городище), где есть материалы X—XI вв., но не исключено, что ранний Минск занимал юго-западную практически не исследованную часть Замчища.

Высказывалось мнение о существовании в Минске, кроме детинца, примыкавшего к нему с юга окольного города. Однако работами последних лет это предположение не подтвердилось. Укрепленное ядро города было окружено низменными, слабо заселенными в XII—XIII вв. территориями.

Друцк — один из удельных центров Полоцкой земли; впервые упомянут Владимиром Мономахом в связи с событиями 1078 г. (ПСРЛ, т. 1, стб. 248). Детинец (площадь около 1 га) древнего города занимает холм на правом берегу р. Друти. Он по периметру окружен высоким (до 10 м) валом и глубоким рвом. С северо-запада к детинцу примыкает окольный город (площадь около 1,5 га), укрепленный полукольцевым валом и рвом. За окольным городом находился открытый посад.

После смерти Всеслава Брячиславича Друцк, вероятно, получил его второй сын Рогволод-Борис. Во всяком случае здесь княжили его сыновья и внуки. В 1116 г. Друцк был сожжен Ярополком Владимировичем, а его жители переселены в город Желни на р. Суле. Вернувшийся из византийской ссылки Василий Борисович (Рогволодович) становится друцким князем после 1140 г. Ему удалось занять и полоцкий стол. Во второй половине XII в. друцкие князья вступают в союз со своими соседями и сохраняют его до конца этого столетия. Оказавшись в составе Великого княжества Литовского,

Друцк постепенно утрачивает былое значение, его укрепления ветшают, и во второй половине XVI в. он превращается в сельское поселение.

Археологически Друцк исследован Л. В. Алексеевым (1956—1962, 1965, 1967). Вскрыто более 1800 кв. м в детинце. В окольном городе и на посаде проводились лишь разведочные раскопки. Укрепления детинца построены в начале XI в. На раннем этапе его внутренняя площадь была застроена в хаотическом порядке. Жизнь здесь не отличалась интенсивностью. Древние напластования от верхних отделяет мощный слой пожарища рубежа XI—XII вв. К середине XII в. детинец обретает черты городского поселения, появляются улицы и усадьбы, огороженные частоколами. В его южной части жили, по-видимому, рядовые горожане, на дворах которых стояла одна жилая и одна-две хозяйственных постройки. Они занимались кожевенным ремеслом, ювелирным делом, обработкой кости.

Центр детинца был свободен от застройки. В его северо-западном углу, видимо, размещался княжеский двор. Здесь найдены широкий серебряный браслет, украшенный сканью, перстень с княжеским знаком, пряслице с надписью «къняжинъ», золотые бусы. Во всех раскопах собраны майоликовые плитки. Из предметов вооружения и снаряжения всадника имеются: наконечник копья, навершие меча, пластины от доспеха, обрывки кольчуги, наконечники стрел, шпоры, стремена и пр. Валы окольного города были насыпаны в начале XII в., одновременно с утверждением в Друцке княжеского стола.

Смоленская земля. Смоленск — один из древнейших русских городов, упоминаемый в недатированной части Повести временных лет (ПСРЛ, т. I, стб. 10), возник как город крупной ветви кривичей. Первое датированное свидетельство существования города в Повести относится к 882 г., когда Олег во время похода на Киев «прия град» Смоленск (ПСРЛ, т. I, стб. 23). Вероятно, в это время одной из основных функций города была консолидация кривичского населения, а также освоение и присоединение части земель, занятых другими летописными племенами (вятичи, радимичи), к Смоленской земле. В истории Древней Руси Смоленск играл выдающуюся роль. По сообщению Устюжского летописного свода, уже в 60-х годах IX в. Смоленск был «град велик и мног людми». Из сообщения Константина Багрянородного становится ясным, что в середине X в. Смоленск был мощной крепостью и прочно входил в систему древнерусского раннефеодального государства. Есть сведения, что в Смоленске сидел один из младших сыновей Владимира Святославича — Станислав. После смерти Ярослава Мудрого (1054 г.) в городе последовательно княжили его сыновья: Вячеслав и Игорь. Затем Смоленском управляли князья — наместники великого князя киевского. Ранняя история Смоленска характеризуется борьбой за независимость от Киева. Политическая обособленность Смоленской земли особенно явно начала проявляться в годы правления Ростислава Мстиславича (1125—1159 гг.), с которым связано ее территориальное возвышение и расширение. В это время она оказывает значительное влияние на общерусские дела, а одной из основных задач Смоленска в начале XII в. стало укрепление княжеской администрации во вновь освоенных районах и защита его интересов от посягательств других князей. При Ростиславе Мстиславиче в городе идет интенсивное строительство церквей и монастырей. Князь добивается учреждения в Смоленске независимой епископии (1136 г.).

Смоленск быстро превращается в крупный политический центр Северо-Западной Руси. Его князья принимают участие в общерусских делах и претендуют на киевский стол. Во второй половине XII в. в летописях появляются сообщения о смоленском вече, о «лучших мужах», противостоящих князю. В городе известны тысяцкие и сотские. В Смоленске было несколько известных монастырей. В начале XIII в. в городе произошли какие-то религиозные волнения, вызванные проповедями знаменитого церковного деятеля Авраамия. О тесных торгово-экономических связях Смоленска с Ригой и о. Готланд рассказывают сохранившиеся тексты договоров первой половины XIII в.

Нашествие орды Батыя обошло Смоленск стороной, но тяжесть ханского ига сказалась на дальнейшем развитии города. Положение усугублялось распрями среди смоленских князей и постоянными набегами литовских отрядов. В начале XV в. Смоленск оказался под властью Великого княжества Литовского.

История Смоленска начинает привлекать к себе внимание исследователей с конца XVIII в. Археологические древности города подробно описываются местными историками-краеведами (С. П. Писарев, И. И. Орловский) во второй половине XIX в. Первые археологические раскопки осуществил в Смоленске в 1867—1868 гг. М. П. Полесский-Щепилло. Они были продолжены С. П. Писаревым и И. И. Орловским. В советское время архитектурные памятники Смоленска изучали И. М. Хозеров, И. Д. Белогорцев, Д. А. Авдусин. Огромный вклад в исследование смоленского зодчества внесла архитектурно-археологическая экспедиция 1962—1975 гг., руководимая Н. Н. Ворониным и П. А. Раппопортом (1979). К трем существующим ныне памятникам XII в. работами этих исследователей прибавлено 16 каменных построек XII—XIII вв. Есть сведения еще о ряде памятников этого времени. Установлено, что в Смоленске в XII в. сложилась местная архитектурная школа. Топография смоленских церквей подтверждает, что город в XII в. развивался прежде всего вдоль реки.

С 1951 г. с перерывами экспедиция Исторического факультета МГУ под руководством Д. А. Авдусина ведет изучение смоленского подола. Раскопы располагались линией у северной границы крепости начала XVII в., вдоль улиц Студенческой и Соболева. Здесь открыты мощные, около 8 м, культурные напластования. Были выявлены части усадеб, хозяйственные и производственные комплексы (мастерские сапожника, ювелира, костереза и др.), древние мостовые. Обнаружены немногочисленные пока берестяные грамоты. Время заселения смоленского подола относится к середине XI в., но вещевые комплексы содержат и находки X в.

Смоленск расположен в верхнем течении Днепра (табл. 16, *1*). Территория города изрезана много-

численными оврагами и пересекается рядом небольших речек — притоков Днепра и ручьев. Особенно это характерно для левобережной части, которая в пределах границ крепости 1596—1602 гг., построенной Ф. Конем, считается древнейшей. Столь сложный рельеф сыграл значительную роль в процессе сложения городской территории.

Древние оборонительные сооружения являются необходимыми ориентирами, без которых невозможно даже в самой приблизительной степени реконструировать процесс изменения городской территории во времени и пространстве. К настоящему времени городские укрепления Смоленска представлены только незначительными остатками крепости Ф. Коня и сохранившимися участками предшествующего ей земляного вала XVI в.

В литературе по истории Смоленска устоялось мнение, что первоначальным местом поселения города, а следовательно, его детинцем являлась Соборная гора, где в 1101 г. Владимиром Мономахом возводится городской Успенский собор. В повышении площадки в южной и северной частях городища исследователи видят остатки древнейших укреплений города. Археологическое изучение городища, начатое в 20-х годах XX в., показало, что памятник содержит слои, относящиеся к дославянскому периоду существования поселения (VI—VIII вв.), и древнерусские рубежа XI—XII вв. и далее. Все это позволило Д. А. Авдусину высказать предположение, что городище не являлось местом первоначального Смоленска, а было более поздним религиозным центром средневекового города. На это указывают и письменные источники. Остатки укрепления, если это действительно таковые, а не следы перепланировки XVIII в., могут относиться к оборонительным сооружениям или дославянского поселка, или к тому времени, когда здесь с 1136 г. обосновывается смоленский епископ. В последнем случае следует рассматривать поселение на Соборной горе как средневековый феодальный замок, хозяином которого был епископ.

Источники конца XVI — начала XVII в. упоминают «Старый город». Его очертания в виде земляного вала частично прослеживаются на видах города начала XVII в. Членясь на три участка, располагавшихся между оврагами, пересекавшими территорию города с севера на юг, он шел в направлении с востока (от стен Авраамьевского монастыря) на запад (до верховьев Пятницкого ручья — совр. ручей Воровского), примерно, вдоль совр. улицы Ленина. Подобная трассировка вала в полной мере учитывала сложный рельеф города и обеспечивала более надежное прикрытие его с напольной стороны, а кроме того, упрощала и сокращала по времени работу по его возведению.

Смоленск был укреплен и в прибрежной части. Здесь укрепления «Старого города» тянулись от Георгиевского ручья на востоке до Пятницкого — на западе. Крепость «Старого города» была дополнительно усилена башнями. По крайней мере четыре башни известны в северной его части и одна в южной. Несмотря на сложность хронологической интерпретации крепости можно полагать, что она существовала, вероятно, уже в начале XII в. Укрепления «Старого города» охватывали огромную территорию, равную примерно 65 га, а протяженность оборонительной линии составляла более 3,5 км.

Во второй половине XII в. (до 1197 г.) к западной части крепости «Старого города» пристраиваются укрепления Пятницкого острога, которые по своей мощи хотя и уступали оборонительным сооружениям «Старого города», но были достаточно протяженными (1,6 км). Возведение этого укрепления, вероятно, знаменовало собой один из этапов борьбы смоленского князя и кончанско-вечевых органов городского самоуправления, закончившийся победой последних.

С XII в. начинает заселяться и правобережное Заднепровье. Постепенно разрастаясь, оно к началу XV в. обносится укрепленным острогом, который с течением времени подвергается усовершенствованиям, на что указывают три типа оборонительных сооружений (каменные и деревянные стены и башни, тын). Укрепления заднепровского острога к XV в. охватывали территорию около 50 га. Западная граница острога проходила по течению реки Городянки, а восточная — Ильинского ручья. На севере она шла немного севернее современной ул. Кашена; южной его границей была береговая линия Днепра.

Одним из основных элементов планировочной структуры города является городская уличная сеть. Сложение ее определялось рельефом местности: улицы, как правило, следовали направлению оврагов. Формирование уличной сети левобережной части Смоленска происходило одновременно с ростом территории города, ограниченной оборонительными сооружениями. Здесь выявлено 11 улиц, возникших в различное время. Наиболее ранней из них является Большая проезжая улица, существовавшая с конца XI в. Некоторые улицы получили свои наименования по тем функциям, которые они выполняли (Большая проезжая улица, Большая дорога); другие (Отцовская гора, Щель) носили имена урочищ, по которым проходили; в наименовании Резницкой улицы угадывается характер занятий жившего на ней населения (мясники); наконец, ряд улиц именовался по названию стоящих на них церквей (Воскресенская, Пятницкая, Спасская).

В Заднепровье выделена пока единственная, Петропавловская, улица, возникшая, видимо, в середине XII в.

Остатки городских усадеб были вскрыты экспедицией МГУ в северной части смоленской крепости. Было установлено, что первоначальное заселение этой территории началось во второй половине XI в. и шло в южном направлении. Дендрохронологическая дата 22 строительных ярусов усадеб — конец XI — начало XVII в. Усадьбы отделялись друг от друга частоколами, границы которых вплоть до начала XVII в. практически не менялись. Общая площадь усадеб не превышала 700—800 кв. м.

Социальная структура Смоленска почти не изучена. Упоминания в источниках кончанско-вечевых органов правления свидетельствует о существовании в Смоленске концов не только в XV в., когда они впервые упомянуты, но и в более раннее время. Пятницкий и Крылошевский концы, о которых сообщают источники, располагались в левобережной части Смоленска, но можно думать, что в Заднепровье находился еще один конец, названный условно Го-

роденским, возникший, видимо, позднее. Это объясняется скорее всего тем, что Заднепровье в ранний период истории Смоленска отставало в своем социально-экономическом развитии от левобережной части города.

Таким образом, город, по крайней мере в XII—XV вв., имел трехчастное деление на концы. Пятницкий конец охватывал западную часть территории «Старого города»; его юрисдикции подлежал, вероятно, и Пятницкий острог. К Крылошевскому концу относились вся восточная часть «Старого города» и район вдоль берега Днепра вплоть до нижнего течения р. Большой Рачевки. Третий конец, вероятно, располагался в Заднепровье в пределах границ острога и прилегающих к нему территорий.

Можно предположить, что возникновение первоначальных поселков — концов, за исключением Городенского, следует отнести скорее всего к периоду, предшествовавшему сложению на территории Смоленска городского образования. Население концов состояло из местной феодальной знати и зависимого от нее населения. Впоследствии в городе появляется князь со своей администрацией и возникает сотенная административно-территориальная система организации населения. Вторичность княжеской власти обусловила порядок распределения городских земель. Князь, очевидно, распоряжался землями, принадлежащими сотенной организации, и не имел земельной собственности в пределах «Старого города». Его резиденция, по крайней мере с середины XII в., находилась вне укреплений Смоленска, которые в то время очерчивали территорию непосредственно города.

Торопец (современный г. Торопец Калининской обл.) — стольный город одноименного удельного княжества в Смоленской земле, упомянут в Уставной грамоте Смоленской епископии 1136 г. (Щапов Я. Н., 1976, с. 141). Однако из данных Киево-Печерского Патерика можно заключить, что Торопец уже существовал в первой половине XI в.

Городище Кривит — детинец древнего Торопца, округлый в плане (площадь свыше 0,66 га) находится на южной окраине современного города. Он занимает береговой холм у притока р. Торопы из оз. Соломенного (табл. 5, *3*). Круговой вал достигает высоты 8—9 м. Следы въездов на городище сохранились с южной и северной сторон. С севера и запада к детинцу примыкал посад, имевший, кроме естественных, по-видимому, и искусственные укрепления. Поселение окружено курганными могильниками.

В XI в. в Киево-Печерском монастыре был монах по имени Чернь, родом богатый торопецкий купец. Это интересное свидетельство указывает на торговлю как важное занятие жителей раннего Торопца. В первой половине XII в. Торопец входил в число самых платежеспособных волостей Смоленского княжества. В середине — второй половине XII в. в нем появляется собственная княжеская династия младших Ростиславичей. Торопецкие князья не раз приглашались княжить в соседний Новгород. Среди них особо прославился Мстислав Мстиславич Удалой, участник многих сражений, победитель суздальских князей в знаменитой Липицкой битве. В 1239 г. в Торопце состоялась свадьба Александра Невского с полоцкой княжной. В начале XIII в. Торопецкая волость занимала всю северо-восточную часть Смоленской земли, включая верхнее течение Западной Двины и Волги. В том же столетии Торопецкое княжество постоянно подвергается набегам литовских дружин и в XIV в. переходит под власть Великого княжества Литовского.

Торопецкие древности привлекли внимание краеведов и историков еще в середине XIX в. (М. И. Семевский, И. Побойник). Первые раскопки в городе провел Н. П. Милонов (1938—1939 гг.). Затем здесь работали П. А. Раппопорт, Я. В. Станкевич, Г. Ф. Корзухина, М. В. Малевская. В курганных некрополях открыты погребения IX—XII вв. Детинец заселяется во второй половине XI в. Сохранившиеся валы возведены уже в XII в., возможно, на месте каких-то более древних укреплений. Раскопками исследовано девять строительных горизонтов, древнейший из которых датируется рубежом XI—XII вв., а верхний — серединой XIV в. С середины XII в. увеличивается густота застройки, появляются мощеные деревянные дворы. Срубные жилища и хозяйственные постройки невелики по размерам (3×3 м). В конце XII в. между домами прослеживается улица (ширина 2 м), вдоль которой прослеживаются частоколы. Все постройки перекрыты слоем мощного пожара начала XIV в., после которого жизнь детинца постепенно замирает. В Торопце найдены следы кузнечного, ювелирного, ткацкого ремесел. Интересны кресты-энколпионы киевского происхождения (середина XIII в.), подсвечник хороса, свинцовая печать Ярослава Ярославича, брата Александра Невского.

Мстиславль (современный г. Мстиславль Могилевской обл.) впервые появляется на страницах летописи под 1156 г. (ПСРЛ, т. II, стб. 485). По свидетельству сборника XVI в. Киевского Михайловского монастыря, строителем Мстиславля был смоленский князь Ростислав Мстиславич. Неправильно-округлый в плане детинец (площадь 1,45 га) города занимает возвышенность между глубокими оврагами на правом берегу р. Вехры (приток р. Сожа). По периметру детинец укреплен валом, а с севера омывается ручьем Здоровец. Въезд прослеживается с юга (табл. 3, *1*).

Помимо случаев, указанных выше, Мстиславль назван в перечне смоленских населенных пунктов, плативших погородие епископу, датируемом началом XIII в. С города в епископскую казну ежегодно поступало 6 гривен урока, гривна почестья и три лисицы. После Торопца Мстиславль платил самое большое погородие. Следовательно, он был одним из крупнейших смоленских периферийных центров. В XIII в. город оказался на русско-литовском пограничье и вскоре попал под власть Великого княжества Литовского. В XIV в. здесь сидели собственные князья. После длительной борьбы в 1654 г. Мстиславль был окончательно присоединен к Литовскому государству.

Древности Мстиславля привлекают внимание любителей старины уже с конца XVIII в. Однако стационарное археологическое исследование города начато лишь в 1959 г. Л. В. Алексеевым. Вскрыто более 800 кв. м. Мощность культурного слоя в детинце достигает 3,3 м. Здесь относительно хорошо

сохраняется дерево. Древнейшие напластования относятся к первой половине XII в. Обнаружены деревянные настилы двух улиц, одна из которых пересекала город с юга на север. Удалось исследовать части дворов-усадеб, огороженных частоколами, с жилыми и хозяйственными постройками. Судя по находкам древнерусской плинфы в Мстиславле в конце XII – начале XIII в существовала каменная церковь.

При раскопках найдены многочисленные бытовые вещи, а также писало, обломки стеклянного бокала с арабской надписью, шахматные фигурки, свинцовая пломба, тигельки, каменная литейная формочка, костяные пластины с тонкой резьбой, детали арбалета, кресты-энколпионы и берестяная грамота.

Новгородская земля. Новгород – один из самых древних, своеобразных, экономически и политически значимых городов Руси. Повесть временных лет утверждает, что словене пришли с Дуная и «седоша около озера Илмеря... и сделаша град и нарекоша и Новъгородъ» (ПСРЛ, т. I, стб. 6). Здесь у них было свое «княжение». Первое упоминание в летописи Новгорода с датой относится к 859 г. Тогда, по Никоновской летописи, «въсташа словени, рекше Новгородци... на Варяги, и изгнаша их за море...» (ПСРЛ, т. IX, стб. 8).

Новгород расположен на двух берегах р. Волхова, недалеко от его истока из оз. Ильменя. Левобережная и правобережная части города издревле назывались Софийской и Торговой сторонами (табл. 23). Территория, на которой раскинулся Новгород, окружена болотистыми низинами, многочисленными ручьями и протоками. На ней было несколько незначительных возвышенностей, отчасти снивелированных впоследствии напластованиями культурных отложений. Центром Софийской стороны был детинец (площадь около 12 га). К нему примыкали территории Людина (Гончарного), Загородского и Неревского концов. На Торговой стороне, напротив детинца размещался новгородский торг и княжеский Ярославов двор с вечевой площадью. К ним с двух сторон примыкали Славенский и Плотницкий концы. Из детинца через Волхов к торгу был перекинут Великой мост. Всю территорию древнего города по обоим берегам реки двумя полукольцами защищают сохранившиеся валы и рвы окольного города (площадь около 200 га). Судя по сведениям письменных источников, каждая из сторон города имела деревянные стены с башнями и вдоль реки. Данные укрепления окольного города возведены в конце XIV в. В XII–XIII вв. площадь Новгорода была значительно меньшей. Но и в период расцвета Новгородской республики городская застройка не доходила до стен окольного города. Здесь размещались сады и огороды, выпасы и даже пахотные земли. Если о существовании детинца известно по крайней мере с середины X в., то сведения о первых укреплениях окольного города появляются только в середине XII в. Тогда они прикрывали меньшую территорию, но со временем заняли свое теперешнее место.

Город делился на пять концов. Причем три из них (Людин, Неревский и Славенский) образовались еще на заре новгородской истории. Два других (Загородский и Плотницкий) возникли позже, в XII–XIII вв.

До наших дней в Новгороде сохранились многие замечательные памятники древнерусской архитектуры. С юга и севера подходы к Новгороду фланкируют широко известные монастыри начала XII в.: Юрьевский и Антониев. Почти напротив Юрьевского монастыря, на правом берегу Волхова, была воздвигнута замечательная Нередицкая церковь в конце XII в. Ни один из древнерусских городов, кроме Новгорода, не сохранил такого количества разнообразных памятников истории и культуры. Все это в сочетании с феноменальным свойством новгородского средневекового культурного слоя консервировать дерево и другие органические остатки делает город подлинным заповедником отечественной истории.

Новгороду больше, чем другим русским городам, повезло с сохранностью письменных источников. От XI–XVI вв. остались новгородские летописи, актовые материалы, житийная литература, писцовые и лавочные книги. Наконец, к ним ежегодно прибавляются десятки берестяных грамот. Из них мы узнаем подробности городской жизни, имена множества новгородцев.

На разных этапах развития Древнерусского государства Новгород неизменно оставался одним из его важнейших центров. В IX–X вв. Новгород – столица Внешней или Верхней Руси, известной арабо-персидским географам, византийским авторам и скандинавским сагам. Он возвышается как центр федерации северных племен, превратившийся в одно из раннегосударственных образований восточных славян. Объединение в конце IX в. Новгорода и Киева под властью южнорусских князей стало началом единого государства Руси. Киев на юге, а Новгород на севере как бы замыкали тот стержень, вокруг которого формировалась территория этого государства. Водные системы Днепра и Ильменя с ответвлениями на Волгу и Западную Двину образовывали сгусток путей сообщения, стягивавших и цементировавших Русь вокруг ее центров, связывавших ее с другими странами. Они были не только торговыми артериями, но прежде всего каналами связи между различными восточнославянскими и неславянскими землями, по которым распространялись государственность и феодализм. Пока киевский князь прочно удерживал Новгород в своих руках, относительное единство Руси было обеспечено. Недаром уже Игорь сажает в Новгороде своего наследника Святослава, Владимир – старшего сына Вышеслава, Ярослав – Владимира. Разделив Русскую землю между старшими сыновьями, Ярослав, утверждая старейшинство Изяслава, придает ему к Киеву Новгород.

Уже в XI в. местное боярство вступает в борьбу за ограничение власти киевского князя в Новгороде. Первоначально она принимает форму «вскормления» собственного князя, а затем и ограничения его прерогатив. Рядом с князем появляется боярский контрольно-исполнительный орган – посадничество нового типа. В результате изгнанья в 1136 г. из Новгорода Всеволода Мстиславича здесь побеждает принцип «вольности в князьях». Новгородцы в зависимости от ситуации на Руси и политической борьбы между боярскими кланами внутри города

самостоятельно приглашают или изгоняют князей. Новгород постепенно превращается в боярскую феодальную республику. Весь XII и XIII вв. проходят под знаком все более существенного перераспределения государственных функций от князя к посадничеству и вечу. Первоначально боярство в своей антикняжеской борьбе опиралось на недовольство непривилегированных горожан, активно участвовавших в политической жизни Новгорода. Но со временем феодалы-землевладельцы экономически и политически все более закабаляют народные массы и ограничивают их «демократические» права. В Новгороде складывается боярская правящая олигархия. Однако, потеряв поддержку рядовых горожан, она оказывается бессильной перед натиском Москвы. В конце XV в. огромная Новгородская земля включается в состав Русского централизованного государства.

В источниках рельефно выступает федеративное устройство Новгорода, состоявшего из пяти концов. Каждый конец имел свое вече, свой соборный храм и главный кончанский монастырь. В концах жило боярство, являвшееся их подлинными хозяевами. В государственном управлении Новгорода концы представлял посадник, а позднее — посадники (число их постоянно увеличивалось), избиравшиеся от каждого конца. В летописях и иных письменных памятниках постоянно фигурируют названия улиц, вдоль которых располагались дворы новгородцев. Жители одной улицы — уличане выбирали старосту, вместе следили за сохранностью мостовых улиц, сообща решали свои внутренние вопросы. Новгородская улица, таким образом, была низшим звеном административно-территориального устройства города.

Свободное, но не аристократическое население города объединялось в 10 сотен и долгое время подчинялось непосредственно князю. Эту административную систему возглавляли тысяцкие и 10 сотских. Территории сотен и концов не имели четких границ и размещались чересполосно. Причем концы постепенно поглощали сотни, подчиняя их боярской администрации.

Большую роль в государственных делах Новгорода играл владыка — архиепископ, обладавший правом собственного суда и громадной земельной собственностью. Многочисленные новгородские монастыри также являлись крупнейшими землевладельцами. Их представителем в городской администрации был новгородский архимандрит, которого, как и других высших должностных лиц Новгорода, избирали на вече.

Средоточием торгово-экономической жизни города был торг. Торговля здесь велась в рядах. Среди них главными являлись Вощеной и Великий ряды, где торговали воском и «заморскими» товарами. Рядом с торгом находились Немецкий и Готский торговые дворы. В них останавливались и хранили свои товары иностранные купцы. Вдоль правого берега Волхова были устроены специальные вымолы — торговые пристани. Существовала особая служба по транспортировке товаров с пристаней в торговые дворы, на торг и обратно.

Все нарушения правопорядка в Новгороде в зависимости от их характера рассматривали три суда: смесной суд князя и посадника, церковный суд владыки и торговый суд тысяцкого. Между ними шла постоянная борьба за расширение своих полномочий в ущерб другим двум судебным инстанциям. Жизнь в Новгороде регламентировалась многочисленными грамотами — правовыми актами. Впоследствии большинство из них было сведено в единую Новгородскую судную грамоту, сохранившуюся, к сожалению, в поздних списках и плохо изученную.

В целом государственное устройство Новгородской феодальной республики эпохи расцвета ее независимости рисуется достаточно развитым и сложным, в известной мере противоречивым, сочетающим в себе разнородные элементы. Оно складывалось постепенно, на протяжении нескольких веков. Его особенность — все возраставшая роль боярства, сначала существенно ограничившего власть князя, а затем оттеснившего почти от всякого участия в управлении демократические слои города.

Пожалуй, ни один из древнерусских городов не привлекал к себе такого внимания историков, искусствоведов, писателей, просто любителей старины, как Новгород. Его истории посвящено множество трудов. Археологическое изучение города началось во второй половине XIX — начале XX в. местными краеведами (Н. Г. Богословский, В. С. Передольский). К сожалению, от этих раскопок, как и от вполне научных для своего времени раскопок в 1910 г. Н. К. Рериха и Н. Е. Макаренко в новгородском детинце, не сохранилось почти никаких материалов.

В 1932 г. в Новгороде начались систематические археологические исследования под руководством А. В. Арциховского. В них принимали участие Б. А. Рыбаков, М. К. Каргер. Тогда же осуществили небольшие работы на территории древнего Неревского конца сотрудники Новгородского исторического музея А. А. Строков и Б. К. Мантейфель. С тех пор объединенная ныне археологическая экспедиция МГУ, Института археологии АН СССР и Новгородского музея-заповедника ведет в течение 50 лет (с кратким перерывом во время Великой Отечественной войны) целенаправленное археологическое изучение города. Ее возглавляют теперь В. Л. Янин и Б. А. Колчин. В разные годы в работах экспедиции принимали участие и внесли большой вклад в исследование Новгорода Г. А. Авдусина, М. Х. Алешковский, В. А. Богусевич, П. И. Засурцев, М. Н. Кислов, А. Ф. Медведев, А. Л. Монгайт, М. Д. Полубояринова, Е. А. Рыбина, Н. В. Рындина, В. В. Седов, М. В. Седова, Г. П. Смирнова, А. А. Строков, А. С. Хорошев, Ю. Л. Щапова, Б. Д. Ершевский. Открытия и достижения новгородской археологии — огромны. За все время раскопок на 30 раскопах вскрыто 21016 кв. м территории средневекового города. Причем, около 1 га в Неревском конце — компактной площадью. Благодаря им существенно изменились представления не только об истории самого Новгорода, но и об истории древнерусских городов вообще. Материалы экспедиции широко публикуются в печати. Помимо множества отдельных статей, вышли в свет четыре тома трудов Новгородской археологической экспедиции (МИА, 1956, № 55; МИА, 1959, № 65; МИА, 1963, № 117; МИА, 1963, № 123). Издано семь томов новгородских берестяных грамот, два выпуска Свода

археологических источников СССР, посвященных деревянным изделиям Новгорода. Опубликованы четыре монографии: Археологическое изучение Новгорода (М., 1978); Усадьба новгородского художника XII в. (Колчин Б. А. Хорошев А. С., Янин В. Л., 1981); Ювелирные изделия древнего Новгорода (Седова М. В., 1981) и Новгородский сборник (М., 1982). Материалы из раскопок Новгорода вошли как важный исторический источник во многие другие работы ряда исследователей самого разного профиля.

Археологическое изучение Новгорода прошло три этапа. С 1932 по 1948 г. раскопки в основном велись в Славенском конце и на Ярославовом дворище, имея целью обнаружить древнейший Новгород и исследовать вечевую площадь. Они носили до известной степени разведочный характер, определив в общем стратиграфию новгородского культурного слоя и его источниковедческие возможности.

Второй этап археологического изучения начался с переносом работ экспедиции в 1951 г. на территорию Неревского конца, где они продолжались в течение 12 лет. За это время было вскрыто около 10 000 кв. м при мощности культурного слоя 7,5 м. Изучен обширный квартал средневекового города с несколькими усадьбами и улицами в динамике его развития с середины X по середину XV в. Благодаря наличию многоярусных мостовых и хорошей сохранности остатков окружавших их построек удалось расчленить культурный слой на три десятка хронологических горизонтов, последовательно сменявших друг друга. Основой стратиграфии явились деревянные мостовые улиц — Великой, Козьмодемьянской и Холопьей. Всего было вскрыто 28 ярусов деревянных настилов улиц. Применение метода дендрохронологии позволило создать абсолютную хронологию сооружения мостовых ярусов с точностью до одного года, что не имело прецедентов в отечественной археологии. Составленная таким образом абсолютная хронологическая шкала новгородских древностей легла в основу датировок широкого круга всех категорий древнерусских предметов. Раскопки в Неревском конце ознаменовались выдающимся открытием сотен берестяных грамот — совершенно новым видом письменных источников, впервые нарушивших традиционную специфику «мертвых» археологических находок. На раскопе было найдено 398 берестяных грамот. Всего берестяных грамот, включая раскопки 1982 г, найдено 610 штук.

В 1962—1967 гг. работы велись на древней Ильиной улице Славенского конца. Они по существу продолжали этап исследований, начатый Неревским раскопом, и блестяще подтвердили эффективность разработанных там методов раскопок. Кроме того, зафиксированное развитие комплекса усадеб Ильинского раскопа в целом соответствовало прежним наблюдениям, что позволило распространить их на весь Новгород.

В 1967 г. в работах Новгородской экспедиции наступил продолжающийся и поныне третий этап. Предшествующие раскопки выявили огромную историческую значимость новгородского культурного слоя — первоклассного источника, позволяющего методами археологии исследовать многие явления прошлого. В связи с этим главной задачей экспедиции стали охранные работы в местах предполагаемого строительства.

Трудно подвести краткие итоги археологического изучения Новгорода. Они столь многообразны и существенны, что требуют подробного освещения (Янин В. Л., Колчин Б. А., 1978). Раскопки и распределение культурного слоя в Новгороде по данным геологического бурения показали постепенный процесс консолидации городской территории. Первоначально в IX—X вв. существовало три поселения в Славенском, Людином и Неревском концах. Вероятно, их жители совместными усилиями отстроили детинец, ставший общественно-политическим центром Нового города. Важно, что именно эти поселки впоследствии оказались очагами боярского землевладения. Берестяные грамоты и другие источники убедительно свидетельствуют о его клановом характере. Одна боярская семья из века в век владела несколькими усадьбами. На принадлежавшем ей участке она возводила патрональные храмы и организовывала вокруг себя значительные массы зависимого населения. Усадьбы рядовых новгородцев были в несколько раз меньше и возникли позже. Они как соединительная ткань заполняли пространство между боярскими родовыми гнездами. Так археология проникла к самым истокам становления Новгорода, вскрыла особенности его социальной структуры, нашедшие полное отражение в своеобразии новгородского политического устройства.

Колоссальная коллекция (более 125 тыс. находок) древнерусских вещей, собранная на всех новгородских раскопках, открывает возможности всестороннего изучения развития ремесла, торговли, промыслов, жилищ, культуры, городского быта и благоустройства. С помощью современных аналитических методов (металлографии, спектроскопии, петрографии, химического и структурного анализов) удалось исследовать технику и технологию обработки черного и цветного металлов, стеклоделия, сапожного и ткацкого ремесел, обработки дерева и пр. В истории новгородского ремесла четко прослежены три периода: первая половина X в.— 30-е годы XII в.; 30-е годы XII в.— 80-е годы XIII в.; конец XIII—XV в. Первый этап отличает сравнительно высокая техника ремесла и ограниченное количество произведенной продукции. Это — вотчинное ремесло, связанное с работой на заказ. В течение второго периода расширяется ассортимент продукции новгородских ремесленников и одновременно рационализируются путем упрощения многие технологические приемы. В металлообрабатывающем, ювелирном, сапожном, ткацком и стеклоделательном производствах появляются устоявшиеся серии стандартных изделий. Ремесло узко специализируется внутри отдельных отраслей. Эти изменения вызваны постепенным переходом ремесленников от работы на заказ к работе на рынок. Причем ремесленная продукция сбывается не только в городе, но и за его пределами. Тенденции, наметившиеся во время второго периода, получают широкое развитие в третьем. Мелкотоварный характер ремесленного производства выступает особенно отчетливо. Рынок постоянно требует массовой продукции. Несколько

ния пока не достигли широких масштабов. Всего раскопанная площадь превысила 2 га.

В итоге исследований частично удалось реконструировать планировку и застройку древнего Пскова, этапы его развития (до XVII в.). Обнаружены несколько сотен жилых и хозяйственных построек, фундаменты каменных зданий, настилы и замощения 10 улиц (ширина от 1,8 м до 3,5 м). Обследованы в разных местах остатки оборонительных сооружений.

В Пскове аналогично Новгороду, Русе, Киеву зафиксирована устойчивая усадебная планировка. Границы дворов в пределах Среднего города не менялись с середины XI в. Среди найденных производственных сооружений есть мастерские по обработке железа, цветных металлов и кожи. Коллекция вещевых находок насчитывает десятки тысяч предметов. В их числе — четыре берестяные грамоты и свыше 500 вислых свинцовых печатей, абсолютное большинство которых обнаружено в Довмонтовом городе. Это, по-видимому, был какой-то псковский архив эпохи независимости.

Во время раскопок на территории Среднего города удалось обнаружить следы псковского курганного некрополя X — начала XI в.

Судя по археологическим данным первое поселение на мысу при впадении Псковы в Великую появилось в третьей четверти I тысячелетия н. э. На рубеже IX—X вв. здесь основывается славянское укрепление, рядом с которым разрастается открытое селище—посад. Поселение в первую очередь развивалось вдоль р. Великой. Территории восточнее и по берегу Псковы (где в X в. было кладбище) осваиваются жилой застройкой в XI в. За пределы стен 1309 г. заселенная территория города распространилась уже в начале XII в. На Полонище и в Запсковье жизнь начинается на рубеже XIII—XIV вв. Таким образом, и в Пскове на начальных этапах его существования преобладала линейно-поперечная планировка, определяемая р. Великой, вдоль которой шла одноименная улица.

Ладога (ныне г. Старая Ладога Ленинградской обл.) хорошо известна скандинавским сагам. На страницах русских летописей Ладога впервые появляется под 862 г. в третьей редакции Повести временных лет (ПСРЛ, т. II, стб. 19). Древнее городище занимает мыс на правом берегу р. Волхов при впадении в нее р. Ладожки. На стрелке мыса высится неоднократно перестраивавшаяся каменная крепость (площадь 1 га). К ней примыкают сооруженные в эпоху позднего средневековья укрепления Земляного города. Поселение окружено несколькими могильниками IX—XI вв.

Стратегически выгодное местоположение в нижнем течении р. Волхов обусловило роль Ладоги в качестве северных ворот Древнерусского государства. Она открывала путь из Балтики по речным системам Восточной Европы к берегам Каспийского и Черного морей. Неудивительно, что уже в конце I тысячелетия н. э. Ладога привлекла внимание викингов, стремившихся превратить ее в свой опорный пункт. По данным некоторых летописей, именно в Ладогу ушел после знаменитого похода на Византию и даже умер там князь Олег. Ладога была отдана в «вено» родственникам Ирины—Ингигерды, жены Ярослава Мудрого. Вновь город фигурирует в источниках уже в начале XII в. К Ладоге идут на войну новгородцы с князем Мстиславом. В 1114 г. ладожский посадник Павел строит здесь каменную крепость. Важные сведения о положении Ладоги в системе Новгородской земли-княжения содержатся в описании событий 1132 и 1136 гг. Судьбу новгородского стола решают совместно новгородцы, псковичи и ладожане, причем вторые и третьи специально призываются для этого в Новгород. Попутно выясняется, что посадники (Рагуил) посылаются в Ладогу из Новгорода. Значение Ладоги и Пскова как важнейших центров Новгородской земли выступает здесь особенно рельефно. Жители этих городов пользуются известной самостоятельностью. Без их санкции не могут быть приняты решения, касающиеся государственного устройства всего княжества. Отсюда можно полагать, что Ладога наряду с Псковом была одним из центров племенной федерации — предшественницы Новгородской земли. Впоследствии ладожане — непременные участники военных сил «всей области Новгородской». Городу не раз приходилось отбивать иностранное вторжение. Как пригород Новгорода Ладога в XIV—XV вв. иногда отдавалась в кормление служилым новгородским князьям. До конца новгородской независимости Ладога прочно входила в состав феодальной республики. В ней было построено шесть каменных храмов.

Археологические исследования в Ладоге проводились в начале XX в. Н. И. Репниковым на очень высоком для своего времени методическом уровне. Раскопки сосредоточились на территории Земляного города, где древние культурные отложения достигали 3 м. В советское время эти работы были продолжены экспедицией под руководством В. И. Равдоникаса. Планомерные исследования памятника возобновлены в 1970 г. экспедицией ЛОИА АН СССР (А. Н. Кирпичников, В. П. Петренко, Е. А. Рябинин и др.). Ныне в Ладоге вскрыто свыше 2000 кв. м. Благодаря археологическим работам история древнего города обрела реальные черты. К сожалению, ладожский культурный слой консервирует дерево лишь в своей нижней части. Поэтому горизонты XI—XV вв. содержат значительно меньше информации.

По уточненным данным, жизнь в Ладоге началась в середине VIII в. Древнейшее поселение (площадь 4—5 га) занимало в VIII—IX вв. низменную местность по обоим берегам р. Ладожки. Укреплений этого времени не обнаружено. Найденная керамика — сплошь лепная. Вскрыты остатки больших по площади срубных жилищ, окруженных хозяйственными постройками, мастерскими, хлевами. Прослеживаются остатки дворовых настилов и замощений. По мнению А. Н. Кирпичникова, уже на раннем этапе развития в Ладоге складывается усадебная планировка. Площадь первых дворов превышала 200 кв. м. Обнаружены следы кузнечного, бронзолитейного и костерезного производства. Найдены предметы с руническими надписями. Судя по находкам и погребальным памятникам этнический состав населения древнейшей Ладоги был довольно пестрым.

На рубеже IX—X вв. на ранее не заселенной стрелке мыса возводятся первые укрепления. Во время раскопок 1972 г. под кладкой стены позднесредневековой крепости удалось на значительном протяжении расчистить остатки каменной стены, построенной в 1114 г. посадником Павлом. Под ней в свою очередь вскрыты развалы еще более древней (X в.) каменной оборонительной линии. С X в. славянский этнический элемент в Ладоге преобладает. Появляются первые улицы, вытянувшиеся вдоль берега Волхова и ведущие в крепость. Поселение тесно застраивается избами-срубами. Находки приобретают общерусский характер. Среди них есть несколько свинцовых печатей. Своего расцвета Ладога достигает к концу XII в. В городе строится шесть каменных церквей. Наблюдения над распространением культурного слоя этого времени говорят, что площадь поселения приближалась к 16 га. Пока остается открытым вопрос о второй линии укреплений Ладоги в XII—XIII вв.

Ростовская земля. Белоозеро (совр. с. Крохино Вологодской обл.) первый раз упомянуто в летописи под 862 г. (ПСРЛ, т. I, стб. 20). Остатки древнего города расположены близ села, на противоположном правом берегу р. Шексны, в 3 км от ее истока из Белого озера и в 18 км юго-восточнее современного г. Белозерска. Поселение простиралось на 1,7 км вдоль реки и на 0,15—0,2 км — в сторону от берега (общая площадь свыше 30 га). Его территорию пересекают русла трех речек, впадающих в Шексну. Следов искусственных укреплений на поверхности не прослеживается.

Из текста Повести временных лет можно заключить, что Белоозеро находилось в центре расселения племен веси. Легенда о призвании князей помещает сюда «брата» Рюрика Синеуса. Вероятно, в конце X — начале XI в. Белоозеро было связано с Новгородом.

Во второй половине XI в. оно уже прочно входит в состав Ростовской волости. Вместе с ростовцами и суздальцами белозерцы воюют в 1096 г. против Олега Святославича. Впоследствии летописи неоднократно упоминают белозерский полк в числе суздальских войск. Таким образом, Белоозеро было одним из древнейших и важнейших центров Северо-Восточной Руси. После смерти Всеволода Большое Гнездо город и волость оказались в составе ростовских владений Константина Всеволодовича. Войска Батыя обошли Белоозеро стороной. Туда, спасаясь от разгрома, сбежалось множество людей. В середине XIII в. Белоозеро становится удельным княжеством, где правит внук Константина Глеб Васильевич. Это — время наивысшего расцвета города. В XIV в. княжество распадается на микроскопические уделы. Некоторые из белозерских князей оказываются на службе в Новгороде. В середине XIV в. город опустошили две эпидемии чумы. Некоторые из оставшихся в живых жителей переселились на южный берег озера в новый городок. В 1398 г. новгородская рать сожгла старый город Белозерский. Последующие известия летописи касаются только нового города — современного Белозерска.

Белоозеро обследовали В. И. Равдоникас, Г. П. Гроздилов, П. А. Сухов. Значительные раскопки памятника провела в 1949—1965 гг. Л. А. Голубева (1973). Всего вскрыто около 7000 кв. м. Мощность культурного слоя колеблется от 0,8 до 1,8 м. Он относительно хорошо консервирует дерево и другие органические остатки и содержит отложения X—XIV вв. Наиболее древние горизонты обнаружены в центральной и южной частях городища. Найдены нижние венцы срубных домов и хозяйственных построек, уличные и дворовые настилы, частоколы. Поселение застраивалось усадьбами, располагавшимися вдоль улиц, тянувшихся параллельно берегу р. Шексны.

Судя по археологическим материалам первоначальный поселок в Белоозере X в. принадлежал веси. Славянские элементы в его культуре постепенно завоевали преобладающее положение, и с середины XII в. Белоозеро превратилось в поселение городского типа с преимущественно славянским населением. Его особенностью являлось отсутствие деревоземляных укреплений. Во второй половине XII в. центр Белоозера перемещается на берег Шексны. В XIII в. здесь выделяются крупные феодальные усадьбы с двухэтажными домами, где сосредоточено большинство находок привозных вещей. С середины XIII в. заселяется и восточная окраина города.

Во время раскопок собрана обширная коллекция различных предметов: орудия труда, оружие, украшения, бытовые вещи. Обнаружены мастерские литейщиков-ювелиров, костерезов, по обработке янтаря, кузницы. Белоозеро поддерживало торговые связи с Новгородом, Поднепровьем, Волжской Булгарией, Средней Азией и Западной Европой. Найдено много вещей (обломки амфор, шиферные пряслица, деревянные чаши, берестяные поплавки) с древнерусскими буквами и целыми надписями, а также два железных писала.

Суздаль упомянут в летописи под 1024 г. в связи с усмирением Ярославом Мудрым восставших волхвов (ПСРЛ, т. I, стб. 147). Древний город расположен в петле р. Каменки (приток р. Нерли Клязьменской), на ее высоком левом берегу (табл. 24, *1*). Мыс, образованный искривлением русла реки, занимает подчетырехугольный в плане детинец (площадь 14 га). С востока к нему примыкает вытянутый с севера на юг окольный город (площадь около 35 га). Детинец укреплен по периметру валом (высота до 10 м), в котором имеется четверо ворот. Окольный город также обнесен полукольцевым плохо сохранившимся валом (высота 3—4 м), упиравшимся обоими концами в крутой берег реки. В укреплениях окольного города было трое проезжих ворот. За валами располагались неукрепленные селища-посады и курганные могильники. В Кремле-детинце возвышается Рождественский собор, в основании которого лежат остатки храмов, построенных Владимиром Мономахом и Георгием Всеволодовичем.

Вместе с Ростовом Суздаль является древнейшим центром Северо-Восточной Руси. Расположенный в зоне плодородного ополья, он привлекал внимание южнорусских князей. После смерти Ярослава Мудрого Ростовская земля досталась Всеволоду Переяславскому. Ему наследовал сын — Владимир Мономах. В 1096 г. под Суздалем произошло сражение

между новгородскими войсками Мстислава Владимировича и Олегом Святославичем. Последний перед этим сжег город, в котором за рекой Каменкой уцелел только двор Киево-Печерского монастыря с деревянной церковью Дмитрия. Мономах поспешил вновь укрепить важный пункт. В начале XII в. Суздаль делает своей столицей Юрий Долгорукий. Здесь в 1107 г. были разбиты болгарские дружины. В городе сформировалась крупная землевладельческая аристократия — боярство. Оно не смирилось с переносом столицы во Владимир и пыталось после убийства Андрея Боголюбского вернуть себе прежнее значение. В феврале 1238 г. Суздаль был захвачен и сожжен войсками Батыя. В XIV в. он входил в состав Суздальско-Нижегородского княжества. В нем основывается самостоятельная епископия, превратившаяся в конце XVI в. в архиепископию. В самом конце XIV в. Суздаль попадает под власть московских великих князей. Город со всех сторон окружали монастыри, часть которых была основана в XI—XIII вв. К сожалению, от ранней поры сохранилось очень мало построек. Первоначально они все были деревянными. Большинство зданий, составляющих неповторимый архитектурный ансамбль города, построено в XVI—XVIII вв.

Первые раскопки в Суздальском кремле на территории княжеского двора произвел в 1851 г. А. С. Уваров. Археологическое изучение города было возобновлено лишь в советское время (1934 г.) Н. Н. Ворониным. Позже в городе работали А. Д. Варганов, А. Ф. Дубынин и снова Н. Н. Воронин, затем — объединенная экспедиция Института археологии АН СССР и Владимиро-Суздальского музея-заповедника под руководством В. В. Седова. Основные исследования постоянно велись в детинце. Территория окольного города изучается с 1974 г. той же экспедицией во главе с М. В. Седовой.

Раскопками установлено, что на месте Суздаля находилось славяно-мерянское поселение IX—X вв. Мощность культурного слоя в детинце превышает 2,5 м. Вал, защищающий детинец с восточной, напольной стороны, был построен в середине XI в. В начале XII в. вал перестраивается и досыпается. В это же время сооружаются укрепления по периметру кремля. Детинец, по крайней мере с середины XI в., был застроен усадьбами с углубленными и наземными жилищами. В его северо-восточной части вскрыто сплошной площадью свыше 1000 кв. м. Здесь зафиксированы следы трех дворов, площадь которых достигала 400—800 кв. м. Они погибли, видимо, в пожаре 1086 г. Одна из усадеб с большим (60 кв. м) домом принадлежала феодалу. В доме и вокруг него найдены многочисленные украшения, свинцовая актовая печать, оружие, привозные изделия, клад из трех золотых массивных браслетов. На этой же усадьбе жили ремесленники-ювелиры.

В окольном городе также обнаружены улицы и расположенные вдоль них дворы, огороженные деревянными частоколами. Площадь дворов здесь была значительной: 600—800 кв. м. Помимо жилых и хозяйственных построек, исследованы производственные комплексы (металлургические мастерские). Раскопки в разных частях окольного города показали, что его территория заселялась не одновременно. Укрепления, построенные, по последним археологическим данным, в середине XII в., охватили далеко не полностью заселенные территории. Можно полагать, что за валами детинца в конце XI — начале XII в. существовало несколько поселков. Они слились в единую городскую территорию лишь после сооружения укреплений к концу XII в.

Владимир (на Клязьме) со второй половины XII в. — столица Северо-Восточной Руси, впервые упомянут в летописи под 1154 г. (ПСРЛ, т. I, стб. 346). Древний город занимал высокое пересеченное оврагами плато левого берега р. Клязьмы (табл. 24, *2*). Его естественными рубежами были на юге Клязьма, а на севере — долина ее притока р. Лыбеди. В плане Владимир имел форму вытянутого треугольника (общая площадь около 130 га). Город делился на четыре укрепленные части: Новый город (50 га), Средний (Печерний) город (35 га), Детинец (5 га) и Ветчаный город (40 га). Детинец занимал возвышенный выступ берега почти в центре города. В нем за белокаменной стеной находились кафедральный Успенский собор, епископский двор, Дмитриевский собор и княжеский дворец. Ворота из детинца вели в Средний город, посередине которого был торг с церковью Воздвиженья, а в юго-восточном углу — Рождественский монастырь. Западные, Торговые ворота открывали доступ в Новый город, а восточные, Ивановские — в Ветчаный. В юго-западной части Нового города возвышались церкви Спаса и Георгия, а северо-западный угол занимал Успенский Княгинин монастырь. Кроме Торговых ворот в валах Среднего города имелось еще четыре проезда. Почти посередине западной стены находились главные парадные ворота Владимира — Золотые. Севернее были Иринины ворота, а в северо-восточном углу — Медные. Волжские ворота выходили к Клязьме. Осевой магистралью Владимира была улица, пересекавшая весь город с запада на восток. Она начиналась у Золотых ворот и шла параллельно берегу р. Клязьмы сквозь Торговые и Ивановские ворота к Серебряным воротам, замыкавшим восточную вершину Ветчаного города.

Возвышение Владимира началось во второй половине XII в., когда вернувшийся с юга Андрей Боголюбский перенес сюда столицу Суздальской земли. По сведениям некоторых письменных источников («А се князи русьстии»), город был основан Владимиром Мономахом около 1108 г. «Сии поставилъ град Владимирь Залешьскыи в Суждальскои земле и осыпа его спомъ, и созда первую церковь святого Спаса за 50 лет Богородичина ставления» (НПЛ, с. 467). Постройкой Мономаха считается Средний (Печерский) город. Город расширяется при Юрии Долгоруком. Но подлинный расцвет Владимира приходится на время княжений Андрея и Всеволода Юрьевичей. Первый в 1158—1165 гг. развернул здесь широкомасштабное строительство. Укреплениями обносятся западный и восточный участки города. Возводятся церковь Спаса и главный городской Успенский собор. По примеру Киева Андрей строит торжественные белокаменные Золотые ворота, а на восточной оконечности города — Серебряные. В итоге этих грандиозных работ сложилась историческая топография Владимира. Своими размерами, мощными оборонительными укреплениями, прекрасными белокаменными зданиями храмов го-

род вполне соответствовал своему назначению как центра сильнейшего из древнерусских княжеств.

Политику брата продолжал в конце XII — начале XIII в. Всеволод Большое Гнездо. В детинце сооружается каменный дворец с придворным Дмитриевским собором, украшенным затейливой резьбой по камню. После пожара (1185 г.) расширяется и обводится новыми стенами Успенский собор. Детинец теперь защищает каменная стена с боевыми воротами. В городе появляются Рождественский и Успенский Княгинин монастыри. В 1185 г. во Владимире насчитывалось уже не менее 32 деревянных и каменных храмов. Здесь образуется своя собственная епископия, ведется летописание, учреждаются общерусские церковные праздники.

После смерти Всеволода Владимирское княжество, продолжая успешно развиваться, дробится на уделы. В 1238 г. город был сожжен и разграблен войсками Батыя. Однако еще долго в сознании русских людей он оставался символом могущества Руси. Во Владимире утверждается резиденция русских митрополитов, а за титул великого князя владимирского борются сильнейшие русские князья конца XIII—XIV вв. С переводом митрополии в Москву Владимир еще сохраняет некоторое время значение старого церковного центра Руси, национальной святыни. Но постепенно, к XVI в. он превращается в рядовой город Московского государства.

Древности Владимира постоянно привлекали внимание любителей отечественной истории. Уже во второй половине XV в. предпринимаются попытки восстановить важнейшие памятники города. Однако специальных археологических исследований во Владимире в досоветское время не проводилось. Отдельные наблюдения делались в процессе строительства и архитектурных изысканий. Планомерное изучение города было начато в 30-е годы XX в. раскопками Н. Н. Воронина, которые с перерывами продолжались больше 20 лет. Ныне археологические наблюдения и охранные раскопки осуществляются Владимиро-Суздальским музеем-заповедником. Исследованию главным образом подвергались архитектурные и оборонительные памятники города. Они внесли много нового в историю древнерусского зодчества. К сожалению, плохая сохранность владимирского культурного слоя, почти повсеместно нарушенного позднейшими перекопами, затрудняет его археологическое изучение. Было установлено, что Владимиру предшествовал славяно-мерянский поселок X в., следы которого обнаружены около Успенского собора. Коллекция находок из Владимира XII—XIII вв. представлена общерусскими типами вещей. Интерес представляют три клада, случайно найденные в городе в XIX в. Два из них (1837 и 1865 гг.) происходят с территории Ветчаного города, бывшего, по мнению Н. Н. Воронина, торгово-ремесленным посадом Владимира. В состав этих кладов, помимо многочисленных серебряных вещей, входили два золотых колта с перегородчатой эмалью и семь золотых «аграфов». Таким образом, в Ветчаном городе проживали не только рядовые владимирцы, но и бояре.

Москва. Впервые упомянута в летописи под 1147 г. под древним названием Московь как место встречи князей Юрия Долгорукого и Святослава Ольговича Новгород-Северского (ПСРЛ, т. II, стб. 339—340).

Историческое ядро города находится на мысу при впадении в Москву-реку р. Неглинной (табл 30). Предположение о первоначальном местонахождении города в устье р. Яузы или в верховьях Неглинной археологическими исследованиями не подтвердились. Площадь части мыса, занятой древнейшим укреплением, около 1 га, современный Кремль занимает 27,5 га. Общая площадь города в XI—XII вв. составляла до 5 га (в 1979 г.— 87 870 га). В Кремле до сих пор имеется множество родников, в древности сильно заболачивавших местность, в особенности нижнюю террасу берега, так что для поселения была пригодна лишь узкая ее полоса. Восточнее Неглинной в Москву-реку впадала Рачка (в районе современного Китайского проезда) и Яуза. Город окружало множество сел, местоположение которых обозначено как сохранившимся культурным слоем, так и группами курганов.

В XI—XIII вв. Москва была небольшим городком, в XIII в. она являлась уделом младших членов суздальской династии. Разоренная Батыем в январе 1238 г., она вскоре отстроилась и в XIV в. стала столицей Русского государства, ядром складывающейся русской народности; она объединила русские княжества и возглавила борьбу за освобождение от ордынского ига. В XIV в. Москва была не только политическим, но и культурным и религиозным центром Руси. В ней укрепился великокняжеский стол, из Владимира была перенесена митрополичья кафедра.

Еще до нашествия татар в Москве были княжеские палаты и по меньшей мере три деревянные церкви, древнейшая из которых — Ивана Предтечи — построена, по-видимому, на месте языческого культового сооружения (Забелин И. Е., 1905).

Формирование облика Москвы характеризовалось созданием комплекса великокняжеского дворца ближе к оконечности мыса и культового комплекса в районе позднейшей Соборной площади, а также пристани на Москве-реке (где теперь кинотеатр «Зарядье»). К северу от Соборной площади под защитой укреплений располагался торг. От детинца к пристани шла Великая улица, другая — к берегу Неглинной. В XIV в. город занимал уже значительную территорию (до современных площадей Дзержинского и Ногина) и начал распространяться на правый берег Неглинной, в район современных улиц Пушкинской и Горького. В центре города была сооружена сначала деревянно-земляная, а в 1367 г.— белокаменная крепость, занимавшая почти всю территорию современного Кремля. Здесь в конце XIII и в XIV в. были построены первые белокаменные церкви на месте теперешних Успенского, Архангельского и Благовещенского соборов, а также Спасский монастырь с церковью Спаса на Бору. Благовещенский собор был домовой церковью великих князей; дворец их располагался к западу от него и был увенчан златоверхим теремом со стекольчатым окном.

По-видимому, со второй половины XIV в. начала формироваться радиально-кольцевая планировка города, в основу которой легли сухопутные дороги, соединявшие Москву со многими городами.

К этому времени выросло и культурное значение Москвы, распространилась грамотность, появились, в частности, первые русские документы, написанные на бумаге (Тихомиров М. Н., 1957, с. 238—245), создалась своя школа письменности. Расцвет феодальной культуры в Москве относится к более позднему периоду XV—XVII вв.

Археологические работы в Москве велись от случая к случаю еще в XIX в. Это были наблюдения при строительных и земляных работах. Так, еще в начале XIX в. западнее церкви Спаса на Бору был открыт древнейший крепостной ров и частокол укрепления. В первой половине XIX в. были найдены клады дирхемов IX в., один — на правом берегу Неглинной, напротив Кремля, а при строительстве нового здания Оружейной палаты — клад вятичских украшений (височные кольца и гривны). В конце XIX в. И. Е. Забелиным были прослежены остатки деревянных мостовых, а А. М. Васнецовым — основание каменного Воскресенского моста через Неглинную. Найдено также множество кладов серебряных монет, чеканка которых в Москве началась в XIV в.

Систематические археологические наблюдения в Москве начались в 1926 г. под руководством ученого секретаря Комиссии по истории Москвы П. Н. Миллера; при этом основное внимание уделялось районам, интересным в историческом отношении. Особенно важны для археологии Москвы наблюдения при строительстве Московского метрополитена в 1930—1940 гг., которые вели объединенные бригады археологов под руководством А. В. Арциховского. Наблюдениями была охвачена практически вся трасса метро, пересекавшая древний город с северо-востока на юго-запад. В послевоенные годы археологические наблюдения ведутся систематически на всей территории Москвы Музеем истории и реконструкции г. Москвы (М. Г. Рабинович, Г. П. Латышева, А. Г. Векслер), в Кремле и на прилегающей к нему территории — музеями Московского Кремля (Н. С. Владимирская), в Подмосковье — Институтом археологии АН СССР (А. Ф. Дубынин, К. А. Смирнов). С 1946 г археологические наблюдения сочетаются со стационарными раскопками. Впервые раскопки были произведены в устье р. Яузы (1946 г.— Б. А. Рыбаков, 1946—1947 гг.— М. Г. Рабинович), затем — на территории древнего Китайгорода — в Зарядье, наконец, на территории Кремля. С 1963 г. по настоящее время в Кремле производится шурфовка и археологические вскрытия культурного слоя в связи с реставрацией архитектурных памятников. Сочетание археологических раскопок и наблюдений особенно важно для исследования культурного слоя больших современных городов. Оно позволяет более точно выбрать место для раскопок и в известной мере компенсирует основной недостаток современной методики археологических работ — невозможность исследования раскопками сколько-нибудь значительной территории города.

Для рассматриваемого в настоящей книге периода особенно важны следующие результаты раскопок и наблюдений. На Кремлевском мысу первым поселением было городище дьяковского типа (II тысячелетие до н. э.), остатки которого обнаружены в районе позднейшего Архангельского собора и на оконечности мыса. Этот слой не связан с городком Москов, который возник в конце XI в. Городку принадлежали укрепления, остатки которых исследованы вновь в последнее время, причем изучена конструкция рва, типичная для русских укреплений X—XI вв. Культурный слой XI—XII вв. прослежен как в нагорной части Кремля, так и на нижней террасе берега Москвы-реки (Рабинович М. Г., 1971). Находки актовой печати 1093—1096 гг., поливной керамики киевско-вышгородского производства, шиферных пряслиц указывают на тесные связи городка первоначально с Киевской и Черниговской землей. Упоминание его в 1147 г. в качестве владения суздальского князя отмечает переход Москвы в XII в. в это княжение. В середине XII в. сооружены новые, более мощные и обширные укрепления — земляной вал с крюковой конструкцией основания и, по-видимому, с заборолами наверху и ров. Они включали уже современную территорию Соборной площади, а ров проходил по Ивановской площади. Вырос в несколько раз и посад. В его возвышенной и низменной частях открыты следы гончарного производства, остатки железоделательных, кожевенно-сапожных и литейно-ювелирных мастерских. О развитии торговли как с другими русскими землями, так и с Византией и Западной Европой говорит множество находок импортных вещей. После разорения Москвы Батыем эти связи значительно сократились, но усилились связи с землями Востока, в частности со Средней Азией. Московское ремесло XI—XIV вв. характеризует еще относительно малая дифференцированность. Начало XIV в. отмечено развитием технологии ремесел (например, распространением горнового обжига карамической посуды), а рубеж XIV и XV вв.— узкой специализацией ремесла (в частности, отделением сапожного от кожевенного).

Жилища и хозяйственные постройки Москвы с самого начала были срубными, наземными или на подклетах. Деревянными были и сооружения городского хозяйства. Мостовые и водоотводы отмечены с XI в., набережные и мосты с XIV в. Расцвет строительства Москвы относится уже к более позднему времени — XV—XVII вв.

Ярополч Залесский (с. Пировы городища Владимирской обл.) упомянут в Списке русских городов дальних и ближних конца XIV в. (НПЛ, с. 477). Поселение занимает мыс между двумя оврагами к востоку от небольшого городища эпохи железного века. Детинец города (площадь 2,8 га) обнесен по периметру дугообразным валом (высота 5 м) и рвом. На севере своими концами он упирается в крутой склон берега р. Клязьмы. С запада на восток городище пересекает овраг. Въезд прослеживается с напольной, юго-восточной стороны. За валами располагалось неукрепленное селище-посад (5,2 га). Другой посад (около 1 га) находился у подножия городищенской горы по обоим берегам безымянного ручья-протока Клязьмы.

Ярополчская волость во второй половине XIII—XIV в. принадлежала Нижегородско-Суздальскому княжеству. В конце XIV в. она переходит в руки московских великих князей. К середине XV в. Ярополч становится сельским поселением, управляемым княжеским волостелем. О существовании города в

XII — начале XIII в. стало известно из материалов археологических раскопок.

Памятник начиная с XIX в неоднократно обследовался археологами (З. Доленга-Ходаковский, К. Веселовский, А. И. Попов, А. И. Иванов, О. Н. Бадер). Стационарные раскопки Ярополча провели в 1961—1970 гг. В. В. и М. В. Седовы (М. В. Седова, 1978). На городище и селище вскрыто около 7000 кв. м. Культурный слой мощностью 0,4—0,8 м содержит отложения древнерусского (XII—XIV вв.) времени. Обнаружены остатки углубленных в землю и наземных жилищ, хозяйственных построек. В северной части поселения прослежены шесть дворов-усадеб, разделенных канавками от частоколов. Две усадьбы исследованы полностью. Их площадь равнялась 700 и 1000 кв. м. По характеру застройки и находкам (вислая свинцовая печать, серебряные украшения, осколки стеклянных сосудов, фрагменты амфор и т. п.) большая усадьба принадлежала какому-то феодалу.

В Ярополче зафиксировано наличие металлургического, кузнечного, костерезного, гончарного и камнерезного ремесел. Янтарные украшения, шиферные пряслица, каменные бусы, византийские ткани, булгарская керамика свидетельствуют о дальних торговых связях. В числе находок также многочисленные предметы вооружения, снаряжения коня и всадника. По археологическим данным, Ярополч был основан в первой половине XII в. на незаселенной территории. Вскоре за его валами разрослось неукрепленное селище-посад. Но нижнее поселение возникло значительно раньше — в конце X в. В XI в. оно распространилось на правый берег ручья, а с основанием города превратилось в его посад. Раскопки показали, что Ярополч был сожжен, а его защитники погибли в середине XIII в. Вероятно, это произошло в 1239 г., когда войска Батыя воевали «по Клязьме». Материалы конца XIII—XIV вв. в раскопках встречались в незначительном числе. Город постепенно утрачивал свое значение.

Рязанская земля. Рязань (современное с. Старая Рязань Рязанской обл.) впервые упоминается в летописи под 1096 г. в связи с борьбой Мономаховичей против Олега Святославича (ПСРЛ, т. I, стб. 231).

Древнее городище расположено на высоком правом берегу р. Оки в нескольких километрах ниже впадения в нее р. Прони (табл. 24, *4*). Береговое плато ограничено на севере оврагом, по которому протекает ручей Серебрянка. Большой овраг, частично разрушивший укрепления, проходит и с юга. Поселение, состоявшее из двух частей: древней (Северное городище) и новой (Южное городище), вытянулось с юга на север вдоль берега реки. Оно со всех сторон было защищено валами. Общая укрепленная площадь Рязани достигала 40 га.

Первоначально Рязань входила в состав Муромского княжества, ставшего отчиной Ярослава Святославича. В середине XII в. при князе Ростиславе Ярославиче Рязанское княжество выделяется из Муромской земли. Рязань становится столицей одного из крупных древнерусских княжений на юго-востоке Руси. Окруженная плодородными, густонаселенными землями, Рязань в конце XII — начале XIII в. превращается в цветущий город. Правда, многочисленные рязанские князья постоянно ссорились между собой и со своим могущественным соседом — Всеволодом Большое Гнездо. Уже в это время Рязанское княжество дробится на несколько уделов. Большое значение приобретает соседний Пронск. В декабре 1237 г. на город обрушились орды Батыя. После ожесточенного штурма Рязань была взята, сожжена, а ее защитники и жители убиты. Город так и не смог полностью восстановиться и в конце концов уступил первенство в княжестве Переяславлю, современной Рязани.

В 1822 г. на Старорязанском городище был найден знаменитый клад золотых украшений, сразу привлекший внимание к памятнику В 1836 г. здесь были начаты Д. Тихомировым раскопки, увенчавшиеся открытием фундаментов Борисоглебского собора. В конце XIX — начале XX в. исследования были продолжены по поручению Рязанской Ученой архивной комиссии А. В. Селивановым, А. И. Черепниным и В. Крейтоном. Были обнаружены остатки второго собора — Спасского и траншеями вскрыты участки Южного городища между двумя храмами. В 1926 г. в Старой Рязани работал В. А. Городцов. Ему принадлежит честь открытия рязанских жилищ.

С 1945 г. археологическое изучение города вела экспедиция под руководством А. Л. Монгайта (1955). В 1971 г. экспедицию возглавила В. П. Даркевич. Ей удалось найти фундаменты третьего, Успенского собора, изучить стратиграфию и хронологию памятника, исследовать различные типы жилищ и хозяйственных построек. Первоначально больше внимания уделялось более древнему Северному городищу. С 1966 г. исследования ведутся широкими площадями и на Южном городище (основная часть города) и на неукрепленном подоле у реки.

Благодаря длительным стационарным исследованиям ныне Рязань является одним из хорошо изученных древнерусских городов. В начале XI в. было основано Северное городище. От берегового плато глубоким рвом и валом отрезали северо-западную оконечность мыса (около 3 га). К середине XII в. уже сложилась уличная планировка. С утверждением в Рязани княжеского стола укреплениями обводится огромное Южное городище (около 40 га). Характерно, что на его месте до второй половины XII в. не было никаких поселений. На будущей территории города располагался могильник XI — начала XII в. Вместе с тем у берега Оки уже существовало обширное неукрепленное селище-посад. До самой гибели Рязани в 1237 г. Южное городище так и не было сплошь застроено. Жилые кварталы тяготели к берегу р. Оки, а остальная площадь поселения заселялась пятнами. Ее планировка только еще формировалась. Можно полагать, что осевой магистралью в Рязани была улица — дорога, пересекавшая весь город с юга на север. Другие улицы подходили перпендикулярно к ней из ворот в восточном валу окольного города. Как и в других городах, застройка Рязани осуществлялась усадьбами. Одна из таких богатых усадеб начала XIII в. исследована экспедицией у западного края поселения. Большой владельческий наземный дом был окружен хозяйственными и производственными постройками, жилищами слуг. По границам усадьбы прослежены канавки от частокола. На усадьбе феодала и вблизи от

нее найдено несколько кладов с великолепными серебряными украшениями.

Раскопки последних лет во многом изменили существовавшие о Рязани представления. Оказалось, что основным типом жилищ здесь были большие срубные наземные дома. Многие углубления, считавшиеся раньше полуземлянками, на самом деле являлись подпольными ямами. Среди огромной коллекции вещей выделяются прекрасные образцы произведений прикладного искусства из драгоценных металлов, предметы с надписями, привозные вещи. Обнаружены ремесленные мастерские: домница, гончарные горны, ювелирная, костерезная и пр. Найдены также братские могилы защитников города 1237 г.

Замок

Социологически замок — это владельческое феодальное поселение (резиденция), обычно укрепленное и являющееся центром вотчинных владений. Археологически замковый характер городища становится возможным определить только после вскрытия всей его площади, когда выявятся его отличия от погоста, монастыря или укрепленного села. Поэтому проблема русского средневекового замка может быть поставлена широко только в результате будущих значительных раскопочных работ; в настоящее время приходится ограничиться отдельными примерами.

Слово «замок» — очень позднее, вошедшее в современный русский литературный язык из наречий западных губерний России под воздействием польского «zamek».

Понятию замка в языке русских летописей X—XIV вв. частично соответствовали слова «градъ» и «дворъ».

«Град» — общее обозначение укрепленных городов, замков и всяких укреплений вообще, вплоть до временного прибежища во время осады — так у галичан в 1219 г. «бе град створен на церкви», а киевляне на последнем этапе штурма города Батыем в 1240 г. «создаша пакы другий град около святое Богородице (Десятинной)» (ПСРЛ, т. II, с. 785).

Более полно нашему понятию замка отвечает летописный термин «двор», которым обозначались и загородные замки («не имея себе двора близ княжа двора...» Даниил Заточник) и городские дворы князей, бояр и простых горожан.

Дворы-усадьбы простых горожан не имеют отношения к теме замка, но вкрапленные в городскую среду дворы феодалов с этой темой связаны, так как все большие русские города средневековья представляли собой как бы коллективный замок земельных магнатов всего княжества, что сочеталось с наличием у этих феодалов загородных замков на периферии княжества. Так боярин Чудин, один из авторов Русской Правды, был, по всей вероятности, владельцем замка-городка Чучина, расположенного на Днепре, а городище XI—XII веков на Иван-Горе убедительно связывают с именем крупнейшего киевского боярина (ум. в 1106 г.) Яна (Ивана) Вышатича.

В таком огромном городе, как Киев, были дворы великого князя, сочетавшие функции резиденции государя и жилого дворца, были и загородные «красные дворы» в окрестностях столицы (у Всеволода Ярославича на Выдубичах, у его внука Юрия Долгорукого — за Днепром). В Киеве находились дворы почти всех княжеских династий Руси: Изяславичей в Михайловской части Киевской Горы, Святославичей на Подоле («Чурилов двор», воспетый былинами), дворы Мономашичей и даже полоцкой династии (Брячиславль двор, упомянутый в связи с событиями 1068 г.). В срединной части столицы находились дворы крупнейших бояр, служившие топографическими ориентирами: Гордятин двор, Бориславль двор, Коснячков двор (владелец его — один из авторов Русской Правды). В столице были дворы тысяцких и даже сотских (1113 г.), которые к этому времени уже выделились, очевидно, из общей княжеской гридницы. Такими же городскими замками по существу были и дворы новгородских бояр, хорошо изученные Новгородской экспедицией. Все эти городские дворы-замки по своей экономической и социальной сущности вполне отвечали понятию феодального замка, но они настолько связаны с жизнью города, что их нельзя изъять из рассмотрения самого города и, кроме того, они не являлись непосредственно центрами вотчин, микростолицами вотчинных микрогосударств, т. е. были лишены одного из основных признаков феодального замка.

Переплетенность и взаимосвязанность темы замка с темой города подтверждается еще и тем, что многие замки X—XI вв. еще на протяжении существования Киевской Руси превращались в городки и в настоящие города, обрастали посадом, ремесленными участками, новыми концентрами укреплений. Таков, например, упомянутый выше Чучин, таковы Любеч, Мстиславль, Вщиж и многие десятки других русских «малых городов» XI—XIII вв., выросших из небольших замков. Во всех случаях, когда название городу дано от имени князя и имеет притяжательную форму, мы вправе считать, что город образовался из княжеского двора, замка (который, может быть, даже не всегда был постоянной резиденцией). Таковы, например, Ярославль (подразумевается «Ярославль город» — город Ярослава), Володимерь, Изяславль, Ростиславль, Ольгов, Малин, Борисов, Михайлов, Глебль и т. п.

При перерастании замка в город его первоначальная основа превращается в «детинец», в главную, аристократическую по своему составу, часть города, снабженную самостоятельным кольцом укреплений (позднее — «кром» или «кремль»).

Первичная фаза развития периферийных вотчинных замков известна нам плохо. Некоторые сведения дают раскопки на Волыни и в Прикарпатье (Ю. В. Кухаренко, И. П. Русанова, Б. А. Тимощук). Возможно, что прообразом раннего замка является небольшое городище Хотомель (близ устья Горыни), датируемое VIII в. (Седов В. В., 1982, с. 90—91, 197).

Городище занимает небольшую плоскую площадку в 50 м в диаметре на вершине холма. По краю площадки кругом сооружены жилые постройки, которые из-за их округлого плана можно назвать «хоромами» от «хоро», «коло» — круг; отсюда же «хоро — вод»). У подножия холма — селище. Инвентарь «хором» на холме отличается от вещей

селища — оружие и серебряные вещи найдены только в верхних строениях. Возможно, что Хотомель — местопребывание «старца земского», какого-либо старейшины, представителя того слоя земских бояр, который шел уже к феодализму.

Если начальный этап вычленения замков как центров небольшой округи, феодальной вотчины для нас неясен, то замки X—XII вв. обрисованы и письменными, и археологическими источниками значительно полнее. О княжеской вотчине и ее центре — замке — достаточно подробно говорит Русская Правда.

Б. Д. Греков в своем известном исследовании «Киевская Русь» так характеризует феодальный замок и вотчину XI в.:

«...В Правде Ярославичей обрисована в главнейших своих чертах жизнь вотчины княжеской.

Центром этой вотчины является «княж двор»... где мыслятся прежде всего хоромы, в которых живет временами князь, дома его слуг высокого ранга, помещения для слуг второстепенных, разнообразные хозяйственные постройки — конюшни, скотный и птичий дворы, охотничий дом и др.

Во главе княжеской вотчины стоит представитель князя — боярин-огнищанин. На его ответственности лежит все течение жизни вотчины и, в частности, сохранность княжеского вотчинного имущества. При нем, по-видимому, состоит сборщик причитающихся князю всевозможных поступлений — «подъездной княж...» Надо думать, в распоряжении огнищанина находятся тиуны. В «Правде» назван также «старый конюх», т. е. заведующий княжеской конюшней и княжескими стадами.

Все эти лица охраняются 80-гривенной вирой, что говорит об их привилегированном положении. Это высший административный аппарат княжеской вотчины. Дальше следуют княжие старосты — «сельский и ратайный». Их жизнь оценивается только в 12 гривен... Таким образом, мы получаем право говорить о подлинной сельскохозяйственной физиономии вотчины.

Эти наблюдения подтверждаются и теми деталями, которые рассыпаны в разных частях Правды Ярославичей. Тут называются клеть, хлев и полный, обычный в большом сельском хозяйстве ассортимент рабочего, молочного и мясного скота и обычной в таких хозяйствах домашней птицы. Тут имеются кони княжеские и смердьи (крестьянские), волы, коровы, козы, овцы, свиньи, куры, голуби, утки, гуси, лебеди и журавли.

Не названы, но с полной очевидностью подразумеваются луга, на которых пасется скот, княжеские и крестьянские кони.

Рядом с сельским земледельческим хозяйством мы видим здесь также борти, которые так и названы «княжими», «а в княже борти 3 гривне, либо пожгуть, либо изудруть».

«Правда» называет нам и категории непосредственных производителей, своим трудом обслуживающих вотчину. Это рядовичи, смерды и холопы... Их жизнь расценивается в 5 гривен.

Мы можем с уверенностью говорить о том, что князь время от времени навещает свою вотчину. Об этом говорит наличие в вотчине охотничьих псов и обученных для охоты ястребов и соколов...

Первое впечатление от Правды Ярославичей, как, впрочем, и от Пространной Правды, получается такое, что изображенный в ней хозяин вотчины с сонмом своих слуг разных рангов и положений собственник земли, угодий, двора, рабов, домашнего скота и птицы; владелец своих крепостных, обеспокоенный возможностью убийств и краж, стремится найти защиту в системе серьезных наказаний, положенных за каждую из категорий деяний, направленных против его прав. Это впечатление нас не обманывает. Действительно, «Правды» защищают вотчинника-феодала от всевозможных покушений на его слуг, на его землю, коней, волов, рабов, рабынь, крестьян, уток, кур, собак, ястребов, соколов и пр.» (Греков Б. Д., 1949, с. 140—143).

Археологические раскопки подлинных княжеских замков полностью подтверждают и дополняют облик «княжьего двора» XI в.

Экспедиция Б. А. Рыбакова в течение четырех лет (1957—1960) раскапывала замок XI в. в Любече, построенный, по всей вероятности, Владимиром Мономахом в ту пору, когда он был черниговским князем (1078—1094 гг.) и когда Правда Ярославичей еще только начала действовать (табл. 31).

Славянское поселение на месте Любеча существовало уже в первые века нашей эры. К IX в. здесь возник небольшой городок с деревянными стенами. По всей вероятности, именно его и вынужден был брать с бою Олег на своем пути в Киев в 882 г.

На берегу днепровского затона была пристань, где собирались «моноксилы», упомянутые Константином Багрянородным, а неподалеку, в сосновой корабельной роще,— урочище «Кораблище», где могли строиться эти однодеревки. За грядою холмов — курганный могильник и место, с которым предание связывает языческое святилище.

Среди всех этих древних урочищ возвышается крутой холм, до сих пор носящий название Замковой Горы. Раскопки показали, что деревянные укрепления замка были построены здесь во второй половине XI в. Стены из глины и дубовых срубов большим кольцом охватывали весь город и замок, но замок имел и свою сложную, хорошо продуманную систему обороны; он был как бы кремлем, детинцем всего города.

Замковая Гора невелика: ее верхняя площадка занимает 35×100 м, и поэтому все строения там были поставлены тесно, близко друг к другу. Исключительно благоприятные условия археологического исследования позволили выяснить основания всех зданий и точно восстановить количество этажей в каждом из них по земляным потолочным засыпкам, рухнувшим во время пожара 1147 г.

Замок отделялся от города сухим рвом, через который был перекинут подъемный мост. Проехав мост и мостовую башню, посетитель замка оказывался в узком проезде между двумя стенами; мощенная бревнами дорога вела вверх к главным воротам крепости, к которой примыкали и обе стены, ограждавшие проезд.

Ворота с двумя башнями имели довольно глубокий тоннель с тремя заслонами, которые могли преградить путь врагу. Пройдя ворота, путник оказывался в небольшом дворике, где, очевидно, разме-

щалась стража; отсюда был ход на степы, здесь были помещения с маленькими очагами па возвышениях для обогрева замерзшей воротной стражи и около них небольшое подземелье, являвшееся, очевидно, «узилищем» — тюрьмой. Слева от мощеной дороги шел глухой тын, за которым было множество клетей-кладовых для всевозможной «готовизны»: тут были и рыбные склады, и «медуши» для вина и меда с остатками амфор-корчаг, и склады, в которых не осталось никаких следов хранившихся в них продуктов. В глубине «двора стражи» возвышалось самое высокое здание замка — башня (вежа). Это отдельно стоящее, не связанное с крепостными стенами сооружение являлось как бы вторыми воротами и в то же время могло служить в случае осады последним прибежищем защитников, как донжоны западноевропейских замков. В глубоких подвалах любечского донжона были ямы—хранилища для зерна и воды.

Вежа-донжон была средоточием всех путей в замке: только через нее можно было попасть в хозяйственный район клетей с готовизной; путь к княжескому дворцу лежал тоже только сквозь вежу. Тот, кто жил в этой массивной четырехъяруспой башне, видел все, что делается в замке и вне его; оп управлял всем движением людей в замке, и без ведома хозяина башни нельзя было попасть в княжеские хоромы.

Судя по золотым и серебряным украшениям, спрятанным в подземелье башни, хозяин ее был богатым и знатным боярином. Невольно на память приходят статьи Русской Правды об огнищанине, главном управителе княжеского хозяйства, жизнь которого ограждена огромным штрафом в 80 гривен (4 кг серебра!). Центральное положение башни в княжьем дворе соответствовало месту ее владельца в управлении им. За донжоном открывался небольшой парадный двор перед огромным княжеским дворцом. На этом дворе стоял шатер, очевидпо, для почетной стражи, здесь был потайной спуск к стене, своего рода «водяные ворота».

Дворец был трехъяруспым зданием с тремя высокими теремами. Нижний этаж дворца был разделен на множество мелких помещений; здесь находились печи, жила челядь, хранились запасы. Парадным, княжеским, был второй этаж, где имелась широкая галерея — «сени», место летних пиров, и большая княжеская палата, украшенная майоликовыми щитами и рогами оленей и туров. Если Любечский съезд князей 1097 г. собирался в замке, то он должен был заседать в этой палате, где можно было поставить столы примерно на сто человек.

В замке была небольшая церковь, крытая свинцовой кровлей. Стены замка состояли из внутреннего пояса жилых клетей и более высокого внешнего пояса забора; плоские кровли жилищ служили боевой площадкой забора, пологие бревенчатые сходы вели на стены прямо со двора замка. Вдоль стен были вкопаны в землю большие медные котлы для «вара» — кипятка, которым поливали врагов во время штурма. В каждом внутреннем отсеке замка — во дворце, в одной из «медуш» и рядом с церковью — обнаружены глубокие подземные ходы, выводившие в разные стороны от замка. Всего здесь, по приблизительным подсчетам, могло проживать 200—250 человек. Во всех помещениях замка, кроме дворца, найдено много глубоких ям, тщательно вырытых в глинистом грунте. Вспоминается Русская Правда, карающая штрафами за кражу «жита в яме». Часть этих ям могла, действительно, служить для хранения зерна, но часть предназначалась и для воды, так как колодцев на территории замка не найдено. Общая емкость всех хранилищ измеряется сотнями тонн. Гарнизон замка мог просуществовать на своих запасах более года; судя по летописи осада никогда не велась в XI—XII вв. долее шести недель, следовательно, любечский замок Мономаха был снабжен всем с избытком.

Любечский замок являлся резиденцией черниговского князя и полностью был приспособлен к жизни и обслуживанию княжеского семейства. Ремесленное население жило вне замка, как внутри степ посада, так и за его стенами. Замок нельзя рассматривать отдельно от города.

О таких больших княжеских дворах мы узнаем и из летописи: в 1146 г., когда коалиция киевских и черниговских князей преследовала войска северских князей Игоря и Святослава Ольговичей, под Новгородом-Северским было разграблено Игорево сельцо с княжеским замком, «идеже бяше устроил двор добре. Бе же ту готовизны много в бретьяницах и в погребех вина и медове. И что тяжкого товара всякого до железа и до меди — не тягли бяхуть от множества всего того вывозити». Победители распорядились грузить все на телеги для себя и для дружины, а потом поджечь замок.

Любеч постигла та же участь — он был взят войском смоленского князя в 1147 г. Замок был ограблен, все ценное (кроме спрятанного в тайниках) вывезено, и после этого он был сожжен. Таким же феодальным замком была, вероятпо, и Москва, в которую в том же 1147 г. князь Юрий Долгорукий приглашал на пир своего союзника Святослава Ольговича.

Боярские замки были подобны княжеским. О замке галицкого боярина Судислава летопись говорит: «Даниил же взя двор Судиславль, якоже вино и овоща и корма и копий и стрел — пристраньно видити!» (Ипат. лет. 1229 г.). К сожалению, археологически двор боярина Судислава нам неизвестеп. Изучение периферийных замков, являвшихся центрами боярских вотчин, представляет очень большой исторический интерес, так как исчерпывающая карта замков и тянущихся к ней поселков могла бы дать представление о количестве вотчин, о времени их возникновения, о степени мощности и географическом распределении боярского слоя в русских княжествах (Седов В. В., 1982, с. 246).

Археологически близким к «земским» боярским дворам должны быть внегородские монастыри, а в северных княжествах и в Новгородской земле — погосты, как пункты сбора княжеской дани.

Неукрепленные поселения

Абсолютное большинство древнерусских населенных пунктов относится к категории неукрепленных поселений. Это были открытые сельские поселения,

в которых жила основная масса населения Древней Руси. В письменных источниках XI—XIV вв. они именуются весями, селами, погостами и слободами. Иногда встречаются названия сельцо, селище, позднее — починок. Исследователи не всегда единодушны в оценке социального содержания этих терминов. Особенно большие разногласия вызывает характеристика села, столь часто встречаемого в летописях, актовых материалах и других источниках. Если большинство авторов, касавшихся истории крестьянства и сельского хозяйства Руси, признают село владельческим поселением, то отдельные исследователи (И. Я. Фроянов) продолжают утверждать, что в селах жило как лично свободное, так и зависимое население. Другими словами, село на протяжении всей истории Древней Руси являлось основным типом поселения. Однако более аргументированна первая точка зрения. Б. А. Рыбаков убедительно показал, что древнерусским названием сельского поселения лично свободных крестьян-общинников была весь (1979). Повышенный интерес письменных источников к селам — владельческим поселениям вполне объясним: ведь именно в селах с их пашнями, бортями и другими угодьями была заключена «вся жизнь» русских князей и бояр.

Относительно слобод и погостов особого расхождения мнений нет. Слобода (известна в источниках с XIII в.) — поселение, устраиваемое духовными или светскими феодалами, жители которого в ущерб окрестному населению временно или постоянно освобождались от несения государственных повинностей. Чаще всего слобода населялась людьми какой-то одной профессии: рыболовами, кузнецами и т. п. Позднее слободами чаще всего именовались особые пригородные поселения (ямские, стрелецкие). Погосты (известны в источниках с X в.) организовывались первоначально киевскими князьями вне зоны полюдья для управления и сбора дани с подвластных территорий. Погостом одновременно именовалась и определенная территория, и ее административный центр. В таком значении термин «погост» дольше сохраняется на северо-западе Руси, в Новгородско-Псковских землях. В большинстве областей Русского централизованного государства ему на смену приходит село с прилегавшими к нему деревнями и починками (появляются в источниках с XIV в.).

Надо полагать, на ранних этапах своего развития Древнерусское государство, устанавливая административно-территориальные границы подвластных земель, использовало в известной мере их прежние, общинно-племенные членения. И если рубежи крупных волостей-княжений вскоре нарушали старые племенные границы, то в низшем звене территории сельских вервей-общин, естественно, были более устойчивыми, о чем недвусмысленно свидетельствует Русская Правда. Территориально община-вервь состояла из нескольких поселков (весей) со всеми принадлежавшими им землями и угодьями. Ее центром, как правило, было крупнейшее селение (погост). Оно могло быть укрепленным (реже) или открытым. Из этих первичных территориальных ячеек и складывалась государственная территория крупных волостей — княжений. В процессе окняжения верви облагались повинностями (уроки и дани) в пользу верховной власти. На них распространялись княжеский и церковный суды. Но рядом с весями лично свободных крестьян-общинников возникали и успешно развивались частновладельческие поселения (села).

Перед археологией стоит ответственная задача: по возможности выявить, систематизировать, исследовать и всесторонне охарактеризовать сельские поселения. Вероятно, при сплошном изучении удастся найти объективные критерии, отличающие владельческие поселения с феодально-зависимым населением от поселков свободных крестьян-общинников. Тогда решение проблемы генезиса феодальной земельной собственности на Руси будет опираться на прочный фундамент массовых археологических источников.

К сожалению, на современном этапе открытые древнерусские сельские поселения по степени своей изученности значительно уступают укрепленным поселениям X—XIII вв. Лишенные внешних наземных признаков, они с трудом обнаруживаются при самых тщательных археологических разведках. Долгое время селища вообще не привлекали внимание исследователей. Единственным археологическим источником по истории русской деревни оставались курганные могильники. Однако в силу своей специфики они не могли заменить материалы раскопок самих поселений. Практически археологическое изучение последних началось в советское время. Но до сих пор полностью не раскопано ни одно селище; районы сплошного обследования, где было бы выявлено большинство древнерусских сельских поселений, территориально ограничены и крайне малочисленны. Достаточно отметить, что на огромном пространстве северо-западной и северо-восточной Руси еще недавно было известно только 170 селищ, о форме и размерах которых имелись достаточные данные (Фехнер М. В., 1967, с. 278).

Итоги первых десятилетий археологического изучения древнерусских сельских поселений X—XIII вв. были подведены в трех выпусках «Очерков по истории русской деревни» (Труды ГИМ, 1956, 1959, 1967). Они показали настоятельную необходимость дальнейших целенаправленных исследований в этой области. За последние 25 лет в решение данной проблемы внесено много нового. В. В. Седов опубликовал материалы о сельских поселениях центральных районов Смоленской земли (1960) (табл. 32). Т. Н. Никольская обобщила сведения по сельским памятникам земли вятичей (1981, с. 42—96) (табл. 33). Московскую деревню XI—XV вв. изучает А. А. Юшко. Раскопки и обследования селищ Могилевского Поднепровья проводит Я. Г. Риер, на Черниговщине — А. В. Шевкун, в Поднестровье — Б. А. Тимощук. В связи с подготовкой к изданию областных сводов памятников истории и культуры систематически обследуются в археологическом отношении территории многих областей. В ходе этих разведок выявляется и фиксируется много ранее неизвестных древнерусских сельских поселений. Часть материалов уже опубликована. Таким образом, накопились новые факты, позволяющие довольно подробно охарактеризовать эту категорию древнерусских археологических памятников. Правда, привести статистически обработанные данные в масштабах всей Руси пока не представляется

возможным. Но для некоторых регионов они имеются и, вероятно, отражают общую картину.

Пути хозяйственного освоения заселяемых земель, исторически сложившийся тип застройки поселений, особенности социальной организации сельского населения в известной степени отражает топография расположения селищ на местности. Хотя природные условия в различных областях Руси были различными, что сказывалось на характере заселения, его основные топографические типы распространены достаточно широко.

Самым распространенным типом древнерусских сельских поселений был приречный. Он характерен, как показали исследования, и для лесостепной полосы, и для лесной зоны. Лишь в некоторых районах северо-западной и западной Руси, а также Полесья господствовали другие топографические типы заселения. Селища приречного типа вытянуты неширокой полосой (обычно 40—60 м, реже до 200 м и совсем редко свыше 200 м) вдоль берега, реже — ручья, оврага или озера. Их протяженность обычно не превышала 500 м, но встречаются памятники длиной до 1,5 км. Иногда подобные селища располагаются на повороте реки. Как правило, поселения приречного типа занимают самую кромку коренного берега или одну из террас под ним. Удаленность селищ от русла реки (ручья) более чем на 100 м — явление крайне редкое.

Примером поселений этого типа является Яновское селище, расположенное на правом берегу р. Березинки, левого притока Днепра в центральной Смоленщине (табл. 34, *3*). Южная граница селища совпадает с кромкой берега, возвышающегося на 2,5 м над руслом реки. Его ширина колеблется от 60 до 150 м. Вдоль реки оно вытянулось почти на 700 м. Памятник исследован В. В. Седовым (1960, с. 135—142). В раскопе (площадь 344 кв. м), заложенном в центре поселения, обнаружены следы древнерусских наземных построек. Расстояние между домами не превышало 15 м. Интересны две большие ямы, служившие погребами или подпольями. Судя по найденным материалам поселение существовало не менее 400 лет — с XI по XV в. Помимо многочисленных обломков гончарной керамики, найдены 12 ножей, 2 кресала (одно — овальное, другое — калачевидное), железный ключ, остатки двух замков, рыболовный крючок, древолазный шип, обломок нижней части сошника, обломок серпа, железные удила, часть четырехгранного кинжала, 3 шиферных и 1 глиняное пряслице, 3 стеклянных бусины, осколок витого стеклянного браслета и часть медного креста. К тому же приречному типу поселений относится Белорученское селище (табл. 34, *4*), открытое В. В. Седовым (1960, с. 17—19, 142) на правом берегу р. Солодовой (левый приток р. Лосни, правого притока Днепра). Как и Яновское поселение, Белорученское селище находится на невысоком (3—4 м) берегу реки. Протяженность его вдоль русла реки — около 350 м при ширине 80—100 м. От воды оно отделено болотистой луговиной на 100—130 м. Время жизни поселения по подъемному материалу определяется XI—XIII вв. При обследовании территории памятника удалось обнаружить восемь овально-прямоугольных пятен от наземных жилищ. Они вытянулись цепочкой по длинной оси селища. Расстояние между пятнами равнялось 20—30 м.

Разновидностью данного топографического типа древнерусских поселений могут считаться селища, расположенные не вдоль берега реки, а перпендикулярно к нему, вдоль дороги или оврага. Таково, например, Дросенское селище, упомянутое в Уставной грамоте Смоленской епископии 1136 г. (табл. 34, *2*). Остатки поселения обнаружены В. В. Седовым (Седов В. В., 1960, с. 49, 127—128) в верховьях р. Десны (Дросны) в месте ее пересечения шоссе Рославль-Смоленск, по-прежнему по старой дороге на Чернигов. Еще в XIX в. здесь существовала дер. Малая Дресна. Селище занимает низкий полого спускающийся к воде правый берег реки. От русла оно отстоит на 40—60 м. Его площадь приближалась к 5 га. В центральной части памятника, значительно разрушенного при строительстве шоссе, был заложен разведывательный раскоп (площадь 88 кв. м). Культурный слой не превышал 0,5 м. Время жизни поселения по керамике датируется XI—XV вв. Обнаружены следы трех разновременных наземных построек. Одна из них (4,6×3,4 м) была срубной, поставленной на столбы-стулья. В другой постройке (6×5 м) в юго-западном углу имелась подпольная яма. Третья вскрыта лишь частично. Кроме керамики, на селище найдены железный наконечник стрелы, овальное кресало, четыре шиферных пряслица. Наиболее интенсивной жизнь на поселении была в XII—XIII вв.

Близким по типу заселения к Дросненскому селищу является Вошкинское второе селище (табл. 35, *6*). Оно расположено на левом берегу р. Россажи (левый приток р. Сож) и имеет размеры 100×80 м (площадь около 0,8 га). Центр селища пересекает неглубокий овраг. Судя по подъемному материалу поселение существовало в XIII—XV вв. (Седов В. В., 1960, с. 26—27, 154).

На излучине р. Навли (левый приток р. Десны) расположено Сомовское первое селище (табл. 35, *7*). Памятник обследован Т. Н. Никольской (Никольская Т. Н., 1981, с. 43—44). Протяженность поселения 350 м, ширина 70 м. Культурный слой местами достигает мощности 2 м. В обрыве берега зафиксированы следы полуземлянок с глинобитными печами и хозяйственных ям. Собранный на селище материал датируется XII—XIII вв.

Другим типом древнерусских сельских поселений был мысовой. Очень часто они располагались в местах впадения мелких ручьев и речек в более крупные водные артерии или на мысах, образованных двумя оврагами и речной долиной. Использовались также выступы коренного берега над поймой реки или озера, а также мысы, созданные изгибами русла реки.

Станьковское южное второе селище (табл. 35, *1*) занимает мыс при впадении в р. Ливну (левый приток р. Волости, левого притока Днепра) безымянного ручья в центральной Смоленщине. Памятник обследован В. В. Седовым (Седов В. В., 1960, с. 12, 146). Размеры селища: 240—260×100—140 м, площадь около 3 га). Подъемный материал — редкие обломки древнерусской гончарной керамики. Таковы же селища у деревень Угра и Росва (табл. 35, *2,3*). Первое занимает мыс, образованный двумя оврагами

на правом берегу р. Угры (левый приток р. Оки). Его площадь около 0,5 га. Второе находится на мысу при впадении р. Росвянки в р. Угру. Его площадь достигает 1,5 га (136×106 м). Культурный слой (2 м) насыщен обломками лепной и гончарной керамики X—XIII вв. В верхнем слое встречены материалы XVI—XVII вв. Памятник обследован Т. Н. Никольской (Никольская Т. Н., 1981, с. 50).

К числу мысовых относятся и поселения Рокачевское (табл. 34, *1*) и близ дер. Малое Княжье село (табл. 35, *4*) на Смоленщине. Первое расположено на мысу левого берега р. Мошны (правый приток р. Волости). Его площадь около 2 га. Время существования — IX—XIII вв. (Седов В. В., 1960, с. 152). Второе обнаружено на мысу правого берега р. Лыховки (левый приток р. Мошны). Мыс образован ручьем и сухим оврагом. Площадь селища 1,5 га. При обследовании (Седов В. В., 1960, с. 18—20, 151) на пашне удалось выявить семь овально-прямоугольных пятен от жилищ. Шесть из них располагались в два ряда по длинной оси поселения, а одно находилось в стороне. Расстояние между постройками достигало 30—40 м. Собранный на селище подъемный материал целиком относится к XI—XIII вв.

Вариантом мысового поселения является и второе селище у дер. Ходосовичи (Рогачевский р-н Гомельской обл.), частично исследованное Г. Ф. Соловьевой (табл. 35, *7*). Оно занимает мысовидный выступ левого пологого берега Днепра над его старицей—озером. Площадь селища около 2 га. При раскопках обнаружены остатки двух домов с развалами печей-каменок и предпечными ямами. Среди находок — гончарная древнерусская посуда второй половины XI—XIII в., железные ножи, пробой и пр. Рядом находится курганный могильник этого времени.

Третьим топографическим типом селищ являются поселения, расположенные на дюнах, всхолмлениях, буграх или гривах на значительном удалении от берегов реки. Таковы многие сельские памятники Севера и Северо-Запада Руси с ее моренным или конечно-моренным ландшафтом, а также ряд селищ Полесья или Мещеры. Примером этого типа селищ может служить поселение 11 у дер. Большая Михайловка близ р. Вытебети (табл. 35, *5*). Оно обследовано Т. Н. Никольской. Селище (площадь около 2,5 га) занимает четыре слившиеся дюны, на западе ограниченные болотом. Судя по подъемному материалу поселение существовало в конце IX—X в.

Четвертый тип древнерусских селищ — водораздельный. Данные поселения встречаются редко. Они находятся вдали от рек и озер на ровных плато и обнаруживаются с большим трудом.

Из всех топографических типов заселения в Древней Руси преобладал приречный. В центральных землях Смоленщины к нему относится около 75% всех селищ. Большинство сельских поселений южнорусских княжеств также располагались по берегам рек, ручьев и озер (Археологія Украинськоï РСР, 1975, с. 299—300). Аналогичным было положение в северо-западной, северо-восточной и западной Руси (Очерки по истории русской деревни X—XIII вв., 1956, с. 12—13; Очерки по археологии Белоруссии, 1972, с. 53). А вместе с мысовым приречный тип являлся абсолютно господствующим. Устойчивая близость древнерусских селищ к воде объясняется несколькими причинами. Во-первых, водные артерии в эпоху средневековья были главными путями сообщения. По ним шло расселение славян в Восточной Европе. Именно они обеспечивали постоянную связь между различными поселениями, особенно в лесной зоне. Во-вторых, в речных долинах, как правило, находились плодородные аллювиальные почвы и заливные луга, т. е. выгодные условия для ведения сельского хозяйства. От берегов рек было легче начинать осваивать под пашню заселенные территории. Недаром массивы старопахотных земель в первую очередь образовывались вдоль рек. Водоразделы распахивались позже. В-третьих, без воды невозможна никакая жизнь, а далеко не во всех областях Руси подпочвенные воды подходили близко к поверхности. Сооружение же глубоких колодцев было делом достаточно трудоемким и технически сложным. Рыбная ловля также в известной мере привлекала русское население к берегам озер и рек.

Размеры древнерусских селищ различны. Они колеблются от 1 тыс. кв. м до нескольких га. В центральных районах Смоленской земли преобладали поселения площадью от 5 до 12 тыс. кв. м (42,7%). Поселения, площадь которых превышала 2 га, составляли 16,5%. В земле вятичей, в бассейне Оки, селища занимали в среднем 2 га. По данным А. В. Успенской и М. В. Фехнер, средние размеры сельских поселений северо-западной и северо-восточной Руси равнялись 1,5 га (Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. 1956, с. 16—17). Селищам площадью меньше 1 га принадлежит лишь 45,3% от общего числа поселений. Южнорусские селища X—XIII вв., вопреки мнению некоторых исследователей, также не отличались особенно большими размерами. По сведениям М. П. Кучеры, открытые сельские поселения указанного времени на Украине в своей массе занимали площадь от 0,8 до 1,5 га, реже встречаются памятники от 0,3 до 0,5 га, а поселений площадью в несколько гектаров известно единицы (Археологія Украинськоï РСР, 1975, с. 300).

Таким образом, древнерусские сельские поселения везде имели приблизительно одинаковые размеры; вернее, площадь абсолютного большинства из них укладывается в пределы от 0,5 до 2 га. По-видимому, социальная организация сельского населения и способы хозяйствования в эпоху расцвета Древнерусского государства были схожими во всех его областях. Общие средние размеры селищ указывают на оптимальную численность населения, способность прокормиться земледельческим трудом на землях, окружавших поселения. Различия между севером и югом в это время, видимо, крылись не в размерах сельских поселений, а в густоте их расположения.

Как показывают исследования, основным типом застройки древнерусских сельских поселений был прибрежно-рядовой тип. По подсчетам В. В. Седова, такой была планировка 79% селищ центральной Смоленщины (Седова В. В., 1960, с. 28—29). Это особенно хорошо видно на тех поселениях, где на пашне проступают пятна разрушенных дворов (табл. 34, *4*). В большинстве случаев крестьянские дворы располагались вдоль берега в один-два ряда, реже — в три. Уличная планировка сменила прибрежно-рядовую на Руси уже в эпоху позднего сред-

невековья в связи с широким развитием сети сухопутных дорог и сухопутного транспорта. В X—XIII вв. уличная застройка встречается крайне редко. В. В. Седовым зафиксирован лишь один бесспорный случай уличной планировки: селище Долгий Мост (Седов В. В., 1960, с. 29—30).

Бессистемная кучевая застройка характерна для части мысовых поселений, селищ на дюнах и вообще поселков, ширина и длина площадки которых приблизительно равны. В большинстве случаев она обусловлена естественногеографическими условиями. Площадка таких селищ обычно не менее чем с двух сторон ограничена оврагами, руслами ручьев и рек, болотами и т. п. Они не могли увеличиваться в длину и росли в ширину. К прибрежному ряду прибавлялся второй и третий ряды дворов. На ограниченном пространстве строгий порядок быстро нарушался и застройка поселений из прибрежно-рядовой превращалась в кучевую.

Прибрежно-рядовую застройку древнерусских сельских поселений нельзя не сравнить с аналогичной застройкой городов. И там, и там действовали общие законы развития. Первоначально любое поселение разрасталось вдоль реки, ручья или оврага. В этом определенная, в известной мере генетическая связь между поселениями сельского и городского типа.

Очень существенным представляется вопрос о количестве крестьянских хозяйств-дворов на одном поселении. Однако в его решении имеется много трудностей. Основная — отсутствие полностью раскопанных селищ. Кроме того, исследователи часто не могут синхронизировать изученные постройки. Например, на одном из селищ у известного Райковецкого городища на участке длиной в 50 м были вскрыты остатки 10 углубленных в землю жилищ. Совершенно очевидно, что существовать одновременно они не могли. Однако и сколько-нибудь обоснованных данных для их расчленения во времени нет. Поэтому для подсчетов количества крестьянских дворов приходится использовать ограниченный круг материалов.

Из 44 сельских поселений Смоленской земли, по наблюдениям В. В. Седова, от 3 до 8 дворов имели 23 (52,3%) памятника, свыше 8 — (34,1%) и 1—2 двора — 6 (13,6%). М. В. Фехнер считает, что в северо-западных и северо-восточных областях Руси в X—XIII вв. 70% селищ состояло из 3—6 дворов, а 30% — из 7—12 (Очерки по истории русской деревни X—XIII вв., 1967, с. 278). Следует заметить, что основанием для этих расчетов стали пятна древних построек, обнаруженные на пашне, или средние расстояния между ними, зафиксированные при обследованиях и раскопках. Поэтому полученные результаты достаточно условны. Можно предположить, что на площади в 1,5 га размещалось одновременно 5—7 крестьянских дворов. Следовательно, здесь проживало 25—45 человек, а средняя населенность большинства древнерусских сельских поселений X—XIII вв. колебалась от 15 до 50 человек.

Необходимо отметить еще один факт. Практически крестьянские дворы как закрытый комплекс нигде не обнаружены. При раскопках встречены остатки жилых построек с прилегающими к ним хозяйственными сооружениями. Заборы или клети, огораживавшие усадьбы, пока исследователями не зафиксированы. Вопрос этот нуждается в уточнении. Может быть, крестьянские дома, расположенные на общинной или господской земле, вовсе не огораживались или имели какие-то временные легкие изгороди хозяйственного назначения? Иными словами, сельский участок под домашнее строительство в отличие от городского в это время не нуждался в строгой фиксации. Ведь он составлял одно целое с пахотными землями и прочими угодьями. Их величина и определяла размеры взимаемых с крестьян податей. Видимо, не случайно актовые материалы XII—XIII вв., четко определяя межевые границы всей земли, никогда не размечают отдельно участки, занятые жилыми и хозяйственными постройками. Городская усадьба, напротив, являлась основной земельной собственностью в городе большинства его жителей и во всех случаях служила мерилом исчисления «городского потуга» ее владельцев. Поэтому рубежи городских дворов без существенных изменений сохранялись на протяжении столетий. Сельские же усадьбы могли менять свою конфигурацию и перемещаться в зависимости от существовавших на данный момент обстоятельств. Лишь когда значительная часть черных общинных земель оказалась в руках феодалов, когда участились случаи выделения из общины ее членов и земля стала предметом постоянной купли-продажи, появилась необходимость и на селе более точно обозначить дворовые места.

Наблюдения над хронологией древнерусских поселений имеют первостепенное значение. К сожалению, по причинам, отмеченным выше, их нельзя распространить на территорию всей Руси. Для суждения о динамике развития памятников этого типа использованы материалы В. В. Седова и Т. Н. Никольской по центральным районам Смоленщины и земле вятичей. Так, в первом регионе в IX—X вв. существовало 30 поселений, в XI—XIII вв.— 99 и в XIV—XV вв.— 64. Во второй хронологический период количество сельских поселений увеличилось втрое. Этот процесс стоит в прямой связи с успехами развития земледелия, и в частности в связи с общим расцветом экономики и культуры Смоленского княжества в XII — середине XIII в. По данным письменных источников, именно в это время Смоленщина становится поставщиком хлеба в другие районы Руси, прежде всего в Новгород. Прогресс земледелия, проявившийся и в росте численности сельского населения, был обусловлен значительным расширением старопахотных земель и сложением устойчивых систем землепользования — паровой (с длительным паром), сочетавшейся с перелогом.

Увеличение количества поселений сопровождалось некоторым уменьшением их средней площади: с 1,85 га до 1,25 га. Здесь также проявились последствия совершенствования систем земледелия. О том же говорит длительный период существования многих поселений. Из 30 селищ, возникших в VIII—X вв., до XV в. дожили 12; на 14 жизнь прекратилась в XIII в. и только 4 оказались заброшенными к XI в. В XI—XIII вв. были вновь основаны 73 поселения, из которых 42 продолжали функционировать и в XIV—XV вв. Зато в это время появилось только 12 новых сел. Массовое запустение сельских поселений (45) центральной Смоленщины приходится

на вторую половину XIII — начало XIV в. Здесь, безусловно, сказалось резкое ухудшение военно-политического и экономического положения Смоленского княжества.

В бассейне Оки, в земле вятичей, наблюдается сходное положение. По сведениям, собранным Т. Н. Никольской, здесь в VIII—X вв. существовало 30 поселений, с конца X по середину XII в. было основано еще 58, а к середине XIII в. появилось 55 новых поселков. Получившаяся картина окажется еще более наглядной, если подсчеты произвести не по времени возникновения новых селений, а по числу памятников, существовавших одновременно в каждый хронологический период, прибавив сюда данные о сельских поселениях, размещавшихся на городищах эпохи железного века. Тогда в первой хронологической группе будет 43 (16,5%) селища, во второй — 83 (31,8%) и в третьей — 135 (51,7%). Другими словами, с рубежа X—XI вв. количество сельских поселений в земле вятичей до середины XIII в. увеличилось втрое.

Такое совпадение в темпах роста сельского населения в центральной Смоленщине и в области летописных вятичей трудно признать случайным. Налицо общие закономерности, свойственные, видимо, не только этим регионам, но и всей Руси в целом. Можно констатировать, что с XI в. шло интенсивное хозяйственное освоение обширных территорий, создавался прочный экономический фундамент развития городских центров и кристаллизации самостоятельных княжеств.

История сельских поселений земли вятичей во многом повторяет этапы развития смоленских деревень. И там, и там в VIII—X вв. поселения занимали более значительную площадь (в среднем около 3 га), чем в XIII в. (около 1,5 га). Повсеместно преобладала прибрежно-рядовая застройка. Однако в XIV в. количество бывших вятичских сел сокращается до 26. Сколь ни фрагментарны эти данные, они все же отражают последствия походов Батыя и ордынского ига на Руси: были разрушены не только города, но и многие сельские поселения. Оказалась подорванной сложившаяся ранее система земледелия. Главным показателем здесь служит даже не количество выявленных памятников XIV в., а число покинутых в середине XIII в. селений (свыше 70).

Исследователи обратили внимание на расположение древнерусских сельских поселений относительно компактными группами, отделенными друг от друга лесами, болотами или просто незаселенными пространствами. При картографировании такие гнезда селищ в большинстве случаев оказываются сосредоточенными в бассейнах малых рек. Родилось предположение, что совокупность близлежащих селений образовывала территориальную крестьянскую общину — вервь Русской Правды. После работ Н. П. Павлова-Сильванского в нашей историографии получило права гражданства мнение о тождестве верви и погоста. Вероятно, оно справедливо для ранних этапов русской истории, хотя Правда не знает погостов, а последовательно оперирует терминами «вервь» и «мир».

Совершенствуя систему обложения подвластных земель, киевские князья заменяют архаические способы взимания дани: «от дыма», «от рала» или «от мужа» на более эффективные. Организуются судебно-податные округа: погосты и волости. Их соотношение не всегда ясно. По-видимому, несколько погостов составляли волость. Во всяком случае из Уставной грамоты Смоленской епископии 1136 г. известно, что волость «Вержавляне Великие» складывалась из девяти погостов. Однако каждый такой погост платил ежегодно смоленскому князю более 100 гривен дани — сумму, превышающую половину судебной десятины, причитавшейся в это же время новгородскому епископу. Данное обстоятельство заставляет усомниться в том, что погосты Вержавлян Великих были тождественны крестьянским территориальным общинам. Ежегодная дань в 100 гривен кажется чрезмерной для одной общины. Следовательно, упомянутые погосты объединяли уже несколько общин.

Таким образом, административная структура Смоленской земли середины XII в. представляла собой иерархию территориальных звеньев: община-вервь, погост и волость. Возможно, некоторые общины (Мирятичи, Жидчичи, Погоновичи) совпадали с погостами. Но, как правило, погост уже был следующей по сравнению с вервью административно-территориальной единицей. И если вервь сохраняла некоторые судебные функции и право защиты членов своей общины, то функции фиска сосредоточивались в погосте. Поэтому в древнерусских памятниках права мы встречаемся с вервью, а в актовых материалах, касающихся разверстки дани, с погостами и волостями.

Сходно устройство и других древнерусских земель. Правда, в южнорусских княжествах из системы вервь—погост—волость выпало среднее звено. Может быть, это связано с большей плотностью населения. При значительной платежеспособности волости территориально здесь были меньше, и сбор дани осуществлялся непосредственно из волостного центра.

К сожалению, чтобы достоверно решить вопрос о соотношении погостов и территориальных крестьянских общин в разные хронологические периоды, в источниках мало данных. О количестве деревень и населения в составе северных погостов есть сведения XV—XVI вв., когда они претерпели уже большие изменения. Все же, пользуясь методом исторической ретроспекции, можно попытаться проследить их историю.

Около 1134 г. князь Всеволод Мстиславич пожаловал новгородскому Юрьеву монастырю Терпужский погост Ляховичи. Местоположение этого погоста определено В. Л. Яниным в междуречье рек Ловати и Полы, в бассейне правых притоков Ловати: Робьи Заборской и Робьи Великосельской (1978, с. 23—31). Площадь погоста, подробно описанного в Переписной оброчной книге Деревской пятины около 1495 г. как Юрьевской волости, входившей уже в Черниговский погост, приближалась к 800 кв. км. На ней размещалось 26 деревень со 166 дворами и 215 человеками взрослого мужского населения. Деревни описаны четырьмя группами. Центрами первых трех являлись большие села: Ляховичи, Коровье Село и Великое Село. Вероятно, перед нами четыре территориальных сельских общины в составе одной феодальной вотчины. В середине XII в.

эти территории могла занимать одна община — погост Ляховичи, хотя подтвердить данное предположение нечем. Но по приведенным выше археологическим наблюдениям, XI—XIII вв. были временем быстрого количественного роста сельских поселений на Руси. Путем сегментации с последующим отселением старые общины дробились на несколько новых.

Археологически этот процесс исследован В. В. Седовым. Ему удалось выделить в центральных районах Смоленщины около 15 первоначальных сельских общин. Примером может служить группа поселений в бассейне р. Березинки. Всего здесь зафиксировано 9 селищ, 2 курганных могильника и 1 болотное городище-святилище. Они занимали территорию 10×5 км, отделенную от соседних групп болотами и водоразделами. На двух селищах (Муравищенском и Березинковском) обнаружена лепная славянская керамика. Недалеко от второго находятся курганный могильник и святилище. Площадь самого селища около 0,8 га. В. В. Седов считает его ранним центром сельской общины. На рубеже X—XI вв. рядом с Березинковским селищем возникает Яновское (XI—XIII вв.). Его площадь достигает 6 га. Напротив располагается большой (более 150 насыпей) курганный могильник. Видимо, в начале XI в. функции центра общины перешли к этому поселку. Из 9 селищ Березинковской группы в XIV—XV вв. функционировали только 5. Зато в XI—XIII вв. к двум ранним селениям прибавилось семь новых. Такова динамика развития Березинковской сельской общины. Ее особенностью является смена общинных центров. У большинства же других смоленских крестьянских общин, по наблюдениям В. В. Седова, роль центров выполняли наиболее древние поселения.

В результате работ, проведенных в центральных районах Смоленщины, в бассейне Оки, на Волыни и в ряде других областей Древней Руси, удается наметить пути эволюции сельских крестьянских общин. Для времени IX — начала XI в. повсеместно характерны большие неукрепленные поселения. Неподалеку от многих из них обнаружены городища-убежища, святилища и курганные могильники. Вероятно, эти поселения соответствовали одной территориальной общине. Среди ее членов были лица, как связанные узами кровного родства, так и объединенные только территориально—соседскими принципами. Именно такими коллективами славяне осваивали обширные пространства лесной зоны Восточной Европы.

Относительная многолюдность поселений ранних крестьянских общин определялась несколькими обстоятельствами: во-первых, продолжающимся процессом расселения в иноязычной среде; во-вторых, пережитками родо-племенных отношений; в-третьих, господствовавшим хозяйственным укладом. Земледелие являлось основным занятием крестьян-общинников. Однако далеко не везде имелись еще окультуренные массивы пахотных земель. Расширение посевных площадей, расчистка под пашню лесов и кустарников, подъем целины требовали усилий больших коллективов.

В XI—XIII вв. положение меняется. Улучшается земледельческая техника: на севере появляется двузубая соха, а на юге — более совершенные типы рал. Стабилизируются приемы земледелия, сочетающие различные виды паров с перелогом и подсекой. Производительность индивидуального крестьянского труда значительно повысилась. Необходимость вывозить на поля навоз заставила приблизить к ним поселения. В итоге селищ этого периода известно в три раза больше, но их площадь меньше. Типичными становятся поселения в 5—10 дворов, рядом с которыми возникают починки в два-три двора. Своими размерами выделяются центральные поселения — родоначальники сельских общин, соседствующие с одним для всех селений общины могильником. Некоторые из них превращаются в центры территориально-административных округов — погосты. Постепенно от старых общин отпочковываются новые, осваивающие под пашню соседние территории. Расселение идет с берегов крупных водных артерий в бассейны мелких притоков. Водоразделы активно заселяются в XIV—XV вв.

Конечно, древнерусская крестьянская община в течение X—XIV вв. трансформировалась под натиском упрочившихся феодальных отношений. Внутри нее и рядом с ней развивалась феодальная вотчина, захватившая все новые и новые общинные земли. Однако археологически этот процесс улавливается с большим трудом. Наиболее ярко, о чем говорилось выше, его отражает массовое появление в XI—XIII вв. небольших укрепленных поселений. Судя по данным раскопок многие из них были феодальными усадьбами-замками. Но их взаимоотношения с окрестными сельскими поселениями установить методами археологии невозможно.

В письменных источниках владельческие поселения именовались селами. Момент появления в том или ином районе Руси феодального землевладения очень существен для объективной реконструкции процесса исторического развития. Если феодал в своем селе «устроил двор добрый» с деревоземляными укреплениями и господским домом, задача облегчается. Но большинство феодальных сел не имело мощных укреплений. Они ничем не выделяются из массы окрестных сельских поселений свободных крестьян-общинников. Даже ограниченные раскопки (например, с. Дросенского, переданного в 1136 г. князем Ростиславом смоленскому епископу) не обнаруживают сколько-нибудь выраженных отличий. Лишь Я. Г. Риеру удалось на большом селище конца X—XVI в. у г. Чаусы Могилевской обл. зафиксировать следы огороженной частоколом феодальной усадьбы. В результате длительных разведочных работ и раскопок А. В. Шевкун собрал значительный материал с селищ в бассейне р. Белоус, севернее Чернигова. Среди находок — обломки стеклянных браслетов, пряжки, фибулы, кресты-тельники, наконечники стрел, боевой топор. Видимо, это остатки тех сел, которые составляли, по словам летописца, «всю жизнь» черниговских князей. Таким образом, целенаправленные исследования сельских поселений Древней Руси продолжают оставаться важной задачей археологической науки.

Материалы раскопок из различных частей Древней Руси свидетельствуют, что крестьянское домостроительство ничем принципиально не отличалось от городского. Как и в городах и иных укрепленных пунктах, на селищах найдены остатки углубленных

в землю жилищ и наземных срубных построек. Среди хозяйственных сооружений имеются ямы и погреба для хранения продуктов, наземные амбары, клети, хлевы. В деревнях отсутствовали деревянное замощение улиц, дренажные системы, остекление окон, постоянные ограды вокруг дворов крестьян-общинников.

Быт деревни носил более консервативный, патриархальный характер, чем быт горожан. На селищах практически не встречены эпиграфические памятники и орудия письма, стеклянная и металлическая посуда, произведения мелкой пластики, дорогое оружие, специфические городские украшения. Вообще здесь меньше найдено предметов из металла и стекла, обломков привозной амфорной тары и поливной глиняной посуды.

Ведущей отраслью хозяйства сельского населения Руси было земледелие. Об этом наглядно свидетельствует топография расположения селищ в наиболее удобных для пахоты местах. Густота заселения резко увеличивается в районах с более плодородными почвами: лесостепь, среднее течение р. Оки, Суздальское ополье и т. п. О том же говорят, к сожалению, еще редкие находки железных частей почвообрабатывающих орудий на селищах и в курганах: сошников, наральников, чересел, полиц. Значительно чаще встречаются косы, серпы и жернова от ручных мельниц. Находки зерен хлебных злаков и других сельскохозяйственных культур при раскопках сельских памятников пока очень малочисленны. Однако вместе со сведениями письменных источников они позволяют достаточно полно восстановить картину развития древнерусского земледелия.

Большое значение в экономике деревни имели добывающие промыслы: охота, бортничество и рыболовство. Надо отметить, что пушнина, воск и мед, главным поставщиком которых было сельское население, составляли основные статьи русского экспорта. Именно эти продукты обнаруживаются в древнейших перечнях феодальной дани. Рыба, прежде всего осетровая и лососевая, тоже взималась в качестве натурального оброка.

Среди других промыслов, получивших развитие в крестьянском хозяйстве, известны железоделательный, «копачина» (добыча соли из соляных источников), выжигание угля, производство дегтя. Таким образом, древнерусская деревня обеспечивала город основными пищевыми продуктами, сырьем для ремесленного производства и экспортными товарами. Кроме того, сами крестьяне перерабатывали своими силами значительную часть продуктов сельского хозяйства и промыслов. Судя по находкам деревообрабатывающих инструментов, орудий по металлу, пряслиц от веретен, различных шильев, игол, проколок, домашнее производство позволяло изготовить все необходимые в сельском быту вещи: от жилищ и транспортных средств до одежды, обуви и предметов обихода.

При раскопках некоторых селищ обнаружены кузницы, мастерские литейщиков-ювелиров и гончарные горны. Деревенские кузнецы владели достаточным набором технологических приемов, включая способы получения стали, чтобы обеспечить сельское хозяйство необходимыми орудиями труда: сошниками и наральниками, косами и серпами, ножами и топорами, гвоздями, молотами и пр. Ювелиры изготавливали из цветных металлов многие украшения: височные кольца, браслеты, перстни, подвески и пр. Гончары поставляли посуду.

Исследователи (М. В. Фехнер) обратили в последнее время внимание на находки в сельских могильниках и на поселениях изделий городского ремесла и импортных вещей. К ним относятся стеклянные и каменные бусы; изделия, украшенные зернью и сканью; некоторые типы гривен, браслетов, перстней, застежек-фибул, подвесок; вещи с эмалью. Это послужило основанием для тезиса «о значительном участии населения деревни домонгольского периода во внутренней торговле страны, причем в товарном обращении принимало участие деревенское население, обитавшее не только вдоль основных торговых путей, но и в стороне от них» (Фехнер М. В., 1959, с. 173). Определенная доля истины здесь есть. Все же столь категоричный вывод кажется мало обоснованным. Во-первых, показателен сам перечень импортов в деревню, к которому можно добавить шиферные пряслица, куфические и западноевропейские монеты, использовавшиеся как подвески-украшения. Это — типичные предметы меновой торговли, никак не затрагивавшей основ сельской экономики. Во-вторых, нет никаких доказательств, что они попадали в деревню «через городские рынки и ярмарки, собиравшиеся в погостах». В таком случае могильники с привозными вещами должны были бы концентрироваться вокруг городов и погостов. Но они обнаруживаются в «медвежьих углах», удаленных на десятки и сотни километров от городских центров, куда вряд ли добирались купцы-коробейники.

Конечно, купцы доставляли в деревню некоторое количество пользовавшихся там спросом «прикрас» и выменивали на них все те же меха, воск и мед. Действовала, видимо, система многоступенчатого обмена, когда «товар за товар» обменивался в соседних общинах. Косвенным подтверждением этому служит установленный Б. А. Рыбаковым незначительный радиус сбыта продукции деревенских ремесленников. Наконец, основная масса привозных вещей, в первую очередь монет сосредоточена в сельских могильниках лесной зоны Руси, а не земледельчески более развитого юга. Следовательно, они шли в обмен на продукцию добывающих промыслов, а не земледелия и скотоводства. Таким образом, участие большинства крестьян во внутренней торговле Руси, а тем более в ее внешнеэкономических связях было опосредствованным. Господствовали не прямые рыночные, денежные связи деревни с рынками, а меновые.

Любопытен и другой факт: чем позже дата сельских могильников, тем больше в них безынвентарных погребений. Объяснить его только распространением христианства трудно, так как продолжает сохраняться главный пережиток языческой эпохи — курганный обряд. В XI в. малоинвентарные погребения уже преобладают в сельских кладбищах Среднего Поднепровья. В XII в. аналогичная картина наблюдается в землях радимичей, дреговичей, кривичей, северян, на Волыни. Лишь в области вятичей и на окраинах Новгородской земли процент «богатых» погребений высок. Эта закономерность не

случайна. Она отражает успехи феодализации Руси, развитие феодального землевладения. Попадая в феодальную зависимость, крестьяне лишались возможности широко и свободно реализовать излишки своего труда, в том числе и промыслов. Недаром меха белки, куницы, лисицы, бобра наряду с коробами ржи, возами сена и пр., становятся предметом строго регламентированных феодальных податей. Инвентарь крестьянских погребений наглядно демонстрирует степень и направления феодализации древнерусской деревни. Исчезновение в сельских могильниках привозных вещей совпадает по времени с появлением в данных районах феодальных сел и усадеб-замков.

Рассмотренные материалы при всей их ограниченности дают представление об основных этапах развития древнерусских сельских поселений. Археология существенно дополняет данные письменных источников по истории деревни на Руси в X–XIV вв. Безусловно, дальнейшие широкомасштабные исследования сельских памятников внесут много нового в наши представления о жизни и хозяйственной деятельности основной массы древнерусского населения.

Заключение

Результаты многолетних археологических исследований сегодня позволяют значительно шире и глубже представить историю древнерусских поселений X–XIV вв. Постепенно вырисовывается сложная и динамичная картина их развития. Она последовательно отражает основные этапы развития Руси в целом.

Все поселения от затерявшейся в бескрайних просторах сельской веси до многолюдного, всемирно известного столичного города были звеньями одной общей системы — системы русского феодального государства. Она строилась из века в век, охватывая новые территории, проникая в глухие «медвежьи углы», подчиняя себе и видоизменяя старые, родоплеменные типы поселений. Ее формой была многоступенчатая структура административно-территориального деления Руси. Иерархичность, столь свойственная феодальному обществу,— главная особенность этой системы. На ее разных уровнях находят себе место все рассмотренные типы поселений.

Чем выше ранг (ступень системы) поселения, тем разнообразнее и существеннее были функции, выполняемые им. Между поселениями, занимавшими соседние ступени иерархии, много общего. На ограниченном фактическом материале их даже трудно различать между собой. Однако в ее крайних пунктах отличия перерастают в социально-экономическую противоположность города и деревни. Город, таким образом, рождается не арифметической суммой функций, характерных для предшествующих типов поселений, а их множеством. Количество переходит в качество. Поэтому нельзя согласиться с мнением, что могли существовать города, у которых отсутствовали какие-либо экономические, военно-политические, административно-хозяйственные или иные функции. Такие поселения только находились на пути превращения в города.

Если центры погостов или волостей были «узлами прочности» государственной сети Руси, то города скрепляли ее отдельные полотнища в единое целое. Именно они стали «точками роста» феодальной социально-экономической формации (Рыбаков Б. А., 1982, с. 437).

Социальные отличия древнерусских поселений впервые четко обнаруживают себя в археологических материалах IX — начала XI в. В течение XI в. при общем увеличении численности поселений отмирают отжившие и кристаллизуются, обретая конкретные формы, их новые типы. К середине XII в. социальная иерархия поселений Руси предстает во всем своем многообразии. Ее возглавляют высокоразвитые столичные города, окруженные младшими городами-пригородами и порубежными городами-крепостями. Они организуют вокруг себя меньшие волости и погосты со своими центрами. Именно в XII — начале XIII в. втрое увеличивается число малых (площадью до 1 га) укрепленных поселений, большинство из которых, судя по археологическим данным, являлось феодальными усадьбами-замками. Это — наглядное свидетельство успехов феодализации Руси, ее вступления в эпоху развитого феодализма.

Собранные в процессе археологических исследований древнерусских поселений материалы убедительно доказывают высокий уровень развития русских земель накануне нашествия орд Батыя. Страна находилась на подъеме. Ее экономика и культура достигли значительных свершений. В княжествах окрепли собственные центры, соперничавшие с Киевом. Сельское хозяйство базировалось на обширном фонде старопахотных земель. Ремесленники освоили свыше 100 различных специальностей. Их изделия пользовались спросом не только на внутреннем, но и на международных рынках. Русь поддерживала политические и торгово-культурные связи с многими странами. В это время создаются шедевры монументального и прикладного искусства, выдающиеся литературные произведения. Поэтому столь тяжелые последствия имел обрушившийся на Русь удар иноземных захватчиков и последующее жестокое господство ордынского ига.

Больше двух третей древнерусских городов были разрушены и сожжены завоевателями. Почти треть из них так и не смогли преодолеть последствия нашествия.

Однако жестокий удар поразил не одни города. Было уничтожено большинство крепостей и волостных центров, множество погостов и феодальных замков. Лишь на 304 (25%) поселениях этого типа жизнь продолжалась в XIV в. Следовательно, оказалась подорванной вся административно-территориальная система Руси. Массовая гибель феодальных усадеб-замков с одновременным сокращением числа рядовых сельских поселений свидетельствуют о тяжелом уроне, понесенном сельским хозяйством — ведущей отраслью древнерусской экономики. Запустели окультуренные земли, нарушились сложившиеся системы земледелия. Это обстоятельство в не меньшей степени, чем гибель городов, надолго затормозило развитие Руси. Потребовались столетия, чтобы восстановить экономический базис государства.

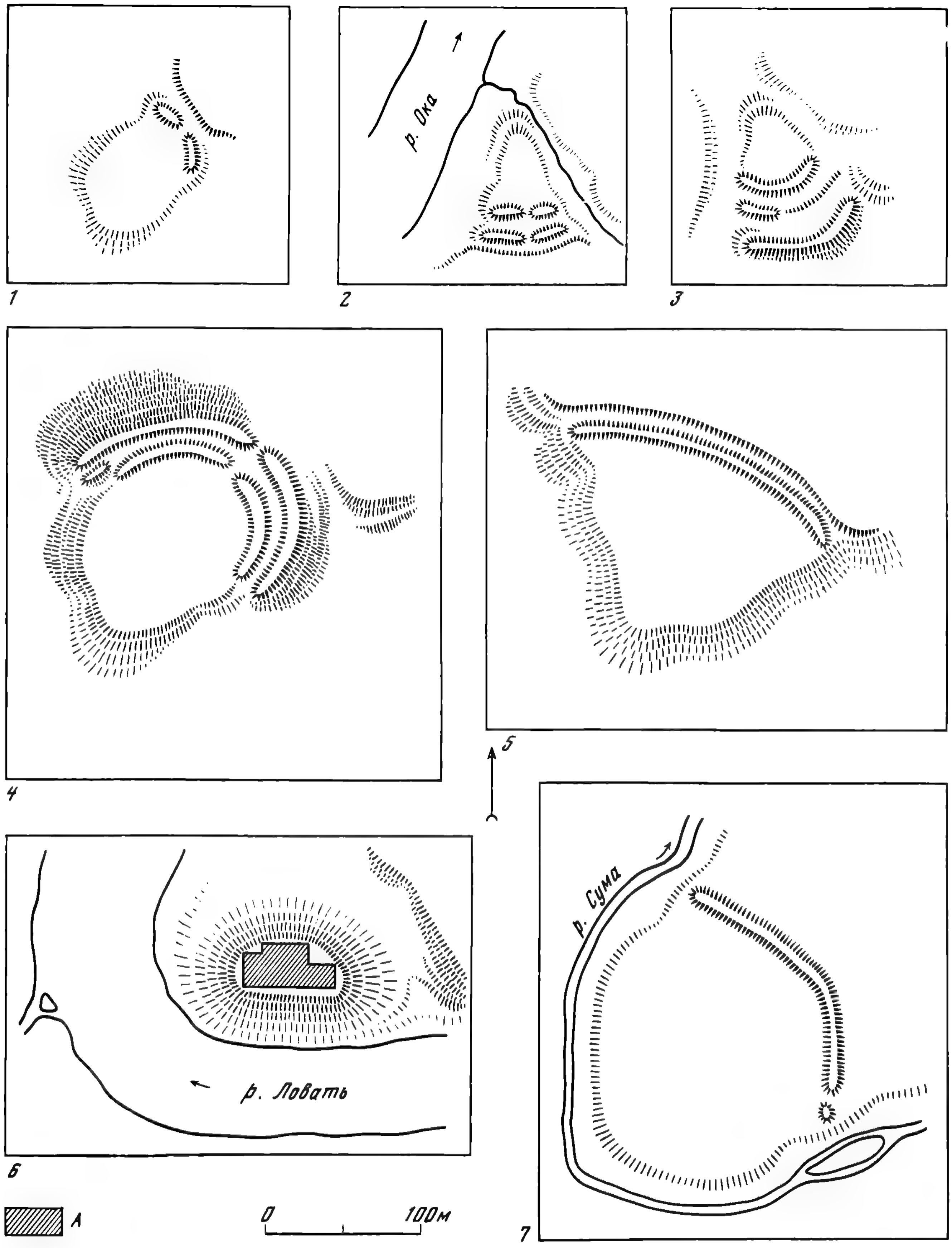


Таблица 5. Укрепленные поселения I типа — оборонительные сооружения полностью подчинены рельефу местности

1 — Чертово городище, по А. А. Мансурову; *2* — городище у дер. Рубцово, по В. А. Городцову; *3* — Палецкое городище, по А. В. Дмитриевской; *4* — городище у дер. Радогоца, по П. А. Раппопорту; *5* — городище у с. Пилипы Хребтиевские, по П. А. Раппопорту; *6* — Городок на Ловати, по Я. В. Станкевич; *7* — городище у пос. Городище, по П. А. Раппопорту. *А* — раскопанная площадь

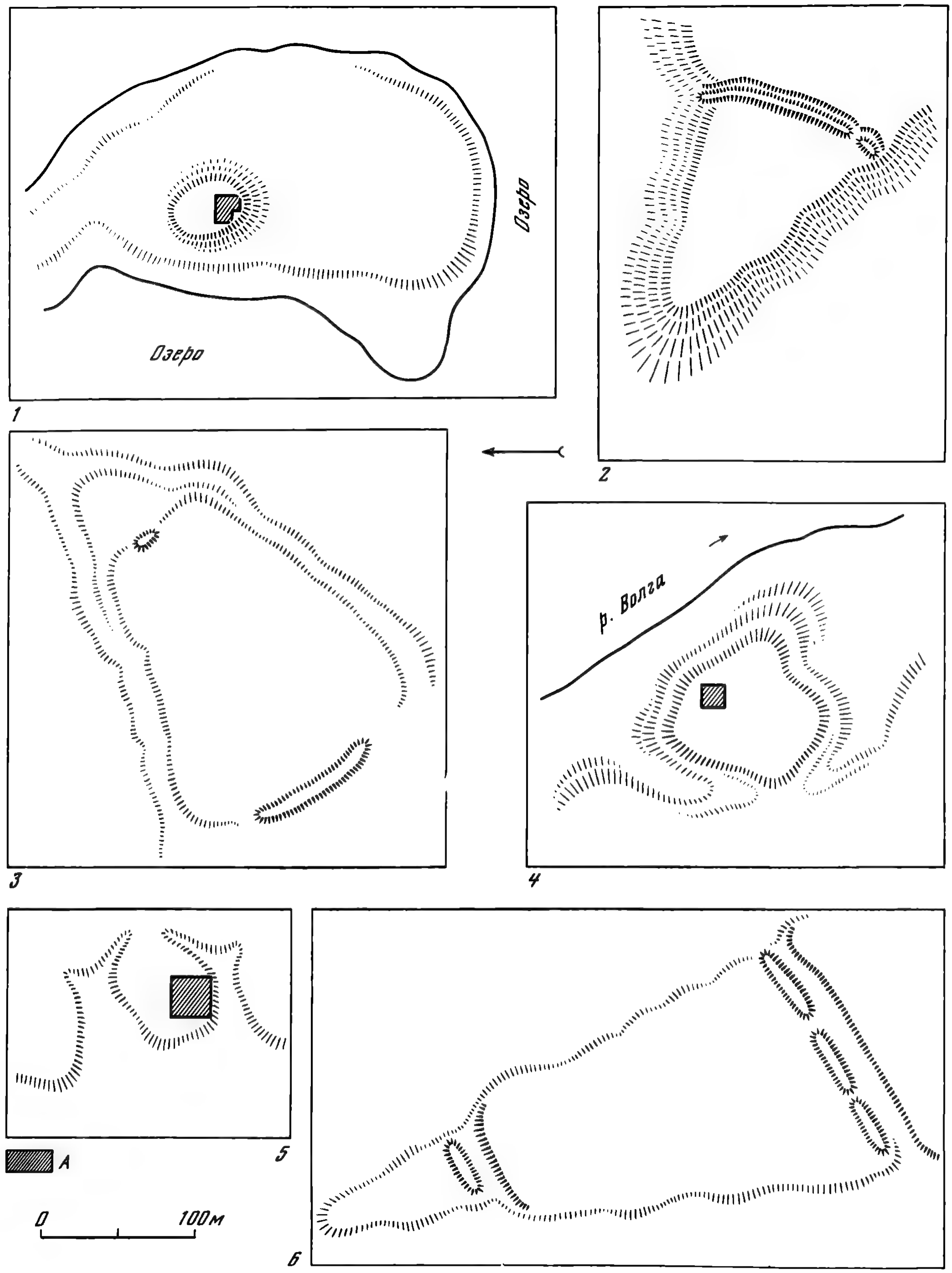


Таблица 6. Укрепленные поселения I типа — оборонительные сооружения полностью подчинены рельефу местности

1 — Жижецкое городище, по Я. В. Станкевич; *2* — городище Гологоры, по П. А. Раппопорту; *3* — городище у быв. погоста Бежицы, по П. А. Раппопорту; *4* — Городня (Вертязин), по Э. А. Рикману и С. А. Таракановой; *5* — Малое Давыдовское городище, по А. Ф. Дубынину; *6* — Ростиславль Рязанский, по Н. П. Милонову. *А* — раскопанная площадь

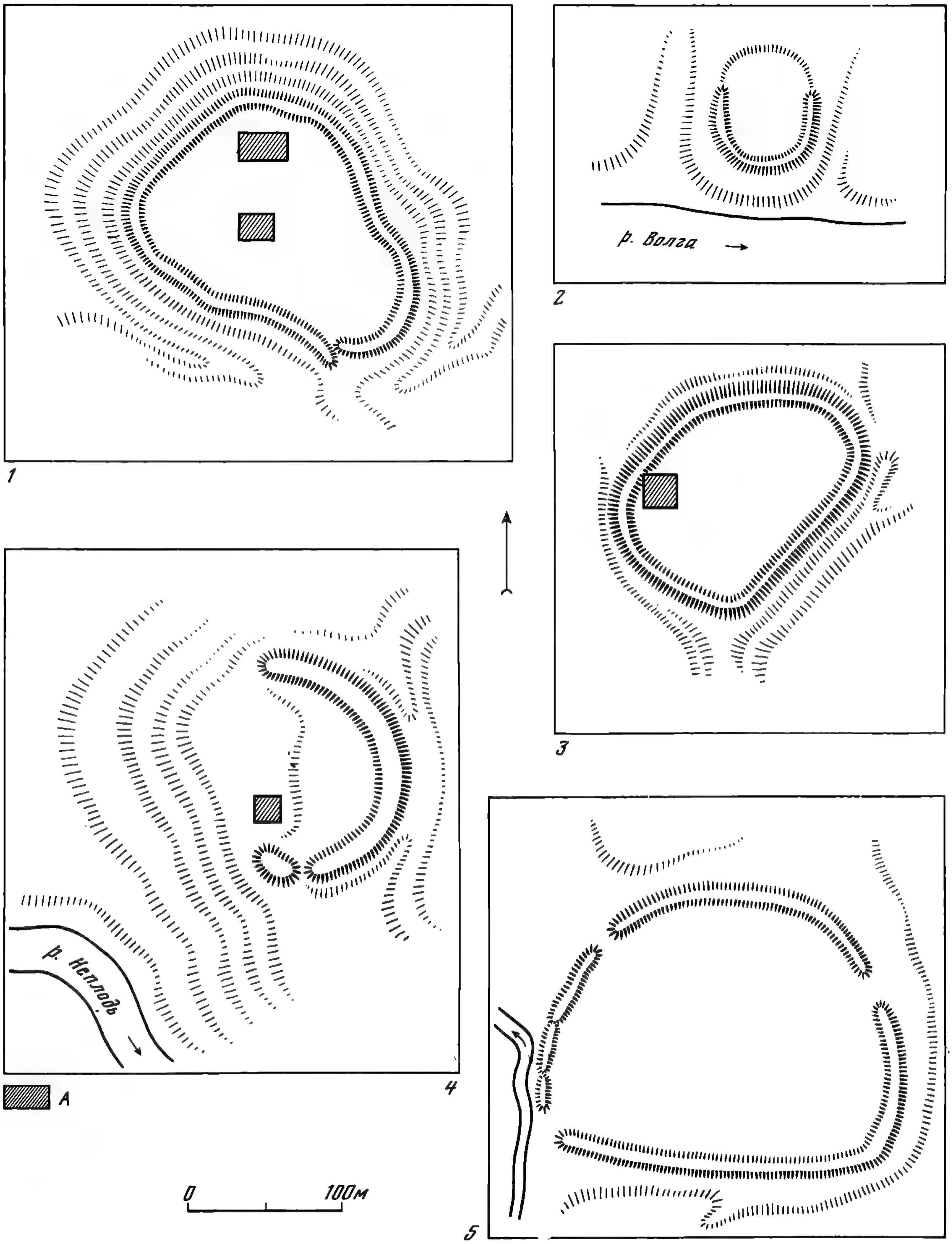


Таблица 7. Укрепленные поселения II типа — оборонительные сооружения частично подчинены рельефу местности

1 — Мстиславль Смоленский, по Л. В. Алексееву; *2* — Осечен; *3* — Сунгировское городище, по Н. Н. Воронину; *4* — Спасское городище (Спашь?), по Т. Н. Никольской; *5* — городище Бушево, по М. П. Кучере. *А* — раскопанная площадь

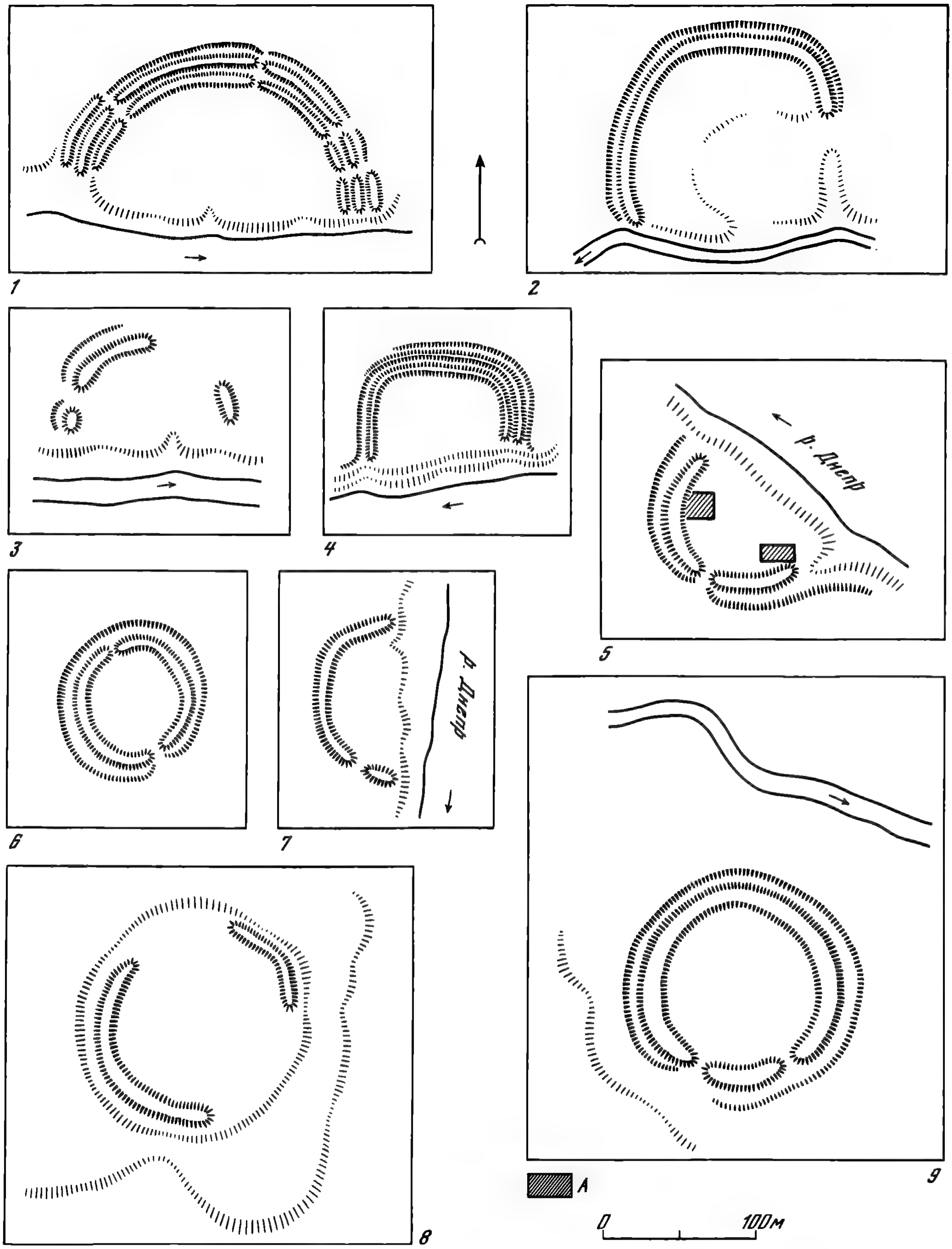


Таблица 8. Укрепленные поселения III типа — оборонительные сооружения не зависят от рельефа местности

1 — Романово-Борисоглебское городище, по В. А. Городцову; *2* — городище Круча (Тарасовка) по В. Г. Ляскоронскому; *3* — городище у дер. Вигуровщина, по П. А. Раппопорту; *4* — городище у дер. Углаты, по С. С. Шутову и А. З. Ковалене; *5* — городище у с. Зборово, по Г. Ф. Соловьевой; *6* — городище Замочек у Заславля, по А. Н. Лявданскому; *7* — городище Попова Гора, по А. З. Ковалене; *8* — городище у с. Гайворон, по Ю. Ю. Моргунову; *9* — городище у с. Липовое, по В. Г. Ляскоронскому. *А* — раскопанная площадь

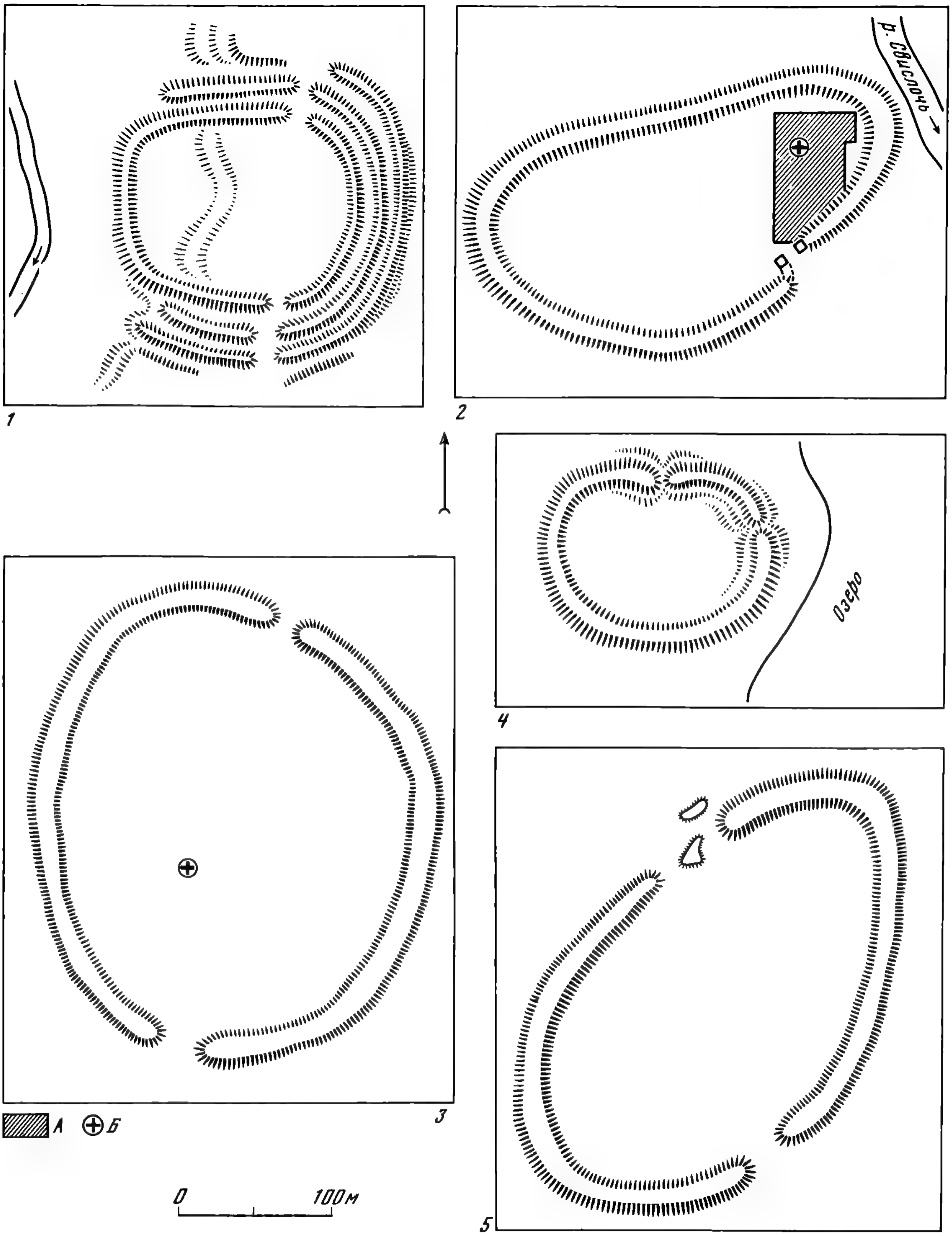


Таблица 9. Укрепленные поселения III типа — оборонительные сооружения не зависят от рельефа местности

1 — Жокинское городище, по А. Л. Монгайту; *2* — Минское Замчище, по Э. М. Загорульскому: *а* — руины безымянной церкви начала XII в.; *3* — городище «Кривит» в Торопце, по П. А. Раппопорту; *4* — городище в Юрьеве Польском, по П. А. Раппопорту; *5* — городище в Дмитрове, по Н. П. Милонову. *А* — раскопанная площадь; *Б* — собор

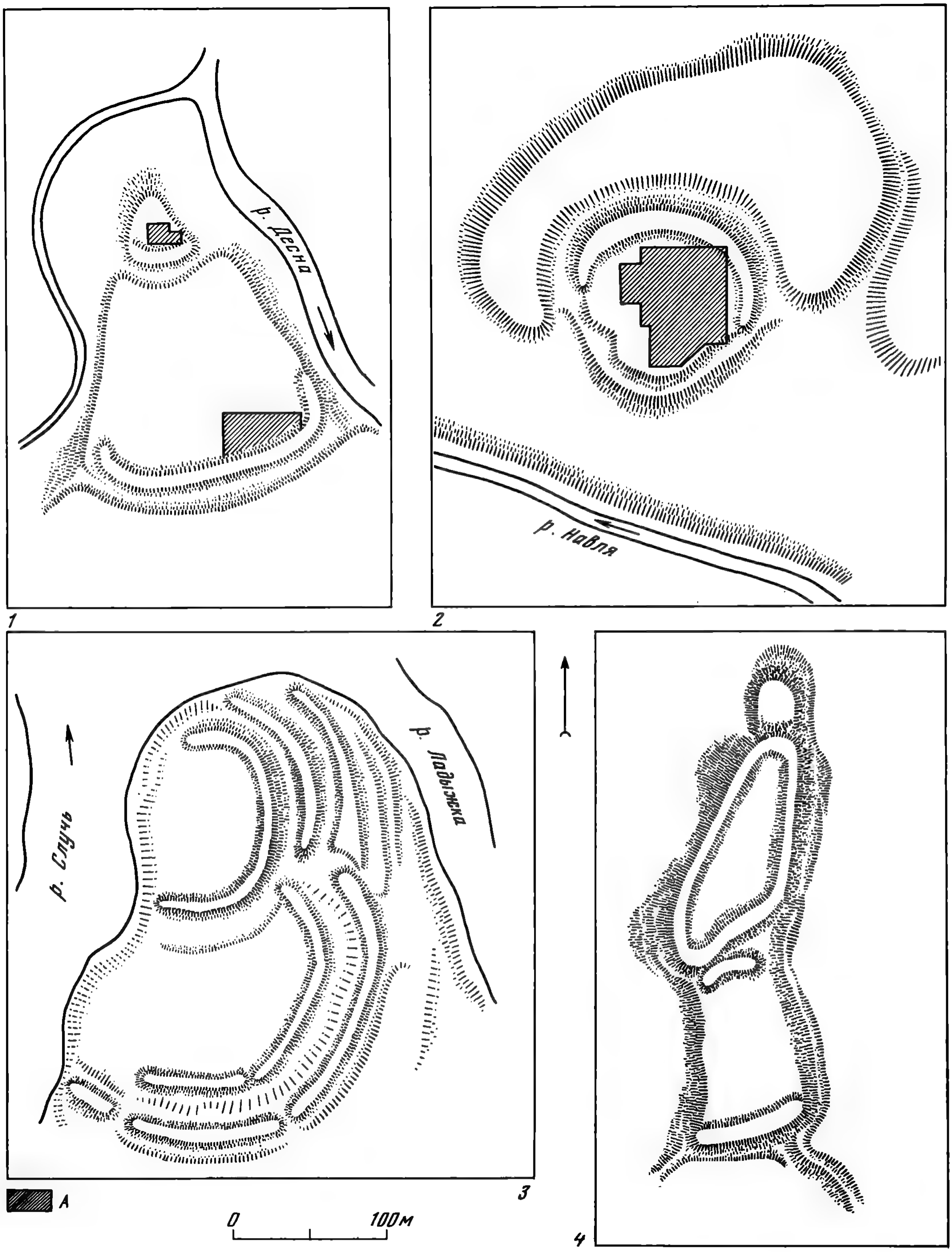


Таблица 10. Укрепленные поселения IV типа — сложная планировка (несколько укрепленных частей)

1 — городище Осовик, по К. В. Павловой и П. А. Раппопорту; *2* — городище Слободка, по Т. Н. Никольской; *3* — городище у с. Губин, по П. А. Раппопорту; *4* — городище Кветунь, по М. В. Воеводскому и В. А. Падину. *А* — раскопанная площадь

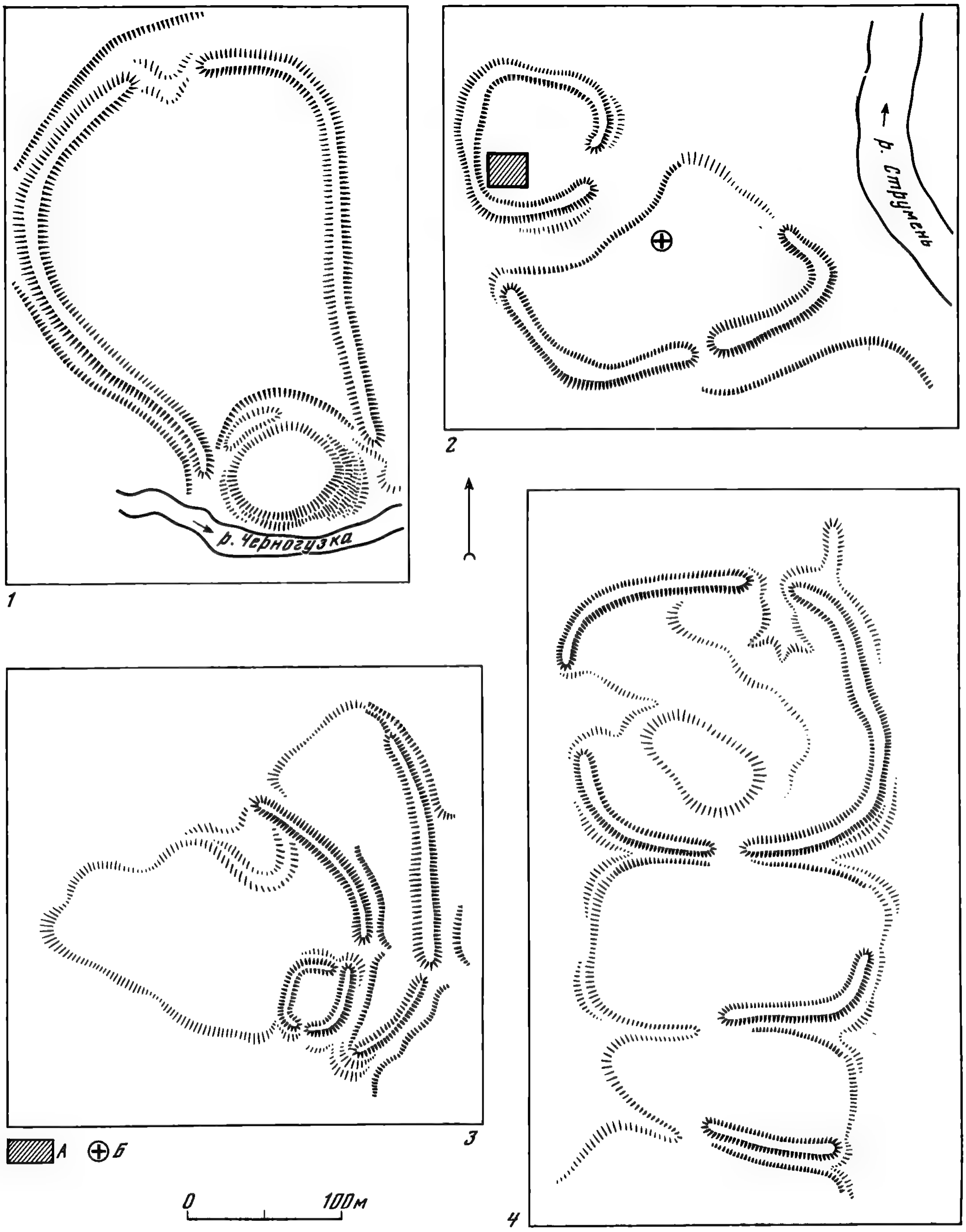


Таблица 11. Укрепленные поселения IV типа — сложная планировка (несколько укрепленных частей)

1 — Коршовское городище, по П. А. Раппопорту; *2* — городище в Турове, по П. А. Раппопорту; *3* — городище у с. Сонсядка (древний Сутейск), по З. Вартоловской; *4* — Китаевское городище, по П. А. Раппопорту. *А* — раскопанная площадь; *Б* — храм XII в.

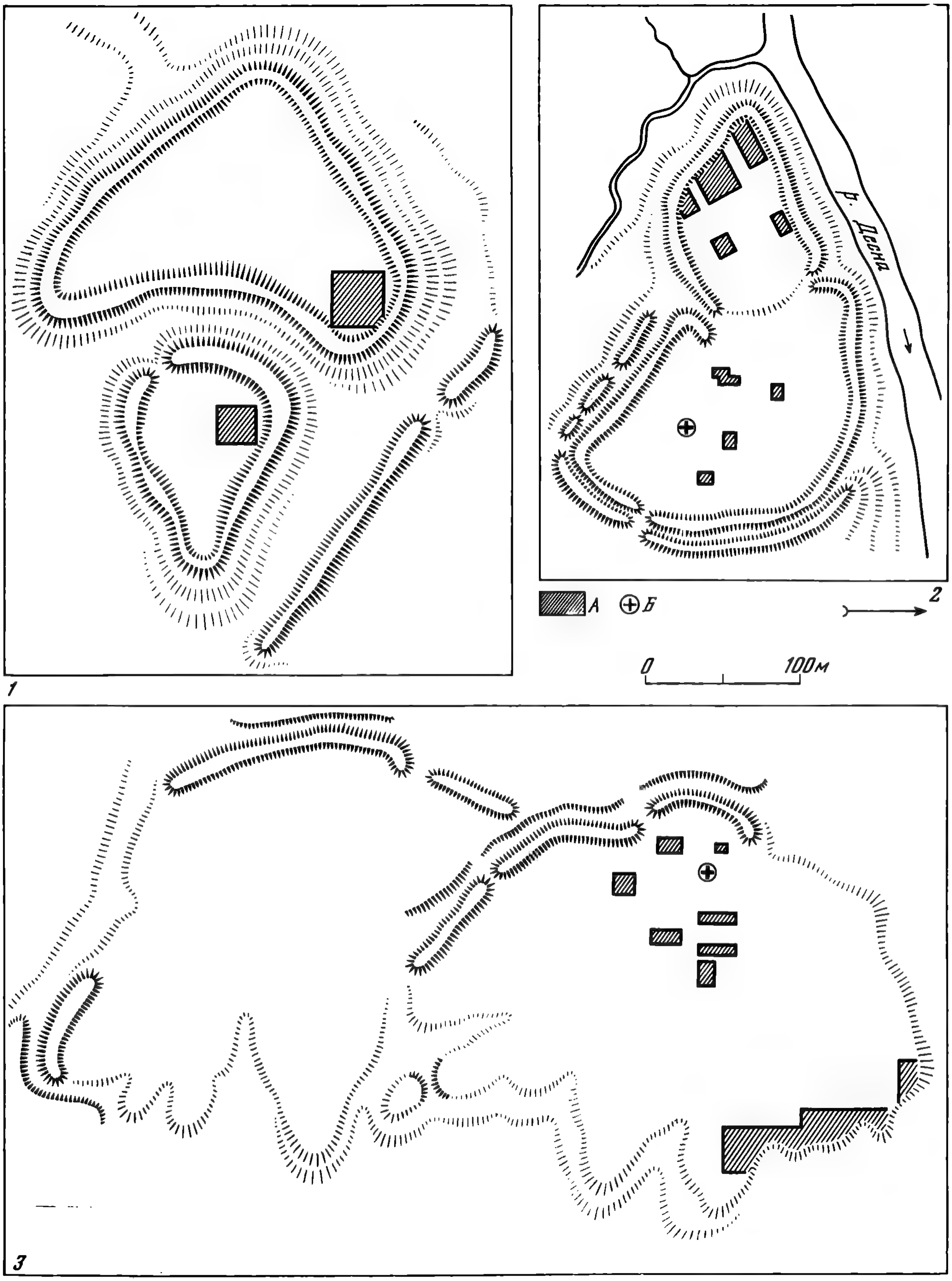


Таблица 12. Укрепленные поселения IV типа — сложная планировка (несколько укрепленных частей)

1 — городище в Новогрудке, по П. А. Раппопорту; *2* — городище во Вщиже, по Б. А. Рыбакову с церковью XII в.; *3* — городище в Вышгороде, по П. А. Раппопорту с церковью Бориса и Глеба XI в. *А* — раскопанная площадь; *Б* — храм

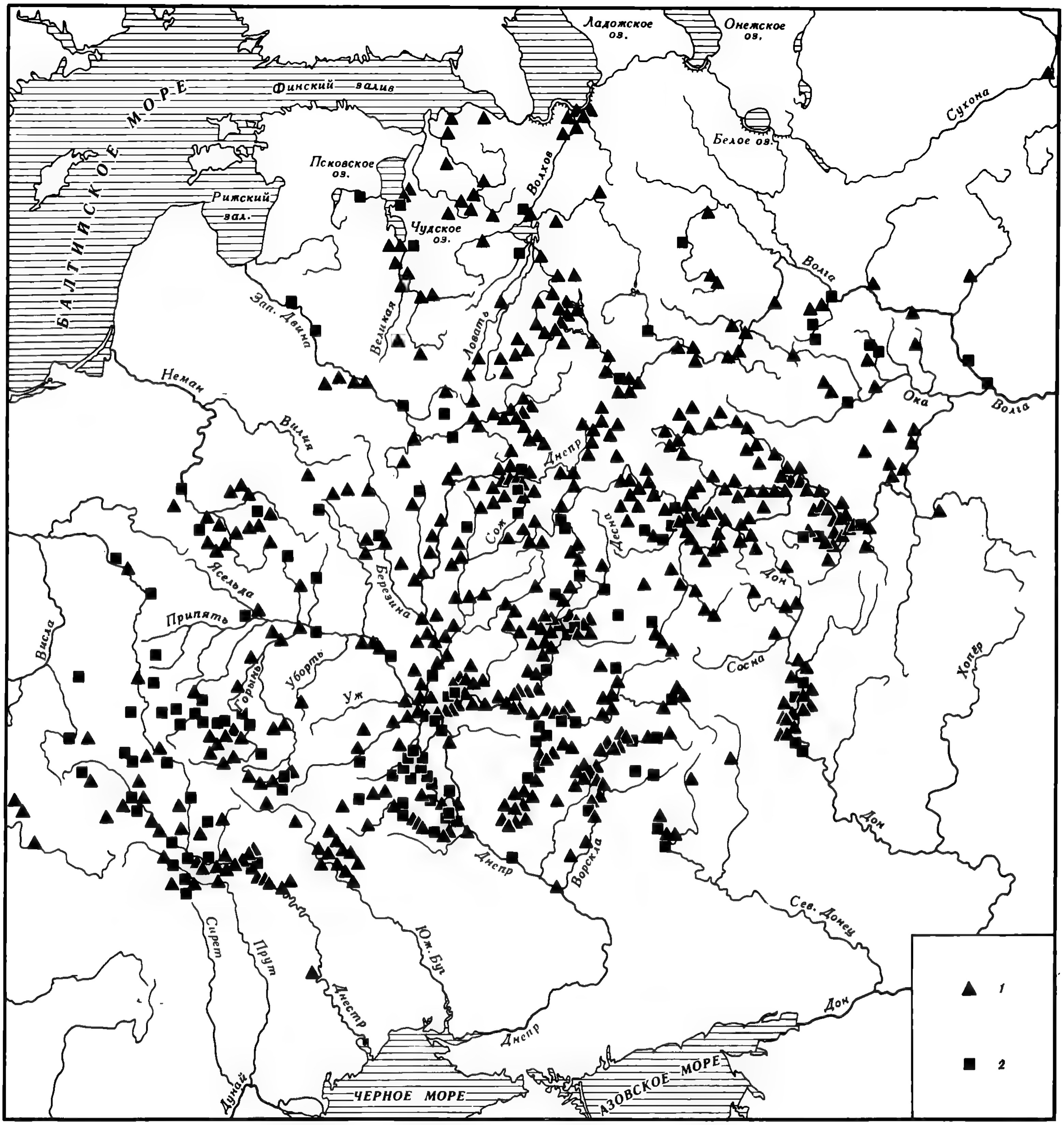


Таблица 13. Распределение укрепленных поселений по типам планировки оборонительных сооружений

1 — тип I — поселения, оборонительные сооружения которых полностью подчинены рельефу местности; *2* — тип IV — поселения сложного плана, имеющие несколько укрепленных частей

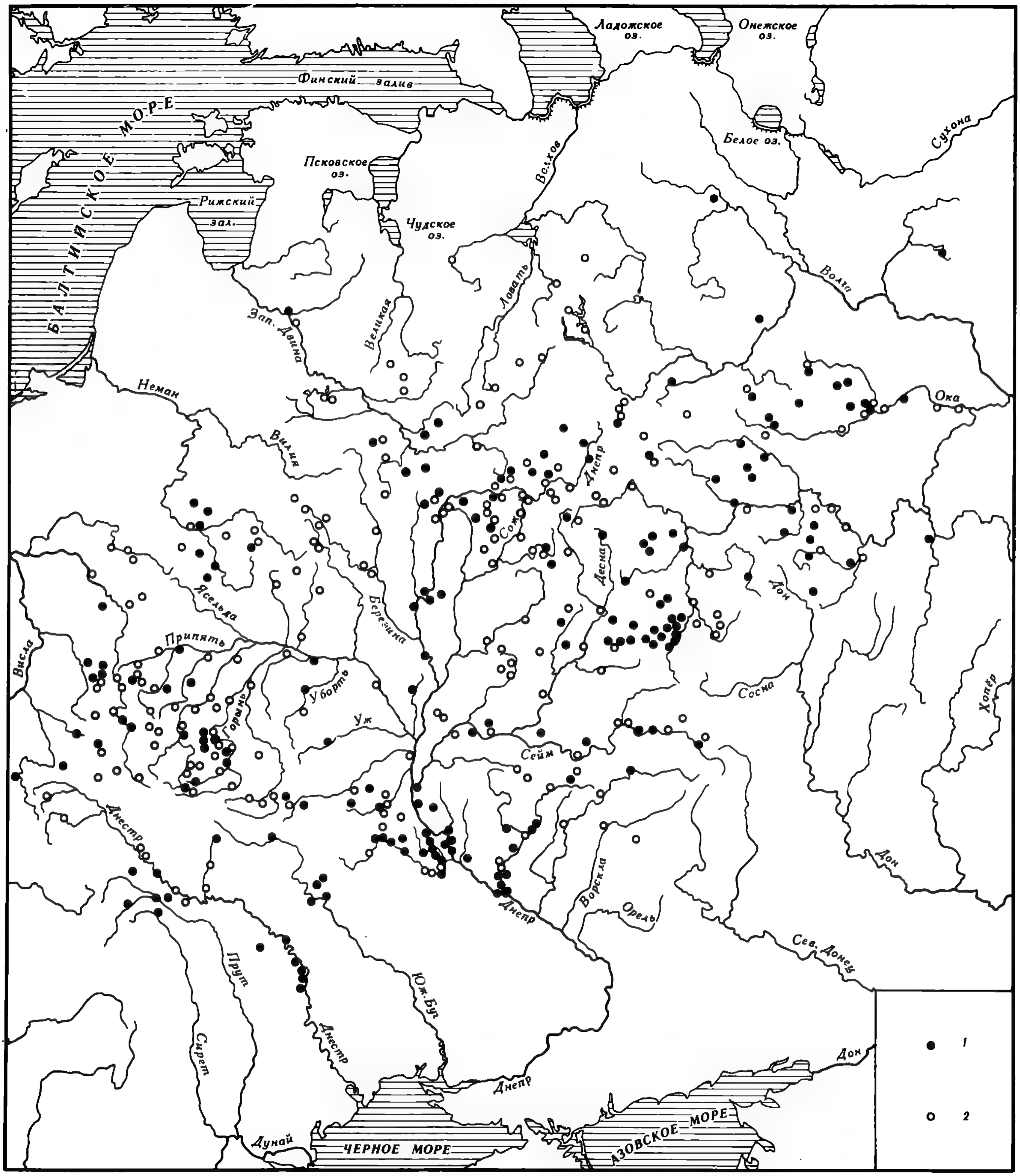


Таблица 14. Распределение укрепленных поселений по типам планировки оборонительных сооружений

1 — тип II — поселения, оборонительные сооружения которых лишь частично используют рельеф местности; *2* — тип III — поселения, оборонительные сооружения которых построены вне зависимости от рельефа местности

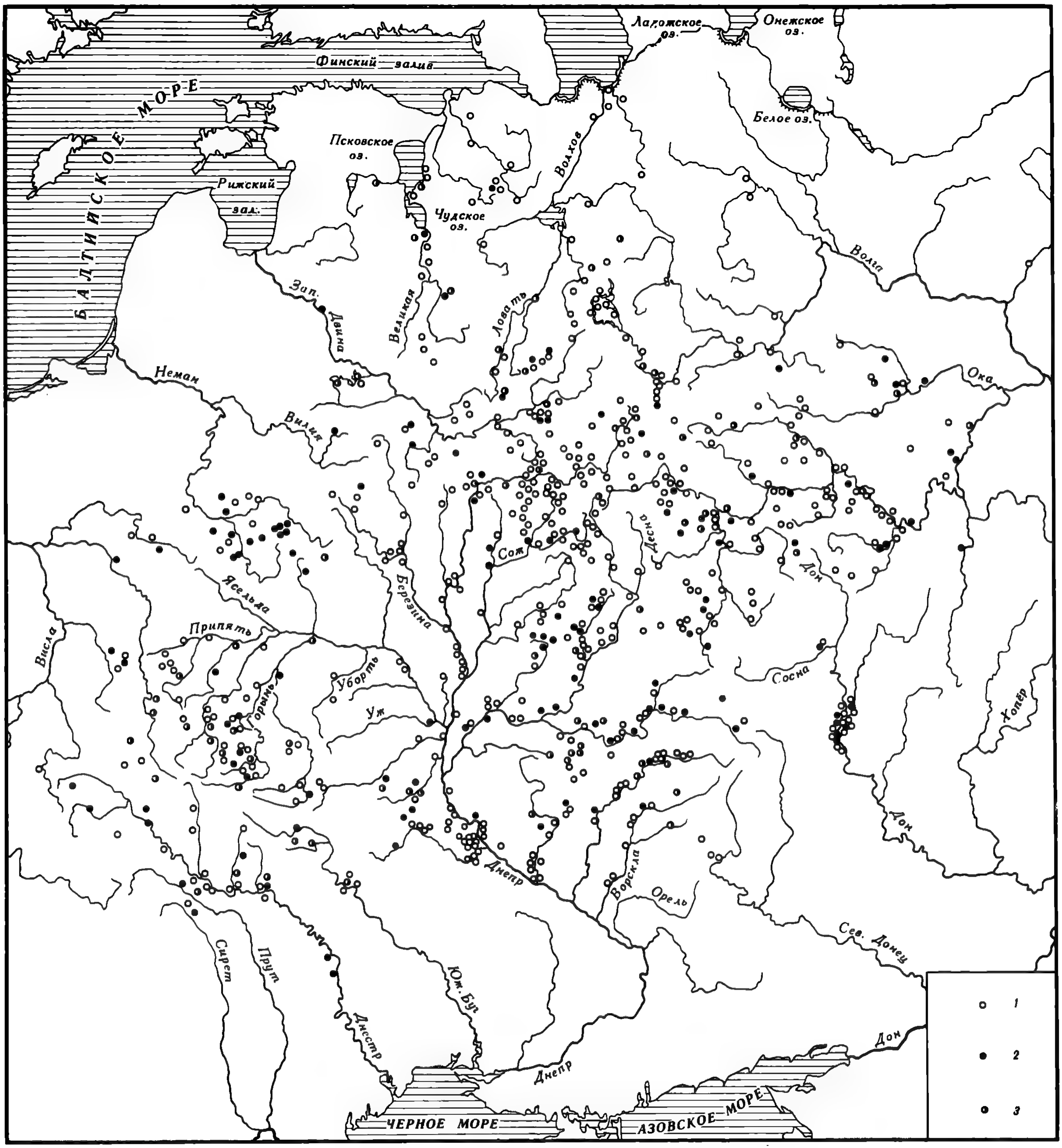


Таблица 15. Распределение поселений по размерам укрепленных площадей

1 — поселения с укрепленной площадью до 0,3 га; *2* — поселения с укрепленной площадью от 0,3 до 0,5 га; *3* — поселения площадью от 0,5 до 1 га

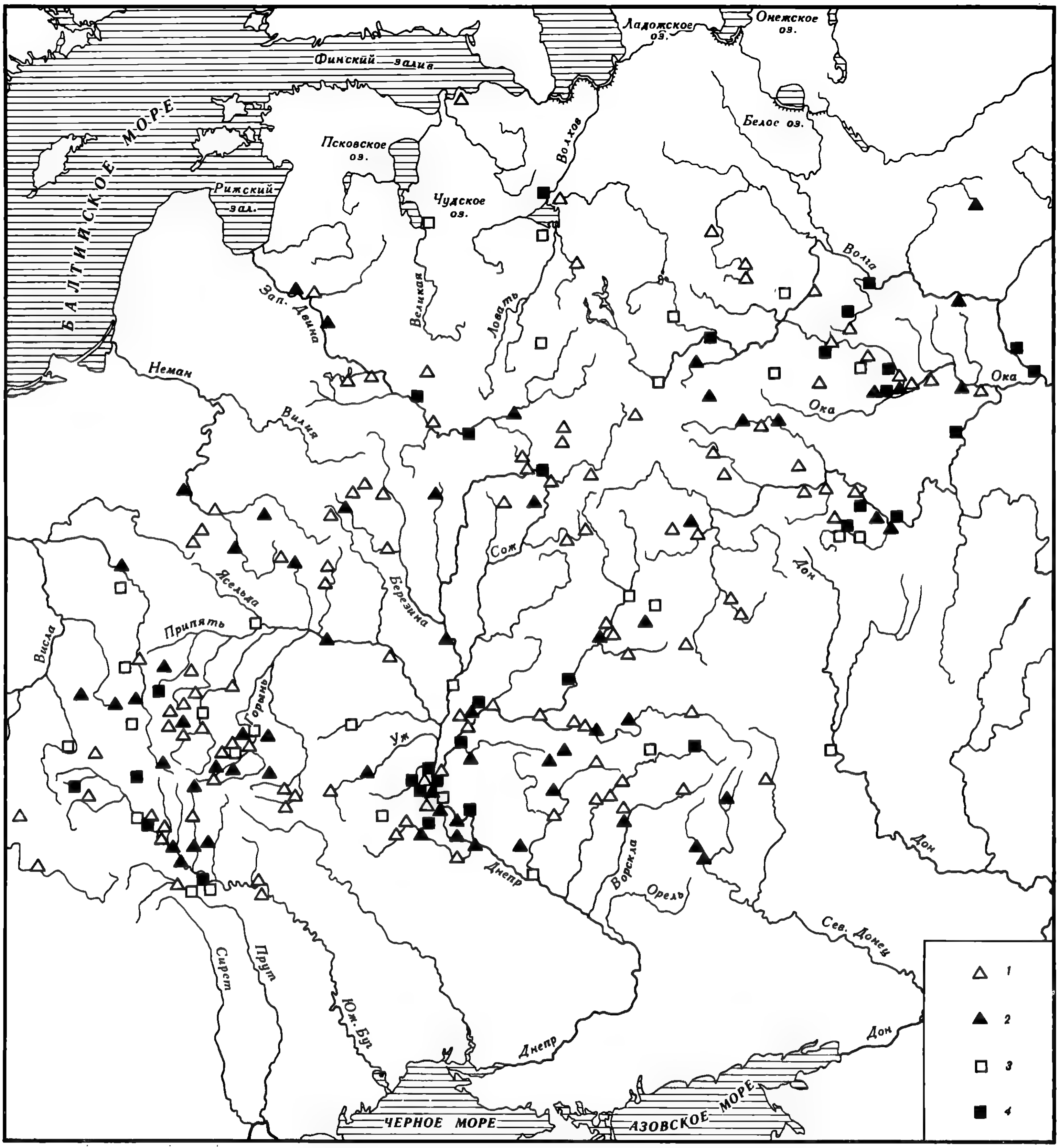


Таблица 16. Распределение поселений по размерам укрепленных площадей

1 — поселения с укрепленной площадью от 1 до 2,5 га; *2* — поселения с укрепленной площадью от 2,5 до 5 га; *3* — поселения с укрепленной площадью от 5 до 10 га; *4* — поселения с укрепленной площадью свыше 10 га.

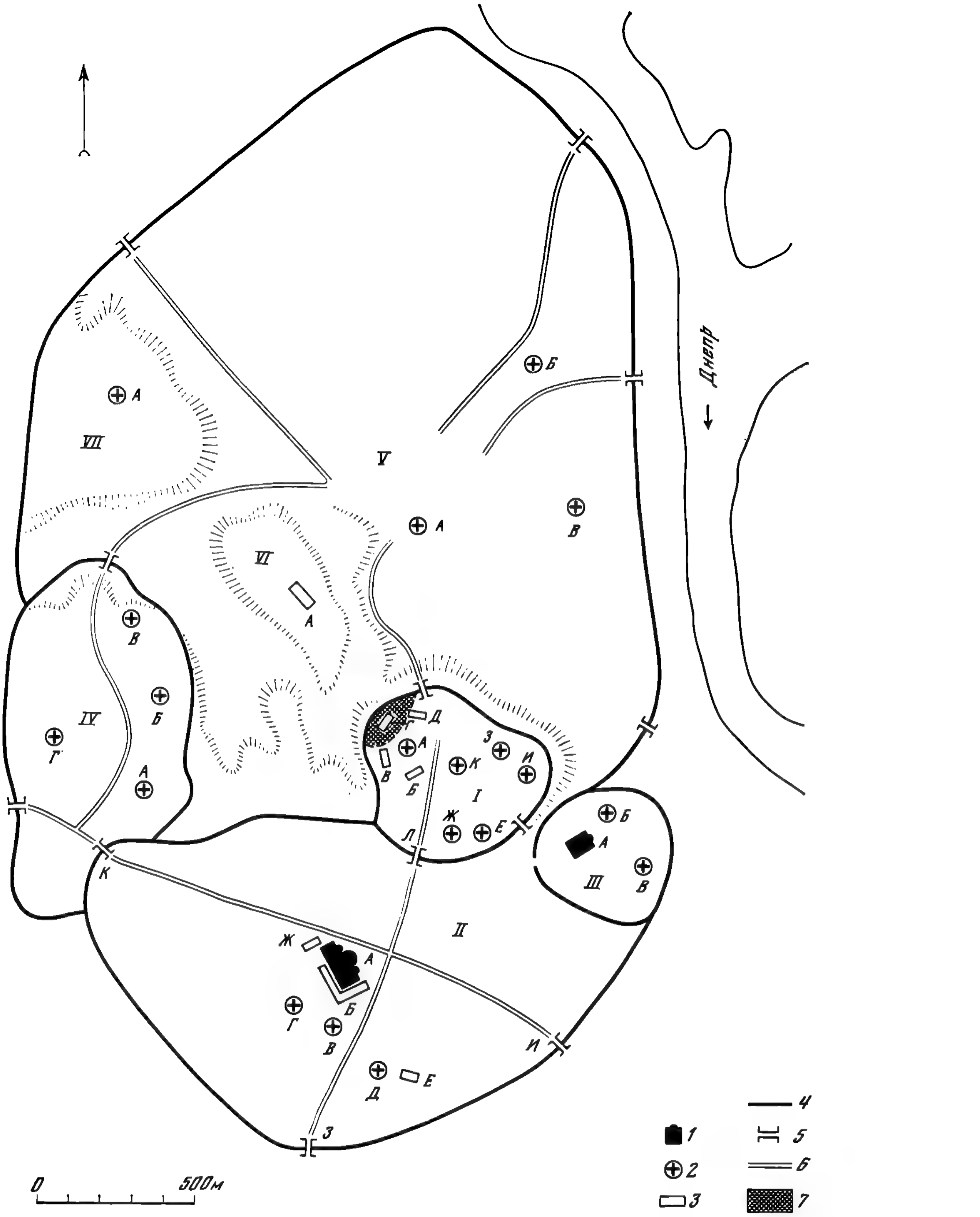


Таблица 22. Древний Киев, по П. П. Толочко

I — город Владимира: *А* — Десятинная церковь (время строительства 989—996 гг.); *Б, В, Г, Д* — княжеские дворцы (X в.); *Е* — Янчин монастырь (церковь св. Андрея освящена в 1131 г.); *Ж* — монастырь св. Феодора (церковь заложена в 1129 г.); *З* — Воздвиженская церковь (построена в 1225 г.); *И* — ротонда (XII—XIII вв.); *К* — Софийские ворота

II — город Ярослава: *А* — Софийский собор (1017—1037 гг.); *Б* — стена митрополичьего двора (XI в.); *В* — Георгиевский монастырь (церковь построена около 1051—1053 гг.); *Г* — церковь Богородицы (?) (XI в.); *Д* — Ирининский монастырь (церковь построена около 1051—1053 гг.); *Е* — Каменный дворец (XI в.); *Ж* — баня на митрополичьем дворе (XI в.); *З* — Золотые ворота (1037 г.); *И* — Лядские ворота (1037 г.); *К* — Жидовские ворота (1037 г.)

III — город Изяслава-Святополка: *А* — Михайловская Златоверхая церковь Дмитриевского (позднее Михайловского) монастыря (заложена в 1108 г.); *Б* — Дмитриевская церковь (60-е годы XI в.); *В* — церковь св. Петра (около 90-го года XI в.)

IV — Копырев конец: *А, Б* — храмы Семионовского монастыря (вторая половина XI в.); *В* — церковь св. Иоанна (заложена в 1121 г.); *Г* — храм безымянный (конец XII — начало XIII в.)

V — Подол: *А* — церковь Богоматери Пирогощи (1132—1136 гг.); *Б* — церковь св. Михаила — Новгородская божница (около середины XII в.); *В* — церковь Бориса и Глеба-Турова божница (около середины XII в.)

VI — Замковая гора: *А* — каменная постройка, возможно, дворцовая (время сооружения неизвестно)

VII — Щековица: *А* — церковь (упомянута в летописи под 1183 г.)

1 — существующие храмы; *2* — развалины храмов; *3* — дворцовые постройки; *4* — линии укреплений; *5* — ворота; *6* — основные дороги; *7* — город Кия

Таблица 23. План древнего Новгорода X — XIV вв., по Б. А. Колчину и В. Л. Янину

I — Софийская сторона; II — Торговая сторона
Улицы Софийской стороны: 1 — Дословая; 2 — Яковлева; 3 — Боркова; 4 — Холопья; 5 — Кузьмодемьянская; 6 — Розважа; 7 — Щеркова; 8 — Янева; 9 — Ростокино; 10 — Хревкова; 11 — Легоща; 12 — Чудинцева; 13 — Великая; 14 — Пискупля; 15 — Пробойная Людина конца; 16 — Прусская; 17 — Добрыня; 18 — Волосова; 19 — Ярышева; 20 — Черницына; 21 — Рядятина; 22 — Воздвиженская; 23 — Лукина
Улицы Торговой стороны: 1 — Конюхова; 2 — Щитная; 3 — Молотковская; 4 — Маницына; 5 — Никитина; 6 — Федорова; 7 — Плотенская пробойная; 8 — Пробойная; 9 — Коржева; 10 — Славкова; 11 — Рогатина; 12 — Буяна; 13 — Лубяница; 14 — Ильина; 15 — Славная; 16 — Витков переулок; 17 — Дубошин переулок; 18 — Нутная; 19 — Варецкая; 20 — Воскресенская; 21 — Кироивановская; 22 — Кончанская; 23 — Бардова; 24 — Загородская; 25 — Михайлова
Церкви Софийской стороны: А — собор Софии; Б — Бориса и Глеба; В — Входоиерусалимская; Г — Сорока мучеников; Д — Спаса Преображения; Е — Гавриила; Ж — Константина и Елены на Роскине улице; З — Константина и Елены на Яневой улице; И — Иоанна Предтечи; К — Симеона Столпника; Л — Двенадцати апостолов; М — Кузьмы и Демьяна на Кузьмодемьянской улице; Н — Саввы; О — Федора Стратилата; П — Кузьмы и Демьяна на Холопьей улице; Р — Пантелеймона; С — Мины; Т — Дмитрия; У — Введения; Ф — Михаила; Х — Якова; ХБ — Рождества Богородицы Десятинного монастыря; Ц — Образа; Ч — Василия Парийского; Ш — Всех святых; ШБ — Власия; Щ — Варвары; Ъ — Георгия; Й — Вознесения; Ь — Николы; Э — Троицы; Ю — Воздвижения; Я — Луки
Церкви Торговой стороны: А — Николы на Дворище; Б — Параскевы Пятницы; В — Ивана на Опоках; Г — Бориса и Глеба на Торгу; Д — Георгия на Торгу; Е — Успения на Торгу; Ж — Жен-мироносиц; З — Прокопия; И — Дмитрия; К — Михаила Архангела; Л — Климента; М — Дмитрия Солунского; Н — Федора Стратилата; О — Собора Богородицы; П — Рождества Богородицы на Михалице; Р — Никиты; С — Андрея Стратилата; Т — Ефимьевский монастырь; У — Бориса и Глеба в Плотниках; Ф — Ипатия на Рогатице; Х — Луки на Лубянице; Ц — Спаса на Ильине; Ч — Знамения; Ш — Филиппа апостола; Щ — Ильи пророка; Ы — Святых отцов; Э — Петра и Павла на Славне; Ю — монастырь Павла исповедника и церковь Воскресения
1 — церкви, сохранившиеся до наших дней; 2 — церкви, обнаруженные при археологических исследованиях или упоминаемые в Новгородской летописи; 3 — территория Торга; 4 — Немецкий двор; 5 — Готский двор; 6 — Окольный город, построен в конце XIV — первой половине XV в.

Таблица 24. Столицы древнерусских земель-княжений

1 — древний Суздаль, по Д. А. Варганову: А — собор Рождества Богородицы XII в.
2 — древний Владимир, по Н. Н. Воронину: А — церковь Спаса XII в.; Б — церковь Георгия XII в.; В — Успенский собор XII в.; Г — Дмитриевский собор XII в.; Д — Рождественский монастырь конца XII в.; Е — Успенский собор Княгинина монастыря начала XIII в.; Ж — церковь Воздвижения на торгу; З — Вознесенский монастырь; И — Золотые ворота; К — Серебряные ворота; Л — Иринины ворота; М — Медные ворота; Н — Торговые ворота; О — Ивановские ворота; П — Волжские ворота; Р — ворота детинца с надвратной церковью Иоякима и Анны конца XII в.
3 — древний Полоцк, по Л. В. Алексееву: А — Софийский собор XI в.; Б — церковь на рву XII в.; В — церковь XII в. в детинце; Г — терем XII в.; Д — церковь на Нижнем Замке XII в.
4 — Старая Рязань, по В. А. Городцову: А — Спасский собор XII в.; Б — Борисоглебский собор XII в.; В — Успенский собор XII в.
1 — храм; 2 — терем

Таблица 25. Столицы древнерусских земель-княжений

Вверху: План древнего Смоленска, по В. А. Сапожникову:
Концы древнего Смоленска: I — Крылошевский; II — Пятницкий; III — Городенский
Каменные здания XII—XIII вв.: А — Успенский собор, 1101 г.; Б — бесстолпный храм, середина XII в.; В — терем, середина XII в.; Г — церковь в устье р. Чуриловка, конец XII — первая половина XIII в.; Д — руины церкви на бывш. улице Богословская Козинка (совр. Пушкина); Е — ротонда, вторая половина XII в.; Ж — церковь Иоанна Богослова, между 1160 и 1180 гг.; З — руины церкви (Иоанна Полутелого — ?); И — «Пятницкая» церковь, конец XII в.; К — церковь на Воскресенской горе, конец XII — начало XIII в.; Л — руины церкви Пятницкого монастыря (?); М — церковь Малая Пятницкая (?); Н — церковь Бориса и Глеба (?); О — руины неизвестной церкви; П — руины церкви (Михаила Архангела); Р — церковь Симеона (?), конец XII в.; С — церковь Лазаревская (?); Т — церковь на углу улиц Покровской (совр. Тимирязева) и Зеленый ручей; У — Спасская церковь, XII в.; Ф — Авраамьевский монастырь, начало XIII в.; Х — руины неизвестной церкви, первая половина XII в.; Ц — церковь на р. Малой Рачевке, конец XII — первая половина XIII в.; Ч — церковь в Перекопном переулке, середина XII в.; Ш — церковь Петра и Павла, середина XII в.; Щ — руины неизвестной церкви; Э — Ильинская церковь (?); Ю — церковь Екатерины (?)
Ворота «Старого города»: а — Пятницкие; б — Фроловские (Днепровские); в — Крылошевская башня; г — Крылошевские; д — Духовские; е — Заднепровские
Улицы древнего Смоленска. 1—1 — Большая проезжая; 2—2 — Большая дорога; 3 — часть неизвестной улицы к востоку от современной улицы Соборная гора; 4 — часть неизвестной улицы в районе бывших Лазаревских ворот крепости Ф. Коня; 5—5 — неизвестная улица на Соборной горе; 6—6 — Щель; 7—7 — Отцовская гора; 8—8 — Резницкая; 9—9 — Воскресенская; 10—10 — Пятницкая (Рясна); 11—11 — Спасская; 12—12 — Петропавловская
1 — Владычен двор на Соборной горе, с 1136 г.: 2 — «Старый город», не позднее начала XII в.; 3 — Пятницкий острог, вторая половина XII в. (до 1197 г.); 4 — Заднепровский острог, к началу XV в.; 5 — улицы; 6 — границы городских концов; 7 — каменные здания XII—XIII вв.; 8 — концы средневекового Смоленска
Внизу: План древнего Пскова, по И. К. Лабутиной: 1 — древнейшее псковское укрепление; 2 — укрепления 1309 г.; 3 — крепостная стена 1375 г.; 4 — крепостная стена 1465 г.; 5 — церкви и монастыри XII—XIV вв.: А — Троицкий собор; Б — церкви Довмонтова города Дмитрия Солунского, Тимофея Газского, Софии, Воскресения, Николы на Гребле, Покрова, Рождества Христова, Святого Духа, Кирилла, Федора Стратилата; В — Бориса и Глеба; Г — Петра и Павла с Бую; Д — Богоявления; Е — Власия; Ж — Воздвижения Креста; З — Николы в Песках; И — Михаила Архангела; К — Старое Вознесение; Л — Козьмы и Демьяна на Гремячей Горе; М — Преображения; Н — Николы на Усохе; О — Василия на Горке; П — Ивановский монастырь; Р — Михаила и Гавриила в Поле; С — Спасо-Мирожский монастырь; Т — церковь Георгия; У — Пантелеймона на Красном дворе; Ф — Новое Вознесение; 6 — улицы Пскова: 1—1 — Великая; 2—2 — Кузнецкая; 3—3 — Трупехова; 4—4 — Петровская (?); 5—5 — Званица; 6—6 — название неизвестно; 7—7 — Толокнянка; 8—8 — название неизвестно; 7 — курганное кладбище Пскова X—XI вв.; 8 — древнейшее поселение IX—X вв.; 9 — поселение X—XI вв.; 10 — поселение XI — начала XII в.; 11 — территория, заселявшаяся с XII в.; 12 — территории, заселявшиеся с XIII в.; 13 — районы города: I — Кром — детинец Пскова; II — Довмонтов город; III — Средний город; IV — Окольный город (Полонище); V — Окольный город (Запсковье); VI — Завеличье

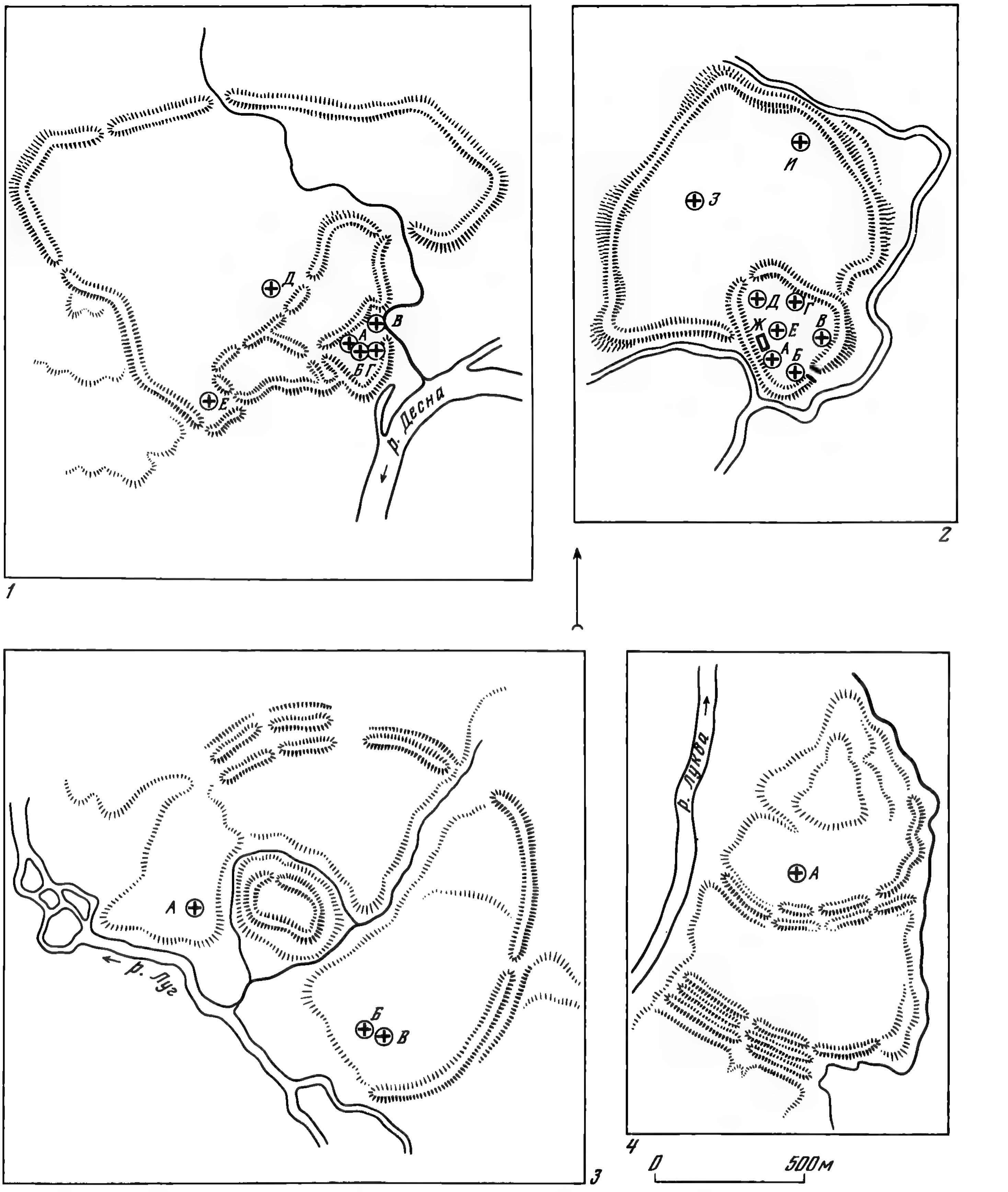


Таблица 29 Столицы древнерусских земель-княжений

1 — древний Чернигов, по Б. А. Рыбакову: *А* — Спасский собор XI в.; *Б* — Борисоглебский собор начала XII в.; *В* — Благовещенская церковь XII в.; *Г* — Михайловская церковь XII в.; *Д* — Пятницкая церковь конца XII в.; *Е* — Успенская церковь XII в.

2 — древний Переяславль, по П. А. Раппопорту: *А* — церковь Михаила XI в.; *Б* — Епископские ворота с надвратной Федоровской церковью конца XI в.; *В* — Андреевская церковь XI в.; *Г* — Богородицкая церковь XI в.; *Д* — Каплица XII в.; *Е* — однонефная церковь XI в.; *Ж* — дворцовая постройка XI в.; *З* — церковь XI в.; *И* — церковь XI в.;

3 — древний Владимир-Волынский, по П. А. Раппопорту: *А* — Успенский собор 1170 г.; *Б* — церковь «Старая Кафедра» XII в.; *В* — Михайловская ротонда XIII в.

4 — древний Галич, по П. А. Раппопорту: *А* — Успенский собор 1152 г.

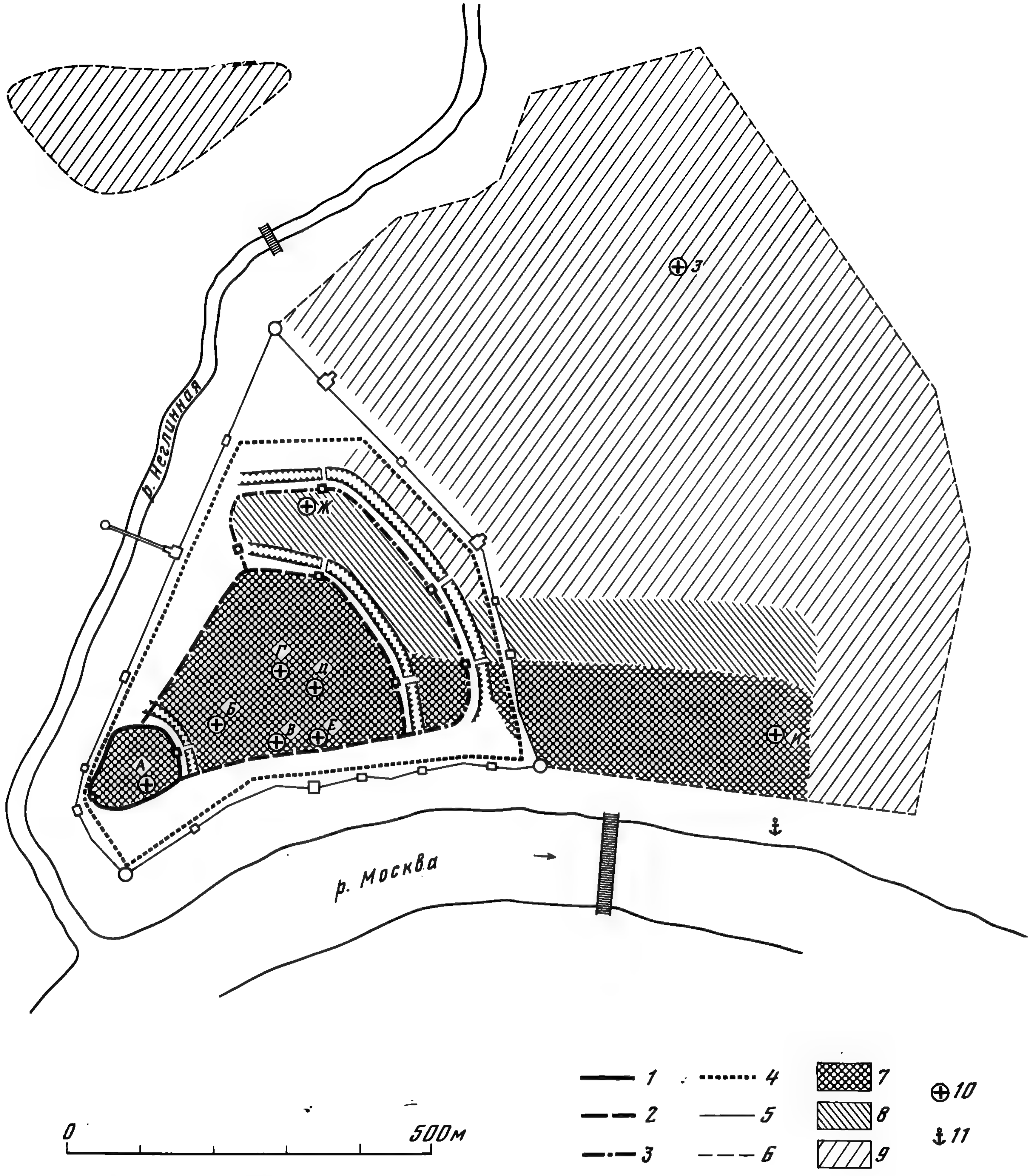


Таблица 30. План-схема Москвы XI — XIV вв.

А — церковь Ивана Предтечи; *Б* — церковь Спаса на Бору; *В* — Благовещенский собор; *Г* — Дмитрия (позднее Успенский собор); *Д* — церковь Ивана Лествичника; *Е* — Архангельский собор; *Ж* — церковь Пятницы; *З* — Богоявленский монастырь; *И* — церковь Николы Мокрого; *1* — оборонительные сооружения XI в.; *2* — укрепления 1156 г.; *3* — укрепления 1339 г.; *4* — укрепления 1366—1367 гг.; *5* — контур современного Кремля; *6* — граница посада в XIV в.; *7* — поселения XI—XII вв.; *8* — поселение XII—XIII вв.; *9* — поселение XIV в.; *10* — церковь XII—XIV вв.; *11* — пристань XI—XII вв.

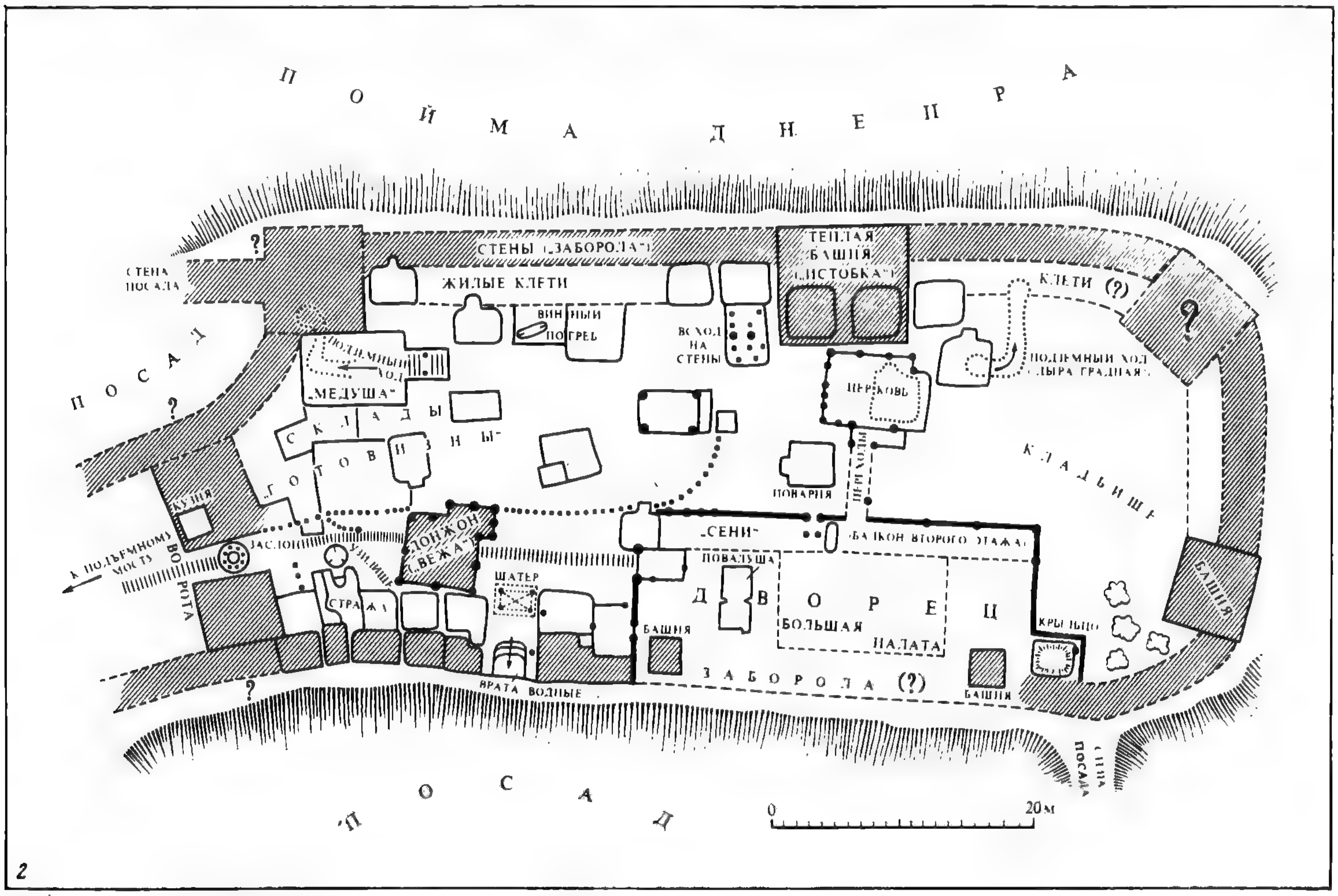


Таблица 31. Древний Любеч

1 — реконструкция замка; *2* — план замка

Таблица 32. Сельские поселения X — XIII вв. центральных районов Смоленской земли, по В. В. Седову

1 — селища; *2* — погосты; *3* — феодальные усадьбы замкового типа; *4* — феодальная усадьба поместного типа; *5* — городища-убежища; *6* — святилища; *7* — монастырь; *8* — курганные могильники; *9* — болота

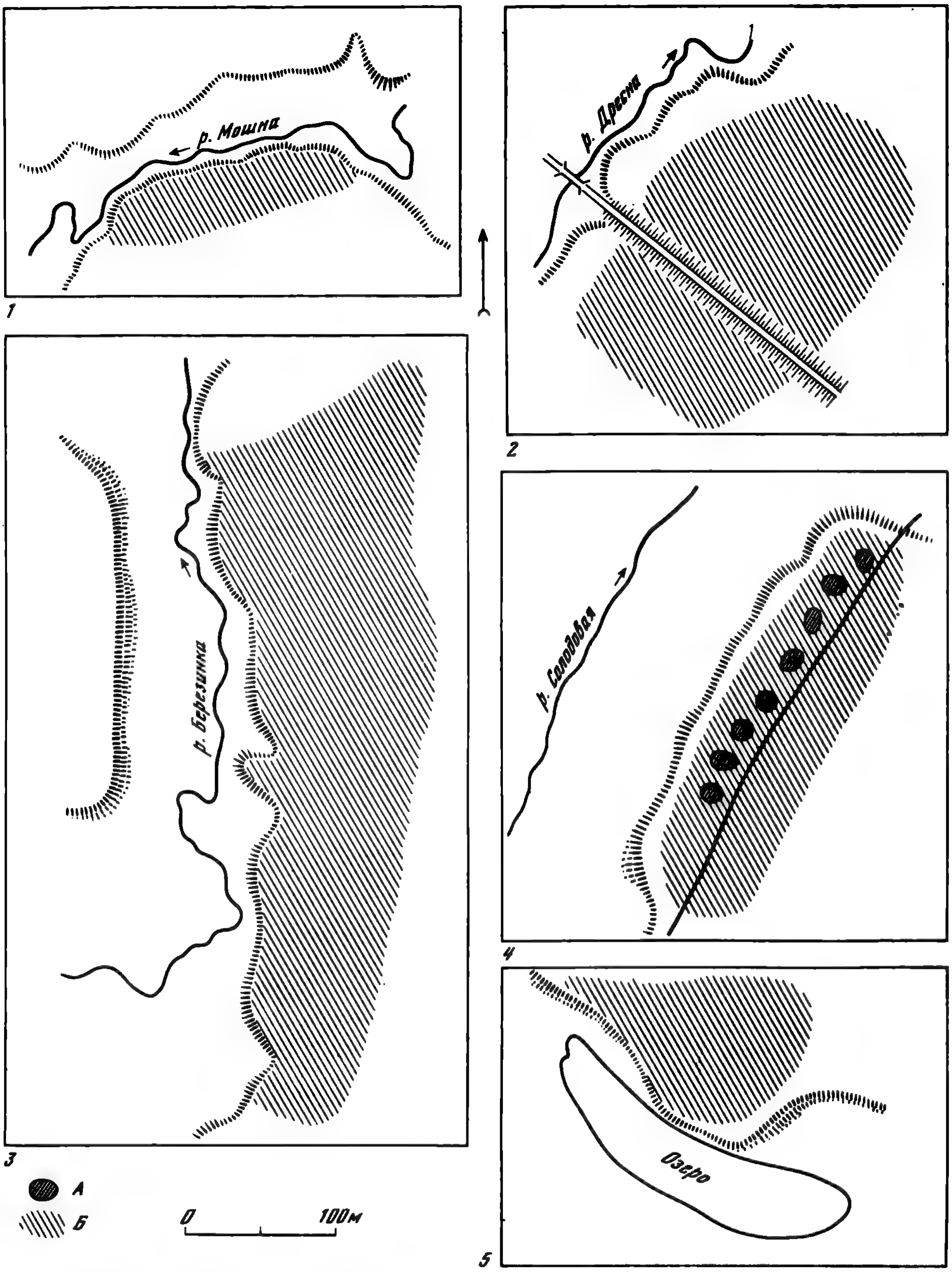


Таблица 34 Сельские поселения X — XIII вв.

1 — Рокачевское селище, по В. В. Седову; *2* — Дросенское селище, по В. В. Седову; *3* — Яновское селище, по В. В. Седову; *4* — Белорученское селище, по В. В. Седову; *5* — второе селище у д. Ходосовичи, по Г. Ф. Соловьевой. *А* — жилища; *Б* — площадь поселения

◄

Таблица 33. Сельские поселения X — XIII вв. земли вятичей, по Т. Н. Никольской. Названия населенных пунктов, около которых расположены поселения см.: Никольская Т. Н., 1981, с. 10, 11, подписи к рис. 1а на вклейке (*а* — поселения; *б* — граница земли вятичей)

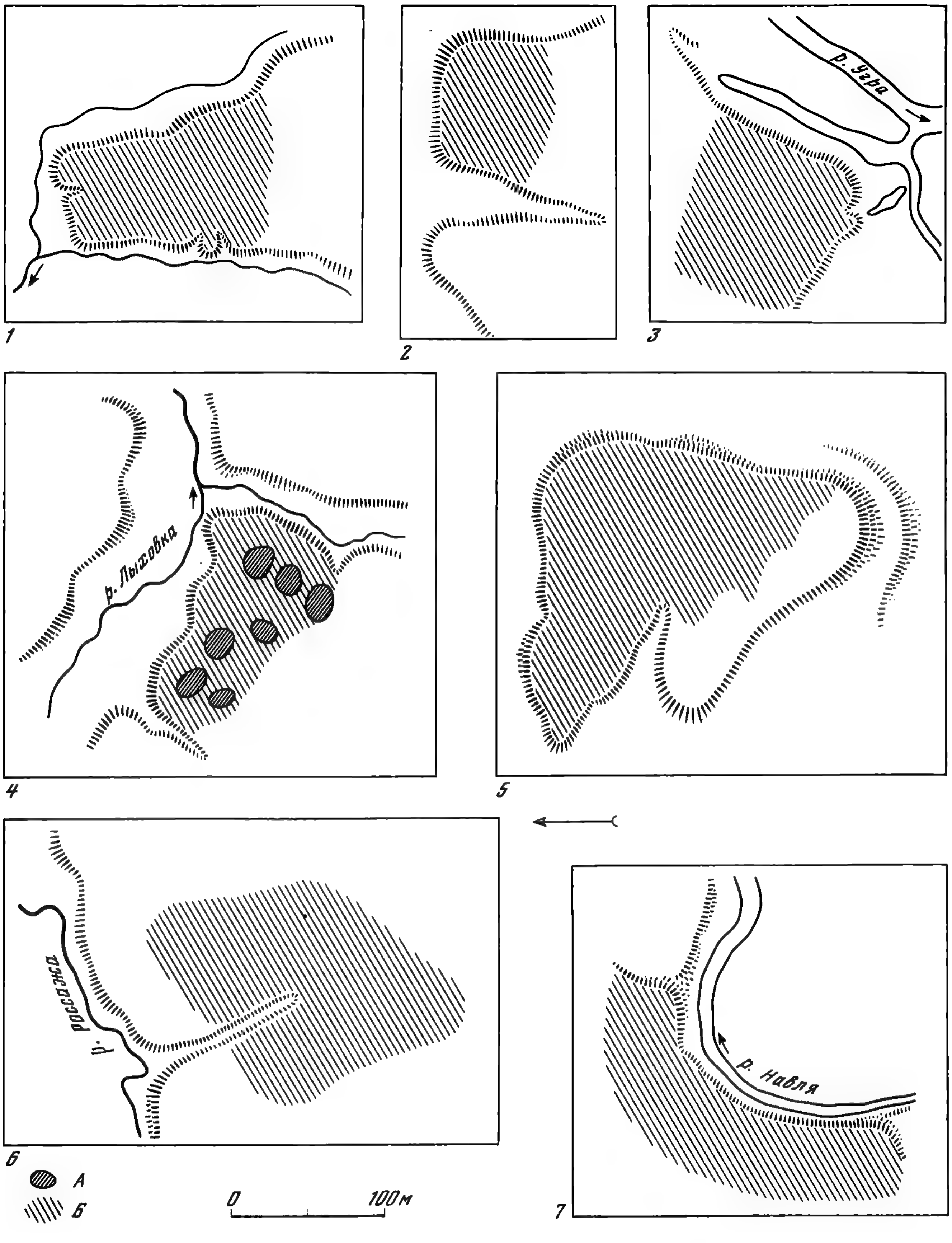


Таблица 35. Сельские поселсния X — XIII вв.

1 —Стеньковское южное селище, по В. В. Седову; *2* — селище у д. Угра, по Т. Н. Никольской; *3* — селище у д. Росва, по Т. Н. Никольской; *4* — селище у д. Малое Княжье Село, по В. В. Седову; *5* — селище у д. Большая Михайловка, по Т. Н. Никольской; *6* — Вошкинское второе селище, по В. В. Седову; *7* — селище у д. Сомова, по Т. Н. Никольской. *А* — жилища; *Б* — площадь поселения

Глава четвертая
Сооружения

Жилище

История древнерусского жилища интересовала исследователей уже по крайней мере с середины XIX в. Однако подлинных остатков древнерусских жилищ в то время еще не знали. В распоряжении историков имелось лишь небольшое количество сведений письменных источников, относящихся в основном к XVI–XVII вв. Но зато по русским жилищам существовал такой яркий сравнительный материал, как народное крестьянское жилище: огромное количество разнообразного этнографического материала, жилища разных климатических зон и самых различных типов. При этом многие крестьянские жилища имели настолько явно выраженный архаичный характер, настолько не были затронуты городской культурой, что невольно вызывали предположение о глубокой древности их прототипов. Естественно поэтому, что основой для изучения древнерусских жилищ на первых порах стала этнография.

К концу XIX в. этнографы накопили уже настолько существенные материалы по изучению жилищ, что стали возможны попытки первичного обобщения. Вместе с тем, помимо этнографов, к вопросу о происхождении и древнейших формах русского жилища подошли историки искусства, историки архитектуры. Если этнографы делали выводы на основании изучения сохранившихся жилищ, то искусствоведы в основном использовали письменные источники и графические материалы, относящиеся к русскому жилищу XVII в.

В последние годы XIX в. археологические раскопки принесли первые фактические сведения о подлинных древнерусских жилищах. Раньше всего удалось выявить жилища в Киеве, в районе Среднего Поднепровья, а затем в Рязанской земле. Вскоре были обнаружены и срубные наземные жилища в Северной Руси – в Старой Ладоге. Небольшое количество археологически изученных древнерусских жилищ, их плохая сохранность, а порой и неверная интерпретация привели к тому, что археологические источники не оказались в центре внимания исследователей, занимавшихся проблемами истории древнерусского жилища, а сама эта тематика и после Великой Октябрьской революции продолжала по-прежнему разрабатываться главным образом в плане этнографических исследований. Тем не менее количество изученных остатков подлинных древнерусских жилищ, раскрываемых археологами, постепенно увеличивалось. Значительное количество жилищ было раскопано в районе Киева, на Райковецком городище, в Старой Рязани, в Суздале, в Полесье, началось систематическое изучение жилищ в Новгороде, Пскове и Старой Ладоге.

Существенный сдвиг в изучении древнерусских жилищ наметился после Великой Отечественной войны. По-прежнему очень серьезные работы вели в этой области этнографы; однако центр тяжести в исследованиях быстро переместился в область археологии. Раскопками было вскрыто очень большое количество жилищ разных исторических периодов и в различных районах древнерусской территории. В настоящее время общее количество остатков древнерусских жилищ, которые можно учесть, значительно превышает 2500. Появились специальные исследования о жилищах различных древнерусских городов (Киев, Новгород, Старая Рязань, Белая Вежа и др.), а также о типах жилищ разных районов. Эти материалы дают теперь возможность с достаточной полнотой судить о развитии древнерусского жилища (Раппопорт П. А., 1975).

В настоящем обзоре древнерусские жилища разделены на четыре хронологические группы: 1) жилища IX и первой половины X в.; 2) жилища второй половины X и XI в.; 3) жилища XII–XIII вв.; 4) жилища XIV в. Это членение связано не столько с изменениями типов и конструкции самих жилищ, сколько с возможностями хронологического членения памятников, учитывая массовый датирующий материал.

Восточнославянские жилища IX и первой половины X в. достаточно четко разделяются на две группы (табл. 36). Первая группа, включающая подавляющее большинство изученных жилищ, занимает всю территорию лесостепи, несколько заходя как на юг, в степь, так и на север, в лесную зону (табл. 37). Все жилища этой группы так называемые полуземлянки. Вторая группа – памятники, сконцентрированные в новгородско-псковском районе. Здесь все жилища наземные. По-видимому, территория распространения этой группы жилищ простиралась довольно значительно к югу, вплоть до верхнего течения Днепра, поскольку наземные жилища X в. были выявлены также в районе Смоленска. Наземные срубные дома, раскопанные на крайнем юго-востоке (Белая Вежа), настолько явно занесены сюда пришлым населением, что для территории степи или даже лесостепи являются совершенно чуждым элементом.

Жилища южной группы прямоугольные, большей частью почти квадратные (табл. 38). Их пол расположен ниже уровня поверхности земли на 0,5–1,0 м, хотя встречаются жилища как более глубокие, так и совсем мелкие. То обстоятельство, что пол жилищ очень часто мало заглублен в грунт, свидетельствует, что большая часть здания поднималась над землею и крыша должна была опираться на стены сложной конструкции и значительной высоты. Тем не менее жилища такого типа, даже очень не-

значительно заглубленные, условно принято называть полуземлянками. Термин этот, конечно, условен, но он имеет широкое распространение в археологической литературе, так как позволяет разделять археологически два различных вида жилища — с полом, пониженным по отношению к уровню земли — мы их называем полуземлянки, и с полом, который расположен на уровне поверхности или несколько поднят над этим уровнем — это наземные жилища.

Степень углубленности построек в землю не находится в прямой зависимости от общей их высоты. Наличие углубления еще не свидетельствует, что перед нами остатки приземистого сооружения, равно как и его отсутствие не является признаком высотности здания. Распределение построек на «полуземляночные» и «наземные» ничего не дает также для определения их конструктивного типа, поскольку углубленные в землю жилища имели как столбовую конструкцию, так и срубную.

Размер сторон земляных котлованов полуземляночных жилищ обычно колеблется от 3,0 до 4,5 м, редко снижаясь до 2,5 м и также редко достигая 5,5 м. Пол жилищ обычно материковый, ровный, часто слегка понижающийся к середине. В тех случаях, когда пол лежит не на материковом грунте, а на культурном слое или каком-либо неплотном грунте, встречаются следы подмазки этого пола глиной, иногда в несколько слоев. Стены жилищ были деревянными, причем применялись два типа конструкции — срубная и столбовая. В первом случае в земляной котлован спускали сруб, а во втором — стены состояли из плах, закрепленных между вертикальными столбами.

При столбовой конструкции в углах котлована жилища обычно остаются следы столбов — столбовые ямы. Кроме того, часто имеются столбовые ямы и у середины стен. При этом если угловые ямы всегда круглые в сечении (от бревна), то ямы у середины стен чаще имеют полукруглую или удлиненную форму (от плах или сдвоенных столбов). Столбы закапывали в землю, а не забивали. Наличие или отсутствие столбовых ям не является единственным критерием разделения на срубную или столбовую конструкцию: для выявления этих типов могут быть использованы различные признаки. Одним из наиболее существенных признаков является расположение печи: печь, плотно вдвинутая (или даже врезанная) в материковый земляной угол, не оставляет места для угловой врубки и, следовательно, исключает возможность применения срубной конструкции стен. При срубной же конструкции печь всегда размещена несколько отступя от земляных стенок котлована.

Применение срубной и столбовой конструкции стен иногда можно обнаружить на одном и том же поселении. Однако к западу от Днепра преобладающим типом является жилище со срубной конструкцией, в то время как к востоку от Днепра преобладающей является столбовая конструкция.

Вход в полуземляночные жилища IX — первой половины X в. большей частью ведет с южной стороны, поскольку жилища этого времени, вероятно, не имели окон и единственным источником света служила дверь. Входные устройства — либо земляные ступеньки, либо деревянная лесенка. Плановая структура этих жилищ единообразна: печь почти всегда стоит в заднем от входа углу и повернута устьем в сторону входа. При этом правостороннее расположение печи преобладает над левосторонним.

Печи применялись двух типов — каменные и глиняные (табл. 39). Очаги встречаются лишь в виде единичных исключений, большей частью в постройках какого-либо специального назначения.

Печи-каменки в жилищах IX—X вв. имели снаружи форму, близкую к прямоугольнику, реже они подковообразные; стороны их не менее 0,8 м, но обычно не более 1,7 м, высота достигает 0,9 м. Камни использовались различные, в зависимости от того, какие имелись в окрестностях (табл. 40, *3*). В нижней части печей стенки обычно складывали из довольно крупных, часто плоских камней, а выше — из более мелких. Камни, как правило, укладывали без связующего раствора, хотя иногда их промазывали глиной. Поды печей овальные или круглые; они обычно расположены на уровне пола, иногда слегка врезаны в пол или, наоборот, очень немного приподняты над полом на естественном материковом возвышении. Почти всегда под печей был материковым, хотя известны случаи, когда под вымощен камнем, черепками или промазан глиной. Близ устьев печей часто имеются ямки от кольев; очевидно, печи имели какие-то дополнительные деревянные части.

Второй тип печей, применявшихся в жилищах IX—X вв.,— глиняные печи, вырезанные в материковых останцах. В редких случаях такие печи вырезались в останцах целиком до самого верха; в большинстве же — в останцах вырезали лишь нижнюю часть печи, а верх ее лепили из глины, обычно используя для этой цели специально вылепленные глиняные вальки («конусы»). В плане глиняные печи имеют прямоугольную форму: размер их от 0,9×1,0 м до 1,8×1,85 м, высота от 0,6 до 0,9 м, под их обычно находится на уровне пола жилища (табл. 40, *6*).

Верхние части печей (как каменных, так и глиняных) в неразрушенном состоянии удалось раскрыть лишь в очень небольшом количестве случаев. Выяснилось, что своды печей обычно не имели отверстий и дым выходил из печи через топку. На многих поселениях были найдены остатки крупных глиняных жаровен, стоявших на печи и представлявших собой как бы завершение печей. Однако в ряде случаев в верхней части купола глиняных печей находились круглые отверстия диаметром около 20 см с заглаженными и обожженными краями. Иногда такие отверстия ошибочно принимали за дымоотводы (табл. 40, *1*). Вероятно, это были отверстия для установки горшка. Это тем более правдоподобно, что при небольшой высоте устья (обычно 20—30 см) вставить внутрь печи даже небольшой горшок было не всегда возможно, и, следовательно, в таких печах иначе нельзя было бы варить пищу. Печи всегда стояли в углах жилищ и были повернуты устьем вдоль одной из стен. Гораздо реже встречаются примеры установки печей у середины одной из стен или в углу, но с устьем, повернутым по диагонали жилища. Размещение печи в середине жилища известно в виде единичных исключений.

Печи-каменки и глиняные печи в IX—X вв. были распространены не равномерно по всей территории Древней Руси, а объединены в несколько групп (табл. 41). Так, между Днестром и Днепром применяли в основном печи-каменки, а глиняные печи известны лишь в северной части этого района — в Полесье. На территории днепровского Левобережья применяли глиняные печи, а севернее — от нижнего течения Десны — каменки. Точно так же и восточнее, в Подонье, применяли печи-каменки, правда, обычно с использованием глины.

Очевидно, первоначально деление на каменные и глиняные печи было продиктовано местными условиями — наличием или отсутствием подходящего камня. Применение в глиняных, а иногда и в каменных печах обожженных глиняных вальков свидетельствует, что там, где камней было мало, из глины делали как бы искусственные камни. Однако в жилищах IX—X вв. это разделение стало уже этнографическим признаком, не всегда зависящим от природных условий. Так, на территории распространения глиняных печей, в тех случаях, когда материк был супесчаным, печи все равно делали в искусственно сбитых глиняных массивах, вырезая их нижнюю часть из глины. В районах распространения каменок их делали из любого, даже мало подходящего камня, не переходя, однако, к глиняным печам.

В отдельных случаях при раскопках удавалось обнаружить части перекрытия жилищ. Выяснилось, что поверх деревянной конструкции крыша промазывалась глиной. Крыши были, по-видимому, большей частью двухскатными, причем конек чаще был ориентирован поперек топки печи и, следовательно, поперек входа, хотя отмечены случаи, когда конек был направлен вдоль оси печи, от входа к задней стене. Впрочем, очень вероятно, что делали и четырехскатные крыши. Видимо, такую крышу имел в виду Ибн-Русте, когда писал, что крыша в славянских жилищах делается «деревянной, остроконечной... наподобие христианской церкви».

Жилища северной части лесной зоны, относящиеся ко времени до середины X в., известны пока в небольшом количестве. Это наземные срубные дома, имеющие, как правило, несколько больший размер, чем полуземляночные жилища (табл. 42, *6*). Дома обычно квадратные в плане; размер их сторон 4,5—5,0 м. Срубы сооружались из хвойного дерева, бревна соединены в углах рубкой «в обло». Под нижним венцом часто встречаются подкладки в виде лежащих обрезков бревен. Пол в жилищах деревянный — из досок или плах. Лаги пола обычно лежат на земле. Печь-каменка расположена в углу.

В Старой Ладоге обнаружены и более крупные дома (со сторонами 6—7 м и более) с печью, расположенной в центре жилища. Очень возможно, что в этом случае печь не имела купола, т. е. представляла собой несколько усложненный очаг.

Жилища второй половины X и XI в. изучены в меньшем количестве, чем памятники предшествующего или последующего периодов. Объясняется это в основном двумя причинами. Во-первых, поселения этой поры большей частью продолжали существовать и позже, вплоть до XIII в. Поэтому культурные напластования более позднего времени часто разрушали жилища XI в. или же из-за перемешанности слоя не позволяют их выделить. Во-вторых, до сравнительно недавнего времени археологи часто суммарно отмечали в своих отчетах наличие материала «эпохи Киевской Руси» или «великокняжеского времени», т. е. X—XIII вв., не расчленяя найденный археологический материал на более узкие хронологические периоды. В таких случаях на основании публикаций и отчетов трудно отделить жилища XI в. от более поздних. Тем не менее в настоящее время жилища этого периода все же достаточно детально изучены, особенно на территории Новгородской земли, а на юге Руси — в Галицкой и Волынской землях.

В лесостепной зоне и южной части лесной зоны по-прежнему господствовал полуземляночный тип жилища, а в северной части лесной зоны применялся исключительно наземный тип. В средней части лесной зоны — на территории современной Белоруссии и в Рязанской земле известны оба конструктивных типа (табл. 43.)

Для лесостепной зоны полное господство полуземляночных жилищ в течение всего XI в. не подлежит сомнению. Наземные жилища известны здесь лишь в междуречье Днестра и Прута, на территории современной Молдавии, где они существовали одновременно с полуземлянками и, по-видимому, представляли собой летние дома облегченного типа. Совершенно особое место занимает Киев, где в нижней части города, на Подоле строили наземные дома северного типа. Причина такого явления до сих пор не установлена и по этому вопросу существуют различные предположения.

Все полуземляночные жилища этого времени более или менее единообразны (табл. 38, *2—4*, *8*). По размеру, форме и глубине пола относительно поверхности земли они ничем существенным не отличаются от полуземляночных жилищ предшествующей поры. Столбовая конструкция стен начинает теперь всюду преобладать над срубной, в том числе и к западу от Днепра, где ранее чаще строили срубные полуземляночные дома. Срубные стены в полуземляночных жилищах в XI в. имеют широкое распространение, по-видимому, лишь в юго-западной части древнерусской территории.

Плановая структура полуземляночных жилищ претерпевает существенные изменения. Вплоть до X в. в восточнославянских жилищах печь, как правило, стояла в заднем от входа углу и была повернута устьем ко входу. В X—XI вв. эта схема плановой структуры постепенно сменяется новой, при которой печь стоит рядом с входом и повернута к нему устьем (табл. 44, *в*).

В юго-западном районе, в Галицкой земле продолжает бытовать печь-каменка, ничем существенно не отличающаяся от подобных печей предшествующего периода. На всей же остальной территории распространения полуземляночных жилищ начинают применять круглые или овальные в плане печи, вылепленные из глины (табл. 40, *5*). Наружный диаметр их от 1,0 до 1,5 м, а высота 70—90 см. Часто такие печи делали на деревянном каркасе; когда печь прожигалась после постройки, каркас ее выгорал и от него оставались пустоты в обожженной глине. В печах такого типа уже совершенно не применяли гли-

няные вальки, имевшие широкое распространение в более ранних печах. Верх круглых глинобитных печей часто имел горизонтальную поверхность и был окружен бортиками, т. е. имел характер жаровни (табл. 40, *2*). Кроме того, в развалах печей находили обломки больших глиняных жаровен, стоявших на печи. Иногда в своде печей имелось круглое отверстие, совершенно такое же, как и в прямоугольных глиняных печах предшествующей поры. Поды круглых печей обычно расположены на уровне пола. Часто эти поды вымощены обломками горшков и поверх промазаны глиной. Иногда, хотя и не часто, перед печами имеются небольшие предпечные ямы. Встречаются печи, врезанные своей тыльной частью в материковые стенки жилищ.

Появление нового типа печей и изменение плановой структуры жилищ — взаимосвязанные процессы. Новая плановая структура делала жилище более гигиеничным, создавая чистое пространство в глубине помещения, а расположение печи близ двери создавало тепловой барьер и делало жилище более теплым, а главное — равномерно теплым. Новая схема плана стала возможна лишь при новом типе печей, имеющем значительно более высокие теплотехнические качества. Кроме того, в таких жилищах, по-видимому, перед входом существовал тамбур — легкие наземные сени.

Жилища наземного типа, относящиеся ко второй половине X и XI в. все срубные (табл. 42, *4*). Срубы обычно делали из сосновых бревен, реже — еловых. Диаметр бревен, как правило, не менее 20 см. Срубы исполняли рубкой «в обло», с выпуском остатков длиной до 30 см. Чашу и паз при рубке всегда выбирали в верхней части каждого нижнего бревна. Пазы между бревнами конопатили мхом. Отмечено, что в некоторых районах, например в Новгороде, срубы оставляли открытыми, а в других (Старая Ладога, Новогрудок) промазывали глиной. Под нижними венцами срубов укладывали специальные бревенчатые прокладки, которые иногда образовывали даже специальную конструкцию, скрепленную внешним бревенчатым венцом. Иногда вместо подкладок под углами срубов закапывали в землю столбы-«стулья».

Полы в наземных жилищах дощатые, на лагах. В нескольких случаях удалось установить, что лаги не лежали на земле, а были врублены в бревна сруба и поэтому несколько приподняты над землей. В ряде пунктов отмечено наличие галереек, примыкавших к срубу с одной или нескольких сторон.

В южной части зоны распространения наземных жилищ в них ставили круглые глинобитные печи, но в основном печи в наземных домах не глинобитные, а каменные. При этом каменные печи в отличие от печей-каменок в южных полуземлянках сложены из камней на глине, иногда со столь значительным количеством глины, что трудно определить, являются ли они каменными или глиняными, но с применением камней. Другое существенное отличие: каменные печи в наземных домах в связи с приподнятым над землей уровнем пола подняты на специальных деревянных опечках. На юго-востоке лесной зоны (Старая Рязань) как каменные, так и глинобитные печи часто расположены над подпечной ямой, опираясь на деревянные столбы.

Следует отметить, что ареалы типов печей и конструктивных типов жилищ не всегда совпадают: как каменные, так и глинобитные печи встречаются и в полуземлянках, и в наземных жилищах (табл. 45).

Плановая структура наземных жилищ второй половины X и XI в. не везде ясна. В Старой Ладоге, очевидно, в это время уже сложилась та же схема, что и в южных полуземляночных жилищах, а в Новгороде — иная. Здесь печь также большей частью ставили в правом переднем углу от входа, но обращали устьем не ко входу, а к задней от входа стене.

Среди наземных жилищ этого времени выявлены не только простые однокамерные жилища, но и более сложные (табл. 44, *9*). Это двухкамерные жилища-срубы — пятистенки, т. е. такие срубы, которые перегорожены внутренней стеной на два помещения. Подобные дома обычно имеют удлиненную в плане форму; одно из их помещений квадратное, а другое, меньшее — более узкое. Печь в таких домах всегда стояла в большом помещении, а вход вел через меньшее.

Жилища XII—XIII вв. выявлены раскопками в значительно большем количестве, чем жилища других этапов истории восточных славян. Помимо однокамерных жилищ, для этого периода известны уже и более сложные жилища, состоящие из нескольких помещений. К этому нужно добавить большое количество раскопанных жилищ, расположенных в срубных клетях оборонительных валов. Археологические данные о жилищах XII—XIII вв. более полны, чем для предшествующей поры и позволяют более детально судить об их основных конструктивных особенностях.

Прежде всего следует отметить, что в XII в. происходят очень существенные изменения: это время широкого распространения наземного жилища (табл. 46). Заполняя теперь всю лесную зону, наземные жилища в западной части древнерусской территории охватывают также и зону лесостепи, вплоть до Карпат. На территории Белоруссии, где еще в XI в. часто встречались полуземлянки, в XII в. стоят уже исключительно наземные дома. В бассейне Оки полуземлянки по-прежнему продолжали сооружать наряду с наземными жилищами, но если в XI в. здесь преобладали полуземлянки, то в XII—XIII вв.— наземные дома. Целиком занят полуземлянками лишь маленький район к югу от Москвы. Встречаются полуземлянки и далее к северо-востоку, в бассейне Клязьмы и на Волге, но в значительно меньшем количестве, чем наземные дома.

В западной части лесостепной зоны, в Галицкой земле и на Волыни в XII—XIII вв. на смену полуземляночному типу жилища приходит наземный тип, хотя некоторое время еще продолжают строить и полуземлянки. В восточной части лесостепной зоны, на территории южной части Рязанской земли и в восточных районах Чернигово-Северской земли наземные дома также постепенно получают распространение. Наконец, известны наземные дома XII—XIII вв. и на границе со степью — в городе Воинь на Днепре. Районом полного преобладания полуземлянок в это время остается лишь среднее Поднепровье: в Киевской, Переяславльской и на основ-

ной части Чернигово-Северской земель рядовые жилища, как и в предыдущий период, были полуземляночными. В самом Киеве в XII—XIII вв. оба типа жилищ сосуществовали.

Среди полуземляночных жилищ XII—XIII вв., как и в XI в., наибольшее распространение имели полуземлянки со столбовой конструкцией стен. Полуземляночные жилища этого времени на всей рассматриваемой территории более или менее единообразны. Размер их повсюду примерно одинаков: длина земляных стенок котлованов редко снижается до 2,3 м и также редко достигает 5 м, обычно ограничиваясь пределами 3—4 м. Глубина, на которую пол этих жилищ был опущен от уровня поверхности, зависит главным образом от местных условий и поэтому глубина очень существенно меняется даже в пределах одного поселения. В среднем эта глубина примерно от 0,5 до 0,8 м, но иногда она составляет всего 20—30 см. Можно отметить несколько большую глубину земляных котлованов жилищ лесной зоны по сравнению с жилищами лесостепи. Так, глубина котлованов в жилищах лесной зоны часто превышает 1 м. Возможно, что такая значительная глубина объясняется наличием дощатого пола, приподнятого над уровнем земляного дна котлована.

В ряде случаев отмечено, что вдоль стен полуземляночных жилищ проходили земляные приступки, имеющие высоту 20—40 см и ширину от 30 до 70 см. Такие приступки встречались и в более ранних полуземлянках, но особенно много их известно в жилищах XII—XIII вв. Возможно, что такие приступки являлись лавками. Довольно часто в полуземляночных жилищах этого времени встречаются также хозяйственные ямы. Печи в полуземляночных жилищах XII—XIII вв. применялись исключительно круглые, глинобитные; печи-каменки встречаются лишь в единичных случаях в полуземлянках северно-русских районов.

Плановая структура полуземляночных жилищ в северных и южных районах Руси развивается поразному (табл. 44, *В*). В Южной Руси к этому времени становится полностью преобладающей схема, при которой печь стоит рядом с входом и обращена устьем ко входу. Примеры старой плановой схемы, господствовавшей здесь до X в., встречаются и позже, даже в XIII в., но уже довольно редко. Иная картина вырисовывается при анализе плановой структуры полуземляночных жилищ более северных территорий. Уже почти на самой границе лесостепи — в Старой Рязани — печь и в XII—XIII вв. продолжали ставить по-прежнему напротив входа. Судя по немногочисленным известным примерам такое положение не случайно, а характерно для полуземляночных жилищ лесной зоны.

В полуземляночных жилищах XII—XIII вв. гораздо менее строго, чем в более раннее время, выдерживается ориентация входа в южном направлении. Очевидно, в этих жилищах, кроме двери, начали использовать и другие источники света; по-видимому, все большее значение начали приобретать окна.

В крупных городах (главным образом в Киеве) отмечено применение в полуземляночных жилищах срубной конструкции стен с использованием толстых бревен (диаметром не менее 20 см), покрытых слоем глиняной обмазки. В том случае, когда такие жилища были мало заглублены в грунт, они имели по существу характер наземных деревянных домов. Очевидно происходило сближение двух типов жилища — наземного и полуземляночного.

Наиболее значительную группу среди жилищ XII—XIII вв. составляют наземные жилища. Все они срубные, исполненные рубкой «в обло» с выпуском остатков длиной до 30 см. Для строительства обычно использовали сосновые бревна, реже еловые. Совсем редко наряду с сосной и елью использовали дуб, по-видимому, только для нижних венцов сруба. В хозяйственных постройках дуб использовали значительно чаще. Диаметр бревен колебался от 15 до 25 см, хотя иногда употребляли и более толстые бревна. Чашу и паз при рубке всегда выбирали в верхней части нижнего бревна. Довольно часто в пазах между бревнами находили остатки мха. Стены домов, как правило, не промазывали глиной, а оставляли открытыми.

Полы в наземных жилищах всюду дощатые. В нескольких пунктах (Туров, Старая Рязань и др.) наряду с дощатыми были обнаружены также глиняные полы. Однако под деревянным полом часто делали глиняную подмазку и поэтому очень вероятно, что находимые при раскопках глиняные полы наземных жилищ в действительности представляют собой лишь глиняные основания, поверх которых первоначально имелся дощатый пол. Доски пола лежали на лагах. В одних случаях эти лаги были уложены прямо на землю, в других они были врублены в венцы сруба, большей частью между первым и вторым или вторым и третьим венцами. Прием укладки лаг на землю был более характерен для юго-восточной части лесной зоны (например, Старая Рязань), тогда как лаги, врубленные в венцы, обычно применялись в северной и западной частях лесной зоны (Новгород, Белоозеро, Минск, Брест). Очень вероятно, что отличия в устройстве пола связаны с широким распространением в юго-восточной части лесной зоны подпольных ям. Эти ямы порой имели настолько большой размер, что по существу представляли собой как бы заглубленный в землю подклет дома (Старая Рязань, Москва). Подпольные ямы — конструктивная деталь, имевшая распространение на север до Ярославского Поволжья, а на запад — до Смоленщины. Таким образом, по высоте расположения пола над землей и по наличию подпольных ям в наземных жилищах лесной зоны намечаются два варианта.

Несколько вариантов строительной техники можно отметить и в устройстве основания под срубами. При достаточно плотном грунте и ровной горизонтальной площадке срубы часто ставили на землю без дополнительных укреплений. Если же площадка была неровная и грунт неплотный, под нижний венец и в особенности под углы сруба подводили специальное основание. Одним из способов было устройство деревянных «стульев» — закопанных в землю столбов. Такие «стулья» имели широкое распространение в юго-восточной части лесной зоны. В северной и западной частях лесной зоны чаще применяли другой прием — укладку под нижний венец сруба бревенчатых подкладок. Четкой границы между районами, где применяли эти приемы, про-

вести нельзя, так как кое-где они оба использовались одновременно, но все же «стулья» и подкладки — два варианта строительной техники, имеющие в основном разные ареалы. Гораздо реже применялся третий прием — устройство под углами сруба каменных «стульев».

Все конструктивные особенности наземных срубных домов XII—XIII вв. выявлены на памятниках лесной зоны и главным образом северной части этой зоны (табл. 42, *5*). Там, где удалось достаточно детально изучить наземные жилища более южных районов лесной зоны, все основные элементы конструкции оказались совпадающими с более северными жилищами (табл. 42, *1*, *3*). Очень вероятно, что более или менее аналогичны были и наземные жилища лесостепи, однако конструкции этих жилищ определяются с очень большим трудом, так как остатки дерева в этих районах в земле почти не сохраняются. Наиболее вероятно, что стены домов и здесь были срубными, а полы дощатыми, хотя нельзя исключить и другие варианты, например столбовую конструкцию со столбами, укрепленными на нижней обвязке. В нескольких случаях в наземных жилищах в лесостепной зоне находили куски глиняной обмазки с отпечатками бревен или плах.

О плановой структуре наземных жилищ XII—XIII вв. имеется сравнительно немного данных, так как соотношение входа и печи здесь удается определить довольно редко. В отличие от полуземлянок точное положение двери в наземных жилищах почти нигде не удается зафиксировать и его приходится определять по ряду косвенных признаков: наличие тамбура, расположению хозяйственных построек и т. д. Одним из показателей может служить также направление досок пола, которые обычно настилали «по ходу», т. е. от двери. К сожалению, и этим признаком довольно трудно руководствоваться, так как место входа при этом можно предполагать в двух противоположных стенах. К тому же признак этот не вполне надежен, поскольку известны примеры настилки досок не «по ходу», а поперек. Не всегда можно определить в наземных домах и направление устья печи, так как стоящие на деревянных опечках печи после разрушения обычно превращаются в бесформенный завал. Тем не менее, несмотря на небольшое количество изученных примеров, можно все же сделать некоторые заключения о плановой схеме наземных жилищ XII—XIII вв. Так, несомненно, что, кроме обычного расположения печи в углу жилища, здесь встречаются и печи, стоявшие посреди помещения, чего совершенно не встречалось в полуземлянках. В некоторых северно-русских городах (Новгород, Белоозеро) жилища подобного типа являются не случайными исключениями, а примерами четко выраженного типа планировки. Однако встречается такая плановая схема все же довольно редко и всегда лишь в качестве сопутствующего варианта, на поселениях, где основную массу составляют жилища с печью в углу, довольно редко встречаются в наземных жилищах этого времени и печи, стоящие в дальнем от входа углу. В подавляющем большинстве случаев печь ставили рядом со входом; большей частью справа от входа, реже слева. Но такое положение печи может соответствовать двум различным типам плановой схемы жилищ в зависимости от положения устья печи. В Новгороде достаточно определенно зафиксировано, что устье печей было повернуто к дальней от входа стене. В других поселениях отмечены оба варианта — с устьем, повернутым к дальней стене и с устьем, повернутым к входу. Очертить ареалы этих типов плановой структуры пока не представляется возможным.

Одной из наиболее характерных особенностей жилищ XII—XIII вв. является широкое распространение в наземных жилищах круглых глинобитных печей (табл. 47). Каменные печи к этому времени остались господствующим типом лишь в самой северной части рассматриваемой территории — в Новгородско-Псковских землях и в Белозерье, а также в Попеманье. В сочетании с глинобитными печами каменные печи имели, кроме того, распространение в Поволжье, в бассейне Клязьмы и в районе к югу и западу от Москвы. Применение открытых очагов, как и в более раннее время, почти всегда свидетельствует о неславянском характере жилища или производственном назначении постройки.

Круглые глинобитные печи XII—XIII вв. построены, как правило, целиком из глины. Правда, иногда в стенках печей использовали и камень, но камни при этом были соединены глиной и стенки печей были промазаны глиной как снаружи, так и со стороны топки. В городах, где велось монументальное строительство и налажено производство кирпича, известны печи, при постройке которых использовали кирпич. Печи обычно имели круглую форму, гораздо реже овальную, подковообразную или близкую к четырехугольнику со скругленными углами. Наружный диаметр печи обычно колеблется в пределах от 1,0 до 1,5 м, а высота купольного свода — до 60 см. Толщина стенок печей в нижней части 20—30 см, а выше значительно тоньше — не более 10—15 см. Стенки печей часто имели деревянный каркас из кольев или прутьев, хотя широко применялись и печи без деревянного каркаса (табл. 40, *4*).

Поды печей обычно глиняные, но под слоем глины часто лежит забивка из битой керамики или мелких камней. Под большей частью расположен на уровне пола жилища, но иногда печи стоят на невысоких материковых останцах (особенно в полуземляночных жилищах). В лесной зоне для установки глинобитных печей применяли деревянные опечки, представлявшие собой квадратный или прямоугольный в плане постамент высотой около 0,5 м. Наиболее употребительные размеры опечков 1,2×1,2 м. Сооружали опечек обычно из плах, положенных на ребро и заведенных в пазы столбов, закопанных по углам. Пространство внутри опечка иногда засыпали землей. В южных районах лесной зоны применяли также срубную конструкцию опечков, а в юго-восточной части лесной зоны существовал еще один прием установки глинобитных печей — на деревянных столбах над подпечной ямой.

Каменные печи, применявшиеся в XII—XIII вв. на территории Северной Руси, лучше всего изучены в Новгороде. Севернорусские каменные печи были по размеру больше глинобитных печей и южнорусских печей-каменок более ранней поры. Иногда печи бывали сложены из плотно подогнанных крупных камней, но чаще камни бывали довольно мелкие (не

более 20 см). Глина обычно применялась в таком количестве, что иногда даже трудно определить, что являлось основой стенок печи — камни или глина. Каменные печи почти всегда стояли на опечках, большей частью опечки делали столбовыми, причем их столбы возвышались над уровнем земли на 40—60 см. Учитывая, что деревянный пол обычно был поднят на лагах, врубленных в венцы сруба, можно считать, что опечки лишь слегка возвышались над полом жилища. Форма их прямоугольная или квадратная; размеры сторон колеблются от 1,2 до 2,6 м. Наряду со столбовыми опечками делали и срубные, исполненные рубкой «в лапу», т. е. без выпуска остатков. В Новгороде удалось установить, что опечки в жилых помещениях были столбовыми, а печи на срубных опечках, так же, как печи, стоявшие непосредственно на земле, имеют обычно производственное назначение.

В подавляющем большинстве древнерусских жилищ печи топились по-черному, т. е. с выходом дыма через устье топки. Однако при раскопках некоторых жилищ XII—XIII вв. встречались фрагменты глиняных труб, которые, вероятно, представляют собой остатки дымоходов. Наиболее достоверные материалы о дымоходах были получены на Ленковецком поселении (г. Черновцы), где в завале двух крупных печей (видимо, не рядовых, а богатых жилищ) были найдены трехгранные желоба из обожженной глины, внутренняя поверхность которых оказалась покрытой копотью. Судя по известным там же, на Буковине, этнографическим аналогиям, дым через отверстие в верхней части печи выводился из жилища наружу по горизонтальному каналу, состоящему из трехгранного перевернутого желоба, уложенного на обмазанную глиной доску. При раскопках во Вщиже в некоторых жилищах найдены примитивные кирпичи различной формы, лежавшие развалом в виде широких полос. Б. А. Рыбаков интерпретировал эти находки как остатки дымоходов. В севернорусских районах остатки дымоходов пока нигде не обнаружены, однако имеются данные, позволяющие думать, что дымоходы применяли и здесь.

Своеобразный вариант жилищ XII—XIII вв. представляют собой жилые клети, входящие в конструкцию оборонительного вала (табл. 44, *1*, *2*). Наиболее ранние срубные клети, примыкающие к оборонительному валу и не засыпанные землей, относятся ко времени до X в. Однако клети эти не имели печей и, следовательно, имели хозяйственное, а не жилое назначение. В XII—XIII вв. уже достаточно часто строили крепости, в которых такие клети с самого начала предназначались для жилья. Конструктивная система подобных клетей и их соединения с валом различны; большей частью это связанная система срубов, хотя встречаются и отдельные срубы, приставленные один к другому. Иногда клети располагались в два ряда, причем к основному ряду клетей, имевших жилое назначение, примыкали клети второго ряда, обычно использовавшиеся для хозяйственных нужд. Ширина клетей, определяемая расстоянием между двумя параллельными срубными стенками, идущими вдоль вала, колеблется обычно от 2,5 до 3,2 м, но на Ленковецком поселении этот размер значительно больше — 4,4 м. Поперечные стенки, врубленные в продольные, расставлены на расстоянии от 3,0 до 4,2 м и только на Ленковецком поселении всего на 1,7—1,8 м, т. е. здесь клети повернуты вдоль вала не длинной, а короткой стороной.

Часто между двумя подобными клетями обычного размера помещается меньшая клеть. Очевидно, это свидетельствует о наличии не однокамерного, а более сложного жилища, состоявшего из двух клетей — большой и малой. Печь в этом случае обычно стоит в малой клети. Полы в жилых клетях большей частью глинобитные и лишь изредка дощатые. В нескольких случаях отмечена побелка внутренней поверхности стен клетей. Перекрытием служил бревенчатый накат или настил из плах, а поверх них — накат из тонких бревен. Над накатом лежал слой глины и земли, служивший одновременно основанием боевой площадки для защитников крепости.

Жилые клети имели распространение как в районах, где в это время господствовал тип наземных домов, так и в тех районах, где продолжали строить полуземлянки. Очевидно, что жилища в клетях оборонительных валов представляют собой не локальный вариант жилищ, распространенный на определенной территории, а особый тип, связанный со специфическим назначением и социальным характером данного типа укреплений.

Жилища XIV в. на территории лесостепной зоны почти совершенно не изучены. Немногочисленные поселения, относящиеся ко времени после татаро-монгольского вторжения, начинают раскапывать лишь в самые последние годы. В тех случаях, когда следы жилищ XIV в. все же удавалось выявить, они оказывались наземными. Некоторые жилища XIV в., обнаруженные на Буковине,— полуземлянки, сопровождаемые комплексом лепной посуды,— несомненно не являются славянскими и отражают передвижение сюда населения с соседних, более южных земель.

На территории лесной зоны жилища этого времени известны довольно хорошо. Жилища XIV в. были раскопаны в большом количестве в Москве, Смоленске, Витебске, Полоцке, Новгороде и других городах. Все эти жилища наземные, рубленные «в обло» из сосновых или еловых бревен. В средней части лесной зоны (Смоленск, Витебск) они иногда не имели подклета, а пол их был земляным. Севернее они обычно были подняты на подклет, имеющий высоту в несколько венцов. Если пол был расположен невысоко над землей (на 1—2 венца), то для утепления вокруг дома делали земляную подсыпку, укрепленную досками,— завалинку. Так в большинстве случаев строили в Москве. Под нижним венцом сруба часто помещали бревенчатые подкладки или зарытые в землю столбы-стулья, иногда камни. Жилища в плане квадратные или близкие к квадрату, со сторонами от 3,5 до 6 м. В подавляющем большинстве они однокамерные.

Пол настилали из тесаных досок, уложенных по лагам. Доски, как правило, клали «по ходу», т. е. от двери к дальней стене. Печь ставили в углу: в северных районах обычно в ближнем ко входу, а южнее в дальнем от входа углу. Печи глинобитные или из глины с камнями, сводчатые, на столбо-

вом опечке. В подавляющем большинстве они не имели дымоходов, т. е. топились по-черному.

В ряде пунктов (Новгород, Торопец и др.) в раскопках обнаруживали срубы, сохранившиеся на довольно значительную высоту. В таких срубах можно было увидеть даже оконные и дверные проемы. Рядом со срубами часто находили слой щепы, свидетельствующий, что строительство вели здесь же, на месте. Однако находили и такие срубы, на бревнах которых имелись метки, означающие, что сруб рубили на стороне, а затем перевозили в разобранном виде. Вход делали с высоким порогом, не перерубая нижний венец. Дверь — из пластин, соединенных брусьями. Перед входом снаружи часто сооружали сени легкой столбовой конструкции. Окна в жилищах большей частью маленькие, прорубленные в двух соседних бревнах так, чтобы ни одно бревно не было перерублено полностью. Окна волоковые. Отмечено наличие и более крупных «косящатных» окон в деревянных рамах. Такие окна имели слюдяные оконницы, а в Новгороде и Москве известны в XIV в. также и оконные стекла. Впрочем, такие окна имелись только в более богатых домах при отоплении по-белому.

При наличии дымохода в жилищах устраивали потолок из плах, опиравшихся на стену и центральную балку — «матицу». Для утепления над потолком, по-видимому, делалась земляная подсыпка. При топке по-черному потолка, как правило, не делали. Кровли были тесовые и из дубового лемеха.

В жилищах выдерживалась более или менее единообразная планировка: между печью и боковой стеной устраивали полати, а наискось от устья печи размещался «красный угол», где стояли лавки и стол.

Помимо рядовых однокамерных жилищ, археологическими раскопками были выявлены *жилища более сложного типа,* имеющие два-три, а иногда и больше помещений (табл. 44, *Б*). Такие многокамерные жилища встречаются в двух вариантах: заглубленные в землю (т. е. полуземляночного типа) и наземные. Многокамерные полуземляночные жилища известны только в районе среднего Поднепровья и все относятся к XII—XIII вв. Простейшими среди них являются обычные однокамерные жилища, имеющие со стороны входа дополнительное помещение. Это помещение имеет такую же ширину, как само жилище или несколько у́же его. Пол такого помещения либо на одной глубине с полом основного помещения, либо несколько выше его. Вход в жилище всегда ведет через это дополнительное помещение. Другим типом многокамерного жилища являются жилища, разделенные на две или три части внутренними перегородками. От таких перегородок обычно сохраняются канавки в материке, иногда с остатками древесной трухи. Иногда пол в жилищах такого рода расположен на разных уровнях. Подобные жилища имеют, как правило, ширину от 3 до 6 м, а длину 8—9 м. Глинобитная печь имеется лишь в одном помещении, причем в тех случаях, когда были обнаружены входы, они всегда вели в ту часть жилища, где стояла печь.

Значительное количество многокамерных жилищ было обнаружено в тех районах, где наземный тип жилища вообще являлся основным не только для богатых, но и для рядовых жилищ. Двухкамерные жилища имеют здесь характер срубов-пятистенков, т. е. таких срубов, которые перегорожены внутренней срубной стеной на два помещения. В Новгороде и Белоозере такие жилища отмечены уже в слоях X в., а в слоях XI в. в Новгороде срубы-пятистенки известны в довольно большом количестве. Совершенно такие же дома были раскопаны и на юге — на Подоле в Киеве. Особенно много срубов-пятистенков было обнаружено на поселениях XII—XIII вв.— в Новгороде, Пскове, Белоозере, Гродно, Новогрудке и др.

Следует отметить, что богатые двух- и трехкамерные жилища, вскрытые раскопками, в подавляющем большинстве относятся к XII—XIV вв. Несомненно, что такие жилища должны были появиться на Руси несколько раньше, вместе со сложением классовой структуры общества. Но, видимо, достаточно четко и в широком масштабе социальная дифференциация жилищ проявилась лишь к XII в.

В подавляющем большинстве древнерусские жилища были, вероятно, одноэтажными. Однако существовали двухэтажные и даже многоэтажные дома. Остатки нескольких таких домов XII—XIII вв. удалось обнаружить раскопками в Старой Рязани, Галиче, Любече, Киеве и еще в нескольких поселениях зоны лесостепи. Прямые свидетельства наличия второго и третьего этажа выявлены во многих новгородских жилищах: это упавшие сверху печи, лестницы, служившие для подъема на второй этаж, колонны, галереи. Такие многоэтажные жилища представляли собой сложные комплексы из нескольких срубов, объединенных сенями, переходами, галереями в хоромы.

Наиболее сложный вопрос, встающий при археологическом изучении жилищ — выяснение устройства их верхних частей. Жалкие остатки, находимые при раскопках, позволяют предложить в лучшем случае лишь весьма гипотетические реконструкции, да и то в виде общей схемы. Сложность, а во многом и спорность реконструкции верхних частей древнерусских жилищ делает пока невозможной их достаточно убедительное и детальное графическое воссоздание (Спегальский Ю. П., 1972). Решить проблему воссоздания наружного облика древних русских жилищ можно будет только с накоплением нового археологического материала.

* * *

Жилища Киева. Среди археологических памятников древнего Киева едва ли не последними, обратившими на себя внимание археологов, были рядовые жилища. Главной причиной этого, несомненно, являлась трудность их выявления и исследования. Только на исходе первого десятилетия XX в. В. В. Хвойко обнаружил на Старокиевской горе остатки древних жилых построек. Судя по чрезвычайно краткой публикации их было более 20. К сожалению, ни одна не была раскопана полностью. И тем не менее наблюдения В. В. Хвойки представляют значительный интерес. Все исследованные постройки сохранили следы деревянных конструкций. По углам находились обгоревшие или истлевшие столбы, в середине — рухнувшие потолочные перекрытия. В ряде случаев отмечено наличие деревянных стен, состоявших из толстых бревен. Некоторые построй-

ки, по мнению исследователя, имели и вторые этажи (Хвойко В. В., 1913, с. 69—74).

Важные материалы по древнерусским жилищам были получены в 30-е годы Киевской археологической экспедицией, а также в 40—50-е годы экспедициями М. К. Каргера, В. А. Богусевича. На это же время приходится и начало дискуссии об основном конструктивном типе жилищ древнего Киева.

Наблюдения В. В. Хвойки о наличии мощного деревянного каркаса в массовых жилищах древнего Киева, а также выводы Г. Ф. Корзухиной о двухэтажных постройках, основанные на материалах его раскопок (Корзухина Г. Ф., 1956, с 318—336), подвергались критике со стороны М. К. Каргера. Многочисленные отлично сохранившиеся остатки жилищ, открытые в Киеве, как считал исследователь, неоспоримо свидетельствуют о том, что основным типом массового городского жилища даже в самом крупном городском центре Киевской земли вплоть до XII—XIII вв. продолжала оставаться полуземляночная постройка. Над заглубленной частью возвышались глинобитные стены, деревянный каркас которых состоял из нескольких вертикальных столбов, врытых в землю, соединенных между собой немногочисленными деревянными перевязями, переплетенными тонкими прутьями (Каргер М. К., 1958, с. 350)

Изложенная выше характеристика массовых жилищ Киева и других городов южной Руси разделялась не всеми археологами. Так, В. К. Гончаров, В. А. Богусевич, В. И. Довженок, считая вывод о землянках как основном типе жилищ в Среднем Поднепровье ошибочным, допускали широкое распространение в Киеве срубных сооружений. Полуземлянки, по их мнению, были результатом лишь временных тяжелых обстоятельств, как, например, военный разгром, пожары и другие бедствия. (Богусевич В. А., 1964; Довженок В. И., 1950, с. 71—72). Этот вывод археологов разделяли и многие историки, считая его более обоснованным, чем категорическое мнение о всеобщем господстве полуземлянок. «Уж очень бедным и жалким,— замечал М. Н. Тихомиров,— оказывается Киев, «соперник Константинополя», со своими полуземлянками» (Тихомиров М. Н., 1956, с. 145).

Остатки жилищ столбовой конструкции в большом количестве выявлены в пределах Верхнего города. Они представляют собой прямоугольные углубления в лёссе, по углам которых находятся ямы от столбов. В некоторых жилищах между угловыми столбами прослежены в материке неглубокие канавки, в которых лежали бревна — лаги. В одном из углов, чаще правом, дальнем от входа (в однокамерных жилищах) или ближнем правом основной камеры (в двухкамерных) находились глинобитные печи. Размеры углубленных частей, как правило, невелики — от 10 до 10—20 кв. м. В заполнении некоторых жилищ прослежен мощный горелый слой, представлявший собой завал угля, пепла, кусков обожженной глины. Их основания опущены в материк, как правило, от 0,20 до 0,70 м. В редких случаях глубина залегания пола построек достигает 1,2—1,5 м.

Изучение жилищ столбовой конструкции, исследованных в Верхнем городе, убеждает в том, что их конструктивное решение было иным, чем это представлялось М. К. Каргеру и другим исследователям. Это не были легкие глинобитные постройки, каркас которых состоял из нескольких столбов и жердей, переплетенных тонкими прутьями. После пожара от такого сооружения должен остаться мощный завал обожженной глины, между тем археологи его практически не находят. Но зато почти всегда удается проследить слой горелого дерева. Достаточно посмотреть на чертежи жилищ XII—XIII вв., раскопанных М. К. Каргером на территории Михайловского монастыря в 1938 г., а также во дворе № 4 по ул. Б. Житомирской (Каргер М. К., 1958, с. 305—311, 328), чтобы убедиться в значительной роли дерева в киевских постройках. Отметив совершенно справедливо, что эти жилища не могут быть отнесены к типу срубных, М. К. Каргер все же неверно определил их конструкцию: по его мнению, в отдельных случаях вместо глиняной обмазки стенки углубленной части жилищ были обложены досками, которые укреплялись в пазах угловых столбов, наземные их части имели глинобитные стены.

Более вероятным представляется предположение о том, что прослеженная М. К. Каргером и отмеченная другими исследователями конструктивная

конструкций, не связанных с основными объемами зданий. Сейчас уже вряд ли может быть сомнение в том, что площадь киевского жилища IX—XIII вв. значительно превышала ту, которую занимало прямоугольное углубление.

Кроме столбового, в древнем Киеве имел широкое распространение и тип срубных построек. Еще до археологического выявления последних об этом можно было говорить на основании целого ряда косвенных данных, прежде всего срубных гробниц IX—X вв., которые, несомненно, конструктивно повторяли жилой дом, а также деревянных городен, применявшихся для насыпки оборонительных валов. Указание на срубный тип построек Киева имеются и в летописи. В 1016 г. киевляне, выступавшие со Святополком против Ярослава, кричали новгородцам: «Что придосте с хромъцемъ симъ, а вы плотници суще? А приставимъ вы хоромомъ рубити нашимъ» (ПВЛ, 1950, ч. I, с. 96).

К сожалению, ни М. К. Каргер, ни другие археологи, занимавшиеся киевским жилищем, не сочли возможным привлечь эти данные в качестве источника для решения вопроса о конструктивном типе массовой застройки древнего Киева. Прошли они и мимо целого ряда более надежных, в том числе и археологических, доказательств наличия в Киеве срубных построек.

Отрицание срубной застройки в древнем Киеве явилось результатом не только недостаточного внимания к накопленным археологическим источникам, но и следствием предубежденности в решении проблемы массовой застройки древнего Киева. Между тем первые срубные постройки в Киеве были обнаружены одновременно с каркасными в 1907—1908 гг., когда В. В. Хвойко производил значительные раскопки в самом центре древнего Киева, в пределах современной усадьбы Государственного исторического музея УССР. Опубликованные Г. Ф. Корзухиной выписки А. А. Спицына, сделанные из дневников В. В. Хвойко, свидетельствуют о том, что исследователю удалось обнаружить целый ряд жилых построек, среди которых были и срубные (Корзухина Г. Ф., 1956, с. 318—341). К такому выводу в последнее время пришел и П. А. Раппопорт (Раппопорт П. А., 1975, с. 85).

Срубные постройки XII—XIII вв. были обнаружены в 1909 г. в усадьбе митрополичьего дома (угол ул. Стрелецкой и Георгиевского переулка) раскопками В. Д. Милеева; в 1940 г. между стеной Михайловской и Трапезной церквей — Г. Ф. Корзухиной; в 1948—1950 гг. на Замковой горе и Подоле — раскопками В. А. Богусевича; в 1967 г. в усадьбе № 14 по ул. Б. Житомирской — раскопками П. П. Толочко.

Последние сомнения в существовании в древнем Киеве срубных построек были рассеяны после раскопок Киевской постоянно действующей археологической экспедиции Института археологии АН УССР, осуществленных в 1972—1976 гг. на Подоле (табл. 49). В различных его районах на глубине от 4 до 12 м раскопано около 60 срубов IX—XII вв. Оказавшись перекрытыми овражными выносами и речными намывами, нижние части срубов прекрасно сохранились до наших дней. Отдельные имеют по пять—шесть и даже по девять венцов. Размеры срубов различные. Жилые достигают 40—60 кв. м, хозяйственные — 16—18 кв. м. Все срубы рублены «в обло» из сосновых бревен. Диаметр их различен. В жилых постройках диаметр бревен достигает 20—25 см, в хозяйственных — 10—16 см. Многие жилые постройки срубного типа, как и каркасно-столбовые, были двухъярусными домами на подклетах (Толочко П. П., 1981, с. 70—77).

Таким образом, новые археологические исследования окончательно убеждают в том, что срубный тип построек имел значительное распространение в древнем Киеве. Удельный вес его в общей застройке города не только не меньше каркасно-столбового типа, но, вероятно, значительно больше. Целиком срубной была застройка одного из крупнейших районов Киева — Подола, не были редкостью срубы и в верхних его районах. Следовательно, выводы о коренном отличии историко-архитектурного развития древнего Киева от Новгорода и других районов лесной зоны Киевской Руси не соответствуют действительности. В результате раскопок Киевского Подола получены материалы, аналогичные раскопанным в Новгороде, Старой Ладоге, Полоцке, Бресте и других городах северо-западных и северо-восточных районов Руси.

Исследование киевских построек показало, что они имеют практически все варианты строительной техники, отмеченные исследователями для северо-западных и северо-восточных районов Руси. Рубка киевских (как и новгородских, минских, смоленских и др.) срубов выполнена «в обло» с выпуском остатков длиной 20—30 см, реже 40 см. Все они сложены из сосновых бревен диаметром от 16 до 25 см. Чашки замков и паз всегда выбраны в нижнем бревне. Лаги для настилки полов бывают врублены в венцы и положены на землю; основания срубов устроены чаще всего из системы бревенчатых подкладок, но встречаются и деревянные «стулья». Нередки в киевских срубах и наружные венцы или обноска, характерные для построек Минска, Полоцка, Гродно, Рязани и других городов.

Типологически киевские срубные постройки практически также не отличаются от новгородских, староладожских, брестских и др. Здесь представлены те же три типа жилищ, которые имели повсеместное распространение и в лесной зоне: однокамерные срубы, двухкамерные избы — пятистенки и многокамерные постройки, состоявшие из нескольких срубов. Избы-пятистенки появились в Киеве уже в X в., однако, как и в других древнерусских центрах, массовое их строительство относится к XI — началу XIII в. Плановая структура киевских пятистенков аналогична общепринятой на Руси схеме двухкамерных жилых построек. Вход в такой дом находился в меньшей камере (или сенях), а печь всегда стояла в одном из углов большого квадратного помещения, чаще всего в правом или левом ближнем от входа. Печи исключительно глинобитные.

Сказанным, естественно, не исчерпываются элементы сходства древнекиевских срубных жилищ с жилищами других центров Руси, но и приведенного достаточно, чтобы прийти к выводу о преобладании среди массовой застройки Киева IX—XIII вв. общерусских архитектурных типов построек.

В определении характера планировочной структуры города очень важное значение имеет вопрос о том, что было основным элементом его массовой застройки — дом или усадьба? Отвечая на него, некоторые исследователи приходят к выводу об отсутствии в Киеве IX—XIII вв. огражденных заборами дворов. Дома стояли впритык один к другому, как и в любом европейском городе тех времен.

Многолетние археологические раскопки, особенно исследования последних лет на Подоле, показали, что в древнем Киеве, как и в других древнерусских городах основным звеном планировочной структуры была усадьба. Каждая из исследованных подольских усадеб состояла из одного жилого дома, двух-трех построек хозяйственного или производственного назначения и была обнесена высоким дощатым забором (реже частоколом). В застройке усадеб наблюдается определенная планировочная закономерность. Жилые дома стоят на некотором удалении от хлевов, комор и производственных построек, но как и последние, всегда вдоль заборов. Центральная часть усадьбы оставалась свободной от построек. Удалось выявить два типа усадеб: небольшие (площадь 250—350 кв. м), принадлежавшие низшим слоям киевского населения, и средние (площадь 600—700 кв. м), в которых судя по раскопкам на Красной площади проживали представители купеческого сословия (Толочко П. П., 1981, с. 85—92). Усадеб больших, площадью 1000 кв. м и больше, хорошо известных по раскопкам Новгорода, на Подоле не найдено. Это не значит, что их здесь и не было. Дворы Радьславль и Лихачев, упоминаемые в летописи, конечно же, были большими феодальными усадьбами, где, кроме их владельцев, проживали мелкие ремесленники, челядь.

В большей мере крупные феодальные дворы были характерны для Верхнего города, являвшегося средоточием земельной знати и богатого купечества. К сожалению, проследить их размеры ни разу не удалось и вряд ли удастся. С одной стороны, это связано с невозможностью проводить здесь раскопки широкими площадями, с другой — с плохой сохранностью археологических объектов. В связи с этим значительную ценность приобретает известный летописный рассказ 945 г. о детинце Киева времен Ольги. Пытаясь дать четкое представление о том, где располагался Ольгин град, летописец XI в. указывает: «Градъ же бѣ Киев, идеже есть ныне двор Гордятинъ и Никифоровъ, а двор княжь бяше в городе идеже есть нынъ двор Воротиславль и Чюдин» (ПВЛ, 1950, с. 40).

Следовательно, на территории древнейшего детинца, занимавшего площадь около 2 га, во второй половине XI в. находилось четыре боярских усадьбы. Если предположить, что примерно половина этой площади отошла к расположившимся здесь усадьбам Десятинной церкви, «Деместника» и Мстислава, то и тогда на одну боярскую усадьбу придется более чем по 2000 кв. м. Конечно же, здесь проживали не только семьи названных бояр, но и многочисленная челядь, а также ремесленники. В этом и следует искать объяснение, почему в самом центре Киева, рядом с дворцами и храмами, располагались жилища городской бедноты, ремесленные мастерские.

В настоящее время можно высказать некоторые суждения о градостроительной и планировочной схеме древнего Киева. Единой схемы, характерной для разных районов города, в нем не было. Слишком различными были их топографические условия.

В Верхнем городе, как и в большинстве средневековых центров, планировка приближалась к радиально-кольцевой (Бунин А. В., 1953, с. 142). Обусловливалась она рядом факторов: наличием нескольких концентров укреплений с воротами, а также городских площадей у этих ворот и в центре города, вокруг соборов и монастырей. От Подольских, Софийских и Михайловских ворот «города» Владимира, Золотых, Лядских и Жидовских «города» Ярослава пучки улиц выходили на площадь «Бабин торжок», площадь у Софийского собора. Под валом каждой из частей Верхнего города также проходили городские улицы. Можно полагать, что основная планировочная сеть старого города, отраженная на планах Киева XVIII — начала XIX в. и сохранившаяся до наших дней, сложилась еще в древнерусское время.

В какой-то мере вывод этот может быть подтвержден и данными археологических исследований. Так, планировочная ось «города» Владимира судя по направлению мостовой, отходившей от Софийских ворот в сторону площади «Бабин торжок», почти совпадала с современной ул. Владимирской. Характерной особенностью жилищ, выявленных археологами в усадьбе № 14 по ул. Б. Житомирской, являлось то, что все они ориентированы по одной линии, совпадающей с направлением современной улицы (Толочко П. П., Килиевич С. Р., Дяденко В. Д., 1968, с. 191—193). Аналогичная картина наблюдалась и во время раскопок 1978 г. в усадьбах № 36—38 по ул. Рейтарской. Все шесть выявленных здесь жилищ спланированы практически по оси улицы. Исследования 1981—1982 гг. к северо-западу от Софийского собора обнаружили следы двух городских улиц; одна из них (шириной около 6 м) проходила параллельно современной улице Полины Осипенко, другая (шириной около 3 м) — параллельно ул. Чкалова. Следы истлевшего дерева позволяют утверждать, что эти улицы имели мостовые.

Раскопки на склонах Старокиевской горы открыли террасную систему планирования. Для Киева, значительную площадь которого составляли склоны, полученные результаты имеют важное значение. Они дают возможность полнее представить его архитектурно-планировочный облик.

Иная система застройки характеризует Подол. Его современная планировка появилась после пожара 1811 г. и, естественно, не отражает древней. Более близким по структуре к древнерусскому был Подол позднесредневековый. Исследователи неоднократно отмечали, что зафиксированная в XVII—XVIII вв. планировка Подола несет в себе древние черты. Видимо, так оно и есть. Однако пытаться представить Подол XI—XIII вв. только на основании проекций поздних планов в более раннее время, как это делается в работах некоторых архитекторов, вряд ли возможно. Здесь, безусловно, главная роль принадлежит археологии. К сожалению, несмотря на большие достижения в деле изучения Подола, накопленных данных еще недостаточно для реконст-

рукции его древнерусской планировочной сети. На основании раскопок 1969 г. по ул. Ярославской, № 41, 1972—1973 гг. на Красной площади между улицами Героев Триполья и Хоревой, на Житном рынке; 1974 г. по улице Волошской, № 17 можно высказать лишь некоторые общие соображения. (Толочко П. П., 1981, с. 92—93). Планировка древнего Подола носила порядово-ветвистый характер, зависевший от естественных условий района. Важными градообразующими факторами для него служили, с одной стороны, Днепр, с другой — горная гряда. Последняя рассекалась оврагами, из которых вытекали ручьи (Киянка, Глубочица), а также выходили некоторые городские улицы, ведшие из Верхнего города на Подол (например, Боричев Взвоз). У подножья гор они разветвлялись и расходились в разные стороны. В центре Подола была большая площадь, знаменитое летописное «торговище», вокруг которой располагались каменные храмы Богородицы Пирогощи, св. Михаила (Новгородская божница), св. Бориса и Глеба (Турова божница). Расходившиеся от этой центральной площади улицы собирались в пучки у городских ворот, находившихся в системе подольских укреплений. Как показали раскопки участка между ул. Героев Триполья и Хоревой, основные улицы Подола имели ширину 6 м, переулки — 3 м. Видимо, эти цифры являются показательными для всех районов Киева.

Конечной целью изучения массовой жилой застройки древнего Киева является архитектурное моделирование ее структурных элементов. В настоящее время имеется уже несколько опытов реконструкций: жилища, усадьбы, кварталы (П. П. Толочко, В. А. Харламов и др.) (табл. 49). Не все они одинаково хорошо обоснованы документальными данными, однако без попыток архитектурного моделирования многие вопросы массового городского строительства древнего Киева останутся недостаточно освещенными.

Жилища Новгорода. За 50 лет работы Новгородской археологической экспедиции собран огромный и разнообразный материал по истории древнерусского городского жилища, включая как простейшие одноэтажные жилища с минимумом внутреннего оборудования, так и богатые, сложные по плану и развитые в высоту хоромы. В Новгороде в слоях X—XIV вв. вскрыто более 2500 разнообразных построек, в том числе более 800 жилищ.

Археологические данные настолько обильны, подробны и конкретны, что в сравнении с аналогичными материалами других древнерусских городов являются уникальными эталонами для сравнения. Древние жилища раскопаны полностью на огромных площадях. Например, напомним, что площадь Неревского раскопа достигала почти 10000 кв. м. Поэтому постройки и их планировочные структуры могут изучаться в составе комплекса хором, застройки всей городской усадьбы и даже в составе городского квартала. Выявление планировочных структур, конструктивных узлов и архитектурных деталей позволяет на археологических материалах создать своеобразную строительную энциклопедию деревянного хоромного зодчества Древней Руси и выявить устойчивые архитектурно-конструктивные традиции.

В Древней Руси существовали постоянные типы сооружений и помещений, известные нам из письменных документов. Самую большую группу сооружений X—XIV вв. составляли избы и истобки. Известны хозяйственные постройки: медуша, погреб, клеть, скотница (ризница), житница, стая (хлев) и др. В богатых и развитых хоромах постройки получали название в зависимости от назначения — одрина, ложница, покоище, плотница, гридница, светлица, горница, баня. В состав хором входили терема, вежи, повалуши, палаты.

Наиболее сложными сооружениями на усадьбах были жилые дома. Разработке их конструкций, совершенствованию плана, оборудования, связям с другими постройками — клетями, хлевами, мастерскими, службами — древними строителями уделялось много внимания. Усовершенствования диктовались самими условиями жизни, традициями, привычками, вкусами и даже причудами владельца двора, но все же складывались устойчивые типы построек, структура жилого дома и его частей, связи между помещениями как по вертикали, так и по горизонтали. Не все типы строений могут быть выявлены археологическими средствами, но археологические материалы отражают все части хором, известные по письменным источникам.

Основным типом сооружений в конструктивном отношении являлась срубная клеть. Каркасные постройки в Новгороде известны, но применялись значительно реже. В срубах делались те помещения хозяйственно-бытового комплекса, где необходимо было сохранить тепло — избы, горницы, которые отапливались, и те помещения, где температура должна была быть постоянной, выше уличной, например хлевы, некоторые ремесленные мастерские. В срубах помещались житницы, амбары, клети, где хранилось ценное имущество. Каркасные постройки возводились в том случае, если колебания температуры в них не имели решающего значения: навесы, легкие хлевы для летнего содержания скота, пристроенные сени, крыльца, реже — мастерские.

Все сооружения в Новгороде вскрывались полностью в составе других построек усадьбы и изучались комплексно как составляющие единого хозяйства (табл. 50). Это позволяло достаточно надежно проводить их интерпретацию и даже намечать элементы реконструкции. При изучении всех сооружений удалось выявить наиболее характерные приемы конструирования зданий, стен, полов, печей, входов, крылец, связей между помещениями, выделить и изучить избы, сени, клети, хозяйственные и производственные постройки.

На возведение построек шли бревна диаметром в комлевой части от 16 до 35 см. Оптимальный размер бревен, как и сегодня, был около 25 см. Для изб обычно шел более качественный лес, а тонкий — на хозяйственные постройки. Размеры сооружений колебались в значительных пределах. В X—XI вв. избы рубились из бревен 5—6-тиметровой длины. К середине XII в. размеры срубов достигают максимальных размеров. Один из срубов, выполненный из цельных бревен, был величиной 13×14 м. Эти громадные дома были современниками крупнейших каменных соборов Новгорода XII в. К XIV в. харак-

тер застройки меняется, и наряду с обычными домами встречаются жилища миниатюрных размеров из бревен длиной 2,5—3,0 м.

Срубы на дворах Новгорода возводились сразу на месте. Они рубились «в обло» с остатком, с чашкой и припазовкой в верхней части бревен. Возведение хором проходило в строгой технологической последовательности. Вначале рубился сруб. В нем прорубались дверные и оконные проемы, настилались полы и кровля, возводилась печь и после этого велись работы по оборудованию интерьера. В такой же технологической последовательности мы будем рассматривать материалы хоромного зодчества Новгорода.

Конструированию нижней части сооружения древние строители придавали большое значение, так как от этого зависела долговечность постройки. Основу сооружения составлял нижний окладной венец, определявший план и пропорции всего сооружения. Соприкасаясь с землей, он находился в самых неблагоприятных условиях и разрушался быстрее, чем все другие конструкции. Поэтому для окладного венца выбирались толстые и мощные бревна. Материалы Новгорода показывают, что многие постройки, даже довольно больших размеров и, возможно, развитые в высоту, поставлены прямо на грунт. Во многих случаях, начиная с древнейших слоев, под окладным венцом встречаются различной длины подкладки из обрубков кряжей, бревен и плах (табл. 51, *1, 3—6*). На подкладки шли концы от крепежных бревен лесосплава, остатки от разделки и подготовки леса под строительство, вторично использовались части разрушенных построек, строительные детали, бывшие в свое время частью архитектурного декора. Например, обрубки дубовых резных колонн X в. использованы как подкладки под сооружение XI в. (Арциховский А. В., 1956). Часть подкладок в тех случаях, когда они обнаружены под какой-либо одной стенкой или углом, делалась в связи с необходимостью поставить сруб горизонтально, не прибегая к земляным работам по выравниванию площадки. Подкладки выравнивали нижний венец и давали ему в пониженной части устойчивое основание. В одном случае для нивелировки угла применен столб, к которому подходили два не врубленные в него бревна нижнего венца (табл. 51, *2*).

В Новгороде с его сырой почвой, высокими грунтовыми водами и увлажненным культурным слоем в жилищах необходимы были полы. Они прослежены в большинстве жилищ, в амбарах, хозяйственных клетях, обнаружены почти во всех помещениях для скота. Полы или различного рода настилы имелись в сенях и во всех производственных постройках. Конструкции полов всевозможных построек значительно различаются между собой и могут служить определяющим признаком при интерпретации постройки (Засурцев П. И., 1963, с. 23).

Полы настилались обычно на уровне первого, второго или третьего венца, в зависимости от этого различались их конструкции. В простейшем случае пол устраивался на уровне первого венца в виде жердевого или дощатого настила, уложенного прямо по земле, например в сенях при мастерских, клетях, хлевах, производственных постройках с грубой технологией, т. е. в холодных помещениях. Соприкасаясь с землей, такие полы быстро загнивали и разрушались, поэтому они делались из менее ценных материалов или же из теса вторичного использования.

В избах, теплых помещениях и клетях, где хранилось наиболее ценное имущество, полы делались капитальнее и тщательнее. Они сооружались с учетом долговечности постройки. Настилы полов набирались из тесин или толстых досок, а в хозяйственных постройках, например хлевах и конюшнях, из плах и полубревен. Лаги, если надо было устроить пол на уровне второго венца, укладывались либо на землю, либо, как и окладной венец, на подкладки. Иногда бревно окладного венца и близлежащая лага имели общие подкладки (табл. 51, *3, 5*).

При устройстве пола выше второго венца под лаги с определенным шагом ставились необходимой высоты столбики (табл. 51, *4*). Столбики под лагами в верхней части для прочности иногда затесаны седлообразно (Засурцев П. И., 1963, 25). Концы лаг настила часто врубались в сруб. Плотники пользовались двумя способами врубки — сквозной, наиболее распространенной, и глухой (табл. 51, *5, 6*).

В первом случае конструктивное крепление лаги ничем не отличалось от рубки стены с остатком. Лага лежала в специально вырубленной чашке и своим концом выходила из стены. Иногда в размер лаги в смежных бревнах вырубалось оконце, куда она входила своим концом. Глухая врубка характерна тем, что гнездо в бревне стены вырубалось до половины толщины бревна и узел, таким образом, был более совершенен в теплотехническом отношении.

Расстояние между лагами определялось практическими соображениями обеспечения прочности настила. Длина и местоположение лаг зависели от размеров сруба, плана и местоположения печи в жилищах. Крайние лаги располагались, соприкасаясь со стеной или на расстоянии в один-полтора диаметра бревна в зависимости от способа конструирования.

В жилых домах на лагах укладывались доски, в хозяйственных постройках — жерди и окантованные мелкие бревна. Доски в полах были колотыми, с обеих сторон тщательно обтесанными. Для производства досок выбирали прямослойные бревна из нижней части ствола. При настилке пола смежные доски по краям подтесывались для плотности соединения. Половицы изготовлялись из теса толщиной 5—6 см. Они свободно лежали по балкам, а набранная из них пластина пола своими концами упиралась в бревна сруба, что гарантировало жесткость конструкции. В некоторых домах торцы тесин опирались на плоскость, вырубленную в четверть вдоль бревна сруба. В зависимости от назначения помещения выбирался тип конструкции пола.

С середины X до середины XII в. в Новгороде вокруг крупных домов устраивали завалины. Вокруг избы на расстоянии 0,5—0,9 м от стен укладывались бревна более длинные, чем у сруба, каждое из которых фиксировалось парой кольев, вбитых в грунт. В углу они или соприкасались торцами, или же одно своим торцом упиралось в другое, не доходя до конца последнего на расстояние, чуть большее толщины бревна. В начале XI в. появляется рубленое соединение угла. Прямоугольно затесанный торец закладывается сверху в вырубленный паз. Во второй

половине XI в. появляется завалина в виде венца, рубленого в чашку с остатком (табл. 51, *7, 8*).

В середине XI в. зафиксирована квадратная в плане столбовая постройка, у которой были оригинально выполнены углы окладного венца и крепление столбов (табл. 51, *9, 10, 11*). Отступя от конца бревна на расстояние, равное его толщине, были сделаны с боков вертикальные затески, как бы вырубившие из тела бревна фрагмент бруса, приблизительно равный половине диаметра бревна. Далее на каждом бревне сверху или снизу было стесано еще по половине бруса, после чего они стесанными горизонтальными поверхностями были наложены, образуя венец, в углах которого образовывались четыре пазухи. В них четырьмя шипами устанавливался угловой столб, который не давал возможности смещения горизонтальных бревен в узле. В настиле мостовой начала XII в. было вторично использовано бревно опорного венца такой же столбовой конструкции, только в узле опорного венца было сделано усовершенствование: вместо простой накладки бревна врубались в замок, образуемый вырубкой, равной толщине вставляемого бруса.

Кровля — самая ответственная часть сооружения, предохраняющая его от воды и обеспечивающая ему длительное существование.

В Новгороде найдена целая коллекция куриц X—XIV вв. как бывших в употреблении, так и в виде заготовок. Они сделаны из тонких елей с диаметром ствола в комлевой части 6—12 см. У молодой ели, вывороченной из земли, срезали сучья и корни, оставив только самый крепкий, мощный отросток корня, обрубали его в виде крюка (кокоры) высотой 20—40 см, затем затесывали ствол брусом. Крюк также плоско затесывали заподлицо с поверхностью боковых граней, придавая ему прямоугольное сечение. Иногда крюку придавали художественную форму, например личину животного.

Отступя на 50—60 см от края крюка, снизу делалась затеска с уступом (пятой), плоской частью обращенным в сторону крюка. Готовая курица членится на две части: обозримую — карнизную и скрытую — подкровельную.

В принципе возможны два способа крепления куриц, которые встречаются в народном зодчестве (табл. 51, *12—13*). Первый — заделка курицы между двумя верхними бревнами стены с нижней заделкой подкровельной части в первую слегу крыши. Второй способ — заделка курицы сверху в верхнее бревно стены, называемое подкурятником, и в слегу. Несмотря на то что верхние бревна сруба не сохраняются и потолки не найдены, тем не менее длина подкровельной и карнизной частей курицы, форма и размер пяты, кривизна крюка и угол сопряжения крюка со стержнем курицы, выгиб стержня курицы кверху или книзу с геометрической точностью свидетельствуют об уклоне кровли, приемах рубки слег и самцов в порубе (табл. 51, *14, 15*), и даже о том, какой тип потока применен — доска—застрешина, водотечник в форме бруса или же полукруглого желоба. Основные требования при реконструкции этого конструктивного узла заключаются в том, чтобы поток плотно и устойчиво лежал на крюке, чтобы в среднюю часть его входили тесины кровли, а последние покоились на слегах и плотно примыкали к самому верхнему бревну стены (называемому повальным или повальной слегой). Иконографические материалы свидетельствуют о популярности высоких тесовых кровель с повалами (табл. 51, *15*); в богатых хоромах применялись четырех и восьмигранные шатры. С появлением лемеха в XII в. начинается разработка бочечных и кубоватых покрытий, которые существенно обогащали архитектуру города (табл. 51, *16, 17*).

Наиболее элементарным типом новгородской избы была однокамерная срубная клеть с печью. Изба — многофункциональное помещение, различным образом используемое в течение дня и по временам года. Для суждения о внутреннем устройстве древней избы принципиальное значение имеют взаимоотношения между входом в избу, положением печи и ориентацией ее устья в помещении. Это связано с компоновкой всего интерьера избы: лавок, стола, полатей, утвари. Несмотря на хорошую сохранность срубов (иногда до четвертого венца), в Новгороде только в нескольких случаях сохранились следы дверного проема. Место входа в избу, которое в древности называлось «придверием», легко определяется по наличию отмостки перед одной из стен. Показателем входа являются остатки навеса, сеней, а в случае их отсутствия место входа определяется по местоположению избы среди других построек в планировке двора.

Изнутри вход «читается» по направлению половиц, которые, как показывают этнографические данные (Бломквист Е. Э., 1956, с. 23), настилаются вдоль «по ходу» в избу.

Среди материалов новгородской экспедиции имеется коллекция дверей, относящихся к XI—XIV вв. (табл. 52, *1*). Все они сделаны на крепившихся в пороге и притолоке круглых шипах, на которых они вращались. По величине двери делятся на четыре типа: 1,60×0,82; 1,30×0,70; 1,04×0,67; 0,92×0,55 м. Дверной проем в зависимости от навешиваемого полотнища прорубался на различной высоте относительно пола, порог устраивался в один, два или три венца. Высота притолоки колебалась в пределах одного-полутора венцов. Первый тип дверей применялся в избах, второй был универсальным, малые двери использовались в помещениях преимущественно хозяйственного назначения.

В традиционном русском жилище этнографами выделены четыре основных устойчивых типа компоновки интерьера избы в зависимости от местоположения и ориентации печи относительно входа. Для северных районов характерно местоположение печи у входа в углу справа или слева; если печь обращена боком ко входу, то тип плана называется северосреднерусским, если устьем ко входу, то западнорусским.

Большинство новгородских печей в плане квадратные, поэтому определение местоположения устья сложно. Соотношения вариантов плана избы не показывают какой-либо ясно выраженной непрерывной этнографической традиции, характерной для Новгорода (табл. 52, *2*). Даже на территории одного двора встречаются различные типы планов. В целом с самого начала возникновения Новгорода преобладают северные типы планов. Серединное положение печи в избе встречается только в слоях X—XIII вв.

Постройки с печью в середине, относящиеся к более позднему времени, П. И. Засурцевым трактованы на основании археологического бытового материала как поварни, пекарни и ремесленные мастерские (Засурцев П. И., 1959, с. 289).

По материалам Неревского раскопа Новгорода в хорошо сохранившихся 152 избах удалось определить место входа и выявить пять вариантов местоположения печи относительно входа: 66 печей (43%) справа от входа, 47 (31%) слева от входа, 19 печей (12,5%) напротив входа в левом углу, в правом 13 (8,5%) и семь печей в центре помещения (5%). В производственных постройках печи располагались в середине (28 построек) или у одной из стен (15 построек) (Засурцев П. И., 1963, с. 38). В редких случаях встречаются печи с запечьем, когда печь отодвинута на некоторое расстояние от стены.

Можно предположить, что главная структура так называемого южнорусского типа с печами в углах напротив входа были занесены в Новгород извне. Они появляются здесь с конца XII в. и получают некоторое распространение в XIV в.

В Новгороде открыто несколько типов печей и очагов в зависимости от способов использования огня: как отопительные устройства; для приготовления пищи; производственного назначения и просто специально подготовленная площадка для открытого производственного очага.

Остатки печей представлены преимущественно опечками, развалами и основаниями, сооруженными непосредственно на земле, или отверстием для опечка в полу. Наземные печи имели преимущественно производственное назначение. На них иногда прослеживается конструкция тела печи.

Внутри избы поды печей были приподняты относительно пола на опечках. Древние мастера придавали большое значение устойчивости печи, поэтому опечек в подавляющем большинстве ставили самостоятельно, не связывая его конструктивно со срубом. Обычно это были четыре столба диаметром 20—40 см, расположенные прямоугольником или квадратом, реже два. Высота полностью сохранившихся столбов колебалась от 0,6 до 1,4 м. Они вкапывались в грунт на 40—80 см. Часто верх опечка и столбов уничтожен огнем. Опечки были или глухие, или раскрытые в избу (вероятно, со стороны устья), или открытые. В четырехстолпном глухом опечке (табл. 52, *3*) в двух столбах, стоящих у стен, вырубалось по вертикальному пазу, а в угловом, выходящем в интерьер избы, два паза. В них забирались бревна, на концах отесанные до ширины паза, или плахи. Поверхность стенки опечка могла быть стесана или же оставлена облой.

В раскрытом опечке (табл. 52, *8*) наглухо забиралась только одна сторона, а вторая оставалась открытой или же заслонялась щитом или изнутри вертикально прислоненными тесинами. Подпечье использовалось для хранения кухонного инвентаря. В большинстве случаев пол в нем был земляной, иногда настилались жерди или плахи прямо на землю ниже уровня пола избы. В верхней части каждого столба вырубался горизонтальный паз глубиной в толщину бревна, по ширине у́же. Народ метко окрестил их «вушаками» (Лебедева Н. И., 1929, с. 57).

В щели горизонтально укладывались балки в виде брусьев или бревен, подтесанные в соответствующих местах. Выбор конструктивного решения вытекал из архитектуры опечка: забран ли он был тесинами или же обрубками бревен, т. е. имел плоскую поверхность или округлую. В углу одной из производственных построек встретился шестистолпный опечек (табл. 52, *6*). Он был составлен как бы из двух обычных по площади опечков. Столбы его диаметром 45 см имели высоту 80 см и возвышались, очевидно, над уровнем земли на 50—60 см. В верхние пазы столбов была заложена пара брусьев с выпусками-консолями. Можно думать, что консольные выступы балок имелись в конструкциях других типов опечков.

Встречались опечки на двух столбах (табл. 52, *4*). Одна стена подпечья забиралась в пазы между этими столбами, а другая — в паз углового столба и в паз, вынутый вертикально в бревнах сруба. Столбы поверху соединялись балкой либо врубленной в ушаки, либо насаженной на шипы, вытесанные по верху столбов. Балки, несущие печь, одним концом опирались на упомянутую балку, а другим концом врубались в противоположную стену сруба.

Редко встречались срубные опечки (табл. 52, *8*). Всего такие опечки в новгородских постройках отмечены около 15 раз. Размеры их составляли от 1,5×1,5 м до 2,5×2,0 м. Опечки в плане на уровне древнего пола имели размеры от 1,2×1,1 м до 2,0×2,5 м. Вполне возможно, что в некоторых жилищах, особенно в ранний период застройки X—XI вв., в домах с серединным положением опечка и в производственных помещениях с использованием открытого огня вместо печи на опечке устраивали очаг. В простейшем случае опечек забивался землей, а под обмазывался глиной.

По конструкции печи были различные: каменки, глинобитные (табл. 52, *9*, *10*), глиняно-плинфовые, глино-каменные и глино-кирпичные. О сложных формах печей известно мало.

Важнейшими элементами интерьера древнерусской избы были лавки. Впервые они зафиксированы в полуземляночных жилищах роменской культуры. Лавки были сделаны как остатки земляного грунта, укрепленные от осыпания подпорными стенками (Рыбаков Б. А., 1939, с. 324). Днем они использовались для сидения, а ночью как ложе. Такие лавки были традиционными в древнерусских жилищах Рязани, Вышгорода, Суздаля и других городов. Эту особенность ярко выразил писатель начала XII в. Даниил «игумен земли русской» в описании святынь Палестины, которую он посетил в 1106—1107 гг. В пещере он отметил: «На десной стороне есть место, яко лавица засечена в том камени печерном, и на лавици той лежало тело Господа нашего Исуса Христа» (Срезневский И. И., 1895, с. 2).

В избах лавки составляли стационарную мебель, рубленую вместе со стенами сруба. Оборудование избы лавками и декором обозначалось термином «нарядить нутро» (табл. 52, *10*, *11*, *12*). В новгородской берестяной грамоте XIV в. есть фраза: «Наряжай избу и клеть» (Арциховский А. В., Борковский В. И., 1963, с. 73—74).

В некоторых немногочисленных жилищах с конца XII в. прослежены один, два, реже три вкопанных в

землю столба на некотором расстоянии от стены, которые можно трактовать как опоры лавок (табл. 53, *2*). Можно предположить, что на некотором уровне от пола со столбов перекидывались брусья на врубки, сделанные в стене; затем на них укладывались тесины лавок. Отсутствие массовых следов от лавок при раскопках свидетельствует либо о конструктивных приемах, при которых они не сохраняются в развале дома после пожара, либо о переносных скамьях, которые их заменяли.

Пространство между боковой стороной печи и стеной — традиционное место кровати. В Новгороде в избах XIII в. неоднократно прослежены столбы, стоящие у стены напротив боковой стороны печи. Столбы поставлены на расстоянии, равном ширине печи. В некоторых случаях обнаружены столбы, стоящие у опечка. Очевидно, на столбы опирались брусья, по ним укладывались доски. Одним концом брусья могли опираться на опечек. Припечный настил как цельнорубленое оборудование избы соответствовал «полу» в народном жилище украинцев и белорусов. В быту это «семейная кровать», на которой все члены семьи спят «впокот» от стены к печи (Шарко А., 1901, с. 128). Ширина настила равнялась стороне печи и была больше человеческого роста. Размеры настила в новгородских избах вписываются в типы, бытующие в русском народном жилище, и по ширине колеблются от 1,2 до 2,2 м, что близко к древним полусажени и сажени. На узком настиле спящие располагались вдоль, а на широком — поперек. Первый настил можно считать прообразом кроватей, а второй являлся чем-то вроде нар. Его вполне можно отождествить с древнерусским «одром».

В XIV в. под одром и лавками пол иногда не настилался (табл. 52, *11*; 53, *2*, *5*, *6*). Отсутствие пола свидетельствует об исключении подлавочного пространства из бытового использования, во всяком случае ежедневного. Со стороны помещения они наглухо заделывались вертикальными стенками. Очевидно, что заделка залавочья связана с какой-то временной архитектурной модой. Глухие ступеньки лавок и одра как бы повторяли в деревянных рубленых формах земляные лавки в полуземляночных помещениях лесостепной полосы Киевской Руси. Использование залавочья и пространства под одром особенно необходимо было зимой и весной. Жители Новгорода имели домашних животных, мелкую скотину, птицу, которые содержались летом в хлевах и на дворе. Зимою, как показывают этнографические материалы, хозяева, не имеющие теплых хлевов, размещали под кроватью овец и новорожденных телят, а под лавками — весной сажали птицу на яйца. Для этого со стороны помещения делалось плетеное или решетчатое заграждение (Анимелле Н., 1854, с. 127). Вполне возможно, что избы XIII—XIV вв. Новгорода без настилов полов под лавками и мостами являются остатками жилищ, в которых зимой и весной помещалась мелкая скотина и птица. При отсутствии пола здесь увеличивалась высота, что давало определенные удобства.

Позднее при развитии надворных строений и хлевов от этого приема конструирования лавок отказались. Для северных вариантов русского народного жилища, в том числе и в Новгороде, характерно открытое пространство залавочья (Даль В., 1955, с. 595). В двух избах конца XIV в. рядом с печью прослежены настилы, не связанные с полом избы. В одном из домов было два настила, верхний был, вероятно, остатками одра, а нижний замощением полости, образованной стенами опечка, избы и вертикальной стенки. Само замощение указывает на попытки использования этого пространства, выделенного из интерьера избы.

Пространство под одром с глухой стенкой представляло собой емкость, удобную для хранения ценных вещей, вполне возможно, что это была разновидность древнего ларя. В процессе развития интерьера избы одр в северном варианте плана был отделен дверью от печи, превратившись в коник.

Изба и сени — четкий и ясный комплекс народного жилища, имеющий древнее происхождение, к моменту возникновения Новгорода прошел длительную историю своего развития. Новгородцы начиная с X в. практиковали в жилых и хозяйственных постройках все разновидности сеней от простого навеса до самостоятельного помещения в развитых хоромах. Около двери на грунт в простейшем случае накладывается доска или камень, так как при длительном пользовании помещением грунт в этом месте выбивается. Перед однокамерными избами иногда настилается на лагах мост с тесинами, уложенными параллельно фасаду (табл. 53, *1*). Однако это еще не сени, а только отмостка перед входом. Вполне возможно, что в верхней части постройки на выпусках повального и одного-двух ниже лежащих бревен устраивался навес, который можно связать с древнерусской сенью. От навеса иногда сохраняется несколько столбов, которые несут сень — самостоятельное покрытие, не связанное с кровлей самого сруба (табл. 53, *2*, *3*, *8*). В принципе этот тип столбовых сеней без стен можно рассматривать как крыльцо, как навес для защиты входа от дождя, снега и грязи. Часть навесов, конструктивно связанных с клетью избы, сенями в бытовом смысле (крытое преддверие жилища), представляют собой сень в древнерусском понимании (табл. 53, *4*). Для людей того времени любое легкое покрытие без стен являлось сенью (Срезневский И. И., 1903, с. 898).

Сень при избе, огражденная стенами, стала частью жилища и получила название сеней, т. е. холодного помещения широкого назначения при избе, сооружения, функционально связанного с ней, защищающего вход от ветра, от дождя, снега, в зимнее время препятствующее охлаждению избы через дверь. Зимой сени также смягчали перепад температуры между теплым воздухом помещения и холодным на дворе. Древняя изба строилась как двор вместе с надворными строениями не сразу, а постепенно. Сперва возводилась изба-четырехстенка, затем к ней пристраивались сени. Столбовые сени встречаются начиная с X в., но широкое распространение они получили в XII—XV вв. У наиболее бедных построек встречались сени в виде навеса с легкими стойками и тонкими жердевыми стенками, которые на зиму должны были утепляться соломой или сеном. Конструкция столбовых сеней проста: столбы вкопаны на 25—30 см в землю. Вдоль столбов вытесаны пазы, куда забираются горизонтальные жерди, тонкие бревна, тесины. Бревна на концах стесаны

для плотной закладки в пазы, которые у́же, чем диаметр горизонтальных вкладышей (табл. 53, *5*).

Часть сеней Новгорода можно назвать прирубленными (табл. 53, *6*). Они представляют собой трехстенный венчатый прируб, примыкающий обычно к продольным стенам избы. В богатых жилищах, особенно на первых этапах развития Новгорода, встречались цельнорубленные с избой сени в виде пятистенка с неравными по площади отсеками: больший, приближающийся к квадрату, с печью — изба, а меньший, продолговатый — сени (табл. 53, *7*). Иногда сени пристроены к избе позднее, не занимают весь фронт фасада избы, а примыкают как клеть, вне зависимости то того, выполнены они венчатым трехстенком или в виде столбовой конструкции. Они напоминают глухое крыльцо, в плане приближающееся к квадрату (табл. 53, *5*, *6*). Вероятно, подобные сени в XI—XIV вв. назывались «преклетами» (Срезневский И. И., 1895, с. 1654). Часть преклетов хотя и примыкала к избам, но сенями не являлась, особенно если при срубе имелось крыльцо (табл. 53, *8*). Выбор конструктивного решения диктуется положением сеней в плане дома и архитектурно-художественными соображениями. При двухчастной структуре жилища сени будут выполнять свое назначение проходного холодного помещения вне зависимости от того, сделаны ли они срубом, трехстенком или же выполнены в каркасной технике. Встречались сени, выполненные в смешанной технике, например трехстенок своими неперевязанными бревнами забирался в пазы вертикальных столбов. Встречались случаи, когда у сеней был один угол выполнен с перерубом, а другой забран в столбы (табл. 53, *9*). Сени трактованы как огороженное перекрытое пространство перед входом в избу.

В одном из домов XV в. с южнорусским типом плана избы со стороны входа примыкали столбовые сени. Над входом был навес, опирающийся па пару столбов и стену; один из столбов около угла сруба сохранился. Сени были по площади несколько меньше, чем изба. Стоящая в них пара столбов позволяет говорить о включении в них двух чуланов, выгороженных из половины площади подкровельного пространства (табл. 53, *10*). Сени в сочетании с клетью и избой дали устойчивую трехчастную ячейку народного жилища на протяжении всей истории русского деревянного зодчества. Конструкция сеней была проста. В промежутке между срубами в углах ставились столбы. В них вырубались вертикально пазы, в которые горизонтально забирались бревна стен. В нужных местах устраивались двери и окна. В новгородском жилище сени между избой и клетью встречаются с середины XII в. Наибольшее распространение они получают в XIV в.

Преддверие сеней в богатых домах XI—XII вв. отмечалось специальными настилами, ведущими к самому дому (табл. 53, *7*). Дворовый настил отличался от настила мостовых улицы: вдоль движения укладывались бревна на расстоянии около 3,0 м друг от друга. В них с внутренней стороны были выбраны четверти или пазы, в которые закладывались широкие тесины (табл. 53, *11*, *12*). Иногда вместо вымостки, проходящей через двор, перед входом устраивалась площадка. Около стены укладывался обрубок бревна со стесанной поверхностью, на некотором расстоянии укладывалось такое же бревно. Для предупреждения смещения бревен и тесин в процессе эксплуатации настила около торчащих из-под настила торцов бревен забивались колья. Между кольями с бревна на бревно вкладывались бревна, подтесанные сверху и снизу (табл. 53, *13*, *14*, *15*). Иногда в наиболее богатых домах площадка устраивалась таким же образом на всю ширину сеней (табл. 53, *16*).

Если уровень пола помещения был высок и вход с настила становился неудобным, то последний укладывался на лаги, поперечно положенные под балки настила. Перед площадкой — рундуком дополнительно укладывалась на землю тесина. Площадка превращалась в простейшее крыльцо (табл. 53, *17*). Распространены были высокие безрундучные крыльца. По обеим сторонам дверного проема вкапывались два бревна, сверху в них вырубались выемки, в которые на нужной высоте укладывался брус. На него опирались врубленные верхние концы тетив лестницы. На некотором расстоянии от стены на землю укладывался параллельно массивный брус (табл. 53, *18*). В нем была пара выемок, в которые вставлялись в шип нижние концы тетив лестницы со ступеньками. Встречающиеся обломки тетив показали, что высота ступенек была приблизительно равна их ширине, а уклоны маршей были от 45° и круче. Опоры лестницы встречаются начиная с XII в. и позднее. Более ранних примеров пока не зафиксировано, но о «всходах» храмов уже сообщает Изборник 1073 г. (Срезневский И. И., 1893, с. 427). Новгородские материалы показали, что «всходы» были типичным явлением в древнерусском жилище, подтверждая широкое распространение домов на подклетах. Основания лестниц вырубались из толстого кряжа. Его массивность и тяжесть вместе с весом крутой лестницы обеспечивали устойчивость без каких-либо укреплений. Лестница могла быть устроена в любом месте и даже поставлена прямо на тесовый пол, например в сенях (табл. 53, *19*).

В зависимости от назначения здания выбирался тип всхода (лестницы). Несмотря на строительство некоторого числа примитивных безрундучных всходов, в XIII в. встречаются более развитые (табл. 53, *20*, *21*) в виде небольших крылечек с тремя ступеньками и небольшим рундучком. Одно из них полностью сохранилось. В хозяйственных службах использовались лестницы — шеглы из бревна с вырубленными ступеньками (табл. 53, *22*).

Ширина лестничных маршей колебалась в пределах 0,8—0,9 м в зависимости от метода разметки ступеней, просвета между тетивами или расстояния по наружным граням тетив. Поскольку «всход» связан с размерами человека, то вполне естественно, что ширина оставалась на протяжении веков мало изменяемой величиной. Лестница служила чисто практическим целям. Подобные лестницы встречаются на двухэтажных амбарах XIII—XIV вв. (табл. 53, *23*) Новгорода, в деревянных часовнях и колокольнях XVII в., в спусках в подклеты старых сельских домов XIX в. Не выходили из этих размеров внутренние лестницы на хоры каменных храмов XII в., выложенные в толще стен.

В избах крыльца примыкали к сеням с широкой или узкой стороны. Часть крылец, вскрытых в Нов-

городе, была связана не с подклетной частью изб, а вела непосредственно в парадную горницу на подклете. По сравнению с материалами этнографии они миниатюрнее и изящнее, оборудованы внизу площадками, открытыми или под навесом. В первой четверти XI в. уже встречаются тип крыльца с небольшим срубным рундучком, для устойчивости засыпанным внутри песком. От нижнего рундука шла крутая узкая лестница на тетивах к верхнему рундуку, устроенному из прямоугольного сруба, широкой стороной обращенного к лестнице, а противоположной стороной примыкавшего к узкой части сеней (табл. 54, *1*). Над входной площадкой и всходом иногда устраивался навес на столбах, тем самым крытый всход превращался в собственно крыльцо (табл. 54, *5*). Архитектура древних крылец Новгорода отражается позднее в палатном письме, архитектурной графике XVII в. и народном зодчестве (табл. 54, *2*, *3*, *4*).

Оригинальное крыльцо было обнаружено в одном из богатых домов середины XII в. (табл. 54, *6*, *7*) во дворе, расположенном на юго-восточном углу пересечения Великой и Козьмодемьянской улиц. Дом — пятистенный сруб с квадратной избой и продолговатыми сенями. К узкой части сеней, обращенной в сторону ворот, было пристроено крыльцо. Полностью сохранилась нижняя его часть с широкой замощенной площадкой. Конструкция его на первый взгляд проста. Вдоль стены на подкладках из толстых обрубков бревен лежало бревно. Параллельно ему на расстоянии косой сажени (2,20 м) стояли четыре мощных столба. На уровне лежащего вдоль стены бревна в столбах были пробиты сквозные прямоугольные отверстия. В них был пропущен прямоугольный брус. С бруса на бревно были перекинуты четыре балки. По ним был пастлан мост рундука из широких тесин. Перед площадкой крыльца лежали две тесины — остатки ступенек лестницы. Для низкого крыльца не было необходимости применять сложную конструкцию сочетания лежней и мощных коротких столбов. Ясно, что столбы были высокие. Нижняя часть отверстий, в которые был пропущен опорный брус рундука, сохранилась, а сами столбы на уровне верха бруса были после гибели дома при расчистке развала обрублены. Вероятно, они несли второй этаж, который можно связывать с летописной «сеньницей». Нижний рундук служил только для прохода в сени. Следов наружной лестницы не обнаружено. Вне сомнения, лестница на второй этаж была в сенях на месте разрушенных половиц.

С сенями связан вопрос о галереях как важнейшей части архитектуры богатых феодальных хором (табл. 55). Более определенно о существовании галерей свидетельствуют комплексы, где сохранились следы столбов. К середине XII в. относятся две постройки, стоящие рядом (табл. 55, *2*). Контур меньшей обрисован хорошо сохранившимся настилом из тесин по двум лагам. Западная стена преддверия сделана в виде выпуска венцов, настил отсутствует, что связано, вероятно, с устройством всхода. На месте восточной стены сохранился ряд из трех столбов. Вполне вероятно, что преддверие по контуру настила было ограничено стенами: рубленой западной, выполненной как часть сруба избы, а южная и восточная были забраны в столбы. Два южных столба были связаны с конструкцией галереи. Большая постройка представляет собой пятистенок, нижний венец которого полностью сохранился. Перед сенями обнаружена отмостка, которая по направлению плах не совпадает с настилом сеней, что указывает на самостоятельное ее значение. В столбах не обнаружено врубок для горизонтальной забирки стен, что указывает на наличие свободного пространства перед входом. Около юго-западного угла пятистенка прослежен столб, что в совокупности с четырьмя столбами перед сенями и двумя столбами соседней постройки, лежащими на прямой линии с ними, дает право предполагать общую для обеих построек галерею или навес. Можно допустить существование прохода по второму этажу в виде крытого или открытого гульбища, известного по летописи как «переход» (табл. 55, *1*).

К началу XII в. относится пятистенок с центральным положением печи. С двух сторон он дополнен на некотором расстоянии еще одним венцом. Со стороны сеней венец лежал на расстоянии 1,0 м, а сбоку на расстоянии 1,35 м. Сооружение плохой сохранности, но все углы прослежены. От внешней обвязки к срубу был устроен настил из широких плах (табл. 55, *3*). Вполне возможно, что по нижнему венцу лежал еще один венец, в который на шипах могли быть установлены столбы, несущие прикрывающий отмостку навес или галерею.

Наиболее четко галерея представлена в постройке конца XII в. (табл. 55, *4*), где сохранились два ряда столбов с пролетом около 2,0 м на расстоянии от сруба 0,9 м, шедших вдоль бокового фасада. Галерея поворачивала под прямым углом и шла вдоль сеней. Перед сенями пролет между столбами был меньше — около 1,0 м. Обходную галерею имел каменный дом Юрия Онцифоровича, жившего в начале XV в.

Помимо жилищ, возводилось значительное количество сооружений самого различного назначения, связанных с ремесленным производством и особенностями быта обитателей дворов. Это были клети для хранения различного инвентаря, житницы, конюшни, хлева, сараи, навесы, мастерские, связанные с меднолитейным, ювелирным, гончарным, кожевенным и другими производствами, поварни и т. п. сооружения. Часть сооружений была холодной, а другая — отапливаемой, одни были сезонного использования, другие — круглогодичного. В зависимости от материальных возможностей хозяина они были различными по качеству применяемых материалов, обработке дерева, размерам, компоновке между собой и жилищами.

Несмотря на самое различное назначение, хозяйственные постройки имеют много общего в конструктивном отношении с жилыми. Наибольшую группу составляют срубные клети универсального назначения. В них настилаются тесовые полы и они по существу могут являться летними жилыми помещениями. Во многих случаях полы устроены по лагам, уложенным на столбы, т. е. они выше, чем обычно в избах.

В простейшем случае хозяйственная постройка представляет собой навес на столбах. Иногда навес дополнялся стеной из плетня, стеной в забирку или

даже комбинированным ограждением (табл. 56). В одной из маленьких клетей в качестве стены использован разделяющий дворы частокол, к которому примыкали стены в забирку.

Окладному нижнему венцу в хозяйственных постройках уделяется такое же внимание, как и в избах. Широко применяются выравнивающие подкладки. В одной клети начала XII в. (табл. 56, *6*) в качестве подкладок употреблены бревна завалин, положенные перед входом и по бокам, но не связанные друг с другом. Окладный венец клети имеет большие, чем обычно, выпуски, пересекая бревна завалины. Перед входом сделана из тесин неширокая отмостка.

Место входа в хозяйственных постройках зачастую отмечалось отмосткой, положенной вдоль стены (табл. 56, *6*, *7*), для чего иногда продольные бревна в окладном венце имели специальные выпуски (табл. 56, *6*). Над входом устраивался на консолях навес кровли (табл. 56, *9*). Часть клетей была выполнена в виде пятистенка, который повторял схему избы с сенями, но без печи. В одном пятистенке XIII в. полностью сохранился тесовый пол в обоих помещениях. Некоторые хозяйственные постройки были двухэтажными с сохранившимися устоями для лестничных маршей (табл. 56, *8*).

Как правило, хозяйственные постройки рубились клетями, своими пропорциями тяготеющими к квадрату. Но иногда они перегораживались рубленой стеной на два продолговатых отсека, иногда отсеки были квадратными (табл. 56, *12*). Оригинальная постройка XII в., квадратная в плане (9,0×9,0 м). Она разделена на три равных отсека, своими торцами выходящие на Великую улицу. Постройка стояла в углу богатого двора. В остатках сооружения найдено много горелого зерна. Полы в боковых отсеках настланы поперек, а в центральном — вдоль. П. И. Засурцевым высказано предположение о размещении в первом этаже этой постройки торговой лавки с окном на Великую улицу (табл. 56, *14*).

Особую группу производственных помещений, имеющих специфические конструктивные особенности, составляют поварни и коптильни. Они представляли собой обширную клеть, в которую врублена в одном из углов напротив входа клеть поменьше. В большем помещении настилался тесовый пол, а в меньшем — пол из жердей. По жердям настилалась береста и укладывался слой глины. Меньшая клеть представляла собой собственно кухню или пекарню (табл. 56, *15*, *16*) с большой печью, где готовилась пища или происходило копчение. Малый сруб выполнял роль кожуха, при закрытой двери предохраняющего глаголеобразное помещение от перегрева. В последнем происходила разделка продуктов и «готовизны».

Постройки, в которых располагались ремесленные мастерские, соединялись между собой переходами в виде узких настилов, если это требовалось условиями технологии. Вполне вероятно, что коньки кровель делались по ходу движения и карнизами кровли закрывали от дождя место связи. Более совершенный переход оборудовался не только настилом, но и стенами, несмотря на миниатюрность размеров (табл. 56, *18*).

Срубы вне зависимости от их назначения соединялись тамбурным помещением — сенями, которое связывали помещения между собой, а также с двором. Из источников XVI—XVII вв. и этнографии известна трехчастная связь помещений в традиционном жилище изба—сени—клеть. В Новгороде она встречается начиная с XII в., но получает широкое распространение лишь в слоях XIII—XV вв. В трехчастной связи могли соединяться избы с избами (табл. 56, *19*) избы с ремесленными мастерскими (табл. 56, *20*), избы с клетями (табл. 56, *17*, *18*).

Трехчастная связь избы, сеней и клети дополнялась иногда различными пристройками в виде закрытых навесов или галерей, идущих вдоль общего фасада или же путем создания развитого и расчлененного пространства позади связи (табл. 57, *1*, *2*).

Еще более сложные планы имеют связи производственных построек, что обусловлено требованиями технологического процесса. Производственные помещения иногда занимали подклеты изб, усложняя структуру жилого дома (табл. 58) (Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л., 1981).

Архитектура

Памятники древнего зодчества — источник чрезвычайно богатой информации о жизни общества. Будучи одновременно памятниками искусства и техники, они дают ценнейшие сведения о создавшей их эпохе, об идеологии, политической обстановке и художественных вкусах эпохи, о строительной технике и организации ремесла. Естественно поэтому, что интерес к таким памятникам проявился в России очень рано, по крайней мере с конца XVIII в. Однако изучение древних зданий на первых порах было все же связано не столько с научными задачами, сколько с практическими нуждами — ремонтом и обновлением старинных церквей. Лишь постепенно, в течение XIX в. все более проявлялся и чисто научный подход, делались первые попытки установить первоначальные формы и облик древних сооружений. Параллельно с изучением сохранившихся памятников проводились и первые археологические раскопки исчезнувших построек.

Одним из наиболее существенных препятствий, мешавших успешно изучать историю русского монументального зодчества древнейшей поры, является малое количество сохранившихся памятников. Многочисленные военные бури, пронесшиеся над Русью начиная с монгольского вторжения и вплоть до Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., снесли с лица земли множество памятников древнего зодчества. К этому следует добавить значительное количество древних храмов, погибших вследствие политики насильственной католицизации, проводившейся с XIV по XVII в. в западных районах Руси, попавших под власть Польши и Литвы. Поэтому в древнерусском зодчестве процент сохранившихся памятников значительно меньше, чем в романской архитектуре стран Центральной и Западной Европы.

В настоящее время на поверхности земли осталось всего немногим более 30 каменно-кирпичных русских зданий домонгольской поры. Большинство

этих зданий до неузнаваемости перестроено в более позднее время и судить об их первоначальном облике можно лишь после длительного архитектурно-археологического исследования. Если к этому добавить и те постройки, которые погибли в сравнительно недавнее время, и здания, сохранившиеся только в своих нижних частях, то даже и в этом случае общее количество памятников не достигает 60. Учитывая, что сюда входят памятники, возведенные на всей территории Руси за время с конца X до XIV в. и относящиеся, таким образом, и к разным периодам и к разным архитектурным школам, станет понятно, какими неполными, обрывочными сведениями по истории древнерусского зодчества мы располагаем.

Очевидно, что для получения более полной картины необходимо было привлечь хотя бы некоторую часть памятников, остатки которых скрыты под землей. Между тем раскопки памятников древнерусского зодчества до сравнительно недавнего времени проводились довольно редко. Существенного прогресса в этой области можно было достичь только путем значительного усиления археологических раскопок. Такая задача была поставлена на I Всесоюзном археологическом совещании, проведенном в Москве в 1945 г. В материалах этого совещания отмечено: «Подлинная и полная история древнерусской национальной архитектуры может быть лишь результатом археологического раскрытия ее памятников и их реконструкции».

Последовавшее за этим развитие архитектурной археологии дало весьма значительные результаты. Количество изученных памятников за послевоенные годы увеличилось более чем вдвое. В настоящее время мы имеем сведения о материальных остатках более 150 памятников русского зодчества X—XIII вв. Вместе с тем за последние годы проведены большие работы и по детальному изучению сохранившихся зданий. В результате появилась возможность обрисовать хотя бы в самых общих чертах картину развития русского зодчества древнейшего периода (Раппопорт П. А., 1970а, 1982; История русского искусства, 1978; Всеобщая история архитектуры, 1966; Максимов П. Н. 1976; Асеев Ю. С., 1969) (табл. 59).

* * *

Археологические раскопки, проведенные в наиболее древних русских городах, полностью подтвердили уже ранее сложившийся взгляд, что все строительство на Руси вплоть до X в. велось исключительно из дерева. Лишь в середине X в., в пору окончательного сложения раннефеодального древнерусского государства созрели условия для появления монументального каменно-кирпичного зодчества. В летописи есть указание на то, что уже в 945 г. в Киеве существовал каменный княжеский терем. К сожалению, среди остатков древнейших дворцовых построек Киева, изученных археологами, ни одна не может быть уверенно связана с этим летописным упоминанием. Наиболее ранней древнерусской монументальной постройкой, от которой до нас дошли какие-то остатки, является церковь Богородицы в Киеве, называемая Десятинной церковью (табл. 60, *1*). Согласно летописи, церковь эта была построена византийскими мастерами в 989—996 гг. Во время штурма Киева войском Батыя в 1240 г. церковь рухнула и затем долго стояла в руинах. В XIX в. на ее месте возвели новую церковь, разобранную в 1935 г. В 1938—1939 гг. остатки Десятинной церкви были раскопаны (Каргер М. К., 1961, т. 2, с. 9). От древнего храма сохранились лишь небольшие участки нижних рядов кладки стен и куски фундаментов, преимущественно же одни фундаментные рвы. Итоги раскопок позволяют лишь в самых общих чертах понять плановую схему древней церкви: это трехнефная шестистолпная трехапсидная церковь, характерная для средневизантийской архитектуры (так называемая схема вписанного креста). С трех сторон к церкви примыкали галереи, причем западная их часть была сильно усложнена и расширена, очевидно в связи с размещением здесь лестничной башни и крещальни. Более детальная реконструкция плана Десятинной церкви до сих пор вызывает дискуссии и не может считаться решенной.

Судя по фундаментам общий размер Десятинной церкви вместе с галереями около 42 м в длину при ширине около 34 м. Основное трехнефное здание храма имело в длину 27,2 м и в ширину 18,2 м. Подкупольное пространство было не вполне квадратным: в длину оно равнялось 6,5 м, а в ширину 7,2 м.

Раскопками была вскрыта своеобразная структура фундаментов и деревянных субструкций под ними. Фундаментные рвы были отрыты местами по ширине фундаментов, а местами значительно шире (ширина рвов около 2 м при ширине фундаментов 1,1 м). В апсидах выемка грунта была сделана не только под фундаментами, но широким котлованом под всей площадью апсид. Дно фундаментальных рвов и площадки под апсидами было укреплено деревянной конструкцией, состоящей из 4—5 лежней, круглого или прямоугольного сечения, уложенных вдоль направления стен. Лежни были закреплены многочисленными деревянными кольями длиной около 50 см и диаметром 5—7 см. Над лежнями был размещен второй ярус таких же лежней, уложенных поперек лежней первого яруса. Вся эта деревянная конструкция была залита слоем раствора, выше лежал фундамент, состоящий из крупных камней (кварцит, песчаник, валуны), также залитых раствором.

Близ Десятинной церкви раскопками были вскрыты остатки трех дворцовых построек (табл. 61, *17*, *18*). Сохранились они настолько плохо, что даже планы их можно реконструировать лишь приблизительно. Обнаружены также остатки так называемых Батыевых ворот, служивших для парадного въезда на территорию киевского «города Владимира». По-видимому, все эти сооружения были возведены вскоре после постройки Десятинной церкви: в конце X — начале XI в. Все киевские здания этой поры построены из плоского кирпича (так называемая плинфа) на известковом растворе с примесью цемянки (мелко толченая керамика или кирпич), в технике кладки со скрытым («утопленным») рядом. При этой технике на фасад здания выходят не все ряды кирпичей, а через ряд, тогда как промежу-

точные ряды слегка отодвинуты от лицевой поверхности стены и прикрыты слоем раствора (табл. 62, *4А*). Кроме того, в кладке стен широко использованы крупные необработанные камни, уложенные рядами в слое раствора. Такая техника, несомненно, имеющая константинопольское происхождение, стала характерной для русской архитектуры и продержалась здесь вплоть до начала XII в.

После завершения строительства ансамбля «города Владимира», в первой половине XI в. происходит значительное расширение границ укрепленной части Киева — создается «город Ярослава». Его композиционным центром и наиболее величественным сооружением стал Софийский собор (табл. 60, *2;* 63). Время его построения пока точно не определено: большинство исследователей относит его к 30-м годам XI в., хотя существует и иная точка зрения, что собор был начат строительством уже в 1017 г. (Асеев Ю. С., 1979, с. 3). Софийский собор строился как центральный храм всей Киевской державы; этим объясняются его большие размеры и исключительная пышность оформления. Собор сохранился до наших дней почти целиком, хотя в сильно перестроенном виде; снаружи он имеет облик памятника эпохи барокко (Кресальный Н. И., 1960). Это пятинефный храм с пятью апсидами. С трех сторон к зданию примыкают галереи — внутренние более узкие двухэтажные и наружные более широкие одноэтажные. В западную внешнюю галерею включены две лестничные башни. Храм имеет большие хоры, оставляющие в центре крестообразное в плане пространство, освещенное сверху окнами, размещенными в барабане главного купола. Кроме главного, собор имеет еще 12 меньших куполов.

Софийский собор — грандиозное здание, самими своими размерами свидетельствующее, что оно было возведено как главный храм Киевской Руси, как памятник, демонстрирующий мощь и величие сложившегося молодого государства. Общий размер собора с галереями по длине 41,7 м, по ширине 54,6 м. Главный купол возвышается над уровнем пола на 28 м. Площадь основного пятинефного ядра храма около 600 кв. м, а площадь хор, которые использовались как светские помещения для нужд княжеского двора, 260 кв. м. В интерьере сохранились великолепная мозаичная и фресковая живопись (табл. 63, *2*). Архитектурные и археологические исследования, проведенные в Софии, позволяют с достаточной достоверностью реконструировать ее первоначальный облик, а также получить представление об исчезнувших великолепных мозаичных полах (Каргер М. К., 1961, т. 2, с. 182—206). Вокруг собора шла кирпичная ограда, видимо, окружавшая резиденцию митрополита. Археологическими раскопками на этой территории вскрыты также остатки кирпичного здания бани (Богусевич В. А., 1961, с. 105).

Неподалеку от Софийского собора в первой половине XI в. были построены еще три храма, два из которых известны по названиям — церкви Георгия и Ирины. От памятников сохранились лишь фундаментные рвы, к тому же раскопанные лишь частично. Интерпретация их объемной композиции остается спорной; это были пятинефные церкви, близкие по схеме центральному ядру Софийского собора, или же трехнефные храмы с галереями. В 30-х годах XI в. были возведены также главные городские ворота — Золотые Ворота — с надвратной церковью Благовещения (табл. 61, *11*). В настоящее время от ворот сохранились только две стенки, высотой до 8 м. Археологическое исследование памятника, а также сопоставление руин с рисунками художника А. Вестерфельда, исполненными в середине XVII в., позволяют с известной долей гипотетичности представить первоначальный вид ворот. Это была мощная башня с проездом, имевшим ширину более 6 м и высоту около 7,5 м. На высоте около 5 м в проезде размещался боевой настил для воинов, защищавших ворота. Во второй половине XI в. ворота были укреплены, причем для поддержания боевого настила, который ранее опирался на деревянные балки, теперь сделали кирпичные арки. Ширина проезда при этом уменьшилась до 5 м. Над воротами стояла небольшая церковь, богато украшенная мозаикой и фресками. На наружных сторонах стенок ворот в растворе сохранились отпечатки бревен внутренней конструкции земляного вала, некогда примыкавшего к воротам. Остатки этой деревянной конструкции обнаружены также при раскопках по обе стороны ворот (Высоцкий С. А., 1982).

Одновременно с широким разворотом монументального строительства в Киеве было возведено первое монументальное здание в Чернигове. В 30-х годах XI в. здесь был построен Спасский собор (табл. 60, *3*). Здание почти полностью сохранилось, хотя в сильно перестроенном виде. Это трехнефный храм, план которого имел очень вытянутые пропорции, поскольку в восточной части в отличие от Десятинной церкви и Софийского собора здесь имеется дополнительное членение — вима. Собор увенчан пятью главами. К его северо-западному углу примыкает круглая лестничная башня (Комеч А. И., 1975, с. 9) (табл. 65, *1*).

В 1045—1050 гг. был построен Софийский собор в Новгороде (табл. 60, *4*). Здание целиком сохранилось до наших дней. Архитектурно-археологические исследования собора дали возможность с достаточной полнотой представить его первоначальный облик. Это пятинефный храм, к которому с трех сторон примыкают галереи. Новгородская София несколько проще киевской: вместо пяти здесь только три апсиды, не два, а лишь один пояс галерей, вместо 13 всего пять глав. В широкой западной галерее киевской Софии размещались две лестничные башни, а в новгородской — всего одна. Тем не менее общая схема плана и даже система пропорциональных построений здесь чрезвычайно близки. Нет сомнений, что новгородский Софийский собор строили мастера, прибывшие из Киева. Правда, очень существенные различия можно отметить в строительных материалах обоих памятников: стены новгородского храма сложены почти целиком из камня, лишь с небольшим количеством кирпича. Очевидно, опытные зодчие умело использовали местный материал — легко добываемую известняковую плиту. В сводах же и арочных перемычках — кладка кирпичная, такая же, как в Киеве (Штендер Г. М., 1974, с. 202; 1977, с. 30).

Сразу же по завершении строительства новгородского собора был построен Софийский собор в По-

лоцке. В XVIII в. здание было полностью перестроено и в настоящее время имеет вид пышного барочного храма. Археологические исследования показали, что от древнего памятника сохранились не только фундаменты, но и нижние части стен, а на некоторых участках стены сохранились даже на значительную высоту. Это был пятинефный храм с тремя апсидами, весьма близкий по схеме плана новгородскому собору. Дополнительные апсиды с западной стороны здания, вызывавшие самые различные толкования, оказались построенными в XVII или XVIII в. В отличие от киевского и новгородского Софийских соборов в Полоцке в восточной части храма перед апсидами имеется еще одно членение — вима. К северо-западному углу собора примыкала лестничная башня. В первой половине — середине XII в. к собору было пристроено несколько помещений: притвор перед южным порталом, небольшая часовня с прямоугольной в плане апсидой (быть может, крещальня) и длинное здание усыпальницы, протянувшееся вдоль всего восточного фасада храма. Здание возведено в технике, очень близкой киевской. Вряд ли могут быть сомнения, что строителями полоцкой Софии были киевские мастера, построившие до этого новгородский собор.

Возведением больших соборов в Чернигове, Новгороде и Полоцке строительная деятельность вне Киева ограничилась; все дальнейшее строительство во второй половине XI в. было сосредоточено исключительно в Киевской земле. Очевидно, на Руси в это время существовала лишь одна строительная артель, непосредственно подчиненная киевским князьям.

По-видимому, одним из первых храмов, начавших собой новую серию киевских памятников, был собор Дмитриевского монастыря, построенный, возможно, уже в 60-х годах XI в. Здание не сохранилось, а его фундаменты были изучены настолько дилетантски, что дают возможность установить только самую общую схему плана: это был шестистолпный храм, у западных углов которого существовали какие-то пристройки, вероятно, лестничная башня и крещальня.

В 1070 г. была заложена церковь Михаила в Выдубицком монастыре. До наших дней уцелела лишь западная половина здания, а восточная его половина изучена раскопками; однако, как оказалось, участок, где находились апсиды, рухнул в Днепр и поэтому план восточного окончания храма может быть восстановлен лишь гипотетически (Каргер М. К., 1961, т. 2, с. 287). Церковь была шестистолпной с четко выделенным нартексом, в северной части которого размещалась лестничная башня. Еще несколько позже, в 1073 г. был заложен Успенский собор Киево-Печерского монастыря (табл. 64, *3*). Собор многократно перестраивался, а во время Великой Отечественной войны был разрушен. Изучение всех сохранившихся материалов, в особенности руин памятника, позволяют в общих чертах представить не только план, но и объемную его композицию (Холостенко М. В., 1976, с. 131). Это был одноглавый шестистолпный храм, с четко выделенным нартексом. К его западному фасаду с севера примыкала крещальня, имевшая во втором ярусе маленькую четырехстолпную церковь. Длина здания 35,6 м, ширина 24,2 м, стороны подкупольного квадрата около 8,6 м. В стенах выявлено несколько ярусов деревянных связей, а также карнизы из шиферных плит, соединенных между собой железными анкерами.

Неподалеку от Успенского собора раскопками обнаружены остатки мастерской по производству стекла и смальты для мозаик.

В 1076 г. заложили церковь Бориса и Глеба в Вышгороде (табл. 64, *4*), законченную только в 80-х или даже 90-х годах XI в. От древнего храма сохранились в основном лишь фундаментные рвы, однако в результате археологических раскопок схема его плана установлена достаточно определенно. Собор был очень крупным шестистолпным храмом с дополнительным членением — вимой в восточной части. Раскопки выявили систему деревянных лежней под фундаментами храма. К западу от здания обнаружен кусок его упавшей стены с сохранившимися окнами и нишами. В северо-западном углу каменный фундамент заполнял все угловое членение здания, свидетельствуя, что здесь находилась лестничная башня.

По-видимому, в 80-х или 90-х годах была построена церковь Богородицы в Кловском монастыре. Она не сохранилась, но археологическими раскопками удалось вскрыть часть ее фундаментов. План храма не вполне ясен, но несомненно, что церковь представляла собой сложный архитектурный комплекс, включавший несколько примыкавших к основному зданию галерей. Наиболее вероятно, что центральное ядро храма представляло собой здание, увенчанное куполом на восьми опорах — тип, хорошо известный по памятникам Византии, но не распространенный на Руси (Логвин Г. Н., 1980, с. 72). Диаметр купола был равен приблизительно 9,6 м; это был самый крупный купол во всем русском зодчестве домонгольского периода. В основании фундаментных рвов обнаружена система деревянных субструкций, почти точно совпадающая с субструкциями Десятинной церкви. По-видимому, Кловский собор был последним памятником, в котором использовали конструкцию такого типа, поскольку в киевском зодчестве конца XI в. применяли уже несколько более упрощенную систему лежней, без кольев, но зато скрепленных в местах соединения железными костылями.

Около 1106 г. возведена надвратная Троицкая церковь в Киево-Печерском монастыре (табл. 64, *5*) — небольшая квадратная, четырехстолпная. Она полностью сохранилась до наших дней. В 1108 г. заложили церковь архангела Михаила в Михайловском Златоверхом монастыре (табл. 64, *6*). Здание было разобрано в 30-е годы XX в., но на основании материалов старых обследований можно с достаточной определенностью восстановить его формы. Лестничная башня для подъема на хоры здесь помещалась в северном членении нартекса, а к юго-западному углу примыкала маленькая четырехстолпная церковь, по-видимому, крещальня.

Наконец, между 1113 и 1125 гг. построена церковь Спаса в княжеском с. Берестове (табл. 64, *1*; 65, *2*). Западная половина церкви сохранилась почти на полную высоту, а раскопками были вскрыты фундаменты и восточной ее половины. Особенность церкви Спаса в том, что лестничная башня и кре-

щальня здесь не пристроены к нартексу, а включены в него и удлиняют нартекс настолько, что западное членение храма приобретает бóльшую ширину, чем основной объем, образуя выступы на южном и северном фасадах. Кроме того, перед всеми тремя порталами церкви существовали притворы, перекрытые сводами трехлопастного очертания. Такая конструкция свода могла существовать только при сочетании кирпичного свода с деревянными балками. Торцы этих балок до сих пор сохранились в толще западной стены церкви.

При раскопках была выявлена система деревянных лежней под фундаментом: вдоль направления стен лежало по четыре параллельных бруса, соединенных в перекрестьях железными костылями. Церковь имела размеры (без притворов) в длину около 30 м, а в ширину 20,3 м. Размер ее подкупольного квадрата 7,75 м.

Церковь Спаса на Берестове является последним сохранившимся памятником из серии храмов, возведенных в Киеве и его окрестностях во второй половине XI — начале XII в. К упомянутым памятникам следует добавить два сравнительно небольших храма, остатки которых были раскопаны в Киеве на усадьбе Художественного института и в Зарубском монастыре на Днепре (табл. 64, *2*). Кроме того, в этот же период было возведено несколько храмов, известных по упоминаниям в летописи, но не обнаруженных в натуре. Однако даже если собрать все сведения о монументальных зданиях этого времени, окажется, что строили их все же последовательно, одно за другим, не возводя по нескольку построек одновременно. Очевидно, вплоть до начала XII в. в Киеве по-прежнему существовала всего одна строительная артель.

Несмотря на яркую индивидуальность каждого из упомянутых памятников, они имеют все же много общего. Прежде всего все они, за исключением Кловского храма надвратной церкви и крещален, шестистолпные храмы с четко выделенным нартексом и тремя апсидами. Продольной осью они повернуты на восток, точнее на восход солнца (следовательно, чаще на северо-восток) (Раппопорт П. А., 1974). Кроме небольших церквей на усадьбе Художественного института и в Зарубском монастыре, все они имели лестничную башню для подъема на хоры, а многие, кроме того, крещальню. Столбы их крестчатые в плане, а лопатки плоские одноуступчатые. По нескольким сохранившимся зданиям можно судить, что основными элементами наружного декора были двух- или трехступчатые ниши и декоративная кирпичная кладка. Кладка всюду была выполнена из кирпича в технике со скрытым рядом, с прокладкой рядов крупных необработанных камней; только в последнем памятнике — церкви Спаса на Берестове — на фасадах нет полос естественного камня. Фундаменты всюду сложены из крупных камней на растворе, а под фундаментами имеются следы деревянных субструкций — дубовых лежней. Кровля была покрыта свинцовыми листами непосредственно по сводам. Во внутреннем убранстве основное значение имели фресковые росписи, но в нескольких случаях отмечено наличие мозаики. Сходство композиционных приемов, строительной техники и элементов декоративного убранства, несомненно, свидетельствуют о сложившихся в Киеве устойчивых архитектурно-строительных традициях.

Параллельно с Киевом в конце XI в. началось монументальное строительство в Переяславле Русском. Летопись связывает организацию этого строительства с именем митрополита Ефрема и под 1089 г. перечисляет несколько возведенных зданий. Наиболее значительным сооружением был собор архангела Михаила (Малевская М. В., Раппопорт П. А., 1979, с. 30). Его фундаменты удалось частично раскрыть путем археологических раскопок (табл. 64, *10*). Это был большой храм с очень своеобразной схемой плана — пятинефный собор, боковые нефы которого были настолько отделены от центрального пространства, что по существу превратились в галереи. Храм имел четыре очень массивных квадратных в плане столба и одну большую апсиду. К его порталам примыкали притворы. Вскоре после постройки собора к нему были пристроены погребальные часовни и дополнительные помещения, превратившие его в сложный мемориальный комплекс. Раскопками были обнаружены и вскрыты упомянутые в летописи церковь Андрея «у ворот» (табл. 64, *1*), городские ворота, над которыми некогда стояла церковь Федора (табл. 61, *10*), а также «баня камена» (табл. 61, *15*). Кроме того, в Переяславле раскопаны не попавшие на страницы летописей еще три небольшие церкви — Спасская, на пл. Воссоединения и на Советской улице (табл. 64, *6*). Особенно интересные результаты дали раскопки Спасской церкви, стены которой сохранились на высоту до 1,5 м. В церкви почти целиком уцелел пол из поливных керамических плиток, на стенах — фресковые росписи. Раскопано несколько погребений в каменных, кирпичных и деревянных саркофагах. На полу найдены предметы церковной утвари, в том числе замечательная по орнаментальному богатству бронзовая люстра (хорос) и великолепный бронзовый подсвечник романской работы.

Вероятно, к группе переяславльских памятников следует отнести также руины небольшой Михайловской церкви в Остерском городке (табл. 64, *3*). За исключением собора архангела Михаила, все остальные переяславльские храмы очень небольшие, бесстолпные или двухстолпные (Каргер М. К., 1954, с. 11). Судя по строительной технике все эти здания возведены в конце XI — начале XII в. Существенные отличия в композиции и деталях плана дают основания утверждать, что здесь работали не киевские мастера, а местная строительная артель. Очень вероятно, что сложение в Переяславле самостоятельной строительной организации связано с участием константинопольских зодчих.

* * *

В начале XII в. в киевском зодчестве произошел резкий перелом. Изменились и строительная техника, и элементы декора, и даже сама композиция зданий. Началось строительство церквей, имеющих очень четкую и простую схему плана,— это шестистолпные храмы с тремя апсидами; постепенно к середине XII в. на смену шестистолпным храмам приходит четырехстолпный вариант. Деление на варианты в известной степени условно, поскольку ше-

стистолпные храмы в действительности обычно представляют собой такие же четырехстолпные, но с добавлением нартекса. В строительстве храмов начинают применять новые, не использованные ранее конструкции. Так, угловые членения теперь часто перекрывают крестовыми сводами. Лестница на хоры размещена уже не в башне, а в толще одной из стен. Храмы имеют, как правило, одну массивную главу и спокойный ритм закомар, основания которых находятся на одной высоте. Полностью исчезает характерная для предшествующей поры динамика композиции, здания становятся статичными. Явно чувствуется стремление зодчих к лаконичности объемной композиции. Здания строят из плоского кирпича на растворе с цемянкой, но без применения камня и в технике равнослойной (или порядковой) кладки, где все ряды кирпичей выходят на лицевую поверхность фасадов (табл. 62, *4Б*). Как бы компенсируя исчезновение декоративных возможностей кладки со скрытым рядом, теперь на фасадах появились новые декоративные элементы — массивные полуколонны, примыкающие к наружным лопаткам (кроме угловых лопаток, которые всегда остаются плоскими) и аркатурные пояса (табл. 62, *9*).

Точное время и место появления первых храмов нового типа пока не установлено. Памятниками, уже полностью отвечающими новому архитектурному направлению, являются построенные в 40-х годах XII в. Кирилловская церковь в Киеве (табл. 66, *3*) и Георгиевская церковь в Каневе. Они сохранились почти целиком, хотя снаружи сильно перестроены. Эти памятники, безусловно, свидетельствуют, что с 40-х годов XII в. в Киеве уже перешли к строительству храмов нового типа. Однако, по-видимому, новые архитектурные формы вначале появились не в Киеве, а в Чернигове, где были построены Успенский собор Елецкого монастыря (табл. 66, *1*) и Борисоглебская церковь (табл. 67, *1*). К сожалению, время возведения обоих этих храмов пока не уточнено. Большинство исследователей относит их к первой четверти XII в., но высказывалось мнение, что собор Елецкого монастыря мог быть построен даже в 90-е годы XI в. Оба храма сохранились, а Борисоглебская церковь была даже реставрирована и восстановлена в первоначальных формах. Собор Елецкого монастыря первоначально имел перед порталами невысокие притворы, что придавало ему центричность и подчеркивало стройность пропорций (Холостенко Н. В., 1961, с. 51; 1967, с. 188). Длина здания (без притворов) почти 30 м, а ширина несколько более 19 м. Высота до вершины его купола 26,3 м, размер подкупольного пространства 6,2—6,9 м. В Борисоглебском соборе в процессе реставрации были проведены раскопки, выявившие под этим зданием остатки какой-то более ранней постройки, быть может, княжеского терема. При раскопках были найдены резные белокаменные капители, первоначальное местоположение которых в здании пока не установлено. Несколько позже в Чернигове было построено еще несколько храмов. В 70-е годы возведена небольшая четырехстолпная Михайловская церковь, а в 80-е годы Благовещенская — большой шестистолпный храм с галереями. Оба памятника известны по результатам раскопок (Рыбаков Б. А., 1949, с. 60). Кроме того, в Чернигове сохранилась до наших дней маленькая бесстолпная Ильинская церковь.

Новый тип храма получил широкое распространение. Правда, в Киевской земле интенсивность строительства, видимо, несколько уменьшилась: здесь известны лишь вскрытая раскопками Малая церковь Зарубского монастыря на Днепре и построенная уже в 80-е годы XII в. церковь Василия в Киеве (разобрана в 30-е годы XX в.). Но зато подобные храмы начали возводить в других городах. Так, фундаменты двух церквей — вероятно, Успенской и Борисоглебской (табл. 66, *5*) — раскопаны в Старой Рязани — древней столице Рязанской земли (Монгайт А. Л., 1955). Два храма построили в столице Волыни — городе Владимире-Волынском. Один из них — полностью сохранившийся и реставрированный в древних формах Успенский собор (табл. 66, *2*), построенный в 50-е годы XII в. (Раппопорт П. А., 1977, с. 17). Другая церковь, так называемая Старая Кафедра, вскрыта раскопками. Там же, во Владимире Волынском, раскопана еще третья церковь, имеющая очень существенные отличия — массивные квадратные в плане столбы, большую толщину стены, скругленные наружные углы.

Очень яркое развитие получило новое архитектурное направление в Смоленске (Воронин Н. Н., Раппопорт П. А., 1979). Здесь в 1145 г. был построен Борисоглебский собор Смядынского монастыря (табл. 66, *6*). Вскоре, в середине XII в., были возведены небольшая церковь в Перекопном переулке, а на детинце — княжеская бесстолпная церковь (табл. 66, 7) и терем (табл. 61, *14*). Все эти памятники не сохранились и известны лишь по результатам археологических раскопок. В бесстолпной церкви стены сохранились местами на высоту до 2 м, на полу частично уцелели поливные керамические плитки. Несмотря на отсутствие внутренних столбов, стены церкви снаружи были расчленены лопатками как в нормальных четырехстолпных храмах. Размер внутреннего пространства церкви 10,45×8,25 м, что предполагает какую-то сложную систему перекрывавших здание сводов, поскольку для обычного купола на парусах это пространство слишком велико. Терем, расположенный на краю горы, откуда открывался прекрасный вид на пойму Днепра, вероятно, был двухэтажным. Судя по очень небольшой толщине стен, он был перекрыт не сводами, а деревянными балками. Нижний этаж терема врезан в землю, т. е. был полуподвальным. Полностью сохранилась и восстановлена в первоначальных формах церковь Петра и Павла (табл. 67, *2*). Несколько позже построена церковь Ивана Богослова (табл. 66, *8*), своды и верхняя часть которой полностью перестроены в XVIII в. Последним памятником того же типа в Смоленске является церковь Василия, построенная в 80-х годах XII в., изученная путем раскопок. Несколько раньше, видимо, в 70-х годах в Смоленске построили «немецкую божницу» — церковь иноземных купцов. Судя по материалам раскопок церковь эта в плане повторяла круглые церкви-ротонды Северной Европы.

Конечно, не во всех землях полностью и без всяких изменений применяли сложившийся в Киеве или Чернигове тип храма. Так, вскрытая раскопками церковь в Турове (табл. 68, *14*) отличалась

рядом своеобразных особенностей — наружные ее лопатки плоские двухуступчатые, а подъем на хоры был расположен не в толще стены, а в северной части нартекса в виде винтовой лестницы. В Переяславле, где интенсивность строительства в XII в. резко снизилась, по материалам раскопок известна Воскресенская церковь (табл. 66, *4*), имеющая снаружи плоские лопатки, а западную пару столбов восьмигранной формы. Там же при строительстве поздней Успенской церкви были обнаружены остатки маленькой бесстолпной церкви.

Но даже в Турове и Переяславле, где архитектурные формы памятников отличны от киево-черниговских, общая схема сооружений совпадает, как совпадает и строительная техника — равнослойная кирпичная кладка. Таким образом, можно констатировать, что в XII в. архитектура Киевской, Черниговской, Рязанской, Волынской, Смоленской, а в значительной мере также Туровской и Переяславльской земель совпадает, образуя одну архитектурную школу.

Иначе шло развитие архитектуры в других русских землях. В Новгороде после постройки Софийского собора строительство прервалось на полстолетия и возобновилось только в начале XII в. В 1103 г. была построена церковь Благовещения в княжеской резиденции Городище (табл. 69, *2*). Остатки ее удалось вскрыть раскопками. К счастью, полностью уцелели храмы, построенные вслед за церковью Благовещения — в 1113 г. Никольский собор на Ярославовом дворище (табл. 69, *1*), в 1117 г. собор Антониева монастыря (табл. 69, *4*) и в 1119 г. собор Юрьева монастыря (Каргер М. К., 1980) (табл. 69, *3*). Это большие шестистолпные храмы. В Николо-Дворищенском соборе на хоры попадали по переходу из второго этажа деревянного дворца, а во всех остальных к западному фасаду с севера примыкала лестничная башня. Никольский собор был пятиглавым. Антониев и Юрьев — трехглавые, поскольку их основной объем имел одну главу, вторая венчала башню, а третья была расположена над юго-западным углом, создавая уравновешенную, хотя и несимметричную композицию. Как и в Софийском соборе, строители очень широко использовали местный строительный материал — известняковую плиту, прослаивая кладку рядами кирпичей. Однако в перемычках, сводах и других ответственных участках конструкции использована в основном кирпичная кладка. Во всех этих памятниках очень явно чувствуются киевские традиции — как в композиции и архитектурных формах, так и в строительной технике — применение кирпичной кладки со скрытым рядом. И все же здесь постепенно вырабатываются собственные, специфически новгородские приемы. В особенности это заметно в соборе Антониева монастыря, фасады которого в отличие от остальных упомянутых памятников не имеют декоративных двухуступчатых ниш. Из надписи, имевшейся когда-то на соборе Юрьева монастыря, известно имя строившего собор зодчего — мастера Петра.

В 1127 г. была построена церковь Ивана на Опоках, а в 1136 г.— Успения на Торгу. Обе церкви позднее были полностью перестроены и от древних памятников сохранились лишь самые нижние части. Раскопки дали возможность изучить технику кладки нижних частей стен и фундаментов этих храмов. Выяснилось, что церковь Ивана на Опоках была полностью перестроена в 1184 г., причем новую церковь поставили на основание первоначальной и поэтому планы их полностью совпадают. Однако западная стена церкви конца XII в. была отодвинута на 1,5 м к западу, очевидно, в связи с необходимостью утолстить эту стену для размещения в ней лестницы на хоры. Известная по результатам раскопок церковь Бориса и Глеба в детинце, построенная в 1146 г., приближается по плану к новгородским храмам начала XII в. и имеет квадратную лестничную башню. Она начинает серию не княжеского, а боярского строительства.

К середине XII в. окончательно сложился тип новгородского храма, свидетельствующий о наличии в новгородской земле самостоятельной архитектурной школы, существенно отличающейся от киевской. Новгородские церкви второй половины XII в.— небольшие четырехстолпные трехапсидные. Столбы их не крестчатые в плане, а квадратные. Лопатки на поверхности стен, обращенных внутрь здания, отсутствуют, а снаружи стены расчленены плоскими, хотя довольно сильно выступающими лопатками. Западная стена толще остальных стен, поскольку в ней размещена лестница на хоры. Снаружи обращает внимание почти полное отсутствие декоративных элементов: лишь зубчатый поясок в архивольтах закомар и плоская аркатура по верху барабана. Храмы имеют строгий и лаконичный облик. Широкое применение слабо отесанной плиты, лишь прослаиваемой рядами кирпичей, в большинстве случаев лишает здания геометрической четкости и придает им некоторую мятость форм, что новгородские зодчие явно используют как своеобразный художественный эффект.

Характерными образцами новгородских храмов второй половины XII в. могут служить полностью сохранившиеся Георгиевская (табл. 69, *7*) и Успенская церкви (табл. 69, *10*) в Старой Ладоге (Мильчик М. И., 1979, с. 101; табл. 70, *3*). В интерьере Георгиевской церкви сохранилась значительная часть древней фресковой живописи. Не менее типичным памятником является и церковь Спаса-Нередицы близ Новгорода (1198 г.) (Штендер Г. М., 1961, с. 169) (табл. 69, *8*). До Великой Отечественной войны церковь эта стояла полностью сохранившейся и, что особенно редко, хранила почти полный ансамбль фресковой росписи интерьера. Во время войны церковь была разрушена, но затем восстановлена по обмерным чертежам. Из зданий, сохранившихся не на полную высоту, к тому же типу относятся церкви Благовещения на Мячине (1179 г.) и Воскресения (1195 г.) в окрестностях Новгорода. Несколько подобных храмов были, кроме того, вскрыты раскопками: церковь Дмитрия Солунского в Пскове (табл. 69, *9*), две церкви в Старой Ладоге (Спасская и неизвестная по названию), Успенская в Аркажах под Новгородом (1188 г.). Несколько особое место занимает полностью сохранившаяся церковь Петра и Павла на Синичьей горе в Новгороде (1185 г.); по своим архитектурным формам эта церковь полностью совпадает с остальными памятниками новгородской школы, однако возведена она не из чередующихся рядов плиты и кирпича, а из одних

Интерьер Софийского собора в Киеве. Алтарная мозаика «Богоматерь — Нерушимая стена» (XI в.)

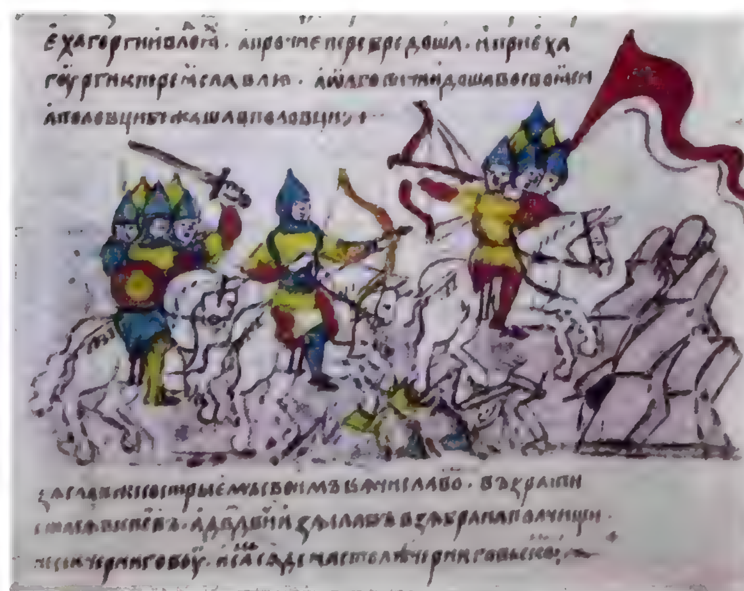
Вид Древнего Киева. Реконструкция

Основание Новгорода. Миниатюра Радзивилловской летописи (конец XV в.)

Основание Белгорода. Миниатюра Радзивилловской летописи (конец XV в.)

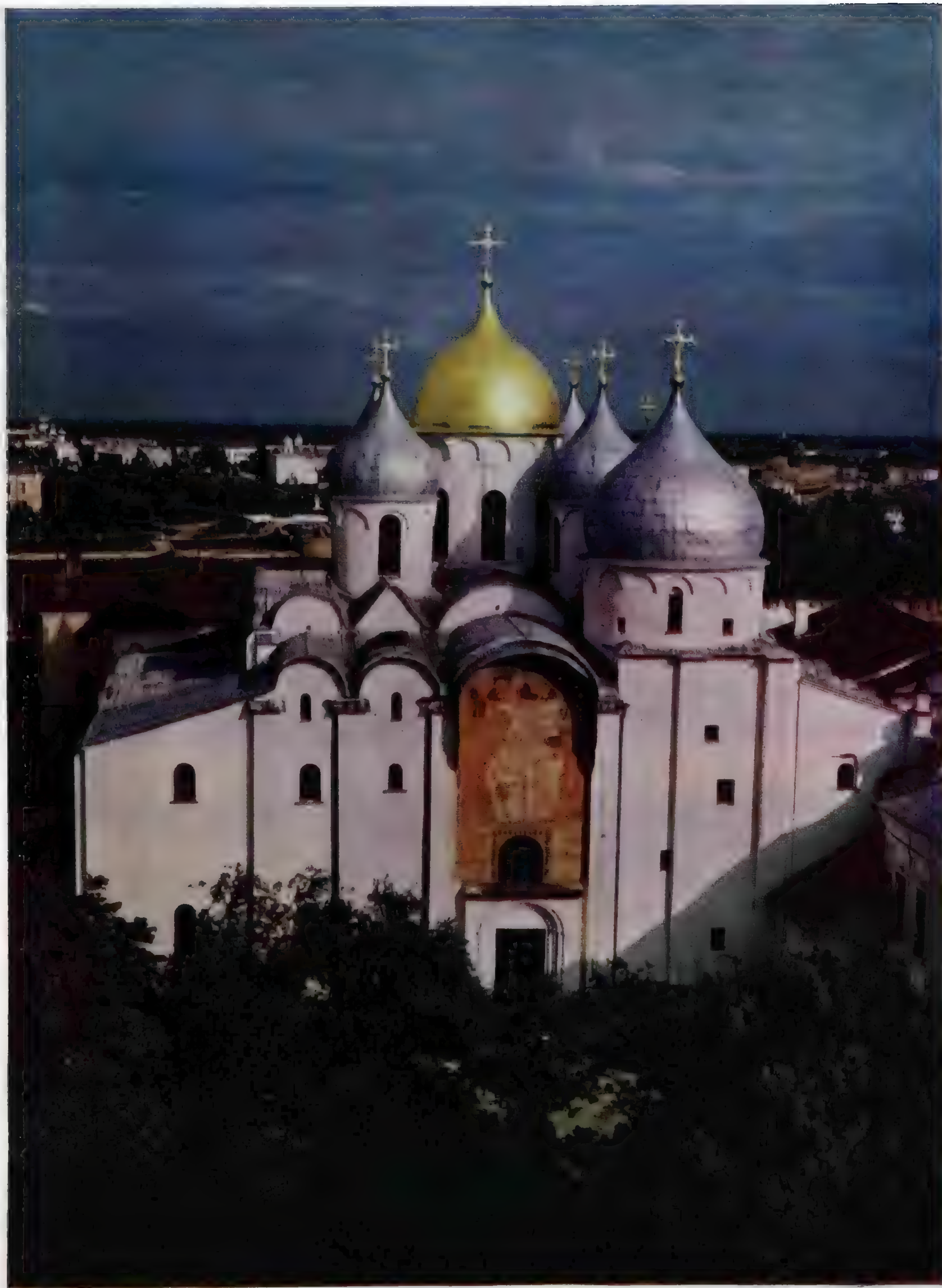
Новгородский кремль. Фото

Сцена пахоты. Миниатюра Радзивилловской летописи (конец XV в.)



Сцена боя. Миниатюра Радзивилловской летописи (конец XV в.)

Успенский собор во Владимире (XII в.)
(зеркальное изображение)



Софийский собор в Новгороде (XI в.)

Храм Покрова на Нерли (1165 г.)

Вал и ров Старорязанского городища

Софийский собор в Киеве (XI в.). Часть древней кладки освобождена от штукатурки

Валы Старорязанского городища

Клад восточных монет. Тимеревское поселение (IX—X вв.)

Бронзовый светильник иранской работы (IX—X вв.). Найден в одном из погребений Гнездовского курганного могильника под Смоленском

кирпичей в технике кладки со скрытым рядом. Единственным примером здания, продолжающего традиции новгородских памятников первой половины XII в., является церковь Ивановского монастыря в Пскове — шестистолпный трехглавый храм (табл. 69, *5*).

Совершенно исключительным явлением в новгородском зодчестве может быть назван собор Мирожского монастыря в Пскове (табл. 69, *6*), возведенный, по-видимому, в 40-х годах XII в. В отличие от всех памятников русского зодчества XII в. этот собор имеет явно выраженную извне крестообразную объемную композицию, образуемую высоко поднятыми средними членениями фасадов и резко опущенными боковыми. Впрочем, очень скоро западные угловые членения храма были надстроены. Композиция собора Мирожского монастыря, очевидно, отражающая византийские архитектурные формы, была в 1153 г. повторена в церкви Климента в Старой Ладоге, известной по материалам археологических раскопок. Следует отметить, что в отношении строительной техники и декоративных элементов оба эти храма ничем не отличаются от остальных памятников новгородской архитектурной школы.

Другой архитектурной школой, сложившейся на Руси в XII в., была полоцкая (Раппопорт П. А., 1980, с. 143). После окончания Софийского собора в Полоцке не велось никакого монументального строительства вплоть до 30—40-х годов XII в., когда был построен большой собор Бельчицкого монастыря (табл. 68, *2*). Здание это, известное по материалам археологических раскопок, представляло собой шестистолпный храм с тремя притворами. Собор был выстроен из кирпича, причем технические особенности свидетельствуют о строительных традициях, характерных для Киева на рубеже XI и XII вв. Эти традиции, в частности кирпичная кладка со скрытым рядом, привились в Полоцке и продолжали здесь безраздельно господствовать в течение всего XII в. Однако, помимо киевских традиций, в полоцкой архитектуре вскоре появились и новые черты. Так, уже в большом соборе Бельчицкого монастыря подкупольное пространство перенесено с восточных столбов на западные, т. е. сдвинуто на одно членение к западу. Это изменение плановой схемы было, очевидно, вызвано стремлением зодчих создать более центрированную объемную композицию, вероятно, с высоко поднятой главой. В дальнейшем в полоцком зодчестве появился еще ряд новых особенностей. Вскрытые раскопками храм-усыпальница в Евфросиньевом монастыре (табл. 68, *8*), а затем церковь на Нижнем замке, построенные в первой половине XII в., имеют совершенно необычные для русского зодчества предшествующей поры черты: одну апсиду и галерею, образующую на углах храма расширения. При раскопках храма-усыпальницы было вскрыто очень большое количество погребений в кирпичных склепах, занимавших почти всю площадь галерей. Обнаружены также остатки богатого убранства интерьера — многочисленные фрагменты фресковых росписей и смальта от мозаичного набора полов. В церкви на Нижнем замке раскопки выявили своеобразное устройство фундаментов: котлован был отрыт под всей площадью храма на глубину около 70 см, а фундаментные рвы углублены еще на 30—35 см. Пространство между фундаментами было заполнено искусственной подсыпкой и таким образом общая глубина фундаментов оказалась равной примерно 1 м.

К середине XII в. в полоцком зодчестве появляется тип храма с главой, башнеобразно поднятой на специальном пьедестале. Примером является Спасский собор в Евфросиньевом монастыре (табл. 68, *4*), полностью сохранившийся до наших дней, хотя и не восстановленный пока в первоначальных формах (Раппопорт П. А., Штендер Г. М., 1980, с. 459). Из литературных источников известно, что строил этот собор мастер Иоанн. По-видимому, еще до Спасского собора такая же композиция была создана в Борисоглебской церкви (табл. 68, *5*) Бельчицкого монастыря, ныне не существующей, но еще в начале XX в. сохранявшейся на высоту почти до основания сводов. Кроме храмов, в Полоцке археологическими раскопками были обнаружены остатки гражданской постройки — небольшого квадратного здания — княжеского терема (табл. 61, *13*).

Наряду с этой линией строительства, определившей процесс сложения самостоятельной полоцкой архитектурной школы, в Полоцкой земле существовала и иная строительно-техническая традиция, отраженная в церкви Благовещения в Витебске (табл. 68, *1*). Церковь эта, построенная в первой половине XII в., до недавнего времени сохранялась до основания сводов, а сейчас — на значительно меньшую высоту. Особенности витебской церкви — необычно вытянутая форма плана, одна апсида и совершенно своеобразная строительная техника, имевшая, несомненно, византийское происхождение — чередование рядов кирпича с рядами тесаного камня. Кроме витебской церкви, в той же технике была построена церковь Бориса и Глеба в Новогрудке, вскрытая археологическими раскопками. Наконец, раскопками в Минске были обнаружены остатки небольшого четырехстолпного храма (табл. 68, *3*), который, очевидно, не был достроен; его строительство прервалось на стадии закладки фундамента. Архитектурные формы этого храма и его отношение к полоцкой школе пока неясны.

Сложение архитектурных школ в Новгородской и Полоцкой землях происходило путем постепенной переработки киевских архитектурных традиций. Иначе обстояло дело с галицкой и владимиро-суздальской школами, где разрыв с киевскими традициями был гораздо более резким и решительным.

В Галицкой земле монументальное строительство началось в первой четверти XII в. (Иоаннисян О. М., 1981, с. 35). По-видимому, около 1119 г. была построена первая каменная церковь — церковь Иоанна в г. Перемышле (современный польский город Пшемысль). Польские хроники свидетельствуют, что церковь была возведена из тесаного камня. Остатки здания, открытые польскими археологами, подтвердили правильность этих сообщений; церковь действительно была построена из блоков хорошо тесаного белого камня, без применения кирпича. Несомненно, что техника эта романская. Однако плановая схема церкви не имеет ничего общего с романскими храмами; это четырехстолпная трехапсидная церковь, отвечающая композиционной схеме, уже сложившейся к этому времени на Руси. Почти сов-

падает по плану и следующая по времени церковь, построенная в другом стольном городе — Звенигороде. Эта церковь, как и расположенный рядом дворец, была вскрыта раскопками.

К середине XII в. столицей Юго-Западной Руси стал Галич; здесь была построена церковь Спаса, повторяющая те же особенности плана и строительной техники, что и церкви в Перемышле и Звенигороде. В 50-е годы был возведен главный храм Галича — Успенский собор (табл. 68, *12*). Это тоже четырехстолпный, трехапсидный храм, но в нем заметны уже существенные новые особенности: с трех сторон к церкви примыкают галереи, столбы не крестчатые, а круглые, в декоративном убранстве была широко применена скульптурная резьба. К сожалению, Успенский собор, как и все галицкие памятники, известен только по материалам раскопок. И все же сама плановая схема этих храмов не оставляет сомнений в том, что их объемная композиция должна была в общих чертах совпадать с композицией церквей других русских архитектурных школ. Еще несколько четырехстолпных церквей было раскопано в окрестностях Галича, одна — в Василёве. Среди галицких построек резко выделяются маленькая церковь Ильи Пророка, представляющая собой круглую постройку с апсидой и примыкающей с запада прямоугольной частью, а также церкви у с. Побережье и так называемый полигон, имеющие четырехлепестковый план (Иоаннисян О. М., 1982, с. 39) (табл. 68, *10*). Почти все галицкие постройки датированы пока очень приблизительно, в пределах второй половины XII в.

Единственный памятник галицкой архитектуры, сохранившийся над поверхностью земли, хотя тоже полностью перестроенный в верхней части — церковь Пантелеймона близ Галича (табл. 68, *13*), построенная в конце XII или начале XIII в. По плановой схеме (четырехстолпный, трехапсидный храм) церковь Пантелеймона очень близка памятникам других русских архитектурных школ, но белокаменная техника и обилие резных деталей делают этот памятник типичным именно для галицкой архитектуры. Особенно характерны такие романские элементы, как базы и капители колонок, перспективный портал, украшенный резьбой (табл. 71).

Своеобразно развивалось зодчество Владимиро-Суздальской земли (Воронин Н. Н., 1961). В самые первые годы XII в. был построен собор в Суздале, небольшие участки кладки которого удалось раскрыть раскопками под существующим более поздним зданием собора. Выяснилось, что первоначальный храм был выстроен в типичной киевской технике кирпичной кладки со скрытым рядом. После этого строительство в северо-восточной Руси прекратилось и возобновилось лишь в середине XII в. В постройках этого времени можно видеть резкий разрыв с киевской традицией. Очевидно, при помощи галицких мастеров здесь возвели несколько храмов, построенных из тесаного белого камня. Из них целиком сохранился собор в Переславле-Залесском (табл. 72, *1*) и почти целиком церковь Бориса и Глеба в резиденции суздальских князей — Кидекше (табл. 72, *2*).

В 60-х годах XII в. обстраивается новая столица северо-восточной Руси — город Владимир и создается новая княжеская резиденция — Боголюбово. Центральным и наиболее ярким памятником строительства этой поры является ансамбль Боголюбова. В настоящее время от ансамбля сохранились лишь одна лестничная башня и переход, ведший из этой башни в церковь. Сама церковь разрушена, но нижние части ее стен были вскрыты раскопками (табл. 72, *7*). Выяснилось, что церковь была оформлена с необычной роскошью: весь пол ее был устлан полированными медными плитами, а на порталах сохранились отверстия, свидетельствующие, что порталы были обиты золоченой медью. Столбы церкви имели круглую форму и судя по письменным источникам завершались «корунами», т. е., видимо, резными капителями. На площади перед церковью раскопками обнаружены остатки кивория над водосвятной чашей. Одновременно в 1 км от Боголюбова была построена церковь Покрова на р. Нерль (табл. 70, *4*; 72, *3*). Церковь эта сохранилась до наших дней, хотя раскопки показали, что первоначально к ней примыкали несохранившиеся теперь галереи. В стене галереи размещалась и лестница на хоры храма. Здание было построено в заливаемой пойме реки и поэтому над фундаментом зодчие возвели пьедестал из тесаного камня, имеющий в высоту 3,7 м. Пьедестал этот был обсыпан землей и образовывал холм, облицованный каменными плитами. На вершине холма, выше уровня паводковых вод стояла сама церковь. Во Владимире были построены центральный храм города — Успенский собор и парадные Золотые ворота. Характер архитектурных деталей и скульптурной резьбы свидетельствует, что в строительстве, развернувшемся в 60-е годы XII в., наряду с галицкими принимали участие романские мастера. Соединение объемно-пространственной композиции и конструктивной схемы, сложившихся на основе киевских традиций и характерных для всех русских архитектурных школ, с романской техникой и романскими декоративными элементами определило процесс сложения совершенно своеобразной архитектурной школы — владимиро-суздальской.

В 80-х годах XII в. был полностью перестроен владимирский Успенский собор (табл. 72, *5*). Первоначально представлявший собой одноглавый шестистолпный храм, собор этот, обстроенный с трех сторон, превратился в пятинефное здание, увенчанное пятью главами. Собор полностью сохранился до наших дней, как и возведенный в 90-х годах XII в. Дмитриевский собор во Владимире (табл. 72, *4*). Впрочем, Дмитриевский собор во Владимире сохранился лишь в своем основном объеме, утратив некогда примыкавшие галереи и башни. Особенность Дмитриевского собора — значительное увеличение роли скульптурного убранства. Одновременно были возведены ворота княжеского детинца во Владимире с надвратной церковью и собор Рождественского монастыря. Оба памятника не сохранились; основание ворот было раскрыто раскопками, а о соборе Рождественского монастыря можно судить лишь по сохранившимся старинным чертежам.

В 1200 г. во Владимире было возведено здание собора Княгинина монастыря. Обнаруженные под более поздним храмом остатки древнего памятника показали, что в отличие от всех предшествующих построек владимиро-суздальской школы собор был выстроен не из тесаного камня, а из кирпича.

* * *

Тенденции к сложению в русском зодчестве принципиально новых композиционных решений и появление существенных стилистических изменений можно отметить уже с середины XII в. Первым примером, в котором достаточно четко отражены эти новые тенденции, является Спасский собор Евфросиньева монастыря в Полоцке. Однако в полной мере новые формы сложились лишь к концу XII в. (Раппопорт П. А., 1977а, с. 12). Появились храмы, имевшие башнеобразную центрическую композицию, с высоко поднятой главой и большим количеством вертикальных членений на фасадах, что создавало впечатление стремительного взлета. На смену статичным, уравновешенным композициям середины XII в. пришли композиции, отмеченные динамизмом и вертикальной устремленностью объема. В каждой архитектурной школе Руси эти новые приемы отражались в собственных, специфических формах, но общие принципы прослеживаются повсюду. Процесс дифференциации русского зодчества, его разделение на различные школы продолжал углубляться, но параллельно наметились и объединительные тенденции, общие для всей русской архитектуры.

Очень яркое отражение получило новое направление в киево-черниговских землях. В 90-х годах XII в. была построена церковь Василия в Овруче (табл. 73, *2*), которую обычно связывают с именем упомянутого в летописи зодчего Петра-Милонега (Раппопорт П. А., 1972, с. 82). Церковь сохранилась примерно до основания сводов, а в верхней части была в начале XX в. реставрирована, но, к сожалению, неточно. Произведениями того же зодчего, видимо, являются вскрытая раскопками церковь Апостолов в Болгородке (1197 г.) и полностью реконструированная в первоначальных формах церковь Пятницы в Чернигове (вероятно, первые годы XIII в.) (табл. 70, *1*; 73, *1*). Все эти храмы имели очень нарядную обработку фасадов и сложнопрофилированные пучковые пилястры. Замечательной особенностью Пятницкой церкви является впервые примененная в русском зодчестве конструкция — повышенные подпружные арки (Барановский П. Д., 1948, с. 13; Холостенко Н. В., 1956, с. 271). Эта конструкция создает высокий подъем барабана главы на трех ярусах закомар-кокошников. По-видимому, близки к перечисленным храмам еще некоторые памятники, вскрытые раскопками,— церкви во Вщиже и в Трубчевске, также возведенные в конце XII в. Несколько иной характер имел храм в Новгороде Северском, обладавший сложной, несколько напоминающей готическую, профилировкой пилястр. Очень близкий вариант дает раскопанный храм в Путивле (табл. 73, *7*). Судя по наличию полукруглых завершений — апсид на северном и южном фасадах, создающих композицию триконха, этот храм отражает непосредственное влияние зодчества Афона (Греция). Храм в Путивле на основании археологической стратиграфии относится к первой трети XIII в. Вывод этот основан на том, что слой пожарища, связанный с взятием города монголами, залегает непосредственно на слое строительства храма. Вероятно, к концу XII в. относится и круглая постройка-ротонда (табл. 73, *4*), раскопанная в центральной части Киева (Боровский Я. Е., 1981, с. 182). Наружный диаметр ротонды несколько более 20 м, в центре ее расположен один круглый столб. Назначение ротонды неясно; это либо гражданское, быть может, дворцовое сооружение, либо католическая церковь.

В Полоцкой земле, по-видимому, в 70—80-е годы была построена княжеская церковь на детинце — храм с одной апсидой и тремя притворами (табл. 68, *7*). Раскрытые раскопками нижние части памятника не дают достаточных оснований для достоверного суждения об его объемной композиции, однако строгая центричность плана все же позволяет высказать обоснованное предположение, что здание имело башнеобразный характер завершения.

В конце XII в. сложная политическая и экономическая обстановка в Полоцкой земле привела здесь к прекращению монументального строительства, но прием, разработанный в полоцкой церкви на детинце, был заимствован в Смоленске, где на рубеже 80—90-х годов XII в. была возведена идентичная церковь архангела Михаила (табл. 73, *9*; 70, *2*). (Подъяпольский С. С., 1979, с. 163). Церковь эта сохранилась до наших дней почти полностью, хотя и не восстановлена в своих первоначальных формах. Ее высотная, ступенчато-башнеобразная композиция объема подчеркнута пучками вертикальных членений сложнопрофилированных пилястр, а фасады завершались трехлопастными кривыми. Археологические раскопки в Смоленске показали, что церковь архангела Михаила была далеко не единственным примером подобной композиции (Воронин Н. Н., Раппопорт П. А., 1979, с. 409). Тот же прием почти повторен в церкви Троицкого монастыря на Кловке (табл. 74, *1*). В несколько измененном варианте, где боковые притворы сдвинуты к восточным углам основного объема, подобная композиция применена в соборе Спасского монастыря в Чернушках (табл. 73, *11*). В одних случаях смоленские храмы имели лишь один западный притвор (Пятницкая церковь), в других — вовсе не имели притворов (церковь у устья Чуриловки) или были окружены галереями (церковь на Малой Рачевке) (табл. 73, *10*). Однако в любом из этих вариантов основное здание храма имело одну большую полукруглую апсиду и сложнопрофилированные пучковые пилястры. В подавляющем большинстве эти храмы четырехстолпные, но имеется пример большого шестистолпного собора с примыкающими галереями (Воскресенская церковь).

Параллельно с храмами подобного типа в Смоленске возводили церкви, имеющие три апсиды, но плоские снаружи, а внутри имеющие форму очень пологой дуги. Пилястры в этих храмах имели сложную профилировку лишь начиная с определенной высоты, а ниже они представляли собой как бы прямоугольные пьедесталы. Сюда относятся большой собор на Протоке (табл. 73, *8*), церковь на Окопном кладбище и маленькая церковь на Большой Краснофлотской улице. Между памятниками двух смоленских групп имеются различия не только в схеме их плана, но и в строительной технике. Очевидно, эти храмы возводили мастера двух разных строительных артелей.

Особенно интересные результаты дали раскопки собора на Протоке. До начала раскопок руины хра-

ма были скрыты под большим земляным холмом. Раскопки этого холма показали, что стены древней церкви сохранились местами до высоты более 2 м. При этом на стенах в значительном количестве уцелели фресковые росписи. В процессе раскопок было снято со стен свыше 40 кв. м росписей, которые в настоящее время экспонируются в Государственном Эрмитаже (Шейнина Е. Г., 1980, с. 243). Собор имел значительные размеры — в длину почти 23 м и в ширину 19 м. С трех сторон к нему примыкали галереи, а у северо-западного и юго-западного углов размещались маленькие четырехстолпные храмики (табл. 74, *2*). Общая ширина этого сложного ансамбля — около 47 м. При раскопках была вскрыта упавшая наружная стена южной галереи, прорезанная большими окнами. Обнаружено значительное количество погребений в аркосолиях и кирпичных склепах, расположенных как в основном помещении, так и в галереях. Пол храма оказался покрытым слоем известкового раствора и на нем были четко видны основания алтарной преграды, запрестольного креста и почетного (видимо, ктиторского) кресла.

Интенсивное монументальное строительство, развернувшееся в Смоленске в конце XII — первой трети XIII в., свидетельствует, что здесь существовали опытные и достаточно многочисленные кадры строителей. Яркость архитектурного облика памятников смоленской архитектурной школы сделала эту школу популярной в других русских землях, куда стали приглашать смоленских мастеров. Так, в столице Рязанской земли (современная Старая Рязань), где не было собственных кадров строителей, смоленские зодчие возвели Спасскую церковь (табл. 73, *6*), а вероятно, также и маленькую бесстолпную замковую церковь в Новом Ольговом городке (табл. 73, *5*). Памятники эти известны по результатам археологических раскопок. В самом Киеве были раскопаны остатки небольшой церкви на Вознесенском спуске (табл. 73, *3*), которая судя по ее архитектурным формам была построена в конце XII в. смоленским зодчим. Расцвет смоленской архитектуры продолжался до 1230 г., когда страшный мор и резко изменившаяся политическая обстановка прервали здесь монументальное строительство.

Очень яркое развитие получила в начале XIII в. владимиро-суздальская архитектура (Воронин Н. Н., 1962, т. 2, с. 108). К сожалению, от этой поры здесь уцелели всего два памятника — собор в Суздале (1222 г.) (табл. 72, *6*) и Георгиевский собор в Юрьеве-Польском (1230—1234 гг.) (табл. 72, *8*), причем оба памятника сохранились лишь до половины своей первоначальной высоты, и система их завершения может быть реконструирована лишь гипотетически. Георгиевский собор поражает необычайной насыщенностью скульптурного убранства: его стены сплошь покрыты орнаментальной резьбой (табл. 75), а выше архитектурно-колончатого пояса размещались скульптурные композиции и отдельные изображения (Вагнер Г. К., 1964; табл. 75). Оба памятника имеют по три притвора, придающие центричность их объему и заставляющие предполагать, что здания эти имели башнеобразные завершения. Подобную плановую схему имела и вскрытая раскопками церковь архангела Михаила в Нижнем Новгороде (1227 г.). Следует отметить, что на основании археологических раскопок удалось восстановить расчленение владимиро-суздальской архитектуры в начале XIII в. на две самостоятельные строительные артели, из которых одна — суздальско-нижегородская продолжала традиции белокаменного строительства, тогда как другая — ростово-ярославская вела строительство из кирпича с применением резных белокаменных деталей.

Небольшая, но очень яркая архитектурная школа сложилась в конце XII в. в Городенском княжестве (Воронин Н. Н., 1954а). Частично сохранившаяся хотя и не на полную высоту церковь Бориса и Глеба на Коложе в Гродно (табл. 68, *11*; 74, *3*) отличается своеобразным приемом декоративного убранства фасадов при помощи вставленных шлифованных цветных камней и поливных керамических плиток. Раскопки на детинце в Гродно выявили здесь так называемую Нижнюю церковь (табл. 68, *9*), сохранившую стены на высоту до 3 м. Церковь эта после раскопок не была засыпана и в настоящее время сохраняется в специальном павильоне. Для убранства фасадов Нижней церкви также использованы шлифованные камни, керамические плитки и поливные блюда. Церковь эта имеет шестистолпный план, но подкупольное пространство образовано не восточными, а западными столбами; с востока она имеет одну большую полукруглую апсиду, для подъема на хоры служила винтовая лестница, встроенная в юго-западное членение. В Волковыске, входившем в состав Городенского княжества, был раскопан фундамент церкви, имевшей почти такую же схему плана, как гродненская Нижняя церковь, но здесь лестница размещалась в отдельной квадратной башне, пристроенной к юго-западному углу храма. Здание церкви в Волковыске не было достроено; здесь успели заложить лишь фундамент. Еще одна почти такая же церковь, но с плоской прямоугольной апсидой была раскопана в Гродно на Посаде — так называемая Пречистенская церковь. На детинце в Гродно сохранились остатки небольшой гражданской постройки, видимо, княжеского терема (табл. 61, *15*).

По-видимому, единственной архитектурной школой Древней Руси, совершенно не затронутой переломом, происшедшим в русском зодчестве на рубеже XII и XIII вв., была новгородская. Здесь строили довольно много каменных зданий, но строили очень экономно, очень быстро и в крайне упрощенных формах. При этом даже в начале XIII в. продолжали строить совершенно так же, как в середине XII в. Примером этому может служить вскрытая археологическими раскопками церковь Пантелеймона, построенная в 1207 г. Консервативные приемы новгородских зодчих в ряде случаев, видимо, перестали удовлетворять заказчиков и корпорация новгородских купцов, ведших заморскую торговлю, заказала в 1207 г. постройку церкви Параскевы Пятницы смоленскому зодчему. Церковь эта сохранилась не целиком; у нее полностью перестроены верхние части. По композиции и архитектурным формам Пятницкая церковь чрезвычайно близка таким смоленским памятникам, как церкви архангела Михаила и в Кловском монастыре (Штендер Г. М., 1964, с. 201). Художественный облик Пятницкой церкви, очевидно, произвел на новгородцев сильное

впечатление, и новгородские зодчие сделали попытку соединить наиболее характерные особенности этого храма (одноапсидность, трехлопастное завершение фасадов) с типичными чертами новгородской архитектуры (упрощенность формы, скупость декоративного убранства, строительная техника, сочетающая применение камня и кирпича). В результате сложился совершенно своеобразный новый тип новгородского храма, первым образцом которого является маленькая церковь Перынского скита (табл. 61, *8*), построенная, вероятно, в 20—30-х годах XIII в.

* * *

Монгольское вторжение внесло очень существенные перемены в процесс развития русской архитектуры. Страшному разорению подверглись Киевская, Черниговская, Рязанская, Волынская земли. Монументальное строительство здесь надолго почти полностью прекратилось. Таким образом, из яркого спектра архитектурных школ древней Руси выпала одна из важнейших школ — киево-черниговская, игравшая вплоть до XIII в. едва ли не ведущую роль. Разгромлены были и города северо-восточной Руси. Правда, здесь сохранилась политическая самостоятельность и экономика была постепенно восстановлена, но монументальное строительство в течение второй половины XIII и первой половины XIV в. почти не велось. Некоторое оживление строительства, которое можно отметить во второй половине XIV в., связано уже с новым политическим центром — Москвой (Борисов Н. С., 1976, с. 63). Смоленская и Полоцкая земли не были затронуты монгольским разгромом, но тяжелая политико-экономическая обстановка и здесь привела к прекращению монументального строительства.

Таким образом, развитие русской архитектуры во второй половине XIII — первой половине XIV в. в основном можно проследить лишь в двух районах Руси; на западных ее территориях (западные районы Галицкого и Волынского княжеств, Черная Русь) и в Новгородской земле.

В юго-западной Руси накануне монголо-татарского вторжения архитектурно-строительная обстановка в Галицкой и Волынской землях сложилась по-разному. На Волыни по каким-то причинам строительство в первой половине XIII в. вообще не проводилось и, по-видимому, даже не имелось строительных мастеров. В Галицкой же земле интенсивно работала местная строительная организация. Эта строительная артель, видимо, уцелела и после того жестокого разгрома, которому подверглись город Галич и другие крупные города княжества. Во всяком случае, когда Даниил Галицкий в 30—50-е годы XIII в. обстраивал свою новую столицу город Холм, строительство там, несомненно, вели зодчие галицкой архитектурной школы. Об этом можно судить по резным белокаменным фрагментам, которые были найдены при археологических раскопках. Раскопками в Холме вскрыта также каменная стена какого-то оборонительного или, вероятнее, дворцового здания, относящегося, по-видимому, к 60-х годам XIII в.

Позднее, на рубеже XIII и XIV вв. строительство в Галицкой земле сосредоточилось в основном во Львове. Здесь было построено несколько зданий, в том числе сохранившаяся до наших дней Николаевская церковь (табл. 61, *5*). Исполненная в традиционной для галицкой архитектуры белокаменной технике, церковь эта показывает, что в развитии архитектуры здесь произошли существенные сдвиги: храм лишен скульптурного убранства, он бесстолпный и имеет симметричные приделы.

Большое значение в конце XIII — первой половине XIV в. придавалось в Галицкой земле строительству каменных оборонительных сооружений — отдельно стоящих башен. В районе Холма до настоящего времени сохранилась такая башня в Столпье (табл. 61, *2*), а до Великой Отечественной войны существовали руины второй башни — в Белавине (табл. 61, *3*) (Раппопорт П. А., 1952, с. 202). Все галицкие башни этого времени — квадратные в плане; построены они из камня, причем отеска камня гораздо менее тщательная, чем в культовых сооружениях.

Совершенно иначе развивалось монументальное строительство на Волыни. Как уже было отмечено, в первой половине XIII в. здесь вообще не велось монументального строительства. Интенсивное строительство началось лишь в середине XIII в. Одной из первых построек была церковь Михайловского монастыря во Владимире-Волынском (табл. 61, *6*). Открытые раскопками остатки этой церкви оказались совершенно необычными: церковь была круглой (ротонда) и имела внутри кольцо столбов, вероятно, поддерживавших купол. Совершенно необычна для древнерусского зодчества и строительная техника этого памятника: он сложен из брускового кирпича. Очевидно, возобновление строительной деятельности в Западной Волыни было связано с участием мастеров из Восточной Польши, где незадолго до этого развернулось строительство из брускового кирпича в так называемой вендской технике кладки (чередование на фасадах двух ложков и одного тычка). Несколько позже, в 80-х годах XIII в. была построена Георгиевская церковь в Любомле. Археологические раскопки показали, что церковь была трехапсидной, вероятно, четырехстолпной. Возведена она в той же кирпичной технике («вендская» кладка из брускового кирпича), ставшей характерной для зодчества Волыни. Видимо, на рубеже XIII и XIV вв. построена Васильевская церковь во Владимире-Волынском, сохранившаяся хотя в несколько искаженном виде до наших дней. Эта постройка имеет центричный восьмилепестковый план.

Так же как в Галицком княжестве, в Западной Волыни в это время ведется строительство отдельно стоящих оборонительных башен (Раппопорт П. А., 1967а, с. 141). Однако в отличие от Галицкой земли здесь эти башни были круглыми в плане и возводили их из брускового кирпича. Одна такая башня, построенная в 70—80-е годы XIII в., полностью сохранилась в Каменце-Литовском (табл. 61, *1*; 78). Некоторые архитектурные формы этой башни (стрельчатые окна, свод на нервюрах) имеют, несомненно, готический характер. Башня имеет наружный диаметр 13,5 м, высота ее около 29 м. Остатки другой башни, построенной в 1291 г., открыты раскопками в Черторыйске. По-видимому, на рубеже XIII и XIV вв. началось строительство Луцкого замка, позднее многократно перестраивавшегося.

На территории Черной Руси — в Новогрудке — в конце XIII в. была построена каменная башня, позднее вошедшая в состав новогрудского замка. В первой половине XIV в. там же были возведены церковь и гражданская постройка, вскрытые раскопками. Церковь одноапсидная, первоначально она не имела столбов, но вскоре в нее были встроены четыре столба, очевидно, поддерживавшие купол. Гражданская постройка, вероятно, входившая в состав дворцового комплекса, представляла собой квадратный зал, перекрытый сводами, опиравшимися на столб, стоявший в центре помещения. Судя по найденным фрагментам своды церкви и гражданской постройки имели профилированные нервюры. Материал новогрудских построек первой половины XIV в. — брусковый кирпич.

Откуда появились в Новогрудке брусковый кирпич и готические формы сводов, не вполне ясно; они могли быть заимствованы с территории Волыни, где такие материалы и формы также имели распространение, но могли проникнуть сюда и через Литву, с которой Новогрудок в это время был политически тесно связан.

Северо-западная Русь — Новгородская земля — не была затронута монгольским вторжением, но политическая обстановка и особенно экономическое состояние во второй половине XIII в. здесь были настолько трудными, что строительство велось в крайне ограниченном масштабе (Каргер М. К., 1980, с. 25). Возведенная в 1292 г. церковь Николы на Липне, полностью сохранившаяся до наших дней, показывает, что новгородские зодчие продолжали разрабатывать тип храма, появившийся еще в середине века и представленный церковью Перынского скита. Церковь Николы на Липне также одноглавая, четырехстолпная постройка с одной апсидой; фасады ее имеют трехлопастное завершение. В отличие от Перынской церкви она имеет большее количество декоративных элементов, в частности по верху фасадов, отвечая их трехлопастной форме, здесь проходит аркатурный пояс. Церковь построена из плиты и кирпича, но кирпич применен не старого типа (плоские кирпичи-плинфы), а брусковый. Очень вероятно, что этот тип кирпича проник в Новгородскую землю с запада, через Ригу.

О том, что новгородское зодчество в этот период переживало процесс поисков и становления новых форм, можно судить по двум памятникам, к сожалению, погибшим во время Великой Отечественной войны, — церквам Успения на Волотовом поле (1352 г.) (табл. 61, *9*) и Спаса в Ковалеве (1345 г.). В Волотовской церкви зодчие пошли по пути упрощения типа Николы на Липне. Они отбросили не только промежуточные, но и угловые лопатки, полностью отказались от декоративных элементов. В то же время в Ковалевской церкви (в настоящее время она восстановлена по обмерным чертежам) зодчие возвратились к позакомарному покрытию фасадов.

Во второй половине XIV в. начинается новый экономический расцвет Новгорода и вместе с тем начинается интенсивное монументальное строительство. Новгородские зодчие приняли за основу тип храма, разработанный в Липненской и Волотовской церквах, но насытили его большим количеством декоративных элементов. Вновь введены не только угловые, но и промежуточные лопатки; многочисленные декоративные кресты, сгруппированные окна и ниши, снабженные бровками, аркатурные пояса придают этим храмам чрезвычайно нарядный вид. Образцами могут служить полностью сохранившиеся церкви Федора Стратилата (1360 г.) (табл. 61, *7*), Спаса на Ильине улице (1374 г.), Петра и Павла в Кожевниках (1406 г.). Они знаменуют начало блестящего расцвета архитектуры Великого Новгорода второй половины XIV—XV вв.

* * *

Археологические раскопки позволили не только значительно увеличить количество известных памятников древнерусского зодчества, но и начать изучение процесса строительного производства. В отдельных случаях удавалось раскрыть строительную площадку вокруг недостроенных сооружений. Так, например, в Волковыске, где строительство церкви было по каким-то причинам остановлено на стадии закладки фундамента, были обнаружены большая яма для творения извести, штабеля неиспользованной плинфы и аккуратно уложенные в ряд шлифованные камни для декоративного убранства стен. В Киеве была раскопана печь для выжигания извести (табл. 62, *1*). Печь эта была сложена из плинфы на глине; она круглая, внутренним диаметром несколько более 2,5 м, заглублена от поверхности земли на 65—75 см. В нескольких случаях были вскрыты раскопками кирпичеобжигательные печи. В Киеве такая печь, видимо, относящаяся к концу X в., имела прямоугольную форму. Также прямоугольная кирпичеобжигательная печь была раскопана в Суздале. В Чернигове обнаружены остатки круглой печи для обжига плинфы. Наиболее детально были изучены подобные печи в Смоленске (табл. 62, *2*; 76) (Юшко А. А., 1966, с. 307). Одна из этих печей относилась к концу XII в., вторая к началу XIII в. Обе печи круглые, диаметром около 4,5 м; они расположены на склоне и тыльной частью частично врезаны в материковую глину. Внутри печей было размещено по семь невысоких кирпичных стенок, а поперек этих стенок проходил арочный топочный канал.

Отмечено, что при обжиге древнерусских кирпичей получалось большое количество брака — ломаных, пережженных и недожженных кирпичей. Этот производственный брак в XII—XIII вв. дробили и использовали в качестве заполнителя известкового раствора, т. е. в качестве цемянки.

Изучение древнерусских кирпичей-плинф показало, что в каждом памятнике, как правило, применяли один основной формат кирпича (обычно не менее 60—70% от общего количества кирпичей) и несколько дополнительных (табл. 62, *7*). Несовершенство ручной формовки и обжига вело к тому, что принятый строителями формат обычно имел отклонения на 1—2 см как в большую, так и в меньшую сторону. Формат древнерусских кирпичей имел тенденции к уменьшению и может служить датирующим признаком при изучении памятников (табл. 62, *5*). Так, кирпичи построек XI в. имеют, как правило, длину от 34 до 38 см, а ширину от 27 до 31 см.

В памятниках XII в. кирпичи меньше: их длина от 29 до 36 см, а ширина от 20 до 26 см. Наконец, в памятниках конца XII — первой трети XIII в. длина кирпичей от 24 до 29 см, а ширина от 17 до 21 см. Толщина кирпичей колеблется в пределах от 2,5 до 5 см. Для Смоленска и Новгорода удалось составить более точные шкалы изменения формата кирпичей, что дает возможность датировать памятники с точностью до 20 лет (Раппопорт П. А., 1976, с. 83; 1982а, с. 200).

Наряду с обычными прямоугольными плинфами в строительстве применяли также лекальные кирпичи различной формы. Особенно велико разнообразие лекальных кирпичей в конце XII — начале XIII в. в связи с усложнением профилировки пилястр и большей насыщенностью фасадов декоративными элементами. В некоторых строительных центрах (Чернигов, Смоленск, Полоцк, Гродно) на торцах кирпичей встречаются выпуклые знаки, оттиснутые с деревянных форм в процессе формовки сырцов (табл. 62, *8*). Знаки эти имели производственное назначение, отмечая определенные партии кирпича при обжиге (Раппопорт П. А., 1977 б, с. 28). Кроме того, на постелистой стороне кирпичей встречаются небольшие круглые или фигурные вдавленные клейма, очевидно, имевшие характер счетных знаков (табл. 62, *3*). Наконец, на постелистой стороне кирпичей иногда обнаруживали большие выпуклые знаки, часто имевшие характер «княжеских» знаков (табл. 62, *6*). Очень вероятно, что такие знаки определяли принадлежность строительства определенному заказчику.

В верхних частях здания, особенно в сводах, в кладке широко использовали горшки, обычно называемые голосниками. Основное назначение их — создание облегченной кладки, но часть таких сосудов выходила в интерьер храмов своими открытыми отверстиями и служила резонаторами, улучшавшими акустику. В качестве голосников очень часто использовали амфоры, но наряду с ними применяли специально формованные для этой цели сосуды.

Большое значение в оформлении интерьеров древнерусских монументальных зданий, в первую очередь храмов, имела система декоративного убранства полов. В наиболее богатых храмах Киева, Чернигова, Переяславля, Полоцка применяли мозаичные полы. При этом мозаика иногда набиралась непосредственно на известковой подмазке, сделанной по полу, а иногда кубики смальты набирались в пазы, специально вырезанные в плитах малинового овручского сланца (так называемый красный шифер). Наиболее распространенным типом убранства полов были наборы из поливных керамических плиток. Полива применялась, как правило, трех цветов — зеленая, желтая, красно-коричневая. Квадратные плитки обычно укладывались по диагонали помещения, образуя сплошной набор, а у стен укладывались треугольные плитки. С XII в. достаточно широко стали использовать также плитки с разноцветной росписью и наборы из фигурных плиток, образовывавших различные рисунки. В Галицкой земле применяли также плитки с рельефными изображениями (Малевская М. В., Раппопорт П. А., 1978, с. 87).

В богатых зданиях Древней Руси существовали остекленные окна. Небольшие круглые стекла вставлялись в отверстия деревянных оконниц. Такие оконницы были обнаружены в Новгороде, Старой Ладоге, Чернигове (табл. 77). В Новгороде найдены куски слюды и обломки круглых плоских стекол — окончин (табл. 77, *3*). Целые экземпляры неизвестны, но находимые фрагменты достаточны для восстановления общей формы, многих деталей и подробностей.

Круглые окончины диаметром 18—22, чаще около 20 см имели так называемое ребро жесткости, или закраину, или бортик. Его ширина около 1 см, иногда более, иногда менее. Конструкция бортика подобна конструкции венчика — утолщенный, отогнутый в момент оплавления или загнутый внутрь. Окончины изготовлены одинаково, из типичного для древнерусского стеклоделия калиево-свинцово-кремнеземного стекла, имеющего легкий желтоватый оттенок; со временем это стекло покрывается тонкой сетью мелких трещин.

В XIV в. на Руси стал известен еще один вид оконных стекол, небольшие по площади разных геометрических форм — круги, овалы, сегменты, прямоугольники, квадраты, ромбы, треугольники (табл. 77). Толщина таких стекол 1,5—3 мм, край напоминает собой ретушь, это их отличительная черта. Другая отличительная черта — цвет — оливковый светлый, изредка синий. Именно такие стекла могли крепиться в металлические медные и иные обоймицы.

В древнерусских постройках стекло окон было разной формы и разного происхождения. В домонгольское время, с середины XI в., употреблялись оконные стекла киевского производства — круглые желтоватые. Наиболее употребительны они были в XII в. В это же время применялись и византийские стекла. Западноевропейские стекла известны с XIV в. и позже. Кровли храмов обычно покрывались свинцовыми листами.

Строительство велось с помощью деревянных лесов, пальцы которых закреплялись в кладке стен строящегося здания. После окончания постройки отверстия от пальцев лесов иногда закладывались, но очень часто оставляли незакрытыми. Такие отверстия характерны как для кирпичной, так и для белокаменной техники древнерусского строительства.

Начиная с XIV в. в богатых жилых и административных отапливаемых постройках начали применять печные изразцы. Наиболее ранним типом, известным по находкам в Полоцке и Новогрудке, являются горшковидные изразцы круглого сечения, имевшие не только декоративное, но и функциональное значение, поскольку они служили своеобразными калориферами. Изразцы из красной глины квадратной и прямоугольной формы появляются в Новгороде в первой половине XIV в.

Фортификация

Эволюция военного зодчества Руси — усовершенствование плановой схемы укреплений и организации их обороны, тесно связана с развитием тактических приемов осады. Появление новых способов взятия укреплений и новых технических средств штурма, изменения в структуре военных сил влекли

за собой новшества в военно-инженерном искусстве обороны.

История военного зодчества Руси в X—XIV вв. подробно изучена П. А. Раппопортом и опубликована в трех томах специальных «Очерков» (1956, 1961, 1967а). Древнерусские крепостные сооружения конца XIII — начала XVI в. исследованы В. В. Косточкиным (1962).

Основную защитную роль в системе укреплений играли земляные валы с деревянными стенами и рвы перед ними. Именно они в сочетании с интенсивной стрельбой защитников должны были предотвратить взятие крепости штурмом. С целью усилить оборонные возможности при строительстве укреплений с IX по XIV в. широко использовали защитные свойства рельефа местности. Как показало изучение истории древнерусских укрепленных поселений, большинство из них занимало естественно защищенные площадки: мысы, вершины холмов или холмы-останцы, острова среди болотистых низин. В этом случае доступной для врага, как правило, оставалась лишь одна из сторон крепости, укреплению которой и уделялось основное внимание. Здесь насыпался высокий вал и отрывался глубокий ров, а по остальному периметру поселения могли стоять деревянные стены столбовой конструкции или частокол-острог. Иногда склоны мыса или холма для придания им большей крутизны эскарпировались. Таковы многие древнерусские городища IX—X вв.

Однако и в это время укрепления ряда поселений были более совершенными. Валы сооружались по всему периметру, причем внутри они усиливались деревянными конструкциями. Поверху устраивался не только частокол, но и деревянные стены (например, городища Титчиха на Дону и Горналь на Псле).

Наряду с мысовыми укреплениями уже в IX в. в западных землях Руси, вероятно, под влиянием западнославянских традиций, появляются укрепленные поселения, округлые в плане. Они располагаются на плоскости или на относительно пологом склоне коренного берега реки. Впрочем, их оборонительные системы обладали небольшой мощностью.

Для этого раннего периода истории древнерусского военного зодчества характерно стремление создать укрепления, способные отразить стремительный набег, не дать противнику, чаще всего конному, взять поселение «изъездом». Труднодоступное местоположение поселения даже при наличии слабых укреплений вполне отвечало этим задачам.

Многие укрепленные поселения тогда, особенно в лесостепном левобережье Днепра, на Южном Буге, в бассейнах Днестра и Прута, имели еще общинно-племенной характер. Они строились руками самих жителей без участия представителей государственной власти и специалистов-городников. Небольшие, слабо укрепленные поселки — средства народной самообороны, были вызваны к жизни тревожными условиями существования русского крестьянского населения в степном порубежье. В северо-западных землях Руси им соответствуют городища-убежища. Очень примитивные с инженерной точки зрения, построенные на островах посреди болот или вершинах холмов, они не имели постоянного населения. Здесь укрывались в момент опасности жители соседних деревень. И те и другие общинные укрепления постепенно забрасываются в конце X—XI в. Массовое строительство городов, крепостей и замков заменяет и вытесняет народную самооборону.

Значительные изменения в организации обороны произошли уже в середине — конце X в. С одной стороны, окрепло и упрочилось раннефеодальное Киевское государство. Сформировались его постоянные вооруженные силы — дружина. Появилась возможность широко использовать при строительстве крепостей труд подвластного населения. С другой стороны, печенеги — главные враги Руси, от тактики конного набега перешли к длительной осаде укрепленных поселений. Роль искусственных оборонительных сооружений многократно усилилась. Теперь они, как правило, возводятся по всему периметру поселения. Чтобы выдержать систематическую осаду, их стали строить более мощными, с деревянными стенами сложной конструкции. Такие укрепления позволяли вести фронтальный обстрел осаждающих практически со всех сторон.

В конце X в., при Владимире Святославиче, Русь принимает комплексные меры для действенной охраны своих южных рубежей и защиты столицы — Киева. Оборону от печенегов Владимиру удалось сделать общегосударственным, всенародным делом. На пути конных орд отстраиваются не отдельные укрепления, а целые оборонительные линии вдоль берегов рек Стугны, Сулы, Трубежа, Остра и Десны. Вырабатывается особый тип сторожевой крепости, состоящей из двух частей: собственно крепости и обширной, но менее укрепленной тверди. В детинце размещался постоянный гарнизон, снабжающийся всем необходимым централизованным путем. Твердь могла вместить как значительные воинские резервы, так и окрестное население. В тылу основных оборонительных линий по Стугне и Суле были построены гигантские города-крепости: Белгород и Переяславль (табл. 29, *2*). Они являлись своеобразными штабами обороны правого и левого берегов Днепра.

Валы крепостей Владимира были сложными инженерными сооружениями. Их основу составляли поставленные впритык друг к другу деревянные срубы, забитые землей. Но некоторые срубы-городни оставлялись пустыми (Витичев, Новгород Малый) и были приспособлены для жилья и хозяйственных нужд. Перед деревянными срубами с внешней стороны проходила кладка из нескольких рядов сырцовых кирпичей (табл. 79, *7*, *8*; 80, *4*).

Стены срубов поднимались над гребнем вала и образовывали деревянную стену из двух-трех ярусов с боевыми ходами. Над воротными проемами, а иногда и в местах поворота стен сооружались деревянные башни (табл. 79, *8*).

На севере Руси в Ладоге (X в.) и Изборске (XI в.) строятся первые крепости с каменными стенами, сложенными насухо из плитняка. В Изборске на самой стрелке городищенского мыса, но с внутренней стороны стен сооружается круглая каменная башня.

Приемы строительства укреплений, освоенные во второй половине X в., получают дальнейшее развитие в XI столетии. Продолжая дело отца, Ярослав Мудрый возводит новую линию обороны по р. Рось.

При нем строится самая мощная крепость Древней Руси — Верхний Город (Город Ярослава) в Киеве (табл. 22). Основу вала составляла деревянная конструкция из дубовых срубов, вплотную примыкавших друг к другу. Размеры срубов исключительно велики: вдоль длинной оси вала 6,7 м, а поперек 19,2 м. Внутри срубы делились на клети: вдоль на две, а поперек — на шесть. Таким образом, каждый сруб состоял из 12 клетей, доверху заполненных лёссом (табл. 79, *3*). В высоту вал достигал 12 м. На его постройку было израсходовано не менее 50 тыс. куб. м дубового леса, а на засыпку пошло около 630 тыс. куб. м грунта. Таким образом, в строительстве вала длительное время участвовало несколько тысяч человек. Одновременно с валом и рвом были сооружены из кирпича-плинфы трое ворот, обеспечивавшие надежную защиту самых уязвимых мест в системе городских укреплений.

Город Ярослава в Киеве — прекрасный пример неизмеримо возросших возможностей раннефеодального русского государства в целенаправленном строительстве конструктивно совершенных и чрезвычайно трудоемких по сравнению с предшествующим временем укреплений. Сооружение укреплений приобретает характер государственной деятельности. В числе представителей княжеской администрации появляются городники, руководившие возведением оборонительных линий. Их труд и содержание во время строительства обеспечивались в законодательном порядке.

Срубные конструкции в основании валов в XI—XII вв. получили повсеместное распространение (табл. 79, *2*, *6*; 80, *1*, *2*). Обычно срубы, рубленные «в обло», вплотную приставлялись друг к другу. Но благодаря выступавшим концам бревен между их стенами оставался промежуток. Срубы забивались землей, камнями и засыпались грунтом снаружи. Они придавали валу необходимую жесткость, крутизну и предохраняли его от оползания. Срубы ставились в один, а иногда в два-три ряда. При этом в зависимости от профиля вала их стены имели разную высоту и наклон. Такая конструкция внутривальных деревянных сооружений была широко распространена во всех землях Руси в XI—XIII вв.

Другой тип срубной конструкции внутри валов появляется уже в XII в. Она состоит не из отдельных срубов-плетей, а из их сплошной прочно связанной линии. Бревна лицевых стенок таких срубов врублены «внахлестку» в поперечные стенки, разделявшие соседние помещения. В плане срубы были квадратные и прямоугольные, реже — трапециевидные. В некоторых случаях (Вышгород) у них отсутствовала задняя стенка. Размеры срубов колебались от 1,5×3 м до 3,5×4 м и больше.

Известны и внутривальные конструкции смешанного типа, когда по длинной оси вала срубы стоят каждый в отдельности, а поперек подразделяются на две-три клети. Часто (особенно с середины XII в.) внутренний ряд клетей (или два ряда) не заполнялся землей, а служил жилыми и хозяйственными помещениями (табл. 79, *4*). Таким образом, увеличивалась полезная жилая площадь внутри укрепления.

Особым, редко встречаемым типом внутривальных деревянных конструкций являются накаты из бревен. В основании вала поперек его длинной оси укладывались на небольшом расстоянии друг от друга бревна. На них в свою очередь помещались продольные лаги. Поверх лаг вновь укладывался накат и так несколько раз. Для предотвращения расползания бревен наката они иногда укреплялись небольшими поперечными бревнами с естественными крюками-сучьями. Пространство между бревнами засыпалось землей. Таковы валы Минска, Москвы, Новгородского детинца и некоторых других памятников.

Наряду с валами, имевшими внутренний деревянный каркас, во всех землях Руси широко известны оборонительные укрепления, целиком насыпанные из земли (табл. 79, *1*, *5*). Основание таких валов могло усиливаться низкими каменными стенками, а склоны укрепляются обожженной глиной или булыжниками.

Одновременно с отсыпкой вала перед ними сооружался ров, между которым и основанием вала устраивалась горизонтальная площадка берега. Она предохраняла от оползания в ров передний склон вала. Рвы древнерусских укреплений по большей части имели в разрезе симметричную, треугольную форму с несколько скругленным дном. Известны случаи, когда передний край рва усиливался частоколом, наклоненным в сторону «поля». Вал и ров вместе создавали перед штурмующими укрепленное препятствие высотой не менее 10 м.

На вершине вала возводилась деревянная стена (табл. 79, *2*; 80, *3*, *5*). Ее простейшим типом был частокол из бревен — столпие или тын древнерусских летописей. Концы бревен 3-х и 4-метровой высоты заострялись. Гораздо более сложными являлись срубные конструкции деревянных стен. Их нижними частями служили внутривальные деревянные каркасы. Срубы, находившиеся в теле вала, поднимались на поверхность. Наземную деревянную стену могли образовывать лишь передние стенки срубов или она состояла из трехстенных клеток, вплотную приставленных друг к другу. Стену венчали заборола — деревянный бруствер с боевой площадкой, откуда велась стрельба и метались камни. Возможно, заборола имели кровлю.

У большинства древнерусских укреплений XI — середины XIII в. был только один въезд. Над ним сооружалась деревянная проездная башня. Для ворот в валу делался проем. Возможно, въезд оформлялся двумя рядом стоящими башнями (Минск). В некоторых случаях по углам укрепления строились и другие башни, служившие не только целям обороны, но и дальнего наблюдения. Через ров к воротам вели специальные мосты. Чаще всего они устраивались на столбовых опорах и во время нападения защитники их легко разрушали — «переметывали». Но известны мосты и более сложной конструкции — подъемные.

В XI в., а на севере Руси в XII в. начинается массовое строительство геометрически правильных (округлых, овальных или полукруглых) в плане крепостей (табл. 8, 9). Такие укрепления почти не использовали защитных свойств рельефа местности. Но они хорошо обеспечивали круговую оборону,

были экономичными по затратам трудовых и материальных ресурсов в сравнении с укреплениями иной планировки. Расположенные чаще всего в низменной местности, эти крепости легко снабжались водой, что имело немаловажное значение во время длительной осады.

Строительство каменных оборонительных сооружений осуществлялось в это время лишь эпизодически (епископские ворота со стеной в детинце Переяславля, каменная ограда вокруг Печерского монастыря, стена посадника Павла в Ладоге). В конце XI — первой половине XII в. в некоторых крепостях появляются первые отдельно стоящие башни-донжоны (Любеч). Они были деревянными и выполняли функции наблюдательной вышки и важного узла обороны.

Во второй половине XII в. в связи с распространением различных камнеметных машин тактика длительной осады вытесняется решительным штурмом — взятие копьем. Пороками — катапультами разрушались ворота или участки стен. В проломы врывались осаждавшие. Это потребовало изменений в тактике обороны и в конструкции оборонительных сооружений. Последние делаются еще более мощными. Перед главной линией обороны иногда возводятся несколько дополнительных. Полоса защитных сооружений расширяется, не позволяя устанавливать камнеметы на кратчайшем расстоянии от стен.

В середине — второй половине XIII в. в западнорусских землях основным элементом обороны становится высокая и мощная каменная башня-донжон. Построенная внутри крепости, она возвышалась над ее стенами. С боевых площадок башни велась дальнобойная стрельба во все стороны, препятствовавшая штурму (табл. 80, *6*).

Если до середины XIII в. каменные укрепления на Руси были редкостью, то в конце этого столетия и особенно в XIV в. они известны уже в значительном числе. Толстые каменные стены значительно лучше деревянных выдерживали удары камнеметов. Помимо отмеченных особенностей военного зодчества, массовое применение штурма крепостей при поддержке камнеметных машин вновь заставило широко использовать защитные свойства рельефа местности. Строители укреплений стремились до минимума сократить протяженность их уязвимых участков. Там же, где естественные оборонительные рубежи отсутствовали, создавались наиболее мощные оборонительные системы с несколькими башнями. Со стороны «приступа» эти башни позволяли вести фланкирующий обстрел стен, прикрывая самое опасное направление штурма. К середине XIV в. данная тенденция в организации обороны полностью возобладала и продолжала совершенствоваться в XV в. в условиях действия огнестрельного оружия.

Инженерные сооружения

Мостовые и водоотводы. Высокого уровня в древнерусском городе достигло инженерное благоустройство. Особенно оно было развито в городах лесной зоны Руси — Новгороде, Пскове, Москве, Белоозере, Минске, Смоленске, Мстиславле, Полоцке, Витебске и многих других.

Следует заметить, что эти города возникли на моренных отложениях, т. е. плотной глинистой почве, исключающей естественный дренаж осадков и других видов влаги по вертикали. Дождевые и талые воды пронизывали культурный слой городов, не проникая в глубь материка, и циркулировали только по горизонтали, стекая в реки или иные водоемы. Поэтому верхние слои почвы в этих городах всегда имели повышенную влажность, в связи с чем улицы необходимо было покрывать мостовыми, а из-под сооружений и иных мест скапливающуюся влагу нужно было отводить в реки или водоемы.

Во всех городах лесной зоны археологи, вскрывая древние улицы, всегда на раскопах обнаруживают деревянные мостовые, а на территории усадеб и вдоль улиц всевозможные системы дренажей и водоотводов.

Очень хорошо древние дренажи и деревянные мостовые улиц сохранились в культурном слое Новгорода. Деревянные настилы улиц в Новгороде начали делать в первой половине X в. Первая древнейшая мостовая Черницыной улицы в Новгороде была сооружена в 938 г. Первая мостовая Великой улицы в Неревском конце Новгорода была уложена в 953 г. На Торговой стороне первая мостовая Михайловой улицы, расположенной недалеко от Ярославова дворища, была устроена в 974 г.

Устройство мостовых было традиционно и неизменно повторялось в продолжение многих веков до XVIII столетия. В основе мостовой лежали три продольных круглых лаги, длиной до 10—12 м и диаметром в 10—20 см. Они укладывались вдоль улицы по направлению мостовой параллельно друг другу на расстоянии 1,3—1,6 м одна от другой (табл. 81, *8*). Поперек на эти лаги укладывались толстые массивные плахи — расколотые пополам бревна диаметром 25—40 см плоской стороной вверх. Мостовая делалась шириной в 3,5—4,0 м в X—XI вв., до 4,0—5,0 м в XIII—XIV вв. Плахи хорошо подгонялись одна к другой. С нижней стороны в них делались полукруглые вырубки, соответствующие по форме и размерам лагам. В эти вырубки входили лаги, благодаря чему обеспечивалось прочное устойчивое положение плах мостовой. Плахи мостовых делались из сосновых и еловых бревен, диаметр которых иногда достигал в XIV—XV вв. 40—50 см.

Мостовые описанной конструкции были достаточно прочны и в условиях влажной почвы северных городов весьма долговечны. Мостовая обычно функционировала 15—30 лет. За это время мостовые, как правило, не изнашивались. Строительство новых мостовых предпринималось или после сильных пожаров, во время которых верхняя часть плах обгорала, или при необходимости подъема уровня мостовой в связи с общим ростом культурного слоя в городе. Новую мостовую делали так же, как и предшествующую, т. е. на плахи старой мостовой клали вдоль лаги и на них поперек новые плахи. Таким образом уровень мостовой каждый раз поднимался на 15—25 см.

В результате многократных сооружений настилов

на улицах мостовые представляли собой многоярусные сооружения, иногда достигавшие 30 прослоек — ярусов. Такое количество ярусов на улицах Новгорода было сооружено с середины X в. до середины XV в., т. е. в течение пяти веков. Мостовые XVI—XVIII вв. не сохраняются.

Городские власти всегда заботились об исправности уличных мостовых, регулярно их ремонтировали и при необходимости сооружали новые настилы. Этим работам придавалось огромное значение и они часто даже регламентировались княжеским законодательством. До нас дошел новгородский «Устав князя Ярослава о мостех», составленный в 1265—1266 гг. В этом документе речь идет о распределении строительных и иных работ по мощению и ремонту основных новгородских улиц среди всех слоев жителей Новгорода и его пригородных сел (Янин В. Л., 1977).

Большое количество водоотводных дренажных систем и их частей было раскопано за несколько десятилетий в Новгороде. Они были вскрыты в нескольких десятках пунктов города на Софийской и Торговой сторонах. Некоторые водоотводные системы были раскопаны на протяжении ста и более метров.

Все эти системы подразделяются на два типа сооружений. Основная система, наиболее массовая, предназначалась для отвода подземных вод из-под различных строений и жилых комплексов. Она в каждом конкретном случае состояла из нескольких рабочих звеньев. Первое звено устраивалось на объекте, из-под которого рассчитывали отводить воду. В землю внутри сооружения в одном из углов вкапывалась бочка диаметром около 50 см без дна. Применяли бочки типа долбленок, а также и сделанные из клепок. Эта бочка предназначалась для сбора воды. В верхнюю часть бочки на глубину $^{1}/_{3}$ врезалась деревянная отводная труба (табл. 81, *3*), по которой вода вытекала в ближайший водосборник. Этот водосборник — второе звено системы — представлял собой небольшой квадратный сруб из бревен или полукруглых плах размером 1×1 м или 1,5×1,5 м. Водосборники, или соединительные колодцы, всегда имели деревянное дно и крышу из наката круглых бревен, покрытую берестой. В такой водосборник с небольшим наклоном в сторону стока воды обычно входили 2—4 трубы. Выходила из водосборника одна более мощная магистральная труба, идущая с небольшим уклоном, как правило, по направлению к р. Волхов. Иногда магистральные трубы, представлявшие собой третье звено системы, на своем пути к реке еще раз сходились в более мощном водосборнике. Подобный срубный водосборник был раскопан в Новгороде на Ярославовом дворище (табл. 81, *2*), он был построен в XII в. (Медведев А. Ф., 1956).

Известны случаи, когда отводные трубы подключали непосредственно к магистральной трубе в ее средней части. При таком способе в магистральной трубе делали квадратный или круглый боковой выем — окошечко, в который вставлялся специально обработанный конец вводной трубы. Это соединение затем обертывалось берестой.

Водоотводные трубы делались из длинных бревен. Диаметр труб колебался в пределах: наружный 40—60 см, внутренний, довольно стабильный во всех системах, достигал 20—22 см. Трубы делались довольно длинные, более 10 м. В Новгороде встречены водоотводы, в которых длина отдельных труб достигала 22,5 м.

Конструкция труб была следующая: каждая труба состояла из двух половинок, соединенных между собой волнообразным швом (табл. 81, *4*). Каждая половинка трубы вытесывалась из круглого бревна. На одну трубу шло два бревна. В каждой половине трубы после соответствующей подгонки соединительных швов выдалбливался полукруглый желоб глубиной в 10 см, который при сложении двух половинок образовывал проходное отверстие в 20—22 см. Швы иногда прокладывали берестой.

Стыки труб имели форму втульчатых шипов. Они делались двух типов. Конец одной трубы, уже сложенной из двух половинок, затесывался на конус и вставлялся в соответственно растесанный канал в комлевой части другой трубы (табл. 81, *6*). Иногда шип имел форму коленчатого уступа (табл. 81, *5*). Стыки, а иногда и сами трубы очень тщательно обертывали в два-три слоя бересты, которая предохраняла трубы от проникновения в них грязи.

Водоотводные сооружения описанной нами системы и конструкции обнаружены, кроме Новгорода, в Смоленске, Пскове, Москве и других городах.

Второй вид водоотводных систем, более мощных, отводил воду от ключей, а иногда и заключал небольшие ручьи на территории города в деревянные трубы. Подобная система была раскопана в Новгороде на Торговой стороне в 1973 г.

Раскопанная дренажная система, отводившая воду из района Ильиной улицы на юг, была построена в 1306 г. (Колчин Б. А., Рыбина Е. А., 1982). Эта система отводила воду в ручей, протекавший южнее Ильиной улицы. Ручей вытекал из речки Тарасовец за церковью Филиппа Апостола и направлялся к Волхову параллельно древней Ильиной улице, протекая у Торга с северной стороны церкви Успения на Торгу. Этот ручей, вероятно, уже в XIV в. был заключен в деревянную трубу. В писцовых книгах Новгорода XVI в. ручей упоминается уже под названием «Труба».

В ручей отводила воду система, раскопанная на улице Кирова. Она проходила через раскоп с севера на юг и вскрыта в длину на 16 м. Она представляла собой мощную водоотводную трубу квадратного сечения, сделанную из бревен по системе «ряда». В раскопе были вскрыты три секции водоотвода, примыкавшие торцами одна к другой. Конструкция секций была одинакова. Водоотводная труба состояла из двух бревенчатых стенок, пола и перекрытия (табл. 81, *7*). Ширина трубы внутри 0,6 м, высота внутри 0,8 м. Стенки трубы срублены из четырех бревен диаметром по 20 см. Длина секции достигала 7,6 м. Стенки между собой соединялись двумя рядами переводин, отстоявших от концов секции на расстояние 0,6—1,0 м. Три нижние переводины, сделанные из бревен диаметром 18—20 см, соединялись с боковыми бревнами трубы узлом рубкой «в обло», верхняя четвертая переводина делалась из горбыля и укладывалась плоской стороной на верх-

нее бревно стенок. У каждой бревенчатой переводины для протока воды в середине делался паз «в половину». Ширина паза 0,3 м, высота 0,1 м. Пол трубы делался из горбылей, лежавших выпуклой стороной вверх. Он покоился на подкладках из бревен, лежавших поперек трубы. Перекрытие трубы сделано из круглых бревен, лежавших на верхних переводинах. Стыки секций трубы были забутованы плахами и обложены берестой. Труба в свое время при строительстве была опущена в землю на небольшую глубину — ее перекрывал слой земли в 20—30 см.

Жилые усадьбы-дворы ограждались от улиц и соседей деревянными заборами. В подавляющем большинстве случаев ограды делались в виде тына, т. е. частокола из вертикально стоящих бревен. Хорошо сохранились археологически усадебные частоколы в Новгороде.

Тын делался из еловых бревен диаметром 13—18 см. Наземная часть частокола достигала высоты 2—2,5 м. Все вертикальные бревна частокола по сплошной линии, примыкая один к другому, закапывались своей нижней частью в землю в специально вырытую канаву на глубину 0,5—1,0 м. Для плотности и крепости частокола на дне канавы концы бревен забутовывались горизонтальными обрубками плах и бревен. Зарытый и утрамбованный в такой канаве частокол стоял достаточно крепко. В верхней наземной части, отступавшей вниз от заостренных концов на 0,3—0,5 м, через специальное отверстие в бревнах частокола проходила переводина — длинное бревно (табл. 81, *9*), которая держала и укрепляла верх частокола. Описанная конструкция частокола в северных районах России дожила до XX в.

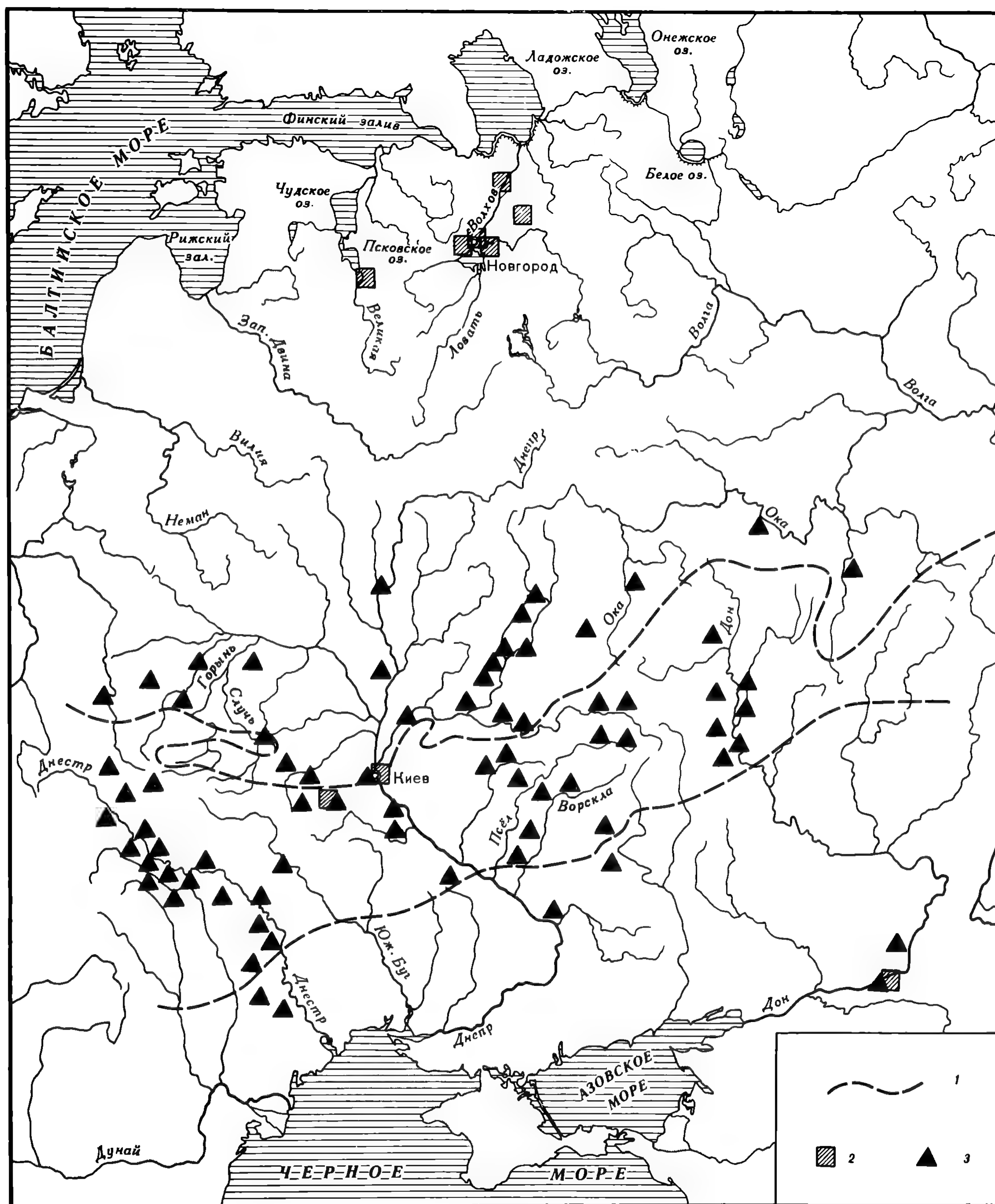


Таблица 36. Распространение наземных и полуземляночных жилищ в IX — первой половине X в.

1 — граница лесостепи; *2* — наземные жилища; *3* — полуземлянки

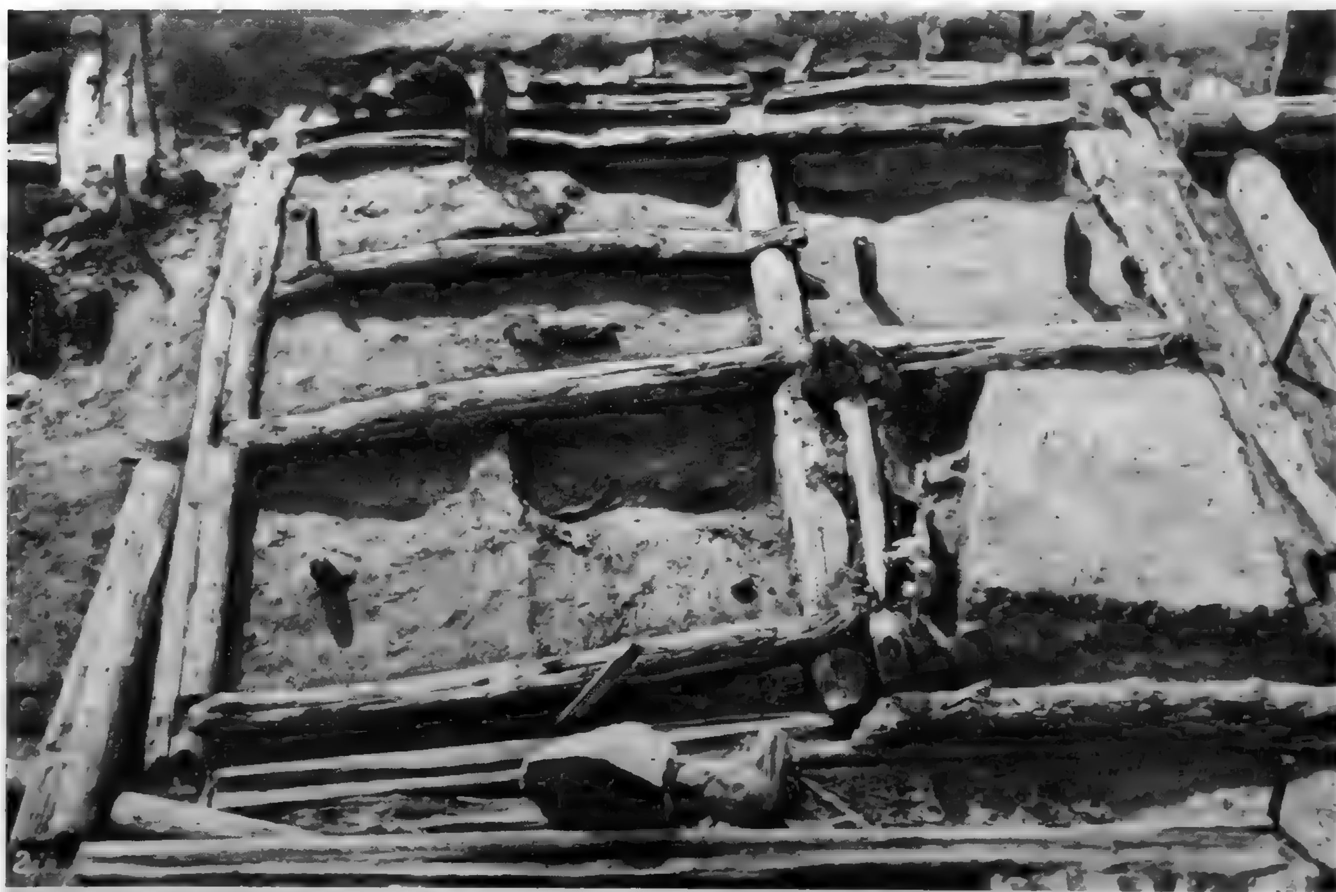


Таблица 37. Древнерусские жилища

1 — полуземляночное жилище. Городище Новотроицкое, IX в.; *2* — наземное жилище. Малое городище в Торопце XII в.

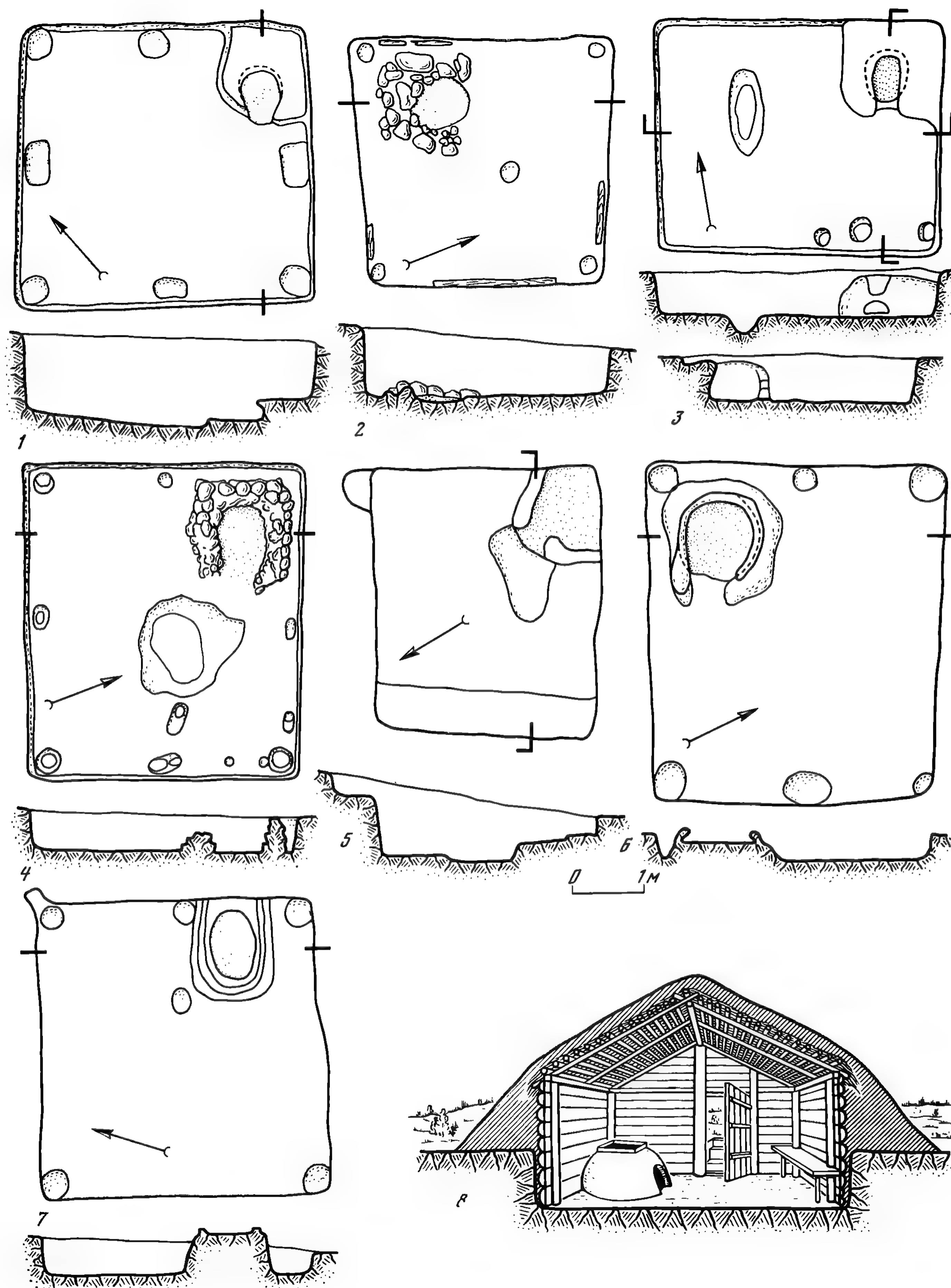


Таблица 38. Полуземляночные жилища

1 — Новотроицкое городище IX в.; *2* — Алчедар, X—XI вв.; *3* — Владимир-Волынский, Белые берега, X в.; *4* — Галич (с. Крылос), Окольный город, X—XI вв.; *5* — Родень (Княжа Гора), XII—XIII вв.; *6* — Чучин (Щучинка), XII—XIII вв.; *7* — Кичкас, XII—XIII вв.; *8* — реконструкция полуземляночного жилища X—XI вв.

Таблица 39. Древнерусские печи

1 — печь-каменка. Крылос (древний Галич), X—XI вв.; *2* — печь, вырезанная в материке. Городище Новотроицкое, IX в.; *3* — глиняная печь. Городище Острожец, конец X—XI вв.

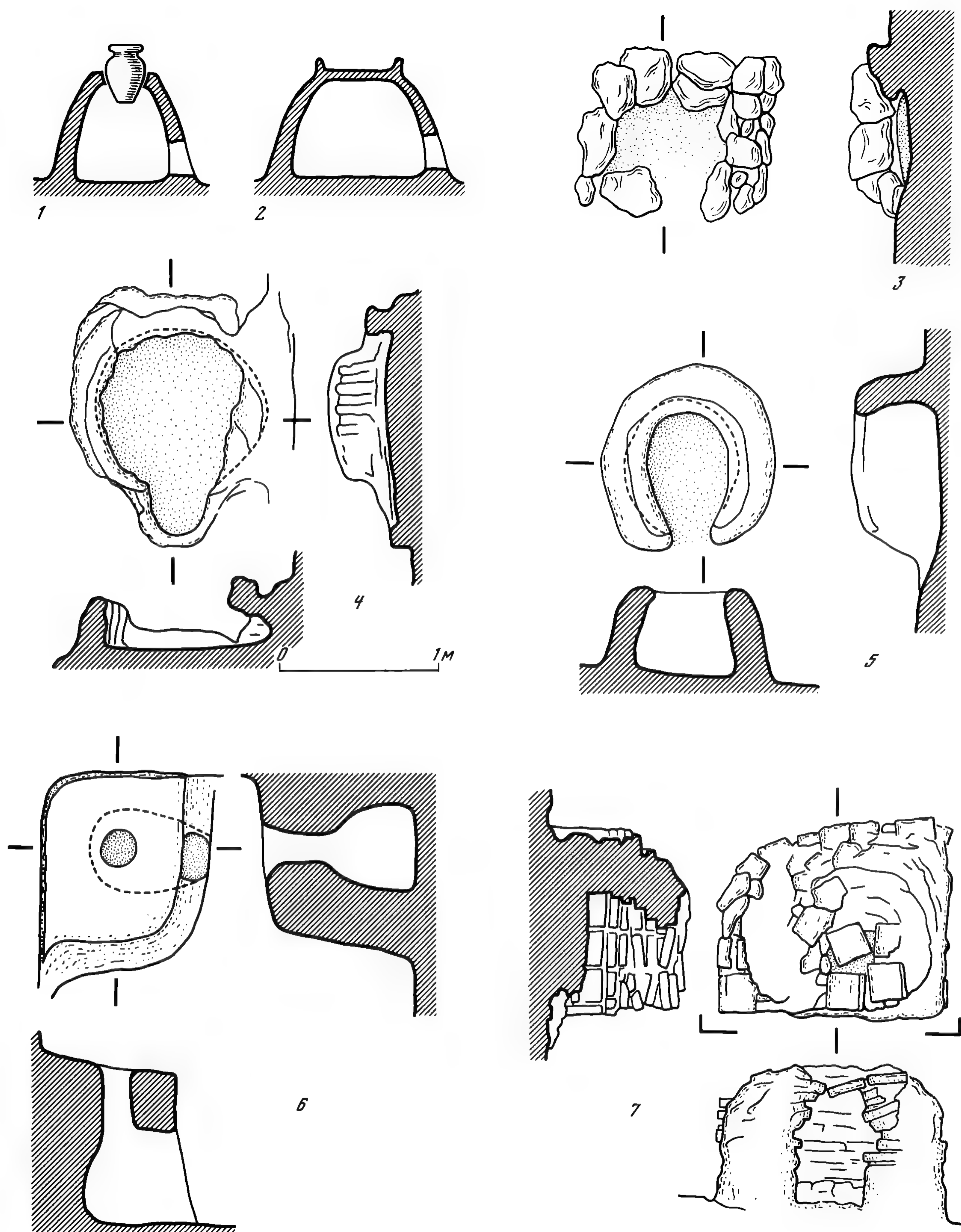


Таблица 40. Печи

1 — глинобитная печь с отверстием в своде; *2* — глинобитная печь с жаровней; *3* — печь-каменка. Григоровка, IX—X вв.; *4* — глинобитная печь с каркасом. Переяславль (Переяслав-Хмельницкий), XII—XIII вв.; *5* — глинобитная печь. Лепесовка, X в.; *6* — прямоугольная глиняная печь. Новотроицкое городище, IX в.; *7* — кирпичная печь. Белая Вежа (Цимлянское городище), X—XI вв.

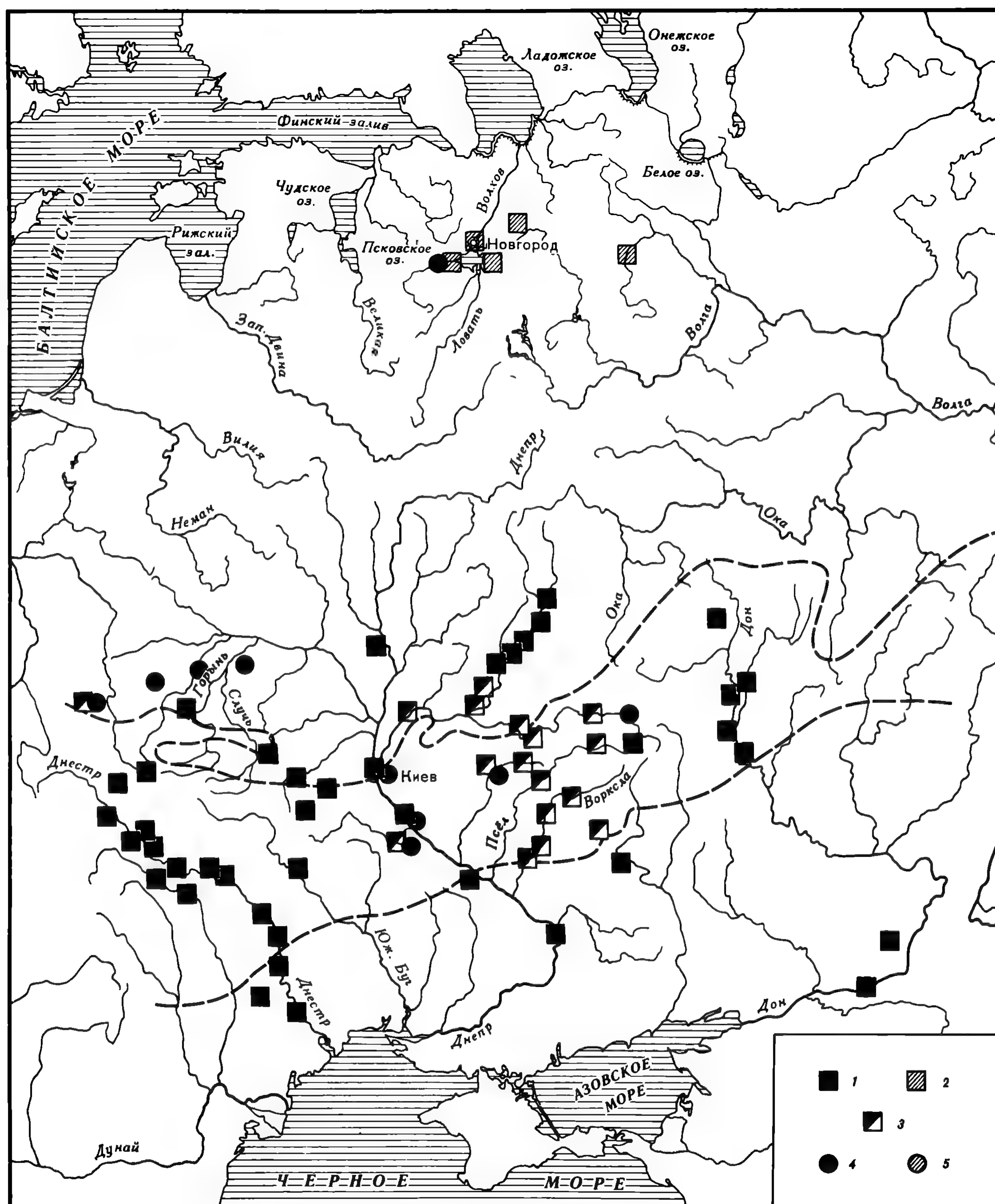


Таблица 41. Распространение типов печей в жилищах IX — первой половины X в.

1 — печь-каменка в полуземляночном жилище; *2* — печь-каменка в наземном жилище; *3* — прямоугольная глиняная печь; *4* — круглая глинобитная печь в полуземляночном жилище; *5* — круглая глинобитная печь в наземном жилище

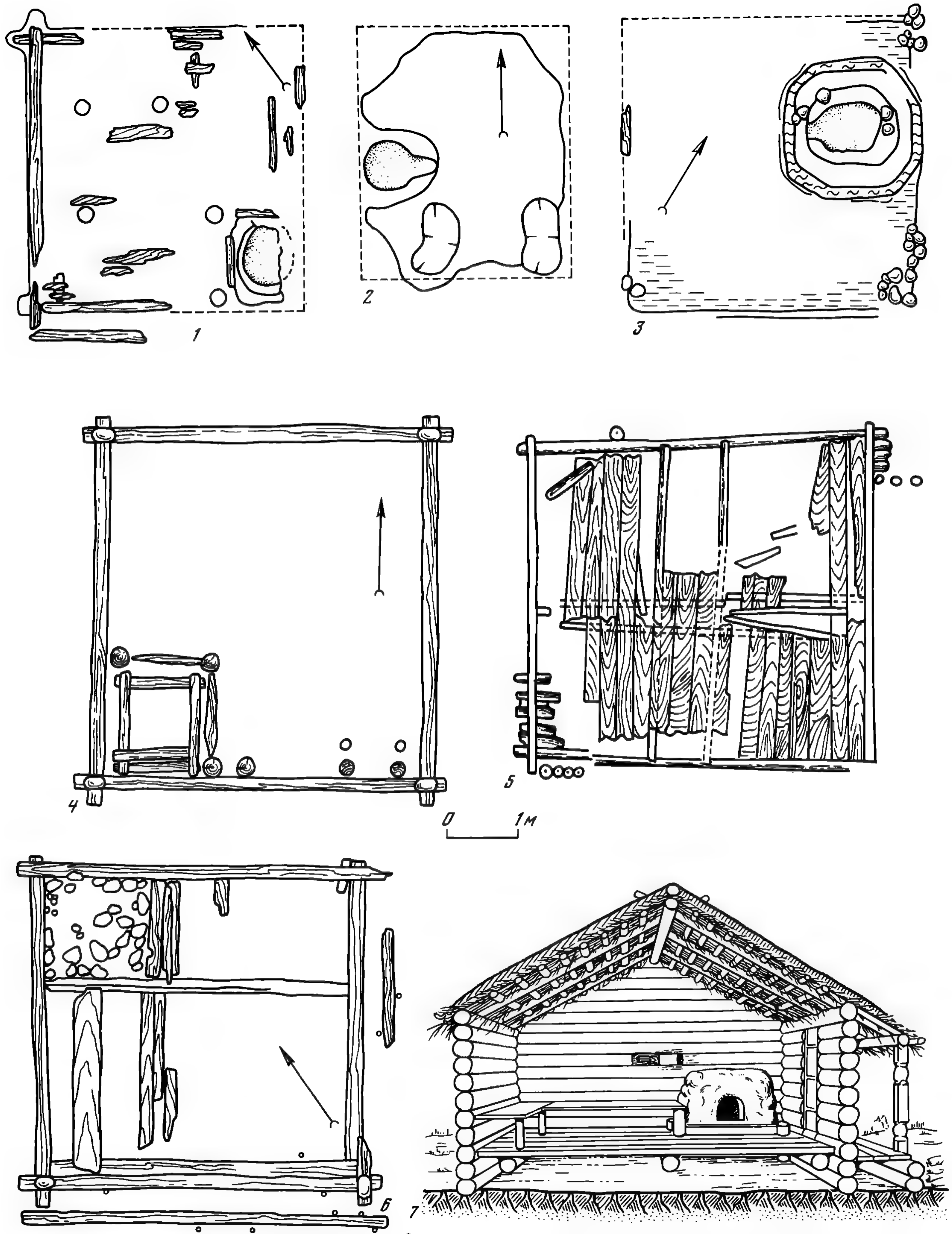


Таблица 42. Наземные жилища

1 — Старая Рязань, XII в.; *2* — Ленковецкое поселение, XII в.; *3* — городище, Осовик, XIII в.; *4* — Белоозеро, XI—XII вв.; *5* — Новгород, XIII в.; *6* — Старая Ладога, IX в.; *7* — реконструкция наземного жилища X—XI вв.

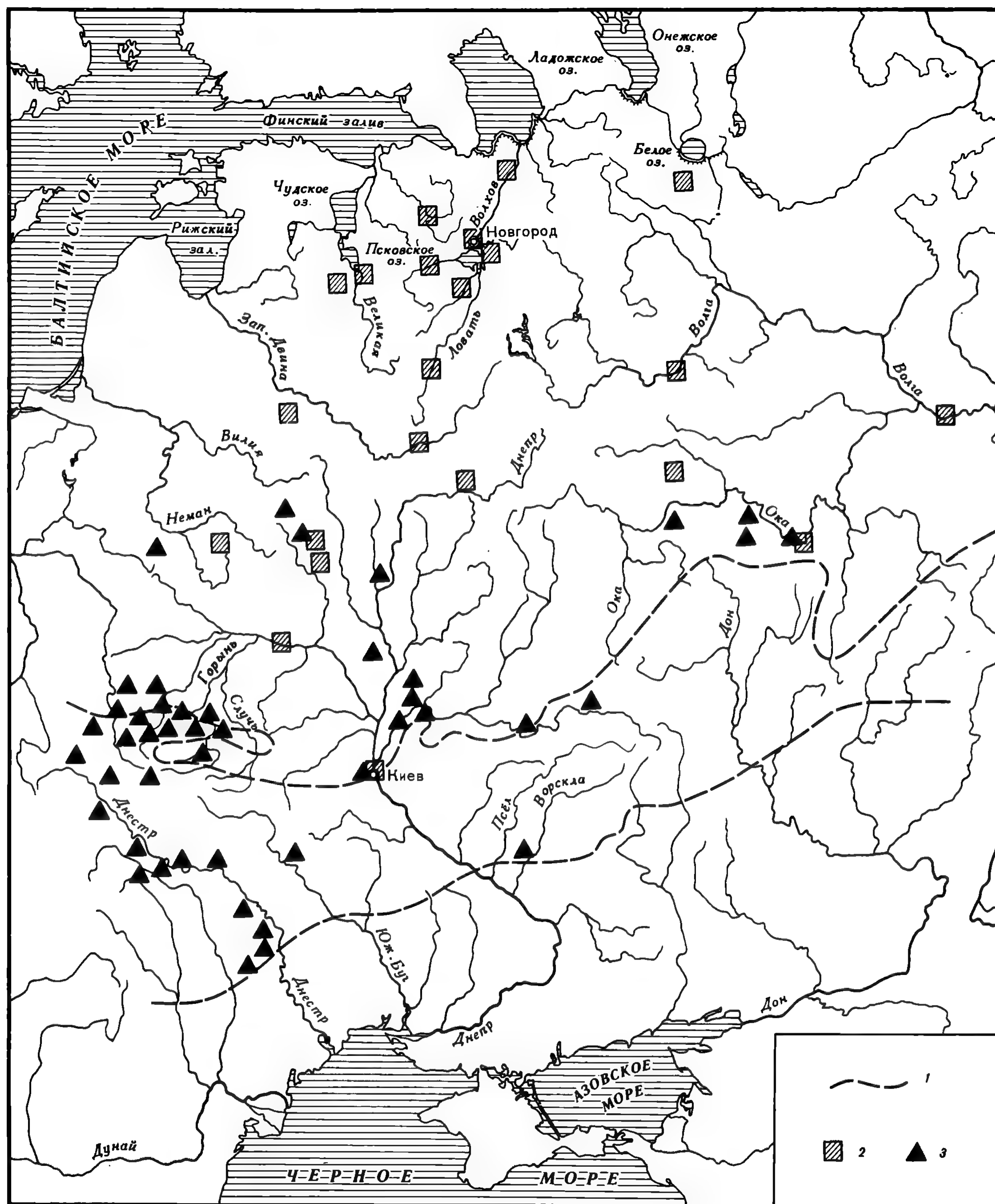


Таблица 43. Распространение наземных и полуземляночных жилищ во второй половине X — XI в.

1 — граница лесостепи; *2* — наземные жилища; *3* — полуземлянки

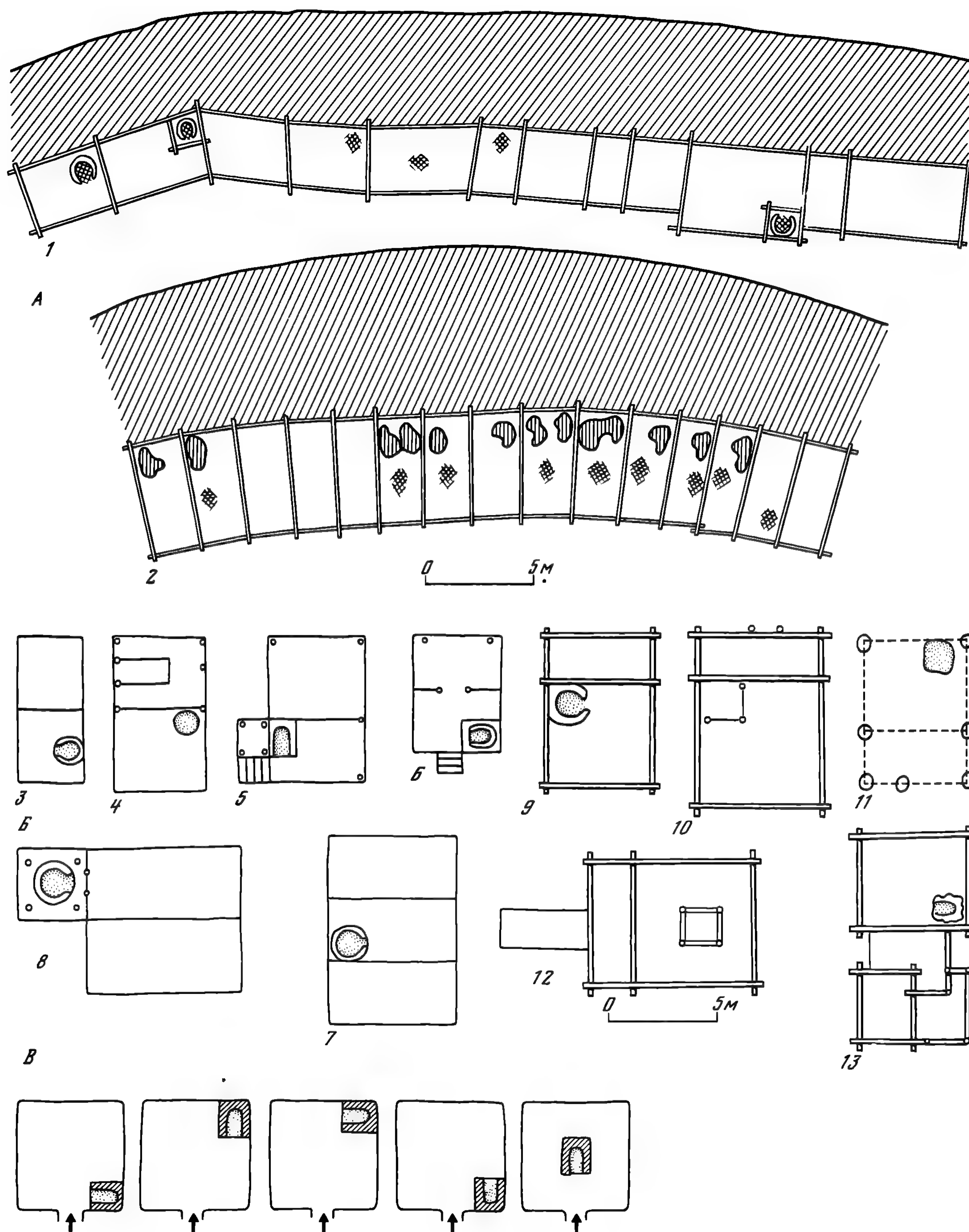


Таблица 44. Планы древнерусских жилищ

А — жилые клети в оборонительных валах
1 — Колодяжин; *2* — Лепковецкое поселение
Б — схематические планы многокамерных жилищ
3—8 — полуземляночные XII—XIII вв. (*3* — Городск, *4—5* — Белгородка, *6—7* — Киев, город Владимира, *8* — Киев, Подол); *9—13* — наземные (*9* — Киев, Подол, X в.; *10*, *12* — Новгород, XII в.; *11* — Воищина, XIII в.; *13* — Новгород, XIV в.)
В — типы плановой структуры жилищ

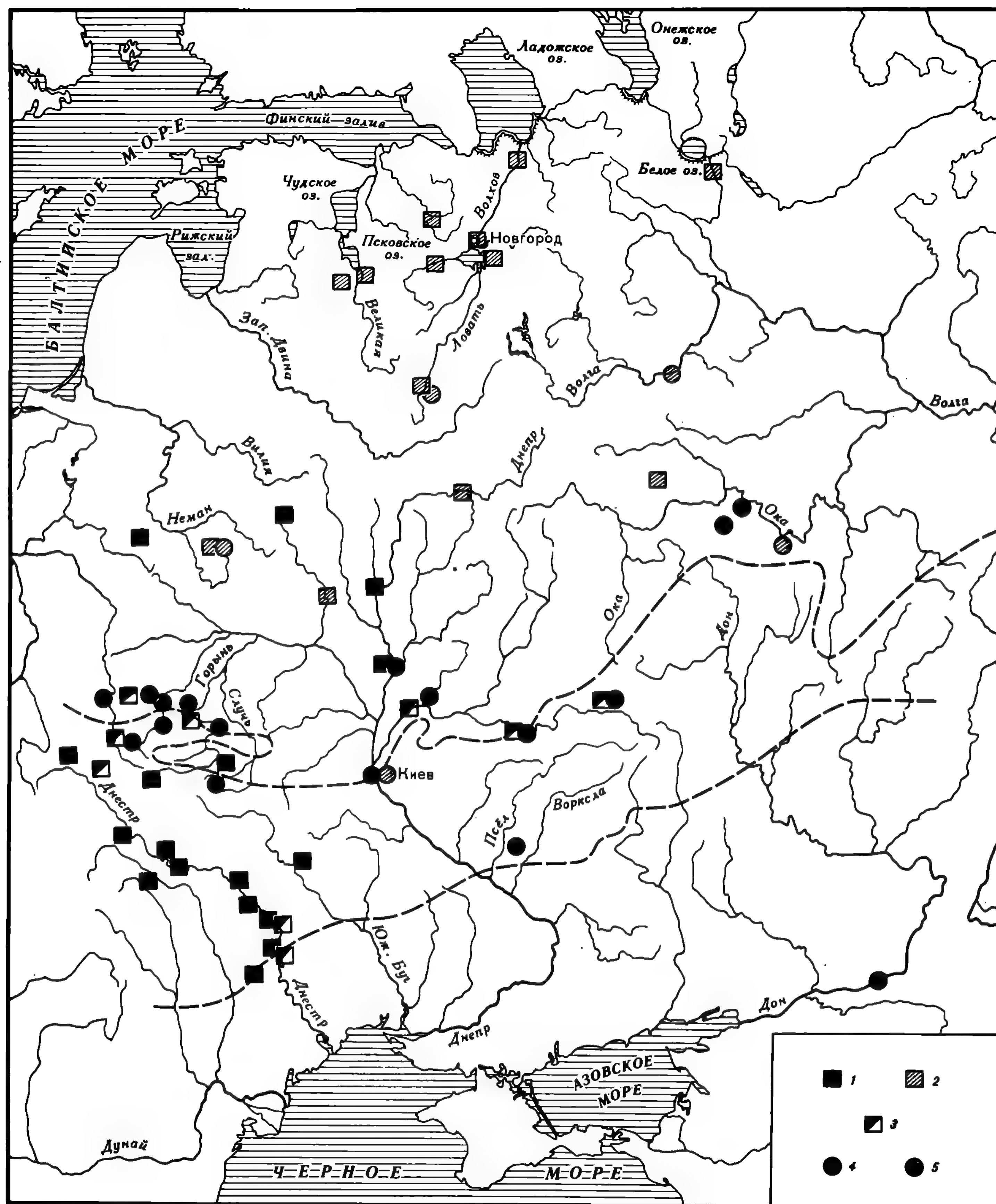


Таблица 45. Распространение типов печей в жилищах второй половины X — XI вв.

1 — печь-каменка в полуземляночном жилище; 2 — печь-каменка в наземном жилище; 3 — прямоугольная глиняная печь; 4 — круглая глинобитная печь в полуземляночном жилище; 5 — круглая глинобитная печь в наземном жилище

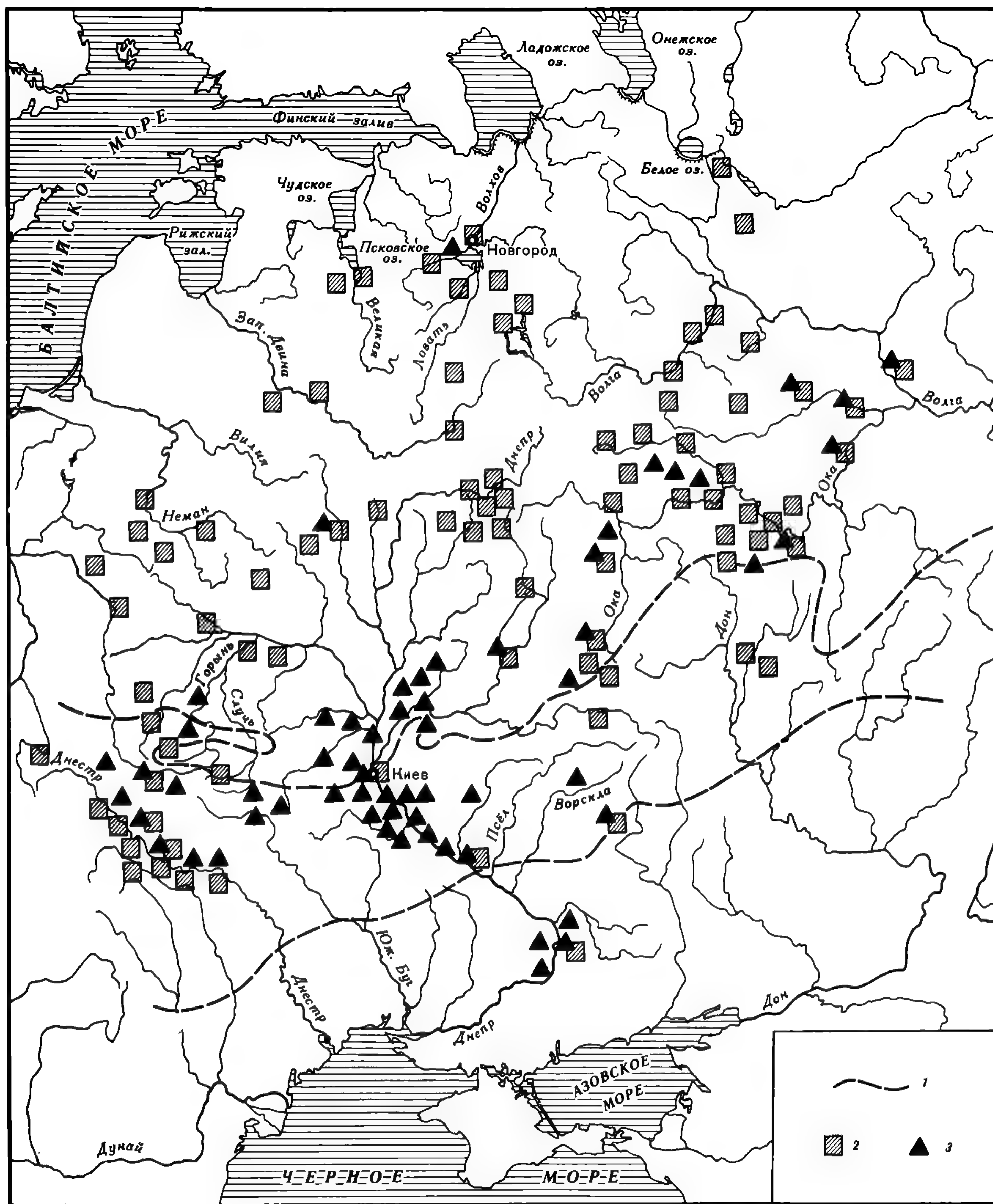


Таблица 46. Распространение наземных и полуземляночных жилищ в XII — XIII вв.

1 — граница лесостепи; *2* — наземные жилища; *3* — полуземлянки

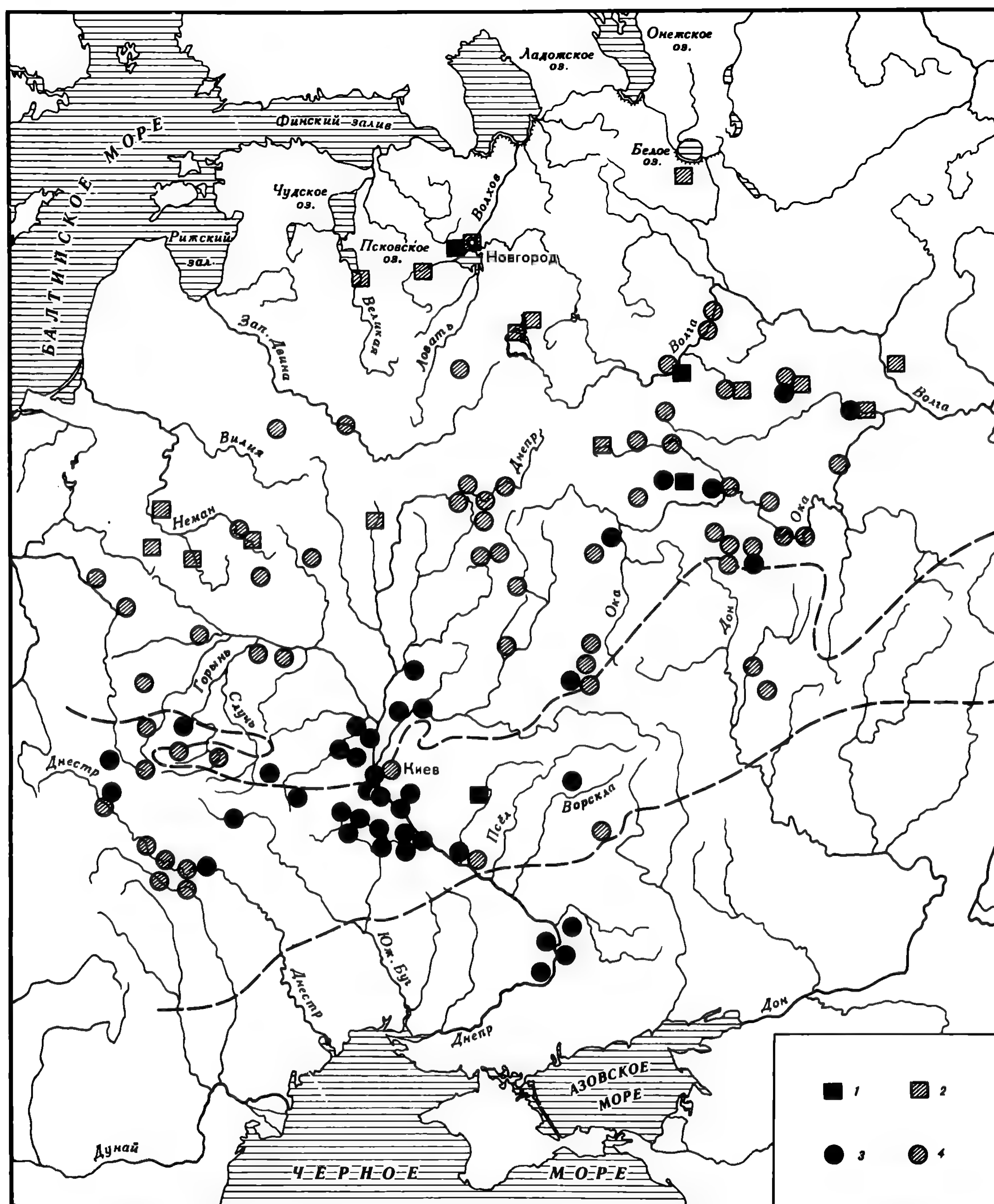


Таблица 47. Распространение типов печей в жилищах XII — XIII вв.

1 — печь-каменка в полуземляночном жилище; *2* — печь-каменка в наземном жилище; *3* — круглая глинобитная печь в полуземляночном жилище; *4* — круглая глинобитная печь в наземном жилище

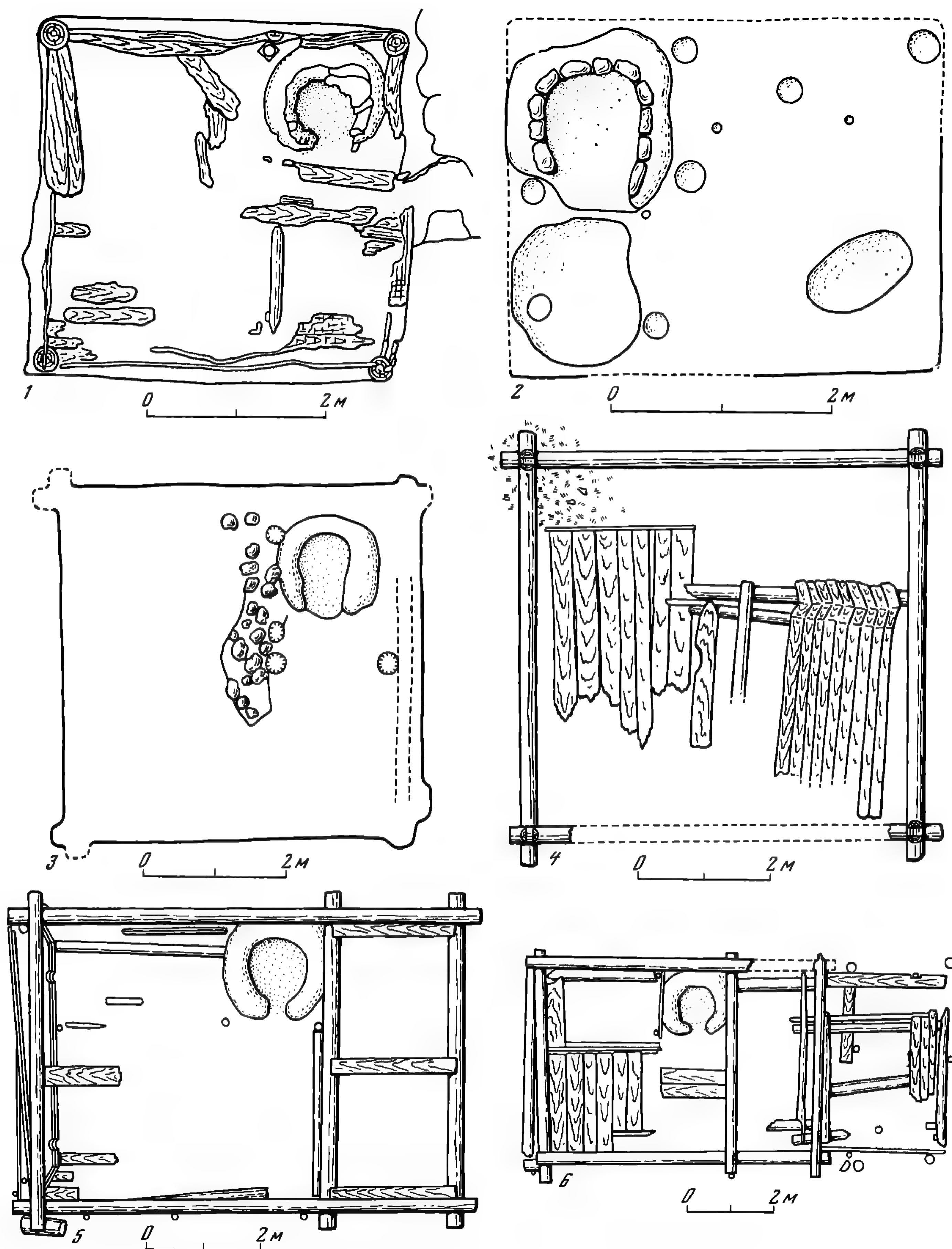


Таблица 48. Жилища древнего Киева каркасно-столбовой и срубной конструкции X — XIII вв.

1 — жилище XII—XIII вв. (Город Владимира), раскопки 1946 г.); *2* — жилище XII—XIII вв. (Город Ярослава, раскопки 1973 г.); *3* — жилище XIII в. (Город Ярослава, раскопки, 1967 г.); *4* — жилище X в. (Подол, раскопки 1972 г.); *5* — жилище XI в. (Подол, раскопки 1973 г.); *6* — жилище XII в. (Подол, раскопки 1973 г)

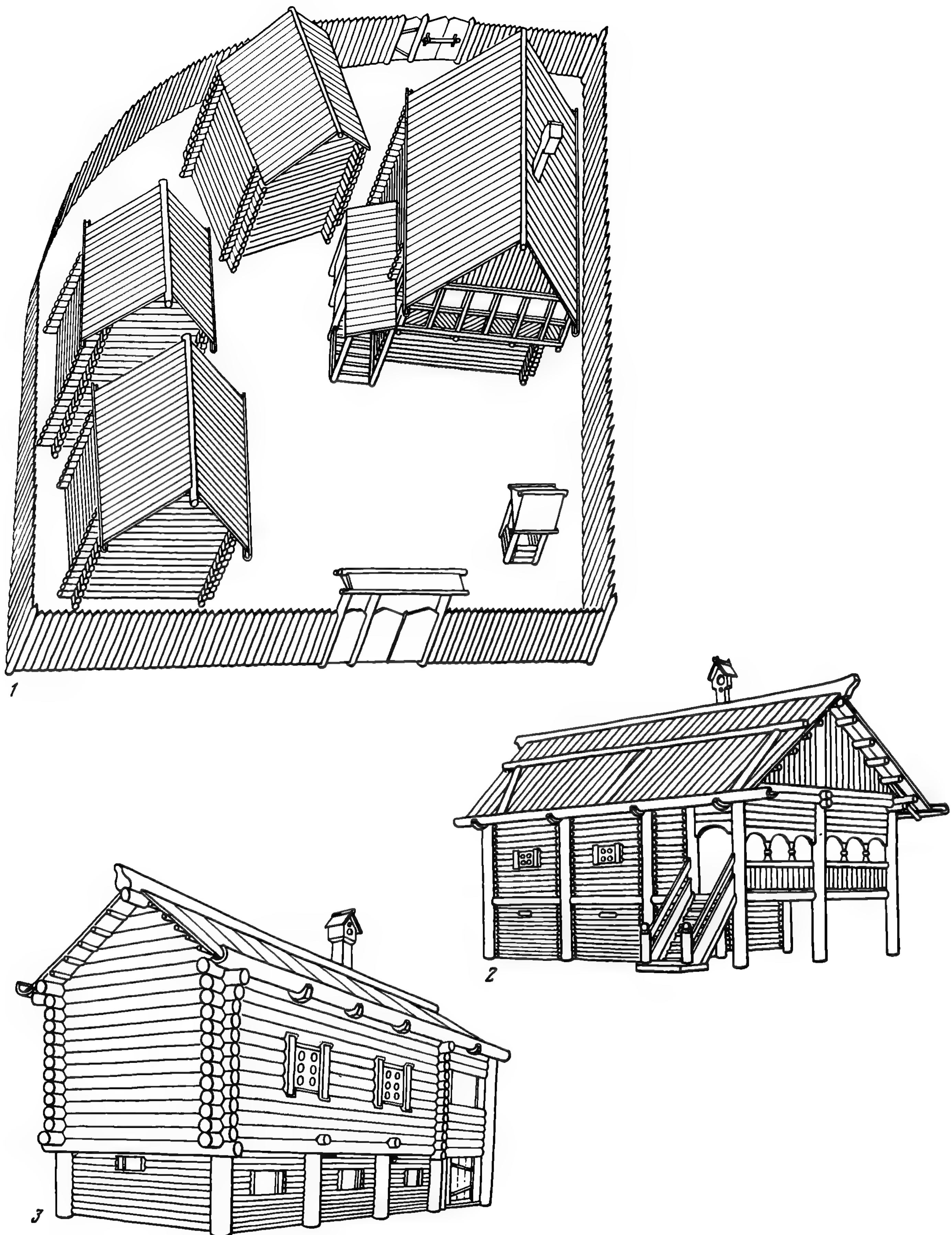


Таблица 49. Реконструкция жилищ и усадьбы древнего Киева, по П. П. Толочко и В. А. Харламову

1 — усадьба X в. (Подол); *2* — жилище XII—XIII вв. (Город Владимира); *3* — жилище XII—XIII вв. (город Изяслава-Святополка)

Таблица 50. Застройка усадьбы Новгорода XII в.

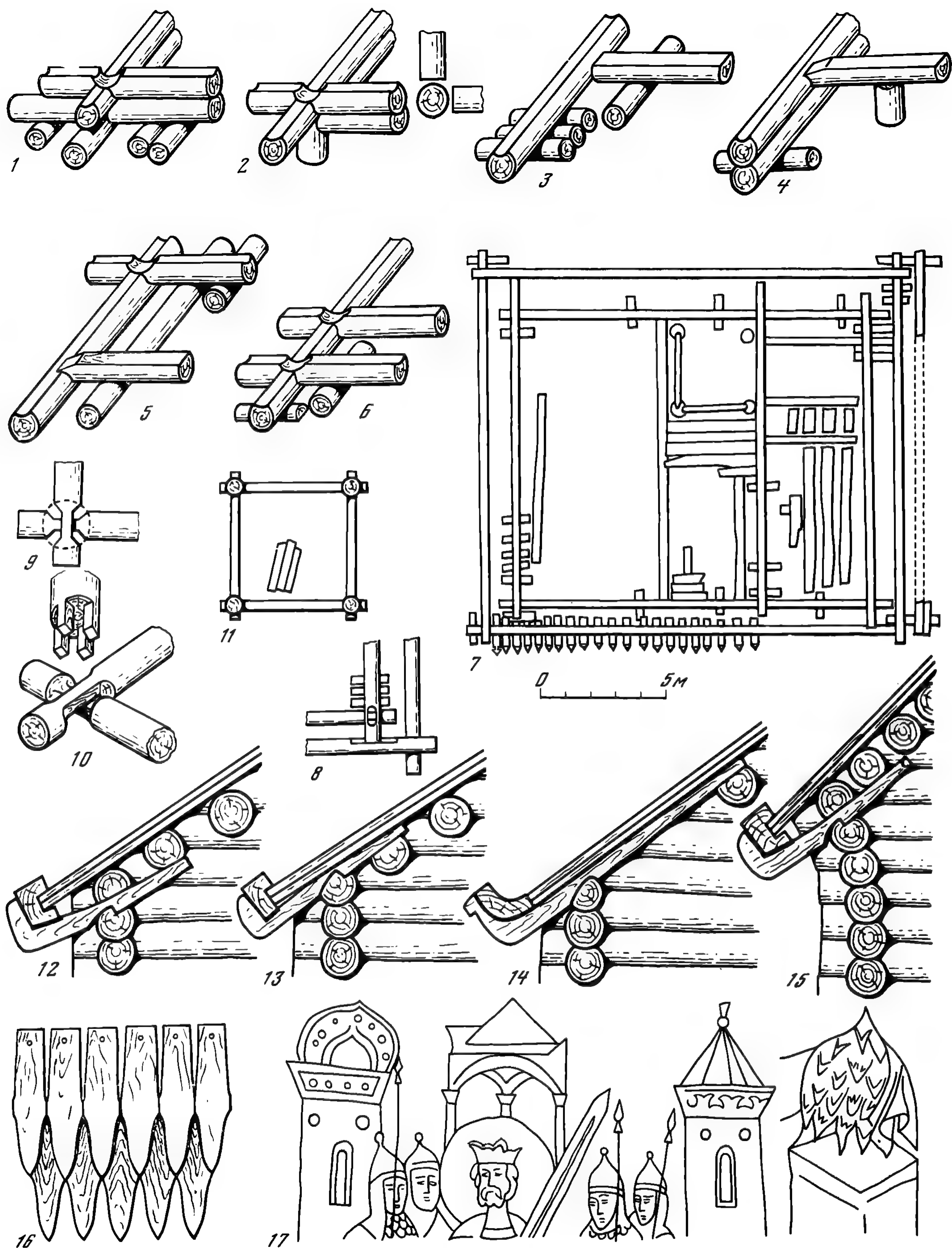


Таблица 51. Жилища Новгорода. Конструкция деревянной клети и крыши

1 — угол окладного венца на подкладках; *2* — опора угла на столб; *3* — примыкание лаги к стене; *4* — врубка лаги в стену и опора лаги на столбы; *5* — опора лаги и венца бревна на общую подкладку; *6* — врубка с остатком лаги в стену; *7* — устройство завалины; *8* — сопряжение завалины со срубом; *9, 10, 11* — крепление столбов на окладном венце; *12, 13, 14, 15* — реконструкция тесовой крыши по курице; *16* — лемех; *17* — формы крыш

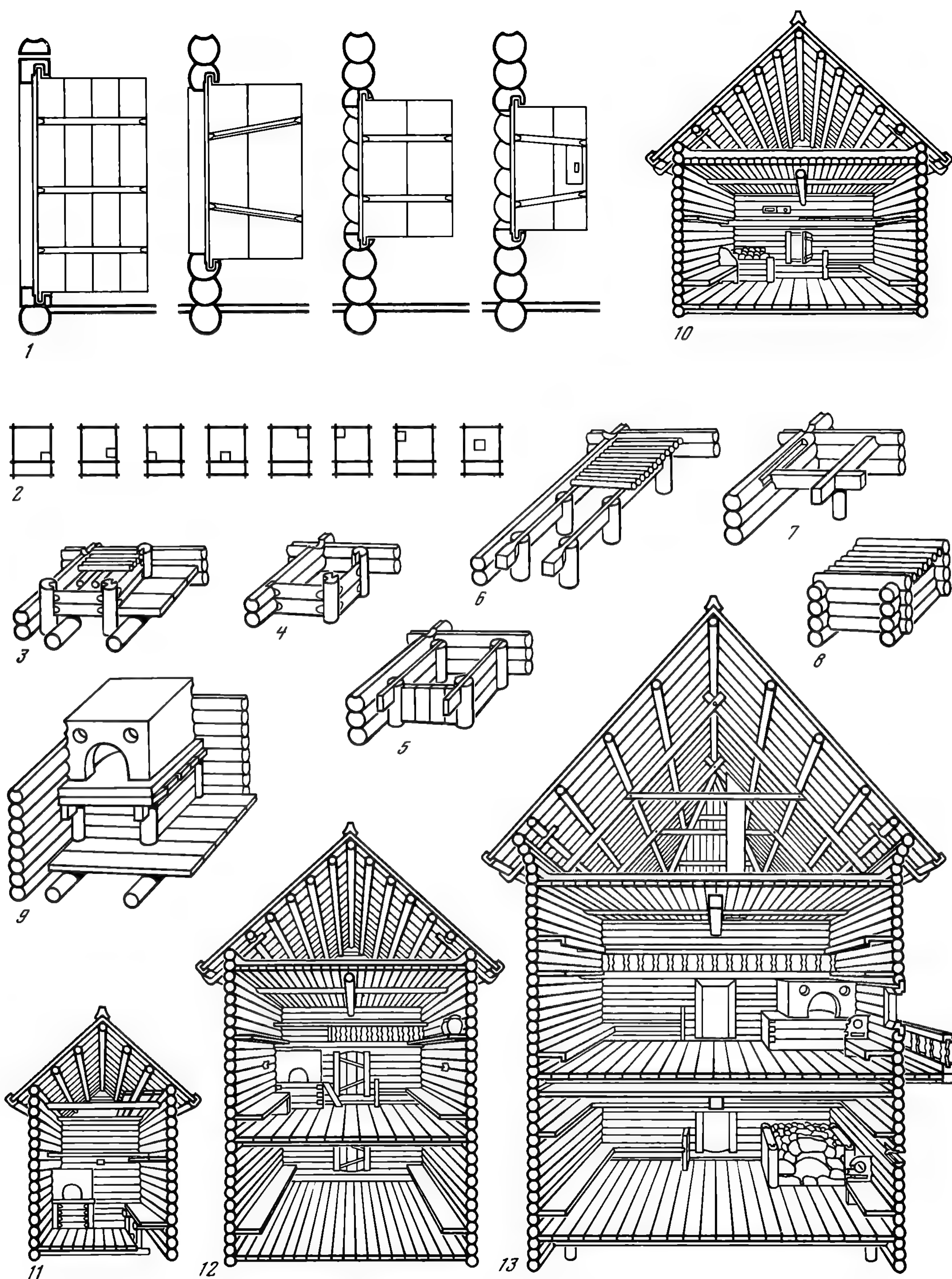


Таблица 52. Жилища Новгорода. Интерьер новгородской избы

1 — реконструкции дверных проемов; *2* — местоположение печи в избе; *3* — четырехстолбовой опечек; *4* — двухстолбовой опечек; *5* — опечек с предплечьем; *6* — опечек с мостом; *7* — одностолпный опечек; *8* — срубный опечек; *9* — реконструкция печи; *10* — реконструкция интерьера избы с каменкой; *11* — реконструкция интерьера избы; *12* — реконструкция интерьера избы на хозяйственном подклете; *13* — реконструкция избы на жилом подклете

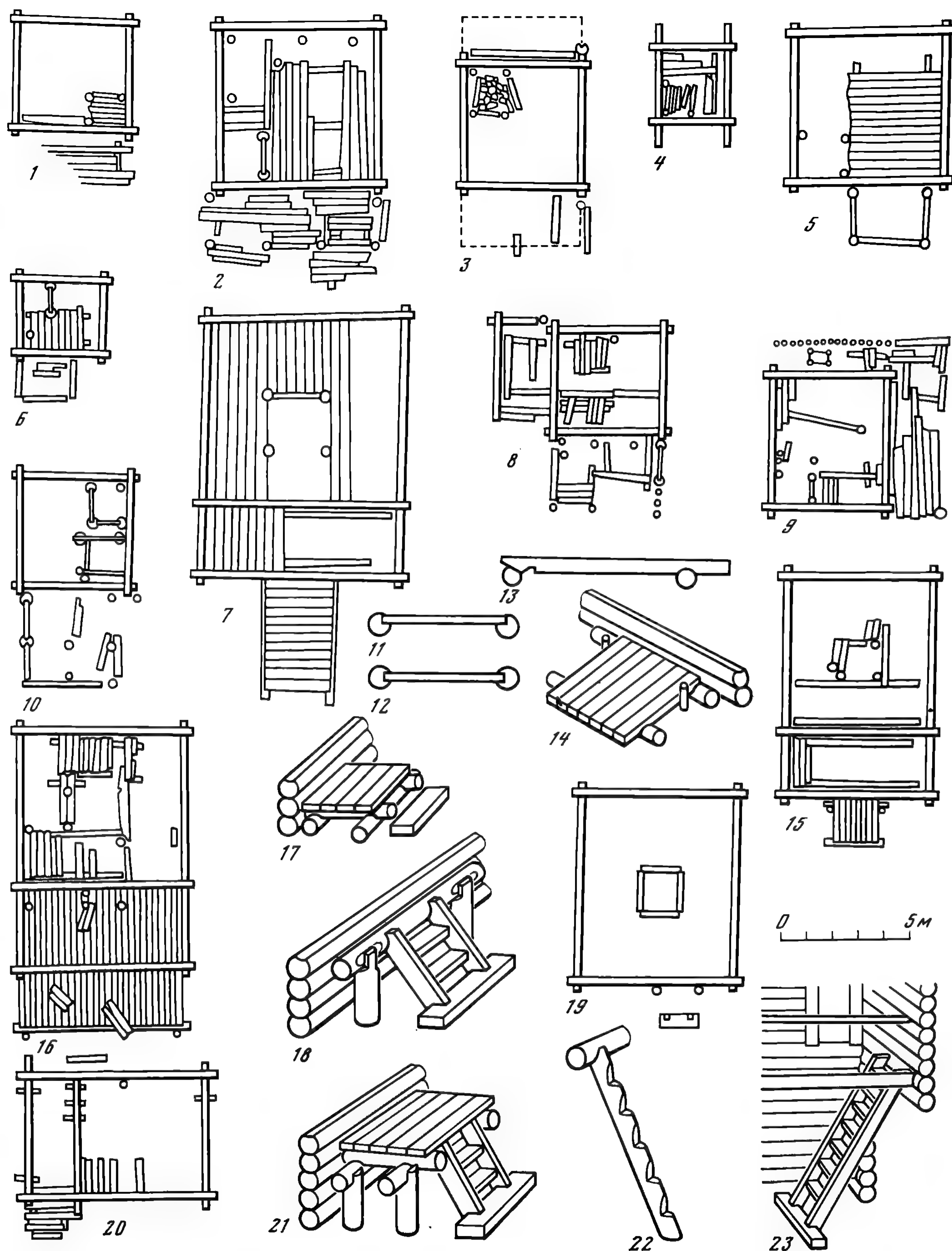


Таблица 53. Жилища Новгорода. Конструкция сеней и крылец

1 — настил перед входом; *2* — навес на столбах; *3* — сени на столбах; *4* — открытое преддверие; *5, 6* — сени трехстенные столбовые, с притвором; *7* — сени перерубом; *8* — преклет и сени; *9* — сочетание угла в обло с заборкой в столбы; *10* — сени с двумя чуланами; *11, 12* — конструкция отмостки; *13—15* — тесовая площадка; *16* — отмостка перед сенями; *17* — крыльцо; *18, 19* — безрундучный вход; *20, 21* — крыльцо; *22* — шегла; *23* — всход на тетивах

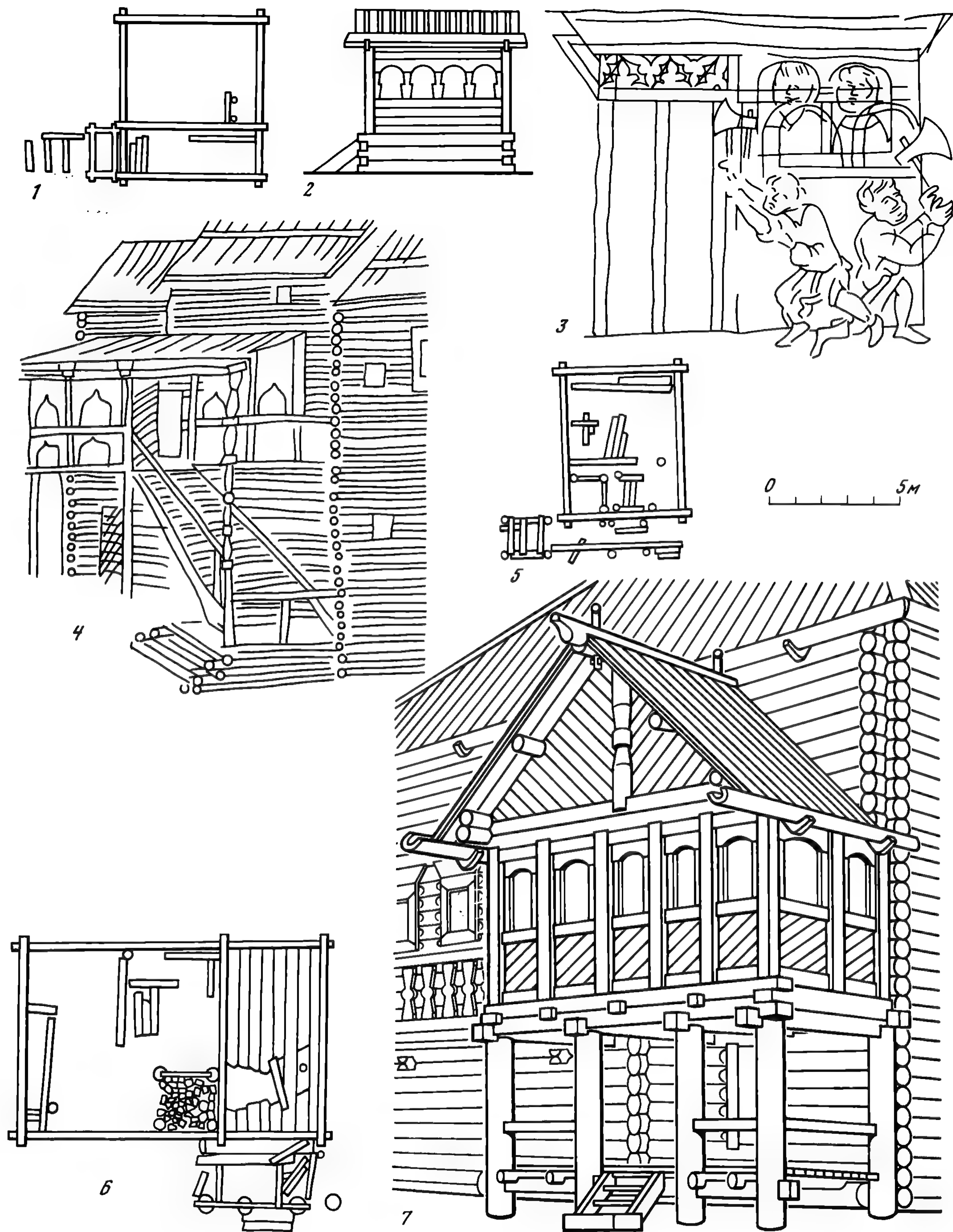


Таблица 54. Жилища Новгорода. Крыльца

1 — крыльцо со всходом и рундуком; *2* — крыльцо XIX в.; *3* — сени варяга-христианина (Радзивилловская летопись); *4* — крыльцо в посольской избе (по Меербергу); *5* — крыльцо на столбах; *6* — крыльцо с теремцом; *7* — реконструкция крыльца

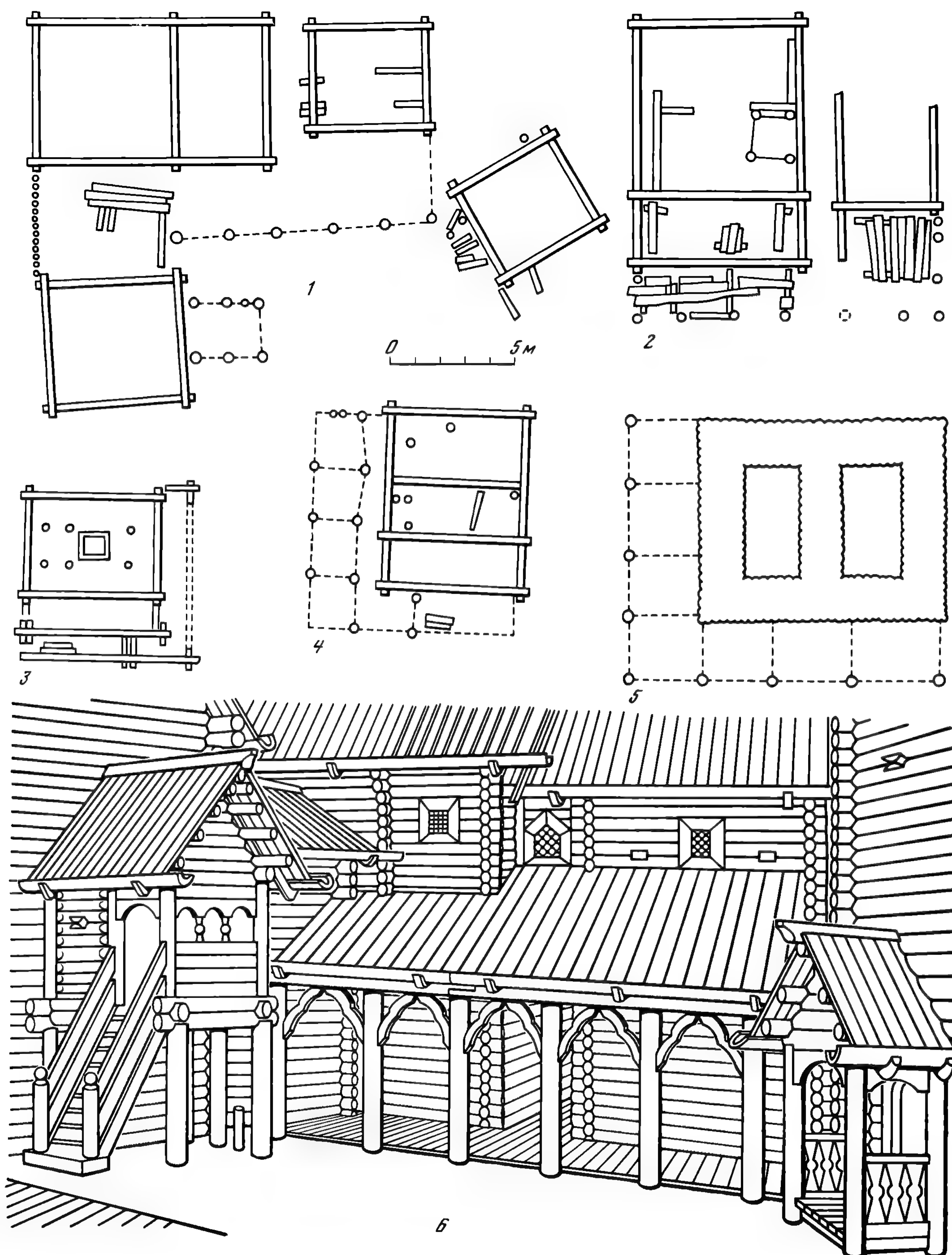


Таблица 55. Жилища Новгорода. Крыльца и галереи

1 — фрагмент двора А (ярус 14) с навесом и крыльцами; *2* — галерея для связи избы с клетью; *3* — галерея со столбами на окладном венце; *4* — обходная галерея; *5* — каменный дом Юрия Онцифоровича; *6* — реконструкция крылец и галерей

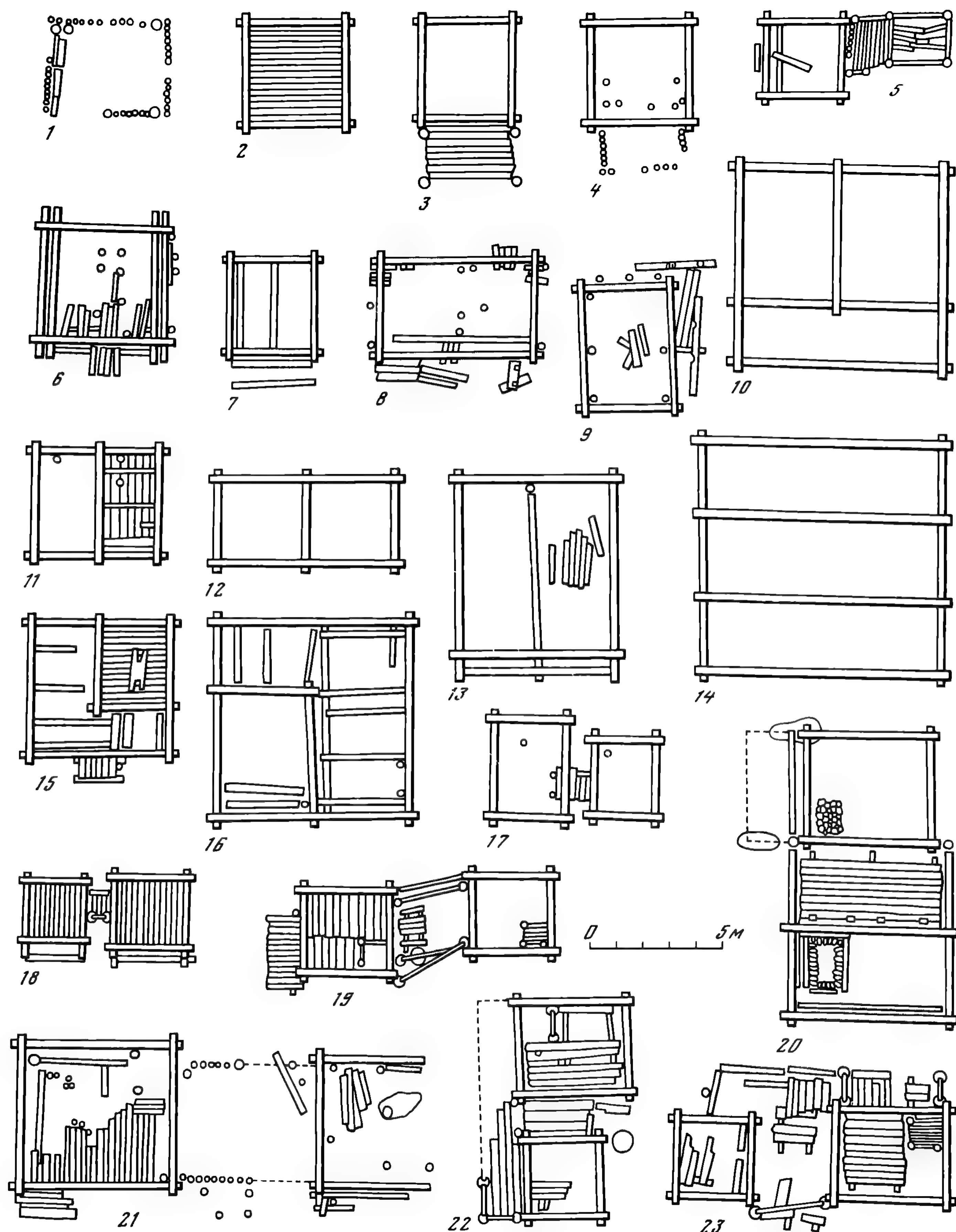


Таблица 56. Хозяйственные постройки и связи построек Новгорода

1 — навес со стенами частоколом; *2* — клеть с тесовым полом; 3 — клеть с навесом; *4* — клеть с преддверием из частокола; *5* — клеть смешанной конструкции; *6* — клеть с завалиной; *7* — клеть с отмосткой при входе; *8* — двухэтажная клеть; *9* — клеть с консольным навесом; *10* — подклеть избы-пятистенки; *11, 12* — клети-двойни; *13* — клеть двойная с навесом; *14* — шестистенок; *15, 16* — поварни; *17, 18* — связь двух клетей; *19* — связь изба-сени — изба; *20* — мастерская; *21* — сени с частоколом между избой и клетью; *22, 23* — изба-сени-клеть с притулой

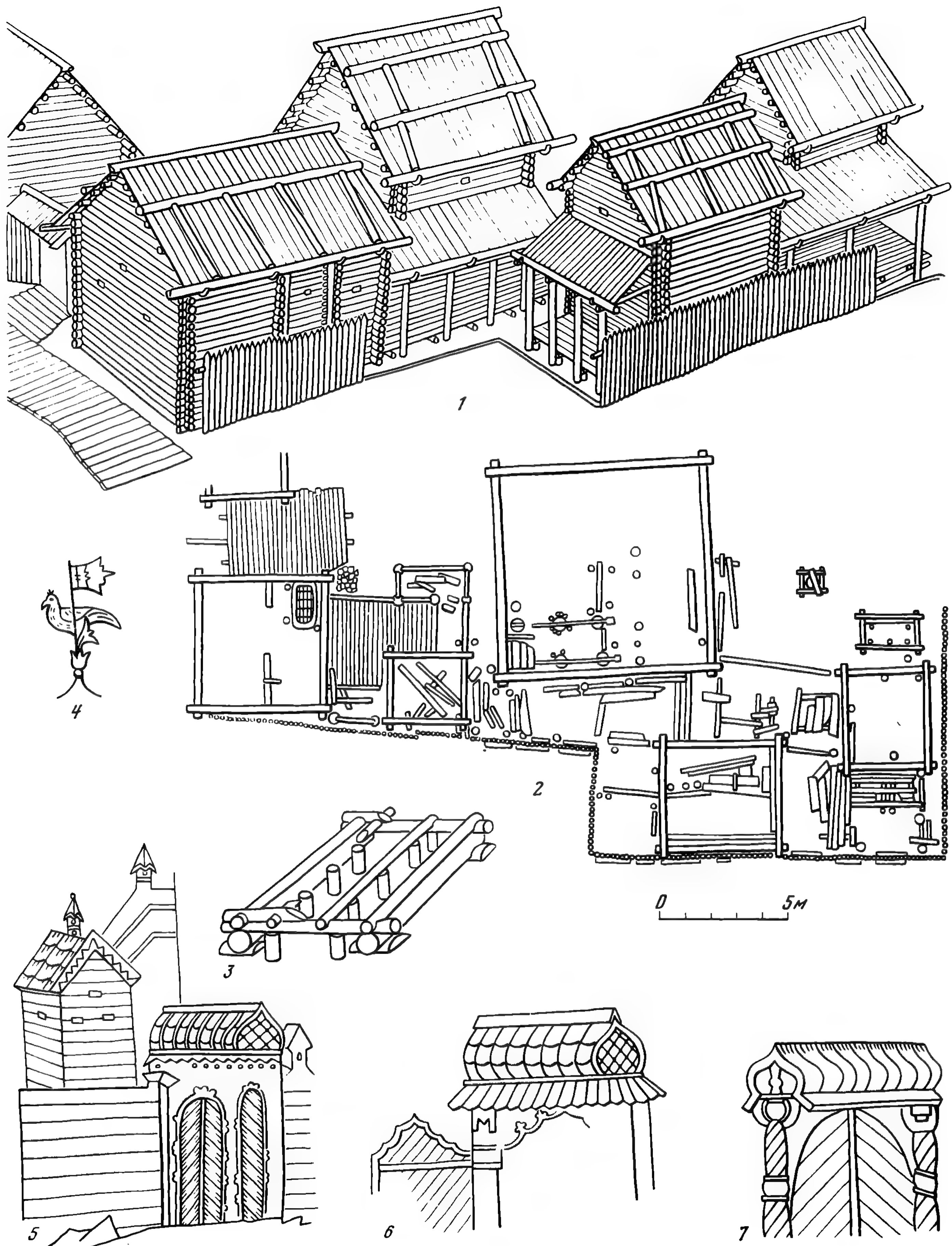


Таблица 57. Жилища Новгорода. Сложные формы связей

1—3 — хоромы и производственный комплекс; *4* — завершение крыши XV в.; *5—7* — изображение ворот в Новгородской иконописи XVI в.

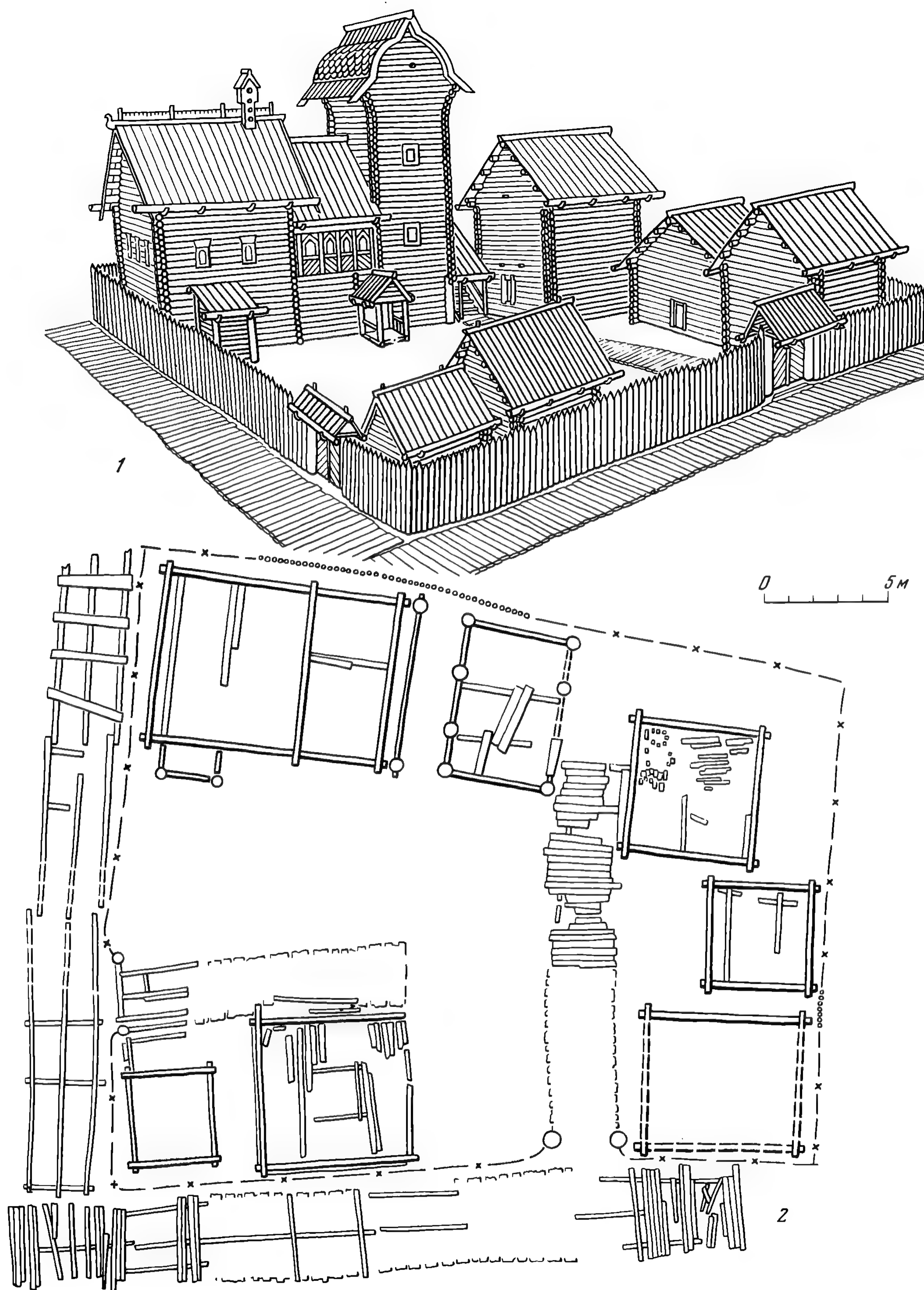


Таблица 58. Жилища Новгорода. Мастерская и хоромы Олисея Гречина, конец XII в.

1 — реконструкция; *2* — план

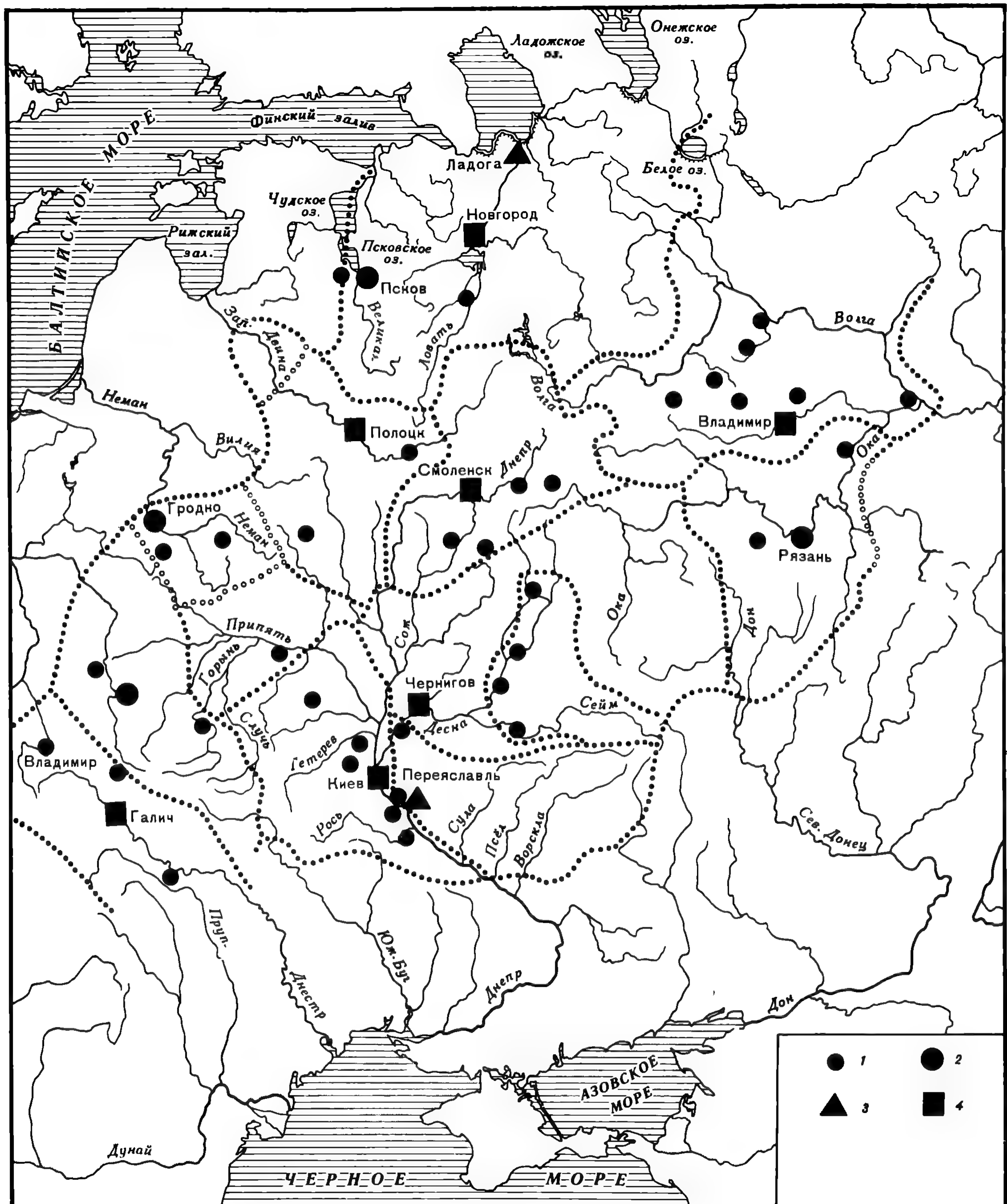
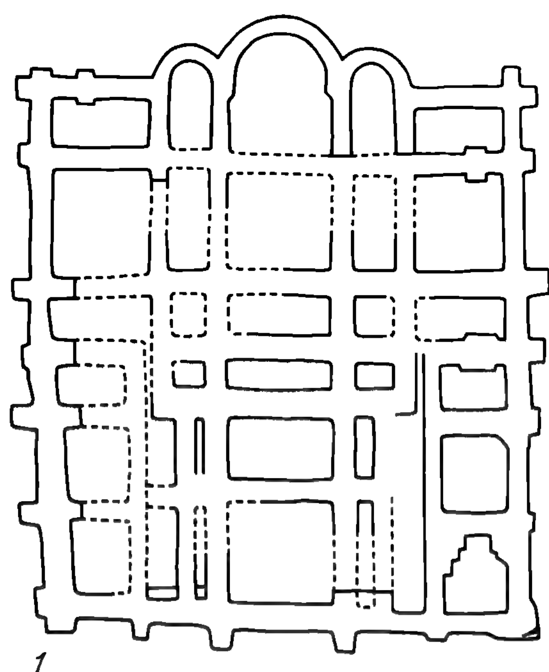
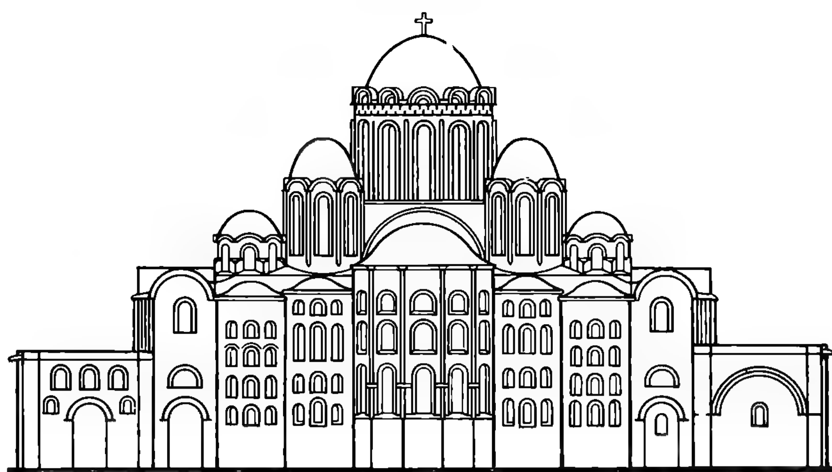
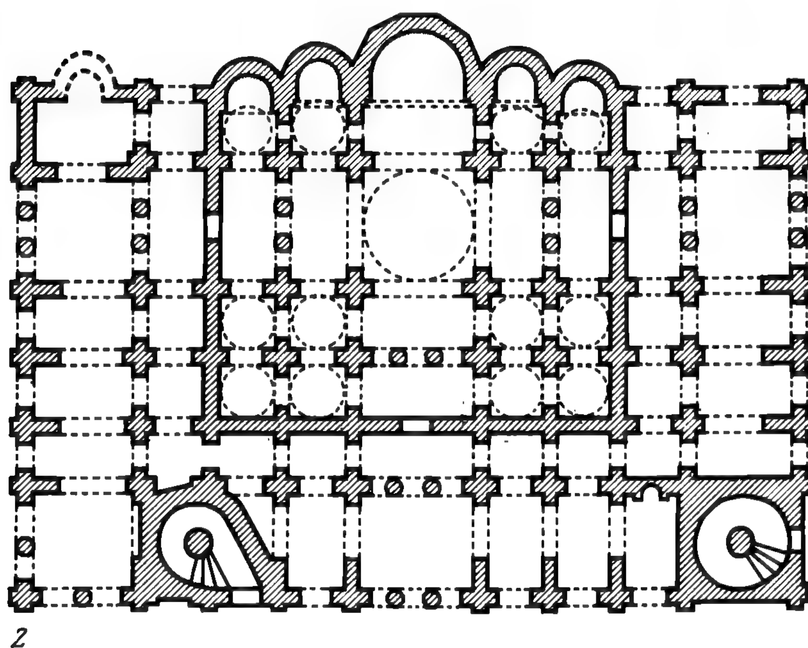


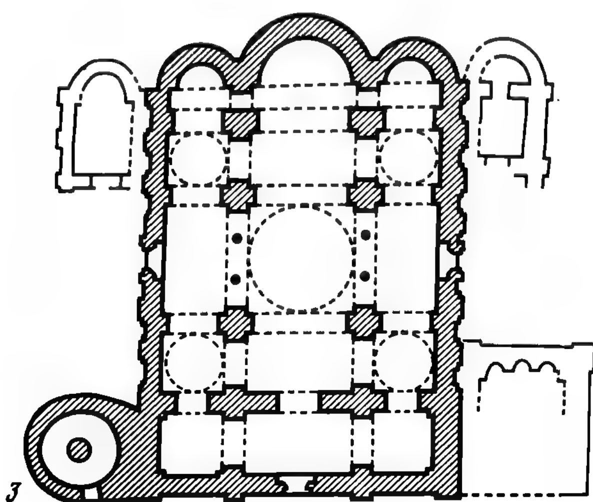
Таблица 59. Карта размещения памятников русского зодчества X — XIII вв.

Количество памятников: *1* — один—два; *2* — три—четыре; *3* — пять—девять; *4* — десять и более









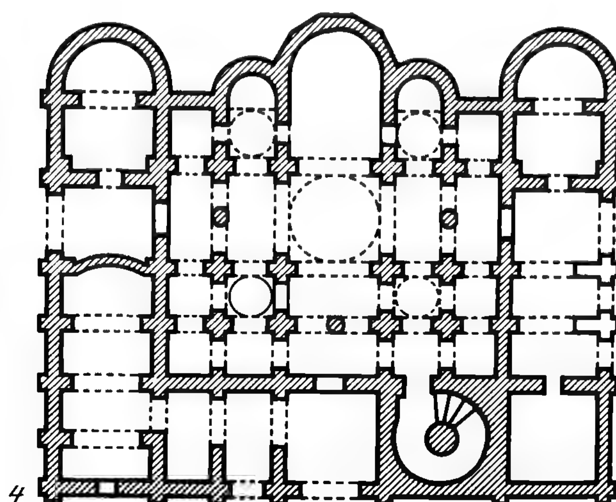


Таблица 60. Древнейшие монументальные здания Древней Руси

1 — Киев, Десятинная церковь; *2* — Киев, Софийский собор; *3* — Чернигов, Спасский собор; *4* — Новгород, Софийский собор

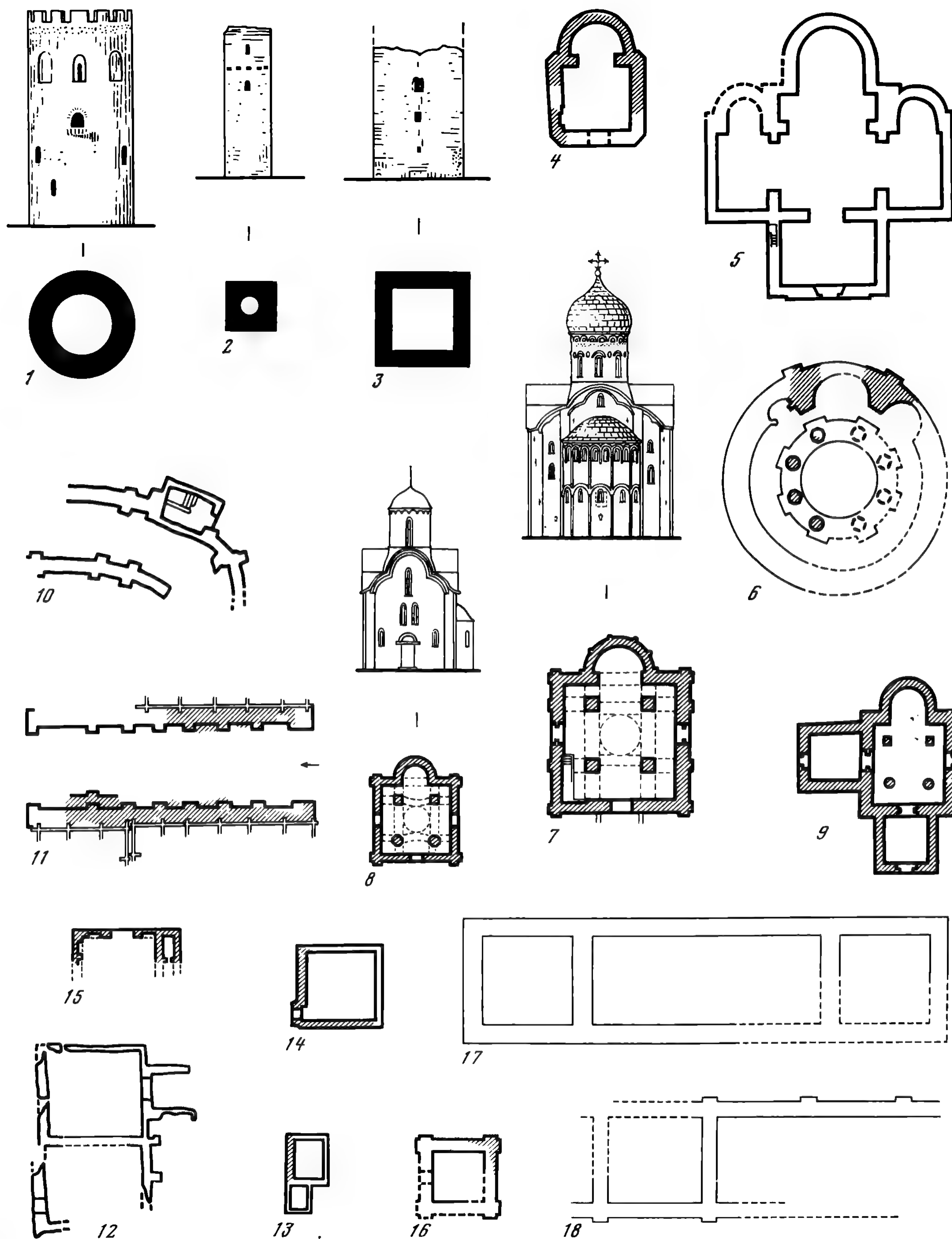


Таблица 61. Памятники архитектуры XI—XIII вв. (*1, 2, 3, 7, 8* — общий вид и план; *4—6, 9—18* — планы)

1 — башня в Каменце-Литовском; *2* — башня в Столпье; *3* — башня в Белавине; *4* — Гродно, «Верхняя» церковь; *5* — Львов, Никольская церковь; *6* — Владимир-Волынский, Михайловская церковь; *7* — Новгород, церковь Федора Стратилата; *8* — Новгород, церковь Перынского скита; *9* — Новгород, церковь Успения в Волотове; *10* — Переяславль, Епископские ворота; *11* — Киев, Золотые ворота; *12* — Переяславль, гражданская постройка (баня); *13* — Полоцк, терем; *14* — Смоленск. терем; *15* — Гродно, терем; *16* — Чернигов, терем; *17* — Киев, постройка к юго-востоку от Десятинной церкви; *18* — Киев, постройка к юго-западу от Десятинной церкви (планы даны в масштабе 1 : 500)

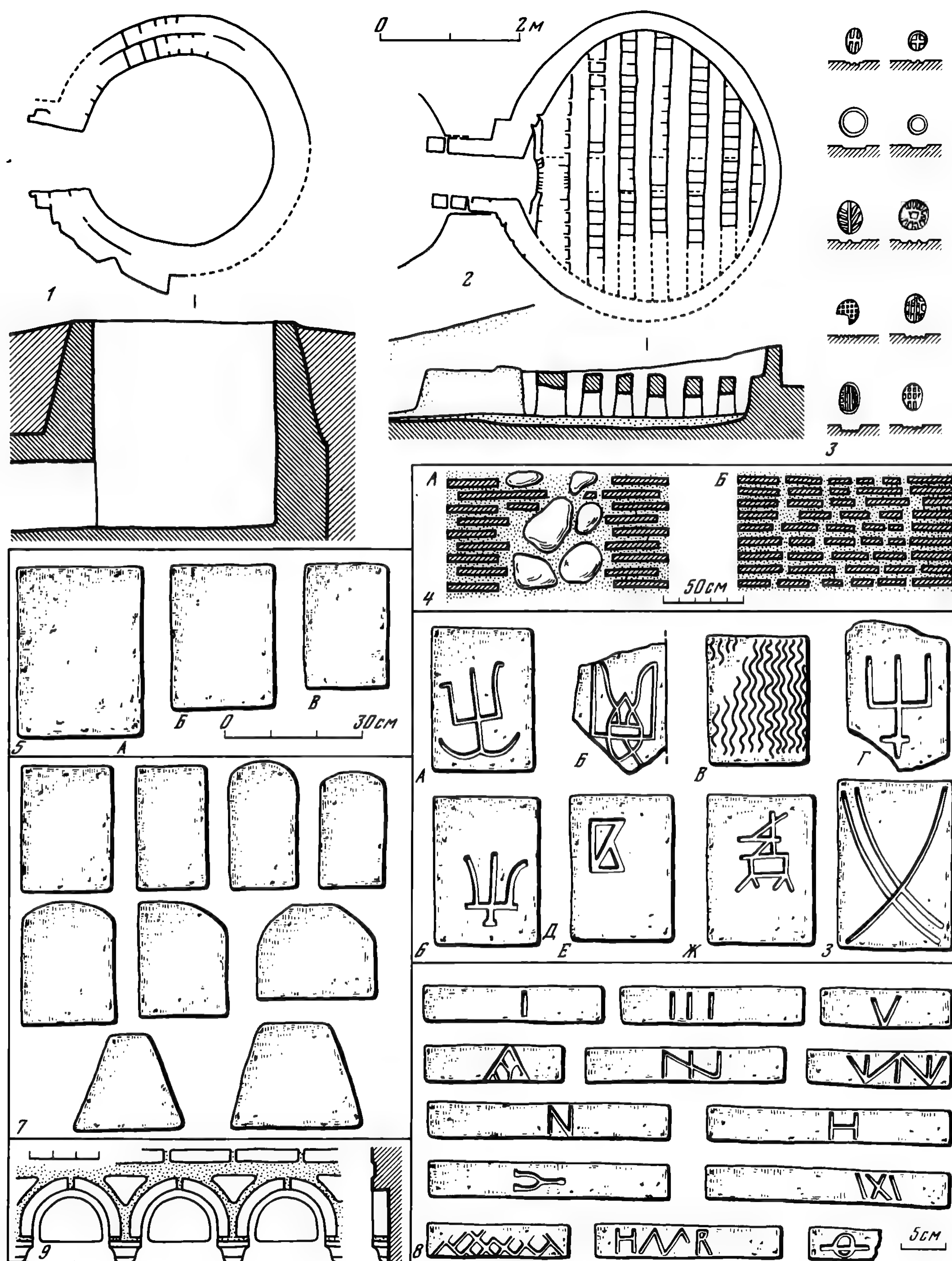


Таблица 62. Сооружения, связанные с производством строительных материалов. Архитектурные детали

1 — печь для выжигания извести. Киев, XI в.; *2* — кирпичеобжигательная печь. Смоленск, конец XII в.; *3* — клейма на кирпичах. Смоленск, Бесстолпная церковь в детинце, середина XII в.; *4* — разрез стены: *А* — кладка со скрытым рядом (XI в.); *Б* — порядковая кладка (XII в.); *5* — типичные форматы кирпича: *А* — XI в.; *Б* — XII в.; *В* — начало XIII в.; *6* — знаки и метки на постелистой стороне кирпичей: *А* — Смоленск, Борисоглебская церковь Смядынского монастыря; *Б* — Киев, Десятинная церковь; *В* — Владимир-Волынский, «Старая» кафедра»; *Г* — Владимир-Волынский. Успенский собор; *Д, Е, Ж* — Полоцк, церковь на рву; *З* — Чернигов, терем; *7* — сортамент кирпичей. Смоленск, Воскресенская церковь, начало XIII в.; *8* — знаки на торцах кирпичей. Смоленск, Собор на Протоке, конец XII в.; *9* — аркатурный пояс. Киев, Кирилловская церковь, середина XII в.

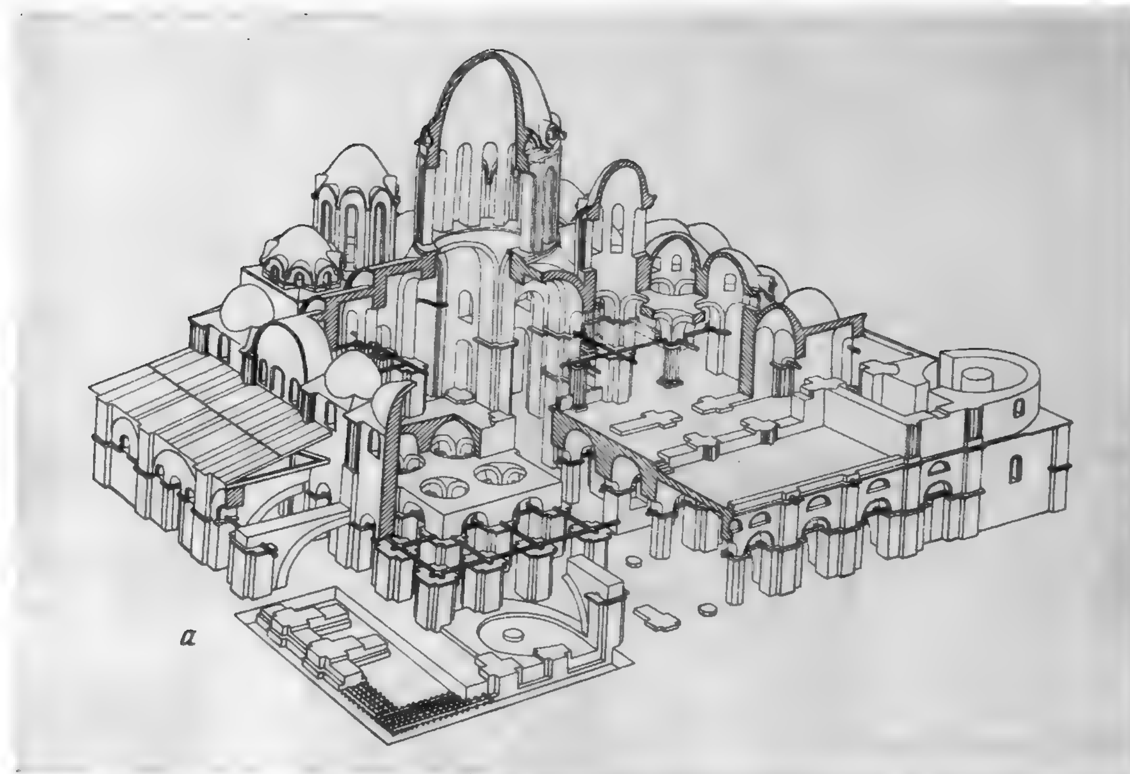


Таблица 63. Софийский собор в Киеве, середина XI в.

а — аксонометрический разрез, по Г. Н. Логвину; *б* — интерьер

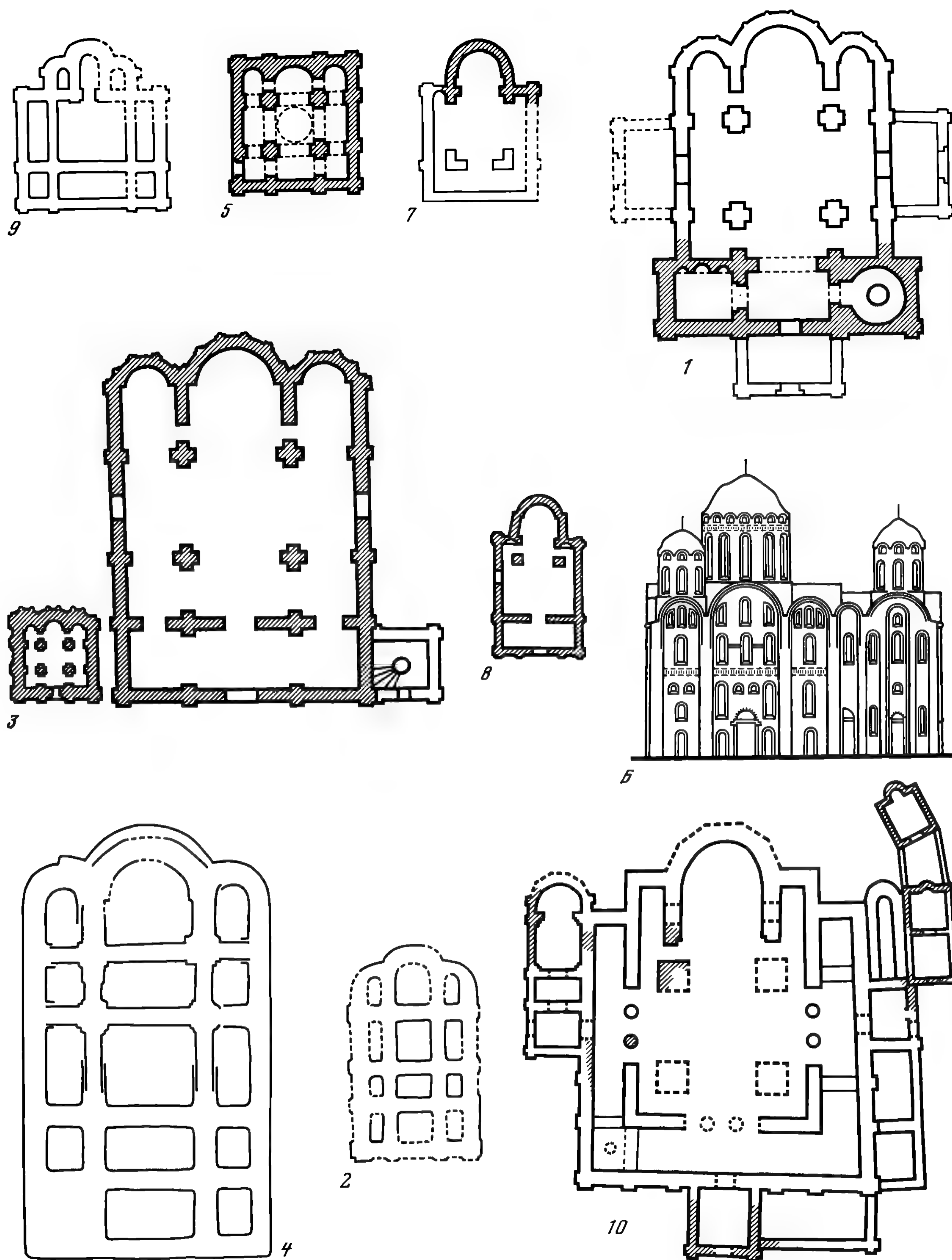
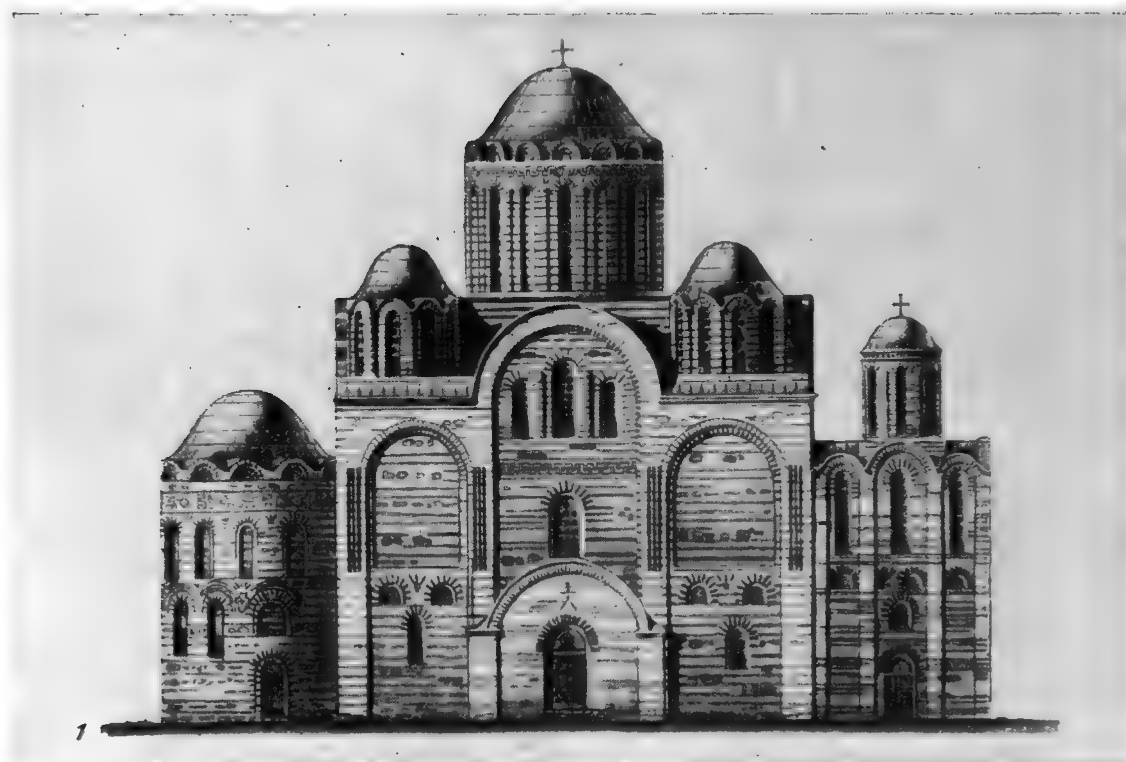


Таблица 64. Древнерусские храмы XI — XIII вв. (планы)

1 — Киев, церковь Спаса на Берестове; *2* — Киев, церковь на усадьбе Художественного института; *3* — Киев, Успенский собор Печерского монастыря; *4* — Вышгород, церковь Бориса и Глеба; *5* — Киев, Надвратная церковь Печерского монастыря; *6* — Киев, собор Михайловского Златоверхого монастыря (реконструкция Н. В. Холостенко); *7* — Остерская божница, *8* — Переяславль, Спасская церковь; *9* — Переяславль, церковь Андрея у ворот; *10* — Переяславль, церковь Михаила (планы даны в масштабе 1 : 500)



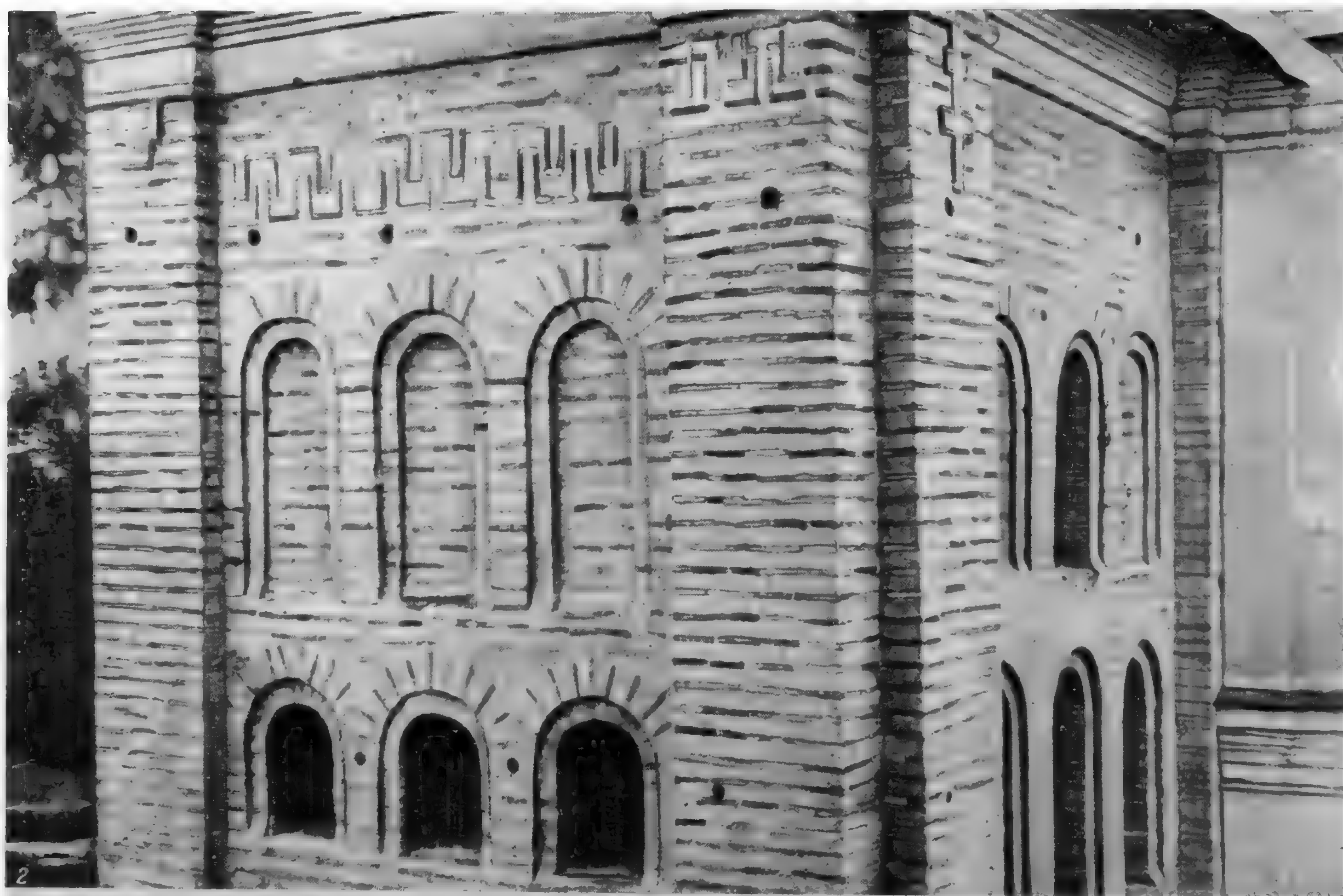


Таблица 65. Древнерусские храмы XI — XII вв.

1 — Чернигов, Спасский собор. 30-е годы XI в. Реконструкция западного фасада, по Ю. С. Асееву; *2* — Киев, церковь Спаса на Берестове, начало XII в. Фрагмент

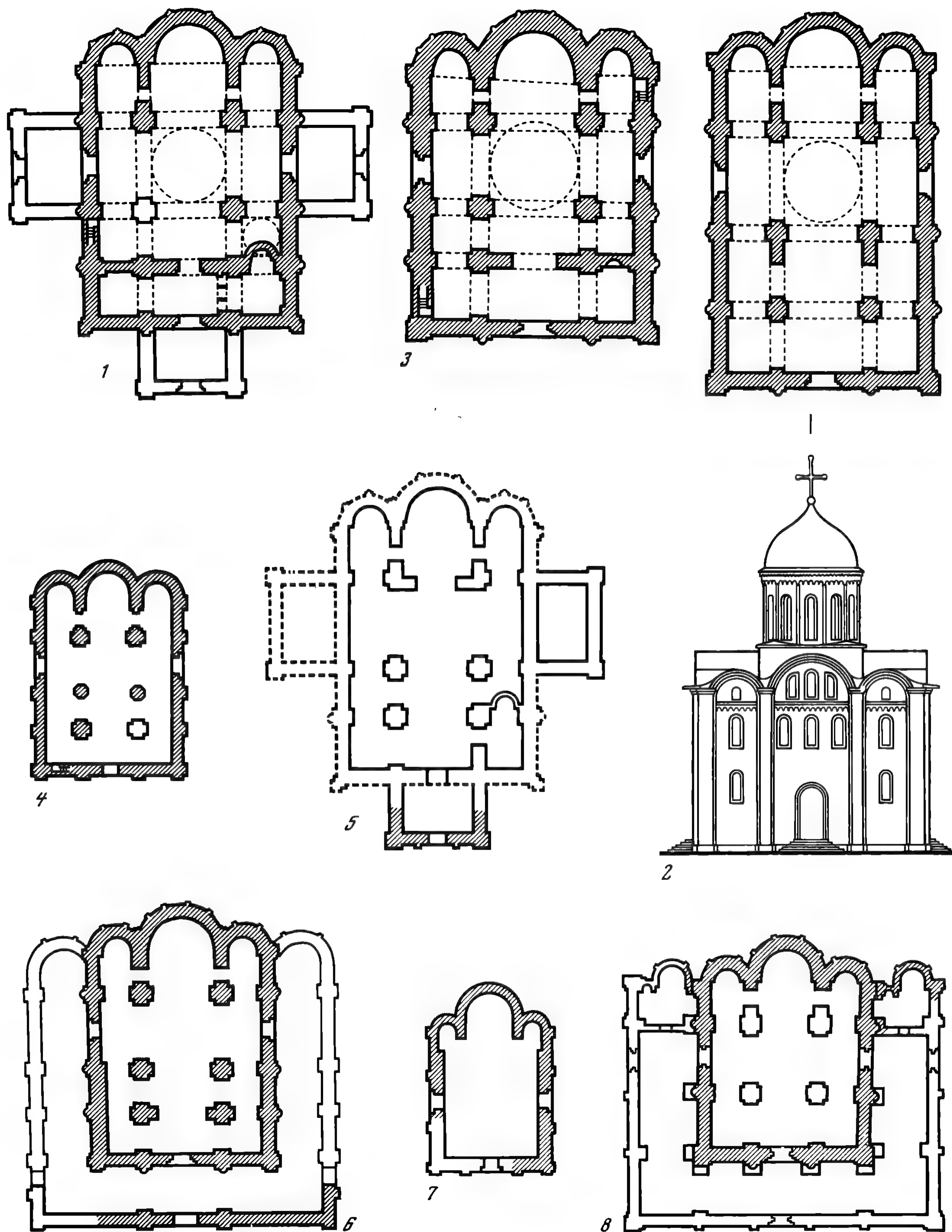


Таблица 66. Древнерусские храмы XI — XIII вв. (планы)

1 — Чернигов, Успенский собор Елецкого монастыря; *2* — Владимир-Волынский, Успенский собор; *3* — Киев, Кирилловская церковь; *4* — Переяславль, Воскресенская церковь; *5* — Старая Рязань, Борисоглебская церковь; *6* — Смоленск, Борисоглебская церковь Смядынского монастыря; *7* — Смоленск, Бесстолпная церковь в детинце; *8* — Смоленск, церковь Ивана Богослова (планы даны в масштабе 1 : 500)

Таблица 67. Древнерусские храмы XII в.

1 — Чернигов, Борисоглебская церковь, начало XII в.;
2 — Смоленск, церковь Петра и Павла, середина XII в.

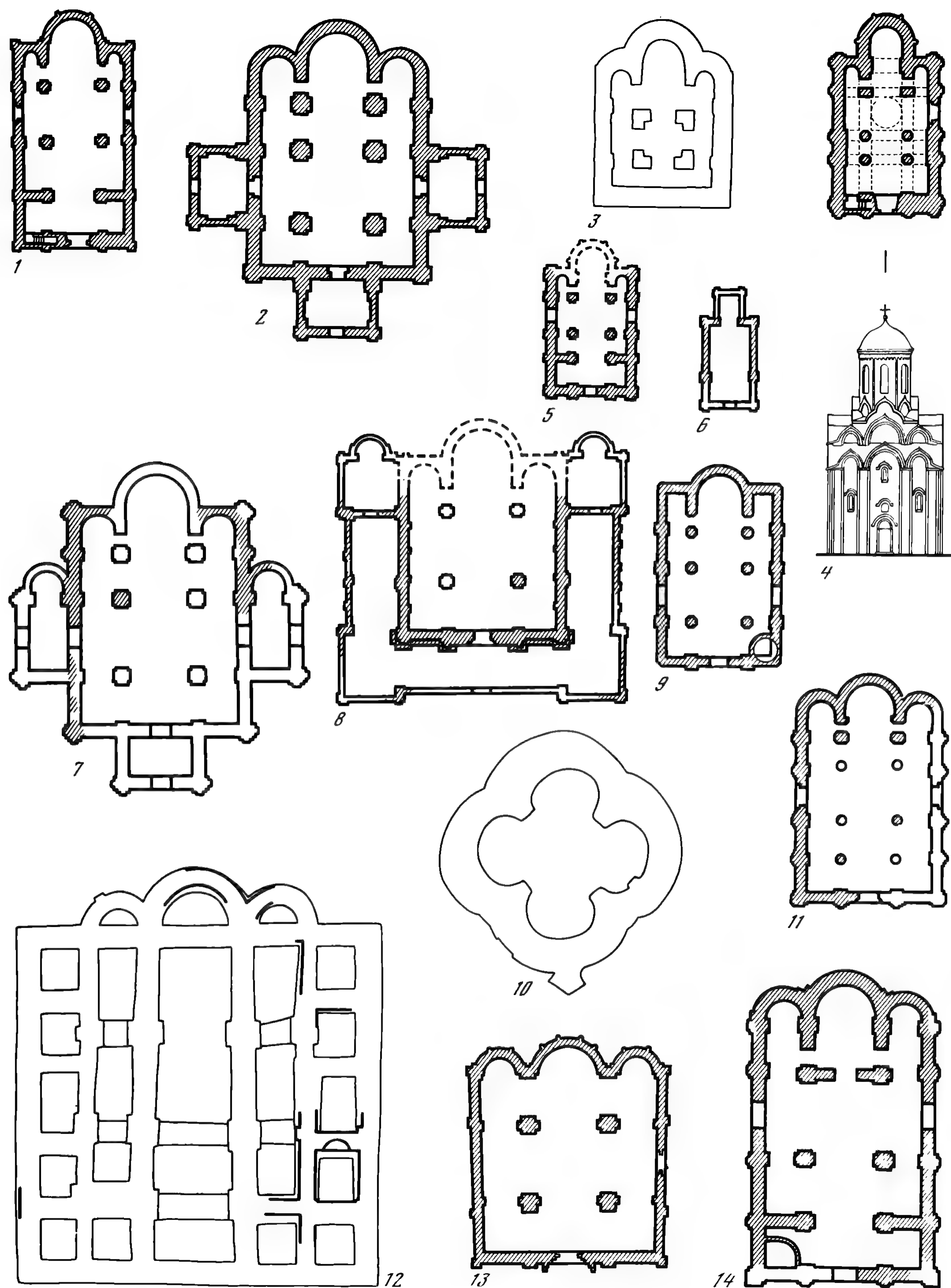


Таблица 68. Древнерусские храмы XI — XIII вв. (планы)

1 — Витебск, церковь Благовещения; *2* — Полоцк, Большой собор Бельчицкого монастыря; *3* — Минск, церковь; *4* — Полоцк, Спасская церковь Евфросиньева монастыря (фасад — реконструкция П. А. Раппопорта и Г. М. Штендера); *5* — Полоцк, Борисоглебская церковь Бельчицкого монастыря; *6* — Полоцк, Пятницкая церковь Бельчицкого монастыря; *7* — Полоцк, церковь на детинце; *8* — Полоцк, храм-усыпальница в Евфросиньевом монастыре; *9* — Гродно, «Нижняя» церковь; *10* — церковь в Побережье, близ Галича; *11* — Гродно, Борисоглебская церковь на Коложе; *12* — Галич, Успенский собор; *13* — Галич, церковь Пантелеймона; *14* — Туров, церковь (планы даны в масштабе 1 : 500)

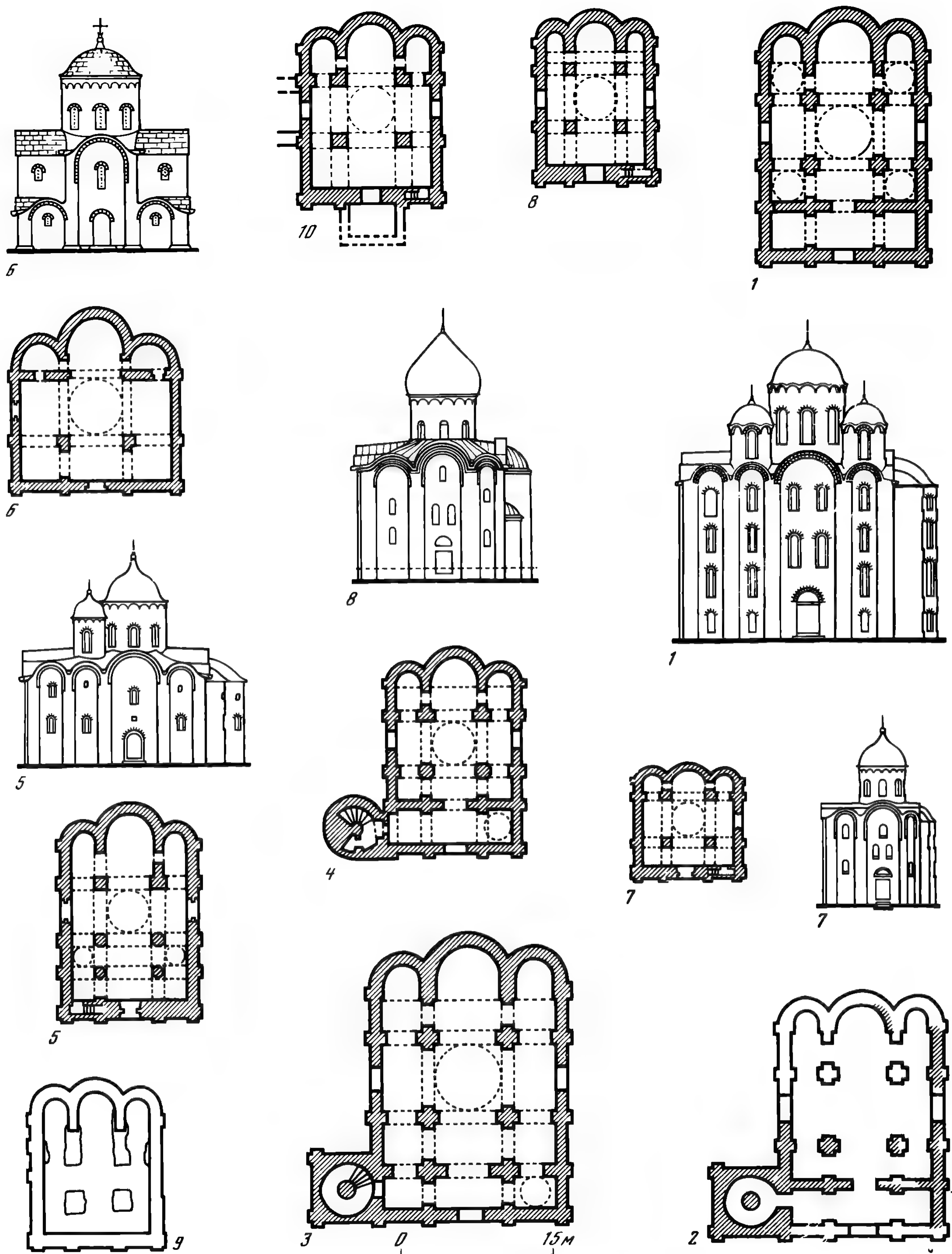


Таблица 69. Древнерусские храмы XI — XIII вв.

1 — Новгород, Николо-Дворищенский собор (фасад, реконструкция Г. М. Штендера); *2* — Новгород, церковь Благовещения на Городище; *3* — Новгород, Георгиевский собор Юрьева монастыря; *4* — Новгород, собор Антониева монастыря; *5* — Псков, собор Ивановского монастыря; *6* — Псков, Спасский собор Мирожского монастыря (фасад, реконструкция Г. В. Алферовой); *7* — Старая Ладога, Георгиевская церковь; *8* — Новгород, церковь Спаса Нередицы; *9* — Псков, церковь Дмитрия Солунского; *10* — Старая Ладога, Успенская церковь (планы даны в масштабе 1 : 500)

Таблица 70. Древнерусские храмы XII — XIII вв.

1 — Пятницкая церковь в Чернигове, рубеж XII и XIII вв.; *2* — Смоленск, церковь архангела Михаила, конец XII в., реконструкция, по С. С. Подъяпольскому); *3* — Старая Ладога, Георгиевская церковь, 60-е годы XII в.; *4* — церковь Покрова на Нерли. 1166 г.

Таблица 71. Галич, церковь Пантелеймона, рубеж XII и XIII вв. Фрагмент западного портала

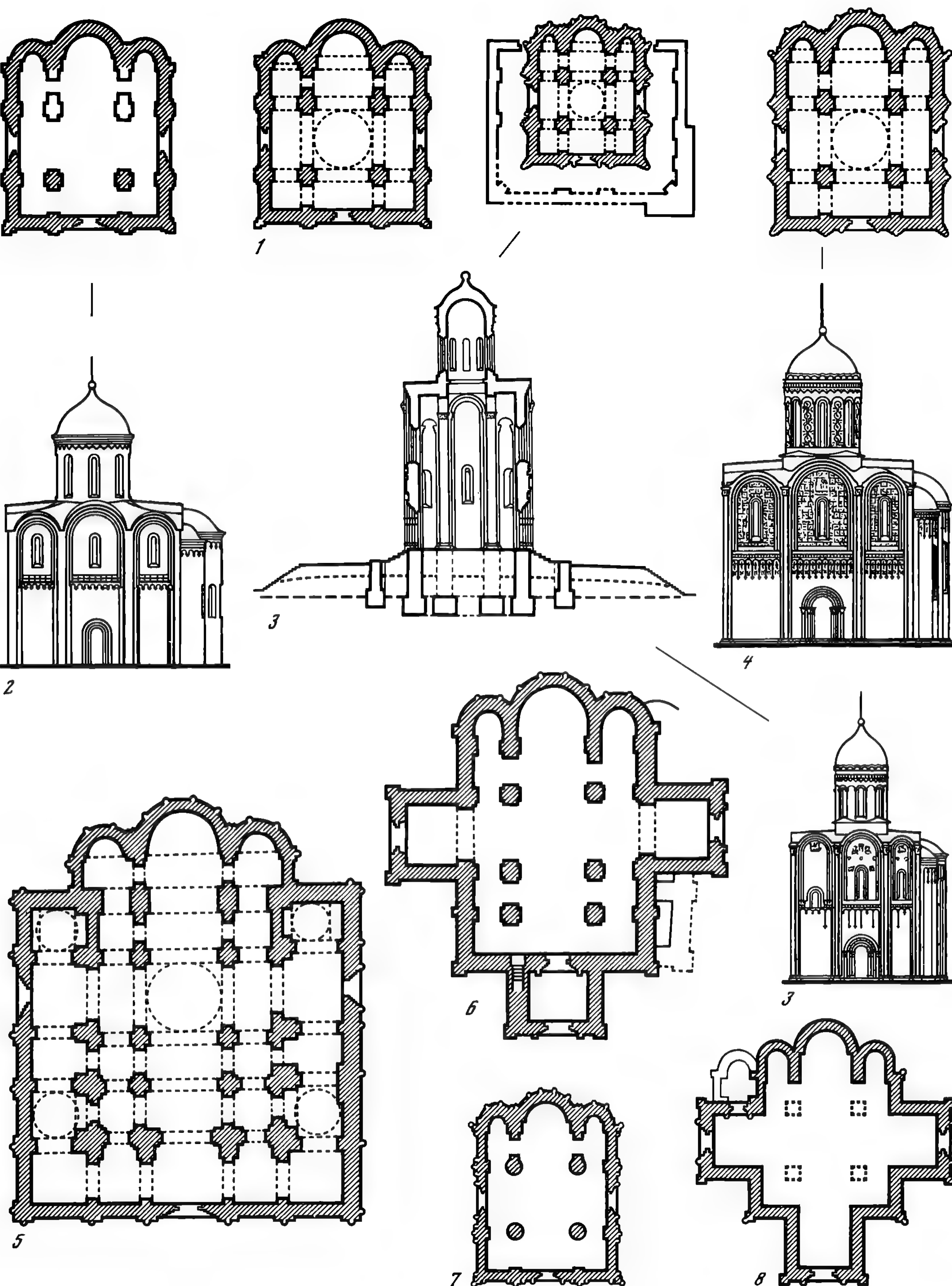


Таблица 72. Храмы Владимиро-Суздальской земли XII — XIII вв. (общий вид и планы)

1 — Переяславль-Залесский, Спасский собор; *2* — Кидекша, церковь Бориса и Глеба; *3* — Боголюбово, церковь Покрова на Нерли (разрез — по Н. Н. Воронину); *4* — Владимир, Дмитриевский собор; *5* — Владимир, Успенский собор; *6* — Суздаль, собор Рождества Богородицы; *7* — Боголюбово, собор; *8* — Юрьев-Польской, Георгиевский собор (планы даны в масштабе 1 : 500)

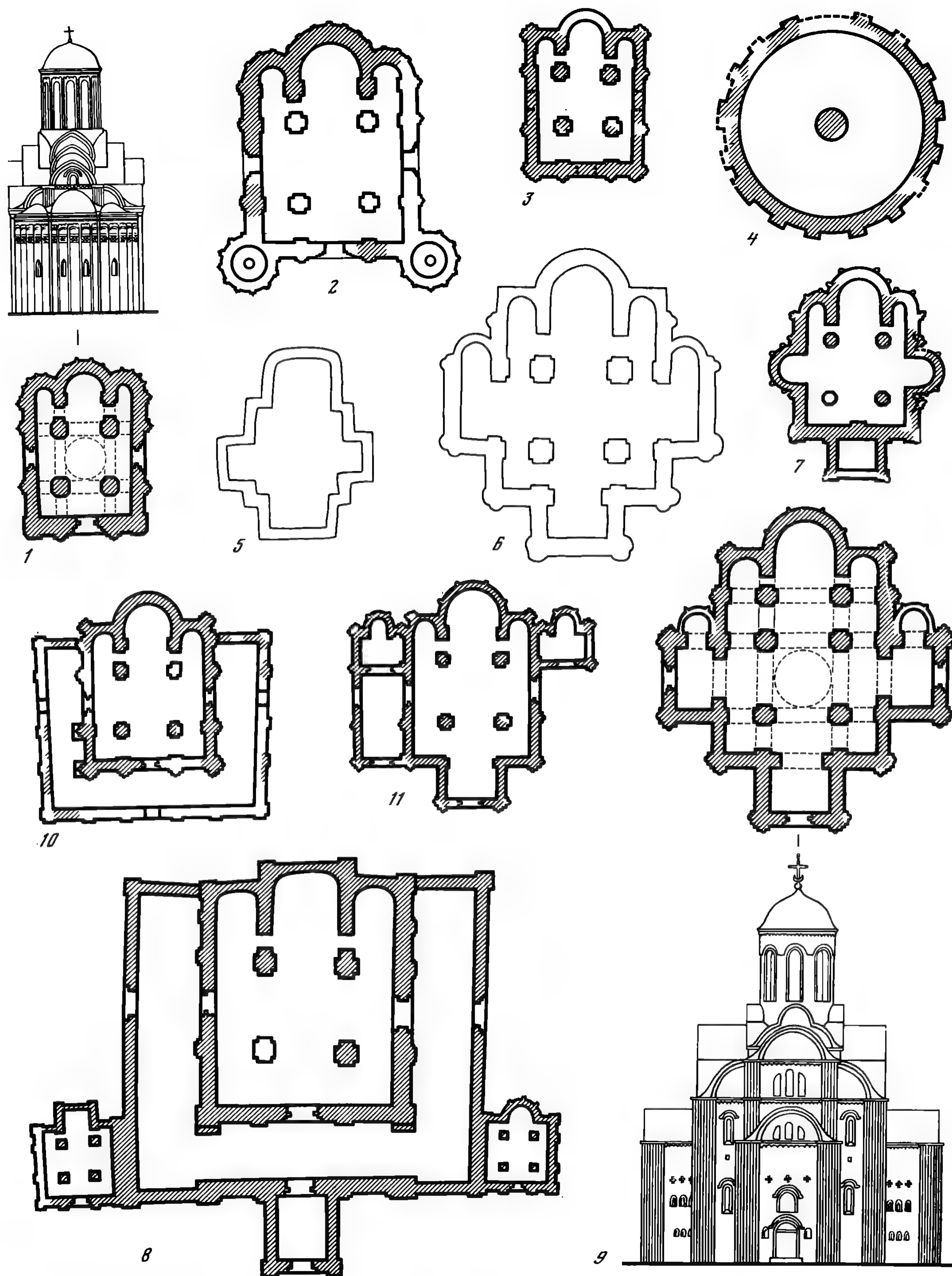


Таблица 73. Древнерусские храмы XII — XIII вв. (планы)

1 — Чернигов, церковь Пятницы (фасад — реконструкция П. Д. Барановского); *2* — Овруч, церковь Василия; *3* — Киев, церковь на Вознесенском спуске; *4* — Киев, ротонда; *5* — церковь в Новом Ольговом городке; *6* — Старая Рязань, Спасская церковь; *7* — Путивль, церковь на детинце; *8* — Смоленск, собор на Протоке; *9* — Смоленск, церковь архангела Михаила (фасад, реконструкция С. С. Подъяпольского); *10* — Смоленск, церковь на Малой Рачевке; *11* — Смоленск, Спасская церковь в Чернушках (планы даны в масштабе 1 : 500)

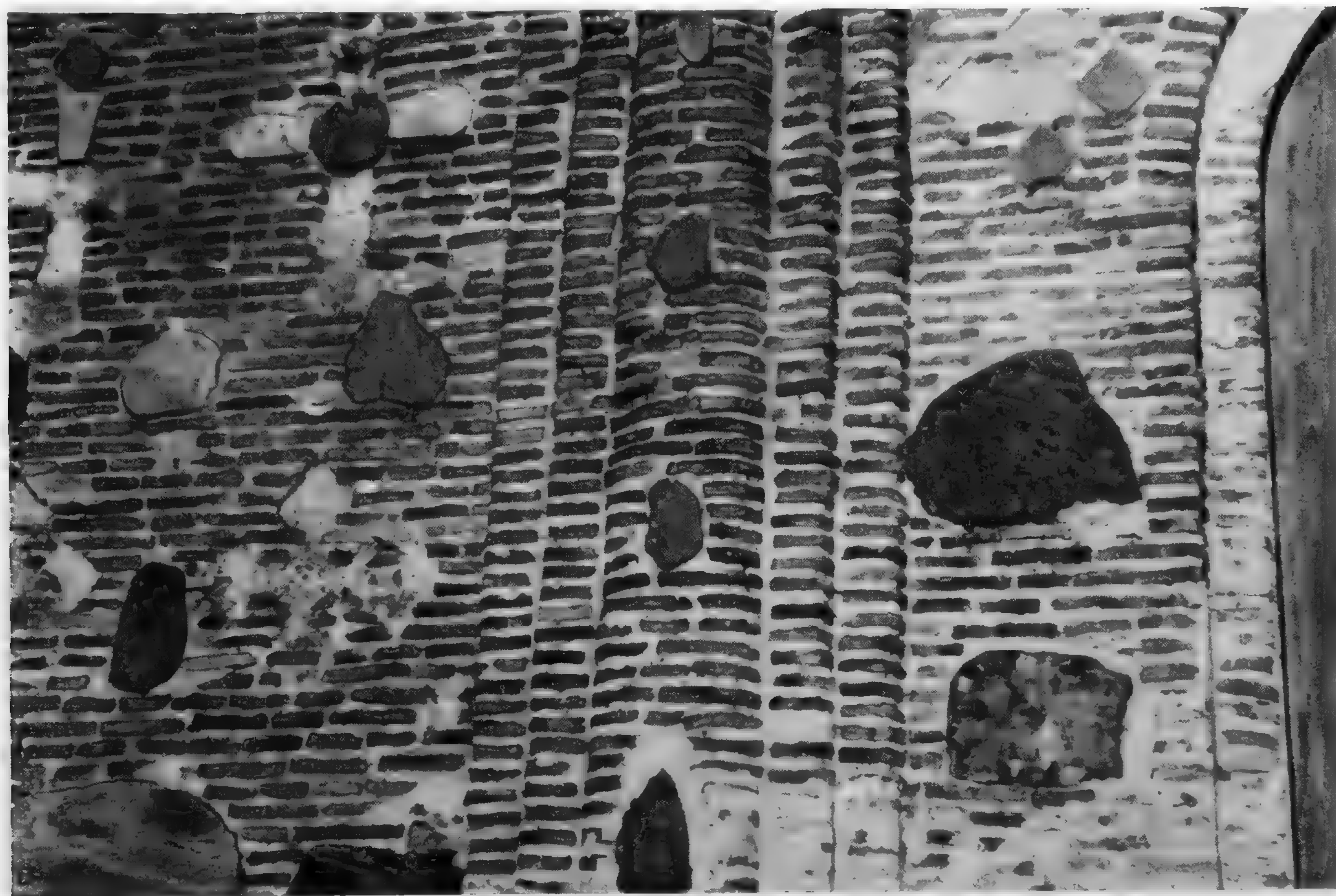


Таблица 74. Древнерусские храмы XII — XIII вв.

1 — Смоленск, Троицкий собор на Кловке, конец XII в., раскопки 1972 г.; *2* — Смоленск, собор на Протоке, конец XII — начало XIII в., раскопки 1952 г.; *3* — Гродно, Борисоглебская церковь на Коложе, конец XII в., фрагмент

Таблица 75. Юрьев-Польской, Георгиевский собор, 1230 г., деталь южного притвора

Таблица 76. Смоленск. Кирпичеобжигательная печь, начало XIII в.
1 — общий вид; *2* — фрагмент

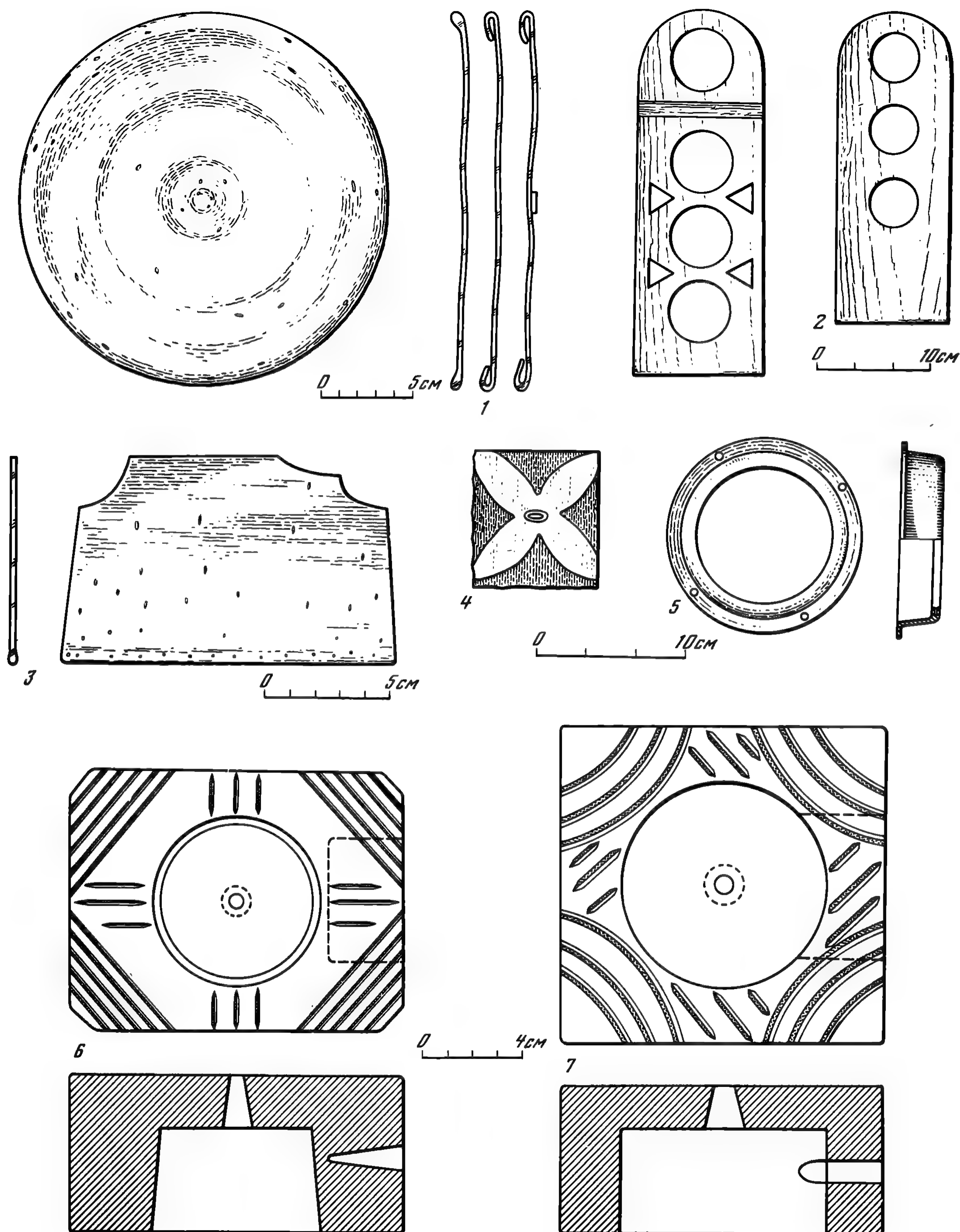


Таблица 77. Окна, витражи и изразцы

1, 3—5 — оконные стекла; *2* — деревянные оконницы; *6, 7* — изразцы

Таблица 78. Башня в Каменце-Литовском, конец XIII в.

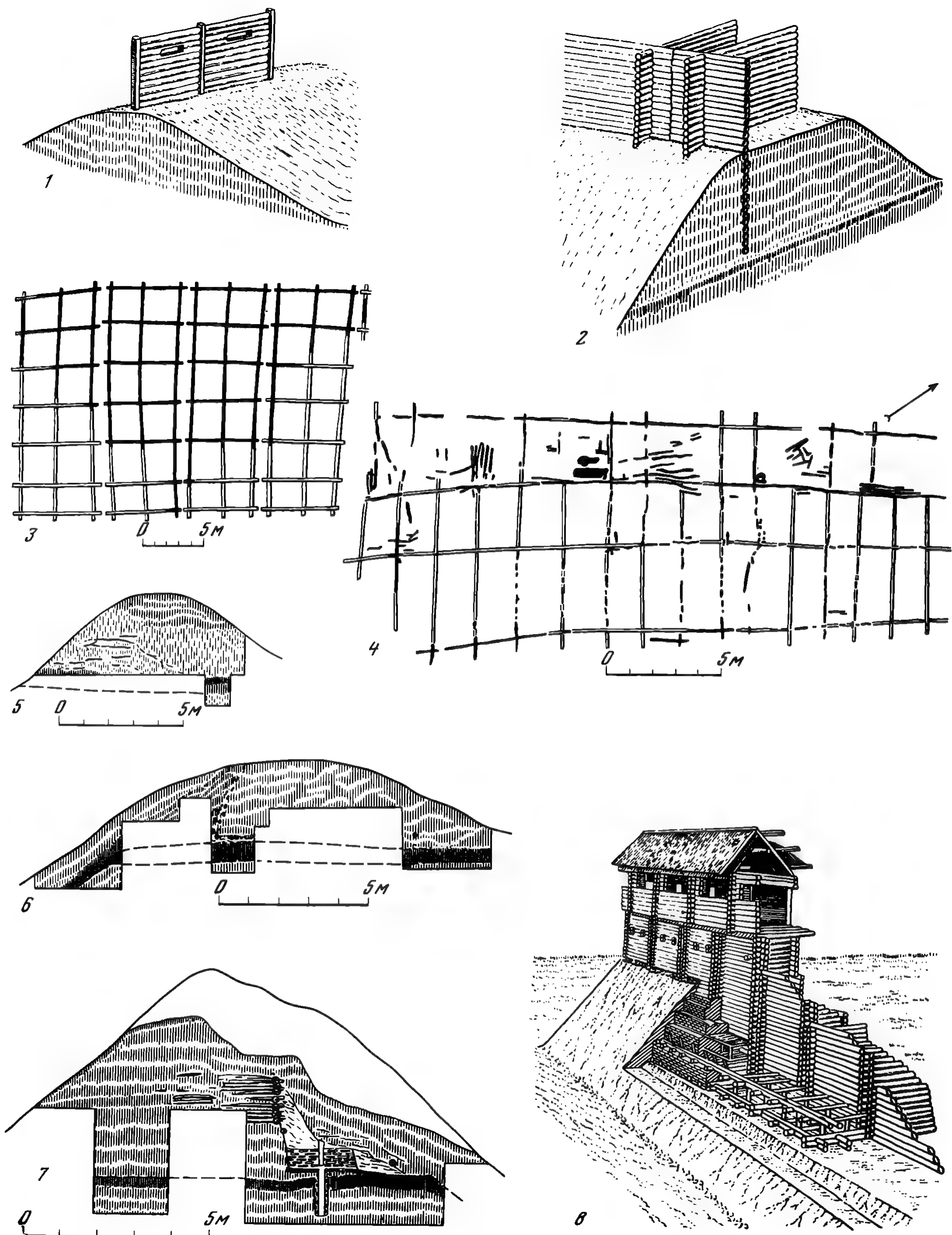


Таблица 79. Древнерусские оборонительные сооружения XI — XIII вв.

1 — столбовая конструкция стен, по П. А. Раппопорту; *2* — деревянная стена из срубов, реконструкция П. А. Раппопорта; *3* — система деревянных конструкций из срубов, разделенных на клети, в валу «Города Ярослава» в Киеве, по П. А. Раппопорту; *4* — система внутривальных конструкций с жилыми клетями в валу Воиня, по В. И. Довженку; *5* — разрез вала Снепорода (городище Мацковцы), по П. А. Раппопорту; *6* — разрез вала Сунгиревского городища, по Н. Н. Воронину; *7* — разрез вала детинца в Белгороде, по П. А. Раппопорту; *8* — вал и стена Белгорода X в., реконструкция М. В. Городцова и Б. А. Рыбакова

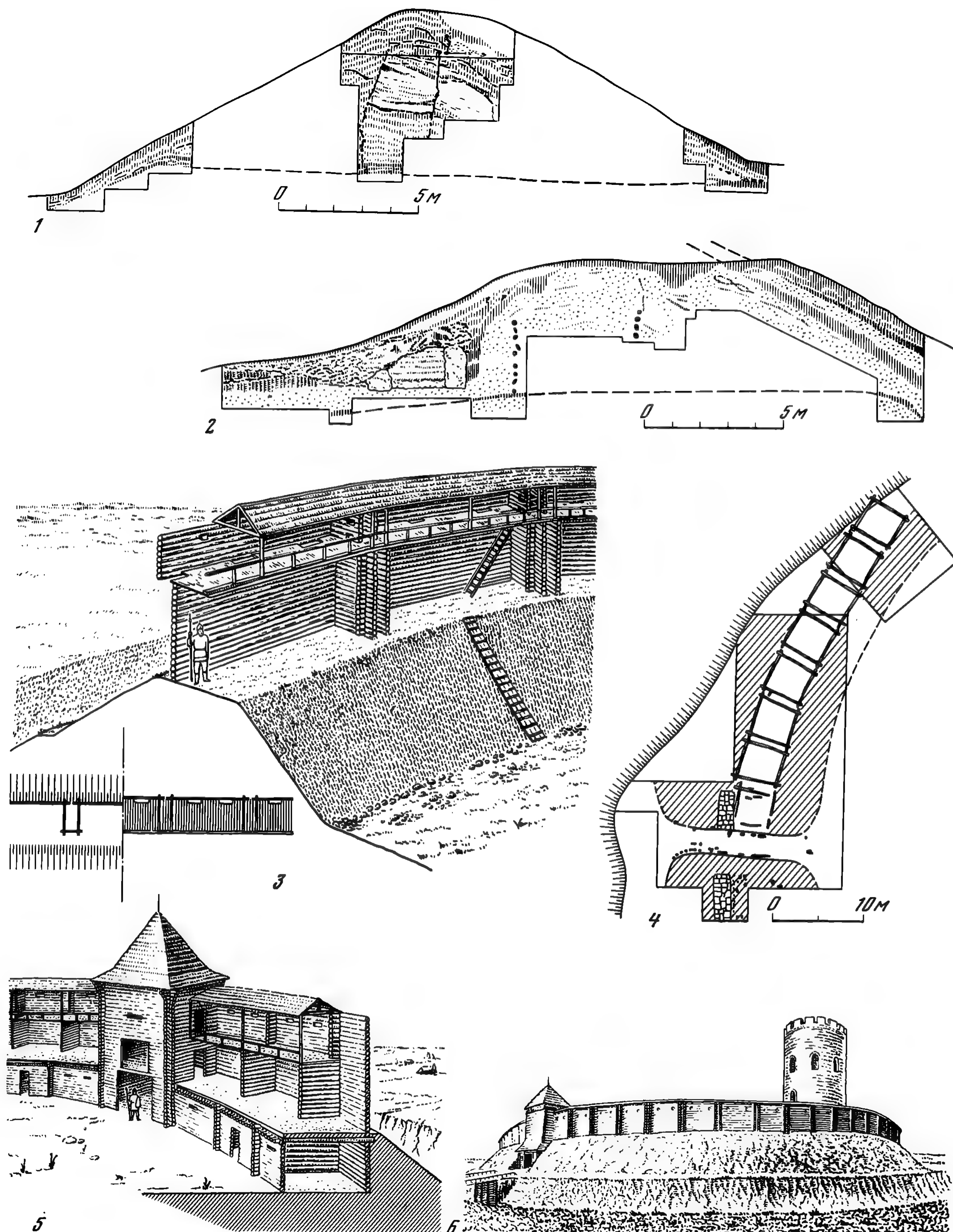


Таблица 80. Древнерусские оборонительные сооружения XI — XIII вв.

1, 2 — разрезы валов в Мстиславле Залесском и Чарторыйске, по П. А. Раппопорту; *3* — оборонительная стена древнерусского города XII в., реконструкция П. А. Раппопорта; *4* — внутривальные конструкции и воротный проем в валу Новгорода Малого (городище у с. Заречье), по Б. А. Рыбакову; *5* — деревянная стена и воротная башня древнерусского города XII—XIII вв., реконструкция П. А. Раппопорта; *6* — Чарторыйск в XIII в., реконструкция П. А. Раппопорта

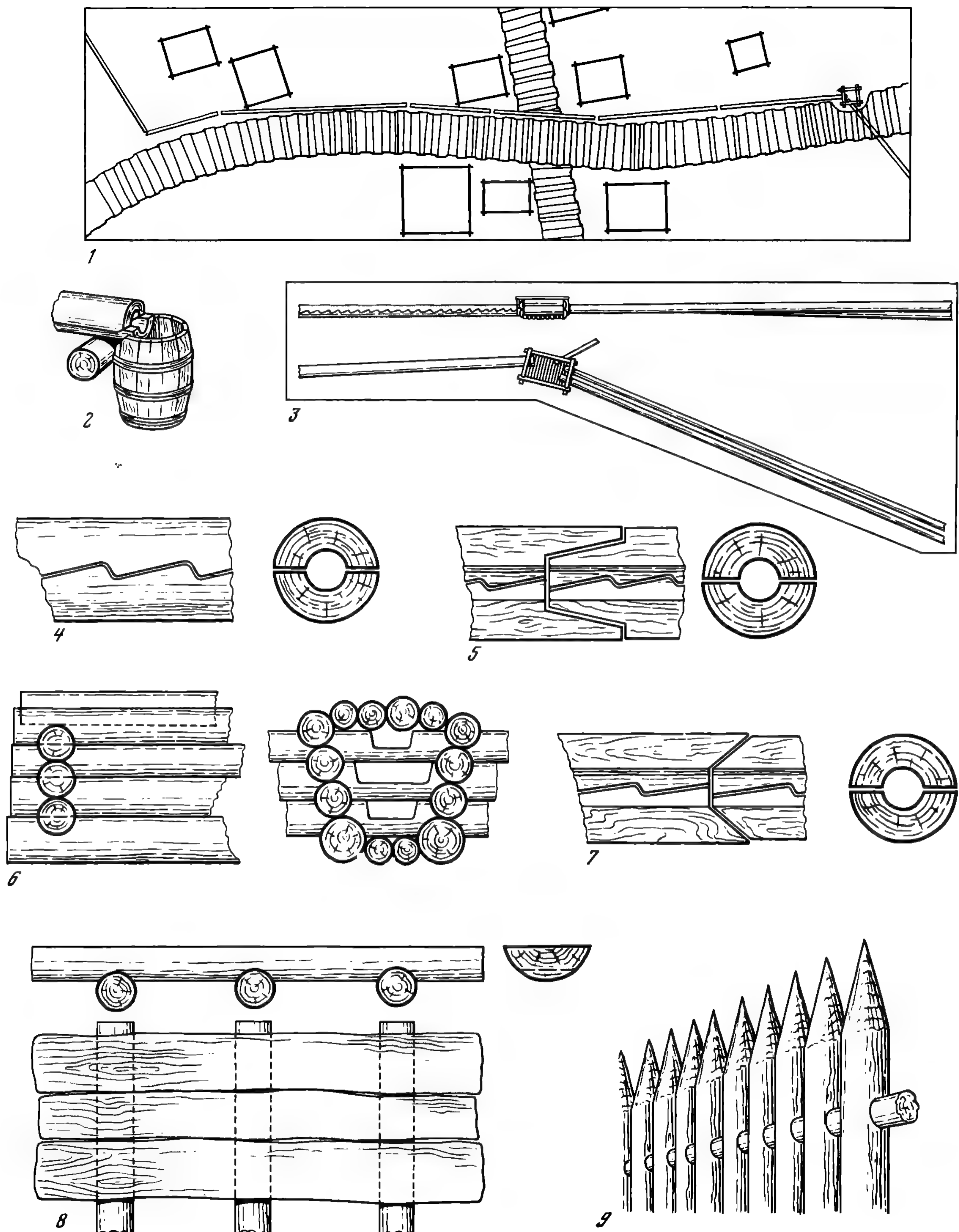


Таблица 81. Инженерные сооружения. Водоотводы, дренажи, мостовые, частоколы

1 — план дренажной системы; *2—7* — детали водоотводных сооружений; *8* — конструкция мостовой; *9* — частокол

Глава пятая
Земледелие и промыслы

Уже в догосударственный период основным занятием восточнославянского населения было земледелие. Об этом свидетельствуют упоминания письменных источников, находки зерен культурных растений и земледельческих орудий (Левашова В. П., 1956; Довженок В. Й., 1961а; Кирьянов А. В., 1959).

В продолжение рассматриваемого периода на территории Восточной Европы сохранялся довольно устойчивый *состав возделываемых культур*, сложившийся в первой половине I тысячелетия н. э. Здесь известны находки мягкой пшеницы, ячменя, проса, кормовых бобов, гороха, льна, конопли. В I тысячелетии начинается и распространение культуры, в дальнейшем занявшей ведущее положение,— ржи, первоначально, по-видимому, в яровой форме. Редки находки зерен вики, мака, чечевицы, огурцов, тыквы, вишни и сливы. По древнерусским письменным источникам известны также такие культуры, как репа, капуста, свекла, морковь, лук, укроп, яблоки. На ряде памятников в слоях домонгольского времени обнаружены зерна гречихи, культуры, время появления которой в Европе до этого датировалось XV в. (Левашова В. П., 1956, с. 50—60; Кирьянов А. В., 1959) *.

Этот в основных чертах рано определившийся, довольно широкий круг земледельческих культур, возделывавшихся восточными славянами, хотя и сохраняется почти неизменным в течение длительного времени, тем не менее позволяет проследить процесс прогрессивного развития земледелия Древней Руси. Наиболее важный показатель, по которому это развитие прослеживается, — изменение соотношения между названными культурами.

Наиболее сильным изменениям подверглась роль ржи. Действительно, в I тысячелетии н. э. она выступает в виде второстепенной культуры. В X—XIII вв. она выходит на первое место среди зерновых культур, однако уступает трем яровым культурам (пшенице, ячменю и просу) вместе взятым. Наконец, в XIII—XV вв. количество ржи превышает общее количество яровых культур. Одновременно с увеличением роли ржи падает значение других культур, особенно резко — проса. Одновременно с возрастанием значения ржи среди зерновых находок появляется овес, однако его количество незначительно вплоть до XV в. (Кирьянов А. В., 1959, с. 323—343).

Большое значение для выяснения состояния земледелия имеют находки зерен культурных растений, обнаруженные при раскопках древнерусских памятников. Они позволяют восстановить состав возделывавшихся культур и проследить его изменения. К настоящему времени зерновые материалы, датируемые X—XV вв., дали приблизительно 70 древнерусских памятников, расположенных в таежно-лесной и лиственно-лесной подзонах, центральной таежно-лесной области, а также в лесостепной зоне центральной лесостепной и степной области.

Основная масса этих материалов представлена россыпью обугленного зерна. Небольшое количество зерен хлебных злаков найдено спекшимися в комки. Необугленными встречаются в редких случаях только пленки гречихи и проса, а также семена льна и конопли. Обугленные зерна имеют несколько деформированную поверхность, но все же на основании морфологических признаков удается установить принадлежность подавляющего их большинства определенному роду хлебных злаков или иным группам культурных растений.

Большинство зерновых находок представляет собой скопления зерен различных культур. Кроме них, в скоплениях содержатся семена сорняков, издавна приспособившихся к произрастанию на обрабатываемых почвах в посевах культурных растений. Их состав позволяет предположить место произрастания обнаруженного зерна, проследить известную зональность в распространении некоторых видов сорняков (например, песлии метельчатой, щетинников сизого и зеленого), в основном совпадающую с их современными ареалами. На основании исследования сорняков большинство имеющихся в нашем распоряжении материалов можно считать продуктом местного земледелия и пользоваться ими как источником при изучении состояния земледелия тех районов Древней Руси, где они были найдены.

Чтобы определить значение изменений в распространении культуры ржи, важно знать, какая форма ржи представлена находками — яровая или озимая. В период второй половины I тысячелетия н. э. немногочисленные зерна ржи встречены среди яровых культур и, видимо, принадлежат также яровой форме культуры. Особый интерес представляет находка на городище Свила I Витебской обл. хорошо сохранившегося зерна ржи, датируемого IX в. На основании сорняков, найденных среди этого зерна, авторы публикации считают возможным отнести найденную рожь к озимой форме (Коробушкина Т. Н., Митрофанов А. Г., 1975). Находка на городище Свила I — самое раннее на территории Восточной Европы скопление зерен культуры, свидетельствующее о самостоятельных посевах озимой ржи.

Зерновые материалы домонгольского времени представлены находками зерна на большом числе древнерусских памятников (около 70) и содержат

* Работа по исследованию зерен, найденных при археологических раскопках, ведется в широких масштабах в лаборатории естественнонаучных методов Института археологии АН СССР. А. В. Кирьяновым и Н. А. Кирьяновой изучено более 400 находок скоплений зерна с древнерусских памятников.

широкий состав культур. Рожь встречена в скоплениях подавляющего большинства памятников как таежно-лесной и лиственно-лесной подзон, так и в зоне лесостепи. По встречаемости в скоплениях рожь стоит на первом месте и ей же принадлежит наибольшее число найденных зерен. Подавляющее превосходство этой культуры особенно четко выявляется в материалах северных и центральных памятников территории древней Руси. В Днестровско-Прутском междуречье она менее распространена и занимает четвертое место (Янушевич З. В., 1976). Возможно, какая-то часть зерен ржи принадлежит яровой форме культуры, но в тех случаях, когда среди ее зерен встречены семена костра ржаного, типичного озимого сорняка, можно говорить о возделывании озимой ржи. Материалы X в. Изборска содержат этот сорняк. Несколько уступают ржи ячмень и пшеница. В отдельных районах она попеременно занимает второе и третье места по встречаемости в скоплениях и по общему числу зерен. В ряде памятников яровые культуры преобладают. В Друцке, Мстиславле, Смоленске и на городище Воротнино они встречены в большинстве скоплений. В домонгольский период распространяются и самостоятельные посевы овса. По данным находок Изборска, они известны уже в X в. Просо, широко распространенное в предыдущий период, в районах таежно-лесной подзоны встречается в меньшем количестве скоплений, но в лиственно-лесной подзоне и особенно в лесостепи его посевы имеют, видимо, большое значение. В материалах ряда памятников найдены пленки гречихи, что свидетельствует о ее вхождении в культуру в домонгольский период. Зерновые бобовые культуры (кормовые бобы, горох, чечевица) встречены в небольшом количестве пунктов всех почвенно-климатических зон. Также в небольшом количестве памятников всей рассматриваемой территории обнаружены лен и конопля.

Зерновые материалы второй половины XIII—XV в. встречены на значительно меньшем числе древнерусских памятников. Все они расположены в таежно-лесной подзоне. В скоплениях содержится тот же состав культур. Основой по-прежнему является рожь. Второе, третье и четвертое места занимают соответственно овес, пшеница и ячмень. Немного найдено зерен проса, гречихи, а также зерновых бобовых культур, льна и конопли.

Подсчет встречаемости зерен различных культур в скоплениях и их абсолютного числа в материалах памятников таежно-лесной подзоны X—XV вв. позволяет проследить направление изменения состава культур древнерусского земледелия. Этот состав в основном сложился в начале II тысячелетия. Рожь — выходит в домонгольский период на первое место по встречаемости в скоплениях и количеству найденных зерен. Главные культуры предыдущего периода уступают ей по значению. Вторая молодая культура — овес — содержится более чем в половине скоплений, что свидетельствует о ее существенном значении в посевах. Во второй половине XIII—XV в. установившееся соотношение культур прослеживается достаточно четко. Рожь по встречаемости стоит на первом месте и ее роль даже несколько возрастает. Число скоплений, содержащих зерна овса, увеличивается, и он выходит по встречаемости на второе место. Ржи принадлежит наибольшее число найденных за весь период зерен. Но в домонгольский период сумма зерен всех яровых культур почти в 1,5 раза превышает количество зерен ржи. В следующий период рожь одна дает зерна больше, чем все три яровые культуры вместе. Столь же заметно возрастание роли овса. Со второй половины XIII в. количество его зерен выросло более чем в 2,5 раза, приближаясь к пшенице и ячменю (Кирьянова Н. А., 1979). Четко выступают изменения в значении проса. До X в. оно было культурой, довольно распространенной, в последующее время намечается уменьшение его находок от периода к периоду.

Вопрос о той или иной форме посевов ржи и других сельскохозяйственных культур подводит нас к вопросу о важнейшем понятии, отражающем уровень развития земледелия — к понятию системы земледелия. *Система земледелия* — это комплекс мероприятий, проводимых для восстановления естественного плодородия почвы, которое нарушается после каждого однократного использования данного участка. Наиболее простой способ восстановления плодородия почвы заключается в забрасывании участка до полного восстановления на нем дикой растительности. В условиях лесной зоны — до полного зарастания участка лесом. Такая система, обычно начинавшаяся с выжигания участка леса под пашню, называется подсечной. На незанятых лесом пространствах ей соответствует залежная система. В древнейшую эпоху, когда не были известны достаточно мощные пахотные орудия, она тоже могла начинаться с выжигания растительности дерна. В дальнейшем происходит переход к более интенсивному использованию земли. Земледельцы стремятся, во-первых, по возможности использовать расчищенный участок не один год, а несколько (хотя после снятия первого урожая плодородие участка резко падает), и. во-вторых, сократить период «отдыха» участка. В таком несколько более интенсивном варианте система земледелия приобретает уже характер переложной (в лесу — лесной перелог). На юге она, вероятно, имела большее значение. По археологическим материалам наличие этой системы проследить трудно. Косвенным доказательством ее существования могут явиться находки скоплений зерна с ничтожным количеством сорняков. Важное место в составе возделываемых хлебов пшеницы, ячменя и проса, культур, которые хорошо развиваются на мало окультуренных землях при наличии почвообрабатывающих орудий также может указывать на значительное распространение перелогов. Следующий этап — использование постоянных полей с правильно чередующимися яровыми и озимыми посевами и периодическим одногодичным оставлением участка под паром. Такая более интенсивная система использования полей может полноценно функционировать только при условии регулярного внесения в землю удобрения и поэтому теснейшим образом связана со скотоводством. Именно такая система земледелия с трехпольным севооборотом была в позднейшее время (во всяком случае с XV в.) общераспространенной у русских крестьян. Отметим, что в их хозяйстве, как правило, удобрения вносились в недостаточном количестве, земля истощалась,

отдельные участки иногда приходилось забрасывать на длительное время, что компенсировалось расчисткой новин.

Прослеженные изменения в составе возделываемых хлебов имеют большое значение для выяснения времени появления паровой системы земледелия. Широкое распространение озимой культуры, посев которой чаще всего производится по пару, может указывать на использование пара в качестве способа восстановления плодородия почвы. Озимая рожь могла высеваться и на полях перелога. Но тогда она становилась рядовым хлебом наравне с другими культурами, поскольку в этих условиях не могла проявиться ее способность подавлять сорные растения, которая обеспечивала прибавку урожая даже следующей за рожью культуры. Постепенное увеличение в находках количества зерен ржи, культуры, которая, кроме сороочистительной способности, менее яровых культур (за исключением овса) требовательна к наличию питательных веществ и поэтому более приспособлена к произрастанию на окультуренных почвах, указывает на постепенное увеличение количества полей длительного использования. На таких землях для яровых культур складывались условия, менее благоприятные, чем на подсеке и перелоге. Изменения в составе культур являются показателем изменений в системах земледелия. Для периода начала XV в., когда письменные документы фиксируют установившуюся паровую систему земледелия, отмечается тот состав культур, появление которого относится к домонгольскому времени. Сложение на всей древнерусской территории единого состава культур свидетельствует о едином процессе изменений в системах земледелия, но темпы этих изменений на различных территориях могли быть различны. Этот процесс был постепенным. Несомненно, в земледелии длительное время сосуществовали различные системы и их сочетания. Длительное время потребовалось и для сложения самого рационального при наличии только зерновых культур типа севооборота паровой системы — трехполья с полями одинакового размера.

Переход земледельцев к постоянному использованию полей представляется важным прогрессивным событием. Вместе с тем он трудноуловим по археологическим данным. Очевидно, что у земледельцев издавна существовала тенденция более интенсивно использовать участки, расположенные вблизи от поселений, в то время как удаленные от жилья участки легко забрасывались, когда урожайность на них падала. Даже в I тысячелетии н. э. подсека едва ли была единственной и даже господствующей формой земледелия в лесной зоне Восточной Европы. Действительно, здесь уже с раннего железного века известны находки цельнодеревянных пахотных орудий (для классической подсеки нехарактерных) (Шрамко Б. А., 1964; Поболь Л. Ф., 1967). В конце I тысячелетия н. э. металлические наконечники пахотных орудий распространяются в отдаленные области лесной зоны (Старая Ладога, Мордовия, памятники именьковской культуры) (Орлов С. Н., 1954, с. 345, рис. 1; Степанов П. Д., 1950, с. 165; Старостин Т. Н., 1967). Вместе с тем несложная (хотя и очень трудоемкая) техника подсечного земледелия была, конечно, общеизвестна и позволяла быстро осваивать под пашню лесные пространства, способствуя таким образом подвижности и миграциям населения.

Распространение в древнерусских памятниках наконечников пахотных орудий и озимой ржи породили у ряда исследователей представление о том, что в IX—X вв. в Восточной Европе происходит переход от подсечного земледелия к постоянному использованию полей и трехполью (Кирьянов А. В., 1959, с. 325—335). Однако наиболее важные в этом отношении данные — состав находок зерна и сопутствующих им семян сорняков — не дают основания для однозначных выводов. Так, по мнению А. П. Расиньша, на территории Прибалтики и соседних русских земель «примерно в XI в., в связи с ростом значения ржи произошел переход к более долгосрочному использованию полей», что «свидетельствует об интенсификации луговой переложной системы земледелия» (Расиньш А. П., 1959). Находка на городище Свила I свидетельствует о том, что начало этого процесса относится еще к IX в.

Таким образом, характер земледелия домонгольской Руси ясен не во всех деталях. Однако, несмотря на имеющиеся расхождения, разные исследователи приходят к представлению о значительном прогрессе земледелия, обозначившемся на заре истории древней Руси.

Древнерусские письменные источники предоставляют нам довольно скудные сведения *о пахотных орудиях*. Они сводятся к тому, что с древнейших времен на Руси были известны два термина, обозначающие пахотное орудие: «рало» и «плуг», позднее, с XIII в. появляется термин «соха». Никаких описаний или подробностей, раскрывающих эти термины, в ранних источниках нет.

При дальнейшем изложении автор использует эти названия пахотных орудий в соответствии с современным словоупотреблением.

Автор присоединяется к исследователям, считающим главным отличием плуга (табл. 82, *6*) от рала (табл. 82, *1,2*) наличие одностороннего отвала. Таким образом, все орудия для симметричной вспашки (включая орудия с череслом, с колесами, с симметричным двойным отвалом) относятся к числу рал.

Наряду с разделением всех пахотных орудий на рала и плуги автор пользуется также термином «соха» для обособленной группы специализированных орудий лесной зоны Восточной Европы. Этот термин правомерно применять для двузубых орудий, отличающихся, как правило, также высоким расположением центра тяжести, или для орудий, известных под названием «соха» в народе (табл. 82, *4,5*).

Наиболее полное представление о древних пахотных орудиях дают находки целых орудий, а также их древние изображения, деревянные основы древнерусских пахотных орудий к настоящему времени неизвестны. Древнейшее русское изображение пахотного орудия находится на миниатюре Радзивилловской летописи конца XV в. (табл. 83, *21*). Эта миниатюра отнесена А. В. Арциховским к числу восходящих к оригиналу домонгольского времени (Арциховский А. В., 1944, с. 25).

Это изображение страдает рядом неточностей, но вместе с тем сообщает ряд интересных деталей. Прекрасная серия изображений сохи на миниатюрах

Лицевого Летописного свода XVI в. (к которой примыкает и большая часть других изображений сохи XVI—XVII вв.— табл. 84, *19*) интересна не только тем, что передает довольно точно конструкцию этих орудий, но и тем, что показывает преобладание в XVI в. архаичных бесполичных сох с «коловыми» сошниками. Интересны редкие изображения однозубых и трехзубых орудий. Среди последних наиболее интересное — из рукописи Жития Сергия Радонежского — во многих деталях фантастично, но характерно, в частности, своеобразной архаичной системой упряжи (Горский А. Ф., 1965).

Основным источником по истории древнерусских пахотных орудий являются их части, найденные при археологических раскопках. Их типология детально разработана целым рядом исследователей (Левашова В. П., 1956; Кирьянов А. В., 1959; Довженок В. И., 1961а; Чернецов А. В., 1972а; Краснов Ю. А., 1978; 1979; 1982). Этот материал включает около 120 наконечников пахотных орудий домонгольского времени и около 50 чересел. К ним примыкают свыше 30 наконечников XIV—XVI вв. и около 100 металлических частей пахотных орудий с сопредельных территорий Восточной Европы. Находки происходят приблизительно из 100 пунктов.

Все древнерусские наконечники пахотных орудий (кроме двух из Райковецкого городища и третьего из Щучинского городища — табл. 83, *19*, *20*) (Краснов Ю. А., 1976) относятся к наиболее распространенному типу втульчатых (табл. 83, 84). Среди них могут быть выделены такие, у которых ширина лопасти не превышает ширины втулки — узколопастные, и такие, у которых лопасть шире втулки — широколопастные. Древнерусские узколопастные наконечники (табл. 84) весьма разнообразны. Длина большей части таких наконечников варьирует в пределах 100—200 мм, ширина 64—105 мм.

Среди наконечников, найденных в лесной зоне, в домонгольское время преобладали экземпляры, характеризуемые длинной (180—200 мм) и узкой рабочей частью (60—80 мм — табл. 84, *5—15*). Форма втулки в сечении не вытянутая, как у большинства южных, а более округлая и сомкнутая, лопасть несколько выгнута вперед. По деталям формы эти наконечники могут быть разделены на два подтипа (табл. 84, *5—13*; *14—16*). По дальнейшей типологической эволюции и по функциональным особенностям, которые порождались их формой, исследователи уже давно связывают эти наконечники с сохой. С XIV в. известны более развитые сошники — длиной свыше 30 см, с заостренной лопастью и нередко одной режущей стороной лопасти (табл. 84, *17*).

Широколопастные наконечники с плечиками известны в Восточной Европе с черняховского времени, однако в тот период они были немногочисленны. Стандартизованный тип широколопастного наральника появляется в Восточной Европе с VII в. Для него характерны следующие размеры: длина 160—215 мм, ширина лопасти 80—120 мм, ширина втулки 60—80 мм. Значительная ширина лопасти и разомкнутая втулка заставляют предположить, что наральник этого типа соответствовал ралу с полозом (табл. 83, *1—6*).

В XII в. появляются более мощные наконечники с плечиками — их втулка в два раза шире, чем у более ранних, а лопасть — в полтора (табл. 83, *7—11*). В XIV—XVI вв. такие наконечники (далее они называются симметричными лемехами) сменяются более крупными, среди которых выделяются экземпляры с явной асимметрией (табл. 83, *13—15*).

Известные с черняховского времени чересла — плужные ножи (более 50 экз.— табл. 83, *16—18*) представляют значительное разнообразие по форме (ширине, углу между ручкой и лезвием). Их средняя длина около 50 см. Чересла найдены с различными типами наконечников пахотных орудий. Наиболее устойчиво они сопровождают симметричные и асимметричные лемехи.

В количественном отношении эти группы наконечников представлены следующими показателями: без плечиков черняховского времени — 8, домонгольского — 25. Сошников домонгольского времени — 30, в том числе к первому типу принадлежат 14, ко второму — 10. Третий тип, распространенный в XIV—XVI вв., представлен более чем 10 экз. Наральников с плечиками — 16. Симметричных лемехов домонгольского времени найдено более 50. Крупные симметричные лемехи более позднего времени и лемехи с явной асимметрией представлены шестью древнерусскими экземплярами.

Весьма интересна география распространения разных типов наконечников пахотных орудий. В целом можно сказать, что все типы сошников сосредоточены в лесной зоне Восточной Европы. Остальные типы наконечников и чересла — южнее. Однако граница типов наконечников по сравнению с границей ландшафтных зон сдвинута немного на север. На некоторых территориях орудия с южной и северной традициями сосуществовали. В ареале сошников известны более ранние наконечники без плечиков.

Наконечники пахотных орудий, применяемые в Древней Руси, употреблялись и соседними народами. Так, сошники еще в домонгольское время были распространены у народов Прибалтики и Поволжья (Левашова В. Г., 1956, с. 28, 32, 33, рис. 5а; Дорошенко В. В., 1959, с. 48; Moora H., 1968, c. 249). Характерный тип наральника с плечиками был знаком также южным и западным славянам, симметричные лемехи имеются в археологическом материале Румынии и Болгарии (Выжарова Ж. Н., 1956, с. 11, рис. 5; Podwińska Z., 1962, s. 110—113; Šach F., 1961, s. 73—78, ob. 52, 53, 55, 57; Чангова Й., 1962, с. 22, рис. 2; Neamţu V., 1966, c. 302, рис. 6). Крупные симметричные лемехи и лемехи с появляющейся асимметрией найдены в Чехии, Молдавии, Волжской Болгарии (Šach F., 1961, c. 77—78, ab. 63, tabl. 5; Смирнов Г. Д., 1964; Кирьянов А. В., 1955, с. 11, рис. 3, 1, 2; Штукенберг А., 1896, с. 12).

Наральники с «ручкой» вместо втулки имеют аналогии в Болгарии (где они доживают до XX в.) и в средневековой Польше (где, как и на Руси, орудия с такими наральниками позднее не применялись).

Сошники и узколопастные наральники изготовлялись из цельного куска железа или низкоуглеродистой стали. Лемехи изготовлялись из двух половин (в отдельных случаях даже из трех частей) и нередко усиливались наваркой дополнительных полос

вдоль лезвия и продольной, посередине лопасти. Встречаются лемехи со следами ремонта. Широколопастные наральники изготовлялись сходно с лемехами, но из одного куска железа; на них встречаются также, хотя и реже, навари вдоль лезвий. Втулка у сошников и узколопастных наральников образовалась за счет вытяжки и изгиба металла, а у широколопастных наральников и лемехов также посредством надрубания металла по краям по линии границы между лопастью и втулкой. Все операции по изготовлению металлических частей древнерусских пахотных орудий не требовали высокой квалификации и могли производиться рядовыми деревенскими кузнецами (Колчин Б. А., 1953, с. 86—89).

Наиболее вероятным способом реконструкции пахотных орудий по наконечникам является привязка последних к тому или иному типу орудий, известному из этнографии или иконографии.

Рассмотрим характерные особенности восточнославянских пахотных орудий по этнографическим данным (табл. 82).

Многие широко распространенные типы традиционных пахотных орудий восточных славян отличаются значительным своеобразием. Это прежде всего касается русской сохи — орудия с двумя рабочими заострениями и отсутствием грядиля (дышла), замененного обжами (оглоблями). Эти две последние особенности конструкции русской сохи практически больше нигде не встречаются. Чрезвычайно редки и такие характерные черты русской сохи, как высокое расположение центра тяжести, а также форма отвального приспособления (полица) в виде железной лопаточки. Украинский плуг отличается от западно- и центральноевропейского наличием кривого (а не прямого) грядиля. Для него характерны также две, а не одна самостоятельно соединяющиеся с полозом ручки.

Украинские рала, представленные двумя разновидностями — с полозом и без него, не обнаруживают таких ярких признаков своеобразия (Зеленин Д., 1907).

Наконечники крестьянских пахотных орудий XVIII—XIX вв. обнаруживают значительные отличия от находимых в археологическом материале. Лишь находки, относящиеся к XIV—XVI вв., позволяют проследить черты преемственности, существующие между древнерусскими и позднейшими орудиями.

Плужный лемех XVIII—XX вв. крупнее древнерусского и имеет более четкую, резко асимметричную форму. Поздние наральники без плечиков в массе крупнее домонгольских, наконечники с плечиками имеют, как правило, более широкую втулку, а на лопасти появляется отверстие для гвоздя, чего не было у домонгольских наральников с плечиками. В лесной зоне преобладают «перовые» сошники с рабочей частью шире втулки — в археологическом материале такие сошники представлены только несколькими экземплярами XVI в. Наряду с ними нередки узколопастные «коловые» сошники, близкие сошникам третьего типа, распространенным в XIV—XVI вв.

Древнерусские наконечники пахотных орудий могут быть использованы как материал для периодизации истории этих орудий.

Древнейшие в Восточной Европе наконечники пахотных орудий черняховского времени (II—IV вв.) немногочисленны и разнотипны. С позднейшими наконечниками пахотных орудий можно связывать только наконечники без плечиков.

Период VIII—X вв. характеризуется преобладанием на юге характерных широколопастных наральников с плечиками (весьма близких друг к другу по размерам и пропорциям). Узкая, почти разомкнутая втулка их показывает, что эти наконечники соответствовали орудиям с полозом, использовавшимся на легких, однородных, вероятнее всего, старопахотных почвах. Наконечники без плечиков в это время единичны. Тогда же появляются первые наконечники пахотных орудий в лесной зоне. Это — разнообразные наральники, в основном без плечиков.

С IX—X вв. появляются и первые сошники. Новая датировка староладожских сошников позволяет говорить о еще более поздней дате появления сохи (Миролюбов М. А., 1972, с. 118—126). Они относятся к первому типу — небольшие, с особенно мощной втулкой и узкой лопастью. От наконечников без плечиков сошники отличаются большей длинной и узкой рабочей частью. Особенности сошников первого типа (мощная, почти сомкнутая втулка, очень узкая рабочая часть) свидетельствуют о тех же условиях освоения лесных почв под пашню, которые породили основные специфические черты сохи (высоко расположенный центр тяжести, двузубость, большой рабочий угол). Это совпадение является главным основанием для того, чтобы считать, что указанный тип наконечника соответствует сохе, а не ралу.

Начиная с XII в. на юге преобладают мощные симметричные лемехи. Их ширина в полтора, а ширина втулки в два раза превышает соответствующие размеры широколопастных наральников. Находки последних единичны, зато узколопастные довольно часто сопутствуют симметричным лемехам. Распространение таких мощных лемехов, обычно сопровождающихся чересламн, свидетельствует о появлении усовершенствованного орудия, предшественника плуга с односторонним отвалом. Такое орудие, как показывает миниатюра Радзивилловской летописи, могло уже иметь колесный передок и архаичный двусторонний отвал (Чернецов А. В., 1977).

На севере находки наральников вообще редки. Вначале преобладают сошники первого типа, с XII в. появляются сошники, у которых лопасть выгнута вперед, втулка меньше, а размеры больше. Эти изменения А. В. Кирьянов убедительно связал с образованием больших массивов старопахотных земель.

В XIV—XVI вв. на юге можно отметить переходные формы от симметричного лемеха домонгольского времени к позднему плужному лемеху. Таким образом, в это время завершается переход от орудий для симметричной пахоты к плугу, от рыхлящих орудий к оборачивающим — важнейшее событие в эволюции пахотных орудий (Чернецов А. В., 1972б, с. 75, 76).

На севере находки сошников второго типа единичны. Новый, третий тип (известен по находкам в Москве и Новгороде) отличается еще большими размерами, заострением рабочей части, которая не вы-

гнута вперед. Уплощенная форма втулки свидетельствует о рабочем положении, близком к горизонтальному. Появляются сошники с рабочей частью шире втулки — так называемые перовые (Никитин А. В., 1971, с. 36, 37, 55, табл. 1, *2—4*).

Эти изменения формы сошников отражают дальнейшее изменение конструкции сохи, которое определялось характером обработки старопахотных почв. К этому времени относится также распространение сохи за пределы первоначального ареала, связанное с расселением русского народа. Продолжавшееся и позднее расширение ареала сохи объясняется не только относительным совершенством орудия, но и экономическими причинами — орудие требует всего одной лошади, оно дешевле, чем плуг.

Судя по данным этнографии в XVIII—XIX вв. на юге Восточной Европы преобладает плужный лемех; узколопастные и широколопастные наральники распространены довольно широко. На севере наиболее многочисленны «перовые» сошники, но немало и сошников третьего типа. Граница южного и северного ареалов в XVIII—XIX вв. проходит гораздо южнее, чем в домонгольское время, что объясняется значительным распространением сохи. В домонгольское время граница этих ареалов приблизительно соответствовала границе леса и лесостепи. В XVIII—XIX вв. северная соха преобладает у русских крестьян в лесостепной и отчасти даже в степной зоне (карты см.: Левашова В. П., 1956; Довженок В. И., 1961; Русские. Историко-этнографический атлас. 1967).

Изучение наконечников пахотных орудий показывает, что представления о застойном характере средневековой агротехники должны быть пересмотрены.

Для объяснения наиболее значительных изменений форм пахотных орудий в истории пашенного земледелия могут быть выделены три этапа, не имеющие четких хронологических рубежей. Первый этап — первоначальное распространение пашенного земледелия на ограниченных участках с наиболее благоприятными почвенными условиями, предъявляет наименее жесткие требования к конструкциям пахотных орудий. В этом периоде нередко применяются заимствованные орудия (рала общеевропейских типов). Второй этап — освоение крупных массивов с наиболее характерными для данного района почвенными и ландшафтными условиями, наиболее благоприятен для появления местных специфических форм орудий, в частности, в лесной зоне — русской сохи, в степи — украинского плуга. Третий этап — развитое земледелие с использованием старопахотных почв, также влияет на эволюцию орудий, что ярко прослеживается, например, в конструкции русской сохи.

Наряду с упряжными пахотными орудиями для обработки почвы использовались и *ручные орудия* (табл. 85). Наиболее распространенное из них — лопата. В древней Руси были распространены как цельнодеревянные лопаты, так и деревянные с железными оковками. Деревянные лопаты изготовлялись обыкновенно из дуба. От хлебопечных и снегоочистительных лопат землеройные отличаются более узкой рабочей частью. Таких лопат, например в Новгороде, найдено более 40. Форма лопасти лопаты бывает прямоугольная, трапециевидная или треугольная (табл. 85, *1—3*). Ширина лопаты обычно 12—16 см, высота 25—30 см, длина ручки 80—95 см. Правый верхний край землеройных лопат всегда горизонтален (чтобы удобнее наступать ногой) (Колчин Б. А., 1968, с. 17, табл. 1).

Лезвие древнерусских лопат нередко оковывалось железом (табл. 85, *5—8*). Находки подобных оковок известны в 17 пунктах, их число превышает 70. Оковки обычно выковывались из двух полос, более или менее значительно охватывающих нижнюю и боковые стороны лопасти лопаты. Одна оковка из Райковецкого городища имеет дополнительную поперечную полосу, соединяющую по верхнему краю противолежащие боковые части оковки. На том же памятнике найдена и уникальная цельножелезная втульчатая лопата (табл. 85, *4*; Колчин Б. А., 1953, с. 88, 89). Работа деревянными лопатами с железными оковками изображена, в частности, на Суздальских вратах и на миниатюрах Радзивилловской летописи (Рыбаков Б. А., 1964в, табл. XXXIX; Арциховский А. В., 1944, с. 23).

Помимо лопат, для обработки почвы в Древней Руси использовались мотыги. Цельнодеревянные мотыги известны по находкам из Новгорода и Старой Ладоги (табл. 85, *12*, *13*). Их длина 80—90 см, длина рабочей части до 20 см. Металлические рабочие части древнерусских мотыг трудно отличимы от тесел (табл. 85, *9—11*). Вероятно, мотыгами следует считать экземпляры с более широким лезвием. Как показывают миниатюры Радзивилловской летописи, с орудием типа мотыги (имеющим металлическую рабочую часть) связан древнерусский термин «рогалие».

Такие целиком изготовлявшиеся из дерева сельскохозяйственные орудия, как вилы (табл. 85, *14*, *15*) и грабли (табл. 86, *21—23*), известны в основном по новгородским находкам. Вилы изготовлялись из сука с естественной развилкой. Их длина составляла 225—240 см, длина развилья 50—60 см. Длина сохранившихся колодок граблей 35—56 см. Зубьев обычно 5—7, но встречаются и четырехзубые грабли (Колчин Б. А., 1968, с. 18, 19, рис. 6, *3*, *4*).

Из других частей земледельческих орудий следует упомянуть зуб бороны — смык, найденный в Старой Ладоге (Орлов С. Н., 1954, с. 346—348). Борона упоминается в Русской Правде как инвентарь, выдававшийся закупу феодалом.

Важнейшее орудие уборки урожая — серп (табл. 87) найден более чем на 60 древнерусских памятниках, в количестве, превышающем 500 экз. Есть памятники, где найдено более чем по 100 серпов.

В отличие от серпов раннего железного века, для которых характерен незначительный изгиб лезвия и черешок, продолжающий направление прилежащей части лезвия, древнерусские серпы имеют значительный изгиб лезвия, а черешок рукояти у них сильно отогнут. Форма древнерусских серпов приближается к форме современных. Расстояние от начала клинка серпа до острия 19—33 см (у современных серпов несколько больше). Высота дуги обычно составляет около $^1/_3$ этого расстояния (у современных — около $^1/_2$). Угол между черешком и начальной частью клинка 70—100° (у современных серпов этот угол несколько более тупой

110—120°). Во многих случаях прослеживается асимметрия дуги лезвия — сдвиг ее вершины в сторону рукояти. На лезвии древнерусских серпов нередко имеются следы зубрения, однако известны и экземпляры, лезвие которых не подвергалось насечке.

Для дифференцированной классификации форм серпов А. В. Арциховским был предложен математический способ, основанный на логарифмическом описании кривизны лезвия. В результате ему удалось выделить новгородский тип серпов, характеризующийся параболической кривизной лезвия, а также московский и днепровский, кривизна лезвий которых представляет собой отрезки разных эллипсов (Арциховский А. В., 1928). Изучение кривизны древнерусских серпов было продолжено на значительно большем материале В. П. Левашовой. Она использовала более простой и наглядный графический метод определения углов резания. Исследования В. П. Левашовой в целом подтвердили существование типов, выделенных А. В. Арциховским, а также позволили выделить новые типы и их варианты. В. П. Левашова отмечает существование следующих подтипов: новгородский, московский (включая Калужскую, Калининскую и Рязанскую области), киевский, юго-западный и русско-литовский. Как разновидность новгородского типа указан костромской вариант. В. П. Левашовой не удалось выявить четкие границы выделенных типов. Дальнейшее изучение серпов по ее методике показало, что таких четких границ не было и в ряде пунктов разные типы серпов сосуществовали. По основным и наиболее устойчивым признакам серпы распадаются на два типа: северный (Новгородский) и южный (южнорусский и среднерусский).

По технологии производства древнерусские серпы относятся к числу изделий, которые не могли изготовляться неквалифицированными сельскими кузнецами, и относятся к качественным изделиям кузнецов. Как правило, серпы изготовлялись из железа с наваркой стальных полос на лезвие. Реже встречаются и цельностальные и сварные из трех полос. Наиболее примитивные по изготовлению цельножелезные серпы встречаются крайне редко.

Коса в Древней Руси (табл. 86) не использовалась как орудие уборки урожая, а исключительно для сенокошения. По сравнению с косами, использующимися в настоящее время, древнерусские косы представляют собой иной тип. Современная коса (коса-стойка, литовка) имеет длинную прямую ручку, древнерусская — более короткую и изогнутую. Такой косой нужно было косить согнувшись, причем ей можно косить как вправо, так и влево. Такая коса, встречавшаяся в крестьянском быту в ряде мест в XIX в., называлась «горбушей». Она более удобна для сенокошения на неровных и частично заросших кустарником участках.

Находки древнерусских кос более редки, чем находки серпов. Косы найдены в 40 пунктах в количестве более 200 экз. По размерам и пропорциям древнерусские косы распадаются на два типа — северный и южный. Северные (новгородские и среднерусские) косы длиннее и уже южных, высота изгиба лезвия у них более значительна. Длина северных кос — 45—50 см, южных — около 37 см. Ширина лезвия у северных кос около 3 см, у южных — 4,5 см, высота изгиба лезвия у северных кос $^1/_5$—$^1/_8$ длины лезвия; у южных менее $^1/_{10}$. Черешок у древнерусских кос у́же клинка и обычно отделен от него уступом. Черешки северных кос несколько длиннее южнорусских.

Кроме железных полотен, от древнерусских кос сохранилось несколько рукояток. Они вполне соответствуют рукояткам позднейших горбуш. Помимо обычных кос, в Новгороде обнаружена коса со складной ручкой начала XV в. Можно думать, что она входила в состав снаряжения всадника. В более позднее время такие косы неизвестны.

Древнерусские косы имеют также некоторые хронологические различия. Так, наиболее ранняя новгородская коса наряду с пропорциями, характерными для северного типа, отличается весьма малыми общими размерами, причем уступает даже южным косам.

По технологии изготовления косы принципиально не отличаются от серпов. В данном случае также преобладают железные изделия со стальной наваркой вдоль режущего края. Как исключение известны более сложные сварные лезвия.

Сжатый хлеб связывали в снопы, которые затем складывались в копны. Затем просушенные в копнах снопы свозили на гумно. Все перечисленные сельскохозяйственные термины были известны уже в домонгольской Руси. Термин «скирда» в Древней Руси был неизвестен, вместо него упоминается «стог хлеба». Кроме того, практиковалась просушка хлеба в овинах. Обмолоченное и провеянное зерно хранили главным образом в зерновых ямах, которые часто обнаруживаются при археологических раскопках. Эти ямы выкапывались глубиной около 1 м (иногда значительно больше) и имели цилиндрическую, иногда грушевидную форму. Стенки ям в некоторых случаях обмазывались глиной и обжигались. Емкость ям колебалась от нескольких десятков килограммов до нескольких центнеров. В некоторых случаях археологи находят десятки зерновых ям на небольших участках.

Находки, связанные с переработкой земледельческих продуктов, рассматриваются в других разделах тома. Жернова (находки в более чем 30 пунктах) — в разделе о механизмах; чесала и трепала — в разделе о ремесле.

Важной отраслью сельского хозяйства Древней Руси было *скотоводство*. Именно оно обеспечивало население большей частью мясной пищи, как об этом свидетельствуют остеологические материалы. Кроме того, молочные продукты, в частности сыр, издавна входили в рацион питания восточных славян. Лошади и волы использовались в транспортных целях и как тягловая сила на пашне. Шкуры и кости животных использовались в кожевенном и костерезном ремесле.

В изучении древнерусского скотоводства, помимо письменных источников, основную роль играют остеологические материалы. Эти данные показывают, что соотношение костей домашних и диких животных почти на всех без исключения древнерусских памятниках демонстрируют безусловное преобладание роли скотоводства по сравнению с охотой. Древнерусское стадо включало крупный рогатый скот,

лошадь, свинью, овцу и козу. Наиболее часто встречаются в раскопках кости крупного рогатого скота. Очевидно, именно это животное играло ведущую роль в мясной пище населения. Количество костей лошади, обнаруженных на древнерусских памятниках, в несколько раз уступает количеству костей крупного рогатого скота. Однако эти цифры, очевидно, отражают не реальное соотношение этих видов в стаде, а сокращение употребления конины в пищу в связи с распространением использования лошади на пашне и отчасти христианским запретом. В отличие от древнерусских памятников памятники лесной зоны второй половины I тысячелетия до н. э.— первой половины I тысячелетия н. э., в частности дьяковские, отличаются обилием костей лошади. На дьяковских памятниках лошади принадлежит 26,5% особей. Сходные показатели имеются еще на роменских памятниках.

Вслед за мясом крупного рогатого скота второе место в питании населения занимала свинина (по числу особей восстанавливаемое по костным остаткам количество свиней превосходило даже поголовье крупного рогатого скота). Мелкий рогатый скот был менее многочислен, причем кости овец встречаются значительно чаще козьих.

Интересны данные о размерах и возрастном составе домашних животных, основанные на изучении остеологического материала. Все виды домашних животных малорослые, встречаются заморенные особи. Средний рост в холке крупного рогатого скота в Древней Руси 95—105 см, лошади 128—136 см. Кости домашних животных, как правило, принадлежат молодым особям, что связано с забиванием молодых животных к зиме вследствие трудностей зимнего содержания скота. Большая часть свиных костей принадлежала особям до полутора лет (Цалкин В. И. 1956).

Кроме млекопитающих, в Древней Руси разводили также домашнюю птицу — кур, уток, гусей.

Особенности климата Восточной Европы требовали зимнего стойлового содержания скота. В письменных источниках упоминаются хлевы. На ряде памятников раскрыты хозяйственные постройки, размещенные вблизи от жилищ, в которых мог содержаться скот. В отдельных случаях скот мог находиться зимой в жилищах. Значительные скопления навоза, обнаруженные на многих древнерусских памятниках, указывают на длительное содержание животных на одних и тех же местах. О стойловом содержании животных говорят также находки кос, орудий, посредством которых осуществлялась заготовка кормов на зиму.

Из археологических находок, связанных со скотоводством, можно указать на немногочисленные ботала (табл. 87, *29*) и инструментарий коновала (Левашова В. П., 1956, с. 86; Орлов С. Н., 1954, рис. 8). Предметы, связанные с транспортным использованием домашних животных, а также снаряжением всадника рассматриваются в других разделах.

Рыболовство. История рыбного промысла, рассматриваемая в плане общих закономерностей развития трудовой производственной деятельности населения русских земель, представляет значительный интерес. Его начало уходит в глубь тысячелетий, когда лов рыбы, несмотря на примитивные орудия, вместе с охотой и собирательством являлся основой экономики.

Уступив ведущее место в экономике производящим способам ведения хозяйства — земледелию и скотоводству, рыболовство не исчезло, не выродилось, а приняло качественно новые формы. Источники XVI в. фиксируют на Руси наличие многочисленных промысловых деревень и слобод, населенных специалистами-рыболовами; значительный процент профессионалов-рыбаков среди посадского люда; оживленную торговлю рыбой на городских рынках; всевозможные повинности, взимавшиеся рыбой феодалами с подвластных селений и т. д. Наглядным свидетельством большой ценности рыбных угодий служат актовые материалы и писцовые книги, придирчиво регистрировавшие не только крупные водоемы, но и пруды, и мелкие лесные озера. Поэтому вывод исследователей о том, что продукция рыболовства занимала важное место в пищевом рационе населения Древней Руси, в том числе и господствующего класса, не вызывает сомнений. Однако картину, отраженную источниками времени сложения русского централизованного государства, нельзя механически перенести на более ранние эпохи. Ее начальные стадии скрыты внутри предшествующего периода. Лишь привлечение широкого круга разнообразных материалов, и прежде всего данных археологии, открывает путь к изучению этого вопроса.

Если из раскопок раннеславянских поселений второй половины I тысячелетия н. э. в Восточной Европе предметы рыбного снаряжения исчисляются единицами (Куза А. В., 1970б), то в культурных напластованиях древнерусского времени их количество увеличивается буквально в десятки раз. Почти везде, где исследовались значительные площади, встречены те или иные орудия рыбной ловли, кости и чешуя рыб. Более чем из 100 пунктов происходят интересные коллекции рыболовного инвентаря.

По назначению и способу применения рыболовные орудия подразделяются на четыре основных группы: колющие орудия, крючные снасти, сети, запорные системы. Некоторая условность такого деления очевидна, поскольку имеются и переходные, и комбинированные типы. Но эта общепринятая классификация вполне обеспечивает исследование рыбного промысла в его динамике.

Колющие орудия (табл. 89). В данную категорию входят остроги, гарпуны, багры, стрелы и все орудия ударного действия независимо от того, с какой стороны по рыбе наносится удар: сверху, снизу или сбоку. Острога среди них была самым распространенным и массовым приспособлением. Она известна у большинства народов мира с глубокой древности. Абсолютное большинство древнерусских острог принадлежит к двум типам: составных трехзубых и многозубых, сложенных из двух половин. Речь идет сейчас лишь о наконечниках. Они изготавливались из железа и насаживались на деревянную рукоять, длина которой превышала иногда 4 м. По своему действию — удар сверху — все древнерусские остроги принадлежат к типичным орудиям озерно-речного лова.

Составные остроги складывались из трех отдельных зубьев, имевших изогнутые колена для увели-

чения площади поражения (табл. 89, *10*). Верхний кончик зуба отгибался под прямым углом и вставлялся в специальный паз в древке. Рукоять остроги с вложенными в нее зубьями обматывалась понизу веревкой, лыком, проволокой и т. п. для обеспечения прочности соединения всех частей. Размеры зубьев по длине колеблются в среднем от 10 до 20 см. По-видимому, все составные остроги предназначались для ловли достаточно крупной рыбы, что подтверждается и горизонтальным расстоянием между зубьями, достигавшим нескольких сантиметров.

Второй тип древнерусской остроги — многозубый, представлен несколько меньшим количеством находок. Эти остроги также были составными, но складывались из двух частей, каждая из которых имела по несколько зубьев (табл. 89, *11*). В археологических коллекциях встречаются четырех- и шестизубые остроги, т. е. половина наконечника снабжена двумя или тремя зубцами. В Новгороде в слоях XIV в. найдены вместе две половины шестизубой остроги. Наконечники таких острог достигали 30 см в длину. Столь значительные размеры указывают на охоту за очень крупной рыбой. Оба типа древнерусских острог употреблялись вместе как на реках, так и на озерах. Однако их хронология не вполне совпадает. На более ранних памятниках (Хотомель, Титчиха) известны лишь составные трехзубые остроги. Многозубые орудия появились позже. В Новгороде и Пскове первые находки датируются рубежом XII—XIII вв., в Любече — серединой XII в. Надо думать, что повышение промысловых качеств остроги шло за счет увеличения количества зубьев. Во второй половине XII — начале XIII в. многозубая острога внедряется в обиход русских рыбаков.

Прочие варианты острог менее характерны для Древней Руси. Известны находки, особенно в западнорусских землях (Волковыск, Гродно, Новогрудок), небольших (5—8 см) железных прямых зубьев острог (табл. 89, *12*). Один их конец снабжен зазубриной, а другой заострен и имеет боковой упор. Подобная конструкция предполагает и определенное назначение этих зубьев: они вбивались в поперечную деревянную планку или непосредственно в расширяющийся комель рукояти. Упор не давал им глубже врезаться в дерево при ударе о дно озера или реки. Условно по внешнему сходству такие остроги можно назвать гребешковыми.

Лов рыбы острогой весьма прост, но требует некоторой сноровки. Он может производиться круглый год. Озерно-речная ловля рыб острогами совершалась весной, летом и осенью несколькими способами: вброд, нырянием, с лодки. Иногда острогу метали как гарпун, для чего к древку привязывалась веревка. Рыбу ловили ночью с огнем: с берега или с лодки. Зимой рыбу били острогами сквозь проруби во льду, привлекая ее специальными приманками или огнем.

Помимо острог, другие колющие орудия не получили на Руси повсеместного распространения. Несомненно, для лова рыбы предназначались гарпунные трехзубые наконечники стрел, найденные в Новгороде и Старой Ладоге. Их длина варьирует от 7 до 10 см. Расстояние между расположенными в разных плоскостях зубьями равно 2—4 см. Наконечники черешковые, четырехгранные или круглые в сечении, с упором. Судя по новгородским материалам они бытовали с конца XI до середины XIV в. Этими стрелами били рыбу из лука во время нереста или когда она плавала поверху, как теперь стреляют ее с берега из ружья. Разветвленная конструкция наконечника уменьшала вероятность промаха из-за преломления лучей света в воде. Извлекали загарпуненную рыбу, по-видимому, с помощью бечевки, укрепленной на древке стрелы. Известен и другой тип рыболовных стрел — гарпунный двупротивошипный. Они также черешковые, длиной около 6 см, расстояние между шипами достигает 3 см. Оба экземпляра найдены в пределах Черниговской земли, на Шестовицком городище и у Остерского Городца. Их дата — X—XIII вв.

Крючные снасти (табл. 89, *1—9*). Главной составной частью этих орудий были всем хорошо знакомые рыболовные крючки. Коллекция древнерусских рыболовных крючков насчитывает более 1000 штук. Большинство из них изготовлено из обычного железа, жало иногда цементировалось. Медные крючки встречаются чрезвычайно редко. Размеры крючков по длине колеблются от 2 до 25 см, а по радиусу изгиба — от 0,3—0,5 см до 2,5—3 см. Они делались из круглого, овального или прямоугольного в сечении стержня. Функциональные особенности крючка определяют его величина и конструкция жала, прочие особенности являются второстепенными, хотя и немаловажными. Все древнерусские крючки по своему назначению делятся на две большие группы: для лова на удочку (радиус изгиба до 1 см); для лова на прочие приспособления — жерлицы, донки, закидушки (радиус изгиба свыше 1 см).

Достоверных сведений о применении удочек восточными славянами до X в. у нас нет. Найденные на ранних памятниках массивные железные крючки, по-видимому, употреблялись для других снастей. Но с середины X столетия в культурных напластованиях поселений, а также в могильниках появляются крючки мелких размеров, скорее всего предназначенные для оснащения обычных удочек. Большинство из них железные, но есть и медные; у некоторых экземпляров отсутствует бородка (зубец); многие крючки вместо петли для крепления лесы имеют расширение — лопаточку или зазубрины на стержнецевье (табл. 89, *1*). Помимо крючков, в Новгороде, например, от снаряжения древних удочек сохранились веретенообразные поплавки из сосновой коры и осокоря, ничем не отличающиеся от современных. В качестве грузил употреблялись, надо полагать, кусочки свинца, свернутые в трубочку. Из чего делались лесы — сказать трудно. По всей вероятности, на их изготовление шли жилы животных, конский волос или льняные и пеньковые нити. В коллекциях XII—XIII вв. количество крючков увеличивается, а конструкция усложняется. В Киеве, Гродно, Новогрудке, Волковыске, Серенске, Браславе, Новгороде появляются находки вычурных, специализированных форм. По-видимому, местные рыбаки стремились подобрать для каждого вида рыбы наиболее уловистую снасть. Тем не менее лов удочкой не был особенно популярным. Нигде крючки для них не преобладают над другими находками. Так, из более чем 120 рыболовных крючков, найденных

на Княжой горе (Родень), лишь около 15 пригодны для снаряжения удилищ; в Волковыске на 29 крючков такого типа приходится пять или шесть; в Новгороде девять—десять па 32.

Абсолютное большинство древнерусских рыболовных крючков предназначалось для лова крупной рыбы (сомов, щук, осетров) с помощью разнообразных снастей вроде жерлиц, поводков, закидушек, донок и т. п. (табл. 89, *2—6*). Они прежде всего выделяются своими размерами и прочностью. Наблюдая над распространением по территории Древней Руси рыболовных крючков разных форм, почти не удается наметить районы бытования каких-либо определенных типов. То они слишком индивидуальны, то, наоборот, достаточно общи. Может быть, только на западной окраине русских земель (Гродно, Волковыск, Лукомль, Новогрудок) появились тщательно сработанные железные крючки, жало которых фигурно изогнуто и не имеет бородки, а конец цевья расплющен в лопатку, что свойственно лишь указанным памятникам. Иногда встречаются крючки совершенно необычной конструкции, своего рода шедевр изобретательности местного любителя-рыболова. К числу редких находок относятся двойные и тройные крючки якорного типа, обнаруженные в количестве нескольких штук при раскопках Княжой горы, Донецкого городища, Изяславля, Девичь-горы.

Культурный слой Новгорода, хорошо консервирующий органические вещества, сохранил еще один тип неизвестных по другим памятникам крючков. Они представляют собой тонкий деревянный стержень длиной 7,5—10 см с отходящим от него под острым углом сучком (длина 2—3 см). Все три конца приспособления заострены (табл. 89, *7*). Их найдено более 25 штук. Такие крючки, получившие в этнографической литературе название «горловых», появились еще в эпоху каменного века. Способ их применения чрезвычайно прост и рассчитан на лов рыб (сомов, налимов, реже щук), глубоко заглатывающих добычу. Леска привязывалась к середине крючка. На него надевалась приманка — мелкая рыбка. Острые концы приспособления впивались в горло хищника, проглотившего живца. В конце прошлого века так ловили налимов московские, владимирские и новгородские рыбаки.

Большинством указанных крючков снаряжались жерлицы, найденные в Новгороде в количестве 30 штук, или прочие приспособления для ловли крупных рыб.

В Древней Руси рыбу ловили и на блесну. Металлические приманки — блесны найдены во многих пунктах: Новгороде, Пскове, Волковыске, городищах у с. Зборов и Екимауцы, на селищах в Гомельской, Калужской, Гродненской, Киевской областях и других местах. Существовали блесны двух типов: первый тип это блесна, изготовленная из железной овальной пластины, несколько изогнутой формы (встречаются блесны листовидные), один конец которой непосредственно переходил в крючок, а на другом пробивалось отверстие для лески (табл. 89, *8*). Размеры этих блесен от 6 до 20 см. Одна из новгородских блесен целиком покрыта медью, по краям ее сделаны дополнительные отверстия, куда привязывались, возможно, разноцветные нити, привлекавшие рыбу. Блесна из Волковыска по внешней стороне украшена циркульным орнаментом, имитировавшим рыбью чешую. Величина блесен и особенности их конструкции предполагают их употребление в качестве «дорожек». Такая блесна на длинной лесе пускалась за лодкой. Блесны второго типа делались несколько иначе: в свинцовую или оловянную массивную пластину впаивался железный крючок (табл. 89, *9*). С уверенностью можно утверждать, что этими снарядами (по аналогии с современными) ловили рыбу зимой через проруби во льду или летом с лодки в глубоких озерах.

Заканчивая обзор применявшихся в древнерусское время крючных снастей, следует подчеркнуть, что они не играли определяющей роли в развитии рыболовной техники, а занимали в нем вспомогательное, второстепенное место.

Сети (табл. 90). Среди важнейших орудий рыболовства первое место безусловно принадлежит сетям, изобретенным еще в конце эпохи мезолита. Древнейшие сетки плелись из лыка или стеблей волокнистых растений: крапивы, болотной осоки. Однако эти снасти обладали большим весом и малой прочностью, что во много раз снижало эффективность их применения. Роль главных промысловых орудий перешла к сетям после широкого распространения таких технических культур, как лен и конопля. Пряжа этих растений достаточно прочна и эластична. Поэтому из нее можно было изготовить снасти высокого качества и больших размеров.

Об употреблении в Древней Руси сетей свидетельствуют и археологические материалы, и письменные источники.

Остатки самих сетей в руки археологов попадают редко. Дело приходится иметь, как правило, с маловыразительными деталями снастей: глиняными и каменными грузилами, реже с деревянными или берестяными поплавками. Восстановить по ним достоверно конструкцию сетей бывает трудно, а порой невозможно. Хорошо определимые грузила рыболовных сетей найдены на многих древнерусских памятниках, а в тех местах, где хорошо сохраняется органика (Новгород, Старая Русса, Белоозеро, Псков, Вологда, Смоленск, Давид Городок, Друцк и др.), обнаружены также поплавки из дерева и коры. Уже только эти находки позволяют считать лов рыбы сетями в Древней Руси повсеместным.

Способы плетения или вязания сетей хорошо известны по этнографическим данным. В Новгороде начиная со слоев середины XIII в. были найдены пять специальных деревянных игл-челноков и шесть деревянных дощечек-шаблонов, ничем не отличающихся от современных, которые позволяли быстро вязать сети, практически любого размера со строго фиксированной величиной ячей (табл. 90, *10*). Длина новгородских игл-челноков колеблется от 20 до 25 см. Поперечные размеры шаблонов, а следовательно, и ячей сети варьировали в пределах от 1,5 до 4 см.

Какие же снасти были известны в Древней Руси? Среди археологических находок широко представлены грузила из обожженной глины: цилиндрические, шаровидные, несколько вытянутые (табл. 90, *4*). Они невелики по размерам, имеют малый вес, а следовательно, ими огружались небольшие сети. Поплавками для последних служили свергнутые в

трубку куски бересты; сегментовидные, круглые и листовидные поплавки из сосновой коры; круглые, овальные или треугольные поплавки из нескольких слоев прошитой бересты (табл. 90, *1*, *2*). Для более крупных сетей применялись грузила из камней, обернутых берестой, наподобие кошелька. Очень широко распространены грузила, изготовленные из плиток сланца, известняка или ракушечника. По форме они напоминают сегмент; в их верхней части просверливалось отверстие, за которое грузила веревкой или ремешком подвешивались к нижнему подбору сети (табл. 90, *5*). Известны также грузила оригинальной и довольно древней конструкции: в кольцо из прута вставлялся камень, удерживаемый в центре круга лентами бересты или лыка. Поплавки для больших сетей делались из дерева в форме полукруга или сегмента (табл. 90, *3*). Для более плотного и прочного крепления к тетиве внизу у них прорезался паз, а по краям делались два отверстия или оставлялось два выступа для тонкой соединительной бечевки. Верхняя часть поплавка имела утолщение, чем увеличивалась его подъемная сила, а также фиксировалось вертикальное положение в воде. Сохранились деревянные петли от ставных сетей и специальные буйки, отмечавшие место опущенных в воду снастей. Есть и навершия ботал (деревянные кольца и рогульки), ударяя по воде которыми пугали рыбу, загоняя ее в сети. Наконец, в Новгороде найдены деревянные обручи от больших сетяных ловушек: мереж или вентирей.

Разнообразие археологического вещевого материала наглядно характеризует высокий уровень технической оснащенности древнерусских рыбаков. Знакомство с находками позволяет утверждать, что уже в домонгольское время на Руси было известно несколько типов сетей. Все они делятся на две большие группы: сети отцеживающие и объячеивающие. Первыми как бы процеживают воду на определенном участке водоема. Их передвигают, протаскивают, пускают по течению, сводят концами и вытягивают на берег или в лодку. Вторые ставят неподвижно поперек или вдоль течения реки, а также в заливах и озерах. Рыба попадает в них сама или ее туда загоняют шумом.

Как свидетельствуют письменные источники, в распоряжении русских рыболовов к XV в. находилось большое и разнообразное число промысловых сетей; по крайней мере два (озерный и речной) вида неводов; простейшие волоковые сети типа бредней и куриц; переводы, ставные и ботальные сети всех размеров для добычи определенных рыб, а также сети-ловушки (мережи, сежи).

Уже сам по себе этот факт доказывает высокий уровень развития рыболовства на Руси, причем промыслового характера, так как большинство из указанных снарядов были рассчитаны на массовый лов рыбы.

Ботальные и ставные сети, насколько можно судить по материалам раскопок в Новгороде, спорадически использовались в X—XI вв., но их широкое внедрение в повседневную рыбацкую практику приходится на вторую половину XII — начало XIV в.

В это время происходят, по-видимому, серьезные изменения во всей системе древнерусского рыболовства. В XIII в. усовершенствуется техника изготовления сетей, расширяется ассортимент рыболовных крючков.

Прогрессивное развитие рыболовных орудий, прежде всего сетей, шло в двух направлениях. С одной стороны, постоянно увеличивались их размеры, а следовательно, повышалась добычливость. С другой стороны, снасти специализировались, приспосабливались наилучшим образом для лова наиболее ценных пород рыб.

Ловушки, преграды. Одним из древнейших и широко распространенных на Руси и в соседних землях способов рыболовства была добыча рыбы плетеными ловушками, а также с помощью простых и более сложных преград-заборов: котцев, колов, приколков и езов. Возникновение этих приемов лова восходит по крайней мере к эпохе мезолита, если не к верхнепалеолитическому времени.

К сожалению, археологических материалов для реконструкции перечисленных рыболовных орудий древнерусского периода нет, хотя их массовое использование, судя по сведениям письменных источников и этнографическим данным, не вызывает сомнений. Все древнерусские запорные рыболовные системы были комбинированными: деревянные или земляные преграды сочетались с плетеными и сетяными ловушками или были приспособлены для лова рыбы сетями.

Вспомогательное снаряжение. Помимо различных орудий лова, древнерусские рыбаки пользовались разнообразным вспомогательным снаряжением. Для многих видов промысла были необходимы лодки. Детали судов, весла, уключины, скамейки и т. д. обнаружены в Новгороде уже в слоях X в. Лодка в хозяйстве рыбака — вещь столь же существенная, как и сами снасти. Поэтому широкое развитие рыболовства косвенным образом указывает и на массовое строительство челнов и лодок.

Специальное снаряжение требовалось и для зимнего промысла. На древнерусских памятниках с конца X в. встречаются массивные втульчатые долотовидные наконечники из железа — пешни (единичные экземпляры их найдены и на поселениях роменско-боршевского типа) (табл. 90, *9*). По форме своей они ничем не отличаются от современных. Принцип их действия — тот же. Пешней, насаженной на деревянную рукоять, пробивали проруби во льду, куда опускали сети и другие снасти. Наконечники пешней найдены на всей территории Древней Руси, что свидетельствует о повсеместном распространении зимнего рыболовства. Форма большинства наконечников (желобчатое долото) очень устойчива и почти не изменяется во времени. Они становятся лишь более массивными, тяжелыми, т. е. пригодными для пробивания толстого льда. Лишь в Пскове найдена пешня несколько иного типа: широкая втулка переходит в четырехгранный наконечник со срезанной под углом в 45° рабочей частью. В новгородской коллекции есть также топор-ледоруб с узкой и необычайно длинной лопастью.

Существует еще одна категория находок, непосредственно связанная с зимним промыслом рыбы. Во многих пунктах обнаружены овальные прорезные пластины с двумя—четырьмя шипами и двумя пет-

лями для крепления к обуви. Такие же по форме приспособления и сейчас используются рыбаками во время подледного лова рыбы.

Помимо пешней и шипов, во время подледной ловли употреблялись и другие вспомогательные орудия: жерди-рели, с помощью которых сеть протаскивалась из проруби в прорубь; костыль-сошило для пропихивания жердей; черпак для удаления наледи из полыньи и др.

Рыбные промыслы оборудовались также специальными сооружениями для просушки сетей, избушками, где рыбаки жили в течение длительного времени; пристанями; садками для пойманной рыбы.

Как археологический материал, так и многочисленные сведения письменных источников рисуют достаточно красочную картину развития рыболовства в Древней Руси в X — начале XV в. Богатый набор снастей и снарядов из года в год и из века в век пополнялся новыми, более совершенными орудиями. Ведущее место в промысле заняли наиболее прогрессивные способы лова с помощью больших сетей (неводов) и деревянных заборов-езов.

Промысловые рыбы. К сожалению, в письменных памятниках раннего времени (XI—XIII вв.) редко встречаются названия рыб. Упомянуты лишь осетр, карп и карась. Однако рыба вообще, как вылавливаемая рыбаками, так и подаваемая к столу или поступившая в продажу на городском торге, отмечена в летописях и иных источниках не раз. Из некоторых сообщений, например о пирах Владимира Святославича в Киеве или о трех санях рыбы, взимавшихся по грамоте Ростислава Мстиславича с города Торопца, можно составить представление о довольно значительном объеме промысла.

Чрезвычайно ценный в этом плане материал дает обследование специалистами-ихтиологами костных остатков и чешуи рыб из археологических раскопок (Лебедев В. Д., 1960; Сычевская Е. К., 1965). Список рыб, охваченных промыслом в Древней Руси (до XIV в.), по палеоихтиологическим данным, насчитывает 29 видов: осетр русский, осетр балтийский, севрюга, стерлядь, семга, кумжа, сиголов (волховский), сиг, лудога, сом, налим, щука, судак, окунь, ерш, лещ, синец, сырть, язь, голавль, жерех, чехонь, густера, сазан, линь, карась, плотва, красноперка, вырезуб, уклея, распределяющихся по семи семействам: осетровые, лососевые, сомовые, тресковые, щуковые и карповые. Кроме того, найдены кости сельдей, по всей вероятности, привозных.

По сравнению с предшествующим периодом (VIII — середина X в.) уловы стали разнообразнее. Количество разновидностей рыб в них увеличилось почти вдвое (29 против 17). Значительно возросло промысловое использование карповых (на пять видов). Появились новые объекты лова: семейства лососевых и тресковых.

Данные наблюдения свидетельствуют о дальнейшем и интенсивном развитии рыболовства. Промысловые способы лова — невода и сети преобладают над индивидуальными (крючные снасти и колющие орудия). Об этом позволяют говорить рост удельного веса в уловах карповых, добывавшихся главным образом сетями, и появление лососевых. Указанные явления не только не противоречат отмеченным выше изменениям в рыбацкой технике, но, взаимно подкрепляя друг друга, указывают на определенные сдвиги в характере рыбного промысла.

Археологические находки X—XIII вв.: пешни, ледорубы и приспособления для работы на льду, бесспорно, свидетельствовали о наличии на Руси зимнего рыболовства. Рыбный промысел имел уже круглогодичный характер. В зависимости от местных условий его сроки сдвигались в ту или иную сторону, но добыча рыбы велась с разной интенсивностью почти непрерывно. Особо значительными были лов «вешний», «осенний» и «зимой по первому льду».

Пойманную рыбу сушили в специальных печах, ее вялили на солнце, обрабатывали горячим копчением или замораживали. Первоначально (X—XIII вв.) рыбу солили редко, поскольку это связано с большим расходом соли, избытков которой на Руси не было. Однако сохранить впрок много рыбы без соли нельзя. Увеличение уловов стимулировало быстрое развитие солеварения. В документах XIV—XVI вв. соленая рыба упоминается постоянно.

Из рыбы готовили разные блюда. Ее употребляли «на пар», «в уху», «на тело». Шла в пищу и икра (не только черная, но и сиговая, и щучья). Словом, не единичные факты, а массовые свидетельства источников включают рыбу в число важнейших продуктов питания населения Древней Руси.

Итак, взятые вместе вещевые находки (рыболовные орудия и их детали) и палеоихтиологические материалы служат надежным критерием успешного развития рыбацкой техники в период X—XIV вв. Они заставляют предположить возникновение новых и усовершенствование старых снарядов для лова рыбы, чем опровергают бытующее мнение о якобы вполне сложившемся и не претерпевшем серьезных изменений наборе орудий и снастей у русских рыбаков на протяжении длительного времени.

Первоначально промысел базировался на небольших, доступных более примитивным и простым способам рыболовства придаточных водоемах. Постепенно он охватывает крупные водные бассейны и выходит на широкие озерные пространства. Без технического перевооружения этого не могло бы быть. Наметившиеся сдвиги свидетельствуют и о другом важном явлении: такое рыболовство нельзя считать спорадическим, ведшимся от случая к случаю, временным. Оно было постоянным, регулярным, использовавшим разнообразную ихтиофауну, а следовательно, профессиональным или полупрофессиональным. Процесс трансформации рыбного промысла в самостоятельную отрасль хозяйства шел постепенно, но существенные успехи в нем определились на рубеже XII—XIII вв.

Место рыбного промысла в хозяйственной деятельности населения русских земель в различные исторические периоды целесообразно рассмотреть отдельно по трем основным структурным единицам экономики Древней Руси: в крестьянском хозяйстве, в составе феодальной вотчины и в городе.

Рыболовство в крестьянском хозяйстве. Вся совокупность археологического материала не позволяет заметить сколько-нибудь серьезных изменений функции добычи рыбы в хозяйственной жизни деревни X—XIII вв. Хотя рыболовство распространилось очень широко, практически повсеместно, его роль ограничивалась внутренними потребностями

каждого хозяйства, т. е. оно по-прежнему оставалось разновидностью домашних промыслов.

Лишь в XII в. появились поселения, лов рыбы в жизни которых занял более существенное место. К ним относятся, например, селища в Перыни под Новгородом и близ Ярополча Залесского. Характерно, что ловецкие деревни возникли в ближайшей городской округе, т. е. под прямым воздействием расширяющегося городского рынка.

Источники XIV—XV вв. свидетельствуют, что рыболовство крестьян в окрестных реках и озерах было явлением естественным и широко распространенным. Однако невод стал уже источником существования для значительной категории крестьян. Число промысловых поселений возросло в несколько раз. Наметившийся еще в деревне XII в. процесс постепенного отделения рыболовства от сельского хозяйства спустя три столетия зашел довольно далеко: от повышения удельного веса лова рыбы в отдельных крестьянских дворах к появлению «пашенных» ловцов, а за ними и «непашенных» рыболовов и целых поселков рыбаков-профессионалов. Сведения о торговле отдельных крестьян рыбой подтверждают мелкотоварный характер их промысла.

Рыбный промысел в феодальной вотчине. Лов рыбы издревле существовал и внутри феодальной вотчины. Владельческие промыслы («ловища» княгини Ольги) упоминаются летописью уже в X в. Археологические находки, к сожалению, пока не позволяют сколько-нибудь подробно охарактеризовать вотчинное рыболовство X—XIII вв. Но актовые материалы фиксируют его значительное развитие. По-видимому, в вотчине — крупном феодальном владении общественное разделение труда прогрессировало более быстрыми темпами, чем в окружавших ее поселениях крестьян-общинников. Переход вотчинного рыболовства к новой ступени развития — специализированному промыслу в отличие от добычи рыбы в большинстве крестьянских хозяйств, дополнявшей своими дарами патриархальное земледелие и прочие отрасли «домашней» экономики, обуславливался гораздо большими потребностями феодала-вотчинника в натуральных продуктах.

Документы XIV—XV вв., прежде всего новгородские писцовые книги, позволяют в деталях изучить организацию рыбного промысла в крупных феодальных владениях этого времени. Различные угодья: тони, езы, пруды, участки в озерах и реках были их непременной частью.

К XVI в. многие феодалы, особенно монастыри, всемерно расширяли и интенсифицировали свое промысловое хозяйство, превращая его в товарное производство. Некоторые из них завели даже специальные дворы, где хранилась и перерабатывалась рыба.

Развитие рыболовства в древнерусских городах. Практически нет ни одного города, археологически изученного, где бы не были найдены рыболовные орудия. Даже в X—XI вв. оснащение городских рыболовов отличалось большим разнообразием и совершенством. Однако говорить о появлении в это время профессионального промысла еще нельзя. Лишь к XII в. добыча рыбы становится самостоятельной специальностью некоторых горожан.

Возникновение в городах и их ближайшей округе профессионального рыбного промысла не вызывает удивления. Помимо феодалов, окруженных штатом слуг и холопов, древнерусское городское население состояло из многочисленного посадского люда: ремесленников, купцов, церковного причта и пр. Специализация ремесленников на изготовлении промышленных изделий и отход их от сельскохозяйственной деятельности позволил другим приступить к целенаправленному производству продуктов земледелия и промыслов для реализации их на городском рынке. Так, в городах появились огородники, мясники, рыболовы, хлебники, кисельники и др.

Пути дальнейшего развития рыболовства в древнерусских городах вырисовываются в процессе изучения разнообразного актового материала, писцовых и лавочных книг, сотных выписей, а также подробной документации крупных церквей и монастырей.

Отчетливо проступает связь городских рыболовов с рынком, так как многие из них владели лавками и амбарами.

Таким образом, рыболовство, выделившись к XIII в. в отдельную профессию, превратилось со временем в развитую отрасль городского хозяйства, тесно связанную с торгом и определявшую в некоторых случаях экономическое лицо того или иного города и поселка (Куза А. В., 1970а).

Появление рыбы на городском торге в качестве предмета купли-продажи отмечено летописью в первой трети XIII в. Можно думать, что товаром она стала уже несколько раньше — в середине XII в., когда в городах возникает профессиональное рыболовство. Источники XIV—XV вв. рисуют красочную картину оживленной торговли рыбой во многих городах и селах Руси. Ее продавали в специальных рыбных рядах, причем в таких крупных центрах, как Москва, Псков или Новгород существовало по три рыбных ряда (свежий, просольный, сущевый, или вандышный) с десятками лавок, полков и шалашей. В торговле рыбой участвовали крестьяне, ловцы-профессионалы и феодалы-вотчинники. Однако по некоторым данным (берестяные грамоты) уже в XIV в. в городах образовалась категория лиц — рыбников или рыбных прасолов, специально занимавшихся скупкой и перепродажей рыбы. Торговля рыбой постепенно достигла большого размаха. К XIV в. сложились местные рынки: Белоозеро, Ярославль, Нижний Новгород, Псков, Новгород и некоторые другие, приобретя общерусское значение. В огромных количествах рыбу завозили в Москву.

Главным результатом наблюдений над развитием рыболовства в Древней Руси с X по XV в. является вывод о превращении рыбного промысла сначала (рубеж XII—XIII вв.) в самостоятельную отрасль городского, а затем (XIV в.) и общенародного хозяйства (Куза А. В., 1970а). Этот процесс хорошо согласуется с основными этапами развития древнерусской экономики в целом. Вслед за ремеслом от земледелия (и от ремесленного производства) отделяются промыслы.

Охота и промыслы. Охота в Древней Руси относилась к важнейшим подсобным промыслам, которыми занималось население. Об этом свидетельствуют многочисленные упоминания письменных источников.

Ряд древнейших летописных упоминаний о взимании даней показывает, что их основу обычно составляли меха (ПСРЛ, т. I, стб. 24, 58 и др.). На миниатюрах Радзивилловской летописи, датируемых концом XV в., но восходящих к образцам домонгольского времени, уплата дани всегда представлена изображениями людей, несущих связки шкурок пушных зверей (Арциховский А. В., 1944, с. 25). В состав даней мог входить также и другой продукт лесных промыслов — мед (ПСРЛ, т. I, стб. 58). Следует отметить, что меха и мед взимались с славянского населения, основным занятием которого было, несомненно, земледелие. Это, в частности, древляне, о которых прямо сказано, что они «делают нивы своя и земле своя» и одновременно готовы дать Ольге дань «медом и скорою» (ПСРЛ, т. I, стб. 58).

Интерес господствующих классов к продукции лесных промыслов объясняется тем, что они играли важную роль в международной торговле. По словам киевского князя Святослава, записанным в летописи под 969 г., из Руси на Балканы идет «скора и воск, мед и челядь» (ПСРЛ, т. I, стб. 67). Именно наличие этих товаров давало возможность обеспечить приток на Русь чужеземных предметов роскоши, драгоценных металлов, оружия, коней, необходимых русской знати.

Торговля пушниной сохраняет свое значение и в более позднее время. В начале XV в. Епифаний Премудрый, описывая в «Житии Стефана Пермского» коми-язычников, вкладывает в их уста следующие слова о богатствах своего края. «Не нашею ли ловлею и ваши [русские] князи и бояре и велможи обогащаеми суть, в ня же облачаются и ходят и величаются подолкы риз своих, гордящеся о народех людских... Но от нашея ли ловля и во Орду посылаются... и в Царь-град, и в немцы, и в Литву и в прочая грады и страны и в далняя языки» (Житие Стефана Пермского, 1897, с. 47).

В соответствии с таким значением торговли мехами феодалы проявляют значительный интерес к охоте и охотничьим угодьям. Под 946 и 947 гг. упоминается определение княгиней Ольгой границ охотничьих угодий («ловища», «перевесища» — ПСРЛ, т. I, стб. 60); под 975 г. — убийство боярина во время охоты за нарушение преимущественного права князя на охотничьи угодья (ПСРЛ, т. I, стб. 74). Соответственно древнейший сохранившийся договор, ограничивающий власть князя в Новгороде (1264 г.), лимитирует его право охотиться — «а свиньи ти бити за 60 верст от города..., а на Озвадо ти, княже, ездити лете звери гонить» (ГВНП, 1949, с. 9, 10). Русская Правда упоминает кражу бобра, меда; знаки собственности, которыми помечались бортные угодья.

Охота была постоянным занятием и развлечением феодалов. Владимир Мономах в своем Поучении пишет: «Ловчий наряд сам есмь держал, и в конюсех и о соколех и о ястребех» и описывает свои охотничьи подвиги наряду с воинскими. Мономах перечисляет трудности и опасности охоты на диких коней, туров, вепрей, лосей, оленей и медведей (ПСРЛ, т. I, стб. 251). По его представлениям, образцовый князь должен проявлять и на охоте смелость и самоотверженность «не блюдя живота своего, не щадя головы своея» (ПСРЛ, т. I, стб. 251). В Ипатьевской летописи под 1282 г. упоминается «воевода Тит, везде словый мужьством на ратех и на ловех» (ПСРЛ, т. II, стб. 890), причем охота и война по существу ставятся на одну доску.

Значение охоты на пушного зверя для международной торговли способствовало тому, что русские феодалы стремились распространить свою власть не только на территории с земледельческим населением, но и на глухие лесные окраины с охотничье-рыболовецким укладом хозяйства. Это обстоятельство оказалось чрезвычайно важным, так как оно способствовало вначале, с домонгольского времени, экспансии ряда среднерусских княжеств, а главным образом Великого Новгорода, в северо-восточном направлении, а в дальнейшем — проникновению русских в Сибирь.

Наряду с письменными источниками важные сведения об охоте и видовом составе промысловых животных представляет обнаруженный археологами остеологический материал. Прежде всего отметим, что почти на всех обследованных древнерусских памятниках процент костей диких животных ничтожен. Этот факт является бесспорным свидетельством того, что основу древнерусской экономики составляли земледелие и скотоводство, а отнюдь не охота. Отметим, что на роменских и особенно боршевских памятниках картина иная — здесь количество диких животных приближается к числу домашних, а на боршевских памятниках даже превышает его.

Наиболее часто встречаются кости животных, употреблявшиеся в пищу, таких, как лось, бобр, медведь, заяц. Встречаются также кости тура, зубра, благородного и северного оленя, косули, кабана. Из хищных встречаются рысь, дикая кошка, волк, лисица, барсук, куница.

По-видимому, костные остатки свидетельствуют в основном об охоте на животных, употреблявшихся в пищу, и почти не дают представления об охоте на пушного зверя. Тушки пушных зверей скорее всего бросались на месте или скармливались собакам (Цалкин В. И., 1956, с. 136, 137).

В древнерусских письменных источниках упоминается охота и на птиц: лебедей, журавлей, гусей, уток, гоголей, рябчиков, тетеревов, глухарей, перепелов, коростелей, чернядей (чирков). Ловля ястребов и соколов, упомянутая в Русской Правде, очевидно, связана с развитием охоты с использованием ловчих птиц (Мальм В. А., 1956, с. 107, 112—114).

С охотой в древнерусском археологическом материале могут быть связаны стрелы (табл. 88, *1—25*). Значительная часть из них не может быть со всей определенностью отнесена к исключительно охотничьим. Наиболее вероятно охотничье использование для костяных и деревянных стрел (хотя и они могли иногда использоваться в бою, а также как игрушки), и стрел с тупым концом (чтобы не испортить шкурку). Использовавшиеся для охоты на медведя рогатины, по-видимому, принципиально не отличались от копий (возможно, имели перекрестия, чтобы раненый зверь не мог дотянуться до охотника).

При охоте использовались также всякого рода ловушки. Простейший вид представляет собой замаскированную ловчую яму. В источниках также упо-

минаются силки, тенета, кляпцы, перевес. Многие черепа куниц, найденные при раскопках, имеют однотипное разрушение лобно-теменной части, что можно связывать с использованием охотниками ловушек давящего действия. На одном из рельефов на стене Дмитриевского собора во Владимире изображен охотник, поражающий зверя (медведя?), попавшего в капкан. Детали капкана неясны (Рикман Э. А., 1952, с. 28, рис. 6,1).

Некоторые сведения письменных источников конкретизируют представления об охоте. Уже в домонгольское время использовались ловчие птицы (соколы, ястребы). Охота на крупного зверя часто принимала характер единоборства, причем феодал-охотник нередко охотился с боевым оружием (Мономах, охотясь на кабана, был вооружен мечом). Вместе с тем княжеские охоты могли быть весьма многочисленны. Иногда это классическая загонная охота. Так, под 1091 г. по поводу княжеской охоты говорится: «...заметавшим тенета и кличаном кликнувшим...» (ПСРЛ, т. I, стб. 214). Грандиозная и вместе с тем пародийная картина охоты, по-видимому, княжеской, на медведя нарисована в Житии Стефана Пермского. В этом произведении от лица коми-язычников говорится: «У вас же (русских) на единого медведя мнози исходят, числом яко до ста или до двоюсот, и многажды овогда привезут обретше медведя, иногда же без него возвращаются без успеха, ничтоже везуще, но всуе тружающиеся, еже нам се мнится смех и кощуны» (с. 47).

Важным промыслом древнерусской деревни было бортничество — сбор меда диких пчел. Мед и воск упоминаются как составные части дани и как предмет международной торговли. Можно думать, что потребность в воске сильно возросла с распространением христианства, так как при совершении христианских обрядов использовались восковые свечи. Из текста Русской Правды известно, что бортные угодья находились в частном владении и помечались знаками собственности.

Бортничество на Руси не было простым однократным собирательством, сопровождавшимся уничтожением или обреканием на гибель семьи пчел. Русская Правда различает «лаженых» пчел, т. е. таких, чьи соты уже один или несколько раз подрезались, и «не лаженых»; там же упоминается «олек» — борть, в которой есть только начало сотов, а меда еще нет. О неоднократном использовании отдельной борти говорит и практика помечивания бортей знаками собственности.

Для извлечения меда из бортей использовались медорезки (табл. 88, *28*), представляющие собой железные лопаточки с коленчатой рукояткой. Они были найдены на ряде городищ и в курганах. В тех же целях могли использоваться и обыкновенные ножи. Из раскопок в Новгороде известно и еще одно приспособление, связанное с бортничеством — так называемое лазиво. Это приспособление состояло из деревянного сидения, подвешенного на веревках с крюком. Подтягиваясь, опираясь на сидение и закрепляя веревку на крюке, бортник освобождал руки. Крюки и сидения от лазива найдены в Новгороде в слоях X и XII вв. (табл. 88, *26*, *27*). (Колчин Б. А., 1968, с. 23, табл. 10).

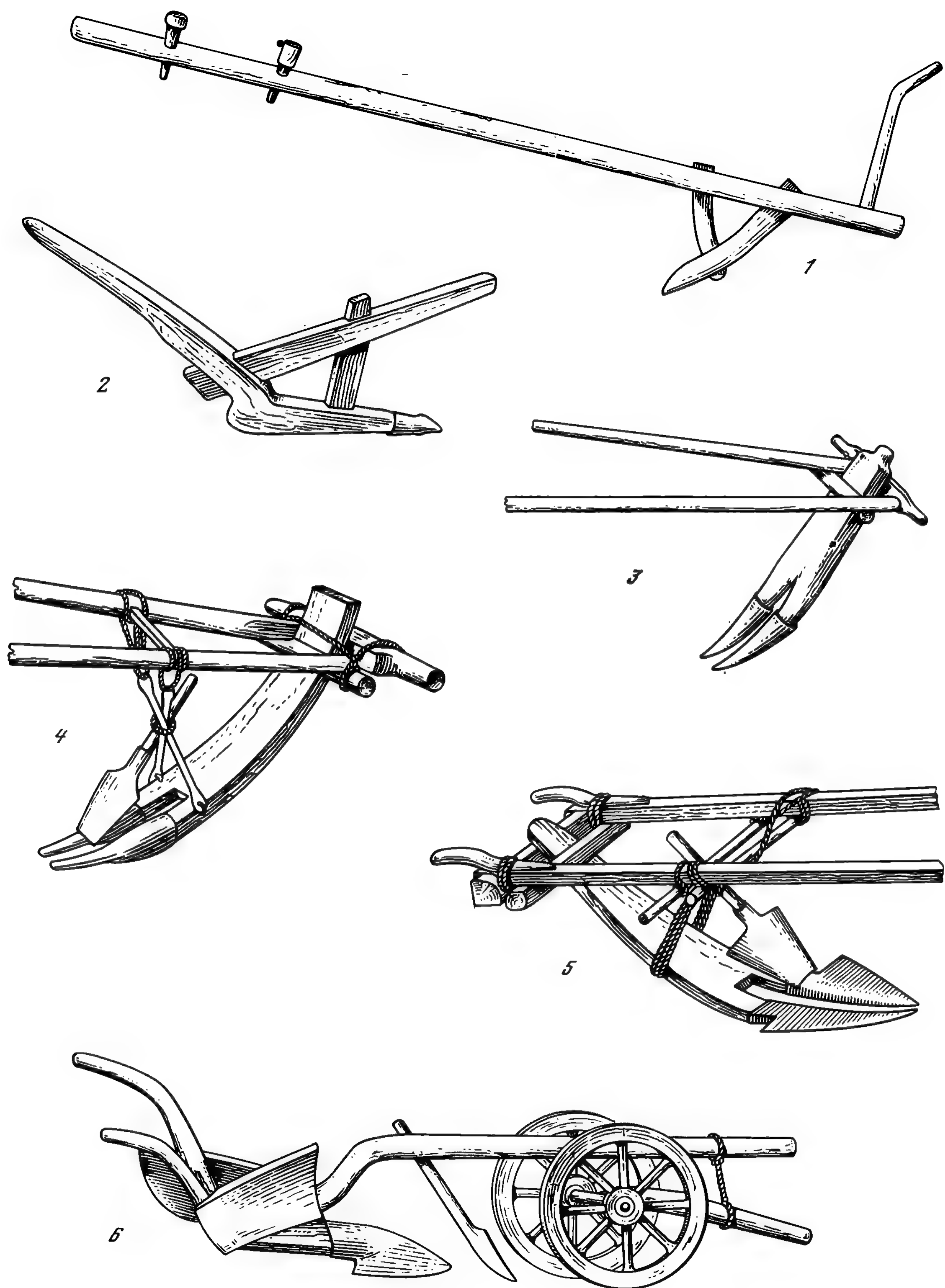


Таблица 82. Типы восточнославянских пахотных орудий, по данным этнографии

1 — рало без полоза, Украина; *2* — рало с полозом, Украина; *3—5* — русские сохи; *3, 4* — сохи с коловыми сошниками; *5* — с перовыми сошниками; *3* — без полицы; *4, 5* — с полицей; *6* — украинский плуг

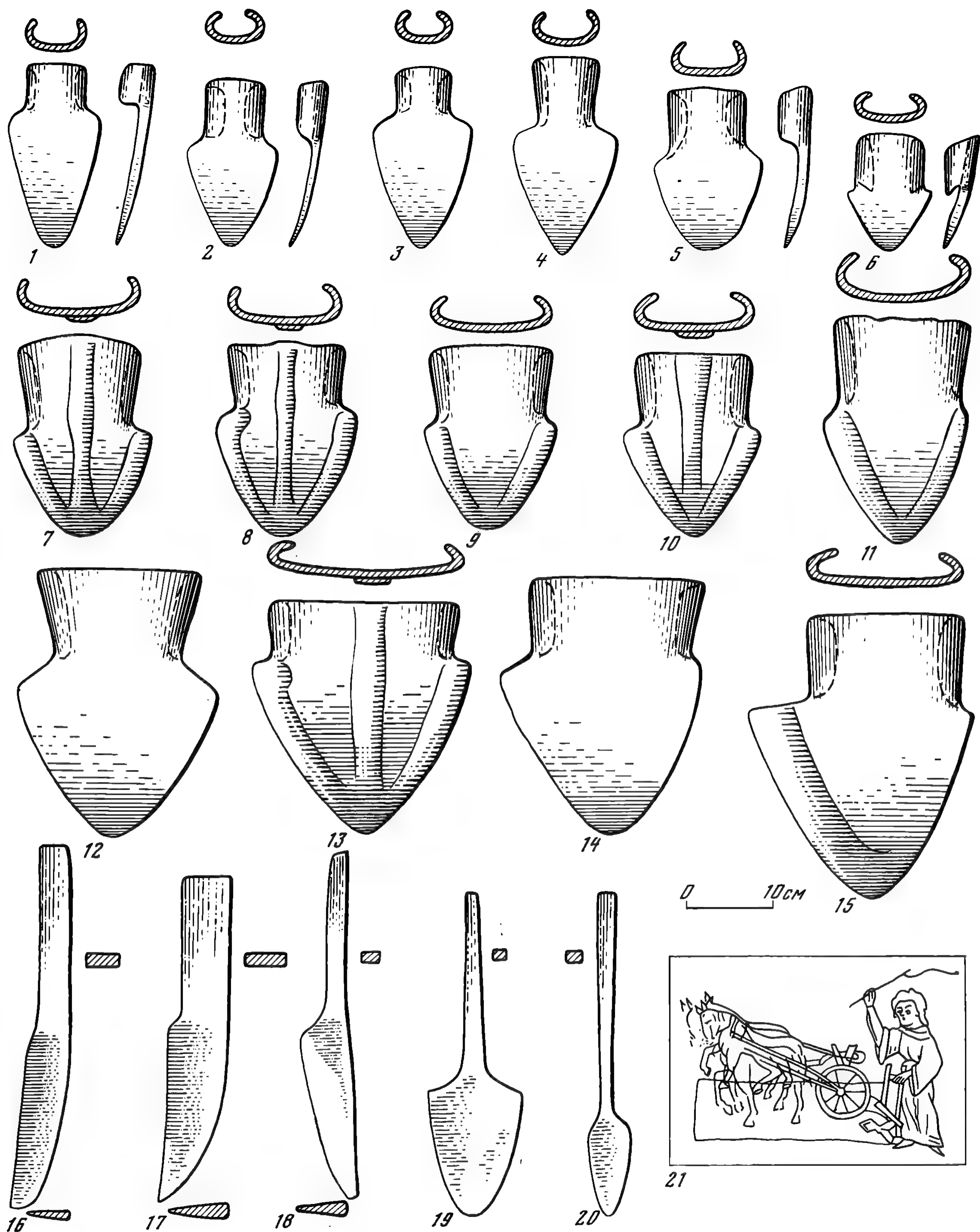
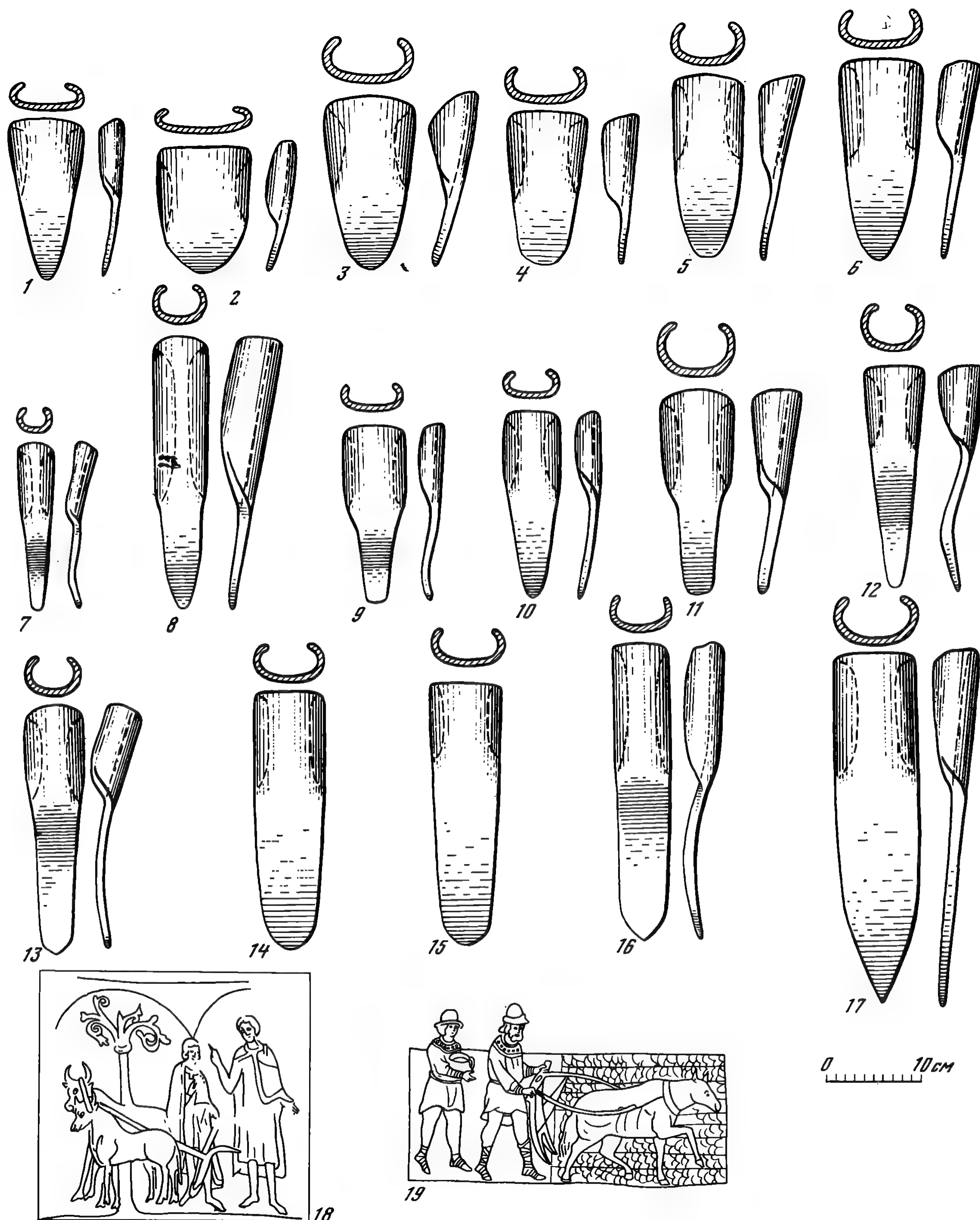


Таблица 83. Наконечники рал с полозом и плугов

1—6 — широколопастные наконечники от рал с полозом; *7—11* — древнерусские симметричные лемехи от усовершенствованных рал — непосредственных предшественников плуга с односторонним отвалом; *12—15* — лемехи XIV—XV вв., отражающие процесс формирования плуга с асимметричными наконечником и односторонним отвалом; *16—18* — чересла (плужные ножи); *19, 20* — лопаткообразные черешковые наральники от особой разновидности рал с полозом; *21* — сцена пахоты на миниатюре Радзивилловской летописи конца XV в., воспроизводящая оригинал первой половины XIII в.

1, 6, 7 — Княжа Гора, XII—XIII вв.; *2, 3* — городище Новотроицкое, X в.; *4* — Екимауцы, X в.; *5* — Городск, XII—XIII вв.; *8—11* — Райковецкое городище, начало XIII в.; *12—13* — Киевщина; *14—15* — городище Вышгород, Рязанская обл.; *16* — Плеснеск, XII—XIII вв.; *17* — Суздаль, XII в.; *18* — Вышгород, XIV в. *19, 20;* — Райковецкое городище, начало XIII в.



аблица 84. Узколопастные наконечники пахотных орудий

1—6 — узколопастные наральники; *7—17* — сошники; *7—13* — сошники первого типа; *14—16* — сошники второго типа; *17* — сошники третьего типа; *18* — древнее славянское рало без полоза, фреска в капелле св. Екатерины в Зноймо, XII в.; *19* — пахота сохой, миниатюра XVI в.

1, 2 — Старая Ладога, VIII—IX вв.; *3* — Новгород, X в.; *4—6* — Райковецкое городище, начало XIII в.; *7* — Псков, X в.; *8* — Старая Ладога, X в.; *9* — Новгород, XI в.; *10* — Большая Брембола, Владимирская обл., XII в.; *11* — Вщиж, XII в.; *12, 13* — Новгород, XII в.; *14, 15* — Новгород, XIII в.; *16* — Новгород, XV в.; *17* — Москва, XV в.

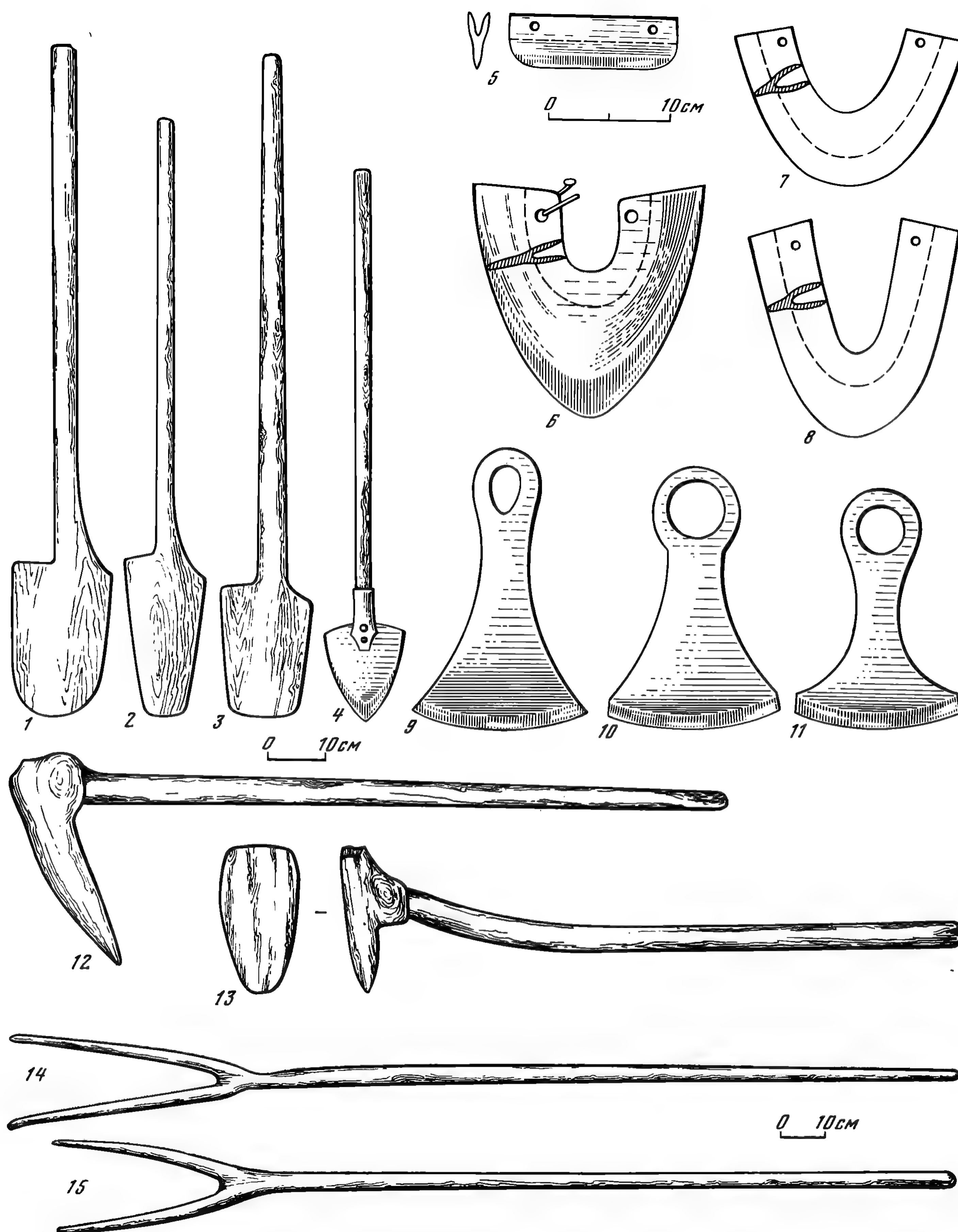


Таблица 85. Ручные земледельческие орудия

1—3 — лопаты деревянные, Новгород (*1, 2* — XI в.; *3* — XIII в.); *4* — лопата с цельножелезной лопастью. Райковецкое городище, начало XIII в.; *5—8* — железные оковки деревянных лопат; *5* — Дьяковское городище, XII в.; *6* — Суздаль, XII в.; *7, 8* — Новгород, XI и XII вв.; *9—11* — мотыги железные (*9, 11* — Княжа Гора, XII—XIII вв.; *10* — Райковецкое городище, начало XIII в.); *12, 13* — мотыги цельнодеревянные, Новгород, XI и XIII вв.; *14, 15* — вилы деревянные, Новгород, XI в.

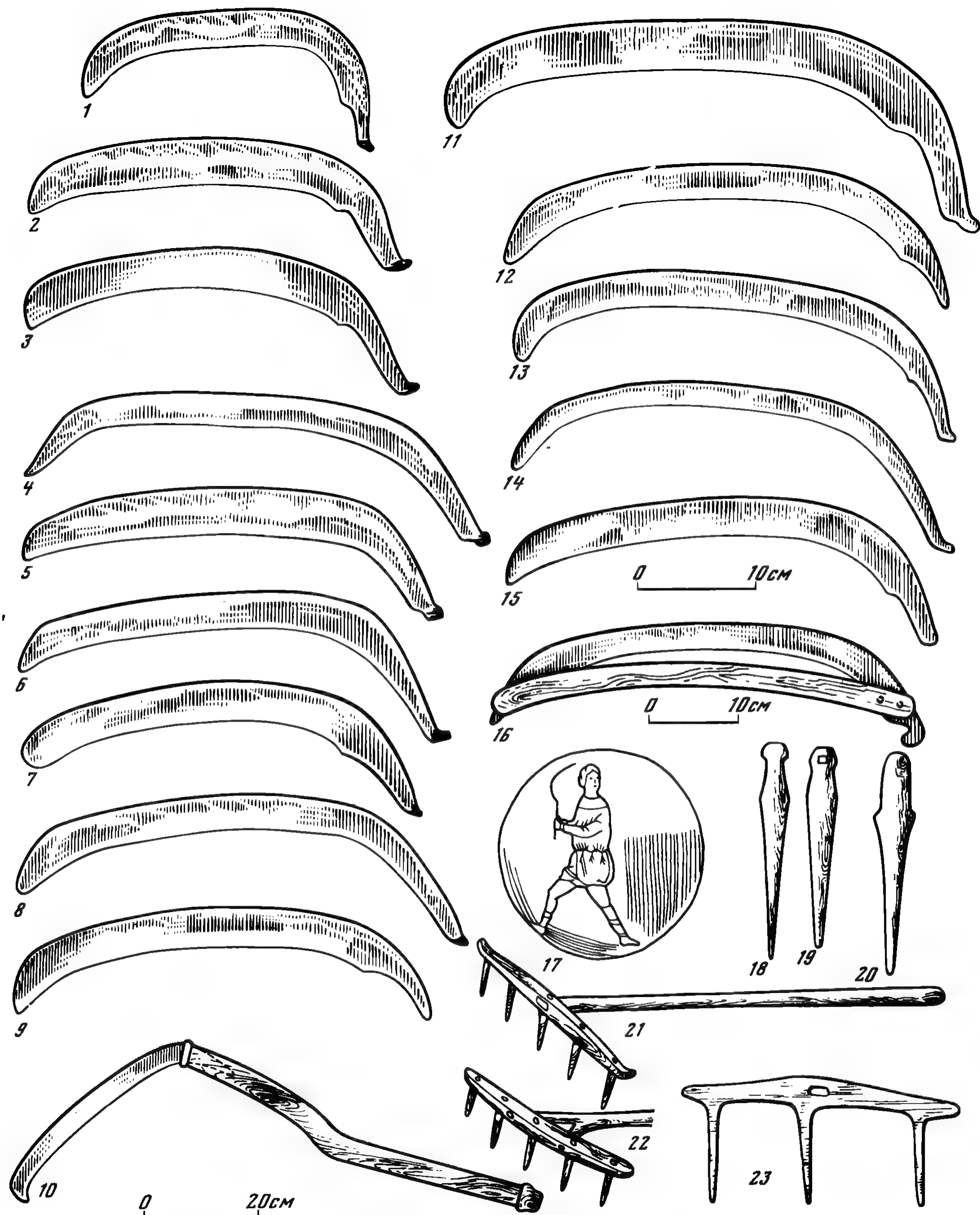


Таблица 86. Косы и грабли

1, 7—15 — северный тип; *2—6* — южный тип

1 — Новгород, X в.; *2* — Колодяжин, XII—XIII вв.; *3* — Княжа Гора, XII—XIII вв.; *4—6* — Райковецкое городище, начало XIII в.; *7* — Ковшаровское городище, XII в.; *8* — курганы Ленинградской обл.; *9* — курганы Ярославской обл.; *10* — коса с рукоятью из Новгорода, XIII в.; *11* — Гочево, XI—XII вв.; *12—15* — Новгород, XIV в.; *16* — новгородская складная коса, начало XV в.; *17* — косец, миниатюра конца XV в.; *18—20* — зубья грабель (XI—XIV вв., Новгород); *21, 22* — реконструкция новгородских грабель XII—XIV вв.; *23* — Новгородские грабли, конец XIV в.

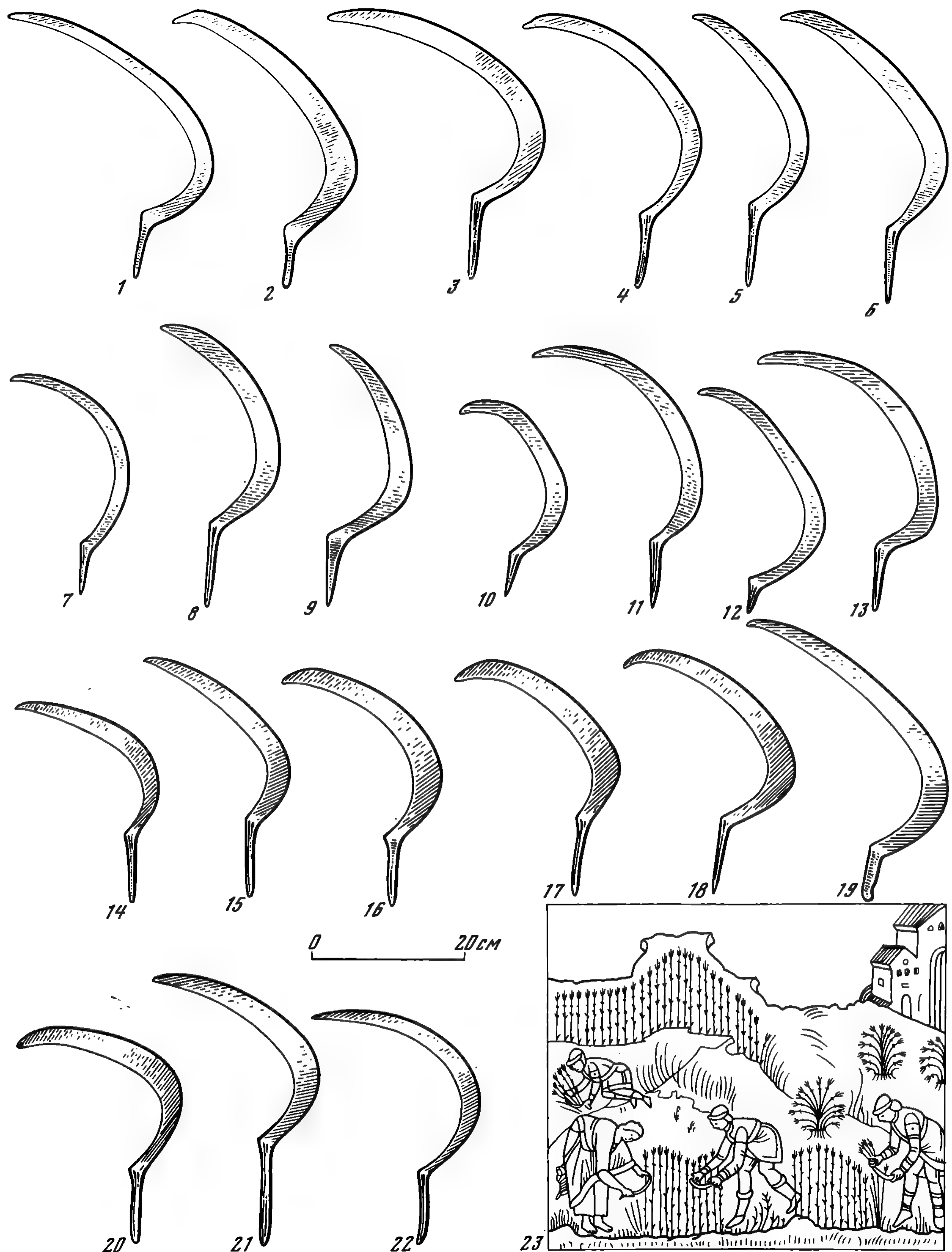


Таблица 87. Древнерусские серпы

1—6 — северный тип; *7—22* — южнорусские и среднерусские типы; *23* — сцена уборки урожая на миниатюре XVI в. (?) *1—4* — Ленинградская обл.; *5* — Ярославская обл.; *6* — Костромская обл.; *7, 9* — Калужская обл.; *8, 10* — Московская обл.; *11, 14* — Старая Рязань; *12—13* — Владимирская обл.; *15* — Гочево Курской обл.; *16, 17* — Княжа Гора; *18, 19* — Екимауцы; *20* — быв. Виленская губ.; *21, 22* — Райковецкое городище

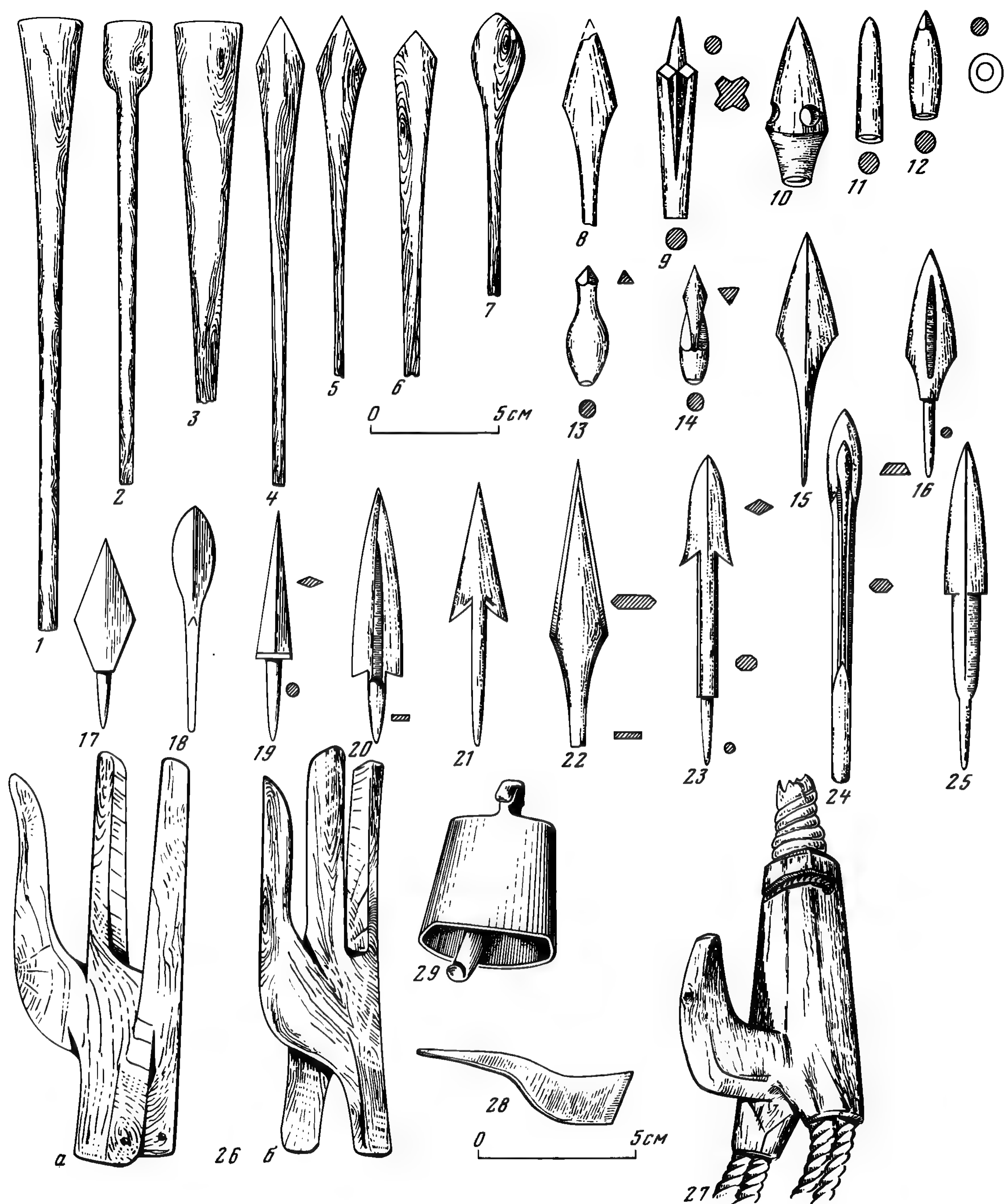


Таблица 88. Принадлежности охоты, промыслов и скотоводства

1—8 — деревянные наконечники стрел, Новгород, X—XII вв.; *9—25* — костяные наконечники стрел: *9—14, 16, 19, 20, 22—25* — Новгород; *15* — Стерженский городок Калининской обл; *17* — Старая Рязань; *18* — Вщиж; *21* — Белоозеро; *26* — лазиво, Новгород: *а* — X в., *б* — XII в. (крюки от лазива для бортника); *27* — лазиво, по этнографическим данным; *28* — медорезка, курганы Калужской обл.; *29* — ботало, Новгород, XIV в.

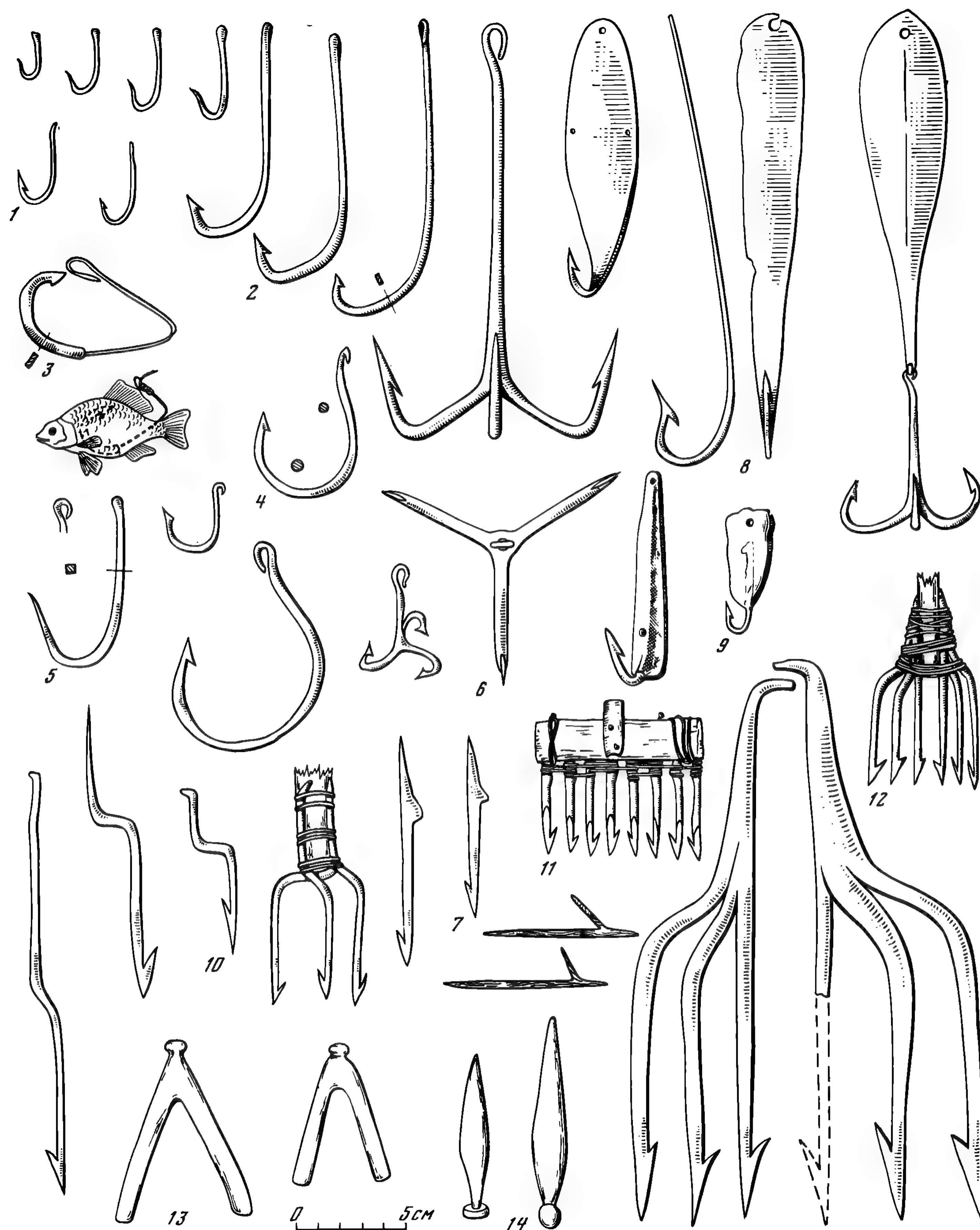


Таблица 89. Крючные и колющие рыболовные снасти

1 — крючки для ловли рыб удочкой; *2—6* — крючки для ловли рыб жерлицами и донками; *7* — деревянные горловые крючки; *8* — блесна-дорожка; *9* — блесна для подледного лова; *10* — составные остроги I типа; *11* — остроги II типа; *12* — составные остроги III типа; *13* — деревянные рогульки-жерлицы; *14* — поплавки для удочек

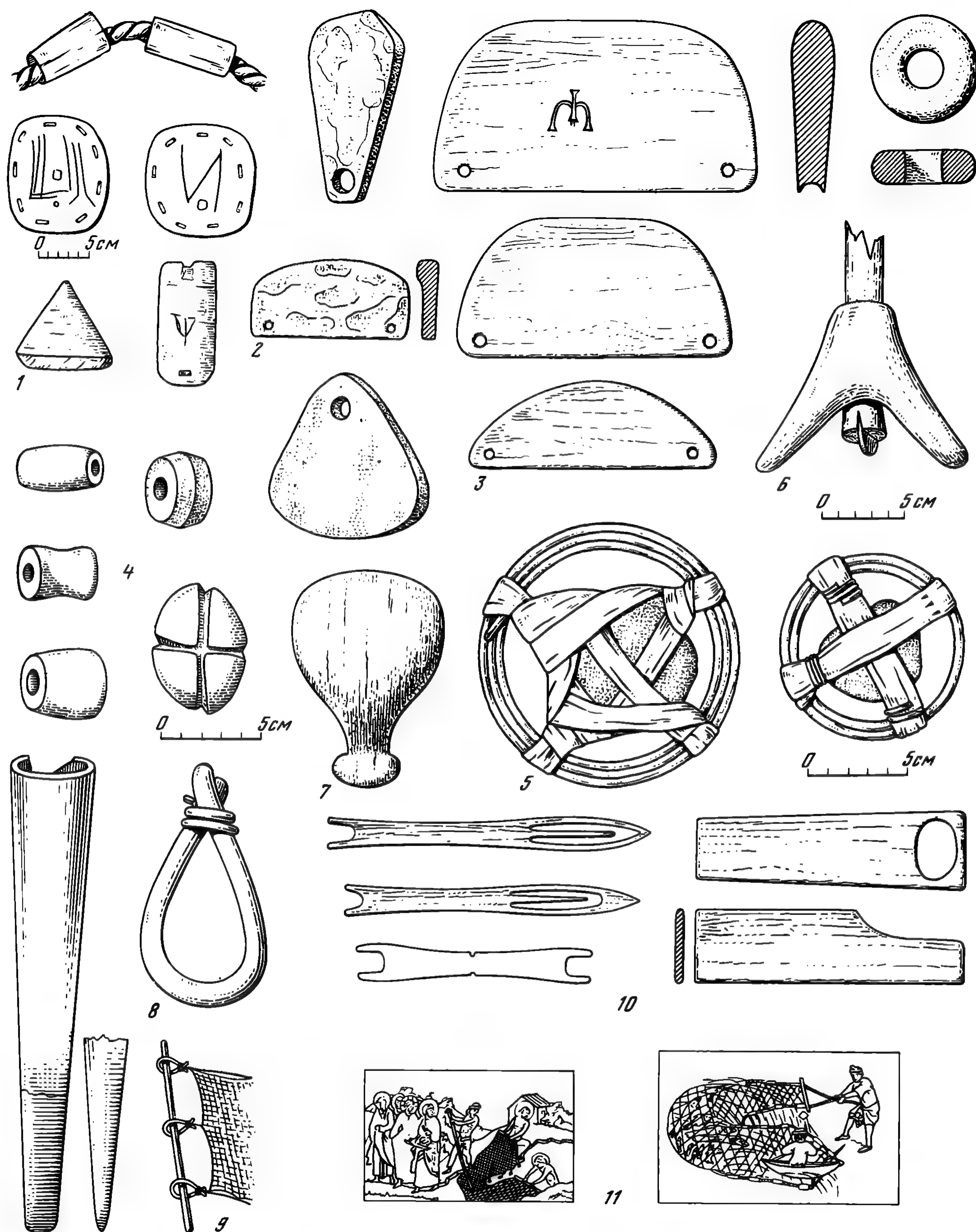


Таблица 90. Оснастка сетей разных типов, вспомогательные орудия лова, приспособления для вязания сетей

1 — берестяные поплавки от различных сетей; *2* — поплавки из сосновой коры; *3* — деревянные поплавки от неводов; *4* — каменные и глиняные грузила; *5* — грузила от ставных многостенных сетей; *6* — батала; *7* — буек; *8* — деревянные петли для установки сетей; *9* — наконечники пешней для прорубания лунок во льду; *10*— иглы-челноки, мотовило и шаблоны для вязания сетей; *11* — средневековые миниатюры, изображающие лов рыбы бреднем и неводом

Глава шестая
Ремесло

В производительных силах Древней Руси значительную роль играло промышленное производство в первой его форме — ремесле. Древнерусские ремесленники возводили города, крепости и замки, добывали металл, ковали орудия труда и оружие, строили корабли и машины, производили ткани и одежду, изготовляли кожу и делали обувь, создавали многочисленные бытовые и художественные шедевры.

Собранный на раскопках древнерусских городов ремесленный инструментарий, приспособления, детали станков, материалы (сырье), полуфабрикаты, отходы производства и, наконец, разнообразные серии самих ремесленных изделий, исчисляемых сотнями и тысячами образцов, дали возможность всесторонне изучить технику и технологию производства многих отраслей ремесла.

Значительным успехом советской археологии является открытие многочисленных древнерусских ремесленных мастерских или производственных комплексов. В общей сложности открыто более 600 мастерских разных веков. Среди них мастерские замочников, оружейников, ножевников, металлургов, укладников, ювелиров, серебрянников, литейщиков, колечников, токарей, гребенников, бондарей, кожевников, сапожников, пивоваров, хлебников, пряничников, ткачей, красильщиков, стеклодувов, художников, холщевников, гончаров и многих других.

На основе современных аналитических методов — металлографии, петрографии, спектроскопии, химического и структурного анализов с широким использованием данных стратиграфии и хронологии археологических объектов изучена техника и технология производства многих отраслей древнерусского ремесла.

Раскрытие технологии и техники ремесленного производства позволяет определять рубежи становления отдельных этапов ремесла и динамику изменений таких характеристик самого производства, как дифференциация ремесла в целом, специализация техники и элементов технологии, стандартизация технологических процессов и самого изделия. Эти категории позволяют нам давать оценку развития уже самих форм организации и структуры ремесла.

В Древней Руси в X в. существовало ремесло с довольно высокой технологией производства и значительной дифференциацией по отраслям. Развита черная металлургия на основе сыродутного процесса производства железа из болотных руд. Металлурги, живущие в сельских местностях, поставляют в города достаточное количество железа высокого качества. Городские кузнецы переделывают часть железа в высококачественную углеродистую сталь. Развиты кожевенное и скорняжное производства и изготовление кожанной обуви. Известно несколько видов сортовой кожи. Очень широк ассортимент шерстяных тканей. Многочисленна продукция мастеров-костерезов. Широк состав ремесленников, обрабатывающих дерево, в том числе и токарей по дереву. Многообразна продукция ювелиров и других ремесленников по обработке цветного металла. Техника ювелирного ремесла находится на высоком технологическом и художественном уровне (Рыбаков Б. А., 1948а).

Первый этап развития древнерусского ремесла длился более двух столетий, до 20—30-х годов XII в. Он характерен достаточно совершенной и высокой техникой ремесленного производства в понятиях средневековья. Количество продукции довольно ограниченно, изделия ремесленников еще дороги. Это период вотчинного ремесла с работой на заказ. Рынок свободного сбыта еще сильно ограничен. В это время были созданы все основные виды ремесленного инструментария и заложены новые технологические основы древнерусского производства. Например, кузнецы виртуозно владеют сложными приемами конструирования изделий из железа и стали. Токари по дереву изготовляют сложнейшие точеные сосуды более 20 типов. Очень высока технология ювелирного производства.

Весь комплекс археологических и технологических исследований древнерусского ремесла показывает, что уже в X—XI вв. ремесленное производство Руси по разнообразию технологических операций, по разработке и оснащенности инструментарием, по уровню дифференциации и специализации стояло на одной ступени с ремесленным производством стран Западной Европы и Востока (Рыбаков Б. А. 1948; Колчин Б. А., 1953).

Для второго периода, начавшегося в конце первой трети XII в., характерны резкое расширение ассортимента продукции и в то же время значительная рационализация производства — упрощение технологических операций. Например, в текстильном производстве в конце XII в. появляется горизонтальный ткацкий станок. Производительность в ткацком ремесле резко возрастает, но упрощаются системы переплетений, а следовательно, в массе сокращаются и сортовые виды тканей. В металлообрабатывающем производстве взамен высококачественных многослойных стальных лезвий появляются упрощенные, менее качественные конструкции — лезвия с наварным острием. В это время значительно проявляется и серийность производства. Создаются стандарты изделий, особенно в металлообрабатывающем, текстильном, деревообрабатывающем, сапожном, ювелирном ремеслах.

Наступает широкая специализация ремесла внутри отдельных отраслей производства. Отрывочные сведения письменных источников свидетельствуют об очень узкой специализации. Например, в лето-

писи под 1216 г. упоминаются Антон — котельник и Иванко — опочник, под 1234 г. ремесленник Гаврила — щитник, под 1262 г. «Яков храбрый» — гвоздочник (НПЛ, 1950). Это очень узкие профессии внутри отраслевой дифференциации. Количество специальностей в конце XII в. в некоторых древнерусских городах значительно превышало 100. Второй период — это время резкого развития в Древней Руси мелкотоварного производства. Продукция рассчитана на широкий сбыт не только в городе, но и в деревне.

Монголо-татарское нашествие прервало развитие русского ремесла в тот момент, когда оно находилось в состоянии высокого и постоянного развития. Разгром покоренных русских городов Южной и Восточной Руси и угон в плен русских ремесленников приостановили развитие ремесла и его техники более чем на столетие.

В землях и городах западных и северных областей Руси, менее других пострадавших от татар (Новгород, Псков, Смоленск, Галич и др.), русские ремесло и культура продолжали развиваться, но и здесь их развитие было отягощено татарской данью.

В Новгороде и Пскове в XIV в. оживленный рынок уже требовал от ремесленников массового производства. Ремесленники, откликаясь на запросы рынка, количественно увеличивали продукцию своего производства и в то же время продолжали рационализировать технологию ремесла. Качество изделий несколько падает, сокращается срок их службы, но одновременно происходит дальнейшая дифференциация и специализация производства.

Весь комплекс археологических и письменных источников позволяет говорить о существовании в Древней Руси в XII—XIV вв. вотчинного и свободного ремесла. Деятельность свободных ремесленников регулировали сотни, торговые ряды и уличанские организации. Анализ массовых изделий этого времени технологически не различает продукции свободных и вотчинных ремесленников. Разные источники позволяют нам говорить о значительном имущественном неравенстве среди ремесленников. Среди раскопанных ремесленных мастерских мы можем выделить большие богатые постройки, оснащенные многочисленными приспособлениями, инструментарием со следами интенсивного производства. Это мастерские, в которых, кроме владельца, работали еще подмастерья и ученики. Наряду с ними известны также и маленькие мастерские или производственные комплексы внутри жилищ, в которых могли работать один-два мастера.

Упоминание в Новгородской летописи имен ремесленников в основном в связи с гибелью на войне наравне с именами феодалов говорит о том, что упомянутые лица, например Яков Храбрый — гвоздочник, были известные и уважаемые в Новгороде люди. Более убедительным является свидетельство Новгородской летописи под 1228 г., когда в состав новгородского правительства был введен Микифор щитник.

Системный анализ с широким применением аналитических методов позволил дать в некоторых отраслях ремесла количественную оценку такой характеристики средневекового производства, как производительность труда.

Как пример приведем динамику производительности труда новгородского ремесленника по изготовлению стальных ножей — ножевника. Исследование проведено на массовом материале: изучено более 540 ножей, хронологически равномерно размещенных по всем векам с X до XV в. (Колчин Б. А., 1975).

В конце X в. на основе многовекового опыта, восходящего к технике античного мира, создалась конструкция многослойного ножа с высокой техникой кузнечной и термической обработки. Лезвие ножа было узкое клиновидной удлиненной пропорции. Спинка ножа была довольно широкой. По середине сечения ножа через лезвие проходила стальная полоса. В начале XII в. происходит очень быстрая смена конструкции ножа и его технологии. Клиновидное лезвие становится шире и значительно тоньше. Изменяется и технологическая схема конструкции ножа. Появляется технология наварки стального лезвия на железную основу ножа. Стальное лезвие наваривается в торец железной основы ножа. Эта упрощенная технология оставалась без изменения до конца XIII в. В это время технология ножа вновь рационализируется и на смену торцовой сварке приходит косая сварка. При этой технологии на изготовление ножа расходуется меньше стали и упрощается процесс сварки. Нож становится еще более тонким, более широким и более плоским.

Технологический анализ позволил дать оценку всем звеньям производства — качеству и количеству металла, конструкции изделия, видам и специфике технологических операций, кузнечным и другим операциям мастера и др. Путем сетевого анализа — математического метода, применяемого в экономических исследованиях, дана оценка трудовой емкости всех затрат на изготовление ножа. При технологическом и сетевом анализе все материалы хронологически были распределены по периодам. В результате получены следующие данные:

Период	X—XI вв.	XII—XIII вв.	XIV — начало XV в.
Трудовая емкость затрат	44	27	20
Производительность труда (%)	100	162	220

Производительность труда росла в основном за счет рационализации технологии производства, понижения стоимости металла и некоторых конструктивных изменений в самом изделии. Качество ножа при этом несколько ухудшалось, но уменьшалась его стоимость, а следовательно, значительно повышалась его товарность.

Металлургия и металлообработка железа и стали

Черная металлургия. Черная металлургия была той отраслью хозяйственной деятельности человека, которая оказывала самое решительное воздействие на экономический потенциал общества. От уровня развития черной металлургии, ее технологическо-

го совершенства, масштабов производства зависело развитие земледелия, ремесла, военного дела и быта.

На длинном пути своего развития черная металлургия прошла несколько этапов, начиная от первых эмпирических успехов в позднем бронзовом веке и до высокоразвитых технических форм эпохи феодализма. Путь, пройденный металлургами только в первобытном обществе, насчитывает более двух тысячелетий. Это было время, когда металлурги родовых общин овладевали техническими и технологическими приемами обработки руды и железа, искали секреты производства стали и способы ее термической обработки.

Повсеместно распространение на территории Восточной Европы легко добываемых железных руд — бурого железняка и его вторичных образований — болотных и луговых руд, способствовало развитию местной металлургии, которая обеспечивала в достаточной мере металлом развивающееся хозяйство восточноевропейских племен на протяжении I тысячелетия н. э. Техника металлургии в это время достигла значительного развития и явилась надежным фундаментом для становления металлургии Древней Руси.

В южных районах Восточной Европы, на территории Украины в первой половине I тысячелетия уже существуют два типа сыродутных горнов, отличающиеся своими конструктивными особенностями и технологическими схемами получения железа.

Первый тип представлял собой стационарные наземные шахтные печи с системой шлаковыпуска на дневную поверхность или небольшое предгорновое углубление. К этому же типу относились и горны, сделанные на склонах, шахта горна вырывалась в земле и в лицевой части печи делались шлаковыпускные устройства.

Второй тип печей составляли горны одноразового использования с котлованом-шлакосборником и небольшой наземной шахтой. Такие печи всегда сосредоточивались группами на металлургических площадках (типа Свентокшиских). Оба типа печей делались небольших размеров, их рабочие объемы не превышали 0,15—0,20 куб. м.

Археологических материалов по металлургии железа для центральной и северной полосы Восточной Европы значительно меньше, чем для юга. Во всяком случае в середине I тысячелетия здесь уже можно отметить существование стационарных наземных шахтных печей с системой шлаковыпуска (Колчин Б. А., 1953).

Ко времени создания древнерусского государства на территории Восточной Европы основным типом железоделательных горнов становится стационарная наземная шахтная печь с шлакоотводным устройством.

Единственным источником для изучения техники и технологии древнерусской металлургии железа и стали продолжает оставаться, как и для более древних периодов, археологический материал.

Но этот источник для эпохи Древней Руси становится значительно беднее. Дело в том, что в Древней Руси металлургия довольно рано отделяется от металлообработки, т. е. кузнечного дела. Производством железа на Руси всегда занимались металлурги, жившие в деревне. Наиболее благоприятные условия для металлургического производства были там, где имелись богатые и легко доступные залежи болотных или луговых руд, леса, пригодные для пережога на уголь и, наконец, сами производственные комплексы должны были располагаться вне жилой застройки. Поэтому при раскопках древнерусских городов, городищ и селищ металлургические комплексы встречаются очень редко.

Металлургические объекты Древней Руси, раскопанные археологами, представлены в виде развалов глинобитных и каменных горнов в сопровождении скоплений сырья — руды и угля, готовой продукции и отходов производства и, наконец, разным оборудованием. К настоящему времени таких комплексов с разной степенью сохранности известно более 80.

Техника металлургического производства Древней Руси состояла в прямом восстановлении железной руды в металлическое железо и в дальнейшем, при производстве стали, в насыщении железа углеродом. Этот способ производства железа и стали, носящий в технике название сыродутный, был крупнейшим изобретением в истории человечества и на протяжении почти двух с половиной тысяч лет, до появления чугунолитейной техники, был единственным способом получения черного металла.

В сыродутном горне при производстве железа происходят два одновременно протекающих процесса. Это восстановление окиси железа (напомним, что бурый железняк — лимонит и его вторичные образования, болотные, или луговые руды, являются водной окисью железа) до металлургического железа и ошлакования пустой породы руды, в основном кремнезема и глинозема, с отделением жидкого шлака от металлического железа.

При сыродутном процессе мелко раздробленную железную руду загружали в горн вперемешку с большим количеством древесного угля. В результате интенсивного горения угля в нижней части печи образующаяся и нагретая до высокой температуры окись углерода поднимается вверх, нагревает руду и уголь и вступает с ними в химическую реакцию. В начале этой реакции окись железа руды восстанавливается до закиси железа. Часть закиси железа продолжает восстанавливаться, переходит в металлическое железо, а другая часть вступает в реакцию с породой руды, шлакирует ее и отделяет от металла. Образующийся жидкий шлак стекает на дно печи, оттуда его периодически выпускают наружу, а восстановленные мелкие зерна металла в твердом состоянии опускаются по мере выгорания угля в низ печи, свариваются и образуют ком железа — крицу (табл. 91, *1*). Губчатая масса крицы железа, вынутая из печи, остается еще пропитанной некоторым количеством расплавленного шлака (Колчин Б. А., 1953).

Интересно отметить, что в Древней Руси процесс восстановления железа назывался «варкой железа». Даниил Заточник, автор «Слова к князю Ярославу Владимировичу» восклицает: «Лучше бы ми железо варити, нежели со злою женою быти» (Зарубин Н. Н., 1932).

Среди археологических памятников X—XIV вв., на которых сохранились те или иные остатки металлургического производства, можно выделить около 30 объектов, на которых развалы сыродутных горнов дошли до нас в таком состоянии, что позволяют не только утверждать факт самого производства, но и наметить общие черты конструкции сыродутного горна и его оборудования.

Такие комплексы раскопаны на селище Казинка (раскопки 1972 г.) — вскрыт развал горна, сопла, шлаки, уголь; на селище Золоторучье (раскопки 1955—1957 гг.) вскрыт развал горна, шлаки, уголь; на селище Прогонное поле (1948) — развал горна, сопла, шлаки, уголь; на городище Осовик (1973) — развал горна, сопла, шлаки; на городищах Василев (1978), Спас-Городок (1978), Серенск (1966), Белгород-Киевский (1969 и 1974), Стерженское (1938 и 1940) раскопаны развалы печей, шлаки, уголь; на городищах Григорьевское (1952—1953) и Червонная Гора (1939 и 1947) раскопаны хорошо сохранившиеся нижние части горнов, остатки развалов шахты, сопла, шлаки. Раскопаны сыродутные горны и на территории некоторых городов — в Старой Рязани, Друцке, Дорогобуже и др.

Домница, в которой «варили» железо, была стационарным сооружением, воздвигавшимся на довольно продолжительное время. Термин «домница» впервые упоминается в писцовых книгах только в конце XV в., но так назывались, вероятно, подобные сооружения и в более раннее время.

Развалы металлургических комплексов сохранили достаточный ряд конструктивных элементов, которые позволяют нам восстановить характерные признаки конструкции сыродутных горнов и домниц в целом.

1. Древнерусские домницы как металлургическое сооружение были двух типов: а) сооружения наземные, т. е. такие, в которых печи стояли на уровне земли; б) сооружения земляночного типа, в которых печи стояли на полу землянок того или иного размера и определенного заглубления.
2. Сыродутные горны были свободностоящими сооружениями шахтного типа.
3. Печи работали на искусственном дутье.
4. Печи были стационарны, для вынимания готовой крицы они имели в передней стенке специальное отверстие.
5. Печь имела в плане круглую или немного овальную форму.
6. Стенки шахтной печи делались из камня и глины.

На основании этих данных фактических археологических источников и русских этнографических материалов древнерусский горн вырисовывается в следующем виде.

Круглая или немного овальная в плане печь имела наружный диаметр 85—110 см и внутренний диаметр 50—80 см. Печь ставили на основание, чаще всего сложенное из булыжных камней и обмазанное сверху глиной (табл. 91, *2,3*). Иногда основание делали просто в виде толстого слоя глины или каменной плиты. Стенки печи складывались из камня или сбивались из глины. Толщина стенок колебалась от 15 до 30 см. Глинобитные стенки возводились на деревянном каркасе. Внутренняя и наружная стороны у выложенных из камня печей обмазывались толстым слоем глины. В передней стенке печи на уровне лещади делалось отверстие, через которое вынимали готовую крицу. В это же отверстие вставляли сопла. Во время процесса отверстие заделывали землей, камнями и глиной. Отверстие по ширине колебалось от 25 до 50 см. По совокупности археологических материалов и привлеченных этнографических сравнений можно с достаточной степенью вероятности установить высоту печи и форму колошниковой части. Высота шахты древнерусской печи колебалась от 0,8 до 1,0 м. Шахта имела цилиндрическую форму, немного сходящуюся кверху. Колошник мог быть широким, открытым или частично перекрывающимся куполообразным сводом. Исходя из этих размеров можно узнать, каков был объем древнерусской печи: он колебался от 0,3 до 0,45 куб. м.

Важнейшим агрегатом в домнице, кроме печи, было воздуходувное устройство. При производстве железа в печи домницы необходимо поддерживать довольно высокую температуру и интенсивную тягу газов, способную пробить столб руды и угля высотой около 1 м. Сам процесс восстановления окиси железа в металлическое железо протекает при довольно низкой температуре: от 400 до 900°. Кроме восстановительного процесса, нужно в печи отделить металл от породы руды, т. е. превратить ее в шлак; для этого необходима более высокая температура. Ошлакование породы руды закисью железа начинается при температуре около 1200°. А так как ошлакование породы или ее расплавление производится только закисью железа, необходимо, чтобы столь высокая температура была во всем объеме шахты печи. Если же в печи температура будет ниже, то закись железа, образовавшаяся из окиси железа, перейдет в металлическое железо, зерна которого останутся внутри нерасплавленной твердой породы руды. В нижней части печи, где скапливаются отдельные зерна железа, чтобы довести их до сварочного состояния, температура должна быть еще выше (около 1300—1400°).

Чтобы получить такую высокую температуру, древнерусские металлурги применяли мощное искусственное дутье. Это была наиболее трудоемкая работа при варке железа. Тот же Даниил Заточник писал: «Не огнь творит ражежение железу, но надымание мешное» (Зарубин Н. Н., 1932, с. 19).

Дутьевое устройство состояло из воздуходувных мехов и огнеупорных сопел, которые подводили воздушную струю в печь. Сопла являются частой находкой на металлургических комплексах.

Сопла встречены только в обломках и представлены тремя видами: цилиндрическими, призматическими и конусообразными (табл. 91, *4—7*). Диаметр дутьевого канала у всех сопел был один и тот же: он колебался от 2,2 до 2,5 см. Наружный диаметр цилиндрических сопел равен 5,5—6,0 см. У призматических сопел наружный размер тот же. Судя по этнографическим материалам XVIII—XIX вв. сопла достигали длины 40—60 см. Делались они из глины со значительной примесью песка, шамота и очень мелкой гальки. Интересно отметить однообразие размеров дутьевого канала у всех древнерусских сопел. Сопло служило лишь одну-две плавки. При разбор-

ке отверстия в груди печи оно часто разбивалось.

Железные руды, пригодные для производства железа в домницах, на территории Руси были распространены почти повсюду (Рыбаков Б. А., 1948, с. 124). По химическому составу в подавляющей массе это были бурые железняки. В зависимости от происхождения руда встречается в трех основных видах: собственно бурый железняк, болотная или луговая руда и озерная руда. Наиболее широко металлурги применяли болотную (луговую) руду.

Для сыродутного процесса, дающего высокожелезистый шлак, нужна очень богатая железом руда, так как большой переход железа в шлак обуславливается самим процессом производства железа, при котором ошлакование породы руды производилось закисью железа. Для получения высокого концентрата железные руды, идущие в «варку», древнерусские металлурги обогащали, т. е. удаляли из них пустую породу.

Эта операция — очень важное техническое условие производства железа в сыродутных печах. Для обогащения руды применялись следующие приемы: просушка (выветривание), обжиг, размельчение и проветривание.

Высокую температуру и обилие окиси углерода при горении в сыродутной печи может давать только высококалорийное топливо. При этом топливо должно быть и легко добываемым. Таким топливом в Древней Руси был древесный уголь. Обилие лесов и простота углежжения обеспечивали русскую металлургию дешевым и качественным топливом. Пережог дров на уголь совершался в лесах в угольных ямах.

Крица железа, вынутая из горна после окончания варки, имела рыхлую губчатую структуру и была пропитана жидким шлаком. Ее требовалось обжать, освободить от шлака и окончательно сварить в монолитный кусок железа. Проковку крицы производят сразу же после окончания сыродутного процесса, пока крица еще нагрета. Обжатие крицы производили большими деревянными молотами или молотом с каменным бойком на деревянном чурбане или на плоском камне.

Товарным крицам металлурги придавали округлую лепешкообразную форму. Вес криц колебался от 3 до 6 кг. Наиболее распространенными и массовыми были крицы весом в 3 кг. Их размер был по диаметру 14—16 см и толщиной 5—6 см (табл. 91, *8*, *9*).

Древнерусских товарных криц среди археологического материала найдено очень мало. Это вполне понятно. Но археологи очень часто в полевых отчетах и публикациях упоминают о находках на тех или иных памятниках железных криц. При проверке в большинстве случаев это оказываются лишь большие бесформенные или округлые куски железного шлака, ошибочно принимаемого за готовую продукцию печей.

Поставляемые металлургами потребителям товарные крицы не представляли еще собой монолитных кусков металла, пригодного к кузнечной обработке. Товарные крицы были сырыми полуфабрикатами, которые нужно было еще доводить, т. е. проковывать до металлического монолита. Это делали кузнецы города и деревни. Металлографический анализ нескольких товарных криц с городища Родень и из Новгорода из слоев XIII и начала XIV в. показал очень неоднородное губчатое строение. Кроме металла (феррита), крицы содержали большое количество пустот и шлаковых включений.

Товарные крицы у городских кузнецов шли в дальнейший передел на полуфабрикаты. Основной задачей таких переделов было окончательное уплотнение и сварка в монолит металла, максимальное освобождение от шлаковых включений. Среди древнерусского археологического материала нам известна лишь одна находка такого полуфабриката железа. На древнерусском городище в Васильковском районе на Киевщине найдено 5 экз. железных дисков (Колчин Б. А., 1953, с. 45). Диаметр диска равнялся 17 см, толщина в середине 1,6 см, вес 1,75 кг (табл. 91, *10*). Металлографический анализ на поперечном сечении диска обнаружил однородную ферритную структуру средней зернистости со шлаковыми включениями очень мелких фракций, т. е. обычную структуру сыродутного железа (Колчин Б. А., 1953, с. 45).

Говоря о чистоте кричного железа, не нужно забывать, что оно вследствие своего сыродутного происхождения всегда пронизано тем или иным количеством шлаковых включений. В древнерусском металле на изделиях количество шлаковых включений по весу в среднем не превышает 1%, лишь иногда достигая 2—3%. Для характеристики сыродутного железа в отношении шлаковых включений это достаточно чистый металл. По чистоте шлаковых включений древнерусское железо не уступало сварочному железу XIX в. (Колчин Б. А., 1953, с. 48).

Влияние шлаковых включений на механические качества металла выражалось в незначительном уменьшении временного сопротивления на разрыв. Для условий эксплуатации железа в Древней Руси это практически не имело никакого значения.

Наряду с железом в Древней Руси очень широко применялась углеродистая сталь. Рабочие элементы режущих орудий труда, оружия, инструментов изготовлялись из стали, т. е. сплава железа с углеродом. Древнерусские письменные памятники сталь упоминают под термином «оцел». По сравнению с железом сталь обладает повышенными физико-механическими свойствами. Увеличение содержания углерода в стали повышает ее твердость и прочность, но особенно значительно улучшается ее качество путем термической обработки. Закалка и закалка с отпуском повышают твердость и улучшают другие механические свойства стали.

Металлографический анализ стальных изделий Древней Руси обнаружил три вида стали, которую применяли древнерусские кузнецы. Первый вид — это цементованная (томленая) сталь с однородным строением и равномерно распределенным по всей массе металла углеродом. Второй вид — сталь сварочная, неоднородного строения, иногда с ферритными (чисто железными) полями и разными концентрациями углерода. Третий вид — сталь сырцовая слабо и неравномерно науглероженная, которая при определенных условиях могла получаться непосредственно в сыродутной печи.

Первые два вида структуры стали — это два специальных способа производства, две разных технологии ее получения. Первый способ производства цементованной стали заключался в следующем. В огнеупорный сосуд (муфель-горшок), сделанный из глины, после предварительной подготовки насыпали карбюризатор — обычно мелко истолченный древесный уголь с какими-либо добавками (поташ, соль); затем в сосуд клали железо в виде небольших брусков, полос или иных полуфабрикатов и засыпали доверху тем же карбюризатором. Сосуд закрывали и ставили в кузнечный горн и довольно длительное время поддерживали огонь. При температуре немного выше 910°, когда муфель, уголь и железо накаливались, углерод из угля диффундировал в железо, превращая его в железоуглеродистый сплав — сталь. При втором способе производства сварочной стали в обычный кузнечный горн клали железную крицу, засыпали ее древесным углем и производили нагрев. При температуре немногим выше 900° углерод диффундировал в железо. По прошествии определенного времени мастер вынимал из горна крицу и охлаждал ее в воде. Сталистая поверхность крицы при быстром охлаждении получала закалку и хрупкость. После этого ударами молота от крицы отделяли хрупкую стальную корку. Подобную операцию проделывали до тех пор, пока вся крица не превращалась в стальные пластины, затем эти пластины укладывали в бруски и обычным способом сваривали (Колчин Б. А., 1953, с. 51).

В общей массе черного металла сталь применялась в относительно небольшом количестве. Она шла только на качественные изделия и в них составляла в большинстве случаев только наваренные или вваренные лезвия или другие рабочие части. Исходя из весовых пропорций стали в весе качественных изделий и доли последних в общей продукции металлообрабатывающего ремесла можно приблизительно определить количество потребляемой стали в отношении к железу, как $^1/_8$—$^1/_{10}$ часть, т. е. стали в Древней Руси потребляли в 8—10 раз меньше, чем железа.

В подавляющей массе сталь по углероду была доэвтектоидного состава, т. е. до 0,9%. Заэвтектоидная сталь применялась очень редко. Наиболее распространенной была среднеуглеродистая сталь с содержанием углерода в 0,5—0,7%. Нередко встречалась сталь с содержанием углерода в 0,2—0,3%, но применялась она преимущественно на цельностальных изделиях. На наварные лезвия шла среднеуглеродистая и высокоуглеродистая сталь.

Обработка железа и стали. История техники ремесла по обработке железа и стали более интересна и значительна для понимания экономики и производства Древней Руси, чем история металлургии. Древнерусский кузнец — специалист по обработке железа и стали, являлся не только исполнителем заданной технологии, но был прежде всего творцом в создании конструкций, технических форм и рабочей технологии многочисленных орудий труда, оружия, инструмента и прочих изделий. Огромный арсенал древнерусских изделий из черного металла был создан мастерами, владевшими очень сложной техникой производства.

Основным источником для изучения древнерусского кузнечного ремесла являются археологические памятники. Тут мы находим, во-первых, остатки самого производства в виде оборудования, инструментария, отходов производства и, во-вторых, продукцию этого ремесла. Почти на каждом поселении Древней Руси, достаточно раскопанном археологами, кроме обильной продукции металлообрабатывающего ремесла, мы находим остатки самого производства, в первую очередь в виде инструментария.

В настоящее время от эпохи Древней Руси собрана огромная коллекция инвентаря, сделанного из черного металла. Всего насчитывается более 160 отдельных видов-категорий изделий из железа и стали. В музеях России хранятся десятки тысяч древнерусских ножей и стрел, гвоздей и скоб, тысячи топоров и ножниц, кресал и долот, замков и ключей, сотни мечей и копий, серпов и кос, удил и стремян и многое, многое другое.

Огромную массу черного металла перековывали в изделия в основном городские специализированные кузнецы. На долю деревенских кузнецов, которых в селах и деревнях Руси было довольно много, приходилось «всякое черное кузнечное дело» (терминология XVI в.) — изготовление, ремонт и переделка всевозможного сельскохозяйственного и бытового инвентаря.

В кузнечном ремесле в силу технических и технологических причин требовалось специально оборудованное помещение, отделенное от жилища кузнеца. Уже в середине I тысячелетия н. э. дьяковские кузнецы работали в специальном помещении — кузнице (Третьяков П. Н., 1941, с. 57).

Древнерусских кузниц в полном наборе производственных комплексов до нас дошло очень мало, гораздо меньше, чем металлургических. Лучше других сохранилась кузница на Райковецком городище. Кузница находилась в помещении, расположенном в городищенском валу рядом с жилой клетью, где жил, очевидно, кузнец. Размер помещения 3,4×3,1 м.

В левом дальнем углу помещения находился кузнечный горн, следы которого обнаружены в виде развала сильно обожженной глины, угля и золы. Тут же было найдено сопло и небольшое количество железного шлака. Кроме того, в кузнице были найдены две большие кузнечные наковальни, двое клещей, один молот, один молоток, зубило и готовые изделия — косы, серпы. Датируется кузница первой половины XIII в. (Гончаров В. К., 1950, с. 85).

Важнейшим оборудованием кузницы являлись кузнечные горн и меха. Кузнечный горн служил для нагревания до заданных температур полуфабрикатов железа и стали при кузнечной ковке и готового изделия при термической обработке. Археологические материалы, говорящие об устройстве кузнечного горна, довольно фрагментарны и малочисленны. Судя по этнографическим данным конструкция горна была довольно проста, представляя собой обыкновенную жаровню с воздуходувными мехами. Еще в начале XIX в. у некоторых тульских кузнецов были кузнечные горны, своим устройством, вероятно, не отличавшиеся от горнов дьяковских кузнецов. «У многих заварщиков (свар-

щиков ружейных стволов) кузницы в слободе весьма нехорошо устроены. Иногда вместо горна выложено в земле кирпичами место с углублением, в которое кладется уголь, а вместо трубы сделано в крыше строения отверстие для выхода дыма. При горне имеются два самых простых кожаных меха, которые человек руками попеременно подымает и опускает, чем причиняет всегда прерывистое действие воздуха» (Гамель И., 1826, с. 139). Судя по кузнице Райковецкого городища, а также исходя из технологических особенностей изготовления некоторых видов изделий — кос, мечей и т. п., в Древней Руси были горны, более оборудованные и сложные.

Они представляли собой глинобитное возвышение со стенкой у одного из краев. Около стенки имелось небольшое углубление. В это углубление, проходя через стенку, выходило сопло, подводящее к углям воздух. Газ выходил через отверстие в крыше или через дверь. При термической обработке таких изделий, как меч, коса, серп, копье, требовались горны с большим горновым пространством и усиленным дутьем для одновременного нагрева всего лезвия данного изделия.

Необходимая принадлежность кузнечного горна — воздуходувные меха. Кузнечный горн требует такого же температурного режима, что и сыродутная печь. Например, железо при сварке необходимо нагревать до температуры 1400—1450°. Вполне очевидно, что для этого требуются непрерывно работающие довольно мощные меха. Так же как и металлург, кузнец у кузнечного горна ставил два меха. Форма и устройство воздуходувного меха и сопел были такими же, как и у сыродутных печей.

Инструментарий древнерусского кузнеца состоял из наковальни, молота, молотка, клещей, зубила, бородков. Специализированные кузнецы, кроме того, имели гвоздильни, нижние зубила, обжимки, подкладки, штампы, напильники, круговые точила и тиски. Кроме того, при горне необходимы были лопатка для угля, кочерга и прыскалка — швабра из мочала для смачивания угля водой.

Наковальня — твердая опора, на которой происходит ковка изделия. Кузнечная наковальня имела вполне современный вид — массивный металлический брусок вытянутой формы с плоским верхом и отходящим в сторону одним или двумя рогами. Нижней частью наковальня, имеющая клиновидный отросток, вбивалась в деревянный чурбан. Вес наковальни достигал 15—20 кг. Слесари, а также и ювелиры работали на наковальнях меньшего размера и веса.

Собственно кузнечных больших наковален нам известно только 7 экз. Они найдены на городищах Райковецком, Родень, в Киеве, в Новгороде. Наковальня Райковецкого городища имела один рог. Рабочая поверхность клинообразной формы с одной стороны переходила в круглый рог. Ширина наковальни 10 см, длина 27 см, высота равнялась 24 см (табл. 92, *1*). Наковальня с городища Родень имела прямоугольную рабочую поверхность размером 11×18 см. Верхняя часть наковальни с одной стороны имеет клиновидный вырез, образовавший два рога (табл. 92, *2*). Высота наковальни 25 см. Наковальня, найденная в Новгороде в слоях начала XIV в. была однорогой, длина ее рабочей площадки составляла 19 см, ширина 9 см. Нижняя часть наковальни не сохранилась, по судя по пропорциям конструкции ее высота была около 20 см (табл. 92, *9*).

Интересная наковальня — шперак с двумя рогами найдена на городище Родень (табл. 92, *8*). Наковальня хорошей сохранности, представляет собой стержень прямоугольного сечения 3,7×2,6 см, высотой 19 см, от одного конца стержня отходили под прямым углом в разные стороны два рога длиной по 9,5 см каждый. Один рог в сечении круглый, другой с плоской поверхностью. Такие наковальни найдены еще в Новогрудке, Екимауцком и Райковецком городищах.

Молот — инструмент для нанесения ударов при ковке. Молоты различались по весу: молоты-ручники до 1 кг и молоты-кувалды весом более 1 кг. Молот состоит из металлической — железной ударной части (головки) и деревянной рукоятки. Ударные плоскости молота в зависимости от технологического назначения имели разные формы. Для выковочных и вытяжных работ ударной плоскости придавалась ребровидная закругленная форма (задок-остряк). Для расковочных плющильных работ бойку придавали квадратную или прямоугольную, немного выпуклую или плоскую поверхность. Наиболее распространенным молотком среди археологических находок является универсальный тип — на одном конце боек, на другом задок-остряк (табл. 92, *14—17*). Наиболее многочисленной находкой являются молоты-ручники. В древнерусской коллекции их насчитывается более 70 экз. Найдены они на городищах Родень, Воинь, Райковецком, Колодяжин, Изборском, Вщижском, Серенском, в городах Новгород, Киев, Друцк, Саркел и др. Вес головки этих молотов колебался от 0,4 до 1,1 кг. Размер головки колебался от маленьких длиной в 10 см до сильно вытянутых, размером в 20 см (табл. 92, *15*).

Более редкой находкой являются молоты-кувалды. Нами учтено всего 9 экз. Они найдены на городищах Родень, Воинь, Колодяжин, Серенск, в городах Новгород, Саркел, Старая Рязань и в Житомирском могильнике. Все экземпляры очень массивные. Длина головки, например у молота из Серенска, 14 см, размер бойка 8×6 см, вес более 3 кг. Длина молота с городища Родень 13 см, размеры бойка 4,5×5 см, вес 1,55 кг (табл. 92, *13*).

Клещи — инструмент, которым кузнецы держат в руках раскаленное железо и поковку. В Древней Руси клещи имели такое же название, как и в настоящее время: «Спадоша клеще с небесе, нача ковати оружье» (табл. 93).

Среди археологического материала клещей насчитывается более 55 экз. Они найдены на многих поселениях, в том числе на городищах Родень, Воинь, Райковецком, Колодяжин и др., в городах Новгород, Псков, Минск, Москва, Полоцк и др. В Новгороде, например, клещей найдено 9 экз., на городище Родень — 6, в Саркеле — 5, на Райковецком городище — 3.

По форме и размерам клещи можно подразделить на группу больших двуручных клещей — для крупных поковок и группу малых одноручных клещей с хорошо подогнанными губами — для средних и не-

больших изделий. Средняя длина больших клещей колебалась от 40 до 55 см. Размер губ до шарнира достигал величины 11 см, ширина губ колебалась от 1,5 до 2,5 см (табл. 93). Длина одноручных малых клещей в среднем была около 20—25 см, но встречаются экземпляры длиной 15 см. Все клещи изготовлялись из обычного кричного железа.

Зубило — режущий инструмент в форме клина; при работе зубилом по нему наносят молотком ряд ударов. Существует два типа зубил: зубила для горячей рубки (когда обрабатываемый металл находится в нагретом состоянии), которые употреблял кузнец, и зубила для холодной рубки, которые употребляли кузнец, слесарь и ювелир. У зубил для горячей рубки обязательна деталь — рукоятка для держания зубила. Оба типа зубил представлены в археологическом материале, их найдено более 100 экз.

Кузнечные зубила для горячей рубки всегда имели большой размер и массивное лезвие. Они найдены на городищах Родень, Воинь и других памятниках (табл. 94, *11—12*). Все они имеют широкое лезвие — до 5 см и угол заточки в 50—70°.

Зубила для холодной рубки отличаются от кузнечных, во-первых, своими малыми размерами и отсутствием отверстий для рукояток и, во-вторых, повышенной твердостью лезвия. По длине эти зубила колебались от 7 до 15 см, ширина лезвий варьировалась в пределах 1—3 см (табл. 94, *3—5*). На режущую часть зубил для холодной рубки металла всегда наваривались стальные лезвия, которые затем обрабатывались термически, т. е. подвергались твердой закалке. Микротвердость стали режущих лезвий достигала 800—900 единиц по Виккерсу, это очень высокая твердость.

Древнерусские кузнецы и слесари, кроме зубил, применяли для рубки металла еще один вид инструмента — это так называемую подсечку или нижнее зубило. Два экземпляра таких подсечек найдено на Райковецком городище и в Новгороде в слоях XII в. Подсечка состоит из клина-зубила, переходящего на другом конце в пирамидальное острие (табл. 94, *6*), которым зубило вбивали в деревянную подставку-чурбан. Размеры инструмента таковы — длина 7,5 см, ширина лезвия 2,2 см. Предмет, который необходимо перерубить, клали на лезвие зубила и по предмету ударяли молотком.

Бородки. Большое количество древнерусских железных изделий на своем теле имеют сквозные отверстия разных размеров и формы. Пробивали эти отверстия в нагретых поковках особым инструментом, называемым пробойником, или бородком. Всего учтено около 25 пробойников XI—XIV вв. Они найдены в Новгороде, Серенске, Саркеле, Полоцке, Белоозере, Давид-Городке и других памятниках. Бородок имел форму удлиненного стержня с немного заостренным концом круглого или квадратного сечения (табл. 94, *8—10*). По длине бородки колебались в пределах 10—17 см. Острие бородка делали из стали и термически обрабатывали.

В работе специализированного кузнеца-гвоздочника требуется особое приспособление для изготовления головок гвоздей и заклепок, называемое гвоздильней. Это толстая плоская железная пластинка-планка с одним или несколькими отверстиями круглой или квадратной формы, на которой осаживают и расклепывают головки гвоздей и заклепок. Среди археологических материалов гвоздильни встречены только три раза — на городище Родень и в Новгороде в слоях XII и XIV вв. (табл. 94, *1—2*). Новгородская гвоздильня имела длину 21,5 м и прямоугольное сечение размером 3,4×1,9 см. Вес гвоздильни 0,73 кг. На рабочей половине бруска имеются четыре отверстия диаметром 0,4; 0,5; 0,6 и 0,7 см. Гвоздильня с городища Родень длиной 12 см на одном конце имела заостренный черенок для насадки на деревянную рукоятку.

Одним из видов механической обработки металла кузнецами и слесарями было обтачивание изделий на наждачных камнях. У большинства качественных изделий после кузнечной ковки поверхность обрабатывалась на камне, а у некоторых изделий конструктивные элементы формы вытачивали простым или фигурным камнем. Это был единственный вид технологической операции холодной обработки черного металла, не считая обработки напильником. Поэтому очень важным приспособлением в кузнечной мастерской был точильный круг с ручным или ножным приводом (табл. 94, *13*). Среди археологического материала известно несколько находок массивных круглых точильных камней. Например, один из точильных камней, найденных в Новгороде в слоях начала XIV в., имел диаметр 27 см и толщину 6 см. Размер прямоугольного отверстия для оси был 5×6 см. Другой наждачный камень, найденный в Новгороде в слоях XII в., имел диаметр 17 см, толщину круга 5 см и прямоугольное отверстие для оси размером 6×4 см.

Наиболее сложным специализированным инструментом ремесленников по обработке металла является напильник. Он служит для опиловки и шлифовки металла, находящегося в холодном состоянии, или иного материала, например кости.

В коллекции древнерусского инструментария насчитывается более 50 напильников XI—XIV вв. Они найдены в Новгороде, Пскове, Киеве, Вышгороде, Саркеле, Новогрудке, на городищах Родень, Воинь, Райковецком, Серенск и др. Например, только в Новгороде в слоях XI—XIV вв. найдено 12 напильников.

Напильник представляет собой инструмент в виде бруска того или иного сечения с насеченными на его поверхности зубьями и с черенком на одном конце для деревянной или костяной рукоятки. Длина полотна напильника колебалась от маленьких в 7 см до длинных в 20 см. По сечению полотна напильники были прямоугольные, квадратные, ромбовидные, овальные и полукруглые (табл. 95). Напильники имели однорядную прямую и косую насечку, двухрядную и трехрядную косую насечку и перекрестную насечку. На всех напильниках насечка зубьев ручная. Строение зуба у большинства напильников по металлу было следующее — угол заострения зуба от 90 до 100°, задний угол 20—25°, следовательно, угол резания равнялся 110—125°. Шаг зубьев колебался от 0,7 до 1,5 мм. У напильников по кости зуб имел другое строение.

Для изучения конструкции и технологии производства древнерусских напильников 16 напильников были подвергнуты микроструктурному исследованию (Колчин Б. А., 1953, с. 67; 1959, с. 18). Из этих

напильников 12 экз. оказались цельностальными, два с цементованной поверхностью и два напильника трехслойные — в середине проходила полоса малоуглеродистой стали, а крайние полосы были сделаны из стали с содержанием углерода 0,8%. Все напильники находились в термически обработанном состоянии. Основной структурой на большинстве напильников был мартенсит с трооститом, т. е. напильники имели твердую закалку с небольшим отпуском. Микротвердость закаленных напильников колебалась от 650 до 830 единиц, по Виккерсу; это очень высокая твердость.

Технология изготовления стального напильника распадается на четыре самостоятельных операции, из которых две последние являются довольно сложными технологическими приемами. Технология изготовления напильника заключается в отковке полотна с черенком, обточке поверхности на точильном кругу, насечке зубьев и термической обработке. В напильниках с цементированной поверхностью к этим приемам прибавляется еще операция цементации зубьев насечки. В известном трактате Теофила «Записка о разных искусствах», относящемся к X—XI вв. и посвященном технике различных ремесел, имеется глава, описывающая изготовление напильника. Приведем ее полностью. «Тяжелые и средние напильники изготовляются из однородной стали. Они бывают четырехгранные, трехгранные и круглые. Делают еще и другие, более тяжелые напильники. Тогда они должны быть сделаны внутри из мягкого железа, а снаружи покрыты сталью. После того как напильники соответствующих размеров изготовлены мастером, они выравниваются на круглом точиле, а потом насекаются посредством молотка, заостренного с обеих сторон. Другие напильники насекаются зубилом, о котором мы говорили выше. Такие напильники служат для обработки предмета, после того как его предварительно опиливают более грубым способом. После того как напильники опробованы со всех сторон ударом, производят закалку») (Theobald W., 1933). В другой главе говорится о производстве совсем маленьких напильников из железа с последующей цементацией зубьев насечки и термической обработкой.

Микроструктурный анализ древнерусских напильников раскрыл технологию изготовления, которая полностью совпадает с описанной Теофилом.

Наиболее сложными операциями при изготовлении напильника являются насечка зубьев и термическая обработка. Насечка зубьев на отожженной стали, согласно описанию Теофила, производилась зубилом или зубильным молотом. Оба инструмента представлены в археологическом материале. О зубилах мы говорили выше. Зубильный молот найден на городище Родень в слоях XI—XII вв. Он представлял собой молоток с двумя поперечными лезвиями, очень похожими на зубило (табл. 94,7). Длина молотка 9,5 см, ширина режущих лезвий по 2,6 см. В середине головки молота имеется прямоугольное отверстие для рукоятки.

В X—XI вв. напильники изготовлялись с однорядной прямой или косой насечкой. В XII в. в связи с развитием специализированных слесарных работ с холодным металлом появляется более совершенная конструкция насечки — перекрестная. Зуб напильника стал мельче, стружка более дробной — таким напильником было легче работать и изготовлять более гладкие и тонкие поверхности.

Итак, напильник — основной инструмент холодной обработки металла, черного и цветного, в Древней Руси уже в X в. делается из стали и обрабатывается термически (закалка на мартенсит). В XII в. он приобретает вполне современную форму и качество. Напильники из Новгорода, Вышгорода или Райковецкого городища абсолютно ничем не отличались от напильников кустарной промышленности XIX в.

Обзор инструментария древнерусского ремесленника по обработке черного металла на примере многочисленных археологических находок показал, что инструмент кузнеца и слесаря имел развитые, рационально разработанные формы и конструкции. Древнерусские кузнецы не позднее IX в. выработали такие формы инструмента и оборудования, которые в русской металлической промышленности просуществовали многие сотни лет. Созданные в конце I тысячелетия н. э. эмпирическим путем технические элементы и конструкции в разнообразных видах металлообрабатывающего инструментария сохранились до современности.

Для определения конструктивных атрибутов и технологических схем всех видов древнерусских изделий из железа и стали более 1000 предметов X—XIV вв. были подвергнуты всестороннему микроструктурному анализу (Колчин Б. А., 1953; 1959; Хомутова Л. С., 1973).

В итоге комплексного исследования большого количества орудий труда, оружия, ремесленного инструмента, утвари и прочих металлических изделий стало возможным обобщить отдельные технические характеристики и выявить разнообразные технологические приемы обработки металлов в Древней Руси. Основным видом обработки в X—XIV вв. была обработка металла давлением в горячем состоянии путем ковки и штамповки. Кроме того, существовали операции обработки металла резанием — опиловка напильником, обточка на точильном кругу, рубка зубилом и т. п.

Основу разнообразной и сложной технологии обработки черного металла составляли: всевозможные приемы свободной кузнечной ковки; сварка железа и стали; цементация железа и стали; термическая обработка стали; резание металла на точильных кругах и напильником; пайка железа и стали; покрытие и инкрустация железа и стали цветными и благородными металлами; полирование железа и стали; художественная кузнечная ковка.

Механическая обработка нагретого металла давлением при помощи ударов молотом в современной технике называется свободной ковкой. Операции свободной ковки со времени появления железа до введения сталелитейной техники во второй половине XIX в. были основными технологическими приемами, которыми изделию придавали требуемую форму. Процесс ковки разделяется на ряд элементарных кузнечных операций: а) вытяжка; б) высадка, осадка; в) рубка, обрезка; г) пробивка и прошивка отверстий; д) изгиб, скручивание; е) обжатие, штампование. Все эти операции в Древней Руси были хорошо известны и широко применялись кузнецами.

Обработка перечисленными операциями, так называемая горячая обработка, может происходить только с металлом, находящемся в пластическом состоянии. В такое состояние обрабатываемый металл приводится путем нагрева в кузнечном горне. Температура ковки колеблется для железа между 900—1300° и для стали — между 775—1050°. И, как показала структура металла исследованных предметов, кузнец всегда работал при этих температурах. Контролем температурного режима нагрева были цвета каления железа и стали.

Кузнечная сварка, т. е. процесс получения неразъемного соединения двух кусков металла, особенно сварка железа и стали, была широко распространенным технологическим приемом. Основой древнерусской технологии изготовления режущего и рубящего лезвия, которое было главной рабочей частью у большинства орудий труда и оружия, являлось сочетание двух материалов — железа и стали — путем соединения сваркой. Чтобы привести металл в пластическое состояние, при котором могла бы произойти сварка, как известно, необходим нагрев до высокой температуры. Для железа и стали с разным содержанием углерода температура нагрева разная. Для чистого железа эта температура колеблется около 1400—1450°; для сталей в соответствии с содержанием углерода температура понижается. При недостаточности нагрева или сильном перегреве металла сварки не произойдет, поэтому нагрев металла — наиболее важная операция при сварке; малейшее упущение, недосмотр при нагреве сказываются на ее качестве.

Как показывает микроструктура сварочных швов, подавляющая их масса на древнерусских изделиях имеет очень чистое и тонкое строение, а следовательно, и прочное соединение. Швы при сварке железа и высокоуглеродистой стали отличаются прочностью и чистотой; большинство швов почти не имеют шлаковых включений. Это говорит о том, что древнерусские кузнецы умели очень точно определять степень нагрева металла. Нужно было очень хорошо знать свойства и состав свариваемых металлов (железо или сталь и какая именно сталь), чтобы определять необходимый для них цвет каления.

В сварочной технике поражает умение кузнецов работать с очень малыми объемами металла. Например, огромную трудность представляла сварка железа и стали в замочных пружинах. Пружины толщиной от 0,8 до 2 мм сваривали из двух полос железа и стали: следовательно, каждая половина имела толщину от 0,4 до 1 мм. Если считать, что кузнец сваривал болванки пружин более толстого сечения и потом их вытягивал, то все железные и стальные заготовки не могли превышать в толщине 2—5 мм. Нагреть одновременно полоски железа и стали такой толщины до сварочного жара и не сжечь металл (а он быстро начинает искрить, т. е. окисляться) представляет большую техническую трудность. Сварочная техника древнерусских кузнецов стояла на высоком уровне. Хорошо освоенная и тонко разработанная технология сварки дала возможность древнерусским ремесленникам изготовлять высококачественные орудия труда, оружие и инструменты.

Эмпирически осмыслив многие свойства стали и влияние на эти свойства разных режимов нагрева и охлаждения, ремесленники создали практическую, тонко разработанную технологию термической обработки стали. Из 800 с лишним исследованных стальных или со стальными лезвиями древнерусских изделий более 90% сохранили термическую обработку. На этих изделиях были обнаружены структуры мартенсита, мартенсита и тростита, тростита и сорбита (Колчин Б. А., 1953; 1959).

Микроструктура подавляющей массы термически обработанных изделий из стали показывает, что их подвергали нагреву в интервале 800—950°. Лишь в некоторых экземплярах наблюдается крупноигольчатый мартенсит, говорящий о том, что температура закалки была выше нормы; также единичны структуры неполной закалки, которые получаются, когда закалку производят при недостаточно высоком нагреве.

Структура мартенсита свидетельствует о применении быстрого охладителя, каким могла быть вода при нормальной температуре. Структура тростита и сорбита указывает на использование закалочных сред, дающих более медленное охлаждение, чем вода. Такими средами могли быть подогретая вода и разные смеси растительных и животных масел. Кузнецы применяли и разные приемы охлаждения предмета. Многие изделия закаливали целиком, т. е. совсем опускали в воду или жидкость. Другие изделия закаливали частично — только рабочую часть.

Структура тростита и сорбита отпуска свидетельствует о двухступенчатой термической обработке. Например, структура тростита отпуска показывает, что изделие сначала закалили, т. е. нагрели до 800—950° и охладили в воде, а потом дополнительно нагрели до 500—600°. Подобная обработка придавала металлу дополнительную вязкость. При режиме закалки с отпуском важен контроль за температурой нагрева. При 800—950°, как и при закалке, нагрев улавливается по цвету каления. Для температуры вторичного более низкого нагрева контролем служили цвета побежалости.

Очень важным элементом термической обработки, говорящем о высокой технической культуре древнерусского кузнеца, является дифференцированный подход к выбору режима закалки и отпуска в зависимости от назначения изделия. К изделиям, подвергающимся ударным нагрузкам, как, например, топоры, применяли высокий отпуск. Серпы, косы и ножницы подвергали среднему отпуску. Ножи в подавляющей массе закаливали на мартенсит отпуска. Напильники закаливали только на мартенсит или мартенсит и тростит без последующего отпуска. Соответственно отпуску дифференцировалась на изделиях и мягкая закалка. Все указанные выше режимы полностью удовлетворяли условиям эксплуатации изделий.

На высоком техническом уровне стояла и технология пайки железа и стали. Пайкой называется процесс соединения двух или нескольких металлических предметов путем ввода между ними более легкоплавкого металла или сплава (припоя), чем соединяемые металлы. Пайкой как основным приемом соединения деталей пользовались в первую очередь слесари, замочники и ювелиры. При исследовании паяных швов (спектральным анализом) на замках и ключах установлено, что замочник применял для

спаивания железа и стали твердый припой на медной основе. В некоторых случаях это была чистая медь, лишь со следами олова и свинца, а в других случаях — сплав меди с оловом и свинцом.

Структурные исследования швов замков показали, что замочник производил нагревание места спайки до температуры расплавления припоя в специальном горне. Это позволяло одновременно спаивать на изделии несколько швов. На некоторых замках XI—XIV вв. имелось до 50 паяных швов. Горновая пайка — крупное техническое достижение древнерусской техники — позволяла замочнику получать прочные и стойкие соединения деталей из железа и стали.

При горновом паянии детали, подогнанные и очищенные в местах пайки, обмазывали по шву порошком припоя или прокладывали между ними тонкую пластинку из припоя. Вместе с припоем шов заполняли флюсом для удаления окислов, которые возникали при нагреве. Спаиваемые детали временно скрепляли между собой (вставляли в глиняные матрицы или зажимали железными скрепами) и ставили в горн. При соответствующей температуре в горне припой расплавлялся и диффундировал в нагретое железо или сталь. После остывания деталей получался неразъемный шов (Колчин Б. А., 1953, с. 180). Замочники, а также и ювелиры иногда производили паяние с помощью паяльников или паяльных трубок.

Операция художественной ковки в отличие от других технологических операций была комплексной — мастер применял и кузнечную ковку, и сварку, и резание металла зубилом и напильником, и инкрустацию цветными металлами; кроме этого, он должен был еще обладать творческой изобретательностью и художественным вкусом. Эта операция носила прежде всего характер орнаментальный. Ее применяли чаще всего при изготовлении бытовых вещей, оружия и конской сбруи. Художественную отделку имели кресала, светцы, всевозможные замки, ключи и личины, всевозможные оковки мебели, оборонительный доспех, поясные пряжки, булавки и многое другое.

Структурный анализ большого числа изделий из черного металла показал, что в основе конструкции и технологии изготовления качественных изделий (к ним относятся инструменты и большая часть орудий труда и оружия) лежал принцип сочетания стальной рабочей части с железной основой. Подавляющая масса этих изделий — режущие или рубящие орудия и оружие. Лезвия у них всегда были стальными.

Для изготовления стального лезвия применяли четыре технологических приема. Первый прием — изготовление многослойного лезвия из железа и стали. На режущую грань всегда выводили стальную полосу. Подобные лезвия сваривали из двух, трех и пяти полос. Второй прием — изготовление наварного лезвия. Третий — изготовление цементованного лезвия, т. е. науглероживание лезвия на готовом изделии; четвертый прием — изготовление цельностального лезвия. Кроме того, применялся комбинированный прием технологии с дамаскированной сталью (табл. 96, *1—6*). Самым распространенным технологическим приемом было изготовление наварного лезвия.

Для раскрытия конкретных атрибутов конструкций и технологии массовых изделий древнерусских кузнецов сделаем обзор некоторых из них.

Основной продукцией специализированных кузнецов-ножевников были ножи и ножницы. Эти самые универсальные орудия труда в Древней Руси имели чрезвычайно широкое распространение. Ножи применяли в быту и хозяйстве, в ремесле и на промыслах. Специальные ножи делали для воинов и лекарей.

В X—XIV вв. изготовляли ножи разных типов: кухонные, столовые, сапожные, костерезные, бондарные, боевые, складные типа «перочинных», бритвы. Каждый тип имел определенные конструктивные особенности. Все изготовлялись со стальными лезвиями, которые после закалки приобретали очень высокую твердость, а следовательно, и остроту.

Технология изготовления ножей в связи с общим развитием русского ремесла и экономики менялась несколько раз (табл. 96, *7—11*). Наиболее сложной она была в X и XI вв. В это время лезвия ножей делали многослойными. В середине ножа шла стальная полоса, по бокам — железные полосы. В середине XII в. с развитием русской экономики и расширением сбыта продукции городского ремесла ножевники, обеспечивая массовый выпуск своей продукции, «рационализируют» конструкцию ножа и упрощают его технологию. Ножи начинают делать с наварным стальным лезвием. Качество ножа ухудшается, но торцовая сварка все же обеспечивает надежность его работы. В начале XIV в. в связи с подъемом городского ремесла и усилением рыночных связей, технология производства ножей снова упрощается. Теперь наварное лезвие ножа делают уже не приемом торцовой сварки, а приемом косого шва, при котором уменьшались количество стали и трудоемкость производства. Качество ножа при этом опять ухудшалось. С такой технологией ножи изготовляли и в последующие века.

Следует остановиться также на изготовлении бритв. В Древней Руси они были широко распространены, особенно в XIII в. По конструкции бритвы второй половины XIII в. близки современным опасным бритвам. Различие заключается лишь в форме лезвия. У современных опасных бритв лезвие прямолинейное, а у бритвы XIII в. оно дугообразное. Ручку бритвы, как и сейчас, изготовляли из дерева или кости. Тонкая режущая часть бритвы длиной около 10 см имела наварное стальное лезвие, оно было закалено.

Для характеристики техники производства игольников достаточно привести технологию изготовления швейных игл, которые по конструкции совершенно сходны с современными ручными швейными иглами. Древнерусские иглы, как и сейчас, имели 4—7 см длины и диаметр от 0,7 до 1,1 мм. Важная их конструктивная особенность — наличие на ушке, кроме отверстия, еще желобка для нити. Такие желобки делали всегда и в XI и в XIV вв. Желобок с двух сторон ушка и отверстие для нити изготовляли на иголке диаметром в 1 мм и менее. Все иглы делали стальными и калеными. Таким образом, техника изготовления иголок была довольно сложной и очень трудоемкой. Овладеть такой техникой мог только специализированный кузнец, у которого дол-

жны были быть специальные микрорезцы, бородки и другие инструменты.

Из продукции гвоздочников, изготовлявших различные виды гвоздей, заклепок, скоб и разные крепежные детали, рассмотрим только гвозди, В X—XIV вв. гвозди были известны нескольких типов и размеров. В археологических коллекциях есть костыли строительные, гвозди тесовые, гвозди обойные, сапожные и подковные. Гвозди всех типов всегда делали из обычного кричного железа. Некоторые типы гвоздей отличает конструктивное совершенство. Например, сапожные и подковные гвозди по конструкции и размеру одинаковы с современными сапожными и подковными гвоздями. Конструкция стержня и головки, а также размеры гвоздей современных и гвоздей XI—XIV вв. совпадают до мелочей. Так, длина сапожного гвоздя современного и древнерусского равнялась 1,6 см. Квадратное сечение стержня головки 2,5×2,5 мм. Сапожные гвозди для кожаной обуви и гвозди для крепления подковы к копыту коня уже в Древней Руси получили наиболее рациональную форму и просуществовали до наших дней. Для работы специализированных гвоздочников, кроме универсального инструмента, требовались гвоздильни специальных форм и подсеки. Для каждого вида и размера гвоздя нужны были гвоздильни определенного размера и формы. В летописном рассказе о взятии новгородцами города Юрьева в 1262 г. среди убитых новгородцев упоминается гвоздочник Яков — «Якова храброго гвоздочника убиша».

Обработка дерева

Основным поделочным материалом в Древней Руси было дерево. Жилища и городские укрепления, мастерские и другие хозяйственные постройки, корабли и сани, мостовые и водопроводы, машины и станки, многие орудия труда и разные инструменты, посуда и мебель, домашняя утварь и детские игрушки — все делалось из древесины. Особенно широкого распространения и высокого мастерства деревообрабатывающее ремесло достигло в центральных и северных районах Руси, богатых хвойными и лиственными лесами.

Долгое время эта отрасль древнерусской промышленности оставалась малоизученной, так как среди археологических материалов находки из дерева, как правило, отсутствовали. В культурном слое органические остатки, в том числе и древесина, в большинстве случаев не сохраняются, но в ряде русских городов — Новгороде, Пскове, Смоленске, Белоозере, Москве, Вологде, Полоцке, Минске, Мстиславле, Старой Ладоге и ряде других, древесина с разной степенью сохранности доходит до нас вместе с иными находками. Наилучшую сохранность древесина имеет в земле Новгорода. Раскопки последних десятилетий в Новгороде дали огромную коллекцию деревянных находок, исчисляемую десятками тысяч экземпляров.

Древнерусские мастера хорошо знали технические свойства и иные качества древесины всех пород, входящих в состав русского леса и широко применяли ее в зависимости от технических условий изделия и физико-механических свойств породы.

Диагностический анализ более 1000 находок из новгородской коллекции показал, что новгородские строители, плотники и столяры применяли для разных потребностей древесину 27 пород. Из них 19 пород были местными из русского леса: сосна, ель, можжевельник, дуб, ясень, клен, береза, липа, ольха, ива, осина, вяз, рябина, лещина, ильм, яблоня, груша, черемуха и бересклет. Древесину остальных восьми пород привозили с далекого юга, запада и востока. Это были пихта, кедр, тис, каштан, самшит, бук, лиственница и грецкий орех (Вихров В. Е., Колчин, Б. А., 1962).

Древесина пород, которые новгородцы применяли на строительстве и для поделок, по техническим свойствам была весьма различна. Наряду с так называемыми мягкими использовались породы, древесина которых обладает большой прочностью и значительной твердостью. Широко применяли древесину, обладающую высокими декоративными качествами.

Самыми распространенными видами деловой древесины были сосна и ель. Из них строили жилища, городские укрепления, мостовые улиц, водопроводы, корабли, изготовляли станки, мебель, орудия труда, бондарную посуду, ремесленные приспособления и многое другое. Следует заметить, что для столярных изделий, утвари и других поделок предпочитали сосну.

Такое широкое использование древесины сосны объясняется легкостью обработки ее режущими инструментами, небольшой по сравнению с елью суковатостью, довольно высокой стойкостью против поражения дерева разрушающими грибками и, наконец, достаточными запасами ее в лесах. Ель широко применялась лишь в строительстве.

Древесину лиственных пород применяли главным образом для изготовления бытовых вещей. Использование этой древесины в строительстве было весьма ограниченно. Дуб, береза, осина почти никогда не употреблялись для жилых и иных построек. Древесина березы, липы, клена, осины обладает небольшой стойкостью против грибковых повреждений и на открытом воздухе быстро разрушается. Это отрицательное свойство строителям было хорошо известно, и жилища они строили из более стойкой древесины хвойных. Стойкая и прочная древесина дуба была дефицитной и употреблялась лишь на изделия, которые должны были обладать повышенной прочностью, например санные полозья, оглобли, бочки больших объемов, землекопные лопаты и ряд подобных изделий.

Значительное место занимали изделия из клена и ясеня. Однородная по своему строению древесина клена имеет белый цвет с характерным шелковистым блеском, обладает высокими физико-механическими свойствами, она характеризуется и хорошими технологическими свойствами — легко обрабатывается режущими инструментами и дает гладкую поверхность, прекрасно полируется.

Древесина ясеня имеет высокую прочность, твердость и большую вязкость. Она мало истирается, имеет очень малую водопроницаемость, прекрасно полируется. Текстура древесины ясеня обладает высокими декоративными свойствами. Все эти положи-

тельные качества клена и ясеня были известны древнерусским мастерам. Например, только из клена они изготовляли резную посуду, ковши и ложки. Точеная посуда, изготовлявшаяся на токарных станках, делалась только из ясеня.

Из привозной древесины стоит отметить самшит. Эта исключительно прочная древесина на Русь доставлялась с Кавказа, из лесов Талыша. Из самшита изготовляли двусторонние гребни и маленькие пиксиды. Следует заметить, что деревянные гребни в Древней Руси делались исключительно из самшита. Диагностический анализ гребней из новгородской коллекции показал, что из 85 деревянных гребней 82 изготовлены из самшита (Вихров В. Е., Колчин Б. А., 1962, с. 93).

Техническая культура древнерусских мастеров при выборе материала была очень высокой, они превосходно знали свойства каждой породы. Вот несколько примеров: до настоящего времени лучшей древесиной для бондарных изделий считаются сосна и дуб и именно из них в Древней Руси делали бочки, кадки, ведра и другие сосуды. Бочки для напитков и меда делались только из дуба. Лучшим материалом для полозьев саней считается дуб и только из него они делались на Руси. Лучшими деревянными ложками поныне считаются кленовые, именно из клена делали ложки древнерусские мастера.

О технике и организации заготовки древесины в Древней Руси письменные источники дают очень скудные отрывочные сведения: известно лишь, что рубка леса часто была феодальной повинностью крестьян и лес рубили зимой. О зимней рубке леса говорит автор «Сказания о Борисе и Глебе»: «Повеле древоделям да приготовят древа на сограждение церкви, бе бо уже время зимнее» (Сказание о Борисе и Глебе, 1860, с. 28). В весенние разливы и летом по малым и большим рекам значительные партии леса сплавляли плотами до места назначения.

Археологические памятники, характеризующие деревообрабатывающее производство, в основном представлены инструментарием и самой продукцией. Производственных комплексов в виде мастерских раскопано слишком мало. Несколько мастерских токарей по дереву, бондарей, гребенников, ложкарей, резчиков посуды вскрыто в Новгороде (Колчин Б. А., 1982).

Деревообрабатывающий инструментарий в археологической коллекции представлен всеми видами режущего и рубящего инструмента всех веков начиная с IX в. Специализированные кузнецы изготовляли для плотников, столяров, токарей и других ремесленников по дереву высококачественные стальные инструменты. В коллекции инструментария представлены: топоры, секачи, тесла, пилы, долота, сверла, скобели, рубанки, наструги (инструмент типа рубанка), стамески, бондарные скобельки, уторные пилки, резцы токарные, резцы ручные, резцы для художественной резьбы, ножи, гвоздодеры и другие орудия. Кроме того, в инструментарии были деревянные приспособления: клинья, чекмари, струбцинки, зажимы и ряд подобных приспособлений, а также крепежные гвозди, заклепки, скобы.

Все основные виды и формы деревообрабатывающего инструмента были созданы уже в IX—X вв. Топоры и пилы, долота и сверла, скобели и стамески приобрели в это время наиболее рациональные конструктивные формы и в таком техническом решении просуществовали до XX столетия.

Топор — универсальное орудие для рубки и тески дерева. Его применяли не только профессионалы ремесленники и строители — им широко пользовался почти каждый житель города и деревни. Не менее часто ремесленнику и смерду топор служил и боевым оружием. Следует заметить, что в Древней Руси широко применялись и специализированные боевые топоры (см. о них в разделе «Оружие»).

Коллекция древнерусских рабочих топоров довольно значительна, она достигает 1500 экз. Найдены топоры на поселениях и в погребениях. Например, в Новгороде их найдено более 200 экз.

Рабочий топор имел большое разнообразие форм и размеров. Большинство археологов в своей классификации топоров придерживаются схемы А. А. Спицына (Спицын А. А., 1896, с. 31), изменяя лишь ее порядок или модифицируя детали. Основным массовым типом в продолжение трех веков с X до начала XIII в. был тип топора с выемкой, опущенным лезвием и проушным обухом (табл. 97, *1—7*). Размеры топоров колебались в довольно широких параметрах, в среднем наиболее массовый топор имел длину 16—18 см и ширину лезвия 10—12 см. Из 10 древнерусских топоров на долю этого типа приходится 7—8 топоров. Эти топоры были распространены по всей Руси — от Киевской до Новгородской земли, на востоке и в западных районах. Второй тип топора — узколезвийный прямой клиновидный (табл. 97, *18*), в Восточной Европе появился еще в середине I тысячелетия, на Руси бытовал в X—XI вв. в основном в центральных и северных районах. Топор имел длину 21—23 см и ширину лезвия 6—7 см. Третий тип топора с широким симметричным лезвием (табл. 97, *14, 15*) развился из второго типа в конце I тысячелетия. Такие топоры были распространены в IX—XII вв. в северных районах Новгородской земли. На памятниках юга и средней полосы они встречаются довольно редко.

В XIII в. эти топоры модифицируются, лезвие становится более узким, вес топора уменьшается (табл. 97, *12, 13, 19, 20*). Топоры этого типа в начале XIII в. заменяют топоры с выемкой и опущенным лезвием. Этот уже ставший основным тип топора бытует в XIII—XIV вв. Форма и размеры этого топора наиболее стабильны и стандартны. Его длина колеблется в пределах 15—17 см и ширина лезвия 8—10 см. В конце XIV в. топоры этого типа становятся более тяжелыми, лезвия приобретают асимметричность, обух делается массивнее и на нем появляется плоская верхняя площадка (табл. 97, *21*).

Деревянные ручки топоров в зависимости от втулки топора имели круглое или овальное сечение. Рукоятки всегда были прямые и довольно удлиненные (табл. 97, *11*). Средняя длина рукоятки колебалась в пределах 65—80 см. Интересна техника насадки топора на топорище. Для более плотного и надежного крепления во втулке топора деревянная ручка в месте насадки обматывалась кожей, иногда в торец рукоятки вгоняли железный клин. У древнерусского топора довольно высоким был коэффициент полезного действия. У топоров с выемкой и опущенным лезвием коэффициент колебался в пределах от 0,8 до

0,973, т. е. почти приближался к единице (Желиговский В. А., 1936).

Основным технологическим приемом изготовления топора, полностью отвечающим техническим условиям работы этого орудия, была наварка стального лезвия на железную основу орудия. Все топоры термически обрабатывались. Основным способом термической обработки была закалка с отпуском. Иногда применялась местная термообработка, т. е. у топора закаливалось только лезвие (Колчин Б. А., 1953).

Тесло — инструмент для выдалбливания в дереве разнообразных выемов и внутренних объемов. Применялись тесла трех типов: большие проушные с горизонтальной втулкой и широким лезвием для плотницких, корабельных и подобных работ (табл. 98, *3, 4, 10*). Второй тип — это втульчатые тесла с коленчатой рукояткой для изготовления долбленой и резной посуды, ложек и подобных изделий (табл. 98, *5, 6, 12, 13*) и третий тип — широкие массивные втульчатые тесла, насаживаемые на длинную рукоятку-палку (как у пешни) для изготовления кадок-долбленок, больших корыт, колод и т. п. (табл. 98, *11*).

Тесла с горизонтальной втулкой по конфигурации и размерам приближались к пропорциям топора, их длина колебалась в пределах 16—17 см, ширина лезвия 6—8 см. Иногда такие тесла, вероятно, для корабельных работ, изготовлялись более увеличенных пропорций, например тесло с городища Родень XII в. (табл. 98, *10*) имело довольно вытянутое лезвие; общая длина тесла достигала размера 25 см, ширина лезвия равнялась 9,5 см. Довольно однотипны были втульчатые массивные тесла-пешни. В среднем их длина равнялась 18—20 см, ширина лезвия 9—10 см.

Большую модификацию форм и размеров имели втульчатые тесла с коленчатой рукояткой. Втульчатое тесло, рассчитанное на работу одной рукой с небольшим размахом инструмента, имело легкое лезвие и небольшую коленчатую рукоятку. Длина рукоятки не превышала 25—30 см. Угол между рукояткой и плоскостью удара тесла был скошен и не превышал 60°. Инструмент такой формы очень удобен и наиболее рационален для легких ручных резных работ. Следует отметить, что подобная конструкция тесла появилась на Востоке еще в конце II тысячелетия до н. э. (Petrie F., 1917, с. 18) и в совершенно тех же формах втульчатые тесла дожили до XX в. (Филиппов Н. А., 1913, с. 168).

Длина тесел колебалась в значительных интервалах — от 7 до 18 см. Ширина лезвия — от 2 до 7 см. Режущие лезвия этих тесел в зависимости от объектов обработки изготовлялись прямолинейными, полуовальными и полукруглыми.

Технологическая схема изготовления тесел в X—XIV вв. была традиционной, т. е. наварка стального режущего лезвия на железный или малоуглеродистый клинок тела тесла. Лезвие тесла подвергали термической обработке.

Пилы по дереву в Древней Руси были широко известны и применялись плотниками и столярами. Коллекция древнерусских пил в настоящее время насчитывает более 35 экз. Большинство из них найдены в Новгороде — 21 экз. Кроме этого, пилы найдены на городищах Родень, Старая Ладога, Райковецком, Воинь, Тетерев и др. Наиболее древние экземпляры найдены в Новгороде в слоях середины X в. Следует заметить, что при лесозаготовках и производстве досок до конца XVII в. применялся исключительно топор, доски тесали.

Пилы были двух типов: ножовки для поперечного пиления дерева и лучковые для продольного пиления дерева, а также и кости (табл. 99, *1—7*). Полотно пил-ножовок по дереву достигало в длину 45 см. Деревянная рукоятка насаживалась на черенок, являвшийся прямым продолжением полотна (как у ножа). Полотно пилы делалось плоским толщиной около 0,25—0,3 см. Зубья имели треугольную форму и всегда разводились (табл. 99, *8, 9*). Заточка режущей кромки зубьев производилась так же, как и в настоящее время. Пилы-ножовки делались разных размеров. Найдены целые экземпляры с длиной полотна в 39,5 и даже 9 см. Шаг зуба колебался от 0,3 до 0,6 см. Иногда зубья ножовок делались двувершинными. Например, на целой пиле, найденной в Новгороде в слоях самого начала XIII в., было 44 зуба, которые имели по две вершины (табл. 99, *8*). На острие каждого крупного зуба треугольной формы делался дополнительный небольшой треугольный выпил, образующий две вершины (всего, следовательно, на пиле стало 88 зубьев). Шаг основного зуба равнялся 1 см, средняя высота зуба 0,45 см.

Лучковые пилы имели также длинные полотна. Целое полотно пилы XII в. с городища Родень имеет длину 46,5 см. На концах полотно заканчивается круглыми петлями для крепления в раме. Ширина полотна равна 1,5 см. Обычная толщина режущей части зуба, она же наибольшая толщина полотна пилы, около 0,28 см. Для вывода опилок из пропила в этой конструкции пилы предусмотрена коничность полотна. Станком для натяга полотна служили лукообразные или П-образные рамы.

Полотна ножовок и лучковых пил делали цельностальными из среднеуглеродистой стали с последующей термообработкой — закалкой и высоким отпуском.

Долото — инструмент для долбления пазов и разных выемов в дереве. Коллекция древнерусских долот насчитывает более 350 экз. Большинство их найдено на поселениях. Наряду с единичными находками на многих памятниках есть собрания, насчитывающие десятки экземпляров, например в Новгороде найдено 78 долот, на Райковецком городище — 62, на городищах Воинь и Родень — по 14 экз. и т. п.

Основным типом долота, бытовавшим в Древней Руси в X—XIV вв., являлось цельнометаллическое долото. Оно представляло собой металлический четырехгранный стержень с лезвием на одном конце и обухом на другом (табл. 99, *17—22*). Иногда в верхней обушковой части четырехгранный стержень переходил в круглый цилиндр. Конструкция лезвий у всех древнерусских долот абсолютно аналогична современному долоту. Вытянутое лезвие со скошенным углом и немного оттянутой режущей гранью было конструктивно наиболее рациональным для долбления дерева. Угол резания лезвия колебался у всех долот от 17 до 20°. Размеры долот

варьировались в значительных интервалах независимо от времени изготовления. Ширина режущего лезвия колебалась в пределах от 0,3 до 2,5 см. В зависимости от размера лезвия изготовлялось и само тело долота. Длина стержня колебалась в больших пределах — от 10 см до 30 см. По долоту ударяли деревянным чекмарем или деревянной киянкой.

Иногда в Древней Руси, особенно в IX—XI вв., для работ по дереву применялись долота втульчатые (табл. 99, *23*). Они, как правило, применялись только при изготовлении крупных выемов. Долота имели ширину лезвия не менее 2,5×3 см. Конструкция этих долот напоминала конструкцию кельтов. На короткий четырехгранный стержень с лезвием на одном конце наваривалась втулка, в которую вставлялся деревянный обух — рукоятка. Эти долота иногда достигали в длину 30 см, обычная их длина была 20—22 см.

Технология изготовления долот начиная с X в. была однотипной — наварка на железную основу стального лезвия. Затем лезвие подвергали термической обработке — твердой закалке.

Для изготовления круглых чистых отверстий в дереве в Древней Руси широко применялись сверла. Коллекция древнерусских сверл превышает 125 экз., значительная часть их новгородские, там найдено 43 сверла. Одновременно существовали и применялись два типа сверл. Основной тип — это перовидные (ложковидные) сверла — «напарьи» и другой тип — спиральные. На долю перовидных в коллекции приходится 85% сверл.

Перовидные сверла представляли собой металлический стержень с плоским черенком для крепления деревянной рукоятки в верхней части и заостренным пером ложковидной формы с двумя острыми режущими гранями в нижней рабочей части (табл. 99, *11, 12, 13, 15*). Верхней черенковой частью сверло вставляли в деревянную рукоятку Т-образной формы. Чаще всего для рукояток использовали естественную конфигурацию дерева с отходящим сучком. Такие рукоятки найдены в Новгороде. По диаметру перовидные сверла колебались в широких пределах — от 0,3 до 3 см, а по длине — от маленьких в 15 см до массивных в 40 см. Угол заточки лезвия пера равнялся в среднем 30°.

В спиральных сверлах вместо ложковидного лезвия делалась спираль в один-два оборота с острой режущей гранью (табл. 99, *14, 16*). Все сверла имеют правую спираль режущего лезвия, т. е. при сверлении мастер вращал сверло по часовой стрелке (как и в настоящее время). Иногда у больших спиральных сверл вместо плоского черенка для крепления деревянной ручки делали горизонтальную втулку (табл. 99, *14, 16*). По диаметру спиральные сверла также колебались в значительном диапазоне — от 0,5 до 2,5 см.

Технология изготовления сверл такая же, как и других режущих инструментов: на конец железного стержня сверла наваривали стальную полосу, после чего делали перо или спираль рабочей части с выходом на режущую грань стали. Стальное лезвие термически обрабатывали — подвергали закалке с небольшим отпуском.

Скобель — инструмент для строгания дерева после обработки топором или теслом. Специальные скобели служили также для обдирания коры с бревен. В древнерусской коллекции собрано более 250 скобелей, самое крупное собрание на Райковецком городище — 104 экз., в Новгороде найдено 48 скобелей. Скобели, представлявшие собой дугообразные ножевидные лезвия с двумя поперечными ручками на концах, конструктивно все были однотипными и различались лишь размерами (табл. 98, *14—16*). Режущая часть скобеля изготовлялась с дугообразным или прямолинейным лезвием, у большинства скобелей режущее лезвие было дугообразным. Такая конструкция скобеля, появившаяся в IX в., дожила без каких-либо изменений до современности. Ширина дуги скобеля колебалась в пределах от маленьких в 5 см до больших, размером в 15 см. Толщина лезвия не превышала 0,3—0,4 см. Тонкие стальные лезвия имели очень маленький угол резания, 8—10°, что обеспечивало инструменту при надлежащей заточке большую остроту.

Технология изготовления скобелей была традиционна: наварка на режущую грань стального лезвия. Скобели термически обрабатывали, закаливали с высоким отпуском, т. е. давали мягкую закалку.

Для строгания больших широких площадей применялись специальные инструменты-струги. Пять стругов найдено в Новгороде в слоях XI—XIII вв. Струги представляли собой длинные прямолинейные лезвия длиной в 30—35 см с рукоятками по краям, как у скобеля (табл. 98, *1*). Ширина лезвия стругов колебалась в пределах 3 см, толщина не превышала 0,3 см.

К тому же техническому виду инструмента, что и скобели, относятся скобелки. Скобелки это те же скобели, но с узким лезвием и, самое главное, с одной ручкой (табл. 100, *1*). Широкое применение скобелка имело и имеет ныне в бондарном производстве для строгания (сравнивания) швов клепок внутри изделий — кадок, бочек, ушатов и т. п. Ширина дуги скобелки равнялась 4 см, лезвие имело такие же размеры и конструкцию, как и у скобеля. Скобелки найдены в Новгороде, на городищах Родень, Воинь и др.

Наструги — инструменты с деревянной колодкой для более чистого строгания при стружке заданной толщины. Лезвие наструга похоже на маленький прямолезвийный скобель с отходящими вверх ручками (табл. 100, *13, 14*). Это лезвие вставлялось ручками в деревянную колодку и закреплялось клиньями, фиксируя таким образом необходимую толщину стружки. Этим инструментом строгать было значительно легче, а главное, всегда можно брать стружку определенной толщины, регулируя железку. Поверхность изделия получалась более гладкой, чем при обработке скобелем. Ширина лезвия, а следовательно, и ширина стружки колебалась от 5 до 9 см. Железки от настругов найдены в Новгороде, на Райковецком и Сарском городищах и других памятниках.

Рубанок появился в Европе в самом начале нашей эры. Наиболее древние рубанки найдены в Помпеях (Greber J., 1956, с. 74). Они имеют уже все присущие современным рубанкам рабочие элементы и детали. Известны были эти орудия и в средневе-

ковой Европе (Goodman W., 1964). Целых древнерусских рубанков вместе с деревянным корпусом до сих пор не найдено, но найдено несколько режущих лезвий особой формы — железок от рубанков (табл. 100, *11*). Они найдены в Новгороде, Киеве и других местах. Железка от рубанка, найденная в Новгороде в слоях середины XII в., имела следующие размеры: ширина прямолинейного лезвия равнялась 4,8 см, длина железки 13,5 см. На режущее лезвие была наварена стальная полоса.

Довольно широкий набор разнообразных инструментов применялся при фигурной обработке дерева и художественной резьбе. Найдены стамески — прямые и косые, стамески с фигурным лезвием, долота с фигурными лезвиями, разнообразные резцы — такие, как клюкарзы с прямым и фигурным лезвием, ножи-косяки и ножи-резаки, ложкари (табл. 100). Все эти инструменты найдены на многих древнерусских памятниках, в том числе в Новгороде, Киеве, Родне, Белоозере, Воине, Ярополче, Серенске, Старой Рязани, Полоцке, Пскове и многих других.

Среди универсальных инструментов по обработке дерева встречаются и инструменты, применяемые лишь для производства одной технологической операции в специализированном ремесле. Таким инструментом является уторник. В технологии бондарного производства, достигшего высокого профессионального уровня уже в X в., уторник применялся для изготовления уторов — пазов в клепках стенок сосуда, в которые вставляются днища.

Главной рабочей деталью уторника является небольшое лезвие — пилка (железка), которая и вырезывает уторные пазы (табл. 100, *8*, *9*). Уторные железки найдены в Новгороде в слоях XI—XIII вв., в Ярополче, на Давид-Городке и ряде других памятников. Железка уторника представляла собой трапециевидную вытянутую стальную пластинку с режущим лезвием в нижней части и хвостом в верхней. Режущее лезвие уторных железок делалось заостренным как у ножа или в виде пилы. Ширина режущей части железки около 2,5 см, шаг зуба равнялся 0,5 см.

Кроме описанных выше инструментов, древнерусские плотники и столяры применяли молотки-гвоздодеры, чертилки, многочисленные крепежные скобы, заклепки и гвозди.

Гвоздодеры по форме головки абсолютно аналогичные современным, изготовлялись двух типов — проушные с насадкой на деревянную рукоятку (табл. 100, *18*) и гвоздодеры с железным черенком для насаживания в массивную деревянную ручку (табл. 100, *16*, *17*). Гвоздодеры довольно частая находка, только в Новгороде в слоях XI—XIV вв. их найдено 42 экз.

Чертилки, употреблявшиеся для разметки по дереву, имели форму, приведенную на табл. 100, *15*.

Железные гвозди и всевозможные крепежные детали являются одной из массовых находок. Например, гвоздей только в Новгороде найдено более 12 тыс. экз. По длине железные гвозди колеблются от малых длиной 3—4 см до больших размеров 30—35 см. По форме сечения стержня все они одинаковы — имеют квадратное сечение. Заостряется гвоздь плавно от острия вдоль стержня до головки. Очень редко встречаются и круглые в сечении гвозди, в общей массе не превышая 1%. По форме головки гвозди разделяются на собственно гвозди, т. е. стержни с плоской расплющенной шляпкой — круглой, овальной и квадратной в плане и на костыли, у которых шляпкой служит загнутый конец стержня. Массовый тип гвоздей — гвозди со шляпкой.

Для скрепления деревянных торцовых узлов или продольных швов применялись двушипные скрепы-скобы. Размеры их тоже широко варьировались от маленьких лодочных с соединительной планкой в 3 см до больших строительных размером 15—20 см.

Одной из древнейших отраслей древнерусской промышленности было токарное дело. Деревянная точеная посуда в Древней Руси имела широкое распространение уже в X в. На токарных станках изготовляли десятки видов столовой и иной посуды. Кроме посуды, на станках делали многочисленные пиксиды, всевозможные балясины, шашки, веретена, большое количество изделий из кости и многое другое.

Археологически токарное дело представлено прежде всего многочисленной готовой продукцией, а технология этого ремесла — инструментами (всевозможными токарными резцами), отходами токарного производства и некоторыми деталями самого станка.

Высокий технический уровень и сложную технологию токарного дела рассмотрим на примере изготовления деревянной посуды.

Основным способом, которым изготовляли в Древней Руси деревянную посуду, был так называемый пластинчатый. В этой технике сосуды выделывали уже в X в. У сосуда, выточенного таким способом, ось вращения не совпадала с направлением волокон древесины, т. е. длина болвана заготовки шла не вдоль, а поперек ствола. Заготовка пластинчатого сосуда — баклуша изготовлялась из кряжа ствола дерева следующим путем. Бревно заданного диаметра рубили на части длиной, равной диаметру будущего изделия, с небольшим припуском на обработку. Эти кряжи раскалывали на половины, которые потом обтесывали топором с выпуклой стороны до форм сплюснутого или вытянутого полушара в зависимости от вида и размеров сосуда.

Эту баклушу нужно было затем для обработки как-то крепить на токарном станке (табл. 101). Для крепления обтачиваемого предмета в токарном станке имелось специальное устройство — шпиндель. Без такого приспособления пластинчатые точеные сосуды, достигавшие диаметра 50 см и более, изготовить нельзя.

Круговое вращение шпиндель получал через лучковую передачу. Устройство привода заключалось в следующем: веревка, обвитая двумя-тремя петлями кругом стержня шпинделя, одним концом прикреплялась к ножной педали, которая ей давала рабочий ход, а другим — к пружинящему приспособлению, находящемуся где-то вверху и возвращающему веревку в первоначальное положение. Этот универсальный преобразователь линейного в возвратно-круговое движение, изобретенный человеком еще в глубокой древности, обладал исключительной жизнеспособностью. Он дожил до нашего времени, а до XVIII в. был единственным.

В средневековых источниках уже Теофил опись

вает подобные устройства, приводящие в движение болванки давильных станков (Theobald W., 1933). Токарные станки, изображенные на западноевропейских миниатюрах и гравюрах XIV—XV вв., везде представлены только с лучковыми передачами (Brand P., 1927). Наконец, в русской кустарной промышленности лучковый привод широко применялся вплоть до XX в. (Филиппов Н. А., 1913).

Кроме шпинделя, в станке еще необходима задняя бабка — второй опорный центр. Обязательным узлом станка является опора (поддержка) для резца. Известно несколько систем таких опор от простых стоек, подставляемых к станку, до подручников, укрепляемых на раме. Станина, на которой укреплялись все узлы и детали станка, должна быть прочной и массивной.

Последнее условие, которое необходимо учесть при анализе работы токарного станка,— чистота поверхности точеной посуды. Наружная и внутренняя поверхности посуды всегда получались чистыми и гладкими. Этого можно было достигнуть только при достаточных скоростях резания. При слишком замедленном резании поверхности будут рваными, с махрами и задоринами.

Конструкция древнерусского токарного станка удовлетворяла следующим техническим условиям: наличие шпинделя, надежность крепления изделия на шпинделе, достаточная мощность привода, прочность конструкции, большой ход лучкового привода и оптимальные скорости резания.

Макроструктурное исследование поверхности большого числа сосудов показало, что резцом на токарном станке выточены только стенки сосуда и частично его днище и поддон. Центральная часть дна сосуда и его нижняя поверхность в области поддона обработаны, точнее срезаны, вручную. Это говорит о том, что сосуд был закончен точением и снят с токарного станка, когда у него центральная часть дна и центр донца не были обработаны токарным резцом и имели конусовидные выпуклые приливы. Эти небольшие выпуклости на сосуде в дальнейшем снимали вручную.

Конусовидные приливы являются остатками центровых цилиндров — бобышек, на которых держался сосуд на шпинделе и в задней бабке токарного станка (табл. 101). Именно эти цилиндры-бобышки находят в токарных мастерских, поскольку их после изготовления сосуда выбрасывали как отходы производства. Такие бобышки найдены в Новгороде, в Москве, Пскове в разных хронологических слоях. В Новгороде их найдено более 60 штук и наиболее древние находились в слоях XI в.

Бобышки представлены двумя типами. Один тип имеет форму конуса с плавными стенками, на которых сохранились следы обработки круглым токарным резцом. На плоском основании конуса всегда остаются следы от металлического трезубца шпинделя, на который насаживали баклушу изготовляемого сосуда. Второй тип бобышек имел форму удлиненного цилиндра, оканчивающегося с одной стороны плоским дном, с другой — конусом (табл. 101). На стенках цилиндра и конуса сохраняются следы круглого токарного резца. На плоском донце цилиндра всегда расположен конусовидный выем диаметром 1—1,5 см. В этот выем входил центр задней бабки при закреплении заготовки сосуда на токарном станке.

На памятниках, где сохраняется дерево, довольно частой находкой являются деревянные упорные подшипники (табл. 102, *7*). Они имели разнообразное применение в различных узлах и механизмах, в том числе в шпинделе токарного станка. В этот подшипник упирался вращающийся стержень шпинделя. В Новгороде в развалах токарных мастерских вместе с инструментами и бобышками мы находили и упорные подшипники.

Наиболее массовой и надежной находкой, характеризующей токарное дело Руси, являются стальные резцы. Число их находок в древнерусских слоях достигает 110 штук. Они найдены более чем на 35 памятниках, в том числе в Новгороде, Пскове, Серенске, Полоцке, Ярополче, Старой Рязани, Белгороде, Волковыске, на городищах Родень, Воинь, Райковецком, Лебедке и др. Только в Новгороде токарных резцов найдено 32 экз.

Основным типом этого инструмента являлись крючковидные резцы разных размеров. Конструкция их довольно проста и однотипна. Резцы X в. ничем не отличаются от резцов последующих столетий. Они имеют следующее устройство: на конце железного стержня имеется плоская круто загнутая языкообразная тонкая пластина с двусторонним лезвием. На другом конце инструмента делался заостренный черенок для насаживания большой массивной длинной деревянной рукоятки (табл. 98, *2,7,8,9*). Такая конструкция резца технологически оказалась наиболее целесообразной и дожила до наших дней. Даже в настоящее время крючковидный резец является единственным в токарном производстве по дереву для обработки внутренних поверхностей. Размеры резцов колебались значительно по длине от маленьких, размером в 12 см, до больших, длиной в 25—30 см. Ширина лезвия колебалась в пределах 1—2,5 см. Радиус закругления лезвия колебался от 1 до 1,5 см. Режущие лезвия резцов имели многослойную сварочную конструкцию с обязательным выходом на режущую грань стали. Все резцы, подвергнутые металлографическому анализу, на режущей грани показали структуру мартенсита, т. е. твердую закалку.

Технологический анализ точеных изделий, а также инструмента и бобышек позволили сделать реконструкцию древнерусского токарного станка. При определении того или иного узла брались самые упрощенные варианты, хорошо известные в русской этнографии (табл. 101, *1*).

Основа станины — мощная рама — состояла из двух массивных стоек, сделанных из широких и толстых тесин. На высоте около 70 см между этими стойками проходили два поперечных бруса, образуя стол станка. Между поперечными брусьями был промежуточный паз, в котором закреплялись передняя стойка шпинделя и задняя бабка. Их закрепляли на столе шиповым хвостом с клиновым запором. Шпиндель представлял собой круглый стержень диаметром в 5 см. Один конец шпинделя имел конический срез, а на другом находилась головка, в которую были неподвижно вставлены железные острия, образующие трезубец головки шпинделя. Шпиндель, проходя через подшипники передней стойки, упирался коническим концом в упорный подшипник

станины. В задней бабке на уровне шпинделя имелось квадратное отверстие, в которое вставляли брус заднего центра. В неподвижном состоянии брус закреплялся клиновым запором. На конце бруса было острие, закрепляющее обтачиваемый предмет. Трансмиссией шпинделя служила лучковая передача. Приводная веревка шла от пружинящего потолочного приспособления к ножной педали. Поддерживали резец специальная стойка или брус, лежащий на передней и задней бабке.

Большое количество древесины шло в дело в виде бревен и жердей. Деревянные постройки Древней Руси в основном сооружались из целых бревен. Когда требовались доски и брусья, их изготовляли прямо на строительстве или в мастерской ремесленника. При изготовлении тесовых досок бревна раскалывали. Сначала бревно в один торец и затем по всей длине зарубали, т. е. ударами топора делали щели по прямой линии. В образовавшиеся щели вставляли деревянные клинья и тяжелыми чекмарями заколачивали их последовательно по всей длине до тех пор, пока бревно не раскалывалось. В большое бревно нужно было загнать до 10—15 клиньев. Если бревно было косослойное, то пересекающиеся волокна перерубали топором. Затем производили новый раскол и получали доску. Следует заметить, что раскалывание бревна идет быстрее, чем пиление. При хорошем подборе дерева почти не получается отходов.

Технический анализ деревянных построек и многочисленных изделий из дерева показал, что в Древней Руси существовал широкий набор технологических операций обработки древесины. В основе разнообразной технологии лежали следующие операции: рубка, теска, раскалывание, долбление, сверление, пиление, строгание, точение (на токарном станке) и различные приемы художественной резьбы.

Рубка топором была одной из самых распространенных операций в технике обработки дерева. Теска (отеска) топором и теслом также находила очень широкое применение. К долблению теслом, долотом и резцом прибегали, когда нужно было образовать соединительные гнезда, различные углубления и впадины в изделиях. При сверлении перовидными и спиральными сверлами получали круглые глубокие или сквозные отверстия. Очень часто отверстия в дереве прожигали круглыми раскаленными железными стержнями. Пиление поперечной пилой применялось только в столярном деле. Бревна и толстые брусья, как отмечалось выше, перерубали топором, чтобы предохранить их торцы от гниения, при поперечной рубке разрубленное волокно уплотнялось и закрывалось. Строгание обеспечивало гладкую ровную поверхность. Строгали скобелями, настругами и рубанками. Вытачивание посуды и всевозможных фигурных изделий производилось на токарном станке. Универсальным орудием обработки дерева в малых объемах и размерах служил нож, имевший разные специализированные формы. Ножом можно было выполнить почти все перечисленные выше операции.

Необходимо остановиться на способах соединения отдельных элементов и деталей между собой в целом изделии или в постройке. Основным приемом являлось соединение замками. При соединении замками деревянных деталей по длине или в длину использовались приемы сращивания, наращивания и сплочения (сплачивания).

Сращивание применяли при продольном горизонтальном соединении брусьев, бревен и тесин. Были известны следующие замки: а) прямой накладной, концы бруса или бревна отесывали в полдерева на заданную длину — не меньше двойной толщины бруса — и накладывали один конец на другой. Иногда скрепляли деревянными нагелями или железными гвоздями и скобами (табл. 103); б) косой накладной (стыкуемые части стесывали на нет и накладывали одна на другую, а затем соединяли нагелем или гвоздем); в) накладной с прямым зубом.

Наращиванием пользовались при соединении деталей в вертикальном положении. Применяли следующие замки: а) торцовый с центральным шипом; б) торцовый со сплошным шипом; в) замок в полдерева, скреплявшийся затем скобами и гвоздями; г) простой шиповой (при соединении с горизонтальным брусом или иной деталью).

Известно было несколько способов сплачивания, т. е. соединения деталей — досок, брусьев, бревен по ширине в длину; а) сплачивание плоской притеской; б) сплачивание полукруглой натеской (в основном для сплачивания досок дверей, бревен срубов и т. п.); в) сплачивание досок и бревен вставными шипами; г) сплачивание досок внакрой; ж) сплачивание досок сплошным шпунтом; з) сплачивание досок с наконечниками в шпунт; и) сплачивание досок шпонками; к) усиление однотесной детали шпонкой или нагелем; л) сплачивание посредством сшивания лозой и вицей.

При соединении деталей под углом, т. е. вязке, применяли следующие замки: а) угловой внакладку, для прочности соединяли нагелем; б) угловой шиповой прорезной, для прочности также иногда соединяли нагелем; в) угловой для бревен рубкой в лапу; г) угловой для бревен рубкой с остатком («в обло») (табл. 103).

Кроме перечисленных способов соединения деревянных деталей в изделиях или сооружениях, пользовались нагелями, железными гвоздями, разнообразными швами, лозой и вицей и многочисленными железными скобами.

В заключение необходимо отметить, что инструментарий древнерусских древоделов — мастеров по обработке дерева, достиг в своем развитии довольно высокого уровня. Деревообрабатывающие инструменты в Древней Руси в X—XIV вв. по качеству стальных лезвий и разнообразию специализированных форм не уступали лучшим западноевропейским образцам того времени (Goodman W., 1964).

Обработка цветных металлов

Широкий спрос в Древней Руси имела продукция ремесленников по обработке цветных металлов. «Кузнецы злату, серебру и меди» изготовляли огромный набор разнообразных женских украшений и принадлежностей костюма, предметов культа и церковной утвари, декоративной и столовой посуды, конской сбруи, украшений для оружия и многое другое.

Основной отраслью цветной металлообрабатывающей промышленности было литейное дело, достигшее в Древней Руси высокого художественного и технологического развития. Кроме литья, широко применялись многочисленные механические операции — ковка, чеканка, прокатка, гравировка, тиснение, штамповка, волочение, скань, чернение, эмаль, наведение золотом и инкрустация металлами. Ковка, чеканка и штамповка были основными механическими операциями при изготовлении любой нелитой вещи (Рыбаков Б. А., 1948).

Археологические материалы сохранили нам достаточную информацию о деятельности древнерусских «кузнецов меди и серебру». Эти источники разносторонние: они представлены развалами многочисленных мастерских, раскопанных в городах, на городищах и селищах, остатками сырья и полуфабрикатов, отходами производства, инструментами, приспособлениями и в огромном количестве самими изделиями ремесла. Сооружений X—XIV вв., о которых мы можем с уверенностью говорить, что это мастерские ремесленников по обработке цветных металлов (иногда совмещенные с жилищем) раскопано более 120. Они расположены более чем на 60 древнерусских поселениях. Наиболее интересные мастерские с достаточным набором инструментария, приспособлений и других остатков производства раскопаны в Киеве, Новгороде, Пскове, Старой Рязани, Полоцке, Изборске, Белоозере, Суздале, Смоленске, Москве, Старой Ладоге, Новогрудке, на городищах Серенск, Родень и многих других.

Опишем наиболее интересные мастерские, раскопанные в Киеве и в Новгороде. В Киеве в 1936—1937 гг. на территории древнейшей части города, неподалеку от развалин Десятинной церкви раскопано несколько жилищ. Одно из жилищ, расположенное в северо-западной части древнейшего Киевского городища, представляло собой углубленный в землю подклет жилого сооружения. Размер подклета 3,3×2,75 м. В углу подклета находилась печь. Жилище существовало в первой половине XIII в. и погибло во время монголо-татарского разгрома Киева. На полу жилища, кроме развала большого количества бытовых вещей, найдены литейная форма и тигель. В пристройке рядом с жилищем раскопан развал литейного горна и собрано большое количество инструментария и отходов ювелирного производства. Найдено несколько каменных литейных форм, несколько сот фрагментов разбитых тиглей и льячек, маленькие глиняные сосуды с остатками золота, серебра и меди, металлические матрицы — штампы, тигли с разноцветной эмалевой массой и большое количество обломков различных изделий из меди, свинца и олова (Каргер М. К., 1958, с. 296, 400).

В Новгороде на Троицком раскопе вскрыта мастерская чеканщика. Ее развал залегал в слоях 50—60-х годов XII в., ниже художественной мастерской Олисея Петровича Гречина, жившего здесь в последней трети XII в. (Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л., 1981). Развал производственного комплекса включал три деревянных постройки, одна из которых была мастерской. Это была, вероятно, нежилая столбовая конструкция размером 6,4×4 м. В мастерской изготовлялись медные бубенчики. Здесь были обнаружены 29 целых медных бубенчика, 24 половинки бубенчиков — полуфабрикаты в виде полусферы, более 100 обрезков листовой меди разных размеров, 14 фрагментов листовой меди с круглыми отверстиями — остатки от заготовок шайб для бубенчиков, 16 кусков медной и бронзовой проволоки, слиток мягкой бронзы и инструменты: пунсон-секач и чекан.

На Неревском раскопе в Новгороде в слоях 20—30-х годов XIII в. вскрыта мастерская литейщика. Раскопан пятистенный сруб размером 7,5×5,5 м. Помещение мастерской располагалось в северной половине дома и имело ширину 3 м. В жилом помещении дома находилась печь, а в северо-восточном углу мастерской стоял сложенный из камней ювелирный горн. Внутри дома и рядом с ним собрано множество кусков меди, медной и оловянисто-свинцовой проволоки, молоток, литейная форма, льячка, большое количество точильных брусков, масса бронзовых предметов и золотая печать князя Ярополка Ростиславича, княжившего в Новгороде в 1178 г. В мастерской эта печать находилась, по-видимому, как благородный металл — сырье будущего изделия.

Древняя Русь собственных цветных металлов и их руд не имела. Цветной и благородный металлы на Русь привозили из стран Западной Европы и Востока. Золото в основном поступало в виде монет, серебро шло на Русь в виде монет и в слитках. Медь, олово и свинец поступали в виде слитков и полуфабрикатов в форме прутов, полос и проволоки. О характере и путях импорта цветных и благородных металлов до XIV в. говорить трудно, так как ни письменные, ни археологические источники не дают соответствующих материалов.

Документальные свидетельства о ввозе цветных металлов на Русь появляются только в первой половине XIV в. (Хорошкевич А. Л., 1963). На Русь через Новгород из Западной Европы везли медь, олово, свинец, серебро. Основными поставщиками были Готланд, Любек и Ганзейский союз.

Следы этой торговли зафиксированы и археологически. В Новгороде на Ильинском раскопе в слоях середины XIV в. найден слиток свинца весом в 151,3 кг. Это часть большого слитка — четверть круглой чушки, точнее полушара, разрубленного на четыре части. Диаметр чушки равнялся 70 см. Плоская поверхность слитка маркирована двумя круглыми клеймами польского короля Казимира Великого. Партия польского свинца происходит из известных галенитовых месторождений в Свентокшиских горах (Янин В. Л., 1966). На древнерусских памятниках известны находки слитков цветных металлов или их частей в слоях X—XIII вв., но их вес, как правило, не превышает 1 кг. Таких слитков нами учтено более 25 экз.

Техника литейного дела в Древней Руси претерпела несколько хронологических этапов своего развития, в продолжение которых ведущим являлся какой-то определенный технологический прием. В IX—XI вв. наиболее распространенной была техника литья в глиняной форме. Глиняные формы изготовляли по восковым моделям. Процесс литья металла проходил как с потерей литейной формы (т. е. ее каждый раз разрушали), так и с сохране-

нием литейной формы. В этом случае в основном были формы плоских изделий с односторонней профилировкой. В XI в. появляется литье в плоские двусторонние глиняные формы, изготовленные также по восковым моделям (Рыбаков Б. А., 1948). Литье в каменные формы было также известно, но использовалось редко. В XI в. вместе с другими приемами практикуется техника литья в глиняные литейные формы, изготовленные путем оттиска образцового готового изделия. Такие формы изготовлялись как односторонние, так и двусторонние.

На рубеже XI—XII вв. в связи с расширением рыночных связей и товарности производства широкое распространение получает техника литья в каменные литейные формы. В XII—XIII вв. литье в каменные литейные формы является основным технологическим приемом. Следует заметить, что в это время продолжает применяться и техника литья по восковой модели, в особенности при изготовлении изделий сложных форм.

В середине XII в. появляется техника литья в имитационные формы и новая, связанная с этими формами технология литья «навыплеск». Появление этой технологии было связано с поисками повышения производительности труда и заменой трудоемких и сложных операций (тиснение, филигрань, зернь) при изготовлении наиболее сложных конструктивно художественных изделий простым литьем в каменные, тщательно и тонко вырезанные литейные формы (Рыбаков Б. А., 1948; Рындина Н. В., 1963). В южных городах Руси, разгромленных монголо-татарским нашествием, эта технология в последующие века была утрачена, а в северных городах она применялась без перерыва и на протяжение всего XIII и XIV вв.

Орудия производства литейного дела технически и технологически достаточно просты: это приспособления для расплава металла — тигли, железные тигельные клещи для работы у горна, сосуды для разлива металла по формам — льячки и, наконец, сами литейные формы (табл. 105, 106). Тигли, льячки и литейные формы являются одной из самых массовых находок среди древнерусского ремесленного инструментария. Например, тиглей разных форм, в том числе и их фрагментов, нами учтено более 1100 экз. Тигли археологи находят почти на каждом древнерусском поселении, где жили ремесленники. Только в одном Новгороде их найдено более 200 экз., в Киеве — несколько сот (Каргер М. К., 1958, с. 100).

Формы и объемы древнерусских тиглей многообразны. Их конструкция приведена на табл. 104, *10—17*). Емкость тиглей колебалась от больших объемов в 400 куб. см до маленьких в 10 куб. см. Большинство тиглей делались круглодонными или остродонными, но иногда применялись и тигли плоскодонные. Толщина стенок у больших тиглей колебалась в пределах 1—1,5 см. Делались тигли из глины со значительной примесью песка и шамота. Хронологически большие и малые объемы тиглей бытовали одновременно. Наиболее распространенными были тигли конусовидной формы с округлым дном объемом в 100—150 куб. см. Эта форма являлась технически наиболее целесообразной и просуществовала у народов Старого Света начиная с бронзового века до современности. На нескольких памятниках, в том числе в Киеве, в Новгороде и других слоях XII—XIII вв. встречены мини-тигли объемом меньше 10 куб. см. Немного вытянутой полусферической формы, они имели высоту 2,5—3 см и верхний диаметр устья в 2,5 см. Делались они из тонкого белоглиняного теста с примесью мелкого песка и шамота.

Для установки тиглей в горне и вынимания тиглей с расплавленным металлом, а также ряда других горновых работ применялись особые облегченные тигельные клещи с удлиненными или коленчатыми губами (табл. 104, *1—3*). Таких клещей найдено около 10 экз., в том числе в Новгороде 4 штуки. Длина клещей колебалась в пределах 30—45 см. Удлиненные губы достигали, например, на образце из Новгорода 10 см (табл. 104, *1*).

Для разлива по формам горячего металла применялись льячки — глиняные сосуды ложковидной формы. Известно более 150 льячек с разных поселений Древней Руси. Изготовлялись они трех форм. Наиболее массовым был тип ложковидных массивных льячек с открытым верхом. В плане они делались круглые или овально-вытянутые без носика для слива или с небольшим желобком и имели массивную втулку для захвата клещами или соединения с рукояткой (табл. 104, *5—7*). Объем таких льячек колебался в пределах 10 куб. см, но встречаются экземпляры и с объемом до 25 куб. см. Ко второму типу относятся льячки в виде сильно вытянутого овального сосуда с ясно обозначенной ручкой без втулки. Они имели закрытый верх, увенчанный рельефным гребешком, соединявшим две стороны льячки, и отверстие — для залива металла и носик для разлива в форму (табл. 104, *8—9*). Высота таких льячек достигала 5—6 см, длина 8 см. Объем составлял 20—25 куб. см. Подобные льячки встречаются уже в XI в., например в Новгороде они известны уже в слоях начала XI в.

В тиглях-льячках подобной формы в Древней Руси изготовляли красители, в частности искусственную киноварь, сплавляя в горне в таком сосуде ртуть и серу. Такие тигли вместе со ртутью были найдены (более 20) в Новгороде в мастерской художника Олисея Гречина, жившего в конце XII в. (Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л., 1981, с. 126). Третий тип льячек имел форму сильно углубленной ложки с плавным переходом в небольшую ручку. Верх у этих льячек иногда был полностью открыт, а иногда частично закрыт отбортовкой стенок внутрь сосуда.

При нагревании тиглей и других сосудов на углях в горне применялось приспособление типа жаровни. Это был железный лист толщиной до 0,5 см, размером 21×27 см с железной рукояткой. Жаровня имела несколько отверстий диаметром 1 см и более. Эту жаровню ставили на развал раскаленных углей, а на нее можно было установить сосуды любой формы. Такая жаровня была найдена в Новгороде в мастерской Олисея Петровича Гречина.

Довольно частой находкой в городских и городищенских слоях являются литейные формы. Они изготавливались из глины, разных пород камня — известняка, в том числе литографского камня, песчаника, разных сланцев (в том числе шифера), а также из дерева и бронзы. В археологических кол-

лекциях их насчитывается более 400 экз. Значительное количество находок собрано в Киеве (более 60), Новгороде (45), Серенске (50) и ряде других памятников.

Наиболее сложными и технологически совершенными литейными формами были каменные. В них поражает прежде всего не столько конструктивное решение техники литья, сколько высокое искусство древнерусских резчиков по камню. Многие литейные формы по тонкости изяществу резьбы ничем не уступают технике, художественным достоинствам высокой каменной пластике многочисленных древнерусских школ, известной нам по памятникам XII—XIII вв. (табл. 105, 106).

Большинство каменных литейных форм двусторонние, с тщательно притертыми друг к другу плоскостями. Для отливки объемных предметов со сложной рельефной орнаментацией изготовлялись трех- и четырехсоставные формы. В первом случае целую собранную литейную форму составляли три части, во втором — целая форма составлялась из четырех частей. Для точного совмещения всех частей формы на ее соприкасающихся поверхностях просверливались совпадающие круглые гнезда, в которые вставляли свинцовые или деревянные штифты. Соединяя на этих штифтах соприкасающиеся части, мастер обеспечивал совпадение и неподвижность всех элементов формы (Рыбаков Б. А., 1948, с. 261).

В каменных литейных формах изготовлялись вещи двух типов. Первый тип — это изделия плоских форм с одной или двумя лицевыми сторонами. Они отливались из сплавов на серебряной, медной или оловянной основе — это всевозможные кресты, лунницы, подвески, змеевики, перстни, браслеты и т. п. Второй тип — это объемные предметы со сложным рельефным изображением зверей, птиц, плетенки, подражания зерни, скани и т. п. Эти изделия в основном являлись подражаниями тисненым, резным, «кованным» украшениям боярского убора — колтам, серьгам, створчатым браслетам и т.п.

Изделия второго вида изготовлялись в технике литья в имитационные формы технологией «навыплеск». Каменные имитационные формы полностью передавали формы и рисунок сложных объемных изделий со сканью, зернью, гравировкой.

Очень оригинальной была сама техника литья «навыплеск», которая позволяла получать легкие, изящные, пустотелые вещи. В собранную литейную форму (большинство форм были двусторонними), имеющую один верхний широкий или несколько более узких литников и один нижний более узкий литник для выпуска металла, наливали расплавленный металл и тут же его выпускали через нижнее отверстие. Часть металла при соприкосновении с каменными стенками формы застывала тонким слоем, а остальной металл вытекал — выплескивался, оставляя внутри отливаемого предмета пустоту. Процесс литья нужно было производить очень быстро: иначе металл, заполнявший форму, сразу начинал остывать и мог образовать толстые стенки или даже целиком массивную вещь.

Кроме литья, древнерусские мастера «злату и серебру» при обработке цветных металлов применяли многочисленные операции механической обработки: чеканку, тиснение, штамповку и многие другие. Эти операции требовали более развитого инструментария, чем литейное дело. В наборе этих инструментов встречаются: наковальни простые и фигурные, наковальни для чеканки (мягкие), молотки простые и фигурные, костяные молотки для выколотки, чеканы, клещи, кусачки, пинцеты, зубила, сверла, зажимы, бородки, ножницы по металлу, штампы, всевозможные матрицы, паяльники, резцы, напильники, волочильные доски, пунсоны-секачи.

Железные наковальни, применявшиеся при свободной ковке цветного металла, были значительно менее массивными, чем наковальни кузнечные. Обычная ювелирная наковальня имела четырехгранный корпус высотой 11—13 см. Верхняя лицевая площадка немного выпуклая, квадратная в плане имела размер 6×6 см или 8×8 см. Нижняя сужающаяся часть корпуса наковальни имела округлую форму размером 3—4 см. Этим концом наковальня вбивалась в массивный деревянный чурбан. Иногда у наковален для производства фигурных работ делали роговидные отростки длиной до 4—5 см (табл. 107, *15*). Всего в слоях X—XIV вв. найдено более 27 ювелирных наковален, из них с фигурным рогом 6 экз. Наковальни найдены в Киеве, Новгороде, Пскове, на городищах Райковецком, Колодяжин, Бородинское, Воинь, Родень, Серенск и многих других.

Для производства работ техникой выпуклой чеканки, тиснения и подобных операций применяли так называемые мягкие наковальни, изготовленные из дерева. Три такие наковальни найдены в Новгороде в слоях X—XII вв. Наиболее интересна технологически наковальня, найденная в слоях X в. Она имела форму полушара с немного удлиненной нижней частью (табл. 107, *14*). Верхняя круглая рабочая площадка наковальни диаметром 11 см имела несколько конусовидных выемов глубиной до 1,5 см. Для укрепления на штифте твердой опоры в нижней части наковальни имелся воронкообразный выем. Высота наковальни 7 см. При чеканке и иной работе на лицевую поверхность деревянной наковальни накладывалась мягкая подушка из свинца или специальной массы — «смолы», обтянутая по краям железным обручем. Несколько таких свинцовых подушек найдено в Киеве и Вышгороде. Размеры подушки точно соответствовали диаметру рабочей площадки наковальни. При выдавливании рельефного рисунка во время чеканки или тиснения вытесняемый изделием свинец или «смола» заполняли конусовидные выемы на поверхности наковальни.

Довольно большое разнообразие по форме и весу имели ювелирные молотки. Вот как пишет о молотках Теофил: «Существует много видов молотов: большие, поменьше и совсем маленькие, широкие с одной стороны и узкие с другой. Есть такие длинные и тонкие молоты, закругленные вверху, большие и маленькие, а также молоты, имеющие вверху форму рога, широкие внизу» (Theobald, 1933).

Все формы молотов, упомянутые Теофилом, имеются среди древнерусских археологических находок X—XIV вв. Молотки с бойком и остряком найдены в Новгороде (табл. 95, *16*, *17*), с рогом и широким бойком — на городище Родень (табл. 95, *15*). По весу молотки тоже широко варьируются. Новгород-

ские молотки, найденные в слоях XI и XII вв., имели вес 34 и 32 г. В тех же слоях Новгорода найдены ювелирные молотки весом и в 200—220 г. Всего нами учтено около 20 ювелирных молотков.

Необходимой принадлежностью каждой ювелирной мастерской был набор зубил. Зубилом обрубали пластины металла, проволоку, наносили некоторые виды орнаментов, обрабатывали фактуру поверхности изделий. Ювелирные зубила имели ту же конструкцию, что и кузнечные, но изготовлялись меньших размеров. Длина зубил колебалась от 5 до 10 см, ширина лезвия — от 0,5 до 1,5 см (табл. 95, *18—20*). Микроструктурный анализ нескольких ювелирных зубил показал, что они изготовлялись или цельностальными или с наваренным стальным лезвием. Они подвергались термической обработке — твердой закалке (Колчин Б. А., 1953, с. 214).

Ножницы для резки цветного листового и полосового металла представлены в коллекции более 20 экз. Только в Новгороде в слоях X—XIV вв. их найдено 8 целых экземпляров. Конструктивно, это шарнирные ножницы из двух половинок с мощными короткими режущими губами и длинными изогнутыми рукоятками (табл. 95, *9—13*). Подобная конструкция ножниц, появившаяся еще в Древнем Египте, не изменила формы и устройства до наших дней. Длина ножниц колебалась в пределах от 15 до 22 см, длина режущих губ у большинства экземпляров равнялась 2—4 см. Были и другие пропорции, например у ножниц с городища Родень длина губ достигала 8 см (табл. 95, *12*).

Для механических работ с проволокой и полосовым материалом применялись специальные инструменты: кусачки, плоскогубцы и круглогубцы. Два экземпляра кусачек очень хорошей сохранности с режущими острыми губами найдены в Старой Рязани и во Владимирских курганах (табл. 95, *14*). Длина кусачек из Владимирских курганов равнялась 16,5 см. Плоскогубцы и круглогубцы найдены в Новгороде в слоях XIII—XIV вв. (табл. 107, *12*). «Кузнецы меди и серебру» в своем инструментарии имели широкий набор небольших клещей для держания нагретого металла во время его обработки. Таких клещей в археологических материалах известно более 12 экз. в том числе в Новгороде 4 экз. Один из новгородских экземпляров, найденный в слоях XII в., имел длину 15 см (табл. 107, *3*).

Для зажима и держания изделий во время их механической обработки, а это очень часто были предметы малых размеров и объемов, применялись тисочки-пинцеты (табл. 107, *9—11*). В древнерусских слоях X—XIV вв. их найдено свыше 120 экз. Найдены они более чем на 40 памятниках, например в Новгороде их найдено 32 экз. Пинцеты изготовлены из сложенной вдвое пружинящей металлической полосы. Концы инструмента загнуты под прямым углом, образуя Г-образные захватывающие губы. Для фиксации зажима предмета в тисочках применялось затяжное кольцо. Длина подобных пинцетов колебалась от 5 до 10 см.

Кроме зажимных пинцетов, в ювелирном деле широко применялись пинцеты с плоскими губами (табл. 107, *8*). Они употреблялись при разнообразных операциях, в том числе при изготовлении скани, зерни, эмальерном деле и др. Размеры их широко варьировались от маленьких в 5 см до больших, длиной в 15 см. Собранная коллекция X—XIV вв. насчитывает их более 100 экз.

Для производства массовых работ по меди, серебру, золоту и бронзе, при которых применялись операции тиснения и штамповки, употреблялись специальные инструменты и приспособления: матрицы, штампы, пунсоны-секачи, пунсоны-чеканы. Технология тиснения применялась на тонких листах серебра, золота, меди. Она проводилась путем накладывания листового металла на металлические матрицы (чаще всего бронзовые), имеющие выпуклый рисунок контуров будущего изделия. Техника тиснения применялась при изготовлении заготовок колтов, всевозможных бус, медальонов, подвесок, бляшек и многих подобных объемных предметов.

Бронзовые матрицы — довольно частая находка в древнерусских слоях (табл. 107, *6, 7*). Нами учтено их более 140 экз. Они найдены в Киеве, Новгороде, Белоозере, Новогрудке, Каневе, на городищах Родень, Воинь, Серенск, Вышгород, Райковецком и многих других.

Техника тиснения листового металла для изделий с зернью появляется в X в. Позднее, в XI в. появляется технология тиснения листового серебра под чернь. В XII в. рисунок матриц, например для колтов, усложняется, появляются, элементы, передающие плетенку. К концу века посредством тиснения имитируется уже не только чеканка, но и гравировка. В это время появляется басменное тиснение значительных площадей. Эта техника в последующие века получает широкое распространение (Рыбаков Б. А., 1948, с. 319).

При изготовлении массовых штампованных изделий, например, таких, как бубенчики, уже в XI в. широко применялись специализированные инструменты типа пунсон-секач и чекан. В слоях этого времени в Новгороде обнаружены большие скопления полуфабрикатов и отходов производства, полученных в результате работы этими инструментами. А в слоях середины XII в. в мастерской ювелира найдены и сами инструменты. Пунсоны-секачи предназначались для изготовления круглых шайб из листового материала. Пунсоны представляли собой железный стержень с режущим лезвием в виде цилиндра (табл. 107, *16*). Длина пунсона 14,4 см, диаметр режущей части — острия 1,6 см. Лезвие сделано в технике свернутого в цилиндр пера, острый торец которого являлся режущей кромкой. Чекан — железный стержень длиной 14,5 см имел рабочий край-бой, представляющий собой немного сжатый по вертикали полушар диаметром 1,2 см (табл. 107, *17*). Макроструктурное исследование поверхности бойка показало, что боек стальной, т. е. рабочая часть инструмента цементирована. Следует заметить, что для работы чеканщика необходим набор чеканов в количестве нескольких десятков. Например, только при изготовлении из круглой шайбы полушара будущего бубенчика требовалось 3—4 чекана (Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л., 1981).

Одной из сложных технологических операций при обработке цветных металлов является изготовление проволоки. Медная, серебряная, золотая, бронзовая и оловянно-свинцовая проволока шла на огромный ассортимент изделий. Уже среди вещей X в.

встречается разнообразный ассортимент серебряной и медной проволоки. Существуют два основных способа производства проволоки — ковка и волочение. Процесс волочения заключается в том, что предварительно прокованный в тонкий длинный брусок металл протаскивают в дальнейшем через глазки волочильной доски — сначала через крупные, а затем через более мелкие. Найдено 14 волочильных досок — основного приспособления при изготовлении проволоки. Они найдены в слоях XI–XIV вв. В Новгороде найдено пять волочил. Волочильные доски представляют собой плоские бруски железа толщиной 0,4–0,6 см, длиной 10–15 см и шириной до 3 см (табл. 107, *4*, *5*). Эти доски пронизаны сплошными круглыми отверстиями разного диаметра конусовидной формы. Количество отверстий варьировалось от 14 до 30. Микроструктурный анализ поверхности одного волочила XII в. из Новгорода показал цементованную структуру, т. е. рабочая грань отверстия была стальной. Очень сложной технически была операция волочения тонкой проволоки из меди и бронзы. В Новгороде в слоях XI–XII вв. найдено несколько бронзовых цепочек длиной до 30 см, сплетенных из тончайших проволок диаметром 0,1 мм. Для изготовления 30-сантиметровой цепочки необходима проволока длиной не менее 60 см. Однако цепочки найдены во фрагментарном состоянии, следовательно, они были еще длиннее. Технология изготовления такой проволоки очень сложна, если учесть, что механические операции волочения перемежаются с термической обработкой проволоки, т. е. с периодическими ее отжигами. Техника волочения проволоки была известна уже в X в. (Рыбаков Б. А., 1948, с. 330; Рындина Н. В., 1963, с. 210). Наряду с волоченой бытовала и кованая проволока. Интересной технически операцией производства проволоки была изобретенная в середине XI в. технология изготовления проволоки путем ковки на наковальне с желобком. Эта операция позволяла получать длинные проволочные жгуты менее сложными и трудоемкими операциями, чем волочение (Рындина Н. В., 1969, с. 262).

Прядение и ткачество

Прядение и ткачество занимало одно из важнейших мест в ремесленном производстве Древней Руси. Это было наиболее массовое и повсюду распространенное производство, непосредственно связанное с изготовлением одежды и других предметов быта. Ассортимент древнерусских тканей был очень широк. Наряду с отечественными местными тканями широко бытовали ткани импортные — шерстяные, шелковые, хлопчатобумажные, привозимые из стран Востока, Византии и Западной Европы.

Среди древнерусских археологических материалов ткани в виде всевозможных фрагментов представлены довольно широко. Достаточно большую коллекцию составляют ткани, обнаруженные в курганах. Но особенно много тканей обнаружено в последние десятилетия при раскопках древнерусских городов — Новгорода, Белоозера, Пскова, Москвы, Мстиславля, Полоцка, Старой Руссы, Старой Ладоги и многих других. Коллекция древнерусских тканей достигает десятков тысяч образцов.

В Древней Руси ткани изготовляли из шерсти, льна и конопли. Они различались не только по материалу и его качеству, но и видам переплетений, фактуре и окраске.

Обычная льняная ткань, которая шла на мужские и женские рубашки, убрусы, полотенца, называлась полотном и усцинкой. Грубая ткань из растительного волокна, применявшаяся для верхней одежды, называлась вотола. Были и другие названия льняных тканей — частина, тончина и т. п.

Из шерстяных тканей наиболее распространенными были понява и власяница, к грубым тканям относились ярига и сермяга. Для верхней одежды изготовляли сукно.

Технологическое изучение тканей X–XIV вв. показало, что древнерусские ткачи применяли несколько систем ткацких переплетений. Среди них можно выделить три группы с разными вариантами: полотняное, саржевое и сложное (Нахлик А., 1963).

В первой группе наиболее простого переплетения — полотняного, нити основы и утка располагаются в шахматном порядке, т. е. перекрывают друг друга поочередно. Лицевая и изнаночная стороны имеют одинаковый вид. Ткани этой группы составляли примерно четверть общего объема ткацкого производства.

Во второй группе более сложного переплетения — саржевого, нити располагаются не в шахматном порядке, а со сдвигом так, что образуется рисунок из диагональных полос. Саржевое переплетение делится на два вида: простое — с одинаково повторяющимися диагоналями и сложное — когда диагонали неодинаковы и образуют рисунок с определенным ритмом. Этот тип переплетений являлся наиболее массовым, в общем объеме древнерусского производства он составлял около половины.

Третья группа — ткани сложных комбинированных переплетений с рисунком, напоминающим репсовое переплетение (с продольными и поперечными рубчиками). Сюда же мы относим и бранную технику. В общем объеме производства ткани этой группы составляют четверть общего объема.

Микроскопическое изучение шерстяных тканей на качество шерсти и нити показало, что древнерусские ткачи изготовляли три сорта тканей: тонкошерстные, полугрубошерстные и грубошерстные. К тонкошерстным тканям относятся разные виды сукон. Большая масса шерстяных тканей делалась красного цвета, потом шли черный, зеленый, желтый, синий и белый (Черных Н. Б., 1958, с. 102).

Самый трудоемкий процесс при изготовлении ткани — это производство нити. Он состоял из получения исходных материалов — шерсти, льна, конопли, длительной подготовки их к прядению и самого прядения. Все это составляло около 75% общих трудовых затрат прядильно-ткацкого производства. Дальнейшие операции текстильного производства — само тканье и аппретура ткани — составляли 25% затрат, но они требовали довольно высоких профессиональных навыков и специального оборудования.

За последние 30 лет при раскопках древнерусских городов найдена достаточно большая коллекция инструментов и приспособлений, связанных с прядиль-

ным и ткацким делом. В основном это находки в Новгороде и в других городах — Пскове, Полоцке, Белоозере и др. Весь инструментарий прядильного и ткацкого дела, как и сам ткацкий станок, изготовлялся из дерева.

После уборки и просушки льна и конопли их необходимо обмолотить. Сноп клали на деревянную колоду, верхушку его распускали и били по ней вальком. Приемы работы лапой аналогичны молотьбе цепами. Вальки и лапы среди археологических материалов встречены неоднократно.

Валек — цилиндрическая колотушка с рукояткой — имел в среднем по диаметру 8 см и по длине без рукоятки 25 см (табл. 108, *5, 6*). Ударные орудия труда подобного типа в Древней Руси были распространены очень широко. Наиболее массовые из них — чекмарь. В древнерусских городах, в основном в Новгороде, в слоях X—XIV вв. найдено более 100 вальков.

Лапа наилучшей сохранности найдена в Новгороде в слое XI в. Ее размеры таковы: длина лапы 20 см, длина рукоятки 110 см (табл. 108, *1*). Целые, неповрежденные орудия представлены всего несколькими экземплярами. После обмолота лен и коноплю стлали и мочили, затем просушивали и подвергали механической обработке, т. е. мяли, трепали и чесали. Лен мяли, чтобы изломать древесину стебля и отколоть кострику от волокна. Для этого применяли ручную мялку. Длинный ножевидный брус мялки — било, одним концом закреплялся на оси в длинном брусе с продольной щелью, в которую он входил. На другом конце било имело ручку. Горсть, или часть снопа льна клали на брус и ударяли билом. Било, входя ножевидной частью в щель бруса, перемалывало стебель. Целых мялок археологами не обнаружено, но среди деревянных находок можно выделить отдельные детали и части била и его корпуса. Встречены они в слоях XI—XIV вв. Это массивные ножевидные брусья с ручкой, но с обломанными концами и обломки круглых брусьев со щелью.

Для дальнейшего отряхивания, т. е. освобождения волокна от кострики и от мелких грубых частиц, лен трепали. Основным приспособлением служило трепало — длинное массивное орудие ножевидной формы. Положив на какую-либо стойку, кадку без дна или тупой клин часть пучка льна, быстрыми ударами били по нему трепалом. Перемещая удары по всей длине пучка, волокно освобождали от мелких кусков кострики. Всего найдено несколько десятков трепал. Распределялись они довольно равномерно в слоях всех веков. Особенно широко было распространение ножевидного трепала (табл. 108, *2—4*). Размеры среднего трепала колебались в таких пределах: общая длина от 45 до 50 см, рукоятка 12—15 см, высота клиновидного лезвия 6 см, ширина его у обуха от 1,5 до 2 см. Ручки всегда были круглого сечения. Иногда трепала достигали длины 80 см. Со временем трепала почти не менялись: в XIV в. они были такими же, как и в X в.

По сравнению с другими орудиями прядения количество вальков, лап и трепал в археологии городов невелико. Вероятно, обработкой льна и конопли занимались лишь немногие хозяйства, которые поставляли прядильное сырье на рынок. Но пряли в каждом доме и поэтому чесала и веретена с пряслицами находят почти в каждой жилой постройке.

Окончательная очистка волокна и выравнивание отдельных волокон в одном направлении производилось с помощью чесания. Для этого служил специальный инструмент — чесало (табл. 108, *7—11*). Пряха клала горсть льна на колени или скамью и, придерживая лен левой рукой, причесывала чесалом, как гребнем. В результате получались длинные вытянутые волокна. Волокна лучшего качества назывались куделью, а очески, остающиеся на чесале,— верховиной. В древнерусских городах в слоях X—XIV вв. найдено более 1000 чесал.

Чесало имело форму удлиненного ножа с зубчатым лезвием. У подавляющего числа чесал зубья односторонние и немного направлены в сторону рукоятки. Шаг зуба 0,9—1 см. В редких случаях шаг уменьшался до 0,8 см или увеличивался до 1,3 см. Высота зуба равнялась 1—1,5 см. Общая длина чесала с рукояткой 45—55 см, иногда 70 см. Количество зубьев на чесале колебалось от 35 до 50. Рукоятка длиной 12—15 см была массивной и удобной. Иногда ей придавали фигурные формы, например стилизованных коней.

Обработка шерсти. Операции подготовки шерсти к прядению были проще и менее трудоемки, чем приготовление растительного волокна. Стригли овец стальными пружинными ножницами, абсолютно такими же, как современные пружинные «овечьи» ножницы. В древнерусских городах в слоях X—XIV вв. найдено более 400 пружинных «овечьих» ножниц.

Подготовка шерсти к прядению ограничивается разборой руками и чесанием. Основная операция — чесание, преследует цель разрыхлить шерсть и придать волокнам одно направление. В русской этнографии известны два способа чесания шерсти: чесание гребнями и битье лучком с тетивой. На раскопках в древнерусских городах найдены только деревянные гребни. Выделить среди археологических находок детали лучка и решетки для битья шерсти не удалось, поэтому можно говорить лишь о чесании гребнем.

Деревянные гребни для чесания шерсти были ручными и большими стационарными вертикального типа. Большой гребень представлял собой лопатообразный предмет высотой около 60 см с частыми зубьями на лопасти. Нижним концом стойки гребень вставляли в скамью или донце. Ручные гребни были меньшего размера и имели специальную фигурную спинку, за которую гребень держали в руках. Конструкция большого, очень хорошей сохранности гребня второй половины XII в. из Новгорода представлена на табл. 108, *12*, конструкция ручных гребней на табл. 108, *13, 14*. Их форма и размеры довольно стандартны: ширина лопасти гребня 10 см, количество зубьев 21—23, высота гребня 13 см. Подобные гребни встречены в слоях XI—XIV вв., учтено 12 гребней.

Нити из шерсти или растительного волокна для всех видов тканей в древней Руси пряли на ручном веретене. Техника прядения нити на веретене состояла в следующем: пряха держала веретено в правой руке, а левой вытягивала из кудели волокно и слегка его скручивала; начало нити, скрученное

пальцами, она прикрепляла петлей к вершине веретена, а потом, выпустив веретено из рук, во вращательном движении продолжала вытягивать волокно из кудели и скручивать образующуюся прядь нити. Когда нить достигала длины размаха рук, пряха наматывала ее на веретено, закрепляла на нем петлей и начинала новый цикл. Следует заметить, что пряха беспрерывно смачивала нить слюной как клеющим веществом: смоченная слюной нить не раскручивалась.

Веретено. Коллекция веретен, найденных в древнерусских городах, огромна. Она насчитывает более 1000 экз., из них более 250 — целых. Веретена встречены в слоях всех веков начиная с середины X в. Массовое применение имело веретено одного конструктивно постоянного типа — гладкая сигарообразная удлиненная деревянная палочка. Длина ее составляла 25—30 см, диаметр в центральной утолщенной части 1,2—1,4 см (табл. 108, *23—25*). Веретено этого типа всегда употреблялось в сочетании с пряслицем, небольшим утолщенным диском с отверстием. Пряслице надевалось на нижний конец веретена и служило для усиления вращательного момента веретена при скручивании нити. Пряслица изготовляли из камня, глины, кости, металла. В настоящее время археологами на древнерусских памятниках собрана коллекция пряслиц, превышающая 6 тыс. экз. Очень часто веретена украшали. Излюбленным традиционным мотивом были круговые линии на центральной части. Линии располагались группами по две-три в каждой. Наносили их в основном при помощи выжигания, а иногда и тонким резцом.

По технике изготовления веретена можно разделить на токарные и ручные. Токарные всегда сделаны с высоким профессиональным мастерством. Но и веретена, изготовленные вручную в таких же размерах, как и токарные, как правило, имели вполне законченные ровные формы теловращения. Для тяжелых толстых шерстяных нитей применяли веретена более массивные, утяжеленные. Вместо каменных или глиняных пряслиц на нижний конец стержня насаживали костяной цилиндр (табл. 108, *26*).

Прялка. При прядении нити, кроме веретена, необходима подставка — прялка, служащая для крепления кудели пряжи. Прялки представляли собой лопатообразную деревянную стойку, обращенную лопастью вверх и закреплявшуюся нижним концом стержня в гнезде скамьи или донца прялки (табл. 108, *20*). Кудель пряжи прикрепляли к прялке веревкой или шнурком, на конце которого привязывали железную или костяную спицу. Спицы втыкали в отверстие лопасти прялки (табл. 108, *22*).

Конструкция древнерусских прялок показана на табл. 108, *21*. Выделяются два вида: прялка с большими массивными лопастями (высота 25—30 см, ширина 10 см) и прялки маленькие легкие (высота 17 см, ширина 6 см), как правило, более затейливо украшенные. Большие прялки являлись стационарными рабочими, а малые — переносными, с которыми девушки ходили на посиделки. Высота ножки, чаще всего имеющей круглую форму, не превышала 40—50 см. Общая высота прялки была около 70 см. В прялках поражает стабильность форм. Обратим внимание лишь на одну прялку XII в. (табл. 108, *17*). Совершенно аналогичные прялки нам известны из северных областей России XIX в. (Бобринский А. А., 1910). Найдены неоднократно донца прялок — узкие, тонкие дощечки с гнездом и отверстием для штыря стойки прялки. Чтобы прялки стояли твердо и вертикально, пряха ставила донце на скамью и садилась на него.

В связи с описанием ручных веретен и прялок следует коснуться и механических прялок или, как их иначе называют, самопрялок. Самопрялки в Западной Европе появляются в XIII в. (Patterson R., 1956). При специальном поиске среди деревянных археологических изделий Древней Руси не удалось найти деталей самопрялок или чего-либо похожего на них. В России самопрялки появились, вероятно, не ранее XVII в.

Переходя к описанию деталей ткацкого станка и определению его системы и устройства, необходимо сделать одно общее замечание.

Как известно, существуют *ткацкие станки* двух систем — вертикальные и горизонтальные. Определить по фрагментам тканей любого переплетения, на каком станке они изготовлены, нельзя. Любую систему переплетений основы и утка в ткани одинаково можно сделать как на вертикальном, так и на горизонтальном ткацком станке (Hald M., 1950). Правда, есть один признак — тип кромки ткани, по которому иногда можно узнать, изготовлена ли эта кромка на вертикальном ткацком станке или сделана для ткани вертикального ткацкого станка. В Новгороде из 461 фрагмента археологических тканей, которые были изучены с применением структурно-технологического анализа, удалось выделить лишь четыре фрагмента с четкими признаками изготовления на вертикальном ткацком станке (Нахлик А., 1963). Фрагменты этих тканей обнаружены в слоях X—XI вв.

Решить вопрос о системе и конструкции древнего ткацкого станка мы можем лишь на основании археологических материалов от самих станков и некоторых иконографических источников.

Основой для наших определений деталей и конструктивных элементов вертикального и горизонтального ткацкого станка служит русский этнографический материал (Лебедева Н. И., 1956) о прядильно-ткацком ремесле, а также этнографические коллекции Латвии, Эстонии, Польши и Словакии.

В древнерусском археологическом материале встречены следующие детали ткацких станков: челноки, детали ремизного аппарата — ничепки, собачки, подножки, а также юрки. Другие детали ткацких станков пока не обнаружены.

Челнок служит для пропуска уточной нити через зев основы. Найдены челноки двух типов — вилкообразные и полые. Нить утка наматывали вдоль челнока с конца на конец. Длина челнока колебалась в довольно широких пределах — от 10 до 22 см. Челноки найдены в слоях всех веков начиная с X в. Всего собрано хорошо определимых челноков более 60. Вилкообразные челноки применяются только в ткацких станках вертикального типа. Но следует заметить, что челноки подобной конструкции использовались не только для изготовления тканей, но и в рогожном производстве, для плетения рыболовных снастей, ковров и т. д.

Конструкция полого челнока представлена на табл. 109, *5*. Нить для утка, намотанную на цевку, вставляли с осью в отверстие. На раскопках в древнерусских городах, в основном в Новгороде, найдено более 30 челноков. Они размещаются в слоях XIII—XIV и последующих веков. Размер полого челнока в длину колебался в пределах 28—32 см, ширина достигала 4—4,5 см, а длина отверстия для цевки с нитью колебалась от 10 до 15 см.

Легко определимы конструктивно четкие детали ремизного аппарата, служившие для образования зева в нитях основы: ниченки (ниты), собачки (косточки) и подножки.

Ниченка. Русская ниченка представляет собой два параллельных прутика определенной длины, соединенных двумя рядами нитяных петель, продетых попарно одна в другую. Длина деревянных стержней от нита, найденных на раскопах, около 60—65 см или 75—78 см, диаметр прутика 1,5—2 см. На концах имелись концентрические желобки для крепления (табл. 109, *7*). Следующие соображения позволяют считать эти стержни палочками от ниченки: во-первых, они абсолютно аналогичны известным русским этнографическим образцам и отличаются постоянством длины, распадаясь по длине на две группы; во-вторых, несколько раз такие стержни найдены по два рядом. Следует напомнить, что льняная нить в культурном слое не сохраняется и поэтому ниченку мы находим всегда без петель. Целых стержней от нита найдено более 20 и столько же во фрагментах. Они встречаются в слоях XIII, XIV и последующих столетий.

Подножки. Для привода ниченок в движение служат подножки. Наступая на них в нужной очередности, ткач образует необходимый ему зев основы. Найдено более 75 подножек ткацкого станка, несколько раз они встречены по две вместе. Конструкция подножки довольно проста (табл. 109, *6*). Длина подножек колебалась от 40 до 60 см, ширина равнялась 10 см. Подножки встречены только в слоях XIII—XIV вв.

«Собачки». Деталями ремизного аппарата, передающими нитам возвратно-поступательное движение, являются собачки. Конструкция этой детали в разных вариантах представлена на табл. 109, *4*. К среднему отверстию или к круговой выемке привязывают тягу, идущую вверх к поднебнику, а за крайние отверстия или выемки привязывают тяги от двух разных нитов. Несколько раз на раскопках обнаружены собачки с привязанными к ним веревками или сыромятными ремнями. Всего целых и хорошо определимых собачек найдено более 75. Стратиграфически они распределялись в слоях XIII—XIV и последующих веков. Длина собачек колебалась от 12 до 16 см, диаметр равнялся приблизительно 2 см.

Юрок. При работе на горизонтальном ткацком станке существует технологический процесс — снование нити. Нити подготавливают для основы ткани, располагая их в длину параллельно одна другой. При этом их обязательно продевают через специальное приспособление, называемое юрком.

Следует особо отметить, что юрок употребляется только при сновании нитей для основы горизонтального ткацкого станка. Вертикальному станку юрок не нужен (Лебедева Н. И., 1956, с. 496).

Юрок представляет собой круглую палочку длиной 10—12 см и диаметром около 1,5 см (табл. 109, *3*). На расстоянии 1 см от каждого конца на юрке делают вырезы до центра палочки, а в оставшихся круглых плоских концах — отверстия, через которые пропускают нити. Юрки очень характерная, легко определимая деталь. Всего их учтено более 100 экземпляров. Они встречаются только в слоях XIII и последующих веков.

Все описанные нами находки, кроме вилкообразных челноков, являются деталями горизонтального ткацкого станка. Все они стратиграфически впервые появляются в культурном слое, относящемся к 20—30-м годам XIII в. Следовательно, первые конструкции горизонтального ткацкого станка в Древней Руси появляются в самом начале XIII в., а может быть, в конце XII в.

В Западной Европе горизонтальный ткацкий станок появляется в конце XII в. Широкое распространение станка начинается в XIII в. (Patterson R., 1956). Древнейшее изображение горизонтального ткацкого станка относится к началу XIII в. Ремизный аппарат, изображенный на миниатюре, ничем не отличается от современного аппарата ручных деревянных ткацких станков (Каров Д. М., 1960, с. 72). Нужно думать, что древнерусские ткачи при широких экономических связях со странами Западной Европы в конце XII — начале XIII в. довольно быстро обменялись технической новинкой и ненамного отстали от европейских мастеров в модернизации ткацкого производства.

Итак, в начале XIII в. в Древней Руси появляется новая конструкция ткацкого станка. Это уже в прямом смысле механический станок, но еще приводимый в движение человеческой силой. Две операции из трех, составляющих технологию производства тканей,— образование зева в основе ткани и прибивка уточной нити, механизируются. Ткацкий станок становится намного производительнее. Следует заметить, что принципиальная схема древнего горизонтального ткацкого станка остается и в современном ткацком станке. Разница заключается лишь в том, что современный станок целиком сделан из металла, а ремизный аппарат, батан (бердо) и челнок приводятся в движение механически, с огромными скоростями.

В связи с вопросом о времени появления в русском ремесле горизонтального ткацкого станка коснемся одной историко-экономической темы. Напомним, что как на вертикальном, так и на горизонтальном ткацком станке можно изготовить ткань любой сложности переплетений. В начале XIII в. появляется горизонтальный ткацкий станок, который позволяет значительно повысить производительность ткацкого ремесла. Производство становится более массовым, растет его товарность. В это же время, когда ремесло и технически, и экономически развивается, происходит своеобразная рационализация производства за счет упрощения технологии и некоторого снижения качества продукции.

Исследуя технологически новгородские археологические ткани, А. Нахлик обнаружил, что в XIII и особенно в XIV в. уменьшается производство

высококачественных тканей, со сложным переплетением, например саржевым. Вместо этого резко возрастает производство более простой и дешевой ткани полотняного переплетения (Нахлик А., 1963, с. 293). Кстати, подобное явление имеет место в Древней Руси в тот же период и в металлообрабатывающем ремесле (Колчин Б. А., 1959, с. 119). Аналогичный процесс упрощения технологии с ухудшением качества массовой продукции происходит в то же время и в Западной Европе (Нахлик А., 1963, с. 296).

В Древней Руси подобный процесс технического прогресса, сопровождаемый рядом регрессивных явлений, протекал в сложной обстановке экономического упадка, вызванного монголо-татарским нашествием. Поэтому при изучении ремесла второй половины XIII—XV в. нужно иметь в виду не только общее состояние экономики, но и такие явления регресса, которые вытекали из развития новой техники и прогресса ремесла в целом.

На табл. 109, *2* дается реконструкция древнерусского ткацкого горизонтального станка. Таким он мог быть в XIV в. Облик станка мало чем отличается от деревенского или кустарного ткацкого русского станка XVIII—XIX вв. Он и не должен отличаться. Все конструктивные и технические элементы, созданные в начале XIII в.,— ремизный аппарат, батан (бердо) и новая форма челнока вошли в современную технику. Деревянная конструкция самого станка реконструирована с учетом устройства западноевропейских ткацких станков XIV в. Например, станок, изображенный в «Книге ремесел и торговли» 1310 г. имел более сложную раму (Patterson R., 1956, с. 213). Кроме того, были учтены и технические возможности древнерусских столяров XIV в.

Как же выглядел конструктивно вертикальный ткацкий станок X—XII вв.? Об этом можно судить только на основании некоторых западноевропейских материалов и итальянских миниатюр XI в. На табл. 109, *1* приводится конструкция вертикального ткацкого станка с миниатюры итальянской рукописи 1023 г. (Нахлик А., 1963, с. 278). Выделить среди деревянных поделок, найденных на раскопах древнерусских городов, определенные детали вертикального ткацкого станка, кроме вилкообразных челноков, не удалось.

Отделение ткачества от прядения в Древней Руси произошло еще в самом начальном периоде русской истории. Ткач в древнерусском городе стал ремесленником, а прядение оставалось еще несколько столетий в сфере домашней деятельности женщин города и деревни. Этот процесс разделения труда в текстильной промышленности, очень напоминающий разделение труда в металлической промышленности, где работали деревенские металлурги и городские специализированные кузнецы, был непосредственно связан с техникой производства ткани.

Очень наглядную картину отделения ткачества от прядения дает новгородский материал. На огромном Неревском раскопе в Новгороде, где вскрыто более 16 усадеб и более 400 жилых домов, найдено свыше 2500 пряслиц (шиферных и глиняных) и более 800 деревянных веретен, а также множество чесал, гребней, прялок, ножниц и других принадлежностей прядильного дела. Количество и топография размещения находок показывают, что в Новгороде в XI—XIV вв. пряли в каждом доме. Совершенно иная картина получается при обзоре находок, связанных с ткачеством: юрки, детали мотовил, детали ткацкого станка, челноки исчисляются лишь десятками и были они обнаружены, как правило, группами, в местах, где жил и работал ткач.

Обработка кожи

Производство по выделке кож и пошиву кожаных изделий имело большой удельный вес в народном хозяйстве Древней Руси. Спрос на кожаные изделия был велик, из кожи делали обувь. Жители Древней Руси ходили в кожаной обуви. Много кожи потребляли шорники и седельники, из нее делали конскую сбрую, колчаны, щиты, основы пластинчатой брони, а также многочисленные поделки хозяйственного и бытового назначения. Много кожи шло на изготовление сыромятных ремней. Кожевники и сапожники разделились на две самостоятельные профессии еще в XI в.

Раскопки в городах, где хорошо сохраняется органика, дали богатейший материал по истории кожевенного и сапожного дела. Кожаные изделия и инструментарий по обработке кожи в большом количестве собраны в Новгороде, Пскове, Москве, Белоозере, Полоцке и других городах. Археологические материалы позволили полностью реконструировать технику и технологию кожевенного и сапожного производства.

Для сырья русские кожевники использовали шкуры коней, крупного и мелкого рогатого скота. Основные технологические приемы выделки кожи, установившиеся еще в X—XI вв., сохранились почти без изменения до XIX в.

Обработку шкур начинали с вымачивания. Размоченную шкуру очищали от подкожной клетчатки и мездры. Для их снятия кожевники применяли специальные стальные струги. После очистки от мездры шкуры подвергали золке для удаления волоса. Золку производили в специальных деревянных сосудах-зольниках; их засыпали золой и известью. После золки со шкуры легко соскабливали волос; кожу промывали и подвергали размягчению с помощью кислых хлебных растворов — «квасом усниянным»; затем кожу подвергали дублению растительными дубильными веществами — корой дуба, ольхи, ивы. После этого кожу выравнивали, вытягивали, жировали, разминали и окрашивали. Чаще всего кожу красили в черный и темно-коричневый цвета, но некоторые лучшие сорта красили также в желтый, зеленый, красный и другие цвета.

Кроме дубленой кожи, для разных надобностей изготовляли сыромятную кожу. Она была крепче и эластичнее дубленой, поэтому ее чаще применяли в технике и хозяйстве. При изготовлении сыромятной кожи обработанную шкуру размягчали и жировали.

Очень много мастерских кожевников XI—XIV вв. было вскрыто в Новгороде. Такие мастерские всегда сопровождались большими завалами зольно-известковой массы, перемешанной с волосом, изредка в них находились и целые куски шкур; встречались

и сами зольники в виде рубленых из плах колод или больших кадок из толстых клепок.

Основная масса кожи шла на изготовление обуви. В X–XIV вв. носили кожаную обувь нескольких фасонов – поршни, мягкие туфли, полусапожки и сапоги. Туфли и полусапожки, господствовавшие в X–XIII вв., в течение XIV в. медленно выходили из употребления. Раскопанные сапожные мастерские и собранный в них инструментарий, огромное количество самой кожаной обуви позволили довольно подробно представить технологию сапожного мастерства.

Инструментарий сапожника состоял из ножей раскроечных, ножей сапожных, прямых и кривых шильев, специальных игл, набора деревянных колодок-правил, шаблонов кроя, сапожных гвоздей, штампов для тиснения кожи, пробойников, сапожных досок, ниток, щетины и т. п.

Ножи для кроя кожи известны двух типов: широкое дугообразное лезвие у одного типа с ручкой в виде выпуклой подушки, на которую нажимали ладонью, а у другого типа – с коленчатой черенковой рукояткой. Наварное лезвие ножа – стальное. Этими ножами было очень удобно раскраивать кожу, резать движением от себя (табл. 110, *1–3*).

Сапожные ножи по форме сходны с обычными хозяйственными ножами, но более короткие, с широким полотном и кривым лезвием. Лезвие всегда имеет стальную наварку (табл. 110, *5*).

Сапожные шилья по сечению стержня делали круглыми и ромбовидными. Второй тип был основным. Стержни изготовляли как прямые, так и кривые. Рукоятки были деревянные и костяные.

Сапожные колодки известны двух видов: простые, из одного куска дерева и составные со снимаемыми верхом-подъемом, который соединялся с основой колодки шипом. Среди колодок встречены колодки для мужчин и женщин, для взрослых, подростков и детей. Колодки делали из березы и липы. Простые колодки использовали как прави́ла (табл. 110, *8–10*). Верх и низ мягкой обуви скреплялись выворотным швом. После пошива и пришивания подошвы такую обувь необходимо было расправить и околотить на колодке. Прави́ла были высокие и низкие. Большинство прави́л делали асимметричными, т. е. для правой и левой ноги, но встречаются иногда и симметричные.

Составные колодки служили моделью при пошиве обуви, как и в настоящее время. На этих колодках затягивали верха и прикрепляли подошвы. Их всегда делали на правую и левую ногу (табл. 110, *6–7*).

При специализированном массовом производстве сапожники применяли шаблонки кроя. В Новгороде в слоях XII в. и позже найдены деревянные шаблонки подметок (табл. 110, *11–12*). Они представляли собой тонкие дощечки толщиной 0,3–0,4 см, вырезанные в форме заданной заготовки.

Отдельные заготовки верха обуви, а также верха и подошвы соединяли ниточными швами. Швы были нескольких типов: наружные, выворотные и потайные (табл. 110, *16–19*).

Техника выполнения наружного и выворотного швов одинакова. Различие заключалось в расположении лицевых сторон кожи. Если кожу сложили обратными сторонами и прошили по краю, получался шов наружный, а если кожу сложили лицевыми сторонами, получался шов выворотный. Более сложные и прочные швы – потайные были двух видов: тачные, т. е. впритык и с припуском на строчку. Тачные швы – это скрепление кусков кожи впритык, без прокалывания ее насквозь, а у шва с припуском впотай пришивали только одну деталь. Для крепления подошвы к верху обуви, кроме ниточного шва, использовали швы на гвоздях. Их широко применяли при шитье сапог для крепления подошвы и каблука.

Для характеристики технологии пошива обуви в XIII–XIV вв. коротко опишем конструкцию сапога, изготовление которого было наиболее сложным делом (Изюмова С. А., 1959).

Сапог состоял из нескольких деталей – голенища, головки, задника, подошвы и каблука. На эти детали шли разные сорта кожи. Кроме того, к голенищам и головкам пришивали поднаряд (подкладку) из еще более тонких сортов кожи. Голенища составляли из двух частей, сшиваемых по бокам тачным швом. Одношовные голенища делали очень редко. Головки сапог в зависимости от фасона делали тупоносыми и остроносыми. Их крепили к голенищам тачным или выворотным швом. К подошве в зависимости от ее толщины головки крепили двумя способами. Толстые подошвы пришивали простым наружным швом, тонкие подошвы – внутренним выворотным. Задники всегда были двойные. Иногда их делали в виде кармана, в который для жесткости вставляли прокладки из лыка, бересты или толстой кожи. Задник к подошве крепился так же, как и головка. В зависимости от формы головки подошвы делали остроносыми или тупоносыми. При тонкой коже подошвы делали составными, их пришивали наружным или выворотным швом. Чтобы предотвратить снашивание на подошве нити, шов помещался в специальном подрезе на внешней стороне подошвы. Иногда подошву для прочности подбивали гвоздями. Подошву у сапог жесткой конструкции довольно часто крепили гвоздями. Каблук, состоящий из нескольких слоев толстой кожи, прибивали гвоздями. Иногда к каблуку прикрепляли железную подковку.

Технология сапожного ремесла была достаточно сложна и конструктивно, и по технике производства. От сапожников требовались профессиональные знания и владение специальными навыками и инструментом. Основные технологические приемы сапожного и шорного ремесел сохранились в России почти без изменений вплоть до XX в.

Обработка кости

Номенклатура костяных изделий X–XIV вв. была довольно обширной. Для хозяйственных надобностей из кости делали ложки, иглы, пеналы, вешалки, ручки ножей и разных инструментов, спицы для прялок и цевки челноков, художественные накладки и резные навершия. Из предметов туалета и костюма известны гребни, копоушки, булавки, пуговицы, поясные пряжки. Много делали шашек, шахмат, всевозможных печатей и даже технических

деталей вроде подшипников, вертлюгов, валиков, обкладок луков и ручек мечей и т. д.

Массовым материалом костерезного производства были кости крупных домашних животных, а также рога лосей и оленей; иногда использовали рога быков, туров и даже моржовую кость.

Чтобы превратить кость домашнего животного (для производства шли берцовые, пястные и плюсневые кости) в поделочный полуфабрикат, ее необходимо было обезжирить, а затем костные цилиндры расправить в пластины. После длительного процесса вываривания кости в щелоке ее под сильными прессами (клиновые зажимы) расправляли в пластины.

Инструментарий костереза состоял из набора ножей, пил, плоских и гравировальных резцов, циркульных резцов, сверл-дрелей, обычных перовидных сверл, напильников, рашпилей и разных других приспособлений.

Полуфабрикаты разделывали на заготовки изделий большими лучковыми пилами с толщиной зуба 1,5 мм. Для пропилов зубьев гребней и других подобных работ применяли лучковые пилы с очень тонким лезвием, достигавшим толщины 0,3 мм. Широкие плоскости после обработки ножами и плоскими строгающими резцами зачищали напильниками. Костерезы использовали два типа напильников. Для тонкой чистовой обработки применяли односторонние напильники, с дугообразным рабочим лезвием и обычной однорядной насечкой с односторонним зубом (нарезка на внешней выгнутой стороне полотна). Этими напильниками производили и всевозможные фигурные выемы на изготовляемых предметах. Например, рабочее полотно подобного напильника, найденного в Новгороде в слое начала XIV в., имело длину 10,6 см (табл. 111, *7*). Прямоугольное сечение выгнутого полотна равнялось 0,8×0,5 см. Зубья напильника были односторонние крупные с шагом 0,45 см. Для черновой обработки и обработки значительных по размеру поверхностей применяли массивные напильники с особым зубом типа рашпиля. У этих напильников рабочая поверхность делалась из точечных зубьев. Эти напильники, оставляя более грубую поверхность, чем напильники первого типа, были более производительными, так как снимали сразу значительный слой кости. В Новгороде в слоях конца XII в. найден большой двуручный рашпиль (табл. 111, *8*). Длина полотна рашпиля была 14 см, ширина 5 см.

Интересную конструкцию имели маленькие сверла-дрели с лучковым приводом. Такие сверла применяли для изготовления отверстий диаметром 0,1—0,4 см. На железный тонкий стержень длиной 10 см, имевший в середине плоский щиток, надевали приводную катушку. Внизу у стержня было стальное перовидное лезвие, а вверху — черенок для круглой рукоятки. Приводная катушка соединялась со струной маленького лука (табл. 111, 1). При движении вправо или влево катушка вращалась вместе со сверлом. Для развертки больших отверстий (диаметром до 1,5 см) применяли обычные перовидные сверла.

Большое количество костяных поделок изготовляли на токарном станке, форма изделий по сложности токарной работы была разнообразной — от простых шайб-шашек до сложных круглых точеных колец. Вытачивание круглого кольца на токарном станке и в настоящее время считается довольно сложной операцией. Токарные станки костерезов были менее мощными, чем у токарей по дереву: возможно, их приводили в движение даже ручным лучковым приводом. В станке имелся шпиндель для крепления изделия. Круглое кольцо из трубчатой кости могло быть выточено только при наличии жесткого вращающегося шпинделя.

Среди костяных изделий значительную массу составляли художественные поделки: навершия посохов, накладные пластинки на шкатулки и кожаные сумки, всевозможные привески. Навершия изготовляли в виде головок птиц и зверей, выполненных очень часто довольно натуралистично, и в виде разнообразных геометрических фигур. На плоских накладных пластинках изображали фантастических зверей, солнечные знаки, геометрический, растительный, циркульный орнаменты, всевозможные плетенки и другие мотивы.

Несколько мастерских ремесленников по обработке кости раскопаны в Новгороде, Киеве, Старой Рязани, городище Родень и на других памятниках.

Машины и механизмы

Машины, механизмы и сложные орудия труда Древней Руси до последнего времени оставались мало изученными и почти неизвестными. О них нет сведений в письменных источниках, а археологические находки давали мало материала. Раскопки русских городов в последние десятилетия, особенно раскопки в Новгороде, открыли массу новых источников и в области изучения машин и механизмов.

Среди механических приспособлений и машин, известных в Древней Руси, встречаются воздуходувные меха, подъемные рычажные механизмы, дрели и вороты, круговые точила и ручные мельницы, веретена и мотовила, колесные повозки и гончарный круг, толчеи и жомы, ткацкие и токарные станки, камнеметы, тараны, самострелы и многое другое.

Машины и механизмы в Древней Руси делались в основном из дерева. Вот какое определение машины дает Витрувий: «Машина есть система связанных между собой частей из дерева» (Витрувий М., 1963, с. 286). Это определение машин в отношении конструктивного материала оставалось верным не только в античности и средние века, но и в новое время, вплоть до XIX в.

Начнем с описания универсальных деталей машин, сделанных из дерева. Круг применения некоторых из них в настоящее время еще не совсем ясен, но из других можно составить пары, узлы и даже целые агрегаты известных нам, а часто еще неизвестных машин и приспособлений.

Среди деталей машин встречаются: блоки, ролики, подшипники радиальные, подшипники упорные (подпятники), оси, валы, цапфы, вертлюги, клинья, валики, тяги, балансиры.

Например, в новгородской коллекции собрано 26 блочных колес от подъемных механизмов X—XIV вв. Все они имеют направляющий желобок для

гибкой тяги (веревка, ремень, цепь). Диаметр блоков колеблется от 6 до 20 см, ширина наибольшего блока равна 6 см. Диаметр отверстий для оси составляет 2,2—4 см. Блочные колеса делали, как правило, из древесины корневищ или капа (табл. 102, *1*).

Радиальные подшипники как отдельная деталь (подобно современным подшипникам) неизвестны, но в отдельных теснинах и брусах имеется много круглых отверстий со следами вращения, иногда очень быстрого. На некоторых подшипниках сохранились следы смазки, а на других — следы обгорелости, возникшей при быстром вращении без соответствующей смазки. Диаметр подшипников колеблется от 3 до 11 см.

Подшипники упорные (подпятники) представлены более чем 400 экз. (табл. 102, *7*). На очень многих подпятниках гнезда опоры оси имеют обгорелость от быстрого вращения. Размер гнезда довольно однообразен: диаметр равняется 3—4 см, глубина от 2 до 4 см. С максимальной рациональностью использован материал подшипника — древесина. Большинство подшипников сделано из ствола дерева в том месте, где отходил сучок. Рабочее гнездо делали в корне сучка; это придавало детали наивысшую твердость и наименьшую изнашиваемость. Очень много деревянных подшипников найдено от ручных мельниц.

Цапфы осей и валов в основном были цилиндрическими и коническими, встречены также и коленчатые цапфы. Диаметры цилиндрических цапф колебались от 2 до 9 см, диаметры конических цапф равны 2—7 см. На многих цапфах сохранились следы обгорелости.

Очень частая находка — вертлюги. Вертлюги делали из дерева, кости и железа, чаще всего из дерева (табл. 102, *4*, *5*). Вертлюг найдено более 70 экз. Вертлюги — деталь, состоящая из планки и валика-тяги. Планка — прямолинейная или немного выгнутая, в центре имеет отверстие, в которое входит валик с головкой. Головка удерживает валик от сквозного прохода в отверстие. По краям планки имеется по одному отверстию для крепления гибкой тяги. Размеры вертлюгов разные: от очень маленьких с длиной планки в 3 см и валика в 2,5 см до огромных с длиной планки 18 см и валика 13 см. Диаметр валика у таких вертлюгов равнялся 2,5 см.

Выше мы привели описание двух древнерусских машин — токарного и ткацкого станка. Теперь остановимся на ручной мельнице. Ручные мельницы были широко распространены в Древней Руси наряду с водяными и дожили в России до XX в. Восстановить полностью конструкцию ручных мельниц XI—XIV вв. позволяют находки в Новгороде. В коллекциях новгородской экспедиции имеются все детали этого устройства, их остается только собрать (Колчин Б. А., 1968).

Конструкция ручной мельницы состояла из массивного стола, наверху которого крепили нижний камень — постав жернова диаметром в 45—50 см (табл. 112). В крышке стола и нижнем камне имелось небольшое отверстие диаметром в 3 см, через которое проходила ось для верхнего камня — бегунка. Ось чаще всего была деревянной, но делались и железные. В верхнем камне-бегунке в центре имелось круглое отверстие для зерна диаметром 9 см, а в центре в нижней части камня устраивали выем для порхлицы. Порхлица — деревянный или железный упорный подшипник. Этим подшипником верхний камень опирался на ось. Для приведения в движение верхнего камня имелось особое устройство. Камень плотно обхватывал тонкий деревянный обруч, к которому крепилась деревянная скоба специальной конструкции — боковой подшипник (табл. 112, *3*, *4*). В эту скобу входил нижний конец длинного махового стержня длиной до 2 м. Верхним концом стержень свободно крепился в отверстие, которое было расположено точно над центром жернова. Верхнее отверстие делали или в брусе специальной рамы, крепящейся к столу, или в брусе, прикрепленном к потолку помещения, где стояла ручная мельница. Вокруг жернова устанавливали небольшой короб с лотком, в котором собиралась мука. Для изменения тонкости помола муки вертикальная ось верхнего камня имела регулирующее устройство, ее опускали или поднимали. Абсолютно такая же ручная мельница изображена на миниатюрах в «Житии Сергия Радонежского» (Арциховский А. В., 1944).

Гончарное дело

Керамическое производство, уходящее своими технологическими традициями в глубь тысячелетий, до последнего времени базировалось на довольно элементарной технической основе. Технологический процесс производства керамики состоял из четырех последовательных операций. Первая — это подготовка сырья для производства изделия, т. е. приготовление специальной глиняной массы. Вторая операция — это формовка, т. е. изготовление формы самого изделия. Третья операция это разнообразная обработка поверхности, имеющая как техническое, так и декоративное назначение. Четвертая операция — это обжиг, обеспечивающий физико-химические превращения в материале и завершающий изготовление керамического изделия.

Из истории керамического производства и данных русской этнографии известно, что специальные технические приспособления применялись только во второй и четвертой операциях технологического процесса; это гончарный круг для придания формы самому изделию и гончарный горн для обжига. Какихлибо дополнительных специальных инструментов у гончара, как правило, не было. Для выглаживания поверхности глиняного теста на изделии применяли лоскут овчины, окунутый в воду, а для обработки венчиков и других профильных элементов применялись бочарки в виде деревянных сегментов, разнообразные палочки, а иногда и просто щепки.

Продукцией древнерусских гончаров была многообразная посуда, детские игрушки, кирпичи, облицовочные плитки и, наконец, расписные писанки. Основной наиболее массовой керамической посудой Древней Руси были кухонные печные сосуды — горшки, крынки, жбаны, миски, сковороды. Из глины изготовляли также всевозможные светильники, рукомойники, корчаги, амфоры и ряд подобных изделий.

Подавляющее большинство известной нам древнерусской посуды изготовлено на ручном гончарном круге. Переход от лепной керамики к гончарной, т. е. к круговой, произошел в конце IX — начале X в. (Рыбаков Б. А., 1948).

Среди археологических материалов каких-либо остатков гончарных кругов и их деталей не сохранилось. Это объясняется тем, что гончарные круги в продолжение тысячелетий делались из дерева.

Наиболее полно представлена техника гончарного ремесла на стадии обжига изделий. Археологами раскопано более 10 хорошо сохранившихся гончарных горнов X—XIII вв. Гончарные горны раскопаны в Белгороде (Хвойко В. В., 1913), во Вщиже (Рыбаков Б. А., 1948), в Старой Рязани (Черепнин А. И., 1903), в Райковецком городище (Гончаров В. К., 1950), в Киеве, в Вышгороде, в Донецком городище и ряде других мест.

Б. А. Рыбаков в «Ремесле Древней Руси», рассматривая все виды древнерусских гончарных горнов, выделяет две системы: горны двухъярусные с прямым пламенем и горны горизонтальные с обратным пламенем. Система вторых горнов технологически более совершенна (Рыбаков Б. А., 1948, с. 352).

Наиболее полно раскопаны и технологически изучены горны из Белгорода Киевского, там раскопаны обе системы горнов.

Наиболее древние горны относятся к X—XI вв. Раскопано девять горнов, располагавшихся группами по два-три горна. По конструкции все горны относятся к первой системе, т. е. представляли собой двухъярусные глинобитные сооружения, которые имели верхнюю обжигательную наземную камеру с глинобитным сводом на плетеном из лозы каркасе и вырытую в земле нижнюю топочную камеру, к которой примыкал длинный топочный канал и большая овальная притопочная яма. Форма горнов была грушевидной и круглой. Размеры различные: диаметры обжигательных камер от 1,3 до 2 м. Большинство горнов было круглой формы. Грушевидные горны имели удлиненную обжигательную камеру с устьем длиной до 1,8 м.

Примером круглых горнов может служить один из лучше сохранившихся горнов, который находился в углубленном квадратном помещении размером 3,5×3,5 м. Высота этого горна равнялась 1,45 м, из них обжигательная камера имеет 0,5 м (верхняя часть свода не сохранилась). Стенки свода глинобитные толщиной у основания 20 см, а в верхней части до 10 см. Под печи тоже глинобитный, сильно прокаленный, твердый, коричневого цвета, его диаметр 1,5 м. По краям пода вдоль стенок свода шло 11 отверстий (продухов), являвшихся жаропроводными каналами, соединявшими верхнюю камеру с нижней. Продухи имели круглую форму диаметром 15—20 см. Нижняя топочная камера этого горна сохранилась очень хорошо. В центре ее находился широкий материковый столб «козел», сильно ошлакованный огнем. Он поддерживал под обжигательной камеры. К горну подходил широкий топочный канал (табл. 113, *1*).

Рядом с горнами находились небольшие постройки размером 3×2 м, углубленные в землю на 0,6 м, являвшиеся гончарными мастерскими, где изготовлялась различная керамическая продукция. Здесь были найдены горшки, кувшины, голосники, сковороды, корчаги, корчажцы, крышки, декоративные плитки, игрушки и другие изделия. Все эти предметы хорошо датируются X—XI вв. и свидетельствуют, что в это время здесь был значительный керамический центр.

Горн, раскопанный В. В. Хвойко в Белгороде в слоях XIII в., относится к горнам второй системы, т. е. горизонтальным горнам с обратным пламенем.

Горн был расположен у ворот Белгородского детинца с внешней стороны крепостных стен. В плане горн имел грушевидную форму. Длина горна 3,25 м, ширина 2 м, высота сохранившихся стенок 0,8 м. В центре горна находилось плоское возвышение, имевшее поперечный дымоход, входящий в вертикальное отверстие в середине выступа, через которое газ уходил дальше вверх. Система дымоходов была устроена так, что нагретый газ из передней части, где была топка, шел огибая выступ и нагревал все сосуды, которые находились в задней части канала. После этого горячие газы попадали в поперечный канал, откуда уходили вверх. Во время раскопок в заднем канале горна были вскрыты находившиеся там сосуды в количестве около 15 штук (Рыбаков Б. А., 1948, с. 351 — табл. 113, *7*).

Каких-либо других приспособлений и инструментов гончарного дела археологам найти пока не удалось. Сама же продукция керамического производства в Древней Руси рассматривается в следующем томе Археологии Древней Руси.

Стеклоделие

Русское стеклоделие, зародившееся в начале XI в., в XII—XIII вв. достигло значительного развития. В начале XI в. появилась масса стеклянных бус разных типов собственного русского производства, которые в XII в. совершенно вытеснили бусы привозные. В середине XI в. появляется столовая стеклянная посуда и разнообразные туалетные и иные сосуды. В XII в. столовая посуда распространяется очень широко, даже в быту рядовых горожан. В первой половине XII в. появляются стеклянные браслеты отечественного производства, которые к началу XIII в., вероятно, носила каждая русская горожанка. После монголо-татарского нашествия, когда в русских городах шел процесс восстановления ремесла, некоторые отрасли стеклоделия были потеряны: прекратилось изготовление стеклянной столовой посуды, перестали делать оконное стекло, в производстве остались только некоторые предметы украшений — бусы, перстни, браслеты (до середины XIV в.).

Древнерусские стеклянные изделия в зависимости от назначения делали из стекла разного состава. На изготовление стеклянной посуды, оконного стекла, бус, перстней, браслетов шло калиево-свинцово-кремнеземное стекло, слабо окрашенное или цветное. Для производства мелких поделок и подобных изделий, разного рода поливы, игрушек, писанок широко применяли свинцово-кремнеземное стекло с окраской в разные цвета.

В состав шихты калиево-свинцово-кремнеземного стекла входили песок, окись свинца (сурик) и поташ. Металлический свинец перед составлением шихты предварительно превращали в окись путем обжига. Для варки стекла брали две части песка, одну часть окиси свинца и одну часть поташа.

О технологии варки стекла в Древней Руси каких-либо данных мы не имеем, но вероятнее всего, эта технология была двухступенчатая. Сначала спекали смесь сырьевых материалов, нагревая ее в печи, затем эту массу «фритту» — варили в специальном горне при высокой температуре, превращая ее в прозрачный вязкий расплав, из которого в дальнейшем изготовляли стеклянные поделки.

Техническими приемами обработки стеклянной массы при изготовлении разнообразных изделий были традиционные средневековые операции — выдувание (дутьё) и вытягивание или накручивание. Вся стеклянная посуда Древней Руси изготовлялась техникой выдувания.

Первые древнерусские стеклоделательные мастерские были обнаружены в Киеве во время раскопок на усадьбе А. А. Петровского в 1907—1908 гг. Остатки мастерской составляли «ряд глиняных горнов и печей особого устройства» в окружении «поврежденных огнем, отчасти расплавленных стеклянных браслетов и таких же колец» (Хвойко В. В., 1913). В 50-е годы остатки стеклоделательных мастерских были обнаружены в Старой Рязани, Новгороде, Серенске и других городах.

Прямых свидетельств стеклоделательного производства — печей, стекловаренных горшков, запасов сырья и производственных отходов, на этих памятниках найдено очень мало. Остатки одной мастерской, сильно разрушенной позднейшими ямами, были открыты в 1951 г. в Киеве на Подоле и на территории Киево-Печерской лавры (Богусевич В. А., 1954).

Развал мастерской представлял собой остатки двух горнов в виде сильно разрушенного глиняного пода, наземных конструкций, обломков кирпичей с потеками стекла с внутренней стороны, куски рухнувшего свода, стекловаренные горшки с остатками невыбранного стекла, куски металлического свинца, так называемый «козел», многочисленные куски стеклянной массы, непроваренной и неосветленной, напоминающей по внешнему виду необработанные кремневые отщепы. Эта мастерская была устроена, как считает автор, в связи с отделочными работами в Успенском соборе.

Площадь печи судя по сохранившейся части превышала 2 кв. м, стены печи были выложены из плинфы толщиной 3 см, высота печи неизвестна. Толщина глиняного свода достигала 7 см. Огнеупоры могли выдерживать температуру выше 1500°, однако рабочая температура печи не поднималась выше 1200°. Температурный интервал, остававшийся в резерве, свидетельствует в пользу высоких свойств печи, принадлежащей по этим параметрам к специализированным печам нового типа, а не к универсальным, более примитивным.

Стекловаренные горшки в виде сильно расширяющегося усеченного конуса обычны для эпохи средневековья. Толщина их стенок достигала 1 см, толщина дна 0,6 см. В качестве материала использовалась высококремнеземистая глина. Обломы фрагментов горшков имели светло-желтый цвет. Остатки глиняного пода обжигательной печи были найдены в Любече (Рыбаков Б. А., 1964б).

Археологические наблюдения над раскопанными мастерскими стеклоделов, и в частности находки больших слитков стекла без каких-либо следов производства по варке стекла, позволяют предположить, что мастерские были двух типов. В крупных и технически высоко оснащенных мастерских варили стекло и в то же время изготовляли и разнообразную продукцию. Другие мастерские были шире распространены и имели более простое оборудование; в них занимались лишь переработкой полуфабрикатов, т. е. слитков стекла в браслеты, бусы, перстни и т. п., а также переработкой и стеклянного боя. Такие мастерские встречены в Новгороде: например в слое начала XIV в. во дворе усадьбы, стоявшей на углу Великой и Холопьей улиц, обнаружен развал мастерской. В этом развале среди разных находок обнаружено несколько крупных слитков цветного стекла голубого и зеленого оттенков. Здесь, вероятно, работал ремесленник по изготовлению стеклянных перстней, бус и браслетов.

Итак, мы рассмотрели инструментарий, приспособления и технологию основных отраслей древнерусского ремесла, таких, как металлургия, обработка черного и цветного металла, обработка дерева и кости, прядение и ткачество, гончарство и стеклоделие, сапожное дело.

В этот перечень не вошел ряд отраслей древнерусского ремесла, таких, например, как обработка камня, шитье одежды, каменное строительство, изготовление книг, обработка пищевых продуктов, приготовление пищи и ряд других. От этих отраслей ремесленной деятельности каких-либо остатков производственных комплексов не сохранилось. Судить об уровне развития этих ремесленных профессий можно только на основе изучения готовой продукции, которая достаточно широко представлена среди археологического материала. Рассмотрению основных категорий древнерусских вещей посвящен второй том Археологии Древней Руси.

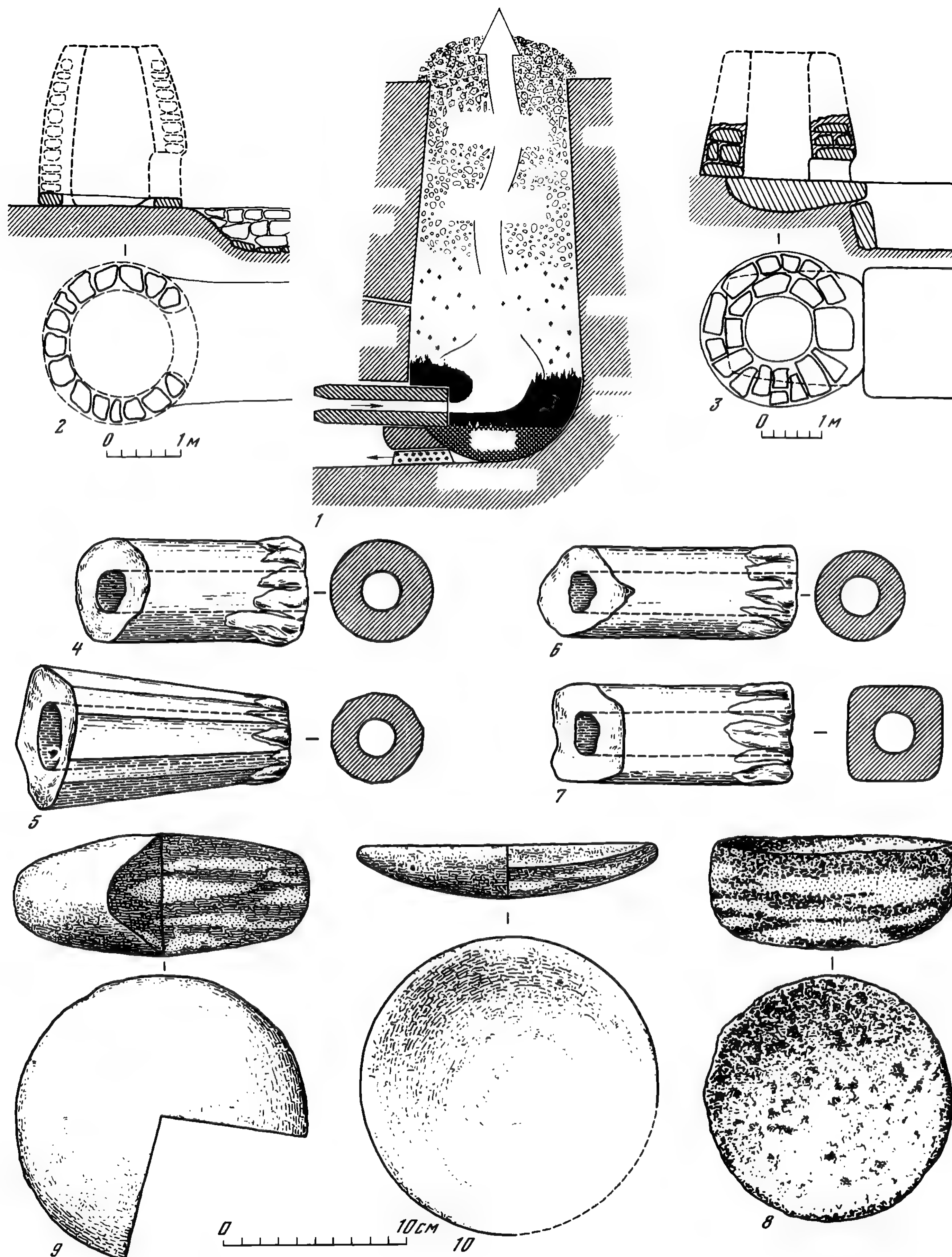


Таблица 91. Сыродутные горны, сопла, крицы

1 — схема последовательности химических процессов в сыродутном горне; *2* — сыродутный горн с Прогонного поля (побережье Финского залива) XII в.; *3* — сыродутный горн из Серенска, первая половина XIII в.; *4, 6* — сопла с городища Родень, XII в.; *5* — сопло из Старой Рязани, XII—XIII вв.; *7* — сопло с городища у с. Гороцк, XII в.; *8* — крицы из Новгорода, XI в.; *9* — крица с городища Вышгород, XII—XIII вв.; *10* — полуфабрикат железа в форме сферообразного диска, городище в Васильковском районе (Киевщина), XII в.

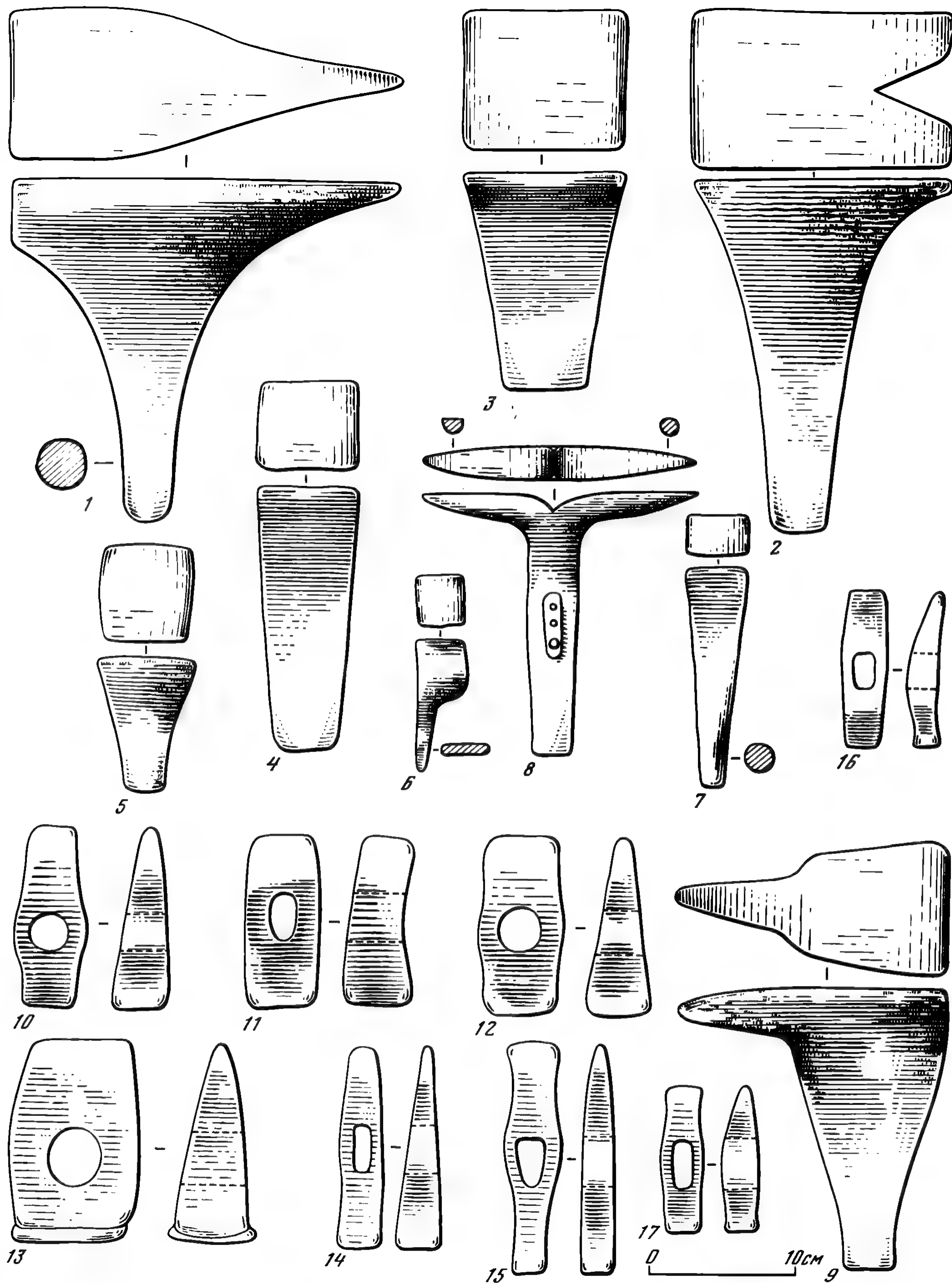


Таблица 92. Кузнечный инструмент: наковальни, молоты, молотки

1—9 — наковальни; *10—13* — молоты; *14—17* — молотки *1* — Райковецкое городище, XII — начало XIII в.; *2, 3* — городище Родень, XII в.; *4* — Киев, раскоп у Десятинной церкви, XI в.; *5—7* — Новгород, XI—XII вв.; *8* — городище Родень, первая половина XIII в.; *9* — Новгород, начало XIV в.; *10* — Житомирский могильник, XI в.; *11* — городище Родень, XII в.; *12* — городище Колодяжин, первая половина XIII в.; *13* — городище Серенск, XII в.; *14* — Райковецкое городище, начало XIII в.; *15* — Владимирские курганы XII в.; *16, 17* — Новгород, XI и XII вв.

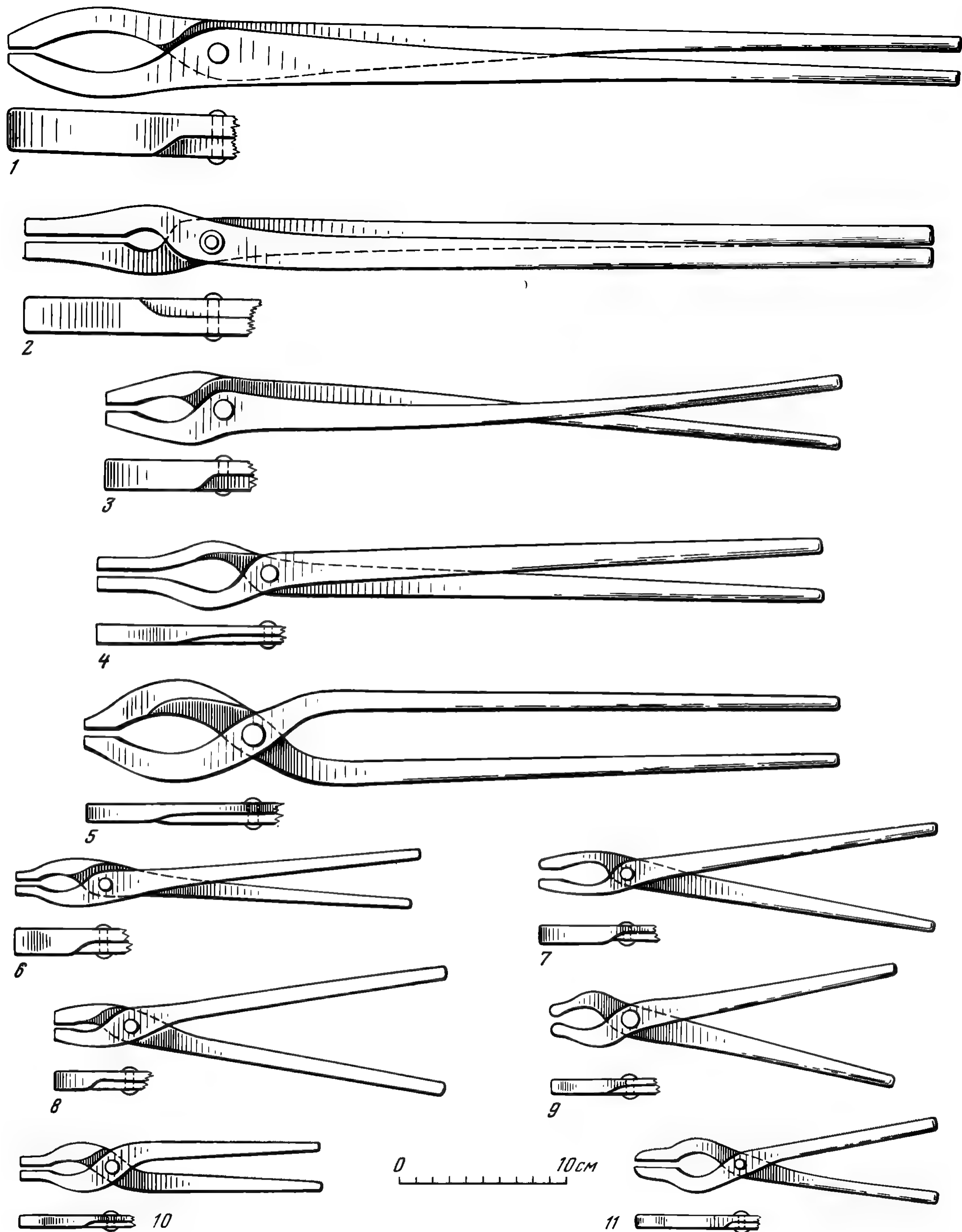


Таблица 93. Кузнечный инструмент — клещи

1—5 — клещи двуручные; *6—11* — клещи малые, одноручные *1—4* — Новгород, XI—XIII вв.; *5* — городище Девичь-Гора, XII в.; *6* — Новгород, XI в.; *7* — городище Родень, XII в.; *8* — Новгород, XII в.; *9* — Владимирские курганы, XII в.; *10* — городище Старая Ладога, XI в.; *11* — Новгород, XIII в.

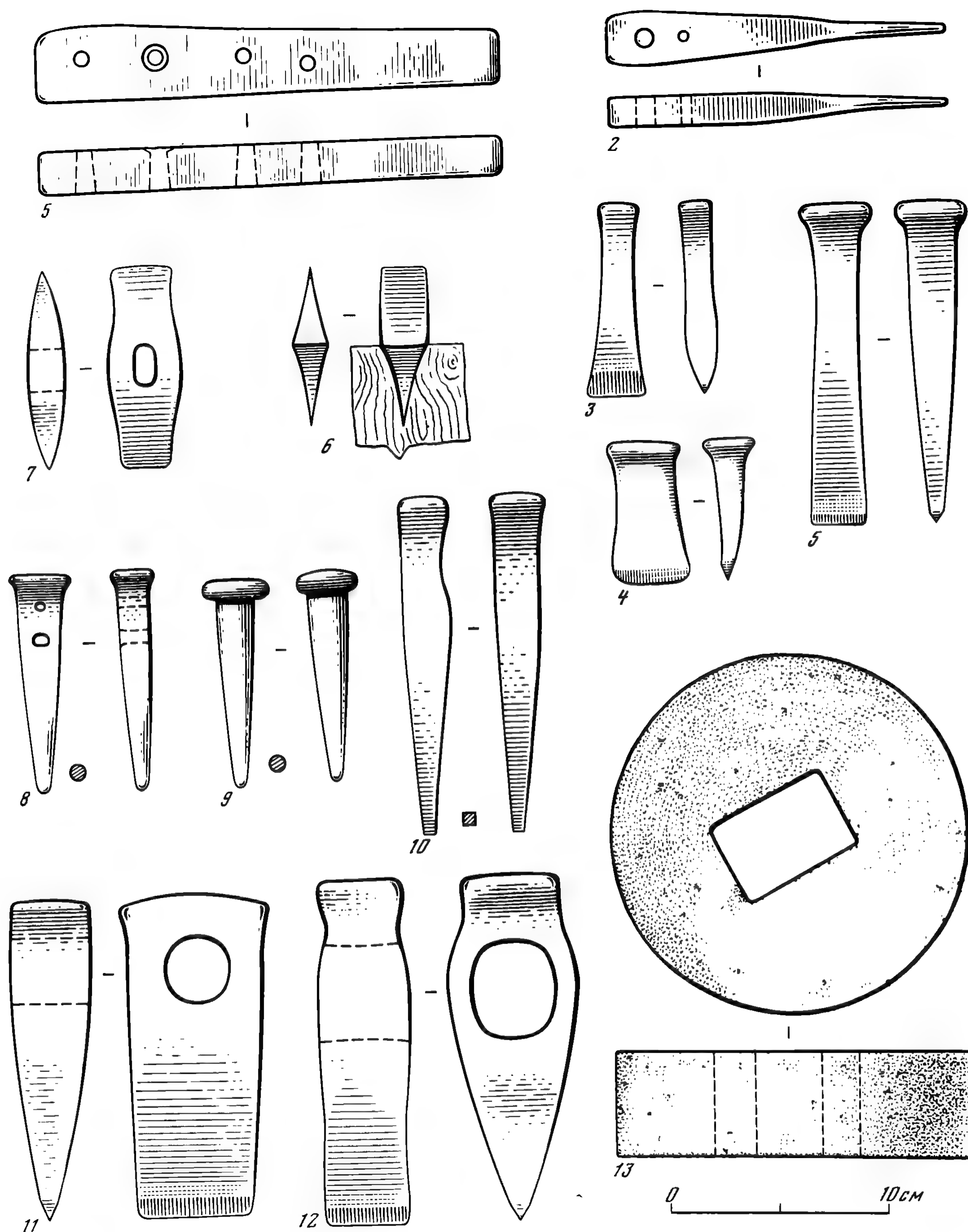


Таблица 94. Кузнечный инструмент: зубила, пробойники, гвоздильни, наждачный круг

1, 2 — гвоздильни: *1* — Новгород, XIV в.; *2* — Родень, XII в.; *3—5* — зубила; *3* — Новгород, XII в.; *4* — Родень, XII в.; *5* — Новгород, XI в.; *6* — кузнечная подсека, Райковецкое городище, XII в.; *7* — зубильный молоток, Родень, XII в.; *8—10* — пробойники, бородки; *8* — Новгород, XIV в.; *9* — Новгород. XIV в.; *10* — Новгород, XII в.; *11, 12* — зубила для горячей рубки; *11* — Подболотьевский могильник, X в.; *12* — городище у с. Бобрища, XII в.; *13* — наждачный круг, Новгород, XII в.

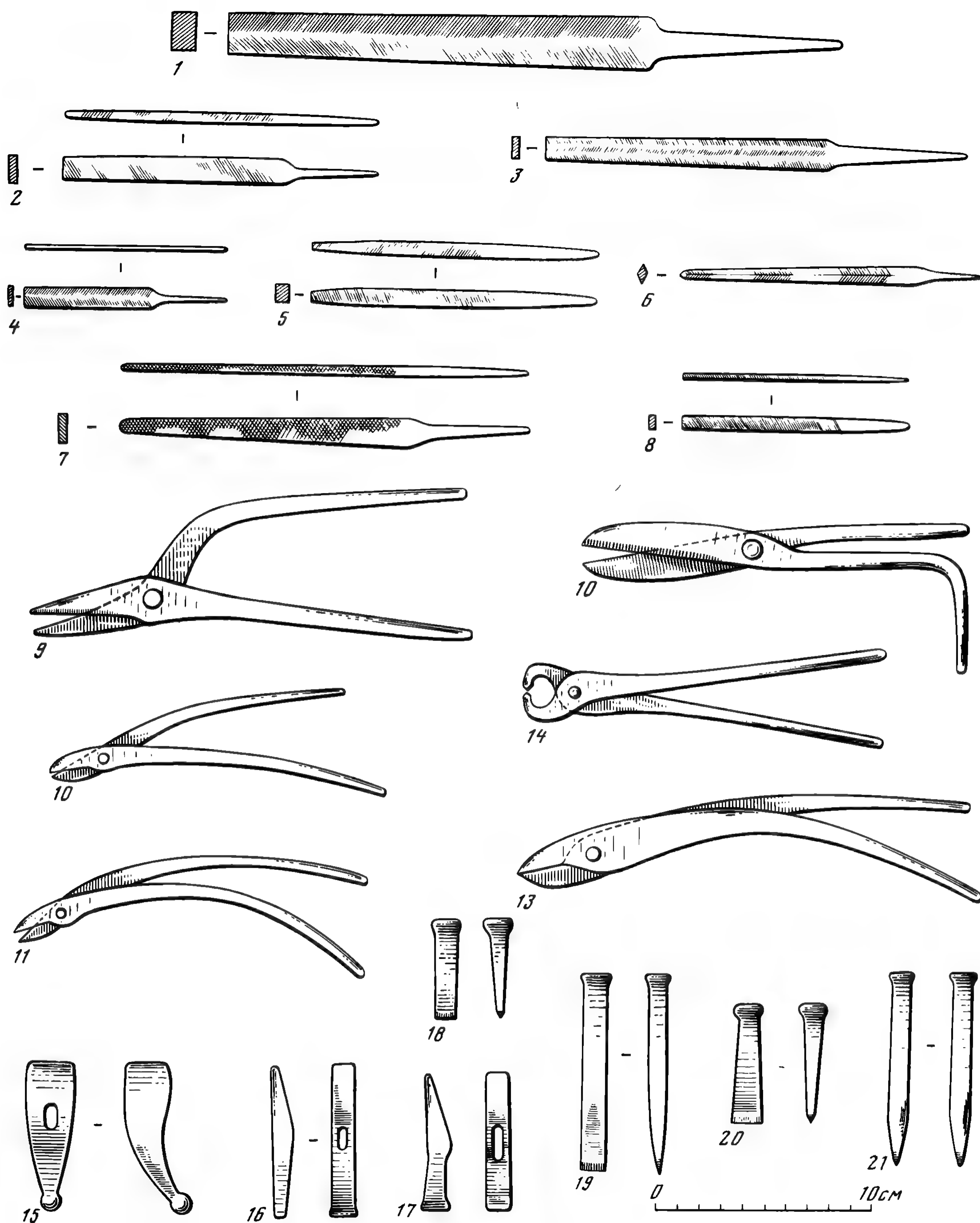


Таблица 95. Инструменты для механической обработки металлов

1—8 — напильники; *9—13* — ножницы; *14* — кусачки; *15—17* — ювелирные молоточки; *18—20* — зубила ювелирные; *21* — бородок; *1, 9, 11, 18, 21* — Новгород, XII в.; *5, 16, 17* — Новгород, XI в.; *6, 12, 15* — Родень, XII в.; *7* — Вышгород, XII в.; *8* — Девичь-Гора, XII в.; *10, 19* — Новгород, X в.; *13, 20* — Новгород, XI в.; *14* — Старая Рязань, XII в.

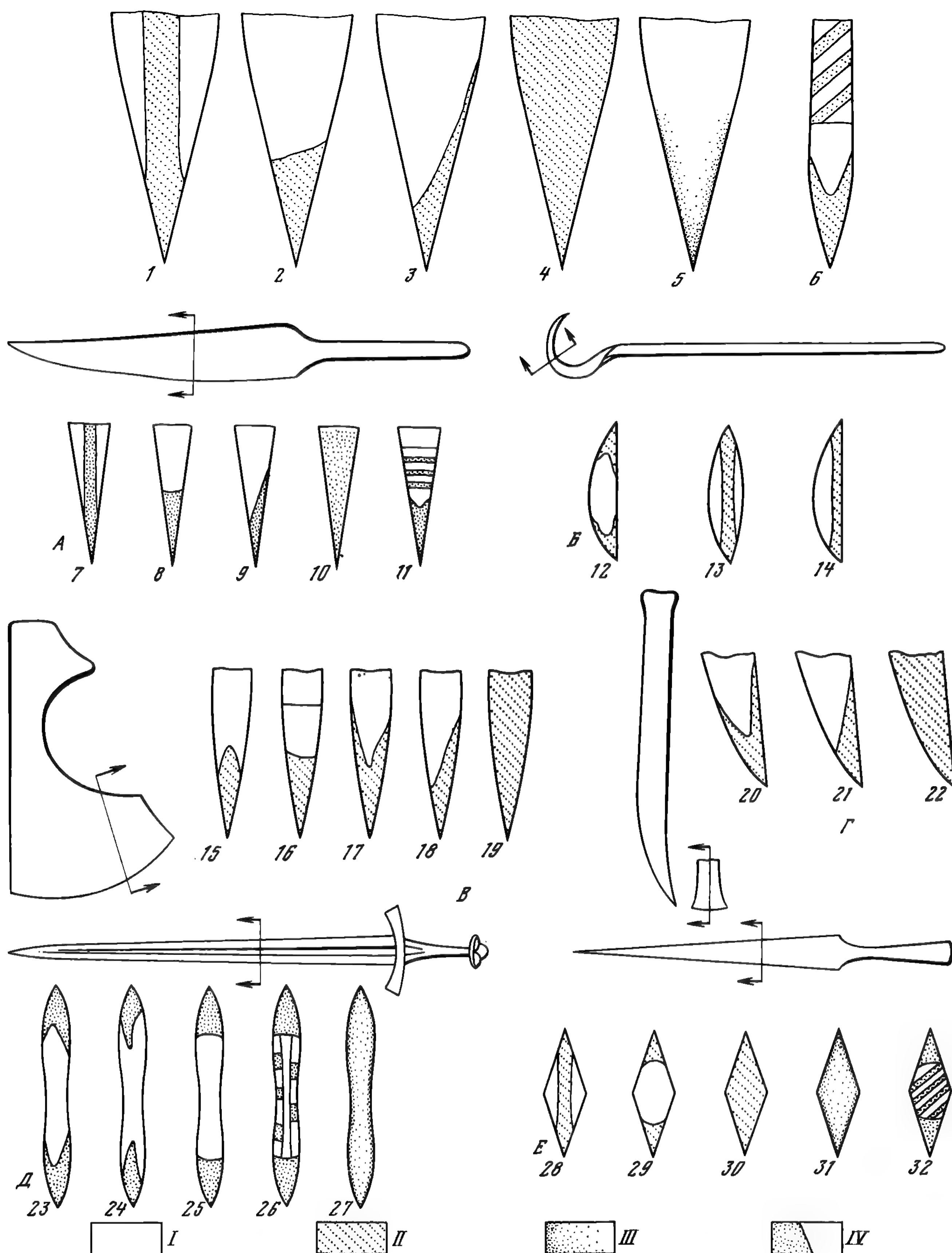


Таблица 96. Технологические схемы изготовления орудий труда и оружия

I — железо (феррит); *II* — сталь (перлит); *III* — цементация; *IV* — сварка железа и стали, сварочный шов

1 — технология многослойной сварки (пакет); *2* — торцовая наварка стали; *3* — косая наварка стали; *4* — технология цельностального изделия; *5* — цементация рабочего лезвия; *6* — сложносварочное изделие с применением дамаскированной стали; *7* — многослойная сварка; *8* — торцовая наварка; *10* — цельностальное; *11* — наварка стального лезвия на дамаскированный корпус; *12* — торцовая наварка; *13* — пакетная сварка; *14* — пластинчатая наварка лезвия; *15—18* — разные способы наварки стального лезвия; *19* — цементация лезвия; *20, 21* — наварка стального лезвия; *22* — цементация; *23—25* — разные способы наварки стального лезвия; *26* — наварка стального лезвия на дамаскированный клинок; *27* — цементация; *28* —многослойная сварка; *29* — наварка лезвия; *30* — цельностальные лезвия; *31* — цементация; *32* — наварка стального лезвия на дамаскированное перо наконечника

А — нож; *Б* — токарный резец; *В* — топор; *Г* — долото; *Д* — меч; *Е* — наконечник копья

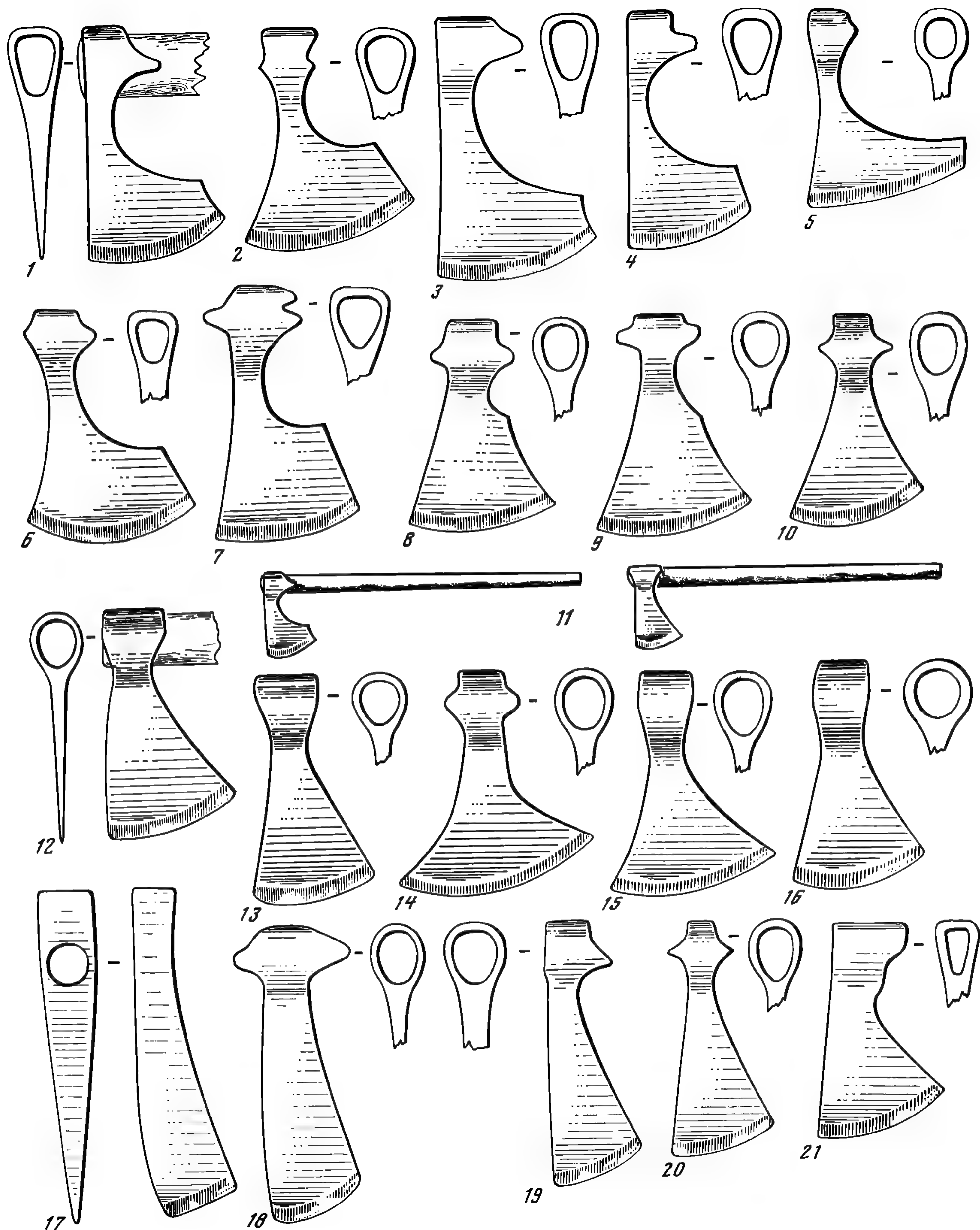


Таблица 97. Деревообрабатывающий инструмент. Рабочие топоры

1—7 — топоры с выемкой и опущенным лезвием; *1—4* — Новгород; *5* — Моховский могильник; *6* — Старая Рязань; *7* — Новгородские курганы; *8—10* — топоры переходного типа, Новгород, XII—XIII вв.; *11* — конструкция рукоятей древнерусских топоров; *12, 13* — топоры узколезвийные прямые клиновидные, Новгород; *14, 16* — топоры с широким симметричным лезвием, Новгородские курганы; *16* — Новгород, XIV в.; *17* — топор-клин для изготовления теса, Родень, XII в.; *18—20* — топоры узколезвийные; *18* — Подболотьевский могильник; *19, 20* — Новгород, XIII в.; *21* — утяжеленный топор с асимметричным лезвием, Новгород, XIV в.

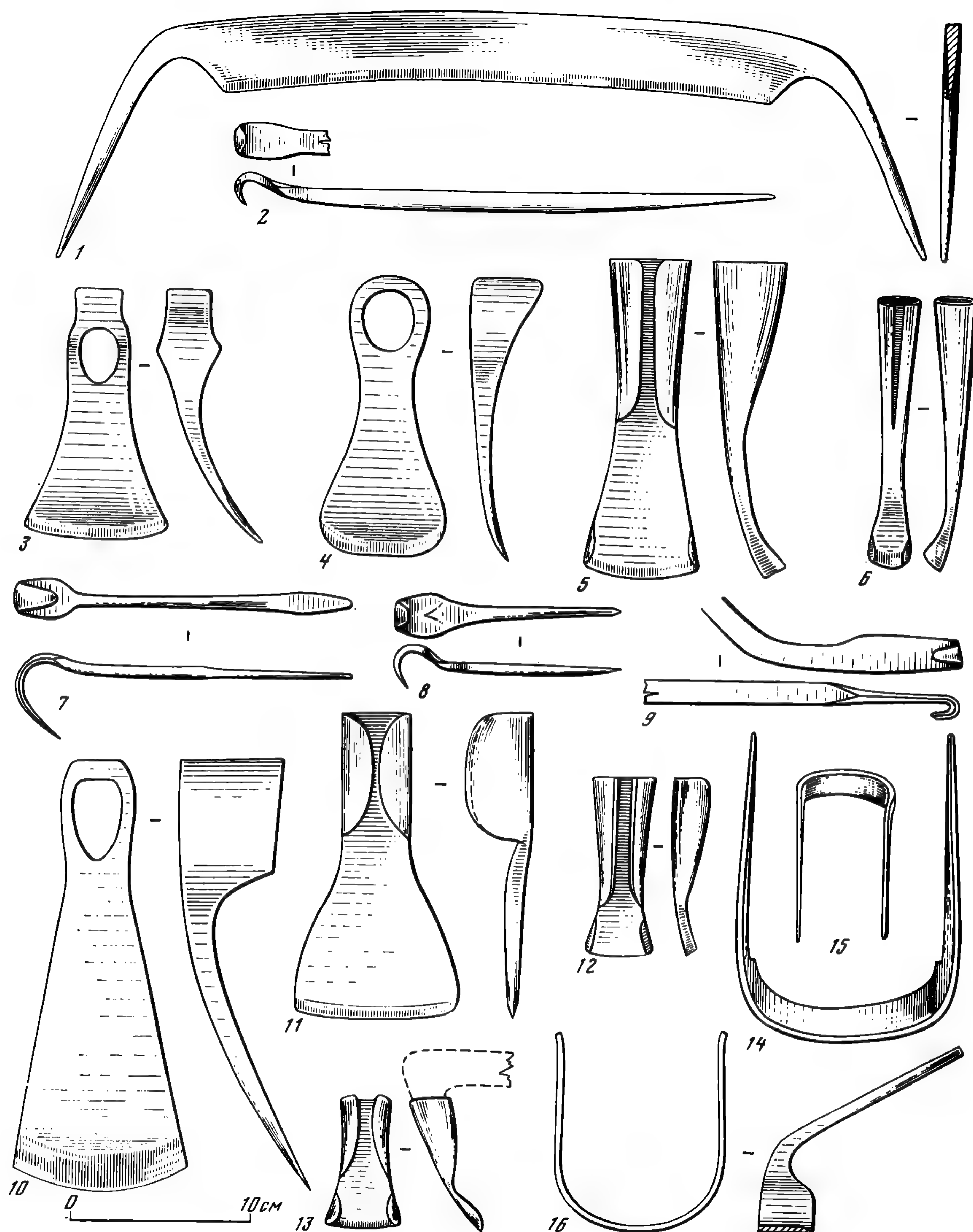


Таблица 98. Деревообрабатывающий инструмент. Струги, скобели, тесла, токарные резцы

1 — струг, Новгород, XI в.; *2, 7—9* — токарные резцы; *2* — Новгород, XI в.; *7, 8* — Новгород, XII в.; *9* — Старая Рязань, XII в.; *3—6, 10—13* — тесла; *3* — Родень, XII в.; *4* — Новгород, XII в.; *5* — Новгород, XI в.; *6* — Новгород, XIII в.; *10* — Родень, XII в.; *11* — Новгород, XI в.; *12, 13* — Новгород, XII в.; *14—16* — скобели: *14* — Новгород, XI в.; *15* — Новгород, X в.; *16* — Родень, XII в.

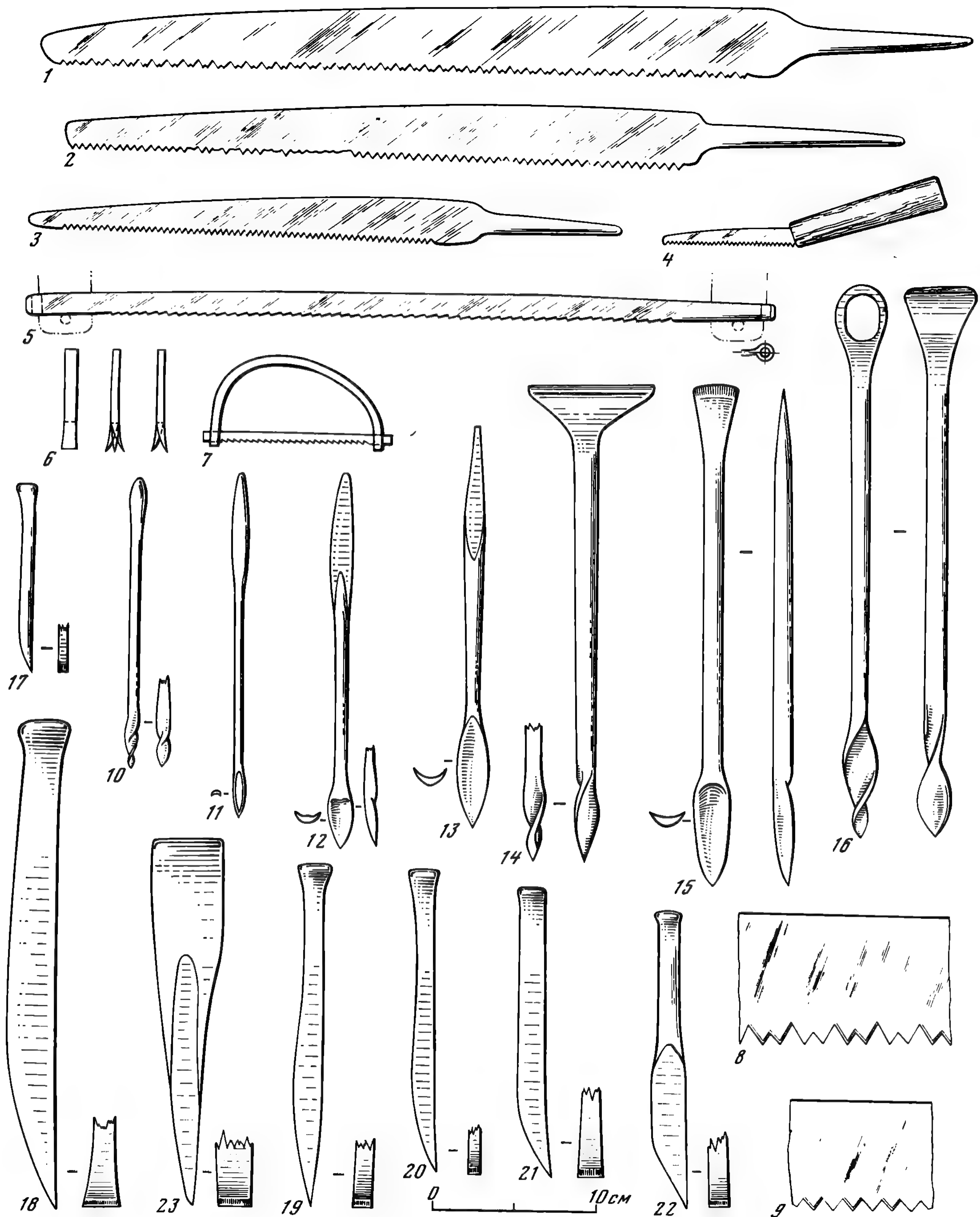


Таблица 99. Деревообрабатывающий инструмент: пилы (*1—9*), сверла (*10—16*), долота (*17—23*)

1, 3 — Новгород, XII в.; *2* — Новгород, XI в.; *4* — Новгород, XIII в.; *5* — Родень, XII в.; *6* — профили полотен пил со сплошным разводным зубом; *7* — реконструкция лучковой пилы; *8* — двухвершинный зуб; *9* — обычный треугольный зуб; *10* — спиральное сверло, Новгород, XI в.; *11* — перовидное сверло, Новгород, XII в.; *12* — перовидное сверло, Новгород, XI в.; *13* — перовидное сверло, Новгород, XIII в.; *14* — спиральное сверло, Родень, XII в.; *15, 16* — перовидные сверла, Родень, XII в.; *17* — долото, Новгород, XI в.; *18*; *19—21*; *22* — Новгород, XI в.; XII в.; XIII в.; *23* — Подболотье, X в.

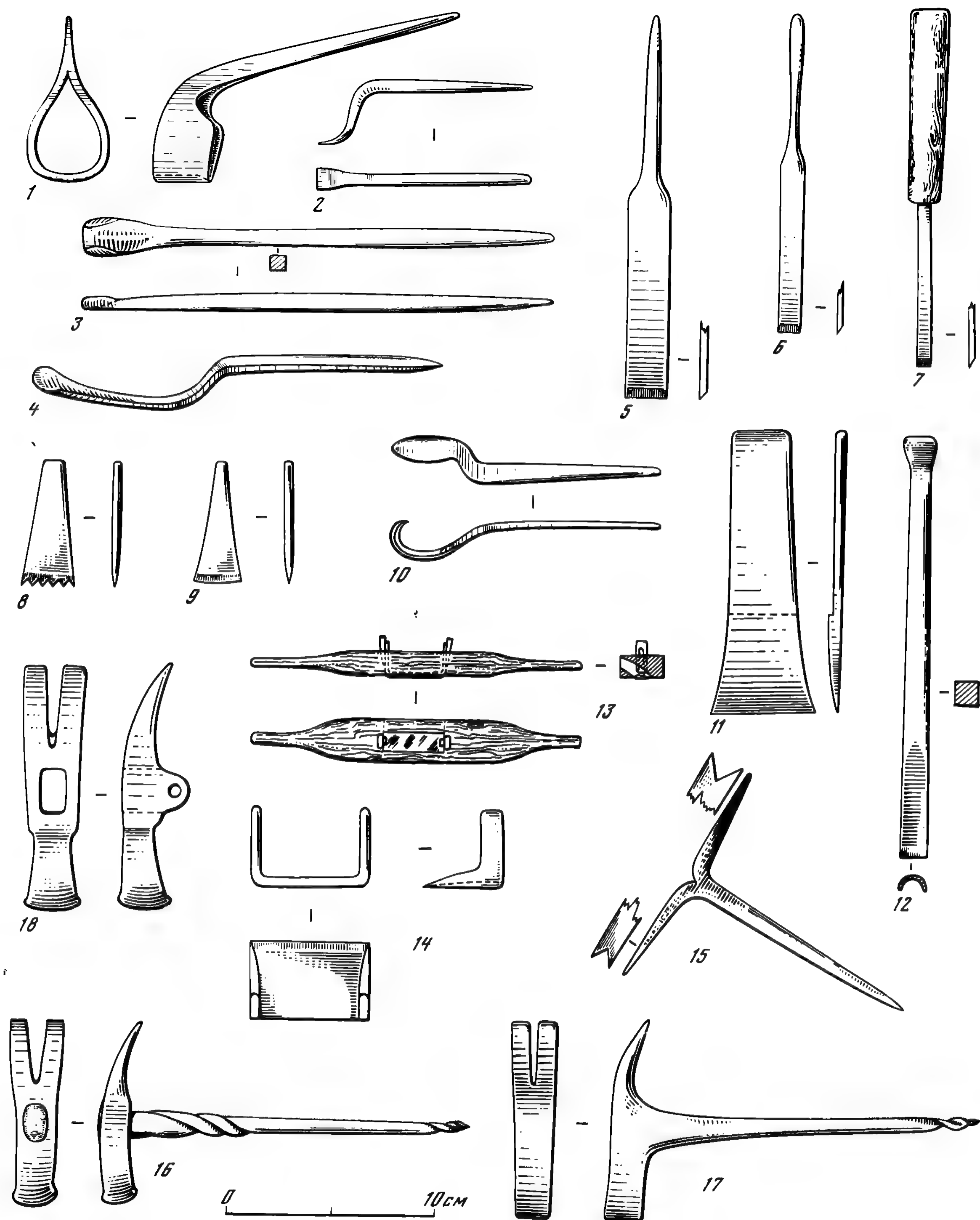


Таблица 100. Деревообрабатывающий инструмент: резцы, стамески, гвоздодеры

1 — бондарная скобелка, Новгород, XIV в.; *2—4* — резцы по дереву, клюкорезы, Новгород, XI—XIII вв.; *5—7* — стамески, Новгород, XI—XII вв.; *8, 9* — уторники, Новгород, XII—XIII вв.; *10* — резец-ложкарь, Родень, XII в.; *11* — железка от рубанка, Новгород, XII в.; *12* — фигурное долото, Новгород, XII в.; *13* — наструг, общий вид, реконструкция; *14* — железка от наструга, Новгород, XI в.; *15* — чертилка, Новгород, XI в.; *16, 17* — молотки-гвоздодеры, Новгород, XIII в.; *18* — головка гвоздодера с деревянной рукояткой, Новгород, XIII в.

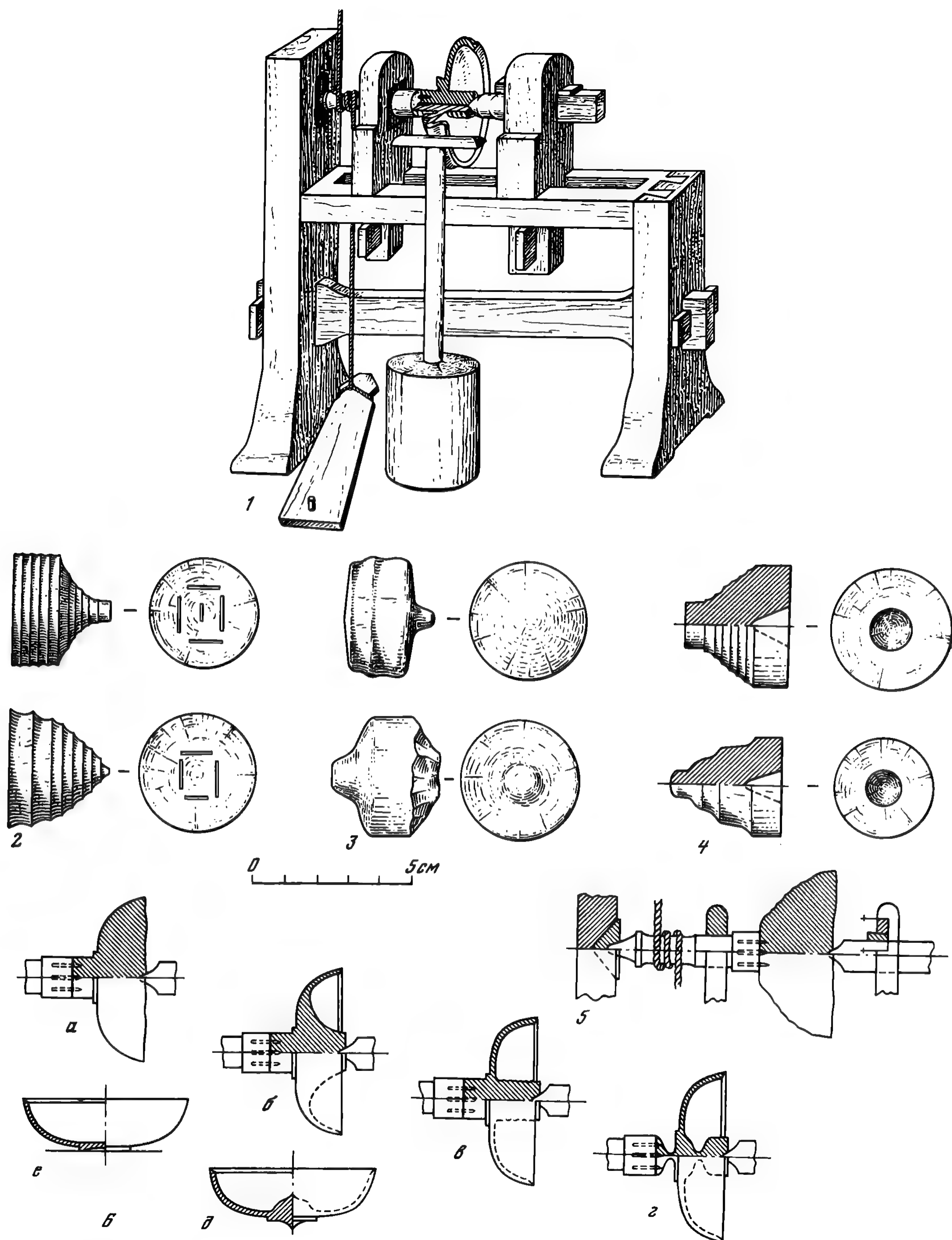


Таблица 101. Токарный станок

1 — токарный станок XI—XIII вв., реконструкция; *2* — бобышки от шпиндельной части токарного изделия, Новгород, XI в.; *3* — бобышки внутренние, Новгород, X в.; *4* — бобышки от заднего центра, Новгород, XI в.; *5* — схема изготовления сосуда (*а—е* — последовательность операций)

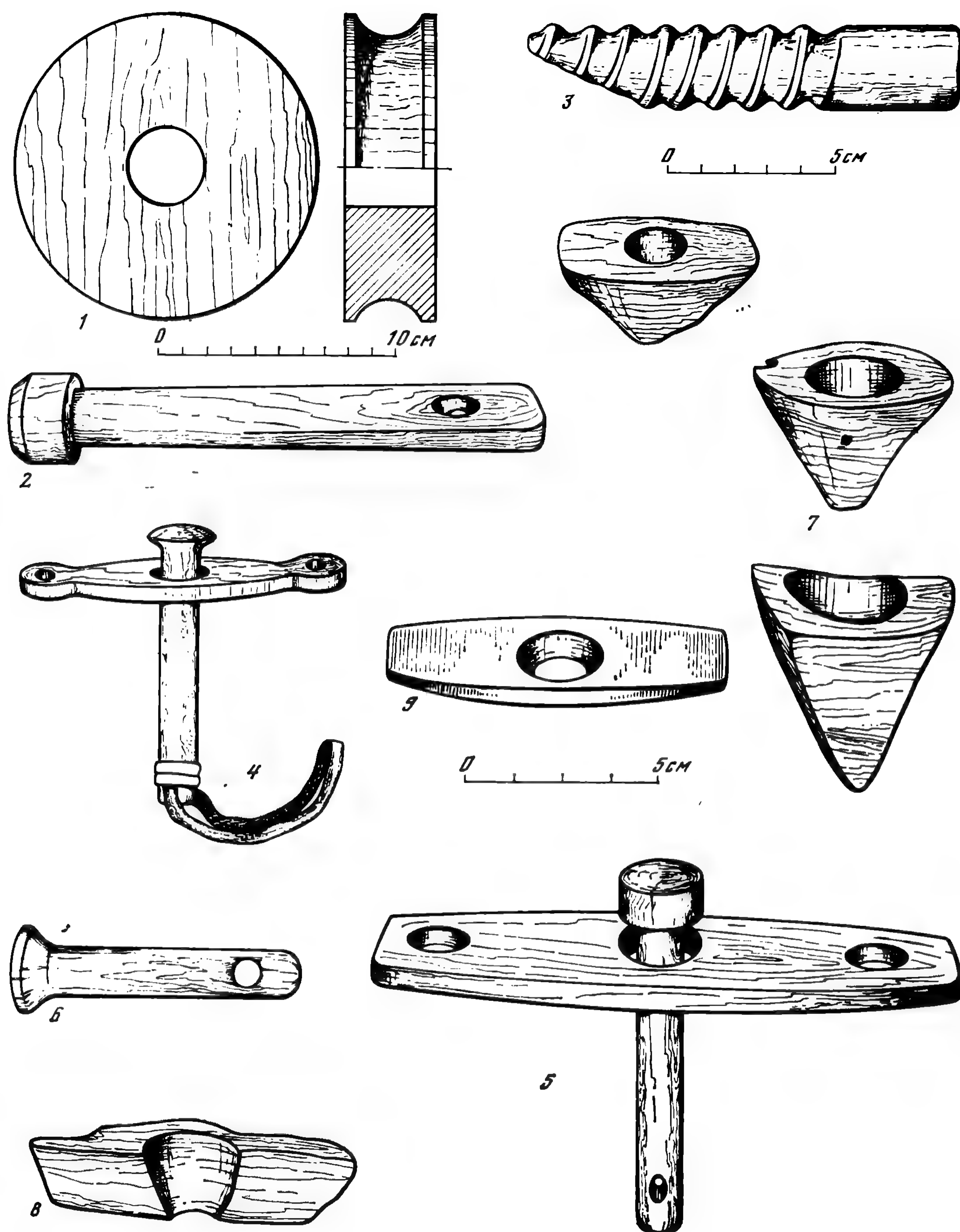


Таблица 102. Детали машин. Новгород

1 — деревянное блочное колесо; *2* — ось блока; *3* — деревянный винт; *4, 5* — вертлюги; *6* — ось вертлюга; *7* — опорные подшипники, дерево; *8* — опорный подшипник ручного жернова — деревянная порхлица; *9* — железная порхлица

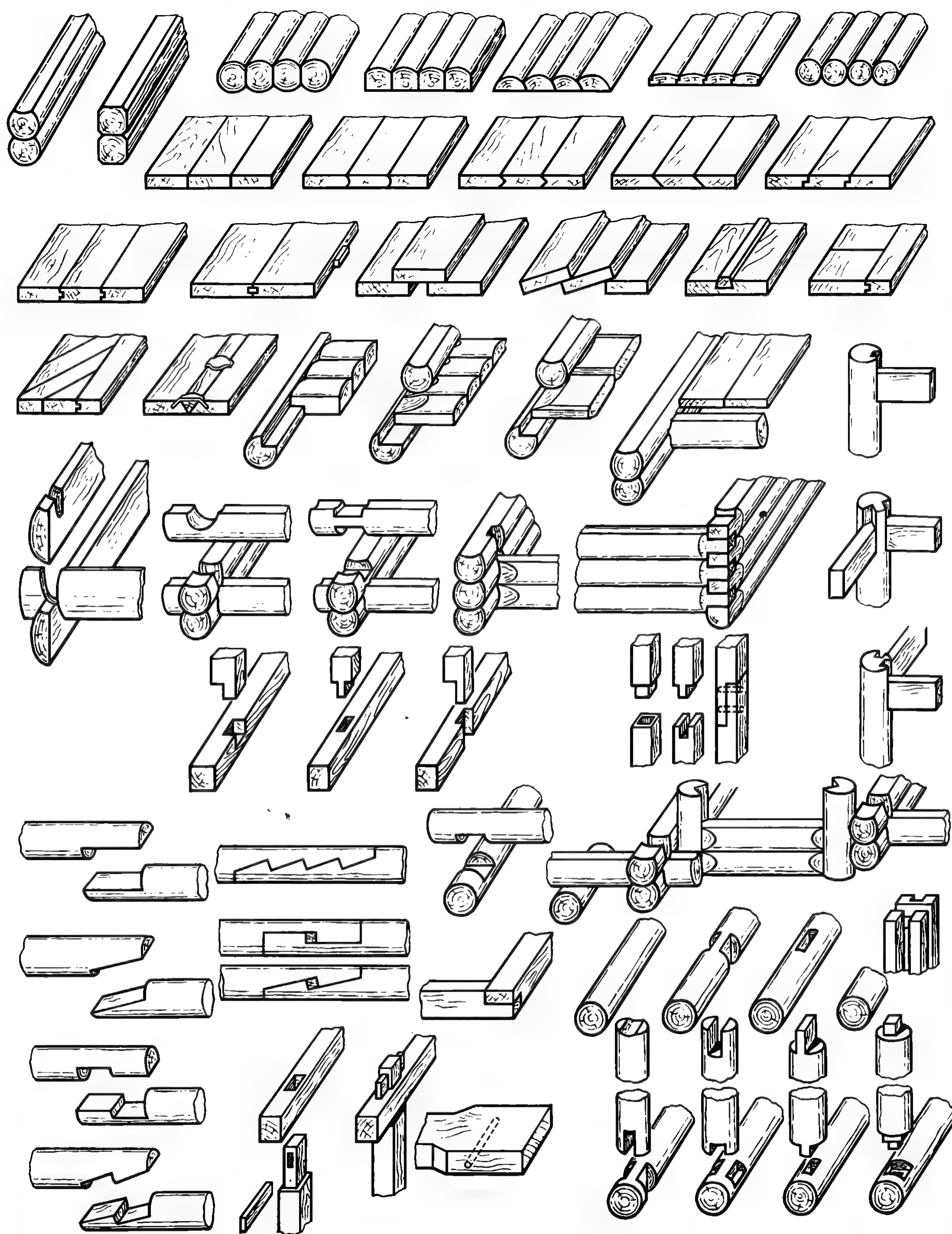


Таблица 103. Узлы и элементы соединений деревянных конструкций

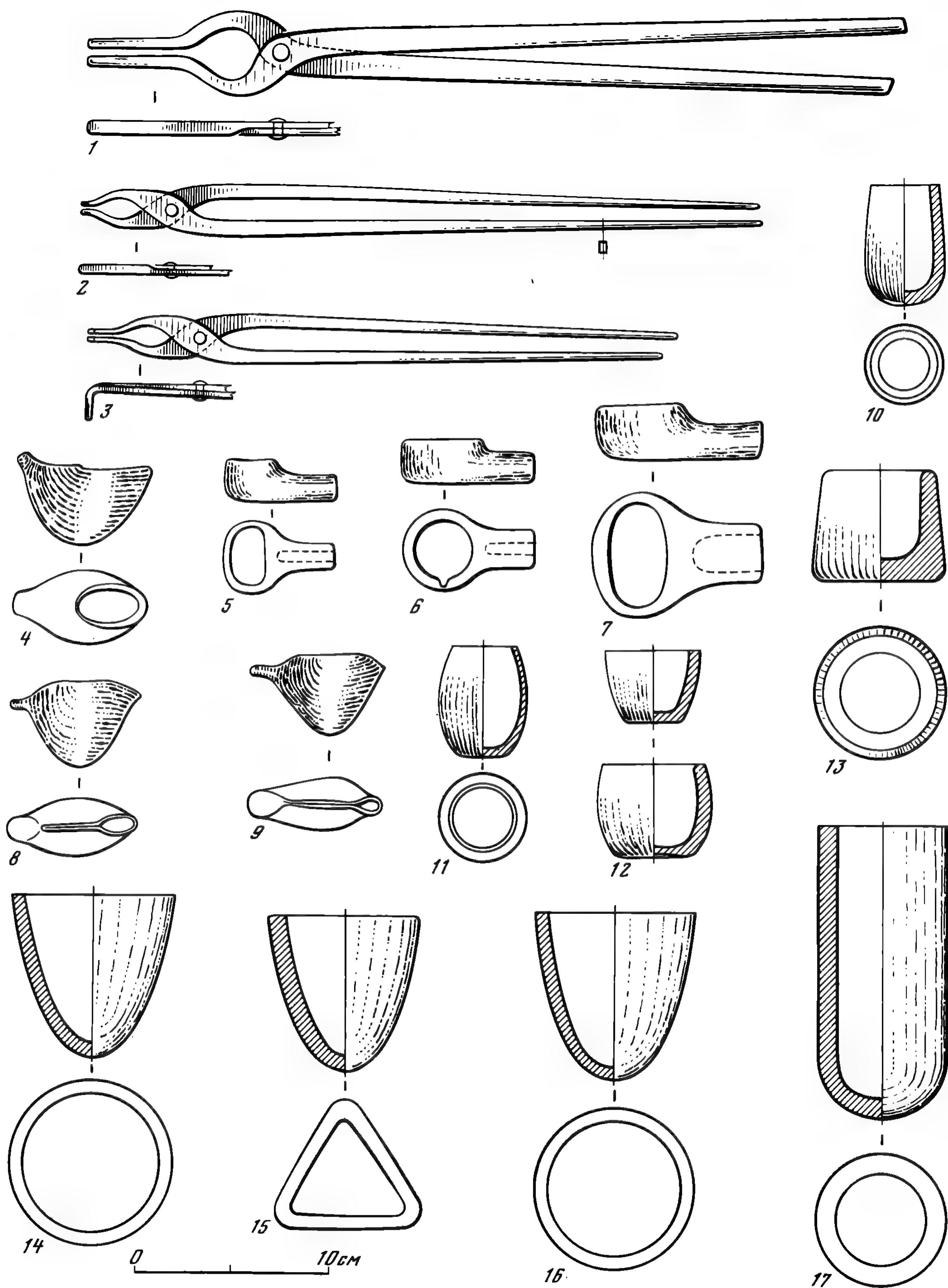


Таблица 104. Инструменты ювелира-литейщика

1—3 — тигельные клещи, Новгород; *4—7* — льячки, Новгород X—XIII вв.; *8, 9* — тигли-льячки, Новгород; *10—17* — тигли

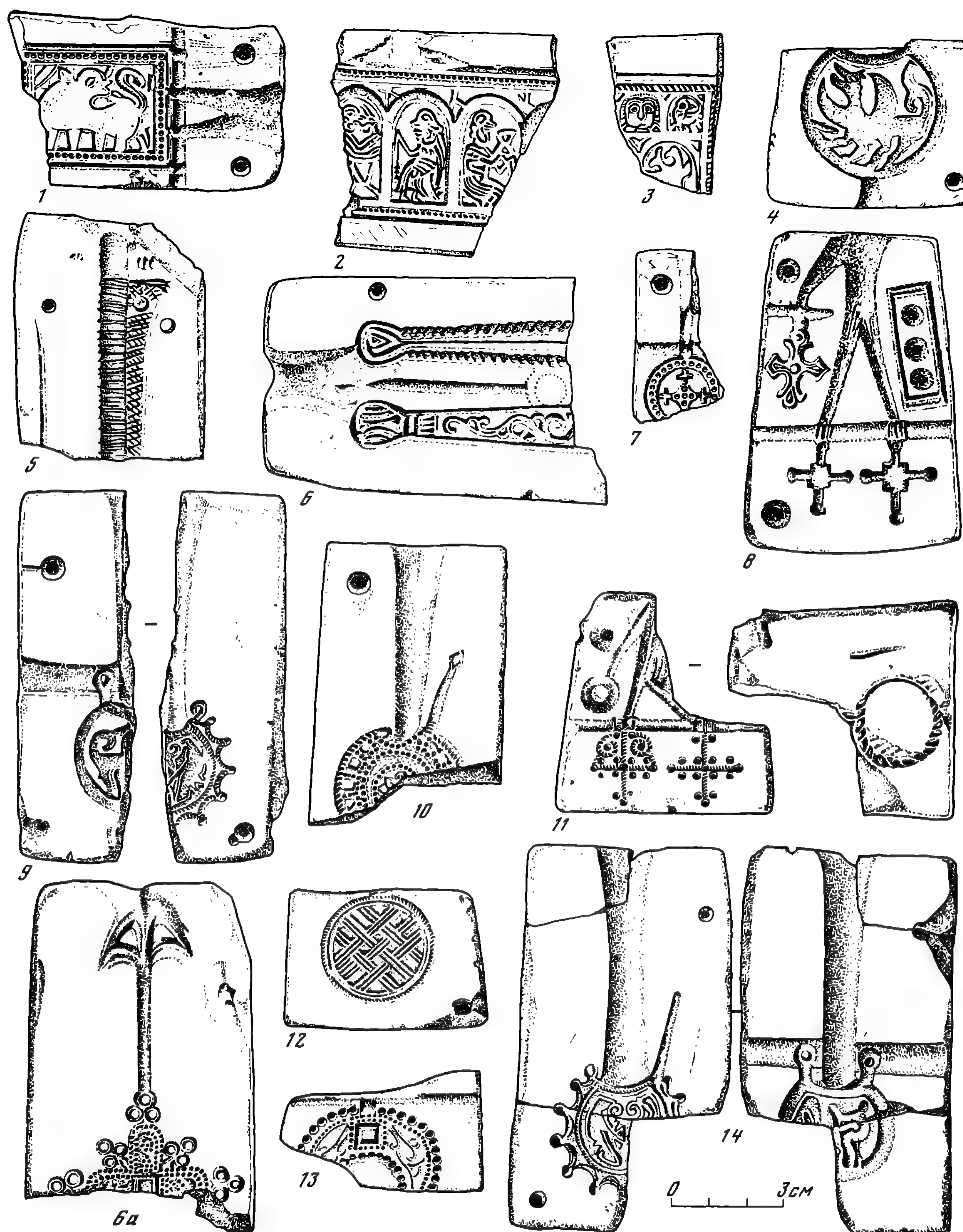


Таблица 105. Литейные формы

1 — литейная форма для створчатого пластинчатого браслета с изображением грифона. Створка орнаментирована ложной зернью; *2* — обломок литейной формы для изготовления створчатого браслета с изображением сцены языческих русалий; *3* — обломок литейной формы для пластинчатого браслета с изображением человеческой личины и птички; *4* — литейная форма для колта с изображением грифона; *5* — обломок литейной формы для игольника; *6* — половина двусторонней литейной формы двух пластинчатых тупоконечных браслетов; *6а* — оборотная сторона той же формы; *7* — обломок формочки для монетовидной привеси, орнаментированной изображением креста; *8* — трапециевидная литейная форма для изготовления трех крестиков и бляшки. На боковой грани надпись в одну строку «МАСК»; *9* — половина двусторонней литейной формы для колтов с изображением двух птиц на одной стороне и животного на другой, литье «навыплеск»; *10* — форма для отливки колта с дужкой и петелькой, орнаментированного ложной зернью. К колту идет большой литник, литье «навыплеск»; *11* — обломок двусторонней формы. На одной стороне рубчатый перстень, на другой — две крестовидные подвески из ложновитых проволочек с ложной зернью; *12* — целая литейная форма для круглой решетчатой подвески; *13* — обломок формы для отливки лунницы, орнаментированной по краю ложной зернью; *14* — двусторонняя форма для колтов с изображением двух птиц в симметричной позе на одной стороне и Симаргла — на другой, литье «навыплеск»

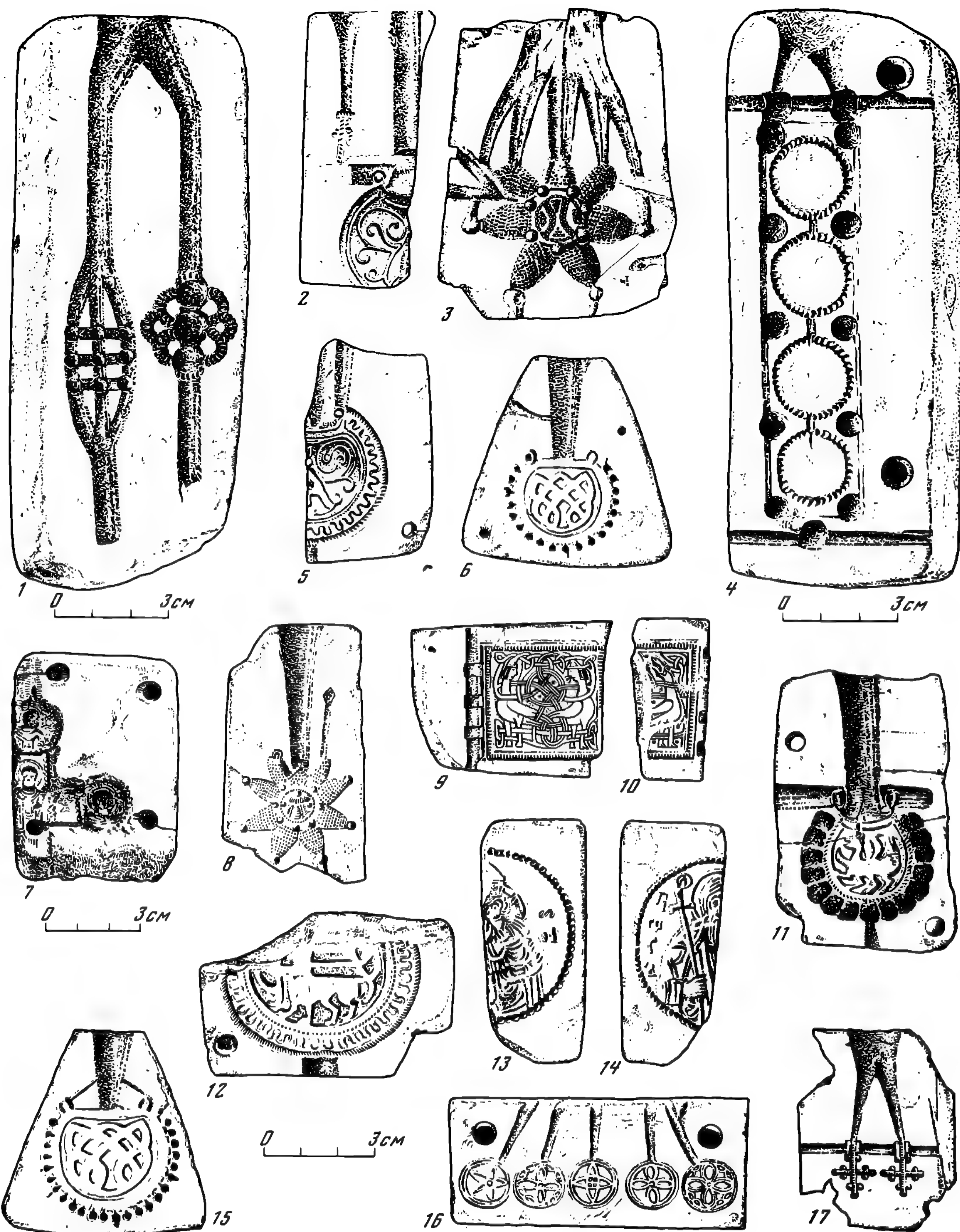


Таблица 106. Литейные формы

1 — двусторонняя литейная форма; *2* — обломок литейной формы для изготовления колта с ушками, орнаментированного спиральными завитками. К верхней части колта идет большой литник; *3* — форма для отливки большого звездчатого семилучевого колта, орнаментированного ложной зернью. К пяти верхним лучам от общего ствола литника отходят тонкие каналы; *4* — двусторонняя литейная форма; *5* — обломок формы для отливки колта с орнаментом из спиральных завитков и каймой из волнообразной ложной скани; *6* — трапециевидная форма для отливки колта с двумя ушками. Поверхность орнаментирована плетенкой, по краю — ложной зернью. К середине колта сверху ведет большой литник; *7* — обломок формы для отливки креста-энколпиона. В верхней и средней части отверстия для штифтов; *8* — форма для отливки звездчатого ложнозерненого колта; *9* — форма для створчатого браслета с изображением двух сиринов в сложной плетенке; *10* — обломок формы для створки пластинчатого браслета с изображением чудовища в плетенке; *11* — каменная имитационная литейная форма для изготовления колта с изображением барса и грифона; *12* — обломок формы для отливки колта с изображением зверя; *13* — обломок формы для изготовления иконки; *14* — обломок формы для отливки иконки с изображением святого; *15* — литейная форма для изготовления колта с ушками; *16* — форма для отливки пяти шарообразных пуговиц; *17* — форма для отливки двух крестиков с ушками, к каждому крестику идет литник

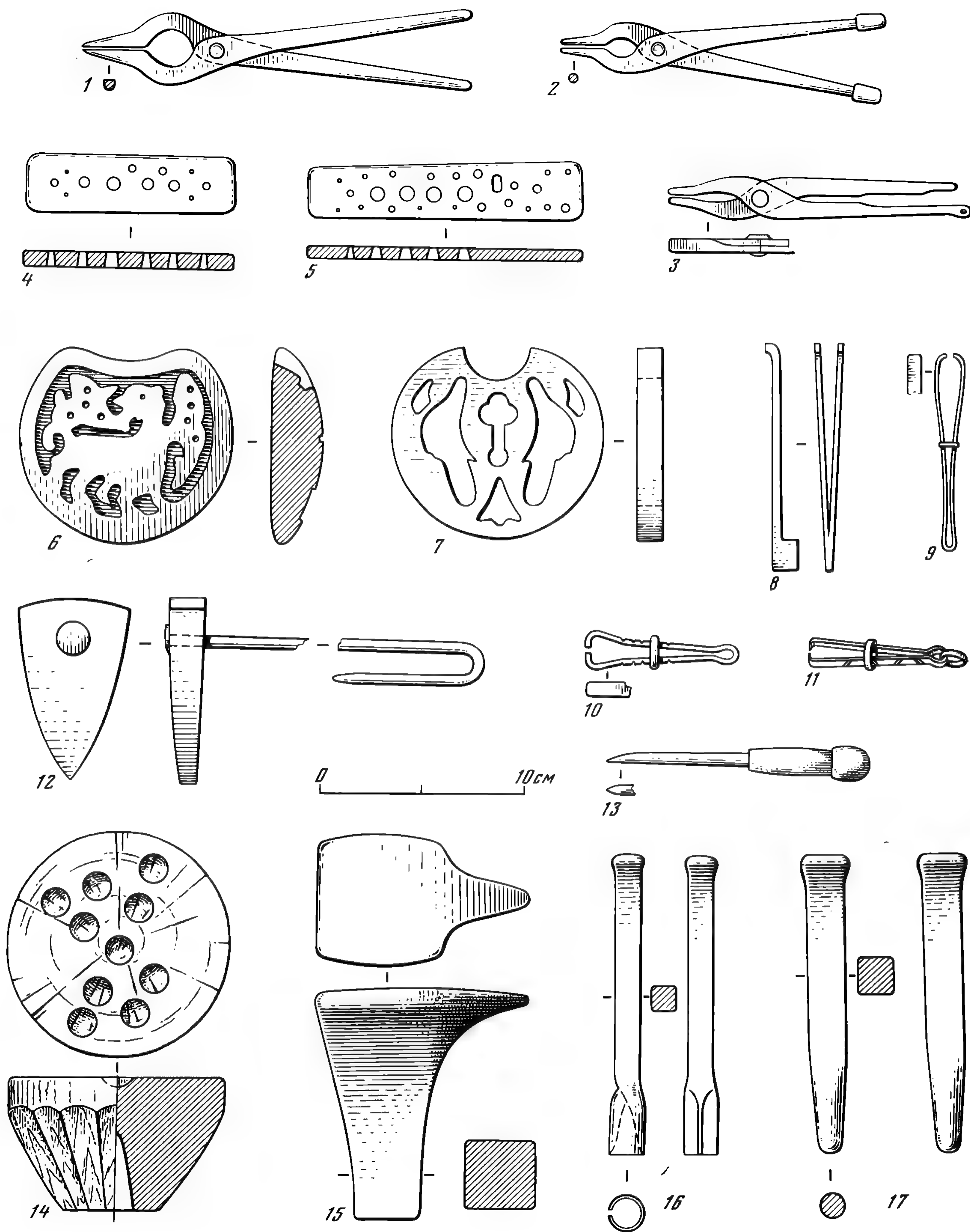


Таблица 107. Инструменты для механической обработки цветных металлов

1—3 — клещи-плоскогубцы и круглогубцы, Новгород, XII в.; *4—5* — волочильные доски, Новгород, XII в.; *6, 7* — матрицы для изготовления колтов, Киев, XII в.; *8—11* — пинцеты, Новгород, XI—XIII вв.; *12* — паяльник, Родень, XII в.; *13* — резец по металлу, Родень, XII в.; *14* — деревянная наковальня под «смолу», Новгород, X в.; *15* — наковальня, Новгород, XII в.; *16* — пунсон-секач, Новгород, XII в.; *17* — чекан, Новгород, XII в.

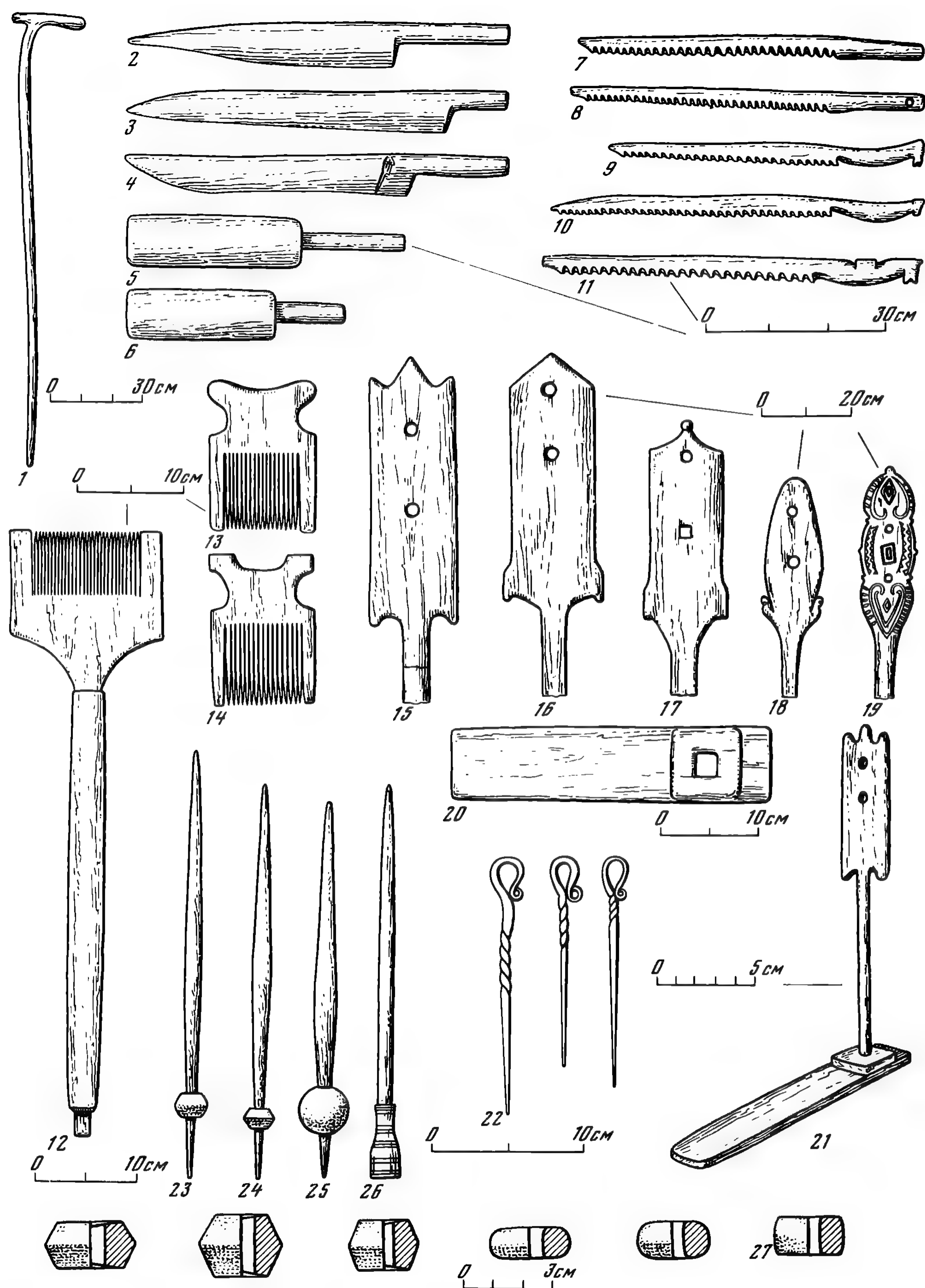


Таблица 108. Инструменты прядильного производства: трепала, чесала, веретена, пряжки. Новгород, XI — XV вв.

1 — лапа; *2—4* — трепала; *5*, *6* — вальки; *7—11* — чесала; *12—14* — гребни для чесания шерсти; *15—19* — лопасти прялок; *20* — донце прялки; *21* — прялка; *22* — железные шпильки для крепления кудели; *23—26* — веретена; *27* — шиферные пряслица

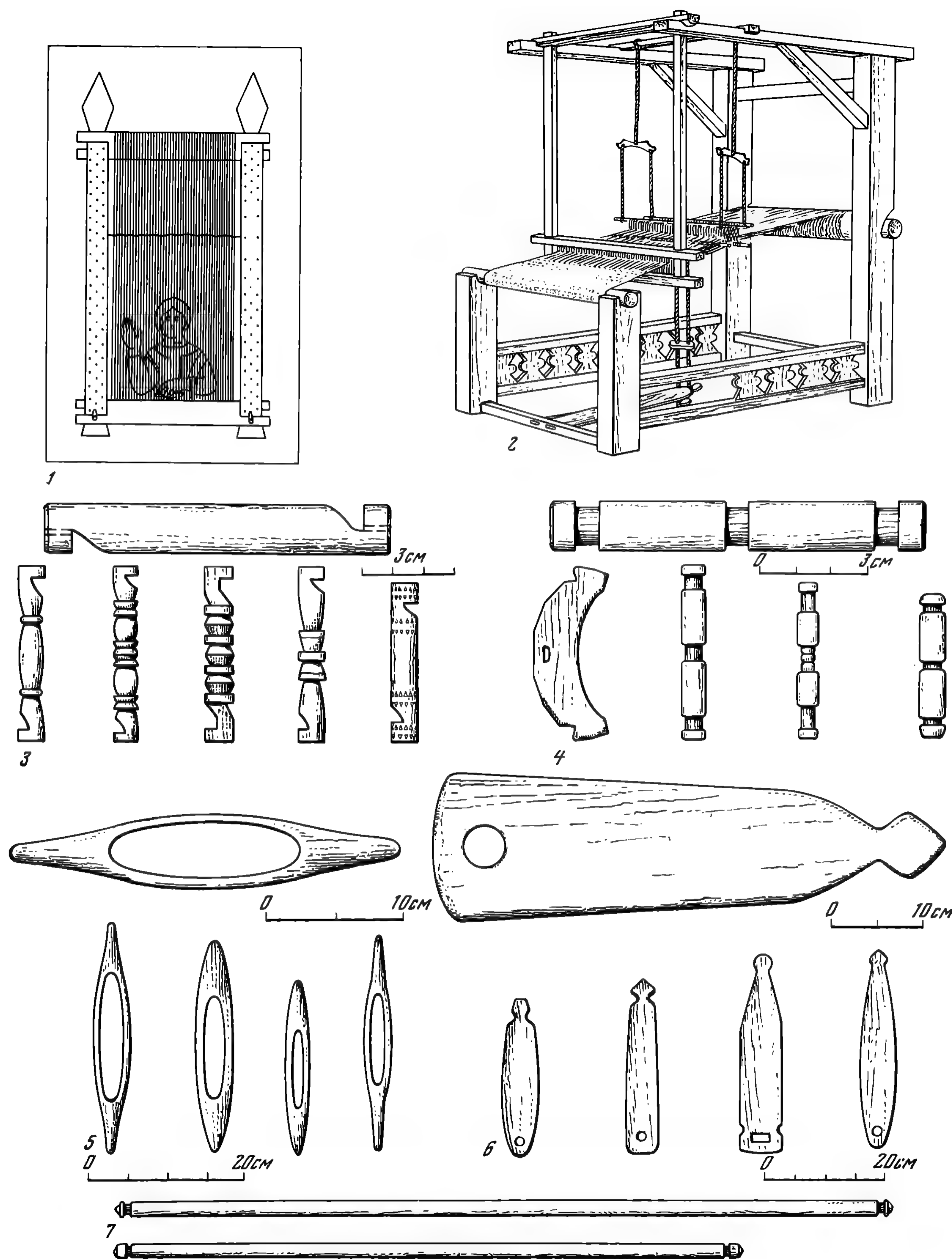


Таблица 109. Ткацкий станок

1 — вертикальный ткацкий станок. Миниатюры манускрипта из Монте-Кассино, 1023 г.; *2* — горизонтальный ткацкий станок, реконструкция; *3* — юрки, Новгород, XIII—XIV вв.; *4* — собачки, Новгород, XIII—XIV вв.; *5* — челноки, Новгород, XIII—XIV вв.; *6* — подножки, Новгород, XIII—XIV вв.; *7* — ниченки, Новгород, XIII в.

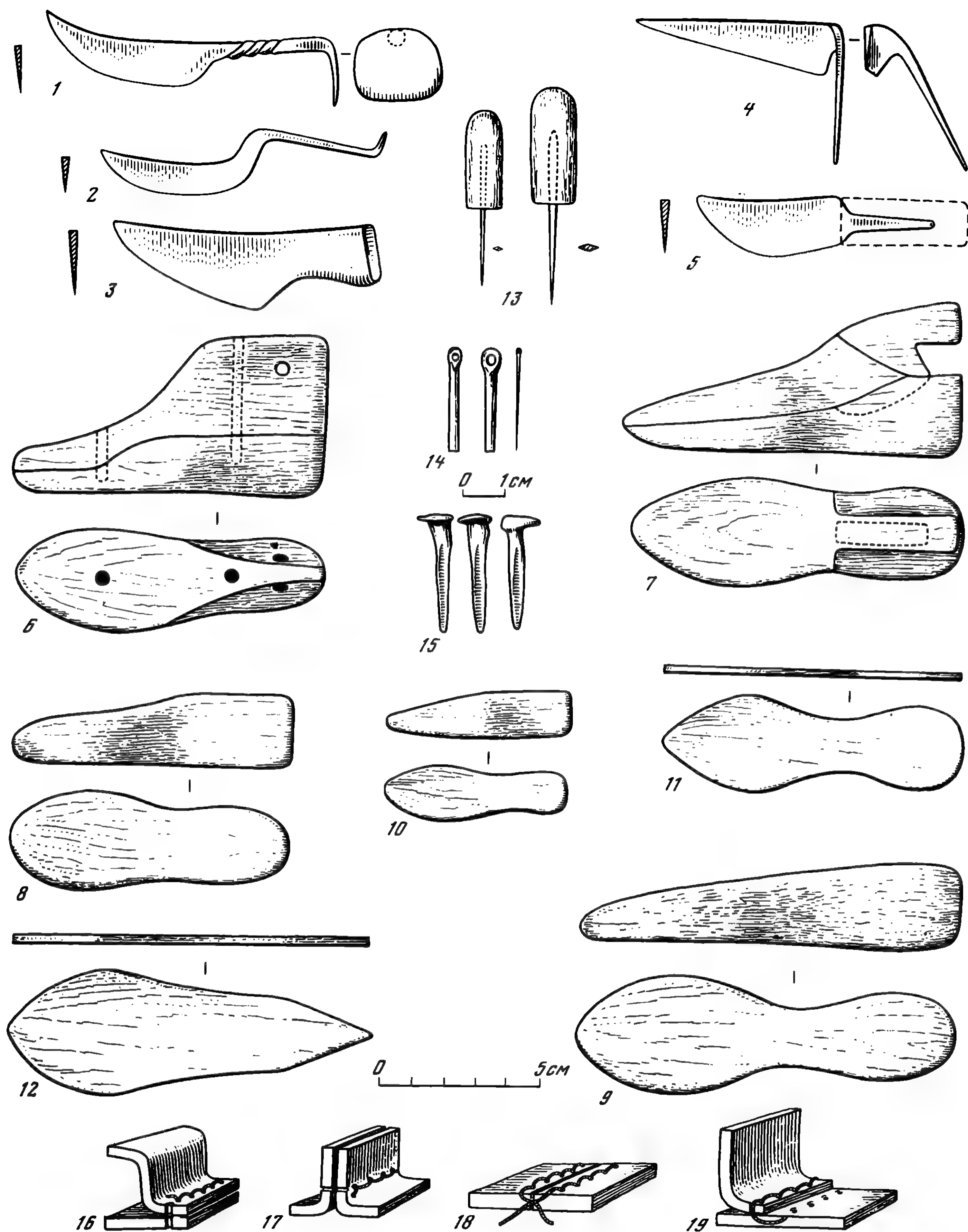


Таблица 110. Инструменты сапожно-кожевенного производства

1—3 — ножи для раскроя кожи; *4* — кожевенный струг; *5* — сапожный нож; *6, 7* — сапожные колодки. Новгород, XI—XII вв.; *8—10* — сапожные правила; *11, 12* — шаблоны, Новгород, XII в.; *13* — сапожные шилья; *14* — сапожные и шорные иглы; *15* — сапожные гвозди. Виды швов: *16* — наружный шов; *17* — выворотный шов; *18* — потайной тачный шов; *19* — потайной шов с припуском на край

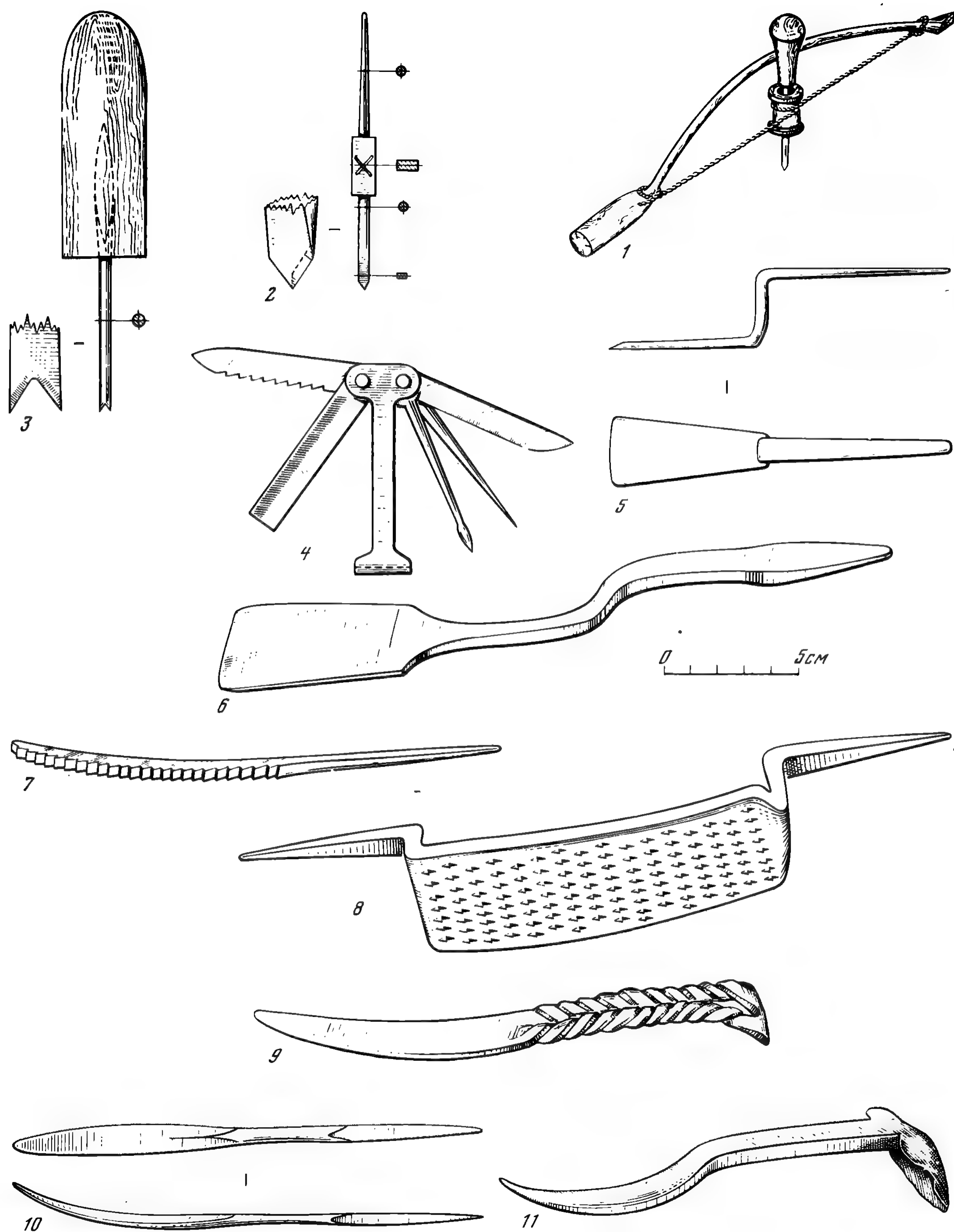


Таблица 111. Инструменты по обработке кости и плетения из лыка

1 — лучковое сверло, реконструкция; *2* — рабочая часть лучкового сверла, Новгород, XII в.; *3* — циркульный резец, Новгород, XII в.; *5, 6* — резцы для снятия мездры па кости, Новгород, XI в.; *7* — напильник по кости, Новгород, XIV в.; *8* — рашпиль, Новгород, XII в.; *9—11* — кочедыки, Новгород, X—XII вв.

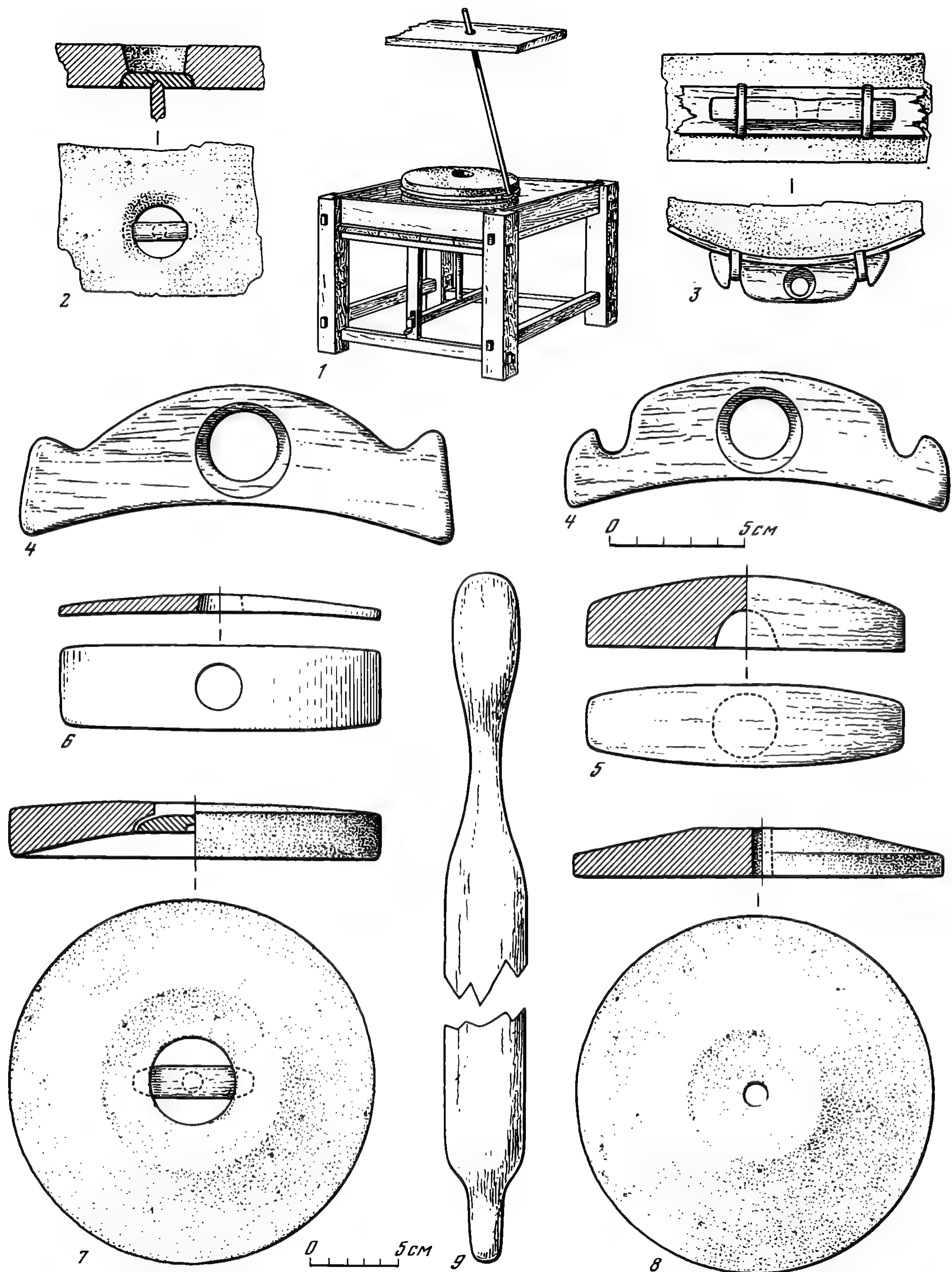


Таблица 112. Ручная мельница

1 — общий вид, реконструкция; *2* — узел крепления порхлицы; *3* — узел крепления бокового подшипника; *4* — боковые подшипники, Новгород, XI в.; *5* — деревянная порхлица, Новгород, XII в.; *6* — железная порхлица, Новгород, XI в.; *7* — нижний камень-постав; *8* — верхний камень-бегунок; *9* — маховой стержень

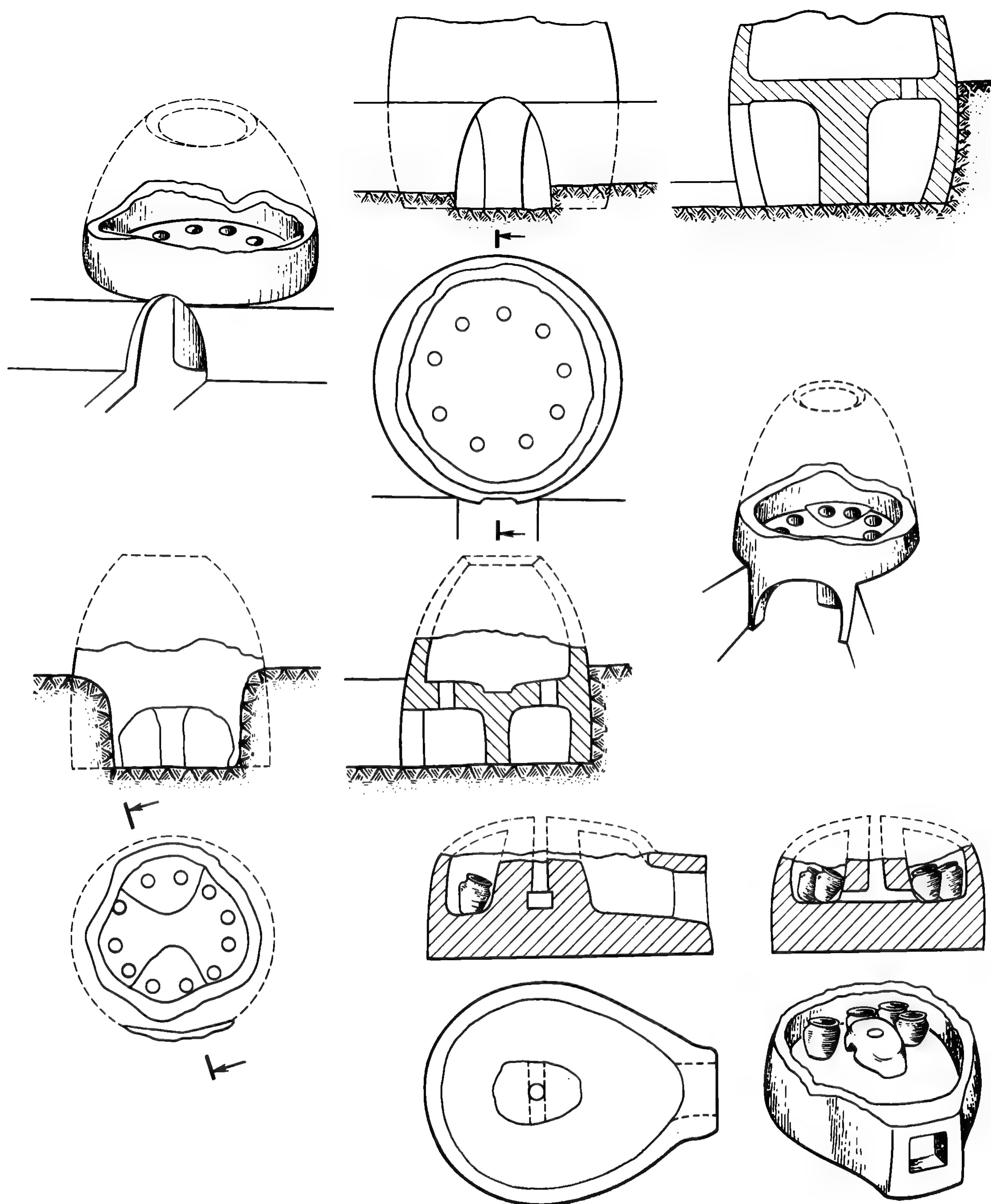


Таблица 113. Древнерусские гончарные горны XI — XIII вв.

Глава седьмая
Вооружение

Наука о русских военных древностях имеет точную дату своего рождения. В 1808 г. недалеко от г. Юрьева-Польского крестьянка Ларионова, находясь в «кустах для щипания орехов, усмотрела близ орехового куста в кочке что-то светящееся» (Шлем., 1899, с. 389). Это оказались шлем и кольчуга, не без оснований приписанные президентом Академии художеств А. Н. Олениным князю Ярославу Всеволодовичу, бросившему свои доспехи во время бегства с поля Липицкой битвы 1216 г. Липицкие находки сигнализировали ученым того времени о существовании особой категории предметов материальной культуры — древнерусского вооружения. Подавляющее большинство этого относящегося к раннему и зрелому средневековью вооружения, однако, лишено «именного» владельческого адреса и стало известно в результате археологических работ. Его изучение неотделимо от накопления и совершенствования археологических знаний. Важно отметить, что в России рано появились фундаментальные труды по истории оружия и военного костюма, что способствовало интенсивному развитию отечественного исторического оружиеведения.

Новые пути изучения военного дела, в том числе и оружия Древней Руси, продолжили в первую очередь советские археологи (Рыбаков Б. А., 1948а, б; 1969; Арциховский А. В., 1944; 1946; 1948; Рабинович М. Г., 1947; 1960; Колчин Б. А., 1953; Медведев А. Ф., 1959а, б; 1966; Корзухина Г. Ф., 1950; Довженок В. И., 1950). Они обратили внимание на внутренние причины развития военного дела Руси и рассеяли ряд предубеждений, вызванных отрицанием или незнанием отечественного ремесла, много сделали для преодоления всякого рода теорий, сводивших развитие вооружения и тактики боя к одним лишь внешним воздействиям, выяснили социальные различия в снаряжении смерда и дружинника. Итог этой работы выражен в следующих справедливых словах: «Русские дружинники X—XIII вв. были настоящими профессиональными воинами, не уступавшими по вооружению своим западным современникам» (Арциховский А. В., 1946, с. 17). К настоящему времени накоплен большой опыт по научной обработке оружия. В рамках «Свода археологических источников СССР» по инициативе Б. А. Рыбакова впервые осуществлена полная публикация предметов вооружения, относящихся к IX—XIII вв., найденных на территории Древней Руси (Кирпичников А. Н., 1966а; 1966б; 1966в; 1971; 1973а; Медведев А. В., 1966). Изучались также средства вооружения XIV—XVI вв. (Арциховский А. В., 1969; Кирпичников А. Н., 1976). Завершение этой работы позволяет изложить здесь ее некоторые итоги.

За прошедшие 170 лет археология накопила внушительный вещественный материал. В ходе собирательной работы было просмотрено 30 тыс. курганных комплексов и составлена картотека комплексов, содержащих вооружение IX—XIV вв. В ней учтено 1300 погребений и 120 поселений. В результате поисков в 40 отечественных и некоторых зарубежных музеях, архивах и научных учреждениях удалось зафиксировать и обработать свыше 7000 предметов вооружения и воинского снаряжения, относящихся к IX — первой половине XIII в. и обнаруженных в более чем 500 населенных пунктах *. С созданием документированного каталога находок учет всей массы найденного на территории Руси вооружения составляет не менее 85—90%. Перечислим здесь эти изделия, найденные в археологических раскопках или случайно, а также сохранившиеся в музеях и научных учреждениях. Учтены как целые вещи, так и фрагменты, а именно: 183 меча, 10 скрамасаксов, 5 кинжалов, 150 сабель, 750 наконечников копий, почти 50 наконечников сулиц, 570 боевых топоров и около 1000 рабочих **, 100 булав и шестоперов, примерно 130 кистеней. Из метательного оружия зафиксированы несколько тысяч наконечников стрел, около 50 арбалетных болтов, части сложных луков, колчанов и других принадлежностей для стрельбы из лука и самострела. Среди защитного вооружения 37 шлемов, 112 кольчуг, части 26 пластинчатых и чешуйчатых доспехов (270 деталей), несколько таких принадлежностей, как наручи и наколенники, 23 фрагмента щита.

Снаряжение всадника представлено 570 удилами, частями 32 оголовий (700 деталей), боевой конской маской, остатками 31 седла (130 деталей), 430 стременами, почти 590 шпорами, 50 деталями плеток, многочисленными подпружными пряжками, ледоходными шипами, подковами и скребницами.

Собранные и систематизированные находки вооружения могут рассматриваться в качестве самостоятельного исторического источника особой ценности. Достаточно сказать, что по количеству обнаруженных таких изделий средневековая Россия является одной из самых представительных стран Европы, и отечественные находки во многих отношениях приобретают международное научное значение.

Соотношения археологически обнаруженных «орудий войны» неодинаковы и подчас случайны. Их анализ, однако, позволяет заключить, что в течение почти всего рассматриваемого периода холодное оружие рукопашного боя (особенно при сопоставлении его с предметами метательной и осадной борь-

---

* Ко второй половине XIII — первой четверти XVI в. относятся еще 1200 предметов (Кирпичников А. Н., 1976). Эти находки привлекаются здесь в тех случаях, когда они связаны с эволюцией вооружения домонгольского периода.

** Без изучения рабочих топоров невозможно было выделить боевые.

бы) более всего влияло на результат сражения. Его в системе средств тогдашней войны можно признать решающим, что продолжалось до тех пор, пока пушки и ружья не преобразовали весь сложившийся строй средневековой боевой техники.

С момента основания древнерусского государства войско было социально неоднородным и разноплеменным по составу, что обусловило необходимость сбора и исследования вооружения, найденного на всей территории Руси, независимо от его этнической, классовой городской или сельской принадлежности. За находками оружия, однако, угадываются различные владевшие им слои феодального общества. Клинковое и защитное вооружение в значительной мере было привилегией господствующего класса. Городские и сельские ополченцы нередко довольствовались известным минимумом преимущественно наступательного оружия. Такое разграничение в первые века русской истории не было абсолютным, и пехотинец из «черных людей» подчас пользовался шлемом и мечом, а конник — младший дружинник — луком и стрелами. Независимо от своей социальной принадлежности изделия воинского снаряжения усовершенствовались, если так можно сказать, в едином темпе не только в масштабах одной страны, но иногда всего Старого Света. Новые изобретения проявлялись в первую очередь в составе рыцарского вооружения, где соседствовали рядовые и уникальные образцы. Что касается простонародного оружия, то его роль оценивается в зависимости от степени участия в феодальном войске социальных низов. В течение всего изучаемого периода народ в большей или меньшей степени участвовал в военных делах и не один раз феодальные вожди обращались к помощи ополченцев — горожан и крестьян.

Отечественные находки позволяют с большой полнотой представить не только состав средневекового вооружения, но изучить его возникновение, развитие, распространение и, насколько это возможно, назначение и боевое использование.

Особое внимание уделено классификации вещественных памятников. Категории наступательного и защитного вооружения были систематизированы по типам, хронологии и зонам распространения. В основу выделения типа было положено сочетание объективных признаков, таких, как форма вещи, ее устройство, назначение, детали отделки. Результативной оказалась классификация, учитывающая не только главнейшие признаки изделий, например устройство рабочей части, но и мелкие, на первый взгляд несущественные детали. Они помогали угадать производящий центр, дату, установить направление торговых путей. При группировке типов имелась в виду их взаимосвязь, направление эволюции, нововведения.

Исходя из изменения форм изделий, а также их археологического окружения оказалось возможным датировать вещи с точностью до 50 лет, а иногда и точнее.

Эволюцию предметов вооружения удается последовательно представить в рамках частично наслаивающихся друг на друга периодов — IX — начало XI, XI — начало XII, XII — первая половина XIII и вторая половина XIII — первая половина XIV в. Эти периоды в какой-то мере соответствуют этапам развития русского общества, охватывавшим время раннефеодальной монархии в IX — начале XII в. и феодальной раздробленности, утвердившейся с XII в., но при этом отличаются рядом особенностей.

О вооружении войска времен первых киевских князей можно судить главным образом по крупнейшим древнерусским некрополям, где по языческому обряду трупосожжения (исключения незначительны) похоронены как рядовые воины, так и представители знати. Концентрация находок совпадает в основном с крупнейшими городскими центрами (Киев, Чернигов. Гнездово-Смоленск, Тимирево—Ярославль), лагерями дружинников (Шестовицы Черниговской обл.), районами активной земледельческой и торговой деятельности (юго-восточное Приладожье, Суздальское ополье). Многие курганы X в. дают вооружение профессиональных воинов-дружинников, составлявших основу правящего класса. В этих погребениях (их учтено 547) оружие является не этническим, а социальным показателем. Точные подсчеты археологических комплексов, содержащих предметы вооружения, позволили констатировать относительно высокую степень военизации общества X в., при которой каждый пятый — десятый мужчина носил оружие, а также значительную техническую оснащенность войска, при которой один из трех ратников имел два-три вида оружия.

В сравнении с X в. степень военизации общества к XI столетию уменьшилась в 2—3 раза, что, видимо, связано с социальным изменением состава армии и оформлением замкнутого воинского сословия. Для периода XI—XII вв. большая часть находок связывается с многочисленными крестьянскими кладбищами лесной и лесостепной полосы России (учтено 614 погребений). Здесь рядом с курганами смердов возвышались сравнительно крупные и богатые погребения младших дружинников. В связи с христианизацией погребения состоятельных воинов исчезают, но остаются захоронения мужчин с оружием (по обряду трупоположения). Археологические данные в этот период характеризуют главным образом вооружение рядового дружинника и простого человека, смерда и горожанина.

В период наступившей феодальной раздробленности, когда войско состояло из отрядов отдельных князей, бояр и областных ополчений, количество вещественных источников падает. Целостного представления о вооружении различных социальных слоев населения этого периода археология не дает. Погребения XII—XIII вв. (их учтено 144) характеризуют боевое снаряжение населения, проживавшего в некоторых пограничных районах Руси, например тюркоязычных черных клобуков (Киевская обл., ср.: Плетнева С. А., 1973) и водских ополченцев (Ленинградская обл.). Известно также оружие горожан, погибших при защите русских городов в период монголо-татарского нашествия 1237—1240 гг. Оно позволяет представить пешего ратника с копьем, топором, луком и стрелами и конного воина с колющим, рубящим и защитным оружием.

После 1250 г. находки оружия становятся все более редкими, зато встречаются произведения военного ремесла, сохранявшиеся в составе княжеских и городских арсеналов. Особое значение приобретает

здесь использование сохранившихся письменных и изобразительных источников.

При всей неравномерности и порой отрывочности археологического материала он позволяет изучить не только вооружение отдельных частей русского войска (например, кочевников, осевших на юге Киевщины), но и боевые средства русской рати в целом. Так, на основании собранных материалов оказалось возможным установить деление русского войска XI—XIII вв. по роду и виду оружия и реконструировать снаряжение: тяжеловооруженных всадников и пехотинцев — копейщиков и легковооруженных всадников и пехотинцев — лучников.

Изменения военной техники IX—XIV вв. очень часто заключались не в изобретении новых средств борьбы (хотя и это имело место), а в усовершенствовании уже существующих. Эволюция разных видов вооружения, доспеха и воинского снаряжения на основании вещественных и других источников представляется следующим образом.

* * *

Мечи. К привилегированному, но широко распространенному оружию принадлежали мечи. В пределах IX—XIV вв. они подразделяются на две основные группы — каролингские и романские (табл. 114). Первые, а их найдено более 100, относятся к концу IX — первой половине XI в. Находки этих клинков сконцентрированы в нескольких областях Руси: в юго-восточном Приладожье, районах Смоленска, Ярославля, Новгорода, Киева и Чернигова. Мечи обнаружены, как правило, в крупнейших курганных могильниках вблизи или на территории важнейших городских центров. Судя по богатству захоронений клинки принадлежали воинам-дружинникам, купцам, княжеско-боярской верхушке, иногда состоятельным ремесленникам. Редкость нахождения мечей в погребениях (равно как и шлемов, доспехов, щитов) не означает их недостатка в боевой практике, а объясняется иными причинами. Меч как особо почитаемое и ценное оружие в период раннего феодализма передавали от отца к сыну, и при наличии наследника он исключался из числа погребальных приношений. В более поздний период мечи нередко выдавались рядовым дружинникам из государственных арсеналов, вероятно, только в пожизненное владение. Перейдем к типологии мечей.

Для классификации клинков IX—XI вв. использована схема Я. Петерсена, разработанная на норвежском, а точнее, общеевропейском материале. Речь идет о рукоятях, которые сопоставляются по формам и украшениям. Что касается лезвий мечей, то они (при общей длине около 1 м) почти одинаковы, относительно широкие (до 6—6,5 см), плоские, с долами (занимающими среднюю треть полосы), слегка суживающиеся к оконечности. Анализ рукоятей служит, однако, изучению всего изделия, включая и его клинок. Установлено, что средневековые мастерские большую часть лезвий выпускали с уже смонтированными навершиями и перекрестьями. В Европе встречаются, правда, случаи, когда рукояти готовых полос изготовлялись или переделывались вне стен первоначальной мастерской. Наличие своеобразных рукоятей может также свидетельствовать о существовании местного клинкового ремесла, освоившего необходимые технологические операции по ковке холодного оружия. Таким образом, при помощи типологической схемы Петерсена можно выделить, во-первых, единообразные серии высококачественных мечей, изготовленных, как правило, западноевропейскими мастерами, во-вторых, обычно своеобразные по отделке изделия (или их детали) местной работы.

Сказанное относится и к русским находкам. Часть из них во всех деталях соответствует общеевропейским образцам и их хронологии, часть же отличается от последних формой и украшением рукоятей, а также и своей датировкой. Перечислим здесь встреченные на территории Руси мечи международных типов (табл. 114—116) начиная с древнейших. К ним относятся: клинки с нешироким прямым перекрестьем и треугольной головкой (типы В и Н, соответственно вторая половина IX и конец IX — начало XI в.*, образцы с массивным навершием и перекрестьем, обложенными бронзовыми орнаментированными пластинами (тип D, X в.); изделия с трех- или пятичастной головкой и перекрестьем с расширяющимися концами (тип S, X — начало XI в.) и близкие к ним — с навершием, оформленным по бокам условно трактованными звериными мордами (типы Т-1 и Т-2, X — начало XI в.). Отметим далее экземпляры с увенчаниями, напоминающими мечи типа Т-2, но снабженные ячеистой орнаментацией (тип Е, IX—X вв.) или полихромной инкрустацией геометрического рисунка (тип V, X в.). Рассматриваемую группу завершают мечи с полукруглыми бронзовыми или железными навершиями и прямыми крестовинами (тип W, X в. и тип X, вторая половина X — начало XI в.), клинки с седловидным (с возвышением в центре) набалдашником и изогнутым перекрестьем (тип V, X — начало XI в.) и, наконец, образцы с изогнутым кверху яблоком и опущенным книзу перекрестьем (тип Z, конец X — начало XI в.).

Для рукоятей мечей упомянутых типов характерны: узоры геометрического рисунка, выполненные цветными металлами, лентообразные украшения, оформленные чернью и серебром, ячеистая орнаментация, массивные рельефные бронзовые пластины, составные из 3—5 деталей (табл. 115, 117, *2*). Преобладают мечи нескольких типов (Н, S, Е, V), что связано с привозом партий оружия, изготовленного в крупных мастерских Рейнской области. Каролингское происхождение большинства рассматриваемых мечей подтвердили не только украшения, но и знаки, и надписи на их лезвиях (об этом см. ниже). Среди найденных мечей имеются изделия не обязательно западноевропейской работы судя по их индивидуальной отделке. Таковы мечи типа D с бронзовыми украшениями в скандинавском стиле Borre и клинки с рукоятями, явно подражающими некоторым эталонным образцам (типы U особый и Z особый, табл. 114—115).

Обращают внимание мечи типов Z и Z особый, отчасти V. Они демонстрируют, как около 1000 г. изменились традиционные рукояти франкских клин-

* Здесь и ниже приводятся даты типов изделий, установленные по комплексу сопутствующих находок и другим данным.

ков. Этим образцам свойственны не прямые, а изогнутые навершия и перекрестья (табл. 114). Такие мечи были удобны при конной рубке, так как позволяли более свободно манипулировать рукой и кистью при ударе. Подобные преобразования европейского рубящего оружия произошли не без участия Руси. Весьма правдоподобно, что соприкосновение русской конной дружины с кочевниками, влияние сабельного боя, самой тактики конной борьбы, наконец, растущее преобладание конницы как главного рода войск — это и привело к возникновению мечей, приспособленных к кавалерийскому бою.

Среди найденных на Руси средневековых мечей есть и такие, которые позволяют предполагать существование в Киевском государстве не только подражательного, но и вполне самостоятельного отделочно-клинкового ремесла. Таковы пять сохранившихся фрагментарно мечей, рукояти которых при наличии некоторых международных черт (например, трехчастное навершие) отличаются выраженным местным своеобразием формы и декора (тип А местный, табл. 114, *15—17*; 115, *2—3*). Им присущи плавные очертания навершия и перекрестья и растительная орнаментация. Особенно заметно выделяются рукояти мечей из Киева, Карабчиева и Старой Рязани, отделанные чернью по бронзе. Их с уверенностью можно причислить к высокохудожественным произведениям киевского оружейного и ювелирно-литейного ремесла. Производившиеся в Киеве бронзовые детали рукоятей мечей (типа табл. 115, *2*, *3*) и наконечники ножен, украшенные растительным орнаментом, очевидно, находили сбыт в землях юго-восточной Прибалтики, Финляндии и Скандинавии. Тогда, т. е. не позже первой половины XI в., изделия русских оружейников появились на мировых рынках. Заметим, что число таких находок, еще в древности оторвавшихся от своей родины и оказавшихся в странах бассейна Балтийского моря, год от года растет (ср. Koskimies M., 1973, kuva 5). Продолжается их вычленение в музейных коллекциях.

Среди мечей новых форм, распространившихся в конце X в. в Восточной Европе, встречены и совсем необычные. Таков образец, найденный в Фощеватой около Миргорода (в нашей типологии условно назван скандинавским, табл. 115, *1*). Его рукоять состоит из отдельных отлитых из бронзы частей с рельефным изображением чудовищ в стиле надгробных рунических камней XI в. Место изготовления меча (точнее, его рукояти) искали в Скандинавии, юго-восточной Прибалтике, однако на самом деле его правильнее связывать с районом Киева. Дело в том, что на фощеватском клинке найдено некаролингское клеймо, перевернувшее прежние представления о древнерусских мечах (см. об этом ниже).

Итак, X — первая половина XI в. характеризуется употреблением мечей в основном европейских форм, которые начиная примерно с конца X в. были дополнены местными. В Восточной Европе поиски собственных форм рубящего оружия наиболее сильно проявились в XI в., отчасти в XII в., что стоит в прямой связи с упрочением ряда средневековых городов и ростом самостоятельности их оружейного ремесла. Однако дальнейшее развитие меча в XII—XIV вв., за некоторым исключением, вновь подчиняется общеевропейскому стандарту.

Переходим к так называемым романским мечам второй половины XI—XIV вв. (табл. 114, *18—25*). В отечественных находках их насчитывается 75. Эти клинки в большинстве обнаружены в городах, погибших во время монголо-татарского нашествия, потеряны на «дорогах войны», полях сражений, речных переправах. В тех областях Руси, где еще насыпались курганы, мечи в отличие от предшествующего времени встречены редко.

Мечи второй половины XI—XII в. легче (около 1 кг), иногда короче (доходят до 86 см) и на 0,5—1,5 см у́же клинков X в. (табл. 118). Такие тяжелые (около 1,5 кг) и сравнительно длинные мечи, как в X в., выходят из употребления. Дол клинка сужается, превращаясь в узкий желобок. В XII в. технология производства клинков упрощается, их делают цельностальными; такие мечи назывались харалужными. Прежние приемы ковки полосы из железных и стальных пластин и сложноузорчатая сварка постепенно исчезают. На мечах XII—XIII вв. довольно редко встречаются роскошные украшения, например сплошная платировка серебром. Навершие рукояти делается не из нескольких, а из одного куска металла. Бронзовые детали уступают место железным, все реже применяются рельефные орнаменты.

Во второй половине XII и особенно в XIII в. происходит новое утяжеление рубящего оружия, что обусловлено усилением доспеха. Появляются довольно длинные (до 120 см) и тяжелые (около 2 кг) мечи, которые по этим своим показателям даже превосходят образцы IX—X вв. (табл. 118). Перекрестье мечей XII—XIII вв. вытягивается в длину и достигает 18—20 см (обычная длина перекрестья предшествующего времени 9—12 см). Характерная для конца X—XII вв. искривленная крестовина сменяется прямолинейной. Удобства для захвата рукой создавались теперь не изогнутостью частей меча, а удлинением стержня рукояти с 9—10 см до 12 см и больше. Так возникли мечи с полуторными рукоятями, а затем и двуручные, позволявшие наносить более мощные удары. Первые попытки использования мечей с захватом в «полторы руки» относятся к домонгольской поре, но их широкое распространение начинается в XIV в. Отметим, что на Руси еще в середине XIII в. использовались как тяжелые рыцарские мечи, так и более легкие с полыми деталями рукоятей. Если первые применялись против тяжеловооруженных латников, то вторые (наряду с саблями) годились для легкой конницы.

Клинком XII—XIII вв. могли колоть, но основным назначением оставалась рубка. Поиски оружия, поражающего сквозь самые плотные доспехи, приводят к созданию примерно в середине и второй половине XIII в. колющего клинка. Таков, в частности, меч псковского князя Довмонта (табл. 118, *8* и 119, *1*). Перед нами древнейший сохранившийся в Восточной Европе колющий клинок удлиненно-треугольной формы. Полоса такого устройства свидетельствовала о распространении наборных доспехов, которые в бою было легче проколоть, чем разрубить. Меч Довмонта, единственный из сохранившихся доныне древнерусских клинков, имеет свою «биографию». Так, возможно, именно этим оружием псковский воитель в битве 1272 г. «самого же мастера (магистра.—

А. К.) Столбне в лице сам уязви» (Серебрянский Н., 1915, прил., с. 152).

Колющие клинки, обладая проникающим бронебойным действием, все же не вытеснили рубящие. В XIV в. в Восточной Европе использовались крупные мечи (до 140 см длиной) универсального колюще-рубящего действия. Они снабжались полуторной рукоятью и прямым перекрестьем длиной до 26 см (табл. 118). В связи с вытянутыми пропорциями лезвия они выковывались либо с трехрядным долом (вместо прежнего однорядного), либо с серединной гранью.

По форме рукояти романские мечи подразделяются на типы, в большинстве восходящие к более ранним образцам (типов S, X, Y, Z и Z особый, табл. 114). К традиционным типам относятся мечи с бронзовыми перекрестьем и пятичастным навершием (тип I, XII–XIII вв.), изделия с трехчастным бронзовым или железным набалдашником и обычно несколько изогнутым перекрестьем (тип II и IIA, соответственно XI–XIII и XII вв.), образцы с седловидным увенчанием и изогнутой крестовиной (тип III, XII – первая половина XIII в.), мечи с полукруглой и линзовидной головками и, как правило, прямым перекрестьем (типы IV и V, XII–XIII вв.). К новым типам можно причислить клинки со стержневидным прямым перекрестьем и дисковидным навершием (тип VI, XII–XIV вв.) и лезвия с полигональным по очертаниям яблоком и прямой или слегка изогнутой крестовиной (тип VII, XIII–XIV вв.).

Классификация археологического материала показывает, что на Руси в XII–XIII вв. представлены все типы клинков, известные в то время в Западной и Центральной Европе (типы III–VII). По оснащению войска романскими мечами удельная Русь, по-видимому, не уступала главным европейским странам, причем преобладание, как и на западе, получили мечи с дисковидным навершием (тип VI). Устанавливается эволюция упомянутой детали. В XII в. она колесообразная, в XIII в. головки получают радиальный двусторонний срез, в конце XIII в. появляются выпуклые по боковым сторонам диски без среза. Поэлементный анализ частей меча в данном случае необходим для уточнения его даты. Характерно, что полуторные, а затем и двуручные клинки снабжены деталями новых для своего времени романских мечей (типы VI, VII, отчасти V). Наряду с общеевропейскими формами на Руси использовались мечи с пяти– трехчастными навершиями, вероятно, частично местного восточноевропейского происхождения (типы I и особенно II). Возможно, мечи с бронзовыми деталями рукоятей (или только рукояти, табл. 117, *1*) вывозились из русских городов в юго-восточную Прибалтику и Волжскую Болгарию.

102 клинка конца IX–XIII в. из числа найденных на территории Древней Руси, Латвии и Волжской Болгарии в 1963–1964 гг. были подвергнуты специальной расчистке * и на 76 из них обнаружены ранее неизвестные *ремесленные клейма*, различные начертания и дамаскировка (Кирпичников А. Н., 1966в, с. 249–298). О месте происхождения того или иного меча судили по его отделке и украшениям. Ныне же оказалось, что прямой ответ на этот вопрос часто дают надписи на самих вещах. На 25 изученных мечах конца IX – начала XI в. обнаружены имена западноевропейских оружейников, работавших в районах Рейна и Дуная. Перечислим их: Ulfberht, Ingelrii-Ingelred, Cerolt, Ulen, Leutlrit, Lun (табл. 120). Некоторые из этих имен встречены многократно, другие открыты впервые. Мы получили возможность судить о работе древних мечедельцев, узнав их продукцию. Наиболее крупной была мастерская Ulfberht'а. До сего дня в европейских коллекциях зарегистрировано не менее 125 мечей с этой, очевидно, семейной маркой. Можно предполагать, что в древности эти лезвия расходились сотнями, если не тысячами. В производстве клинков существовала, видимо, значительная основанная на «конвеерном» разделении труда концентрация рабочих сил и технических достижений, далеко опережающих свое время. Несмотря на торговые запреты, франкские клинки проникали в значительно удаленные районы Европы, в том числе к норманам, финнам и русским.

Наряду с мастерскими, подписывавшими свои изделия, существовали и такие, которые клеймили лезвия всякого рода знаками несложного геометрического рисунка (табл. 120). На 10 обследованных клинках оказались кресты, круги, спирали, полумесяцы. Эти знаки, несомненно, имели не только маркировочное, но и магическое значение, они символизировали огонь, солнце, возможно, отвращали злых духов. Где изготовлялись эти «безбуквенные» изделия? Багдадский философ IX в. ал-Кинди – автор единственного в своем роде трактата о мечах всего мира, писал, что у франкских мечей в верхней части находятся кресты, круги и полумесяцы. Перечень знаков поразительно совпал с теми, которые были открыты на некоторых клинках, найденных на территории Древней Руси. Таким образом, родиной этих вещей, так же как и подписанных, был франкский запад.

Происхождение остальных как клейменых, так и «чистых» полос IX–XI вв. неясно. Среди последних следует упомянуть меч X в. из Гнездова со стилизованным изображением человека (табл. 120, *8*). О такого рода клейме писал ал-Бируни, указывая, что стоимость меча с изображением человека выше стоимости лучшего слона (ал-Бируни, с. 238). Приведенное высказывание иллюстрирует не индийское происхождение гнездовского меча, а международную распространенность некоторых сюжетов клеймения холодного оружия. Не явились ли результатом подражания подписным те из исследованных нами два меча, у которых буквы превратились в орнаментальный повторяющийся значок? Не исключено, что объектом копирования языческих кузнецов могли также стать полосы с символическими знаками.

К произведениям нелокализованных мастерских относятся семь клинков с дамаскированным узором. Для европейской металлургии X в. техника сложноузорчатой сварки была в основном уже пройденным этапом. Тогда сварочный дамаск стали употреблять только для надписей. Дамаскированные мечи X в.–

* Из этого числа 46 клинков относятся к концу XI — первой половине XII в., 56 — ко второй половине XI — середине XIII в. Учет и раскрытие новых клейм мечей продолжается в ЛОИА АН СССР и ныне.

отзвук уже уходящей технической традиции. Не случайно дамаскировка присуща всем трем нашим древнейшим мечам IX в., относящимся к типу В.

64% мечей IX—XI вв. судя по их метам указывают на каролингские мастерские. Между тем, как писалось выше, около 1000 г. на смену общеевропейским все настойчивее выдвигались местные формы рубящего оружия. Касалось ли это только рукоятей мечей или и их лезвий?

Клеймо, начертанное уставными кирилловскими буквами, неожиданно открытое на упоминавшемся выше мече из Фощеватой (на Полтавщине), наконец, прояснило этот вопрос. Надпись обнаружилась в верхней трети дола клинка, она двухсторонняя и наведена инкрустированной в металл дамаскированной проволокой. Техника ее исполнения не отличается от известных каролингских мечей X в. На одной стороне полосы можно прочесть имя мастера Людота или Людоша, на другой слово «коваль» (т. е. кузнец). Надпись явно не владельческая, а производственная. Полученная на основании лингвистического, типологического и искусствоведческого анализа дата меча показала, что он сделан не позднее первой половины XI в. Подпись клинка является древнейшей сохранившейся русской надписью на оружии и металле вообще и передает старейшее дошедшее до нас имя ремесленника (табл. 120, *6*). Судя по этой надписи на Руси существовала специализированная оружейная мастерская задолго до того, как об этом сообщают письменные источники. Рукоять фощеватовского меча, отделанная в орнаментальном стиле надгробных рунических камней XI в., дала повод считать сам меч едва ли не единственным бесспорно скандинавским из числа найденных на Руси. Ныне же оказалось, что мы имеем дело с изделием, подписанным грамотным русским мечедельцем. Собственным клеймом он обозначил свою продукцию, значит, по отношению к привозной она была вполне «конкурентоспособной» (Nadolski A., 1974, s. 28—29). После Каролингской империи Киевсксе государство оказалось второй страной Европы, где изготовлялись собственные подписные мечи. Без преувеличения можно сказать, что никогда ранее археология не получала такого прямого и убедительного свидетельства существования на Руси эпохи князей Владимира и Ярослава столь высокоорганизованного и специализированного ремесла.

Обнаружение русского клинка, однако, не отрицает того, что в X и в XII—XIII вв. в Восточной Европе преобладали привозные каролингские, а затем романские мечи. Большинство подписей на мечах романской эпохи, в том числе и выявленных автором, представляют подписи ремесленников (Etcelin, Ingelrii), «пробирные» марки и особенно латинские сокращения.

* * *

Особое внимание привлекают клейма, которые состоят из сложных сокращений (далее эти надписи именуем сокращенными). Такие клейма употреблялись длительное время и отличались большим разнообразием. Наряду с древнерусскими материалами здесь рассматриваются также клейма на мечах, найденных на территории Прибалтики. Включение в данный обзор прибалтийских материалов обусловлено тем, что они, так же как и древнерусские, являются предметами импорта и характеризуют торговые связи единого географического региона.

Полный учет сокращенных надписей европейских мечей позволил впервые после швейцарского ученого Вегели (в его распоряжении в начале XX в. было столько клейм, сколько известно ныне в одной нашей стране) разработать для них новую классификацию, отражающую более полно развитие клинковой эпиграфики на протяжении пяти веков. Наша классификация надписей исходит из общего их содержания, а также из формул, терминология и сложность которых претерпевали в развитии большие изменения. Важен также учет палеографических данных и орнамента.

Комплекс признаков, лежащих в основе классификации, в отдельных случаях сужает датировки, установленные по типологии мечей. При отсутствии навершия и крестовины клинка исследование надписей может оказаться единственным способом установить время его изготовления.

Вместе с тем наличие массового материала, создающего возможности для сравнения, позволяет выработать систему прочтения клейм, а раскрытие их содержания существенно для уточнения хронологии. Со времени Вегели делались попытки прочтения отдельных надписей, однако прежние исследования обнаруживают недостаточное внимание к изучению форм букв. Это обстоятельство, как и понимание надписей почти всегда как строго инициальных, закрыло путь к пониманию клейм. Итак, знание форм букв и сокращений — исходная палеографическая основа исследования.

Необходимым также представляется учет фразеологии современных источников, в частности касательно титулования бога, богоматери и пр., что особенно полно раскрывается в церковных службах. Литургия была в значительной мере источником средневековых надписей, и в ней можно обнаружить также истоки мечевой эпиграфики.

Литургические источники клинковой эпиграфики не исключают ее оригинальности, которая не очень обнадеживает в деле идентификации текстов. И все же элементы последней уже налицо. Они дают подтверждение правильности раскрытия клейм.

Раскрытию клейм помогают некоторые частные наблюдения и особенности начертания. Так, в ряде случаев удается разбить надпись на четкие составные части, подметить искусственную их расстановку. В других — клеймо на одной стороне меча находит продолжение на другой. Наконец, большое значение имеет уяснение элемента ne, что позволяет проникнуть в общий характер надписей.

Все многообразие надписей делится на два типа в зависимости от основной идеи их составителя. Иногда он хотел нанести на меч один или несколько священных терминов. В таком случае надпись получала значение словесного символа. Чаще в клеймах отражено посвящение клинка богу, богородице, кресту. Тогда надпись выступает как одна или несколько посвятительных формул (при этом иногда добавлялись символы). Простота символов, связанная к тому же с первыми шагами словесного клеймения,

заставляет обратить внимание на них в первую очередь.

Перейдем к краткой характеристике групп надписей (табл. А и табл. 121, 122).

I. Надписи-сигли. Каждый вид состоит всегда только из одного слова, которое передается сиглем. Иногда надпись-сигль многократно повторяется на одном и том же клинке.

Содержание почти всех сиглей, рассматриваемых изолированно, поддавалось бы раскрытию с большим трудом. Взятые в совокупности, они рельефно отражают определенный арсенал религиозной терминологии. Значение трех сиглей, раскрываемое в надписях (X-Christus, I-Iesus, O-omnipotens), можно считать широко распространенным. Оно объединяется одной темой, подсказывающей содержание остальных сиглей: A-altissimus (Всевышний), R-redemptor (Искупитель), S-Salvator (Спаситель).

Чтение шести сиглей — ключ, который помогает в решении пространных надписей, так как эти сигли оказываются костяком большинства остальных клейм. Хронология: 1) в ранний период клинковой эпиграфики (IX—XI вв.) получил особое распространение лишь вид № 3; 2) после XII в. I группа сравнительно редка; 3) многократное использование клейма-сигля (особенно более двух раз) на одной и той же стороне клинка появилось начиная в основном с XII в.

II. Сложные символы. Каждый вид — результат сочетания как рассмотренных, так и других букв. Идея сочетаний та же, что и надписей-сиглей, но во второй группе символы получили усложнение путем добавления к основному термину приложений и определений или соединения равносильных терминов. Хронология: некоторое число видов группы относится к IX—XII вв., но широкое их употребление приходится на XIII—XIV вв. Тем самым символы XIII—XIV вв. выступают как вторая после надписей-сиглей ступень развития символов. Этот вывод делается на основе изучения подгрупп, на которые распадается II группа (из-за недостатка места вопрос о подгруппах — а они часто имеют четкую хронологическую квалификацию — в очерке почти полностью опускается).

III. Простейшие формулы. Начиная с этой группы, все надписи в основных частях имеют характер посвятительных формул. Установление построения и смысла посвятительных формул облегчено наличием несокращенной надписи «in nomine domini» (во имя господа). Однако для их раскрытия требовалось выяснить сокращение служебного выражения формулы: ne-nomine — in nomine (во имя).

Особенно замечательны клейма: № 9 — найденное на мече при раскопках Изяславля, оно получает узкую датировку; № 13 — надпись на мече из Люмадского могильника на о. Саарема, известном памятнике искусства, ее графика, получившая новое толкование, позволяет сузить хронологию на целый век. Хронология: возникнув в архаический период, простейшие формулы получают особое распространение в XII — начале XIII в., но затем идут на убыль.

IV. Группа «in». Начиная с этой группы, происходит усложнение построения формул, сопровождающееся увеличением пространности надписей. Признак группы — начальное сочетание «in», которое является аббревиатурой служебного выражения (in nomine) или его началом (предлогом).

Интерес среди рассматриваемых видов представляет № 1, дающий пример перехода от именного клеймения к сокращенным надписям. Хронология: все виды группы отличаются архаическими чертами (выражение «in nomine», центрическое построение части текста, эпиграфические признаки) и датируются XI—XII вв.

V. Группа «benedic». Виды обычно начинаются со слова, давшего группе наименование и входящего в формулы освящения мечей. Важность этих давно изданных формул для понимания клинковой эпиграфики отметил немецкий палеограф В. Эрбен, но в его время (начало XX в.) были известны лишь два плохо воспроизведенных вида. Теперь во фразеологии надписей V группы определенно устанавливается основа в виде формул освящения мечей. Хронология узкая: вторая половина XII — первая четверть XIII в. Тем самым группа знаменует собой переход от сложных клейм IV группы к длинным клеймам XIII—XIV вв.

VI. В противоположность остальным группам она объединяет разные по содержанию виды. Для них связующим началом, кроме хронологии, является чаще умеренная еще сложность формул и сохранение остатков терминологии IV группы. Среди наших видов замечателен № 5 — надпись на Преображенском мече из-под Новосибирска (Дрбоглав Д. А., Кирпичников А. Н., 1981). Группа имеет такое же переходное значение, что и V группа. Хронология обычно близкая; последняя четверть XII — первая половина XIII в.

VII. Группа «ned». Группа установлена Вегели и названа так по характерному сочетанию, которое может заменяться равнозначными («nd» и др.). С VII группы начинается расцвет сложных клейм, которые одновременно часто имеют пространный вид. Клеймо на мече из-под Макарецкой дачи на Черниговщине привлекает внимание тем, что это одна из самых длинных надписей (№ 8). Хронология: все виды группы времени ее расцвета относятся к середине XIII в.

VIII. Группа «nr». Показательно сочетание «nr» («nomine redemptoris»). Хронология: характерные виды относятся ко второй половине XIII — первой четверти XIV в.

IX. Группа «dig-dic». Группа установлена Вегели и хорошо известна по западным находкам. Разграничение конечных букв двух сочетаний, давших наименование группе, делалось в схемах клейм небрежно, хотя смысл сочетаний несомненно должен быть разным. Учитывая последнее обстоятельство, группу можно разбить на три подгруппы: «A», где встречается только сочетание «dig» (почти всегда «sdig»); «B», где в каждом виде оба сочетания; «C», где только сочетание «dic». Все виды датируются по-видимому, в рамках последней четверти XIII — первой половины XIV в. Будучи, возможно, частично современной VIII группе, IX группа оказывается несколько долговечнее ее. С исчезновением IX группы в середине или конце XIV в. прекращается практика наносить на мечи сокращенные надписи.

Таблица А. Сокращенные надписи на мечах из собраний СССР

Схема надписи	Группа, вид	Транскрипция	Перевод	Датировка по надписи *
a–b) + X +	I–1	X(pistus)	Христос	XI в.
+ O +	I–3	O(mnipotens)	Всемогущий	X – нач. XI вв.
a) S	I–6	S(alvator)	Спаситель	XI–XII вв.
b) +	II–5	S(alvator) o(mnipotens)	Спаситель всемогущий...	XIII–XIV вв.
a) SOS b) OSO a–b) oSo	II–6	O(mnipotens) S(alvator) o(mnipotens)	всемогущий Спаситель всемогущий	XIV в.
IC + CI	II–7	I(esus) C(hristus) C(hristus) I(esus)	Иисус Христос Христос Иисус	IX – X вв.
a–b) + L.I.G.N.V.D.N.L.I. +	II–10	lignu(m) d(omi)n(i) li(gnum)	крест Господа крест	XI в. ?
+ GOXOAIEAI – GOXOAMGVAIHEXI	II–19	g(enitrix) o(mnipotentis) X(pisti), o(mnipotentis) a(ltissimi) Ie(su), a(ltissimi) I(esu) – g(enitrix) o(mnipotentis) X(pisti), o(mnipotentis) a(ltissimi), M(aria) g(enitrix) v(irgo) a(ltissimi) Ihe(su) X(pist)i	Мать всемогущего Христа, всемогущего всевышнего Иисуса, всевышнего Иисуса – мать всемогущего Христа, всемогущего всевышнего, Мария мать–дева всевышнего Иисуса Христа	XI–XIII вв.
a) + CIDNI... +	III–4	a) C(ristus) I(esus) d(ominus). N(omine) I(esu)...	а) Христос Иисус господь. Во имя Иисуса...	XI в.
b) + NI...N +		b) N(omine) I(esu)...n(omine).	б) Во имя Иисуса...	
N...	III–5	I(esu) n(omine)...	Во имя Иисуса...	XI–XII вв.
a) + NEI – NIE +	III–6	a) N(omine) I(esu) – N(omine) Ie(su).	а) Во имя Иисуса – во имя Иисуса	
b) S – S – S – S – S			б) Спаситель...	(X–XI вв.)
S – N – X – X – N – S	III–8	S(alvator). N(omine) X(pisti). X(pisti) N(omine). S(alvator).	Спаситель. Во имя Христа. Христа во имя. Спаситель	
+ SNEXPNEXPNEXPNS +	III–9	S(alvator). N(omine) X(pisti)... N(omine). S(alvator).	Спаситель. Во имя Христа... во имя. Спаситель	XII – 1-я пол. XIII в.
+ SNERENERENERENERENERES +	III–10	S(alvator). N(omin)e redemptoris)... S(alvator).	Спаситель. Во имя Искупителя... Спаситель	1-я пол. XIII в.
NoAC X	III–13	No(mine) A(ltissimi) C(hristi). X(ristus).	Во имя всевышнего Христа. Христос. Во имя Иисуса.	XI–XII вв.
a) + VLBERHT + b) /+/INIO/INI+/	IV–1	a) Ulberht b) I(n) n(omine) I(esu). O(mnipotens). /I(esu) N(omine) I(n)/	а) Ульфберт б) Во имя Иисуса. Всемогущий. Иисуса имя Во	XI–XII вв.
a–b) + INIOINI +	IV–2			XII–XIII вв.
a) + INSOLNI + b) + INIOINI +	IV–3	a) I(n) N(omine) s(alvatoris). O(mnipotens). l(igni) n(omine) I(n)	а) Во имя Спасителя. Всемогущий. Креста имя Во	XI в.
a) + NNOMIDO(MINI +) b) + NNM(U)CITIMNI +	IV–6	a) In nomi(ne) do/mini/. b) In n(omine) M(arie) /v(irginis)/ C(hr)i(s)ti	а) Во имя Господа. б) Во имя Марии девы, Христа матери имя Во	XII в.
a) + INOELIGNI + b) + INNOIELINI +	IV–9	a) I(n) no(min)e Ligni. b) In no(m)i(n)e li(gni) n(omine) I(n)	а) Во имя креста. б) Во имя Креста имя Во	XI–XIII вв.
+ SXSBENEDICAT/IU/...	V–5	S(alvator) X(pistus) S(alvator). Benedic, altissime t(er) /I(es)u/	Спаситель Христос Спаситель. Освяти, всевышний трижды Иисус...	XIII в.
+ INIXIOXIDIO/H/EVISI NIUSNIUIO +	V–7	I(n) n(omine) I(esu) X(pist)i o(mnipotentis), X(pist)i d(omini) I(esu) o(mnipotentis). /Ih/e(su) u(nivers)i s(alvatoris). I(n) n(omine) Ies)u s(alvatoris). N(omine) I(es)u I(esu) o(mnipotentis).	Во имя Иисуса Христа всемогущего, Христа господа Иисуса всемогущего, Иисуса спасителя вселенной. Во имя Иисуса спасителя. Во имя Иисуса, Иисуса всемогущего	(нач. XIII в.)
+ SNESNDUONMINIODIFS +	VI–1	S(alvator. N(omin)e s(alvatoris) N(ostri) d(omini) u(niverso(rum). N(omine) m(atris) I(esu). N(omine) I(esu) o(mnipotentis) d(e)i f(ilii). S(alvator).	Спаситель. Во имя спасителя нашего, господа вселенной. Во имя матери Иисуса. Во имя Иисуса всемогущего, сына бога. Спаситель	(кон. XII – нач. XIII в.)
a) + (N)SHIECGESRUAX + b) + IVSXSHEREAOAH +	VI–2	a) /N(omine)/ s(alvatoris) n(ostri) Ie(su) C(hristi), ge(nitricis) s(ancte) r(edemptoris) u(niversorum), a(ltissimi) X(pisti)	а) Во имя спасителя нашего Иисуса Христа, святой матери искупителя вселенной, всевышнего Христа	(XIII в.)

Таблица А (продолжение)

Схема надписи	Группа, вид	Транскрипция	Перевод	Датировка по надписи *
		b) I(es)u s(alvatoris), X(pisti) s(alvatoris). N(omin)e re(demptoris a(lphe) o(mege), a(ltissimi) n(omine).	б) Иисуса спасителя, Христа спасителя. Во имя искупителя, альфы омеги. Во имя всевышнего.	
a) SSS	VI–3	a) S(alvator) S(alvator) S(alvator)	а) Спаситель...	(кон. XII – нач. XIII в.)
b) + NIGUVGU +		b) N(omine) I(esu) g(enitricis) v(irginis) v(irginum), g(enitricis) v(irginis).	б) Во имя Иисуса матери, девы дев, матери–девы.	
a) NMNctSt – hETctDSE	VI–5	a) N(omine M(atris) N(ostri) – c(hris)t(us) – S(alva)t(oris) – Ih(esus). Et(erni) – c(hris)-t(us) – D(omini) S(alvatoris) E(terni).	а) Во имя матери нашего спасителя вечного, господа спасителя вечного. (Христос Иисус Христос).	XII–XIV вв.
b) NOMENE		b) N(omine) o(mnipotentis) M(ater). E(terni) N(omine)	б) Во имя всемогущего. Богоматерь. Вечного во имя	
a) + NIUMFUMFATI + b) + S +	VI–6	a) N(omine) I(es)u M(arie) f(ilii), v(irginis) M(arie) f(ilii), a(ltissimi) t(er) I(esu) b) S(alvator).	а) Во имя Иисуса, Марии сына, девы Марии сына, всевышнего трижды Иисуса б) Спаситель	XIII в.
a) + NRCXOXONEAOR + NININI +	VI–10	a) N(omine) r(egis) c(aeli) X(pisti) o(mnipotentis) X(pisti) o(mnipotentis). N(omin)e a(lphe) o(mege) r(edemptoris). N(omine) I(esu)...	а) Во имя царя небесного Христа всемогущего, Христа всемогущего. Во имя альфы омеги, искупителя. Во имя Иисуса...	(кон. XII – нач. XIII в.)
b) S – NININ + S – N ... + NININ +		b) S(alvator). N(omine) I(esu)...	б) Спаситель. Во имя Иисуса...	
NEDRY...	VII–1	N(omin)e d(omini) r(edemptoris)...	Во имя Господа искупителя...	(XI в.)
+XHDHDAHIX +	VII–3	X(pistus). N(omine) d(omini). N(omime) d(omini) a(ltissimi). N(omine) I(esu). X(pistus).	Христос. Во имя Господа. Во имя Господа всевышнего. Во Иисуса. Христос	(кон. XII – нач. XIII в.)
a) + SNEDnOENEDXIVUME b) DnOERUCOES +	VII–8	a) S(alvator). N(omin)e d(omini) n(ostri) o(mnipot)e(ntis). N(omin)e d(omini) X(pisti) I(es)u, v(irginis) M(ari)e, d(omini) n(ostri) o(mnipot)e(ntis), r(egis) u(niversi) coe(li) S(alvator).	а) Спаситель. Во имя Господа нашего всемогущего. Во имя господа Христа Иисуса, девы Марии, Господа нашего всемогущего, царя всех небес. Спаситель.	сер. XIII в.
b) + SNEMACPUNEDERUE OHEDACPUNES +		b) S(alvator). N(omine) m(atris) a(ltissimi) C(hristi), p(atris) u(niversorum). N(omin)e d(ei) e(terni) r(egis) u(niv)e(rs)o(rum), Ihe(su) d(omini). a(ltissimi) C(hristi), p(atris) U(niversorum) N(omine). S(alvator).	б) Спаситель. Во имя матери всевышнего Христа, отца вселенной, Во имя бога вечного, царя вселенной Иисуса господа, всевышнего Христа, отца вселенной во имя. Спаситель.	
NRED – /C/DLIT	VIII–1	N(omine) re(demptoris) d(omini) – /C(hristi/d(omini)-l(igni). T(rinitas).	Во имя искупителя Господа, креста (Христа) господа. Троица.	X в.
+ HERENAOHRSHDERtN +	VIII–3	N(omine) re(demptoris) n(ostri) a(lphe) o(mege). N(omine) r(egis) s(alvatoris), N(omine) d(ei) e(terni) r(egis) t(er) n(omine).	Во имя искупителя нашего, альфы омеги. Во имя царя-спасителя. Во имя бога вечного, царя трижды во имя.	X–XII вв.
a) +NREIVRDIRXREDI OIOISTAUNDI... b) + NMRhRIOIIVGREO IIVVANDIIE...	VIII–7	a) N(omine) re(demptoris) I(es)u, r(edemptoris) d(omini) I(esu), r(edemptoris) X(pisti), re(demptoris) d(omini) I(esu) o(mn)i(potentis), o(mn)i(potentis) s(alvatoris), I(esu) a(ltissimi) v(eri). N(omine) d(omini) I(esu)... b) N(omine) m(atris) r(edemptoris) Ih(esu), r(edemptoris) I(esu) O(mn)i(potentis), I(es)u g(enitricis) re(demptoris) o(mn)i(potentis), I(es)u v(eri) a(ltissimi,. N(omine) d(omini) I(esu), Ie(su)...	а) Во имя искупителя Иисуса, искупителя–господа Иисуса, искупителя Христа, искупителя–господа Иисуса всемогущего, всемогущего спасителя, Иисуса всевышнего и истинного. Во имя господа Иисуса... б) Во имя матери искупителя Иисуса, искупителя Иисуса всемогущего, матери Иисуса искупителя всемогущего, Иисуса истинного и всевышнего. Во имя господа Иисуса...	(2-я пол. XIII – 1-я четв. XIV в.)

Таблица А (окончание)

Схема надписи	Группа, вид	Транскрипция	Перевод	Датировка по надписи *
a) + N – n – C b) + N – R – C	VIII–9	a) N(omi)n(e) C(hristi) b) N(omine) r(edemptoris) C(hristi)	а) Во имя Христа. б) Во имя искупителя Христа	XI в.
...NRMAONDEnAMINRIAGIN +	VIII–11	...N(omine) r(edemptoris), m(atris) a(lphe) o(mege). N(omine) d(ei) e(terni) n(ostri) a(ltissimi), m(atris) I(esu). N(omine) r(edemptoris) I(esu) a(ltissimi) g(enitricis) I(esu) n(omine)	...Во имя искупителя, матери альфы омеги. Во имя бога вечного нашего всевышнего, матери Иисуса. Во имя искупителя Иисуса всевышнего, матери Иисуса во имя.	XIII–XIV вв.
NIGODYGNUDICOLUGNUDICODI	IX–8	N(omine) I(esu) g(enitricis), o(mnipotentis) d(e)y g(enitricis). N(omine) u(niversorum) d(omini) I(esu) C(hristi) o(mnipotentis), L(igni), v(irginis) g(enitricis). N(omine) u(niversorum) d(omini) I(esu) C(hristi), o(mnipotentis) d(omini) I(esu).	Во имя матери Иисуса, матери всемогущего бога. Во имя господа вселенной Иисуса Христа всемогущего, креста, девы-матери. Во имя господа вселенной Иисуса Христа, всемогущего господа Иисуса.	XIII–XIV вв.
+ NICH ... DIOAGSDICNIEROHDI...	IX–13	N(omine) I(esu) Ch(risti)... d(omini) I(esu) o(mnipotentis), a(lme) g(enitricis) s(alvatoris) d(omini) I(esu) C(hristi). N(omine) Ie(su) r(edemptoris) o(mnium)...	Во имя Иисуса Христа... господа Иисуса всемогущего, благой матери спасителя-господа Иисуса Христа. Во имя Иисуса-искупителя...	XIII–XIV вв.

* В скобках указана датировка по надписи.

Примечания: 1) буквами «a», «b» («а», «б») отмечаются надписи на разных сторонах меча; 2) тире в схеме надписи заменяет разделители в письме (вертикали, орнамент); 3) в колонке «группа» после номера группы указан номер вида в том порядке, какой установлен в полном собрании сокращенных надписей; 4) форма «Н» в схеме надписи не раскрывается.

* * *

Клейма, выявленные на средневековых мечах, подтвердив общеевропейское единство в развитии средневекового рубящего оружия, свидетельствуют о существовании крупных клинковых «фабрик» и налаженной торговле мечами, они же устанавливают деятельность местных мастеров, оформлявших привозные лезвия своими рукоятями и ковавших собственные клинки.

Несколько слов о выполнении самих клейм. На изделиях X в. надписи и знаки инкрустировались в верхней трети клинка дамаскированной или железной проволокой. Для этого в разогретой полосе штамповались канавки, в них укладывалась кусочками проволока (длиной в среднем до 25 мм), которая затем проковывалась и сваривалась с железной или стальной основой при температуре приблизительно 1300° С. При последующей полировке и протравке начертания выделялись на зеркале металла. Около середины XII в. имена мастеров на клинках начинают исчезать и появляются религиозные надписи и изображения, наведенные не железом, а цветными и благородными металлами. Во второй половине XIII в. величина клейма уменьшилась, оно часто наносилось уже не на дол, а на грань колющего лезвия. Поэтому с середины XIII в. кузнецы, отказавшись от изречений, стали проставлять марку в виде изображений волка, единорога, быка. К таковым относится, например, пассауский «волчок», выполненный, как это видно по мечу князя Довмонта, точечной инкрустацией желтым металлом.

Сабля. Широкое внедрение сабли, в первую очередь в лесостепной полосе, стало возможным в связи с выдвижением конницы как главного рода войска. Отметим здесь особые боевые свойства этого оружия. Благодаря изгибу полосы и наклону рукояти в сторону лезвия, сабля обладает рубяще-режущим действием. Удар имеет круговой характер, он получается скользящим и захватывает значительную поверхность тела. Применение сабли предоставляет воину-коннику большую маневренность в движениях, позволявшую дальше и вернее достать противника. В регионах с сильной пехотой и малоподвижными строями применение сабли было ограничено. Для пехотинца более удобным был меч. Он лучше, чем сабля, был приспособлен для целей тяжеловооруженной борьбы. Длительное соседство меча и сабли отражало не только тактические и технические различия военного дела Запада и Востока, но и необходимость успешного противоборства русских со степным противником его же оружием. Если в XI — первой половине XIII в. сабля использовалась в основном в южнорусских районах, то в XIV в. под военным давлением Золотой Орды зона ее применения отодвинулась значительно севернее, включив Псков и Новгород. Южнее Москвы боец того времени явно предпочитал саблю прямому клинку. В конце XV столетия сабли вытеснили мечи почти повсеместно.

Первые дошедшие до нас русские сабли (17 из 150 относящихся к X–XIII вв.) датируются X — первой половиной XI столетия. Их преимущественно находят в курганах князей, бояр и дружинников в южных районах Руси, вблизи границы со степью. Начиная со второй половины XI в. искривленные клинки встречаются не только на юге страны, но и в Минске, Новгороде, Суздальском ополье. Почти по-

ловина всех находок того времени происходит из курганов Киевского Поросья, т. е. с территории, где обитали федераты киевских князей — черные клобуки.

Типология сабель, как и мечей, основана на изменении нескольких взаимосвязанных частей оружия. Клинок X — первой половины XI в., достигающий 1 м, к XII—XIII вв. удлиняется на 10—17 см. Одновременно увеличивается кривизна полосы (измеряемая в наивысшей точке изгиба) с 3—4,5 см (X— первая половина XI в.) до 4,5—5,5 см и даже 7 см (вторая половина XI—XIII в.). Ширина клинка, первоначально равная 3—3,7 см, достигает в XII— XIII вв. 4,4 см (в среднем 3,5—3,8 см). Таким образом, трехвековая эволюция сабельной полосы происходила в сторону удлинения, большего изгиба и некоторого увеличения веса (табл. 123). Что касается сабель XIV в., то они отличались равномерной плавной кривизной, что больше сближало их с формами XIII, чем XVI в. При длине 110—119 см и ширине лезвия 3,5 см выгиб их полосы составлял 6,5—9 см. Все отмеченные изменения с наибольшей полнотой прослеживаются на русском материале, однако свойственны они и саблям печенегов, половцев и венгров. Можно, таким образом, говорить об определенном единстве развития данного оружия в Восточной и отчасти Центральной Европе в период средневековья.

Навершия сабельных рукоятей уплощенно-цилиндрической формы очень утилитарны (тип I, X— XIII вв., табл. 124, *5—11*). Более характерны увенчания грушевидной формы. Обнаруженные в аланских и венгерских древностях, они в отечественных находках не встречаются позже первой половины XI в. (тип II, табл. 124).

Самым подвижным, типологически и хронологически изменчивым элементом сабли была гарда (табл. 124). Таковы древнейшие из них прямые или слегка изогнутые, с шарообразными увенчаниями на концах (типы I, IА, IБ, X—XI вв.). Некоторые (тип IБ) отливались из бронзы, несомненно, в Среднем Поднепровье. В XI—XIII вв. наиболее популярными были прямые перекрестья с ромбическим расширением в средней части (тип II). Благодаря щиткообразным расширениям гарда приобретала большую прочность на излом при повреждении, а также более надежно соединялась с рукоятью и плотнее удерживала надетые ножны. В XII — первой половине XIII в. возникают перекрестья, концы которых или несколько опущены, или, расширяясь, переходят в дисковидные или овальные увенчания (тип IIА, IIБ). При таком устройстве гарды вражеский удар, с какого бы направления он не приходился, не мог соскользнуть на рукоять и таким образом оказывался как бы «запертым» со всех сторон. Несколько иначе предохраняла руку гарда с боковым защитным мысиком и круглым стержневидным, как у романского меча, перекрестием (тип III). Можно усмотреть здесь влияние меча на саблю. Хронологически это явление можно приурочить к XIII в., когда замечается утяжеление сабли и развивается массивность ее отдельных частей.

В XIV—XV вв. форма гард все более унифицируется, эволюционно они восходят к наиболее распространенному перекрестью (типа II) домонгольской эпохи. Именно в тот период, т. е. в XII — первой половине XIII в., в первую очередь в южнорусских городах, происходило усовершенствование сабельного эфеса, отражавшее общевосточноевропейские поиски, что, возможно, способствовало проникновению подобных новинок даже к таким разборчивым ценителям искривленного холодного оружия, как степняки. Во всяком случае сабли, найденные в черноклобуцких курганах 1150—1240 гг., совершенно не отличаются от обнаруженных в русских городах (табл. 123). В отличие от мечей сабли редко украшались, что затрудняет определение их этнической принадлежности. Основания для этого дают лишь отдельные орнаментированные растительным орнаментом образцы. Судя по этим клинкам собственное их производство началось не позже первой половины XI в. Корни этой самостоятельности уходят еще в X в., в эпоху великого подъема Руси, когда ковались собственные мечи. Отечественные ремесленники наряду с венграми приняли, очевидно, участие в изготовлении шедевра оружейного ремесла так называемой сабли Карла Великого, ставшей позднее церемониальной инсигнией Священной Римской империи (табл. 117, *3—4*; Кирпичников А. Н., 1965, с. 268—276). Изукрашенные «золоченые» сабли продолжали ковать на Руси и в XII—XIII вв. Об этом свидетельствует полоса первой половины XIII в., обнаруженная при раскопках древнего Изяславля. На ней расчищены орнаментальные клейма, удостоверяющие ее местную южнорусскую выделку (табл. 123, *5*).

Копье. Главнейшим оружием ближнего боя было копье. С выдвижением конницы в качестве основного рода раннефеодального войска оно стало важнейшим наступательным средством. Кавалерийские копья вплоть до середины XV в. использовались при конных атаках и сшибках всадников в качестве оружия первого натиска). В отличие от мечей и сабель копья (равно как и боевые топоры) принадлежали к несравненно более распространенному оружию. Они встречаются повсеместно, особенно много их в погребениях на территории северной Руси, относящихся к X—XIII вв. Длина древка копья приближалась к росту человека, по кавалерийские могли достигать 3 м.

Наконечники копий, как правило, лишены индивидуальных украшений. Их сопоставление осуществлялось на основании формы пера. Однотипные предметы объединены в группу «сквозного» хронологического развития в рамках IX—XIV вв. Перечислим эти классифицированные изделия с указанием их главных особенностей (табл. 125—126).

Копья с пером ланцетовидной формы (тип I, 900—1050 гг.). Около 1000 г. эти наконечники, достигавшие в длину 40 см, уменьшаются, а их втулка расширяется с 2,5 до 3 см и удлиняется. Распространены у многих народов Европы времени викингов. Наконечники с пером ромбической формы (тип II, IX — начала XI в.) длиной до 30 см, шириной лезвия около 3 см для русского орудия X в. нехарактерны, так как их основное развитие относится к VI—VIII вв.

Наконечники копий с относительно широким пером удлиненно-треугольной формы (тип III, IX—XIV вв.). Плечики (могут быть несколько под-

няты или опущены) всегда ясно выражены. Обычная длина 20—40 см, ширина 3—5 см, диаметр втулки около 3 см. Подобные наконечники восходят к общеславянским прототипам, а в рассматриваемый период встречаются в курганах дружинников, но почти нигде не преобладают среди других форм. Зато эти образцы типичны для многочисленных деревенских курганов центральной и северной Руси XI в. Объясняется это тем, что данное оружие, по-видимому, служило не только как боевое, но и как охотничье. Копья описанного типа имеют разновидности. У одной из них (типа IIIA, табл. 125) скошены плечики, что позволило удлинить лезвие до 38—45 см почти без увеличения его веса. Другая (типа IIIБ) отличается узким (1,5—3 см) длинным пером (до 50—60 см). Наконечники типа IIIБ, судя по находкам, относятся скорее к боевому, чем к охотничьему оружию. Эволюция листовидного копья ко все более узкому и длинному в период широкого распространения кольчатой и пластинчатой брони вполне закономерна.

Копья с пером продолговато-яйцевидной формы (тип IV, XI—XII вв.). Большая часть этих образцов уверенно относится к XI в. и выявлена в северной Руси. Появление подобных наконечников в Новгородской земле, по-видимому, как-то связано с влиянием эстонских, латвийских и других прибалтийских образцов. В XII в. распространяются наконечники лавролистной формы (тип IVA, XII—XIII вв.). Криволинейный изгиб края их лезвия отличается большой плавностью и симметрией. Возникновение этих массивных наконечников с плавно заостренным пером свидетельствует об увеличении прочности и ударной мощи орудия, в данном случае имеющего собственное наименование — рогатина. Среди древнерусских копий, даже достигающих длины 40—50 см и ширины лезвия 5—6 см, нет более тяжелых (вес около 700—1000 г, вес обычного копья 200—240 г.) мощных и широких наконечников, чем рогатины. Форма и размеры домонгольских рогатин удивительным образом совпали с одноименными образцами XV—XVII вв., что позволило опознать и выделить их среди археологического материала. При ударе такое копье могло выдержать без поломки большое напряжение. Рогатиной, конечно, можно было пробить самый мощный доспех, но пользоваться в бою, особенно в конной схватке, вследствие ее тяжести, вероятно, было неудобно. Судя по украшениям, рогатина иногда использовалась для парадных церемоний, что не мешает определить ее как преимущественно пехотное, а иногда и охотничье оружие.

Копье с пером в виде четырехгранного стержня и воронковидной втулкой (тип. V,— X — XVII вв.). Типичные размеры: длина 15—30 см, ширина пера 1,5 см, диаметр втулки 3 см. Происхождение этого копья указывает на области степного юго-востока, но уже для X в. нет оснований считать эти пики исключительно кочевническим оружием, они распространены от Молдавии до Приладожья. В XII—XIII вв. уже ни один тип копья не имел столь явного преобладания, какое получили пики. В этот период они составляют половину всех находок. В предмонгольское время пика приобретает совершенную форму, которая уже не изменяется до конца средневековья. Изумляет абсолютное сходство домонгольских пик с образцами XVII в. Очевидно, одна и та же форма была порождена одинаковыми условиями борьбы — усилением доспеха и активизацией конных стычек. Пика использовалась в качестве боевого оружия, рассчитанного главным образом на эффективное пробивание металлического доспеха. Можно предположить, что впервые в истории древнерусского колющего оружия приблизительно в XII в. бронебойные пики выделяются как специально кавалерийские копья.

Копья с пером вытянуто-треугольной формы и черешком вместо втулки (тип VI, IX—XI вв.). Форма лезвия не отличается от обычных листовидных копий типа III, реже типа IV. Черешковые копья происходят из районов, где находились чудские племена (юго-восточное Приладожье, западная часть Ленинградской области, Муромщина). В составе русского оружия они случайны и после XI в., по-видимому, выходят из употребления. Копья с лезвием в виде двух расходящихся в сторону шипов (тип VII, IX—XIII вв.). Двушипные копья (их название — гарпуны) — в основном охотничье оружие, и в этом отношении они не отличаются от двушипных стрел. Археологические образцы типовых форм приведены в табл. 126.

Типология наконечников копий способствует пониманию развития этого орудия в целом. Русь не была родиной какой-либо формы копья, но здесь использовались совершенные для своего времени образцы, возникшие на Западе (тип I) и Востоке (тип V) в сочетании с общеславянскими наконечниками (тип III). Основными были копья с ланцетовидными, удлиненно-треугольными и пиковидными наконечниками (типы I, III, IIIA, IIIБ, V). В количественном отношении они составляют 80% всех находок. Роль копий этих типов была неодинаковой. Если в X в. существовали три ведущие формы наконечников — ланцетовидная, удлиненно-треугольная и пиковидная, то начиная с XII в. выделяются узколезвийные (типы IIIБ и V) образцы, получившие решительное преобладание среди других наконечников. Находки узколезвийных бронебойных копий указывают на распространение тяжелого доспеха. Удар таким наконечником достигался самим движением всадника — он стремился таранить своего противника. Для сравнения отметим, что в IX—XI вв. укол осуществлялся взмахом протянутой руки. Применение «копьевого тарана» связано с усилением защиты всадника и сопровождалось изменением его верховой посадки на галопе (упор прямыми ногами в стремена). Возникновение мощного напора при ударе копьем отразилось на усилении его деревянной части. Типичным для X в. являлось древко толщиной 2,5 см, в XII—XIII вв. оно утолстилось до 3,5 см.

Кроме военных целей, использовались копья и для промыслов. Специфически охотничьими являлись гарпуны (тип VII) и отчасти рогатины (тип IVA). Универсальными по своему назначению были, очевидно, листовидные и ромбовидные образцы (типы II, III, IIIA, IV, VI). Однако в целом развитие древкового колющего оружия следовало по пути усиления боевой направленности и изживания первоначальной множественности его форм.

Копье в средневековом войске предполагает наличие хорошо обученных бойцов, сражающихся в правильных тактических построениях. С XI в. на Руси выделились отряды копейщиков. Они представляли силу, специально предназначенную для нападения и завязывания решительного сражения. Использование копий, таким образом, точно отражало определенную, действовавшую вплоть до середины XV в. систему ведения кавалерийского боя. По копьям велся счет войску. Возможно, что уже в домонгольское время «копьями» обозначались старшие дружинники со своими отроками (Рыбаков Б. А., 1948б, с. 404). Верная характеристика военному копью была дана в конце средневековья, когда его выдающаяся роль была уже позади: «И то годно ведати, как в старину, когда пушек и пороху и всякого огнестрельного бою не было, лучше и краше и рыцарственнее копейного оружия не бывало и тем великую силу против конных и пеших людей чинили» (Учение, 1904, с. 108).

В качестве вспомогательного средства поражения в бою и на промысле использовались метательные *дротики-сулицы*. В зрелом средневековье популярность сулиц возросла, что объяснялось удобством их использования в условиях пересеченной местности и в момент сближения ратей и в рукопашной схватке и в преследовании. Больше всего известно наконечников сулиц удлиненно-треугольной формы, но встречаются ромбовидные и лавролистные. Длина их составляла 15—20 см, а вместе с древком 1,2—1,5 м. Таким образом, сулица по своим размерам — нечто среднее между копьем и стрелой.

Топоры. Большинство известных боевых топоров следует, по-видимому, причислить к оружию пешего ратника. В истории боевого топора скрещиваются две противоречивые тенденции. Господство конницы низводило его до уровня плебейского оружия, но усовершенствование доспехов и усиление пехоты снова выдвигало топор в качестве популярного средства ведения боя. В отличие от пехоты у всадника употребление всякого рода топориков, особенно чеканов, хотя и имело место, но было ограничено. Это оружие пускали в ход во время затяжного кавалерийского боя, превращавшегося в тесную схватку отдельных групп бойцов, когда длинное древковое оружие мешало борьбе.

На территории Древней Руси найдено около 1600 топоров. Они подразделяются на три группы: 1) специально боевые топорики-молотки (чеканы), топорики с украшениями, характерные по конструкции и небольшие по размеру; 2) секиры, похожие на производственные топоры, но миниатюрнее последних; эти последние использовались в военных целях как универсальный инструмент похода и боя; 3) тяжелые и массивные рабочие топоры на войне, видимо, употреблялись редко. Обычные размеры топоров первых двух групп: длина лезвия 9—15 см, ширина до 10—12 см, диаметр обушного отверстия 2—3 см, вес до 450 г (чеканы весят 200—350 г). Для сравнения укажем размеры рабочих топоров: длина 15—22 см (чаще 17—18 см), ширина лезвия 9—14 см, диаметр втулки 3—4,5 см, обычный вес 600—800 г.

Военные топоры носили в походах при себе, что и отразилось на уменьшении их веса и размера. Что же касается конструкции оружия, то именно развитие рабочих топоров во многих случаях определило эволюцию и устройство боевых. Иногда можно спорить о назначении того или иного топора, ибо он служил ратнику для самых разнообразных целей. Неудивительно поэтому, что в захоронениях воинов встречаются топоры группы 2, которые могли выполнять различные походные функции.

Остановимся кратко на классификации первых двух упомянутых групп, представляющих численно примерно треть всех учтенных находок (табл. 127 128). К специально боевым образцам относятся прежде всего чеканы, тыльная сторона их обуха снабжена молоточком. Лезвия чеканов либо продолговато-треугольной формы (тип I, X—XIV вв.), либо с полулунной выемкой (тип IA X — начало XI в.). Исключительно «военное» значение можно признать за узколезвийными небольшими топориками с вырезным обухом и боковыми мысовидными отростками -щекавицами (тип III, X—XII вв.). Можно предполагать русское происхождение этих топориков, распространившихся затем в ряде европейских областей. Характерно, что именно среди топориков рассмотренных типов встречаются отделанные всякого рода украшениями, в том числе и сюжетного характера (табл. 128 — Корзухина Г. Ф., 1966, с. 89 и сл.).

Отметим далее топоры, сочетающие в себе свойства оружия и орудия. Универсально-походным образцам всегда соответствуют точно такие же по формам рабочие. Занимаясь классификацией боевых секир, мы одновременно получили почти полную классификацию рабочих форм. Здесь коснемся только первых. К самым массовым по числу находок принадлежат топоры с оттянутым вниз лезвием, двумя парами боковых щекавиц и удлиненным вырезным обухом (типа IV, X—XII вв.). Широкому распространению этих топоров способствовала совершенная конструкция (коэффициент полезного действия приближается к единице) и надежное устройство обуха. К XII в. производство описанных изделий упрощается: исчезают щекавицы, а тыльная сторона обуха снабжается отходящими в стороны мысообразными выступами.

Характерной особенностью следующей группы секир «с выемкой и опущенным лезвием» является прямая верхняя грань и боковые щекавицы только с нижней стороны обуха (тип V, X — первая половина XIII в.). Наибольшее скопление этих изделий отмечается на севере Руси, особенно в курганах юго-восточного Приладожья. Форма связана с Северной Европой и по распространению и развитию может считаться финско-русской. В XIII—XIV вв. распространяются топоры с трубковидным обухом (разновидность А типа V). Географически и хронологически топоры этого типа не находятся в непосредственной связи с предшествующими, в крестьянском быту сохранились в Западной Украине и Молдавии до наших дней. Последними среди бородовидных секир выступают образцы с двумя парами боковых щекавиц (тип VI, конец X—XI в.).

К совершенно особой группе принадлежат секиры с широким симметрично расходящимся лезвием (тип VII, X—XIII вв.). Около 1000 г. они распространены на всем Севере Европы. Боевое использо-

вание таких секир англосаксонской и норманской пехотной увековечено на ковровой вышивке из Байе (1066–1082 гг.). Судя по этой вышивке, длина древка топора равна примерно метру или несколько больше. На Руси эти топоры в основном типичны для северных районов, при этом некоторые найдены в крестьянских курганах. В заключение назовем топоры с относительно узким лезвием (тип VIII, X–XI вв.). Они относительно редки, встречены в основном в юго-восточном Приладожье и на Муромщине. Модифицированная форма этих топоров XII–XV вв. характеризуется отсутствием щекавиц и затыльником, вытянутым вдоль топорища (разновидность А типа VIII, XII–XIII вв.). В этих образцах нет удорожающих конструктивных деталей. Из данной формы в XIV в. разовьются рубяще-дробящие секиры с треугольным и трапециевидным лезвием, а также топоры-булавы (Кирпичников А. Н., 1976, табл. II, *4* и IV, *4–5*).

Ознакомившись с типологией боевых топоров, можно заключить, что их усовершенствование шло в основном по линии создания лезвия, рассчитанного на проникающий удар, и все более простого (без каких-либо фигурных вырезов) и надежного в скреплении с топорищем проушного отверстия. Наряду с топорами ведущих форм в областях северной и отчасти центральной Руси встречаются образцы, имеющие локально-географическое распространение. Тенденция к единообразию в производстве топоров (как это отмечалось и для копий) усиливается к XII столетию. Если в X – начале XI в. топоры представлены во всем разнообразии своих форм, то в XII–XIII вв. типичными становятся чеканы и бородовидные секиры.

На основании археологического материала можно представить следующие этапы боевого применения топоров в древней Руси. В X в. в связи с важнейшим значением пешей рати топор являлся распространенным оружием. В XI–XIII вв. в связи с возрастающей ролью конницы военное применение топора снижается, хотя он по-прежнему остается массовым пехотным оружием. Борьба с тяжеловооруженными рыцарями в XIV в. вновь выдвинула топор в качестве необходимого ударно-дробящего оружия.

Булавы (табл. 129–130). Судя по тому, что на Руси существовали мастера по отливке булав и кистеней, ударное оружие служило ратнику важным подспорьем. Булавой пользовались пехотинцы и конники в рукопашной схватке, когда требовалось нанести быстрый удар в любом направлении.

В русском войске булавы проявлялись в XI в. как юго-восточное заимствование. Их собирательное древнерусское наименование – кий. К числу древнейших русских находок относятся навершия (чаще железные, чем бронзовые) в форме куба с четырьмя крестообразно расположенными шипами (тип I, XI в.). Модификацией этой формы являются железные булавы в форме куба со срезанными углами (тип II). Булавы с такими навершиями, составляющие почти половину всех находок – весьма дешевое и, вероятно, широко доступное оружие рядовых воинов: горожан и крестьян. В XVII в. булавы этой формы – знак царской власти.

Своего расцвета производство булав достигло в XII–XIII вв., когда появились бронзовые литые навершия весьма совершенной и в то же время сложной формы с четырьмя и двенадцатью пирамидальными типами (редко больше) (типы III–IV). При действии таким орудием тяжесть удара обязательно приходится на один или три соседних шипа. Вес наверший 200–300 г, длина их рукоятей 50–60 см. Некоторые были позолочены и принадлежали воинам, феодальной знати, городским ремесленникам. Бронзовые булавы изготовлялись в первую очередь в Киеве и южнорусских городах (в этих местах сконцентрировано почти 90% всех находок), расходились внутри страны и за ее пределами от Волжской Болгарии до Юго-Восточной Прибалтики и Швеции и вызвали, по-видимому, местные подражания (ср. László K., 1972, p. 166–180). Судя по нескольким находкам наверший с большим количеством шипов (12 и более), их производство в XIII в. было, по-видимому, освоено в городах Юго-Западной Руси. На примере бронзовых наверший устанавливается серийность их производства по первоначальному образцу и копирование изделий высококвалифицированных мастеров.

Необходимость локального дробления брони вызвала в первой половине XIII в. такие нововведения, как булавы с односторонним клювовидным выступом – клевцом, и шестоперы (типа IIА, VI). Последние, судя по находкам, являются древнейшими среди других подобных европейских образцов. Эти шестигранные железные (иногда и бронзовые) навершия употреблялись в боевой практике вплоть до конца XVI в. и их раннее появление на Руси было подготовлено использованием многолопастных железных булав, также представленных в русских находках первой половины XIII в. (тип V). В XIV в. шестоперы, а также, вероятно, и булавы, из простого оружия начали превращаться в знак командира и военачальника.

Кистени (табл. 130–131). Происхождение и распространение кистеней, так же как и булав, указывает на их связь с конным боем, что подтверждается относительной легкостью (около 200–250 г) и подвижностью самого оружия, предназначенного для нанесения ловкого и внезапного удара в самой тесной схватке. Действительно, почти половина всех известных гирек от кистеней найдена в Киевском Поднепровье. Эти находки указывают на их использование в воинском быту русского и черноклобуцкого населения и очерчивают район налаженного сбыта городской продукции. Вывозился этот вид оружия и в Волжскую Болгарию. Средневековые костяные, железные и бронзовые кистени, отделанные серебром, чернью, затейливым орнаментальным узорочьем, помеченные родовыми и семейными знаками, именно воинское, а не разбойничье оружие.

Появились кистени на Руси в X в., как и булавы, из областей кочевого Востока и в снаряжении войска удерживались вплоть до конца XVI в. Начиная со второй половины X в. повсеместно распространились костяные гирьки, удлиненно-яйцевидной формы (тип I). Они изготовлены из рога лося, снабжены отверстием для пропуска металлического стержня с петлей на одном конце. Бытовали такие кистени до XIII в. включительно. К следующей группе относятся одновременные костяным желез-

ные или бронзовые гири гладкие, граненые или с мелкими выпуклостями (типы II и IIа). Среди них встречаются весьма нарядные, элементы декора которых искусно подражают зерни.

Развитие художественно отделанных кистеней приводит к созданию уплощенных грушевидных форм (тип III). Их корпус отливался из бронзы, заполнялся свинцом и украшался черневым орнаментом. На целой серии таких образцов, отлитых в 1200—1240 гг., по-видимому, в Киеве, изображены процветший крест и древо жизни (табл. 131, *14*). На уплощенных бронзовых гирях известны изображения птицы, льва, знаки Рюриковичей. Кроме того, в южной Руси в XII—XIII вв. изготовляли железные и бронзовые кубовидные гирьки со срезанными углами и напаянными на их грани полушариями, а также подражающие булавам образцы с разновеликими шипами (типы IV—V). Переходными к формам XIV в. являются железные кистени биконической формы с прямоугольным ушком (тип. VI). В целом отечественные образцы ударного оружия предвосхищают формы, относящиеся к зрелому средневековью, и в Европе они оказались одними из своеобразнейших.

Лук и стрелы. Лук и стрелы на территории Восточной Европы были важнейшим оружием дальнего боя и охоты на протяжении многих тысячелетий, от эпохи мезолита до появления огнестрельного оружия в XIV в. Даже после появления ручного огнестрельного оружия лук и стрелы продолжали широко употребляться в течение нескольких веков, вплоть до начала XIX в.

Лук и стрелы чрезвычайно широко употреблялись в Древней Руси. Они были основным и важнейшим оружием дальнего боя и промысловой охоты. Почти все более или менее значительные битвы не обходились без лучников и начинались с перестрелки. Как правило, впереди войска и с флангов в походном порядке находились стрелки. Их задача — не допустить внезапного налета вражеской конницы и пехоты и обеспечить развертывание основных сил в боевые порядки. Из Ливонских хроник XIII в. известно, что на Руси существовали специальные отряды стрелков-лучников, которые не только охраняли войска в походе, но и мужественно выдерживали первые атаки врага. Генрих Латвийский отмечал высокое искусство русских лучников в борьбе с немецкими рыцарями-крестоносцами и постоянно противопоставлял их немецким арбалетчикам первой половины XIII в. Сила русских сложных луков была огромной. Русские стрелы (по-видимому, бронебойные) пробивали доспехи немецких рыцарей, о чем свидетельствует битва под Венденом в 1218 г.

Византийский историк X в. Лев Диакон отмечал огромную роль лучников в русском войске киевского князя Святослава. Они умело пользовались луком и стрелами и в обороне, и в открытом бою, успешно применяли свою тактику стрельбы по коням вражеской конницы. Эту тактику русы выработали в постоянной борьбе с набегами конных кочевников южнорусских степей.

В конце прошлого и начале нашего века историки предполагали широкое употребление сложного лука в Древней Руси исключительно на основании изображений лука на миниатюрах летописей, иконах и других памятниках изобразительного искусства. Теперь это предположение стало фактом, подтверждающимся сотнями деталей и почти целыми луками (Медведев А. Ф., 1966).

Лук (табл. 132). Форма сложного лука с натянутой тетивой напоминает букву М с плавными перегибами. Именно такими изображаются древнерусские луки на всех памятниках искусства. Древние художники изображали со сложными луками и воинов, и охотников.

При археологических раскопках в Новгороде, Старой Руссе и других городах найдено много деревянных простых луков до метра, а иногда до 130 см длиной. Чаще всего они делались из упругого можжевельника. Нередко им придавалась форма сложных луков. Это детские игрушечные луки. Их много потому, что обучение стрельбе из лука начиналось с детских игр.

Конструкция и составные части древнерусского сложного лука, как и луков соседних народов Восточной Европы, теперь по археологическим материалам выяснена довольно хорошо. Составные части древнерусского лука, как и у арабов, турок, татар и других восточных народов, имели специальные названия. Середина лука называлась рукоятью (табл. 132, *5а*), длинные упругие части по обе стороны от рукояти — рогами или плечами лука (табл. 132, *5б*), а завершения с вырезами для петель тетивы — концами (табл. 132, *5в*). Сторону лука, обращенную к цели во время стрельбы, называли спинкой, а обращенную к стрелку — внутренней стороной (или животом, как у арабов). Места стыков отдельных деталей (основы с концами, накладок рукояти с плечами и т. п.) скрепляли обмоткой сухожильными нитями и называли узлами (табл. 1, *4м*).

В Новгороде в 1953 г. в слое второй половины XII в. впервые был найден большой обломок древнерусского сложного лука (табл. 132, *6*). Обломок представляет собой половину целого лука — его вибрирующее плечо. Лук был склеен из двух прекрасно оструганных длинных планок различных пород дерева (можжевельника и березы) и винтообразно оклеен тонкими полосками бересты для предохранения от сырости. Лук обуглен в месте рукояти, а концы его не сохранились. Пролежав 800 лет в земле, лук сохранил способность вибрировать. Длина сохранившейся части лука 79,5 см, ширина рога в середине 3,4 см, а у конца 2,7 см, толщина 1,8 см. В разрезе лук имеет вид уплощенного овала (табл. 132, *7*).

Планка из можжевельника располагалась с внутренней стороны лука, обращенной во время стрельбы к стрелку. Она отлично сохранилась. Длина ее 79,5 см, ширина от 2,7 до 3,4 см, толщина от 5 мм у конца лука до 9,5 мм в середине плеча. В разрезе имеет вид сегмента. Внутренняя поверхность планки плоская, на ней имеются три продольные желобка (1,5 мм шириной и около 1 мм глубиной) для более прочной склейки с подобной же по форме березовой планкой. Внешняя поверхность планки округлая. Около рукояти лука она обгорела, а у несохранившегося конца лука имеет слегка скошенный поперечный срез (торец), к которому примыкал деревянный конец лука (типа изображенного на

табл. 132, *1а*). Подобную же форму имела и березовая планка, но она сохранилась хуже, в двух обломках, один из которых, ближе к рукояти лука, до сих пор очень прочно склеен с можжевеловой планкой. Березовая планка располагалась по спинке лука. Длина двух ее обломков 58 см, ширина от 2,3 см у рукояти до 2,7 см у конца, толщина 6—7 мм. На внутренней плоской поверхности березовой планки желобков для склейки нет. Внешняя поверхность планки шероховатая, на ней сохранились следы клея. В разрезе планка также сегментовидная (табл. 132, *7*). Берестяная оклейка лука хорошо сохранилась. Длина полосок бересты около 30 см, ширина 3,5 см, толщина около 0,5 мм. Во время винтообразной оклейки лука край берестяной ленты шириной 8 мм нахлестывался и перекрывался следующим витком.

Березовая планка у́же и тоньше можжевеловой, имеет более шереховатую выпуклую (внешнюю) поверхность, от которой как будто отклеилась берестяная оклейка. На самом деле этот лук был усилен сухожилиями, которые наклеивались на спинку лука. Но они не сохранились и поэтому берестяная оклейка не соприкасается с березовой планкой. Сухожилия не могли сохраниться даже в почвенных условиях Новгорода. Концы сухожильных нитей закреплялись у рукояти и у концов лука (табл. 132, *1б*). Эластичный и очень прочный рыбий клей не препятствовал сокращению сухожилий при снятой тетиве. Без тетивы концы сложного лука загибались во внешнюю сторону.

Судя по зазору между березовой планкой и берестяной оклейкой, слой сухожилий на этом луке имел толщину от 2 до 3 мм (табл. 132, *7б*).

В 1954 г. в Новгороде был найден второй сложный лук в слое XIV в., склеенный также из двух планок разных пород дерева и оклеенный берестой. В 1975 г. к югу от кремля на Троицком раскопе был найден третий сложный лук той же конструкции, что и первый. Этот лук сохранился в двух обломках длиною 119 и 16 см. Он был найден в слоях начала XI в.

У народов Восточной Европы и на Руси с IX по XIV в. имели широкое распространение и более сложные по конструкции луки. Об этом свидетельствуют и находки комплектов костяных накладок от рукояти сложного лука конца XII в. в Новгороде и многочисленные находки костяных накладок от рукоятей и концов луков IX—XIII вв. в Тмутаракани, Чернигове, Старой Ладоге, Старой Рязани, Вщиже, Турове, Екимауцах, Воине, Колодяжине и многих других памятниках.

Судя по многочисленным находкам готовых изделий, заготовок и отходов производства костяных деталей сложных луков, налучий, колчанов и защитных приспособлений, употреблявшихся при стрельбе из лука, можно сказать, что луки делались во многих древнерусских городах. На Руси были специальные мастера лучники и тульники, которые упоминаются в летописи в XIII в. Были они и гораздо раньше. Изготовление луков и стрел требовало больших знаний специфики этого оружия, свойств материалов и длительного производственного опыта. Стрельба из лука была сложным делом, требовавшим длительного обучения с детских лет.

На Руси делались луки, которые были пригодны для использования в любую погоду — и в жару, и в дождь, и в мороз. В XV в. летописец отметил, что в стычке с татарами в мороз наши лучники успешно обстреливали татар, а их луки не могли стрелять из-за мороза. Как правило, конные лучники использовали более короткие луки, а пешие воины — более длинные, но это еще требует выяснения. Луки конных кочевников южнорусских степей имели длину до 180 см.

Тетива для луков свивалась из волокнистых растений, шелковых нитей и из сыромятной кожи животных. Тетива в виде тонкой веревки, шнура или перекрученного ремешка стягивала концы лука. Петли тетивы были различны (Медведев А. Ф., 1966, рис. 2).

Луки для удобства ношения и для сохранения от сырости и повреждений носили в специальных футлярах — налучьях, подвешивавшихся к поясу или на ремне через плечо (табл. 132, *8*, *9*).

Сила средневековых луков была огромной — до 80 кг (у арабов, турок, русских и других народов). Оптимальным считался лук силой от 20 до 40 кг. (современные спортивные луки для мужчин имеют силу 20 кг, т. е. самые слабые из средневековых).

Каждый лучник выбирал лук по своим силам, как и определял длину стрелы по своему росту и длине рук.

При стрельбе из лука широко применялись приспособления, предохранявшие руки лучника от повреждений. Это перчатки и наплечники, щитки для запястья левой руки и костяные (роговые) кольца для указательного пальца правой руки. Тренированные лучники-воины обходились и без этих приспособлений.

Колчаны. На территории Восточной Европы в IX—XIV вв. у кочевников и на Руси были в употреблении два типа колчанов для стрел. На Руси колчан имел название «тул», а мастера, изготовлявшие колчаны, назывались «тульники». Первый тип колчана — цилиндрический с расширением у дна. Он имел самое широкое распространение у всех народов Восточной Европы. Основу колчана составляли круглой формы деревянное дно диаметром около 15 см с прикрепленной к нему вертикальной планкой (или двумя планками). Длина планок определяла длину колчана. Колчан же имел длину, чуть большую длины стрел. Его длина зависела от роста стрелка из лука и колебалась от 60 до 80 см. К этой основе крепились берестяной цилиндрический корпус, костяные петли для подвешивания колчана и ремешок с крючком для закрепления колчана от тряски при верховой езде. Этот крючок — верный признак конного лучника. Колчаны имели крышки, предохранявшие оперение стрел от повреждений и непогоды. Нередко берестяные колчаны украшались тонкими костяными пластинками с резными, иногда раскрашенными, узорами и изображениями животных (табл. 132, *10*).

Другой тип колчана — полуцилиндрический (табл. 133, *9*) был в употреблении с конца IX до начала XI в. у русских княжеских дружинников. Он также имел расширение у дна. Основу его составляли деревянное полукруглой формы дно и плоская стенка или две вертикальные планки. К ним с по-

мощью железных фигурных оковок у дна и горловины колчана крепился корпус из толстой кожи или бересты, покрытой кожей. К стенке или вертикальным планкам прибивались по две железных фигурных петли для ношения колчана и, если колчан был предназначен для конного воина, ко дну прикреплялся ремешок с железным крючком для закрепления во время езды. Длина колчанов с крышкой соответствовала длине стрел (60—80 см). Диаметр днища, как и у первого типа, около 15 см. Диаметр горловины, как и у первого типа, 10—12 см (табл. 133).

Вместимость древнерусских колчанов IX—XIV вв. редко превышала 20 стрел. Колчаны монголов, татар, среднеазиатских тюрок, по свидетельству Марко Поло и Рубрука, вмещали 30 стрел. В бою им рекомендовалось иметь по 60 стрел (два колчана): 30 маленьких — для метания и 30 больших с широкими железными наконечниками. Последние применялись в бою для перерезывания тетив у вражеских луков и для стрельбы по коням противника.

Область распространения колчанов второго типа, хотя они встречаются значительно реже, чем берестяные, охватывает территорию от Среднего Поволжья и Прикамья до Венгрии.

Стрелы. Стрелы в колчане укладывались оперением вверх. Поскольку в одном колчане хранились стрелы с наконечниками различного назначения (бронебойные — против шлемов, щитов и панцирей; срезни — против вражеской конницы и незащищенных броней вражеских воинов и т. п.), то древки стрел у ушка и оперения красились в разные цвета, чтобы можно было быстро вынуть нужную стрелу.

Составные части стрелы — древко, наконечник и оперение. Древко — основная часть стрелы, обеспечивавшая направление полета, представляло собой круглый в сечении деревянный или тростниковый прямой стержень. На древке крепились наконечник, оперение, а иногда и костяное или иное ушко для накладывания на тетиву. Большинство стрел имеет ушко, вырезанное в самом древке (табл. 134, *1—5*).

Наконечник стрелы обеспечивал эффективность поражения, оперение — устойчивость в полете и меткость стрельбы. Стрела должна была обладать прочностью и легкостью. На Руси стрелы делались из сосны, ели, березы, реже из других пород.

Длина древнерусских стрел колебалась от 75 до 90 см (редко больше), толщина от 7 до 10 мм. Поверхность древка стрелы должна быть ровной и гладкой, иначе стрелок серьезно поранит руку. Древки стрел обрабатывались с помощью костяных ножевых стругов и шлифовальных брусков из песчаника и других пород камня (табл. 134, *11—14*).

Наконечники стрел насаживались на древко двумя способами в зависимости от формы насада: втулки или черешка. Втульчатые наконечники надевались на древко, а черешковые вставлялись в торец древка. И насадка, и забивка производились для прочности с помощью клея. Черешковые наконечники после насадки закреплялись обмоткой по клею, чтобы древко не раскололось. Поверх обмотки конец древка оклеивался тонкой полоской бересты, чтобы шероховатость не снижала скорости полета и не вызывала отклонения в полете.

Ушко. На тыльном конце древка вырезалось ушко, куда тетива лука входила во время натяжения (табл. 134, *1—9*). Без ушка стрела соскочила бы с тетивы во время натяжения и прицеливания. Ушко не должно быть ни слишком мелким, ни слишком глубоким. Глубокое ушко тормозит полет стрелы, а в мелком стрела непрочно сидит на тетиве. Древнерусские древки стрел X—XV вв. из раскопок в Новгороде и Старой Руссе имели ушки глубиной 5—8 мм (очень редко до 12 мм) и шириной 4—6 мм. Кроме того, существовали костяные насадные ушки (тыльники) (табл. 134, *7—9*). Насадные ушки были с черешком для камышовых древок и с втулкой для насадки на древко деревянное. Конец древка после насадки ушка также обматывался ниткой и оклеивался берестой. Эта обмотка закрепляла одновременно и нижний конец оперения стрелы.

Оперение придавало стреле устойчивость в полете и способствовало более точной стрельбе в цель. «Не оперив стрелы, прямо не стрелити»,— восклицал Даниил Заточник (XII в.). Оперение стрел многократно упоминается в летописях, былинах и других источниках и изображается на памятниках искусства. На оперение стрел шли перья с крыльев разных птиц. Они должны были быть ровными, упругими, прямыми, но не жесткими.

На Руси оперение было в два—четыре пера. Чаще всего использовалось оперение в два пера (табл. 134, *10*). Длина оперения чаще всего применялась 12—15 см. Оно отступало от ушка на 2—3 см, чтобы удобно было брать стрелу. Лопасти перьев должны иметь одинаковую длину и ширину (1—2 см) и изгибаться в одну сторону, что придавало стреле в полете винтообразное вращение и устойчивость. Длина и ширина оперения зависели от массивности стрелы.

В арабском наставлении по стрельбе из лука рекомендовалось, чтобы вес стрелы был от 15 до 20 дирхемов (42—57 г) и что вес наконечника должен составлять $^{1}/_{7}$ веса стрелы, а оперения — $^{1}/_{7}$ веса наконечника. Эти цифры очень близки весовым соотношениям русских стрел. Вес большинства наконечников древнерусских стрел 8—10 г, но встречаются наконечники весом от 3 до 20 г.

Помимо боевых, охотничьих и рыболовных стрел, на Руси использовались и зажигательные стрелы. Правда, ими пользовались очень редко и для воинов Руси они не характерны. Они имели всегда двушипный наконечник, чтобы зацепляться за кровлю и вызывать пожар.

Наконечники стрел. Десятки тысяч железных и стальных наконечников стрел IX—XIV вв., собранных археологами при раскопках могильников и поселений, имеют самые различные формы. Форма наконечников стрел зависела от цели, для которой предназначались стрелы.

Для стрельбы по незащищенному доспехами врагу и по коням противника наиболее эффективными были трехлопастные и плоские широкие наконечники стрел, наносившие широкие раны, вызывавшие сильное кровотечение и тем самым быстро выводившие пешего или конного врага из строя.

В Древней Руси стрелы с широкими режущими наконечниками назывались срезнями. Двурогие наконечники, судя по этнографическим данным, применялись для стрельбы по водоплавающей птице. Двушипные наконечники не позволяли раненому освободиться от стрелы, не расширив раны.

Широкое распространение защитных доспехов в IX—X вв. у народов Восточной Европы и на Руси — кольчуг, «дощатых» или пластинчатых панцирей, щитов, железных шлемов, поножей, масок для лица и т. п. вызывало распространение бронебойных железных и стальных наконечников стрел, способных пробивать любые металлические доспехи. Именно в это время появляются и распространяются бронебойные наконечники, если можно так выразиться, с узкой специализацией. Для пробивания кольчуг — наконечники с узкой, шиловидной, массивной головкой. Для пластинчатых доспехов, шлемов и щитов — узкие массивные долотовидные наконечники и бронебойные с граненой головкой. Долотовидные наконечники особенно эффективны были при стрельбе по защищенному шлемом и щитом противнику. Такие наконечники легко раскалывали деревянный щит, обтянутый кожей и иногда усиленный железным умбоном.

Очень многие типы наконечников стрел употреблялись в строго определенные периоды времени и поэтому являются вполне надежным датирующим материалом.

Не останавливаясь на принципах определения типов и видов наконечников стрел, не будем подробно характеризовать каждый тип и вид, область их распространения, этническую принадлежность и т. п., поскольку все эти и многие другие сведения о каждом типе читатель может найти в книге А. Ф. Медведева (Медведев А. Ф., 1966, с. 53—89).

В настоящем обзоре даются хорошо датированные и наиболее характерные для определенных периодов типы железных наконечников стрел с IX по XIV включительно. Поэтому для краткости мы будем обозначать типы и виды наконечников стрел не полным названием, а порядковыми номерами по классификации А. Ф. Медведева.

Все наконечники стрел подразделяются по форме насада на древко стрелы на два отдела — втульчатые и черешковые. Втульчатые не характерны для Руси и кочевников. Они были распространены вдоль западных границ Древней Руси, и, видимо, были заимствованы от западных соседей (поляков, чехов, немцев), у которых они имели широкое распространение. На Руси они составляют около одного процента от всех стрел. Остальные 99% наконечников были черешковыми. Лишь в районе Прикамья втульчатые наконечники употреблялись с глубокой древности до средневековья. Ими пользовались местные финно-угорские племена.

Были типы наконечников стрел, которые употреблялись в течение длительного периода. На табл. 18 представлены именно такие типы. Среди них есть и втульчатые (табл. 135, *1—3*) и черешковые (табл. 18, *4—19*), плоские и граненые бронебойные (табл. 135, *12—17*). Все они имели широкое распространение у народов Восточной Европы в период с VIII по XIV в. У некоторых из них период распространения на 100—200 лет короче, чем у других, но каждый из них был в обиходе не менее четырех-пяти веков. На протяжении этого времени каждый тип претерпевал изменения в размерах, в отделке и т. п., и поэтому в дальнейшем вполне возможно выделение вариантов отдельных типов, у которых период распространения несомненно сузится.

Типология и хронология распространения всех типов наконечников стрел приведена на таблицах 135—140. Представленные здесь наконечники стрел свидетельствуют не только о разнообразии их типов, связанных с функциональным назначением. Они отражают также этническую принадлежность, технический прогресс, пути распространения и характер взаимоотношений различных народов.

* * *

Доспех. Качеством защитной одежды характеризовалась не только профессиональная квалификация мастеров и воинов, но, в определенной мере и обороноспособность всего народа. Защитное вооружение появилось на Руси, когда создавалась феодальная власть и строились ее города и замки. Современники называли его прекрасным, прочным, драгоценным.

Средневековые боевые наголовья отражают изобретательность и индивидуальную манеру мастеров (табл. 141—142). Среди наиболее ранних на Русь проник с Востока шлем конической формы; в XI в. он стал популярным также и во всей Западной Европе и у норманнов. В свете этого наблюдения обращает на себя внимание шлем, происходящий из Гнездова под Смоленском (тип I, табл. 141, *1*). Это один из древнейших образцов шлемов конической формы, найденных в Европе. Находка этого шлема возможно свидетельствует о пути проникновения на континент азиатских образцов. У русских, однако, преобладание получили боевые наголовья иного облика, а именно сфероконические. Даже прямой сабельный удар мог безвредно соскользнуть с обтекаемой плоскости такого покрытия. Шлемы этой формы с некоторыми модификациями (тип II, IIA, IIB, табл. 141, *2—5*; 142, *3*) использовались до середины XVI в. под названием «шелом» или «шолом» и украшались так, чтобы даже издали сверкать золотом и выделяться украшениями. Очевидцы и сказители не раз воспевали это «свечение».

Сфероконические шлемы — древнее ассирийское изображение. В X в. их носили русские воины разных рангов, а около 1000 г. они распространились в ряде восточноевропейских государств. Речь идет об особой группе сфероконических наголовий, отличающихся, несмотря на некоторое разнообразие в деталях, выраженным типологическим сходством. Они склепаны из четырех частей, увенчаны втулкой для султана, покрыты позолоченной медной или бронзовой обтяжкой (табл. 141, *2, 4, 5*). География данных находок показательна: шесть из них найдены на Руси, четыре — в Польше, один — в Венгрии, два — в Самбии, место находки одного неизвестно. Признано, что все эти изделия восходили к русскому протообразцу, но могли быть изготовлены в разных мастерских (ср. Nadolski A., 1978, p. 13). Впрочем, конкретное происхождение ряда польских и других находок остается дискуссионным. Высказано мнение, что их можно рассматривать как ценные трофеи, привезенные из Руси (Żygulski Z., 1975, p. 80).

Среди других шлемов сфероконической формы отметим восемь образцов XII—XIII вв., обнаруженных только на юге Киевской области и свидетельствующих о связях русских с кочевниками (тип II Б, табл. 141, *3*; 142, *3*). Эти изделия отличаются высо-

ким колоколовидным, увенчанным шпилем для флажка корпусом, наносником и окологлазными выкружками.

В ходе феодальных междоусобиц и в период усиления доспеха возникли оригинальные куполовидные наголовья с полумаской (табл. 141, *6*; 142, *2*). К этому типу относится знаменитый шлем, приписываемый князю Ярославу Всеволодовичу, с находки которого, как упоминалось выше, началось изучение русского средневекового оружия. Этот шлем был спрятан в 1216 г.(?) во время бегства одного из военачальников с поля боя, но перед этим, возможно, два поколения мастеров трудились над его отделкой и усовершенствованием (Рыбаков Б. А., 1963, с. 45—47; Янин В. Л., 1972, с. 235—244). Шлем отделан серебряными рельефными пластинами, которые выполнялись двумя или тремя чеканщиками неодинаковой квалификации. Смонтированы пластины были, по-видимому, одновременно. Начельная с изображением архангела Михаила снабжена по краю посвятительной надписью «Вьликъи архистратиже гй Михаиле помози рабу своему Феодору». Феодор — крестительное имя владельца вещи не уместилось на ободке пластины и частью перенесено на ее поле. Вряд ли речь идет о неловкости резчика букв, не рассчитавшего длину надписи. Одним из объяснений этого факта может служить то, что надпись писалась на пластину, заготовленную еще до получения княжеского заказа, предусматривавшего начертания определенной формулы с именем собственника наголовья. Ободок начелья оказался для такого задания мал. Не свидетельствует ли в свою очередь все это о существовании оружейной мастерской с развитой специализацией труда и запасом готовых украшений, производившей свою продукцию отнюдь не для одного высшего феодала. Позже всего (примерно около 1200 г.) к шлему, ставшему уже, вероятно, потомственной реликвией, прикрепили шпилевидное навершие и полумаску. Модернизация вещи проводилась с использованием прежней основы и была несомненно продиктована стремлением защитить лицо владельца наголовья. Обстоятельства, подтолкнувшие к такого рода усовершенствованию, сложились не ранее второй половины XII в. О притягательности новой формы шлема свидетельствуют находки куполовидных, русских по происхождению шлемов в половецких погребениях второй половины XII — нач. XIII в. в Запорожской области УССР, а также на территории Румынии (Spinei V., 1974, fig. 5—6).

Шлемы куполовидной формы (но без полумаски), начиная с XIV в. назывались шишаками. Встречены на Руси и шлемы других конструкций. Отметим кочевнические, точнее черноклобуцкие образцы в виде четырехгранной пирамиды на круговом основании, снабженные масками-личинами, и известные в Западной Европе с конца XII в. по конец XIV в. наголовья полусферической формы с полями (табл. 141, *7*, *8*). Что касается распространенности шлемов, то они составляли необходимую принадлежность не только командиров, но и многих рядовых воинов.

Кольчуга. Введение защитной одежды повлияло на военные строи и привело к выделению ядра войска — тяжеловооруженных воинов (табл. 142, *1*). Их первоначальной излюбленной защитной одеждой оказалась кольчуга. Ее происхождение, как показали изыскания последнего времени, скорее европейское, чем азиатское. Об этом свидетельствуют и находки, и само название «броня». Вплоть до XV в. этим словом германского происхождения называли кольчатый доспех. Поголовное оснащение русской дружины кольчугами было выдвинуто как важнейшая государственная задача, разрешить которую Киевская держава смогла уже в X в. Трудоемкость этого предприятия можно оценить хотя бы по тому, что на изготовление одной кольчуги шло в среднем 600 м железной проволоки и не менее 20000 попеременно сваренных и склепанных колец. Кольца достигали в поперечнике 7—9 и 10—14 мм, а по толщине не превышали 0,8—2 мм (табл. 144, *1*, *4*). Средний вес кольчужной рубашки достигал 7 кг.

Изменения кольчужного доспеха в XIII в. выразились в появлении плетения из сплошь клепаных, круглых в поперечном сечении колец и из уплощенных колец (образцы подобной выделки начиная с XV в. назывались панцирями — табл. 144, *5*). В то же время подол кольчуги удлинился до колен и появились длинные рукава и кольчужные чулки. Все эти изменения связаны, с одной стороны, с усилением защиты бойца, с другой — с переходом бронников к более простой и однообразной производственной технологии.

В эпоху Киевской державы кольчуги в экипировке воинов господствовали. Однако в течение XII в. на Руси и в Западной Европе создаются условия для ускоренного развития наборной пластинчатой брони, которая раньше в снаряжении войск играла второстепенную роль. Оружейники оценили этот вид доспехов в связи с тем, что пластины при монтировке значительно заходили друг за друга и тем самым удваивали толщину брони. Кроме того, изогнутость пластин помогала отражать или смягчать удары неприятельского оружия. Части «дощатого» доспеха, до недавней поры известного лишь по изображениям на рельефах иконах и фресках, впервые были открыты археологически (табл. 143 — Медведев А. Ф., 1959б, с. 119 и сл.).

Среди отечественных находок (хотя целых гарнитуров не сохранилось) можно опознать две системы наборного предохранения (табл. 144): при одной — пластины соединялись с помощью ремешков, при другой — прикреплялись к кожаной или матерчатой основе наподобие чешуи (табл. 144, *2*—*8*). Прикрытия из пластинок «ременного» скрепления использовались начиная с IX—X вв. вплоть до конца XV в. Обычные размеры пластин: длина 8—10 см, ширина 1,5—3,5 см, по краям располагались одиночные или парные отверстия для пропуска ремешков (табл. 144, *2*, *7*). Появление подобной защиты в странах Балтийского бассейна, таких, как Польша, Швеция, Литва, европейские оружиеведы справедливо объясняют русским влиянием или посредничеством. В 1250—1450 гг. более предпочтительной по ее эластичности считалась чешуйчатая одежда, ибо чешуйки размером 6×4—6 см, прикрепленные к мягкой основе только с одной стороны и в центре, имели возможность некоторого движения. В домонгольской Руси одежда из чешуи известна лишь по изображениям, однако ее реальное существование

можно прогнозировать с XII в. (табл. 144, *3*, *7*).

Внедрение различных «дощатых» систем защиты тела сопровождалось распространением в XIII в. таких усиливающих принадлежностей, которые считались характерными лишь для западноевропейского латника. Таковы констатируемые по находкам и изображениям поножи, наколенники, нагрудные зерцальные бляхи. Общеевропейскими новинками выглядят найденные в Новгороде в слоях 1200—1250 гг. несколько частей от наручей или перчаток и целый наруч (табл. 142, *4*), найденный на поселении у с. Сахновка Киевской области, уничтоженном около 1240 г. (Медведев А. Ф., 1959б, рис. 2, *9—10*; Кирпичников А. Н., 1971, рис. 23). Имеющиеся данные позволяют предположить появление в XIII в., в первую очередь в Новгороде, бригандины — одеяния, у которого металлические пластины крепились с внутренней стороны ткани (Kirpičnikov A. A., 1976, S. 31, Abb. 18).

После 1250 г. развитие доспеха на Западе Европы шло по линии создания все более неуязвимой защиты до тех пор, пока во второй четверти XV в. было завершено полное бронирование рыцаря и началось производство сплошь кованых готических лат. В русских землях к столь монументальной защите не прибегали, что объясняется своеобразием боевого снаряжения русских воинов, выступавших и против европейского, и против азиатского противника.

В течение всего рассматриваемого периода ратники в бою стремились демонстрировать свой сверкающий доспех, что оказывало определенное психологическое воздействие на неприятеля. Лишь в XV в. и особенно в XVI в. воины стали закрывать свои блиставшие металлом доспехи яркими тканями.

Щиты. Древнейшими археологически известными русскими щитами были круглые, снабженные в центре полушаровидным или сфероконическим металлическим умбоном (типы I—II, табл. 144, *9—12*). Почти забытые в XII—XIII вв., круглые щиты вновь используются в коннице в XIV — начале XVI в. В связи с выдвижением конного войска во всей Европе, не исключая Руси, с XI в. распространились прикрытия миндалевидной формы, закрывавшие всадника от подбородка до колена, чего прежний круглый щит не обеспечивал (табл. 144, *13*). В конце XII — начале XIII в. миндалевидные прикрытия становятся меньше, утрачивают свои металлические детали (оковки, умбоны, заклепки), а по очертаниям приближаются к треугольным. Эволюцию этих форм можно проследить лишь по изобразительным источникам. Пользуясь этими данными, можно заключить, что около 1200 г. щит из пассивного и малоподвижного средства защиты становится все более мобильным и удобным для манипулирования в бою. Так, на миниатюрах Радзивилловской летописи щит не только прижимают к телу, его выдвигают вперед, подставляют под вражеское оружие, чтобы ослабить или отбить удар «налету». Есть основания отнести возникновение этих приемов еще к домонгольской боевой практике.

В XII—XIII вв. поле щита украсилось эмблемами и стало служить геральдическим целям. Щит наряду с такими предметами, как шлем, меч, копье, служил не только в бою, но и как государственный и военный символ и знак ранга.

Судя по детальным воспроизведениям на печатях и миниатюрах, во второй половине XIV—XV в. в Северной Руси использовали щиты скругленно-прямоугольных очертаний с четким долевым желобом (табл. 144, *13*). Желоб, членивший поле щита на три части, служил вместилищем руки и тем облегчал рассчитанные защитные манипуляции в бою. Щиты этой формы назывались павезами и, кроме всадников, использовались пехотинцами с сулицами, арбалетами и ручницами. Им требовалась некоторая пауза, чтобы под надежной защитой метнуть или перезарядить свое оружие. Речь идет о популярной воинской принадлежности в течение XIV в., приблизительно одновременно распространившейся у русских, литовцев, поляков, орденских немцев. Это изобретение, вопреки некоторым утверждениям, не было внезапным, и по деталям восходит к защитным приспособлениям, вырабатывавшимся в XII—XIII вв. Считают, что раньше, чем где-либо, павезы были приняты тевтонскими и литовскими рыцарями. Вычеркивать из этого списка русских, а также поляков, думается, пока преждевременно. На востоке Европы, во-первых, в XII—XIII вв. уже, по-видимому, существовали щиты, снабженные долевой гранью, напоминавшей желоб классической павезы XIV в., во-вторых, имели место приемы боя, требующие заградительного отражения не только удара, но и летящей сулицы или стрелы.

О производстве щитов, в частности в Новгороде, можно судить лишь по именам Гаврилы и Микифора, названных щитниками (НПЛ, 1950, с. 67 и 73). Существовала в Новгороде и Щитная улица, что указывает на развитую специализацию данной отрасли военного ремесла, сочетавшего труд столяра, кожевника, кузнеца и художника.

Снаряжение всадника и верхового коня. Начальный период — IX—X вв., связанный с появлением удил, характерен усвоением разнообразных, преимущественно восточных по происхождению конструкций с прямыми и дугообразными псалиями (табл. 145, типы *I*, *Iа*, *б*, *в*, *II*, *III*). Удила этих форм бытовали на Руси как наследие или в результате контактов с европейскими номадами с их развитым коневодством и способностью к длительным передвижениям. Характерно устройство большинства этих изделий — они снабжены одно- или двупетельчатыми псалиями, следовательно, приспособлены к управлению горячим конем. Псалии с одной петлей (табл. 145, *11*, 17—21) характерны для удил до 900 г. или для конструкций 950—1250 гг., часто переходных от сложной многочленной к простой кольчатой. Эти же изделия, но с двумя петлями (одна служила для пропуска петли грызла, другая — для сцепления с ремнем оголовья), в основном относилась к IX—X вв., хотя спорадически использовались и в более позднее время. Наряду с прямыми стержневидными или несколько изогнутыми псалиями встречаются S-видно изогнутые или снабженные зооморфными увенчаниями (табл. 145, *11*, *12*), но они редки и для периода IX—X вв., когда обнаруживаются в нашем материале, архаичны.

Уже в X в. появляются общеевропейские, и в частности общеславянские, удила, в которых псалий и подводное кольцо сливаются (табл. 145, тип IV). Через столетие кольчатые удила почти вытесняют

ряд других ранее распространенных форм. Варьируя размер колец, мастера приспособили эту рациональную конструкцию к различным по характеру лошадям местного разведения и выучки. В XII—XIII вв. двухзвенные удила составляют почти 95% находок и являются показателем стандартизации производства, достигнутой в деле снаряжения всадника и коня. В этот период ремесленники совершенствуют имевшиеся популярные конструкции (типы II и IV). Количество типов и разновидностей удил сокращается наполовину и более. Кольчатые удила ряда модификаций (табл. 145, типы IVa — VI) для русского войска не характерны.

В XII—XIII вв. снаряжение конных степняков не имеет на Руси своего прежнего влияния. Несмотря на распространение в предшествующее время разных типов конструкций (до десяти), в конечном итоге на Руси пользовались удилами немногих форм, что было связано с развитием местного коневодства, транспорта, становлением конницы как главного рода войск, наконец, единообразием производства.

Стремена. Стремена типологически делятся на две основные непохожие по деталям группы. К первой относятся большинство изделий IX — начала XI в. (табл. 146, типы I—IV, частично V), ко второй — предметы главным образом XII—XIII вв. (табл. 146, типы VII—X, частично V). Для более древних стремян характерны ушко, оформленное в самостоятельном выступе, и подножка в основном округлой формы (за исключением образцов на табл. 146); у более поздних — отверстие для путлища прорезано в самой дужке и подножка по очертаниям бывает как скругленной, так и угловатой. Намеченные различия имеют не только хронологическое значение, но и связаны с изменением посадки и седловки, при которой опорная роль стремян все более возрастала. Если в эпоху создания киевской кавалерии всадник сидел в низком седле и пользовался легкими округлыми стременами, то в дальнейшем седло становится выше, а стремена вследствие возросшей силы ошибок копейщиков принимают все большую нагрузку и их подножка в целях большей опорной устойчивости расширяется и распрямляется.

Воины Киевского государства использовали конные ножные опоры, которые в большинстве восходили к азиатским прототипам VI—VIII вв. и которые существовали и были знакомы кочевым и полукочевым народам Восточной Европы в IX—X вв. Между 1000 и 1100 гг. большинство прежних конструкций выходит из употребления и внедряются новые образцы местной выделки, приспособленные к воинской обуви с подошвой разной степени жесткости. Около 1150—1250 гг. осуществляется массовое изготовление трех ведущих конструкций — с прямой, несколько изогнутой и полукруглой подножкой (табл. 146, типы VII, VIIa, IX). Численный перевес получают стремена с прямой или слабоизогнутой подножкой, присущие тяжеловооруженным всадникам, составлявшим ядро войска. В этот же период выпускаются наделявшиеся важным иерархическим смыслом богато декорированные золоченые стремена. Парадное стремя выделяло феодального властителя среди окружавших его вассалов. Характерное летописное выражение «у стремени течи», подле «стремени ездити» обозначало следовать рядом с господином, выполнять его приказания, а «вступити в злат стремень» понималось как начать поход (Срезневский И. И., 1903, с. 566).

В XII — первой половине XIII в. входят в употребление стремена с боковыми выступами «кулачками», выполнявшими функции шпор, а также ножные опоры в форме стрельчатой арки и трапециевидные (табл. 146, типы VIII, IX, IXa, X), похожие на образцы, распространенные в других странах рыцарской Европы.

В целом эволюция русских стремян в XII—XIII вв. шла по линии сближения с общеевропейскими. Однако эта эволюция, при которой одновременно использовались разнообразные конструкции, отличалась своеобразием, порожденным особым военным и географическим положением Руси, находившейся между Востоком и Западом. Нельзя не отметить, что конные опоры с прямой и несколько изогнутой подножкой будут унаследованы кавалеристами Московской Руси.

Шпоры. В течение IX—X вв. киевские конники почти не пользовались шпорами, полагаясь при управлении конем, как и их южные соседи — степняки, на плеть и шенкеля. С XI в. по мере выделения конницы как главного рода войск происходит массовое внедрение шпор, или, как их называли в средневековое время, острог. Первое летописное упоминание пришпоривания коней обозначено в «Повести временных лет» под 1068 г. словами «и ударища в коне». Использование шпор этому выражению вполне соответствует. Они явились эффективным средством понуждения коня, особенно в решающие моменты боевых действий: при маневре и сближении с противником.

Ныне становится все более очевидным, что в отношении применения шпор Русь, считавшаяся азиатской окраиной Европы, входила в число развитых рыцарских стран своего времени. Красноречивым примером служат древности раскопанного М. К. Каргером волынского Изяславля. В этом городе, расположенном не в западной или центральной Европе, а недалеко от края восточной степи, было найдено 280 шпор. Совокупность этих находок может конкурировать с коллекциями национального масштаба.

Как и в Западной Европе, на Руси шпоры были неотъемлемой принадлежностью конного воина, состоятельного человека, феодального слуги или дворцового стражника. Не случайно среди находок оказались отделанные золотом, серебром, медью или фигурной ковкой.

Первые так называемые каролингские шпоры имели дугу и шип, расположенные в горизонтальной плоскости (табл. 147, тип I). В русских находках они, как правило, датируются с некоторым запозданием по сравнению с западноевропейскими образцами XI—XII вв. Одновременно с горизонтальными существовали изделия с шипом, поднятым вверх (табл. 147, тип Ia). Уже в XI в. появились образцы общеевропейских форм с изогнутой, если смотреть сбоку, дужкой и шипом, направленным не вверх, а вниз. В XII в. изогнутые шпоры, снабженные шипами, господствовали на Руси. Обращают на себя внимание легкие, словно проволочные шпоры с

плавным волнообразным изгибом дуги, возможно, предназначенные для лучников-стрельцов (табл. 147, тип II). Далее отметим массивные угловатые изделия с крупным шипом, наклоненным к плоскости дужки на 90—130° (табл. 147, тип. III). В отличие от предшествующих они предназначались скорее всего для тяжеловооруженных всадников. Шпоры других форм не столь разграничиваются в тактико-войсковом отношении и сочетают в себе признаки упомянутых выше образцов (табл. 147, тип IV и IVa).

По мере развития тактики конных сшибок оружейники предпринимали попытки точнее рассчитать дозволенное колющее действие шипа. Используются разные виды шипов с противотравмирующими ограничителями. Проблему создания действенных, не причиняющих коню ранений шпор разрешил тип с подвижным звездчатым колесиком. Колесиковая шпора дошла до наших дней и для своего времени являлась крупным открытием. Русские находки по-новому освещают международную загадку появления колесиковых шпор. Зарегистрированные в 13 русских поселениях 36 шпор с подвижным звездчатым колесиком (табл. 147, тип V), относящихся к 1220—1230 гг., оказались древнейшими среди известных в Европе (Кирпичников А. Н., 1973б, с. 299—304). В археологической и оружиеведческой литературе датировка колесиковых шпор определялась примерно 1300 г. Теперь эту датировку можно удревнить по крайней мере на три четверти века. Вопрос этот обсуждался в 1972 г. на международном семинаре в Лодзи «Западные и восточные элементы в вооружении славян эпохи средневековья». Ранняя дата русских вещей сочтена убедительной и заслуживающей принятия.

На примере шпор устанавливается, что многие приемы конного боя, атаки и маневра на востоке Европы в целом не отличались от принятых на Западе. Интенсивная разработка шиповых и колесиковых шпор свидетельствует в пользу существования конского доспеха, археологически известного у нас по древнейшей в Европе боевой конской маске второй четверти XIII в. (Кирпичников А. Н., Черненко Е. В., 1968, с. 62—65). Прогресс в использовании средств европейского конновождения не был остановлен монголо-татарским вторжением. Еще во второй четверти XV в. новгородцы, как и их западные современники, носили шпоры с длинным держателем звездочки, что подтверждает ношение представителями русской «конной рати» полного доспеха.

Относительно найденной в Новгороде шпоры с далеко отставленным колесиком, датируемой 1420 гг., А. В. Арциховский справедливо писал, что ею «можно было пришпорить коня сквозь густую кольчугу и даже, может быть, сквозь латы» (Арциховский А. В., 1958, с. 230, рис. 1, *1*). Добавим, что шпора с длинным держателем (10 см) звездочки, вроде упомянутой выше, предполагает наличие доспеха, возможно пластинчатого, закрывающего и ноги воина. Всадник более ранней поры и его конь, видимо, не были столь тщательно и предусмотрительно защищены — соответственно держатели шипов и звездочек (в XII—XIII вв.) не превышали нескольких сантиметров.

Говоря о средствах конновождения, следует отметить использование плетей. Зафиксированные в археологических находках сохранившиеся детали плеток типологически делятся на основные группы (табл. 148, *1—6*). К одной относятся металлические кнутовища с кольцом и приклепленными к нему обоймой для бича и привесками (тип I). Эти экземпляры найдены в полосе от юго-восточного Приладожья до Смоленщины и относятся к IX—XI вв. Такая плеть приучала коня не только ощущать удар, но и слышать простой взмах без удара. Изобретение и распространение «звучащей» нагайки связано с Северной Европой. Упрощением описанной выше плетки явилось устройство, состоявшее из кольца и обоймы для соединения с деревянной рукоятью (тип II). К другой группе плетей относятся затыльники рукоятей из бронзы и кости с боковыми клювовидными выступами (тип III—IV). Они широко бытовали в XI—XIII вв. и указывают не езду по-восточному. Этой манере присуща опора полусогнутыми ногами на стремена, легкое седло без заметно выраженной задней луки, отсутствие шпор.

В целом археологический материал свидетельствует о том, что появившись в IX в. на Руси, плети на первых порах были распространенным средством конновождения, в дальнейшем их использование снизилось в связи с выдвижением кавалерии, оснащенной шпорами. Употребление плетей стойко держалось у черных клобуков, и, возможно, у некоторых легковооруженных стрельцов. Что касалось вообще всякого рода невоенной верховой езды, то здесь популярность плетей в течение всего средневековья не уменьшилась.

Рассмотрим некоторые металлические принадлежности убора верхового коня. Типичными для IX—XI вв. являлись подпружные пряжки трапециевидных, прямоугольных, прямоугольных с изогнутыми боковыми краями очертаний (табл. 148, *10—12*). В XI—XIII вв. стали употребляться пряжки полукольцевидных, кольцевидных и смягченно прямоугольных форм (табл. 148, *13—19*). В этот период переходят к использованию в конской упряжи сразу нескольких пряжек, предназначенных в том числе и для подпруги из двух ремней. Тогда же появились пряжки у стременных путлищ.

Устройство однорядных и двухрядных скребниц эпохи средневековья видно из приводимого рисунка (табл. 148, *7—9*).

В XII—XIII вв. подковы становятся обычным обиходным предметом, но для боевых коней это не подтверждено. Подковы безусловно отягощали легких кавалеристов, но спорадически могли использоваться тяжеловооруженными. Выделяются две типологические разновидности подков. К одной относятся образцы XI—XVII вв. в виде полуокружности с одним передним шипом (табл. 148, *30*). Ко второй относятся изделия XII—XIV вв. в форме трех четвертей овала с двумя концевыми шипами и волнистым очертанием внешнего края (табл. 148, *31*). Предшественниками подков явились ледоходные шипы для человека и коня, появившиеся на Руси примерно в IX в. (табл. 148, *20—29*). Они позволяли безопасно передвигаться по скользким дорогам преимущественно в зимнее время. Начиная с XI столетия употребление шипов для конских копыт не исключало применение обычных подков.

Обзор снаряжения конного воина свидетельствует, что в отличие от наступательного и оборонительного вооружения, боевые свойства которого во всяком случае до второй половины XII в. прогрессировали весьма плавно, в развитии экипировки всадника наблюдается определенная скачкообразность. Конное войско, возникшие на Руси не позже X в., было оснащено изделиями, изготовленными или заимствованными преимущественно у кочевых и полукочевых народов Юга и Юго-Востока европейской части СССР. Своими удилами с прямыми или дугообразными псалиями, низким полумягким седлом, наборной уздой, легкими округлыми стременами, плетью киевский всадник напоминал своего южного соседа, хотя и отличался от него набором оружия ближнего боя. Становление собственного конного войска приводит в XI в. к значительному видоизменению уже принятых образцов восточного происхождения. Езда по-восточному с применением плети все более уступает европейской посадке, связанной с обязательным применением шпор. Конные копейщики и лучники получают все более разнообразное и усовершенствованное снаряжение. Если первым придавались массивные шпоры, стремена с прямой широкой подножкой, седло-кресло рыцарского типа — все, что обеспечивало устойчивость и напор при таранных сшибках, то вторые пользовались легкими седлами, округлыми стременами, облегченными шпорами.

По обилию детальных изменений шпор, стремян других изделий русские в 1150—1240 гг. не только находились на уровне наиболее опытных в конном деле европейцев, но иногда опережали свой век. Некоторые нововведения появляются на Руси поразительно рано; таковы стремена в форме стрельчатой арки, шпоры с крупными шипами и пластинчатыми манжетами, шпоры со звездочкой, конские маски. Прогресс в изготовлении и использовании средств европейского конновождения не был остановлен монголо-татарским вторжением. Вплоть до середины XV в. такого рода изделия, особенно в Северо-Западной Руси, сохраняли в большой мере общеевропейский облик. Лишь в последней четверти XV в. происходит общая ориентализация русской конницы.

Анализ предметов боевой техники закономерно приводит к постановке ряда широких вопросов, связанных с производством, использованием и развитием комплекса вооружения, снаряжением родов войск, оснащением армии на отдельных исторических этапах, международными культурными влияниями в сложении военной техники. Сама эволюция оружия не может быть оторвана от общих явлений военного дела.

Приходится отмечать, что большинство форм и видов оружия IX—X вв. не имеют местных корней в культуре предшествующей поры. Объясняется это тем, что боевые средства славян VI—VII вв. были весьма скудными и в этом смысле ни в какое сравнение не идут с тем, что появляется в киевский период. У обитателей Восточной Европы середины I тысячелетия н. э. преобладали лук и стрелы, метательные дротики; мечи, шлемы и кольчуги почти отсутствовали. В ходе военных действий славяне обогатились опытом и знаниями своих противников, захватили много оружия. Однако последующие крупные сдвиги военного дела были вызваны не византийским влиянием, а в первую очередь потребностями внутреннего развития.

В последней четверти I тысячелетия н. э. в жизни славянских племен Восточной Европы произошли огромные перемены. Исторически это был великий и героический период создания Древнерусского государства. Развитие было бурным, стремительным и сопровождалось резким изменением всей материальной культуры. Раннефеодальное государство выдвинуло многотысячную и в большой мере тяжеловооруженную армию, оснащенную всеми видами известных в тот период наступательных и защитных средств. Сдвиг в развитии вооружения в сравнении с военными средствами ранних славян можно назвать технической революцией. В IX—X вв. сложился по существу новый комплекс боевых средств, который в течение последующих веков будет претерпевать в основном постепенные изменения.

Образование Киевской державы сопровождалось, по-видимому, активным становлением оружейного ремесла. Уже в тот период организуются специализированные мастерские, например по выделке мечей. На первых порах оружейное ремесло, находившееся по тогдашним представлениям под покровительством богов языческого пантеона, было в большой мере привилегией избранных людей. Среди дружинников X в. находились знатные оружейники. Их наличие устанавливается по погребальным комплексам. Оружейное дело являлось иногда составной частью военных обязанностей. Воин времен князей Олега и Игоря умел не только действовать оружием, но и чинить его.

Как показало технологическое изучение мечей, копий, топоров, проведенное Б. А. Колчиным, русские оружейники не позже X в. овладели всеми приемами, применявшимися в то время в Европе для обработки железа и стали. При ковке использовалась «техника сочетания в изделии пластичной и вязкой основы предмета (железной или малоуглеродистой стали) с твердым стальным рабочим лезвием, подвергавшимся в конце технологического процесса термической обработке — закалке» (Колчин Б. А., 1978, с. 193—194). Особо следует отметить искусство сварки железа и стали и приготовление дамаскированной стали. Все эти работы, требующие высококачественного исходного сырья, сноровки и точности, не были секретом для военных мастеров. В частности, сварочный дамаск применялся в надписях на местных мечах.

В IX—XI вв. складывается то неповторимое своеобразие военного дела, которое на ряд столетий вперед определит пути его развития. Киевская держава была одной из немногих европейских стран, где несходство и разнообразие в составе и подборе вооружения были столь разительными и контрастными. На Руси освоили западный меч и восточную саблю, европейское ланцетовидное копье и кочевническую пику, восточный чекан и меровингский скрамасакс, азиатский сфероконический шлем и каролингские шпоры, ближневосточные булавы и северные ланцетовидные стрелы. Из перечисленных орудий войны некоторые нашли на Руси вторую родину, и уже как русские вещи проникли на Запад.

В составе раннесредневекового вооружения уживались изделия различной тяжести и разных свойств, и отмечаются такие несхожие формирования, как легкая конница и сильная пехота. Все решение проблемы образования русской средневековой оружейной культуры старое оружиеведение свело к участию в ее создании Востока и Запада. Эта культура действительно питалась достижениями других народов, но не была только восточной, только западной или только местной. Наряду с заимствованием чужого опыта создавались и использовались собственные виды оружия и снаряжения.

Войско Киевской Руси с самого начала было разноплеменным, что создало особо благоприятные условия для распространения всякого рода «орудий войны» подчас, казалось, несовместимых друг с другом (например, меч и сабля). Активными распространителями привозного европейского вооружения выступали державшие в своих руках международную торговлю варяги. При их посредстве на Русь попадали каролингские мечи, скрамасаксы, северные наконечники ножен мечей, некоторые образцы иноземных копий, топоров, стрел, принадлежности конской сбруи, каскообразные шлемы, ледоходные шипы. Военный вклад норманнов (по этому вопросу, к сожалению, нет недостатка в предвзятых суждениях) не носил оттенка превосходства и представляется в виде питательного источника, влиявшего на рост и укрепление славянской силы. Сами пришельцы испытали могущественное влияние местных условий и не располагали каким-то особым собственным военным комплексом (Кирпичников А. Н., 1977, с. 159 и сл.).

Разнообразие первоначального боевого арсенала объясняется не только внешними причинами (отрицать их не приходится), но и внутренними. Он создавался в исключительно напряженной обстановке, вызванной крайностями ведения войны на два фронта. Киевской рати приходилось воевать на севере и северо-западе с относительно малоподвижным европейским противником и на юго-востоке с быстрыми маневренными конными степняками. В течение первых веков существования Руси наиболее опасным участком борьбы был юг. Естественно поэтому, что влияние военного искусства кочевников во времена первых русских князей было весьма ощутимо. Воины киевского князя — славяне, варяги, финны — знакомые с традиционными европейскими приемами сражения, столкнувшись с азиатско-кочевническими приемами вооруженной борьбы, вынуждены были к ним приспособиться. На просторах своей земли и в восточных скитаниях они усвоили саблю, стали более широко употреблять кольчуги, получили сфероконический шлем, кочевническую пику, восточный чекан, сложный лук, округлые стремена и другие принадлежности упряжи, лучше научились приемам конного боя. Можно сказать, что в искусстве ведения войны русские не переставали быть европейцами, но часто сражались как азиаты.

Разнохарактерные условия борьбы, а также региональные особенности социального развития привели к некоторому различию между северными землями с распространенным там пехотным оружием и южными районами с преобладающими там средствами кавалерийского сражения. Зональные особенности в вооружении и способах ведения боя были не настолько велики, чтобы существенным образом обособить или разграничить развитие предметов вооружения. Различия были подчас временными и сводились к большей распространенности того или иного популярного изделия, например топора на севере и копья на юге. В целом средства боевой техники и приемы боя, несмотря на свое чрезвычайное разнообразие, практиковались или были известны на всей древнерусской территории. Силой обстоятельств они сочетали в себе черты Запада и Востока и в то же время на фоне европейского средневековья представляли нечто особенное.

Начальный период существования Киевского государства характерен преобладанием пехотной борьбы. Однако в отличие от более раннего времени военные отряды сражались не толпой, а в организованном боевом порядке — по полкам, по определенным тактическим правилам. Вооружение состояло из копий, топоров, мечей, луков и стрел, шлемов, кольчуг и щитов. При таком положении оружие ближнего боя, главным образом колющее и рубящее, приобретает для исхода битвы решающее значение. Метательные средства отступают на второй план. Развитие военной техники опережало родовое деление войск. Конница хотя и имелась, но была малочисленной.

Все более значительное давление кочевников, походы и потребности обороны, оформление феодальной организации общества приводят к середине и второй половине X в. к усложнению военного искусства и выдвижению конницы, в дальнейшем дифференцировавшейся на копейщиков и лучников. Копейщики — сила, специально предназначенная для нанесения главного удара. В их рядах находились профессионально подготовленные дружинники, владевшие всем комплексом боевых средств. Лучники выполняли «разведку боем», прощупывали силы противника, заманивали его ложным бегством, несли службу охранения. В состав лучников входила «молодь», т. е. младшие по положению члены дружины, дворовая челядь, незнатные рядовые воины. Описанное разделение войска по виду оружия сохранится вплоть до XVI в., до тех пор, когда московские всадники предпочтут копьям сабли и луки.

Растущее преобладание кавалерии не означало исчезновения пехоты. Однако действие последней в поле в большинстве случаев носило подсобный, вспомогательный характер. Более самостоятельной была всегда многочисленная пехота северорусских городов. В оснащении пехотинцев, также часто подразделявшихся на лучников и копейщиков, особенно популярным был топор, отвечавший универсальным требованиям похода и сражения.

С выдвижением конницы главнейшим наступательным оружием становится копье. Мечи и сабли, хотя и сохраняют значение, но тактическое лидерство уступают копью. Топоры для всадника нехарактерны. В вихре сражения достаточно было оглушить противника, но не обязательно убить. Для этой цели используются булава и кистень. При этом колющие и рубящие средства сохраняют свое боевое первенство.

В XI—XII вв. в военной обстановке совершаются новые ощутимые перемены. Походы на соседей не

прекратились, но боевые действия все больше начинают затрагивать внутренние интересы общества. Задачей военных действий было не присоединение сколько-нибудь значительных территорий, уничтожение городов и порабощение племен, а завоевание политической власти, дележ и передел земли, грабеж. Численность войска сокращается. Незначительность многих военных столкновений пропорциональна их быстроте и летучести. Боевые операции велись с переменным успехом и могли продолжаться бесконечно. Можно заметить две особенности: длительность и постоянство войн с ограниченными целями и множество быстротечных битв. Последствия войн и отдельных столкновений, даже самых опустошительных, не были, однако, настолько губительны, чтобы остановить экономическое и культурное развитие. Множество фактов свидетельствует об относительной безопасности жизни, расцвете ремесла, свободе передвижения и активизации строительства в городах и селах.

Мелким вооруженным конфликтам и междукняжеским распрям противостоят крупные операции по борьбе с главным противником — кочевниками, в начале XII в. приобретающие характер общерусской наступательной войны. Последние раннефеодальные монархи Руси Владимир Мономах и его сын Мстислав выработали и осуществили, по-видимому, единый план массированных ударов по половцам на юге и чуди на севере, что явилось вершиной военной стратегии страны накануне ее дробления на самостоятельные земли.

Оценивая военные свершения Киевской Руси в целом, следует подчеркнуть их масштабность. Молодое государство смогло установить и удержать обширные границы, выдвинуло значительное, в том числе конное войско, создало собственный арсенал военных средств, приступило к широкому строительству крепостей, включая каменные пограничные форпосты и организовало отпор самому опасному степному противнику.

Новый цикл изменений развернулся в последние 150 лет жизни домонгольской Руси. С наступлением периода феодальной раздробленности социальные перемены затронули и общество, и войско. «Рыцарственный XII век выдвинул не только боярство, находившееся ранее несколько в тени, но и разнообразное дворянство, включавшее в себя и дворцовых слуг-министериалов, и воинов — «детских» или «отроков» и беспокойных всадников-торков» (Рыбаков Б. А., 1964а, с. 155). Наряду с княжескими дружинниками на полях сражений выступают боярские и дворянские отряды, городские и областные ополчения. В качестве самостоятельных соединений в военных действиях участвуют иноплеменники федераты — черные клобуки, водь, корела, ижора. Городские концы организуют свою военизированную милицию, составлявшую городской полк (Рабинович М. Г., 1949, с. 56—59). В войнах участвует сельский люд.

События эпохи феодальной раздробленности свидетельствуют о значительном усилении и обновлении военных средств. Убыстряется темп развития боевой техники, примерно каждые 50 лет возникает комплекс новых формообразований. Все шире внедряется доспех и его усиливающие детали. Входит в широкое употребление снаряжение, специально изготовленное для легко- и тяжеловооруженных частей войска. Находки (шпоры с колесиками, детали доспеха, части самострелов) показывают, что в русских землях происходят технические и военные преобразования, опережающие свое время и имеющие общеевропейское значение. В целом в оружии того периода по-прежнему главенствуют средства ближнего боя, однако появление самострелов и камнеметов свидетельствует о времени резкой активизации осадной и метательной техники.

На прогресс техники того времени повлияло городское ремесло с его тенденцией к единообразию выпускаемых изделий. Все отчетливее выделяются образцы «серийного» изготовления. Множественности вещей предпочитаются ведущие формы: граненые пики, бронебойные стрелы, мечи с дисковидным навершием, сабли с перекрестьем ромбической формы, грушевидные кистени и булавы с 12 шипами, чеканы с симметричным лезвием, бородовидные секиры, стремена с прямой или изогнутой подножкой. Под напором массовой продукции все больше стираются различия в изготовлении «аристократического» и «плебейского», народного и рыцарского оружия (роскошное оружие, разумеется, вовсе не исчезло). Удешевление технологии ковки приводит к сокращению производства уникальных образцов и расширению выпуска массовых изделий. Трудоемкость работ уменьшается, в отделке вещей все экономнее применяются благородные металлы. В отличие от времен первых русских князей в XII—XIII вв. не всякий человек, владеющий оружием, занимался военным ремеслом, хотя бы в подсобных целях. Последнее обстоятельство объясняется углублением специализации оружейного ремесла. В городах существовали, очевидно, специализированные мастерские по выработке мечей, кольчуг, шлемов, щитов, седел, колчанов, луков, стрел и т. д.

С XII в. начинается постепенное утяжеление вооружения. Так, появились глубокий шлем с полумаской и круговой бармицей, полностью закрывавшими лицо, массивная длинная сабля, тяжелый рыцарский меч с длинным перекрестьем и иногда полуторной рукоятью. Об усилении защитной одежды свидетельствует распространенный в XII в. прием таранного удара копьем. Утяжеление, однако, не было таким значительным, как в Западной Европе, ибо сделало бы русского ратника неповоротливым и превратило бы его в верную мишень для степного наездника.

Для боя того времени характерна возросшая скорость передвижения войск и очередность применения тех или иных технических средств (табл. 149). Хозяином положения на полях сражений является тяжеловооруженный всадник-копейщик, снабженный копьем, мечом, саблей, кольчугой, шлемом, щитом, булавой, кистенем, стременами, шпорами и другим снаряжением. Достигшие высокой маневренности копьеносные отряды действуют не только на просторе, но и в глухих и лесных районах, привыкают спешиваться и биться сулицами. В качестве самостоятельного формирования регулярно выступают лучники, действовавшие обычно впереди главных сил. Подъем активности горожан и крестьян, освоение новых территорий, недостаток профессио-

нальных военных кадров приводит к подъему пехоты с присущим ей колющим, рубящим, ударным и отчасти метательным оружием. В первой половине XIII в. пехота усилилась настолько, что производит самостоятельные операции и начинает влиять на результат сражения. Сходное явление произойдет на западе Европы лишь полвека спустя.

В истории восточноевропейской военной техники русское оружейное дело сыграло прогрессивную роль, оказав воздействие на ряд племен и народов. Новые военные средства (мечи, копья, топоры и др.) распространились из центральных русских районов к побережью Финского залива, в юго-восточное Приладожье, на Муромщину и Рязанщину, в Суздальское ополье и всюду привели к отказу от старых, нередко архаических образцов. В итоге иноязычные племена и группы, втянутые в орбиту русской государственности, познакомились и получили технически передовое и наиболее совершенное для своего времени вооружение.

Со второй половины X в. самостоятельность русского оружейного ремесла окрепла настолько, что оно оказалось в состоянии влиять не только на окраинные иноплеменные земли, но и на более далеких европейских соседей. Русские мечи, наконечники ножен мечей и сабель, чеканы и секиры, шлемы, позднее булавы, кистени и другое оружие проникли в Северную и Центральную Европу и вызвали там местные подражания. Не без влияния русского клинкового производства во всей Северной и Центральной Европе произошла переработка франкского меча и распространились рукояти новых форм. Русь приняла участие в создании необходимых для конной рубки мечей с искривленными навершием и перекрестьем. Прямым воздействием русского ремесла объясняется появление в Прибалтике с XI в. однолезвийных сабель-мечей, а в Волжской Болгарии с XII—XIII вв. сабельных гард круговой защиты руки. Орнаментальные мотивы, встреченные в отделке киевского оружия, обнаружены на изделиях Дании, Швеции, о. Саарема. Русские дружинники ходили в золоченых сфероконических шлемах. Эту моду заимствовали феодалы Венгрии, Польши и Самбии. Викинги усвоили чекан и конический шлем, которые они получили из Киевского государства. Русь была крупнейшим поставщиком европейского оружия на Восток и сама торговала с Волжской Болгарией, Хорезмом, Халифатом, а также с Чехией, Венгрией, Швецией, Польшей, славянским Поморьем, странами Прибалтики, включая Финляндию. Притягательность и популярность изделий русского оружейного ремесла не только на Западе, но и Востоке сохраняется в течение ряда столетий.

Соприкосновение киевских дружин с печенегами показало всю опасность военной угрозы со стороны степи. Сказалось это и технически. В раннекиевский период восточные сабли, кистени, булавы, шлемы, стрелы, пики, топоры-чеканы, удила, стремена, петли, приемы конного боя были восприняты или оказали воздействие на формы и состав русского оружия и тактику его использования. Однако в последующий период положение изменилось. Половцы, торки, берендеи, не довольствуясь захваченным на поле боя, начинают, очевидно, заказывать и покупать продукцию киевских оружейников. Оказалось, что кочевники носили русские шлемы, сабли, кистени и булавы, возможно, кольчуги.

Что касается общего сопоставления русской и западноевропейской военной техники, то здесь можно сказать следующее. В IX—X вв. в вооружении и военных приемах Руси и других европейских государств было много общего (например, преобладание пехоты). Начиная с XI в. появляется различие, которое с русской стороны заключается в существовании активной пехоты, широком применении легкой кавалерии и средств быстрой конной борьбы: сабель, булав, кистеней, луков и стрел. Известная близость исторического развития ряда крупных европейских государств отразилась на сходстве их вооружения. Так, например, эволюция меча (с учетом некоторых отклонений) в течение нескольких столетий была подчинена общеевропейскому направлению. Можно отыскать много общего в костюме, снаряжении и тактике феодальных войск Восточной и Западной Европы. Одинаковыми и в XII—XIII вв. были пики, шпоры, кольчатые доспехи, некоторые предохранительные детали воинского убора, щиты, самострелы, деление на тактические отряды (их количество и численность были, конечно, различны), приемы копьевого боя. Общая черта военного дела Руси и Запада — преобладание конницы с тяжеловооруженным всадником-копейщиком в качестве главной боевой единицы. Определенное военно-техническое сходство русских княжеств и других европейских стран сохранится и в дальнейшем.

Сила и живучесть военно-технических достижений Руси XII в. оказалась настолько велика, что им суждено будет удержаться не менее двух с половиной веков и облегчить народу предстоящую борьбу за независимость. Развитие русских земель было прервано монголо-татарским нашествием 1237—1240 гг., повлекшим жесточайшую военную катастрофу. Поражение русских вооруженных сил нельзя объяснить их слабой выучкой, плохим оружием или отсталой техникой боя. Военная техника ордынцев была довольно скудной, однако они не знали феодальной розни и могли сосредоточить в каждом отдельном месте превосходящие силы. Можно предположить, что в сравнении с войсками русских княжеств и в операциях по захвату городов они обладали 10—30-кратным численным перевесом. Даже объединенное войско нескольких земель не могло противостоять такой армаде, хотя и неоднократно завязывало с ней бой.

Человек XIII в. в начале не смог осмыслить масштабов нашествия и его катастрофических последствий. Полчища завоевателей впервые за несколько истекших столетий принесли миру войну, основанную на тотальном уничтожении целых народов и их культуры. Режим порабощения и даней захватчики установили в полуразоренной Восточной Европе позже. В период же Батыевых походов они бессмысленно уничтожали производительные силы целых областей и тем лишали себя многих плодов своей победы. Такова, однако, была основанная на жестоком насилии военная доктрина ордынской знати, фактически не воспользовавшейся благами культуры покоренных оседлых народов и паразитически расхитившей сложившуюся цивилизацию.

Нашествие завоевателей затормозило и ослабило развитие страны. Не без давления вражеской угрозы на Руси не был принят рыцарский доспех, и пути оружейного, особенно «доспешного», мастерства на Западе и Востоке Европы заметно разошлись. При всем том «монгольский период» в истории русского военного искусства был сконструирован дореволюционными археологами и оружиеведами в пору, когда практически отсутствовали археологические находки XIV—XV вв. Теперь недостаток материала преодолен и можно прийти к следующим заключениям.

Орды Батыя не только не подавили самостоятельности русского военного дела, но и невольно способствовали его ускоренному прогрессу, что особенно заметно в Галицко-Волынской и Новгородской Руси. Прогресс техники и полководческого искусства развертывался во второй половине XIII в. в этих землях с поразительной активностью и привел к усложнению тактики боя, рассчитанной отныне на крупные и мелкие тактические построения (копье—стяг—полк) и продолжительные рукопашные схватки, происходившие как бы волнообразно в пределах одного сражения. Военные изменения того времени характеризуются массовым участием пехоты, применением средств дальнего боя — луков, самострелов, камнеметов, все более полным преобразованием кольчатой защитной одежды в пластинчатую (получившую собирательное название доспех), переходом к каменной фортификации.

Против завоевателей выгодно использовалось все, что противоречило их боевой выучке: самострелы, камнеметы, копьевые удары, метание сулиц, противоборство слитными построениями, борьба с городских стен, пехотные вылазки. Если же борьба происходила способами легкой конницы, основанными на массированном применении лука, стрел, сабель и внезапного маневра, то такие методы полевого боя установились на Руси с XI в., а не были заимствованы от восточных завоевателей в XIII столетии.

Перевооружение по восточному образцу в части кожаного прикрытия людей и коней было первой реакцией военных вождей в середине XIII в. В послебатыево время, по мере того как иссяк наступательный натиск противника, оскудел приток трофейной техники и недавние «победители мира» испытали первые военные неудачи в полевых схватках, система воинских приемов побежденных под названием «русский бой» выстояла и укрепилась. Сохранились унаследованные от домонгольского периода тактические приемы и весь строй войска, что в конечном итоге оказало воздействие на самих ордынцев, которые на какое-то время переняли европейский бой на копьях, систему построения полков и в дальнейшем выторговывали у русских панцири, топоры, узды и седла.

Военные потрясения XIII в. поставили под удар само существование народа и надо изумляться, как более чем наполовину ставшая «зоной пустыни» и разрезанная на части страна к исходу века добилась определенной военной стабилизации в борьбе не только против завоевателей, но и усиливших натиск европейских противников. Разнообразные по выбору боевые средства позволили русским захватывать инициативу и успешно действовать на разных направлениях: немцев и венгров — удивлять татарским оружием; самострелами, камнеметами и каменными замками останавливать ордынцев, быстрым лучным боем обессиливать прибалтийских крестоносцев.

Начиная с середины XIII в. военное дело активно развивается в двух больших районах Руси — Юго-Западном и Северо-Западном. Следует, очевидно, указать, что ни политическая разъединенность земель и княжеств, ни монголо-татарские и иные вторжения, ни междоусобицы не привели к разделению военного дела, особенно боевого арсенала, на региональные «школы». «Русское военное искусство в период феодальной раздробленности развивалось на единой основе, заложенной в предшествующий период истории русского народа» (Строков А. А., 1955, с. 222). Единство в развитии техники и приемов ведения боя, сходство военных изделий охватывало и север и юг страны, несмотря на некоторые локальные особенности, связанные с обороной ее протяженных рубежей.

Эти особенности были завещаны еще Киевской Русью. Развитие военного дела не только X—XII вв., но и XIII—XIV вв. происходило в условиях поистине титанической борьбы на несколько фронтов. Это проявилось в вооружении новгородско-псковской «кованой» рати, более тяжелом, чем у низовских полков. Соответственно такому разграничению существовали две географически условные зоны применения пластинчатого и кольчатого доспеха, мечей и сабель, пехотных, кавалерийских щитов, самострелов и луков, шпор и плетей, каменных укреплений и полевых застав. Разделение средств вооружения, направленных против европейского и азиатского противника, никогда, однако, не было абсолютным; осуществлялись самые неожиданные комбинации, особенно если это подсказывалось тактической обстановкой.

Несмотря на непрекращающиеся внутренние войны, главные военные усилия в период зрелого средневековья были направлены на борьбу с внешними врагами. Это стимулировало объединительные тенденции, которые проявились в организации вооруженных сил в XIV в. Начиная с 1320—1330 гг. московские князья в общерусских государственных интересах организовывали походы, основывали города, отражали нападения, усмиряли непокорных удельных князей и бояр. Эти начинания, правда, не сразу изменили ход русской истории, но все вместе они привели к организации широких общерусских походов и к великой победе объединенного русского войска на Куликовом поле, в «котором общенародный характер русского ополчения не подлежит сомнению» (Черепнин Л. В., 1960, с. 600). Историческая оценка событий того времени служит пониманию развития военной техники.

Во второй половине XIII—XIV в., насколько можно судить по отрывочным примерам, сохраняется во многом восходящая от домонгольского периода общерусская (и шире — общеевропейская) линия развития русского вооружения, что выразилось в распространении наборного доспеха, заменившего кольчугу, современных своей эпохе мечей, шестоперов, щитов, самострелов. Такие предметы,

как мечи с тяжелым набалдашником, крупномерные шпоры с колесиком, самострелы с бронебойными болтами, позднее пушки и пищали, также отражали общеевропейские пути развития военного дела. Историческая победа русских полков на Куликовом поле связана в большей мере с использованием европейских традиций в области вооружения, чем восточных.

Ордынское нашествие не привело непосредственно к разъединению русской и западноевропейской военно-технической культуры. Более того, в самое глухое время неволи в известной мере сохранилось международное значение и притягательность русского оружия. Как удалось установить, среди стран Балтийского бассейна русские княжества являлись передовыми в отношении выработки и употребления новых форм щитов, пластинчатого доспеха, шишаков (Кирпичников А. Н., 1976, с. 31 и сл.). Такие предметы, как наборные доспехи, шлемы, кожаные наплечники, возможно, щиты, вывозились в Скандинавию, Польшу, Венгрию, Литву, а также в земли Ливонского Ордена, что в немалой степени способствовало сложению единообразного комплекса общебалтийского вооружения.

Система вооружения, принятая в XIV–XV вв., во многом опиралась на результаты и опыт, достигнутые в XIII в. Начиная со второй половины XIII в. появился колющий меч, более сильно изогнутая, чем веком раньше, сабля, создается законченная система наборного доспеха, включая защиту не только корпуса, но и головы, ног и рук, распространяется треугольный щит, топоры-булавы, шестоперы, самострел, шпоры со звездочкой. В течение большей части указанного периода бой на копьях со специализированным узколезвийным наконечником остается главнейшим методом полевой борьбы. Формы его, однако, изменились, что было связано с переходом к тактически усложненному и длительному сражению, способным к глубокому маневру тактическим единицам. Выдвинулось общерусское «офицерское» ядро армии — дворяне и дети боярские, увеличилась численность войска за счет не только горожан, но и вотчинных холопов. В армию влились инженерные и артиллерийские команды и пехотинцы с самострелами.

В военных, как пехотных, так и конных отрядах, особенно Новгорода и Пскова, постоянно участвовали ремесленники и мелкие торговцы — черные люди. Их роль подчас настолько значительна, что войско, состоящее только из «нарочитых мужей», оказывается небоеспособным. Значение простолюдинов-пехотинцев особенно возрастало, когда они участвовали в крупных операциях и отваживались, например, вступать в бой вместе с конниками. В самой крупной битве XIV в., развернувшейся на Куликовом поле, «приидоша много пешаго воиньства и житействии мнози люди и купцы со всех земель и городов» (Никоновская летопись, с. 56). Торгово-ремесленные слои во многом определяли состав популярных в зрелом средневековье городских полков. В дальнейшем участие черных людей в войске будет все более ограничиваться; их место займут дворянские конники.

Если 1240–1350 гг. были периодом залечивания ран и собирания сил, то 1350–1400 гг. являются переломными в отношении мощного подъема военной техники и переходом от обороны к наступлению. Укрепляется представление об едином военном руководстве и полковой дисциплине, возобновляются общерусские мобилизации. Русская рать использует против ордынцев тактику упреждающих полевых заслонов на Оке и рейды в глубь неприятельских территорий. Необычайно рано и быстро принимаются новинки полевой военной техники, такие, как шишаки. Москва организует крупную общерусскую армию. Выигранное русскими полками генеральное сражение на Куликовом поле явилось предвестником грядущего освобождения Руси от чужеземного ига. Дальнейшие временные неудачи и поражения уже не могли изменить ни общей обстановки, ни, тем более, патриотической воинской идеологии.

Опираясь на результаты проделанной работы, можно констатировать, что древнерусское вооружение в течение первых веков русской истории прошло сложный путь развития, полный напряженных поисков и технических открытий. Отечественная военная техника постоянно обогащалась достижениями восточных и западных народов и выстояла в противоборстве с противниками Руси, в том числе и временно более сильными. Изучение русских боевых средств во многих отношениях имеет общеевропейское значение, измеряемое тем большим вкладом, который внесла Русь в развитие средневековой оружейной культуры. Многие из образцов холодного наступательного и защитного вооружения, принятые в XII–XIII вв., без существенных изменений перешли на вооружение войска Московской Руси и в течение длительного времени будут использоваться наряду с огнестрельным оружием.

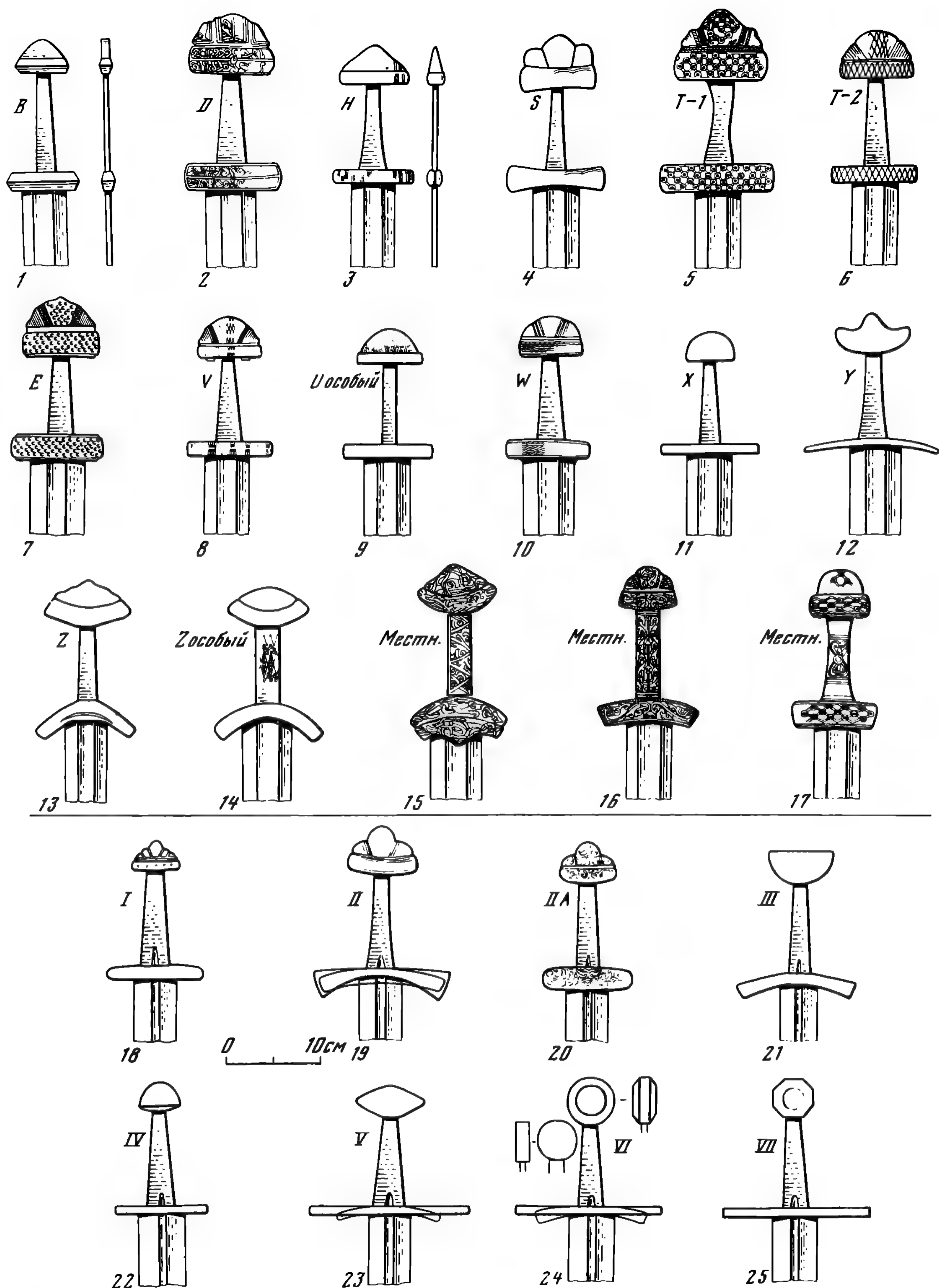


Таблица 114. Мечи. Типовые формы: *1—17* — IX — XI вв.; *18—25* — XI — XIV вв.

1 — Бор, юго-восточное Приладожье; *2* — Гнездово, Смоленская обл.; *3* — Пиркинское, юго-восточное Приладожье; *4, 5* — Днепровские пороги (о. Хортица); *6* — Вахрушева, юго-восточное Приладожье; *7* — Гнездово, Смоленская обл.; *8* — Шестовицы, Черниговская обл.; *9* — Ручьи, юго-восточное Приладожье; *10* — Шестовицы, Черниговская обл.; *11* — Михайловское, Ярославская обл.; *12* — Горка Никольская, юго-восточное Приладожье; *13* — Ленинградская обл.; *14* — Черная могила, Черников; *15* — Фощеватая, Полтавская обл.; *16* — Карабичев, Хмельницкая обл.; *17* — Краснянка, Харьковская обл., *18* — Полтавщина; *19* — Воздвиженское, Костромская обл.; *20* — Малы, Псковская обл.; *21* — Киев, *22* — Киев, *23* — Киев; *24* — Городище, Хмельницкая обл.; *25* — Райки, Житомирская обл.

Таблица 115. Мечи X — первой половины XI в.

1 — Фощеватая Полтавской обл. (тип «скандинавский»); *2*, *3* — Киев и Карабичев, Хмельницкая обл. (оба — тип А местный); *4* — Усть Рыбежна, юго-восточное Приладожье (тип Е); *5* — Гнездово, Смоленская обл. (тип Д); *6* — Глуховцы, Житомирская обл. (тип А местный)

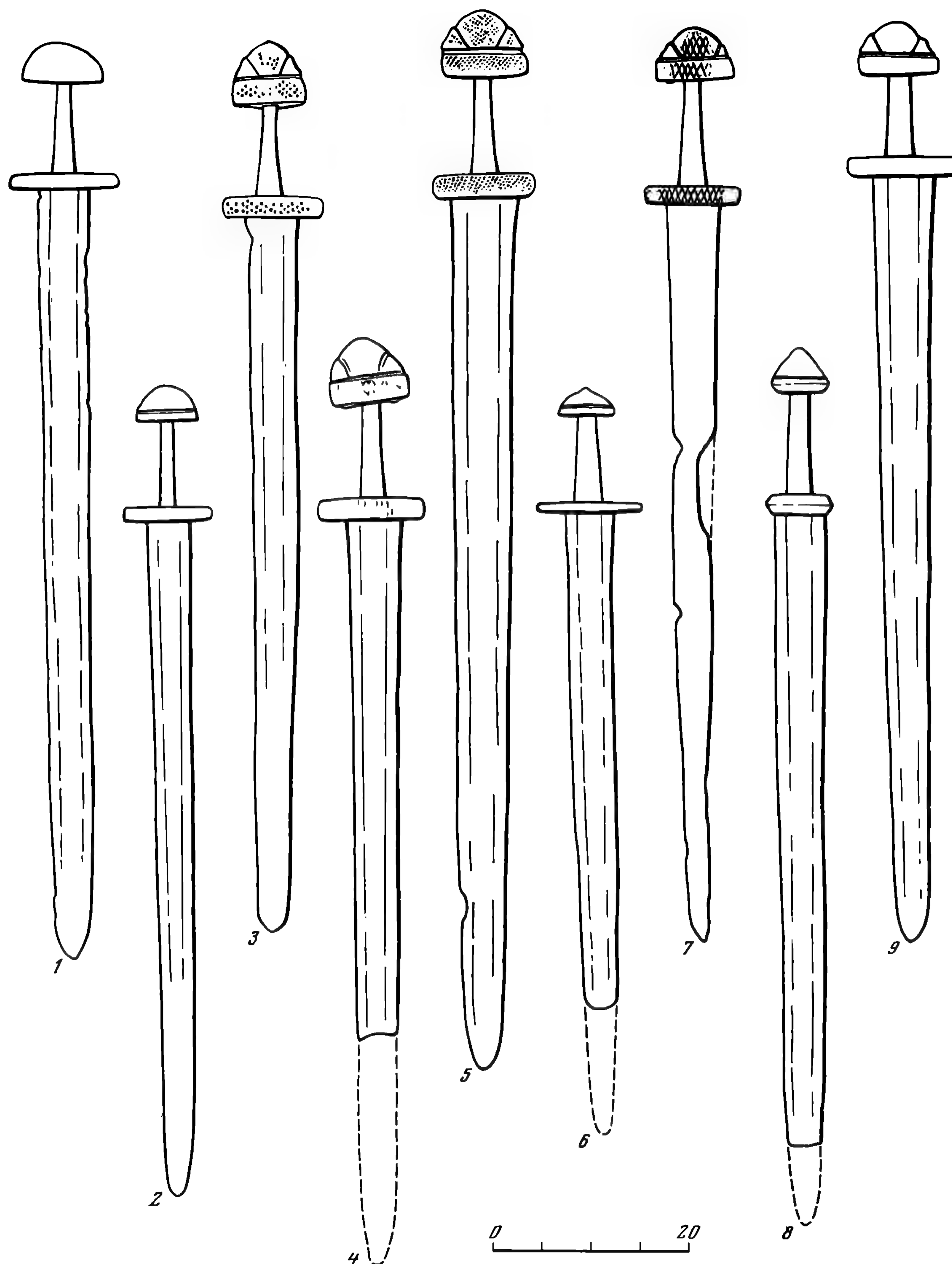


Таблица 116. Мечи IX — XI вв.

1 — Новгород (тип X); *2* — Ручьи, юго-восточное Приладожье (тип V — особый); *3* — Усть Рыбежна, там же (тип E); *4* — Гнездово, Смоленская обл. (тип V); *5* — Гнездово, там же (тип E); *6* — Ленинградская обл. (тип H); *7* — Вахрушева, юго-восточное Приладожье (тип T — 2); *8* — Бор, там же (тип B); *9* — Заозерье, там же (тип T — 2)

Таблица 117. Рукояти мечей (*1—2*), сабли, ее ножны (*3—4*), X — XII вв.

1 — Малы, Псковская обл., XII в.; *2* — Михайловское, Ярославская обл., X в.; *3* — рукоять «сабли Карла Великого», 950—1025 гг.; *4* — обкладка ножен той же сабли

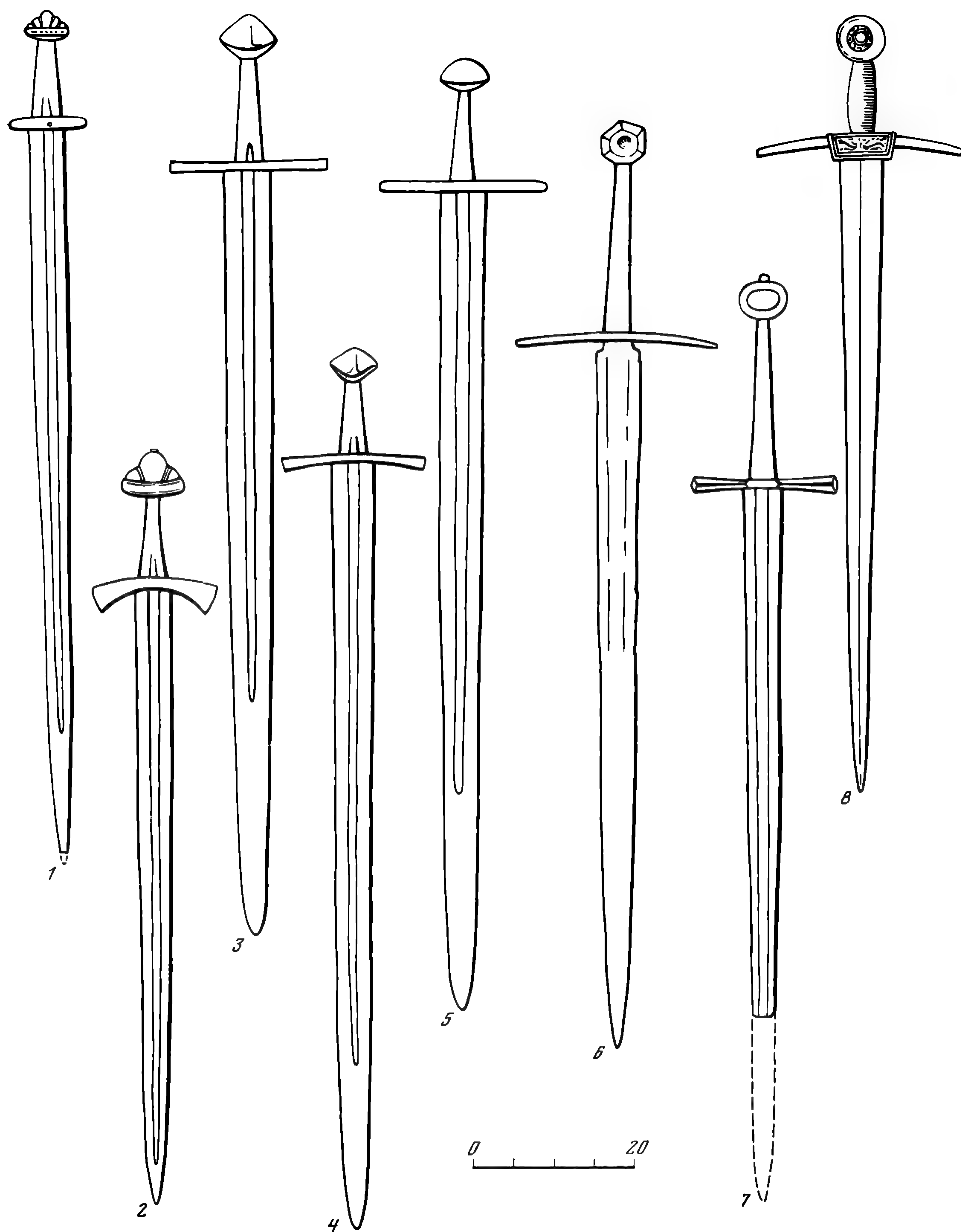


Таблица 118. Мечи XII — XIV вв.

1 — Полтавская обл. (тип I); *2* — Воздвиженское (?) Костромская обл. (тип II); *3* — Украина (тип V); *4* — Киев (тип V); *5* — Украина (тип IV); *6* — Киев (тип VII); *7* — Рыдомля, Волынь (тип VI); *8* — Псков, приписывается князю Довмонту (тип VI)

Таблица 119. Мечи-реликвии и их ножны, приписываемые псковским князьям Довмонту (*1*) и Всеволоду-Гавриилу (*2*). Соответственно XIII и XV вв.

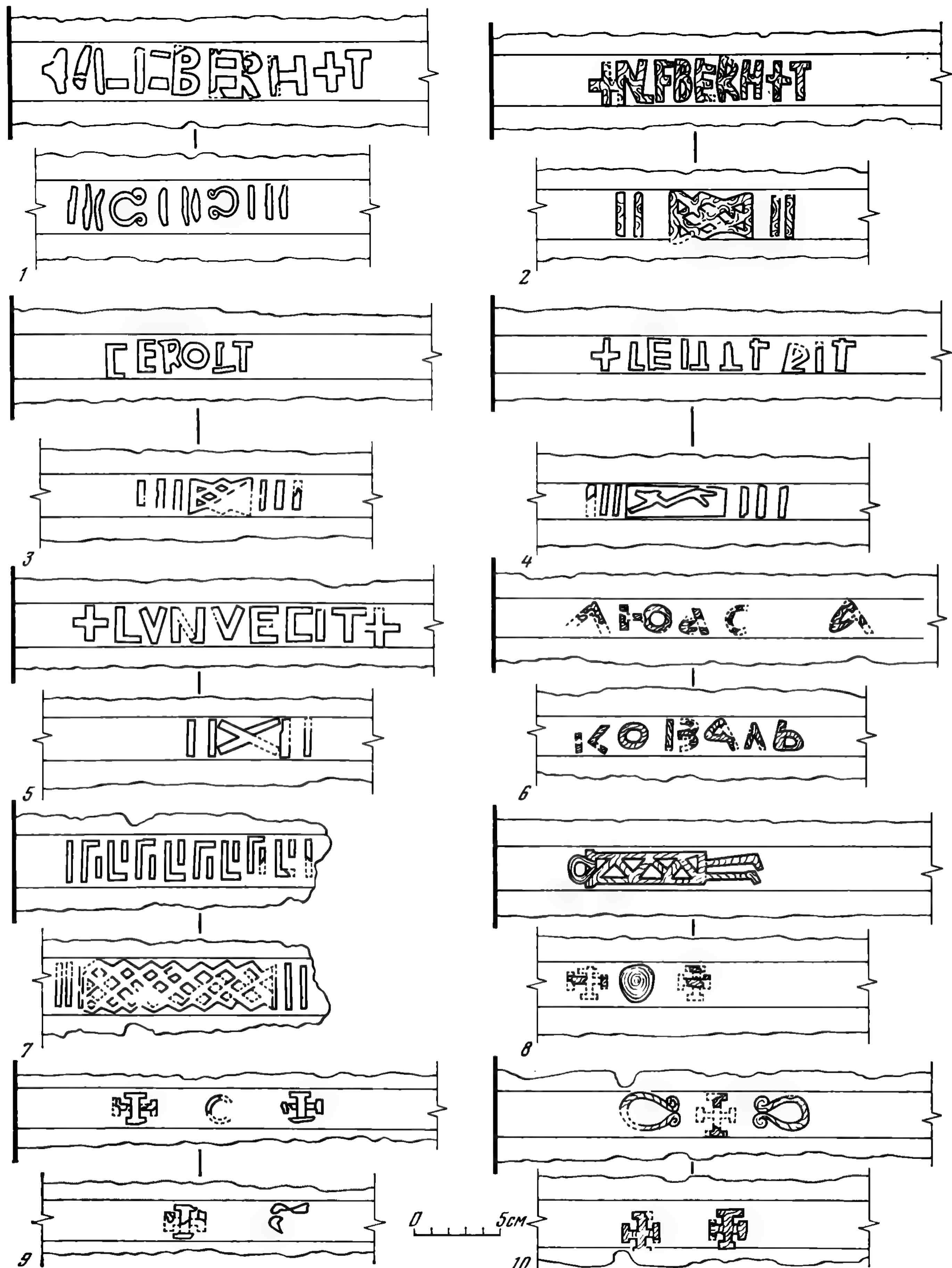


Таблица 120. Клейма мечей конца IX — первой половины XI в.: именные каролингские (*1—5*); именное русское (6); геометрические (*7—10*)

1 — «Ульфберт», Гнездово, Смоленская обл.; *2* — «Ульфберт», Полоцк; *3* — «Церольт», Заозерье, юго-восточное Приладожье; *4* — «Леутфрит», Альметьево, Казанское Поволжье, *5* — «Лун изготовил», Сарское городище, Ярославская обл.; *6* — «Людота коваль», Фощеватая, Полтавская обл.; *7, 8* — Гнездово. Смоленская обл.; *9* — место находки неизвестно; *10* — Усть-Рыбежна, юго-восточное Приладожье

Таблица 121. Латинские сокращенные надписи на мечах X—XIV вв.

1 — «Христос»; *2* — «Всемогущий»; *3* — «Спаситель всемогущий...»; *4* — «Христос Иисус господь. Во имя Иисуса...»; *5* — «Во имя Иисуса...»; *6* — «Всемогущий Спаситель всемогущий»; *7* — «Крест Господа крест»; *8* — «Спаситель. Во имя Христа. Христа во имя. Спаситель»; *9* — «Мать всемогущего Христа, всемогущего всевышнего Иисуса...»; *10* — «Во имя Иисуса — во имя Иисуса. Спаситель»; *11* — «Ульфберт. Во имя Иисуса. Всемогущий. Иисуса имя Во»; *12* — «Спаситель. Во имя Христа ...во имя. Спаситель»; *13* — «Во имя Иисуса. Всемогущий, Иисуса имя Во»; *14* — «Во имя всевышнего Христа. Христос. Во имя Иисуса»; *15* — «Спаситель ...Во имя Иисуса матери, девы дев, матери-девы»; *16* — «Во имя Спасителя. Всемогущий. Креста имя Во...»; *17* — Во имя Иисуса, Марии сына, всевышнего трижды Иисуса. Спаситель»; *18* — «Спаситель Христос Спаситель. Освяти, всевышний трижды Иисус»; *19* — «Во имя Иисуса Христа всемогущего...»; *20* — «Во имя царя небесного, Христа всемогущего ...Спаситель. Во имя Иисуса...»; *21* — Спаситель. Во имя спасителя нашего...; *22* — Во имя Господа. Во имя Марии девы...

Таблица 122. Латинские сокращенные надписи на мечах X — XIV вв.

1 — «Во имя господа искупителя...»; *2* — «Во имя искупителя господа креста Христа господа. Троица»; *3* — «Во имя креста...»; *4* — «Во имя Христа. Во имя искупителя Христа»; *5* — «Во имя спасителя нашего Иисуса Христа...»; *6* — «Христос. Во имя Господа. Во имя господа всевышнего. Во имя Иисуса, Христос»; *7* — «Спаситель. Во имя господа нашего всемогущего. Во Имя господа нашего Христа Иисуса...»; *8* — «Во имя искупителя нашего, альфы омеги. Во имя царя-спасителя. Во имя бога вечного, царя, трижды во имя»; *9* — «Во имя искупителя Иисуса, искупителя-господа Иисуса...»; *10* — «...Во имя искупителя, матери альфы омеги. Во имя бога нашего вечного всевышнего...»; *11* — «Во имя матери Иисуса, матери всемогущего бога. Во имя господа вселенной Иисуса Христа всемогущего...»; *12* — «Во имя Иисуса Христа ...господа Иисуса всемогущего, благой матери спасителя-господа Иисуса Христа. Во имя Иисуса искупителя...»

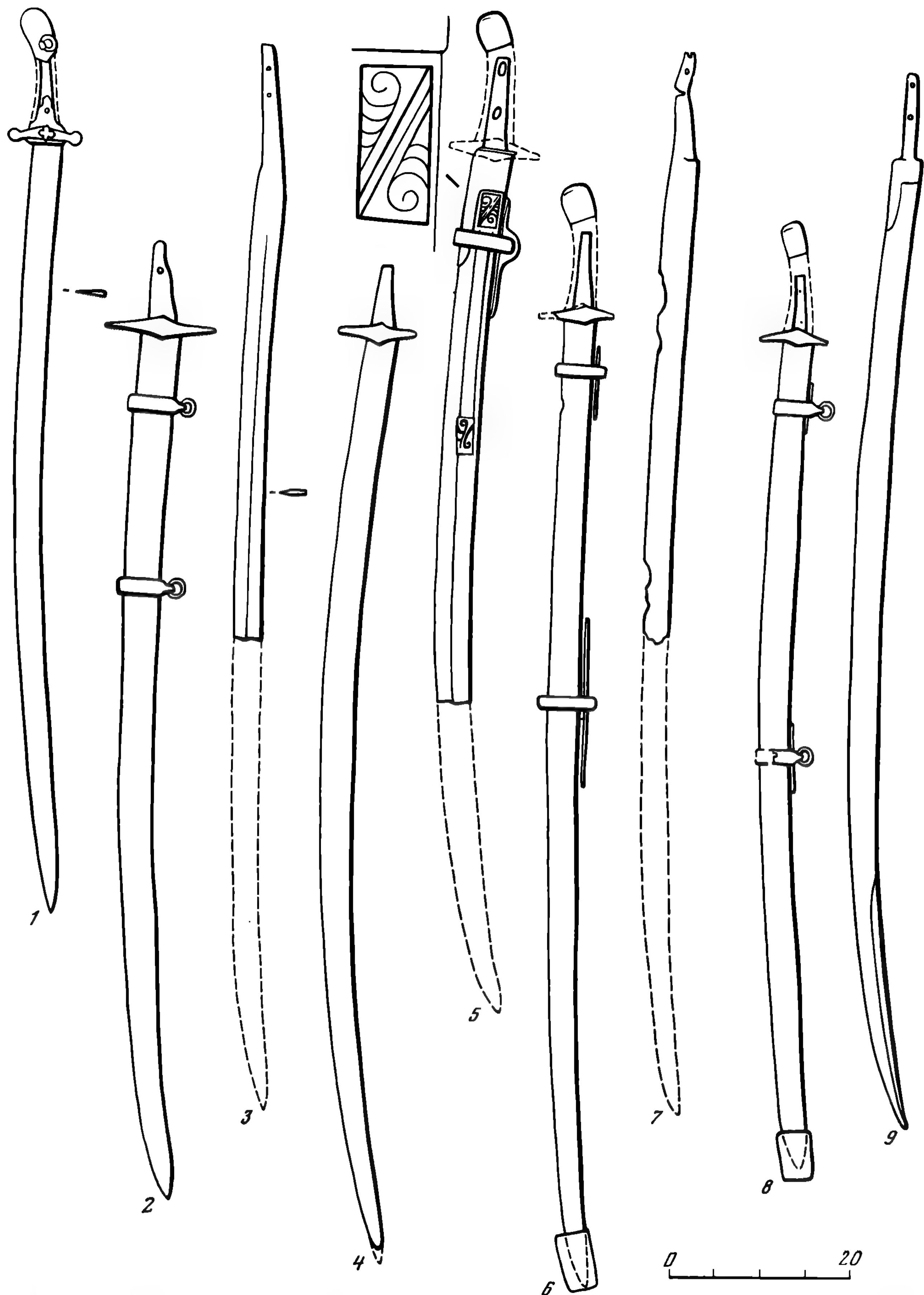


Таблица 123. Сабли XI—первой половины XIII в. из русских (*1,3,5,7*) и черноклобуцких (*2,4,6,8,9*) памятников

1 — Гочево, Курская обл. (навершие типа II, перекрестье типа I Б); *2* — Степанцы, Черкасская обл. (перекрестье типа II); *3* — Городище, Хмельницкая обл.; *4* — Липовец, Киевская обл. (перекрестье типа II); *5* — Городище, Хмельницкая обл. (навершие типа I, перекрестье типа II; отдельно показано орнаментальное клеймо); *6* — Зеленки, Киевская обл. (навершие типа I, перекрестье типа II); *7* — Городище, Хмельницкая обл; *8* — Бурты, Киевская обл. (навершие типа I, перекрестье типа II); *9* — Таганча, Черкасская обл.

1, 2, 5, 6, 8 — показаны с навершиями и деталями ножен в том виде, в каком были найдены

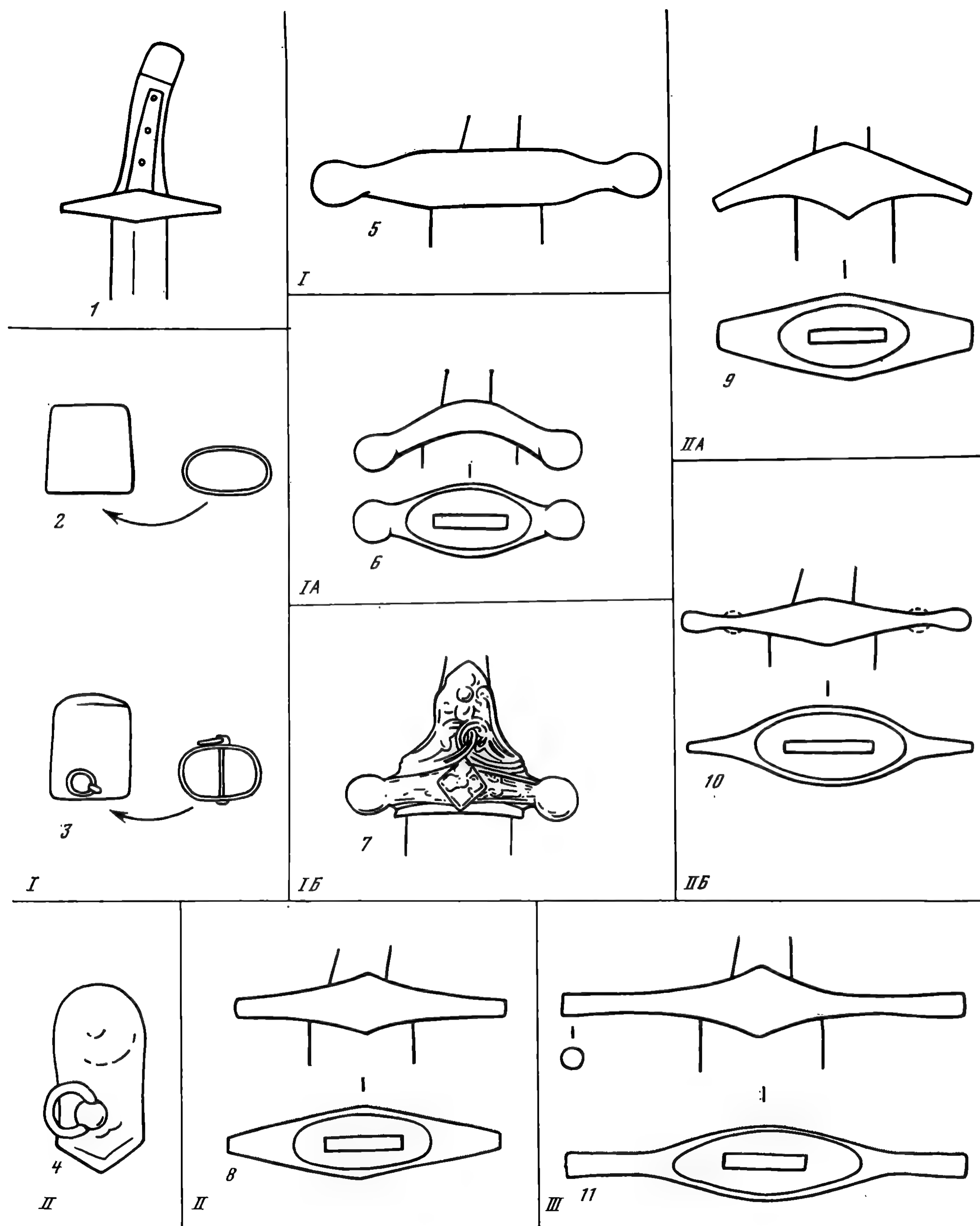


Таблица 124. Детали сабельных рукоятей X — середины XIII в. Типологическая схема

2—4 — типы наверший; *4, 5—11* — типы перекрестий

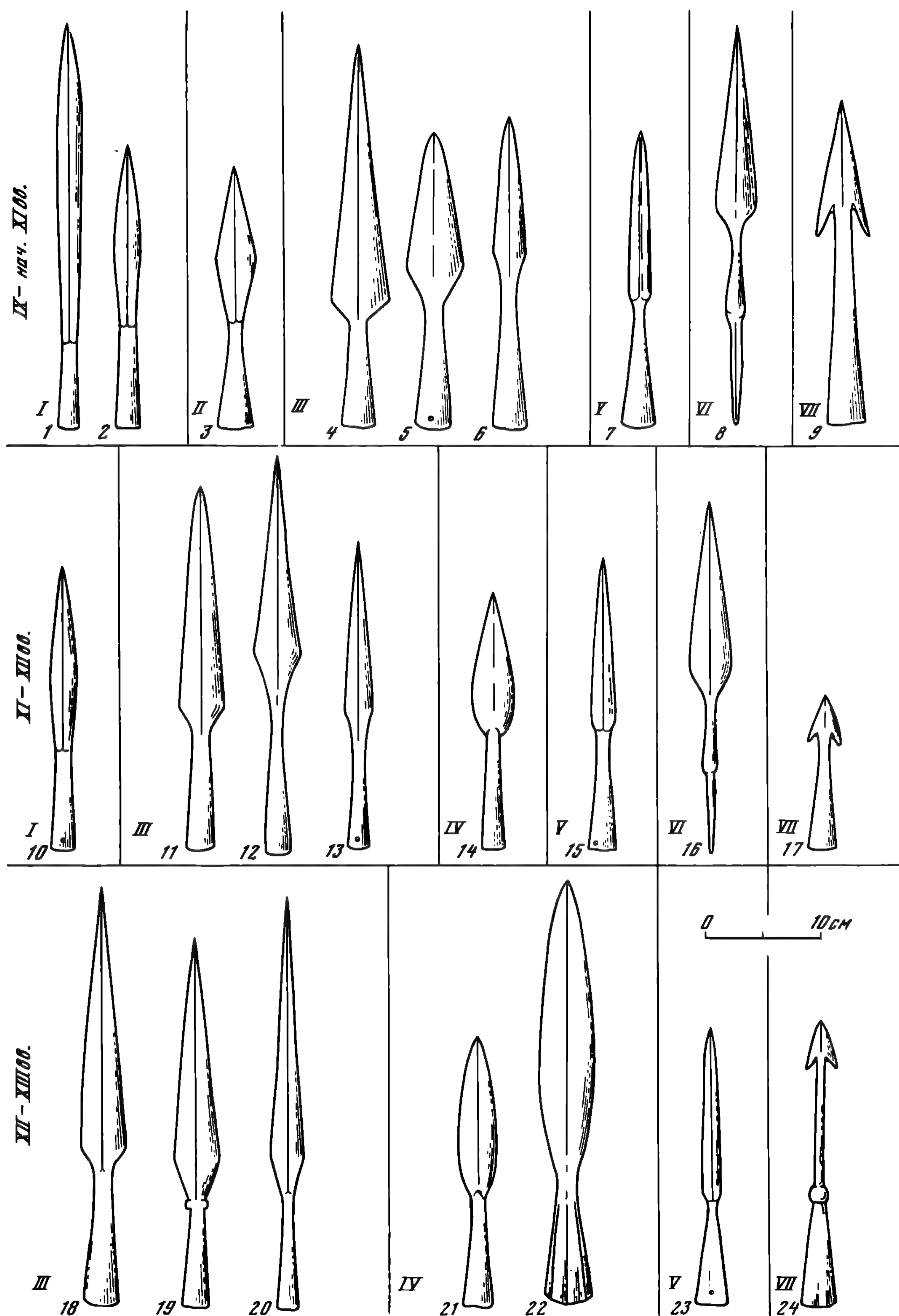


Таблица 125. Наконечники копий IX — XIII в. Типовые формы

1—9 — IX—XI вв.; *10—17* — XI—XII вв.; *18—24* — XII—XIII вв.

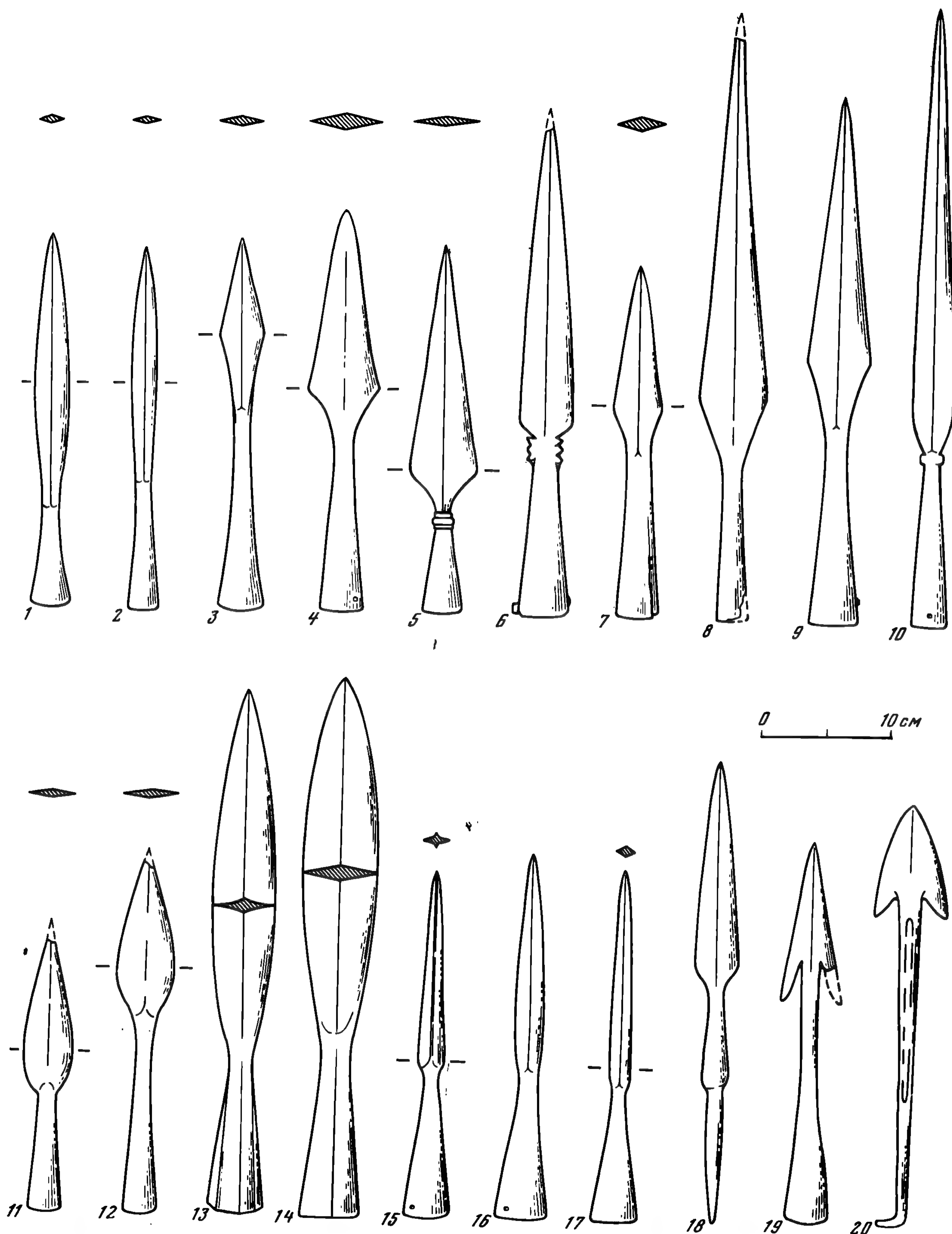


Таблица 126. Наконечники копий X — XIII вв. Образцы характерных типовых форм

1 — Костина, юго-восточное Приладожье (тип I); *2* — Кашина, там же (тип I); *3* — Кабанское, Ярославская обл. (тип II); *4* — Гнездово, Смоленская обл. (тип III); *5* — Заозерье, юго-восточное Приладожье (тип III); *6* — Колодежное, Житомирская обл. (тип III); *7* — Сарское, Ярославская обл. (тип IIIА); *8* — Маклаково, Ленинградская обл. (тип IIIА); *9* — Новгород (тип IIIА); *10* — Сахновка, Киевская обл. (тип III Б); *11* — Калихновщина, Псковская обл. (тип IV); *12* — Крапивна, там же (тип IV); *13* — Новгород (тип IVА); *14* — Малое Терюшево, Горьковская обл. (тип IVА); *15* — Шестовицы, Черниговская обл. (тип V); *16* — Подболотье, Владимирская обл. (тип V); *17* — Райки, Житомирская обл. (тип V); *18* — Сязнега; юго-восточное Приладожье (тип VI); *19* — Михайловское, Ярославская обл. (тип VII); *20* — Княжа Гора, Черкасская обл. (тип VII)

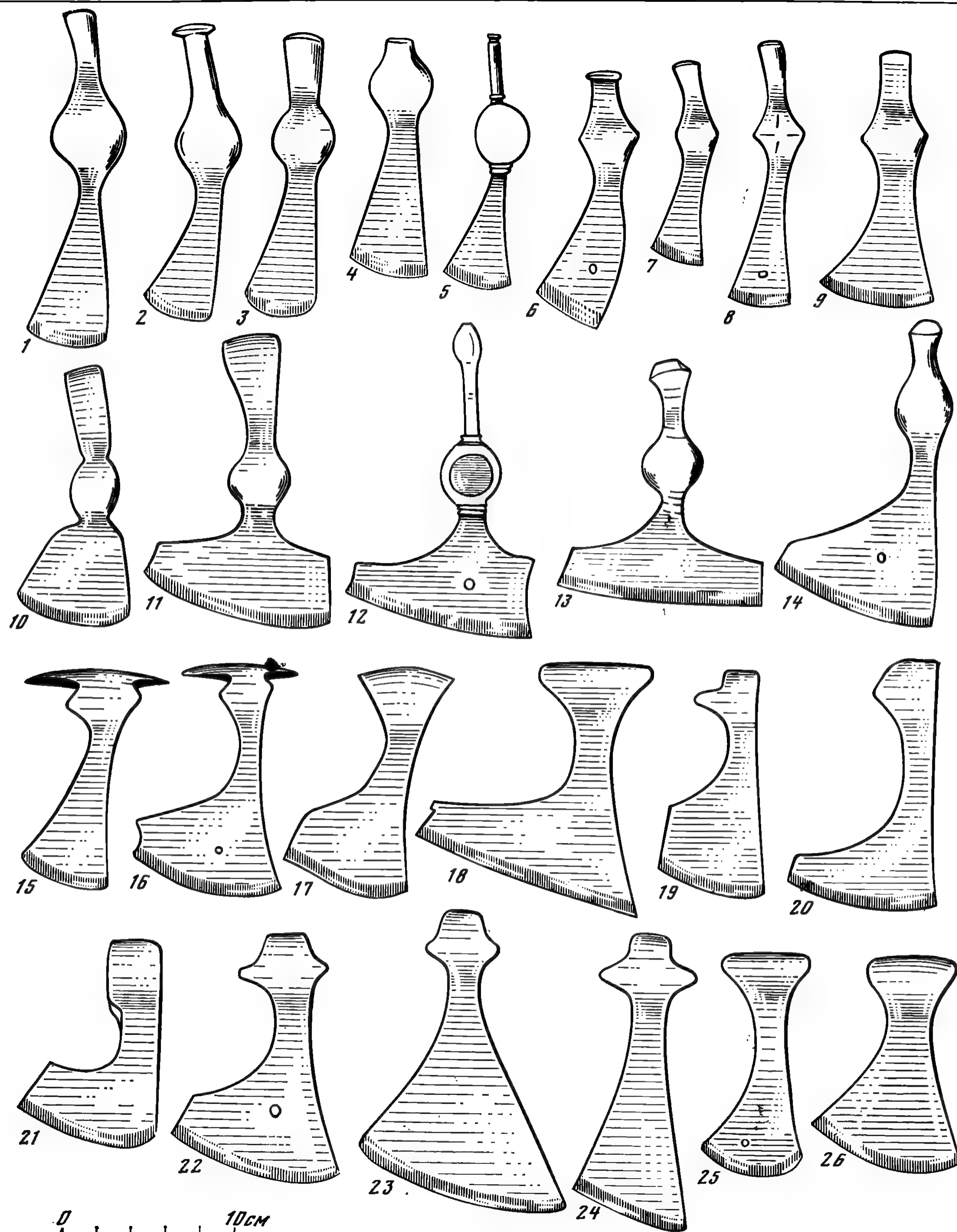


Таблица 127. Боевые топоры X — XIII вв. Образцы основных форм

1, 2, 15 — Веськово, Ярославская обл. (*1—2* — тип I, *15* — тип III); *3, 5* — Гнездово, Смоленская обл. (тип I); *4* — Кабанское, Ярославская обл. (тип I); *6* — Мохово, Минская обл. (тип I); *7* — Лукомль, Могилевская обл. (тип I); *8, 25* — Городище, Хмельницкая обл. (*8* — тип I, *25* — тип VIII A); *9* — Опановичи, Гродненская обл. (тип I); *10* — Чернигов (тип II); *11* — Вахрушева, юго-восточное Приладожье (тип II); *12* — Городище, Ярославская обл. (тип II); *13* — Михайловское, Ярославская обл. (тип II); *14* — Владимирская обл. (тип IA); *16* — Тяглино, Ленинградская обл. (тип IV); *17* — Заславль, Минская обл. (тип IVA); *18* — Княжа Гора, Черкасская обл. (тип IVA); *19* — Кашина, юго-восточное Приладожье (тип V); *20* — Ославье, Ленинградская обл. (тип V); *21* — Каневский район, Черкасская обл. (тип V); *22, 23, 24* — соответственно Б. Нововесь (тип VI), Костина (тип VII), Сязнега (тип VIII) — все юго-восточное Приладожье; *26* — Малое Терюшево Горьковской обл. (тип VIIIA)

Таблица 128. Орнаментированные парадные топорики и шпора XI — XIII вв.

1 — топорик «Андрея Боголюбского» (Владимирская обл.) или Поволжье, первая половина XI в.); *2* — Среднее Поволжье, XII в.; *3* — Пожня-Станок, Костромская обл., XII — первая половина XIII в.; *4* — шпора с колесиком, Черниговская обл., 1220—1230 гг.

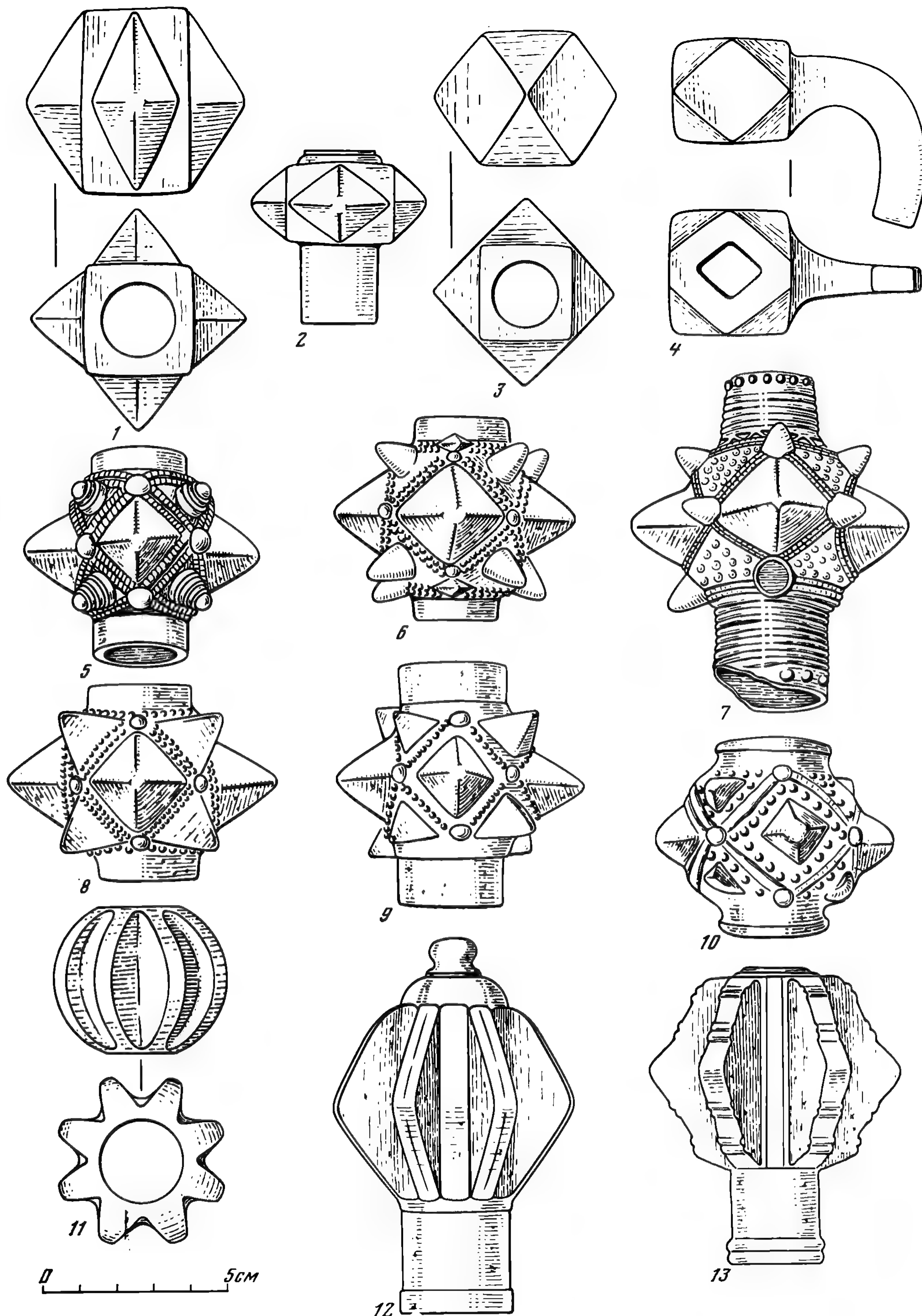


Таблица 129. Булавы XI — XIII вв. из железа (*1—4, 11*) и бронзы (*5—10, 12, 13*)

1 — Велико-Половецкое: Киевская обл. (тип I); *2* — Загорье, Калининская обл. (тип I); *3* — Райки, Житомирская обл. (тип II); *4, 10, 11* — Городище, Хмельницкая обл. (соответственно типы IIA, IV, V); *5* — Мануйлоа, Ленинградская обл. (тип III); *6* — Колодежное, Житомирская обл. (тип III); *7* — Береговский р-н Закарпатская обл. (тип III); *8* — Василев, Черниговская обл. (тип IV); *9* — Букрин, Киевская обл. (тип IV); *12* — Пронск, Рязанская обл. (тип VI); *13* — Хмельная, Киевская обл. (тип VI)

Таблица 130. Булавы (*1, 2*) и кистени (*3—6*), XII — XIII вв.

1, 2 — Букрин, Киевская обл., XII — первая половина XIII в.; *3* — Гришинцы, Киевская обл., первая половина XIII в.; *4, 5* — Киевская обл., XII — первая половина XIII в.; *6* — Ольховец, Киевская обл., первая половина XIII в.

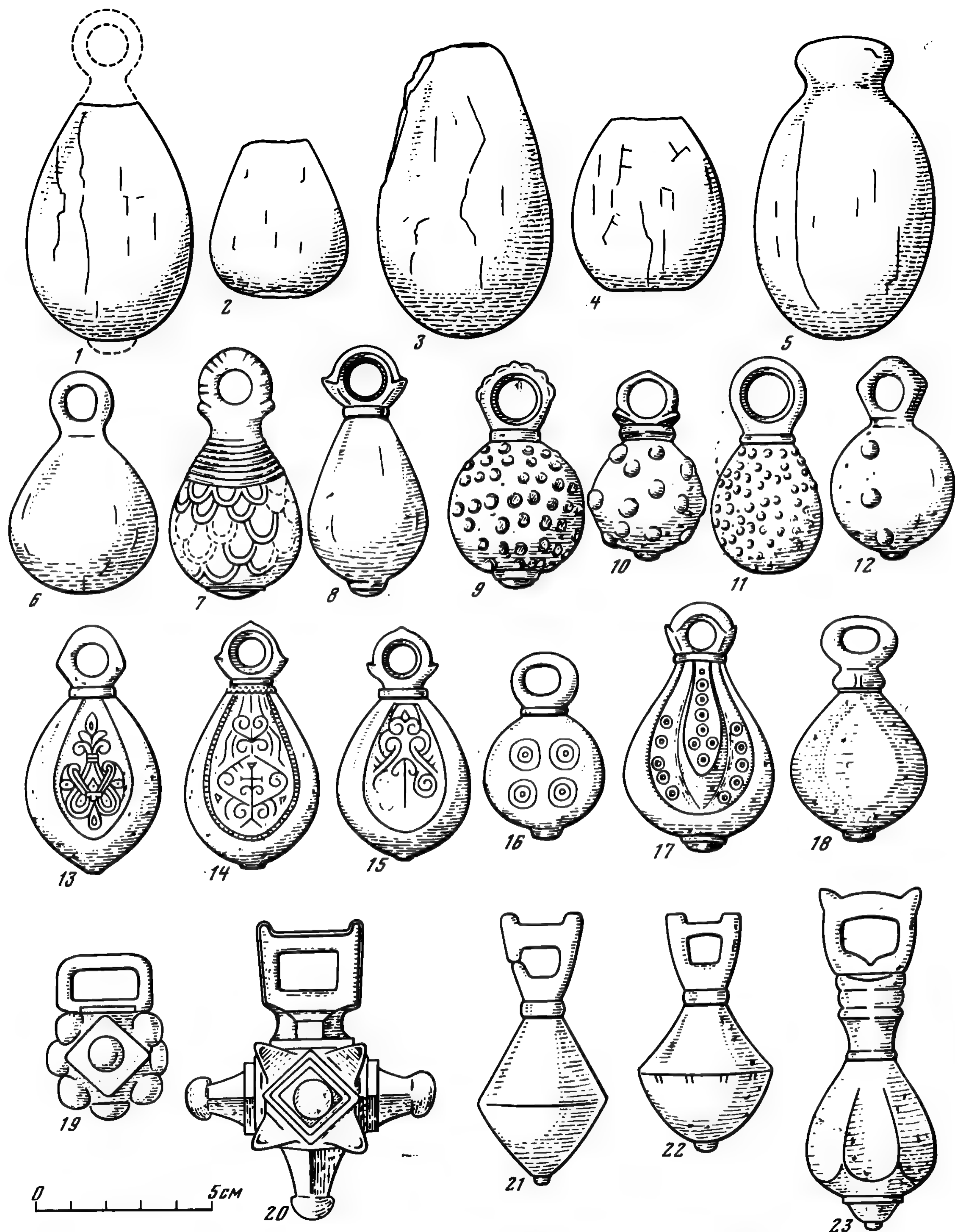


Таблица 131. Кистени X — XIII вв. из кости (*1—5*), железа (*6*, *7*, *21*, *22*), бронзы (*8* и сл.).

1—2, *6* — Цимлянская, Ростовская обл. (из славянского слоя городища) (*1—2* — тип I; *6* — тип II); *3—4* — Подгорцы, Львовская обл. (тип I); *5* — Жовнино, Полтавская обл. (тип I); *7* — Зеленча, Тернопольская обл. (тип II); *8* — Грушев, Киевская обл. (тип II); *9* — Липлява, Полтавская обл. (тип IIа); *10, 12, 15* и *22* — Киевская обл. (*10, 12* — тип IIа; *15* — тип III; *22* — тип VI); *11* — Городище, Хмельницкая обл. (тип IIа); *13* — Ольховец, Киевская обл. (тип III); *14, 16* — Гришинцы, там же (типы III и IIIА); *17* — Корсунь, там же (тип IIIА); *18* — Букрин, там же (тип IIIА); *19* — Княжа Гора, Черкасская обл. (тип IV); *20* — Ромашки, Киевская обл. (тип V); *21* — Старая Ладога, Ленинградская обл. (тип VI); *23* — Казанское Поволжье (тип VI)

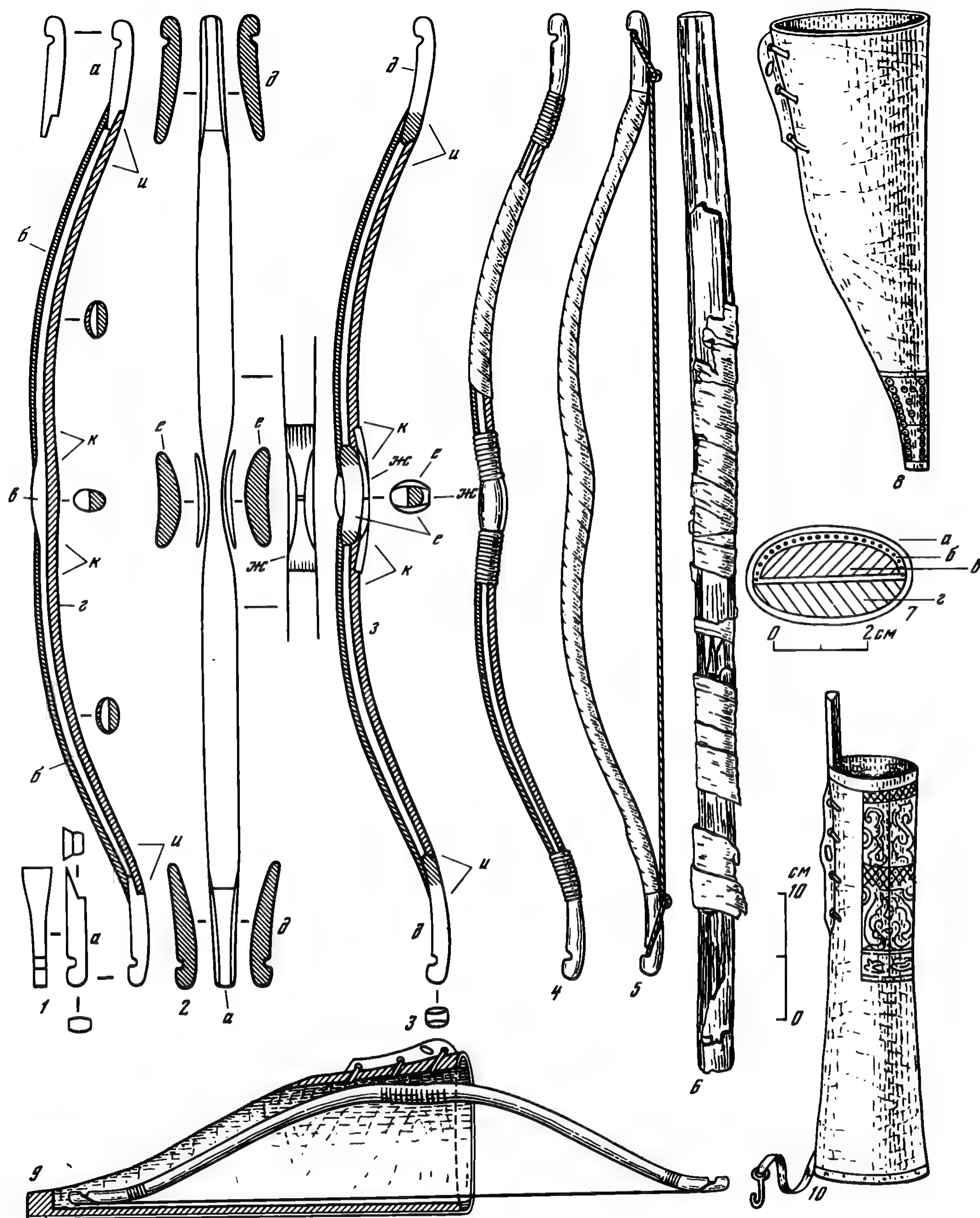


Таблица 132. Древнерусский сложный лук. Налучье и колчан

1 — деревянная основа лука; *2* — то же, вид с внутренней стороны и схема расположения на ней костяных накладок; *3* — то же, вид сбоку: *а* — концы с вырезом для тетивы; *б* — сухожилия; *в* — березовая планка; *г* — можжевеловая планка; *д* — концевые накладки с вырезом для тетивы; *е* — боковые накладки рукояти; *ж* — нижние накладки рукояти с внутренней стороны лука; *з* — жильная обмотка; *и* — узел или место соединения концов, планок и сухожилий; *к* — узел или место соединения сухожилий и костяных накладок рукояти лука; *4* — закрепление стыков деталей лука путем обмотки сухожильными нитями по клею и оклейка лука берестой; *5* — лук с тетивой после оклейки; *6* — обломок сложного лука конца XII в. из Новгорода; *7* — разрез того же лука: *а* — берестяная оклейка; *б* — сухожилия; *в* — березовая планка; *г* — можжевеловая планка; *8* — древнерусское кожаное налучье с костяными орнаментальными пластинками и петлей для подвешивания к поясу лучника на деревянном каркасе; *9* — то же налучье в разрезе; *10* — схема расположения костяных орнаментальных пластинок, петель для подвешивания к поясу и крючков (костяных или металлических) для закрепления при верховой езде на берестяных и кожаных колчанах VIII—XIV вв.

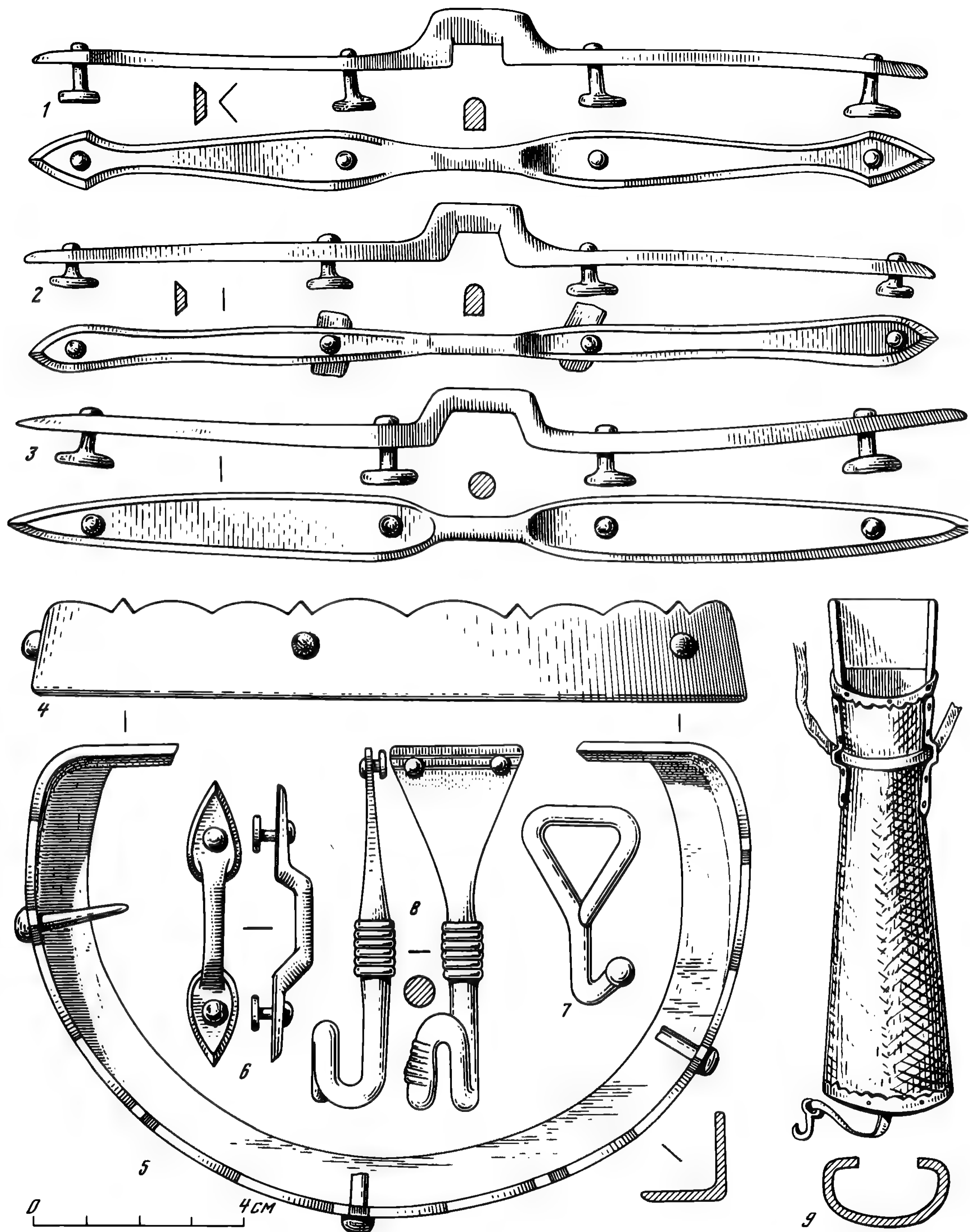


Таблица 133. Железные петли, крючки и оковки кожаных колчанов в IX — X вв.

1 — петля X в. из кургана I в., Поречье (Гнездово близ Смоленска, раскопки А. С. Уварова, ГИМ); *2, 3* — петли из кургана 85 Тимиревского могильника X в. (раскопки М. В. Фехнер, 1961 г., ГИМ); *4, 5* — оковка днища колчана X в. (*4* — вид спереди и *5* — вид сверху) из кургана 16 могильника Березки в Чернигове (раскопки Д. И. Блифельда 1952 г. ИА АН УССР); *6, 7* — петля и крючок из Большетарханского могильника VIII—IX вв. в Татарии (раскопки В. Ф. Генинга и А. Х. Халикова 1957 г.); *8* — крючок из Гнездовского могильника X в. (Сизов, 1902, табл. VII, 3); *9* — схема расположения железных петель и оковок на кожаных колчанах X в.

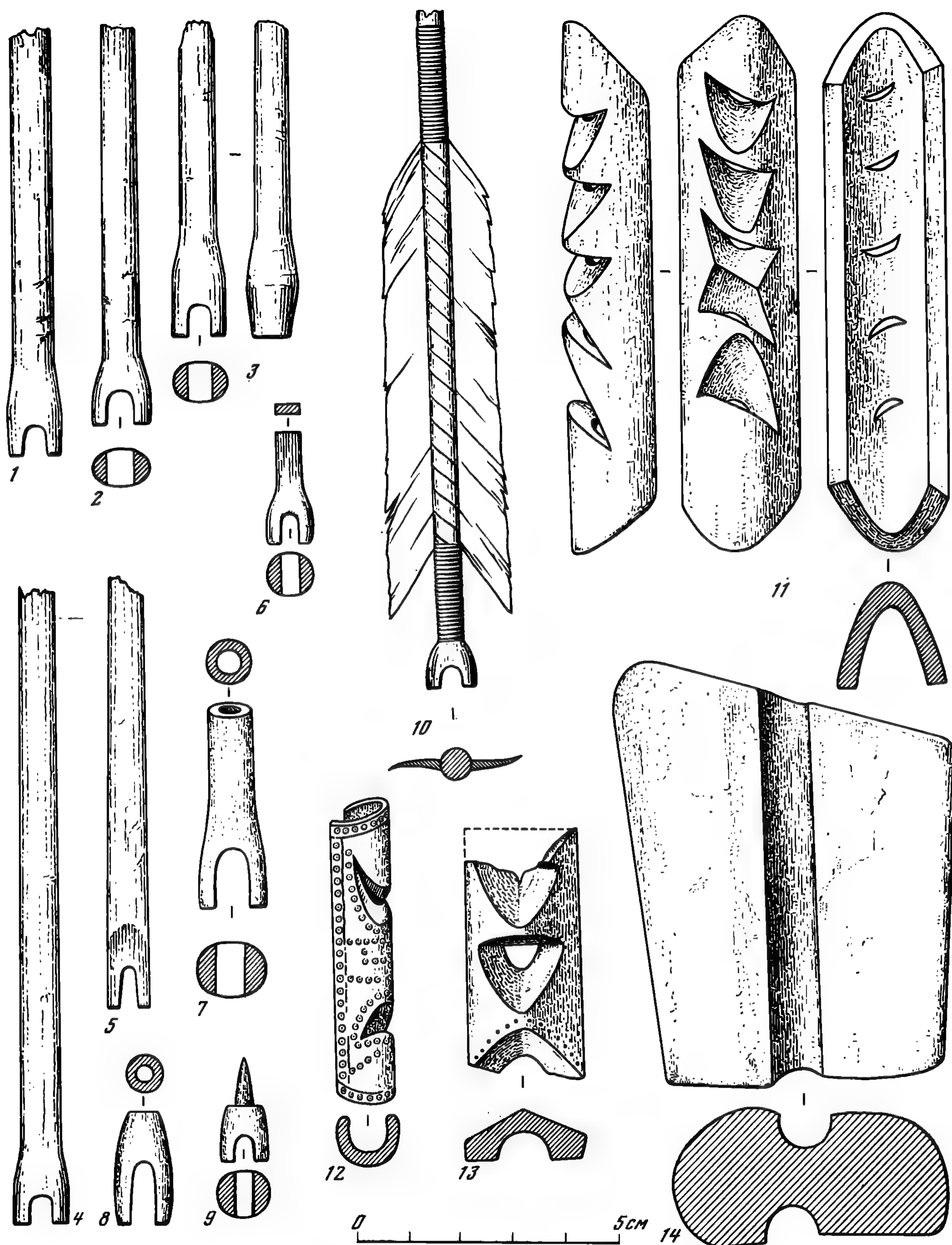


Таблица 134. Древки стрел, костяные ушки и струги для шлифовки древок стрел

1 — первая четверть XI в.; *2* — первая половина XII в.; *3* — середина XIII в.; *4, 5* — конец X или начало XI в.; *6* — ушко эпохи поздней бронзы из Поволжья (Синицын, 1950, рис. 35, *2*); *7* — из Сувара (X—XIII вв., раскопки А. П. Смирнова 1935—1937 гг.); *8, 9* — ушки от русских стрел XVI—XVII вв. (ГИМ); *10* — наиболее употребительный вид оперения древнерусских стрел (в два пера); *11* — костяной струг X—XII вв. из Киева (раскопки В. В. Хвойки на усадьбе Петровского); *12* — струг XIX в. (Сирелиус, 1907, с. 66, рис. 98); *13* — костяной струг IX—XI вв. из Саркела Белой Вежи (раскопки М. И. Артамонова 1951 г., Эрмитаж); *14* — брусок из песчаника для шлифовки древок стрел с городища Березняки на Волге (V—VI вв., раскопки П. Н. Третьякова, Эрмитаж)

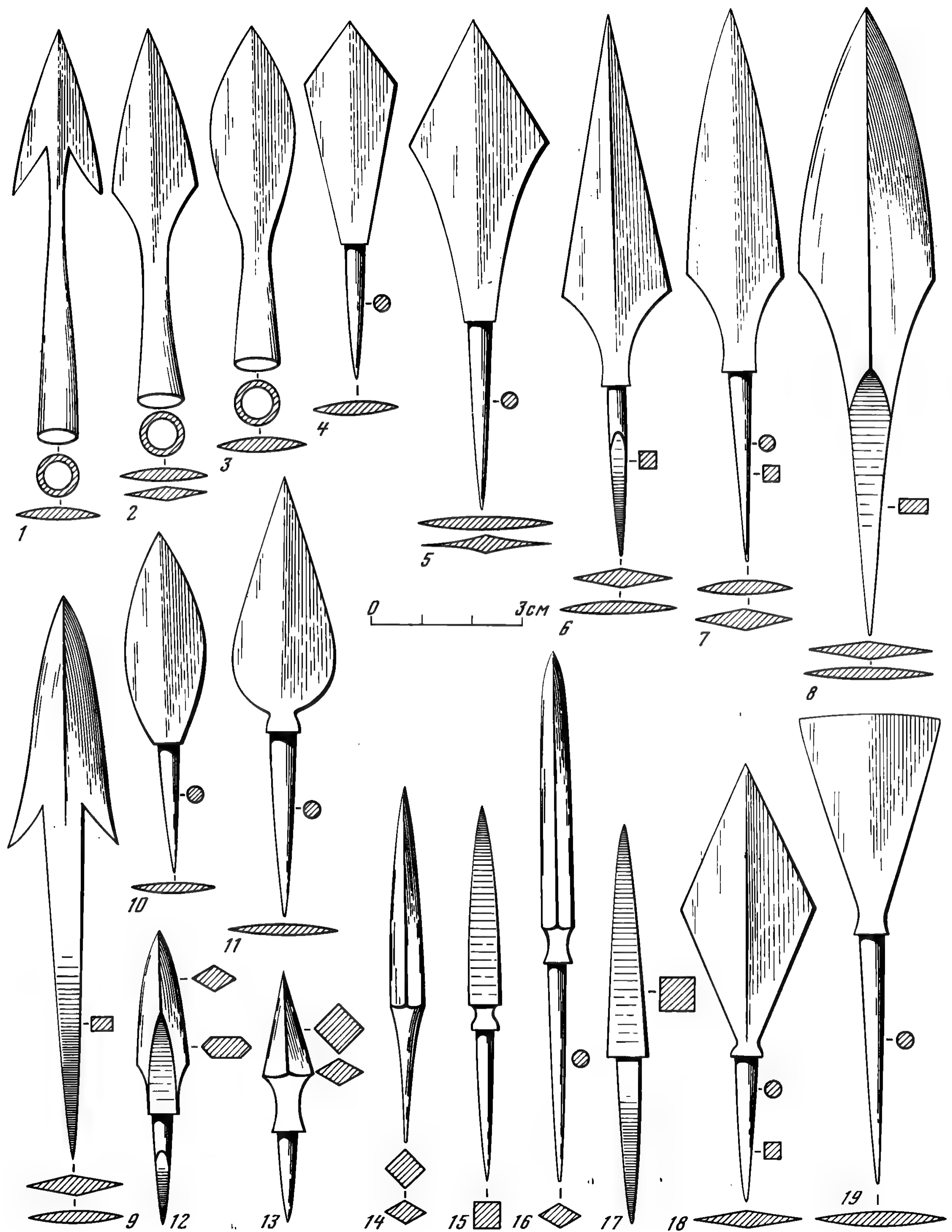


Таблица 135

Таблица 135. Наконечники стрел, употреблявшиеся с IX по XIV в.

Рис.	Тип	Вид	Период распространения *	Область распространения **	Рис.	Тип	Вид	Период распространения *	Область распространения **
1	2	–	VIII – п. п. XIII в.	Западная часть Руси	11	61	2	IX–XIII вв.	Повсеместно
2	3	–	VIII – XIV вв.	Прикамье	12	81	–	X–XIV вв.	»
3	5	–	IX–XIII вв.	Повсеместно	13	91	–	X–XIV вв.	»
4	52	1	VIII–XIII вв.	»	14	93	–	X–XIV вв.	»
5	51	–	X–XIV вв.	Юг России, Прикамье	15	95	–	VIII–XIV вв.	»
6	44	2	IX–XIV вв.	Повсеместно	16	95	–	VIII–XIV вв.	»
7	40	–	X–XIV вв.	»	17	90	1	VIII–XIV вв.	»
8	46	–	VIII–XIII вв.	Северная половина европейской части СССР	18	48	–	IX–XIV вв.	»
					19	54	1	IX–XIV вв.	»
9	29	1	VIII–XIV вв.						
10	63	–	VIII–XIV вв.	Повсеместно					

* В графе «Период распространения» даны сокращения: н — начало, пп — первая половина, с — середина, вп — вторая половина, к — конец.

** В графе указывается территория наибольшего распространения, а «повсеместно» означает европейскую часть СССР. Здесь мы ограничимся перечнем типов наконечников, периодом и областью их распространения.

Таблица 136. Наконечники стрел IX в.

Рис.	Тип	Вид	Период распространения	Область распространения	Рис.	Тип	Вид	Период распространения	Область распространения
1	14	–	VIII–IX вв.	Прикамье	13	71	1	VIII – н. XI в.	Северная половина европейской части СССР
2	13	–	I–VIII вв.	Повсеместно					
3	12	–	I–VIII вв.	Прикамье	14	47	1	VIII – с. XI в.	»
4	16	1	VIII–IX вв.	Юг России	15	65	1	VIII–XI вв.	Южная половина европейской части СССР
5	15	1	VII – н. X в.	Повсеместно, кроме СЗ Руси	16	56	–	VIII–XI вв.	»
6	17	–	V–VIII вв.	От Вятки до Оки	17	57	–	VIII–XI вв.	Восточная половина европейской части СССР
7	20	–	V–IX вв.	Прикамье, Поволжье					
8	19	–	V–IX вв.	Юг России	18	4	–	VII–XI вв.	Западная Русь, Прикамье
9	22	–	VIII–IX вв.	»	19	34	–	VIII–X вв.	Прикамье, Юг России
10	21	–	I – н. X в.	Прикамье, юг России	20	103	–	VIII–X вв.	Прикамье
11	23	–	VIII–IX вв.	Юг России	21	36	–	VIII–IX вв.	Прикамье, Среднее Поволжье
12	18	–	VIII–IX вв.	Всюду, кроме СЗ Руси					
					22	35	–	VII–X вв.	»
					23	39	–	VIII–IX вв.	Южная половина европейской части СССР

Таблица 137. Втульчатые и плоские наконечники стрел X в.

Рис.	Тип	Вид	Период распространения	Область распространения	Рис.	Тип	Вид	Период распространения	Область распространения
1	58	1	X–XI вв.	Северная половина европейской части СССР	8	62	–	IX – п. п. XI в.	Повсеместно
					9	–	–	X в.	Ярославская обл.
2	59	–	X–XI вв.	»	10	6	–	X в.	Юг России
3	41	1	VIII – с. XI в.	Повсеместно	11, 12	7	–	IX–X вв.	Прикамье
4	42	–	IX–X вв.	»	13	60	2	к. IX–X в.	Повсеместно
5	45	–	IX – с. XI в.	Повсеместно	14	8	1	к. IX – н. XI в.	Юго-запад Руси
6	50	–	IX–X вв.	»	15	9	—	X–XI вв.	Повсеместно
7	55	–	IX–XI вв.	Юго-запад Руси	16	10	—	IX–XI вв.	Удмуртская АССР

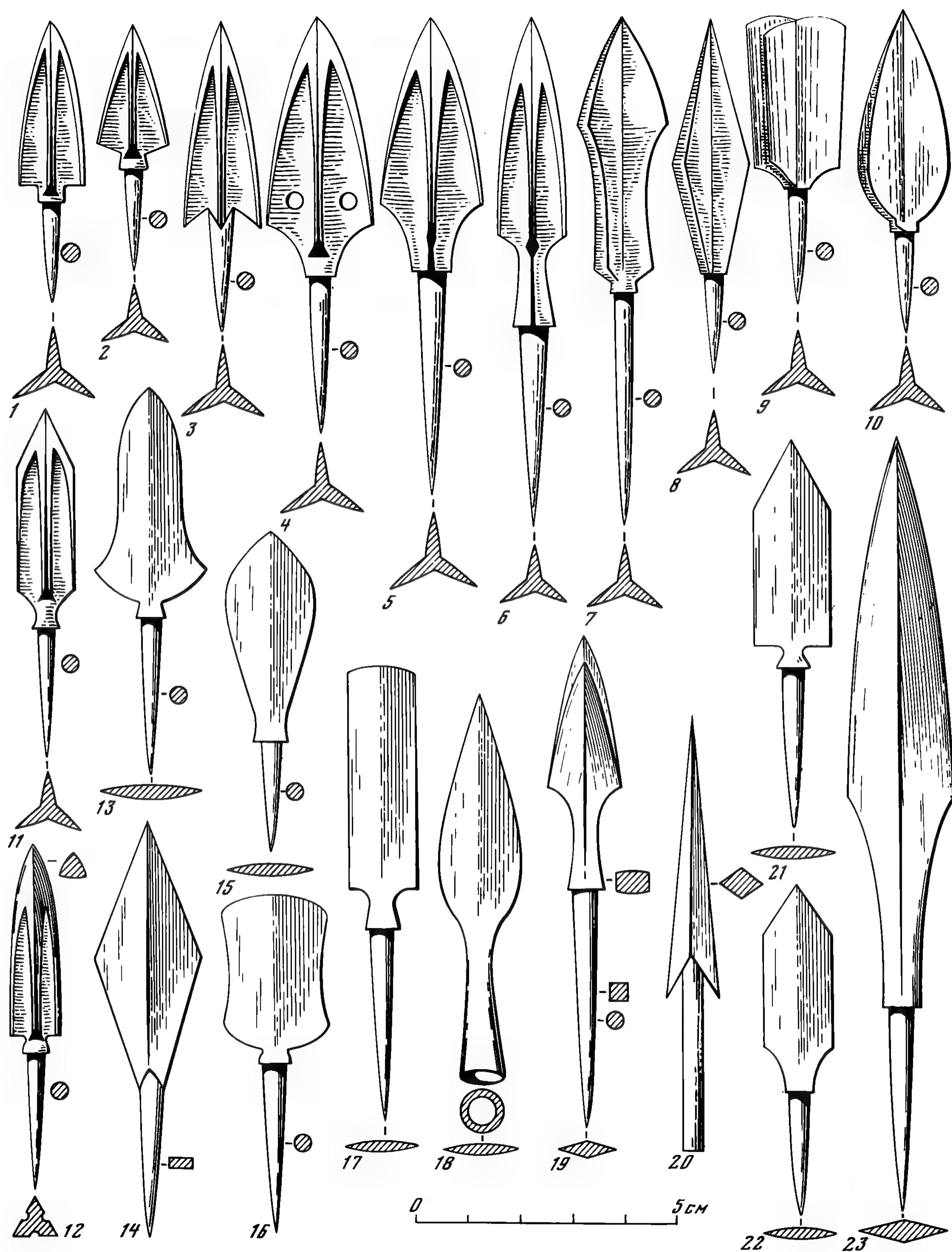


Таблица 136

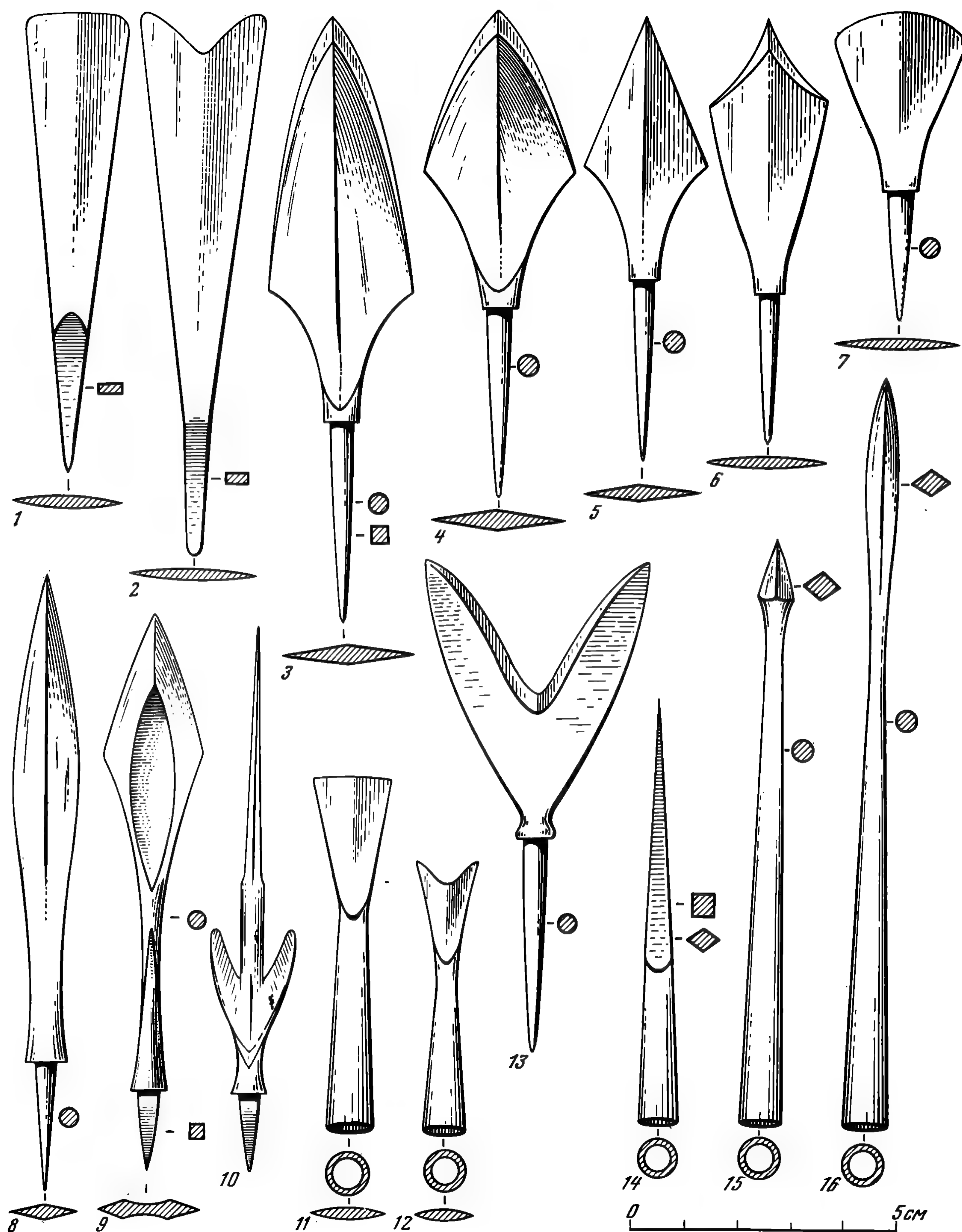


Таблица 137

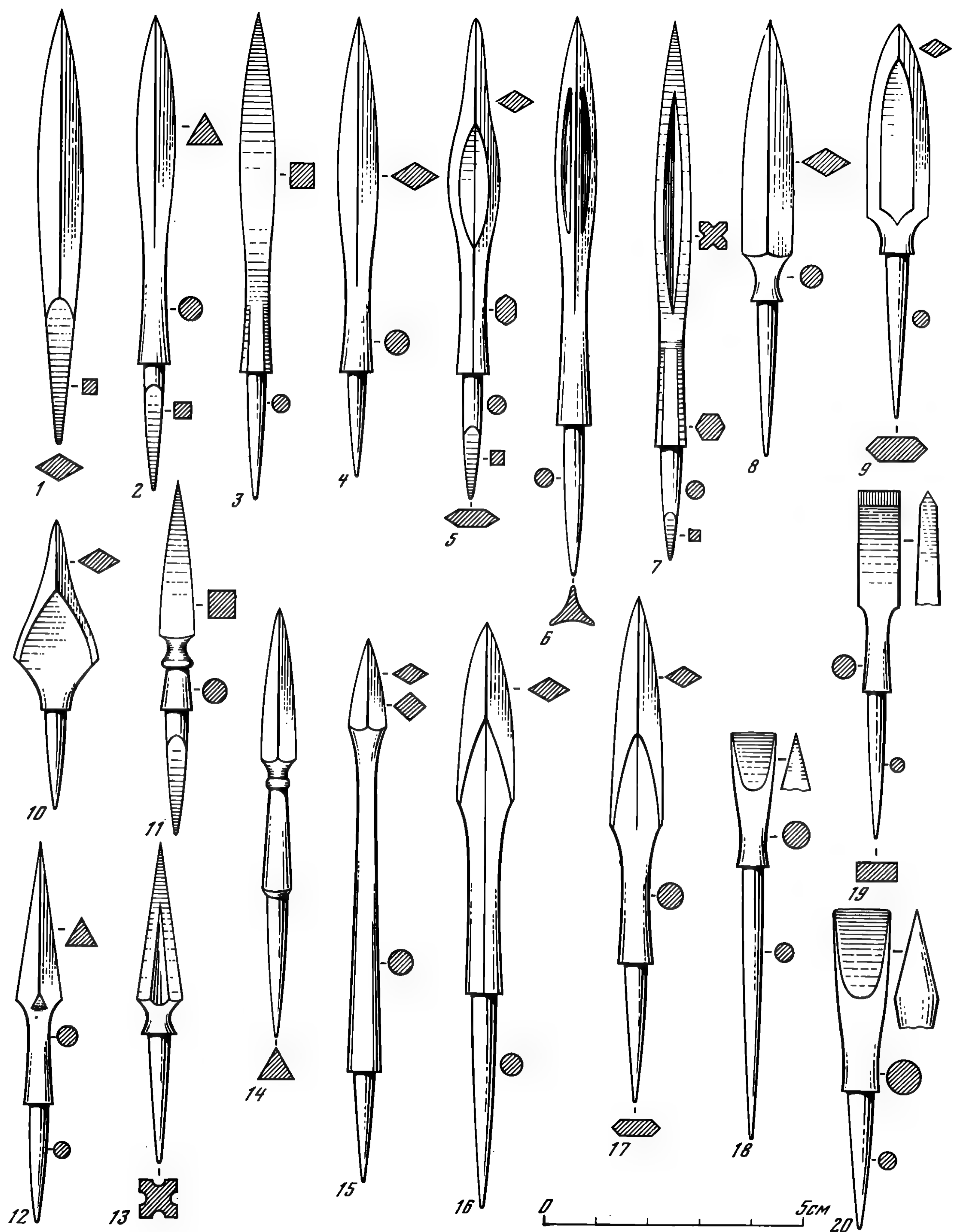


Таблица 138

Таблица 138. Бронебойные наконечники стрел X в.

Рис.	Тип	Вид	Период распространения	Область распространения	Рис.	Тип	Вид	Период распространения	Область распространения
1	62	—	IX – п. п. XI в.	Повсеместно	11	86	–	X – с. XI в.	Повсеместно
2	75	—	X в.	»	12	76	1	X в.	»
3	77	—	X – н. XI в.	»	13	88	–	X–XI вв.	Северная половина европейской части СССР
4	78	—	IX–X вв.	»					
5	79	—	X – н. XI в.	»	14	75	1	X в.	Повсеместно
6	75	—	X в.	»	15	84	1	X – н. XI в.	Повсеместно
7	77	—	X – н. XI в.	»	16	82	–	X в.	»
8	97	—	IX–X вв.	»	17	82	–	X в.	»
9	81	—	X в.	»	18	98	–	X в. – н. XI в.	Запад европейской части СССР
10	80	—	X в.	»	19	99	–	IX–XI вв.	Повсеместно
					20	98	–	X – н. XI в.	Запад европейской части СССР

Таблица 139. Наконечники стрел XI — XII вв.

Рис.	Тип	Вид	Период распространения	Область распространения	Рис.	Тип	Вид	Период распространения	Область распространения
1	28	–	XI – п. п. XIII в.	Повсеместно	10	96	–	XII в.	Города Руси
2	31	–	в. п. XII – п. п. XIII в.	»	11	97	2	в. п. XI – XII в.	»
3	32	–	в. п. XII – п. п. XIII в.	»	12	60	4	в. п. XII – п. п. XIII в.	Повсеместно
4	43	–	IX – п. п. XIII в.	»	13	83	–	XI в.	»
5	33	–	XII – п. п. XIII в.	»	14	84	2	XII–XIII вв.	»
6	94	–	XII – п. п. XIII в.	Южная половина европейской части СССР	15	87	1	XII – п. п. XIII в.	
					16	105	–	к. XI – с. XIV в.	Новгород
					17	102	–	XII–XIV вв.	Юг Руси
7	106	–	XII – п. п. XIII в.	Юг Руси (шедевр мастерства)	18	100	1	в. п. XI – п. п. XIII в.	Русь и Волжская Болгария
8	24	1	XII – п. п. XIII в.	Южная половина европейской части СССР	19	76	3	в. п. XI–XIV в.	Повсеместно
					20	85	–	XI в.	Города Руси
9	37	–	XII–XIII вв.	Повсеместно					

Таблица 140. Наконечники стрел XIII — XIV вв. Представлены типы, занесенные в Восточную Европу во время монголо-татарского нашествия

Рис.	Тип	Вид	Период распространения	Область распространения	Рис.	Вид	Тип	Период распространения	Область распространения
1	67	–	XIII–XIV вв.	Повсеместно	10	26	–	XIV в.	Юг Руси
2	67	–	XIII–XIV вв.	»	11	68	–	XIII–XIV вв.	»
3	66	–	XIII–XIV вв.	Юг Руси	12	24	3	XIII–XIV вв.	Города Руси
4	72	–	XIII–XIV вв.	Повсеместно	13	69	–	XIII–XIV вв.	Юг Руси
5	60	5	в. п. XIII–XIV вв.	»	14	89	–	XIII–XIV вв.	Повсеместно
6	60	6	в. п. XIII–XIV вв.	»	15	49	–	XIII–XIV вв.	Юг Руси
7	60	6	в. п. XIII–XIV вв.	»	16	24	3	XIII–XIV вв.	Города Руси
8	60	7	XIV в.	»	17	38	4	XIII–XIV вв.	Повсеместно
9	60	7	XIV в.	»					

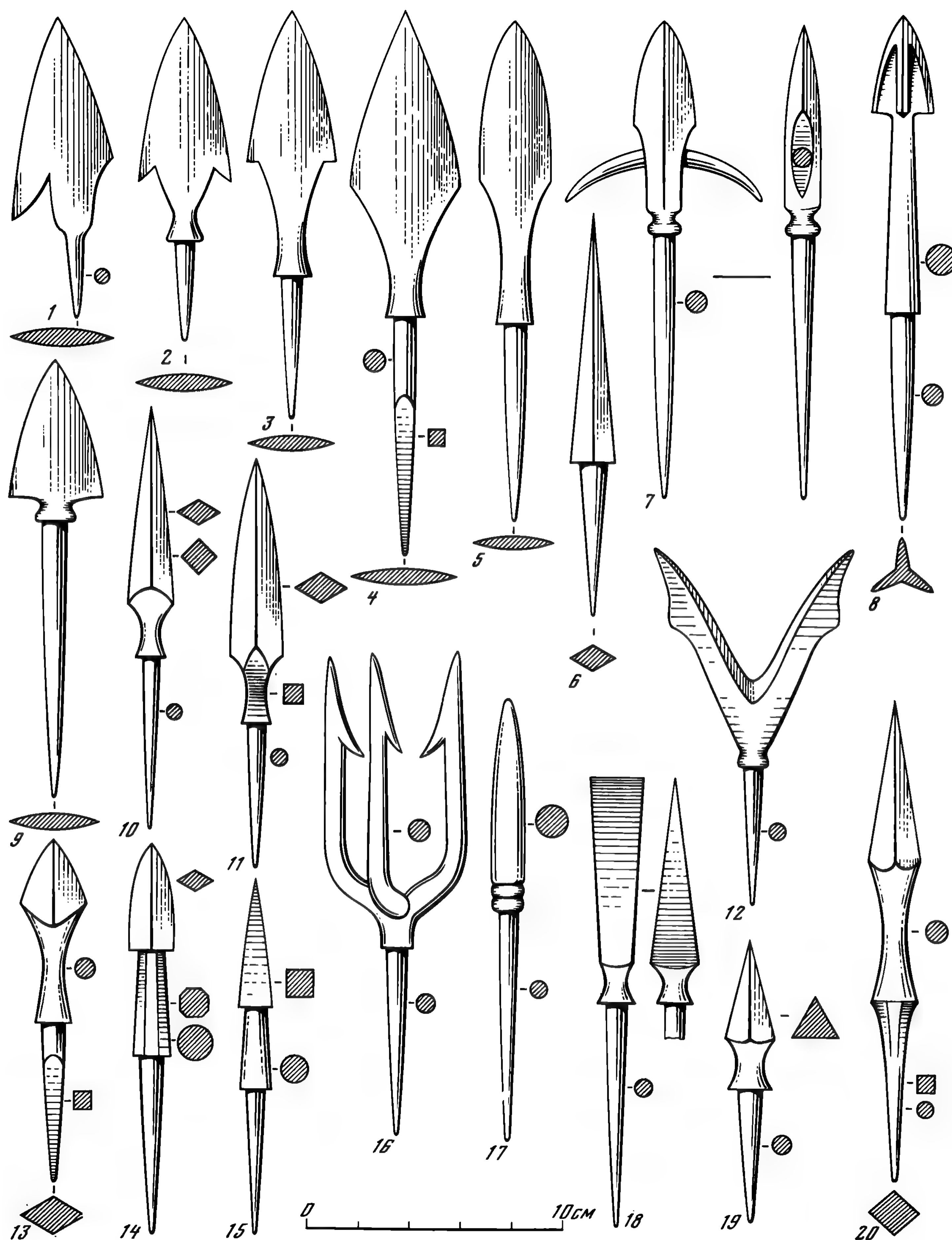


Таблица 139

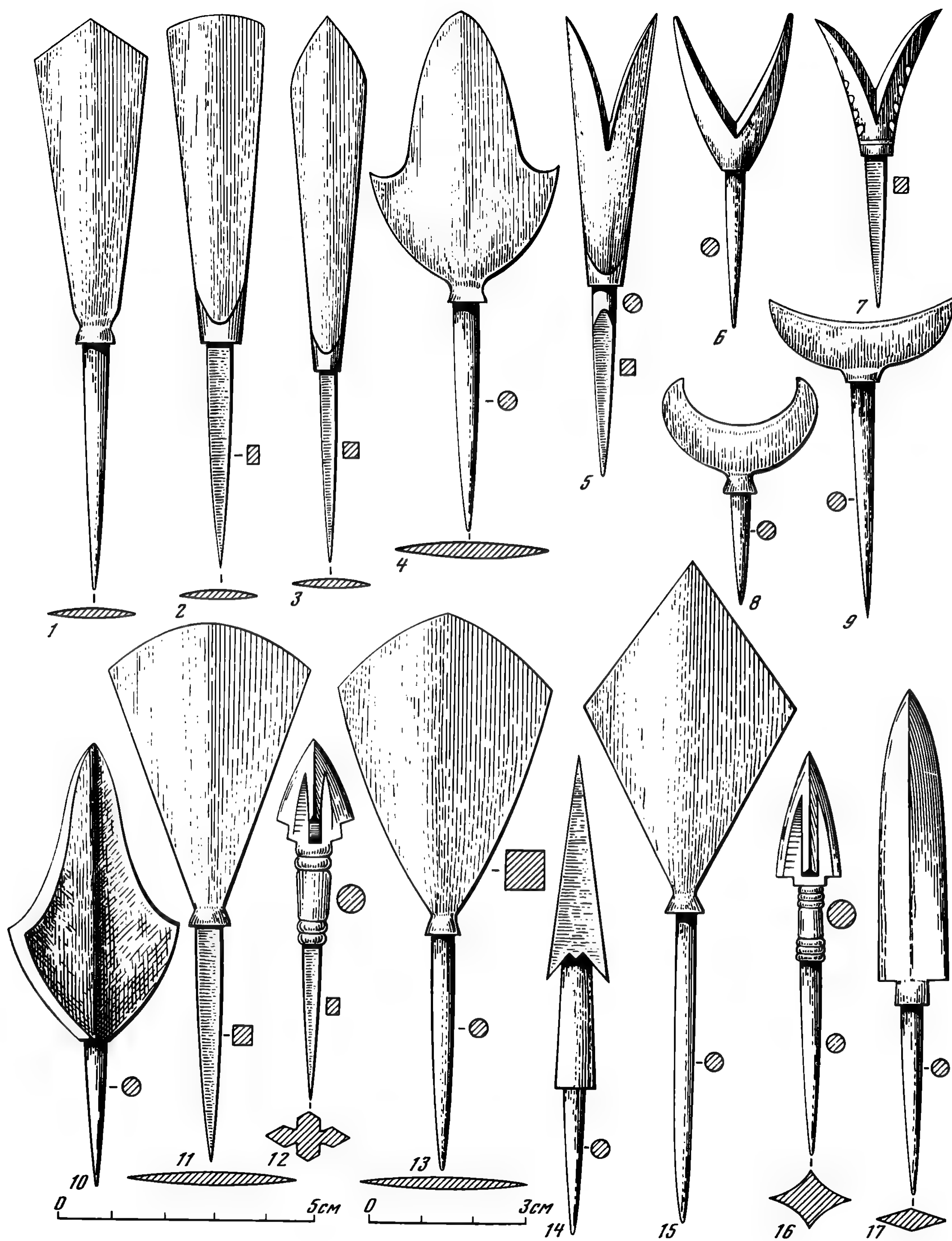


Таблица 140

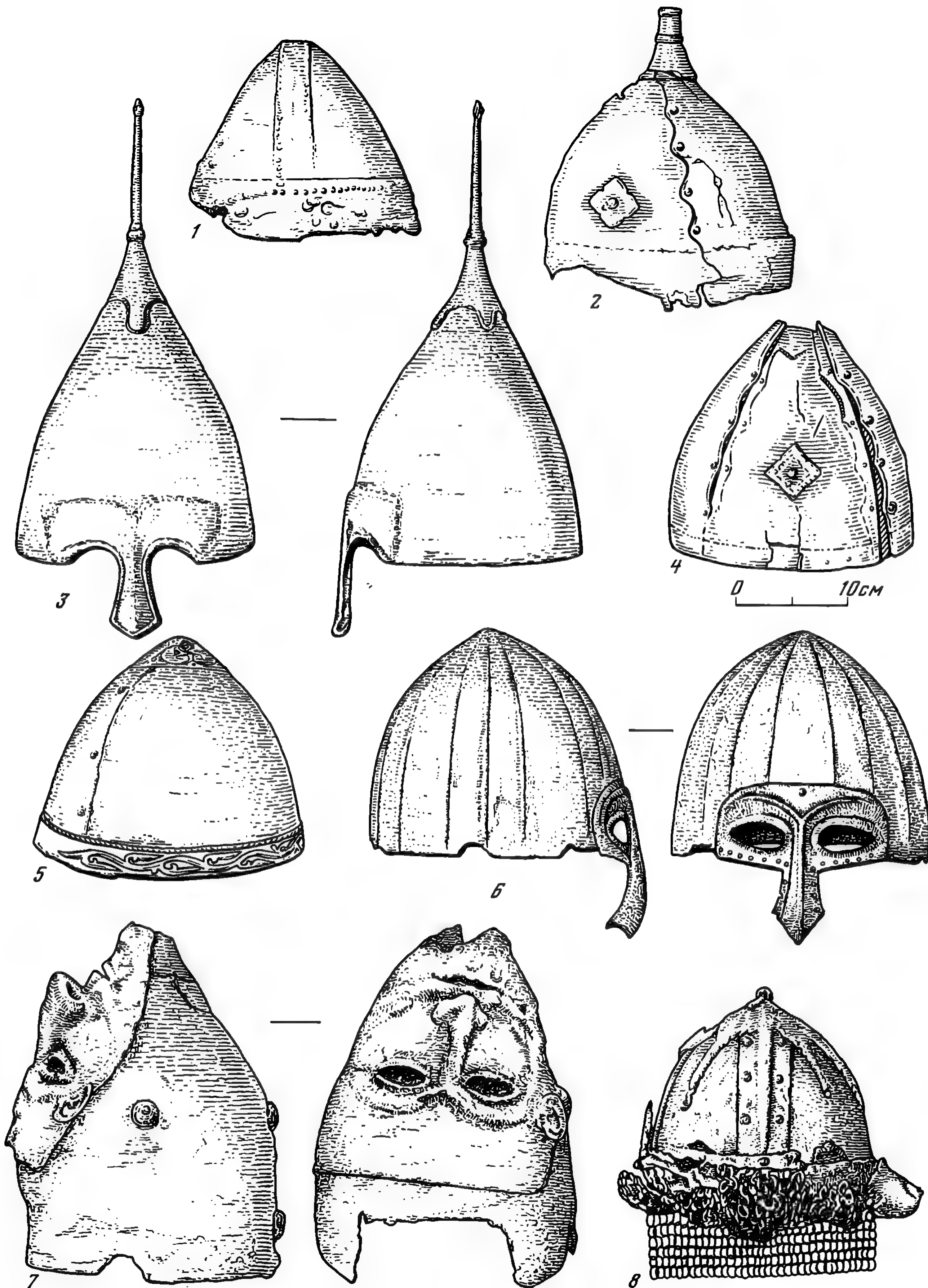


Таблица 141. Шлемы X — XIII вв.

1 — Гнездово, Смоленская обл. (тип I); *2* — Чернигов (тип II); *3* — Таганча, Киевская обл. (тип IIБ); *4* — Мокрое, Ровенская обл. (тип II); *5* — Бабичи, Киевская обл. (тип IIА); *6* — Никольское, Орловская обл. (тип IV); *7* — Липовец, Киевская обл. (тип III); *8* — Пешки, Киевская обл. (тип V)

Таблица 142. Кольчуга, наруч и шлемы XII — XIII вв.

1 — кольчуга, окрестности Кременца, Тернопольская обл., XII—XIII вв.; *2* — шлем, Никольское, Орловская обл., 1200—1240 гг.; *3* — наруч, Сахновка, Киевская обл., 1200—1240; *4* — шлем, Таганча, Киевская обл., первая половина XIII в.

Таблица 143. Святой Георгий. Рельеф на стене Георгиевского собора в Юрьеве-Польском, около 1234 г.

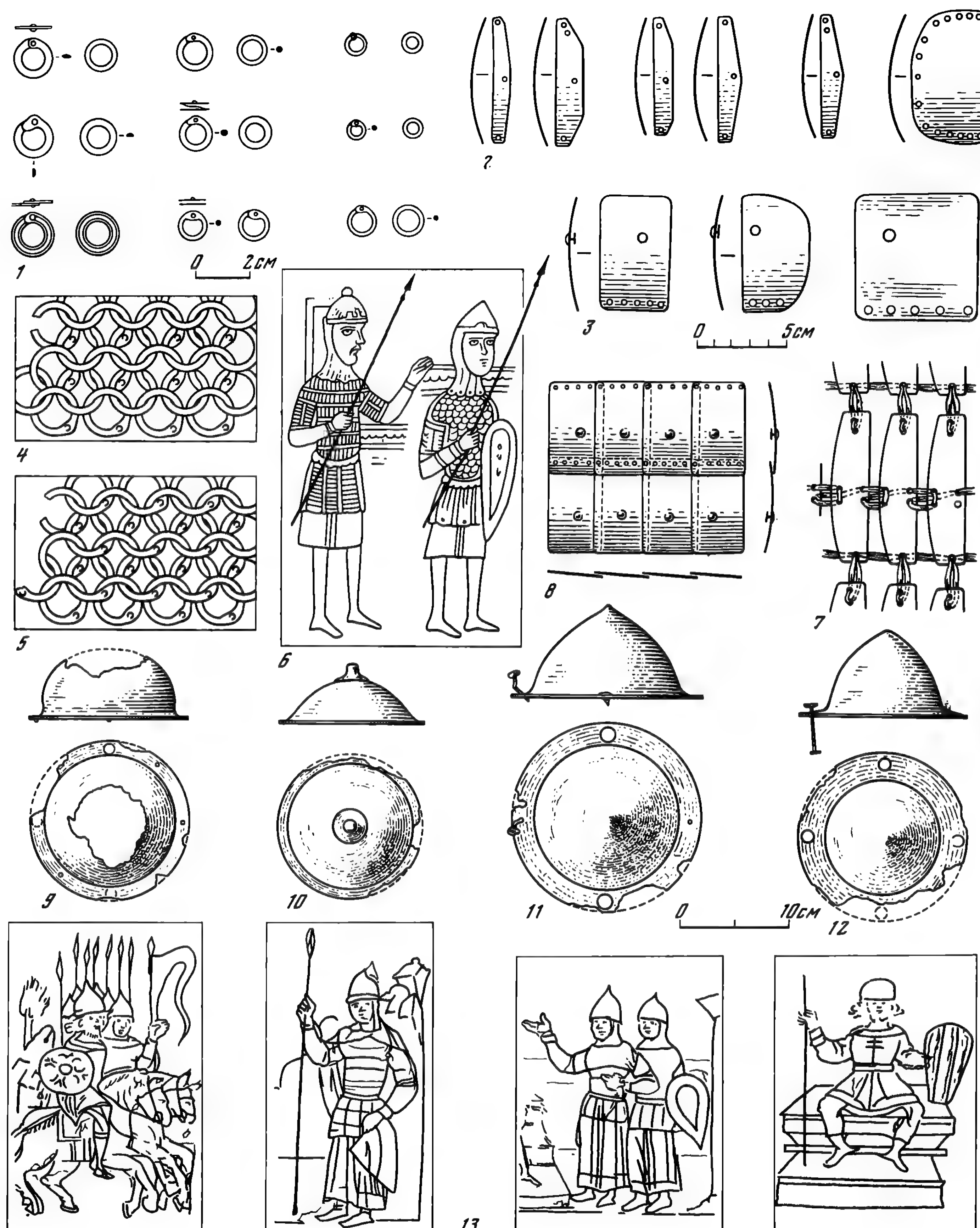


Таблица 144. Детали защитной одежды и щитов VIII — XIV вв.

1 — кольца кольчуг VIII—XIII вв.; *2* — детали пластинчатых доспехов; *3* — детали чешуйчатых доспехов; *4* — кольца сваренные и склепанные; *5* — кольца только склепанные; *6* — воины в пластинчатом и чешуйчатом панцирях (клейма житийной иконы «Св. Георгий» начала XIV в.); *7* — скрепление частей пластинчатого доспеха; *8* — скрепление чешуйчатого доспеха; *9—12* — умбоны щитов, основные формы: *9* — Гнездово, Смоленская обл. (тип I); *10* — Цимлянская, Ростовская обл. (из славянского слоя городища, тип I); *11, 12* — Заозерье и Щуковщина, юго-восточное Приладожье (тип II); *13* — круглые и миндалевидные щиты, павезы (по миниатюрам Радзивилловской летописи)

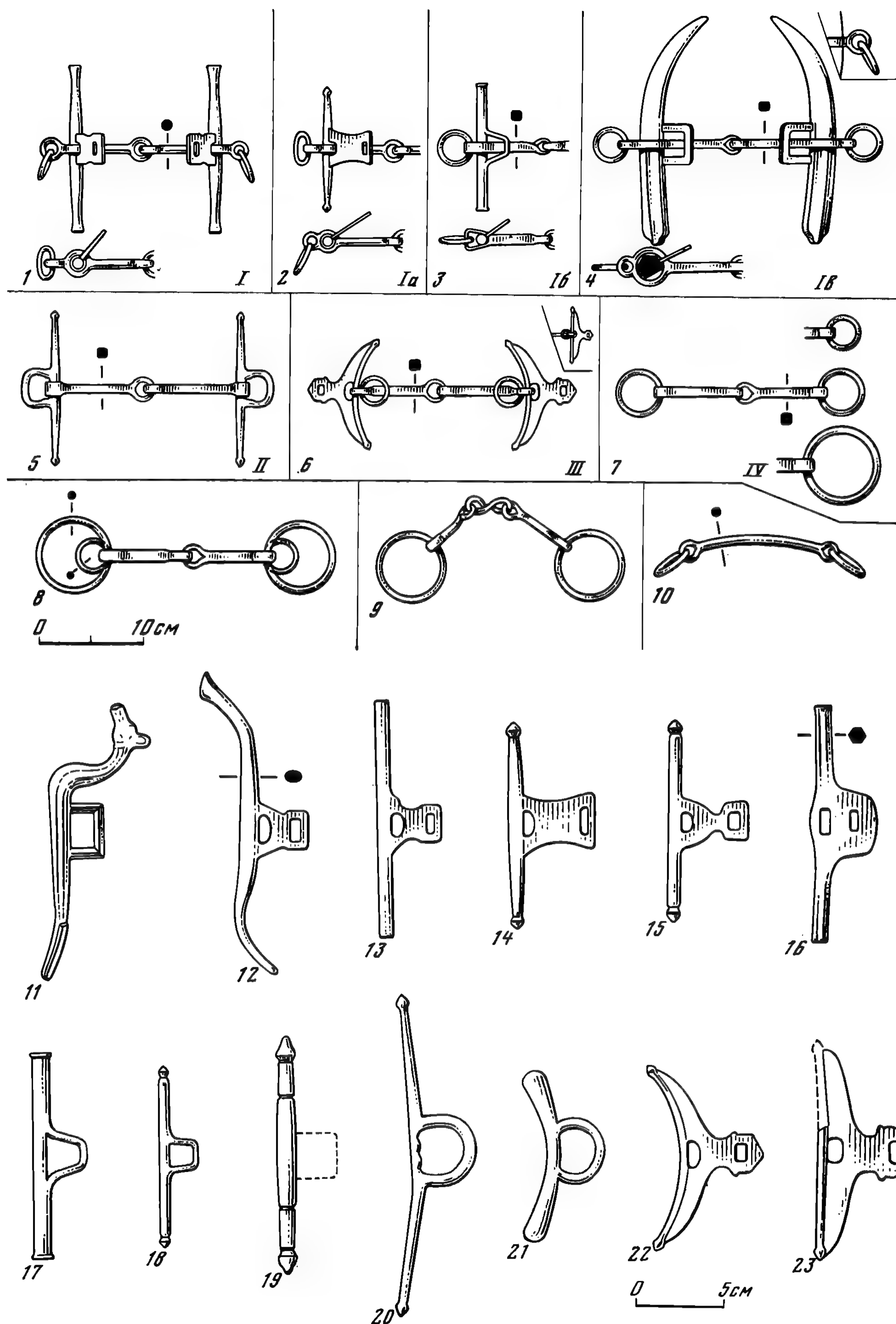


Таблица 145. Удила — *1—10* (типы I — VI, основные формы, IX — XIII вв.). Псалии — *11—23* (характерные образцы IX — XIII вв.)

11 — Чернавино, юго-восточное Приладожье; *12* — Максимовка, около Мурома; *13* — Старая Ладога, Ленинградская обл.; *14* — Шестовицы, Черниговская обл.; *15* — Вышгород, Киевская обл.; *16* — Витебск; *17* — Веськово, Ярославская обл.; *18, 22* — Новгород; *19, 20* — Городище, Хмельницкая обл.; *21* — Каменка, Молдавская ССР; *23* — Щучинка, Киевская обл.

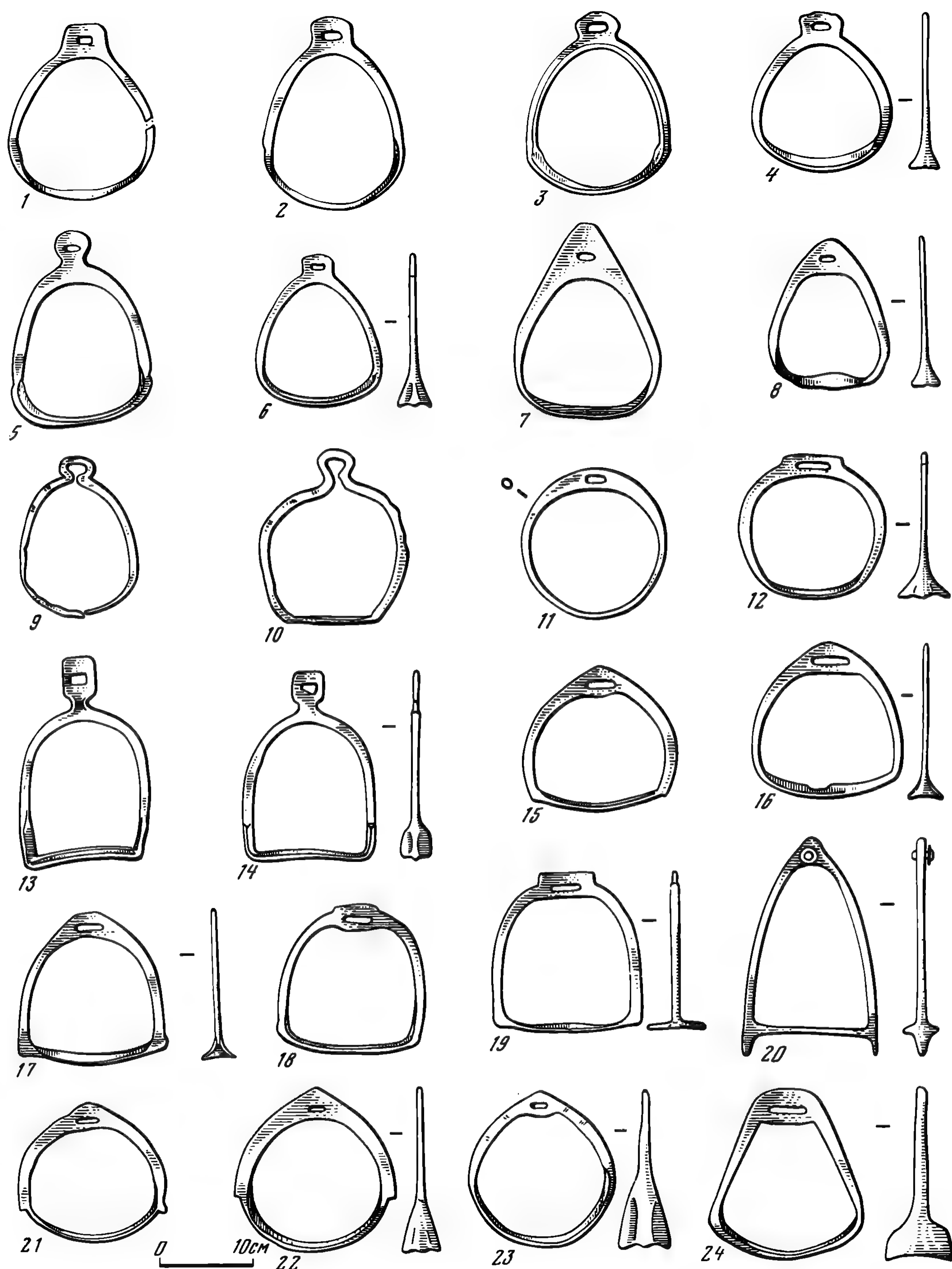


Таблица 146. Стремена IX — XIII вв. Образцы основных характерных форм

1 — Михайловское, Ярославская обл. (тип I); *2* — Шокшово, Ивановская обл. (тип I); *3* — (тип I) и *13* — (тип VI) — Суздальское Ополье; *4* — Гнездово, Смоленская обл. (тип I); *5* — там же (тип I); *6* и *8* — Шестовицы, Черниговская обл. (соответственно тип I и II); *7* — Васильки Владимирская обл. (тип II); *9* — та же обл. (тип IV); *10* — Подболотье, Ивановская обл. (тип IV); *11* — Каргалыцкая слободка, Киевская обл. (тип V); *12, 14, 16, 17, 18, 22* — Княжа Гора, Черкасская обл. (соответственно типы V, VI, VII, VIIa, IX); *15* и *24* — Малое Терющево, Горьковская обл. (соответственно типы VII и X); *19* — Городище, Хмельницкая обл. (тип VIIa); *20* — Новгород (тип VIII); *21* — Юрьев-Польской (тип IX); *23* — Таганча Киевская обл. (тип IXA)

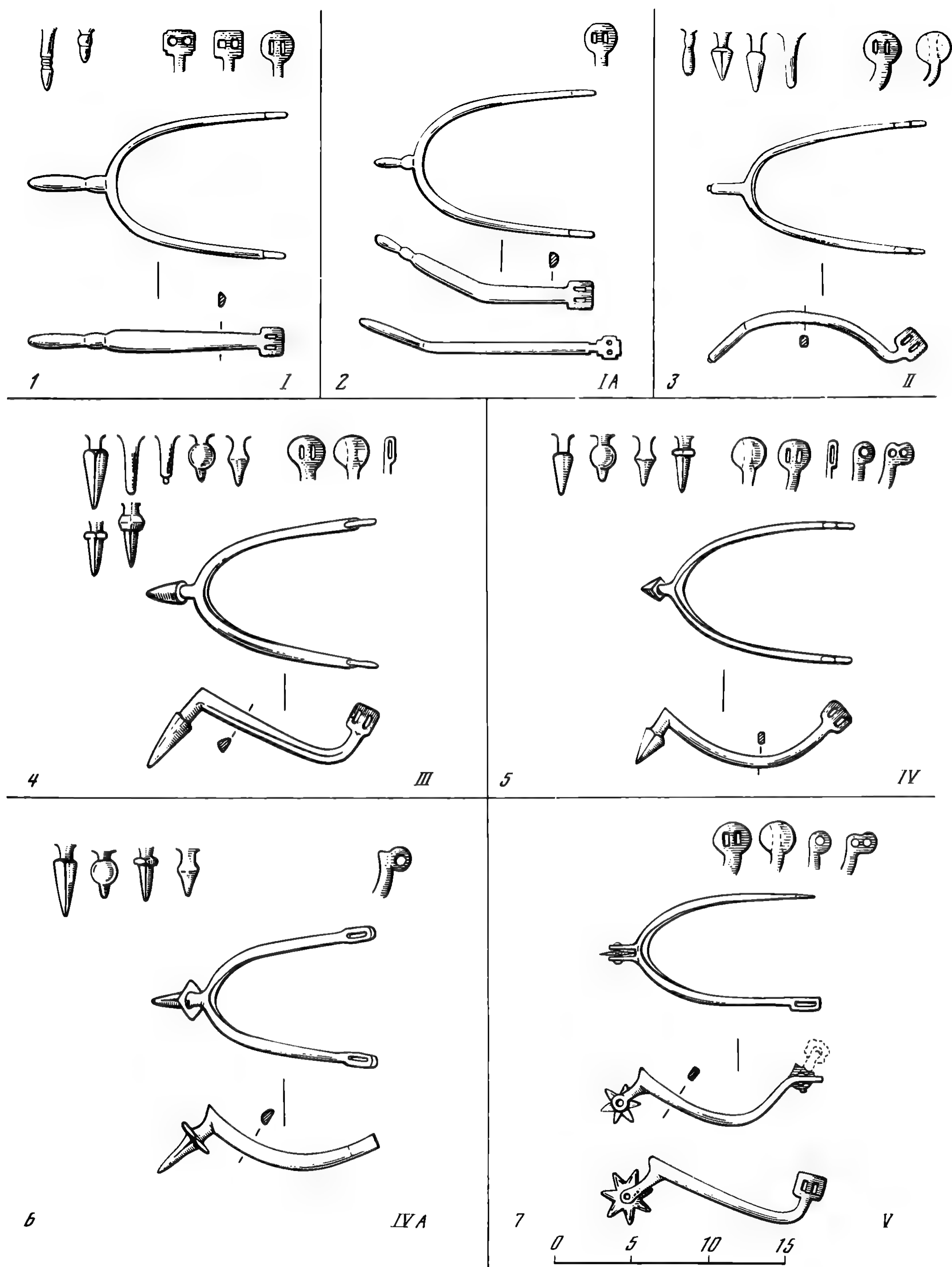


Таблица 147. Шпоры XI — XII вв. (*1—2* — типы I и IA) и XII — XIII вв. (*3—7* типы II — V). Основные формы (с детализацией шипов и петель)

1—7 — все Городище, Хмельницкая обл., кроме *2* — нижнее изображение, Киев; *7* — нижнее изображение, Черниговская обл.

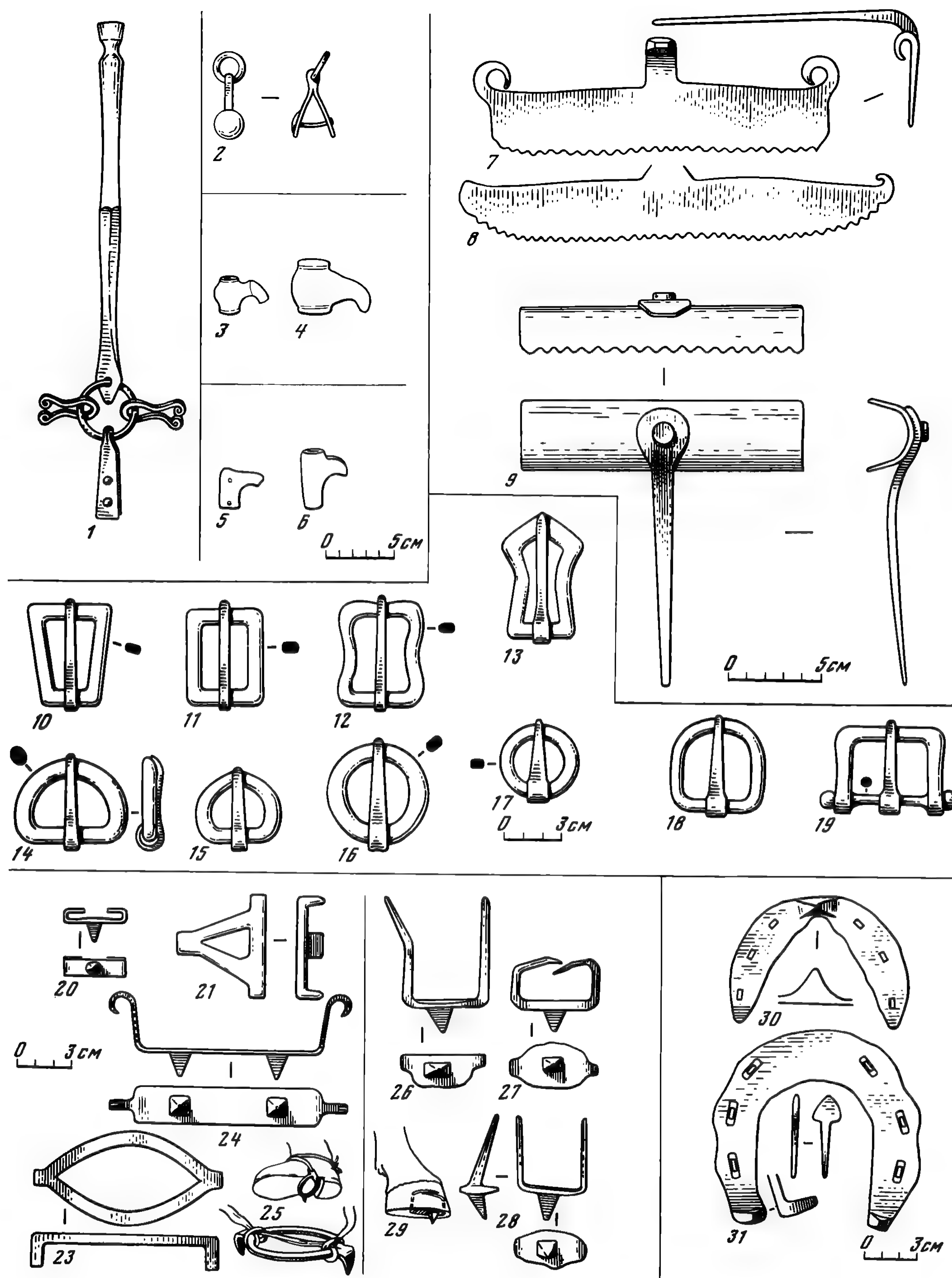


Таблица 148. Принадлежности снаряжения всадника и коня IX — XIII вв. Основные формы

1—6 — части плетей: *1* — кнутовище, Суздальское Ополье (тип I); *2* — навершие рукояти, Городище, Хмельницкая обл. (тип II); *3—6* — характерные образцы затыльников рукоятей плетей: *3* — Новгород (тип III, бронза); *4* — Городище Хмельницкой обл. (тип III, кость); *5* — Воинская гребля, Черкасская обл. (тип IV, кость); *6* — Новгород (тип (IV, кость); *7—9* — скребницы: Городище Хмельницкая обл. (*7—8* — тип I, *9* — тип II); *10—19* — подпружные пряжки (типичные формы); ледоходные шипы человека (*20—25*) и коня (*26—29*); *20* — Большое Тимерево, Ярославская обл.; *21* — Чернигов; *22* — Старая Ладога, Ленинградская обл.; *23* — Княжа Гора, Черкасская обл.; *24* — способ ношения шипов, по современным данным; *25* — шип с пристяжными ремешками у коряков; *26* — Торопец, Калининская обл.; *27—28* — Городище, Хмельницкая обл.; *29* — шип на копыте подковы; *30* — с одним шипом, Старая Ладога, Ленинградская обл.; *31* — с двумя шипами, Городище, Хмельницкая обл.

Таблица 149. Боевые порядки русских войск на миниатюрах XIV — XV вв.

1 — Сильвестровский список Жития Бориса и Глеба, XIV в.; *2—5* — Радзивилловская летопись, конец XV в.

1 — отряд конницы с князем и воеводой во главе; *2* — перестрелка лучников; *3* — столкновение копейщиков; *4* — преследование неприятеля; *5* — бой пехотинцев

Глава восьмая
Русские денежные системы IX—XV вв.

История русских денежных систем, а в целом и денежного обращения в рассматриваемый период может быть разделена на три последовательных этапа. В IX — начале XII в. на большей части Руси обращаются иноземные серебряные монеты, весовые нормы которых, вступив во взаимодействие с традиционно местными весовыми единицами, образовали сначала одну, а затем две локальные денежно-весовые системы. В XII — третьей четверти XIV в. монеты не употребляются, их заменяют разного рода товаро-деньги, использование которых ведет к образованию ряда областных денежно-весовых систем. В последней четверти XIV — первой четверти XV в. возникает множество центров самостоятельной чеканки, использующих традиционно сложившиеся местные нормы. Преодоление этой областной пестроты систем составляет существо определившейся при Иване III унификации систем и создания единой русской системы денежного счета. Таким образом, в эволюции счетно-весовых норм наглядно проявляется процесс развития феодальной раздробленности и его преодоления созданием единого национального государства.

Становление денежного обращения. Становление денежного обращения на славянских землях Восточной Европы происходит стремительно на рубеже VIII—IX вв., когда началась активная торговля Восточной и Северной Европы со странами Халифата. Для лишенной собственных рудных запасов монетного металла Восточной Европы серебро, хлынувшее в монетной форме из мусульманских стран (табл. 150), с самого начала стало одним из главнейших предметов импорта. К рубежу VIII—IX вв.— первой четверти IX в. относятся десятки уже обнаруженных кладов, характерных для всей территории Древней Руси. Это значит, что к указанному моменту потребность в денежном обращении вполне определилась. Уже в первой четверти IX в. количество русских кладов более значительно, нежели число подобных находок в Скандинавии, что свидетельствует о преобладании не транзитного характера серебряного ввоза, а его ориентации на внутреннюю потребность Руси в монете.

В кладах аббасидских дирхемов первой трети IX в. преобладают монеты, чеканенные в африканских центрах Халифата, попадавшие на Русь кавказским и среднеазиатским торговыми путями. Эти монеты чеканились по норме около 2,73 г в отличие от распространившихся с 30-х годов IX в. дирхемов азиатской чеканки, которые весили немного больше (около 2,85 г). Указанное обстоятельство оказывается очень важным для решения проблемы о времени складывания древнейшей русской денежно-весовой системы. В гривне IX—X вв., имеющей вес 68,22 г, содержится 25 дирхемов африканской чеканки. Между тем, согласно показаниям Русской Правды, гривна в начальный период ее существования была равна 25 кунам. Дирхем первой трети IX в. и стал куной. Если бы формирование древнейшей системы произошло в более поздний период, соотношение единиц стало бы иным. На протяжении IX — первой трети X в. новых единиц в системе, по-видимому, не появляется, поскольку в этот период преобладают клады, состоящие исключительно из целых монет.

Во второй трети X в., в эпоху широкого распространения саманидского дирхема, начинается кризис восточной серебряной чеканки, вызванный значительным комплексом социально-экономических причин, но в первую очередь исчерпанием серебряных рудников. Чекан становится небрежным, весовые нормы монет не выражены. На Руси в этот период осуществляется сортировка дирхемов по нормам куны и новой единицы ногаты (от арабского «нагд» — отборная монета), составившей двадцатую часть гривны (3,41 г).

Ко второй половине X в. относится формирование двух территориальных русских систем, определившихся на фоне разного тяготения северного и южного регионов к международным рынкам. Реальным средством обращения Южной Руси (Киев, Чернигов, Переяславль, Смоленск) становятся круглые вырезки из дирхемов весом около 1,63 г (Стародединский клад), составляющие $^1/_{200}$ византийской литры. На севере обращаются такие же вырезки, но весом около 1,04 г, что составляет $^1/_{200}$ часть гривны серебра (единицу, родственную скандинавским весовым нормам). Важным памятником этой системы являются сферические весовые гирьки, употреблявшиеся в северных областях Руси для взвешивания серебряной монеты.

В последней трети X в. ареал восточных монет на Руси резко сокращается в связи с ослаблением, а затем и полным угасанием их притока из стран Халифата. В Южной Руси на место монеты становятся товаро-деньги (Фасмер Р. Р. 1933; Янин В. Л., 1956) (табл. 150, *1—5*). На рубеже X—XI в. там была предпринята попытка заменить ушедший из обращения дирхем чеканкой собственных монет (златников и сребренников Владимира Святославича и Святополка), однако эта попытка оказалась лишь кратковременным эпизодом, обреченным на неудачу из-за отсутствия сырьевой базы (Толстой И. И., 1882; Янин В. Л., 1956) (табл. 151).

В Северной Руси на смену дирхему приходит западноевропейский денарий (германской, английской и скандинавской чеканки), обращавшийся до начала XII в., когда эксплуатация монетной регалии западными сеньорами обесценила денарий, ставший

непригодным в международной торговле (Янин В. Л., 1956; Потин В. М., 1968) (табл. 150, *7—11*).

В системе гривны круглые вырезки из дирхемов составили $^1/_{50}$ часть гривны и стали называться резанами (табл. 150, *15*). На севере это последнее наименование перешло затем и на наиболее распространенный вид денарий, имевший норму около 1 г.

Очевидно, что наличие в XI—XII вв. разных резан в северной и южной системах должно было повлечь за собой и образование там разных гривен. Соответственно в Северной Руси гривна XI—XII вв., бывшая лишь счетной единицей, приравнивается 51,19 г, а на юге — 40,92 г. Эта разница, в частности, отражена терминами «смоленская куна» и «смоленская ногата», фигурирующими в Смоленской торговой правде 1229 г. К этому времени на всей территории Древней Руси монета уже не обращается и денежные термины прилагаются к заменяющим ее товаро-деньгам.

Серебряное обращение сохраняется лишь в сфере крупных платежных сделок, для обслуживания которой с XII в. начинается литье регулярных относительно их веса серебряных слитков — гривен серебра. Письменные источники фиксируют соотношение гривны серебра с традиционной гривной, называющейся теперь гривной кун. Договор Новгорода с немецкими городами конца XII в. указывает на соотношение: гривна серебра равна 4 гривнам кун. Такое же соотношение обозначено в Смоленской торговой правде 1229 г. Между тем тождество этих указаний отнюдь не означает, что произошла унификация систем. Напротив, для двух обозначившихся прежде территорий характерно обращение двух разных видов слитка. На севере бытует слиток в форме длинного бруска весом около 200 г, на территории распространения южной системы — шестиугольные слитки весом около 160 г (табл. 152, *1—2*). Литье и бытование последних продолжается только до монголо-татарского нашествия. Более поздние клады не знают шестиугольных слитков. Обе нормы в XIII в. воздействовали на формирование денежно-весовых систем Золотой Орды: чеканка Азака ориентирована на южно-русскую норму, чеканка Булгара — на северо-русскую.

Безмонетный период. Вопрос о том, чем была заменена монета в XII—XIV вв., на протяжении полутораста лет является одним из основных вопросов русской нумизматики и, по-видимому, никогда не будет решен во всех его деталях. Тем не менее общее, принципиальное его решение возможно. Несомненно, что роль мелких средств обращения в безмонетный период выполнялась товаро-деньгами, т. е. такими товарами, которые на пути от производителя к потребителю могли принимать на себя временные функции денег. Археология не знает ни одной категории находок этого времени, за которой можно было бы признать исключительную роль денег, однако она знает ряд распространенных на Руси предметов, которые встречаются постоянно и в количествах, намного превышающих обычные потребности в них.

К числу таких предметов относятся в первую очередь различные виды женских украшений и шиферные веретенные пряслица. На Руси пряслица производились только в одном районе, изобилующем залежами розового шифера,— в районе Овруча на Волыни, и оттуда в громадном количестве расходились по всей славянской Восточной Европе. Пряслица были необходимым орудием прядильного производства, поэтому постоянное их присутствие в любом древнерусском жилом комплексе закономерно. Однако их количество в раскопках действительно необычно. Так, в Новгороде при раскопках 1951—1962 гг. в слоях XI — первой половины XIII в. было зафиксировано свыше 2 тыс. шиферных пряслиц, тогда как в позднейших слоях второй половины XIII—XV в. глиняных, каменных и свинцовых пряслиц обнаружено лишь около 300. Принимая во внимание, что никакого регресса прядильное и ткацкое производства в XIII в. не обнаруживают, мы должны будем усматривать для шиферных пряслиц какие-то дополнительные функции.

Подобные наблюдения могут быть проделаны и над стеклянными браслетами, и над некоторыми видами бус, которые в XI в. не раз встречены в кладах вместе с монетами. Не исключено и использование в качестве товаро-денег разных сортов пушнины. Как уже отмечено, во второй половине XIII в. Русь не знает других видов слитка, кроме слитка северного веса, «гривны серебра» полуфунтовой нормы, который оказывается общим для всей Руси и служит обобщением денежных систем и в Москве, и в Рязани, и в Новгороде, и в Пскове, и в Твери, и на Киевщине, и в Смоленске.

Однако существование на всей территории Руси единого по весу и форме слитка не привело к созданию повсеместно однообразной денежной системы. Когда во второй половине XIV в. русские княжества приступили к чеканке собственной монеты, исходные нормы чеканки были в них непохожи; они возникали каждая на своей, областной основе. Это значит, что пестрота областных систем безмонетного периода возникла и развивалась за счет особенностей систем денежного счета, т. е. благодаря серьезным отличиям в наборе и характере мелких денежных знаков в каждой области. Если повсеместно были сходны высшие единицы системы, роль которых выполняла «гривна серебра», то составляющие ее мелкие единицы были в каждой области свои, и их величина определялась особенностями того набора товаро-денег, который был свойствен каждой области.

Это наблюдение позволяет сделать два важных вывода. Во-первых, Древней Руси действительно было присуще многообразие форм денежного обращения. Во-вторых, все русские областные системы, несмотря на их отличия, имели общий родственный элемент в виде единообразного для всех областей денежного слитка северного веса.

Говоря о развивающемся процессе дробления областных денежных систем в эпоху феодальной раздробленности, мы должны также помнить и об их родстве, о том, что они растут из одного корня, благодаря которому они не могли утратить на протяжении всего безмонетного периода своей взаимосвязи.

История областных денежных систем безмонетного периода может быть реконструирована путем сравнения исходной для позднейших областных монетных систем гривенной системы Русской Правды XII в. с самими этими системами. Такое сравнение

способно обнаружить основные тенденции развития денежных единиц в каждом отдельно взятом случае. Однако, разумеется, оно было бы попросту невозможным, если бы мы не располагали хотя бы отрывочными сведениями относительно некоторых единиц и структурных соотношений безмонетного периода.

Историков русского денежного обращения привлекают обстоятельства развития двух денежных систем — московской (низовской) и новгородской. И этот интерес оправдан, поскольку именно московская и новгородская денежные системы своим слиянием во второй половине XV в. положили начало существованию той национальной денежной системы, которой мы пользуемся до сегодняшнего дня.

Несмотря на то что низовская денежная система на протяжении безмонетного периода почти не находила отражения в письменных источниках, ее реконструкция сравнительно проста, поскольку в момент введения московской чеканки при Дмитрии Донском она еще сохраняет большую близость с системой Русской Правды. Денежная система по «Русской правде» выглядела следующим образом: гривна серебра = 4 гривнам кун = 80 ногатам = 200 кунам = 204,5 г; гривна кун = 20 ногатам = 50 кунам* = 51,2 г; ногата = 2,5 кунам = 2,5 г; куна = 1 г.

Древнейшие московские деньги имеют вес около 1 г и таким образом находят полное соответствие древней куне. Однако в XIII—XIV вв. термин «куна» уже не употреблялся для обозначения той единицы системы, которая с началом чеканки нашла воплощение в серебряной деньге. Как показывает сопоставление таможенных норм XIV—XV вв., указанный термин был вытеснен другим — морткой, которая впервые встречается в документе XIII в.

Главнейшим структурным преобразованием в Москве безмонетного периода стало уменьшение размера гривны, превращение ее в $^1/_{10}$ часть гривны серебра: гривна серебра = 10 гривнам кун = 200 морткам = 204,5 г; гривна кун = 20 морткам = 20,45 г; мортка = 1 г.

Легко заметить, что московская гривна кун оказывается ровно вдвое меньше смоленской гривны кун XII — первой трети XIII в.

Если восхождение московской монетной системы к системе Русской Правды заметно при простейшем сопоставлении их структур, то новгородская монетная система XV в. на первый взгляд кажется абсолютно не имеющей ничего общего с денежными единицами XII в. Новгородский рубль XV в. состоит из 216 денег; в новгородской гривне 14 денег; в рубле не укладывается целое число гривен, сверх 15 гривен остается излишек в 6 денег. Умножая вес новгородской деньги XV в. (0,79 г.) на 216, чтобы установить величину рубля, мы и здесь получим единицу в 170,1 г, никак не совпадающую с величиной старой «гривны серебра». Вместе с тем не подлежит сомнению, что новгородское денежное обращение развивается на основе употребления «гривны серебра» весом около 200 г, поскольку такой вес сохраняют все новгородские слитки вплоть до отмены их литья в 1448 г. Таким образом, между новгородскими денежными системами начала XIII в. и XV в. лежит цепь сложных превращений.

Первое такое превращение относится к середине XIII в. и фиксировано дополнительной статьей Русской Правды «О бесчестьи», указывающей на возникшее к тому времени равенство гривны серебра 7,5 гривнам кун. Теоретический расчет обнаруживает, что около рубежа XIII—XIV вв. это соотношение еще раз изменилось, и гривна серебра в Новгороде приравнялась 15 гривнам кун.

Однако вскоре, около того же рубежа столетий, в Новгороде происходит еще одно важнейшее преобразование системы. На смену длинным серебряным слиткам приходят короткие горбатые слитки того же веса (около 200 г) (табл. 152, *5*) и одновременно распространяется новый термин «рубль», стремительно вытеснивший старый термин «гривну серебра». Подобная смена терминологии может опираться только на изменение материальной основы денежной единицы и свидетельствует, что между длинными и короткими слитками существует не только разница формы.

Исследовавшая новгородские денежные слитки М. П. Сотникова обнаружила, что многие короткие слитки изготовлены техникой двойного литья и таким способом, что в основной отливке содержание чистого серебра понижено, но во второй отливке сохранена старая проба (Сотникова М. П., 1957). Пересчет количества серебра в таком слитке на практически чистый металл обнаруживает, что действительное его содержание равно примерно 170 г. Иными словами, короткий слиток двойного литья и является новгородским рублем, возникшим в результате понижения весовой нормы основной единицы. Ливонский источник 1399 г. указывает, что в Новгородском рубле в XIV в. содержалось 13 гривен. Иными словами, рубль возник из гривны серебра путем изъятия из нее двух гривен, которые как бы были отрублены; отсюда и этимологический смысл нового термина.

Тот же источник 1399 г. изображает новгородскую денежную систему в следующем виде: рубль = 13 гривнам кун; гривна кун = 28 кунам. Около рубежа XIII—XIV вв. в новгородских текстах начинает упоминаться еще одна единица — бела, составляющая $^1/_7$ часть гривны. Отсюда общий вид системы: рубль = 13 гривнам кун = 91 беле = 364 кунам = 170,1; гривна кун = 7 белам = 28 кунам = 13,08 г; бела = 4 кунам = 1,87 г; куна = 0,47 г.

Эта система (Янин В. Л., 1970б) просуществовала до 1410 г., когда новгородцы «куны отложиша» и стали пользоваться «лопьци и гроши литовьскыми и артуги немечкыми», т. е. прибалтийской монетой. Артиг, хорошо известный в нумизматике Ливонии, в это время содержал около 0,8 г серебра и занимал таким образом промежуточное положение между белой и куной, будучи немного меньше по своей ценности, нежели половина белы или 2 куны. Подстановка его в систему в качестве $^1/_{14}$ гривны привела к уменьшению веса гривны до 11 г. Таких гривен в рубле содержится уже не 13, а 15; кроме того, деление рубля на 15 гривен дает избыток в 6 артигов. Когда в 1420 г. новгородцы приступили к че-

* В «Пространной правде» куна становится на место резаны и составляет $^1/_{50}$ часть гривны кун.

канке собственной монеты, сложившиеся соотношения были сохранены, как и норма артига, ставшая нормой новгородской деньги (Янин В. Л., 1979).

Возобновление русской монетной чеканки. Постепенное восстановление товарного производства в процессе борьбы с монголо-татарами, возвышение великих княжеств и городов создали во второй половине XIV в. условия для возобновления русской монетной чеканки. Связь чеканки с указанными историческими процессами определила и место этого важнейшего события. Русская чеканка началась в Москве. Первые, анонимные, московские монеты относятся, по-видимому, к 70-м годам XIV в. Почти одновременно с Москвой денежная чеканка начинается в Рязани и Нижнем Новгороде. Тверь, Новгород и Псков начали производство своих монет значительно позднее — в первой четверти XV в., и это обстоятельство кажется весьма интересным.

Монетная чеканка одновременно началась на тех территориях, денежное обращение которых было связано с употреблением низовского рубля, т. е. древней «гривны серебра» (она отливалась в виде коротких и горбатых, но монолитных слитков), и только на этих территориях. Есть все основания полагать, что товарное обращение на этих территориях отличалось наиболее тесными связями, если начало чеканки Москвы повлекло возобновление производства монет в двух других областях. Обращение в северо-западных землях было более изолировано от московского; там, по-видимому, существовали особые условия, в силу которых перепродажа слитков в Низовские области (а Новгород был основным центром получения серебра с Запада) казалась более выгодной, нежели превращение их в собственную монету.

Чеканка московских монет начинается с использования старой и привычной нормы мортки в 1 г. Монетная система сохраняет полную преемственность от московской системы безмонетного периода; сохраняют свою величину рубль и гривна, остается ненарушенной структура единиц. Тем не менее введение собственной монеты сопровождается возникновением новой терминологии. Москвичи называют свою монету не морткой, а деньгой. Шесть денег образуют алтын.

В начале княжения Василия Дмитриевича (1389—1425 гг.) в Москве предпринимается реформа понижения веса деньги примерно до 0,93 г. Цели этой реформы возможно оценить по ее результатам. До нее норма московской монеты (а до нее мортки) находилась в весьма неудобном соотношении с новгородскими единицами. Вследствие понижения веса деньги новая деньга оказалась равной половине новгородской белы. Тогда же в Рязани были широко распространены дирхемы Тохтамыша, весившие около 1,4 г. Новая московская деньга в 0,93 г. вступила в рациональное соотношение и с этими монетами: три московских деньги равнялись двум золотоордынским дирхемам. Эта норма оставалась неизменной до конца первого десятилетия XV в.

Вероятными памятниками первой реформы Василия Дмитриевича представляются клейменные денежные слитки, наложение особых штемпелей на которые, по-видимому, обозначает их соответствие дореформенным или пореформенным нормам: ведь вместе с изменением нормы деньги изменилась и норма рубля (табл. 152, *6*).

Около 1409 г. Василий Дмитриевич проводит еще одну реформу, понизившую вес деньги примерно до 0,86—0,87 г. Новая реформа вызвала в русских денежных системах ряд важнейших изменений, сама согласованность которых является ярким свидетельством исключительно тесной взаимосвязи областных денежных систем. Она прежде всего привела к падению веса рязанской деньги до 1,2—1,3 г (3 московские деньги равны 2 рязанским). Известно летописное сообщение о падении веса деньги в Нижнем Новгороде, о котором говорится под 1412 г. (упоминаются «старые деньги»). Нижегородские деньги с этого времени весят 0,53—0,63 г, что соответствует половине рязанской деньги. Монеты удельных княжеств повторили изменение нормы денег своих великих княжеств.

Однако эти последствия реформы Василия Дмитриевича не идут ни в какое сравнение с явлениями, вызванными ею в Новгороде и Пскове. Если денежные системы Рязани и Нижнего Новгорода были связаны только с русским денежным обращением, то для новгородцев и псковичей не менее важными были связи с Прибалтикой. Только тесными контактами с Прибалтикой возможно объяснить характер и направление предпринятых в Новгороде и Пскове реформ, как бы противопоставленных реформе Василия Дмитриевича.

В 1409 г., по сообщению Псковской летописи, «в Пскове отложиша кунами торговати и начаша пенязми торговати»; летописец разъясняет термин «пенязи» как «артуги». Аналогичные события происходят в 1410 г. и в Новгороде. На место прежних товаро-денег в 1409—1410 гг. новгородцы и псковичи впервые вводят монету, но не свою, а западноевропейскую. Новая московская норма вступила в иррациональное соотношение с новгородской и псковской, и в эпоху острого обострения отношений с Москвой эти города видоизменяют свою денежную систему, ориентируя ее на нужды своей западной торговли.

Как уже отмечено, чеканка собственных монет в Новгороде началась в 1420 г.; в Пскове аналогичная реформа была проведена в 1424 г. К сожалению, не существует указаний письменных источников о состоянии псковской денежной системы. Сами монеты Пскова на всем протяжении самостоятельной чеканки вплоть до 1510 г., когда Псков был присоединен к Москве, отличаются значительной выверенностью веса, который оказывается очень близким норме новгородских монет, колеблясь от 0,74 до 0,79 г. Не исключено, что монетная система Пскова не отличалась от новгородской или же была ее вариантом.

В первой четверти XV в. началась чеканка монет еще в одном значительном русском центре — в Твери. Самые ранние тверские монеты с именем великого князя Ивана Михайловича (1399—1425 гг.) сравнительно с монетами следующих тверских князей немногочисленны. Поэтому начало чеканки в Твери можно отнести ко второй половине княжения Ивана. Вес этих монет близок 0,62—0,64 г. По-видимому, четыре тверских деньги равнялись трем московским 10-х годов XV в. В дальнейшем вес

тверских монет понижается вслед за падением московских монет.

Норма новгородской деньги 0,79 г, подвергаясь некоторым незначительным колебаниям, остается в общем неизменной вплоть до конца самостоятельной чеканки в 1478 г. В Москве, напротив, она несколько снизилась еще в конце правления Василия Дмитриевича, достигнув примерно 0,73 г. Ее придерживались и все удельные московские князья. В первой четверти XV в. число центров удельной чеканки еще более увеличилось. Помимо Серпухова, Можайска, Галича и Дмитрова, монета выпускалась в Ярославле и Угличе. Известны также верейские монеты второй четверти XV в. В тверском великом княжестве по норме тверской деньги монету чеканили удельные князья Городенские, Кашинские и Микулинские.

Эта пестрота центров, чеканящих монету, отражала общую систему феодального устройства великих княжеств того времени, а дальнейшие судьбы удельного чекана являются прекрасной иллюстрацией к истории борьбы великих князей за полное подчинение уделов, а затем и полную их ликвидацию.

Уже в начале правления Василия Васильевича (1425—1462 гг.) в Москве предпринимается ряд мер в этом направлении. Если в конце XIV и в первой четверти XV в. чеканка монет сдавалась на откуп многочисленным ремесленникам-чеканщикам, в правление этого князя в Москве создается большой и хорошо организованный денежный двор, который смог наладить чеканку монет в больших масштабах. Деньги, выпускаемые этим двором, не отличаются таким многообразием типов, как в предшествующий период. Фактически Василий II вводит в обращение стандартную монету. Другим нововведением было изменение типа удельных монет. Они также становятся стандартными, а рядом с именем удельного князя на них обязательно помещается имя Василия Васильевича. Некоторые типы удельных монет чеканятся на московском денежном дворе, а это значит, что Василию II удалось поставить такую чеканку под свой непосредственный контроль.

Деятельность Василия II по унификации московской монетной системы была прервана междоусобной и переменчивой войной с галичским князем Дмитрием Шемякой. На первом этапе борьбы, когда еще был жив отец Дмитрия Юрий Дмитриевич, Василию II в 1433—1434 гг. пришлось уступить московский стол галичскому князю. Юрий чеканил монеты в Москве от своего имени, но так как галичская норма деньги тогда не отличалась от московской, то каких-либо нарушений денежной системы не последовало. Преемник Юрия его сын Дмитрий Шемяка изменил вес галичских монет, понизив его до нормы тверской деньги в 0,59 г. Эта реформа, помимо своего фискального характера, имела также и политическое значение. Находясь во враждебных отношениях с Москвой, Дмитрий закрепил свои позиции обособлением от Москвы и галичской денежной системы.

В 1446 г. после ослепления Василия II Москва была занята Дмитрием Шемякой. Одним из его первых мероприятий была денежная реформа понижения веса московской деньги до уровня галичской. В период правления Дмитрия прекратил свое существование московский денежный двор, и производство монеты вновь перешло в руки многочисленных откупщиков. После возвращения Москвы Василий не смог восстановить прежнюю монетную норму и лишь постепенно сумел заново наладить деятельность денежного двора.

К концу княжения Василия Темного его деятельность по унификации московской денежной системы возобновилась. Он проводил более последовательную политику в отношении удельных князей, сначала запретив чеканку в уделах, а затем постепенно ликвидируя и сами уделы. В 1450 г. к Москве окончательно был присоединен Галич вместе с Дмитровом, находившимся последнее время в руках галичских князей. В 1454 г. был ликвидирован Можайский, а в 1456 г.— Серпуховской уделы. Чеканка монет в них после окончательного воссоединения с Москвой не возобновлялась. Лишь изредка чеканились местные деньги с именем московского великого князя и по московской норме. Унификационная деятельность Василия II вышла за пределы Московского княжества, и московская деньга распространяла сферу своего обращения вместе с расширением московских границ. В 1451 г. к Москве был присоединен Нижний Новгород, а в 1456 г.— Рязань.

Те же тенденции ликвидировать привилегии удельных князей наблюдаются и в великом княжестве Тверском, где в тот же период мелкие князья лишаются права чеканки серебряной монеты и выпускают только медные монеты — пулы.

В конце княжения Василия Темного была проведена последняя в XV в. реформа понижения веса московской деньги. Деньга стала чеканиться по норме 0,395 г, а рубль соответственно стал весить 78,9 г. Эта реформа вновь поставила московскую деньгу в простейшее рациональное отношение к новгородской деньге, которая сохраняла неизменным свой вес, принятый еще в 1420 г. Московская деньга стала равняться половине новгородской. Последняя реформа Василия II сопровождалась выпуском чрезвычайно стандартных по своему типу монет, на которых обычно помещена надпись «денга московская» (Мец Н. Д., 1974).

При преемнике Василия Темного — Иване III унификационная деятельность продолжается и достигает своего завершения. В 1463 г. к Москве был присоединен Ярославль и чеканка монет в нем прекратилась; в 1474 г. окончательно присоединен Ростов, в котором давно уже не было самостоятельной чеканки, в 1485 г. ликвидирован последний московский удел — Верейский, в 1486 г. присоединена Тверь, в которой прекратилась чеканка самостоятельных монет, а начали производиться московские монеты. В 1478 г. Иван III захватил Новгород, но чеканка монет привычного типа поначалу была в нем сохранена, изменена лишь легенда монеты, которая с этого времени читается как «Денга великого князя» вместо прежней «Великого Новагорода».

Объединение русских земель при Иване III было завершено. Некоторую самостоятельность сохранил лишь Псков, самая дальняя область Московского государства. Деятельность Василия Темного и Ивана III, расширявших территорию действия московской системы в процессе воссоединения русских областей, привела к тому, что во второй половине XV в. на

месте, где в предшествующее время существовал калейдоскоп областных систем, остались лишь две денежные системы, находившиеся в рациональной связи.

На основной территории Московского государства была распространена московская система: рубль=10 гривнам=200 деньгам=78,9 г; гривна=20 деньгам=7,89 г; деньга=0,395 г.

На северных территориях Московского государства сохранялась новгородская система: рубль=15 гривнам=6 деньгам=216 деньгам = 170,1, гривна=14 деньгам = 11,04 г; деньга = 0,79 г.

При всем различии этих систем в них существовали элементы, находившиеся в самом простом соотношении. Это сходство было использовано для фактического объединения обеих систем, завершающего образование единой русской национальной денежной системы.

Новгородская деньга включилась в число московских денежных единиц как сотая часть московского рубля, и денежная система Москвы — теперь уже национальная русская система — получила свой окончательный вид: рубль=10 гривнам=100 новгородским деньгам=200 московским деньгам; гривна=10 новгородским деньгам=20 московским деньгам; новгородская деньга=2 московским деньгам.

Практическое объединение систем отразилось в чеканке, начавшейся с момента реформы выпуском в Новгороде монет прежнего новгородского веса, но с изображением московской эмблемы-ездеца и надписью «Осподарь всея Руси». Такие деньги получили название «новгородок». В отличие от них деньги-«московки» содержат в своей легенде обязательное обозначение «денга московская». Резко сократилось число монетных типов. По существу монета Ивана III однообразна, стандартна по оформлению, что является одним из важных признаков действительной унификации денежного обращения в масштабах всего государства.

Создание национальной русской денежной системы было крупнейшим событием, сделавшим целую эпоху в дальнейшем развитии русского денежного обращения, однако оно имело очень глубокие корни. На всем протяжении истории русского денежного обращения областные системы не утрачивали связи друг с другом. Восходя к одному общему источнику, они в период феодальной раздробленности разошлись, но не настолько, чтобы утратить общие элементы. Поэтому областные системы были не только новгородской, московской, тверской или рязанской, но и русскими. Объединение этих систем во второй половине XV в. было обусловлено и подготовлено всем их предшествующим развитием, так же как экономическое и политическое объединение Руси было завершением длительного процесса развития земель, родственных в этническом, экономическом и политическом отношениях.

Монетное дело. Русские монеты XIV—XV вв. не безликие памятники денежного обращения. Как образцы ремесленного производства они интересны своими техническими особенностями. С внешней точки зрения они представляют собой любопытные художественные памятники различных русских областей.

Будучи образцами продукции самого массового производства, монеты при изготовлении нуждались в таких приемах, которые, во-первых, обеспечивали их быстрый и непрерывный выпуск, а во-вторых, давали бы им наиболее точный вес. Оба этих условия были достигнуты вполне оригинальным путем, общим для всей Руси. Сначала монетное сырье превращалось в проволоку, которая затем разрезалась на кусочки одинаковой длины, и, следовательно, одинакового веса. Штемпели накладывались на эти кусочки проволоки, поэтому русские монеты всегда имеют несколько овальную форму, а по краям небольшие выступы, бывшие до плющения концами обрезка проволоки.

В условиях денежного двора, когда чеканка становилась особенно интенсивной, штемпели стирались не одновременно, и более сохранный обычно использовался в дальнейшей работе. В силу этого многие монеты разных типов имеют одну из сторон, чеканенную общим штемпелем, что позволяет разобраться в относительной хронологии монетных типов. После трудов И. Г. Спасского метод сравнения штемпелей сделался одним из главных методов нумизматического источниковедения (Спасский И. Г., 1951).

Наиболее трудоемкой и дорогостоящей операцией в производстве монет было изготовление штемпеля, поэтому наиболее прогрессивное усовершенствование в монетном деле XV в. коснулось именно этой части технологического процесса. Уже при Василии Темном на московском денежном дворе впервые применяется так называемый маточник — позитивный штемпель, при помощи которого чеканились негативные рабочие штемпели. Маточник был закален, он использовался редко, что обеспечивало ему долгую жизнь. С открытием маточника выход из строя того или иного рабочего штемпеля уже не требовал кропотливой работы по вырезанию нового штемпеля, его можно было перевести с маточника (Орешников А. В., 1896; Спасский И. Г., 1970).

Количество монетных типов XIV—XV вв. громадно. Одно только их перечисление занимает много страниц, поэтому следует остановиться только на некоторых общих чертах, характерных для отдельных областей.

Монеты великого княжества Московского и московских уделов сходны по своему оформлению (табл. 153). Они как бы принадлежат к продукции одной художественной школы. По обилию типов они занимают первое место среди русских денег. Их ранние типы всегда содержат на одной стороне подражание джучидской монете, а оборот занят разнообразными изображениями с излюбленной в Москве круговой надписью. Арабские легенды исчезают с них фактически уже во времена Василия Дмитриевича. При Василии Темном они редки, а на монетах Ивана III иногда появляются уже в новом значении: арабскими буквами передаются имя московского князя или наименование монеты. Помещение таких надписей облегчало прием московской монеты в поволжских областях. На стороне, занятой ранее подражанием, начиная со времени Василия I чаще всего появляется строчная надпись с именем и титулом великого князя.

Изображения на московских монетах чрезвычайно разнообразны: различные фантастические звери

и птицы и целые сцены, объяснение которым следует искать в русском фольклоре и книжной повести. Весьма любопытно, что на деньгах, несущих на себе очень часто слово «печать» и таким образом родственных памятникам сфрагистики, лишь очень редко встречаются изображения святых, которые были почти обязательны на актовых печатях. В художественном отношении наиболее заметны связи московских монет с произведениями русской белокаменной резьбы еще домонгольского времени.

На этих монетах два сюжета заслуживают особого внимания. Один из них — изображение барса или всадника. Эти фигуры носят геральдический характер. Барс был эмблемой великих князей владимирских, и помещение этой эмблемы на московские монеты выражало идею преемственности власти московских великих князей от власти Всеволода, Ярослава и Александра. Всадник, или ездец, был собственной эмблемой московских князей. Со времени Василия I он стал фактическим гербом Москвы и самым излюбленным сюжетом на московских монетах.

Другой сюжет имеет не только московский характер, но в Москве он был достаточно популярен. Это изображение человека с секирой или с отрубленной головой в руках. Изображение, по-видимому, имело оградительный смысл и служило наглядным предупреждением фальшивомонетчикам.

Надписи московских монет отражают постепенное усиление Москвы. Дмитрий Донской именует себя великим князем, его сын Василий Дмитриевич — великим князем Всея Руси, а на монетах Василия Темного впервые появляются титул «Осподарь всея Руси», утвердившийся в дальнейшем вплоть до 1547 г., когда Иван IV принял титул царя.

Близко к московскому оформлению нижегородских монет, однако они отличаются большей грубостью исполнения и меньшим разнообразием сюжетов (табл. 154, *3*, *4*).

Весьма своеобразен тип рязанских монет. В 80—90-х годах XIV в. — это подражания джучидским монетам, снабжение сначала буквенной надчеканкой, а затем надчеканкой рязанской княжеской тамги. На рубеже XIV—XV вв. их сменяют совершенно гладкие кружки, снабженные такой же надчеканкой. Затем, при князе Иване Федоровиче (1427—1456 гг.) на одной стороне монеты помещается надпись с именем князя, расположенная по краю в виде квадрата, а оборот остается гладким и снабжается надчеканкой тамги. Обязательная на всех монетах надчеканка — это как бы княжеская печать, удостоверяющая правильность монеты, уже после ее изготовления (табл. 154, *5—7*).

Разнообразны сюжеты тверских монет, чаще всего снабженных строчной надписью, которая разделена горизонтальными чертами. Темы изображений на этих монетах часто связаны с монетным производством и борьбой с фальшивомонетчиками (табл. 5, *8—13*). На многих тверских монетных типах изображен денежный мастер, занятый чеканкой монет. Он сидит перед верстаком, в котором зажат нижний штемпель, и ударяет молотом по верхнему штемпелю (табл. 152, *7*).

Менее разнообразны монеты Новгорода и Пскова. В Новгороде на всем протяжении самостоятельной чеканки существовал только один тип деньги. На одной ее стороне помещена строчная надпись «Великого Новагорода», а на оборотной — изображение сидящей на троне патронессы города Софии в зубчатой короне, как того требовали древние каноны. София вручает стоящему перед ней в «просительной позе» человеку щит, символ защиты города. Эта композиция чрезвычайно напоминает традиционную композицию венецианских монет, на которых изображен патрон города св. Марк, вручающий стоящему перед ним в «просительной позе» дожу символы власти (Янин В. Л., 1962). Чеканка монет в Новгороде началась сразу же после проведения в нем реформы государственного управления, сблизившей новгородские порядки с венецианскими, и оформление этих монет, по-видимому, свидетельствует об осознании новгородцами этого сходства. Аналогия с венецианскими монетами позволяет угадывать в изображении человека, стоящего «в просительной позе», посадника (табл. 154, *14—17*).

Изображения псковских монет фактически были геральдическими эмблемами. По-видимому, с дерптских монет на них было заимствовано изображение головы епископа, но оно было переосмыслено в Пскове. Рядом с ним псковичи поместили изображение псковской святыни — меча князя Довмонта, покровителя города, и дерптский епископ превратился в Довмонта. Обязательная строчная надпись на обороте — «Денга псковская». На другом типе псковских монет изображение Довмонта сочетается с фигурой барса, служившего гербом Псковской республики. Надпись «Денга псковская» размещена по кругу на стороне с изображением барса (табл. 154, *18—21*).

Разнообразие сюжетов русской нумизматики уменьшалось в процессе унификации русской денежной системы. Во времена Ивана III денежное обращение располагало крайне незначительным набором монетных типов. Эта стандартизация денег была не только оправданной, но и неизбежной. Стремясь к введению единообразной денежной системы, Москва должна была добиться такого единообразия не только в весе, но и в оформлении монеты, поэтому постепенное сюжетное обеднение русского чекана — отражение общего процесса создания единой национальной денежной системы Московского государства.

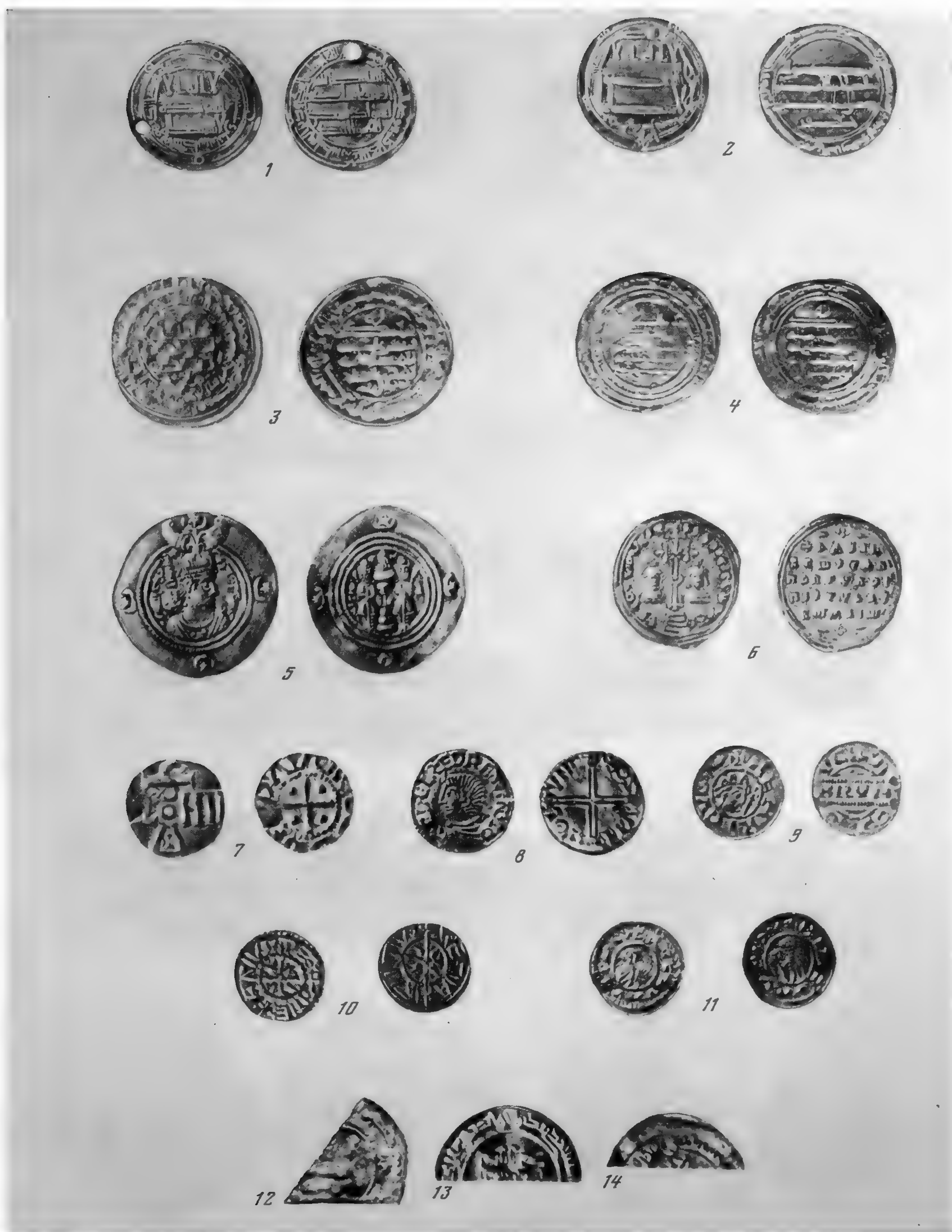


Таблица 150. Куфические, византийские и западноевропейские монеты

1 — Омейяды, Васит, 739—740 гг.; *2* — Аббасиды, Харун ар-Рашид, Мадинат ас-Салам, 801 г.; *3* — Саманиды, Нух ибн Наср, Бухара, 946—947 гг.; *4* — Бувейхиды, Рукн ад Дауля и Адуд ад Дауля, Аппадзан, 958—959 гг.; *5* — Сасаниды, Хосров II, 590—629 гг.; *6* — Византия, милиарисий Василия II и Константина VIII, 976—1025 гг.; *7* — архиепископство Кельн, Оттон II, 973—983; *8* — Англия, Этельред II, 978—1013, 1014, 1016 гг.; *9* — Фрисландия, Доккум, Бруно III, 1038—1057 гг.; *10* — Венгрия, Стефан I, 1000—1038 гг.; *11* — Богемия, Бретислав I, 1028—1055 гг.; *12—14* — обрезки дирхемов

Таблица 151. Русские златник и сребренники

1 — златник Владимира Святославича; *2* — сребренник Владимира I типа; *3—5* — сребренники Владимира II—IV типов; *6—8* — сребренники Святополка; *9* — «Ярославле сребро»; *10* — сребренник Олега-Михаила, Тмутаракань

Таблица 152. Денежные слитки и техника монетной чеканки

1 — шестиугольный слиток; *2*, *3* — новгородский слиток XII—XIII вв. — «гривна серебра»; *4* — литовский слиток; *5* — новгородский рубль; *6* — волжский слиток; *7* — клейменая полтина; *8*, *9* — изображение денежного мастера на тверских денгах XV в.

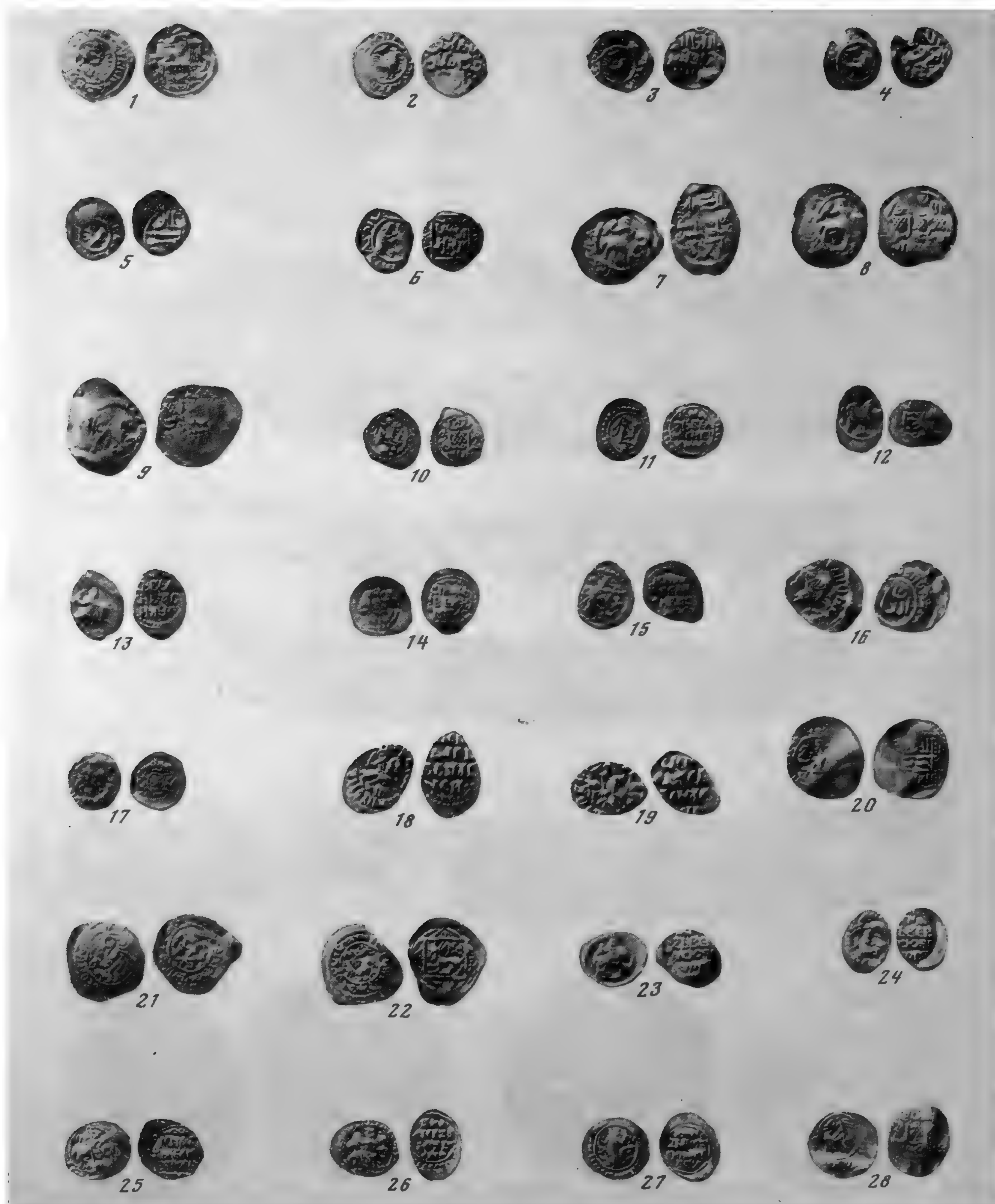


Таблица 153. Монеты Москвы и московских уделов XIV — XV вв.

1—6 — Москва, Дмитрий Донской, до 1389 г.; *7—9* — Москва, Василий Дмитриевич, 1389—1425 гг.; *10—15* — Москва, Василий Темный, 1425—1462 гг.; *16—19* — Москва, Иван III, 1462—1505 гг.; *20—26* — Галич, Юрий Дмитриевич, 1433—1434 гг.; *27* — Галич. Дмитрий Шемяка, 1434—1453 гг.; *28* — Серпухов, Владимир Андреевич, до 1410 г.

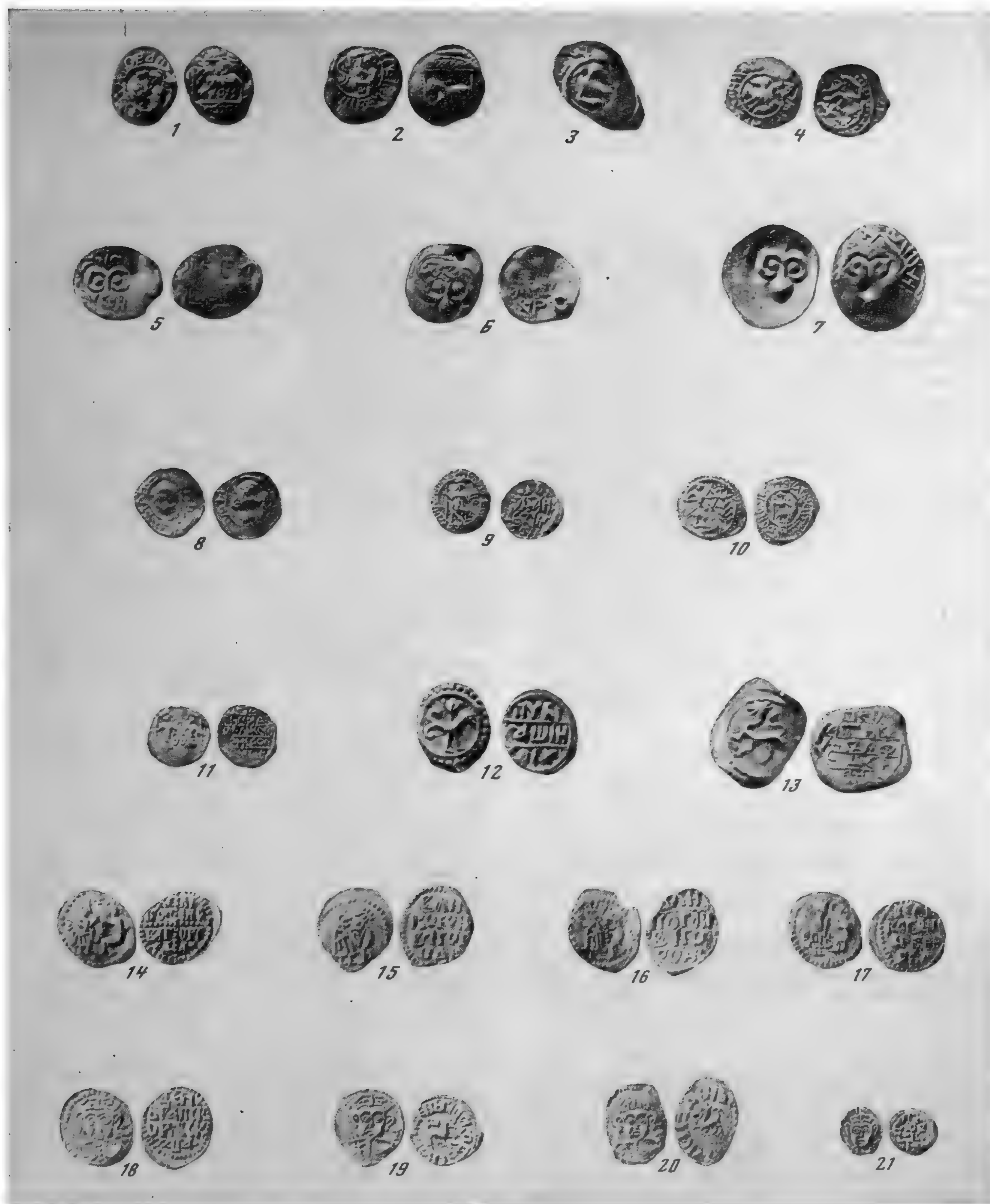


Таблица 154. Монеты русских княжеств и земель XIV — XV вв.

1—2 — Ростов, князья Александр и Михаил, рубеж XIV—XV вв.; *3—4* — Суздальско-Нижегородское княжество, Дмитрий Константинович, до 1383 г.; *5—6* — Рязань, конец XIV — начало XV в.; *7* — Рязань, Иван Федорович, около 1427—1456 гг.; *8—9* — Тверь, Иван Михайлович, 1399—1425 гг.; *10—11* — Тверь, Борис Александрович, 1425—1461 гг.; *12* — Кашинский пул XV в.; *13* — Микулинский пул XV в.; *14—17* — Великий Новгород, 1420—1478 гг.; *18—21* — Псков, 1426—1510 гг.

Глава девятая
Вислые актовые печати

Актовая сфрагистика Древней Руси давно уже оформилась в самостоятельную историческую дисциплину, с помощью которой успешно решаются постоянно встающие перед исследователями задачи установления подлинности, авторства и времени написания древних документов. Однако содержание сфрагистики отнюдь не сводится к участию в дипломатической критике. Живое свидетельство тому — огромный материал русской сфрагистики X—XV вв., в котором вислые печати, сохранившиеся при документах, составляют каких-нибудь 6—7% от общего числа зарегистрированных сейчас памятников. Настаивая на преобладании вспомогательной сфрагистики, мы вынуждены были бы признать не имеющей научной ценности всю массу печатей, обнаруженных не при документах, а в земле, или же видеть в ней некий мощный фундамент для двух-трех десятков далеко не первостепенных дипломатических определений сравнительно поздних актов. Добавим к этому, что древнерусских ископаемых печатей известно сейчас свыше двух тысяч, что ни одна из булл домонгольского времени (а их сейчас зарегистрировано около 800) не сохранилась при документе, и нам станет ясной искусственная ограниченность привычного определения содержания и задач сфрагистики.

Из примерно 2300 зарегистрированных сейчас актовых печатей (Янин В. Л., 1970а) примерно треть, таким образом, относится к X — первой трети XIII в. Эти последние распределяются на следующие классификационные разряды:

Княжеские печати архаической традиции X—XI вв.	17
Княжеские печати с греческими строчными надписями	41
Печати киевских митрополитов	18
Именные епископские печати	24
Печати Ратибора, протопроедра Евстафия и пр.	31
Печати с формулой «Господи, помози»	57
Печати с формулой «Дьнеслово»	35
Печати с изображением двух святых	502
Печати с изображением княжеской тамги	64
Анонимные печати с изображением Богоматери	20
Печати с изображением Христа или его символов	36
Прочие	20

Сфрагистика второй трети XIII—XV вв. представлена следующими разрядами:

Княжеские печати XIII — первой четверти XIV в.	166
Княжеские печати второй четверти XIV—XV в.	74
Печати служилых князей, княжеских наместников и тиунов	49
Именные архиепископские печати	53
Печати владычных наместников	212
Посадничьи печати	25
Печати тысяцких	25
Печать соцкого	1
Печати новгородских тиунов	128
Печати без обозначения должности	51
Печати Совета господ	93
Кончанские и монастырские печати	26
Прочие (неопределенные)	24

Все перечисленные буллы этого времени — новгородские. Кроме них, от XIII—XV вв. сохранилось около 650 печатей Пскова, Смоленска, Полоцка и Москвы. Подавляющее большинство их составляет псковский сфрагистический комплекс, обнаруженный в 1961—1962 гг. (свыше 500 булл) и до сих пор не изданный.

Перечисленные здесь сфрагистические разряды выделены по формальному признаку, на основе типовых особенностей оформления булл. В то же время эти классификационные разряды всякий раз оказываются принадлежащими определенным институтам государственной власти. Это обстоятельство позволяет сформулировать главную цель древнерусской сфрагистики как научной дисциплины, поставленную перед ней впервые еще Н. П. Лихачевым (Лихачев Н. П., 1928, 1930). Поскольку типические особенности русских средневековых булл являются индикатором их принадлежности определенным государственным институтам, изучение совокупности печатей и определение их хронологии и принадлежности дают в руки историка первоклассный источник для выяснения истории институтов государственной власти на Руси, эволюция которых отражается в изменениях типа печатей, в исчезновении и появлении новых типов и разрядов официальных булл и т. д. В самом деле, вислая печать, которая на Руси на всем протяжении своего существования была атрибутом власти, всегда сохраняет свидетельство принадлежности государственной юрисдикции (или ее части) тому или иному политическому институту. Следовательно, сама хронологическая классификация вислых печатей оказывается как бы зеркалом, отразившим состав и эволюцию тех органов власти, которым в разные столетия средневековой истории принадлежало на Руси исключительное право удостоверения официальных документов.

Возможное предположение о том, что буллы скрепляли памятники переписки, отвергается топографией их находок. Место находки булл в подавляющем большинстве случаев совпадает с местом их применения при документе. Печати новгородских князей и посадников происходят в 99 случаях из 100 находок на Городище или же из культурного слоя самого Новгорода. Смоленские печати почти все отысканы в самом Смоленске. Галицкие и волынские городища содержат сфрагистические материалы местного происхождения и т. п.

Какие же акты скрепляются этими печатями? Если бы мы располагали только материалами новгородского Городища или псковского Довмонтова города и случайными находками с других древнерусских городищ, на подобный вопрос ответить было бы весьма нелегко. В обоих указанных местах в древности располагались официальные архивы. Однако свинцовые печати многократно найдены при раскопках домонгольских и послемонгольских слоев обычного городского квартала Новгорода. Это их обилие говорит, что документ, снабженный вислой печатью, не был диковинкой в жилище новгородского дворовладельца. Особое обилие булл становится характерным начиная от рубежа XI—XII вв., когда фонд государственных земель начинает активно переливаться в личное владение феодалов. Становление и развитие вотчинной системы должно было вызвать к жизни массу документов поземельных отношений. С подобными документами связано и большинство позднейших печатей, сохранившихся при подлинных документах.

Существенное значение имеет еще одна общая проблема. Подавляющее большинство древнерусских печатей связано с Новгородом не только местом находки, но и местом употребления. В какой мере этот тезис является абсолютным? И не вызвано ли преобладание новгородских материалов самим наличием мощного сфрагистического комплекса на Городище, из которого происходит около 2000 находок? Разумеется, наличие такого комплекса в какой-то степени смещает правильные акценты, лишая статистику должной объективности. Будь подобный комплекс обнаружен в дополнение к Городищу где-нибудь еще, например в Киеве, наши представления оказались бы наверняка более точными. Однако нельзя не обратить внимания на один важный факт, позволяющий воспользоваться для общих выводов и ныне существующим состоянием накопленных материалов. Находки вислых печатей достаточно многочисленны и вне Новгорода, особенно на Киевщине. Между тем, подавляющее большинство таких находок тяготеет к раннему времени, датируясь XI или началом XII в. Более поздние южные находки печатей исключительны, послемонгольских булл на юге нет вообще. Это обстоятельство настолько характерно, что, даже имея дело не с самой печатью, а только с первым известием о ее обнаружении в южнорусских областях, можно быть почти уверенным в том, что речь идет о булле XI или начала XII в.

Было бы по меньшей мере странным, если бы допущенное выше смещение акцентов коснулось булл только одного определенного времени и не затронуло печатей иного времени. Иными словами, наличие городищенского комплекса не объясняет, почему буллы XI — начала XII в. встречаются на Руси повсеместно, в том числе и в Новгороде, а более поздние буллы почти исключительно в Новгороде и Пскове. Отсюда следует важный вывод о том, что в какой-то момент развитие института вислой печати в большинстве русских областей прекращается, тогда как в Новгороде наблюдается расцвет буллы, продолжавшийся несколько столетий. Вопрос о дате этого явления имеет первостепенное значение, и для ее установления необходимо познакомиться с теми результатами изучения ранних русских печатей, которыми располагает сейчас сфрагистика.

Хронологический рубеж, с которым можно было бы связать начало употребления буллы на Руси, в настоящее время не определяется с точностью, поскольку древнейшие русские печати пока единичны. Во всяком случае очевидно, что этот обычай зарождается еще в языческое время, когда формируются и первоначальные традиции оформления сфрагистического типа. Лишенный характерных для позднего времени христианских эмблем, первоначальный тип строит свои композиции на основе сочетания княжеского знака и условного портрета князя, владельца печати. Традиции архаической буллы в большой степени сохраняются и в первые десятилетия после принятия христианства. Они становятся основой оформления монетного типа времени Владимира Святославича и Святополка, а в сфрагистике переживают еще до третьей четверти XI в., во времена Изяслава и Святослава Ярославичей (табл. 155, *1—3*).

С принятием христианства и организационным оформлением киевской церковной иерархии наряду с княжеской буллой употребляется печать главы русской церкви — киевского митрополита. Митрополичьи печати поначалу, нужно думать, изготовлялись в Византии. Их тип сформирован на основе чисто византийской традиции и характеризуется сочетанием патрональных изображений (сначала патриарха, а затем и самого митрополита) с греческой строчной надписью, содержащей имя и титул владельца буллы (табл. 155, *7*).

Уже к середине XI в. этот сфрагистический тип оказал воздействие и на княжескую печать. В княжеской сфрагистике второй половины XI в. утверждается сходный с ним тип буллы, несущей патрональное изображение владельца печати и греческую многострочную надпись сначала самоуничижительного характера, а затем с включением княжеского титула (табл. 155, *4—6*).

До конца XI в. *княжеская и митрополичья буллы*, принадлежащие практически к единому сфрагистическому типу, остаются единственными разрядами древнерусской печати. Лишь в последние два десятилетия XI в. состав памятников сфрагистики несколько разнообразится появлениям двух небольших групп, имеющих преходящий характер. В Новгороде в результате успехов боярства в борьбе с князем появляется булла протопроедра Евстафия, отождествляемого с первым посадником нового типа Завидом. Эта печать фактически повторяет внешний тип княжеской или митрополичьей буллы, будучи снабжена многострочной греческой надписью и изображением святого (табл. 155, *9*). На юге появ-

ляется печать Ратибора, крупного сановника некняжеского происхождения, оформленная своеобразно. На ней впервые употребляется для надписей русский язык (табл. 155, *8*).

В 90-х годах XI в. в Киеве и административно с ним связанных центрах была предпринята реформа по унификации типа буллы. В княжение Святополка Изяславича для скрепления актов введена печать с надписью «Дьнеслово» и патрональным изображением владельца буллы или же с изображением символа принадлежности к церковному управлению. Этот тип использован в княжеской сфрагистике Киева и непосредственно подчиненных ему Новгорода и Волыни, а также и сфрагистике митрополитов и епископов (табл. 155, *10*).

Что касается церковных печатей, то на последние годы XI в. приходится важное новшество. На них вместо патронального изображения владельцев появляется общецерковная эмблема — изображение Богоматери, которое в дальнейшем становится непременным атрибутом церковных булл.

Киевская инициатива по унификации печати не была принята и поддержана князьями, находившимися в фактической независимости от Святополка. Владимир Мономах уже в конце XI в. пользуется иным типом буллы — печатью с русской благопожелательной надписью. Этот тип широко распространяется с приходом на киевский стол Мономаха. Тогда же перестает употребляться и предшествующий тип «Дьнеслово». 1113 г. (год вокняжения Мономаха в Киеве) оказывается этапной датой в истории русских печатей.

До нее наиболее характерной особенностью было смешение и чересполосица типов. Княжеские печати архаической традиции сосуществовали с княжескими буллами, несущими греческие строчные надписи; княжеские печати с формулой «Дьнеслово» сосуществовали с буллами, несущими русские благопожелательные надписи, а на других территориях в это время князьями же употреблялся «греко-русский» тип. С другой стороны, типы церковной и светской буллы не включали в свое оформление каких-либо явных, бросающихся в глаза признаков, которые позволили бы элементарно распознать их. На первых порах и в той и в другой сфере одинаково употреблялся «греко-русский» тип, затем и там, и здесь употребляется тип «Дьнеслово».

После 1113 г. такого смешения нет. С этого момента сами типические особенности печати превращаются в руководящий признак определения принадлежности буллы к определенному политическому институту. В сфрагистике Мономаха и его ближайших преемников печать оформлена патрональным изображением князя и русской благопожелательной надписью. В церковной сфрагистике обязательным стало изображение Богоматери.

Однако за столь блестящим началом сразу же следует конец. Если буллы киевских митрополитов существуют в дальнейшем на всем протяжении домонгольского периода, то ни одной явной печати киевских князей моложе первой трети XII в. неизвестно. Эпизодически встречаются исключительно редкие буллы южных (главным образом волынских) князей середины и второй половины XII в., но в целом деградация княжеской печати на юге с 30-х годов XII в. не вызывает сомнений.

До 1117 г. преобладания *новгородских печатей* незаметно. Лишь в конце XI в. появляется и исчезает известная во многих (свыше 20 экз.) булла Евстафия. В остальном картина новгородской сфрагистики та же, что и в остальной Руси. Расцвет новгородской буллы начинается со времени князя Всеволода Мстиславича (1117—1136 гг.), от которого до нас дошло 17 посадничьих печатей, узурпировавших тип южной княжеской буллы с русской благопожелательной надписью (табл. 156, *3—4*) и 42 княжеских печати нового типа с патрональным обозначением имени и отчества владельца (буллы с изображением двух святых). Чтобы дать истинное представление о характере этих цифр, отметим, что они только в два раза меньше общего количества печатей X — начала XII в., обнаруженных в южнорусских областях. Расцвет княжеской буллы в Новгороде во времена Всеволода Мстиславича не был простым эпизодом. К периоду с 1136 г. до конца первой четверти XIII в. относится свыше 450 новгородских печатей княжеского круга (табл. 156, *1*, *2*, *5—9*).

Общий вывод, который может быть сделан из этого сопоставления, сводится к тому, что в Новгороде на протяжении XII — начала XIII в. существовала тенденция к поддержанию вислой печати, тогда как на юге Руси действовала, по всей вероятности, противоположная тенденция, ведшая к угасанию обычая княжеской вислой буллы.

Однако обнаружение этих двух противоположных тенденций приводит к открытию видимого парадокса. В Южной Руси, где княжеская власть в XII—XIII вв. сохраняла первоначальные общественные позиции, где государство имело ярко выраженные монархические черты, княжеская булла исчезает. В Новгороде же, где княжеская администрация в ходе борьбы с местным боярством утратила былую самостоятельность, печать князя, напротив, переживает свой расцвет. Это наблюдение ведет к постановке старого вопроса о сущности республиканских преобразований в Новгороде XII в.

В литературе по истории средневекового Новгорода широко бытовала концепция, согласно которой республиканские преобразования связаны главным образом с результатами антикняжеского восстания 1136 г. Однако, как показывает анализ источников, возникновение новых форм новгородской государственности было следствием длительного процесса общественного развития Новгорода. Первые результаты этого процесса явственно прослеживаются еще в конце XI в., тогда как окончательное формирование боярских органов власти принадлежало будущему, достаточно далеко отстоящему от 1136 г., который, однако, и в самом деле сыграл громадную роль в этом процессе (Янин В. Л., 1962). Имея дело исключительно со сфрагистическими материалами, мы вновь приходим к подтверждению правильности этой мысли.

С точки зрения изложенной выше и ныне критикуемой концепции, новгородский князь после восстания 1136 г. был превращен в почти фиктивную фигуру, во второстепенное или даже третьестепен-

ное лицо государственной администрации, назначением которого было то ли руководство войском, то ли олицетворение политического и военного союза с наиболее могущественными русскими княжествами. Между тем материалы сфрагистики дают основу для иного вывода.

Прежде всего они подтверждают правомерность вывода о раннем начале формирования боярских республиканских органов в княжеском Новгороде. Первым этапом республиканских преобразований, зафиксированным буллами, является вокняжение в Новгороде в 1088 г. Мстислава Владимировича, когда (в малолетство этого князя) возникает булла протопроедра Евстафия, отождествляемого с первым посадником Завидом. Первый посадник на печати титулует себя поветником князя и действует также от его имени. Затем власть князя вновь окрепла и, хотя самый институт посадничества остается, право скрепления актов возвращается к князю.

С уходом Мстислава из Новгорода и принятием на стол его сына Всеволода в 1117 г. происходит новый подъем боярского органа государственности — посадничества. На протяжении всего княжения Всеволода Мстиславича рядом с княжеской буллой существует печать новгородских посадников. Казалось бы, успешное восстание 1136 г., приведшее к торжеству антикняжеской коалиции, должно было отменить княжескую печать и привести к максимальному развитию буллы республиканской власти. Но в действительности наблюдается как раз противоположное явление. Княжеская булла с этого момента получает широчайшее развитие, оттесняя на задний план другие категории печатей. С 1136 г. до конца первой четверти XIII в. в Новгороде 450 печатям княжеского круга противостоит 13 епископских булл и около десятка проблематических посадничьих печатей.

Изложенное сопоставление различных сфрагистических разрядов Новгорода XII — начала XIII в. позволяет формулировать только один вывод. В результате восстания 1136 г. было достигнуто определенное размежевание государственных функций между республиканскими и княжескими органами власти. Однако князь отнюдь не превратился во второстепенную фигуру. В его руках была сосредоточена та часть государственной деятельности, которую мы сейчас назвали бы исполнительной властью. Князь руководит судом и, следовательно, законодательным оформлением всех официальных документов, фиксирующих в Новгороде движение частной собственности. Однако сам расцвет буллы, равно как и организация на Городище архива, хронологически совпадающая с первыми успехами боярских органов, говорит о том, что деятельность князя была подконтрольной, что она регламентировалась вечевыми органами. И печать в Новгороде, бывшая прежде одной из почетных регалий высшей власти, превратилась в средство контроля, в средство ограничения княжеского самовластья республиканскими органами.

Смыкая эти наблюдения с наблюдениями над более поздними сфрагистическими материалами, мы получаем возможность конкретизировать этот вывод. В новгородской сфрагистике XIII в. вплоть до конца указанного столетия нет каких-либо кардинальных перемен сравнительно с XII в. По-прежнему в этот период господствует княжеская булла, причем господствует безраздельно (табл. 157, *1—4*). От второй четверти — конца XIII в. сохранилось больше сотни княжеских печатей и буквально десяток булл других новгородских сановников, главным образом владычных (табл. 157, *5—10*). Между тем до окончания XIII в. достаточно четко обозначают степень участия князя в новгородском суде: «А без посадника ти, княже, суда не судити, ни волостии раздавати, ни грамот ти даяти». Поскольку буллы новгородских посадников возникают снова только в XIV в., очевидно, что княжеская печать является главным атрибутом смесного суда князя и посадника, и эта характеристика может быть к ней приложена на всем протяжении ее существования со времени возникновения посадничества нового типа и конструирования княжеской буллы как безраздельно господствующего в Новгороде сфрагистического явления, т. е. со времени Всеволода Мстиславича. Таким образом, материалы сфрагистики дают возможность относить к числу мероприятий 1136 г. установление одной из конституционных основ боярской республики — организацию смесного суда князя и посадника, подконтрольного республиканской власти.

Существует одно немаловажное обстоятельство, которое служит подкреплению такой характеристики. Уже давно замечено, что самым поздним новгородским документам свойственно существенное видоизменение приведенной выше конституционной формулы. Если первоначально эта формула гласила: «А без посадника ти, княже, суда не судити», то в Новгородской судной грамоте XV в. она как бы вывернута наизнанку: «А без наместников великого князя посаднику суда не кончати». Надо полагать, именно это изменение, свидетельствующее о переходе приоритета в смесном суде от наместника к посаднику, лучше всего согласуется с московскими требованиями, сформулированными в Яжелбицкой грамоте 1456 г. и в Коростынской грамоте 1471 г.: «А печати быти князей великих» (Грамоты Великого Новгорода и Пскова, 1949).

Обращение к печатям XIV—XV вв. подтверждает именно такое понимание цитированного тезиса. Наблюдение над всей массой новгородских княжеских булл обнаруживает, что их количество резко сокращается в княжение Василия Дмитриевича (1389—1425 гг.). Буллы Василия Темного и Ивана III чрезвычайно редки. Напротив, с начала XV в. в Новгороде получает массовое распространение так называемая «Новгородская печать» или «Печать Великого Новгорода» (табл. 158, *8*), которая прикладывалась от имени Совета господ степенными посадниками и тысяцкими. Взаимосвязь этих двух явлений (деградация княжеской и торжество посадничьей буллы) дает верный ответ о тех изменениях смесного суда князя и посадника, которые становятся для него характерными в последний период существования новгородской независимости.

Мы видим, что вислые печати, изученные в их совокупности, оказались красноречивым источником при установлении важнейших дат в истории государственных преобразований Новгорода. Эта их возможность проиллюстрирована наблюдениями над па-

мятниками княжеской сфрагистики. Однако и другие разряды новгородских печатей дают не менее интересные отправные точки для решения подобных проблем.

Выше неоднократно упоминалось о безраздельном господстве княжеской буллы в XII—XIII вв. Теперь нам предстоит обратить внимание на коренное изменение картины новгородской сфрагистики в XIV—XV вв. В эпоху расцвета новгородской республиканской государственности о господстве княжеской буллы говорить уже не приходится. Рядом с княжеской буллой вырастают обильные разряды печатей других новгородских политических институтов. На место прежде единичных архиепископских булл приходит громадный отдел печатей владычного круга, насчитывающий в общей сложности свыше 250 экз. (табл. 159, *3—6*). Вновь образуется обширный отдел печатей новгородских тысяцких и новгородских тиунов, отождествляемых с купеческими старостами (табл. 159, *9*, *10*). Этот отдел содержит свыше 150 печатей. Уже упоминались печати Совета господ; таких булл зафиксировано около 100. Эти новые явления свидетельствуют о важных переменах в Новгороде. Если прежнее безраздельное господство княжеских булл указывало на существование в Новгороде одного судебного органа — смесного суда князя и посадника, то возникновение разветвленной сфрагистической системы может быть воспринято только как показатель перераспределения юрисдикции между разными государственными институтами развитой республики. Косвенное указание именно на такой смысл сфрагистического разнообразия XIV—XV вв. дают немногочисленные печати новгородских посадников XIV — начала XV в. До преобразования смесного суда князя и посадника в начале XV в. в период, когда конституционный приоритет князя еще не был нарушен, необходимости в массовой посадничьей булле и не могло возникнуть. Действительно, те немногие печати посадников XIV в., которые нам известны, происходят главным образом из архивов, где они сохранились при докончаниях или же при документах международных отношений (Памятники русского права, 1953).

Обращение к главному юридическому памятнику Новгорода — Судной грамоте (Памятники русского права, 1953) позволяет говорить о существовании в Новгороде третьей четверти XV в. трех судов: посадничьего (т. е. смесного суда князя и посадника, тысяцкого (торгового) и владычного. Вопрос о времени создания такого порядка или, иными словами, вопрос о хронологических этапах сложения дошедшего до нас формуляра Новгородской Судной грамоты давно уже обсуждается в исторической литературе. Однако роль сфрагистического источника в решении этой проблемы не могла быть оценена исследователями до тех пор, пока этот источник не был систематизирован. Между тем именно печати дают исключительно интересные материалы.

Прежде всего они позволяют уточнить схему распределения функций между названными в Судной грамоте тремя судебными учреждениями. Уже в Уставе и Рукописании Всеволода сфера деятельности суда тысяцкого ограничена решением «всяких дел торговых, иваньских и гостиных». С судом тысяцкого возможно связать, кроме собственно печатей тысяцких, многочисленные буллы новгородских тиунов, называвшихся в других источниках купеческими старостами и, следовательно, подтвердить именно купеческий характер этого суда. Сложнее вопрос о размежевании юрисдикции между смесным и владычным судами. Однако здесь приходят на помощь буллы владычных наместников, сохранившиеся при подлинных актах. Около 60 актов, не утративших печати именно этого круга, привешены к документам, касающимся движения поземельной собственности. Очевидно, на каком-то этапе своего развития владычный суд, кроме вопросов, связанных с преступлениями против церкви и морали, включил в сферу своего действия многообразные имущественные отношения новгородцев, изъяв их из юрисдикции смесного суда князя и посадника и оставив на долю последнего, по-видимому, только уголовное судопроизводство.

Этапные даты формирования суда тысяцкого и владычного наместника с теми функциями, которые несомненны для XV в., выясняются при обращении к печатям новгородских тиунов и владычных наместников. Тиунские печати в целом образуют сравнительно компактную в хронологическом отношении группу, ранний рубеж существования которой определяется последней третью XIII в. Таким образом, формирование суда тысяцкого возможно отнести к началу второй половины XIII в.

История владычного суда, как она реконструируется по показаниям печатей владычного круга, начинается с организации должности владычного наместника в конце XIII в. Первоначальное перераспределение юрисдикции в пользу владыки и за счет смесного суда не коснулось собственно Новгорода. Оно отдало во власть архиепископа торговые центры на границах Новгородской земли — Ладогу и Новый Торг: древнейшие печати ладожских наместников новгородского владыки датируются временем Климента (1276—1299 гг.), древнейшие буллы новоторжских владычных наместников относятся ко времени Давида (1309—1325 гг.). Лишь во второе архиепископство Моисея (1352—1359 гг.) анонимная владычная печать, которой пользовались новгородские наместники архиепископа, приобретает массовый характер, а именная архиепископская булла практически выходит из употребления. Это преобразование связывается скорее всего с событиями 1352—1354 гг., последовавшими после возвращения Моисея на новгородскую кафедру. В 1352 г. «послаша послы своя архиепископ Моиси в Цесарь-город к цесарю и патриарху, прося от них благословения и исправления о неподобных вещах, приходящих с насилием от митрополита» (НПЛ, 1950). В результате этого посольства в 1354 г. Моисей был особо пожалован присылкой ему от патриарха крещатых риз и благословляющей грамоты с золотой печатью.

Будучи важным источником по истории государственных институтов, вислые печати являются и существенным объектом для изучения художественной жизни средневековья. И дело здесь не только в том, что среди них имеется немало несомненных шедевров мелкой пластики, но и в том, что это две с половиной тысячи художественных предметов, получивших точные даты и отражающих в подробностях эволюцию стиля, индивидуальные приемы ма-

стеров, развитие целых школ мелкой пластики, разницу между ними и взаимное влияние. Поскольку трудно себе представить, чтобы какие-либо художники специализировались исключительно на изготовлении сфрагистических матриц, логичнее полагать, что их изготовляли те же торевты, которые оставили нам великие шедевры своего художественного ремесла, украшающие сейчас экспозиции наших музеев. Поэтому дальнейшее изучение художественного ремесла Древней Руси вряд ли сможет обойтись без опоры на сфрагистические материалы, образовавшие хронологическую и стилистическую шкалу, на которую стало возможным проецировать наблюдения над предметами, казалось бы, далекими от сфрагистики.

Особой темой русской сфрагистики, которая долгое время после смерти Н. П. Лихачева оставалась вне внимания исследователей и только в последние годы начала снова разрабатываться, являются так называемые пломбы дрогичинского типа — маленькие свинцовые печати, оттиснутые, как правило, крайне небрежно. Таких пломб в разных собраниях насчитывается сейчас несколько тысяч. Какая-то часть этих пломб вызвана к жизни специфическими особенностями русского денежного обращения в безмонетный период, на что указывает введенное в научный оборот сравнительно недавно сообщение аль-Гарнати. Однако постоянные находки таких пломб с безусловно актовыми печатями на городище под Новгородом, т. е. в комплексе материалов княжеского архива, говорят о том, что значительные разряды пломб дрогичинского типа употреблялись и для скрепления актов. Только специальное изучение этих памятников на основе полного их выявления и общей систематизации поможет определить их место среди других сфрагистических материалов Древней Руси.

Таблица 155. Печати X — начала XII в.

1 — Святослав Игоревич, Киев, до 972 г.; *2* — Изяславль Ярославич, Новгород, 1052—1054 гг.; *3* — Святослав Ярославич, Киев, 1073—1076 гг.; *4* — Вячеслав Ярославич, Смоленск, 1054—1057 гг.; *5* — Владимир Мономах, Переяславль, 1073—1076 гг.; *6* — Олег Святославич, Тмутаракань, до 1094 г.; *7* — митрополит Георгий, Киев, около 1078—1113 гг.; *8* — Ратибор; *9* — протопроедр Евстафий, Новгород, около 1088—1094 гг.; *10* — Святополк Изяславич, Киев, 1093—1113 гг.

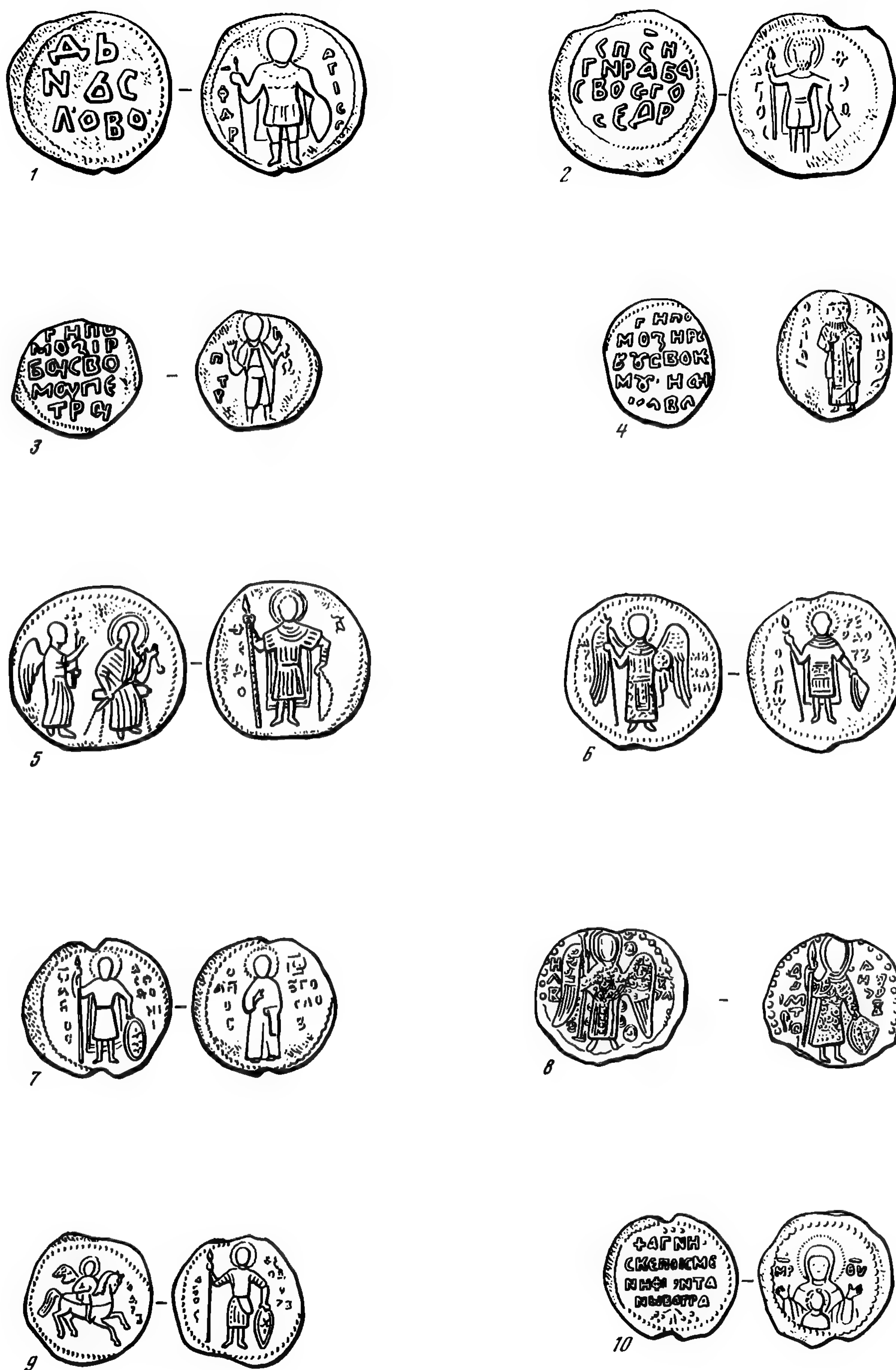


Таблица 156. Княжеские посадничьи и владычные печати Новгорода начала XII — XIII вв.

1 — князь Мстислав Владимирович, 1096—1113 гг.; *2* — он же, 1113—1117 гг.; *3* — посадник Петрила Микульчич, 1131—1134 гг.; *4* — посадник Мирослав Гюрятинич, 1126—1128 гг.; 1135—1136 гг.; *5* — князь Всеволод Мстиславич, 1117—1136 гг.; *6* — князь Ростислав Мстиславич, 1154, 1157—1158 гг.; *7* — князь Святослав Мстиславич, 1175 г.; *8* — князь Святослав Всеволодович, 1200—1205, 1208—1210 гг.; *9* — князь Мстислав Удалой, 1210—1215, 1216—1218 гг.; *10* — епископ Нифонт, 1136—1156 гг.

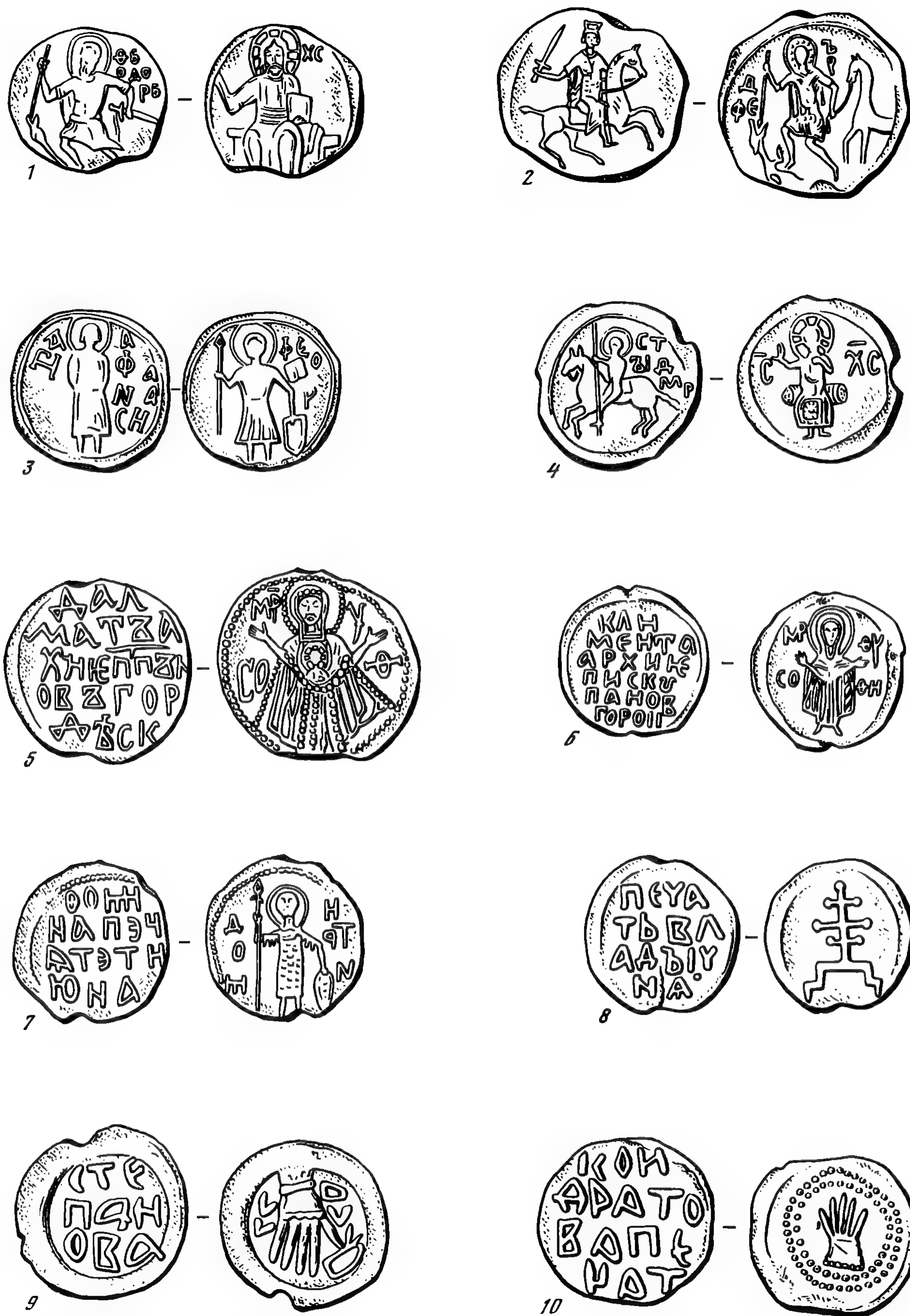


Таблица 157. Новгородские печати XIII в.

1 — князь Ярослав Всеволодович, 1215—1216, 1223—1224, 1226—1229, 1230—1236 гг.; *2* — Александр Невский, 1236—1240, 1241—1263 гг.; *3* — Ярослав Ярославич, 1264—1271 гг.; *4* — Дмитрий Александрович, 1276—1281, 1283—1294 гг.; *5* — архиепископ Далмат, 1251—1273 гг.; *6* — архиепископ Климент, 1276—1299 гг.; *7* — княжеский тиун Фома, конец XIII в.; *8* — печать владычного наместника, конец XIII в.; *9* — посадник Степан Твердиславич, 1230—1243 гг.; *10* — тысяцкий Кондрат, до 1268 г.

Таблица 158. Печати Новгорода XV в.

1 — новгородский наместник Василия Темного, 1425—1462 гг.; *2* —новгородский великокняжеский тиун Василий; *3* — архиепископ Иона, 1459—1470 гг.; *4* — анонимная печать владычного наместника; *5* — двинского владычного наместника Ермолы Алексеевича; *6* — посадник Иван Лукинич, 1438—1471 гг.; *7* — тысяцкий Иван Александрович; *8* — печать Великого Новгорода; *9* — печать Людина конца; *10* — Кириллова монастыря

Таблица 159. Печати новгородских политических институтов XIV в.

1 — наместник великого князя Ивана Калиты, 1328—1341 гг.; *2* — наместник великого князя Дмитрия Донского, 1362—1389 гг.; *3* — архиепископ Моисей, 1326—1330, 1352—1359 гг.; *4* — архиепископ Алексей, 1360—1388 гг.; *5* — анонимная печать владычного наместника; *6* — владычного новоторжского наместника Савы, 1309—1325 гг.; *7* — посадник Андреян Захарьинич, 1354—1382 гг.; *8* — посадник Юрий Иванович, 1354—1380 гг.; *9* — тысяцкий Андрей, около 1303—1307 гг.; *10* — новгородский тиун Калиста

Глава десятая
Международные связи

Исследование экономических, политических и культурных связей Восточной Европы в конце I — начале II тысячелетия н. э. проливает свет на многие проблемы развития раннего феодализма на Руси. К числу таких проблем относятся образование городов, характер и интенсивность их контактов с внешним миром, сложные процессы взаимодействия культур разных народов и т. д. Изучение формирования культуры Древнерусского государства требует сопоставления с цивилизациями Византии, Балкан, Закавказья, Ирана и Средней Азии. С одной стороны, такое сравнительное исследование помогает выявить самобытные черты древнерусской культуры, с другой — наметить те общие признаки, которые связывали ее с другими регионами средневековья в IX—XIII вв.: с государствами Ближнего и Среднего Востока, Западной и Северной Европы, с Византией и славянским миром. В тот период вопреки государственным границам, языковым различиям, религиозной розни и войнам наводились мосты между цивилизациями, происходил взаимный обмен информацией — непременное условие поступательного движения общества. Благодаря многообразным контактам, которые преодолевали фактор изоляции, развитие средневековой культуры Востока и Запада представляет как взаимосвязанный и взаимообусловленный процесс. Эти контакты вели к постепенному сближению рас и народов, к переплетенности их исторической жизни и взаимному обогащению культур при сохранении их национального своеобразия. Из восприятия и переработки чужих эстетических ценностей рождалось особое и неповторимое: в горниле мощного местного творчества заимствованное сплавлялось со своим и приобретало иное качество.

Археологические и нумизматические материалы, непрерывно пополняющиеся новыми фактами,— первостепенный источник сведений о международных контактах Древнерусского государства, о его экономических центрах и путях сообщения. Они уточняют и значительно дополняют скупые сообщения письменных документов (летописей, торговых договоров, таможенных уставов, сочинений географов и путешественников), всесторонне изученных в отечественной и зарубежной науке (Рыбаков Б. А., 1951б; Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., 1967). Вместе с тем археологические данные неизбежно ограничены. Характерные для русского экспорта продукты местных промыслов (пушнина, мед, воск и др.) или такие восточные товары, как благовония, пряности, сушеные фрукты, археологически неуловимы. О торговле продуктами питания косвенно свидетельствуют лишь находки амфор, в которых привозили из Крыма вино или оливковое масло. Поэтому изучение двусторонних связей должно быть комплексным, с привлечением всех видов источников. Собранные воедино частные факты, якобы независимые друг от друга, в том числе археологические, находят свое место в целостной картине, свидетельствующей о динамизме общества той эпохи, о культурных связях различных частей человечества. Средневековые землепроходцы переносили из страны в страну философские навыки и художественные традиции, произведения искусства и памятники письменности.

Выявляемые археологически предметы импорта делятся на две основные категории. 1) Предметы массового ввоза — монетное серебро, некоторые сорта тканей, стеклянные и каменные бусы, раковины каури — наиболее показательны для изучения экономических связей. Во-первых, они поступали, как правило, путем торговли, т. е. являлись товаром. Во-вторых, они характеризуют как внешнеторговые связи с отдаленными странами, так и повседневный внутренний обмен — показатель степени экономического развития района. Статьи массового импорта имели широкий рынок сбыта во всех слоях общества. В-третьих, массовый материал с большей достоверностью помогает воссоздать направления связей, степень их интенсивности на разных хронологических этапах и т. д. 2) Предметы роскоши: утварь из серебра и бронзы, перегородчатые эмали на золоте, высоко ценимые как дорогие и искусно сделанные вещи, резные изделия из кости, драгоценных и полудрагоценных камней, поливная и стеклянная посуда, узорные шелковые ткани. При трудности и дороговизне дальних перевозок торговля предметами роскоши считалась особенно выгодной. Иноземные «злато и сребро», «паволоки и сосуды различные» часто попадали на Русь и другими путями: в числе посольских даров, вместе с эмигрантами и военными наемниками, с пилигримами или странствующими ремесленниками, в качестве торговой пошлины или военной добычи. Торговле ими зачастую препятствовала конкуренция местного высокоразвитого художественного ремесла. Драгоценные вещи характеризуют главным образом международные связи. Они оседали в сокровищницах светской знати и ризницах монастырей, превращаясь в «недвижимое имущество» и обслуживая верхи общества, наиболее втянутые в процесс международного общения. В меньшей степени это касается изделий из серебра, которые после переплавки в денежные слитки или монеты снова активно вступали в сферу обращения.

Определение родины импортных предметов позволяет установить страны, с которыми велся обмен. Его могли осуществлять транзитом или через страны-посредники, расположенные на главных коммуникациях. Хронология предметов импорта намечает периоды зарождения, расцвета и постепенного затухания связей с определенным районом, помогает

выявить роль торговых центров и путей в тот или иной период. Топография предметов импорта дает возможность реконструировать пути сообщения: концентрация находок определяет главные направления и торговые пункты. Большая часть монетных кладов и художественного импорта тяготеет к бассейнам крупных и маленьких, но судоходных в то время рек, густая сеть которых охватывала всю территорию Восточной Европы. Вдоль рек располагались города, поселения городского и сельского типа. В условиях лесного ландшафта и плохого состояния сухопутных дорог реки служили основными транспортными артериями, выполняя объединительные функции. Наконец, условия находок предметов импорта (в составе кладов драгоценных украшений, при раскопках на территории городских детинцев или торгово-ремесленных посадов, в утвари церквей, на сельских поселениях или в могильниках при них, в дружинных погребениях и т. д.) характеризуют социальный состав участников обмена.

Восточная торговля

С образованием Арабского халифата народы Восточной Европы вошли в тесный контакт с мусульманским миром: Средней Азией, Ираном, Ираком, Восточным Средиземноморьем. Объединяя самые отдаленные области ислама, арабская торговля выходила далеко за их пределы, вовлекая в арбиту своего влияния финно-угорские охотничьи племена европейского северо-востока, восточных и западных славян, население Восточной Прибалтики, Скандинавии. Через восточнославянские территории проходили сухопутные и водные трансконтинентальные пути, соединявшие христианскую Западную Европу со странами Азии.

С рубежа VIII—IX вв. через территории салтовцев, входившие в Хазарский каганат, славянские племена Юго-Восточной Европы сносились с прикаспийскими провинциями халифата-Джурджаном, Табаристаном, Иранским Азербайджаном. Эти связи простирались до верховьев Северского Донца, Верхнего Дона и левых притоков Днепра. На славянских городищах роменской культуры обнаружены клады арабских монет (табл. 160).

В истории связей Восточной Европы с Ближним и Средним Востоком в домонгольское время выделяются два периода: VIII—X вв. и XI — первая половина XIII вв. Они различаются интенсивностью обмена (IX—X вв. иногда называют «арабским периодом» восточноевропейской торговли), статьями ввоза (на первом этапе преобладало монетное серебро) и отчасти направлениями связей. Если вначале основными магистралями были Волга, Дон, Донец, то впоследствии при сохранении волжской коммуникации все большее значение приобретает днепровский путь, возрастает посредническая роль Константинополя и малоазийских гаваней (Даркевич В. П., 1976).

До начала IX в. торговля по Великому Волжскому пути носила спорадический характер. Большая часть сасанидских сосудов и византийских серебряных блюд VI—VII вв. поступила на Урал не ранее IX в. (Лещенко В. Ю., 1971). Тогда же восточный художественный импорт проникает на Оку, Верхний Днепр, в Верхнее Поволжье и Скандинавию. К рубежу VIII—IX вв. относится начало регулярного притока куфических монет-дирхемов, поступление которых в Восточную и Северную Европу было тесно взаимосвязано с динамикой чекана в халифате. Как позднее западноевропейские денарии, эти денежные единицы носили интернациональный характер, применяясь при сделках купцов различных стран.

IX — первая половина X в.— время подлинного открытия мусульманскими купцами европейского севера, когда ими был освоен великий волжский путь. Начало восточной торговли совпадает с первым столетием господства династии Аббасидов. Вместе со становлением Багдадского халифата как феодального государства развивается его экономика. В поисках рынков сбыта и источников сырья купцы стран ислама устремились в богатые пушниной «неведомые земли». В кругах мусульманской знати чрезвычайно ценили драгоценную пушнину, особенно шкурки соболей и чернобурых лисиц. Кроме мехов, урало-приобский Север поставлял мамонтову кость и клыки моржей («рыбий зуб»), из которых хорезмийские резчики изготавливали шкатулки и гребни. Обмен вели по принципу «товар за товар». Эквивалентом в торговле служило монетное и вещевое серебро (произведения восточной торевтики разных эпох, ювелирные изделия). Поступление аббасидских (в IX в.) и саманидских (в X в.) дирхемов идет по восходящей линии. Клады куфических монет-дирхемов находят на огромных пространствах от Дании и Швеции до берегов Камы (Янин В. Л., 1956). В пределах Восточной Европы известно около 300 кладовых комплексов (табл. 161). Если в IX в. в них господствуют дирхемы иракской чеканки, то в X в. преобладают монеты государства Саманидов — могущественной державы на иранском Востоке со двором в Бухаре. Правившие в Хорасане и Мавераннахре саманидские эмиры установили контроль за безопасностью караванных трасс через Среднюю Азию. Проникновение на европейские рынки позволяло им выгодно сбывать излишки серебра. Разница в 14 лет между возможной датой сокрытия кладов и временем выпуска младших монет в их составе (по материалам Неревского раскопа в Новгороде) свидетельствует об активности движения товаров в X в. по волжскому пути.

К VIII—X вв. принадлежат 85 предметов художественного импорта из 126 предметов VIII—XIII вв. Из 89 кладов восточного вещевого серебра, обнаруженных на Урале (включая Приуралье, Зауралье и Нижнее Приобье), 19 датированы концом VII—IX в., 58 — IX—XI вв. К IX—X вв. относится основная часть серебряного импорта (около 110 сосудов) на Урал, где добывали особенно ценных пушных зверей. Здесь серебряную посуду использовали в быту, в культовых целях или для изготовления украшений (Лещенко В. Ю., 1971). Восточные металлические сосуды распространялись вплоть до Новгорода, материковой Швеции, Готланда и Аландских островов (табл. 162). В Волжской Булгарии и на Руси найдена только бронзовая утварь (табл. 163, *4*, *5*), так как за 200-летний интервал между окончанием импорта восточного серебра и зарытием большинства

русских вещевых кладов изделия Востока превратили в денежные слитки и украшения. Многократные переплавки — главная причина почти полного отсутствия восточной серебряной посуды на Руси. Упоминания о них сохранились в летописях. Так, в 1288 г. князь Владимир Василькович Волынский «блюда великаа сребрянаа и кубькы золотые и серебряные сам перед своима очима поби и полья в гривны». Культовое использование восточной торевтики на Урале отчасти предотвращало ее уничтожение: в глазах аборигенов серебряные сосуды обладали не только материальной и художественной ценностью — их использовали как жертвенную утварь. Кроме того, в результате «вторичного импорта» вещевое серебро уходило из Руси на Урал, в Нижнее Приобье и Скандинавию.

Путем торговли могли попадать на Русь серебряные поясные наборы (табл. 163, *8*), хотя только немногие комплекты накладок можно с уверенностью связать с мастерскими Средней Азии и Ирана. Бо́льшая часть из них изготовлялась на месте, иногда ремесленниками-мусульманами, о чем свидетельствует находка на киевском Подоле литейной формочки из овручского пирофиллитового сланца для изготовления поясных бляшек (X в.). На боковой стороне формочки вырезана арабская надпись: «Благословение...» [Аллаха владельцу сего]. Восточные мастера, вносившие в свои изделия мотивы среднеазиатской орнаментики, обслуживали княжеско-дружинную верхушку Киева и, возможно, являлись выходцами с территории Хазарии. С Востока импортировали и другие типы украшений. Существенную роль в дальней торговле Средней Азии играли стеклянные и каменные бусы (сердолик, горный хрусталь, аметист), в огромных количествах поступавшие на восточноевропейские рынки (Фехнер М. В., 1961).

В первой половине X в. торговля с Востоком достигла апогея. Экономика Саманидов в значительной мере базировалась на контактах с Восточной, Северной и Центральной Европой. Расцвет волжской навигации подтверждается осведомленностью арабских авторов о Поволжье и связанных с ним народах. Главными информаторами географов выступали купцы. Происходит значительный отлив дирхемов в северном направлении. Вместе с монетным потоком поступали изделия саманидских торевтов.

Развитие восточной торговли в первой половине X в. побуждалось потребностями раннефеодальных европейских государств в монетном металле. Контакты с арабским миром стимулировались, с одной стороны, всесторонним развитием средневековой мусульманской цивилизации, с другой — ростом экономического и политического могущества Древнерусского государства. Возросшие запросы славянской феодализирующейся знати, ее стремление к внешнему блеску, обычай князей щедро одаривать дружинников дорогим оружием и украшениями повышали спрос на предметы роскоши: монетное серебро, пиршественную утварь, чеканные накладки от поясов и конской сбруи, ожерелья, подвески и серьги, изукрашенные зернью и сканью, шелка, пряности и благовония Востока. Шелковые ткани, ценность которых в глазах средневекового общества была необыкновенно высока, поступали на русский рынок в таком количестве, что отсюда вывозились в Польшу, Чехию, Германию, Францию. Ареал дирхема охватывает всю территорию восточных славян (табл. 161). Насыщенность восточноевропейского обращения куфической монетой вызвала ее усиленный транзит на Запад, главным образом в Швецию (через Ладогу или по Западной Двине).

Большая часть кладов дирхемов и художественного импорта тяготеет к бассейнам судоходных рек — главным путям сообщения того времени. Вдоль рек и озер, на перекрестках водных и сухопутных коммуникаций располагались поселения раннегородского и сельского типа, где происходил обмен (табл. 161). Отсюда связь кладов с районами концентрации населения, причем их скопления наблюдаем в ключевых пунктах с широким размахом внешней торговли, и старейших городах — центрах феодализации (Ладога, Новгород, Киев, Любеч, Сарское городище под Ростовом, Владимир на Клязьме). С раннегородскими центрами связано большинство находок восточных изделий из металла, поливной керамики, средиземноморских стеклянных бус (табл. 162, 164).

Клады сосредоточены и в тех перевалочных пунктах, где местное и пришлое население извлекало доход из перевозки грузов проезжих купцов. Оно обслуживало пути по мелким порожистым речкам, предоставляло инвентарь для передвижения ладей посуху в районах волоков. Контроль над волоками осуществляли дружинные гарнизоны. Семь монетно-вещевых кладов X в. обнаружено в Гнездове — межплеменном торгово-ремесленном и военном поселении, которое контролировало движение судов по Двине на запад — к Балтийскому морю, на север — к Ладоге и на юг по Днепру — к Киеву (Авдусин К. А., Пушкина Т. А., 1982). Здесь могли собираться международные сезонные торжища под наблюдением представителей княжеской администрации, обогащавшейся за счет купцов. Судя по семи кладам с дирхемами, ключевыми торговыми факториями на средней Оке являлись селища в Борках (Переяславль Рязанский), удобные для стоянки судов и выгрузки товаров, а также многоэтничное Тимеревское селище на Верхней Волге под Ярославлем (два клада аббасидских дирхемов, зарытых в IX в.). В ярославских курганах восточные связи отражены находками дирхемов, шелковых тканей, бус из стекла, сердолика и горного хрусталя. В кургане Тимеревского могильника обнаружена сердоликовая печатка с арабской надписью «благодать от Аллаха». В протогородских торгово-ремесленных поселениях — колониях воинов, купцов и ремесленников — обитало пришлое текучее население, тесно связанное с интересами внешней торговли. Приходившие со всех концов чуждые друг другу люди, порывавшие кровнородственные и общинные связи, явились предшественниками средневековых горожан. Полиэтничность поселений вела к разложению местных родо-племенных традиций.

Ввиду огромных расстояний и дорожных опасностей преобладала не прямая торговля с Востоком, а поэтапная. Купеческие караваны совершали путешествия в пределах ограниченных отрезков пути от одного местного торга к другому. Поэтапный обмен вел к более частым путешествиям на отдельных

участках, чем при далеких экспедициях. Тем самым волжская артерия приобретала большую «пропускную способность». Основными посредниками в торговле с Восточной Европой выступали города южного Прикаспия и Хазарский каганат со столицей в Итиле в устье Волги, где купцы-русы соседствовали с хорезмийскими, аланскими и персидскими. Основная торговля шла через Волжскую Булгарию, огромный рынок по продаже мехов на среднем участке волжской магистрали. Арабоязычные географы, пользуясь информацией купцов, сообщают о прибытии в Булгар караванов мусульманских купеческих судов, о продолжительности плавания между ним и Итилем, о десятине, взимаемой булгарским ханом с привозных товаров. Принятие ислама Булгарским царством и установление прямых дипломатических отношений с Багдадом способствовали расцвету волжско-каспийской навигации. Другой, степной путь в Булгарию шел из Хорезма через пустынное плато Устюрт и восточнее Волги. По этому маршруту в страну волжских булгар проследовало багдадское посольство халифа Муктадира (922 г.). Путевые записки секретаря посольства Ибн-Фадлана являются важнейшим историческим документом. В Волжской Булгарии по образцу саманидских начали чеканить собственные монеты. Находки хорезмийских чаш, хорезмийские надписи на византийских и согдийских сосудах подтверждают существенное значение Хорезма в связях с Уралом (Даркевич В. П., 1976).

Дальше Булгара — «в страну мрака» арабские купцы предпочитали не ездить. Все же, несмотря на риск, выходцы из Средней Азии, Персии и Ирака подчас достигали Балтийского моря, Праги и Венгерской равнины, хотя хорошо знали, что путь сквозь области славян нелегок. По словам географа Ибн-Русте (вторая половина IX — начало X в.), этот путь проходил «по степям, по землям бездорожным, через ручьи и дремучие леса». Трудности дальних дорог не останавливали и русов, которые с берегов Каспия привозили товары на верблюдах в Багдад. Здесь они встречали соотечественников — переводчиков и военных наемников, служивших в гвардии халифа. С транзитной торговлей купеческих дружин связаны необычайно большие клады дирхемов. На территории Руси известно не менее четырех кладов дирхемов с количеством свыше 10 000 экз. и не менее девяти от 1000 до 10 000 экз. Находки кладов-гигантов размещены на главных коммуникациях от Булгара к Балтике (Муром, Полоцк, Великие Луки, устье Волхова). Очевидно, они принадлежали богатым торговцам, которые готовились к обмену в большом масштабе. При нападениях на торговые караваны сокровища оказывались зарытыми в промежутке пути. Несколько монетных кладов — капиталов иноземных купцов обнаружено в среднеазиатских бронзовых кувшинах.

Судя по топографии дирхемов, их везли из Волжской Булгарии вверх по Волге и ее притокам. От Булгара был проложен путь в Киев, откуда, как утверждали арабские авторы, в области ислама вывозили меха и ценные мечи. Через причерноморские степи и Крым добирались из Киева до Закавказья. Путь на Готланд, Аландские острова, в материковую Швецию и Данию проходил через Ладогу, Ладожское озеро, Неву и Финский залив. По Западной Двине плыли в землю «варягов» (табл. 161).

Как известно, Ирак, тесно связанный с Ираном, Закавказьем и Средней Азией, вступал в непосредственные контакты с Восточной Европой (путешествие Ибн-Фадлана). Из Ирака происходят бронзовое блюдо, найденное в Торопце, кадильница для мечети из Иестрикланда в Швеции, стеклянный кубок из Бирки. В Бувейхидское государство входил Фарс — вероятная родина некоторых сасанидских и постсасанидских блюд, обнаруженных на Урале. С берегов Персидского залива через Южный Ирак поступали на Кавказ, в Хорезм и Восточную Европу раковины каури. В каспийском мореплавании доминировали Табаристан и Джурджан, откуда художественный импорт поступал в Юго-Восточную Европу. Из Хорасана и Мавераннахра ввозили на Урал многие произведения торевтики, сасанидские и византийские сосуды с согдийскими надписями, среднеазиатские наборные пояса. К саманидской торговле имеют отношение сосуды из восточных областей Средней Азии, в частности Семиречья (Даркевич В. П., 1976).

«Серебряный кризис» с начала 60-х годов X в., когда ввоз дирхема в Европу резко сократился, еще не означал упадка связей с Востоком. Уменьшение серебряных запасов в Средней Азии к концу X в. с одновременным увеличением в ее областях внутреннего спроса на средства обмена сказались на специфике внешней торговли. Правда, под воздействием таких событий, как падение Саманидского государства под ударами Газневидов и разгром Святославом Хазарского каганата, произошло ее временное сокращение, но волжский товарообмен продолжался. В XI в. получили широкое распространение ближневосточные золотостеклянные и серебростеклянные бусы, среднеазиатские бусы из сердолика, горного хрусталя и аметиста (табл. 164), по-прежнему импортировали добывавшиеся в Аравийском море раковины каури, в Новгород ввозили северокавказский самшит.

Новый подъем волжской торговли со Средней Азией относится ко второй половине XII — первой трети XIII в. Из 35 художественных изделий из металла XI — первой половины XIII в. 24 исполнены после середины XII в. На рубеже XII—XIII вв. усиленно ввозят иранскую (Рей) и среднеазиатскую поливную посуду (табл. 163,*3*). Через Булгар поступали среднеазиатские шелковые ткани из некрученой пряжи («занданечи»), обнаруженные во Владимиро-Суздальской, Рязанской и Новгородской землях. Их вырабатывали в селении Зандана под Бухарой (Фехнер М. В., 1971).

Развитие волжских контактов связано с усилением державы хорезмшахов, с расцветом городской жизни и ремесла в Средней Азии и Иране. Становится массовым и серийным выпуск художественных изделий (бронзовая утварь, ткани, поливная посуда). Излишки продукции поступают на внутренние и внешние рынки. Мусульманские купцы совершают далекие поездки по Восточной Европе (Абу Хамид ал-Гарнати).

Если связи Волжской Булгарии, Владимиро-Суздальской Руси и Новгорода со Средней Азией попрежнему реализовывались по Волге, то арабские

государства Восточного Средиземноморья сносились с Южной Русью через Причерноморье и Днепр. Это направление приобрело особое значение с конца XI в., когда после завоевания Иерусалима латинянами и образования Иерусалимского королевства усилилось паломническое движение русских через Константинополь в Палестину. Паломники нередко выполняли функции мелких розничных торговцев. Вместе с крестовыми походами оживилась торговля по Черному морю, которую контролировали венецианцы. Посредниками в связях Руси с Ближним Востоком выступили Судак, Херсон, Тмутаракань, а на северном побережье Малой Азии — Трапезунтская империя и Синоп (табл. 164).

В XI—XIII вв. при сохранении прежних связей с Мазандараном, Хорасаном и Хорезмом важными поставщиками импорта стали некоторые области Закавказья и Восточного Средиземноморья (табл. 163,*6*,*7*). Серебряные и бронзовые изделия Армении, Киликии и Малой Азии (конец XII—XIII в.) найдены в Херсонесе, Приазовье, Сахновке, Киеве, Прикамье (табл. 162). Их появление было обусловлено расцветом черноморской торговли через сельджукскую Малую Азию с начала XIII в. и интенсивным развитием городов Армении, связанных с Трапезунтом (Даркевич В. П., 1976). Активное участие в торговле принимали армяне, колонии которых появились в Крыму, Киеве, Волжской Булгарии. В Прикамье малоазийские вещи могли доставлять через армянскую колонию в Булгаре. О тесных контактах переселенцев со своей родиной говорят находки тканей, аналогичных анийским, в погребениях на территории колонии. Тем же путем на Приполярный Урал попала армянская сабля с именем мастера Хачатура. Богатое армянское купечество Киликии сносилось с коренной Арменией и арабскими странами, Западной Европой и Причерноморьем (комплекс киликийских вещей из Бердянска). Важное место в ближневосточном импорте XII—XIII вв. занимала стеклянная посуда Египта и Сирии (Ракка, Алеппо) (Гуревич Ф. Д., Джанполадян Р. М., Малевская М. В., 1968) (табл. 163,1,2). Не исключено александрийское или сирийское происхождение стеклянных бус с металлической прокладкой. Вместе со стеклянной посудой на Русь ввозили иранский и среднеазиатский фаянс (Новогрудок, Туров, Новгород, Старая Рязань и др.). Среди предметов импорта, обнаруженных в жилых комплексах при раскопках на городище Старая Рязань, большой интерес представляет группа иранской художественной керамики, которая датируется от начала XII в. вплоть до монгольского завоевания Ирана (1220 г.). Это фрагменты чаш, тарелок, кувшинов или бутылей, выполненных из высококачественной высококремнеземистой фарфоровидной массы («кашин») и украшенных надглазурной росписью люстром или цветными эмалями («минаи»), цветными поливами или подглазурной росписью. Бóльшая часть обломков принадлежит сосудам с росписью люстром и обнаруживает стилистические аналогии с керамикой школы Рея. Сравнительный художественный анализ, выполненный Т. Х. Стародуб, выявил общность иранской поливной посуды из Старой Рязани с находками в Азербайджане, Северном Хорасане и Хорезме. Вновь открытые материалы свидетельствуют об интенсивных торговых связях столицы Рязанского княжества с городскими центрами Ирана и Средней Азии во второй половине XII — первой четверти XIII в.

Из горных выработок Бадахшана в Северном Афганистане в Хорасан, Ирак и дальше на запад вывозили лазурит. Из пределов Византийской империи лазуритовые нательные крестики попадали на Русь (находки в Москве, Старой Рязани). Лазуритовые антропоморфные подвески-амулеты часто встречаются в половецких курганах. С территорий, завоеванных крестоносцами, происходит серебряное блюдо, найденное в Ржищеве под Киевом (табл. 163,*7*).

Ближневосточная утварь из металла и сиро-египетское стекло поступали в Тмутаракань и Крым по нескольким направлениям. Обычный морской путь паломников в Святую Землю вел через Константинополь, Эгейское море (вдоль побережья Малой Азии), Родос, Кипр и Яффу на Иерусалим (маршрут игумена Даниила). После захвата Константинополя латинянами (1204 г.) в черноморской торговле выдвинулись Трапезунт и Синоп, куда вели дороги через Малоазийский полуостров.

Связи славянства со странами Азии охватывали преимущественно сферу экономики и политики (военные походы, дипломатия, миграция населения под воздействием политических причин). Влияние мусульманского Востока на культуру Киевской Руси и других раннефеодальных славянских государств, на создание новой системы духовных ценностей в христианизирующемся мире было незначительным ввиду отсутствия религиозных контактов. Оно не могло принять сложных мировоззренческих форм, подобных всеобъемлющему влиянию Византии, вернее, переносу на славянскую почву византийских культурных явлений. Заимствовали лишь отдельные элементы культуры, например шахматную игру, некоторые типы украшений костюма и формы металлической утвари.

Связи со Скандинавией

Судя по скандинавским комплексам в курганных группах Приладожья, Смоленщины и Ярославщины и вещам северного облика в древнейших слоях Староладожского городища, установление первых контактов некоторых восточноевропейских племен с норманнами произошло около середины IX в. (первые следы пребывания норманнов в Ладоге — от середины IX в.). В X—XI вв. варяжские торговые корабли регулярно ходили на Русь; в Новгороде норманнским купцам принадлежала церковь св. Олава, русским — церковь в Сигтуне.

Наиболее интенсивные связи Руси со Скандинавией относятся к X в. Через русские земли осуществлялся транзит восточного монетного серебра к балтийским славянам, в Скандинавские страны и далее в пределы империи Каролингов (IX в.). На арабских монетах обнаружены как древнерусские граффити, так и процарапанные рунические надписи (Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С., 1978, с. 143, 144). Большинство кладов, содержащих рунические граффити, связано с Балтийско-Волжским путем. Кроме дирхемов, с Ближнего Востока

и из Средней Азии через Русь в Скандинавию поступали сердоликовые, хрустальные, аметистовые и золотостеклянные бусы, бронзовые и стеклянные сосуды, шелковые и шерстяные ткани. Куфические монеты в большом количестве проникали в Норвегию, Швецию, на о. Готланд. Важную роль в восточной торговле викингов играла Бирка — главный торгово-ремесленный центр материковой Швеции (после 1060 г. ее заменила Сигтуна). С XI в. усиливается значение Готланда, откуда в потоке западноевропейского серебра на Русь поступали монеты скандинавской чеканки: в древнерусских кладах сравнительно высок процент денариев Норвегии и Швеции. Об интенсивных связях Новгорода со Скандинавией говорят вещи норманнского круга, обнаруженные в слоях X—XI вв.

Сходные исторические процессы на Руси и в Скандинавии, близкие типологически и хронологически (интенсивные преобразования социально-политической структуры общества от «племенных княжений» до раннефеодальных государств, формирование феодальной знати с полиэтнической «дружинной культурой»), создали условия для этнокультурного синтеза, для взаимопроникновения таких социально значимых элементов культуры знати обоих регионов, как погребальный обряд, вооружение, одежда и пр. В быту и обрядности дружинников скандинавского происхождения, враставших в феодальную знать Древнерусского государства, происходят существенные изменения под влиянием русской культуры. В Скандинавию проникает восточноевропейская «дружинная мода»: элементы конской сбруи и вооружения, наборные пояса, происходящие из южнорусских степей, венгерские сумки-ташки, формы костюма и его частей, ткани, украшения, в том числе серебряные гривны «пермского типа» (Мельникова Е. А., Петрухин В. Я., Пушкина Т. А., 1984). «Космополитизм» дружинной культуры хорошо объясняет широкое распространение на территории Восточной, Средней и Северной Европы «метисных» форм и орнаментики так называемых вещей-гибридов, в которых нередко сочетаются венгерские, восточные, скандинавские мотивы. Отдельные регионы притягивали разноплеменные элементы, приносившие свои черты материальной культуры, которые быстро растворялись в культуре местной.

В инвентаре курганных некрополей Северо-Западной и Северо-Восточной Руси встречаются мужские и женские украшения скандинавского происхождения (табл. 165). К ним принадлежат массивные литые браслеты с S-видным орнаментом, бронзовые и серебряные фибулы, распространенные в Скандинавии с конца IX до начала XI в.: скорлупообразные овальные (черепаховидные) и круглые ажурные, равноплечные, трилистные, кольцевидные с длинными иглами. Они обнаружены в могильниках юго-восточного Приладожья, Ярославского Поволжья, Суздальского ополья, Смоленского Поднепровья, Киева и Чернигова, т. е. вдоль магистральных путей Восточной Европы — днепровского и верхневолжского (табл. 166, 167). На севере Руси эти принадлежности костюма происходят из скандинавских, финских и славянских погребений X — первой половины XI в., связанных с открытыми поселениями. К предметам шведского происхождения относятся железные шейные гривны с подвесками — «молоточками Тора». Подобные гривны известны из раскопок Сарского городища, из ярославских, гнездовских и приладожских курганов. Найдены они в бассейнах Мологи и Колпи. Большой комплекс скандинавских украшений из серебра (фибулы, шейная гривна, подвески, бусы) дал Гнездовский клад, найденный в 1868 г. (табл. 165,*1,5,7,10*). Скандинавские изделия (оружие, предметы конского снаряжения, украшения одежды) вызывали многочисленные местные подражания — «гибриды», в которых смешаны северные и русские орнаментальные мотивы. Не исключено, что вещи «гибридного» стиля делались скандинавскими ремесленниками второго поколения, осевшими на территории Восточной Европы.

Викинги часто выступали распространителями франкских мечей каролингского типа (часто со скандинавскими рукоятями), торгуя ими на Руси и в других странах. Наконечники ножен найдены в курганах Приладожья и Гнездова. Скандинавы ввели в употребление на Руси некоторые типы вооружения: ланцетовидные копья и стрелы, боевые топоры-секиры, длинные кинжалы-скрамасаксы, круглые щиты с железными умбонами.

О присутствии норманнов (купцов, знатных дружинников, рядовых воинов и ремесленников, их жен) в Восточной Европе свидетельствуют те курганные комплексы, в которых скандинавские вещи, принадлежавшие выходцам из Северной Европы, сочетаются с норманнским погребальным обрядом (табл. 167). К скандинавским обычаям относятся сожжения в ладье, сожжения с захоронением в урне, поставленной на глиняную или каменную вымостку, сожжения под курганом, окруженным кольцевидной каменной кладкой. О присутствии в среде военно-дружинной знати Киева и Чернигова пришельцев из Скандинавии говорят некоторые погребения в срубных камерах с инвентарем, находящим аналогии в Бирке (Клейн Л. С., Лебедев Г. С., Назаренко В. А., 1970). Сохранению скандинавских черт культуры в среде русских феодалов варяжского происхождения способствовало то обстоятельство, что они жили семьями. О присутствии скандинавок на Руси свидетельствуют женские украшения, не являвшиеся предметами торговли.

В IX—X вв. пришлые дружины варягов оседали и в протогородских торгово-ремесленных центрах типа Гнездова, обраставших обширными языческими могильниками, которые отражают полиэтничный состав жителей (финны, славяне, скандинавы, балты) поселения. По своему социально-экономическому облику эти поселения с большим размахом внешней торговли, расположенные на магистральных торговых путях (Ладога, Рюриково городище под Новгородом, Гнездово, Тимерево), были родственны прибрежным «протогородам» — «викам» Северной Европы и Скандинавии (Бирка, Дурстеде, Хедебю). Их объединяют общие признаки: наличие торга и капища, связь с водными путями, обширная заселенная площадь, нерегулярность застройки, начатки ремесленного производства, находки изделий, привезенных из других стран, особенно с мусульманского Востока, и клады дирхемов и украшений, зарытые на территории поселка или вблизи него

(Кирпичников А. Н., Лебедев Г. С., Булкин В. А., Дубов И. В., Назаренко В. А., 1980, с. 33). В дальнейшем на рубеже X—XI вв. протогородские центры на Руси (Гнездово, Тимерево, Сарское городище, новгородское Рюриково городище и др.) прекращают существование, что связано с потерей ими экономического и административно-политического значения как мест торговых операций и сбора княжеских пошлин. В изменившихся условиях по мере оформления государственной территории и централизованного административного аппарата феодального управления нестабильные протогородские образования («погосты», противопоставленные племенным моноэтническим центрам?) перестают удовлетворять новым потребностям. С наступлением «городской ситуации» их вытесняют развитые феодальные города во всем многообразии своих функций. Подлинный город средневековья рождается, как правило, на «неподготовленной» почве — поблизости, но не на месте «эмбриональных» городов-эмпорий, рыночных мест округи. Прямая преемственность между ними не прослеживается.

С христианизацией Руси и прекращением погребений на основных языческих некрополях — в Гнездове, на Ярославщине и Черниговщине — в начале XI в. исчезают и норманнские древности. Среди немногочисленных находок скандинавских предметов XI в. показательны вещи, обнаруженные в Суздале на усадьбе, видимо, принадлежавшей представителю дружинной знати скандинавского происхождения: литейная формочка для отливки подвесок с рунической надписью (содержит имя заказчика подвески: «этот Олавов...»), скандинавские украшения. При раскопках в Полоцке найдена игральная кость с руническими знаками, читающимися как «выгода», «благо» — пожелание удачи владельцу кости. Рунические надписи на мемориальных стелах из Средней Швеции повествуют о скандинавах, погибших при поездках «на восток»: в Прибалтику, Русь, Византию. Как и древнеисландские саги, они сообщают о богатствах, привезенных из Руси: дорогих товарах, золоте и серебре, ценных одеждах (Мельникова Е. А., 1977). В Скандинавии появляются изделия древнерусского ремесла XI в.: пряслица из овручского шифера, киевские глиняные писанки и др. Монеты Ярослава Мудрого, обнаруженные на Готланде и в материковой Скандинавии, возможно, связаны с выплатой денег норманнским наемникам.

Византийский импорт

Произведения византийского художественного импорта позволяют уяснить его роль в развитии искусства домонгольской Руси (Искусство Византии в собраниях СССР, 1977).

По нумизматическим и археологическим данным первый этап связей племен Восточной Европы с Византией можно отнести к V—VII вв. Упадок торговли в последующий период (VIII — первая половина IX в.) связан с экономическим спадом в областях Ромейской империи. Приходят в запустение ее города, чеканка монеты и денежное обращение сокращаются, регрессируют многие отрасли ремесла. Основную массу товарного производства составляют не ремесленные изделия, а продукты земледелия и скотоводства. Частичная натурализация экономики, господство арабов на море, разгул пиратства ослабили внешнеторговые связи. С начала VII до середины IX в. Византия не имела большого влияния в Северном Причерноморье.

Новый приток произведений византийского ремесла в Восточную Европу со второй половины IX, но в основном с X в. (поливная керамика, шелковые материи) был обусловлен двумя основными факторами:

1) Вместе со стабилизацией внутри- и внешнеполитической обстановки в Византии оживляется городская жизнь. Ремесло и торговля Константинополя и Фессалоники вступают в полосу бурного подъема. Возрастает объем внешней торговли, усиливается денежное обращение. Сбыт ремесленной продукции, особенно предметов роскоши — шелковых тканей, золотой и серебряной парчи, ювелирных и стеклянных изделий, находит возрастающий спрос не только у греческой аристократии, но и в среде крепнущей знати романо-германских и славянских государств. В послеиконоборческий период византийская цивилизация оказывает значительное воздействие на культуру многих регионов средневекового мира (Балкан, Южной Италии и Сицилии, Закавказья). С организацией Херсонской фемы в 30-х годах IX в. Византия вновь закрепилась в Таврике.

2) С образованием Древнерусского государства торговля с греками регулируется специальными договорами. По мере политических и хозяйственных успехов Киевской Руси, особенно после принятия христианства, всесторонние связи с империей все более развиваются. Появление в Киеве и других крупных городах Руси византийских мастеров помогло строительству каменных храмов, созданию произведений монументальной и станковой живописи; используя достижения греков, русские ремесленники освоили производство ювелирных изделий с перегородчатой эмалью, поливной и стеклянной посуды, украшений из стекла.

По сообщению русских летописей, князь Владимир в 989 г. «помысли создати церковь пресвятыя Богородица и послав приведе мастеры от Грек. И начешю же здати, и яко сконча зижа, украси ю иконами, и поручи ю Настасу Корсунянину и попы Корсуньскыя пристави служити в ней, вдав те все еже бе взял в Корсуни: иконы, и съсуды, и кресты». Таким образом, это сообщение связывает проникновение в Киев византийского художественного импорта со строительством Десятинной церкви, освященной в 996 г., и указывает на посредническую роль Херсонеса. Из летописного рассказа известно также о том, что Владимир в числе херсонесских трофеев доставил в Киев «две капищи медяны и 4 кони медяны, иже и ныне стоят за светою Богородицею, якоже неведуще мнят и мраморяны суща». Эта бронзовая квадрига была установлена на площади перед Десятинной церковью, снабженной почти исключительно византийской утварью.

Из Херсонеса в конце X в. было доставлено в Киев и несколько мраморных саркофагов, впоследствии использованных для княжеских погребений в Десятинной церкви и в кафедральном храме св. Со-

фии, в том числе массивный саркофаг с орнаментальной резьбой, известный как гробница князя Ярослава Мудрого.

Определенную часть византийского художественного импорта X–XI вв. составляли резные мраморы. Они предназначались для декора интерьеров интенсивно сооружаемых в Киеве храмов. В рамках византийского стиля из овручского красного шифера вырезаны парапеты хор Софии Киевской и рельефы с парными изображениями святых всадников (XI в.), обнаруженные на территории Михайловского Златоверхого монастыря. Не исключено, что в Киеве работали резчики с Балкан, из Солуни и Константинополя (Пуцко В. Г., 1982).

Сребреники и златники, выпущенные при Владимире Святославиче, по внешнему виду подражают византийским номисмам и милиарисиям. Красноречива топография находок византийских монет. В VI–IX вв. они сосредоточены в южных районах: в Крыму, Закавказье, на Северном Кавказе, в Среднем и Нижнем Поднепровье и Подонье. В X–XI вв. ареал обращения серебряных и медных монет охватывает, кроме перечисленных областей, северные территории Руси (Кропоткин В. В., 1962). Клады и единичные монетные находки зарегистрированы вдоль всего пути «из варяг в греки», который начал функционировать с начала X в. (бассейны Днепра с притоками, Ловати, Волхова), в районе Чудского озера, на землях эстов, в бассейне Оки (табл. 168). С конца X и в XI в. расширяется ареал византийской поливной керамики, которая на севере достигает Гнездова и Новгорода (Макарова Т. И., 1967).

Импорт художественной утвари и высококачественных шелковых тканей из Византии (Фехнер М. В., 1977) возрастает в XI–XII вв., когда завоевательная политика русских князей уступает место добрососедским отношениям между обоими государствами (Даркевич В. П., 1975). В этот период многие византийские города, в прошлом крепости или епископальные центры, превращаются в очаги ремесла (гончарного дела, стеклоделия, шелкоткачества), внутренней и внешней торговли. Экономические и культурные связи Византии с Русью в XI–XII вв. становятся особенно тесными. Большинство находок византийских шелковых материй — гладких однотонных и золототканых лент — датируется концом XI – началом XIII в. (Фехнер М. В., 1977). Сокращение в XII в. и ранее незначительного ввоза византийской монеты нельзя объяснять упадком торговли Восточной Европы с Византией задолго до разгрома Константинополя крестоносцами в 1204 г. Одна из причин уменьшения числа монетных кладов за пределами империи заключается в порче византийской золотой монеты-номисмы. К концу XI в. она резко обесценивается. Ухудшение монеты с одновременным увеличением ее количества связано с расширением товарооборота внутри империи. Ограничение ввоза на Русь византийской поливной посуды в XII в. (севернее Киева не обнаружена) вызвано усилившейся конкуренцией местного керамического производства.

Главным поставщиком произведений византийского художественного ремесла в Восточную Европу был Константинополь. Здесь были сосредоточены монетный двор, мастерские оружейников и ювелиров-аргиропратов, императорские гинекеи, из которых выходили наиболее ценные сорта шелковых тканей и парчи. Из столичных мастерских происходят серебряные чаши для пиров (табл. 169, *10*), литургические предметы из металла (потиры, процессионные кресты, дискосы), перегородчатые эмали на золоте (две пластины с фигурами апостолов Иакова и Варфоломея на окладе Мстиславова Евангелия, центральный медальон рязанских барм с изображением Богоматери и образок XI в. с распятием из старорязанского клада 1822 г.), изделия из резной кости (ларцы, гребни) (табл. 169, *5–7*), камеи из драгоценных и полудрагоценных камней, стеатитовые иконки (табл. 169, *8*, *9*), стеклянная посуда, браслеты, бусы, поливная керамика (табл. 169, *4*), узорные шелковые ткани с изображениями геральдических птиц и зверей, рукописи, иконы. Известно, что Варлаам, игумен основанного князем Изяславом в 1060-х годах монастыря св. Димитрия, почувствовав приближение смерти, завещал купленные им в Константинополе иконы и предметы утвари отдать в Печерский монастырь, постриженником которого он являлся. Экономически и политически Русь была связана непосредственно со столицей империи. Из Царьграда приезжали в Киев, Галич и Владимир на Клязьме купеческие караваны, дипломатические миссии с дарами, представители духовенства, архитекторы, живописцы и золотых дел мастера. Константинополь посещали русские паломники к святыням Афона и Иерусалима.

Часть вещей в составе византийского ввоза вышла из провинциальных мастерских, роль которых возросла в XII в. Если в IX–X вв. в керамическом импорте доминирует посуда столичных гончаров, то в XI–XII вв. большое место занимает продукция Солуни (Фессалоника) и Коринфа. При археологических раскопках многих древнерусских городов найдены крымские амфоры, использовавшиеся для перевозки и хранения вина и масла. К кругу мастерских Коринфа принадлежат стеклянные сосуды из Новогрудка, Новгорода, Турова, Старой Рязани (табл. 169, *1–3*). В снабжении русского рынка высококачественными шелковыми материями и произведениями золотного шитья литургического и бытового характера, помимо Константинополя, участвовали провинциальные центры шелкоткачества — Солунь, Коринф, Фивы. Керамический импорт и привозные стеклянные изделия сыграли определенную роль при становлении собственного производства этих видов продукции.

Произведения византийского художественного ремесла сосредоточены в основных городских центрах южной Тавриды и Руси (Судак, Саркел-Белая Вежа, Чернигов, Смоленск, Старая Рязань, Владимир, Суздаль, Ростов, Москва, Псков). Особенно много их в Херсонесе, районе Киева и в Новгороде. В тех же пунктах зафиксированы находки византийской поливной и стеклянной посуды (табл. 168). Стеатитовые иконки XII в. найдены при археологических раскопках Пинска и Новогрудка. Клады и единичные находки византийских монет X–XII вв. довольно равномерно распределены вдоль основных речных артерий, пересекающих Восточную Европу с севера на юг. Главной и самой короткой магист-

ралью между Константинополем и Русью служил путь «из варяг в греки». Его южный отрезок от Киева вниз по Днепру так и называли «греческим путем». Устье Днепра замыкал подвластный Киеву портовый город Олешье, откуда морской путь в Царьград шел вдоль болгарского побережья Черного моря с остановками торговых караванов в устье Дуная, в Констанции, Варне и в районе города-крепости Месемврии (ныне Несебыр). Из Месемврии русские ладьи-моноксилы с товарами отводились византийскими судами к предместью монастыря св. Маманта на северо-восточном берегу Золотого Рога — места пребывания русских в империи. В области нижнего течения Дуная найдены предметы вывоза из Руси: шиферные пряслица, бронзовые кресты-энколпионы, писанки, железные замки XII—XIII вв. Существовал и транзитный способ передвижения византийских товаров через южнорусские княжества, Болгарию и дунайские города. Эту дорогу считали более безопасной, так как она шла в обход половецкого «дикого поля» и через Молдавию по долинам Прута и Серета выводила к Дунаю и Черному морю. Посредниками в передаче на север византийского импорта выступали Херсонес и до XII в. Тмутаракань. Херсонес сносился с Киевом тем же «греческим путем» и степью, через Перекоп и вверх по Днепру. О северных связях этого большого портового города свидетельствуют находки русских энколпионов, пряслиц из овручского шифера, бронзовых привесок в виде топорика и «конька», украшений восточноприбалтийского и прикамского происхождения (XI—XII вв.). Из него в Тмутаракань, Корчев и Саркел поступал избыток импорта византийской поливной посуды. В XII в. в черноморской торговле с Византией возросла роль половецкого Судака. Отмеченный находками византийских монет путь по Днестру вел в Галицкое княжество. Азовским морем и низовьями Дона попадали в Саркел.

Находки византийских монет отмечены и на других отрезках пути «из варяг в греки» — между Киевом, Смоленском, Новгородом и в Приладожье. В Рязанское и Владимиро-Суздальское княжество плыли верховьями Волги или из Киева вверх по Десне и Сейму на верхнюю Оку. Византийские текстильные изделия концентрируются в районах Киева, Чернигова, Смоленска, Новгорода, Владимира и в бассейне Оки. Путь по Дону, видимо, не функционировал, так как монетные находки здесь неизвестны (табл. 168).

На Урал, далеко за пределы византийской «зоны влияния» константинопольские серебряные сосуды XI—XII вв. попадали в результате «вторичного импорта», т. е. через русские земли, где они на какое-то время оседали. На чаше, найденной в Березове, вырезана русская надпись XII в., близкая почерку берестяных грамот Новгорода. Новгородские купцы в погоне за мехами завозили привозную серебряную посуду далеко за северо-восток — «за Югру и за Самоядь» (табл. 168). Находки привозной серебряной утвари по обе стороны Уральского хребта локализуются вдоль рек, по которым проходили древние пути в Прикамье и Приобье (Даркевич В. П., 1975).

Связи Руси с Западной Европой

В X—XIII вв. Русь и Западная Европа (Франция, Германия, Италия и др.) находились в многообразных торговых, политических и культурных связях. Имя «Русь» (Russie) неоднократно появляется во французских романах и поэмах XII—XIII вв. Киевская земля (Lant zu Kiewen) упоминается в «Песне о нибелунгах» (XIII в.). В немецкий эпос проникает любопытный персонаж — Ilias von Reuzzen, которого отождествляют с былинным Ильей Муромцем. Русская летопись знает о различных народах Западной Европы. Артели романских зодчих способствовали украшению столицы Андрея Боголюбского, а купцы и пилигримы из Руси посещали Германию и Францию.

Первые археологические свидетельства о торговле восточных славян с государствами Западной Европы относятся к X в., когда на Русь начинают ввозить франкские мечи с клеймами среднерейнских мастерских (Ulfberht и др.). Импорт мечей продолжался и в романский период. Рост экономических связей Руси с Западом ознаменован усиленным поступлением европейских монет — денариев. Сменив поток восточных дирхемов (с 20-х годов XI в.), они становятся основным средством денежного обращения восточных славян. Наиболее ранние древнерусские клады с денариями датируются последней четвертью X в. Их количество гигантски вырастает в XI в. и резко сокращается в XII в., когда ввоз серебра из Германии стал осуществляться в форме крупных слитков. Основными экспортерами монетного серебра в страны, где ощущался его недостаток (в Польшу, Швецию, юго-восточную Прибалтику, Русь), были Германия и Англия, добывавшие этот металл. В древнерусских кладах преобладают денарии германского чекана. Значительно меньше монет Англии, Дании, Чехии, Венгрии, Швеции, Польши, Норвегии, Италии, Франции. Статистика состава древнерусских кладов выявляет их родство с монетными находками южного побережья Балтийского моря и отличие от кладов Скандинавских стран. Следовательно, основной поток германских динариев шел на Русь через портовые западнославянские города: Волин, Шецин, Колобжег, Гданьск (Потин В. М., 1968). Прямой путь из южной Прибалтики в русские земли пролегал через острова Борнхольм и Готланд, минуя Скандинавский полуостров. О связях Восточной Европы с южной Прибалтикой свидетельствуют многочисленные находки в древнерусских городах янтарных украшений и необработанных кусков янтаря. Существовали и непосредственные контакты между купцами Германии (например, фрисландскими) и Руси. К IX—X вв. относятся найденные в Смоленске и в Белгороде стеклянные геммы с изображениями царей-волхвов — амулеты-печати фрисландских купцов. Вместе с потоком фризской морской торговли они проникали в Скандинавию, Северную Германию и в единичных экземплярах далее на восток. Отсутствие гемм к востоку от Эльбы подтверждает основанное на нумизматических данных заключение о непосредственных контактах Фрисландии и Руси.

Важным источником для изучения связей с Западом являются произведения романского художественного ремесла, найденные в Восточной Европе: водолеи (табл. 170, *1–3*), подсвечники (табл. 170, *4*, *5*), чаши (табл. 170, *6*), дарохранительницы (табл. 170, *7*), оклады книг, изделия резной кости (табл. 170, *8*, *9*) и т. д., выполненные в различной технике (Даркевич В. П., 1966).

IX–XI вв. бедны находками предметов «латинской» утвари. Мастерские каролингско-оттоновской эпохи, сосредоточенные в монастырях к востоку и западу от Рейна, обслуживали узкий круг духовной и светской аристократии. Их произведения выполнялись по специальному заказу и не выходили за пределы ограниченных районов. Впоследствии многие из этих шедевров ювелирного искусства из золота и серебра были переплавлены в монеты и денежные слитки.

Значительный приток художественной утвари с Запада начинается со второй половины XII в. Обширная группа импортных вещей относится ко второй половине XII – первой трети XIII в. Резкое возрастание ввоза связано с экономическими и социальными сдвигами в Западной Европе, определившими расцвет городского ремесла. Оно становится доходным и почетным занятием, постепенно переходя из монастырей в руки светских городских ремесленников. На рубеже XII–XIII вв. вместе с прогрессом техники во многих центрах Германии и Франции организуется массовый выпуск художественных изделий из металла, рассчитанный на широкий сбыт (бронзовые чаши «торговых» типов из района Мааса – Нижнего Рейна, нижнесаксонская бронзовая утварь, продукция лиможских эмальеров). Рост международных связей, усовершенствование транспорта, возникновение новых путей сообщения способствовали передвижению вещей. Развитие русской торговли с Западом в XII – первой трети XIII в. происходило по восходящей линии.

В Киеве, Новгороде, Смоленске строят католические храмы для колоний иноземных купцов. В Смоленске раскопаны остатки приспособленной к обороне церкви-ротонды, аналогичной церквам Дании, Швеции, Северной Германии, получившим распространение во второй половине XII в. Немецкая церковь в Смоленске упоминается в договоре Смоленска с Ригой и Готским берегом, заключенном в 1229 г. В приписке к договору (70-е годы XIII в.) говорится не только о «латинской церкви» («немецкой божнице»), но и о «немецких дворах и дворищах» в Смоленске (Воронин Н. Н., Раппопорт П. А., 1979, с. 140–150). Ротонда XII в., открытая киевскими археологами, вероятно, является католической церковью того же типа. Мнение о ее дворцовом назначении не подкреплено вескими аргументами.

Судя по находкам предметов импорта, главными поставщиками художественной утвари в Восточную Европу во второй половине XII–XIII вв. были Нижняя Лотарингия, Рейнская область, Вестфалия и Нижняя Саксония (табл. 170, *1–6*). На третьем месте по числу предметов импорта стоял Лимож (табл. 170, *7*). В экономически развитых областях по Маасу, Рейну, Везеру и Эльбе были сосредоточены основные центры художественного ремесла: Льеж, Динан, Гюи, Аахен, Кельн, Минден, Гильдесгейм, Магдебург и др. Из лотарингских, прирейнских и саксонских городов, находившихся на скрещении важнейших путей сообщения, художественная утварь распространялась в Англию, Францию, Южную Германию, Скандинавию, Чехию, Венгрию, Польшу, юго-восточную Прибалтику и Русь.

Произведения Франции, Лотарингии и Саксонии попадали в Восточную Европу как в результате прямых связей, так и через страны-посредники. Картографирование предметов импорта XII–XIII вв. позволяет установить направление главных путей сообщения, пересекавших Европу с запада на восток. Дунайский путь связывал Западную Европу с Причерноморьем. От городов на Маасе и Рейне он вел вверх по Майну или Неккару в Южную Германию – к Регенсбургу на Верхнем Дунае. Разноязычные купцы и ирландские монахи Регенсбурга, где в XII в. существовала особая корпорация купцов, торговавших с Русью – «рузариев», могли быть посредниками при передаче на восток произведений романского искусства. У Раффельштеттена путь разветвляется. Одна дорога шла вдоль Дуная, другая поворачивала на север – к Праге. Дунайский путь через Вену приводил в Венгрию, где оседала значительная часть предметов романского импорта. Многие из них транзитом из Венгрии доставлялись в Южную Русь. Как известно, из Венгрии Даниил Галицкий доставил в Холм «чашю... мрамора багряна, изваяну мудростью чюдну, и змееви главы беша округ ея» (ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 845–846) – видимо, крестильную купель, изваянную в романском стиле.

Дорога из Баварии в Прагу и через Южную Польшу на Русь лежала в системе коммуникаций, которые в XII в. связывали города Запада (Кельн, Майнц, Аугсбург, Регенсбург и др.) с мировыми центрами Востока: Багдадом, Самаркандом и городами Китая. Вдоль этого пути, который шел из Регенсбурга на Прагу и через Бреславль, Краков, Владимир Волынский на Киев, локализуется большая группа предметов импорта. Они довольно равномерно распределяются по всей территории от Кельна до Киева, концентрируясь в крупных торгово-ремесленных центрах и монастырях. Какая-то часть романской художественной утвари попала на Русь в результате связей южнорусских княжеств с Чехией и Польшей.

Другая, не столь многочисленная группа предметов ввоза расположена вдоль пути, который связывал Кельн с Магдебургом и шел на восток вдоль подножия горных массивов Центральной Европы – в Польшу (Познань, Гнезно, Плоцк) и Повисленье. Важным таможенным пунктом на польско-русской границе был Дрогичин Надбужский, где найдено множество русских товарных пломб. Эта коммуникация соединялась с системой Дуная бассейнами рек Эльбы, Одера и Вислы. Вдоль этих рек и их притоков часто находят предметы ввоза с Запада.

Северный ареал импортной утвари охватывает зону южного и восточного побережья Балтики. Прибалтийским путем произведения нижнесаксонских мастеров по металлу проникали в Данию, Южную Норвегию, Швецию, остров Готланд, польское Поморье, Самбийский полуостров, земли ливов и эстов вплоть до Новгорода на востоке. Через Готланд и древние западнославянские города Поморья, вблизи

которых наблюдается концентрация предметов импорта, произведения прикладного искусства Германии попадали в Ригу и Эстонию, а отсюда завозились в Новгород, Полоцк и Смоленск.

Топография находок предметов импорта на Руси и в Восточной Прибалтике соответствует трем рассмотренным выше магистралям Центральной Европы: дунайской, «магдебургской» и прибалтийской. Они располагаются вдоль дорог, которые продолжают эти коммуникации на восток (табл. 171).

Путь из Регенсбурга (через Венгрию на Галич или через Богемию на Владимир) приводил в Киев. Дорога из Владимира Волынского на Киев отмечена непрерывной цепью находок импортных вещей (в Галиче, Владимире, Плеснеске, Изяславле, Городске, Белгороде). В большом числе они концентрируются в Киеве и южнее — в Поросье. «Греческим» путем из Киева вниз по Днепру произведения романского искусства проникали в Херсонес и Сурож (Судак). Другая дорога в Причерноморье непосредственно из Галицкого княжества шла вниз по Днестру. Значительные скопления предметов импорта находим в городах, лежавших на пути из Киева вверх по Десне на Угру и верхнюю Оку — в Рязанское и Владимиро-Суздальское княжество (Остерский Городок, Чернигов, Вщиж, Рязань, Владимир, Ростов Ярославский).

Немногочисленная группа предметов импорта локализуется в бассейне Немана (Гродно, Волковыск, Новогрудок). Эта серия находок располагается на восточном отрезке маршрута из Гильдесгейма и Магдебурга через земли Средней Польши в города Черной Руси.

Третья локальная группа импортных изделий связана с морскими дорогами Балтики. Находки концентрируются в Риге, на северном побережье Эстонии и в Новгороде (табл. 171).

Произведения художественного ремесла Лотарингии, Лиможа, Баварии проникали в Восточную Европу главным образом регенсбургским путем, саксонско-вестфальские вещи — прибалтийским. Этот вывод подтверждается топографией находок западноевропейского денария X — начала XII в., охватывающей преимущественно земли Прибалтики и Северо-Западной Руси (главные серебряные рудники находились в Северной Германии). Направление международных путей определяло размещение находок внутри страны-потребителя.

Топография предметов западноевропейского импорта XII—XIII вв. и статистика находок по отдельным землям позволяют сделать вывод, что связи Руси со странами Западной Европы: Францией, Северной и Южной Германией, Италией были интенсивными и в направлении Регенсбург—Киев—Чернигов—Рязань—Владимир на Клязьме.

Русь поддерживала оживленные сношения с Польшей, Чехией и Венгрией. Художественная утварь этих стран на территорию Руси почти не проникала, так как их ремесло удовлетворяло местные запросы и не было рассчитано на широкий экспорт. На Волынь и Киевщину попадали серебряные филигранные бусы и серьги польской работы. Из Венгрии, откуда, по словам Святослава Игоревича, доставлялись «серебро и комони», происходят некоторые металлические украшения конского убора, найденные в курганах X в. Зато многочисленны находки русских вещей X—XII вв. в Польше и славянском Поморье (поливная белоглиняная посуда, писанки, овручские шиферные пряслица, серебряные лунницы с зернью, трехбусинные височные кольца, бронзовые подвески в виде креста в круге, серебряные с чернью колты, стеклянные перстни и браслеты (Jażdżewski K., 1954). Из Киева в Чехию и Моравию заносили трехбусинные височные кольца, кресты-энколпионы, «русские замки».

В течение IX—XIII вв. произошли важные изменения в масштабе развития русской торговли, в степени ее социально-экономического воздействия на общество. Археологические и нумизматические данные помогают проследить ее эволюцию.

Говоря о торговле раннефеодальных государств Европы в IX—X вв., в том числе Киевской Руси, нельзя забывать об узости торгового развития в тех условиях, когда при полном господстве натурального хозяйства экономика носила потребительский характер. Задачей крестьянских хозяйств и крупных поместий было удовлетворение собственных потребностей, а не товарное производство. Раннесредневековая экономика была замкнутой, мало втянутой в обмен. Накопление денег как сокровища (клады), наличие натурального обмена — признаки слабости денежного обращения. Ремесленники работали на заказ, а не на рыночный сбыт. Их продукция, выпускаемая в незначительном количестве, не предназначалась для массового покупателя. Связи между изолированными населенными пунктами были ограничены и нерегулярны. Объем внутренней торговли — «купли» не мог быть большим. В этих условиях господствовала дальняя торговля — «гостьба», при которой из-за рубежа ввозили монетное серебро, оружие и товары редкого потребления (драгоценную утварь, шелка, пряности и т. д.) в обмен на рабов и продукты местных промыслов, собираемые князьями в виде дани с зависимого населения (меха, мед, воск, лен, выделанные кожи). Внешняя торговля, сосредоточенная в княжеских резиденциях, административных и военных пунктах, в торгово-ремесленных поселениях — «протогородах» на местах пересечения транзитных путей, затрагивала только феодализирующуюся верхушку — князя с его окружением и самих «торговых людей». Она была тесно связана с военными походами на соседние и отдаленные земли в поисках дани, челяди и выгодных договоров для сбыта мехов, воска, рабов и получения взамен предметов роскоши.

Для IX—X вв. характерна фигура купца, который в зависимости от обстоятельств легко превращался в воина—участника дальних грабительских походов, алчного искателя легкой наживы. Судя по курганным погребениям Руси и Скандинавии, его атрибутами служили не только миниатюрные складные весы с гирьками для взвешивания серебра, но также меч, боевой топор или копье. В тех же захоронениях изредка находят предметы восточного ввоза. Мужественный облик этих людей, привыкших клясться «бортом ладьи и краем щита, конским хребтом и сталью меча», запечатлен в средневеко-

вой литературе и эпосе, в исландских сагах. Их большие разноплеменные отряды по воде и суше иногда проникали в отдаленнейшие уголки Евразии. Преобладал «героический» тип постоянно находящегося в разъездах купца, ставящего на карту все свое имущество и товары. Подчас в роли торговцев выступали сами дружинные предводители или состоятельные землевладельцы. Хотя по характеру своей деятельности эти купцы были «путешествующими», но они имели дома, дворы, семью, т. е. постоянное место жительства, нередко в пределах протогородского поселка. Связанные с дальней торговлей, они пользовались покровительством княжеской власти, взимавшей торговые пошлины через посредство своих наместников. Способствуя накоплению богатств в руках вождей и их дружинников, дальняя торговля предметами роскоши, далеко выходящая за пределы «земли» (территории) и самой страны, вела к углублению социальной дифференциации, усиливала славянскую и неславянскую военную знать за счет рядовых общинников, укрепляла ее общественный авторитет.

В IX — первой половине X в. большое значение в экономике имел ввоз и накопление куфических монет. Потребность в металлических знаках обращения и серебряном сырье вызвала их массовое проникновение к восточным славянам, у которых сложились собственные денежно-весовые системы (Янин В. Л., 1956). Постоянный транзитный провоз монетного серебра и других товаров через территорию Руси в Скандинавию, Восточную Прибалтику и Польское Поморье стимулировал ее торговлю и денежное обращение. Серебро выступало и как средство накопления сокровищ, ибо масштаб распространения денег был ограничен. Оно служило знаком высокого общественного положения его владельца. Крупные клады дирхемов, зарытые в городах, могли принадлежать богатым купцам (Новгородский клад, найденный в 1953 г.,— собственность владельца усадьбы на углу Великой и Холопьей улиц). Клады небольших размеров, найденные на территории сельских поселений либо вблизи них (вдали от основных путей сообщения), отражают отношения главных торговых пунктов и экономически связанной с ними сельскохозяйственной округи. Те же отношения иллюстрируют курганные находки отдельных дирхемов, раковин каури, восточных бус, шелковой тесьмы для отделки верхней одежды. Этот «мелочный товар» сельские жители могли приобретать на городских рынках или у бродячих розничных торговцев типа коробейников, разносивших его по разбросанным среди лесов деревням. О неразвитости товарно-денежного обращения в условиях натурального хозяйства и натурального обмена свидетельствует выпадение части дирхемов из оборота (клады); их использовали также как сырье для изготовления украшений и утвари или употребляли в качестве подвесок к ожерельям. Монеты являлись не только платежным средством, но и материальной ценностью, принимаемой на вес.

В XI в., после того как иссяк восточный источник серебра, его ввозят через северо-западные рубежи русских земель в форме западноевропейского динария. Непрерывное повышение среднего веса кладов в течение XI столетия говорит о росте денежного обращения, увеличении объема коммерческих сделок, о накоплении богатств феодалами-землевладельцами и купцами (Потин В. М., 1968). Укрепляются связи Руси со странами Западной Европы. Судя по ареалу западноевропейских монет, которые в пределах Руси концентрируются на территории Новгородской земли (включая связанные с Новгородом северные районы и земли в бассейне Камы), главным посредником в меховой торговле с Западной Европой был Новгород. Новгородские купцы монополизировали вывоз пушнины на западноевропейские рынки.

В XII — первой половине XIII в. вместе с бурным ростом городов как главных консолидирующих центров округи и государства и расширением ремесленного производства (от работы на заказ часть мастеров переходит к работе на рынок) повышается роль местной внутриобластной и ближней межобластной торговли. В ее основе лежала продажа продуктов сельского хозяйства и местных промыслов, т. е. товаров повседневного потребления. Расширился товарообмен между городом и деревней. Крестьяне продавали на городском торжище избыточные продукты земледелия, приобретая изделия посадских ремесленников. Если внутренний обмен охватывал всю территорию Руси, то внешняя торговля концентрировалась в нескольких десятках крупных городов. Ее влияние сказывалось прежде всего на формировании профессионального купечества, объединяющегося в корпорации, и не затрагивало массы крестьян и ремесленников. Торговля превращается в прибыльную городскую профессию; внешним проявлением ее интенсификации и упорядоченности явилось широкое применение купцами письменности в их делопроизводстве (новгородские берестяные грамоты). В отличие от купцов предыдущего периода, которые вели кочевой образ жизни и не ощущали кровной связи с плохо защищавшими их «виками», купцы XI—XIII вв. все чаще соединяют свою деятельность и жизнь с городом, становятся более «оседлыми» и осведомленными в рыночном механизме.

В результате роста населения происходит сближение между ранее разобщенными человеческими группами. Благодаря улучшению коммуникаций люди стали легче общаться между собой. Это касалось как внутренних связей Руси, так и ее контактов с соседними государствами. Объединения заморских купцов, торговавших за границей, возникли в Новгороде. Русские купеческие товарищества обрели устойчивые позиции в Константинополе, Сигтуне, Риге, Ревеле, Любеке, Висби на Готланде, где они имели гостиные дворы — места пребывания купцов и хранения товаров с церквами при них. Киевские князья организуют охрану караванов купцов — «гречников», плывших через половецкие земли. При Андрее Боголюбском во Владимир приходили гости не только из Южной Руси и Волжской Булгарии, но и из Царьграда и от «латинян».

Анализ кладов с денежными гривнами за время с XII в. по 40-е годы XIII в. говорит об увеличении количества серебра, ввозившегося из Германии на Русь в виде слитков — марок. Следовательно, возросла потребность древнерусской экономики в металлических средствах обращения. При переплавке иноземные слитки принимали форму и вес русских

денежных гривен, употреблявшихся для крупных платежей (Потин В. М., 1968). Пока не решен вопрос о формах мелкого розничного товарооборота в безмонетный период. По свидетельству Абу Хамида Ал-Гарнати, который проехал из Булгара в Киев в 1150—1153 гг., в восточнославянских землях осуществляли торговые сделки при помощи старых беличьих шкурок. Для мелких взвешиваний по-прежнему применяли миниатюрные «аптечные» весы. Для взвешивания тяжелых грузов (до 7—8 пудов) служили большие весы — безмены, известные по находкам в Старой Рязани, Новгороде и других городах. Концентрация в крупных торговых центрах Руси (Дрогичин, Новгород, Псков, Киев, Рязань, Тверь и др.) свинцовых пломб, которыми опечатывали тюки товаров или связки «меховых денег», свидетельствуют о возросшем объеме коммерческих операций. Все большие массы товаров приходят в движение.

На протяжении XI—XIII вв. торговля товарами редкого потребления не претерпела заметной эволюции. Деревня и мелкие городские пункты, как и в предыдущий период, были слабо затронуты заморской торговлей, которая почти не влияла на их замкнутую хозяйственную жизнь. Изредка в них забредали торговцы мелочным товаром, приносившие украшения типа восточных бус или шелковые золототканые ленты для отделки праздничной одежды, находимые при раскопках сельских и городских курганных и грунтовых могильников. Художественная утварь оседала в крупных городах и монастырях, употребляясь в княжеско-боярском и церковном обиходе. Многоцветные узорные шелка шли на изготовление парадных княжеско-боярских одеяний, церковных облачений, пелен и т. д. Восточное стекло и поливная посуда, находимые при раскопках Новгорода, Старой Рязани, Новогрудка, сосредоточены вблизи боярских усадеб. Светская и духовная знать выступала главным потребителем утвари «от грек» и «от латинян». Византийские эмали, изделия романских мастеров по металлу встречены в кладах драгоценных украшений, зарытых при монгольском нашествии (Старая Рязань, Киев, Чернигов). Дешевая бронзовая посуда, поливная керамика, стеклянные сосуды, золотная тесьма, стеатитовые иконки проникали и в среду торгово-ремесленного населения.

Восточные и византийские ткани и произведения художественного ремесла (изделия из металла и стекла, резная кость) служили образцами славянским мастерам, что вело к усвоению пришлых изобразительных мотивов (в архитектурной резьбе, ювелирном деле, книжной миниатюре). Импорт произведений Ближнего Востока, Ирана, Средней Азии — один из важных факторов в формировании раннесредневекового искусства Европы (Даркевич В. П., 1976). Звериная и растительная орнаментика Древней Руси, Великой Моравии, Венгрии, стран Балканского полуострова впитала международные «восточные» мотивы. В европейское искусство проникли образы диковинной фауны, восходящие в своих истоках к образотворчеству древневосточных цивилизаций: симметричные львы и грифоны у «древа жизни», чудовища с двойным туловищем и общей головой, крылатые кони и сфинксы с женскими лицами (Ремпель Л. И., 1969; Лелеков Л. А., 1978). Создавая образы фантастических существ, мастера Центральной и Восточной Европы вдохновлялись узорами шелков, изготовленных в Дамаске и Багдаде, Мерве и Бухаре, Сицилии и арабской Испании. В славянской творческой среде иноземные прототипы не слепо копировали, а подвергали своеобразной стилистической переработке и на основе множества новых вариантов переосмысливали в духе местных верований. Элементы культуры мусульманского Востока, впитавшего доисламские сюжеты, доходили до Европы в сильно трансформированном виде. IX—X вв.— период миграции орнаментальных схем и распространения в европейских регионах «вещей-гибридов», в которых сплавлялись разнородные элементы. На создание «вещей-гибридов» с их синкретизмом стиля влияли разнообразные источники: искусство Византии, испытавшее сильнейшее воздействие Востока, орнаментальное наследие варварских народов Европы и тюркских кочевников евразийских степей, арабо-персидские и дальневосточные мотивы. В искусство Древней Руси XI—XIII вв. «ориентализмы» и античные сюжеты проникали и при посредстве византийских и романских изделий Западной Европы, в свою очередь впитавших азиатские традиции. Так, моделями для известных киевских шиферных рельефов с изображениями триумфа Диониса и Геракла в борьбе со львом послужили образцы византийской художественной резьбы по слоновой кости (Даркевич В. П., 1975, с. 277—278, илл. 397—400). В местных условиях чужеземные модели коренным образом перерабатывали как по форме, так и по содержанию.

Монгольское нашествие, нанесшее тягчайший удар экономике Руси, в первую очередь ее городам, привело к резкому сокращению всех видов зарубежных контактов. Перерезав коммуникации, оно надолго парализовало международные связи Восточной Европы, а затем направило их по другим руслам. Их возрождение наступает уже на новой стадии развития феодализма, в условиях формирования Русского централизованного государства.

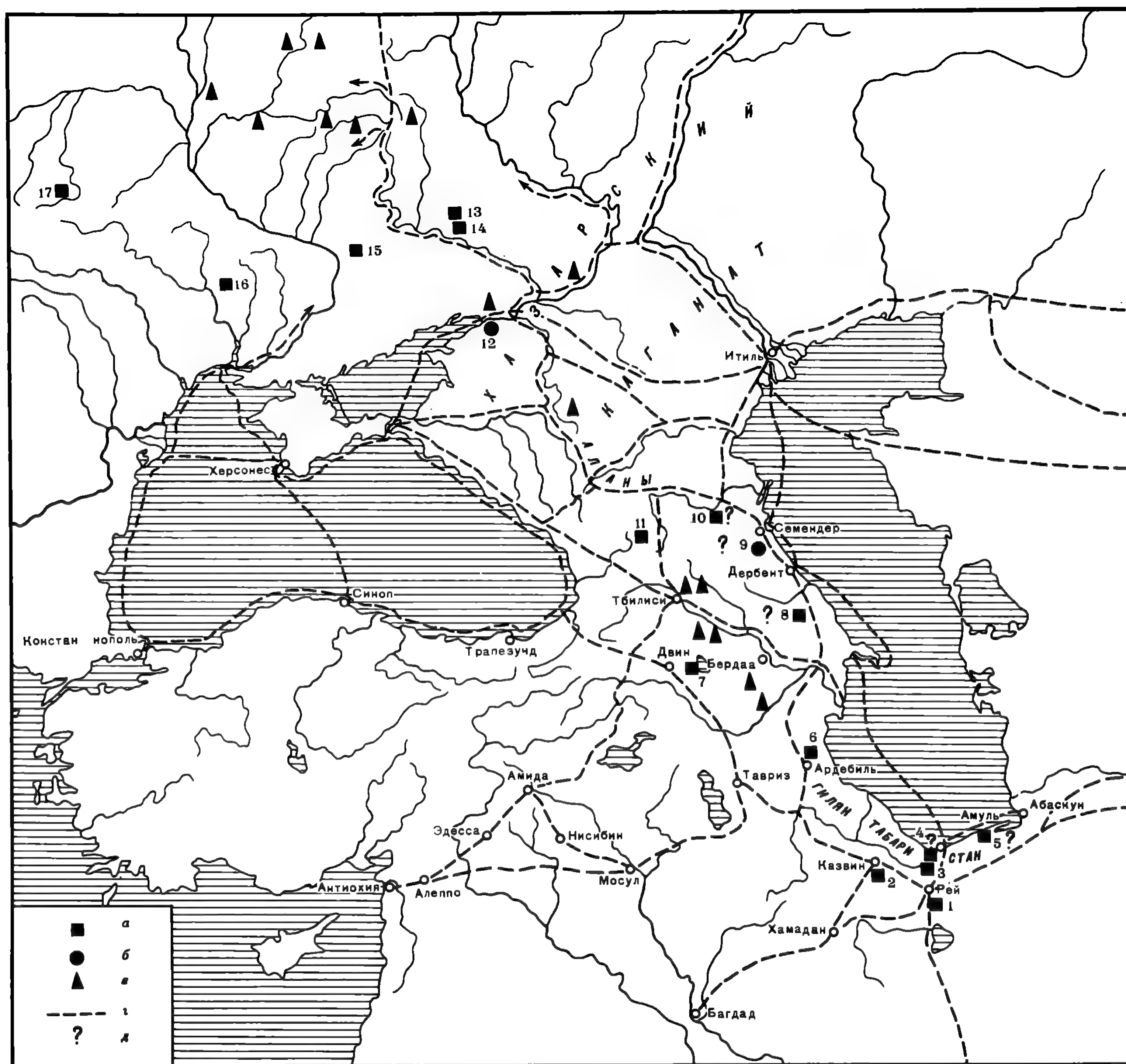


Таблица 160. Распространение серебряных сосудов Ирана и Средней Азии VI — VIII вв. на Кавказе и в Восточной Европе

а — иранские сосуды VI—VIII вв.; *б* — среднеазиатские сосуды VI—VIII вв.; *в* — клады куфических монет (до 833 г. по В. В. Кропоткину); *г* — пути сообщения; *д* — локализация неточная; *1* — Верамин; *2* — Казвин; *3* — Калар Дашт; *4* — Мазандаран, 1893 г.; *5* — Мазандаран; *6* — Ардебиль; *7* — Нор-Баязет; *8, 9* — Дагестан; *10* — Грозный; *11* — р. Урсдон (Северная Осетия); *12* — Азов; *13* — Лимаровка; *14* — Павловка; *15* — Перещипино; *16* — Глодосы; *17* — Хомяково

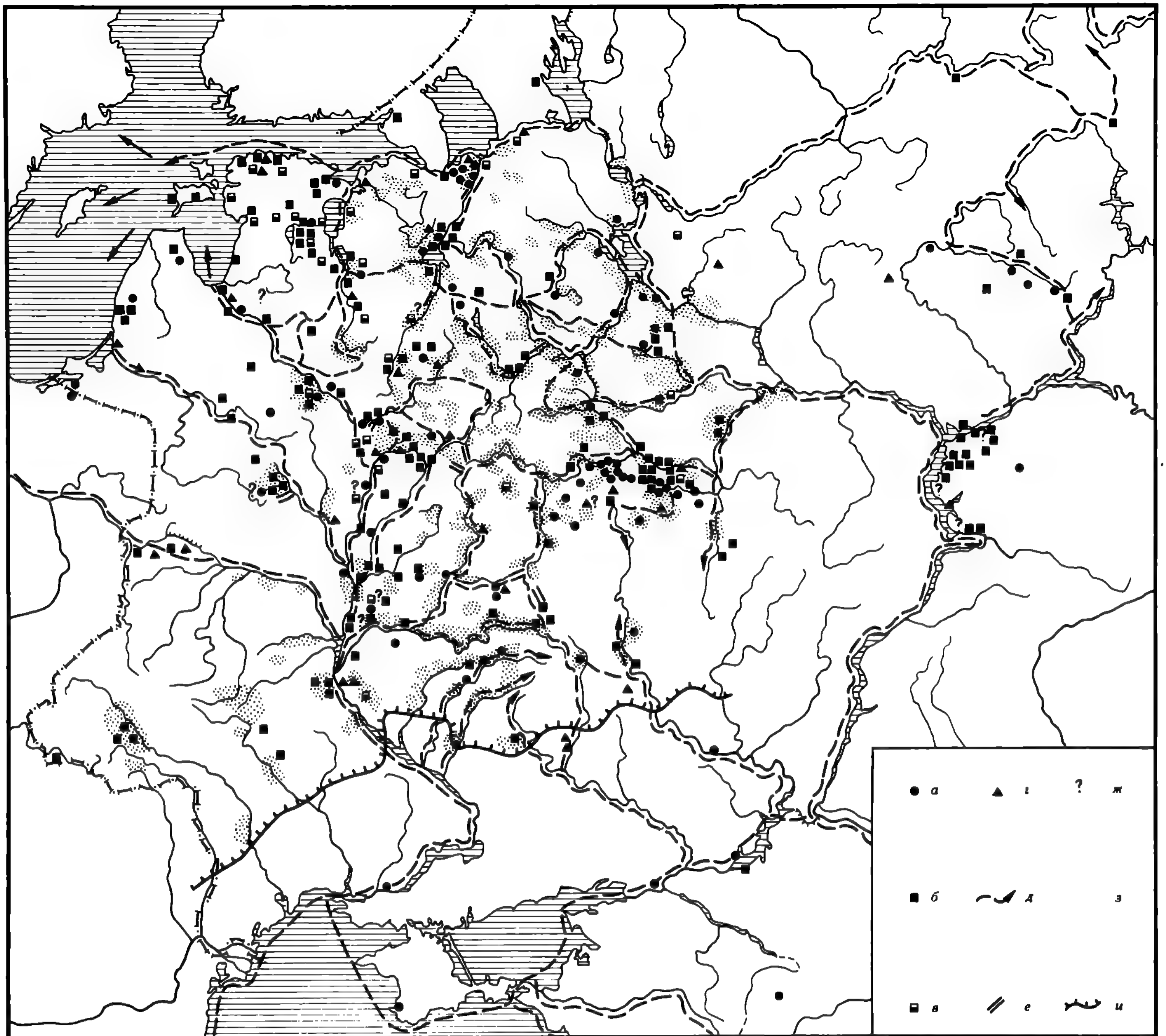


Таблица 161. Клады куфических монет на территории Восточной Европы

а — клады, зарытые в конце VIII—IX в.; *б* — клады, зарытые в X в.; *в* — клады X—XI вв.; имеющие в своем составе западноевропейские монеты; *г* — клады неопределенного времени; *д* — пути сообщения; *е* — основные волоки; *ж* — локализация неточная; *з* — районы концентрации славянского населения в VIII—XIII вв.; *и* — граница лесостепи и степи

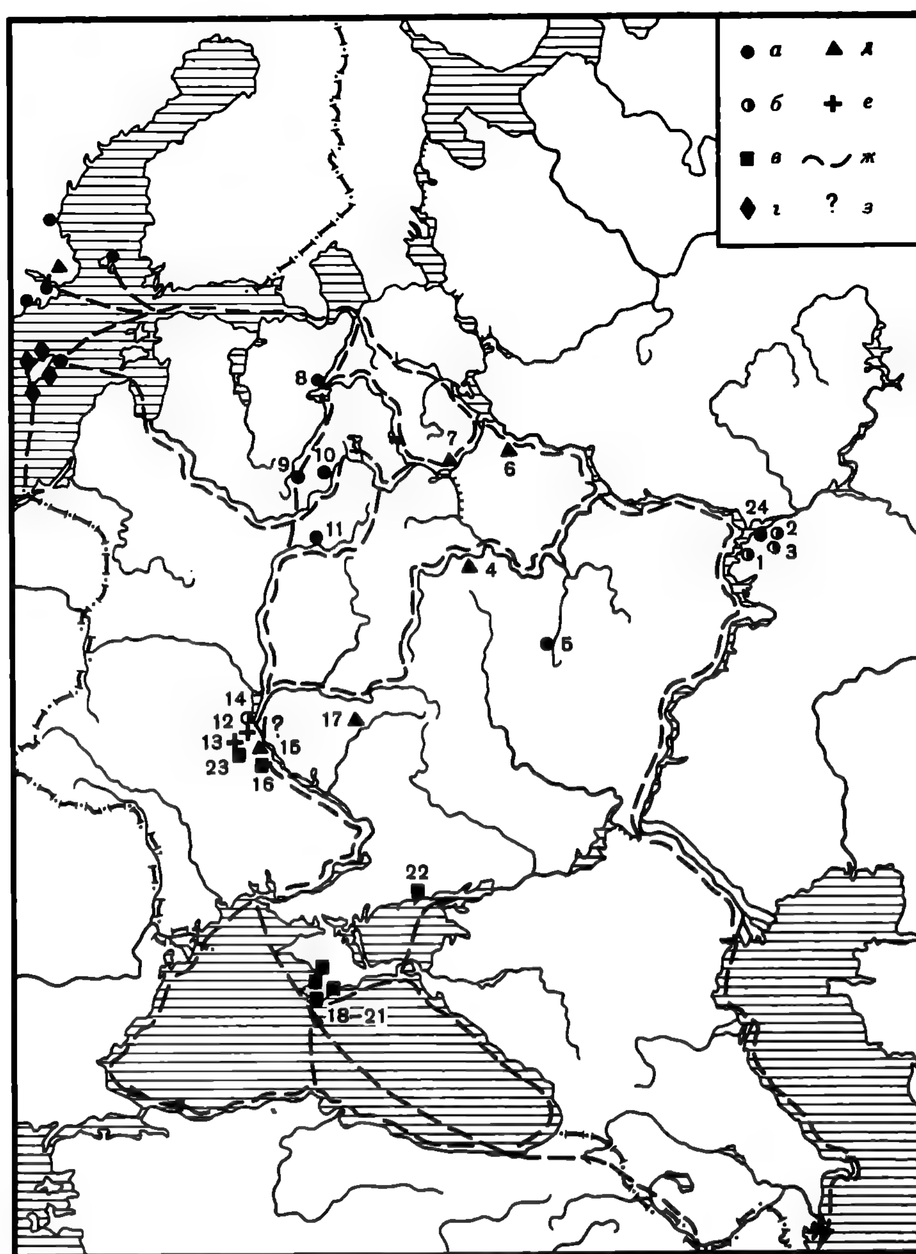


Таблица 162. Распространение восточных изделий из металла X — XIII вв. в Восточной Европе

а — бронзовые изделия X—XI вв.; *б* — бронзовые изделия XII—XIII вв.; *в* — серебряные и бронзовые изделия Сирии, Палестины, Малой Азии и Армении XII—XIII вв.; *ж* — пути сообщения; *з* — локализация неточная; *1* — Болгары; *2* — Кульбаево-Мураса; *3* — Альметьево; *4* — Кашира; *5* — Лядинский могильник; *6* — Новоселки (Белогостицкий клад); *7* — Пекуново; *8* — Новгород; *9* — Великие Луки; *10* — Торопец; *11* — Гнездово; *12* — Киев, 1889 г.; *13* — Киев, 1936 г.; *14* — Киев; *15* — Мышеловка; *16* — Сахновка; *17* — Шпилевка; *18—21* — Херсонес; *22* — Бердянск; *23* — Ржищев; *24* — Татарский Толкиш

→

Таблица 163. Произведения восточного художественного ремесла, найденные на территории Древней Руси

1 — стеклянная чаша с росписью золотом и эмалью (реконструкция), Сирия, XII — первая половина XIII в. (Новогрудок); *2* — стеклянный кубок с росписью золотом и эмалью (реконструкция), Ракка, XII — первая половина XIII в. (Новогрудок); *3* — поливной кувшин, Сирия, рубеж XII—XIII вв. (Суздаль); *4* — бронзовый кувшин, Средняя Азия, X—XI вв. (Новгород); *5* — бронзовый светильник, Иран, IX—X вв. (Гнездово); *6* — бронзовая крышка от курильницы, Иран (?), XII — первая треть XIII в. (Киев); *7* — серебряное блюдо, Малая Азия или Сирия, вторая половина XII — первая половина XIII в. (с. Ржищев Киевской обл.); *8* — серебряные поясные накладки, Иран или Средняя Азия, XI в. (с. Мышеловка Киевской обл.)

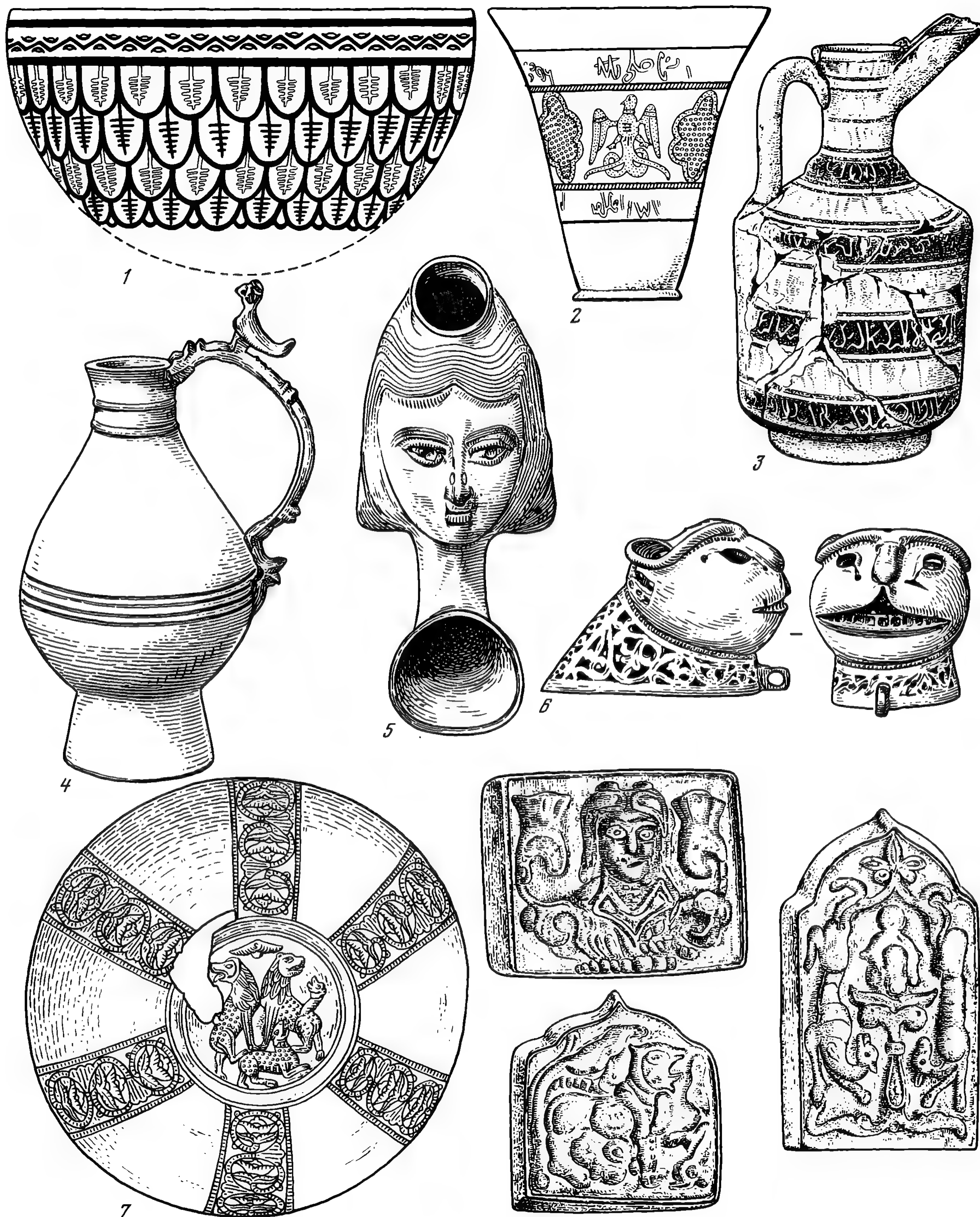


Таблица 163

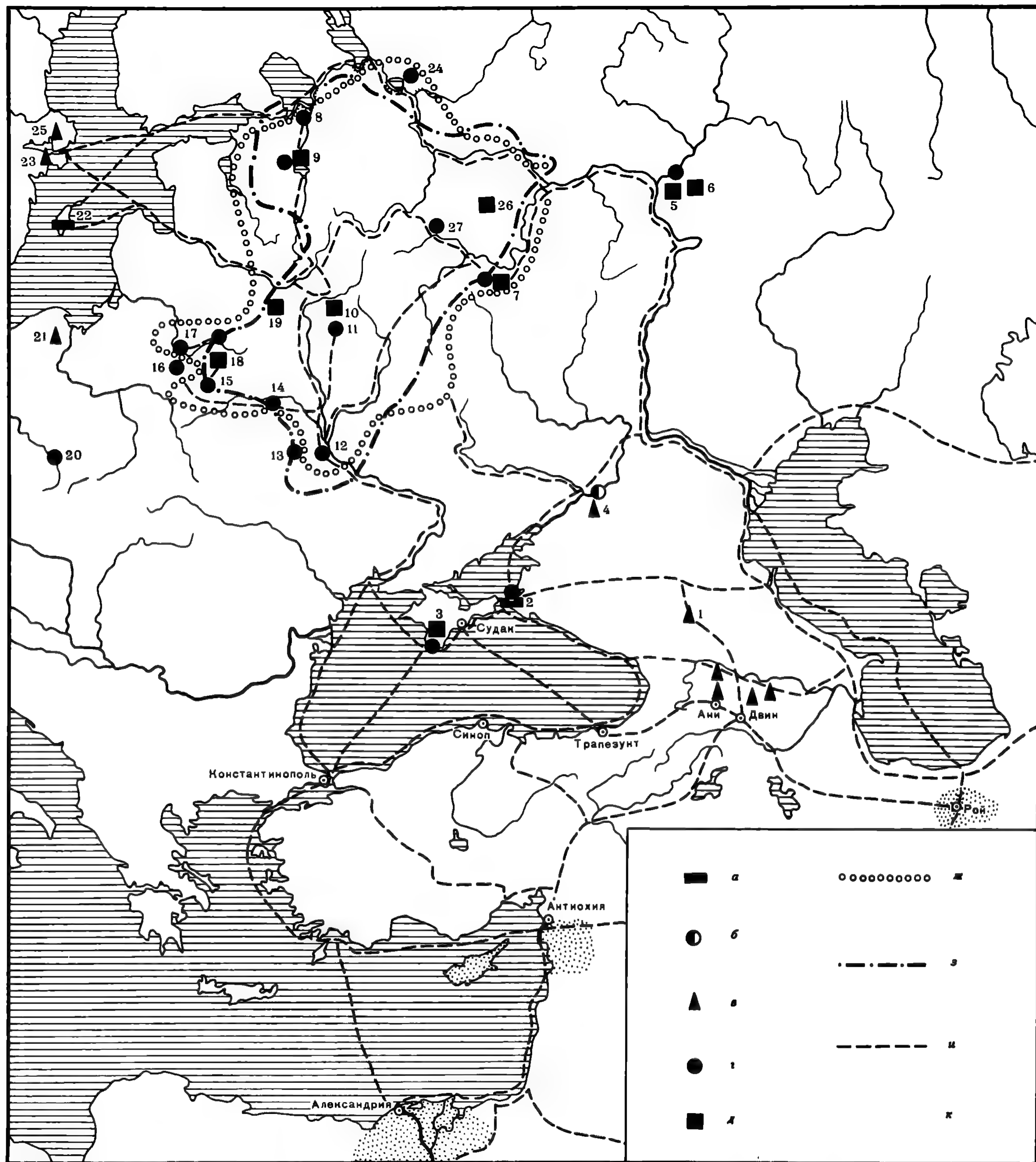


Таблица 164. Распространение поливной и стеклянной посуды Востока в Восточной Европе

а — поливная посуда Болгарского халифата IX—X вв.; *б* — среднеазиатская керамика с люстровидной и подглазурной росписью IX—X вв.; *в* — сиро-египетская стеклянная посуда и посуда с росписью люстром X—XI вв.; *г* — сирийская (Ракка, Алеппо) и египетская стеклянная посуда XI—XIII вв.; *д* — фаянсовая посуда с люстровой и люстровидной росписью XII—XIII вв. (Иран); *е* — территория распространения золото- и серебростеклянных бус в конце X — начале XI в. (по М. В. Фехнер); *ж* — территория распространения бус из сердолика, горного хрусталя и аметиста в XI—XII вв. (по М. В. Фехнер); *з* — пути сообщения; *и* — области, откуда вывозилась поливная и стеклянная посуда; *1* — Змейская; *2* — Тмутаракань; *3* — Херсонес; *4* — Саркел Белая Вежа; *5* — Булгар; *6* — Биляр; *7* — Старая Рязань; *8* — Старая Ладога; *9* — Новгород; *10* — Смоленск; *11* — Мстиславль; *12* — Киев; *13* — Городск; *14* — Туров; *15* — Слоним; *16* — Волковыск; *17* — Гродно; *18* — Новогрудок; *19* — Лукомль; *20* — Ополье; *21* — Гданьск; *22* — Готланд; *23* — Бирка; *24* — Белоозеро; *25* — Уппланд; *26* — Суздаль; *27* — Москва

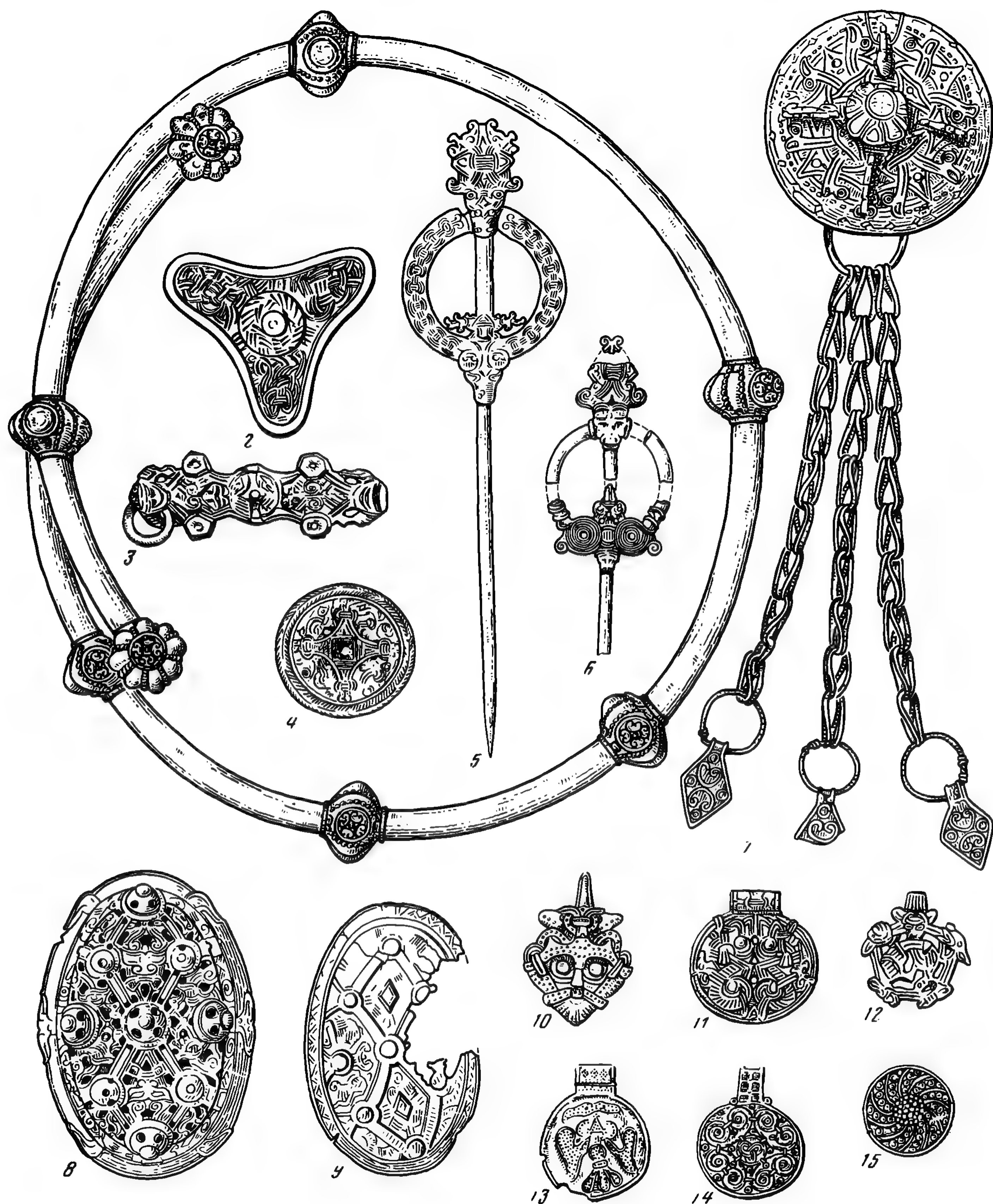


Таблица 165. Скандинавские украшения из серебра и бронзы X — XI вв., найденные в Восточной Европе

1 — шейная гривна; *2* — трилистная фибула; *3* — равноплечная фибула; *4* — скорлупообразная круглая фибула; *5—6* — кольцевидные фибулы с длинной иглой; *7* — круглая фибула с подвесками на цепочках; *8—9* — скорлупообразные овальные фибулы; *10* — подвески (№№ 1, 5, 7, 10 — из Гнездовского клада 1868 г.); *10—14* — серебряные подвески (Гнездовский клад 1868 г.); *15* — серебряная бляшка (Гнездовский клад 1868 г.)

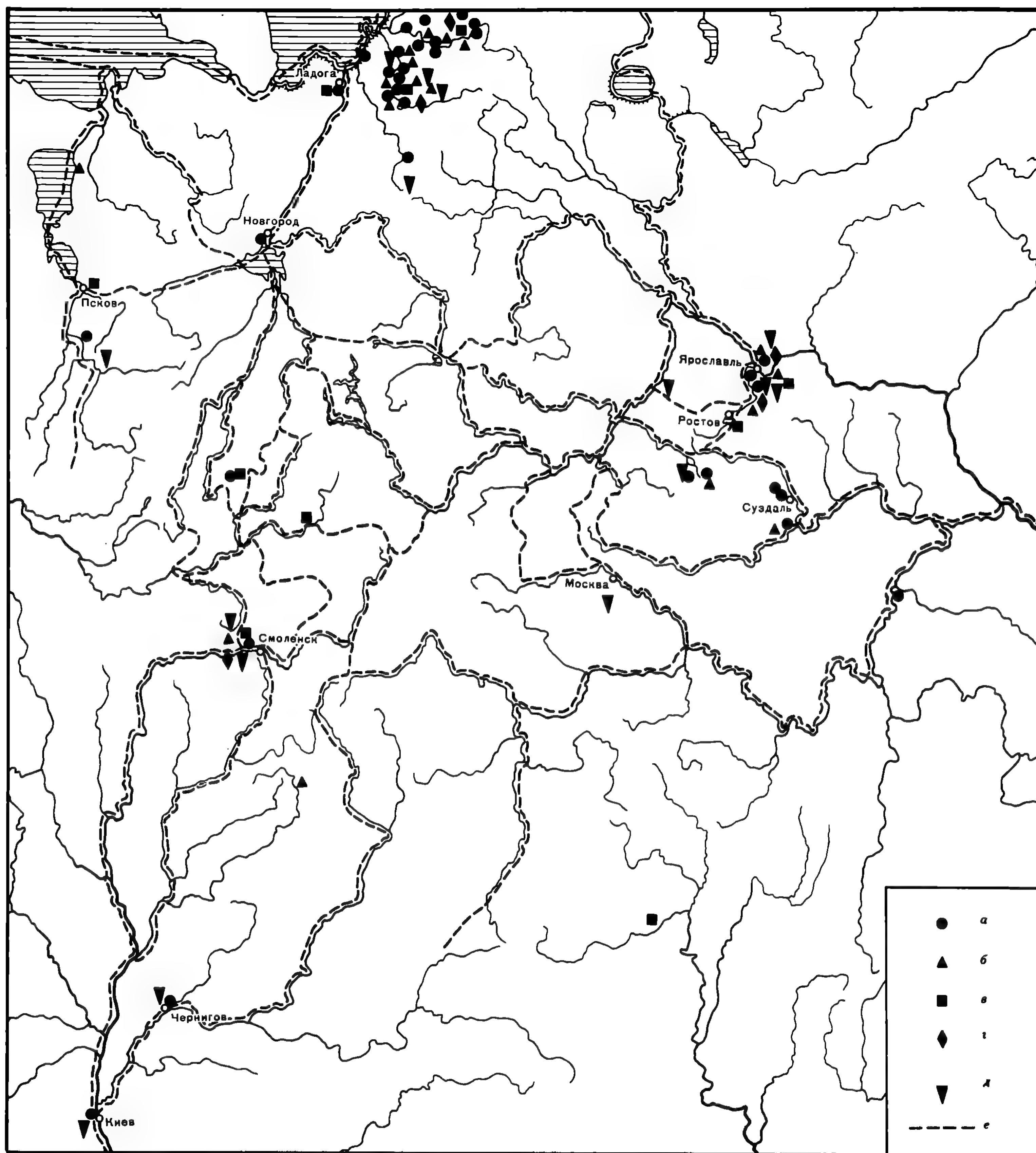


Таблица 166. Распространение находок скандинавских фибул на территории Древней Руси, по В. С. Дедюхиной

а — скорлупообразные овальные; *б* — круглые; *в* — равноплечные; *г* — трилистные; *д* — кольцевидные, с длинными иглами; *е* — торговые пути

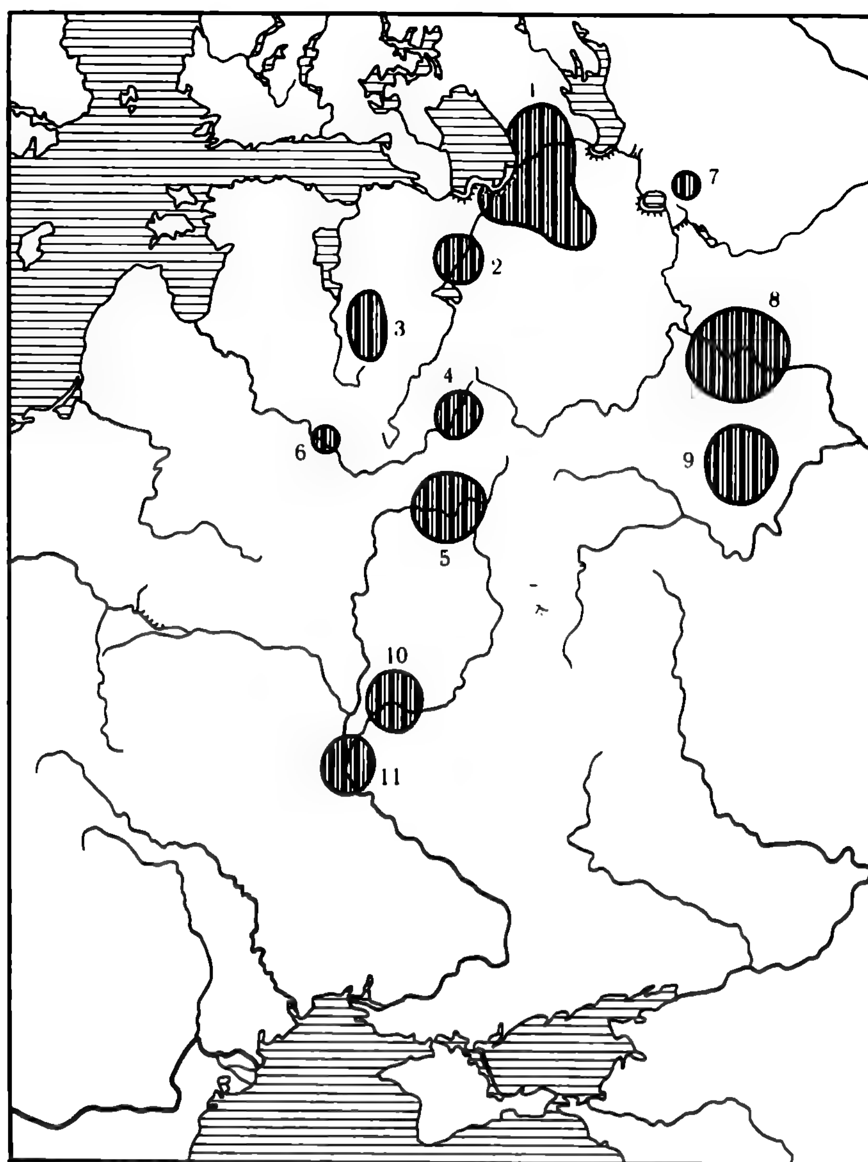


Таблица 167. Археологические памятники Восточной Европы, в которых найдены скандинавские комплексы X — XI вв. и скандинавские вещи в культурном слое поселений X — XI вв. (по Г. С. Лебедеву и В. А. Назаренко)

1 — Старая Ладога и юго-восточное Приладожье; *2* — Новгород и его окрестности; *2а* — Псков и его окрестности; *3* — верховья р. Западной Двины; *4* — Гнездовский могильник и поселение; *5* — Полоцк; *6* — район Белого озера; *7* — могильник Ярославского Поволжья; *8, 9* — Владимирское и Суздальское Ополье; *10* — Чернигов и его окрестности; *11* — Киевский некрополь

Таблица 168. Произведения византийского художественного ремесла X — XIII вв., обнаруженные в Восточной Европе

а — находки произведений художественного ремесла X—XIII вв. (торевтика, эмали, резная кость, мелкая пластика) при археологических раскопках, в кладах, случайные; *б* — произведения художественного ремесла в составе древней утвари церквей и монастырей; *в* — произведения художественного ремесла в составе древней утвари церквей и монастырей (свыше 10 экз.); *г* — находки поливной керамики IX — начала XIII в. (по Т. И. Макаровой); *д* — находки стеклянной посуды X—XII вв.; *е* — находки византийских монет X—XII вв. (по В. В. Кропоткину); *ж* — пути сообщения *1* — Херсонес; *2* — Судак; *3* — Корчев; *4* — Тмутаракань; *5* — Саркел — Белая Вежа; *6* — Киев; *7* — Чернигов; *8* — Гнездово и Смоленск; *9* — Новогрудок; *10* — Новгород; *11* — Старая Рязань; *12* — Владимир; *13* — Суздаль; *14* — Москва; *15* — Белоозеро

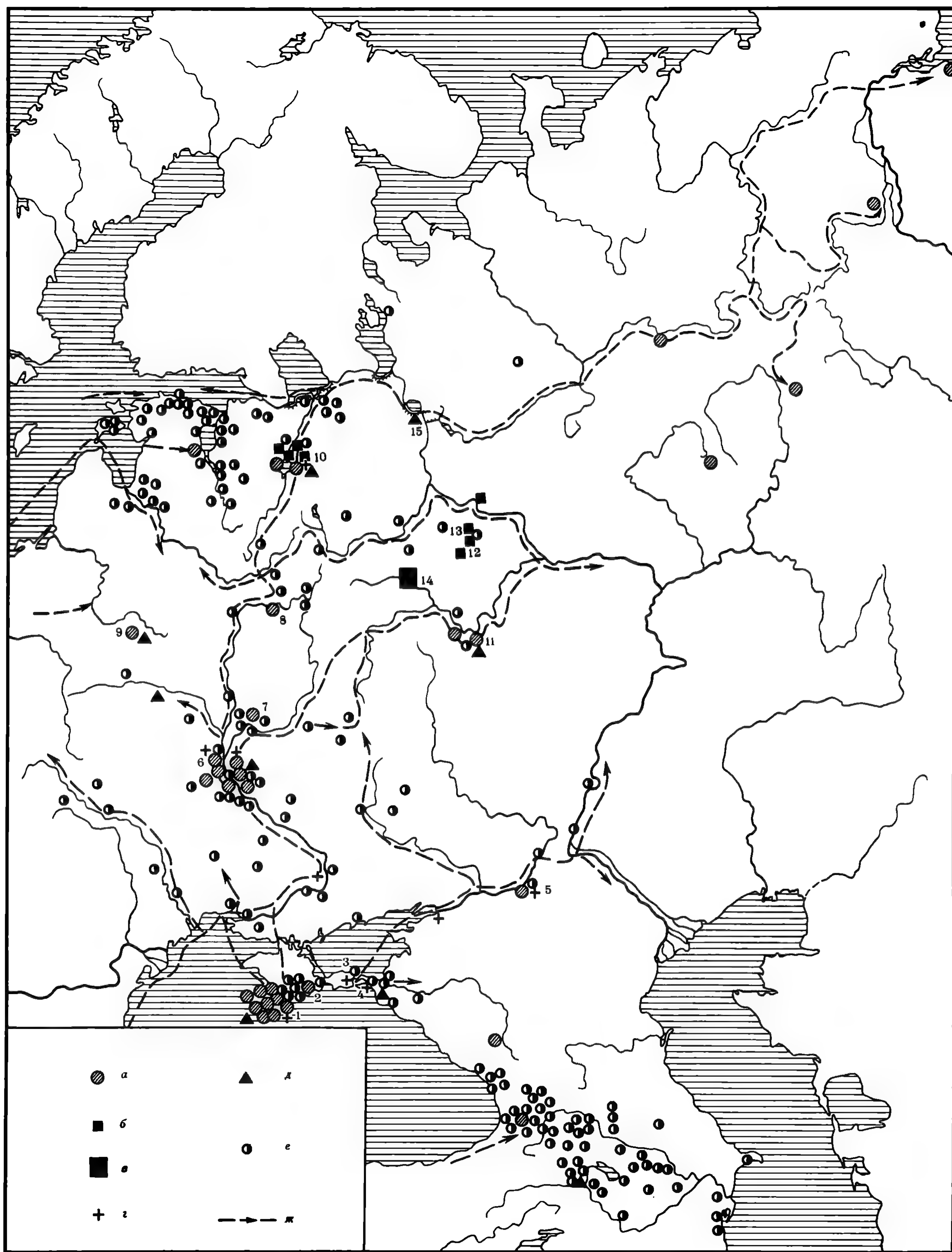


Таблица 168

Таблица 169. Произведения византийского художественного ремесла, найденные в Восточной Европе

1 — стеклянный кубок с росписью золотом (реконструкция), Коринф или Кипр, XII в. (Новогрудок); *2* — стеклянный флакон с росписью золотом и эмалью (реконструкция), Кипр (?), XII — начало XIII в. (Новогрудок); *4* — поливное блюдо с полихромным декором, Коринф (?), XII в. (Киев); *5* — костяная накладка от ларца, XI—XII вв. (Судак); *7* — костяной гребень, XI в. (Саркел Белая Вежа); *8* — фрагмент стеатитовой иконки, XII в. (из быв. собрания Ханенко, Киев); *9* — иконка из сланца, XII в. (Новгород); *10* — серебряная чаша с чернью и позолотой, XII в. (Чернигов)

Таблица 170. Произведения западноевропейского художественного ремесла, найденные в Восточной Европе

1 — бронзовый водолей в виде конного рыцаря, Нижняя Саксония, первая половина XIII в. (Донецкая обл.); *2* — бронзовый водолей в виде птицы с мужской головой, Северная Германия (?), вторая половина XII — первая половина XIII в. (Вщиж); *3* — бронзовый водолей в виде кентавра, нижняя Саксония, первая половина XIII в. (Чернигов); *4* — бронзовая мужская фигура, Нижняя Саксония, конец XII — первая половина XIII в. (Донецкая обл.); *5* — бронзовый подсвечник, Вестфалия, конец XII в. (Вщиж); *6* — фрагмент бронзовой чаши, Западная Германия, рубеж XII—XIII вв. (Старая Рязань); *7* — медная дарохранительница с выемчатой эмалью, Лимож, последняя треть XIII в. (Суздаль); *8* — костяная статуэтка льва, Кельн, конец XII — начало XIII в. (Киев); *9* — костяная накладка от ларца, Южная Германия, рубеж XII—XIII вв. (Плисneск)

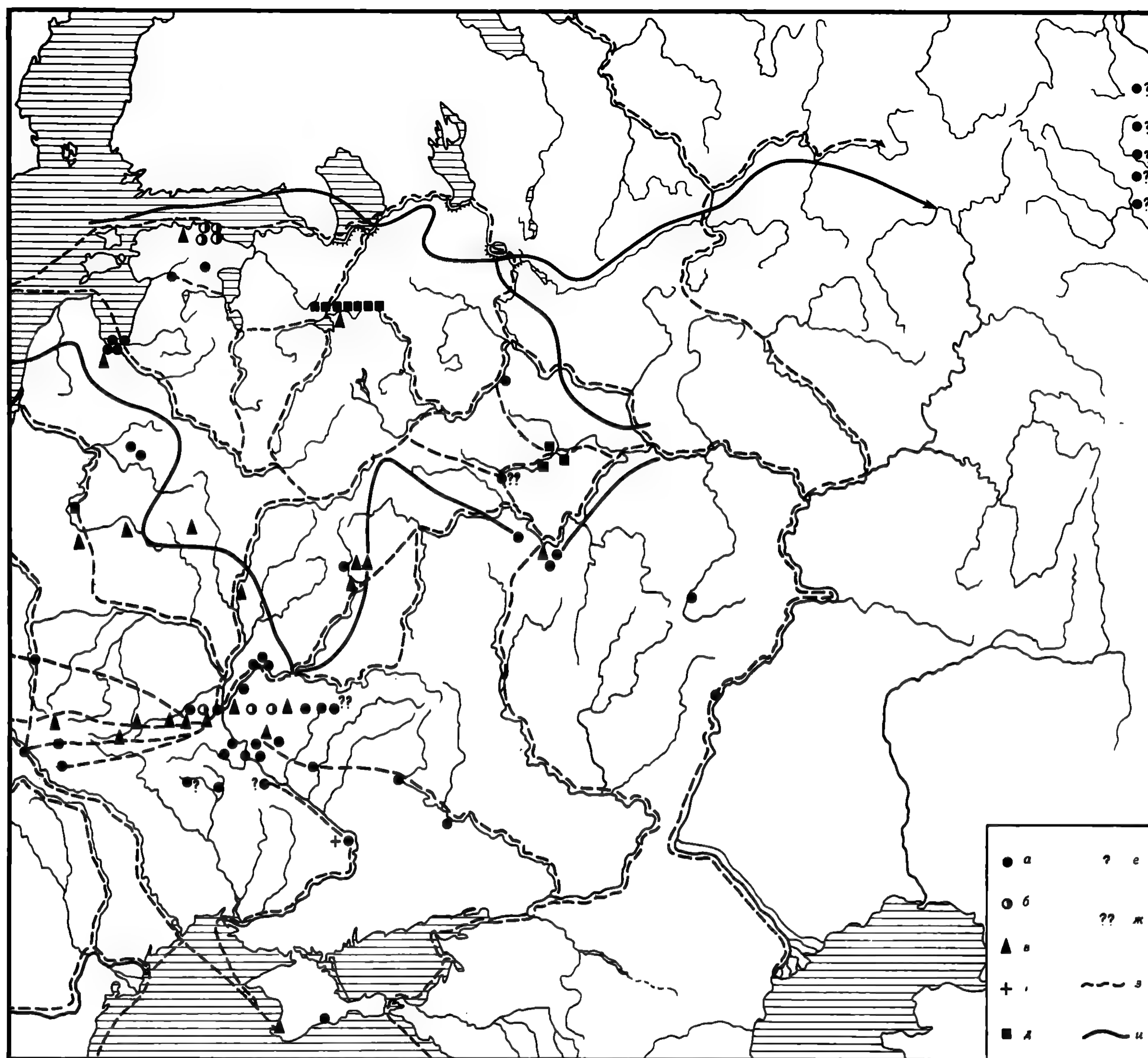


Таблица 171. Распространение произведений западноевропейского художественного ремесла XII—XIII вв. на территории Восточной Европы

а — отдельные находки; *б* — в составе кладов; *в* — при археологических раскопках городов; г — в погребениях; *д* — из состава древней утвари церквей; *е* — локализация неточная; *ж* — место находки неизвестно; *з* — главные пути сообщения; *и* — границы распространения западноевропейского денария X—XI вв., по Н. П. Бауэру

Список древнерусских укрепленных поселений X—XIII вв.*

1. Городище
2. Сторожинец
3. Мда
4. Городецкий остров
5. Тарту (Юрьев)
6. Изборск
7. Литвиново
8. Сутоки
9. Грива
10. Тригорское
11. Михайловское
12. Городище
13. Барахново
14. Псков
15. Камно (Комно)
16. Которск
17. Косицкое
18. Голубково
19. Заорешье
20. Городец
21. Надбилье
22. Большой Сабск
23. Сосница
24. Кайболово
25. Воронино
26. Порхов
27. Городок
28. Старая Русса (Руса)
29. Полибино
30. Великие Луки (Луки)
31. Городище
32. Холм
33. Марево (Морева)
34. Молвотицы
35. Подберезы
36. Пески
37. Любно
38. Яжелбицы
39. Сельцо
40. Никандрово
41. Усть-Волма
42. Городище
43. Новгород
44. Городище
45. Волхов
46. Ладога
47. Любша
48. Городище
49. Городище
50. Песчахи
51. Вдовец
52. Андреаполь
53. Сельское
54. Курбаты
55. Торопец
56. Селяне
57. Залучье (Жижец)
58. Прилуки
59. Велинское
60. Боярщина
61. Велисто
62. Горы
63. Бакланово
64. Велиж
65. Иньково
66. Пилички
67. Каспля
68. Абрамково
69. Жичицы
70. Панино
71. Городок
72. Вержавск
73. Никасицы I
74. Никасицы II
75. Заборье
76. Ключ
77. Заборье
78. Микулино
79. Ковали
80. Клименки
81. Кошевичи
82. Сураж
83. Усвяты (Восвяч)
84. Усвяты
85. Бескатово
86. Новый Болецк
87. Витебск
88. Горы
89. Андреево
90. Бельняки
91. Стрижево
92. Лукомль
93. Городище
94. Кардон
95. Езерище
96. Малое Ситно
97. Малое Ситно
98. Полоцк (Полотеск)
99. Льнозавод
100. Городец-I
101. Камень
102. Кастрица
103. Чернецово
104. Синск
105. Осыно
106. Чурилово
107. Прудники
108. Дрисвяты
109. Дивная, Городец
110. Браслав
111. Московичи, Московцы
112. Ратпюки (Ратюны)
113. Ерсике
114. Асоте
115. Олинькалнс
116. Кокнесе
117. Михалево
118. Дульцево
119. Нахимовское (Волочек)
120. Никола-Немощный
121. Большево
122. Вязьма
123. Иваники
124. Никола
125. Городище
126. Клемятино
127. Мытищино
128. Сковородкино
129. Дорогобуж
130. Наквасино
131. Шульгино
132. Девятая
133. Городна
134. Еськово
135. Харино
136. Буяново
137. Стрелатово
138. Богатырево
139. Радчина
140. Бородино
141. Воротнино
142. Белкино
143. Церковище (Воищина)
144. Преображенское
145. Шапырево
146. Верхне-Ясенская
147. Смоленск
148. Гнездово
149. Гнездово, Ольшанское
150. Ерши-Ладожицы (Лодейницы)
151. Тихановщина
152. Вонлярово
153. Красная Горка
154. Горбачи
155. Жерновка
156. Даниловка
157. Смилово
158. Буяново
159. Большая Добрая, Волхово-Доброе
160. Городище
161. Зверовичи (Красн)
162. Ляды
163. Карабановичи
164. Германы (Днепровка)
165. Черкасово
166. Орша (Рша)
167. Горяне
168. Левки
169. Копысь
170. Старый Шклов
171. Могилев
172. Борколабово
173. Яново
174. Юдичи
175. Вищин
176. Зборово
177. Рогачев
178. Дымокуры, Кисели
179. Багриново
180. Друцк (Дрютеск)
181. Тетерино
182. Лучин
183. Лучин, Попова Гора
184. Черпое
185. Речица
186. Озерщина
187. Луначарск
188. Леваши
189. Горошков
190. Чаплин
191. Лоев
192. Стрешин
193. Городок
194. Заспа
195. Любеч
196. Неданчичи
197. Днепровка (Навоз)
198. Новый Глыбов
199. Давыдова Боженка
200. Вышгород
201. Киев
202. Комайск
203. Городище
204. Логойск (Логожеск)
205. Понизовье
206. Острошицкий Городок
207. Старо-Борисов (Борисов)
208. Киевцы
209. Городище
210. Дулебы
211. Новоселки
212. Свислочь
213. Заславль
214. Заславль (Изяславль)
215. Белоручье, Беларуч
216. Семков Городок
217. Минск (Менеск)
218. Цель
219. Жужлянка
220. Зборск
221. Ранняя Речка
222. Елизово
223. Михалево-2, Большевик
224. Горваль
225. Бобыри, Ободрова
226. Лахтеево
227. Ковшары, Покровка
228. Ямполье
229. Колычево
230. Рудня Новая
231. Хиславичи
232. Городок, Стайки
233. Васильево (Васильев)
234. Свирковка
235. Тригубово
236. Хотяны
237. Рай
238. Мстиславль
239. Мазолово
240. Костыри
241. Лотовиново
242. Ростиславль
243. Васьково
244. Заселье (Новое)
245. Деребуж
246. Погорелово
247. Погуляевка
248. Дорошковка
249. Кричев (Кречют)
250. Кричев, Городец
251. Славгород (Прупой, Пропошеск)
252. Шавнево
253. Горы
254. Ярцевка
255. Радомля
256. Высокое
257. Поповка, Васьковичи
258. Чечерск
259. Беседка
260. Красная Гора
261. Светиловичи
262. Сеславль
263. Юрьево
264. Слепцово
265. Епишево
266. Любатовка
267. Разрытое

* Нумерация соответствует имеющейся на сводной карте (табл. 1). Включен ряд малоизученных памятников, отнесенных к числу древнерусских условно.

268. Ормино
269. Дроков Старый
270. Рюхово
271. Рябцево
272. Селище I
273. Селище II
274. Литовск
275. Ущерпье
276. Гомель (Гомий)
277. Любны
278. Городище
279. Пурневичи
280. Радогоща
281. Селище
282. Новогрудок
283. Лида
284. Мыто
285. Ольшево
286. Огородники
287. Накрышки
288. Костенево
289. Турейск
290. Голынка
291. Коссово
292. Слоним
293. Жировцы
294. Слоним (Вослоним)
295. Высоцк
296. Деревна
297. Яново
298. Пархуты
299. Санники
300. Збочно
301. Кошели
302. Мстибово
303. Волковыск
304. Волковыск, Муравельник
305. Новоселки
306. Индура
307. Кульчицы
308. Гродно, Городок (Городен)
309. Новосады
310. Каменка
311. Городище
312. Несвиж
313. Городок
314. Лоск
315. Радошковичи
316. Качановичи-2
317. Некасецк
318. Мядель
319. Свирь
320. Яревище
321. Ратно
322. Ветлы
323. Пинск
324. Здитово (Здитов)
325. Воньки
326. Ляховичи
327. Городище
328. Горбуновщина
329. Клецк (Клеческ)
330. Копыль
331. Греск
332. Омговичи
333. Большие Падеры, Пазеры
334. Слуцк (Случеск)
335. Ивань, Селище
336. Милевичи Западные
337. Туров
338. Борки
339. Переров
340. Городище, Строчицкое
341. Городище
342. Теплынь
343. Городище (Городок)
344. Калинковичи
345. Загорины
346. Мозырь
347. Мозырь, Кимборовка
348. Акулинка
349. Стрельск
350. Юревичи
351. Чернобыль
352. Лелев
353. Городище
354. Брагин (Брягин)
355. Малая Теребеевка
356. Чернев
357. Чикалавичи
358. Гдень
359. Ельня
360. Никифоровское
361. Караковичи
362. Осовик
363. Пацынь
364. Владимировка
365. Хотылево
366. Олсуфьево
367. Вщиж
368. Оболовь (Обловь)
369. Шибанец
370. Карачев (Корачев)
371. Брянск, Чашин курган
372. Брянск (Дебрянск)
373. Антоновка
374. Водецкое, Герасимова
375. Слободка, Малое городище
376. Слободка, Большое городище
377. Пески
378. Навля
379. Борщево
380. Парня, Парнянское
381. Любожичи I
382. Любожичи II
383. Апрельское, Орельское
384. Радутино
385. Радчино
386. Верхний Городец
387. Трубчевск (Трубеч)
388. Волконское
389. Радогощ
390. Севск
391. Кветунь
392. Хотьковка
393. Воробейня
394. Волжино, Красная Слободка
395. Заполье
396. Пашково
397. Старопочепье
398. Злобинка
399. Рогово
400. Баклань
401. Стародуб
402. Левенка, Лавинка
403. Бобрик
404. Сенин (Синин мост)
405. Рассуха (Росусь)
406. Посудичи
407. Погар (Радощ, Радогощ)
408. Воробьево
409. Случевск
410. Марковское
411. Пушкари
412. Леньково
413. Киселевка
414. Новгород-Северский
415. Горки
416. Кирово, Рыковка
417. Стахорщина
418. Редичев
419. Городище
420. Зметнев
421. Спасское
422. Шабалинов
423. Ляшковцы
424. Макошино (Хоробор)
425. Бахмач
426. Борзна
427. Ядутин
428. Верхолесье
429. Сосница
430. Фесковка
431. Волосковцы
432. Березна (Березый)
433. Николаевка
434. Блистова (Блестовит)
435. Салтыкова Девица
436. Топаль Малый
437. Курозново
438. Оптень
439. Гощь
440. Ропск
441. Шишки, Шишковка
442. Горск
443. Ховдиевка
444. Буда-Толстолесова
445. Шкрабово
446. Великий Листвин
447. Седнев
448. Седнев (Сновск)
449. Брусилов
450. Бобровицы (Гуричев)
451. Анисово
452. Чернигов, Еловщина
453. Чернигов
454. Гущино
455. Малый Листвин (Листвин)
456. Рогощи (Оргощ)
457. Юрьевка
458. Ивановка
459. Шестовицы
460. Шестовицы, Коровель
461. Слабино
462. Колычевка
463. Козероги
464. Смолино
465. Моровск (Моровиеск)
466. Беловежи Вторые (Белая Вежа)
467. Сиволож (Всеволож)
468. Нежин (Унежен)
469. Кашаны
470. Остер (Городец-Вострьский)
471. Выползово
472. Выгуровщина (Городец)
473. Стерж
474. Бельки
475. Городец
476. Городище
477. Вселуг (Селук)
478. Малый Бохот
479. Изведово
480. Хотошина (Хотошин)
481. Городец
482. Залучье, Березовец
483. Ельцы
484. Сокол, Никола-Рожок
485. Кличен
486. Верхняя Руда (Жибачев)
487. Тростино (Горышон)
488. Климово
489. Кокошкино, Сижка
490. Оковцы
491. Сковоротынь
492. Ржев (Ржевка)
493. Бойна
494. Зубцов
495. Липицы
496. Гривы
497. Никольское
498. Будаево
499. Карманово
500. Степановское, Немгорь
501. Хлепень
502. Большой Березуй
503. Городище, Фоминское
504. Золотилово
505. Погорелое
506. Калинин (Тверь)
507. Торжок (Новый Торг)
508. Орша (Рша)
509. Городня (Вертязин)
510. Волоколамск (Волок-Ламский)
511. Парфенково
512. Микулино - городище (Микулин)
513. Вирево, Бирево
514. Дмитров
515. Синьково
516. Усть-Дубенское (Дубна)
517. Прислоп
518. Посады
519. Скнятино (Кснятин)
520. Городище
521. Городище (Клещин)
522. Переяславль
523. Кашин
524. Углич (Углече Поле)
525. Бежичи
526. Бежецк (Городец)
527. Загородье
528. Крестцы
529. Устюжина
530. Крохино (Белоозеро)
531. Деболовская (Городище на Сарре)
532. Ростов
533. Огарев Холм
534. Кузьмодемьянское
535. Ярославль
536. Нерехта (Нерехоты)
537. Большие Соли (Соль Великая)
538. Черная заводь
539. Галич (Галич-Мерский)
540. Кострома
541. Плес
542. Юрьевец
543. Унжа
544. Городец
545. Горький (Нижний Новгород)
546. Вологда
547. Великий Устюг
548. Тагино
549. Захарово
550. Пашково, Лужки
551. Городище
552. Кромы
553. Гать
554. Комаровское, Городище
555. Гневушево, Сопково
556. Мерцаловка
557. Титово-Мотыка
558. Маслово
559. Редькино
560. Кошелево
561. Спасское (Спашь)
562. Цветынь
563. Гонючево
564. Круглеца, Городище
565. Старый Синец
566. Шумово
567. Старинково

568. Поздеево
569. Воротынцево I
570. Воротынцево II
571. Новосиль
572. Синюково
573. Плотицыно, Никольское
574. Зайцево
575. Мценск
576. Городище (Домагощ)
577. Шлыково
578. Камынино
579. Локна
580. Жуевка
581. Лунево
582. Рожково
583. Борилово
584. Болхов
585. Новые Дольцы
586. Вырка
587. Лабодино
588. Белев
589. Жабынь
590. Городня
591. Дедилово (Дедославль)
592. Новое село
593. Топтыково
594. Березово
595. Кетри
596. Торхово
597. Супруты
598. Крапивна
599. Одоев
600. Петровское
601. Кулешово
602. Чекалин, Дуна
603. Мужитино
604. Алнеры
605. Кириллово
606. Брынь
607. Хотимль - Кузьменково
608. Козельск
609. Мещовск (Мещеск)
610. Мещовск
611. Серенск
612. Пронино
613. Подборки
614. Перемышль
615. Верхнее Подгоричье, Верхние Подгорки
616. Желохово
617. Антоньево
618. Спас
619. Воротынск
620. Спас, Спасское
621. Уварово
622. Прихабы
623. Самбурово
624. Городище
625. Лепехи, Каменка
626. Федотково
627. Козловцы
628. Ильинская
629. Серпейск
630. Мосальск
631. Мощины (Мащин)
632. Спас-Перекша
633. Палатки
634. Жары
635. Гришово
636. Городище
637. Николо-Ленивец
638. Ждамирово
639. Калуга
640. Никольская
641. Матюнино
642. Троицкое (Любутск)
643. Сенево
644. Картавцево
645. Щукино
646. Алексин
647. Гальчино
648. Верея
649. Малоярославец
650. Стрелковка
651. Алтухово
652. Оболенское (Оболенск)
653. Дракино (Лобыньск)
654. Подмоклово
655. Нижняя Городня
656. Леоново
657. Серпухов
658. Тешилов
659. Лужки
660. Хатунь
661. Лопасня (Лопасна)
662. Колтово (Колтеск)
663. Кропотово (Баскач)
664. Романово
665. Остроги
666. Ростиславль
667. Щучье, Соколовка
668. Бавыкино
669. Бебехино
670. Городня (Новогородок на Осетре?)
671. Городов (Тушково)
672. Можайск
673. Наждино
674. Тростенское
675. Старая Руза
676. Звенигород
677. Истра
678. Калчуга
679. Москва
680. Дьяково
681. Русское Сатино (Перемышль Московский)
682. Покровское
683. Луковня, Луковка
684. Еганово
685. Балашиха
686. Борщево (Брашева)
687. Растуново
688. Северское (Сверилеск?)
689. Юшково
690. Коломна
691. Городена
692. Коробчеево
693. Алпатьево
694. Луховицы
695. Горки
696. Вакино (Романово-Борисоглебское)
697. Глебово Городище (Глебов)
698. Митино (Ужеск?)
699. Семеновское
700. Дашково
701. Рязань (Переяславль Рязанский)
702. Дядьково
703. Рубцово (Ольгов)
704. Казарь
705. Новоселки (Ольгов?)
706. Вышгород
707. Михайлов
708. Жокино
709. Лубянка (Белгород)
710. Ижеславль (Изяславль)
711. Елпино
712. Гневна
713. Пронск
714. Денисовка
715. Юракино
716. Незнаново
717. Мшанка
718. Лихарево
719. Княжое
720. Столпцы
721. Большое Пироговское
722. Никитино
723. Никитино (Новый городок Ольгов)
724. Старая Рязань (Рязань)
725. Спасск-Рязанский
726. Кривцево (Воин)
727. Терехово
728. Уляхино
729. Касимов
730. Касимов (Городец Мещерский?)
731. Кадом
732. Темгенево
733. Архангел
734. Елатьма
735. Ошково
736. Муром
737. Чаадаево
738. Ознобищено
739. Царево
740. Громово
741. Могутово
742. Осовец
743. Юрьев-Польской
744. Сельцо Колокольцево
745. Семьинское
746. Городищи, Семьинское
747. Владимир (Володимерь)
748. Доброе, Сунгиревское
749. Боголюбово (Боголюбый)
750. Городище (Мстиславль)
751. Мамотино
752. Малое Давыдовское
753. Кидекша
754. Суздаль (Суждаль)
755. Якиманское
756. Васильково
757. Брутово
758. Спасское
759. Погост
760. Прокунино
761. Клязьемский Городок (Стародуб Ряпловский)
762. Пировы Городища (Ярополч)
763. Лукино
764. Гороховец
765. Санок I
766. Санок II
767. Пшемысль (Перемышль)
768. Судовая Вишня I
769. Судовая Вишня II
770. Вороблячин
771. Ярослав (Ярославль)
772. Любачув
773. Жешув (Ряшов)
774. Пшеворск (Переворек)
775. Сонсядка (Сутеска)
776. Красныстав (Щекарев)
777. Канье
778. Верещин
779. Тростянец
780. Малые Грибевичи
781. Бужск
782. Бужск (Бужеск)
783. Глинское
784. Потелич (Телич)
785. Белз
786. Сокаль
787. Заставное I
788. Заставное II
789. Старгород (Всеволож)
790. Литовеж
791. Новоселки
792. Чермно (Червень)
793. Хрубешув (Грубешов)
794. Городок Надбужный (Волынь)
795. Владимир Волынский (Володимерь)
796. Устилуг (Устилог)
797. Опалин
798. Гуща
799. Хусынье (Уханье)
800. Кумов (Комов)
801. Белавино
802. Столпье
803. Хелм (Холм)
804. Тарнув (Тернава)
805. Сайчицы
806. Угруск (Угровеск)
807. Андреево (Андреев)
808. Влодава (Володава)
809. Коден
810. Кобрин (Кобрынь)
811. Брест (Берестий)
812. Каменец
813. Покры
814. Мельник
815. Дзиенциолы
816. Дрохичин Надбужский (Дорогичин)
817. Бужиски
818. Браньск (Брынеск)
819. Бельск Подляски (Бельск)
820. Зайончки
821. Сураж
822. Любомль II
823. Любомль I
824. Головно
825. Затурцы
826. Турийск
827. Смидин
828. Мельница
829. Городок (Черпеч-городок)
830. Нобель (Небль)
831. Олеско
832. Перемиль
833. Борочицы, Борисковичи
834. Демидовка
835. Кременец
836. Стожок (Истожек)
837. Даниловка (Данилов)
838. Иваниничи
839. Мирогоща
840. Дубно (Дубен)
841. Муравица
842. Тарговица
843. Городище
844. Чаруков
845. Коршов
846. Скирче
847. Горзвин
848. Шепель (Шеполь)
849. Ярославичи
850. Острожец
851. Лице
852. Крупа
853. Луцк (Луческ)
854. Торчин
855. Жидичин
856. Боромель

857. Любче
858. Староселье
859. Старый Чарторыйск (Черторыеск)
860. Заречное
861. Бодаки
862. Борщовка
863. Лановцы
864. Большая Гнойница (Гнойница)
865. Тихомль
866. Михнов II
867. Михнов I
868. Изяслав
869. Городище (Изяславль)
870. Мощаница
871. Брыков
872. Шумское (Шумеск)
873. Онишковцы
874. Васьковцы
875. Антоновцы
876. Устенское, Дермань
877. Сураж
878. Острог
879. Стебливка, Волица
880. Листвин
881. Кураж
882. Новомыльск
883. Клевань, Колывань
884. Новоселки
885. Глинск
886. Глубочок
887. Розваж
888. Гоща
889. Бугрин
890. Дорогобуж
891. Басов Кут
892. Посников
893. Одерады
894. Пересопница
895. Белев
896. Бегень
897. Козмин
898. Степань
899. Городец
900. Дубровица
901. Высоцк
902. Столин
903. Давид-Городок
904. Великий Чернытин (Чернятин)
905. Семиренки
906. Староконстантинов (Кобуд?)
907. Губин
908. Старый Острополь
909. Любар (Болохов)
910. Привитов
911. Большие Деревичи (Деревич)
912. Колодяжное (Колодяжин)
913. Новый Мирполь (Каменец?)
914. Грицев
915. Полонное
916. Довбыш
917. Разино
918. Суемцы (Семоц)
919. Новгород - Волынский (Возвягиль)
920. Гульск (Гольско)
921. Несолонь
922. Дружба
923. Столпин
924. Сапожин (Сапогинь)
925. Корец (Корческ)
926. Залужье
927. Большая Хайча
928. Олевск
929. Городец
930. Радецкая Болярка
931. Ушица (Ушеск)
932. Коростень (Искоростень)
933. Збраньки
934. Норинск
935. Овруч (Вручий)
936. Райки
937. Старая Котельня (Котельница)
938. Житомир (Житомель)
939. Станишовка
940. Коростышев
941. Городск
942. Корчевка
943. Кочерово (Кучар)
944. Радомышль (Мическ)
945. Браженка
946. Городище
947. Малин
948. Иванков
949. Быково
950. Водотиев
951. Макаров (Здвиждень)
952. Здвижквка
953. Оранное
954. Фрунзиновка, Подол
955. Медвин
956. Яроповичи (Ярополч)
957. Быково
958. Плесецкое
959. Черногородка (Чернев?)
960. Жорновка
961. Боярка
962. Белгородка (Белгород)
963. Мотыжин (Мутижир)
964. Демидов
965. Борки
966. Китаево (Пересечеп?)
967. Вета Почтовая (Звенигород)
968. Процев
969. Васильков (Василев)
970. Заречье (Новгород Малый)
971. Старые Безрадичи (Тумащ)
972. Красное (Красн)
973. Триполье (Треполь)
974. Халепье (Халеп)
975. Витачев (Витичев)
976. Витачев (Святополч-Михайлов)
977. Сальков (Саков)
978. Старое
979. Ржищев
980. Балыко Щучинка (Чучин)
981. Уляники
982. Ходоров
983. Зарубинцы (Заруб)
984. Малый Букрин
985. Григоровка
986. Тростянец, Гришанцы
987. Носовка (Носов)
988. Гоголев (Русотина?)
989. Борисполь
990. Иванков
991. Барышовка (Баруч)
992. Пристомы
993. Переяслав Хмельницкий (Переяславль)
994. Переяслав - Хмельницкий (Устье)
995. Городище (Песочен?)
996. Леплява
997. Канев I
998. Канев II
999. Пекари (Родня)
1000. Бубновская Слобода
1001. Каленики
1002. Золотоноша
1003. Мельники
1004. Миклашевский (Малотин?)
1005. Титово
1006. Городище
1007. Переверзево, Кобзево
1008. Мешково
1009. Сапогово
1010. Шуклинка
1011. Курск
1012. Маслово
1013. Липно
1014. Сугрово I
1015. Сугрово II
1016. Городенск
1016а. Льгов (Ольгов)
1017. Банищи
1018. Моисеево
1019. Старый Город
1020. Арбузово
1021. Шатуновка
1022. Капыстичи
1023. Асмолово
1024. Рыльск I
1025. Рыльск II
1026. Лещиновка
1027. Новая Слобода
1028. Белополье (Вырь)
1029. Волынцево
1030. Путивль
1031. Малая Слободка
1032. Толстодубов
1033. Ярославец
1034. Глухов
1035. Обложки
1036. Полошки
1037. Щербы
1038. Ховзовка
1039. Волокитино, Дорошевка
1040. Воргол
1040а. Литвиновичи
1041. Красное утро, Божки
1042. Ленинское, Спасское
1043. Бунякино
1044. Горки
1045. Косовское
1046. Володарка (Володарев)
1047. Антонов
1048. Малая Сквирка
1049. Белиловка (Ростовец)
1050. Ружин
1051. Ягнятин (Неятин)
1052. Карабчеево
1053. Соколов Брод
1054. Паволоч
1055. Буки
1056. Трилесье
1057. Большая Снетинка (Мунарев)
1058. Мазепинцы
1059. Белая церковь
1060. Белая церковь (Гургев)
1061. Чепилевка
1062. Сухолесье
1063. Шарки I
1064. Шарки II (Торческий)
1065. Бушево, Прусы
1066. Саварки
1067. Богуслав (Богуславль)
1068. Тептиевка
1069. Половецкий
1070. Москаленки
1071. Пешки
1072. Николаевка
1073. Стеблев
1074. Корсунь-Шевченковский (Корсунь)
1075. Набутов
1076. Сахновка
1077. Кагарлык
1078. Росава
1079. Салов
1080. Козин
1081. Масловка
1082. Степанцы
1083. Пилява
1084. Большой Ржавец (Полствин)
1085. Бабичи
1086. Конончa (Товаров?)
1087. Хмельна
1088. Пекари
1089. Терны
1090. Васильки
1091. Русовщина
1092. Городище
1093. Недригайлов
1094. Константиново
1095. Клепачи
1096. Большой Самбор
1097. Гайворон
1098. Липовое
1099. Грицевка
1100. Красный Колядин (Глебль)
1101. Шевченково
1102. Медвежье
1103. Ромны, Монастырище
1104. Ромны (Ромен)
1105. Глинск (Глинеск)
1106. Скоробогатки (Песочен?)
1107. Сенча I (Синец)
1108. Сенча II
1109. Снетин (Кснятин)
1110. Свиридовка
1111. Прилуки.
1112. Повстень (Полкостень)
1113. Переволока
1114. Пирятин
1115. Городище
1116. Хитцы
1117. Лубны (Лубен)
1118. Александровка
1119. Мацковцы (Снепород)
1120. Бодаква I
1121. Бодаква II
1122. Горошино (Горошин)
1123. Беребеницы
1124. Лукомье
1125. Тарасовка
1126. Чутовка
1127. Матвеевка
1128. Жевнино I (Желни)
1129. Жовнино II
1130. Воинская Гребля (Воинь)
1131. Лящевка
1132. Большая Буримка (Римов?)
1133. Рождественское
1134. Гочево
1135. Куриловка
1136. Рыбица Великая
1137. Могрица
1138. Зеленый Гай
1139. Тополи
1140. Сумы

1141. Шпилевка
1142. Ворожба
1143. Каменное
1144. Азак
1145. Кнышевка
1146. Броварки
1147. Сары
1148. Хотомыжск (Хотомышль)
1149. Ницаха
1150. Петровское
1151. Ахтырка
1152. Журавное
1153. Безсалы
1154. Глинск
1155. Городное
1156. Полтава (Лтава)
1157. Кишеньки
1158. Крапивное
1159. Холок
1160. Карачевка (Донец)
1161. Хорошево
1162. Коробов Хутор
1163. Судаково
1164. Долгое
1165. Солодилово
1166. Дубинки
1167. Слободское
1168. Ужгород
1169. Мукачево
1170. Вары
1171. Земплин
1172. Фитьков
1173. Надворная
1174. Коломыя
1175. Снятин
1176. Олешков
1177. Хотимир I
1178. Хотимир II
1179. Город
1180. Куты
1181. Гнилица
1182. Ревное
1183. Магала
1184. Цецыно
1185. Горные Шеровцы
1186. Ленковцы
1187. Нагоряны
1188. Глыбока
1189. Молодия
1190. Спас
1191. Городище
1192. Кульчицы
1193. Ступница
1194. Стебник
1195. Дрогобыч
1196. Кавско
1197. Страдач
1198. Городок (Соляной городок?)
1199. Завадов
1200. Львов
1201. Жидачев (Жидичев)
1202. Звенигород
1203. Урыч, Тустань
1204. Гологоры
1205. Подгородье, Рогатин
1206. Нижний Струтин
1207. Шевченково
1208. Гробыско
1209. Крылос (Галич)
1210. Викторов
1211. Побережье
1212. Тисменица
1213. Урмань
1214. Залесье
1215. Коропец
1216. Стенка
1217. Исаков
1218. Подвербцы
1219. Лука
1220. Корнеев
1221. Кунисовцы
1222. Поточище
1223. Городница
1224. Подгорцы (Плеснеск)
1225. Новый Тараж
1226. Старый Збараж (Збыраж)
1227. Капустинцы
1228. Городище
1229. Микулинцы (Микулин)
1230. Зеленче (Теребовль)
1231. Семенов
1232. Подгородная
1233. Бильче Золотое
1234. Голограды
1235. Лисичники
1236. Василев
1237. Чемеровцы
1238. Онут
1239. Ломачицы (Кучелмин?)
1240. Грозницы
1241. Перебыковцы
1242. Баламутовка
1243. Федоровка, Тудоров
1244. Устье, Бискупье
1245. Окопы
1246. Ростовцы
1247. Кологаривка
1248. Волковцы
1249. Хотин
1250. Гринчук
1251. Остапковцы
1252. Городок
1253. Большой Карабачеев
1254. Карачковцы
1255. Каменец - Подольский
1256. Большая Слобода
1257. Бакота
1258. Горячинцы
1259. Глебовка
1260. Старая Ушица (Ушица)
1261. Пилипы Хребтиевские
1262. Хребтиев
1263. Калюс (Калиус)
1264. Дарабаны
1265. Непоротово
1266. Дерешево
1267. Попелюхи
1268. Деребчин
1269. Шаргород
1270. Вила-Ярузская
1271. Клембовка
1272. Пояны
1273. Алчедар
1274. Царевка
1275. Екимауцы
1276. Рудь
1277. Лукашевка
1278. Машкауцы
1279. Меджибож (Межибожье)
1280. Берегели (Белобережье?)
1281. Кудинка (Кудин)
1282. Сусловцы (Божский)
1283. Городище
1284. Телиженцы
1285. Сабаров
1286. Гуливцы
1287. Сажки
1288. Немиров
1289. Войтовцы
1290. Жорнище
1291. Телегиевка
1292. Червоне
1293. Ометинцы
1294. Ястрембиха
1295. Коржовка
1296. Салницы
1297. Пархомовка
1298. Юрковцы
1299. Гута Райгородская
1300. Лоевцы
1301. Джуринцы
1302. Верхняя Крошовка
1303. Ладыжин
1304. Губник
1305. Георгий
1306. Сергово
1307. Опеченский Посад
1308. Полново
1309. Кукуй
1310. Федоровка
1311. Доброе
1312. Стекольная Слобода
1313. Новая Слобода
1314. Крутицы
1315. Тимофеевка
1316. Грибовка
1317. Бехово
1318. Бурдуево
1319. Воронков
1320. Головуров
1321. Светильня
1322. Перемога, Ядловка
1323. Люберцы
1324. Веселиновка
1325. Гайшин
1326. Вининцы
1327. Ташань
1328. Семилуки I
1329. Рамонь II
1330. Рамонь I
1331. Староживотинное
1332. Чертовицкое
1333. Белогорское
1334. Михайловский кордон
1335. Лысогорское
1336. Воронеж, дом отдыха им. М. Горького
1337. Воронеж, у стадиона «Динамо»
1338. Воронеж, Акатова поляна
1339. Воронеж, южная окраина
1340. Шилово
1341. Нижний Воргол
1342. Конь-Колодезь
1343. Семилуки II
1344. Устье
1345. Орловка
1346. Костенки
1347. Борщево, Большое Борщево
1348. Борщево, Малое Борщево
1349. Архангельское
1350. Титчиха
1351. Водяное
1352. Мохнач
1353. Вороново
1354. Снетки
1355. Городцы Верхние
1356. Дробышев
1357. Любожичи
1358. Сосница, урочище Лан
1359. Суворово
1360. Свердловка
1361. Сметнов
1362. Хижки
1363. Артюшково
1364. Камень
1365. Макаровка
1366. Ратманово
1367. Басовка
1368. Шумск
1369. Беседовка
1370. Большие Будки
1371. Битица
1372. Горка
1373. Горналь I
1374. Горналь II
1375. Долгий Колодезь
1376. Новотроицкое
1377. Мирополье
1378. Картамышево
1379. Куземин
1380. Опошня
1381. Петровское
1382. Решетники
1383. Хильчицы
1384. Хотомель
1385. Зимно
1386. Червона Диброва
1387. Горбово
1388. Бабино
1389. Кулишовка
1390. Маморницы
1391. Ржавинци
1392. Брацлав
1393. Соколец
1394. Момуты
1395. Левобережное Цимлянское городище (Белая Вежа)
1396. Таманское городище (Тьмутаракань)
1397. Олешье

Список литературы

Авдусин Д. А., 1957. Возникновение Смоленска. Смоленск.
Авдусин Д. А., 1967. К вопросу о происхождении Смоленска и его первоначальной топографии.— В кн.: Смоленск. К 1100-летию первого упоминания города в летописи (материалы юбилейной конференции). Смоленск.
Авдусин Д. А., 1980 а. Полевая археология СССР. Учеб. пособие для студентов ист. спец. ун-тов. 2-е изд., перераб., доп. М.
Авдусин Д. А., 1980 б. Происхождение древнерусских городов (по археологическим данным).— ВИ, № 12.
Авдусин Д. А., Пушкина Т. А., 1982. Гнездово в исследованиях Смоленской экспедиции.— Вестн. МГУ, сер. 8, история, № 1
Ал-Бируни, 1963. Собрание сведений для познания драгоценностей. М.
Алексеев Л. В., 1966. Полоцкая земля (Очерки истории северной Белоруссии в IX—XIII вв.). М.
Алексеев Л. В., 1977. О древнем Смоленске (к проблеме происхождения, начальной истории и топографии).— СА, № 1.
Алексеев Л. В., 1980. Смоленская земля в IX—XIII вв. М.
Алферова Г. Ф., 1958. Собор Спасо-Мирожского монастыря.— Архитектурное наследство. X. М.
Анимелле Н., 1854. Быт белорусских крестьян. Этнографический сборник, издаваемый Русским географическим обществом. СПб., вып. 2.
Артамонов М. И. 1958. Саркел — Белая Вежа.— МИА, № 62.
Археологическое изучение Новгорода, 1978. М.
Археологічні дослідження стародавнього Києва, 1976. Київ.
Археология Рязанской земли, 1974. М.
Археологія Української РСР, 1975. Київ, т. 3.
Арциховский А. В., 1927. Социологическое значение эволюции земледельческих орудий.— Тр. социологической секции РАНИОН, т. 1.
Арциховский А. В., 1928. К методике изучения серпов.— Тр. секции археологии РАНИОН, т. 4.
Арциховский А. В., 1930. Курганы вятичей. М.
Арциховский А. В., 1934. Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальской и Смоленской землях.— ПИДО, № 11/12.
Арциховский А. В., 1939. Русская дружина по археологическим данным.— ИЖ, № 1.
Арциховский А. В., 1944. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М.
Арциховский А. В., 1946. Русское оружие X—XIII вв.— Докл. и сообщ. ист. фак. МГУ, вып. 4.
Арциховский А. В., 1948. Оружие.— В кн.: История культуры древней Руси. М.; Л., т. 1.
Арциховский А. В., 1954. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М.
Арциховский А. В., 1956. Археологическое изучение Новгорода.— МИА, № 55.
Арциховский А. В., 1958. Раскопки 1956 и 1957 гг. в Новгороде.— СА, № 2.
Арциховский А. В., 1963. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958—1961 гг.). М.
Арциховский А. В., 1969. Оружие.— В кн.: Очерки русской культуры XIII—XV вв. М.
Арциховский А. В., Борковский В. И., 1958 а. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.). М.
Арциховский А. В., Борковский В. И., 1958 б. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М.
Арциховский А. В., Борковский В. И., 1963. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). М.
Арциховский А. В., Тихомиров М. Н., 1953. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М.
Арциховский А. В., Янин В. Л., 1978. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962—1976 гг.). М.
Асеев Ю. С., 1950. Архітектура Кирилівського заповідника.— В кн.: Архітектурні пам'ятки. Київ.
Асеев Ю. С. 1969. Архітектура Київської Русі. Київ.
Асеев Ю. С., 1979. Про дату будівництва київської Софії.— Археологія, № 32.
Барановский П. Д., 1948. Собор Пятницкого монастыря в Чернигове.— В кн.: Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР. М.; Л.
Белецкий В. Д., 1959. Жилища Саркела — Белой Вежи.— МИА, № 75.
Беляева С. А., 1982. Южнорусские земли во второй половине XIII—XIV в. Киев.
Бломквист Е. Э., 1956. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов.— В кн.: Восточнославянский этнографический сборник. М.
Бобринский А. А., 1910. Народные русские деревянные изделия. СПб., вып. I—XII.
Бобринский А. А., 1978. Гончарство Восточной Европы. М.
Богусевич В. А., 1954. Мастерские XI в. по изготовлению стекла и смальты в Киеве. По материалам раскопок 1951 г.— КСИА АН УССР, вып. 4.
Богусевич В. А., 1961. Споруда XI ст. у дворі Київського митрополита.— Археологія, № 13.
Богусевич В. А., 1964. Археологічні розкопки в Києві на Подолі в 1960 р.— Археологія, т. IX.
Большаков О. Г., Якобсон В. А., 1983. Об определении понятия «город».— В кн.: История и культура народов Востока (древность и средневековье). Л.
Бондар М. М., 1959. Пам'ятки стародавнього минулого Канівського Придніпров'я. Київ.
Борисов Н. С., 1976. Русская архитектура и монголо-татарское иго. Вестн. МГУ, № 6.
Боровский Я. Е., 1981.— Новое в археологии Киева. Киев (автор раздела Я. Е. Боровский).
Боровський Я. Е., Толочко П. П., 1979. Київська ротонда.— В кн.: Археологія Києва. Дослідження і матеріали. Київ.
Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С., 1978. Археологические памятники Древней Руси IX—X вв. Л.
Бунин А. В., 1953. История градостроительного искусства. М., т. 1.
Быт малороссийского крестьянства, преимущественно Полтавской губернии, 1858. Этнографический сборник, издаваемый Русским географическим обществом. СПб., вып. 3.
Вагнер Г. К., 1964. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. Г. Юрьев-Польской. М.
Вагнер Г. К., 1966. Мастера древнерусской скульптуры. Рельефы Юрьева-Польского. М.
Вагнер Г. К., 1969. Скульптура Древней Руси. XII век. Владимир. Боголюбово. М.
Вагнер Г. К., 1974. Проблема жанров в древнерусском искусстве. М.,
Вагнер Г. К., 1975. Белокаменная резьба древнего Суздаля. Рождественский собор. XIII в. М.
Висоцький С. О., Лопушинська Е. І., Холостенко М. В., 1976. Архітектурно-археологічні дослідження Золотих воріт у Києві у 1972—1973 р.р.— В кн.: Археологічні дослідження стародавнього Києва. Київ.
Вихров В. Е., Колчин Б. А., 1962. Древесина в хозяйстве и быте древнего Новгорода.— Тр. Ин-та леса и древесины, т. LI.
Витрувий, 1963. Об архитектуре. Л.
Водарский Я. Е., 1974. Города и городское население России в XVII в.— В кн.: Вопросы истории хозяйства и населения России в XVII в. Очерки по иторип исторической географии XVII в. М.
Воронин Н. Н., 1925. Из истории сельского поселения феодальной Руси.— ИГАИМК, вып. 138.
Воронин Н. Н., 1935а. К истории сельского поселения феодальной Руси. Погост, слобода, село, деревня, Л.
Воронин Н. Н., 1935б. Владимиро-Суздальская земля в X—XIII вв.— ПИДО, № 5/6.
Воронин Н. Н., 1948. Развитие славяно-русской археологии в СССР.— Славяне, № 7.

Воронин Н. Н., 1954а. Древнее Гродно.— МИА, № 41.
Воронин Н. Н., 1954б. К итогам и задачам археологического изучения древнерусского города.— КСИИМК, вып. 41.
Воронин Н. Н., 1959. Из ранней истории Владимира и его округи (по данным археологических раскопок).— СА, № 4.
Воронин Н. Н., 1961. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв. М., т. 1.
Воронин Н. Н., 1962. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв. М., т. 2.
Воронин Н. Н., 1963. Сказание о победе над болгарами 1164 г. и праздник Спаса.— В кн.: Проблемы общественно-экономической истории России и славянских стран. М.
Воронин Н. Н., Раппопорт П. А., 1963. Археологическое изучение древнерусского города.— КСИА АН СССР, вып. 96.
Воронин Н. Н., Раппопорт П. А., 1979. Зодчество Смоленска XII—XIII вв. М.
Всеобщая история архитектуры. 1966. М.; Л., т. 3 (авторы глав по древнерусскому зодчеству Ю. С. Асеев, Н. Н. Воронин и П. Н. Максимов).
Выжарова Ж. Н., 1956. О происхождении болгарских пахотных орудий. М.
Высоцкий С. А., 1966. Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв. Киев, вып. 1.
Высоцкий С. А., 1976. Средневековые надписи Софии Киевской. Киев.
Высоцкий С. А., 1982. Золотые ворота в Киеве. Киев.
Габе Р. М., 1941. Карельское деревянное зодчество. М.
Гамель И., 1826. Описание Тульского оружейного завода. М.
Голубева Л. А., 1968. «Квартал металлургов» в Вышгороде.— В кн.: Славяне и Русь. М.
Голубева Л. А., 1973. Весь и славяне на Белом озере X—XIII вв. М.
Гончаров В. К., 1950. Райковецкое городище. Киев.
Гончаров В. К., 1964. Древнеруське городище Іван.— Археологія, т. XVI.
Городцов В. А., 1904. Майданы. Древности. СПб., т. 20, вып. 2.
Горский А. Д., 1965. Почвообрабатывающие орудия по данным древнерусских миниатюр XVI—XVII вв.— В кн.: Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., вып. 6.
Горюнова Е. И., 1961. Этническая история Волго-Окского междуречья в I тыс. н. э.— МИА, № 94.
Готье Ю. В., 1930. Железный век в Восточной Европе. М.; Л.
Грамоты Великого Новгорода и Пскова. 1949 / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л.
Греков Б. Д., 1934. Рабство и феодализм в Древней Руси.— ИГАИМК, вып. 86.
Греков Б. Д., 1949. Киевская Русь. М.
Греков Б. Д., 1953. Киевская Русь. М.
Гроздилов Г. П., 1962. Раскопки древнего Пскова.— Археологический сборник Гос. Эрмитажа, вып. 4. Л.
Громов Г. Г., 1954. История крестьянского жилища Владимирского края в IX—XIX вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
Гуревич Ф. Д., 1962. Древности Белорусского Понеманья. М.; Л.
Гуревич Ф. Д., 1968. Ближневосточные изделия в древнерусских городах.— В кн.: Славяне и Русь. М.
Гуревич Ф. Д., 1974. Некоторые итоги археологического исследования детинца древнего Новогрудка.— КСИА АН СССР, вып. 139.
Гуревич Ф. Д., 1976. Два этапа в истории древнерусских городов Понеманья.— КСИА АН СССР, вып. 146.
Гуревич Ф. Д., 1981. Древний Новогрудок. Л.
Гуревич Ф. Д., Джанполадян Р. М., Малевская М. В., 1968. Восточное стекло в Древней Руси. Л.
Даль В., 1955. Толковый словарь живого великорусского языка. М., т. 1.
Даркевич В. П., 1966. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X—XIV вв.).— САИ, Е1-57.
Даркевич В. П., 1975. Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X—XIII вв. М.
Даркевич В. П., 1976. Художественный металл Востока VIII—XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья. М.
Дмитриев В. С., 1974. Севообороты и система земледелия. М.
Довженок В. Й., 1950а. Військова справа в Київській Русі. Київ.
Довженок В. Й., 1950б. Огляд археологічного вивчення древнього Вишгорода за 1934—1937 рр.— АП, т. III.
Довженок В. Й., 1952а. Розкопки древнього Вишгорода.— АП, т. III.
Довженок В. Й., 1952б. Феодальний маєток в епоху Київської Русі в світлі археологічних даних.— Археологія, т. VIII.
Довженок В. Й., 1961а. Землеробство древньої Русі до середини XIII ст. Київ.
Довженок В. Й., 1961б. Давньоруськи городища-замки.— Археологія, т. XIII.
Довженок В. Й., 1964. Літописний Чучин.— Археологія, т. XVI.
Довженок В. Й., 1967. Древнерусские городища на Среднем Днепре.— СА, № 4.
Довженок В. Й., 1968. Сторожевые города на юге Киевской Руси.— В кн.: Славяне и Русь. М.
Довженок В. Й., 1972. О некоторых особенностях феодализма в Киевской Руси.— В кн.: Исследования по истории славянских и балканских народов. Эпоха средневековья. Киевская Русь и ее славянские соседи. М.
Довженок В. Й., 1975. Про типи городищ Київськоі Русі.— Археологія, т. XXVI.
Довженок В. Й., Гончаров В. К., Юра Р. О., 1966. Давньоруське місто Воінь. Київ.
Дорошенко В. В., 1959. Сельское хозяйство феодальной Лифляндии (Видземе) в XIII—XIV вв.— В кн.: Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства. М., вып. 3.
Дрбоглав Д. А., Кирпичников А. Н., 1980. Европейский средневековый меч, найденный в Западной Сибири.— Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1980. Л.
Дрбоглав Д. А., 1984. Загадки латинских клейм на мечах XI—XIV веков. М.
Древнерусские княжества X—XIII вв., 1975. М.
Древности железного века в междуречье Десны и Днепра, 1962.— САИ, Д1—12.
Древности Московского Кремля, 1971. М.
Еремина И. П., Лихачев Д. С., 1957. Художественная проза X—XIII вв. М.
Ерофеева Е., 1965. Археологические памятники Ивановской области (материалы к археологической карте). Ярославль.
Желиговский В. А., 1936. Эволюция топора и находки на Метрострое.— В кн.: По трассе первой очереди Московского метрополитена. Л.
Житие святого Стефана епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым. СПб., 1897.
Забелин И. Е., 1905. История города Москвы. М., ч. 1.
Загорульский Э. М., 1963. Древний Минск. Минск.
Загорульский Э. М., 1965. Археология Белоруссии. Минск.
Зарубин Н. Н., 1932. Слово Даниила Заточника / Под ред. Н. Н. Зарубина. Л.
Засурцев П. И., 1959. Постройки древнего Новгорода.— МИА, № 65.
Засурцев П. И., 1963. Усадьбы и постройки древнего Новгорода.— МИА, № 123.
Засурцев П. И., 1967. Новгород, открытый археологами. М.
Зверуго Я. Г., 1975. Древний Волковыск (X—XIV вв.). Минск.
Зеленин Дм., 1907. Русская соха, ее история и виды. Вятка.
Изюмова С. А., 1959. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого.— МИА, № 65.
Иоаннисян О. М., 1981. О раннем этапе развития галицкого зодчества.— КСИА АН СССР, вып. 164.
Иоаннисян О. М., 1982. Центрические постройки в галицком зодчестве XII в.— КСИА АН СССР, вып. 172.
Искусство Византии в собраниях СССР, 1977. Каталог выставки. М., вып. 1—3.
История культуры Древней Руси, 1948. М.; Л., т. I—II.
История русского искусства, 1978. М., т. 1. (авторы глав по древнерусскому зодчеству Н. Н. Воронин и П. А. Раппопорт).
История СССР с древнейших времен до наших дней. В 12-ти т., 1967. М., т. 1.
Калайдович К., 1823. Письма К. Калайдовича об археологических исследованиях в Рязанской губернии. М.
Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А., 1975. Анализ археологических источников. М.
Каргер М. К., 1954. Раскопки в Переяславле-Хмельницком в 1952—1953 гг.— СА, XX.
Каргер М. К., 1958. Древний Киев. М.; Л., т. 1.
Каргер М. К., 1961. Древний Киев. М.; Л., т. 2.

Каргер М. К., 1964. Зодчество древнего Смоленска (XII—XIII вв.). Л.
Каргер М. К., 1965. Древнерусский город Изяславль в свете археологических исследований 1957—1964 гг.— В кн.: Тезисы докладов советской делегации на I Международном конгрессе славянской археологии в Варшаве. М.
Каргер М. К., 1980. Новгород. Л.
Карлов В. В., 1976. О факторах экономического и политического развития русского города в эпоху Средневековья (к постановке вопроса).— В кн.: Русский город (историко-методологический сборник). М.
Карлов В. В., 1980. К вопросу о понятии раннефеодального города и его типов в отечественной историографии.— В кн.: Русский город (проблемы градообразования). М., вып. 3.
Каробушкина Т. Н., Митрофанов А. Г., 1975. Археалагічны помнік расказвае.— Помнікі гісторыі культуры Беларусі, № 4.
Каров Д. М., 1960. О развитии примитивных орудий.— В кн.: Проблемы истории первобытного общества. М.
Кирпичников А. Н., 1965. Так называемая сабля Карла Великого.— СА, № 2.
Кирпичников А. Н., 1966а. Древнерусское оружие. Вып. 1. Мечи и сабли IX—XIII вв.— САИ, Е1-36.
Кирпичников А. Н., 1966б. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX—XIII вв.— САИ, Е1-36.
Кирпичников А. Н., 1966в. Надписи и знаки на клинках восточно-европейских мечей IX—XIII вв.— В кн.: Скандинавский сборник. Таллин, XI.
Кирпичников А. Н., 1971. Древнерусское оружие. Вып. 3. Доспех, комплекс боевых средств IX—XIII вв.— САИ, Е1-36.
Кирпичников А. Н., 1973а. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв.— САИ, Е1-36.
Кирпичников А. Н., 1973б. О времени появления шпор со звездочкой на территории Древней Руси.— Kwartalnik historii kultury materialnej, XXI, № 2.
Кирпичников А. Н., 1976. Военное дело на Руси в XIII—XV вв. Л.
Кирпичников А. Н., 1977. Вооружение воинов Киевской державы в свете русско-скандинавских контактов.— В кн.: Скандинавский сборник. Таллин, XXII.
Кирпичников А. Н., Лебедев Г. С., Дубов И. В., Назаренко В. А., 1980. Русско-скандинавские связи эпохи образования Киевского государства на современном этапе археологического изучения.— КСИА АН СССР, вып. 160.
Кирпичников А. Н., Черненко Е. В., 1968. Конское боевое наголовье первой половины XIII в. из южной Киевщины.— В кн.: Славяне и Русь. М.
Кирьянов А. В., 1952. К вопросу о земледелии в Новгородской земле в XI—XII вв.— КСИИМК, 47.
Кирьянов А. В., 1955. К вопросу о земледелии волжских болгар.— КСИИМК, 57.
Кирьянов А. В., 1959. История земледелия Новгородской земли X—XV вв.— МИА, № 65.
Кирьянова Н. А., 1979. О составе земледельческих культур древней Руси X—XV вв. (по археологическим данным).— СА, № 4.
Киселев С. В., 1928. Поселение.— Тр. секции теории и методологии РАНИОН, т. 2.
Клейн Л. С., Лебедев Г. С., Назаренко В. А., 1970. Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения.— В кн.: Исторические связи Скандинавии и России IX—XX вв. Л.
Колчин Б. А., 1953. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период).— МИА, № 32.
Колчин Б. А., 1956. Топография, стратиграфия и хронология Неревского конца.— МИА, № 55.
Колчин Б. А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого.— МИА, № 65.
Колчин Б. А., 1963. Дендрохронология Новгорода.— МИА, № 117.
Колчин Б. А., 1968. Новгородские древности. Деревянные изделия.— САИ, Е1-55.
Колчин Б. А., 1971. Новгородские древности. Резное дерево.— САИ, Е1-55.
Колчин Б. А., 1975. Становление ремесла древнего Новгорода.— В кн.: Тезисы докладов советской делегации на III Международном конгрессе славянской археологии в Братиславе. М.
Колчин Б. А., 1978. Оружейное дело Древней Руси (техника производства).— В кн.: Проблемы советской археологии. М.
Колчин Б. А., 1982. Хронология новгородских древностей.— В кн.: Новгородский сборник. М.
Колчин Б. А., Рыбина Е. А., 1982. Раскоп на улице Кирова.— В кн.: Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.
Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л., 1981. Усадьба новгородского художника XII в. М.
Колчин Б. А., Черных Н. Б., 1977. Дендрохронология Восточной Европы. М.
Колчин Б. А., Черных Н. Б., 1978. Ильинский раскоп (стратиграфия и хронология).— В кн.: Археологическое изучение Новгорода. М.
Комеч А. И., 1975. Спасо-Преображенский собор в Чернигове.— В кн.: Древнерусское искусство. Зарубежные связи. М.
Кондаков Н. П., 1896. Русские клады. СПб., 1896.
Корзухина Г. Ф., 1950. Из истории древнерусского оружия XI в.— СА, т. XIII.
Корзухина Г. Ф., 1954. Русские клады IX—XIII вв. М.; Л.
Корзухина Г. Ф., 1956. Новые данные о раскопках В. В. Хвойки на усадьбе Петровского в Киеве.—СА, т. XXV.
Корзухина Г. Ф., 1957. К реконструкции Десятинной церкви.— СА, № 2.
Корзухина Г. Ф., 1966. Ладожский топорик.— В кн.: Культура и искусство Древней Руси. М.
Королюк В. Д., 1964. Западные славяне и Киевская Русь в X—XI вв. М.
Корсаков Д., 1872. Меря и Ростовское княжество. Казань.
Косточкин В. В., 1962. Русское оборонное зодчество. М.
Котляр Н. Ф., 1973. Еще раз о «безмонетном» периоде денежного обращения Древней Руси.— Вспомогательные исторические дисциплины. Сб. 5, Л.
Кочин Г. Е., 1965. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. М.; Л.
Краснов Ю. А., 1975. Древнейшие упряжные пахотные орудия. М.
Краснов Ю. А., 1976. Об одном типе пахотных орудий Древней Руси.— КСИА, вып. 146.
Краснов Ю. А., 1978. Опыт построения классификации наконечников пахотных орудий (по археологическим материалам Восточной Европы).— СА, № 4.
Краснов Ю. А., 1979. Средневековые плуги Восточной Европы.— СА, № 4.
Краснов Ю. А., 1982. Древние и средневековые рала Восточной Европы.— СА, № 3.
Кресальный Н. И., 1960. Софийский заповедник в Киеве. Киев.
Кропоткин В. В., 1962. Клады византийских монет на территории СССР.— САИ, Е4-4.
Кропоткин В. В., 1978. О топографии кладов куфических монет в Восточной Европе.— В кн.: Древняя Русь и славяне. М.
Куза А. В., 1966. Раскопки курганов на Новгородчине.— АО, — 1965 г.
Куза А. В., 1967. Место и значение рыболовства в истории хозяйства восточных славян.— В кн.: Этническая история и современное национальное развитие народов мира. М.
Куза А. В., 1970а. Рост общественного разделения труда в Древней Руси.— В кн.: Ленинские идеи в изучении первобытного общества, рабовладения и феодализма. М.
Куза А. В., 1970б. Рыболовство у восточных славян во второй половине I тысячелетия н. э.— МИА, № 176.
Куза А. В., 1975. Русские раннесредневековые города.— В кн.: Тезисы докладов советской делегации на III Международном конгрессе славянской археологии в Братиславе. М.
Куза А. В., 1978. Археологическое изучение древнерусских городов в 1962—1976 гг.— КСИА АН СССР, вып. 155.
Кулишер И. М., 1922. Очерк истории русской промышленности. Пг.
Кулишер И. М., 1925. История русского народного хозяйства. М., т. 1.
Кухаренко Ю. В., 1961. Средневековые памятники Полесья.— САИ, Е1-57.
Кучера М. П., 1962. Древний Плісненськ.— АП, т. XII.
Кучера М. П., 1969. Про один конструктивный тип давньо-

руських укреплень в Средньому Подніпров'ї.— Археологія, т. XXII.
Кучера М. П., 1976. Давньоруські городища на Правобережжи Київщини.— В кн.: Дослідження з слав'янoруської археології. Київ.
Кучинко М. М., 1972. Материальная культура населения междуречья Западного Буга и Вепра в IX—XIII вв.— В кн.: Исследования по истории славянских и балканских народов. М.
Лабутина И. К., 1981. Итоги изучения культурного слоя Пскова.— КСИА АН СССР, вып. 164.
Латышева Г. П., Рабинович М. Г., 1973. Москва и Московский край в прошлом. М.
Лебедев В. Д., 1960. Четвертичная ихтиофауна европейской части СССР. М.
Лебедев Г. С., 1973. Городец под Лугой.— КСИА АН СССР, вып. 135.
Лебедев Г. С., 1977. Археологические памятники Ленинградской области. Л.
Лебедева Н. И., 1929. Жилище и хозяйственные постройки БССР. М.
Лебедева Н. И., 1956. Прядение и ткачество восточных славян.— Тр. Ин-та этнографии, вып. XXXI.
Левашова В. П., 1956. Сельское хозяйство.— В кн.: Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.— Тр. ГИМ, вып. 32.
Лелеков Л. А., 1978. Искусство Древней Руси и Восток. М.
Лещенко В. Ю., 1971. Восточные клады на Урале в VII—XIII вв. (по находкам художественной утвари). Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Л.
Лихачев Н. П., 1928. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып. I, Л.
Лихачев Н. П., 1930. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып. II, Л.
Логвин Г. Н., 1980. Архитектура храма на Клове.— В кн.: Исследование и охрана архитектурного наследия Украины. Киев.
Лысенко П. Ф., 1974. Города Туровской земли. Минск.
Лявданский А. Н., 1926. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии.— Научн. изв. Смоленского ун-та, т. IV, вып. 3.
Ляпушкин И. И., 1957. О жилищах восточных славян Днепровского Левобережья VIII—X вв.— КСИИМК, вып. 68.
Ляпушкин И. И., 1958. Городище Новотроицкое.— МИА, № 74.
Ляпушкин И. И., 1961. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа.— МИА, № 104.
Ляпушкин И. И., 1968. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства.— МИА, № 152.
Ляўданскі А. Н., 1926. Беларускія гарадзішчы.— В кн.: Працы першага з'езда даследчынкаў беларускай археологіі і археографии. Мінск.
Лященко П. И., 1927. История русского народного хозяйства. М.; Л.
Мавродин В. В., Фроянов И. Я., 1970. Ф. Энгельс об основных этапах разложения родового строя и вопрос о возникновении городов на Руси.— Вестн. ЛГУ, сер. История, язык и литература, № 20.
Макаренко М., 1925. Городище Монастырище.— В кн.: Науковий збірник за рік 1924. Київ, т. XIX.
Макарова Т. И., 1967. Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства древней Руси.— САИ, Е1-38.
Макарова Т. И., 1975. Перегородчатые эмали Древней Руси. М.
Маковецкий И. В., 1962. Архитектура русского народного жилища. М.
Максимов П. Н., 1976. Творческие методы древнерусских зодчих. М.
Малевская М. В., 1963. Раскопки на Малом Торопецком городище (1960).— КСИА АН СССР, вып. 96.
Малевская М. В., 1967. Раскопки на Малом Торопецком городище в 1961 г.— КСИА АН СССР, вып. 110.
Малевская М. В., Раппопорт П. А., 1978. Декоративные керамические плитки древнего Галича.— Slovenska archeologia, Bratislava, XXVI—I.
Малевская М. В., Раппопорт П. А., 1979. Церковь Михаила в Переяславле.— Зограф, Београд, № 10.
Малевская М. В., Раппопорт П. А., Тимощук Б. А., 1970. Раскопки на Ленковецком поселении в 1967 г.— СА, № 4.
Мальм В. А., 1956. Промыслы древнерусской деревни.— В кн.: Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. М.
Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3.
Медведев А. Ф. 1956. Водоотводные сооружения и их значение в благоустройстве Новгорода Великого. —МИА, № 55.
Медведев А. Ф., 1959а. Оружие Великого Новгорода.— МИА, № 65.
Медведев А. Ф., 1959б. К истории пластинчатого доспеха на Руси.— СА, № 2.
Медведев А. Ф., 1960. Древнерусские писала X—XV вв.— СА, № 2.
Медведев А. Ф., 1963. О новгородских гривнах серебра.— СА, № 2.
Медведев А. Ф., 1966. Ручное метательное оружие (лук, и стрелы, самострел) VIII—XIV вв.— САИ, Е1-36.
Медведев А. Ф., 1967. Из истории Старой Руссы.— СА, № 3.
Медведев А. Ф., 1968. Новые материалы к истории Городца на Волге.— КСИА АН СССР, вып. 113.
Медынцева А. А., 1978. Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора. М.
Мезенцева Г. Г., 1968. Древньоруське місто Родень. Київ.
Мельникова Е. А., 1977. Скандинавские рунические надписи. Текст, перевод, комментарий.— В кн.: Древнейшие источники по истории народов СССР. М.
Мельникова Е. А., Петрухин В. Я., Пушкина Т. А., 1984. Древнерусские влияния в культуре Скандинавии раннего средневековья.— История СССР, № 3.
Мец Н. Д., 1974. Монеты Великого княжества Московского (1425—1462 гг.).— В кн.: Нумизматический сборник. М., ч. 3.
Мильчик М. И., 1979. Церковь Георгия в Старой Ладоге.— СА, № 2.
Миролюбов М. А., 1972. Пахотные орудия Старой Ладоги.— В кн.: Археологический сборник Гос. Эрмитажа, вып. 14.
Михайлов С. П., 1982. Исследование собора Иоанна Предтечи в Пскове.— КСИА АН СССР, вып. 172.
Могытыч И. Р., 1982. Результаты исследования церкви Пантелеймона близ Галича.— КСИА АН СССР, вып. 172.
Монгайт А. Л., 1955. Старая Рязань.— МИА, № 49.
Монгайт А. Л., 1961. Рязанская земля. М.
Мугуревич Э. М., 1965. Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига.
Насонов А. Н., 1951. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М.
Нахлик А., 1963. Ткани Новгорода.— МИА, № 123.
Никитин А. В., 1971. Русское кузнечное ремесло XVI—XVII вв.— САИ, VI-34.
Николаева Т. В., 1968. Древнерусская мелкая пластика XI—XVI вв. М.
Николаева Т. В., 1971. Произведения русского прикладного искусства с надписями XV — первой четверти XVI в.— САИ, Е1-49.
Николаева Т. В., 1976. Прикладное искусство Московской Руси. М.
Николаева Т. В., 1978. Древний Звенигород: Архитектура. Искусство. М.
Никольская Т. Н., 1959. Культура племен бассейна верхней Оки.— МИА, № 72.
Никольская Т. Н., 1981. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX—XIII вв. М.
Никоновская летопись, 1897. Полное собрание русских летописей. СПб., т. XI.
Новгородская первая летопись младшего и старшего изводов (НПЛ), 1950. М.; Л.
Новое в археологии Киева, 1981. Киев.
Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., 1967. Внешняя торговля Древней Руси (до середины XIII в.).— История СССР, № 3.
Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., 1972. Пути развития феодализма. М.
Носов Е. Н., 1977. Некоторые вопросы домостроительства Старой Ладоги.— КСИА АН СССР, вып. 150.
Орешников А. В., 1896. Русские монеты до 1547 г. М.
Орлов С. Н., 1954. Остатки сельскохозяйственного инвентаря VIII—X вв. из Старой Ладоги.— СА, XXI.
Орлов С. Н., 1960. Старая Ладога. М.
Очерки истории СССР (III—IX вв.), 1958. М.
Очерки по археологии Белоруссии, 1972, Минск, ч. 2.
Очерки по истории русской деревни X—XIII вв., 1956.— Тр. ГИМ, вып. 32.
Очерки по истории русской деревни X—XIII вв., 1959.— Тр. ГИМ, вып. 33.

Очерки по истории русской деревни X—XIII вв., 1967.— Тр. ГИМ, вып. 43.
Павлова К. В., Раппопорт П. А., 1973. Осовик.— СА, № 1.
Пассек В., 1839. Курганы и городища Харьковского, Валковского и Полтавского уездов.— В кн.: Русский исторический сборник, т. 3, кн. 2.
Пастернак Я., 1944. Старий Галич. Львів.
Пашуто В. Т., 1950. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М.
Пашуто В. Т., 1966. О некоторых путях изучения древнерусского города.— В кн.: Города феодальной России. М.
Пашуто В. Т., 1968. Внешняя политика Древней Руси. М.
Пашуто В. Т., 1972. Место Древней Руси в истории Европы.— В кн.: Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М.
Пескова А. А., 1981. Древний Изяславль.— КСИА АН СССР, № 164.
Пескова А. А., Раппопорт П. А., Штендер Г. М., 1982. К вопросу о сложении новгородской архитектурной школы.— СА, № 3.
Плетнева С. А., 1967. От кочевий к городам. М.
Плетнева С. А., 1973. Древности черных клобуков. М.
Поболь Л. Д., 1967. Деревянное рало из торфяника у с. Капалановичи.— Acta Baltico-Slavica, Białystok, V.
Повесть временных лет (ПВЛ), 1950. М.; Л., ч. 1.
Погодин М. П., 1846. Исследования, замечания и лекции. М., т. 2.
Погодин М. П., 1848. Разыскания о городах и пределах древних русских княжеств с 1054 по 1240 г. СПб.
Подъяпольский С. С., 1979. Церковь архангела Михаила.— В кн.: *Воронин Н. Н., Раппопорт П. А.* Зодчество Смоленска XII—XIII вв. Л.
Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), 1841, 1851, 1899. СПб., т. I, II, VII.
Потин В. М., 1968. Древняя Русь и европейские государства в X—XIII вв. Л.
Почвенно-географическое районирование СССР, 1962. М.
Пуцко В. Г., 1982. Киевская скульптура XI в.— Byzantinoslavica, t. XLIII, fasc. 1.
Рабинович М. Г., 1947. Из истории русского оружия IX—XV вв.— Тр. Ин-та этнографии, Новая сер. т. 1.
Рабинович М. Г., 1949. Военная организация городских концов в Новгороде Великом XII—XV вв.— КСИИМК, XXX.
Рабинович М. Г., 1959. Крепость и город Тушков.—СА, № 29—30.
Рабинович М. Г., 1960. О социальном составе новгородского войска X—XV вв.— Научные доклады высшей школы. Исторические науки, № 3.
Рабинович М. Г., 1964. О древней Москве. М.
Рабинович М. Г., 1968а. Из истории городских поселений восточных славян.— В кн.: История, культура, фольклор и этнография славянских народов. VI Международный съезд славистов. Прага; М.
Рабинович М. Г., 1968б. О начальном периоде истории Москвы.— СА, № 3.
Рабинович М. Г., 1969. Древний ландшафт и жилище.— СЭ, № 2.
Рабинович М. Г., 1971. Культурный слой центральных районов Москвы.— МИА, № 167.
Рабинович М. Г., 1978. Очерки этнографии русского феодального города: Горожане, их общественный и домашний быт. М.
Равдоникас В. И., 1934а. О возникновении феодализма в лесной полосе Восточной Европы по археологическим данным.— ИГАИМК, вып. 103.
Равдоникас В. И., 1934б. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и Юго-Восточном Приладожье.— ИГАИМК, вып. 94.
Равдоникас В. И., 1949. Старая Ладога, ч. I.— СА, XI.
Равдоникас В. И., 1950. Старая Ладога, ч. II.— СА, XII.
Раппопорт П. А., 1952. Волынские башни.— МИА, № 31.
Раппопорт П. А., 1956. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв.— МИА, № 52.
Раппопорт П. А., 1961. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв.— МИА, № 105.
Раппопорт П. А., 1966. Из истории Южной Руси XI—XII вв.— История СССР, № 5.
Раппопорт П. А., 1967а. Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв.— МИА, № 140.
Раппопорт П. А., 1967б. О типологии древнерусских поселений.— КСИА АН СССР, вып. 110.
Раппопорт П. А., 1970а. Древнерусская архитектура. М.
Раппопорт П. А., 1970б. О взаимосвязи русских архитектурных школ в XII веке.— Тр. Ин-та живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина, Сер. Архитектура. Л., вып. 3.
Раппопорт П. А., 1971. Данилов.— КСИА АН СССР, вып. 125.
Раппопорт П. А., 1972. Церковь Василия в Овруче.— СА, № 1.
Раппопорт П. А., 1974. Ориентация древнерусских церквей.— КСИА АН СССР, вып. 139.
Раппопорт П. А., 1975. Древнерусское жилище.— САИ, Е1-32.
Раппопорт П. А., 1976. Метод датирования памятников древнего смоленского зодчества по формату кирпича.— СА, № 2.
Раппопорт П. А., 1977а. Знаки на плинфе.— КСИА АН СССР, вып. 150.
Раппопорт П. А., 1977б. «Мстиславов храм» во Владимире-Волынском.— Зограф, Београд, № 7.
Раппопорт П. А., 1977в. Русская архитектура на рубеже XII и XIII вв.— В кн.: Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуции. М.
Раппопорт П. А., 1980. Полоцкое зодчество XII в.— СА, № 3.
Раппопорт П. А., 1982а. Русская архитектура X—XIII вв. Каталог памятников. Л.
Раппопорт П. А., 1982б. Археологические исследования памятников древнего новгородского зодчества.— В кн.: Новгородский исторический сборник. Л., № 1 (11).
Раппопорт П. А., Воронин Н. Н., 1979. Древний Смоленск.— СА, № 1.
Раппопорт П. А., Штендер Г. М., 1980. Спасская церковь Евфросиньева монастыря в Полоцке.— В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1979 г. Л.
Расиньш А. П., 1959. Сорняки зернового археологического материала как показатель систем земледелия в Латвии до XIII в. н. э.— В кн.: Доклады научной конференции по защите растений. Вильнюс.
Ратич О. О., 1957. Древнеруські археологічні пам'ятки на території західних областей УРСР. Київ.
Ратич О. О., 1973. Літописний Звенигород.— Археологія, № 12.
Ремпель Л. И., 1969. Искусство Руси и Восток как историко-культурная и художественная проблема. Ташкент.
Репников Н. И., 1948. Раскопки в городище Старой Ладоги.— В кн.: Старая Ладога. Л.
Рикман Э. А., 1952. Изображение бытовых предметов на рельефах Дмитриевского собора во Владимире.— КСИА, АН СССР, вып. XLVII.
Рожков Н. А., 1919. Русская история в сравнительно-историческом освещении. Пг., т. 1.
Розенфельдт Р. Л., Юшко А. А., 1973. Список археологических памятников Московской области. М.
Русанова И. П., 1966. Курганы полян X—XII вв.— САИ, Е1-24.
Рыбаков Б. А., 1939. Анты и Киевская Русь.— Вестн. древней истории, № 1 (6).
Рыбаков Б. А., 1940. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв.— СА, № 6.
Рыбаков Б. А., 1947. Поляне и северяне.— СЭ, VI—VII.
Рыбаков Б. А., 1948а. Ремесло Древней Руси. М.
Рыбаков Б. А., 1948б. Военное дело.— В кн.: История культуры Древней Руси. М.; Л., т. 1.
Рыбаков Б. А., 1949. Древности Чернигова.— МИА, № 11.
Рыбаков Б. А., 1950. Древнерусский город по археологическим данным.— Изв. АН СССР. Сер. история и философия, т. VII, № 3.
Рыбаков Б. А., 1951а. Вщиж — удельный город XII в.— КСИИМК, вып. 38.
Рыбаков Б. А., 1951б. Торговля и торговые пути.— В кн.: История культуры Древней Руси. М.; Л., т. II.
Рыбаков Б. А., 1951в. К вопросу об образовании древнерусской народности.— В кн.: Тезисы докладов и выступлений сотрудников ИИМК, подготовленных к совещанию по методологии этногенетических исследований. М.
Рыбаков Б. А., 1952. Проблема образования древнерусской народности.— ВИ, № 9.
Рыбаков Б. А., 1953. Древние русы.— СА, т. XVII.
Рыбаков Б. А., 1955. Начало русского государства.— Вестн. МГУ, № 4/5.
Рыбаков Б. А., 1957. Место славяно-русской археологии в советской исторической науке.— СА, № 4.

Рыбаков Б. А., 1960. Раскопки в Любече в 1957 г.— КСИИМК, вып. 79.
Рыбаков Б. А., 1962. Обзор общих явлений русской истории IX — середины XIII в.— ВИ, № 4.
Рыбаков Б. А., 1963а. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М.
Рыбаков Б. А., 1963б. Русская эпиграфика X—XIV вв.— В кн.: История, фольклор, искусство славянских народов. М.
Рыбаков Б. А., 1964а. Первые века русской истории. М.
Рыбаков Б. А., 1964б. Любеч — феодальный двор Мономаха и Ольговичей.— КСИА АН СССР, вып. 99.
Рыбаков Б. А., 1964в. Русские датированные надписи XI—XIV вв.— САИ, Е1-44.
Рыбаков Б. А., 1965а. Владимировы крепости на Стугне.— КСИА, АН СССР, вып. 100.
Рыбаков Б. А., 1965б. Любеч и Витичев — ворота «внутренней Руси».— В кн.: Тезисы докладов советской делегации на I Международном конгрессе славянской археологии в Варшаве. М.
Рыбаков Б. А., 1970а. О двух культурах русского феодализма.— В кн.: Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М.
Рыбаков Б. А., 1970б. Раскопки в Белгороде Киевском.— АО 1969 г.
Рыбаков Б. А., 1970в. Военное искусство.— В кн.: Очерки русской культуры XIII—XV вв. М., ч. 1.
Рыбаков Б. А., 1971. Русское прикладное искусство X—XIII вв. Л.
Рыбаков Б. А., 1972. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М.
Рыбаков Б. А., 1979. Смерды.— История СССР, № 1, 2.
Рыбаков Б. А., 1981а. Новая концепция предыстории Киевской Руси (тезисы).— История СССР, № 1, 2.
Рыбаков Б. А., 1981б. Язычество древних славян. М.
Рыбаков Б. А., 1982. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М.
Рыбакоў Б. А., 1932. Радзімичи.— Працы, Мінск, т. III.
Рыбина Е. А., 1978. Археологические очерки истории новгородской торговли X—XIV вв. М.
Рындина Н. В., 1963. Технология производства новгородских ювелиров X—XV вв.— МИА, № 117.
Рябцевич В. Н., 1966. Куфические дирхемы на территории Белоруссии.— В кн.: Древности Белоруссии. Минск.
Самойлович В. П., 1961. Народна творчість в архітектурі сільського житла. Київ.
Самоквасов Д. Я., 1873. Древние города России. СПб.
Самоквасов Д. Я., 1878. Историческое значение городищ.— Тр. III АС, Киев, т. 1.
Сахаров А. М., 1959. Города Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М.
Седов В. В., 1960. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII—XV вв.).— МИА, № 92.
Седов В. В., 1970. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья.— МИА, № 163.
Седов В. В., 1975. Смоленская земля.— В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М.
Седов В. В., 1978. Городища Смоленской земли.— В кн.: Древняя Русь и славяне. М.
Седов В. В., 1982. Восточные славяне VI—XIII вв.— В кн.: Археология СССР. М.
Седова М. В., 1959. Ювелирные изделия древнего Новгорода.— МИА, № 65.
Седова М. В., 1978. Ярополч Залесский. М.
Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М.
Селиванов А. В., 1888а. Отчет о раскопках в Старой Рязани.— Тр. РУАК, Рязань, т. III.
Селиванов А. В., 1888б. Дневник раскопок в Старой Рязани.— Тр. РУАК, т. V.
Серебрянский Н., 1915. Древнерусские княжеские жития. М.
Смирнов Г. Д., 1964. К вопросу о пашенном земледелии в Молдавии в связи с находкой клада сельскохозяйственных орудий XIV в.— В кн.: Тезисы докладов и сообщений VII (кишиневской) сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Кишинев.
Соловьева Г. Ф., 1956. Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII—XIV вв.— СА, XXV.
Сотникова М. П., 1957. Из истории обращения русских серебряных платежных слитков в XIV—XV вв. (дело Федора Жеребца, 1447 г.).— СА, № 3.
Сотникова М. П., 1961. Эпиграфика серебряных платежных слитков Великого Новгорода XII—XV вв.— Тр. Гос. Эрмитажа, т. 4.
Спасский И. Г., 1951. Анализ технических данных в нумизматике.— КСИИМК, вып. XXXIX.
Спасский И. Г., 1970. Русская монетная система. Л.
Спегальский Ю. П., 1972. Жилища северо-западной Руси IX—XIII вв. Л.
Спицын А. А., 1896. Курганы Санктпетербургской губернии в раскопках Ивановского. СПб.
Спицын А. А., 1899. Расселение древнерусских племен по археологическим данным.— ЖМНП, VIII.
Спицын А. А., 1906. Майданы.— ЗОРСА, т. VIII, вып. 1.
Спицын А. А., 1922. Археология в темах начальной русской истории.— В кн.: Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг.
Срезневский И., 1846. Святилища и обряды языческого богослужения древних славян. Харьков.
Срезневский И., 1850. О городищах в землях славянских.— ЗООИД, т. 2, отд. 2.
Срезневский И. И., 1893, 1895, 1903. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., т. I; т. II; т. III.
Станкевич Я. В. 1960. К истории поселения верхнего Подвинья в I и начале II тыс. н. э.— МИА, № 76.
Старостин П. Н., 1967. Памятники именьковской культуры.— САИ, Д1-32.
Степанов П. Д., 1950. К вопросу о земледелии у древней мордвы.— № 3.
Строков А. А., 1955. История военного искусства. М., т. I.
Сычевская Е. К., 1965. Рыбы древнего Новгорода.— СА, № 1.
Тараканова С. А., 1950. О происхождении и времени возникновения Пскова.— КСИИМК, вып. 35.
Тараканова С. А., 1951. К вопросу о происхождении города в Псковской земле.— КСИИМК, вып. 41.
Тараканова С. А., 1956. Псковское городище.— КСИИМК, вып. 62.
Тарасенко В. Р., 1957. Древний Минск.— В кн.: Материалы по археологии БССР. Минск, т. 1.
Тимощук Б. А., 1955. Древнерусские поселения северной Буковины.— КСИИМК, вып. 57.
Тимощук Б. О., 1975. Слов'янскі гради Північної Буковини. Ужгород.
Тимощук Б. О., 1976. Слов'яни північної Буковини V—IX ст. Київ.
Тимощук Б. А., Русанова И. П., 1981. Древнерусское Поднестровье. Историко-краеведческие очерки. Ужгород.
Тихомиров Д., 1844. Исторические сведения об археологических исследованиях в Старой Рязани. М.
Тихомиров М. Н., 1946. Древнерусские города.— Учен. зап. МГУ, вып. 99.
Тихомиров М. Н., 1947. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля».— СЭ, VI/VII.
Тихомиров М. Н., 1956. Древнерусские города. М.
Тихомиров М. Н., 1957. Средневековая Москва в XIV—XV вв. М.
Ткачоу М. А., 1978. Абаронныя збудаванні заходніх зямель Беларусі XIII—XVI ст. Мінск.
Толочко П. П., 1970. Історична топографія стародавнього Києва. Київ.
Толочко П. П. 1976. Древний Киев. Киев.
Толочко П. П., 1980. Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII—XIII вв. Киев.
Толочко П. П., 1981. Массовая застройка Киева X—XIII вв.— В кн.: Древнерусские города. М.
Толочко П. П., Килиевич С. Р., Дяденко В. Д., 1968. Из работ Киевской археологической экспедиции.— В кн.: Археологические исследования на Украине в 1967 г. Киев, вып. 2.
Толстой И. И., 1882. Древнейшие русские монеты Великого княжества Киевского. СПб.
Третьяков П. Н., 1941. К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э.— МИА, № 5.
Третьяков П. Н., 1948. Сельское хозяйство и промыслы.— В кн.: История культуры Древней Руси. М.; Л., т. 1.
Третьяков П. Н., 1953. Восточнославянские племена. М.
Третьяков П. Н., 1966. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л.
Третьяков П. Н., 1970. У истоков древнерусской народности. Л.
Труды Новгородской археологической экспедиции, 1956, 1959, 1963, 1964, Т. I — МИА, № 55; т. II — МИА, № 65; т. III — МИА, т. 117; т. IV — МИА, № 123.

Уваров А. С., 1872. Меряне и их быт по курганным раскопкам. М.
Учение, 1904.— Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. 1647. СПб.
Фасмер Р. Р., 1933. Об издании новой топографии находок куфических монет в Восточной Европе.— Изв. АН СССР, Отд-ние общ. наук, № 6/7.
Федоров Г. Б., 1960. Население Пруто-Днестровского междуречья в I тыс. н. э.— МИА, № 89.
Федоров Г. Б., 1966. Посад Екимауцкого поселения.— В кн.: Культура Древней Руси. М.
Фехнер М. В., 1959. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни.— Тр. ГИМ, вып. 33.
Фехнер М. В., 1961. Некоторые сведения археологии по истории русско-восточных экономических связей середины XIII в.— В кн.: Международные связи России до XVII в. М.
Фехнер М. В., 1967. Некоторые данные археологии по торговле Руси со странами Северной Европы в X—XI вв.— В кн.: Новое о прошлом нашей Родины. М.
Фехнер М. В., 1971. Шелковые ткани как источник для изучения экономических связей Древней Руси.— В кн.: История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М.
Фехнер М. В., 1977. Изделия шелкоткацких мастерских Византии в Древней Руси.— СА, № 3.
Фехнер М. В., 1982. Шелковые ткани в средневековой Восточной Европе.— СА, № 2.
Филиппов Н. А., 1913. Кустарная промышленность России. СПб.
Фундуклей И., 1848. Обозрение могил, валов и городищ Киевской губернии. Киев.
Хавлюк П. И., 1969. Древньоруські городища на Південному Бузі.— В кн.: Слов'яноруські старожитності. Київ.
Хвойко В. В., 1913. Древние обитатели среднего Поднепровья и их культура с доисторических времен. Киев.
Ходаковский З. Д., 1819. Разыскания касательно русской истории.— Вестн. Европы, октябрь, № 20.
Ходаковский З. Д., 1838. Путевые записки Ходаковского.— ЖМНП, ч. 20, № 12.
Холостенко Н. В., 1956. Архитектурно-археологические исследования Пятницкой церкви в г. Чернигове.— СА, XXXVI.
Холостенко Н. В., 1961. Архитектурно-археологическое исследование Успенского собора Елецкого монастыря в Чернигове.— В кн.: Памятники культуры. М., 3.
Холостенко Н. В., 1967. Исследования Борисоглебского собора в Чернигове.— СА, № 2.
Холостенко М. В., 1976. Нові дослідження Иоанно-Предтеченської церкви та реконструкція Успенського собору Киево-Печерської лаври.— В кн.: Археологічні дослідження стародавнього Киева. Київ.
Хомутова Л. С., 1973. Техника кузнечного ремесла в древнерусском городе Серенске.— СА, № 2.
Хорошкевич А. Л., 1963. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV вв. М.
Хорошкевич А. Л., 1966. Основные итоги изучения городов XI — первой половины XVII в.— В кн.: Города феодальной России. М.
Цалкин В. И., 1956а. Материалы для истории животноводства в Древней Руси.— МИА, № 53.
Цалкин В. И., 1956б. Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси.— МИА, № 51.
Цалкин В. И., 1962. Животноводство и охота в лесной полосе Восточной Европы в раннем железном веке.— МИА, № 107.
Цалкин В. И., 1970. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М.
Чангова И., 1962. Средневековни оръдия на труда в България.— ИАИ.
Черепнин А. И., 1903. Кулаковский могильник и городище Старая Рязань.— Тр. Рязанской учен. архивной комис., т. XVIII.
Черепнин Л. В., 1960. Образование русского централизованного государства в XI—XV вв. М.
Черепнин Л. В., 1972. К вопросу о характере и форме древнерусского государства X — начала XIII в.— Ист. зап., т. 89.
Чернецов А. В., 1972а. К вопросу о происхождении восточноевропейского плуга и русской сохи.— Вестн. МГУ, История, № 2.
Чернецов А. В., 1972б. О периодизации ранней истории восточнославянских пахотных орудий.— СА, № 2.
Чернецов А. В., 1975. К изучению генезиса восточнославянских пахотных орудий.— СЭ, № 3.
Чернецов А. В., 1977. Сцена пахоты на миниатюре Радзивилловской летописи.— КСИА, № 150.
Черных Н. Б., 1958. Новгородские ткани из Неревского раскопа.— Вестн. МГУ, ист.-филологич. сер., № 4.
Шарко А., 1901. Малороссийское жилище.— В кн.: Этнографическое обозрение. М., кн. 47.
Шейнина Е. Г., 1980. Реставрация древнерусских фресок из археологических раскопок.— В кн.: Древнерусское искусство. Монументальная живопись XI—XVII вв. М.
Шлем, 1899 — Шлем великого князя Ярослава Всеволодовича.— ЗРАО, т. XI, вып. 1—2.
Шмидт Е. А., 1976. Археологические памятники Смоленской области. Смоленск.
Шрамко Б. А., 1962. Древности Северского Донца. Харьков.
Шрамко Б. А., 1964. Древний деревянный плуг из Сергеевского торфяника.— СА, № 4.
Штендер Г. М., 1961. Восстановление Нередицы.— В кн.: Новгородский исторический сборник, вып. 10.
Штендер Г. М., 1964. Архитектура домонгольского периода.— В кн.: Новгород. К 1100-летию города. М.
Штендер Г. М., 1974. К вопросу о декоративных особенностях строительной техники Новгородской Софии.— В кн.: Культура средневековой Руси. Л.
Штендер Г. М., 1977. Первичный замысел и последующие изменения галерей и лестничной башни Новгородской Софии.— В кн.: Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуции. М.
Штукенберг А., 1896. Земледельческие орудия древних болгар.— Учен. зап. Казанского ун-та, VI—VII, 12.
Штыхов Г. В., 1971. Археологическая карта Белоруссии. Памятники железного века и эпохи феодализма. Минск.
Штыхов Г. В., 1975. Города Белоруссии по летописям и раскопкам (IX—XIII вв.). Минск.
Штыхов Г. В., 1976. Древний Полоцк (IX—XII вв.). Минск.
Штыхов Г. В., 1978. Города Полоцкой земли (IX—XIII вв.). Минск.
Штыхов Г. В., Лысенко П. Ф., 1966. Древнейшие города Белоруссии. Минск.
Щапов Я. Н., 1972а. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI—XIV вв. М.
Щапов Я. Н., 1972б. Большая и малая семья на Руси VIII—XIII вв.— В кн.: Становление раннефеодальных славянских государств. Киев.
Щапов Я. Н., 1976. Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М.
Щапова Ю. Л., 1972. Стекло Киевской Руси. М.
Юра Р. А., 1962. Древнiї Колодяжин.— АП, т. XII.
Юшко А. А., 1966. Кирпичеобжигательная печь XII в. в Смоленске.— В кн.: Культура Древней Руси. М.
Янин В. Л., 1956. Денежно-весовые системы русского средневековья. М.
Янин В. Л., 1962. Новгородские посадники. М.
Янин В. Л., 1966. Находка польского свинца в Новгороде.— СА, № 1.
Янин В. Л., 1970а. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. М., т. I, II.
Янин В. Л., 1970б. Берестяные грамоты и проблема происхождения новгородской денежной системы XV в.— В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., вып. 3.
Янин В. Л., 1972. Еще раз об атрибуции шлема Ярослава Всеволодовича.— В кн.: Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. М.
Янин В. Л., 1975. Я послал тебе бересту... 2-е изд. М.
Янин В. Л., 1977. Очерки комплексного источниковедения. М.
Янин В. Л., 1978. Тихвинский раскоп.— В кн.: Археологическое изучение Новгорода. М.
Янин В. Л., 1979. К истории формирования новгородской денежной системы XV в.— В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., вып. 11.
Янин В. Л., 1981. Новгородская феодальная вотчина. М.
Янин В. Л., 1982. Археологический комментарий к Русской Правде.— В кн.: Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.
Янин В. Л., Алешковский М. Х., 1971. Происхождение Новгорода.— История СССР, № 2.

Янин В. Л., Колчин Б. А., 1978. Итоги и перспективы новгородской археологии.— В кн.: Археологическое изучение Новгорода. М.

Янушевич З. В., 1976. Культурные растения Юго-Запада СССР по палеоботаническим исследованиям. Кишинев.

Brandt P., 1977. Schaffende Arbeit und bildende Kunst. Leipzig.

Goodman W. L., 1964. A History of Woodworking Tools. London.

Greber J. M., 1956. Die Geschichte des Hobels. Zürich.

Hald M., 1950. Olddanske textiler. København.

Jażdżewski K., 1954. Stosunki polsko-ruskie we wczesnym średniowieczu w świetle archeologii.— In: Pamiętnik slowiański, Wroc aw — Poznań, t. 4, z. 2.

Kirpičnikov A. N., 1976. Russische Körper — Schützwaffen des 9—16 Jahrhunderts.— In: Waffen-und Koštümkunde. München, Bd. 18, Heft 1.

Koskimies M., 1973. Jlöjärven Mikkolan akantuskoristeinen miekka.— Suomen muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja, Helsinki, 75.

László K., 1972. A magyar nemzeti múzeum fegyvertáranak XI—XIV.— Folia archaeologica, Budapest, XXII.

Moora H., 1968. Zur alteren Geschichte des Bodenbaues bei den Esten und ihren Nachbarvolkern.— In: Congressus secundus Fenno-Ugristarum, II. Acta Ethnologica. Helsinki.

Nadolski A., 1974. Polska broń bia'a. Wroclaw; Warszawa.

Nadolski A., 1978. Broń średniowieczna z ziem polskich.— In: Broń średniowieczna z ziem polskich. Łódź.

Neamțu V., 1966. Contributii la problema uneltelor de arat in perioada feudala.— Archeologia Moldovei. Bucuresti, IV.

Patterson R., 1956. Spinning and Weaving. History of Technology. Oxford, v. 2.

Petrie F., 1917. Tools and Weapons. London.

Podwińska Z., 1962. Technika uprawy roli w Polsce średniowiecznej. Wroclaw.

Šach Fr., 1961. Radlo a pluh na území Československa.— Vedecké práce ustredi zemedelského muzea. Praha, 5.

Spinei V. Antichitàtili nomazilor turanici din Moldov în primul sfert al mileniului al II-lea.— Studii şi cercetări de istorie veche şi archeologie. Bucuresti, t. 25, 3.

Theobald W., 1933. Technik des Kunsthandwerks in zehnten Jahrhundert. Berlin.

Żygulski Z., 1975. Broń w dawnej Polsce. Warszawa.

Список сокращений

АО — Археологические открытия. М.
АП — Археологічні пам'ятки УРСР. Київ.
АС — Археологический съезд
ВИ — Вопросы истории
ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949
ГИМ — Государственный исторический музей
ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПб.
ЗРАО — Записки Русского археологического общества. СПб.
ИАИ — Известия на Археологическия институт. София
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИЖ — Исторический журнал
КСИА АН СССР — Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии АН УССР. Киев
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М., Л.
МГУ — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ПВЛ — Повесть временных лет
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
Працы — Працы сэкцыі археолёгіі Беларускай АН
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РУАК — Рязанская ученая архивная комиссия
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СЭ — Советская этнография

Указатель географических названий*

---

* Принятые сокращения: б-н — бассейн, губ.— губерния, обл.— область, оз.— озеро, р.— река, р-н — район, уроч.— урочище.

Оглавление

АРХЕОЛОГИЯ СССР

Древняя Русь. Город. Замок. Село

*

Утверждено к печати
ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии
Академии наук СССР

Редактор
Г. В. Моисеенко

Художник
Б. А. Астафьев

Художественный редактор
Н. Н. Власик

Технический редактор
Л. В. Каскова

Корректоры
Н. Г. Васильева, Г. Н. Лащ

ИБ № 29398

Сдано в набор 17.01.85
Подписано к печати 23.05.85
Т-04264. Формат 60×90 1/8
Бумага люксоарт
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 54. Уч.-изд. л. 65,4
Усл. кр. отт. 59. Тираж 24500 экз.
Тип. зак. 1206

Цена 7 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485
Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6